Годъ IX-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮЛЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Годъ IX-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

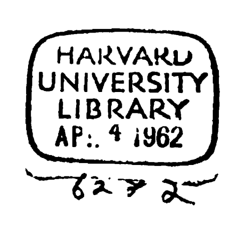
ІЮЛЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1900.



Дозволене цензурою 28-го іюня 1900 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЖОРЖЪ ЗАНДЪ И ЕЯ ВРЕМЯ.

I.

Есть великіе люди въ исторіи духовной жизни человѣчества, которые созидали свое величіе въ таинственной тиши своего внутренняго психилогическаго роста. Ихъ заслуги передъ потомствомъ не ограничиваются объективными созданіями ихъ творческой мысли или фантазіи, ихъ философскіе трактаты, ихъ поэмы, картины или симфоніи дороги намъ, главнымъ образомъ, постольку, поскольку они служатъ выраженіемъ великаго духа ихъ авторовъ. Это обыкновенно замкнутыя натуры, великіе молчальники, не признаваемые при жизни геніи, которые, какъ личности не вызываютъ особеннаго интереса среди современниковъ. Тихо совершая свой путь, они кажутся своимъ сосѣдямъ такими же простыми смертными, какъ любой обыватель того же квартала, и не даютъ повода ни для поклоненія, ни для зависти, ни для сильной вражды.

Есть другая категорія одаренныхъ личностей, дѣятельная натура которыхъ жаждетъ вылиться въ словахъ, въ образахъ, въ поступкахъ, не давъ созрѣть своему замыслу, не накопивъ внутренней энергіи. Когда жизнь бѣжитъ мимо нихъ могучимъ потокомъ радостей и страданій, имъ кажется невозможнымъ вынашивать въ своемъ умѣ впечатлѣнія, искать таинственные законы этого хаотическаго движенія, ихъ инстинктивно толкаетъ въ самый водоворотъ событій, они по первому импульсу рѣшаютъ, кто правъ, кто виноватъ, страстно бросаются на помощь тѣмъ, кто имъ кажется несправедливо страдающимъ, безъ оглядки хватаются за то, что имъ съ перваго взгляда обѣщаетъ счастье, затѣмъ переживаютъ ужасные моменты тоски и отчаянія, когда рушится миражъ ихъ вѣрованій, но потомъ снова и снова оживаютъ для новой борьбы за себя и за другихъ. Такіе люди наполняютъ мемуары современниковъ страстными порицаніями и страстными похвалами. Ихъ ненавидятъ враги, но и союзники, которые только что боготворили ихъ, при первой перемѣнѣ ихъ настроенія, при первомъ ударѣ судьбы горько упрекаютъ ихъ въ непостоянствѣ, въ безсиліи, въ непроницательности, въ томъ, что они не такъ совершенны, какъ это представлялось ихъ друзьямъ.

Именно такой яркій слѣдъ оставила за собою Жоржъ Зандъ. Какъ

она сама почти до самой старости не умѣла найти иного отношенія къ людямъ и событіямъ, кромѣ дѣятельной любви или страстнаго протеста, такъ почти всѣ современники, съ которыми она приходила въ столкновеніе, дѣлились по отношенію къ ней на яростныхъ враговъ или пылкихъ друзей, которые очень часто мѣняли свои чувства къ ней на противоположныя. Едва ли можно указать другую писательскую біографію, которая бы такъ изобиловала всевозможными событіями личнаго характера или входила бы столькими сторонами въ исторію общественной жизни своей страны. Жоржъ Зандъ весь свой вѣкъ отдала тремъ призваніямъ: любви, идейной борьбѣ и сочинительству. Неслыханное число пережитыхъ ею романовъ почти уравновѣшиваетъ количественное богатство ея литературной дѣятельности. Что касается ея общественныхъ заслугъ, то можно сказать, что въ періодъ іюльской монархіи,—время самой напряженной борьбы общественныхъ силъ,—не было той прогрессивной идеи, которой бы она не отдавалась съ искреннимъ энтузіазмомъ. Вотъ почему мы встрѣчаемъ ея имя въ литературной хроникѣ, въ интимныхъ и политическихъ мемуарахъ, въ письмахъ враговъ и друзей, въ біографіяхъ тѣхъ знаменитыхъ людей, которые пользовались ея расположеніемъ, находимъ ея изображенія въ романахъ, восторженные или горькіе намеки на нее въ лирическихъ стихахъ, посвященія ей въ музыкальной литературѣ, портреты ея въ мастерскихъ извѣстныхъ художниковъ и въ альбомахъ дилеттантовъ.

Но болѣе всего біографическаго матеріала находится, конечно, въ ея собственныхъ произведеніяхъ. Въ своей страсти къ перу она пользовалась каждымъ едва пережитымъ событіемъ своей душевной жизни, чтобы сдѣлать изъ него романъ или, по крайней мѣрѣ, эпизодъ въ романѣ. Многія ея произведенія представляютъ своеобразный типъ автобіографическихъ записокъ, замаскированныхъ вымышленными именами и другими прозрачными пріуроченіями. Нѣсколько разъ она бралась и за дѣйствительные мемуары, изъ которыхъ 13-ти-томная «Исторія моей жизни» обыкновенно служитъ главнымъ источникомъ для біографовъ знаменитой писательницы. Но давно уже выяснена недостовѣрность этого многоцитированнаго сочиненія. Жоржъ Зандъ писала свою Исторію когда ей было уже за 40 лѣтъ (1847—1855), и нельзя допустить, чтобы память ей сохранила до этого возраста нетолько всѣ мельчайшія подробности событій, которыя она описываетъ, но даже длинные діалоги дѣйствующихъ лицъ. Впрочемъ она сама не беретъ на себя отвѣтственность ни за послѣдовательность, ни за точность фактической стороны разсказа. Задача ея заключается въ томъ, чтобы написать психологическій этюдъ, представить читателю не столько факты своей жизни, сколько освѣтить причины, обусловившія данныя черты, поступки, идеи и настроенія. При этомъ она увѣрена, что если ей память можетъ измѣнить относительно фактовъ, то она способна во всей правдѣ возстановить одушевлявшія ее въ томъ или другомъ случаѣ

чувства. Едва ли однако подлежитъ сомнѣнію, что именно въ этомъ отношеніи память всего болѣе обманчива и что, если даже объективное содержаніе какого-нибудь происшествія вполнѣ ясно сохраняется въ воспоминаніи, то психологическое къ нему отношеніе измѣняется въ зависимости отъ момента припоминанія. Жоржъ Зандъ опредѣленно утверждаетъ, что она не желала сдѣлать изъ своего жизнеописанія произведенія искусства, такъ какъ въ такомъ случаѣ беллетристическая форма разрушила бы фактическую истину (la forme emporterait le fond). Но именно это съ ней и случилось. Всю жизнь привыкнувъ смотрѣть на происходящія вокругъ явленія съ точки зрѣнія матеріала для романа, подъискивая, согласно своего плана, психологическое объясненіе каждой подробности своей жизни, она иногда впадаетъ совершенно въ беллетристическій тонъ, и дѣйствительные факты являются въ ея разсказѣ въ такомъ округленномъ видѣ, такъ подчинены руководящей цѣли, какъ это на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ, а случается лишь въ хорошо стилизированныхъ романахъ въ реально-романтическомъ вкусѣ того времени. Жоржъ Зандъ заранѣе отказывается отъ послѣдовательности и пропорціональности въ изложеніи деталей, думая, что она именно этимъ сохраняетъ безъискусственный характеръ своихъ записокъ, но выходитъ какъ разъ наоборотъ: какъ во всякомъ произведеніи беллетристической литературы, выборъ изображаемыхъ фактовъ и степень вниманія, удѣляемая каждому изъ нихъ, опредѣляется здѣсь не дѣйствительною серьезностью ихъ въ реальной жизни, а соотвѣтствіемъ задуманной авторомъ картинѣ. Такимъ образомъ совершенно незначительныя въ біографическомъ отношеніи черты часто излагаются пространно и отдѣланы всѣми бывшими тогда въ ходу украшающими пріемами, нѣкоторые факты особенно подчеркиваются, другіе, иногда гораздо болѣе крупные, упоминаются лишь вскользь, а иные и вовсе умалчиваются, такъ какъ они не соотвѣтствуютъ намѣченному плану. Иначе, впрочемъ, и не можетъ быть въ запискахъ, имѣющихъ характеръ не дневника, всегда сохраняющаго массу безпристрастной правды, а воспоминаній о давно пережитыхъ впечатлѣніяхъ. Кромѣ того, «Исторія моей жизни» заключаетъ не мало и прямыхъ фактическихъ ошибокъ, обнаруживающихся изъ сравненія съ корреспонденціей и съ другими надежными источниками. Ошибки эти иногда объясняются естественною неточностью памяти, но иногда, какъ увѣряютъ по крайней мѣрѣ противники, и сознательнымъ искаженіемъ истины. Какъ бы то ни было, «Исторіей моей жизни» можно пользоваться въ качествѣ біографическаго источника лишь съ большою осторожностью, за исключеніемъ дѣтства и отрочества писательницы, относительно которыхъ другихъ свѣдѣній почти неоткуда взять. Остальныя автобіографическія сочиненія Жоржъ Зандъ еще въ большей степени внушаютъ недовѣріе своею романической закругленностью и черезчуръ гладкою литературною отдѣлкою.

Не лучшаго качества матеріалъ представляетъ и большинство свидѣтельствъ современниковъ о Ж. Зандъ. Кромѣ многочисленныхъ правда, но всегда отрывочныхъ данныхъ въ письмахъ и дневникахъ лицъ, стоявшихъ вдали отъ нея и потому безпристрастныхъ, остальные источники, какъ уже замѣчено выше, носятъ почти всегда явно апологетическій или полемическій характеръ. Это особенно имѣетъ мѣсто относительно такихъ важныхъ эпизодовъ личной жизни Ж. Зандъ, какъ ея отношенія къ Альфреду де-Мюссе и Шопену, гдѣ страстные приверженцы этихъ великихъ артистовъ не жалѣютъ средствъ, чтобы извратить истинные факты и очернить противную сторону. Если даже такой, сравнительно, объективный историкъ, какъ Фредерикъ Никсъ, лучшій біографъ Шопена, не можетъ избѣжать обычнаго недостатка біографовъ—идеализаціи своего героя и враждебнаго отношенія ко всѣмъ, кто когда-нибудь приходилъ съ нимъ въ столкновеніе, то Поль де-Мюссе, біографъ своего знаменитаго брата, въ яростной ненависти къ Жоржъ Зандъ доходитъ до созданія цѣлыхъ легендъ и до фальсификаціи документовъ, какъ нынѣ доказано съ полною убѣдительностью. Къ этому нужно прибавить, что самый надежный матеріалъ, обширная переписка Ж. Зандъ, частью вовсе не опубликована, частью сознательно или безсознательно искажена невѣрными датами, пропусками, а иногда просто передѣлками. Еще недавно, напр., появилась часть ея переписки съ Мишелемъ де-Буржъ съ фантастическими собственными именами *).

Въ результатѣ оказывается, что, при неисчерпаемой массѣ біографическаго матеріала жизнь знаменитой писательницы, столь близкая отъ насъ по времени и протекавшая на глазахъ у безчисленныхъ свидѣтелей, въ центрѣ литературной и общественной среды Парижа, до сихъ поръ представляетъ не мало темныхъ мѣстъ, полное разъясненіе которыхъ абсолютно невозможно для тѣхъ біографовъ, которымъ недоступны подлинные документы. Поэтому-то большая часть писавшихъ до сихъ поръ о Ж. Зандъ, въ зависимости отъ печатныхъ матеріаловъ, также какъ свидѣтели-современники, раздѣляется на два лагеря сторонниковъ и противниковъ ея, смотря по тому, какая группа свидѣтельствъ внушаетъ имъ болѣе довѣрія.

Въ послѣднее время, впрочемъ, появилось нѣсколько изслѣдованій о французской романисткѣ, на которыя можно вполнѣ положиться. Прежде всего слѣдуетъ назвать бельгійца Лованжуля (Vicomte de Spoelberch de Lovenjoul **), неутомимаго коллекціонера автографовъ, касающихся французской литературы, которому удалось собрать цѣннѣйшіе матеріалы именно о Жоржъ Зандъ. Къ сожалѣнію, имъ до сихъ поръ опубликована и использована только часть ихъ, главнымъ образомъ, касающаяся отношеній ея къ Мюссе, въ прекрасной работѣ «La Veri-

*) «Revue Illustrée», 1890—1891.

**) Объ этой интересной личности см. Adolphe Brisson, «Portraits intimes» (3-e série). Paris, 1897.

table histoire de «Elle et Lui» (Paris, 1897), и всѣ интересующіеся дѣятельностью Ж. Зандъ съ нетерпѣніемъ ждутъ давно обѣщаннаго болѣе обширнаго труда того же автора «Histoire des oeuvres de George Sand. Затѣмъ, не далѣе, какъ въ прошломъ году, почти одновременно на русскомъ и на французскомъ языкахъ появилась первая часть обширнаго изслѣдованія нашей соотечественницы *), основаннаго на внимательномъ и долголѣтнемъ изученіи какъ рукописнаго матеріала (главнымъ образомъ, того же Лованжуля), такъ и громадной литературы о Ж. Зандъ. Въ трудѣ этомъ съ необыкновенною щепетильностью устанавливаются даже самые мелкіе біографическіе факты, разбираются и исправляются всѣ вольныя и невольныя погрѣшности прежнихъ біографовъ, провѣряются текстъ и даты искаженныхъ писемъ, отмѣчаются автобіографическіе элементы въ произведеніяхъ Ж. Зандъ, словомъ, произведена такая работа, которая подъ силу только человѣку, спеціализировавшемуся въ теченіе многихъ лѣтъ на данномъ предметѣ. Если со многими сужденіями г. Влад. Каренина нельзя согласиться, особенно въ оцѣнкѣ литературной дѣятельности французской писательницы, которая представляется автору слишкомъ геніальной, то въ изложеніи спорныхъ пунктовъ біографіи Ж. Зандъ намъ придется почти всюду слѣдовать его указаніямъ, полагаясь на его знакомство съ недоступными намъ данными. Къ сожалѣнію, этотъ капитальный трудъ доведенъ пока только до 1838 года, и для дальнѣйшаго времени мы принуждены будемъ обратиться къ другимъ пособіямъ.

Но задача наша заключается не въ жизнеописаніи Ж. Зандъ и даже въ подробной оцѣнкѣ ея произведеній. Насъ болѣе привлекаетъ попытка изобразить общественную атмосферу, среди которой развивался и проявлялся писательскій талантъ прославленной романистки. Поэтому мы, по возможности, кратко будемъ излагать факты ея личной жизни, останавливаясь только на тѣхъ, которые подготовляли и обнаруживали ея воспріимчивость къ идеямъ, носившимся въ воздухѣ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, а произведенія ея насъ будутъ интересовать главнымъ образомъ, какъ выраженіе литературныхъ вкусовъ и общественныхъ стремленій того времени. Съ этой точки зрѣнія мы съ полнымъ спокойствіемъ можемъ отнестись къ вопросамъ, кто виноватъ въ разрывѣ Ж. Зандъ съ Мюссе или Шопеномъ, справедлива ли та или иная сплетня объ интимномъ поведеніи писательницы, можемъ также не утруждать читателя перечнемъ и разборомъ безчисленныхъ ея произведеній, ища въ нихъ во что бы то ни стало необыкновенныхъ «красотъ», какъ это обыкновенно дѣлается. Мы будемъ рады, если намъ удастся съ

*) Владиміръ Каренинъ, «Жоржъ Зандъ, ея жизнь и произведенія» (1804—1838). Спб. 1899. Мы бы, конечно, не стали касаться завѣсы псевдонима, если бы не прямыя указанія во французской печати на то, что этотъ почтенный трудъ принадлежитъ писательницѣ. См., напр., René Doumic, «George Sand avant 1840» «Rev d. deux Mondes» 1899, 15 juillet).

достаточною ясностью представить основанную на фактахъ характеристику Ж. Зандъ, какъ одной изъ своеобразнѣйшихъ личностей своего времени, на фонѣ могучихъ политическихъ и соціальныхъ теченій, которыя играли столь видную роль въ образованіи современной намъ Франціи.

Біографіи Ж. Зандъ неизмѣнно начинаются ея генеалогіей, которая дѣйствительно представляетъ нѣчто не совсѣмъ обыкновенное. Незаконная дочь знаменитаго авантюриста Морица Саксонскаго, также незаконнаго сына Августа II, короля польскаго и курфюрста саксонскаго, славившагося числомъ своихъ любовныхъ похожденій, была бабушкой будущей Ж. Зандъ, настоящее имя которой было Амантина-Люсиль-Аврора Дюпенъ. Это происхожденіе роднило будущую сподвижницу Ледрю Роллена и Луи Блана съ династіей Бурбоновъ. Здравомыслящая бабушка Авроры (это имя Ж. Зандъ носила въ семьѣ) по поводу восшествія на престолъ Людовика XVIII докторальнымъ тономъ поучала внучку: «Итакъ, дочь моя, вотъ наши двоюродные братья на тронѣ, но хвалиться этимъ намъ не приходится». Бабушка эта представляла, дѣйствительно, замѣчательный типъ конца XVIII столѣтія. Свѣтская женщина, но, въ противоположность своимъ предкамъ и потомкамъ, съ уравновѣшеннымъ, холоднымъ темпераментомъ, она усвоила себѣ господствовавшіе тогда и въ салонномъ обществѣ принципы скептической философіи. Она была ésprit fort въ вопросахъ религіи, морали и политики, но въ привычкахъ жизни, въ непосредственномъ чувствѣ она сохраняла всѣ особенности и предразсудки своего класса. Оставшись послѣ смерти мужа обладательницей хорошаго состоянія, она въ періодъ террора раздѣлила участь тысячи другихъ, такъ-называемыхъ ci-devant, предполагаемыхъ «враговъ народа», за исключеніемъ, впрочемъ, трагическаго конца. Просидѣвъ полгода въ тюрьмѣ, она успѣла дожить до смерти Робеспьера и была возвращена своему сыну, единственному предмету страсти, который она въ жизни имѣла, за исключеніемъ развѣ позднѣйшей любви къ внучкѣ.

Молодой Дюпенъ былъ такъ же типиченъ для своего времени, какъ его мать для своего. Получивъ довольно скудное домашнее образованіе отъ своего гувернера, бывшаго аббата Дешартра, ставшаго впослѣдствіи учителемъ и Ж. Зандъ, онъ въ 20 лѣтъ вступилъ солдатомъ въ армію. Законъ объ обязательной службѣ, въ виду войны съ союзными войсками, вполнѣ соотвѣтствовалъ его страстному желанію украсить главу военными лаврами. Съ тѣхъ поръ до самой своей ранней смерти (совершенно случайной, отъ паденія съ лошади) онъ велъ бродячую походную жизнь, съ небольшими передышками, въ Парижѣ или въ имѣніи матери. Вся обычная эпопея наполеоновскаго офицера, съ военнымъ энтузіазмомъ и честолюбіемъ, съ поклоненіемъ «великому полководцу», съ легкомысленными развлеченіями бивуачной жизни въ

промежуткахъ между походами, не исключая плѣна и раны, проходятъ передъ нами на разстояніи десяти лѣтъ. Однимъ изъ эпизодовъ этой тревожной и веселой жизни была связь съ особой, которая, по понятіямъ старой г-жи Дюпенъ, могла годиться въ любовницы молодому офицеру, но была невозможна, какъ жена ея сына. Однако, несмотря на рѣзкое противодѣйствіе матери, 16 преріаля XII года (іюнь 1804 года), въ одной изъ парижскихъ мэрій былъ подписанъ гражданскій контрактъ бракосочетанія между Морисомъ Дюпеномъ и Софіей Делабордъ. Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ родилась будущая Ж. Зандъ. Молодая мать, у которой, впрочемъ, была и старшая дочь неизвѣстнаго происхожденія, была настоящее дитя парижской улицы. Дочь продавца птицъ, который ранѣе былъ маркеромъ, она рано осиротѣла, воспитывалась у какой-то mère Cloquart и пережила очень темную и бурную молодость, пока, наконецъ, ея будущій мужъ не нашелъ ее въ Миланѣ «въ блестящемъ матеріальномъ положеніи», благодаря какому-то генералу.

Между матерью и сыномъ произошелъ изъ-за женитьбы болѣзненный для обѣихъ сторонъ разрывъ. И хотя впослѣдствіи свекровь, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ примирилась съ нежеланной невѣсткой, а послѣ смерти молодого Дюпена обѣ женщины какъ будто сблизились даже на почвѣ общаго горя и любви къ маленькой Аврорѣ, но натуры ихъ были слишкомъ противоположны, чтобы это сближеніе могло быть прочнымъ. Эти вѣчные диссонансы между корректной, повелительной, нѣсколько сухой въ обращеніи бабушкой и невоспитанной, необузданной, взбалмошной, но добродушной и наивной матерью отравили все дѣтство впечатлительной дѣвочки и рано заставили ее задуматься надъ сложными вопросами суровой жизни. Но прежде чѣмъ перейти къ этой тяжелой сторонѣ первыхъ лѣтъ жизни Ж. Зандъ, необходимо отмѣтить, что въ тѣ же годы подъ вліяніемъ отголосковъ міровыхъ событій, разсказовъ объ отцѣ, а быть можетъ, и еще болѣе раннихъ впечатлѣній, когда во время военной жизни родителей, маленькой дѣвочкѣ внушали безграничное благоговѣніе передъ личностью Наполеона, въ ней зародились тѣ цезаріанскія симпатіи, которыя раздѣляли съ ней столько другихъ знаменитыхъ европейскихъ писателей, пораженныхъ въ дѣтствѣ громоносной славой «великаго имени». «Мнѣ было восемь лѣтъ,—говоритъ Жоржъ Зандъ,—когда я въ первый разъ услышала дебаты о страшной догадкѣ, что ожидаетъ Францію въ будущемъ (по поводу разгрома французской арміи въ Россіи). До тѣхъ поръ, я смотрѣла на свою націю, какъ на непобѣдимую, и на императорскій тронъ, какъ на престолъ Божій. Въ ту эпоху съ молокомъ матери всасывали гордость побѣдами». Любопытно отмѣтить, что поклонникомъ Наполеона былъ не столько отецъ Ж. Зандъ, какъ это можно было бы ожидать, сколько мать, которая и въ этомъ отношеніи была настоящее дитя народа, какъ ихъ изображаетъ Беранже въ «Souvenirs du peuple».

Хотя впослѣдствіи эти дѣтскія впечатлѣнія не играли роли въ республиканскихъ убѣжденіяхъ Ж. Зандъ, но, какъ привычное чувство, наполеоновскія симпатіи въ ней не заглохли и сказались даже очень поздно, въ эпоху появленія на исторической сценѣ Людовика Наполеона, о чемъ намъ придется упоминать въ свое время.

Итакъ, послѣ смерти отца четырехлѣтняя Аврора осталась между бабушкой и матерью въ Ноганѣ, беррійскомъ помѣстьи Дюпеновъ. Обѣ женщины безъ ума любили дѣвочку, и на этой почвѣ происходила наиболѣе ожесточенная, то глухая и молчаливая, то рѣзкая открытая борьба. Естественнымъ ходомъ вещей воспитаніе ребенка оказалось въ рукахъ умной и систематической бабушки. Мать умѣла только ласкать, баловать, разсказывать исторіи, а иногда раздражаться, грубо бранить и даже расправляться колотушками. Ж. Зандъ говоритъ, что все это она прощала матери, но никогда не простила бы бабушкѣ, если бы та позволила себѣ что-либо подобное, хотя и бабушку она глубоко любила. Но чувствуя вражду между обѣими близкими ей женщинами, она относилась къ матери съ какою-то жалостью, считая ее обиженною и угнетаемою стороною. Весь домъ замѣчалъ натянутыя отношенія свекрови и невѣстки, и всѣ домочадцы, старый другъ семьи Дюпеновъ, падагогъ Дешартръ, камеристки и знакомые принимали участіе въ этой распрѣ. Каждый принадлежалъ къ той или другой «партіи». Въ присутствіи дѣвочки прислуга, препираясь между собою, высказывала такія вещи, которыя, какъ замѣчаетъ Ж. Зандъ, она предпочла бы никогда не слышать. Впрочемъ, и оба главныхъ персонажа, не только экспансивная мать, но даже сдержанная бабушка не могли удержаться отъ злословія одна противъ другой. Въ моменты мира и благоволенія, онѣ признавали другъ за другомъ всевозможныя качества и заслуги. Но въ пылу раздраженія бабушка называла свою противницу «демономъ, сумасшедшей; она никогда не любила мужа. Она его подавляла и дѣлала несчастнымъ. Она о немъ не жалѣетъ». Съ другой стороны, когда матери надоѣдала царившая въ домѣ натянутость, и особенно когда она чувствовала на себѣ всю тяжесть презрительнаго высокомѣрія старинныхъ бабушкиныхъ знакомыхъ, которыхъ она называла не иначе, какъ презрительнымъ именемъ «старыхъ графинь», она еще менѣе стѣснялась въ выраженіяхъ: она упрекала свекровь за то, что она чопорна, лицемѣрна, суха, безжалостна, зачерствѣла въ своихъ понятіяхъ стараго режима и т. д. А ужъ «старыхъ графинь» она тогда отдѣлывала такъ выразительно и при этомъ такъ ядовито, что бабушка не могла удержаться отъ смѣха. Постоянное сознаніе этого семейнаго раздора придавало драматическій оттѣнокъ любви маленькой Авроры къ обѣимъ женщинамъ. Она понимала, что мать во многомъ бываетъ неправа, что ей нужно многое прощать, что требованія бабушки раціональны, но она боялась ея строгаго вида, подъ которымъ скрывалась на самомъ дѣлѣ беззавѣт-

ная любовь, тогда какъ съ матерью она чувствовала себя почти на равной ногѣ. Въ пять лѣтъ маленькая Аврора уже совершенно сознавала непримиримость отношеній въ домѣ и серьезно страдала отъ этого сознанія. Когда же ей минуло семь лѣтъ, бабушка окончательно взяла перевѣсъ въ борьбѣ. У матери Ж. Зандъ, какъ мы упоминали, была еще старшая дочь, которая не имѣла генеалогическаго древа, восходящаго до маршала саксонскаго и короля польскаго. Съ нею бабушка никогда не могла примириться и ни подъ какимъ видомъ не соглашалась принять ее къ себѣ въ домъ. При этомъ забывались, конечно, крупные изъяны собственнаго генеалогическаго древа. Можно, впрочемъ, думать, что бабушка цѣнила не столько безукоризненность генеалогіи, сколько дѣйствительное, хотя бы не занесенное въ родословныя книги, происхожденіе отъ родовитыхъ родителей. Такъ, напр., она воспитывала у себя, какъ родного, вмѣстѣ съ маленькой Авророй, ея старшаго незаконнаго брата, прижитаго ея отцомъ задолго до женитьбы отъ служанки. Конечно, мать Авроры могла бы не считаться съ желаніемъ свекрови и поселиться гдѣ-нибудь съ обѣими своими дочерьми, но она признавала, что бабушка, съумѣетъ дать Аврорѣ лучшее образованіе и воспитаніе, чѣмъ она, а главное, матеріальныя соображенія всецѣло говорили въ пользу покорности волѣ бабушки: у молодой г-жи Дюпень не было ничего, и она могла существовать одна со старшею дочерью лишь при условіи крайней бережливости; да, кромѣ того, вопросъ шелъ о наслѣдствѣ послѣ бабушки, исчислявшемся въ 12.000 франковъ годового дохода (состояніе Дюпеновъ было весьма сильно подорвано революціей). Семилѣтняя дѣвочка слышала и эти всѣ соображенія. Она горячо просила мать «не отдавать ее бабушкѣ за деньги», но голосъ благоразумія оказался сильнѣе, и мать уѣхала изъ Ногана въ Парижъ къ своей старшей дочери, оставивъ Аврору окончательно и безапелляціонно въ вѣдѣніи своей свекрови. Отнынѣ мать и дочь видѣлись только, приходя другъ къ другу въ гости, когда бабушка пріѣзжала съ внучкой въ Парижъ или во время лѣтнихъ пріѣздовъ матери въ Ноганъ. Это однако не уничтожало поводовъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ, препирательствамъ и ссорамъ, а безсильныя не дѣтскія страданія Авроры еще обострились. Она теперь стала идеализировать «свою бѣдную маму», и жить съ нею въ ея бѣдной комнаткѣ казалось ей блаженствомъ сравнительно съ просторнымъ, изобильнымъ, но постылымъ домомъ бабушки. Эти слишкомъ раннія столкновенія съ условностью и деспотизмомъ общественныхъ понятій, съ высокомѣрными предразсудками тѣхъ, у кого въ рукахъ матеріальная сила, несомнѣнно должны были посѣять въ дѣтской душѣ сѣмена протеста, который со временемъ наполнитъ всю дѣятельность Жоржъ Зандъ. Пока этотъ протестъ могъ выражаться только въ мечтахъ и отчасти въ письмахъ къ матери.

Помимо этой тяжелой душевной драмы, дѣтская жизнь Авроры

протекала нормально. Въ обществѣ своего брата и своей ровесницы деревенской дѣвочки, которую приводили играть съ барышней, она предавалась безконечнымъ фантастическимъ играмъ, которыя по безчисленности неожиданныхъ эпизодовъ и по хитросплетеніямъ интриги давали предугадать будущаго автора «Мопра» и «Консюэло». Читать и писать она научилась безъ труда еще подъ руководствомъ матери. Настоящее же ученіе началось съ семи лѣтъ, если можно назвать настоящимъ ученіемъ уроки стараго чудака Дешартра, въ которыхъ соединялась обычная школьная схоластика съ какими-то обрывками раціоналистическихъ теорій XVIII вѣка. Бабушка преподавала ей музыку, а затѣмъ заставляла ее читать и письменно излагать коечто изъ исторіи и географіи. Характерно для бабушки, какъ друга Ж. Ж. Руссо и почитательницы Вольтера, что она не внушала внучкѣ никакихъ религіозныхъ понятій, но давала ей читать священную исторію, предоставляя дѣвочкѣ самой доходить до понятій той инстинктивной «естественной религіи», которыя, по ея мнѣнію, заложены были природой въ человѣческое сердце. Мать заставляла Аврору вмѣстѣ съ собою произносить молитвы и была очень религіозна, но тоже по своему: она сама много молилась, любила ходить въ церковь, но никогда не исповѣдывалась. «У меня своя религія,—говорила она;—изъ того, что предписывается, одно я признаю, а другое не признаю. Я терпѣть не могу священниковъ,—они ханжи, и я никогда не стану повѣрять имъ свои мысли, которыя бы они поняли совсѣмъ навыворотъ... Я очень боюсь смерти, но это потому, что я люблю жизнь, а не потому, чтобы я боялась предстать предъ Богомъ; я смотрю на Него съ довѣріемъ и увѣрена, что никогда сознательно Его не оскорбила...» Эта наивная, простонародная вѣра съ оттѣнкомъ экзальтированной поэзіи болѣе дѣйствовала на мечтательнаго ребенка, какимъ была Аврора, чѣмъ разсудочная и холодная «естественная религія» бабушки.

Что касается «наукъ», то уроки Дешартра не могли, конечно, быть особенно увлекательны. Зато письменныя упражненія по исторіи и географіи, которыя Аврора дѣлала съ бабушкой, давали ей желанный поводъ къ сочинительству. Отъ ученицы требовался преимущественно хорошій стиль; на вольное изложеніе фактовъ смотрѣлось сквозь пальцы. Ученица же находила, и довольно основательно, что учебники, которые должны были дать ей все, что «полагалось знать» и чего «непозволительно было не знать», были сухи и неимовѣрно скучны, что въ свѣтской исторіи слишкомъ мало философіи, а въ священной—энтузіазма. И вотъ въ своихъ письменныхъ изложеніяхъ она дополняла безъ зазрѣнія совѣсти тѣ элементы, недостатокъ которыхъ она чувствовала. Не измѣняя главныхъ событій, она объединяла излагаемыя событія общей идеей собственнаго изобрѣтенія, развивала характеръ какогонибудь незначительнаго персонажа, вводила патетическія мѣста и съ

особенною любовью пользовалась каждымъ случаемъ, каждымъ намекомъ, чтобы всунуть описаніе въ свой разсказъ: тутъ появлялось солнце или гроза, цвѣты, руины, памятники, хоры, звуки священной флейты и іонической лиры, блескъ оружія, ржаніе коней, словомъ, всѣ тѣ украшающіе аксессуары, которыхъ часто бываетъ слишкомъ много въ романахъ Ж. Зандъ. Бабушка нерѣдко смѣялась надъ наивно-напыщенными тирадами юной сочинительницы, но въ общемъ одобряла ея наклонность къ стилизированію. Оказало-ли это упражненіе литературнаго таланта услугу будущей романисткѣ, или полезнѣе было бы ввести въ извѣстныя границы страсть уснащать истину измышленною красотою,—объ этомъ, намъ кажется, могутъ существовать различныя мнѣнія.

Насколько маленькая Аврора уже обнаруживала черты будущей Жоржъ Зандъ, доказываютъ и ея вкусы въ чтеніи. Ее влекло все сложное, фантастическое, все, что выше силъ человѣческихъ, что вызываетъ работу воображенія, но не таинственное въ мистическомъ смыслѣ, какъ считала сама Ж. Зандъ, а за нею повторяютъ ея біографы, а лишь загадочное. Около одиннадцати лѣтъ отъ роду она прочла «Иліаду» и «Освобожденный Іерусалимъ». «Ахъ! какими короткими они мнѣ показались!—восклицаетъ она,—какъ мнѣ было досадно, когда я дошла до послѣдней страницы! Я чуть не заболѣла отъ горя, что эти поэмы такъ скоро кончились.» И это уже характерно: врядъ-ли многимъ придетъ въ голову жаловаться, что «Иліада» недостаточно полно исчерпываетъ предметъ, или что поэма Тассо недостаточно длинна. Но еще характернѣе предпочтеніе, которое Аврора оказывала романической итальянской поэмѣ передъ высокохудожественной простотой Гомера! «Я понимала,—говоритъ Ж. Зандъ,—что Гомеръ прекраснѣе, проще, болѣе великъ; но Тассо больше интересовалъ и интриговалъ меня. Онъ былъ болѣе романиченъ, ближе моему времени и моему полу. У него были положенія, изъ которыхъ я бы хотѣла, чтобы поэтъ никогда меня не выводилъ, напр., Эрминія у пастуховъ, или Клоринда, спасающая Олинду и Софронію отъ костра». При этомъ нельзя не вспомнить, съ какимъ трудомъ Ж. Зандъ разставалась съ этюдами своихъ собственныхъ романовъ, напр., въ «Леліи», какъ она, измучивъ свою героиню въ четырехъ томахъ «Консюэло», не въ силахъ была разстаться съ ней и продолжала ее мучить подъ именемъ *графини Рудольштатъ*.

Къ впечатлѣніямъ, выносимымъ изъ книгъ, къ эмоціямъ, переживаемымъ въ семьѣ, присоединялось еще въ качествѣ существеннаго элемента воспитанія близкое соприкосновеніе съ окружающей одушевленной и неодушевленной средой. Бабушка не препятствовала общенію Авроры съ крестьянскими дѣтьми ея возраста и ихъ совмѣстнымъ странствіямъ по окрестностямъ усадьбы. Въ продолженіе этихъ странствій дѣвочка воспитывала свой вкусъ къ пейзажу, а также наби-

рала запасъ свѣдѣній о бытѣ, психологіи и поэзіи крестьянства. Въ будущемъ это сослужило ей хорошую службу. Но и тогда уже близость съ крестьянами, товарищескія отношенія къ сверстникамъ изъ деревни благотворно воздѣйствовали на присущее ей съ раннихъ лѣтъ чувство гуманности и заставляли ея молодой умъ работать надъ проблемой соціальнаго неравенства. Доктринерскія нотаціи о пользѣ собственности Дешартра на которомъ вмѣстѣ съ обязанностями педагога лежали и болѣе отвѣтственныя заботы по управленію бабушкинымъ имѣніемъ, могли только поддерживать ея демократическое настроеніе, хотя бы изъ духа противорѣчія его педагагическому эгоизму, впрочемъ, въ чужихъ интересахъ, но мы вполнѣ согласны съ Влад. Каренинымъ, что двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, безъ всякаго идейнаго вліянія съ чьей бы то ни было стороны, не могла формулировать тѣхъ «коммунистическихъ» теорій, которыя Ж. Зандъ приписываетъ себѣ заднимъ числомъ. Это одна изъ тѣхъ чертъ беллетристической характеристики, отъ которыхъ знаменитая романистка никогда не могла удержаться въ литературной передачѣ дѣйствительныхъ событій. Впрочемъ, мы не думаемъ, вмѣстѣ съ г. Вл. Каренинымъ, что Ж. Зандъ сознательно «худо поступила», извративъ истину: скорѣе мы должны видѣть здѣсь долгими годами сочинительства пріобрѣтенную привычку въ воображеніи доводить до крайней степени интенсивности всякую замѣченнную подробность характера. Такъ поступала она въ дѣтствѣ, разсказывая про Эпаминонда или Юлія Цезаря, такъ поступала она, вмѣстѣ со всѣми современными ей писателями, въ своихъ романахъ, считая такую идеализацію лучшимъ рецептомъ художественнаго творчества, но совершенно также поступала она и въ дѣйствительной жизни, тутъ ужъ, конечно, непроизвольно: не въ этомъ ли причина столькихъ ошибокъ и впослѣдствіи горькихъ разочарованій въ людяхъ?

Не только уроки соціальной теоріи Дешартра встрѣчали отпоръ со стороны строптивой ученицы. Вся его школьная премудрость и педагогическія усилія пропадали даромъ. Вначалѣ Аврора, изъ угожденія бабушкѣ, старалась усваивать весь преподаваемый ей хламъ, но успѣхи, повидимому, были не блестящи. Математикой Дешартръ такъ опротивѣлъ ей, что до конца жизни она считала даже ариѳметику противной своей натурѣ, увѣряя, что у нея голова кружится, если ей предстоитъ произвести простое сложеніе. Въ прочихъ предметахъ, гдѣ главную роль играла память, дѣло шло глаже, пока менторскіе пріемы учителя не вызвали окончательнаго возмущенія подроставшей дѣвочки. Первые годы всѣ тѣлесныя воздѣйствія, которыя Дешартръ считалъ неизбѣжными педагогическими стимулами, приходились лишь на долю старшаго брата Авроры, повѣсы и озорника, а съ ней какъ съ дѣвочкой и притомъ старательной ученицей, обращались не такъ грубо. Но съ теченіемъ времени и ей приходилось терпѣть пинки, удары линейки и пр. Тогда Аврора просто-на-просто совсѣмъ прекратила занятія латинской

грамматикой и версификаціей и вообще такъ небрежно стала относиться къ своимъ обязанностямъ, что вызывала частые выговоры со стороны бабушки. Жизнь въ домѣ для Авроры стала казаться все менѣе привлекательной. Грубое обращеніе учителя, постоянное неудовольствіе и дурное настроеніе бабушки, за которою и камеристки считали себя вправѣ дѣлать Аврорѣ обидныя замѣчанія, все усиливало въ ней затаенную мечту трудовой жизни въ поэтической мансардѣ вмѣстѣ съ матерью. Желая разъ навсегда отбить у внучки эти неблагоразумныя фантазіи, бабушка однажды въ строгой и наставительной формѣ пояснила ей, «что такое ея мать». Разсказъ былъ длинный и фактически вѣрный, только въ оцѣнкѣ этихъ фактовъ бабушка проявила ту безжалостность и отсутствіе пониманія, которыя дали почувствовать дѣвочкѣ въ первый разъ во всей силѣ слѣпую несправедливость общественнаго мнѣнія. Бабушка не могла и не хотѣла допустить, что «въ жизни бѣдныхъ бываютъ увлеченія, несчастія и роковыя условія, которыхъ богатые никогда не понимаютъ и о которыхъ они судятъ, какъ слѣпые о цвѣтахъ». Былъ сдѣланъ намекъ, что и въ настоящемъ есть обстоятельства, о которыхъ умалчивается только изъ состраданія къ дочери. Заключеніе было жестокое и категорическое: «Твоя мать—потерянная женщина, а ты—слѣпое дитя, которое хочетъ броситься въ пропасть». Эффектъ былъ ошеломляющій, но слѣдствія этой строго обдуманной педагогической операціи оказались совсѣмъ иныя, чѣмъ ожидала бабушка. Послѣ періода подавленности, безотрадныхъ слезъ и апатіи ко всему на свѣтѣ, послѣдовалъ періодъ «отчаянности». Терять больше, казалось, нечего, не было цѣли сдерживать свои дурныя качества и порывы злой воли. Въ концѣ концовъ Аврора стала такъ упорна въ своемъ дурномъ поведеніи, своеволіи и грубости, что у бабушки опустились руки, и было рѣшено отдать дѣвочку въ пансіонъ, въ знакомый бабушкѣ съ юности монастырь «англичанокъ» въ Парижѣ. Аврора сначала надѣялась, что мать, которую она изъ внутренняго упорства полюбила еще сильнѣе, не допуститъ этого заточенія, но она ошиблась. Не приминувъ пройтись насчетъ непослѣдовательности бабушки, которая, будучи сама такая противница обрядовой религіи, сажала внучку въ монастырь, мать по существу высказывала одинаковое мнѣніе съ бабушкой, что Аврорѣ полезно будетъ пожить въ монастырѣ, гдѣ воспитываются «благородныя» дѣвушки, гдѣ такіе хорошіе учителя «свѣтскихъ искусствъ» (les arts d'agréments) и т. д.

Три года прожила Аврора за стѣнами монастыря, отдѣленная отъ всего, что имѣло бы какую-нибудь связь съ жизнью. Первое время на нее благотворно подѣйствовало это удаленіе отъ домашней обстановки, въ которой ей приходилось испытывать столь тяжелыя нравственныя потрясенія. Въ кругу сверстницъ, она опять стала жизнерадостнымъ, бойкимъ ребенкомъ, какимъ была отъ природы. Она стала даже коно-

водомъ всѣхъ классныхъ шалостей и энергично противустояла угнетающей атмосферѣ закрытаго учебнаго заведенія. Но уже на второй годъ хорошо разсчитанная монастырская система привела къ своей цѣли: веселая и здоровая дѣвочка въ критическій возрастъ четырнадцати лѣтъ поддалась мистическому внушенію, стала слышать таинственные голоса въ церкви, обратилась отъ евангелія къ *Мартирологіуму* и сдѣлалась вдругъ экзальтированной католичкой, то убиваясь о своей грѣховности, то приходя въ серафическое умиленіе отъ чувства снисходящей на нее благодати *). Настроеніе это перешло даже въ желаніе принять постриженіе, и если бы ея духовникъ не былъ свѣтскимъ аббатомъ, котораго менѣе привлекалъ прозелитизмъ его духовныхъ дочерей, чѣмъ пугало неудовольствіе ихъ родителей, такъ что онъ уговорилъ Аврору повременить съ окончательнымъ обѣтомъ, то она, конечно, нашла бы въ монастырѣ смерть или сумасшествіе, какъ она пишетъ въ своихъ мемуарахъ.

Прослышавъ о новомъ поворотѣ настроенія внучки, грозившемъ нежданной бѣдой, бабушка явилась въ Парижъ, надѣясь свѣтскими развлеченіями отвлечь ея мысли въ другую сторону. Но встрѣтивъ и на этотъ разъ молчаливое, но стойкое упорство, старушка рѣшилась взять молодую дѣвушку изъ монастыря и отвезла ее обратно въ Ноганъ. Аврора впала было въ мрачное отчаяніе, рѣшивъ въ концѣ концовъ поставить на своемъ и рано или поздно возвратиться въ монастырь также, какъ она прежде положила себѣ устроить съ матерью швейную мастерскую. Но деревенская жизнь безъ той угнетающей борьбы, которую она раньше вела изъ-за матери, веселое общество, которымъ бабушка позаботилась ее окружить, физическія упражненія, какъ верховая ѣзда, скоро ослабили интенсивность отчаянья молодой дѣвушки. Она, по прежнему, хранила про себя свое рѣшеніе и переписывалась со своимъ монастырскимъ духовникомъ, но не отказывалась и отъ радостей привольной жизни.

Въ силу какой-то непонятной логики сердца, Аврора теперь почувствовала особенную привязанность къ бабушкѣ. Она начинала лучше понимать и цѣнить ея любовь, ея нравственныя качества и ея умственное превосходство, хотя вражда между бабушкой и матерью нисколько не

*) Г. Влад. Каренинъ, когда дѣло касается не установленія фактовъ, а разсужденій «отъ себя», часто высказываетъ удивительныя вещи. Такъ, напр., по поводу пансіонской жизни Ж. Зандъ находимъ такое изреченіе: «Въ нравственномъ смыслѣ система католическаго монастырскаго воспитанія, о которомъ у насъ въ Россіи многіе судятъ слишкомъ поверхностно и осуждаютъ его, не вдумываясь, имѣла ту хорошую сторону, что развивала въ своихъ питомцахъ стремленіе къ постоянному самосовершенствованію, къ борьбѣ со своими эгоистическими наклонностями, къ постоянному самоанализу и самодухотворенію». Что значитъ послѣднее слово, написанное у автора курсивомъ, намъ неизвѣстно, извѣстно только, что не въ одной Россіи, но во всѣхъ странахъ, гдѣ есть здравомыслящіе педагоги, достоинства католическаго монастырскаго воспитанія цѣнятся одинаковымъ образомъ.

смягчилась, даже напротивъ: мать категорически заявила Аврорѣ, что она пріѣдетъ въ Ноганъ не ранѣе, чѣмъ послѣ смерти бабушки. Пришла уже пора, когда Аврора болѣзненно ощутила все ничтожество своего образовательнаго багажа и принялась лихорадочно восполнять его пробѣлы чтеніемъ. Надо ли упоминать, что монастырское воспитаніе, помимо религіозной экзальтаціи да нѣкотораго знакомства съ англійскимъ языкомъ, не дало ей никакихъ познаній, и что ея «научная подготовка» послѣ трехъ лѣтъ ученія была немногимъ богаче, чѣмъ послѣ уроковъ Дешартра. Даже бабушка, которая въ пансіонскомъ образованіи главнымъ образомъ цѣнила «свѣтскія искусства», упрекала ее, что расходы на эти три года монастырской жизни не окупались никакими результатами въ смыслѣ образованія. Чтобы нѣсколько защитить свое самолюбіе и, главное, оправдать въ глазахъ бабушки религіозное воспитаніе, которое та во всемъ винила, Аврора занималась по ночамъ. Эти одинокія ночныя чтенія продолжались и во время послѣдней тяжелой для окружающихъ болѣзни бабушки, у постели которой Аврора и Дешартръ смѣняли другъ друга впродолженіи многихъ мѣсяцевъ. Первая книга, которая произвела на молодую дѣвушку сильное впечатлѣніе послѣ выхода изъ монастыря, была «Духъ христіанства» Шатобріана. Аврора начала ее читать еще вмѣстѣ съ бабушкой, которая отнеслась къ идеямъ ненавистника Вольтера весьма критически. Зато онѣ вполнѣ соотвѣтствовали настроенію внучки, не умѣвшей разглядѣть въ нихъ крупной доли ханжества и лицемѣрнаго позированія и видѣвшей только то, что хотѣлъ показать авторъ: горячій энтузіазмъ, преклоненіе передъ нравственной стороной христіанства и увлекательное поэтическое изложеніе. Теперь этотъ однообразно красивый «стиль» кажется вычурнымъ и утомительнымъ, но тогда онъ представлялся чѣмъ-то геніальнымъ и особенно долженъ былъ нравиться будущему автору «Леліи», которая именно своимъ стилемъ сильно напоминаетъ Шатобріана и вызывала этою стороною своихъ писаній одобреніе и удивленіе критиковъ, весьма мало склонныхъ сочувствовать идейному содержанію ихъ. Любопытно, что «Духъ христіанства», плодъ ультра-католической реакціи противъ скептическаго настроенія до-революціоннаго поколѣнія, подѣйствовалъ на Аврору въ сторону, противоположную намѣреніямъ автора: здѣсь она нашла все-таки болѣе человѣчную, болѣе близкую къ жизни мораль, чѣмъ въ знаменитомъ «Подражаніи Христу» («Imitation de Jesus Christ»), которымъ питали ея умъ въ монастырѣ. Стремленіе къ аскетическимъ подвигамъ, въ которыхъ молодая прозелитка видѣла до тѣхъ поръ идеалъ жизни въ Христѣ, сильно пошатнулся и ей сталъ уже мерещиться иной идеалъ, болѣе близкій къ евангельскому ученію.

Весьма характерно для Ж. Зандъ, какъ быстро она отъ религіознаго экстаза перешла къ идеямъ человѣколюбія. «Я никогда не забуду и не могу забыть,—пишетъ она,—что христіанскій порывъ толкнулъ меня рѣшительнымъ образомъ, въ первый разъ, въ лагерь прогресса, ко-

торый мнѣ уже не суждено было покинуть». Какъ настоящій ребенокъ, да еще склонный создавать себѣ въ мечтахъ совершенно фантастическій міръ, Аврора относилась индифферентно къ современнымъ ей историческимъ событіямъ. Она должна была читать бабушкѣ газеты, и онѣ сначала вызывали въ ней одну скуку своей вседневной прозой. Но вскорѣ она стала вникать въ смыслъ газетныхъ столбцовъ. Оказалось, что роялистскіе публицисты, которые выставляли на показъ свои христіанскія убѣжденія, метали громы по адресу Греціи, возставшей за свою національную свободу противъ турокъ. Такое же отношеніе высказывалось и къ Италіи. И вотъ Аврора впервые поняла лицемѣріе оффиціальнаго христіанства и была имъ возмущена до глубины души. Подъ національной свободой, подъ свободой вообще она представляла себѣ ничто иное, какъ абсолютное равенство и христіанское братство. Такимъ образомъ «духъ либерализма сталъ для нея синонимомъ религіознаго чувства». Замѣчательная параллель съ позднѣйшими убѣжденіями героическаго аббата Ламенне. Ту эволюцію, которую Жоржъ Зандъ продѣлала безъ всякаго напряженія почти въ дѣтскомъ возрастѣ, Ламенне долженъ былъ искупить безконечнымъ рядомъ страданій, разочарованій и потрясеній.

Въ своей жаждѣ просвѣтить умъ и осмыслить порывы сердца, Аврора безъ разбора бралась за всѣ книги, которыя она находила въ бабушкиной библіотекѣ. Она не смущалась тѣмъ, что многое остается для нея непонятнымъ, и извлекала только то, въ чемъ находила откликъ своимъ сердечнымъ запросамъ. Такъ, она глотала непереваренными метафизиковъ и философовъ, и цѣлые томы головоломныхъ разсужденій выкупались какой-нибудь страницей доступныхъ ей примѣненій принциповъ къ практикѣ жизни. Она, между прочимъ, нашла нѣсколько увлекательныхъ мыслей въ предисловіи къ «Теодицеѣ» Лейбница: «Настоящая набожность и даже настоящее блаженство,—прочитала она тамъ,—заключается въ любви къ Богу, но въ любви просвѣщенной, жаръ которой долженъ сопровождаться свѣтомъ. Такого рода любовь находитъ радость въ добрыхъ дѣлахъ... Нужно, чтобы совершенства разума вызывали совершенствованіе воли... Можно ли повѣрить? были христіане, которые воображали, что можно быть благочестивымъ безъ любви къ ближнему и набожнымъ безъ пониманія Бога!..» Эти мысли показались Аврорѣ столь прекрасными, что она во что бы то ни стало стремилась понять всю книгу, чтобы видѣть, какъ этотъ возвышенный умъ поклоняется Богу. Но, увы! ей недоставало самыхъ элементарныхъ познаній, она не была въ состояніи освоиться и оперировать съ отвлеченными терминами, и всѣ ея усилія пропали даромъ. Тщетно она призывала на помощь мудрость Дешартра, тотъ толковалъ ей опять объ аксіомахъ и теоремахъ, и ея терпѣніе истощалось.

Гораздо ближе и доступнѣе оказался Ж. Ж. Руссо. «Языкъ Ж. Жака и форма его дедукцій завладѣли мною, какъ великолѣпная му-

зыка, освѣщенная яркимъ солнцемъ. Я сравнивала его съ Моцартомъ; я все понимала! Какое наслажденіе для неискуснаго, но упорнаго ученика, когда у него наконецъ откроются глаза и передъ нимъ разсѣется туманъ! Въ политикѣ я сдѣлалась рьяной послѣдовательницей этого учителя, и долгое время я слѣдовала ему безъ оговорокъ. Что касается религіи, то онъ казался мнѣ наибольшимъ христіаниномъ изъ всѣхъ писателей своего времени», хотя съ точки зрѣнія католическаго правовѣрія, которую Ж. Зандъ все еще не покидала, онъ долженъ былъ бы быть осужденъ, какъ еретикъ. Изъ сочиненій Руссо Аврора прочла «Эмиля», «Исповѣдь савойскаго викарія», «Письма съ горы», «Общественный договоръ» и «Разсужденіе о причинахъ неравенства». И романы, и теоретическія сочиненія его дѣйствовали на ея чувство болѣе, чѣмъ на умъ, и увлекали ее больше поэтическимъ энтузіазмомъ, чѣмъ логикой. Это чтеніе послужило переходною ступенью къ художественной литературѣ. «На Руссо,—говоритъ Ж. Зандъ,—я остановилась въ своихъ умственныхъ работахъ. Послѣ этого обаятельнаго чтенія я предалась поэтамъ и краснорѣчивымъ моралистамъ, не заботясь болѣе ни мало о трансцендентной философіи». Направленіе общественныхъ идеаловъ Ж. Зандъ отнынѣ опредѣлилось на всю ея жизнь. Пока, она, вѣроятно, не съумѣла бы ихъ точнѣе формулировать, чѣмъ въ пожеланіи, чтобы всѣ были свободны, счастливы и любили другъ друга, какъ братья. Въ дѣтствѣ еще она создала себѣ мечту о какомъ-то сверхъестественномъ существѣ *Коранбе*, который все обращаетъ къ добру. Теперь, къ сожалѣнію, такой паспарту уже былъ утраченъ, и рядомъ съ свѣтлымъ миражемъ идеальнаго общественнаго порядка стало болѣзненно ощущаться несоотвѣтствіе между мечтою и дѣйствительностью. Это настроеніе получило пищу въ знакомствѣ съ разочарованными героями тогдашней художественной литературы. Первое, самое сильное впечатлѣніе въ этомъ направленіи произвелъ опять Шатобріанъ. Обычная воспріимчивость молодыхъ умовъ къ носящемуся въ воздухѣ настроенію не нуждалась въ зараженіи отъ одинаково мыслящей среды. Въ глухой деревнѣ, почти внѣ всякаго соприкосновенія съ интеллигентнымъ обществомъ, Аврора пережила модную тогда болѣзнь. Ей казалось, что *Рене*—это она. Взявъ на вѣру чужой опытъ, она «чувствовала себя раздавленной отвращеніемъ къ жизни, которое казалось ей достаточно мотивировано ничтожествомъ всѣхъ человѣческихъ усилій». Знакомство съ Байрономъ, котораго она до тѣхъ поръ никогда не читала, нанесло ей еще болѣе сильный ударъ. Забыты были прежніе любимцы, меланхолическіе поэты, Жильберъ, Мильвуа, Юнгъ, Петрарка. Великіе образы Шекспира—Гамлетъ и Жакъ довершили пессимистическую эволюцію мечтательной дѣвушки. Комбинируя свои новыя впечатлѣнія съ идеями Руссо о врожденной добротѣ человѣческой природы и о развращающемъ дѣйствіи общественныхъ условій, Аврора рѣшила, что только въ строго отшельнической жизни можно сохранить покой души

и чистоту совѣсти. «Мнѣ казалось,—пишетъ Ж. Зандъ,—что мое сердце, какъ у Рене, умерло прежде, чѣмъ стало жить, что, открывъ глазами Руссо, Лабрюйера, даже Мольера, «Мизантропъ» котораго сдѣлался моимъ кодексомъ, словомъ—глазами всѣхъ тѣхъ, которые жили, чувствовали, мыслили и писали,—людскую развращенность и глупость, я уже никогда не смогу никого полюбить съ энтузіазмомъ, развѣ только еслибъ встрѣтила человѣка, который бы, какъ я, представлялъ изъ себя нѣчто вродѣ дикаря, безповоротно порвавъ съ этимъ лживымъ обществомъ и испорченнымъ свѣтомъ». Ближайшимъ образомъ отъ этого человѣконенавистничества пострадалъ одинъ молодой человѣкъ, который вовсе не собирался сдѣлаться дикаремъ отшельникомъ, но, напротивъ, былъ склоненъ нарушить отшельническіе планы Авроры. Пессимистическая разочарованность, столь противорѣчащая дѣйствительной натурѣ Ж. Зандъ, надолго завладѣла ея душой. Многіе годы сѣренькой семейной жизни вдали отъ всякихъ живыхъ интересовъ, безъ всякаго поля для самодѣятельности не могли внушить болѣе свѣтлыхъ философскихъ взглядовъ, но даже впослѣдствіи, когда передъ ней развернулась широкая перспектива труда и плодотворной дѣятельности, она все еще боролась съ застарѣвшею болѣзнью вѣка. Еще *Лелія* полна проклятій противъ человѣческой развращенности и несовершенства мірозданія. Это шатобріановское настроеніе исчезло только тогда, когда Ж. Зандъ, подъ вліяніемъ болѣе жизненныхъ общественныхъ теченій, увѣровала въ возможность сближенія дѣйствительности и идеала.

Смерть бабушки прервала самообразованіе Авроры. Вмѣстѣ съ тѣмъ кончилась и привольная жизнь. Фактически Аврора пользовалась полною самостоятельностью послѣднее время и возбуждала даже самыя неправдоподобныя сплетни среди «общества» сосѣдняго городка своимъ пренебреженіемъ къ приличіямъ свѣта. Такова уже была ея судьба съ ранней юности до самой старости. Отнынѣ бѣдная дѣвушка попала въ самую унизительную зависимость, съ которой даже она не въ силахъ была бороться. Дѣло въ томъ, что бабушка, завѣщавъ внучкѣ все состояніе, поставила условіемъ, чтобы она жила не у матери, а въ родственной Дюпенамъ семьѣ Вильневъ. Это входило и въ ея желанія, такъ какъ семья ей нравилась, а къ матери она уже не чувствовала ни прежней привязанности, ни довѣрія. Но г-жа Дюпенъ, которая и надъ свѣжей могилой свекрови не считала нужнымъ деликатничать въ своихъ выраженіяхъ осужденія, приняла этотъ пунктъ завѣщанія какъ личное оскорбленіе и, хотя ей также вовсе не улыбалось возиться съ взрослою дочерью, объявила, что она беретъ дочь къ себѣ и не дастъ нарушить свои материнскія права. Со временемъ, конечно, она могла бы и измѣнить свое рѣшеніе, но было уже поздно; никто изъ спѣсивыхъ своею родовитостью родственниковъ не хотѣлъ уже принять къ себѣ дѣвушку изъ той мѣщанской и дѣйствительно мало внушавшей довѣрія среды, въ которую она попала. Аврору встрѣчали на улицѣ въ ком-

павіи всѣхъ материнскихъ родственниковъ, принадлежавшихъ даже не къ среднему обществу,—послѣ этого могла ли она появиться въ «порядочной семьѣ» и, главное, могла ли она разсчитывать на «приличную партію»? Все это было откровенно высказано молодой дѣвушкѣ однимъ изъ этихъ родственниковъ. Опять новый случай для нея оцѣнить справедливость мнѣнія «свѣта». Аврора была глубоко оскорблена, ея самолюбіе не могло быть удовлетворено даже тѣмъ, что она самостоятельно отказалась отъ выгодъ хорошаго общества для того, чтобы раздѣлить жизнь матери. Эта жизнь съ первыхъ же дней стала настоящимъ адомъ. Для г-жи Дюпенъ теперь не было никакихъ сдерживающихъ началъ, какъ было при жизни свекрови, и она совершенно отдавалась порывамъ своего необузданнаго характера. Ея обидчивость, мелочность, невоспитанность, неделикатные попреки прошлымъ, насмѣшки надъ «тонко образованной барышней» отравляли каждую минуту существованія Авроры, но она твердо выполняла свое рѣшеніе во что бы то ни стало сохранять свое достоинство и спокойное терпѣніе. Это спокойствіе казалось матери особенно оскорбительнымъ и выводило ее окончательно изъ себя. Когда дочь брала въ руки книгу,—чѣмъ-нибудь надо же было наполнить время,—мать вырывала у нея книгу изъ рукъ, говоря, что она пробовала ихъ читать и ничего не поняла, стало быть, это дурныя книги. Каждый день мать находила какое-нибудь новое доказательство развращенности дочери. Когда же та наконецъ потребовала объясненія, изъ какихъ фактовъ выводится ея развращенность, то мать показала ей весьма любопытный документъ. Оказалось, что кто-то изъ обывателей сосѣдняго съ Ноганомъ городка, по просьбѣ матери, слѣдилъ день за днемъ за жизнью въ Ноганѣ и писалъ ей всѣ ходившія насчетъ Авроры сплетни. Чего тутъ только ни было! Ей ставилась въ упрекъ и верховая ѣзда «передъ носомъ свѣта», и мужской костюмъ, который она дѣйствительно надѣвала, ходя на охоту съ Дешартромъ, и изученіе «костей мертвецовъ», что также соотвѣтствовало дѣйствительности. Ея отношенія съ молодыми людьми которымъ она безъ жеманничанья и глупой застѣнчивости подавала руку, изображались, какъ неслыханная наглость. Затѣмъ слѣдовали уже совершенныя небылицы: будто она разъ пошла къ причастію, но лишь для того, чтобы украсть гостію, а потомъ вмѣстѣ съ молодыми людьми стрѣляла въ нее, какъ въ мишень, изъ пистолета (изъ пистолета она дѣйствительно стрѣляла). Она стрѣляла, будто бы, и въ людей, а дѣтей травила собаками. Вообще, видъ крови доставлялъ ей, будто бы, удовольствіе, такъ что Дешартръ, который исправлялъ обязанности деревенскаго медика, при хирургическихъ операціяхъ нарочно звалъ ее, чтобы доставить наслажденіе ея кровожаднымъ инстинктамъ (на самомъ дѣлѣ Аврора пріучилась помогать Дешартру въ его медицинской практикѣ). Прежде, когда подобныя легенды доходили до свѣдѣнія Авроры, она отъ души смѣялась изобрѣтательности провинціальныхъ кумушекъ,

*

но теперь было не до смѣху, такъ какъ ея мать предъявляла ей эти смѣшныя измышленія въ видѣ серьезныхъ обвиненій.

Послѣ пароксизмовъ озлобленія и ссоръ наступали и свѣтлые моменты, когда г-жа Дюпенъ раскаивалась въ своихъ выходкахъ, увѣряла дочь въ своей любви, откровенно разсказывала ей свою тяжелую исторію и психологическія причины ея ненависти къ «хорошему обществу». Но, въ концѣ концовъ, совмѣстная жизнь для обѣихъ была невыносима. Поэтому обѣ обрадовались неожиданному случаю, позволившему имъ отдохнуть другъ отъ друга. Случайные знакомые, мужъ и жена Ретье дю-Плесси, пригласили мать и дочь погостить къ себѣ въ имѣніе. Это были очень милые, счастливые, еще не старые люди, къ тому же совершенно нейтральные относительно старыхъ семейныхъ счетовъ. Кромѣ того, они обладали еще однимъ отрицательнымъ качествомъ: они не принадлежали къ дворянству, и поэтому не скандализировались мѣщанствомъ г-жи Дюпенъ и, въ свою очередь, не вызывали непріязненныхъ чувствъ съ ея стороны. Они очень быстро поняли драматизмъ положенія Авроры и уговорили мать оставить ее погостить подольше и даже поручить имъ поискать для нея мужа. Послѣ тяжелаго періода боевой жизни съ матерью, Аврора опять легко вздохнула въ мирной семейной обстановкѣ, въ деревенской тиши. За претендентами на руку дѣвушки, имѣвшей приличное приданое, дѣло не стало, такъ что она отказала нѣсколькимъ женихамъ, которыхъ она никогда не видала въ глаза или знала два-три дня исключительно въ качествѣ претендентовъ. Первый сколько-нибудь подходящій женихъ, не отталкивающій своею алчностью и внушающій довѣріе своею откровенною практичностью, былъ молодой Дюдеванъ. Онъ повелъ дѣло энергично, просто и оригинально. Ни скучныхъ ухаживаній, ни излишней влюбленности: товарищеская близость, затѣмъ спокойное предложеніе съ увѣреніемъ въ симпатіи и съ обѣщаніемъ прочной дружбы. Аврора, до того времени никогда не испытавшая никакого романтическаго чувства, была слишкомъ неопытна, чтобы долго раздумывать,—къ тому же это былъ выходъ изъ невозможнаго положенія. Г-жа Дюпенъ отнеслась къ этой партіи съ обычною своею непослѣдовательностью: сначала была довольна, потомъ откуда-то выкопала невѣроятную сплетню о женихѣ и пришла въ ярость, затѣмъ сдалась, особенно когда мачиха жениха, очень важная барыня, сдѣлала ей оффиціальный визитъ, но до самаго конца оттягивала послѣднее слово, ставя затрудненія при урегулированіи вопроса о приданомъ въ брачномъ контрактѣ. Свадьба, наконецъ, состоялась, и восемнадцатилѣтняя Аврора Дюдеванъ вступила въ новую полосу своей жизни, богатую не столько радостями, сколько новыми испытаніями.

II.

О своей жизни съ мужемъ Ж. Зандъ разсказываетъ весьма мало въ «Исторіи моей жизни». «Не то, чтобы это время не было полно для меня воспоминаніями,—говоритъ она,—но всѣ акты моей воли такъ сосредоточивались внутри меня, моя личность такъ была затерта, что мнѣ оставалось бы только разсказывать исторію другихъ, тѣхъ, кто были около меня; а на это, по моему мнѣнію, я имѣю право только въ извѣстныхъ границахъ, особенно по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ». Подъ обозначеніемъ «нѣкоторыя лица» надо подразумѣвать именно мужа Ж. Зандъ. Во вступленіи къ своей «Исторіи» она предупреждаетъ, что она вовсе не собирается подымать старыя обвиненія: послѣ вынужденнаго раскрытія всѣхъ печальныхъ подробностей этой эпохи во время процесса о разводѣ, Ж. Зандъ предпочитаетъ предать ихъ забвенію. Поэтому, она не только опускаетъ всѣ эпизоды грубаго обращенія мужа, уже черезъ два года послѣ свадьбы прибѣгавшаго къ кулачной расправѣ съ женой, но и въ характеристикѣ своего новаго повелителя очень сдержанна и не совсѣмъ искренна.

Не надо, впрочемъ, думать, что Дюдеванъ былъ какимъ-нибудь исключительнымъ извергомъ. Это былъ просто ограниченный и грубый помѣщикъ изъ отставныхъ офицеровъ, которому извѣстный внѣшній лоскъ не мѣшалъ быть глубоко некультурнымъ. Въ женитьбѣ, какъ мы видѣли, онъ игнорировалъ всякій сентиментальный романтизмъ, въ семейной жизни любилъ порядокъ и экономію и не выносилъ, когда бабы разсуждаютъ, особенно такія «идіотки», какою онъ искренно считалъ свою жену. Эту репутацію она себѣ заслужила, выказавъ полное отсутствіе хозяйственныхъ способностей. Онъ же весь отдавался хозяйству, не только по необходимости, но по страсти. Выколачивать копѣйку, барышничать, дѣлать аферы было для него истиннымъ наслажденіемъ. Впрочемъ, онъ не замыкался въ своемъ имѣніи, а принималъ дѣятельное участіе въ провинціальной политикѣ, объединялъ мѣстное общество, проводилъ депутатовъ оппозиціи и, вообще, представлялъ тотъ типъ провинціала, который Ж. Зандъ впослѣдствіи съ горечью изобразила въ «Индіанѣ». «Знаете ли вы, кого называютъ въ провинціи «порядочнымъ человѣкомъ»? «Это тотъ, кто не захватываетъ поля у сосѣда, не вымогаетъ отъ своихъ должниковъ ни копѣйки болѣе, чѣмъ они ему должны, отвѣчаетъ на всякій поклонъ, не насилуетъ дѣвушекъ на большой дорогѣ, не поджигаетъ чужого амбара, не грабитъ прохожихъ въ своемъ паркѣ. Лишь бы онъ не посягалъ на жизнь и кошелекъ своихъ согражданъ, въ остальномъ онъ никому не обязанъ отчетомъ. Онъ можетъ бить свою жену, расправляться съ прислугой, разорять своихъ дѣтей,—это никого не касается».

Первое время брачной жизни Аврора, повидимому, обманывала самое себя, считая священнымъ долгомъ не только покоряться, но и любить мужа. Даже послѣ первой пощечины она еще пишетъ ему нѣж-

ныя письма и безпокоится, когда не получаетъ отъ него достаточно часто извѣстія. Увлеченіе материнскими заботами о появившемся вскорѣ младенцѣ сначала не давали ей замѣтить рокового характера своего несчастія, а любовь отца къ ребенку, повидимому искренняя, примиряла ее съ отрицательными сторонами мужа. Но уже очень скоро на нее стали находить припадки тоски и слезъ, причины которыхъ она не умѣла еще назвать настоящимъ именемъ. Въ своемъ родномъ Ноганѣ она чувствовала себя теперь чужою. Прежніе патріархальные порядки, правда весьма невыгодные въ матеріальномъ отношеніи, были круто измѣнены. Прежняя нѣсколько запущенная, но по воспоминаніямъ милая обстановка въ домѣ, въ усадьбѣ, въ паркѣ была также обновлена. Старые слуги были прогнаны, старыя собаки убиты, старыя деревья вырублены. Безпричинныя слезы Авроры только утверждали Дюдевана въ мнѣніи о «слабости ея ума». Когда же внѣ дома, въ веселой компаніи дѣтей и юношей, она снова отдавалась своей природной беззаботности и начинала играть и шалить, какъ ребенокъ, онъ окончательно убѣждался, что съ нею нельзя обращаться, какъ съ полноправнымъ взрослымъ человѣкомъ. Впослѣдствіи, когда Дюдеванъ, подъ вліяніемъ молчаливой покорности жены, совсѣмъ распустился въ своей роли безапелляціоннаго главы, ей, разъ навсегда, было запрещено высказывать свои сужденія и вмѣшиваться въ разговоры умныхъ людей. Но до нѣкоторыхъ поръ онъ считалъ нужнымъ заботиться о настроеніи жены, и такъ какъ первое время Ноганъ ему былъ не по душѣ (онъ былъ родомъ изъ Гаскони), то молодое супружество проводило бóльшую часть времени въ гостяхъ, въ экскурсіяхъ въ Парижъ, на воды, къ отцу Дюдевана, лишь бы не оставаться съ глазу на глазъ. Мы не пишемъ біографіи Ж. Зандъ и потому не будемъ слѣдить за нею во всѣхъ этихъ поѣздкахъ. Онѣ не вносили въ ея жизнь ничего новаго, исключая одной, на которой слѣдуетъ остановиться.

По дорогѣ въ курортъ Котре въ Пиренеяхъ супруги Дюдеванъ заѣхали въ Бордо, гдѣ у мужа были многочисленные старые знакомые. Между новыми знакомствами, которыя пріобрѣла здѣсь Аврора, былъ нѣкто Орельенъ де-Сезъ, повидимому, порядочный человѣкъ, не въ провинціальномъ значеніи этого слова. Эта встрѣча заставила Аврору съ полной ясностью увидѣть степень своего супружескаго несчастья. Отрывки изъ своего дневника, которыя она приводитъ въ «Исторіи», свидѣтельствуютъ о самомъ мрачномъ настроеніи *). Здѣсь она впервые рѣшается довѣрить бумагѣ, впервые, быть можетъ, сама передъ собой формулируетъ жалобы на судьбу и высказываетъ общія сужденія о бракѣ, въ которыхъ чувствуется автобіографическій генезисъ ея позд-

*) Ж. Зандъ нигдѣ не упоминаетъ имени де-Сеза. Любопытно, что въ первоначальномъ изданіи «Histoire de ma vie» 1855 г. пропущена даже цѣлая глава, гдѣ разсказывается эта знаменательная поѣздка въ Пиренеи. Г. Влад. Каренинъ возстановляетъ факты по неизданнымъ письмамъ, отчасти цитированнымъ во время бракоразводнаго процесса супруговъ Дюдеванъ въ 1836 г.

нѣйшихъ взглядовъ на этотъ предметъ. «Бракъ прекрасная вещь для влюбленныхъ и для святыхъ. Кромѣ святыхъ и влюбленныхъ, есть цѣлая масса обыкновенныхъ людей и спокойныхъ сердецъ, которыя не знаютъ любви и не могутъ достигнуть святости. Бракъ—это высшая цѣль любви. Когда въ немъ уже нѣтъ или совсѣмъ не было любви,—остается самопожертвованіе. Отлично для тѣхъ, кто его можетъ вмѣстить... Можетъ быть, нѣтъ середины между силою великихъ душъ, приводящей ихъ къ святости, и удобнымъ отупѣніемъ мелкихъ душъ, которое доводитъ ихъ до безчувственности. Нѣтъ, есть середина: это отчаяніе»...

Де-Сезъ сопровождалъ Аврору въ дальнѣйшемъ путешествіи. Величественная поэтическая природа окрестностей Лурда способствовала романтическому настроенію молодыхъ людей, и они не могли скрыть другъ отъ друга охватившихъ ихъ чувствъ. Остальная часть путешествія прошла для Авроры подъ двойственнымъ впечатлѣніемъ радостнаго откровенія впервые испытываемой любви и тяжелаго сознанія ея безнадежности. Ибо она еще далека была отъ своего позднѣйшаго убѣжденія въ позволительности слѣдовать каждому влеченію сердца и рѣшилась взять на себя подвигъ самопожертвованія. Черезъ нѣкоторое время Аврора снова увидѣлась съ де-Сезомъ въ Бордо и тутъ окончательно было рѣшено и скрѣплено клятвой, что они на всю жизнь останутся просто друзьями. Дюдеванъ случайно узналъ тайну своей жены и, повидимому, подъ первымъ впечатлѣніемъ рѣшилъ уѣхать отъ нея. Въ длинномъ письмѣ Аврора спокойнымъ, достойнымъ тономъ излагаетъ мужу свой взглядъ на причины ихъ супружескаго несчастья и чистосердечно разсказываетъ исторію своихъ отношеній съ О. де-Сезомъ. Дюдеванъ, кажется, въ первый разъ увидѣлъ, что жена его вовсе не такая идіотка, какою онъ ее считалъ, и какъ будто оцѣнилъ ея самопожертвованіе. По крайней мѣрѣ, и онъ написалъ ей длинное письмо, тонъ котораго совсѣмъ не похожъ на обычное съ его стороны презрительное третированіе жены. Само собою разумѣется, что въ немъ не оказалось ни достаточно смысла, ни достаточно великодушія, чтобы отказаться отъ предлагаемой жертвы, и они съ женою вскорѣ опять съѣхались, и прежняя жизнь вступила въ свои права. Какою эта жизнь показалась теперь Аврорѣ, не трудно себѣ представить. Мужъ все больше сталъ предаваться пьянству, къ которому онъ постепенно привыкалъ въ обществѣ упоминавшагося уже старшаго брата Авроры, теперь также женатаго и жившаго неподалеку отъ Ногана. Убѣгая отъ этой непозволительной компаніи, молодая женщина часто должна была запираться на ключъ въ своей комнатѣ. «Нравственное одиночество было глубокое и абсолютное,—пишетъ она:—оно было бы смертельно для нѣжной души и для юности еще въ полномъ расцвѣтѣ, если бы оно не было наполнено мечтой, которая развилась въ настоящую страсть, не въ дѣйствительности, а только въ моихъ мысляхъ. Отсутствующій нѣкто, съ которымъ я постоянно бесѣдовала, которому я разсказывала

всѣ свои размышленія, всѣ свои мечтанія, всѣ свои скромныя добродѣтели, весь мой платоническій энтузіазмъ, существо дѣйствительно прекрасное, но которое я украшала всѣми совершенствами, какихъ не представляетъ человѣческая природа, человѣкъ, который появлялся на нѣсколько дней, иногда на нѣсколько часовъ въ теченіе года, и который, такой же романтичный по отношенію ко мнѣ, какъ я сама, не вносилъ никакого ужаса въ мое религіозное чувство, никакого смятенія въ мою совѣсть,—вотъ кто былъ мнѣ поддержкой и утѣшеніемъ въ моемъ изгнаніи въ мірѣ реальнаго».

Эти напряженныя, нежизненныя отношенія экзальтированной дружбы продолжались три года, но не могли продолжаться вѣчно, какъ объ этомъ мечтала Аврора. Наступило охлажденіе, и безнадежность положенія молодой женщины показалась ей еще мрачнѣе. «Отчего это одиночество, съ которымъ я пережила наиболѣе живые годы юности, теперь не удовлетворяло меня?.. Отсутствующій, я могла бы почти сказать «невидимка», изъ котораго я сдѣлала третью составную часть своего существованія (Богъ, онъ и я), утомился сверхчеловѣческимъ стремленіемъ къ неземной любви... Я почувствовала, что я стала для него страшнымъ бременемъ, или, что я служила ему уже только забавой ума... Я рада, что положила конецъ неволѣ его сердца и уничтожила препятствія его судьбѣ. Я долго еще любила его въ нѣмой подавленности. Потомъ я думала о немъ спокойно, съ благодарностью и до сихъ поръ (1854) думаю съ дружескою серьезностью и съ обоснованнымъ уваженіемъ. Не было ни объясненій, ни упрековъ, лишь только я приняла рѣшеніе. На что бы я могла жаловаться? Чего я могла требовать? За что я стала бы мучить эту прекрасную и добрую душу, портить эту жизнь, которой улыбалась будущность? Есть моментъ охлажденія, послѣ котораго того, кто сдѣлалъ первый шагъ, нельзя болѣе ни спрашивать, ни преслѣдовать, подъ страхомъ сдѣлаться жестокимъ или несчастнымъ»... Эти справедливыя разсужденія, несомнѣнно, болѣе поздняго происхожденія и должны быть разсматриваемы, какъ результатъ богатаго опыта Ж. Зандъ въ сферѣ любовной психологіи. Тогда двадцатичетырехлѣтняя молодая женщина, теряя вмѣстѣ со своими романтическими мечтами всякую отраду въ своемъ печальномъ существованіи, едва ли могла такъ здраво философствовать, но ей ничего болѣе не оставалось, какъ подчиниться неотвратимому ходу событій.

Домашняя жизнь Авроры къ этому времени еще ухудшилась, насколько это было возможно. Одновременно съ рожденіемъ своего второго ребенка, дочери Соланжъ, она сдѣлала, весьма позднѣе, впрочемъ, открытіе невѣрности мужа самаго прозаическаго сорта. Видя, такимъ образомъ, что «святость семейнаго очага», ради которой она такъ героически боролась со своимъ счастьемъ, безцеремонно нарушается другою стороною, Аврора стала про себя обсуждать вопросъ, какъ бы вырваться изъ этой зараженной атмосферы. Она была увѣрена, что ея мужъ совершенно равнодушно и даже не безъ радости согласился

бы на всякую комбинацію, которая бы освободила его отъ стѣснительнаго присутствія добродѣтельной жены, и отпустилъ бы ее «хоть въ Китай, если она найдетъ для этого средства». Въ этомъ заключался корень вопроса, ибо матеріальныя жертвы для Дюдевана были тяжелѣе всякихъ другихъ, а Аврора стѣснялась требовать даже выполненія поставленнаго въ брачный договоръ пункта, по которому мужъ обязанъ былъ выплачивать изъ ея же средствъ 1.500 франковъ въ годъ на ея личныя потребности. Поэтому, она старалась придумать себѣ какое-нибудь ремесло, которое бы дало ей независимость, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Она попробовала взяться за переводы, затѣмъ пустила въ ходъ тотъ маленькій запасъ рисовальнаго искусства, которое дали ей пресловутые пансіонскіе maîtres d'agréments, засѣла за сочиненіе романа, но, сидя въ деревнѣ или наѣзжая на короткіе моменты въ Парижъ, она не могла и думать добыть себѣ какой-нибудь прочный заработокъ: съ переводами она не умѣла справиться, свой романъ не рѣшалась никому предложить, ея портретовъ никто не хотѣлъ, а разрисовываніе всякихъ коробокъ, вѣеровъ и пр. едва окупало расходы на матеріалъ. Надо было сдѣлать рѣшительный шагъ—переѣхать въ Парижъ и тамъ выискать себѣ какой бы то ни было источникъ дохода. Къ тому же Аврора случайно убѣдилась, что за кажущимися равнодушіемъ къ ней Дюдевана на самомъ дѣлѣ скрывается глубокая ненависть, тогда какъ она, повидимому, ожидала благодарности за свое терпѣніе и снисходительность. Когда она объявила мужу, что хочетъ получить свою пенсію и ѣхать въ Парижъ, тотъ былъ сначала пораженъ, «бранился, спорилъ, умолялъ» *). Но, въ концѣ концовъ, онъ какъ будто понялъ, что подобный исходъ столько же выгоденъ для него, сколько желателенъ для жены, и не дѣлалъ болѣе никакихъ возраженій даже въ вопросѣ о деньгахъ. Мало того, онъ согласился отпустить и маленькую дочку вмѣстѣ съ женою, какъ только она въ состояніи будетъ взять на себя ея содержаніе. Изъ разсказа Ж. Зандъ можно даже заключить, что по существу Дюдевану нравилось больше ея намѣреніе жить врозь, чѣмъ ея желаніе періодически пріѣзжать въ Ноганъ для свиданія съ сыномъ. Именно въ этомъ пунктѣ договора онъ долженъ былъ проявить наибольшую уступчивость.

Французская шовинистическая критика, которая имѣетъ смѣшную черту находить, что все лучшее въ чужихъ литературахъ составляетъ простое заимствованіе изъ французской, старалась доказать (Жюль Леметръ), что Ж. Зандъ въ своихъ романахъ давно уже предвосхитила всѣ идеи женской эмансипаціи, которыя съ такой силой поставилъ Ибсенъ. Въ дѣйствительности французская писательница понимала равенство между мужчиной и женщиной только въ одномъ отношеніи—

*) Въ «Histoire de ma vie» Ж. Зандъ говоритъ, что не встрѣтила никакого сопротивленія со стороны мужа.

въ любви: женщина имѣетъ право свободно выбирать себѣ спутника жизни, имѣетъ право ошибаться въ выборѣ и исправлять свою ошибку. Затѣмъ, въ идеальномъ союзѣ предполагалась гармонія между обѣими сторонами, но гармонія представляется въ мѣщанскихъ представленіяхъ о бракѣ. О полной же самостоятельности женщины въ семьѣ и внѣ семьи у Ж. Зандъ нѣтъ рѣчи. Этого, конечно, нельзя ставить въ упрекъ писателю 30-хъ и 40-хъ годовъ, когда въ реальной жизни этотъ вопросъ еще не назрѣлъ. Несчастныхъ жертвъ несправедливыхъ условій брака было не мало, несправедливость эта сознавалась многими гораздо ранѣе Ж. Зандъ, но кому изъ женщинъ приходило въ голову бороться за свое человѣческое достоинство и независимость внѣ вопроса о любви и даже противъ любви, какъ это дѣлаетъ Нора? Намъ извѣстна только одна,—это сама Ж. Зандъ. Въ этомъ смыслѣ ея произведенія далеко отстаютъ отъ ея поступковъ. Тогда какъ ея героини или растерянно ищутъ, кому вручить волю надъ своею судьбою, или, не найдя достойнаго своей любви человѣка, гордо отчаиваются и уходятъ въ монастырь, она сама, начиная съ разрыва семейной жизни до самой смерти, съумѣла остаться полною, независимою личностью и стояла въ уровень даже съ тѣми мужчинами, которыхъ она страстно любила. Замѣчательную аналогію представляютъ именно разрывъ Ж. Зандъ съ съ мужемъ и конецъ «Норы». Какая банальность была бы, если бы Нора, разочаровавшись въ мужѣ, пошла за другимъ мужчиной, который бы умѣлъ ее лучше цѣнить! Также насколько ничтожнѣе показался бы намъ характеръ Ж. Зандъ, если бы она отъ униженій, испытанныхъ въ семейномъ союзѣ съ Дюдеваномъ, спаслась бы подъ покровительство де-Сеза или другого поклонника! Нѣтъ, обѣ рѣшили начать жизнь на свой страхъ, обѣ захотѣли провѣрить на самомъ дѣлѣ, имѣютъ ли онѣ право требовать къ себѣ отношенія, какъ къ полноправному человѣку, безъ снисхожденія и покровительства, или же онѣ могутъ разсчитывать въ лучшемъ случаѣ только на жалость къ своей безпомощности. Обѣ сжигали за собой корабли и смѣло отправлялись въ путь, по которому,—онѣ это знали,—имъ уже нельзя будетъ возвратиться. Онѣ обѣ «не могли уже больше удовлетвориться тѣмъ, что говоритъ большинство людей и что пишется въ книжкахъ. Онѣ должны были сами обсудить всѣ эти вещи и постараться уяснить ихъ себѣ».

Итакъ, жребій былъ брошенъ. Аврора очутилась въ шумной парижской толпѣ съ весьма скудными запасами средствъ и съ неясными, но свѣтлыми аспираціями новой жизни. Впервые въ жизни она чувствовала себя внѣ опеки на своихъ собственныхъ ногахъ. Впервые также она находитъ поле для своей энергіи и работоспособности, которая до сихъ поръ не имѣла никакого приложенія въ ея безцѣльномъ существованіи. Прежде всего, однако, она чувствовала потребность въ сильныхъ освѣжающихъ впечатлѣніяхъ. Ей доставляло несказанное наслажденіе бродить изъ одного конца Парижа въ другой, чувствовать себя запертой въ дѣловой толпѣ снующаго люда, гдѣ никто ее не

зналъ, никто ею не интересовался, никто даже не видѣлъ ее. Послѣ отупляющаго ничегонедѣланія въ продолженіе столькихъ лѣтъ, она жаждала все видѣть, все узнать, сбросить свое невѣжество провинціальной барыни, стать на уровнѣ своего времени, усвоивъ его идеи и формы. Она поняла, что большинство прежнихъ связей съ «солидными домами» должно было порваться и что ей нечего искать поддержки у тѣхъ людей, которые до тѣхъ поръ считались «ея обществомъ». Она сдѣлала послѣдній визитъ двумъ, тремъ подругамъ, своимъ друзьямъ въ монастырѣ, куда она прежде такъ стремилась укрыться отъ жизни, и затѣмъ совершенно отказалась отъ старыхъ знакомствъ, ограничившись обществомъ нѣсколькихъ земляковъ, большею частью молодыхъ литераторовъ.

Въ ихъ компаніи или безъ нихъ она «лазила по всѣмъ этажамъ: изъ клуба въ мастерскую художника, изъ кафе въ мансарду.» Но особенно часто посѣщался театръ, къ которому у Авроры сразу обнаружилась страсть, какъ, впрочемъ, у всего тогдашняго общества. Это было время, когда въ партерѣ происходили такія же жаркія сраженія, какъ на улицахъ Парижа,—здѣсь изъ-за политической, тамъ изъ за эстетической свободы. Всѣ молодые друзья Авроры и она сама всей душою сочувствовали героямъ іюльскихъ баррикадъ, но еще съ большею страстью относились къ торжеству героевъ Виктора Гюго. Молодые энтузіасты ходили, конечно, въ демократическій партеръ, гдѣ дамамъ «изъ общества» непозволительно было появляться. На ложу Аврора не могла претендовать при своемъ болѣе чѣмъ скромномъ бюджетѣ. Она вспоминаетъ по этому случаю изреченіе Бальзака, который, вообще, вѣчно грезилъ о роскоши и богатствѣ: «въ Парижѣ нельзя быть женщиной, не имѣя 25 тысячъ франковъ ренты.» У Авроры ихъ не было, потому надо было найти средство обходиться безъ нихъ. Ея мать разсказала ей, что въ молодости, когда они съ Дюпеномъ жили въ большой нуждѣ, онъ выдумалъ переодѣть ее въ мужской костюмъ, и въ такомъ видѣ она, а также и ея сестра ходили съ мужьями куда угодно. Эта мысль понравилась Аврорѣ, тѣмъ болѣе, что ей было не впервые такое переодѣваніе: ее уже достаточно преслѣдовали провинціальныя сплетницы за то, что она съ Дешартромъ ходила на охоту въ панталонахъ и мужской блузѣ. Теперь ее никто не преслѣдовалъ, никому даже въ голову не приходило, что это не молоденькій студентикъ перваго курса. Лишь потомъ, когда не только Парижъ, но вся Европа, можно сказать, стала сплетничать на счетъ Ж. Зандъ, не хуже беррійскихъ кумушекъ,—и эта черта не была забыта.

Съ самаго начала свободной жизни въ Парижѣ, Аврора не могла жить одними новыми впечатлѣніями, приходилось также серьезно подумать о заработкѣ, который и составлялъ вѣдь осязательную цѣль ея пріѣзда. Ея первыми шагами въ этомъ отношеніи по дорогѣ, съ которой она уже всю жизнь не сходила, руководилъ также беррійскій землякъ Делатушъ, старшій изъ всей компаніи, имѣвшій уже нѣкото-

рое имя въ литературѣ и журналистикѣ. Онъ представлялъ довольно оригинальную фигуру среди литературной богемы того времени. Споръ между классиками и романтиками обострился до такой степени, что они стояли другъ противъ друга съ непримиримостью двухъ столкнувшихся завоевателей. Съ одной стороны «буржуа съ бритыми подбородками», «филистры въ парикахъ», «l'hydre du perruquisme» занимали кресла балкона и первыя ложи со своими свистками. Съ другой стороны публика партера — молодые люди въ удивительныхъ костюмахъ, съ гривами временъ Меровинговъ, растрепанными, какъ ихъ идеи, и между ними, какъ знамя революціи, красный жилетъ Теофиля Готье. По терминологіи противниковъ, это были «дикія племена», «орды варваровъ», «гунны новаго Аттилы» (т.-е. Виктора Гюго). Одни считали ихъ «кандидатами въ сумасшедшій домъ», другіе утверждали, что «романтикъ» синонимъ «жулика»; В. Гюго получалъ анонимныя письма съ угрозами смерти. Но и съ другой стороны воинственность была неменьшая: кто носилъ на головѣ парикъ, тому грозили снести ее вмѣстѣ съ нимъ на гильотинѣ. И если театральныя потасовки не доходили до серьезныхъ кровопролитій, то убійства на дуэли изъ-за поэтическихъ убѣжденій случались. Вражда въ публикѣ зрителей и читателей,—солидныхъ буржуа съ одной стороны, нарождающагося интеллигентнаго пролетаріата съ другой, служила только отраженіемъ антагонизма писателей. Быть эклектикомъ въ этотъ моментъ, не безусловно отдаться одной или другой изъ враждующихъ сторонъ значило очутиться между двухъ огней и отречься отъ всякаго вліянія и популярности. Въ такомъ положеніи былъ Делатушъ, который изъ самолюбиваго соперничества и изъ тонко развитого вкуса рѣзко критиковалъ и тѣхъ, и другихъ. Онъ отважился даже задѣть знаменитый кружокъ (cénacle) молодыхъ приверженцевъ В. Гюго. Когда-то въ самый темный періодъ реставраціи (1819 г.) онъ далъ доказательство своего тонкаго критическаго чутья, отыскавъ и съ восторгомъ преподнеся публикѣ никому невѣдомые стихи Андре Шенье, одного изъ величайшихъ поэтовъ Франціи и притомъ вполнѣ независимаго ни отъ какихъ литературныхъ школъ и партій. Впослѣдствіи романтики включили его въ число «своихъ», но потомъ классическая реакція, въ свою очередь, оспаривала его въ свою пользу. На самомъ дѣлѣ онъ стоитъ одинъ и ни въ какіе «ряды» не можетъ быть зачисленъ. То же, хотя, конечно, въ несравненно болѣе скромныхъ размѣрахъ, можно сказать о Делатушѣ. Его художественная дѣятельность не велика. Онъ съ болѣзненнымъ напряженіемъ высиживалъ свои произведенія: вкусъ въ немъ преобладалъ надъ дарованіемъ. Онъ самъ лучше всѣхъ видѣлъ, чего ему недостаетъ, и глубоко страдалъ отъ своего безсилія реализировать свой эстетическій идеалъ. Свои стихи, весьма недурные впрочемъ, онъ издавалъ чуть не по секрету и раздавалъ ихъ своимъ пріятелямъ. Неумѣренныя похвалы обижали его

столько же, сколько неделикатная критика. Его щепетильное самолюбіе не знало границъ. Въ глубинѣ души онъ считалъ себя геніемъ и злился на весь міръ, который этого не угадывалъ. Онъ любилъ руководить молодыми писателями, но когда они подчинялись не исключительно его указаніямъ, а въ особенности когда ихъ популярность начинала разростаться, онъ неизмѣнно объявлялъ ихъ неблагодарными, бездарностями и начиналъ ихъ ненавидѣть. Болѣе же всего онъ ненавидѣлъ тѣхъ, которымъ сочинительство давалось безъ усилій. Онъ не могъ найти достаточно язвительныхъ насмѣшекъ для безудержной продуктивности, напр., Бальзака, котораго онъ же въ свое время ввелъ въ литературу. Всякая слава казалась ему дутой, продуктомъ пріятельской критики, если не просто шарлатанствомъ.

Къ такому-то суровому учителю попала начинающая писательница. Какъ ко всѣмъ, такъ и къ своимъ ученикамъ, Делатушъ былъ безпощаденъ. Первый опытъ романа, который Аврора привезла съ собою еще изъ Ногана, онъ нашелъ ниже всякаго снисхожденія и посовѣтовалъ сжечь. Но при этомъ онъ нашелъ основанія заключить, что она «могла бы сдѣлать что-нибудь лучшее», конечно, при условіи, если будетъ неуклонно слѣдовать его указаніямъ. Покуда же онъ засадилъ ее за самую черную литературную работу въ редакціи «Фигаро», который онъ только что пріобрѣлъ и въ которомъ уже работало нѣсколько аспирантовъ литературы изъ Берри, какъ Жюль Сандо и Феликсъ Піа, впослѣдствіи извѣстный коммунаръ. Онъ давалъ своимъ молодымъ сотрудникамъ какую-нибудь идею, которую они должны были обработать, книжку, которую нужно было раскритиковать или компилировать, или другую работу въ этомъ родѣ, а когда заказъ былъ исполненъ, безжалостно находилъ «все не такъ», сердился, вымарывалъ, передѣлывалъ или просто приказывалъ передѣлать всю статью наново. Такая школа могла бы быть, вѣроятно, очень полезной для начинающихъ литераторовъ, заставляя ихъ строго относиться къ каждому своему шагу, къ каждому почерку пера, если бы руководство Делатуша было сколько-нибудь планомѣрно и не обрывалось при первой попыткѣ ученика стать на собственныя ноги. Первые шаги были очень тяжелы для Авроры. Ей, съ ея «легкимъ перомъ», казалось особенно трудно исправлять, отдѣлывать, отчеканивать свои газетныя статейки, такъ что, хотя «Фигаро» платилъ по 7 франковъ за столбецъ (цѣна, которую Аврора находила весьма солидною), ей иногда въ концѣ мѣсяца приходилось получать 10—13 франковъ за свое сотрудничество. Деспотизмъ Делатуша сначала внушалъ ей только враждебное чувство къ нему и она подчинялась исключительно изъ матеріальныхъ соображеній. Лишь позднѣе, когда она добилась уже маленькихъ газетныхъ успѣховъ подъ его ферулой, когда и въ денежномъ отношеніи стала менѣе зависима отъ него, она оцѣнила и его наставленія, и его теплое отношеніе къ ней подъ видомъ ворчливаго недовольства. Успѣхи, о которыхъ мы сейчасъ упо-

мянули, заключались въ томъ, что одинъ беллетристическій фельетонъ молодой писательницы былъ замѣченъ читателями, а одна статейка о внутренней политикѣ въ «Смѣси» возбудила неудовольствіе цензуры, и газетѣ грозилъ даже одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ процессовъ «за направленіе», которыми министры іюльской монархіи боролись съ возрастающею силою печати. Хотя Аврору и не посадили въ тюрьму, какъ она надѣялась, но репутація ея въ средѣ журнальной братіи значительно выиграла. Различные мелкіе журнальчики, въ родѣ «Revue de Paris», которые до этого возвращали ей рукописи съ объясненіемъ, что «вещи, не подписанныя извѣстнымъ именемъ, не могутъ быть хороши», теперь стали печатать ея маленькіе разсказы, и она скоро увидѣла себя литераторомъ. Это было черезъ два мѣсяца послѣ ея окончательнаго переселенія въ Парижъ. Теперь она смотрѣла на свою литературу уже не только, какъ на «кусокъ хлѣба», а какъ на призваніе. «Я болѣе чѣмъ когда-либо утвердилась въ намѣреніи остаться на литературномъ поприщѣ,—писала она одному изъ своихъ друзей.—Несмотря на все отвратительное, что я на немъ встрѣчаю по временамъ, несмотря на дни лѣни и усталости, которые прерываютъ мою работу, несмотря на болѣе чѣмъ скромную жизнь, которую я веду здѣсь, я чувствую, что моя жизнь отнынѣ полна. У меня есть цѣль, дѣло, скажемъ точно: *страсть*. Писательское ремесло—страсть почти неискоренимая. Когда она овладѣваетъ какой-нибудь несчастной головой, она ее уже не можетъ покинуть...»

Но прежде чѣмъ перейти къ дѣйствительно крупному успѣху Ж. Зандъ въ литературѣ, съ котораго собственно и начинается слава этого имени, мы должны остановиться на одномъ эпизодѣ ея личной жизни, замѣчательномъ въ томъ отношеніи, что онъ обнаруживаетъ полный и внезапный переворотъ во взглядахъ на буржуазную добродѣтель и свои обязательства передъ «семейнымъ очагомъ». Весьма скоро послѣ своего переселенія въ Парижъ, Аврора перестала противиться настойчивой любви своего молодого товарища и земляка Жюля Сандо. Они встрѣчались еще въ Берри, и тамъ уже юноша (ему не было 20 лѣтъ, когда Аврора переѣхала въ Парижъ) былъ, повидимому, неравнодушенъ къ Аврорѣ, какъ и многіе другіе. Тогда онъ имѣлъ также мало шансовъ на успѣхъ, какъ и всякій другой, но въ Парижѣ положеніе измѣнилось. Они встрѣчались каждый день, работали въ одной комнатѣ въ редакціи, обѣдали въ однихъ ресторанахъ (это, впрочемъ, случалось далеко не каждый день), ходили вмѣстѣ по музеямъ, библіотекамъ, театрамъ, переживали одни и тѣ впечатлѣнія возрожденія къ новой свѣтлой будущности. Аврора не чувствовала за собою никакихъ обязанностей къ своему мужу; повидимому, онъ также имѣлъ благоразуміе, если не сказать порядочность, предоставить женѣ ту свободу, которою самъ давно пользовался, по крайней мѣрѣ, мы ни разу не встрѣчаемъ съ его стороны никакого признака недовольства «поведеніемъ» Авроры, хотя,

конечно, ея увлеченія не были секретомъ, напротивъ, всегда находили преувеличенную оцѣнку въ кругу провинціальныхъ знакомыхъ. Въ одномъ письмѣ, еще въ концѣ перваго года жизни врозь, Дюдеванъ, возвѣщая Аврорѣ о своемъ пріѣздѣ въ Парижъ, говоритъ, что онъ остановится не у нея, «не желая нисколько стѣснять ни ее, ни себя» *).

Но собственно рѣшающимъ моментомъ были не измѣнившіяся отношенія къ мужу и не зарожденіе новаго чувства; мы видѣли, что она умѣла прежде бороться со своими влеченіями, и не отъ мужа было ей ожидать санкцію своей свободѣ, нужно было, чтобы во взглядахъ Авроры на любовь произошла коренная перемѣна. Въ этомъ отношеніи могущественное вліяніе, несомнѣнно, оказала та новая обстановка, въ которую она попала. Жизнь литературной богемы покоится на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ жизнь деревенской аристократіи, которая до сихъ поръ держала ее въ тискахъ. То, что здѣсь считалось скандаломъ и оскорбленіемъ всему обществу, въ средѣ новыхъ товарищей Авроры не только открыто практиковалось и признавалось нормальнымъ, но было окружено поэтическимъ ореоломъ. Драма, лирика, романъ и газетные фельетоны—все говорило о святости любви, о красотѣ страсти, всюду эта сторона изображалась главнымъ содержаніемъ жизни. То, что сама Аврора пережила и передумала до сихъ поръ, прекрасно подготовило почву для этого новаго отношенія къ вопросу объ отношеніяхъ половъ. Едва ли сомнительно, что на Аврору въ этомъ направленіи подѣйствовало и знакомство съ сенъ-симонизмомъ. Намъ далѣе предстоитъ подробнѣе говорить о немъ, здѣсь же отмѣтимъ только, что какъ разъ въ это время община сенъ-симонистовъ вступала въ новый фазисъ своего существованія, который вскорѣ долженъ былъ повести къ ея разложенію. Въ августѣ 1831 года Анфантенъ провозгласилъ догматъ о «реабилитаціи плоти», но уже ранѣе женщины получили въ общинѣ одинаковыя права съ мужчинами и подготовлялись идеи объ одинаковой законности духовныхъ и плотскихъ потребностей, о томъ, что для счастья человѣчества «люди, обладающіе глубокими чувствами», должны соединяться въ парѣ съ «людьми, обладающими страстными чувствами», и т. п. Что Аврора съ самаго начала интересовалась сенъ-симонизмомъ, хотя весьма критически относилась къ смѣшнымъ формамъ ихъ быта, доказываетъ письмо къ мужу черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда. «Повѣришь ли,—пишетъ она,—что у меня еще не было времени послушать сенъ-симонистовъ? М-me Периньи (общая знакомая) бываетъ тамъ постоянно, хотя она видитъ въ ихъ доктринѣ ниспроверженіе всего соціальнаго строя и причину для пролитія потоковъ крови. Я, съ своей стороны, вижу въ ней только неосуществимое заблужденіе, и общественное мнѣніе уже оцѣнило ее по заслугамъ. У нихъ есть папесса, которая ограничивается тѣмъ, что показываетъ

*) Впослѣдствіи въ своихъ процессахъ съ женою онъ, конечно, высказывалъ совсѣмъ иные взгляды и не щадилъ красокъ, чтобы изобразить свои страданія отъ безнравственнаго поведенія жены.

свое бархатное платье небеснаго цвѣта и боа изъ лебяжьяго пуха. Всегда эти смѣшныя штуки». Но какъ бы ни смѣшною казалась маскарадная декоративность, которою столь злоупотреблялъ Анфантенъ, содержаніе сенъ-симонистскихъ идей могло оказывать свое дѣйствіе. Ихъ стремленіе къ гармонической жизни, къ развитію всѣхъ сторонъ человѣческой природы, совпадало съ настроеніемъ молодой женщины. Подобно имъ, она рѣшила: довольно аскетической морали, довольно отреченія, пора отдаться радости жизни, надо брать отъ природы то, что она даетъ для счастья. Никогда ни въ этотъ разъ, ни послѣ Ж. Зандъ не говорила и не думала, что она заключаетъ новый семейный союзъ: она просто «любила, не требуя и не предлагая иныхъ гарантій для будущаго, кромѣ прочности самаго чувства. Но если ея связи никогда не стремились играть роль брачнаго союза, то также мало онѣ походили на адюльтеръ: никакого лицемѣрія, никакой фальшивой маски передъ обществомъ она не терпѣла, никакія осужденія не смущали ея совѣсти и не отравляли даже ея счастья. «Жить—какъ это сладко, какъ хорошо!—пишетъ она одному изъ своихъ друзей подъ вліяніемъ недавно расцвѣтшаго чувства къ Сандо,—несмотря на огорченія, на мужей, на скуку, на долги, на родственниковъ, на сплетни, несмотря на жгучее горе, на несносныя непріятности. Жить—это опьяненіе! Любить, быть любимымъ—это небо!..» Такъ не говоритъ невѣрная жена, чувствующая свою вину передъ семьей и обществомъ.

Тутъ же доскажемъ и конецъ этой исторіи, — конецъ, который не могъ быть инымъ. Въ сущности Ж. Зандъ избрала Жюля Сандо также случайно, какъ когда-то Дюдевана. Тогда надо было найти себѣ выходъ изъ подъ опеки матери, и она связала свою судьбу съ первымъ, противъ котораго съ перваго взгляда ничто не говорило. Теперь она была въ настроеніи, когда ей нужно было найти исходъ своей потребности любить и радоваться жизнью. Первый, на котораго упалъ ея взглядъ, былъ Ж. Сандо. Это былъ не выборъ, а жребій. Сандо не имѣлъ никакихъ качествъ, которыя бы позволяли думать, что онъ серьезно относится къ своимъ отношеніямъ къ Ж. Зандъ. Онъ былъ влюбленъ въ нее, какъ влюбляются обыкновенно 20-ти-лѣтніе юноши во всякую женщину, которая ихъ не отталкиваетъ и не лишена наружной привлекательности. Для глубокаго одухотвореннаго чувства онъ былъ и слишкомъ молодъ, и слишкомъ мелокъ по натурѣ. Менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ начала любви, Ж. Зандъ случайно (совершенно также, какъ съ мужемъ) открыла самую невозвышенную связь своего друга съ какой-то служанкой. Послѣдствія этого новаго разочарованія были весьма значительны и для психологической эволюціи, и для литературной дѣятельности Ж. Зандъ, но намъ необходимо еще вернуться назадъ, чтобы расказать исторію ея первыхъ крупныхъ произведеній.

Евгеній Дегенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТАЙНЫ НОЧИ.

Ахъ, эти звѣздныя ночи!.. безмолвныя, знойныя ночи!..
Чуткія тѣни приникли къ уснувшей землѣ,
Вьются въ лучахъ позабытыя грезы;
Дымкою таютъ пролитыя слезы;
Сны безпріютные бродятъ безшумно во мглѣ...
Чуетъ ихъ вѣщее сердце, и въ сумракѣ ищутъ ихъ очи...

—

Ахъ, эти ясныя звѣзды!.. ревнивыя тайны отъ вѣка...
Смутныя вѣсти изъ темной, нѣмой глубины...
Чтó онѣ? Жизней предвѣчныхъ могилы?
Иль колыбель созидающей силы?
Или о прошломъ—вселенной лазурные сны?..
Звѣзды мерцаютъ загадкой на жадный вопросъ человѣка...

А. Колтоновскій.

ПОБѢДА.

ПОВѢСТЬ.

I.

На Петербургской Сторонѣ, на одной изъ улицъ не особенно дальнихъ, почти примыкающихъ къ Тучкову мосту, стоитъ деревянный двухъэтажный домикъ. Оба этажа его, обладающіе каждый не болѣе какъ по десятку оконъ, раздѣлены на нѣсколько маленькихъ квартиръ, которыя отдаются небогатымъ жильцамъ. Рядомъ съ этимъ домикомъ стоитъ другой домъ, тоже деревянный, но побольше. Отъ этого дома идетъ постоянный гулъ и шумъ, громкіе крики, иногда пѣсня, иногда взвизгиваніе и стоны—результаты драки. Между первымъ и вторымъ этажемъ этого дома, на фасадѣ, красуется длинная вывѣска, на которой золотыми буквами славянскаго пошиба написано: „трактиръ Америка". А на воротахъ, принадлежащихъ къ этому дому, другая надпись: „дворъ для извозчиковъ". Этими двумя вывѣсками и объясняются въ достаточной степени тотъ шумъ и тѣ крики, которые раздаются въ этомъ домѣ.

При меньшемъ домикѣ есть небольшой дворъ. Ворота его были раскрыты настежъ и во дворѣ стояли двѣ ломовыхъ телѣги, обѣ до верху высоко нагруженныя всякимъ домашнимъ скарбомъ. Дѣло происходило тринадцатаго августа, когда бѣднѣйшіе жители Петербурга, связанные службой и дѣтскими уроками въ гимназіяхъ, переѣзжаютъ съ дачъ. Денекъ былъ сѣренькій, сверху что-то накрапывало, но ничто не обѣщало большого дождя.

Широкоплечій, небольшого роста господинъ, въ крылатой накидкѣ, сильно порыжѣвшей отъ времени, съ сѣденькими бачками, съ незначительнымъ лицомъ, суетливо возился около ломовыхъ телѣгъ. Онъ то приказывалъ двумъ рабочимъ тащить ту или другую вещь, то самъ схватывалъ какой-нибудь табуретъ и несъ его по деревянной лѣстницѣ, во второй этажъ. Тутъ же работала и высокая женщина, сухощавая, съ лицомъ какого-то водянистаго

цвѣта, совершенно испещреннымъ морщинами. Но между нею и широкоплечимъ господиномъ была та разница, что она ходила медленно, не суетилась, не командовала, а молча брала ту или другую вещь изъ не особенно тяжелыхъ и относила въ домъ.

Гимназистъ лѣтъ четырнадцати, въ темно-сѣрой суконной блузѣ, подпоясанный кожаннымъ кушакомъ, съ горделиво выставлявшимися впередъ буквами на околышкѣ картуза, означавшими принадлежность его къ одной изъ петербургскихъ гимназій, съ необыкновенно самоувѣреннымъ видомъ помогалъ старикамъ, по своей живости и подвижности очень напоминая широкоплечаго господина съ сѣденькими баками. Тутъ же была и дѣвушка лѣтъ семнадцати, въ суконной черной кофтѣ, съ замѣтно продранными локтями. Изъ-подъ кофты внизъ спускалось короткое платье коричневаго цвѣта и черный передникъ. Она была гимназистка послѣдняго класса. Ея участіе въ работѣ было мало полезно для дѣла. Все она дѣлала какъ-то неловко, недостаточно охотно и какъ бы конфузилась необходимости перетаскивать вещи.

Тѣмъ не менѣе, всѣ такъ или иначе кое-что дѣлали вмѣстѣ съ рабочими. Только молодой человѣкъ въ очень странномъ костюмѣ, присутствовавшій тутъ же велъ себя иначе. Костюмъ у него былъ составной. Брюки, видимо, принадлежали къ гимназической парѣ, которую онъ недавно только снялъ, а пиджакъ былъ свѣтло-сѣрый, слишкомъ просторный для его узкихъ плечъ, сильно потертый и, вообще, съ признаками того, что онъ былъ купленъ на толкучкѣ. Цвѣтная рубаха, но не косоворотка, а съ правильными воротничками, какъ-то странно выглядывала изъ-подъ пиджака, а на мѣсто галстуха былъ повязанъ шнурокъ голубого цвѣта.

И дѣвушка, и четырнадцатилѣтній гимназистъ сразу, съ перваго взгляда, должны были быть отнесенными къ семейству широкоплечаго господина и худощавой дамы. Дѣвушка походила на мать, а гимназистъ на отца. Что же касается молодого человѣка, то онъ ни на кого изъ нихъ не походилъ и представлялъ собою совершенно особенный типъ.

Онъ былъ маленькаго роста, чрезвычайно худой, а лицо у него было какое-то миніатюрное, блѣдное, заморенное. Взглядъ у него былъ скучный. Казалось, на что бы онъ ни взглянулъ, ото всего ему становилось тошно; и онъ не принималъ участія въ переноскѣ тяжестей. Онъ стоялъ около одной изъ телѣгъ и только изрѣдка, когда дама или широкоплечій господинъ, или дѣвушка, или гимназистъ не могли вынуть какой-нибудь вещи изъ глубины телѣги, безъ того, чтобы не опрокинуть на землю другихъ, онъ слегка помогалъ имъ.

— Ты лучше не теряй времени, Вася,—сказалъ ему широкоплечій господинъ.—Ты лучше иди. Вѣдь тринадцатое число. Завтра послѣдній срокъ. Ты выбралъ?

— Нѣтъ, не выбралъ,—аппатично отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Такъ надо выбрать. А то вѣдь поздно будетъ.

— Конечно, надо выбрать!—согласился молодой человѣкъ.

— Такъ ты пойди и заяви.

— Я пойду и заявлю! — словно машинально повторилъ его слова молодой человѣкъ.

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, лѣниво повернулъ къ калиткѣ. Когда онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, то ему попалась навстрѣчу дѣвушка съ фаянсовымъ умывальникомъ въ рукахъ. Онъ остановился.

— Вы идете въ университетъ?—спросила она.—Уже выбрали?

— Ахъ, да нѣтъ же,—досадливо отвѣтилъ молодой человѣкъ,—ничего я не выбралъ.

— Да какъ же такъ? Значитъ, у васъ нѣтъ никакихъ цѣлей?

— Ахъ, ничего я не знаю... Право, мнѣ все равно...—на этотъ разъ уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ сказалъ молодой человѣкъ.

— Вѣдь вы любите ботанику, Василій Григорьевичъ... Вотъ бы вамъ и записаться на естественный.

— Ботанику... Почему ботанику? А впрочемъ, тамъ видно будетъ...

Дѣвушка посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, а онъ унылой походкой вышелъ со двора и пошелъ по направленію къ Тучкову мосту.

Онъ совсѣмъ не походилъ на студента, а скорѣе всего на мастерового. И ничего опредѣленнаго не было у него въ головѣ и по лицу его было видно, что тамъ нѣтъ ничего опредѣленнаго; и походка у него была какая-то принужденная, точно онъ шелъ не по собственной волѣ, а единственно для того, чтобы сдѣлать удовольствіе широкоплечему господину, его женѣ и дочери.

Онъ шелъ выбирать факультетъ. Въ сущности, что значитъ для него выбирать и какъ онъ будетъ выбирать? Ботаника... Варя говоритъ ботаника... А что же мнѣ дастъ ботаника? Все дѣло въ томъ, что въ карманѣ у него не было буквально ни одной копѣйки, но съ этимъ бы еще можно примириться, но у него не было ничего ни въ прошломъ, ни въ будущемъ. Ну, прошлое—Богъ съ нимъ, оно пережито, а вотъ будущее... Будущее важно!

И въ то время, когда онъ шелъ черезъ Тучковъ мостъ и когда онъ уже рѣшилъ, что въ будущемъ у него ничего нѣтъ, ему вспомнилось прошлое. Въ прошломъ все собою покрывало его сиротство. Отецъ у него былъ чиновникъ, точно вотъ такой, какъ и этотъ широкоплечій господинъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аргунинъ; получалъ онъ какіе-то ужасные пустяки, что-то около тридцати пяти рублей въ мѣсяцъ, точно такъ, какъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ, ко-

торый тоже получаетъ около этого. Мать его умерла очень рано, сейчасъ же послѣ того какъ произвела его на свѣтъ. А отецъ тоже не долго жилъ и умеръ тогда, когда онъ былъ во второмъ классѣ гимназіи.

Съ тѣхъ поръ онъ попалъ на попеченіе Ѳедора Ѳедоровича, который былъ друженъ съ его отцомъ. Помнитъ онъ отлично, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ тогда бѣгалъ, какъ ошалѣлый, по всему Петербургу, разыскивая для него какія-то права. И вѣдь нашелъ, дѣйствительно нашелъ, и, на основаніи этихъ правъ, его приняли въ одну изъ петербургскихъ гимназій на казенный счетъ.

И онъ сталъ учиться. Учился онъ свирѣпо. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, который отнынѣ былъ для него единственнымъ авторитетомъ, не пропускалъ ни одного случая, чтобы напомнить ему, что, если онъ не будетъ учиться, то пропадетъ и именно такъ и говорилъ: „если ты не будешь хорошо учиться, то непремѣнно пропадешь", и не давалъ этому никакихъ объясненій. И вотъ потому-то, что онъ такъ категорически утверждалъ это и не давалъ объясненій, оно и засѣло въ головѣ мальчика и онъ каждую минуту чувствовалъ, что если не будетъ учиться, то пропадетъ, и потому постоянно только о томъ и думалъ, чтобы какъ-нибудь не пропасть и вѣчно хватался за книжку и зубрилъ, зубрилъ безъ удержу. Ученіе доставалось ему не легко; значительныхъ способностей у него не было и, какъ ни старался онъ, а все же постоянно держался въ ученическомъ спискѣ гдѣ-то посрединѣ. Но это все равно. Ѳедоръ Ѳедоровичъ сначала требовалъ отъ него, чтобы онъ приносилъ пятерки, чтобы непремѣнно былъ первымъ ученикомъ; но потомъ пересталъ за этимъ гоняться. Главное, надо было переходить изъ класса въ классъ и не лишиться казеннаго содержанія.

Всѣ праздники онъ проводилъ у нихъ. А сами они жили въ двухъ комнатахъ и прилагали много искусства для того, чтобы, не смотря на это, въ квартирѣ у нихъ все было прилично. Мать съ дочерью спали въ одной комнатѣ, а отецъ и гимназистъ въ другой. А когда онъ гостилъ у нихъ, то являлся третьимъ. Это было ночью, а днемъ всѣ постели убирались и одна комната становилась вполнѣ приличной гостиной, и когда приходили гости, то ихъ принимали тамъ, а въ другой дѣти учили уроки.

Самъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, буквально не щадя живота, воспитывалъ ихъ во что бы то ни стало, потому что у самого у него было тоже глубокое убѣжденіе, что если не будешь учиться, то пропадешь. Самъ онъ мало учился и, повидимому, не пропалъ, но то были одни времена, а теперь другія. И онъ усердно переписывалъ бумаги,—днемъ на службѣ, а ночью дома; разыскивалъ всевозможные случаи что-нибудь заработать. Въ разное время

управлялъ домами, конечно маленькими, дававшими ничтожный доходъ, а ему ничтожное вознагражденіе; даже былъ агентомъ страховаго общества, но такъ какъ вращался въ средѣ людей бѣдныхъ, то на этомъ поприщѣ потерпѣлъ неудачу.

„Удивительный человѣкъ Θедоръ Θедоровичъ!"—думалъ юноша, идя черезъ Тучковъ мостъ. Если бы ему пришлось такъ жить, то онъ не прожилъ бы больше двухъ дней. Къ концу второго дня онъ окончательно усталъ бы, а потомъ это ему надоѣло бы и онъ умеръ бы отъ скуки.

Онъ шелъ черезъ мостъ. По обѣ стороны моста шмыгали маленькіе пароходики, тупо двигались огромныя баржи, нагруженныя дровами, осторожно скользили лодки и онъ смотрѣлъ на это и все ему казалось скучнымъ. И небо было ему скучно, и у прохожихъ въ лицахъ было что-то скучное, и въ душѣ у него было скучно.

Онъ шелъ затѣмъ, чтобы выбрать факультетъ. Но къ чему ему факультетъ? Вѣдь это тамъ, когда-то, въ будущемъ, а теперь надо же жить чѣмъ-нибудь, не сидѣть же ему на спинѣ этого бѣднаго вьючнаго животнаго, Θедора Θедоровича. Они говорятъ ему: „ты у насъ, какъ свой". Но надо же и честь знать; нельзя же заставлять человѣка, уже и безъ того погруженнаго въ работы и заботы, работать еще и для себя. „Какъ свой", а съ Варей у него даже что-то вродѣ нѣжныхъ чувствъ завелось... и при этомъ воспоминаніи у него на губахъ проскользнула блѣдная усмѣшка и ничто не шевельнулось въ сердцѣ.

Весь какой-то подавленный, приниженный, слегка сгорбившійся, дошелъ онъ до университета. Длинное зданіе тоже показалось ему ужасно скучнымъ. И что за противный этотъ цвѣтъ, въ которой оно выкрашено; точно оклеили его промокательной бумагой или еще вотъ что: словно, окрашивая его, подражали цвѣту лица инспектора той гимназіи, гдѣ онъ учился. О, гимназія! Онъ не можетъ вспомнить безъ содроганія о томъ времени, которое провелъ въ ней. Это было что-то безпросвѣтное, какое-то вѣчное зудѣніе, сидѣніе надъ книгой до одуренія, до слѣпоты, и въ головѣ единственная мысль: учиться, чтобы не пропасть. Учиться единственно для этого, безъ всякихъ задачъ, безъ какихъ бы то ни было цѣлей, безъ малѣйшей любви къ тому, чему учишься.

Но теперь некогда объ этомъ думать. Онъ вошелъ въ университетъ. Его поразилъ какой-то странный гулъ, какое-то жужжаніе, точно онъ вошелъ въ пчелиный улей. Десятки молодыхъ людей мелькали передъ нимъ и всѣ были въ мундирахъ, только двое нашлось такихъ же, какъ онъ.

У большинства мундиры новенькіе, съ иголочки, у нѣкоторыхъ даже щегольскіе. И у всѣхъ, рѣшительно у всѣхъ, удиви-

тельно веселыя лица. Почему имъ такъ весело? Должно быть, у всѣхъ есть деньги, родители, родственники, наслѣдства... А у него нѣтъ ничего, ничего буквально. Страшное ничего...

Онъ повертѣлся безцѣльно въ корридорѣ, гдѣ стояли вѣшалки съ наклеенными бумажечками, на которыхъ были означены фамиліи студентовъ, потомъ спросилъ служителя, гдѣ канцелярія и отправился туда.

Въ канцеляріи былъ только одинъ человѣкъ съ рыженькой бородкой, сидѣвшій за маленькимъ столикомъ; онъ къ нему и обратился.

— Позвольте узнать, зачисленъ ли я въ студенты?

— А ваша фамилія?

— Моя фамилія Барановъ. Василій Барановъ.

— Вы воспитывались въ петербургской гимназіи?

— Да, въ петербургской.

— А когда вы подали прошеніе?

— Второго августа. Я послалъ его почтой.

— Сейчасъ справлюсь!

Секретарь порылся въ ящикѣ, нашелъ какой-то списокъ, повертѣлъ какія-то бумаги, потомъ сказалъ:

— Да, вы зачислены, только условно...

— Почему же условно?

— Вы, вѣроятно, забыли указать факультетъ?

— Нѣтъ, я не забылъ, а я... Я укажу его сегодня.

— Вы можете указать сейчасъ?

— Нѣтъ...—съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтилъ Барановъ,— я еще самъ не знаю.

— Какъ? Вы не знаете, какой выбрать факультетъ? Значитъ, у васъ нѣтъ опредѣленныхъ вкусовъ и влеченія къ какой-нибудь наукѣ?

Онъ посмотрѣлъ на секретаря прищуренными глазами и подумалъ:

— „А у тебя, вѣроятно, есть и квартира, и одежда, и обѣдъ?.. Конечно, есть, если ты секретарь. Ну, то-то. А у меня ничего этого нѣтъ".

Онъ сказалъ вслухъ:

— Я попрошу у васъ позволенія придти черезъ часъ; я тогда заявлю вамъ, какой факультетъ...

— Хорошо-съ. Приходите,—сказалъ секретарь и, когда Барановъ повернулся, онъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ иронической усмѣшкой.

Барановъ опять очутился въ толпѣ студентовъ и безцѣльно потолкался здѣсь нѣкоторое время. Онъ увидѣлъ издали, что навстрѣчу ему быстро идетъ товарищъ по гимназіи Дынинъ. Онъ

былъ въ мундирѣ и шелъ, какъ-то особенно энергично размахивая руками, и на лицѣ его была написана какая-то цѣль.

— А, Барановъ!—сказалъ Дынинъ, мимоходомъ пожимая ему руку.—Ты на какой факультетъ поступилъ?

— Не знаю еще,—отвѣтилъ Барановъ.

— До сихъ поръ не знаешь? Вотъ чудакъ! А я юристъ. Ну, прощай...

— Погоди минутку. Я хочу съ тобой поговорить.

— Некогда. Впрочемъ, я сейчасъ вернусь, ты подожди здѣсь.

И онъ очень быстро куда-то исчезъ, но, дѣйствительно, минутъ черезъ пять вернулся.

— Слушай, Барановъ, ты хочешь поговорить со мной, такъ пойдемъ лучше въ буфетъ, тамъ свободнѣе.

— Развѣ здѣсь есть буфетъ?—съ удивленіемъ спросилъ Барановъ.

— Ну, какъ же, разумѣется. Вѣдь мы не гимназисты, а взрослые люди. Пойдемъ въ буфетъ.

— Что же я тамъ буду дѣлать! У меня нѣтъ денегъ.

— Ну, пустяки, я заплачу за тебя...

Барановъ согласился. Они пошли въ буфетъ и сѣли на самомъ краю длиннаго стола, накрытаго не особенно чистой скатертью. Барановъ замѣтилъ, что многіе на него озирались и, очевидно, обращали вниманіе на то, что онъ не въ мундирѣ. Къ нимъ подсѣлъ еще товарищъ по гимназіи Кокосовъ, блѣдный молодой человѣкъ въ очкахъ, съ какими-то необыкновенно глубокими вдумчивыми глазами, и они сидѣли втроемъ. Барановъ ѣлъ вареныя сосиски съ хрѣномъ и передъ нимъ еще стояла чашка кофе съ молокомъ.

— Представь, какой чудакъ,—говорилъ Дынинъ Кокосову, указывая на Баранова,—до сихъ поръ факультета не выбралъ. Ты на какомъ?

— Я математикъ,—отвѣтилъ Кокосовъ.

— Почему математикъ?—съ любопытствомъ спросилъ Барановъ.

— Потому что я люблю математику. Я всегда ее любилъ, и въ гимназіи, помнишь? А ты? Ты что хочешь выбрать?

— Не знаю... А скажи, математикамъ даютъ стипендіи?—спросилъ Барановъ.

— А, стипендію... Вотъ ты о чемъ!—промолвилъ Дынинъ.

— Ну, а какъ же? Вѣдь у меня ровно ничего нѣтъ.

— Ну, если ты хочешь непремѣнно получить стипендію, тогда поступай на филологическій.

— А тамъ легко получить?

— Да, легче всего. На филологическомъ много стипендій. Съ

Рождества тамъ ужъ, навѣрно, получишь, тамъ почти всѣ получаютъ стипендіи. А если хорошо попросить кого слѣдуетъ, то можно и теперь...

— Неужели можно?

— Тамъ есть и такія стипендіи. Ты лучше всего поговори съ ректоромъ. Разскажи ему все, сошлись на то, что у тебя ничего нѣтъ. Онъ, можетъ быть, и дастъ.

Барановъ оживился. Даже въ глазахъ его, до сихъ поръ скучныхъ, появилась нѣкоторая веселость.

„Есть такія стипендіи,—думалъ онъ съ усиленно бьющимся сердцемъ.—Надо попробовать, можетъ быть и удастся".

Онъ всталъ.

— Ты уходишь?—спросилъ его Дынинъ. — Куда? Зачѣмъ?

— Пожалуйста, заплати вотъ за эти двѣ сосиски и за кофе; я тебѣ отдамъ потомъ. Я пойду въ канцелярію!—сказалъ Барановъ.

— А что, рѣшилъ?

— Рѣшилъ. Запишусь на филологическій.

Онъ вышелъ изъ буфета и не сразу могъ найти ходъ въ коррадоръ, чтобы оттуда попасть въ канцелярію; но, наконецъ, онъ нашелъ его, зашелъ въ канцелярію и попросилъ записать его на филологическій факультетъ.

Потомъ онъ вышелъ изъ университета и прежней дорогой пошелъ домой; но походка у него была нѣсколько живѣе; все-таки онъ рѣшилъ кое-что и при томъ подъ вліяніемъ рѣчей Дынина у него теперь была надежда.

„Ну, значитъ, буду филологомъ. А, да не все ли равно, чѣмъ быть?. Всѣ науки одинаково скучны... Вонъ Варя говоритъ, что я люблю ботанику. Какая же это ботаника? Я люблю ходить по лѣсу, собирать цвѣточки да травки, да листики съ деревьевъ. Это пріятно, потому что сверху солнышко грѣетъ и никто не стоитъ надъ твоей душой, не заставляетъ тебя это дѣлать. А какъ только это сдѣлается наукой, баста, — сейчасъ скучно станетъ. ¡Ботаника! Любишь, говоритъ, ботанику! Ну, если даже и такъ, такъ что же изъ этого? Ботаникой не напитаешься. Вотъ завтра пойду къ ректору и прямо попрошу у него стипендію".

Когда онъ пришелъ на Петербургскую Сторону къ маленькому двухъэтажному деревянному домику, телѣги во дворѣ стояли уже пустыя; значитъ, весь скарбъ перенесли въ домъ.

— Ну, что? — спросилъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Выбралъ? Записался?

— Выбралъ,—отвѣтилъ Барановъ.

— Какой же ты выбралъ факультетъ?

— Филологическій.

Варя, которая была теперь безъ кофты, въ коричневомъ

платьицѣ, въ черномъ передникѣ, посмотрѣла на него широко раскрытыми, изумленными глазами; онъ это видѣлъ, и у него не было ни малѣйшей охоты разрѣшать ея недоумѣніе.

Къ вечеру перестало моросить, и небо очистилось. Въ квартирѣ все было уставлено по своимъ мѣстамъ и во всемъ былъ отмѣнный порядокъ.

Квартира состояла изъ двухъ комнатъ. Первая, въ которую входили изъ передней, была довольно большая, въ два окна, выходившихъ во дворъ. Вторая обладала только однимъ окномъ. Изъ передней направо была кухня. Прислуги вовсе не полагалось, да для нея и не нашлось бы помѣщенія. Передняя была настолько мала, что отъ нея нельзя было отдѣлить ни одной пяди. Хозяйка дома, Марья Петровна, сама ходила на рынокъ и готовила обѣдъ. Она же и выметала комнаты и поддерживала въ квартирѣ порядокъ. Дѣти сами убирали свои постели. Вообще, каждый, по мѣрѣ возможности, старался работать для себя.

Въ этотъ день обѣдъ былъ изготовленъ наскоро и обошлись безъ супа. Просто были сдѣланы рубленныя котлеты. Өедоръ Өедоровичъ совсѣмъ не былъ на должности. Онъ отпросился у начальства ради переѣзда съ дачи. Но переѣздъ стоилъ порядочно денегъ и вывелъ его изъ бюджета; надо было какъ-нибудь покрыть эту передержку и для этого требовался экстренный заработокъ.

И у него уже были наготовѣ какія-то бумаги, очень спѣшныя и требовавшія для переписки большого вниманія. А въ квартирѣ слышался говоръ и въ особенности шумѣлъ неугомонный гимназистъ, да и, вообще, трудно было работать съ такими отвѣтственными бумагами, когда на каждомъ шагу кто-нибудь торчалъ.

— Дѣти, вы бы пошли прогуляться!—сказалъ Өедоръ Өедоровичъ, желая остаться наединѣ съ своими бумагами.

„Это, значитъ, деликатно выгоняютъ“! подумалъ Барановъ, да и у другихъ дѣтей мелькнула приблизительно такая же мысль.

Варя надѣла свою кофту съ продранными локтями. Өедоръ Өедоровичъ взглянулъ на нее мелькомъ и покачалъ головой.

— Эхъ, надо бы тебѣ новую кофту сдѣлать!

Варя покраснѣла. Она ужасно не любила, когда говорили объ этой несчастной кофтѣ, въ особенности при Барановѣ, хотя рваные локти ни для кого, а въ томъ числѣ и для Баранова, не были тайной.

— У меня зимняя кофта цѣлая,—сказала она,—а эту я сниму, когда станетъ холодно...

— Ну, ладно, пожалуй, коли такъ!—промолвилъ Өедоръ Өедоровичъ и успокоился на счетъ кофты.

— Пойдемте въ Александровскій!—предложила Варя Баранову.

Барановъ поднялся, и съ такимъ видомъ, который говорилъ, что ему все равно, взялъ шапку. Ему никуда не хотѣлось идти, но Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ его благодѣтель и онъ считалъ себя обязаннымъ исполнить желаніе его дочери да и его самого.

Они вышли на улицу. Митя былъ съ ними. Этотъ мальчикъ, не смотря на свои четырнадцать лѣтъ, на улицѣ буйствовалъ и обращалъ на себя общее вниманіе. Онъ взлѣзалъ на деревянные заборы и оттуда кричалъ пѣтухомъ, садился на тумбы, прохожимъ показывалъ языкъ. Варя каждую минуту должна была останавливать и унимать его.

Они шли молча до самого парка; а въ паркѣ нашли порядочно народа. Всѣ, очевидно, обрадовались прояснившемуся небу. Большею частью здѣсь были рабочіе и мастеровые, между ними попадались и пьяные.

Они сѣли на скамейку. Барановъ искоса поглядывалъ на свою сосѣдку и почему-то сегодня особенно ему бросалось въ глаза то, какой у Вари необыкновенно здоровый видъ. Варя была полная и краснощекая.

„Странно,—думалъ Барановъ,—живетъ со всѣми въ кучѣ, въ несчастныхъ двухъ комнатахъ, гдѣ и воздуху-то никакого нѣтъ, ѣстъ плохо, въ гимназіи совсѣмъ безъ завтрака обходится, ради экономіи, а какая здоровая! Должно быть, это оттого, что живетъ она у себя дома. У нея есть душевное спокойствіе. Я никогда не жилъ у себя дома. По крайней мѣрѣ не помню, когда это было, оттого я такой заморышъ".

И ему какъ-то странно было сидѣть рядомъ съ нею. У нея толстыя румяныя щеки и въ глазахъ столько молодой жизни, столько живости и огня, а у него лицо хилое, безкровное, цвѣта выжатаго лимона. „Воображаю, какъ ее разнесетъ, когда она сдѣлается дамой!"—думалъ Барановъ съ ироническою усмѣшкой и ему почему-то хотѣлось осмѣять ее, хотя бы и не на словахъ, а только въ душѣ.

Но въ сущности это было напускное, а въ душѣ онъ питалъ къ ней хорошее чувство. Вѣдь Варя была добрая и они сжились, въ теченіе многихъ лѣтъ, постоянно вмѣстѣ проводя праздники. При томъ она какъ-то всегда заглядывала ему въ лицо, особенно когда у него случалось что-нибудь скверное. Она сочувствовала ему.

Теперь у него настроеніе ничего себѣ, а она все-таки заглядываетъ ему въ глаза и глаза эти какъ бы говорятъ: мнѣ тебя жаль, ты бѣдный!

— Почему вы выбрали филологическій факультетъ, Василій Григорьевичъ?—спросила Варя.

— Такъ, выбралъ да и только!—отвѣтилъ Барановъ.—Надо же что-нибудь выбрать.

— Вѣдь на филологическомъ древніе языки, а вы ихъ терпѣть не можете.

— Можно исторіей заняться.

— А вы развѣ любите исторію? Я этого не знала.

— Я самъ тоже не зналъ этого!—съ усмѣшкой отвѣтилъ Барановъ.

— Такъ зачѣмъ же?

— Знаете, что я люблю, Варя? Каждый день обѣдать, ходить въ сносной одеждѣ, а не съ продранными локтями...

Варя инстинктивно прижала свои локти къ бокамъ, чтобы спрятать дыры.

— Но это ужасно—заниматься всю жизнь тѣмъ, чего терпѣть не можешь. Надо же любить что-нибудь.

— Ахъ, я ничего не люблю.

— Вы на себя клевещете, Василій Григорьевичъ.

— Увѣряю васъ, Варя, что сейчасъ, сію минуту я ничего не люблю. Я хочу только добиться чего-нибудь, чтобы жить...

— Зачѣмъ? Вы можете жить у насъ. Папа сказалъ, что онъ съ удовольствіемъ будетъ васъ держать...

— Нѣтъ, я не могу... Это уже было бы безсовѣстно. Вотъ у васъ продранные локти, а я буду объѣдать васъ. Съ какой стати?

„Опять локти!"—подумала дѣвушка и покраснѣла.

Четырнадцатилѣтній гимназистъ, о которомъ они на время забыли, успѣлъ задѣть кого-то среди гуляющихъ и какой-то полупьяный мастеровой гнался за нимъ.

— Что это?—сказала Варя,—этотъ Митя съ ума меня сведетъ.

У Баранова вдругъ, неизвѣстно почему, закипѣла желчь. Онъ вскочилъ и перегородилъ дорогу пьяному.

— Отстань!.. Пошелъ вонъ, негодяй!..—крикнулъ онъ ему свирѣпымъ голосомъ и на губахъ у него отъ злобы появилась слюна. Варя никогда не видала, чтобъ у него такъ злобно горѣли глаза.

Пьяный, должно быть, принявъ его за сумасшедшаго, рѣшилъ не вступать въ споръ и отсталъ отъ Мити.

— Послушай, Митя,—съ прежней злобой сказалъ ему Барановъ,—если ты еще разъ задѣнешь кого-нибудь, я тебѣ отдеру уши...

— Что?—задорно возразилъ Митя,—ты не смѣешь надрать мнѣ уши.

— Я тебѣ покажу, смѣю или нѣтъ...

Митя засмѣялся и показалъ ему языкъ. Барановъ сѣлъ на скамейку, сердце у него страшно билось; въ груди злоба кипѣла на весь міръ. Варѣ слѣдовало молчать, пока онъ придетъ въ себя. Но она не разсчитала и сказала:

— Развѣ можно быть такимъ злымъ?

Онъ оскалилъ зубы.

— Ахъ, оставьте, оставьте меня...—глухо промолвилъ онъ, сжимая кулаки.

Варя вздохнула и замолчала. Прошло минутъ десять, начало темнѣть; у Баранова улеглась желчь, онъ почувствовалъ себя виноватымъ.

— Простите, пожалуйста, Варя; я васъ обидѣлъ. Это у меня желчь...

— Отчего это?—съ сочувствіемъ спросила Варя.

— Не знаю. Должно быть, оттого, что заморили меня и еще будутъ морить долго, долго! Пойдемте домой.

Онъ поднялся и предложилъ ей руку. Она очень удивилась этому, но взяла его руку.

— Завтра пойду къ ректору и буду молить его о стипендіи,—сказалъ Барановъ мягкимъ голосомъ и потомъ всю дорогу они молчали. Митя шелъ рядомъ съ нимъ. Утомленный своими дурачествами, онъ больше уже не предпринималъ ничего и искоса посматривалъ на Баранова, очевидно оскорбленный.

Баранову теперь было пріятно, что объ руку съ нимъ идетъ Варя—молодая, красивая дѣвушка, сочувствующая ему. Это случалось очень рѣдко, что ему была пріятна ея близость.

Когда они пришли домой и Варя пошла въ кухню ставить самоваръ, онъ попросилъ ее уступить ему и самъ поставилъ. Въ этотъ вечеръ онъ смотрѣлъ мирно, какъ никогда. Припадокъ желчи какъ бы удовлетворилъ его или, можетъ быть, ему было стыдно.

II.

Барановъ былъ у ректора, но стипендіи не добился. Ему сказали, что всѣ стипендіи, какія можно получить теперь, разобраны. Но потомъ другіе объяснили ему, что надо имѣть протекцію. Между тѣмъ протекціи у него не было никакой и достать ее онъ не могъ. Тутъ даже самъ Өедоръ Өедоровичъ, не смотря на всю свою изобрѣтательность и изворотливость, ничего не могъ бы подѣлать.

Онъ остался жить у Өедора Өедоровича, который иногда доставалъ ему небольшую переписку. Перепиской онъ зарабатывалъ немного болѣе четырехъ рублей въ мѣсяцъ. И это давало ему возможность содержать въ порядкѣ свой жалкій туалетъ, наставлять подошвы на сапоги, дѣлать заплаты на бѣльѣ. Спать приходилось втроемъ. Өедоръ Өедоровичъ, гимназистъ и онъ.

Ректоръ сказалъ ему, что съ января онъ непремѣнно получитъ стипендію, если будетъ усиленно заниматься. И онъ напрягалъ всѣ силы.

Еще въ гимназіи онъ получилъ непобѣдимое отвращеніе къ греческому и латинскому языкамъ, а между тѣмъ здѣсь пришлось начать тоже съ нихъ. Приходилось напрягать вниманіе во время лекцій, потому что ни книгъ, ни записокъ онъ не могъ пріобрѣсти,—для этого требовались деньги. Онъ записывалъ все, что говорилось на лекціи, боялся пропустить малѣйшее замѣчаніе, потому что все время передъ нимъ стояла январьская стипендія. Придя домой, онъ углублялся въ собственныя записки и зубрилъ ихъ.

„Какая же разница?—спрашивалъ онъ себя:—вотъ я теперь студентъ, а не вижу никакой разницы. Въ гимназіи зубрилъ и здѣсь тоже".

Много хлопотъ доставило ему пальто. Новаго онъ пріобрѣсти не могъ. Осталось у него казенное, гимназическое. Общими усиліями его пришлось подвергнуть сильной переработкѣ и получилось нѣчто странное—ни то, ни се. Въ этомъ пальто онъ болѣе всего походилъ на разсыльнаго изъ какого-нибудь департамента и ему было неловко являться въ немъ въ университетъ, потому что у всѣхъ пальто были какъ слѣдуетъ. Поэтому, придя въ университетъ, онъ спѣшилъ какъ можно скорѣе раздѣться, чтобы никто не присматривался къ его одеждѣ.

Товарищей у него не было никакихъ. Въ университетѣ было не мало бѣдняковъ, но такихъ, какъ онъ, кажется, ни одного не было. По крайней мѣрѣ, у всѣхъ были и лекціи, и книги и, приличная одежда. И онъ боялся знакомиться. Вѣдь тогда пришлось бы познакомить со своей обстановкой, а онъ этого не хотѣлъ; когда заговаривали съ нимъ, онъ отвѣчалъ угрюмо и сурово и этимъ отбивалъ всякую охоту продолжать разговоръ.

Дѣти Ѳедора Ѳедоровича ходили въ гимназію. Варя тоже нѣсколько похудѣла; она очень старалась, чтобъ хорошо кончить. Она уже теперь мечтала о курсахъ.

Митя тоже сталъ серьезнѣе. Онъ былъ уже въ четвертомъ классѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ весьма внушительно сказалъ ему, что четвертоклассникъ не можетъ быть сорванцомъ. Мальчикъ принялъ это къ сердцу и прочувствовалъ и какъ-то вдругъ затихъ. Онъ сталъ вести себя серьезно, съ какой-то даже преувеличенной солидностью, но учился онъ плохо.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ самъ возился съ нимъ. У Мити были нѣкоторыя способности, но онъ просто лѣнился. И отецъ постоянно понукалъ его, заставлялъ его сидѣть за книжкой, а по вечерамъ выслушивалъ уроки. Слѣдовало бы заняться этимъ Баранову, но ему было противно все, что относилось къ гимназіи и онъ самъ не предложилъ; а Ѳедоръ Ѳедоровичъ деликатничалъ. Барановъ былъ постояннно въ мрачномъ настроеніи, почти всегда молчалъ и этимъ подавлялъ всѣхъ.

Приближались праздники. Барановъ ждалъ репетицій и зубрилъ на пропалую. Передъ нимъ постоянно рисовалась неизбѣжная необходимость получить стипендію. Этого надо было добиться во что бы то ни стало. Ему страшно надоѣло жить на хлѣбахъ. Конечно, Өедоръ Өедоровичъ и его семья никогда не дѣлали ему намековъ и вообще они были добрые люди и относились къ нему сердечно. Но самому ему было это тяжело. Онъ былъ не мальчишка, у него уже подростали усы, а все же онъ находился на иждивеніи постороннихъ людей, совершенно такъ, какъ въ гимназіи, когда онъ былъ на казённомъ. И пальто тоже было необходимо. Поэтому онъ сидѣлъ по ночамъ надъ тетрадками, имъ же самимъ составленными, и надсаживалъ грудь. Лицо у него было теперь еще блѣднѣе, чѣмъ тогда, когда онъ вышелъ изъ гимназіи.

— Вы уморите себя, Василій Григорьевичъ! — сочувственно говорила ему Варя.

— А, все равно! — апатично отвѣчалъ онъ.—Можетъ быть, даже лучше.

Это говорилось такимъ тономъ, что отбивало у Вари всякую охоту выражать сочувствіе. Наконецъ, начались репетиціи. Онъ обнаружилъ необыкновенныя знанія. Онъ подробно и буквально зналъ все то, что говорилось на лекціяхъ, и за это получилъ прекрасныя отмѣтки.

Однажды онъ пришелъ домой до того веселый и оживленный, что въ первую минуту его не узнали. Казалось, у него совсѣмъ перемѣнилось лицо. Въ карманѣ у него было двадцать пять рублей, которые онъ только что получилъ въ университетской кассѣ и это его страшно нервировало. Никогда еще въ жизни у него не было такой суммы. И сердце у него билось сильно.

— Вотъ,—сказалъ онъ Өедору Өедоровичу:—возьмите. Вамъ на праздникахъ будетъ нужно.

Өедоръ Өедоровичъ вдругъ растрогался и началъ его дружески хлопать по плечу:—эхъ, я всегда говорилъ, что онъ добрый малый, только его заморили!

Но отъ денегъ онъ отказался.

— Нѣтъ, ни за что не возьму. Тебѣ нужнѣе, чѣмъ мнѣ. Что праздникъ? Я какъ-нибудь добуду, перебьюсь, а тебѣ нужно многое подправить и пріобрѣсти...

Въ этотъ вечеръ всѣ въ квартирѣ ужасно были рады. У Вари тоже сіяли глаза. И всѣ обсуждали вопросъ, какъ наилучшимъ образомъ употребить эти деньги.

— Ты найди себѣ маленькую-премаленькую комнатку, — говорилъ Өедоръ Өедоровичъ.—Знаешь, я тебѣ скажу, это не важно, что она будетъ маленькая. Главное, была бы твоя. Понимаешь,

у каждаго человѣка долженъ быть такой уголъ, куда бы онъ могъ придти и остаться одинъ, самъ съ собою, съ своими мыслями. Это самое главное въ жизни! А, пускай онъ будетъ совсѣмъ маленькій, ну, просто, уголочекъ, чтобъ было гдѣ стать и сѣсть.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ говорилъ это съ глубокимъ убѣжденіемъ, потому что самъ онъ всю жизнь мечталъ о такомъ уголкѣ и никакъ не могъ добиться его. Вѣчно ему приходилось работать на глазахъ у всей семьи.

— А обѣдать будешь у насъ,—сказала жена Ѳедора Ѳедоровича.

— Конечно, у насъ,—подтвердилъ самъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.— А чтобы тебѣ не было неловко, ты можешь даже платить какіе-нибудь пустяки, ну, рубля четыре-пять. А то вѣдь я знаю, тебѣ тяжело даромъ...

И всѣмъ казалось, что двадцать пять рублей—огромныя деньги, на которыя Барановъ сдѣлаетъ себѣ все, что надо.

— А пальто?—вдругъ воскликнулъ самъ Барановъ. И этотъ вопросъ всѣхъ озадачилъ. Да, пальто, про него-то и забыли, а между тѣмъ это очень важный предметъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ началъ шевелить мозгами; онъ призывалъ всю свою изобрѣтательность и, наконецъ, ударилъ себя рукой по лбу.

— Нашелъ!—воскликнулъ онъ.—Мы сдѣлаемъ такъ: ты поживешь у насъ еще недѣли двѣ, кстати — праздники, вотъ мы вмѣстѣ ихъ и проведемъ. А у меня есть знакомый торговецъ платьемъ. Онъ тебѣ дастъ въ разсрочку. И у тебя будетъ пальто. Ты ему дашь рублей десять. У тебя останется пятнадцать и послѣ праздниковъ ты наймешь себѣ комнату. Вотъ тебѣ на три недѣли и хватитъ.

„Почему они такъ близко къ сердцу принимаютъ мои интересы? — размышлялъ во время всѣхъ этихъ переговоровъ Барановъ.—Всѣ такъ рады, у Вари глаза сіяютъ, а Ѳедоръ Ѳедоровичъ какъ распинается, выворачиваетъ себя на изнанку. Что я имъ? Сынъ пріятеля. Гм... Вѣдь это было такъ давно... Я думаю, онъ забылъ уже, какое лицо было у его пріятеля, моего отца“.

Этотъ вопросъ назойливо лѣзъ въ голову Баранова. И онъ однажды спросилъ у Ѳедора Ѳедоровича.

— Объясните мнѣ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, почему это вы такъ стараетесь для меня? Вѣдь я вамъ ничего хорошаго не сдѣлалъ.

— А, ничего хорошаго... Такъ вѣдь ты же сынъ моего друга!.. Пойми ты это.

И Ѳедоръ Ѳедоровичъ началъ вспоминать его отца, Григорія Григорьевича Баранова. Вспоминалъ онъ разныя подробности давней жизни: какъ они вмѣстѣ сидѣли за однимъ столомъ и стро-

чили бумаги. Какъ, когда еще были холостые, жили въ одной сырой комнатѣ, какъ потомъ влюбились—сперва Григорій Григорьевичъ, а потомъ и Өедоръ Өедоровичъ и помогали другъ другу обвѣнчаться. Какъ послѣ этого бѣдствовали еще больше.

Воспоминанія были все неинтересныя, самыя обыденныя и главное — ничего въ нихъ не было хорошаго: бѣдность да бѣдность, сырость да голодъ. А между тѣмъ Өедора Өедоровича все это страшно трогало и его глаза были полны слезъ.

Праздники прошли. Барановъ началъ искать квартиру и нашелъ ее на Васильевскомъ Островѣ, въ пятомъ этажѣ. Онъ нанялъ комнату у нѣмки за девять рублей.

Съ этого времени жизнь его пошла хорошо. Өедоръ Өедоровичъ устроилъ ему пальто въ разсрочку и онъ теперь уже не стыдился своей одежды, когда являлся въ университетъ и не торопился раздѣваться. Обѣдалъ онъ у Өедора Өедоровича и платилъ пять рублей въ мѣсяцъ. У него даже бывали излишки и онъ иногда заходилъ въ портерную и выпивалъ бутылку пива. Занятій тоже у него было меньше. Особеннаго напряженія требовали первыя репетиціи. Но разъ онъ на нихъ зарекомендовалъ себя, какъ старательный студентъ, то ужъ къ нему относились съ большимъ довѣріемъ и стипендія оставалась за нимъ.

Къ веснѣ онъ какъ-то началъ расцвѣтать. Полгода спокойной и самостоятельной жизни быстро поправили его здоровье. Онъ воспрянулъ духомъ, на щекахъ его появился даже легкій румянецъ. Онъ нѣсколько подросъ и уже не производилъ прежняго впечатлѣнія миніатюрности. Волосы выросли на его головѣ и спускались до шеи и придавали ему какой-то особенный вдумчивый видъ. Однимъ словомъ, онъ совсѣмъ перемѣнился. Его трудно было узнать. „Отъѣлся“, какъ онъ говорилъ. Случалось, что онъ просиживалъ цѣлые вечера у Өедора Өедоровича и весело разсказывалъ что-нибудь изъ университетской жизни. Въ прежнее время этого отъ него никогда нельзя было добиться.

Варя мало бывала съ нимъ. Она страшно много занималась и ей тоже предстоялъ тяжелый экзаменъ. Онъ подшучивалъ надъ ней, приглашалъ въ лѣсъ погулять, шутя укорялъ ее зубрежкой, но она не унималась. Ей во что бы то ни стало надо было сдать хорошо экзаменъ и вотъ она сдала его, и такимъ образомъ кончила курсъ.

Начались разговоры о лѣтѣ. Барановъ получилъ стипендію за три мѣсяца впередъ и сказалъ Өедору Өедоровичу:

— Теперь можно дачу нанять въ другомъ мѣстѣ, а то эта Черная рѣчка надоѣла до тошноты. Надо поселиться тамъ, гдѣ много зелени, гдѣ кругомъ лѣсъ.

И при этомъ въ глазахъ у него игралъ веселый огонекъ. Онъ

сдѣлался живымъ человѣкомъ, тогда какъ въ прошломъ году былъ мертвецомъ. Онъ предложилъ Ѳедору Ѳедоровичу изъ своихъ денегъ пятьдесятъ рублей, а на двадцать пять рублей разсчитывалъ сдѣлать себѣ лѣтнее платье.

— Что жъ, я возьму съ благодарностью!—сказалъ на этотъ разъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Теперь это будетъ справедливо.

Теперь Варя была свободна и они нерѣдко гуляли вмѣстѣ по городу. Она находила, что онъ сталъ совсѣмъ новый и милѣе, и добрѣе, чѣмъ прежде.

— Это оттого,—сказалъ онъ,—что я отъѣлся. Человѣкъ дѣлается хорошимъ, когда ему хорошо.

— А филологію вы, значитъ, полюбили?—спросила Варя.

Послѣ этого вопроса онъ вдругъ сдѣлался скучнымъ.

— А, ну ее! пожалуйста не говорите мнѣ о филологіи и, если хотите, чтобъ лѣтомъ я не былъ скучнымъ, и лѣтомъ не говорите о ней.

— Но вѣдь можно перемѣнить?

— Перемѣнить? Это значитъ опять лишиться стипендіи, опять перебиваться. Нѣтъ, поскорѣе бы кончить и быть самостоятельнымъ человѣкомъ. Не хочу я мѣнять. Надо обѣими руками держаться за то, что попало въ нихъ...

Было недурное лѣто. Они жили на Удѣльной. Барановъ и Варя почти все его провели въ лѣсу. Они часто, взявшись за руки, гуляли и тогда сердце его усиленно билось и онъ ощущалъ какую-то сладкую истому въ груди. Теперь онъ чувствовалъ, что Варя ему близка. Онъ уже далеко не былъ равнодушенъ къ ней.

Однажды послѣ гулянья они присѣли рядомъ на зеленой травѣ. Варя посмотрѣла ему въ глаза и вдругъ почему-то ей захотѣлось сравнить его съ прежнимъ. Какая страшная разница! У него теперь совсѣмъ другое лицо Теперь онъ вполнѣ приличный молодой человѣкъ, а прежде былъ ужасенъ: худой, замореный, желтый, иногда даже непріятный. Но она и тогда смотрѣла съ сочувствіемъ въ его глаза.

Барановъ наблюдалъ за ней и понялъ, что у нея теперь именно эти мысли. Онъ сказалъ:

— Вѣдь правда, Варя, годъ тому назадъ я былъ нехорошій...

— Да, вы совсѣмъ не такой были,—уклончиво отвѣтила Варя.

— А вы все-таки относились ко мнѣ съ сочувствіемъ. Вѣдь правда?

— Да, мнѣ тогда было жаль васъ...

— А теперь?

Она покраснѣла и тихимъ голосомъ произнесла:

— Теперь—не знаю...

И послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ тихимъ голосомъ, кровь вдругъ прилила къ его головѣ и дыханіе сдѣлалось частымъ; онъ взялъ ея руку и привлекъ ее къ себѣ.

— Варя, Варя... Вѣдь все-таки есть счастье на землѣ!

— Василій Григорьевичъ!—опасливо прошептала она, но не вырвалась отъ него.

Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ и все его существо трепетало.

— Варя, вѣдь мы женимся потомъ... Потомъ, когда достигнемъ... А теперь будемъ сидѣть такъ—близко-близко.

И они сидѣли молча, пока не раздался вблизи голосъ Мити, бѣгавшаго въ другой части лѣса. Они поднялись и вмѣстѣ съ Митей пошли домой.

Съ этихъ поръ онъ сталъ думать о Варѣ, какъ о своей невѣстѣ. И думалъ такъ и потомъ, когда многое въ ихъ отношеніяхъ перемѣнилось.

Послѣ лѣта Варя поступила на курсы. Она была неразвитая дѣвушка. Дома не было никакой возможности развиваться. Высшимъ умственнымъ и нравственнымъ авторитетомъ былъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, который не отличался широкимъ кругозоромъ. Онъ и репетировалъ ее, когда она была поменьше, и разрѣшалъ всѣ вопросы и недоразумѣнія, какіе приходили ей въ голову.

Мать—забитая нуждой — не могла оказать никакого вліянія на ея развитіе. Она заботилась только о бѣльѣ, объ обѣдѣ и о чистотѣ. Книгъ не было и негдѣ было достать. Барановъ тоже только зубрилъ и по праздникамъ, когда бывалъ у нихъ, молчалъ или спалъ. Но въ ней всегда были какія-то смутныя стремленія, и теперь, когда она попала въ новую среду, голова ея закружилась. Разговоры, толки, лекціи, вопросы,—все это вдругъ какъ бы подняло ее на воздухъ, и она почувствовала себя въ мірѣ новыхъ идей и ей страшно захотѣлось разомъ обнять все. Она съ жадностью доставала книги и проглатывала ихъ одну за другой.

Барановъ совсѣмъ не испыталъ этого перерожденія. Новую зиму онъ провелъ такъ же, какъ и прежнюю; нанялъ такую же маленькую комнату у другой нѣмки. Когда онъ видѣлъ Варю, постоянно погруженную въ книги, онъ пожималъ плечами.

— Неужели это васъ не интересуетъ?—съ удивленіемъ спрашивала его Варя.

— У меня и такъ голова напичкана всякою дрянью,—отвѣчалъ онъ. — Меня нисколько не тянетъ къ книгамъ; я еще въ гимназіи почувствовалъ къ нимъ отвращеніе.

Когда онъ приходилъ къ нимъ, Варя откладывала книги и ей хотѣлось поговорить о нихъ. Онѣ пробуждали въ ея головѣ тысячи мыслей и она пробовала; но онъ не откликался. Онъ оста-

вался глухъ ко всѣмъ ея призывамъ. И это отдалило ее отъ Баранова.

Онъ былъ очень исправнымъ студентомъ. Его постоянная мысль была:—Боже сохрани—потерять стипендію. Случались кое-какіе ничтожные уроки, они дали ему возможность завести новую страсть: онъ началъ курить.

У него теперь были товарищи, которые очень подходили къ нему. Монголовъ—скромный, тихій, изъ семинаристовъ,—страшно боявшійся всякаго рода сходокъ, товарищескихъ сборищъ, кружковъ, и въ виду этого вѣчно уединявшійся. Однажды онъ чуть не упалъ въ обморокъ, когда узналъ, что послѣ шумной сходки нѣсколькихъ товарищей арестовали. Онъ былъ сынъ дьячка и карьера учителя гимназіи представлялась ему чѣмъ-то очаровательнымъ. Онъ былъ бѣденъ и, также какъ Барановъ, страшно дорожилъ стипендіей.

Другой товарищъ былъ по фамиліи Акульскій. Этотъ всегда, когда начиналъ мечтать, приступалъ къ своей рѣчи слѣдующимъ образомъ: „нѣтъ, вотъ когда я буду инспекторомъ гимназіи"...

Это была мечта его жизни. Мечта, до которой Монголовъ, при своей скромности, не смѣлъ подыматься. Акульскій еще въ гимназіи смотрѣлъ съ обожаніемъ на инспектора. Ему казалось, что этотъ человѣкъ всемогущъ, потому что онъ можетъ сдѣлать съ ученикомъ какое угодно добро или зло. Лицо у него было туповатое, особенно поражалъ какой-то дурацкій смѣхъ. Барановъ не любилъ его, но водился съ нимъ, потому что вообще ему трудно было отыскать подходящихъ товарищей. Монголовъ былъ къ нему ближе.

Время шло. Каждое лѣто семейство Өедора Өедоровича жило на дачѣ; съ ними жилъ и Барановъ. За нѣсколько лѣтъ онъ сильно перемѣнился по внѣшности. У него выросла бородка, роста онъ вышелъ средняго и ужъ дальше не росъ. Самъ онъ какъ-то выровнялся, пересталъ сгибать спину. Лицо у него было пріятное, только мало выразительное и какая-то смутность въ глазахъ.

Послѣ того лѣта, когда они впервые жили на Удѣльной, у него уже не было ни одной нѣжной сцены съ Варей. Имъ какъ-то не о чемъ было говорить. У Вари завелись подруги-курсистки, онъ ихъ побаивался. Какъ только соберутся онѣ, сейчасъ же у нихъ подымается разговоръ о Марксѣ, о Толстомъ, о журналахъ и ему вдругъ становится скучно. Въ такихъ случаяхъ онъ закуривалъ папиросу и шелъ одинъ гулять.

Но въ головѣ его безповоротно сложилась мысль, что Варя его невѣста и что они по окончаніи курса женятся.

Өедоръ Өедоровичъ продолжалъ свою страстную, неустанную борьбу за существованіе. Правда, теперь ему отчасти помогали дѣти. У Вари перепадали иногда уроки. Случались уроки и у Мити.

Митѣ было уже семнадцать лѣтъ; онъ быстро пошелъ въ гору, сталъ налегать на учебники и былъ въ числѣ первыхъ учениковъ. Съ Митей у Баранова установились какія-то особыя отношенія. Мальчикъ вдругъ развился и опередилъ его. Выучивъ уроки, онъ садился за книжку и засиживался иногда далеко за полночь. И случалось, что въ то время, какъ Баранову, когда спорили между собой курсистки, подруги Вари, было скучно, Митя вслушивался и иногда вступалъ даже въ разговоръ.

Приближалось время выпускныхъ экзаменовъ. Барановъ былъ близокъ къ желанному окончанію университетскаго курса.

III.

Наступило тяжелое время. Баранову приходилось съ страшнымъ напряженіемъ готовиться къ выпускному экзамену.

Дѣло въ томъ, что онъ уже навелъ справки о мѣстахъ. Лучшія мѣста, конечно, были въ Петербургѣ, а для него въ особенности. Онъ не могъ представить себя иначе, какъ живущимъ въ Петербургѣ. Когда онъ думалъ о провинціи и о возможности попасть туда, его охватывалъ ужасъ.

При мысли о провинціи у него являлось представленіе о какой-то чудовищной пустынѣ, покрытой лѣсами, степями и звѣрями. Географію Россійской Имперіи, разумѣется, онъ зналъ хорошо; но она тутъ ничего не помогала. Тверь, Смоленскъ, Кіевъ, Кострома, всѣ эти названія онъ зналъ превосходно, но они представлялись ему не болѣе, какъ точками на картѣ, и онъ зналъ ихъ и ясно представлялъ именно на картѣ. Реальнаго же представленія объ этихъ мѣстахъ, какъ и обо всѣхъ остальныхъ пунктахъ обширнаго отечества, у него въ головѣ какъ-то совсѣмъ не возникало. Весь міръ сосредоточивался для него въ Петербургѣ. Петербургъ былъ въ его воображеніи нѣчто дѣйствительно реальное, настоящее, осязаемое.

Въ Петербургѣ онъ родился, выросъ, учился. Ему хорошо были знакомы: Петербургская Сторона, Васильевскій Островъ, Пески, все это были живыя представленія въ его умѣ. Когда ему хотѣлось вообразить что-нибудь лучшее, болѣе просторное, свѣтлое, богатое, ему рисовался Невскій проспектъ, по которому онъ иногда хаживалъ въ толпѣ. Все это стояло передъ нимъ, какъ живое. Затѣмъ лѣтній Петербургъ олицетворялся въ его глазахъ Черной Рѣчкой, Новой Деревней, Удѣльной. Все же остальное рисовалось ему смутно, въ какихъ-то сѣрыхъ, туманныхъ краскахъ; ему казалось, что внѣ Петербурга онъ задохнется.

Поэтому, когда наступило время выпускныхъ экзаменовъ, онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы оказаться въ числѣ лучшихъ студен-

товъ. Онъ узналъ, что въ петербургскія гимназіи попадаютъ только лучшіе. Онъ до того погрузился въ зубрежку, что почти не бывалъ у Өедора Өедоровича, и забылъ даже о томъ, что слѣдуетъ каждый день обѣдать.

Өедоръ Өедоровичъ сперва объяснялъ его отсутствіе случайностью, но потомъ испугался,—не заболѣлъ ли онъ и однажды навѣстилъ его. Онъ нашелъ его блѣднымъ, исхудалымъ, заморенымъ и въ ужасѣ всплеснулъ руками.

— Что съ тобой, Вася? — спросилъ онъ въ высшей степени сочувственно.

— Да вотъ къ выпускнымъ экзаменамъ готовлюсь!—сказалъ Барановъ.

— Но однако же, нельзя же не обѣдать...

— Э, потомъ уже всласть пообѣдаю, когда получу мѣсто.

— Да зачѣмъ же такъ надрываться? мѣсто ты и такъ получишь. Вѣдь всѣ получаютъ мѣста, а не всѣ же такъ надрываются.

— Мнѣ нужно мѣсто въ Петербургѣ. Не ѣхать же мнѣ въ провинцію.

— А почему бы не поѣхать въ провинцію? И въ провинціи тоже можно жить. Вездѣ можно жить, гдѣ есть люди.

— Какіе же тамъ люди, въ провинціи?

— А такіе же, какъ и здѣсь. Э, если бы у меня не было дѣтей, которыхъ легче воспитывать въ Петербургѣ, я бы давно попросился въ провинцію. Въ провинціи даже легче. Жалованье такое же, а жизнь проще и дешевле. Вотъ Варя моя, когда кончитъ курсы, собирается искать мѣста въ провинціи.

— Варя?—съ удивленіемъ спросилъ Барановъ.—Она хочетъ искать мѣста?.. Да еще въ провинціи?

— А что жъ тутъ удивительнаго? Чему же ты такъ изумился?

— Да вѣдь Варя... Вѣдь она... Моя невѣста.

Тутъ Өедоръ Өедоровичъ въ свою очередь изумился и гораздо больше, чѣмъ Барановъ.

— Какъ невѣста?—спросилъ онъ.

— Да, мы уже давно это рѣшили. Еще на дачѣ въ Удѣльной, больше двухъ лѣтъ назадъ...

— Что жъ, я очень радъ этому,—сказалъ Өедоръ Өедоровичъ.—Я тебя знаю и люблю. Но Варя ничего мнѣ объ этомъ не говорила. Это странно!

— Да что жъ тутъ говорить, Өедоръ Өедоровичъ? это и такъ ясно. Это само собой понятно...

Өедоръ Өедоровичъ ушелъ домой съ намѣреніемъ спросить Варю и при первой же возможности онъ заговорилъ объ этомъ.

Варя какъ-то странно усмѣхнулась и сказала неопредѣленно:

— Да, объ этомъ былъ разговоръ...
— И что же, вы объяснились?
— Да, давно...
— Странно; я ничего такого между вами не замѣчалъ.
— Да вѣдь ничего и нѣтъ, папа.
— Какъ же нѣтъ? А ты говоришь, что былъ разговоръ? Значитъ, все жъ таки вы собирались жениться?
— Но я же говорю, что это было давно.
— А теперь что жъ, это прошло?
— Не знаю... Я тогда была дѣвочкой, а теперь... Теперь многое перемѣнилось.
— Ну, да, что жъ что перемѣнилось? Если и перемѣнилось, то къ лучшему: онъ тогда былъ студентикомъ, а теперь вотъ кончаетъ курсъ, мѣсто получитъ...
— Онъ отсталъ отъ меня, папа. Онъ какой-то странный...
— Какъ отсталъ? Я этого не понимаю. Что значитъ—отсталъ?
— Я затрудняюсь... я этого не съумѣю объяснить вамъ; только видите, что общество, въ которомъ я бываю, мои подруги и знакомые—совсѣмъ не такіе, какъ онъ. Онъ въ ихъ средѣ даже чувствуетъ себя неловко, скучаетъ.
— Ну, это пустое. Это ты, Варя, извини меня, разсуждаешь, какъ дѣвочка. А ты подумай: Василій Григорьевичъ хорошо кончаетъ курсъ, онъ будетъ въ числѣ лучшихъ, это навѣрное, потому что ужъ онъ такъ занимается, какъ, я думаю, ни одинъ студентъ. Онъ получитъ мѣсто въ Петербургѣ. Сдѣлавшись его женой, и ты будешь жить въ Петербургѣ, близко отъ насъ, да и самой веселѣе...

Варя покачала головой.
— Это не самое важное, папа.
— А что же у тебя самое важное?
— А самое важное то, папа, что надо дѣлать какое-нибудь дѣло, какое тебѣ нравится; надо чувствовать, что приносишь кому-нибудь пользу...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ, въ свою очередь, покачалъ головой. Ему не понравилось это туманное объясненіе.
— Откуда ты это взяла?
— Да ни откуда не взяла; такъ просто чувствую. Вотъ мы съ вами, папа, всегда были бѣдны и намъ было тяжело, а вамъ въ особенности. А вѣдь есть люди во сто разъ бѣднѣе насъ, такъ имъ, значитъ, и во сто разъ тяжелѣе. Ну, вотъ, надо объ нихъ подумать.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ слегка опѣшилъ и задумался. То, что говорила Варя, было для него ново, но онъ находилъ, что все-таки Варя думаетъ хорошо, благородно. Умомъ онъ не понималъ ея

странныхъ туманныхъ стремленій, но сердцемъ чувствовалъ, что это хорошо.

— А скажи, пожалуйста, Варя,—промолвилъ онъ нѣсколько пониженнымъ голосомъ,—можетъ быть, ты разумѣешь что-нибудь такое... что недозволено? Ты смотри... Съ этимъ надо быть осторожной. Можетъ быть, тебя куда-нибудь завлекаютъ?

— Ахъ, нѣтъ, папа, никто меня не завлекаетъ. Помогать бѣднымъ, учить темныхъ, это, слава Богу, пока еще дозволено.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ далеко не окончательно примирился съ мыслью, что Варя отказываетъ Баранову, но и не возбуждалъ объ этомъ разговора. Онъ думалъ, что дѣло само собой какъ-нибудь устроится.

Варя часто думала о Барановѣ. Вѣдь съ этимъ человѣкомъ было связано у нея воспоминаніе о первой ласкѣ, о первомъ волненіи, о первомъ трепетномъ біеніи сердца,—это никогда не забывается. И хотя она смутно понимала, что во всемъ этомъ Барановъ былъ не при чемъ, а что виновата была молодость, лѣсъ, зелень, солнце, чудный воздухъ, но все же не могла забыть того дня.

Ей трудно было разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ ощущеніяхъ, да и некогда было,—надо было думать объ экзаменахъ для перехода на четвертый курсъ. Она отложила это на послѣ.

Однажды они встрѣтились на улицѣ. Варя шла на курсы, а Барановъ въ университетъ. Они давно не видались.

— Отчего вы къ намъ не приходите?—спросила Варя.

— Оттого, что зубрю. Страшно много зубрить приходится.

— Какъ? развѣ и въ университетѣ надо зубрить?

— Понятно. Все то же: и въ университетѣ, какъ въ гимназіи.

— Странно. Я этого не слышала отъ другихъ... Я тоже готовлюсь. Вотъ и теперь спѣшу на курсы.

— Слушайте, Варя,—вдругъ неожиданно сказалъ Барановъ,—мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами...

Варя тонко почувствовала, о чемъ онъ хочетъ говорить. Ей не хотѣлось затрогивать этого вопроса. Она сослалась на то, что ей надо быть на курсахъ.

— Нѣтъ, пожалуйста. Вы можете опоздать!—настойчиво говорилъ Барановъ,—мнѣ ужасно нужно поговорить съ вами.

— Ну, давайте говорить!—сказала Варя.

— Но здѣсь неудобно, зайдемте ко мнѣ...

У Вари явилось странное чувство. Ей приходилось иногда бывать у знакомыхъ студентовъ съ подругами и даже одной. Въ томъ кругу, въ которомъ она вращалась, въ этомъ не видѣли ничего особеннаго, это считалось въ порядкѣ вещей. А пойти къ нему ей показалось почему-то страннымъ.

„Но вѣдь онъ свой, онъ мнѣ ближе другихъ“, старалась она возразить себѣ, и тѣмъ не менѣе все-таки не могла избавиться отъ чувства неловкости. Но онъ просилъ настойчиво, онъ, кажется, уже готовъ былъ обидѣться ея отказомъ. Она подавила въ себѣ неловкость и согласилась зайти къ нему.

Они поднялись въ пятый этажъ. Варю поразила миніатюрность его комнаты. Она не привыкла къ большимъ комнатамъ и у самихъ у нихъ одна комната была всего только въ одно окно, но все же помѣщеніе Баранова показалось ей невѣроятно малымъ. „И онъ четыре года живетъ въ такой конурѣ!“ подумала она.

Комната была полна табачнаго дыма. Варя прежде всего подошла къ окну и отворила форточку. Въ комнатѣ стояли узенькая кровать, столъ и стулъ. На полу валялись книги, на столѣ были разбросаны лекціи и какія-то тетради съ греческими и латинскими упражненіями.

— Какая у васъ маленькая комната!—сказала Варя.—Здѣсь совсѣмъ нѣтъ воздуха.

— Здѣсь, Варя, всего ровно на девять рублей—и пространства, и воздуха, и мебели! Да вѣдь и цѣна небольшая!

— Да,—со вздохомъ согласилась Варя.

— А у меня вѣдь былъ ваша папа!—сообщилъ Барановъ.

— Да, я знаю.

Они помолчали нѣкоторое время, потомъ первый заговорилъ Барановъ.

— Вотъ видите ли, Варя, я ужасно мало знаю женщинъ... Въ сущности я ихъ вовсе не знаю. Но я читалъ и слышалъ, что онѣ измѣнчивы... Такъ вотъ, правда ли это?

— Это въ плохихъ романахъ, Василій Григорьевичъ. Вы, очевидно, читали только плохіе романы.

— Ну, пускай, все равно... Такъ вотъ я хотѣлъ спросить: а вы, вы, значитъ, не измѣнчивы? Значитъ, вы такъ же тверды, какъ и я?

— Въ чемъ это, Василій Григорьевичъ?—спросила Варя не совсѣмъ искренно, такъ какъ уже понимала, о чемъ онъ говоритъ.

— А помните, Варя, однажды лѣтомъ, въ лѣсу... Я сказалъ, что мы когда-нибудь женимся и вы не сказали тогда—нѣтъ... Вотъ я и считалъ васъ все время своей невѣстой...

— Какой вы странный, Василій Григорьевичъ! Вы основываетесь на той сценѣ... Но вѣдь мы тогда были дѣти.

— Развѣ у дѣтей такъ сильно бьется сердце и кровь приливаетъ къ головѣ? Нѣтъ, что-то это не такъ, Варвара Ѳедоровна!

— Слушайте, Василій Григорьевичъ, — довольно рѣшитель-

нымъ тономъ заговорила Варя.—Я не умѣю вилять, я хочу вамъ сказать прямо. Мы вмѣстѣ росли, мы сжились съ вами. Въ дѣтствѣ мы испытывали недостатокъ, разныя лишенія, но вопросъ о женитьбѣ, о сближеніи... На всю жизнь... Согласитесь, что это слишкомъ серьезное дѣло.

— Разумѣется серьезное, я же этого и не отрицаю.

— Да, ну, а если серьезное, то къ нему надо и относиться серьезно. Пока мы были дѣтьми, у насъ было много общаго, а потомъ мы разошлись.

— Какъ разошлись?

— Скажите, развѣ я васъ знаю хоть сколько-нибудь? А вы, вы развѣ меня знаете? Развѣ вы когда-нибудь задавались вопросомъ, о чемъ я думаю, что люблю, къ чему стремлюсь?

— Къ чему же вамъ стремиться? Я достигъ главнаго: вотъ получу мѣсто; къ чему же тутъ стремиться? Мнѣ дадутъ мѣсто въ Петербургѣ, о, навѣрное! Ужъ я этого добьюсь! не даромъ вѣдь надсаживаю грудь вотъ надъ этой гадостью!—Онъ отодвинулъ отъ себя тетради съ греческими и латинскими упражненіями.—Чего же еще желать? У насъ будетъ свой домъ, все необходимое, даже, можетъ быть, лишнее. Чего же еще надо?

— Ну, вотъ видите, Василій Григорьевичъ, какъ мы съ вами различны! Вы говорите: чего еще надо? А я совсѣмъ не этого ищу. Я ничего не имѣю противъ своего дома, противъ покоя, довольства, но не это главное.

— А что же, что же главное?—съ искреннимъ недоумѣніемъ спросилъ Барановъ.

Варя усмѣхнулась.

— Какъ это странно, Василій Григорьевичъ, слышать отъ васъ, молодого студента, даже еще не разставшагося съ университетомъ! Вы четыре года были студентомъ и до вашего слуха, кажется, не дошло ни одно слово изъ тѣхъ, которыя всѣхъ такъ волнуютъ...

— Ахъ, это бредни! Я знаю, я слышалъ... Только я всегда уходилъ въ сторону, потому что это бредни. Когда мы были бѣдны, намъ никто не помогалъ, никто рѣшительно.

— Нѣтъ, это неправда, Василій Григорьевичъ! Когда вы нуждались, мой отецъ заботился о васъ.

Онъ покраснѣлъ. Онъ не понялъ ея мысли и принялъ это за упрекъ.

— Я отплачу Өедору Өедоровичу; я очень хорошо понимаю, что онъ для меня сдѣлалъ!—сказалъ онъ.

— Вы думаете, что я васъ упрекаю? Я не имѣю права. Вѣдь я для васъ ничего не сдѣлала; это отецъ. Я совсѣмъ не то хотѣла сказать. Я только хотѣла возразить вамъ на то, что, когда вы нуждались, о васъ никто не подумалъ.

— Ну, однимъ словомъ... Значитъ, вы отказываетесь отъ своего обѣщанія? Вы отвергаете меня, Варвара Ѳедоровна? Я, должно быть, сталъ вамъ противенъ...

— Да право же нѣтъ. Какъ вы не понимаете, Василій Григорьевичъ? Напротивъ, я вамъ симпатизирую и сочувствую такъ же, какъ и прежде. Мы такъ много прожили вмѣстѣ, въ одинаковыхъ условіяхъ, что этого нельзя забыть. Старое не умираетъ... Оно живетъ въ новомъ. Но мы такъ далеко стоимъ другъ отъ друга, что, право, даже какъ-то странно говорить о такой близости... Да и зачѣмъ торопиться рѣшать подобные вопросы? Вѣдь мы еще только начинаемъ жизнь... Право, Василій Григорьевичъ, лучше даже не будемъ говорить объ этомъ.

Она начала торопиться. Она вспомнила, что ей нужно на лекцію. Они вышли вмѣстѣ. На улицѣ она спросила его, протягивая ему руку.

— Когда же вы придете къ намъ?

— Должно быть, въ воскресенье.

Они разстались. Онъ шелъ въ университетъ и во всемъ—и во взглядѣ его и въ походкѣ видна была какая-то растерянность. Онъ давно уже свыкся съ мыслью о томъ, что Варя его невѣста и что по окончаніи курса онъ женится на ней, и никогда онъ не задавался вопросомъ о томъ, знаютъ ли они другъ друга и сходятся ли они въ стремленіяхъ. У него, бездомнаго, всегда была сильная потребность своего теплаго угла, гдѣ во главѣ всего была бы женщина и непремѣнно красивая и простая, какъ Варя. И ему казалось, что у него не достаетъ только диплома и мѣста, а что дипломъ и мѣсто уже какъ-то сами собою даютъ ему право и на близость съ такой женщиной и на теплый домашній очагъ. И вдругъ все это рушилось.

Съ женщинами онъ почти не былъ знакомъ. Въ этотъ день онъ даже зубрить не могъ. Ему все какъ-то не удавалось сосредоточиться. Къ Варѣ его влекло. Въ ней для него было что-то милое и онъ всегда рисовалъ ее себѣ такою, какою она была тогда въ лѣсу: съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и съ какимъ-то робкимъ пламенемъ въ глазахъ. И всегда онъ представлялъ ее своей будущей женой.

И съ этой минуты онъ началъ ненавидѣть тѣхъ курсистокъ, съ которыми вмѣстѣ она читала книги и спорила, и тѣхъ долговязыхъ студентовъ, которые иногда у нея бывали. У нихъ навѣрно есть какія-нибудь, хотя бы и небольшія, средства, или они удачно нашли себѣ уроки, можетъ быть, они обладаютъ также разными протекціями и вообще, по всей вѣроятности, они счастливѣе его. Такъ имъ хорошо разсуждать о ближнемъ и разводить бобы о разныхъ стремленіяхъ. А онъ долженъ зубрить и зубрить и дер-

жаться обѣими руками за стипендію. И вотъ они отняли у него Варю, единственное существо, которое однажды сидѣло близко около него, рука котораго была въ его рукѣ и у котораго тогда сердце билось въ тактъ его сердцу...

Въ воскресенье онъ пошелъ къ Ѳедору Ѳедоровичу, но былъ молчаливъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ догадывался, что между ними произошелъ разговоръ, и какъ-то виновато посматривалъ на него, а на Варю смотрѣлъ съ укоромъ.

Онъ тоже отъ времени до времени поглядывалъ на Варю. У него была надежда, что она все-таки затѣетъ съ нимъ разговоръ. Ему думалось, что то было настроеніе, а что въ глубинѣ души она должна согласиться. Ему все-таки казалось невозможнымъ, чтобы она, сблизившаяся съ нимъ, когда онъ былъ бѣднымъ студентикомъ, получившимъ только первую стипендію, отказалась отъ него какъ разъ въ то время, когда у него дипломъ почти въ рукахъ. Вѣдь всю жизнь она бѣдствовала точно такъ же, какъ и онъ. И онъ не допускалъ другого идеала, какъ тотъ, чтобы перестать бѣдствовать и успокоиться на постоянномъ изрядномъ окладѣ, который даетъ возможность жить, какъ живутъ болѣе счастливые люди.

И онъ ждалъ, что Варя заговоритъ съ нимъ. Но она, напротивъ, повидимому, боялась, какъ бы они не остались вдвоемъ и разговора никакого не вышло.

Онъ ушелъ отъ нихъ озлобленный. Со злобою онъ сѣлъ за лекціи и тетрадки и началъ свирѣпо зубрить. Когда въ иныя минуты онъ вспоминалъ о Варѣ и о своей неудачѣ, то ударялъ кулакомъ по столу и комкалъ листки тетрадокъ.

Къ нему зашелъ Монголовъ; онъ принялъ его сумрачно. Тотъ какъ-то смѣшался и очень скоро ушелъ. Когда же явился къ нему Акульскій и началъ говорить о томъ, что „когда онъ будетъ инспекторомъ гимназіи и женится на богатой невѣстѣ"... то у Баранова глаза вдругъ налились кровью, онъ вскочилъ съ мѣста и поднялъ кулаки.

— Поди ты къ чорту съ своимъ инспекторствомъ и съ своей невѣстой!—крикнулъ онъ на товарища,—ну, будешь инспекторомъ, ну, женишься, мнѣ-то что отъ этого? И вовсе не быть тебѣ инспекторомъ, и не жениться тебѣ на богатой, потому что самъ ты плюгавый и ничтожный... Уйди, пожалуйста, надоѣлъ ты мнѣ своей глупостью!

Акульскій попятился и постарался поскорѣе уйти. Никогда онъ не видѣлъ такимъ Баранова. А у Баранова дѣйствительно закипѣла старая желчь, совершенно такъ, какъ тогда, когда онъ жалкимъ заморышемъ вышелъ изъ гимназіи. Тутъ все вмѣстѣ дѣйствовало—и обида, которую онъ получилъ отъ Вари, и новая зуб-

рячка, которая была прямымъ продолженіемъ гимназической, и онъ съ болью въ груди ходилъ на экзамены и бралъ каждый съ бою, какъ крѣпость, и, приходя домой, онъ говорилъ себѣ: „пятерка, четверка, четверка, пятерка... Будетъ мѣсто въ Петербургѣ". А въ сердцѣ у него было пусто.

Онъ все чаще и чаще представлялъ себѣ Варю. Она снилась ему по ночамъ. Въ немъ разгоралась страсть, настоящая страсть, первая страсть, основанная на юномъ воспоминаніи о довѣрчивой близости, когда онъ еще не задавался никакими сложными житейскими вопросами. И для этой страсти не было другого исхода, какъ сосредоточиться на Варѣ, единственной дѣвушкѣ, съ которой онъ сидѣлъ и разговаривалъ близко.

— Ахъ, нѣтъ,—говорилъ онъ себѣ,—нужно это какъ-нибудь выяснить! Все это пустое, это бредни! Надо еще и еще говорить съ нею, надо много говорить съ нею. Вѣдь она не глупая дѣвушка, она должна понимать, что для такихъ бѣдняковъ, какъ мы съ нею, обезпеченная спокойная жизнь выше всего на свѣтѣ.

Онъ думалъ такъ потому, что ему нужно было во что бы то ни стало какое-нибудь утѣшеніе. Это онъ сказалъ себѣ передъ послѣднимъ экзаменомъ и рѣшилъ, сдавъ его и получивъ дипломъ и мѣсто, поговорить съ Варей окончательно. Тогда у него будетъ въ рукахъ дипломъ. О, это совсѣмъ другое дѣло! Кстати и Варя тогда перейдетъ на четвертый курсъ.

И вотъ наступилъ торжественный день. Онъ кончилъ всѣ экзамены, дождался, когда всѣ формальности были соблюдены. Ужъ онъ и заранѣе зналъ приблизительно, гдѣ получитъ мѣсто, потому что справлялся въ канцеляріи и много было разговоровъ о мѣстахъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ зналъ, что все рѣшится въ субботу, и было условлено, что Барановъ прямо изъ университета придетъ къ нимъ. И вотъ въ субботу Барановъ побывалъ въ канцеляріи, его назначили въ одну изъ Петербургскихъ гимназій преподавателемъ исторіи.

Получивъ это извѣстіе, онъ быстрой походкой отправился на Петербургскую Сторону, къ Ѳедору Ѳедоровичу. Тутъ онъ нашелъ всѣхъ слегка прифранченными, даже у Вари появился какой-то воротничекъ и какая-то лента. Онъ никакъ не могъ понять—почему? Его встрѣтили апплодисментами. Отъ неожиданности онъ сконфузился и началъ кланяться. Его поздравляли, жали ему руку.

Но вотъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ подошелъ къ нему и какъ-то таинственно взялъ его подъ руку.

— Пойдемъ, Вася, ко мнѣ! Я хочу сказать тебѣ два слова.

И онъ повелъ его въ маленькую комнатку и притворилъ за собою дверь.

— Вотъ, голубчикъ, такъ какъ ты теперь уже не студентъ и тебѣ надо снять студенческій мундиръ, такъ вотъ...

И Өедоръ Өедоровичъ указалъ ему на два стула, на которыхъ лежали въ чрезвычайномъ порядкѣ новые пиджакъ, брюки и жилетъ. Тутъ же онъ сталъ пояснять, что взялъ эти вещи въ разсрочку у того же самаго торговца, у котораго когда-то досталъ мундиръ и пальто.

У Баранова вдругъ что-то стиснуло горло и слезы градомъ покатились изъ глазъ; онъ судорожно обнялъ Өедора Өедоровича и не могъ промолвить ни слова отъ волненія.

— Ну, полно, что тамъ! — успокоительно говорилъ Өедоръ Өедоровичъ,—мы люди свои. Станешь служить, оперишься, тогда, можетъ быть, и мнѣ какую-нибудь услугу окажешь. Только взаимными услугами люди и живутъ... А не будь взаимной услуги, всѣ бы пропали... Ну, переодѣнься же... Кончено, ужъ пора сбросить этотъ старый засаленный мундиръ. Онъ даже пахнетъ нехорошо. Вѣдь четыре года таскалъ его.

Барановъ началъ переодѣваться. Өедоръ Өедоровичъ помогалъ ему, досталъ изъ какого-то ящика воротничекъ и манжеты, повязалъ галстухъ и минутъ черезъ десять опять подъ руку вывелъ его къ своимъ и опять въ большой комнатѣ о двухъ окнахъ раздались аплодисменты.

— Ну, а теперь пойдемъ пообѣдаемъ... Мы сегодня въ трактирѣ обѣдаемъ... Нельзя, торжественный случай... Что жъ, надо и намъ когда-нибудь покутить! — сказалъ Өедоръ Өедоровичъ, и дѣйствительно всѣ направились въ ближайшій трактиръ.

Трактиръ былъ невысокаго разбора, но все же изъ тѣхъ, какіе водятся на Петербургской Сторонѣ, онъ былъ лучшій. Они потребовали, чтобы имъ дали отдѣльный кабинетъ, и такой нашелся къ ихъ услугамъ.

Это была небольшая комната, стѣны которой съ перваго взгляда казались просто вымазанными пестрыми красками. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось, что на нихъ нарисованы во весь ростъ какіе-то мужчины въ плащахъ, съ кинжалами въ рукахъ, по всей вѣроятности испанцы, и дамы съ длинными шлейфами и открытыми бюстами. Зажгли двѣ свѣчи, такъ какъ въ кабинетѣ было темновато.

— Ну, ты вотъ что,—сказалъ Өедоръ Өедоровичъ трактирному слугѣ въ длинной бѣлой рубашкѣ,—ты принеси намъ водочки.

— Какой прикажете? Англійской горькой, рябиновой, очищенной, желудочной...

— Э, нѣтъ, что тамъ, ты давай намъ простой... Мы не гоняемся за сортами. Ну, и селедку на закусочку приготовь...

— Прикажете балычку или семги? Есть бѣлорыбица провѣсная...

— Да ну тебя! Давай селедку съ лучкомъ да съ уксусомъ да съ маслицемъ, вотъ и все.

Трактирный слуга, въ первое время принявшій, было, изысканно-почтительный видъ, сталъ относиться къ нимъ съ нѣкоторымъ покровительствомъ и когда заказывали обѣдъ, такъ даже давалъ свои совѣты. Были заказаны кислыя щи, которыхъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, какъ онъ самъ объявилъ, давно не видалъ, телятина и на сладкое—яблочный муссъ.

— Да принеси намъ бутылку краснаго вина!

— Бордо-съ? или лафитъ?

— Нѣтъ, ты намъ крымскаго, либо бессарабскаго... Подешевле. Мы за дорогимъ не гоняемся...

Принесли водку и селедку. Барановъ, и безъ того растроганный, послѣ рюмки водки, къ которой онъ совсѣмъ не привыкъ, окончательно растрогался и все время ему хотѣлось жать руку Ѳедору Ѳедоровичу и благодарить его. Послѣ закуски ѣли щи и телятину и распивали бутылку бессарабскаго вина. Ѳедоръ Ѳедоровичъ прибавилъ еще рюмки двѣ водки и у него глаза сдѣлались влажными. Когда подали яблочный муссъ, онъ налилъ всѣмъ въ стаканы вина и поднялся, чтобъ говорить тостъ. Уже это одно движеніе настроило всѣхъ торжественно. Онъ поднялся, протянулъ руку впередъ съ стаканомъ вина и сказалъ:

— Вотъ что я хочу сказать: вотъ-съ мы, можно сказать, бѣдняки и всю жизнь боремся за кусокъ хлѣба; маленькіе мы люди и никогда въ большіе и не пробивались... А все же вотъ иные изъ насъ выходятъ въ люди и пріятно видѣть, когда человѣкъ изъ бѣдности собственнымъ стараніемъ, грудью, можно сказать, вдругъ выплываетъ на высоту... Да, хорошо это... И думаю я, что и всегда бы такъ было, если бы мы, бѣдняки, жили дружно, вотъ такъ, какъ мы всѣ живемъ, тогда хорошо бы всѣмъ было... Такъ вотъ-съ я и предлагаю выпить за Василія Григорьевича, который, хотя по крови намъ и чужой, а по душѣ и по жизни своей, можно сказать, родной. Выпьемъ за то, чтобы онъ достигъ высокихъ степеней, а достигнувъ, никогда бы отъ насъ, своихъ ближнихъ, которые мы всѣ любимъ его, не отрекался...

Всѣ чокнулись и выпили. Барановъ тоже всталъ и протянулъ бокалъ и хотѣлъ что-то сказать, но ничего не вышло, слезы полились у него градомъ и онъ бросился въ объятія Ѳедора Ѳедоровича и они начали цѣловаться.

Потомъ, когда все успокоилось, Ѳедоръ Ѳедоровичъ опять заговорилъ.

— Да, говорю я, жить намъ надо дружно,—и при этомъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ какъ-то странно искоса взглянулъ въ сторону Вари.—Говорю я, что по жизни онъ, то-есть, Василій Григорьевичъ, намъ родной, а хорошо было бы, если бы и по другому... Если бы и вообще породниться намъ... Вотъ что я говорю.

Варя вспыхнула.

— Папа, оставьте...

— Ну, вотъ, сейчасъ и оставьте!—промолвилъ, въ свою очередь, Барановъ, голосъ котораго отъ недавнихъ слезъ еще прерывался,—а зачѣмъ оставьте? Ѳедоръ Ѳедоровичъ правду говоритъ.

— Василій Григорьевичъ, прошу васъ оставьте! — повторила Варя.

— Ну, что жъ, если вы такъ этого хотите, я оставлю...—сказалъ Барановъ чуть-чуть упавшимъ голосомъ, но потомъ вдругъ опять поднялъ голову и прибавилъ:—ну, давайте хоть выпьемте съ вами, Варвара Ѳедоровна!

Онъ взялъ бутылку, осмотрѣлъ ее, она оказалась пустой.

— Ничего, у меня немного денегъ осталось отъ стипендіи. У меня есть больше трехъ рублей. Эй, послушай!—крикнулъ онъ трактирному слугѣ, который въ это время заглянулъ въ комнату.— Дай-ка еще бутылку вина. Такого же самаго! Давайте хоть выпьемъ, Варвара Ѳедоровна.

Слуга принесъ вино, опять налили въ стаканы. Барановъ продолжалъ:

— Эхъ, Варвара Ѳедоровна... Эхъ, Варя!.. Вотъ вы говорите: оставьте, а почему? Потому что у васъ тамъ товарки и знакомые страшно умные, множество толстыхъ книгъ прочитали, а я... я толстыхъ книгъ не читалъ и я, можетъ быть, дѣйствительно, не такъ уменъ, какъ они. Съ этимъ я соглашаюсь. Я дѣйствительно, когда попаду въ общество умныхъ людей, то сейчасъ весь теряюсь и слова изъ себя выжать не могу. Я сознаюсь: я толстыхъ книгъ не читалъ. А отчего? Да оттого, что некогда мнѣ было, я зубрилъ. Я всю жизнь зубрилъ и въ гимназіи, и въ университетѣ, все зубрилъ, я дипломъ добывалъ... Но зато я простой, вы меня знаете больше всѣхъ. Я всегда въ вашей семьѣ былъ свой. Я съ малыхъ лѣтъ вашъ... Да, я добивался, могу сказать, собственной грудью, и добился. Вотъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ поддерживалъ меня, спасибо ему. Я всегда буду помнить. Спасибо вамъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ...

Они опять обнялись съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ и поцѣловались, а Барановъ послѣ этого говорилъ:

— И добился! Вотъ я кончилъ курсъ, мѣсто получилъ въ Петербургѣ. У меня будетъ много уроковъ... Я буду зарабатывать сто тридцать рублей въ мѣсяцъ, это уже высчитано, а это въ годъ составитъ тысячу пятьсотъ шестьдесятъ, жить можно и даже хорошо, да еще частные уроки будутъ. Мнѣ сказали, что у учителей гимназіи всегда частные уроки есть. Будемъ и Ѳедору Ѳедоровичу помогать.

— Ну, что вы, что вы, Вася? Зачѣмъ мнѣ? Не надо, не надо...— отмахиваясь обѣими руками, воскликнулъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Варвара Өедоровна, Варя!—какимъ-то необыкновенно трогательнымъ голосомъ сказалъ Барановъ.—Неужели же чужіе вамъ ближе? Вы же знаете мои чувства... Эхъ... Господи ты Боже мой!..

— Василій Григорьевичъ, оставьте пожалуйста!—очень серьезно сказала Варя,—право, вы теперь въ такомъ состояніи, что нельзя говорить о такихъ вещахъ.

— Ну вотъ, состояніе! Теперь состояніе! Именно такое состояніе, что надо говорить... Я дѣйствительно выпилъ, можетъ быть, больше, чѣмъ слѣдуетъ, такъ тѣмъ лучше,—у меня теперь душа раскрылась... А потомъ... Потомъ она закроется и я свернусь, какъ улитка въ своей раковинѣ, и ужъ не тѣ слова будутъ... Эхъ, не хотите вы понять меня, Варя... Ничего вы не понимаете. А еслибъ вы знали, какъ я страдаю!

Голосъ у него задрожалъ; онъ сѣлъ, склонилъ голову на столъ и началъ всхлипывать. И слышались его глухія восклицанія.

— Вотъ и курсъ кончилъ, а страдаю... Я вѣдь одинокій, я сирота... Некому пожалѣть...

— Полноте, Василій Григорьевичъ, полно, Вася! успокойся!—нѣжно говорилъ ему Өедоръ Өедоровичъ.—Обойдется. Ты еще молодъ, Варя тоже молодая... Еще неизвѣстно, что будетъ.

Митя, который вообще въ продолженіе всего обѣда молчалъ, такъ какъ чувствовалъ, что ему что-то такое во всемъ этомъ не нравится, всталъ и отошелъ къ окну. Варя тоже чувствовала себя скверно. Сама она почти ничего не пила и ей никогда не приходилось быть въ обществѣ пьяныхъ и особенно непріятно было то, что пьянымъ оказался Барановъ и что такія трогательныя вещи исходили изъ пьяныхъ устъ.

— Папа, пойдемте домой...—сказалъ Митя.—Довольно уже, право...

— Э, погоди еще, посидимъ немного—сказалъ Өедоръ Өедоровичъ.

— Такъ мы съ Варей уйдемъ.

— Это будетъ не хорошо съ вашей стороны.

Пришлось посидѣть еще съ четверть часа. Барановъ уже ничего не говорилъ. Онъ немного поплакалъ, потомъ затихъ. Жена Өедора Өедоровича тоже засуетилась и объявила, что пора идти домой. Өедоръ Өедоровичъ расплатился съ трактирнымъ слугой и далъ ему на чай.

Барановъ совсѣмъ раскисъ. Его пришлось везти на извозчикѣ, а когда привезли на квартиру къ Өедору Өедоровичу, то тотчасъ же уложили спать.

Въ квартирѣ была тишина. Митя вспомнилъ, что у него есть какія-то дѣла у товарищей и ушелъ изъ дому. Варя сидѣла блѣдная и хмурая. Ей ужасно тяжело было вспомнить обо всемъ,

происшедшемъ въ трактирѣ. А тутъ еще вертѣлся Ѳедоръ Ѳедоровичъ, у котораго все время былъ такой видъ, что онъ хочетъ съ нею завести серьезный разговоръ; она боялась этого разговора, потому что знала, о чемъ онъ будетъ.

Наконецъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ уловилъ-таки моментъ, подсѣлъ къ ней и заговорилъ тихимъ голосомъ, чтобы не разбудить Баранова, который спалъ въ маленькой комнаткѣ.

— Ты послушай, Варя, сказалъ онъ,—ты не подумай... Я не хочу тебя насиловать; у меня такой взглядъ: если нѣтъ чувства, то нельзя заставить человѣка. Я только говорю, что это было бы хорошо. Очень это хорошо бы было! Ужъ лучше нельзя и придумать. Вѣдь свои люди, главное—свои.. Ужъ и ему твои слабости, а тебѣ его слабости извѣстны, значитъ и прощать ихъ легче... И вѣдь какъ онъ, бѣдняга, къ тебѣ всей душой стремится!..

— Ахъ, папа, со вздохомъ сказала Варя,—есть вещи, о которыхъ совсѣмъ говорить нельзя. Когда имъ надо сдѣлаться, онѣ сами сдѣлаются. Но не говорятся. Мнѣ жаль его, мнѣ страшно жаль его. Я вижу, что онъ страдаетъ... Но... я не могу.

— Ты скажи мнѣ откровенно, Варя, ты, можетъ быть, другого любишь?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я никого не люблю... Онъ даже мнѣ ближе другихъ. Но это не то, папа, что нужно для всей жизни...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ махнулъ рукой и отошелъ отъ нея. Вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, Барановъ проснулся и вспомнилъ все. И ему стало ужасно неловко. Онъ виноватыми глазами смотрѣлъ на Варю.

— Я глупостей надѣлалъ!—сказалъ онъ очень смирнымъ голосомъ.—Это въ первый разъ со мною, больше никогда не будетъ.

Лампа оказалась зажженной и въ кухнѣ мурлыкалъ закипавшій самоваръ, но страннымъ образомъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ, и Марья Петровна куда-то исчезли. Что же касается Мити, то онъ еще не вернулся. Со стороны стариковъ былъ явный разсчетъ оставить ихъ вдвоемъ и дать имъ возможность поговорить серьезно.

Барановъ медленно ходилъ по комнатѣ, а Варя сидѣла у стола и видимо что-то обдумывала. Наконецъ она сказала:

— Василій Григорьевичъ, сядьте, я вамъ хочу сказать по поводу того разговора... Теперь мы оба можемъ здраво разсуждать.

Барановъ покорно сѣлъ и уставилъ на нее глаза.

— Вотъ видите ли, Василій Григорьевичъ, я думаю, что вы, хотя и старше меня года на три, но жизни совсѣмъ не знаете. Я больше васъ знаю жизнь. Вы не наблюдали ее, потому что вамъ было некогда. Вы думаете, что дипломъ, это—все. А скажите, вотъ у васъ есть дипломъ, что вы будете дѣлать?

— Буду преподавать.

— Греческій языкъ? Да?

— Нѣтъ, исторію.

— А вы любите ее?

— Что вы? Я ее терпѣть не могу...

— И всю жизнь, всю жизнь вы будете другимъ вбивать въ голову то, чего сами терпѣть не можете. Вѣдь это же ужасно!

— Что же дѣлать? Это моя спеціальность. Я для этого учился.

— Но вѣдь это же казнь. Это все равно, что сидѣть всю жизнь прикованнымъ надъ ямой, изъ которой подымаются ядовитые пары, и дышать, обязательно дышать этими парами. Вы будете имѣть дѣло съ дѣтьми... Но развѣ вы ихъ знаете хоть капельку? Развѣ вы ихъ любите?

— Нѣтъ, не знаю и не люблю...

— Такъ какъ же это?

— Да такъ. Приходится на все идти, Варя. Надо дѣлать то, что велятъ.

— Ну, вотъ видите, у васъ такой взглядъ на жизнь, а у меня другой. Я готова отказаться отъ всего, только бы дѣло было милое, любимое, полезное.

— Эхъ, Боже мой! Да гдѣ же его искать? Да и какое дѣло можетъ быть мнѣ мило, я этого и не знаю...

— Такъ вотъ, Василій Григорьевичъ, надо намъ познакомиться съ жизнью; вы поживете, узнаете жизнь, и я буду узнавать ее и станемъ мы отъ того больше сходны и тогда... Тогда, можетъ быть, и сблизимся...

Онъ посмотрѣлъ на нее вдругъ просіявшими глазами.

— Варя, такъ вы, значитъ, все-таки даете мнѣ надежду? Вы, значитъ, никого другого не любите?

— Ахъ, нѣтъ! Разумѣется, нѣтъ. Еслибъ это было, я бы вамъ прямо сказала. Я вамъ сочувствую, Василій Григорьевичъ, и жалѣю васъ. Я васъ всегда жалѣла прежде и буду жалѣть.

— Ну, вотъ спасибо хоть за это! Все-таки что-нибудь у меня будетъ...

Въ это время на лѣстницѣ послышались шаги и вошелъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ съ женой. Ѳедоръ Ѳедоровичъ сразу замѣтилъ, что у Баранова и Вари лица какія-то просвѣтленныя, совсѣмъ не такія, какими были, когда они ихъ оставили. И они провели мирный вечеръ.

Лѣтомъ жили на дачѣ въ Удѣльной. Барановъ на этотъ разъ вполнѣ отдался отдыху. Съ Варей онъ ни слова не говорилъ ни о любви, ни о женитьбѣ, зато съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ у нихъ постоянно были переговоры о его будущности. Каждый день обсуждались такія подробности, какъ квартира, обѣдъ и принадлежности туалета.

— Въ особенности одежда,—говорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—это самое главное для человѣка; что тамъ ни говори, а по одеждѣ и до сихъ поръ встрѣчаютъ... Ты долженъ быть приличенъ, все должно быть у тебя свѣжее. Все должно лежать хорошо, не такъ, какъ надѣтое съ чужого плеча.

По мѣрѣ того, какъ приближалась осень, вопросъ объ одеждѣ и наймѣ квартиры обострялся. Главное дѣло было въ томъ, что не было денегъ. Но Ѳедоръ Ѳедоровичъ и тутъ извернулся,—онъ отыскалъ какого-то человѣчка, который давалъ деньги за небольшіе проценты, и уговорилъ его дать Баранову сто рублей. Приходилось подписать вексель, но этому торжественному акту предшествовали длинныя поученія со стороны Ѳедора Ѳедоровича.

— Самое опасное дѣло, Василій Григорьевичъ, это — залѣзать въ долги, а хуже всего—векселя... Вотъ я,—я зарабатывалъ гроши всю жизнь, но ни одного векселя не подписалъ. Положимъ, мнѣ никто и не далъ бы, но если бы и далъ, я не взялъ бы подъ вексель.

Часто Барановъ отправлялся съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ въ городъ, когда тотъ ѣхалъ на службу; они заходили въ лавки. Они выбирали сукно для вицъ-мундира, чтобы вышло подешевле, потомъ отыскивали портного, который шилъ бы необыкновенно хорошо и необыкновенно дешево, торговались съ нимъ, примѣряли. Въ іюлѣ они искали квартиру для Баранова. Ѳедоръ Ѳедоровичъ рѣшилъ, что на первое время онъ будетъ жить въ меблированныхъ комнатахъ.

— Тебѣ надо двѣ комнаты имѣть! — сказалъ онъ.—Можетъ зайти товарищъ или инспекторъ посѣтитъ, надо, чтобы все было прилично.

Не малый вопросъ представлялъ также выборъ квартирной хозяйки. Ѳедоръ Ѳедоровичъ и въ этомъ отношеніи предъявлялъ строгія требованія. Квартирная хозяйка у Баранова должна быть, съ одной стороны приличная дама, а съ другой стороны не молодая. Если будетъ молодая, то сейчасъ же пойдутъ толки, сплетни.

И все это Ѳедоръ Ѳедоровичъ дѣлалъ какъ-то восторженно.

— Эхъ, говорилъ онъ часто, — если бы покойный Григорій Григорьевичъ, твой отецъ, могъ видѣть теперь тебя, вотъ бы сердце его затрепетало отъ радости! Подумай, чего достигъ: кончилъ университетъ, учитель гимназіи... Да онъ и видитъ, навѣрно видитъ... съ того свѣта.

И въ сотый разъ онъ начиналъ вспоминать свою молодость,—какъ жили они съ Григоріемъ Григорьевичемъ, и какъ бѣдствовали, и какъ женились по очереди.

Въ августѣ семейство Ѳедора Ѳедоровича осталось еще на

дачѣ, а Барановъ переѣхалъ въ городъ. Когда онъ увидѣлъ себя въ первый день послѣ переѣзда въ двухъ комнатахъ, прилично обставленныхъ, притомъ въ комодѣ нашелъ достаточное количество чистаго новаго бѣлья, а въ шкафу у него висѣлъ тоже новый вицъ-мундиръ, когда ему подали первый самоваръ въ этой приличной квартирѣ, то у него начала кружиться голова. Онъ никакъ не могъ свыкнуться съ этимъ новымъ положеніемъ, которое ему казалось блестящимъ.

„Да, вотъ достигъ, достигъ!—говорилъ онъ себѣ,—много это стоило усилій и труда, а достигъ".

Но чувствовалъ онъ, что въ сердцѣ у него есть такая точка, которая болѣла. И ему рисовался, какъ въ туманѣ, въ отдаленіи образъ Вари.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТЕХНИКА, КАКЪ ФАКТОРЪ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.

Когда говорятъ о техникѣ, мысль наша невольно переносится на фабрику и на желѣзную дорогу. Мы привыкли искать технику только тамъ, гдѣ паръ и дымъ, и лязгъ желѣза. А между тѣмъ, стоитъ только намъ оглянуться, и мы увидимъ, что шагу не ступимъ безъ техники и въ нашей вседневной жизни: и тепло, и свѣтъ, и даже самый составъ воздуха—другое, чѣмъ въ природѣ. Лишь самое ничтожное число плодовъ ѣдимъ мы такими, какъ ихъ дала природа. Но опять: какая природа? культивированная. А самые плоды все-таки претерпѣли хотя бы перевозку, нерѣдко изъ одной страны свѣта въ другую, и храненіе въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, чѣмъ мы и ставимъ себя въ независимость отъ временъ года. Что же до остальной нашей пищи, т.-е. до всего того, что собственно составляетъ наше питаніе, то это сплошь искусственный фабрикатъ, который проходитъ длинный рядъ мастерскихъ и, наконецъ, ту химическую лабораторію, которую мы называемъ кухней.

Когда же мы выходимъ изъ стѣнъ жилища, мы все равно еще не попадаемъ на лоно природы: подъ ногами вмѣсто неровной земли—гладкій асфальтъ. Экипажъ освобождаетъ насъ отъ работы передвиженія. Ѣдемъ мы по искусственному ущелью, называемому улицей, гдѣ днемъ солнце не свѣтитъ, зато по ночамъ свѣтло, какъ днемъ. Но даже и тогда, когда мы переѣзжаемъ изъ города въ городъ, изъ страны въ другую, насъ окружаетъ нашъ привычный мірокъ, а справа и слѣва разстилается лицо земли, видоизмѣненное трудомъ человѣка.

Если человѣкъ возвысился надъ состояніемъ животнаго и пошелъ по пути духовно-нравственнаго прогресса, то именно благодаря техникѣ, при помощи которой отвоевалъ себѣ досугъ и сберегъ силы, необходимыя для этого. Эта культурная роль техники выступитъ еще лучше, если мы сдѣлаемъ хотя самую бѣглую экскурсію въ область исторіи.

Археологи раскапываютъ древнія могилы и тщательно собираютъ находимые тамъ предметы,—домашнюю утварь, одежды, оружіе и орудія, предметы культа, письменные памятники и т. п., по которымъ ученые строятъ вѣрную картину культурнаго состоянія даннаго времени и народа. Вся доисторическая археологія и есть не что иное, какъ искусство, по состоянію техники данной эпохи возсоздавать состояніе ея культуры. И какъ ни странно это можетъ показаться, но археологи

первые поняли культурное значеніе техники. Этнографы поступаютъ точно также при изученіи культуры современныхъ народовъ.

Доисторическіе народы, а также и современные дикари поражаютъ насъ нерѣдко одностороннимъ развитіемъ своей техники. Такъ, напр., у нашихъ предковъ бронзоваго вѣка мы выучились дѣлать кремнистую и фосфористую бронзы, по твердости едва уступающія стали, подвергнувъ химическому анализу орудія бронзоваго вѣка. Далѣе стоитъ указать на австралійское метательное оружіе бумерангъ, котораго ни теорія, ни практическая выдѣлка не даются намъ. Къ подобнымъ геніальнымъ изобрѣтеніямъ надо отнести не опрокидывающіеся челноки нѣкоторыхъ приморскихъ дикарей и многое другое.

Переходя ко временамъ историческимъ, мы замѣчаемъ высокую степень развитія инженернаго искусства и гидротехники въ Месопотаміи и Египтѣ, которыхъ все благосостояніе было основано на земледѣліи вообще и въ частности на орошеніи. Эллада и Римъ точно также оставили по себѣ величественные памятники строительнаго искусства. Воинственный Римъ, кромѣ того, значительно подвинулъ впередъ свою военную технику, и военная техника царила въ Европѣ впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, закованныхъ въ латы.

Но вотъ наступаетъ время Возрожденія: умъ человѣческій пробуждается послѣ тысячелѣтняго сна. *Во главѣ идутъ техническія изобрѣтенія пороха, компаса, телескопа, книгопечатанія.* Порохъ и компасъ дали человѣку возможность открыть новыя страны и изучить родную планету; телескопъ далъ ему возможность познакомиться съ другими мірами и, кромѣ, того воочію доказалъ, какую вообще пользу извлекаетъ наука изъ технически выработанныхъ инструментовъ наблюденія. Но все это меркнетъ въ сравненіи съ книгопечатаніемъ и съ его воздѣйствіемъ на прогрессъ культуры. Какъ бы ни были геніальны и возвышены ученые и моралисты, только книгопечатаніе создаетъ имъ прочный успѣхъ, разнося сѣмена истины въ массы народа. Совершенно справедливо указываютъ, что до изобрѣтенія книгопечатанія всякое открытіе и изобрѣтеніе, всякій вообще духовный успѣхъ, только усиливалъ силу сильнаго и слабость слабаго; тогда какъ, наоборотъ, со времени Гутенберга всякій успѣхъ дѣлается достояніемъ всѣхъ и уравниваетъ силы и права людей. На книгопечатаніи какъ нельзя лучше видна культурная роль техники. Какъ и всѣ техническія приспособленія, печать является къ услугамъ каждаго, кто желаетъ и умѣетъ ею пользоваться, безразлично распространяя истину и ложь, добро и зло. Цѣль у техники вообще только та, чтобы увеличивать производительность труда на какихъ бы то ни было поприщахъ.

Для насъ время Возрожденія имѣетъ еще тотъ интересъ, что, между прочимъ, обнаруживаетъ *тѣсную связь, существующую между техникой, наукой и искусствомъ.* Выдающіеся ученые и художники того времени были вмѣстѣ съ тѣмъ и техниками, наиболѣе разительные примѣры чего мы видимъ въ Леонардо да Винчи и Галилеѣ.

Когда Леонардо да-Винчи подавалъ герцогу миланскому прошеніе о поступленіи на службу, то въ девяти пунктахъ изъ десяти выставляетъ себя техникомъ, строителемъ крѣпостей и боевыхъ машинъ, и только въ послѣднемъ пунктѣ, и то мимоходомъ, упоминаетъ объ искусствѣ. «Въ мирное время,—заканчиваетъ Леонардо прошеніе,—я считаю себя способнымъ удовлетворить всякія требованія по архитектурѣ, какъ по постройкѣ домовъ, такъ и водопроводовъ. Я занимаюсь также скульптурой изъ мрамора, бронзы и гипса; также дѣлаю все, что можетъ выполнить живопись, на чей угодно вкусъ».

Когда Галилей изобрѣлъ свой телескопъ, то поднесъ его венеціанскому сенату при письмѣ, въ которомъ выставляетъ на видъ не научныя, а техническія его примѣненія. «Изобрѣтеніе это,—пишетъ Галилей,—можетъ принести большую пользу для всякаго предпріятія морского и сухопутнаго. Оно позволяетъ открывать на морѣ корабли враговъ на большомъ разстояніи; такъ что мы ихъ замѣтимъ раньше, чѣмъ они насъ, за два часа и даже больше. Открывъ же число и размѣры судовъ, можно, судя по своимъ силамъ, приготовиться либо къ преслѣдованію врага, либо къ битвѣ, либо къ отступленію. Точно также и на сушѣ эта труба можетъ во всякой мѣстности открыть расположеніе и приготовленія врага». Галилей, какъ видимъ, ставитъ на первое мѣсто примѣненіе телескопа къ военной техникѣ и только гораздо позже обнародовалъ свои астрономическія наблюденія. Но даже и при этомъ онъ не теряетъ изъ вида техническихъ приложеній: описавъ, напр., движеніе спутниковъ Юпитера, онъ излагаетъ способъ опредѣлять по немъ время и географическое положеніе.

Приведенными примѣрами мы отнюдь не хотимъ сказать, будто свѣтила науки и искусства времени Возрожденія сами не различали идеаловъ истины и красоты отъ цѣлей пользы; но мы видимъ, что для проведенія своихъ идеаловъ въ жизнь они выставляли на первый планъ ихъ полезныя, т.-е. техническія приложенія.

Наконецъ, возьмемъ *современное естествознаніе*. Оно всецѣло зиждется на опытѣ и наблюденіи, на счисленіи и измѣреніи. Современное изслѣдованіе природы ни шагу не ступитъ безъ инструментовъ, и такой, повидимому, простой инструментъ, какъ вѣсы, въ рукахъ Лавуазье, возвысилъ химію до степени точной науки. Посмотрите на современный телескопъ. Эта сложная машина, всѣ части которой и выдѣлываются по послѣднему слову машиностроительной техники. Возьмите микроскопъ, за которымъ современные физіологи проводятъ жизнь. Какого техническаго совершенства должна была достигнуть выдѣлка однихъ оптическихъ стеколъ, не говоря ни о чемъ другомъ, чтобы могли возникнуть бактеріологія, целлюларная патологія, гистологія и другія науки! Далѣе, фотографія то же чисто техническое изобрѣтеніе, какое оказываетъ подспорье чуть не во всѣхъ областяхъ наблюденія! Что касается до электричества, то, съ одной стороны, кабинет-

ныя изслѣдованія, съ другой—техническія приложенія такъ быстро слѣдовали другъ за другомъ и такъ тѣсно шли рука объ руку, что положительно невозможно сказать, ученымъ или техникамъ мы больше обязаны современнымъ состояніемъ какъ электротехники, такъ и ученія объ электричествѣ.

Остановимся на самыхъ краеугольныхъ открытіяхъ нашего вѣка: на законѣ сохраненія энергіи и на дарвинизмѣ. Связь между теплотой и механической работой фактически подготовила раньше паровая техника. Зоотехника, земледѣліе, цвѣтоводство дали Дарвину матеріалъ для обоснованія его теоріи. Стало быть, даже такіе отвлеченные и всеобщіе законы, какъ только-что названные, и тѣ возникли на основаніи фактическаго матеріала, даннаго техникой. Отсюда мы видимъ, насколько успѣхъ естествознанія зависитъ отъ прогресса техники. Общепринятое воззрѣніе ставитъ, наоборотъ, технику въ зависимость отъ естествознанія, разсматривая технику прямо какъ приложеніе науки. Конечно, техника пользуется гдѣ только можно выводами науки, и наоборотъ—наука пользуется данными техники.

Обращаясь къ *современному искусству*, мы то же видимъ, что оно въ техникѣ имѣетъ необходимаго пособника. Прежніе живописцы сами себѣ терли краски, готовили холстъ и кисти. Прежніе ваятели сами плавили бронзу и ковали себѣ рѣзцы Теперь производство красокъ и другихъ принадлежностей художественнаго творчества развилось въ цѣлыя отрасли промышленности, и множество техниковъ должны предварительно поработать, прежде чѣмъ художникъ сможетъ приняться за свою работу.

Возьмите современный театръ съ его подъемными машинами, съ электрической центральной станціей, съ механической вентиляціей, центральнымъ отопленіемъ; со всѣмъ штатомъ рабочихъ. Это цѣлая фабрика.

Въ окончательномъ результатѣ чѣмъ же мы *обязаны техникѣ?* Ей мы обязаны всей обстановкой какъ частной, такъ и общественной жизни, средствами общенія, защиты и нападенія, орудіями научнаго изслѣдованія, художественнаго творчества, а также всѣми матеріальными приспособленіями, безъ которыхъ нашъ трудъ не приносилъ бы и тысячной доли пользы, и трудъ не только физическій, но и духовный на самыхъ различныхъ поприщахъ. Чтобы понять, какъ далеко распространяется дѣйствіе техники, надо вспомнить, что безъ вещественныхъ приспособленій мы не развлекаемся, и даже не совершаемъ религіозныхъ обрядовъ.

И вотъ: если мы соберемъ въ воображеніи все то, въ чемъ выражается воздѣйствіе техники на современную жизнь, то несомнѣнно дойдемъ до слѣдующаго заключенія: *техникѣ мы обязаны всей вещественной нашей культурой.*

Несмотря, однако, на то, что вещественная культура нераздѣлима

отъ духовной, такъ какъ служитъ только наружнымъ проявленіемъ послѣдней, есть немало проповѣдниковъ, ратующихъ противъ техники.

Обыкновенно къ отвѣту привлекаютъ не столько технику, сколько машины. *Машина есть самая популярная представительница всей техники.* Разъ машина проникла въ какую-нибудь отрасль промышленности, эта отрасль считается на высотѣ современной техники. Политико-экономъ и соціологъ сваливаютъ на машину всѣ свѣтлыя и темныя стороны промышленныхъ отношеній. Вокругъ машиностроенія группируется техническое образованіе. Въ виду такого центральнаго положенія вопроса о машинѣ въ вопросѣ о техникѣ, необходимо и намъ заняться вопросомъ о машинѣ.

Машина прежде всего увеличиваетъ производительность труда. Затѣмъ она сокращаетъ долю участія человѣка въ работѣ. Оба эти вліянія достаточно извѣстны, и мы можемъ на нихъ не останавливаться, упомянувъ только, что они одинаково сказываются какъ въ производствѣ, такъ и въ распредѣленіи.

Далѣе машина, совмѣстно съ капиталомъ, является централизующей силой, т.-е. такой силой, благодаря которой мелкія предпріятія или сами разростаются въ крупныя, или поглощаются послѣдними, не будучи въ состояніи съ ними конкурировать. Это вліяніе тоже одинаково распространяется и на производство, и на распредѣленіе, и оно тоже достаточно общеизвѣстно.

Но вліяніе машинъ на потребленіе представляетъ одну очень интересную особенность: машина имѣетъ тенденцію вводить однообразіе не только въ фабрикаты, но и въ спросъ на нихъ, другими словами: машина имѣетъ тенденцію нивеллировать вкусы въ обществѣ, и этимъ путемъ вносить въ общественную жизнь рутину и однообразіе. Это вліяніе несомнѣнно и основано прежде всего на томъ, что машина только тогда выгодно работаетъ, когда выдѣлываетъ большое количество одного товара. Однообразные товары загромождаютъ магазины и поневолѣ воспитываютъ однообразіе въ нашихъ вкусахъ и потребностяхъ.

Теперь посмотримъ, что отсюда слѣдуетъ. Обречено ли общество въ будущемъ на духовный мундиръ? должна ли быть гармонія въ обществѣ куплена цѣною отреченія его членовъ отъ личныхъ вкусовъ и наклонностей? Такъ казалось прежнимъ утопистамъ въ родѣ Фурье, и отсюда слабость ихъ проповѣди. Гораздо жизненнѣе перспективы, рисуемыя современными экономистами. Они считаютъ только тотъ прогрессъ прочнымъ, при которомъ личность получаетъ, наоборотъ, широкое индивидуальное развитіе.

Зондируя свои потребности, каждый изъ насъ замѣтитъ, что не всѣ онѣ намъ одинаково дороги и завѣтны. Добрую половину ихъ мы отнесемъ къ низшимъ и, если нужно, то охотно ими пожертвуемъ, лишь бы только намъ имѣть то, чѣмъ мы особенно дорожимъ, что и составляетъ наши высшія потребности. Конечно, что для одного ка-

жется высшимъ благомъ, того другой такъ не назоветъ. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что отдавая наши низшія потребности, т. е. ихъ удовлетвореніе, въ полную власть машины, приведя ихъ къ одному знаменателю, мы поступаемся ими въ сторону рутины и однообразія для того, чтобы ихъ удовлетвореніе, съ помощью машинъ, стоило какъ можно меньше труда. Тогда въ обществѣ освобождается значительная доля иниціативы и труда, которые каждый изъ насъ можетъ посвятить на преслѣдованіе своихъ высшихъ стремленій и идеаловъ. Надо только, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивать въ обществѣ дѣйствительно высокіе вкусы и стремленія, нравственные и научно-художественные, т. е. тѣ области нашихъ потребностей, гдѣ личный вкусъ и творчество несутъ на себѣ наиболѣе выраженную печать индивидуальности. Разъ они для насъ наиболѣе дороги, то нечего опасаться, чтобы машинная рутина ихъ поработила: машинѣ навсегда закрытъ доступъ въ тѣ области свободнаго труда, гдѣ главными дѣятелями являются: вдохновеніе и личный вкусъ, иниціатива и творчество.

Машинная работа, по природѣ своей, рутинна и шаблонна. Тоже вѣрно относительно работы человѣка за машиной. Но совершенно невѣрно отсюда заключать, что и вся дѣятельность техниковъ рутинна и шаблонна. А между тѣмъ это мнѣніе часто высказывается. Утверждаютъ, что произведеніе искусства несетъ на себѣ печать индивидуальности создавшаго его художника, тогда какъ произведеніе техники есть безличное дитя времени, что произведеніе искусства олицетворяетъ красоту, тогда какъ произведеніе техники есть, наоборотъ, отрицаніе красоты; что произведеніе искусства создается творческимъ процессомъ, тогда какъ произведеніе техники вырабатывается чисто разсудочнымъ путемъ, по разъ навсегда установленнымъ правиламъ и формуламъ. Оттого на долю художника приходится все возвышенное и прекрасное, тогда какъ на долю техника остается лишь холодный разсчетъ и тривіальная погоня за наживой.

Такое сопоставленіе крайне одностороннe. Тѣ, кто его дѣлаетъ, можетъ быть, и близко знаютъ дѣятельность художника, но очевидно даже издали не знаютъ дѣятельности техника. Въ виду того, что это мнѣніе высказывается вліятельными писателями и раздѣляется многими, мы на него возразимъ. Возраженіе выяснитъ попутно еще новыя стороны техники. Мы докажемъ, возможно короткимъ разсужденіемъ конечно, что *произведенія техники:* 1) *создаются творческимъ процессомъ,* 2) *что они идейны* и 3) *что они возбуждаютъ въ насъ эстетическія чувства.*

Начнемъ съ изобрѣтателей, среди которыхъ, какъ всѣмъ извѣстно, много идеалистовъ, знающихъ вдохновеніе и согрѣтыхъ возвышенной, хотя часто несбыточной мечтой осчастливить человѣчество. Вся жизнь изобрѣтателя, зачастую, есть жертва своей идеѣ. Съ другой стороны, живые примѣры, изъ которыхъ Смайльсъ собралъ цѣлый рядъ, показываютъ, что только самоотверженная любовь къ своему духовному дѣ-

тищу способна довести изобрѣтателя до цѣли. Но, конечно, надо быть самому изобрѣтателемъ, чтобы внутри себя почувствовать, насколько въ изобрѣтателѣ силенъ этическій и художественный элементъ.

Возьмемъ другой примѣръ: инженеръ проводитъ желѣзнодорожную линію. Онъ ѣдетъ на мѣсто и снимаетъ планы и профили мѣстности. Зная, гдѣ равнины, горы, рѣки, овраги, инженеръ на картѣ набрасываетъ такое направленіе линіи, при которомъ было бы возможно меньше лишнихъ мостовъ, насыпей, выемокъ и пр. Теперь инженеръ видитъ въ пустыхъ равнинахъ свою будущую линію, какъ видѣлъ Микель Анджело своего Моисея въ глыбѣ мрамора. И какъ оставалось художнику снять покровы съ представшей его воображенію фигуры, такъ остается и инженеру осуществить на дѣлѣ свою идею, дать ей воплощеніе.

То же самое надо сказать и объ организаціи всякаго новаго техническаго предпріятія, напр., постройкѣ фабрики или завода: вѣдь тоже создается нѣчто новое по опредѣленной идеѣ, созданной заранѣе.

Далѣе предположимъ, что предпріятіе организовано, и требуется его только вести. Въ чемъ состоитъ дѣятельность администратора? Въ томъ, чтобы подбирать подходящихъ людей и провидѣть во всякомъ отдѣльномъ случаѣ способъ извлечь пользу для дѣла. Очевидно, что технику-администратору приходится постоянно создавать планы и воплощать ихъ на дѣлѣ. То же самое, въ убывающей прогрессіи, можно сказать и о дѣятельности всѣхъ другихъ техниковъ, завѣдующихъ не цѣлымъ предпріятіемъ, а частями его.

Можетъ показаться, что я черезчуръ расширяю понятіе творчество. Нисколько: вседневная жизнь требуетъ творчества и отъ каждаго изъ насъ. Чтобы поставить себѣ опредѣленную цѣль и добиваться ея, нужна изобрѣтательность, прозорливость и тактъ. Но если мы вдумаемся въ значеніе словъ: изобрѣтательность, находчивость, тактъ, прозорливость, инициатива, рѣшительность, оригинальность, то убѣдимся, что всѣ эти способности суть только разновидности творчества. Съ другой стороны, техникъ только тогда техникъ, когда обладаетъ именно сказанными разновидностями творчества. Онѣ только дадутъ его проектамъ самобытность и новизну и всей его дѣятельности цѣлесообразность и практичность. Даже больше того: вся дѣятельность техниковъ есть переходъ отъ слова къ дѣлу, отъ мысли къ вещи, отъ намѣренія къ поступку, отъ цѣли къ достиженію. Стало быть, вся дѣятельность техниковъ основана на творчествѣ.

Въ виду всего сказаннаго мы приходимъ къ выводу, что техника есть одно изъ искусствъ, именно особое *искусство, преслѣдующее пользу*. Музыка выражается звуками, поэзія—тоже, живопись—красками, скульптура формами. Для всѣхъ этихъ искусствъ, называемыхъ изящными, важны, стало быть, признаки внѣшніе: звукъ, цвѣтъ, форма; а самое вещество и его внутренній составъ важны для нихъ только какъ

средство получить форму, цвѣтъ и звукъ. Для техники какъ разъ наоборотъ: важно вещество, а форма, цвѣтъ и звукъ важны только какъ средство придать веществу требуемыя внутреннія свойства. Произведенія изящныхъ искусствъ дѣйствуютъ на потребителя не прямо сами собой, а косвенно черезъ тѣ идеи и образы, которые они въ потребителѣ возбуждаютъ. Поэтому они не расходуются и не изнашиваются при потребленіи. Наоборотъ: произведенія полезныхъ искусствъ, т. е. техники, дѣйствуютъ на потребителя прямо сами собой, своимъ веществомъ. Поэтому, при потребленіи, они расходуются.

Но несмотря на то, что мы сейчасъ сказали, все-таки *произведенія техники идейны*, т. е. каждое можно разсматривать какъ выраженіе нѣкоторой идеи. Послѣднія слова противорѣчатъ тому, что приходится обыкновенно читать въ эстетикахъ. Тамъ машина трактуется лишь какъ наборъ частей. Конечно, мы не можемъ заставить видѣть техническую идею тѣхъ, кто не способенъ ее видѣть. Вѣдь есть же люди, настолько обдѣленные музыкальнымъ пониманіемъ, что они въ симфоніи слышатъ лишь отдѣльные инструменты. Но, съ другой стороны, можно видѣть техническую идею, не будучи техникомъ, и живымъ примѣромъ тому намъ является Эмиль Золя. Вспомните его романъ «La bête humaine». Въ этомъ романѣ двѣ героини: одна—женщина, другая—машина. Описавъ первую героиню, Золя такъ описываетъ вторую: «Это была курьерская машина съ двумя спаренными осями, тонкаго и гигантскаго изящества, съ большими легкими колесами, соединенными помощью стальныхъ рукъ, съ широкою грудью, длинными и мощными боками,—олицетвореніе логики и увѣренности, сообщающихъ этимъ металлическимъ существамъ царственную красоту, точность и силу».

Уже въ этомъ описаніи героиня-машина мало чѣмъ уступаетъ въ красотѣ героинѣ-женщинѣ. Но Золя заставляетъ читателя съ одинаковымъ участіемъ слѣдить и за судьбою обѣихъ и сострадать ихъ трагическому концу. Вспомните картину крушенія поѣзда съ лежащимъ на боку паровозомъ, испускающимъ «черезъ распоротое чрево послѣдніе клубы своей паровой души».

Вдумчивый человѣкъ непремѣнно увидитъ въ произведеніяхъ техники и идею, и своеобразную красоту. Вспомните ту смѣсь изумленія и восторга, съ которой вы въ первый разъ прикладывали къ уху трубку телефона или фонографа. Людей постарше я попрошу вспомнить то воодушевленіе, которое они ощущали при первомъ извѣстіи о прорытіи Суэзскаго канала или Сенготардскаго тоннеля. Разберитесь въ этихъ чувствахъ, и вы увидите, что первый порывъ души есть чистая радость объ успѣхѣ генія. Мысль о пользѣ является лишь впослѣдствіи. Когда, въ шестидесятыхъ годахъ, около Баку начали одинъ за другимъ открываться нефтяные фонтаны, я помню, съ какимъ воодушевленіемъ встрѣчали каждое газетное извѣстіе о новомъ фонтанѣ.

«Семьдесятъ тысячъ ведеръ въ часъ», восклицали всѣ, блестя глазами и поднимая указательный палецъ.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что произведенія техники, независимо отъ ихъ вещественной пользы, возбуждаютъ въ насъ и эстетическія чувства, какъ своею красотой внѣшней, такъ и лежащей въ основѣ ихъ идеей, какъ проявленіе творчества, какъ побѣда генія и энергіи надъ внѣшними препятствіями.

Но, говоря объ эстетической сторонѣ техническихъ произведеній, мы однако ни на минуту не должны забывать, что главное ихъ свойство заключается въ пользѣ, ими приносимой, въ ихъ приложимости къ удовлетворенію физическихъ потребностей. Приложимость есть, вообще говоря, тотъ критерій, съ которымъ техникъ долженъ подходить ко всякому вопросу. Художникъ и ученый имѣютъ полное право не задаваться вопросомъ о томъ, какого рода приложеніе можетъ имѣть то или другое изъ ихъ созданій. Для техника, наоборотъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ этотъ вопросъ. Есть, напр., изобрѣтатели-любители, которые измышляютъ разные механизмы, вовсе не думая, о томъ, гдѣ они могутъ получить примѣненіе. Вотъ примѣръ ума нетехническаго. Другой примѣръ нетехническаго ума намъ являютъ тѣ несчастные изобрѣтатели, которые работаютъ надъ нелѣпостями, въ родѣ вѣчнаго движенія. Они думаютъ о приложеніи своихъ фантазій, даже рисуютъ себѣ золотыя горы, но имъ все-таки недостаетъ истинно прикладного ума, который направляетъ нашу дѣятельность на то, что исполнимо, примѣнимо и практично.

Есть особый складъ ума, который надо назвать техническимъ. Это особенное направленіе мыслей, способность заинтересоваться только тѣмъ, что жизненно. Не всѣ техники имъ обладаютъ; зато имъ обладаютъ многіе нетехники. Творчество техники направлено на самый фактъ. Въ этомъ оно сходится съ творчествомъ художника. Но тогда какъ художникъ творитъ вещи красивыя, техникъ создаетъ вещи полезныя. Стало быть, творчество того и другого сходно въ пріемахъ, но преслѣдуетъ разныя цѣли. Созданія художника исполняютъ свое назначеніе своею внѣшностью. Созданія техника—своимъ внутреннимъ составомъ, своимъ веществомъ. О внутреннемъ составѣ и думаетъ техникъ. А красота закрадывается въ техническія произведенія, если можно такъ выразиться, сама собой, попутно,—красота заключается въ соотвѣтствіи частей, въ соотвѣтствіи между вещью и заложенной въ нее идеей, и разъ въ техническія произведенія всегда заложена извѣстная идея, то они и дѣйствуютъ эстетически.

Если мы оглянемся на культурную исторію Европы, то замѣтимъ, что каждое время отмѣчено особымъ направленіемъ ума, получавшимъ среди интеллигенціи наибольшее число сторонниковъ и потому принимавшимъ форму міровоззрѣнія данной эпохи. Ограничиваясь одними крупными теченіями, мы видимъ смѣну четырехъ міровоззрѣній: художественнаго, мистическаго, научно-философскаго и техническаго.

Міровоззрѣніе античнаго міра было художественное. Тогда во всемъ искали гармонію: въ устройствѣ вселенной, въ укладѣ общества, въ наукѣ и искусствѣ, въ религіи и нравственности. Красота была высшимъ идеаломъ. Внѣшній успѣхъ замѣнялъ внутреннее достоинство. Вотъ мѣрило, которымъ древній міръ все мѣрилъ, даже своихъ боговъ.

Но когда древній міръ палъ подъ натискомъ воинственныхъ варварскихъ народовъ, непрочная внѣшняя гармонія уступила мѣсто кулачному праву. Неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ разрушила всякую надежду найти хоть какой-нибудь разумный порядокъ во всемъ, что совершалось передъ глазами. Весь міръ, одушевленный и неодушевленный, казался игрушкой какого-то произвола, стоящаго особнякомъ отъ міра и недоступнаго человѣческому пониманію. Отсюда, среди немногихъ представителей средневѣковой мысли, утвердилось міровоззрѣніе мистическое, искавшее сверхъестественной истины и сверхъестественной красоты. Удаленіе отъ міра было провозглашено высшей добродѣтелью. Но жизнь шла своимъ порядкомъ. Какъ ни старался мыслящій человѣкъ отрѣшиться отъ здѣшней жизни, она все-таки заявляла свои права. Человѣкъ никогда не былъ въ состояніи заглушить въ себѣ двухъ основныхъ стремленій: стремленія понять силы, управляющія явленіями, и стремленія воздѣйствовать на эти силы такъ, чтобы направлять явленія сообразно со своими желаніями. Первое стремленіе ведетъ, вообще говоря, къ наукѣ, второе—къ техникѣ, а въ средніе вѣка, при мистическомъ направленіи ума, первое привело къ магіи, второе—къ волшебству.

Но вотъ наступаетъ духовный разсвѣтъ. Пробужденный умъ начинаетъ искать въ самой природѣ тѣ силы, которыя управляютъ явленіями. И природа не остается въ долгу и обнаруживаетъ свои тайны передъ вопрошающимъ разумомъ. Воцаряется убѣжденіе, что силы природы лежатъ не извнѣ, а въ ней же самой, что онѣ доступны человѣческому пониманію и могутъ быть изучены путями естественными. И вотъ въ теченіе четырехъ вѣковъ научная мысль празднуетъ одну побѣду за другой. Окрыленный разумъ не видитъ границъ своему полету. Воцаряется міровоззрѣніе научно-философское. Высшимъ призваніемъ мыслящаго человѣка стало всему доискиваться объясненія, т. е., другими словами, отдаться чистой наукѣ. Явился умственный аристократизмъ, пренебрегавшій наблюденіемъ и весь погруженный въ чистое умозрѣніе. Такое отвлеченное направленіе мысли господствовало съ XV-го по XVIII-ый вѣка включительно.

Переходъ къ новѣйшему міровоззрѣнію нашего вѣка подготовлялся съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, умъ человѣка, отдавшись чистому умозрѣнію, дошелъ до какихъ-то границъ и почувствовалъ необходимость обратиться снова къ наблюденію за новымъ фактическимъ матеріаломъ. Съ другой стороны, и сама жизнь, которая все усложнялась, не давала почить на платоническомъ чистомъ знаніи, а настоя-

тольно требовала прилагать свое знаніе на дѣлѣ, чтобы на основаніи его устраивать свою жизнь. Оба пути привели къ техникѣ. Въ самомъ дѣлѣ: производство опытовъ и наблюденій невыполнимо безъ техническихъ приспособленій, и наука обратилась къ техникѣ за помощью. Съ другой стороны, и сама техника, въ XVIII-омъ вѣкѣ, стала научной: появилась технологія (1777) и основана техническая школа (1794).

Мы дошли до нашего XIX-го вѣка, какое же міровоззрѣніе господствуетъ теперь? Но неужели это возможно?—подумаютъ многіе: слишкомъ много отдѣльныхъ мнѣній, взглядовъ и школъ мы видимъ во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности и слишкомъ быстро мѣняются они. Такъ всегда кажется современникамъ, находящимся въ водоворотѣ событій. Такъ казалось и нашимъ предшественникамъ. А будущій историкъ и въ нашемъ вѣкѣ подмѣтитъ господствующія теченія и назоветъ то міровоззрѣніе, которое слагается изъ нихъ. Предоставляя ему произнести приговоръ окончательный, мы все-таки можемъ себѣ позволить попытку уловить въ пестромъ умственномъ движеніи XIX го вѣка господствующее міровоззрѣніе, и утверждаемъ, что это міровоззрѣніе *техническое*.

Когда нашъ вѣкъ называютъ техническимъ, то подразумѣваютъ широкое развитіе фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, телеграфовъ, чудеса электротехники, развитіе техническаго сословія и тому подобные внѣшніе успѣхи техники. Но нашъ вѣкъ можно назвать техническимъ еще съ большимъ правомъ за внутреннюю основную тенденцію современной культуры. Это, конечно, не значитъ, чтобы всѣ люди сдѣлались техниками. Это значитъ, что господствуетъ то направленіе ума, которое мы раньше назвали техническимъ. Кто-бы вы ни были и какова-бы ни была ваша профессія, вы навѣрно раздѣляете тотъ взглядъ, что вы не игрушка въ рукахъ слѣпой фортуны, и что не къ звѣздамъ слѣдуетъ обращаться для того, чтобы устроить жизнь, а реальной силой побѣждать реальныя препятствія. Это взглядъ чисто техническій. Когда техникъ строитъ машину для данной работы, онъ тоже преслѣдуетъ только пользу, тоже обращается лишь къ тѣмъ силамъ, дѣйствіе которыхъ хорошо изучено. Онъ тоже знаетъ, что будутъ сопротивленія, и знаетъ, что на ихъ преодолѣніе потребуется затрата силы, но что онъ достигнетъ намѣченнаго результата, оставаясь въ сферѣ природныхъ силъ и вещей.

Техническое міровоззрѣніе смотритъ на міръ, какъ на игру силъ, доступныхъ нашему пониманію и нашему воздѣйствію на нихъ, другими словами: оно вплетаетъ волю человѣка въ другія силы природы, управляющія порядкомъ явленій. Если выразиться одной короткой фразой, то техническое міровоззрѣніе сводится къ формулѣ: «*человѣкъ кузнецъ своего счастія*».

Но если это такъ, то не проповѣдуетъ ли техническое міровоззрѣніе грубаго эмпиризма и отрицанія чистой науки? Далеко нѣтъ. Ничто,

какъ техника, такъ наглядно не доказываетъ, какую пользу практика можетъ извлечь изъ самыхъ отвлеченныхъ теорій. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ электротехника. Не только въ прошломъ столѣтіи, когда Гальвани изучалъ дрыганіе ногъ лягушки, но даже въ шестидесятыхъ годахъ нашего вѣка никто не ждалъ, какія громадныя практическія приложенія получатъ кабинетныя работы ученыхъ.

Не проповѣдуетъ ли далѣе техническое міровоззрѣніе грубаго матеріализма? Нѣтъ. Умозрительныя науки иногда приводили къ матеріализму, и то лишь временно, потому что всѣ подобныя односторонности неминуемо связаны съ отрицаніемъ нѣкоторыхъ фактовъ. Для техники же фактъ главнѣе всего. Техника, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ свободна отъ предразсудковъ. Куда бы наше знаніе, или наше вѣрованіе ни помѣщали природнаго дѣятеля, техника къ нему обратится, если только дѣйствіе его будетъ доказано и измѣрено. Такимъ образомъ техника не покушается ни на какое вѣрованіе.

Техническое міровоззрѣніе не отрицаетъ ли искусства? Не провозглашаетъ ли оно машину идеаломъ красоты? Не хочетъ ли оно творчество замѣнить рутиной? Но, во-первыхъ, техника знаетъ, что ея цѣли направлены всегда на пользу. Во-вторыхъ, современный художникъ, безъ помощи техники, не можетъ воплощать и своихъ художественныхъ замысловъ. Въ-третьихъ, созданія техники хотя и дѣйствуютъ на насъ эстетически, но это дѣйствіе призвано не замѣнить дѣйствіе художественныхъ твореній, а только дополнить. Сама техника есть творчество, и только незнаніе ищетъ въ ней рутины.

Не хочетъ ли техническое міровоззрѣніе на мѣсто идеи общественности и добра водрузить знамя грубаго эгоизма? Едва ли, ибо ничто, какъ техника, такъ ясно не доказываетъ, что только совмѣстныя усилія ведутъ къ личному благу каждаго. Художникъ можетъ воплощать свои замыслы единолично, но замыслы техника такого рода, что для ихъ воплощенія нужны цѣлыя полчища рабочихъ и цѣлыя отрасли производства. Если принять эту точку зрѣнія, то приходится сказать, что техника ведетъ къ сближенію людей, такъ какъ ея основная тенденція, которую не трудно прослѣдить въ теченіе вѣковъ, заключалась и до сихъ поръ заключается въ томъ, чтобы способствовать единенію людей на почвѣ обмѣна продуктами труда физическаго и духовнаго.

Все вышесказанное служитъ достаточнымъ оправданіемъ той симпатіи, которою пользуется особенно въ послѣдніе годы техническое образованіе въ обществѣ, у насъ и за границей. Техническое образованіе представляетъ ту полезную особенность, что уже со своихъ среднихъ и даже низшихъ ступеней выпускаетъ людей, полезныхъ и себѣ и другимъ. Въ виду этого соображенія среднее и низшее профессіональное образованіе, а также образованіе ремесленниковъ и рабочихъ, служитъ вездѣ въ настоящее время предметомъ особаго попеченія.

Техника есть самое могущественное изъ оружій человѣчества въ

его вѣковой борьбѣ за существованіе,—оружіе, обезпечивающее господство человѣка надъ природой и животными, а также преобладаніе народовъ культурныхъ надъ дикарями. Такимъ образомъ можно сказать, что тѣ народы, которые выработали у себя технику, только они и «дѣлаютъ» исторію, остальные же исторію только «претерпѣваютъ».

Нормальная жизнь каждаго человѣка должна проходить, да и проходитъ на дѣлѣ, между работой и развлеченіемъ, между трудомъ и отдыхомъ. Всѣ наши потребности и стремленія, цѣли и идеалы, словомъ, все то, изъ-за чего человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ, какъ бы разнообразны они ни были, впадаютъ въ два широкихъ русла, изъ которыхъ одно направлено на пользу, другое—на красоту (т. е. на эстетическое наслажденіе). Но человѣкъ по двумъ причинамъ не свободенъ въ достиженіи своихъ цѣлей: съ одной стороны, онъ ограниченъ природой, съ другой — людьми. Природа имѣетъ свои неизмѣнные законы. Только при томъ условіи, что ея законы выполнены, природа допуститъ человѣка достигнуть его цѣлей. Но человѣкъ живетъ въ обществѣ. Ни трудиться, не развлекаться человѣкъ одинъ не можетъ. Общественная жизнь тоже ставитъ свои условія, которыя каждый долженъ соблюдать для того, чтобы быть въ состояніи преслѣдовать свои цѣли. Но требованія, предъявляемыя природой, выясняются наукой; а требованія, предъявляемыя обществомъ, даются этикой (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова). Что же до самыхъ цѣлей и способовъ ихъ достиженія, то цѣли пользы составляютъ предметъ техники, а цѣли красоты— предметъ искусства. Всѣ же четыре, т. е.: *наука, этика, искусство* и *техника*, и суть не что иное, какъ *четыре фактора человѣческой культуры*.

Взглядъ, только что изложенный и заключающійся въ признаніи за техникой роли одного изъ четырехъ факторовъ культуры,—взглядъ новый. Онъ требуетъ еще обоснованія и разработки, и для выполненія этой задачи недавно въ Германіи образовалась новая наука, называемая тамъ *философіей техники*. Но мы застаемъ только первые шаги этой науки, и разработку ея ожидаемъ отъ двадцатаго вѣка.

П. Энгельмейеръ.

БЕЗДОМНЫЕ.

Повѣсть Стефана Жеромскаго.

Переводъ съ польскаго М. Троповской.

———

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава VI.

Проказникъ Дизя.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля д-ръ Юдымъ покончилъ всѣ свои счеты съ городомъ Варшавой, уложилъ пожитки въ чемоданчикъ, который былъ такъ легокъ, что онъ самъ безъ труда могъ его нести, расплатился съ своей бабой, оставилъ ей, Зоськѣ, дворнику на чай, и, сѣвъ на извощика, велѣлъ ѣхать на вокзалъ. За нѣсколько дней передъ этимъ, онъ получилъ по почтѣ отъ д-ра Венглиховскаго сто рублей, въ видѣ задатка, въ счетъ будущаго жалованья, съ любезной просьбой принять ихъ для расплаты съ долгами и на дорогу. Какъ ни возмущался въ душѣ д-ръ Томашъ такой тратой денегъ, еще имъ не заработанныхъ, но, въ концѣ концовъ, не только взялъ эту сумму, но употребилъ ее такъ основательно, что послѣ покупки билета второго класса отъ Варшавы до послѣдней желѣзнодорожной станціи передъ Цисами, у него въ карманѣ осталось всего на всего нѣсколько мѣдяковъ и двѣ почтовыя марки, по семи копеекъ каждая. Когда поѣздъ тронулся, Юдымъ вошелъ въ свое купе, гдѣ носильщикъ уже помѣстилъ его чемоданъ, и занялъ свободное мѣсто въ углу дивана. Кромѣ него, въ купе сидѣло еще три человѣка: какой-то пожилой офицеръ и двѣ дамы. У нихъ было порядочное количество чемодановъ и въ дорогу собирались они систематически: офицеръ помѣстилъ свою шпагу и шляпу въ углу, а дамы разставили вокругъ себя множество всякихъ корзинокъ, ящичковъ, коробокъ, несессеровъ и т. д. Когда проѣхали мостъ, Прагу, послѣднія строенія, когда показался первый лѣсъ,

*) См. «Міръ Божій», № 6. Іюнь.

и березы, какъ сонныя видѣнія, стали выплывать изъ глубины темныхъ сосенъ, когда зажелтѣли поля съ своими золотистыми колосьями, д-ръ Томашъ не могъ оторваться отъ окна. По небу, гдѣ чудная, кроткая лазурь, казалось, снимала съ себя послѣднюю завѣсу, плыли легкія облачка. На землѣ все дышало жизнью, расцвѣтомъ и красотой. Порой передъ глазами открывалась широкая равнина, и снова ее закрывали избушки, усадьбы и прекрасные, поистинѣ величественные силуэты костеловъ.

Въ то время какъ Юдымъ пожиралъ глазами эти картины, дверь вдругъ отворилась, и въ купе скорѣе ворвалась, чѣмъ вошла, высокая, худая дама, ведя за руку мальчика лѣтъ десяти. Дама была некрасива и, какъ уже замѣчено, худа, но худа до того, что, при взглядѣ на нее, невольно хотѣлось благодарить судьбу за то, что на свѣтѣ существуютъ, слава Богу, дамскія платья, которыя избавляютъ смертныхъ отъ лицезрѣнія подобныхъ дамъ въ неглиже. У новой пассажирки носъ былъ порядочныхъ размѣровъ, губы сжаты, глаза прищурены. Кондукторъ и еще какой-то желѣзнодорожный служитель вбросили за нею цѣлую кучу всевозможныхъ узелковъ, ящичковъ, колясочекъ, деревянныхъ лошадокъ величиною съ жеребенка, нѣсколько чемодановъ и картонокъ. Дама все это вмѣстѣ и каждую вещь въ отдѣльности оставила на произволъ судьбы, она только скинула нѣкоторыя вещи, стѣснявшія свободу ея движеній, на полъ, прямо на ноги сосѣдямъ. Покончивъ съ этимъ, она упала на диванъ и принялась осматривать спутниковъ. Мальчикъ стоялъ посреди узловъ, разбросанныхъ между сидѣніями и, посвистывая, тоже разглядывалъ присутствующихъ. Въ рукѣ у него была грязная палка съ привязанной къ ней, въ видѣ кнута, веревкой. Волосы у этого ребенка были какого-то сѣраго цвѣта и росли они у него какъ-то странно впередъ, по направленію къ зрителю. Вся его фигура, особенно глаза, волосы и руки, напоминали не то рысь, не то барсука. Необычайно поношенный костюмъ его свидѣтельствовалъ о какихъ-то адскихъ сраженіяхъ съ землей, водой и дегтемъ; дырявые, спустившіеся чулки открывали, исцарапанныя до крови и покрытыя множествомъ синяковъ, ноги.

— Дизя, сядь...—томнымъ голосомъ произнесла мать, обращая при этомъ взоръ не на потомка своего, а на Юдыма, какъ будто именно къ нему обращалась съ этой ласковой, заботливой, просьбой.

Дизя такъ и не обратилъ на эти слова ея никакого вниманія, какъ будто они, дѣйствительно, относились къ кому-то другому. Онъ наклонился къ офицеру, сидѣвшему въ углу купе, и съ любопытствомъ сталъ разсматривать пуговицы его мундира, трогая каждую запачканными пальцами. Военный безъ протеста отнесся къ этой любознательности юной головки и съ какой-то неопредѣленной улыбкой ждалъ конца этой операціи. Между тѣмъ, Дизя вдругъ увидѣлъ висѣвшую въ углу саблю и смѣло протянулъ къ ней руку между головами обѣихъ

дамъ. Тогда офицеръ, молча, осторожно отстранилъ его отъ себя и своихъ сосѣдокъ.

— Дизя, веди себя, какъ слѣдуетъ, — сказала ему мать, — а то господинъ офицеръ выметъ саблю и отрѣжетъ тебѣ голову.

Шалунъ опять не обратилъ на слова матери должнаго вниманія. Онъ какъ разъ въ эту минуту затѣялъ пробраться къ окну и безъ дальнихъ околичностей двинулся туда прямо по ногамъ пассажировъ. Дамы и военный вскрикнули, жалуясь, что Дизя наступилъ имъ на мозоли. Дизя съ видомъ побѣдителя, равнодушнаго ко всему на свѣтѣ, пробрался-таки туда, куда хотѣлъ. Растопыривъ ноги, онъ сталъ на обоихъ сидѣніяхъ и такимъ рѣзкимъ, презирающимъ всякую опасность, движеніемъ высунулся за окно, что сидѣвшіе въ купе внезапно увидѣли заднюю сторону его штанишекъ, изорванную, пожалуй, больше чѣмъ чулки.

— Послушайте, вѣдь сынокъ вашъ можетъ еще упасть за окно...— обратилась одна изъ дамъ къ опечаленной матери.

— Дизя, ради Бога, не нагибайся такъ, а то вотъ говорятъ, что ты можешь еще упасть за окно!..

Опять напрасно! Нѣсколько минутъ всѣ были обезпокоены этой позой непослушнаго мальчугана, но вдругъ крикъ ужаса вырвался у всѣхъ изъ груди: мальчишка, очевидно, желая достать руками прикрѣпленную подъ окномъ табличку, высунулся еще больше. Для сохраненія равновѣсія онъ сталъ на одну ногу, а другая, сообразно съ движеніями туловища, дрыгала въ пространствѣ надъ самыми головами сидѣвшихъ дамъ. Офицеръ вскочилъ съ мѣста, схватилъ мальчика за поясъ и втащилъ въ вагонъ. Тутъ Дизя показалъ себя во всей красѣ. Первымъ дѣломъ, онъ вырвался изъ рукъ офицера и бросился обратно къ окну, но когда его опять оттащили, онъ началъ метаться во всѣ стороны, стучать ногами, куда ни попало, не обращая вниманія, попадаютъ ли его каблуки въ чемоданы или въ ноги съ мозолями.

— Послушайте, сударыня, — крикнулъ, наконецъ, военный, — да что-жъ это такое? Вотъ такъ благовоспитанный ребенокъ, нечего сказать! Не будете ли вы такъ добры...

— Дизя, заклинаю тебя всѣмъ святымъ!—воскликнула усталая мать.

Но тотъ не признавалъ себя побѣжденнымъ: офицера онъ оттолкнулъ локтями, а матери выставилъ языкъ, такой длинный, что хоть за деньги его показывай. Дѣлать было нечего. Дизю оставили въ покоѣ. Но онъ какъ-то и самъ угомонился и только особенно недружелюбно поглядывалъ на офицера и плевалъ на полъ. Нѣкоторое время спустя онъ усѣлся на диванъ между матерью и Юдымомъ: ноги вытянулъ впередъ и уперся ими въ противоположную скамейку, руки засунулъ въ карманы курточки и сталъ вперять поперемѣнно въ каждаго отдѣльно свои совиные глаза. Однако, затишье это было недолговре-

менно; немного спустя, онъ принялся атаковать Юдыма. Онъ засматривалъ ему въ глаза, упирался въ него плечомъ, локтемъ, колѣномъ, и, въ концѣ концовъ, вытащилъ изъ-подъ скамейки свой кнутъ, приставилъ его концомъ палки къ ногѣ доктора и, держа его обѣими руками, сталъ сверлить. Юдымъ отнялъ палку и отстранилъ руку мальчика. Напрасно, черезъ минуту началась та же исторія. Мать Дизи съ кислой миной слѣдила за этой процедурой и, наконецъ, прошепелявила:

— Не дѣлай ты этого, прошу тебя. Ну, къ чему это? Развѣ хорошіе дѣти играютъ такъ, развѣ это красиво? Уже столько разъ мама тебя просила, чтобъ ты не трогалъ никого въ вагонѣ. Ты этимъ очень огорчаешь твою маму... Тебѣ, вѣрно, хочется, чтобы насъ кондукторъ и изъ этого купе прогналъ, какъ изъ прежняго? Да? скажи правду...

Дизя бросилъ на родительницу мимолетный взглядъ и принялся за новое занятіе. На скамейкѣ лежала шляпа Юдыма. Мальчикъ схватилъ ее, какъ акробатъ, сталъ ее вертѣть въ рукахъ, подбрасывать вверхъ и ловить на палку.

— Ахъ, Дизя, Дизя...—стонала дама.—Не дѣлай этого, а то, увѣряю тебя, этотъ господинъ разсердится и тоже выбранитъ твою маму, какъ господинъ полковникъ. Тебѣ, вѣрно, хочется, чтобы этотъ господинъ выбранилъ твою маму. Скажи правду... Тебѣ хочется...

— Ну, да, хочу, чтобы онъ выбранилъ тебя...—проворчалъ безжалостный сынъ.

И ничего съ нимъ нельзя было подѣлать. Только усталость взяла, наконецъ, верхъ надъ живостью темперамента мальчика; онъ усѣлся на свободномъ мѣстѣ и, къ всеобщему удовольствію, зѣвнулъ разъ, другой... и уснулъ. Юдымъ заботливо уложилъ на диванѣ его ножки, а самъ убрался изъ купе. Вернулся онъ туда только въ Ивангородѣ, чтобы забрать свой чемоданчикъ, такъ какъ тамъ нужно было пересаживаться въ другой вагонъ. Не безъ истиннаго наслажденія думалъ онъ о томъ, что разстается съ Дизей.

Но какова была его досада, когда онъ увидѣлъ шалунишку, входящаго съ матерью въ тотъ самый вагонъ, въ которомъ сидѣлъ и онъ. Это не было отдѣльное купе, а большой общій вагонъ со многими пассажирами, и здѣсь было гдѣ разгуляться Дизѣ.

Въ третьемъ часу пополудни поѣздъ подъѣхалъ къ станціи, гдѣ Юдыму нужно было сойти и отправиться въ дальнѣйшій путь, то-есть еще пять миль, на лошадяхъ. Выйдя изъ вагона и пройдя черезъ вокзалъ второразрядной станціи, онъ нашелъ у выхода поджидавшую его большую повозку, запряженную двумя лошадьми, съ кучеромъ въ блестящей ливреѣ. Какой-то старенькій еврейчикъ принесъ въ рукѣ его чемоданчикъ и помѣстилъ его на козлахъ. Докторъ сбѣгалъ еще въ буфетъ купить папиросъ. Вернувшись черезъ минуту обратно, онъ узрѣлъ Дизю съ матерью, усаживающихся въ ту же повозку. Руки у него такъ и опустились, и грубое, давно не употребляемое, ругатель-

ство осквернило уста его. Мать Дизи уже знала отъ кучера, что поѣдетъ съ какимъ-то бариномъ, узнала чемоданчикъ и, придавъ своему лицу самое плѣнительное выраженіе, отодвигалась, оставляя подходившему доктору мѣсто подлѣ себя.

Въ первый моментъ Юдымъ рѣшилъ было, что не поѣдетъ съ ними ни за какія сокровища въ мірѣ. Но въ головѣ его быстро мелькнулъ цѣлый рядъ соображеній, особенно насчетъ имѣющагося у него капитала, заставившій его перемѣнить рѣшеніе, и, съ выраженіемъ счастья и довольства на лицѣ, онъ подошелъ къ дамѣ и завязалъ съ ней самый любезный разговоръ. Вскорѣ узелки кое-какъ размѣстились по всѣмъ угламъ, Дизя, благодаря усиленнымъ просьбамъ матери, боявшейся, чтобы онъ, сохрани Боже, не упалъ какъ-нибудь подъ колеса, усѣлся на задней скамеечкѣ, и колымага покатилась по грязнымъ улицамъ еврейскаго мѣстечка.

Дама болтала безъ умолку, не останавливаясь даже тогда, когда повозка, какъ въ конвульсіяхъ, металась по ямамъ, выбоинамъ, лужицамъ и буграмъ городской дороги. Юдыму тошно дѣлалось при одной мысли, что это удовольствіе будетъ длиться на разстояніи пяти миль, такъ какъ изъ словъ Дизиной матери оказывалось, что они тоже ѣдутъ въ Цисы. Вскорѣ, однако, они выѣхали за городъ, и Юдымъ немного утѣшился; прямо въ лицо ему пахнулъ прохладный вѣтерокъ, несшійся изъ необъятнаго пространства, съ полей, изъ лѣсовъ. Размякшія послѣ долгихъ дождей пашни, прорѣзанныя темными полосами мокрыхъ бороздъ, кое-гдѣ уже свѣтлѣли сѣро-желтыми пятнами, высыхая на болѣе высокихъ мѣстахъ. Легкій, бѣлый туманъ носился надъ ними. Небольшія нивы озимей тянулись вдоль и поперекъ, чудно переливаясь вдали то зелеными, то голубоватыми, какъ перышки на шеѣ павлина, цвѣтами. Высоко на небѣ стояли бѣлыя облака, словно высокіе снѣжные сугробы, отливая прелестными тонами; цѣлый хоръ жаворонковъ звенѣлъ въ ихъ глубинѣ. Надъ свѣтло-зеленой травкой пастбищъ носились чайки, то и дѣло издавая веселые крики.

Лошади бѣжали скорой рысью, и брызги засыхающей грязи летѣли изъ-подъ колесъ. Вѣтеръ мѣшалъ говорить, и болтовня спутницы не такъ уже раздражала Юдыма. Взоры его потонули въ новомъ пейзажѣ, открывшемся передъ нимъ. Все здѣсь для него дѣйствительно было ново. Деревни, или, скорѣе, земли, широкаго простора полей въ такое время года докторъ никогда еще не видалъ. Священный первобытный инстинктъ, какая-то неясная жажда пахать, сѣять, ростить хлѣбъ пробуждались въ его душѣ. Чувства его расплылись и витали по далекимъ горизонтамъ. Вотъ, тамъ подъ лѣсомъ, который только что зазеленѣлся, посреди окруженнаго деревьями возвышенія, лежитъ свободная площадь. Ольхи и осокори еще черны. Только высокая, стройная береза уже потянулась молоденькими листочками. Вокругъ стволовъ улыбаются блѣдно-голубыя фіалки. Подлѣ лѣса тянется узкая долина,

посреди которой плыветъ ручей. Какой-то человѣкъ ходитъ по склону горки, нагибается, что-то дѣлаетъ тамъ, надъ чѣмъ-то трудится, не то садитъ, не то сѣетъ что-то...

— Богъ тебѣ въ помощь, добрый человѣкъ... Пускай сторицею уродится твое зерно...—думаетъ Юдымъ и съ наслажденіемъ смотритъ туда, словно тамъ стоитъ его домъ родной. Но вотъ невольно встаетъ передъ глазами другой домъ: грязный, сырой подвалъ, полный смрада и духоты. Вѣчно пьяный отецъ, вѣчно больная мать... Развратъ, нужда и смерть.—Что они дѣлали тамъ, зачѣмъ они жили въ этомъ подземельи, нарочно созданномъ для того, чтобы порождать болѣзни въ тѣлѣ и ненависть къ жизни—въ душѣ?...»

И снова ласкаетъ глаза этотъ холмъ, что такъ улыбается солнцу...

Повозка катилась по проселочной дорогѣ: мимо мелькали деревеньки, корчмы, лѣса и распутья. Верстовые столбы попадались довольно часто, и была уже проѣхана почти половина пути, когда Дизя вдругъ обнаружилъ признаки жизни. До сихъ поръ онъ былъ погруженъ какъ бы въ нѣкое сомнанбулическое состояніе. Онъ сидѣлъ неподвижно, какъ камень, и, вытаращивъ глаза, водилъ взоромъ по рвамъ и оврагамъ. Юдымъ разсказывалъ матери какую-то интересную исторію какъ вдругъ почувствовалъ, что его будто щекочетъ что-то въ ногу. Въ первый моментъ онъ подумалъ-было, что это ему только кажется, но вскорѣ, взглянувъ на мальчика, увидѣлъ на лицѣ его лукавое выраженіе и высунутый языкъ, которымъ тотъ нѣкоторымъ образомъ помогалъ себѣ въ процедурѣ щекотанія. Проказникъ просовывалъ руку между нижнею частью брюкъ Юдыма и голенищемъ его штиблета, отгибалъ носокъ и длинной, острой соломинкой водилъ по голому тѣлу. Юдымъ сначала не обращалъ на это вниманія, въ надеждѣ, что мальчикъ пошалитъ и перестанетъ. Между тѣмъ, вышло совсѣмъ наоборотъ. Дизя отыскалъ подъ сидѣніемъ какой-то завалявшійся длинный, острый прутикъ, которымъ залѣзалъ подъ брюки по самое колѣно. И этого ему еще было мало: онъ выдергивалъ нитки изъ носковъ, пробовалъ снять башмакъ, загибалъ брюки какъ только можно было и т. д. Доктора, наконецъ, стала раздражать эта исторія. Онъ рѣзко откинулъ руку мальчишки разъ, другой, третій,—ничто не помогало. Языкъ, все больше и больше высовывавшійся на бокъ, предвѣщалъ, что готовятся новые эксперименты. И въ самомъ дѣлѣ, Дизя началъ собирать большіе, липкіе комочки грязи, осѣдавшіе на повозкѣ, слѣпливалъ изъ нихъ одинъ большой комокъ и насаживалъ его прямо подъ башмакъ, на голое тѣло доктора. Юдымъ выбросилъ одинъ такой комокъ, мальчишка слѣпилъ другой и всадилъ его туда же. Докторъ сильно оттолкнулъ его, но когда и въ третій разъ шалунъ сталъ готовиться къ тому же, онъ не выдержалъ и прикрикнулъ на него:

— Слушай, если ты сейчасъ не перестанешь, я тебя выдеру.

Мальчишка злорадно улыбнулся, набралъ въ руку новую горсть грязи и размазалъ ее по обнаженной ногѣ. Тогда Юдымъ велѣлъ кучеру остановиться и, какъ только лошади стали, быстро выскочилъ изъ повозки и потащилъ за собою Дизю. Тамъ онъ схватилъ его лѣвой рукой за шиворотъ, уложилъ соотвѣтствующимъ образомъ у себя на колѣнѣ и всыпалъ ему правой шлепковъ тридцать. Во время этой операціи онъ слышалъ раздирающіе душу крики дамы, чувствовалъ, какъ дергаютъ его за рукавъ, даже царапаютъ ногтями, но не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія. Мать несчастнаго осужденнаго сорвала у Юдыма шляпу съ головы, отшвырнула ее прочь, орала во всю глотку, какъ сумасшедшая. Но Юдымъ только тогда оставилъ мальчугана, когда у него самого рука заболѣла отъ ударовъ, и, вбросивъ его обратно въ повозку, вытащилъ свой чемоданчикъ, взялъ его въ руку и приказалъ кучеру ѣхать дальше.

— Господинъ докторъ, какъ же я поѣду?—возразилъ кучеръ. — Какъ я такъ поѣду? Садитесь, баринъ.

— Не сяду. Поѣзжай въ Цисы съ этой барыней. Я пойду пѣшкомъ.

Кучеръ съ опечаленнымъ, недовольнымъ видомъ въ нерѣшительности не трогался съ мѣста. Онъ посматривалъ то на Юдыма, то на даму.

— Поѣзжай, болванъ, когда тебѣ говорятъ!—внѣ себя крикнулъ докторъ.

— Да господинъ управляющій,—продолжалъ ворчать кучеръ,—приказали мнѣ за новымъ докторомъ ѣхать. Какъ же такъ? Нехорошо такъ, чтобы... И-и... Господи милостивый!

Онъ пожалъ плечами и продолжалъ стоять.

— Пошелъ, чортъ тебя возьми!

— Такъ садитесь, баринъ, на козлы хотя!

— Не сяду! Слышишь?

— Слушаю-съ. Да только чтобы послѣ на меня не было.

Онъ сплюнулъ, слегка подтянулъ лошадей и медленно тронулъ. Черезъ минуту онъ обернулся. Юдымъ шагалъ себѣ по краю дороги съ чемоданчикомъ въ рукѣ. Тогда онъ поѣхалъ быстрѣе, и вскорѣ повозка изчезла вдали.

Юдымъ, пыхтя и ругаясь, на чемъ свѣтъ стоитъ, шелъ съ своей ношей по дорогѣ. Передъ нимъ открывалась глупѣйшая перспектива, но на попятный дворъ онъ ужъ не хотѣлъ: позвать кучера и взять обратно свои слова онъ уже не могъ. А тутъ, какъ на зло, не видать вокругъ ни деревни, ни людей. Только гдѣ-то далеко, откуда-то снизу, изъ-за покатаго склона горы, неслись тонкіе клубы сѣраго дыма. Докторъ направился туда по сухой межѣ, тянувшейся вдоль вспаханныхъ полей. Дѣйствительно, вскорѣ съ вершины холма, онъ увидѣлъ расположившуюся въ низменности большую деревню. До нея было еще довольно далеко, но мечта о томъ, что тамъ можно будетъ получить

лошадей, сокращала ему дорогу. Наконецъ, усталый, буквально весь въ поту, добрелъ онъ до первой хаты. Мокрая, неровная дорога, по которой приходилось плестись, рѣзкій вѣтеръ и усталость доводили его чуть не до бѣшенства. Отъ хаты къ хатѣ бродилъ онъ, прося лошадей, но тутъ ихъ вовсе не было, тамъ не хотѣли ѣхать, а въ иномъ мѣстѣ просто подсмѣивались надъ нимъ.

Наконецъ, нашелся какой-то молодой крестьянинъ, который сразу согласился свезти его. Онъ запрягъ въ повозку пару небольшихъ буланныхъ лошадокъ и стрѣлою помчался по окольнымъ дорогамъ, по буграмъ и оврагамъ. Къ доктору вернулось хорошее настроеніе, и даже какой-то молодой задоръ охватилъ его душу. Гдѣ-то на распутьи попался имъ кабачекъ. Крестьянинъ остановился, сталъ подвязывать лошадямъ хвосты, мастерить что-то у повозки, зашелъ въ избу, вышелъ изъ нея какъ-то неохотно... Однимъ словомъ, Юдымъ понялъ, что мужику захотѣлось выпить «чарочку».

— Хозяинъ,—окликнулъ онъ его,—возьми-ка тамъ себѣ бутылочку горѣлки, что ли?

— А какую, баринъ, взять прикажешь, маленькую, аль большую?—не задумываясь, спросилъ тотъ.

Юдымъ заколебался. Нельзя же сказать маленькую.

— Да ужъ, разумѣется, какую побольше...

Въ ту же минуту онъ вдругъ вспомнилъ положеніе своихъ финансовъ и испугался, хватитъ ли у него денегъ...

Къ счастью, на это еще хватило, но въ карманѣ осталось уже весьма малое ихъ количество. Крестьянинъ мигомъ откупорилъ бутылку и заставилъ Юдыма «приложиться». Исполнивъ сей обрядъ, онъ взялся за нее самъ, выпилъ около половины, остальное спряталъ за пазуху и влѣзъ на сидѣніе. Тутъ-то пошла ѣзда! Маленькія, ловкія лошаденки мчались, какъ серны, повозка то и дѣло падала въ рытвины, полныя «сказочной» грязи, расплескивала лужи, стоявшія межъ плетнями, и вся забрызгивалась грязью. Почва въ этомъ мѣстѣ была глинистая, ѣхать было очень скользко, особенно по скатамъ, и только быстрота ѣзды удерживала повозку отъ того, чтобы не опрокинуться. Съ каждой горки мужикъ, погоняя лошадей, летѣлъ сломя голову прямо въ какую-нибудь глубокую канаву. Вальки у дышла колотили лошадей по ногамъ и заставляли ихъ бѣшенно скакать. Крестьянинъ сворачивалъ съ одной дороги на другую, ѣхалъ по узкимъ, какъ межа, тропинкамъ, а иной разъ такъ и прямо цѣлиной. Въ концѣ концовъ, Юдымъ рѣшилъ, что ѣдутъ они не въ Цисы. Но это его ничуть не смутило; ему было рѣшительно все равно. Эта бѣшенная ѣзда доставляла ему истинное наслажденіе. Вѣтеръ свистѣлъ въ уши, грязь брызгала въ носъ, въ глаза, попадала въ ротъ и кучами лежала на платьѣ.

Такъ проѣхали они съ полторы мили, и крестьянинъ вдругъ затянулъ какую то пѣсню. Послѣ каждаго припѣва, обыкновенно не совсѣмъ

цензурнаго, онъ потягивалъ изъ бутылочки здоровенными глотками и подгонялъ лошадей. Они проѣзжали мимо какихъ-то деревень, объѣзжали лѣса, неслись по пастбищамъ.

— Что, далеко еще до Цисъ?—рѣшился, наконецъ, спросить докторъ.

Мужикъ повернулъ къ нему посоловѣлые глаза и что-то неясно пробормоталъ. Въ ту же минуту онъ хриплымъ голосомъ крикнулъ на лошадей и свернулъ съ болѣе широкой дороги на узкую, боковую. Мѣсто тутъ было покатое и возокъ катился немного бокомъ. Въ самомъ разгарѣ ѣзды наскочилъ онъ на ровъ, и Юдымъ вдругъ почувствовалъ, что летитъ въ пространство, и попалъ головой куда-то въ мягкій загонъ. Нѣсколько минутъ онъ лежалъ безъ движенія, не будучи въ силахъ пошевельнуть ни ногой, ни рукой; онъ видѣлъ надъ собою облака, далекій небосклонъ и гдѣ-то вдали темную полосу лѣса. Наконецъ, онъ приподнялся, сѣлъ и, взглянувъ на свой испачканный глиной костюмъ, на крестьянина, лежавшаго неподалеку въ грязи, обсыпаннаго соломой, выпавшей изъ повозки, и тупо глядящаго на вывороченную вверхъ ногами повозку, не могъ удержаться отъ смѣха. Лошадки пустились въ ровъ и преспокойно, съ аппетитомъ пощипывали молодую травку. Отъ времени до времени онѣ кидали равнодушный взглядъ въ сторону хозяина, какъ будто хотѣли ему сказать:

— Видишь, болванъ, чего ты надѣлалъ!

Наконецъ, возница кое-какъ поднялся и принялся подымать повозку. Но тутъ оказалось, что сломалась ось, и, когда ее послѣ долгихъ трудовъ поставили на колеса, она выглядывала, какъ человѣкъ съ перебитымъ хребтомъ. Мужичекъ, стараясь какъ-нибудь поправить бѣду, все лѣнивѣй и лѣнивѣй работалъ надъ повозкой и, въ концѣ концовъ, взобравшись на нее, повалился на дно, что-то не то пропѣлъ, не то пробормоталъ и растянулся неподвижно. Юдымъ очутился въ отчаянномъ положеніи. Ноги его до колѣнъ тонули въ жидкой глинѣ, пальто, шляпа, лицо и руки были сплошь покрыты полевой, унавоженной землей. Смятый чемоданчикъ дѣлилъ судьбу своего хозяина. Что тутъ дѣлать?..

Онъ оставилъ безтолковаго мужика вмѣстѣ съ его лошадьми и повозкой посреди дороги, взялъ свой чемоданчикъ и двинулся впередъ. Уже надвигался вечеръ. Вдали, въ нѣсколькихъ верстахъ, виднѣлись куполы костеловъ и пестрыя крыши домиковъ мѣстечка. Туда и направился эскулапъ, посвистывая и ежеминутно разражаясь веселымъ смѣхомъ. Такъ откаталъ онъ уже версты двѣ, какъ вдругъ услыхалъ позади себя лошадиный топотъ. Изъ широкой аллеи, прорѣзывавшей дорогу, выѣхали двѣ амазонки, а съ ними двое всадниковъ и, мчась быстрою рысью, вскорѣ поровнялись съ Юдымомъ. Лошади ихъ были взмылены, обрызганы грязью, и паръ такъ и валилъ изъ ихъ ноздрей. Первая амазонка ѣхала рядомъ съ молодымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ на прекрасной, гнѣдой лошади; онъ перегнулся на сѣдлѣ въ сторону своей дамы и что-то съ увлеченіемъ говорилъ ей. Оба они чуть-чуть

повернулись въ сторону путника. Но одного этого момента было достаточно для Юдыма, чтобы узнать Наталію. Она обернулась еще разъ, но только на одну единственную секунду... Она навѣрное видѣла его, даже улыбнулась, но въ то же мгновеніе отвернулась отъ него въ другую сторону, словно не могла потерять ни одной минутки, словно права не имѣла заниматься даже такимъ смѣшнымъ предметомъ, какимъ былъ въ эту минуту Юдымъ...

Онъ стоялъ, ужасно сконфуженный. Онъ слышалъ бѣшенный хохотъ Ванды, ѣхавшей галопомъ во второмъ ряду съ какимъ-то пожилымъ господиномъ, но не обратилъ на него никакого вниманія. Все передъ нимъ затмила она одна, та чудная дѣвушка, такъ ловко и граціозно державшаяся на сѣдлѣ, перегнувшаяся влѣво, къ своему спутнику: каждое ея движеніе было полно такой чарующей прелести.

Долго стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, какъ одурѣлый; онъ чувствовалъ себя невыразимо несчастнымъ, онъ самъ себѣ былъ до крайности смѣшонъ. Въ канавѣ булькала грязная, смѣшанная съ иломъ, вода; казалось, она тоже ѣдко хохочетъ надъ нимъ и лопается со смѣху. Еще засвѣтло докторъ былъ уже въ мѣстечкѣ, гдѣ его вмигъ окружила толпа еврейчиковъ, нищихъ, бродягъ, которые, хихикая, поглядывали на него.

— Что это за городъ?—спросилъ онъ перваго попавшагося изъ нихъ.

— Городъ? Это городъ?

— Ну, какъ же?

— Этотъ городъ называется Цисы.

— Цисы? — радостно воскликнулъ Юдымъ.—Послушай-ка, мальчуганъ, возьми-ка ты этотъ чемоданчикъ и снеси его за мной въ лечебное заведеніе. Знаешь ты, гдѣ заведеніе?

— Зачѣмъ мнѣ не знать, гдѣ заведеніе? Гашпадинъ здалека? Гашпадинъ немножечко запачкавшись...

— Не твое это дѣло! На неси это въ заведеніе.

Длинныя аллеи изъ вѣковыхъ деревьевъ, тянувшіяся внизъ къ огромному парку, открылись передъ глазами доктора. Мальчуганъ объяснялъ ему, гдѣ заведеніе, гдѣ кургаузъ, гдѣ замокъ, гдѣ дворецъ «графини», чья гдѣ вилла. Въ аллеяхъ и въ паркѣ было пусто, и никто не замѣтилъ прибытія доктора, одѣтаго въ глиняный костюмъ.

Въ большомъ корридорѣ заведенія еврейчикъ розыскалъ какого-то человѣка, который назвалъ себя швейцаромъ. Разинувъ ротъ, съ выраженіемъ недовѣрія на лицѣ, онъ провелъ гостя въ комнаты «молодого доктора». Юдымъ какъ можно скорѣе скинулъ съ себя мокрую обувь и одежду, умылся и переодѣлся въ другой черный костюмъ. Вскорѣ онъ былъ совершенно готовъ и собирался выйти, чтобы еще сегодня представиться новому начальству. Оставалось только подождать, пока лакей принесетъ пальто, которое онъ унесъ почистить. Онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы осмотрѣть свою новую обстановку.

Предназначенная для него квартира состояла изъ двухъ комнатъ или, вѣрнѣе, изъ двухъ залъ. За окномъ, у котораго онъ стоялъ, на какихъ-нибудь полъ-аршина надъ землею, тянулась впередъ узкая аллея молодыхъ, преимущественно грабовыхъ деревьевъ. Одни изъ нихъ были уже довольно большіе и толстые, другіе еще переживали, такъ сказать, періодъ отрочества. Вѣтки послѣднихъ были ровно подстрижены и походили на школьниковъ съ коротко остриженными волосами. Параллельно съ этой аллеей тянулась длинная, старая, толстая стѣна, крытая сверху кирпичемъ. Ее ужъ подернуло плѣсенью, зеленая сырость выѣла изъ поднизу. Теперь, съ наступленіемъ весны и на ней показалась молодая, бархатная зелень. Между рядами деревьевъ уходила въ даль парка узкая, расчищенная дорожка. Посрединѣ она ужъ совсѣмъ высохла, но въ углубленіяхъ, ограничивавшихъ ее по краямъ, еще видны были темносѣрыя влажныя полосы. Молодые листочки грабовъ, недавно только выглянувшіе на свѣтъ Божій, еще сморщенные и нѣжные до того, что какъ будто съеживались даже отъ лобзаній солнечныхъ лучей и легкаго дыханія ароматнаго вѣтерка, казалось, пытливо ощупывали, съ помощью своихъ тонкихъ, нѣжныхъ тѣней, и желтый песокъ на дорожкѣ, и темную, рыхлую землю, и свѣжую травку, пробивавшуюся изъ-подъ земли. Они были такъ ясны и такъ прелестны, какъ дѣтскіе глазенки. Толстая стѣна, за которую ужъ уходило солнце, кидала на дорожку большую черную тѣнь, похожую на двери тюрьмы. Только въ самомъ концѣ парка, гдѣ стѣна, поворачивая подъ прямымъ угломъ, прорѣзывала аллею поперекъ, еще сохранилась свѣтлая полоса. Чудилось, будто тамъ, въ той дали, у огромной стѣны есть свой задумчивый обликъ, что она глядитъ какими-то невидимыми очами въ глубь расцвѣтающаго парка и свѣтится лучезарной, радостной улыбкой. За стѣною, ближе къ окнамъ, росли два колоссальныхъ тополя. Окруженные нѣжной зеленью молодыхъ деревьевъ, ихъ сучковатые стволы выдѣлялись среди зелени, словно могучіе рыцари, закованные въ крѣпкую, непроницаемую кольчугу. Откуда-то съ вышины, невѣдомо съ какого дерева летѣли на дорожку золотисто-розовыя чешуйки почекъ...

Юдымъ стоялъ у открытаго окна. Ему казалось, что въ немъ происходитъ что-то общее съ окружающей природой. Онъ чувствовалъ, какъ по жиламъ его течетъ бодрящая, живительная сила, та сила природы, что даетъ жизнь и ростъ деревьямъ и листьямъ. Юдымъ почувствовалъ въ себѣ эту силу и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ въ себѣ власть надъ нею, возможность вложить ее въ великій трудъ. Ожиданіе труда, который онъ предвидѣлъ на своемъ новомъ мѣстѣ, наполняло его наслажденіемъ. Онъ бодро и смѣло смотрѣлъ впередъ.

Наконецъ-то, наконецъ! Вотъ мѣсто, гдѣ онъ сможетъ надѣть на себя ярмо и глубоко врѣзать свой плугъ въ старую землю. Онъ станетъ тутъ сѣять, станетъ работать за цѣлую толпу, отдастъ міру все,

что взялъ отъ него. Онъ не пожалѣетъ рукъ, не пожалѣетъ пота! Пусть знаютъ, какъ умѣетъ отблагодарить человѣкъ изъ народа, котораго они пріобщатъ къ своей культурѣ, которому удѣлятъ хоть частичку своихъ правъ на дѣло.

Въ эту минуту душа его успокоилась на чемъ-то неуловимомъ, какъ звукъ, плывущій въ пространствѣ, какъ шелестъ грабовыхъ листьевъ, что замиралъ среди деревьевъ.

Это было краткое, радостное благословеніе тайныхъ властей міра за святое право человѣка на трудъ, за силы, за мощныя руки, которыя служатъ ему.

Глава VII.

Цисы.

Лѣчебное заведеніе Цисы лежитъ въ долинѣ между двумя цѣпями холмовъ, окруженныхъ прекраснымъ лѣсомъ. Посрединѣ долины течетъ ручей, образующій въ паркѣ два пруда, изъ которыхъ одинъ служитъ для доставки воды въ машины заведенія. Вокругъ этихъ прудовъ разстилается огромный паркъ, сливающійся съ лѣсами на близкихъ холмахъ. Самое заведеніе (то-есть ванны, водолѣчебница, души etc.) помѣщаются въ зданіи, Богъ вѣсть почему, носящемъ названіе «Викентій», стоящемъ надъ вторымъ прудомъ. Съ той же стороны на возвышеніи бѣлѣется великолѣпный кургаузъ, окруженный деревьями, цвѣточными клумбами, газонами, лужайками, уединенными аллеями. Въ самомъ паркѣ и внѣ его предѣловъ, возлѣ дорогъ, расходящихся въ разныя стороны, и даже прямо посреди лѣса выстроены виллы. Однѣ изъ нихъ сбились въ рядъ, какъ деревенскія хаты, другія ищутъ уединенія и кроются въ глубинѣ густыхъ садовъ.

По другую сторону пруда, на половинѣ царящей надъ всей окрестностью горы, стоитъ усадьба и многочисленныя каменныя постройки имѣнія Цисы. Еще выше, на самой вершинѣ горы, виднѣется костелъ съ двумя высокими колокольнями, которыя видны со всѣхъ пунктовъ окрестности, гдѣ бы ни стоять.

На слѣдующій день по пріѣздѣ, Юдымъ дѣлалъ визиты, обозрѣвалъ мѣстность, изучалъ тайны заведенія—и положительно былъ ошеломленъ. Оказывалось, что онъ не только будетъ имѣть возможность подробно ознакомиться со всѣмъ до наступленія приближающагося сезона, но что, сверхъ того, ему еще предоставляется участіе въ управленіи.

Такимъ образомъ, сегодня онъ знакомился съ химическимъ составомъ источниковъ, завтра изучалъ устройство машинъ, проводящихъ воду въ ванны, знакомился съ системой веденія канцелярскихъ книгъ, оріентировался въ хозяйственной процедурѣ, въ постановкѣ отеля и т. д. Передъ нимъ то и дѣло открывались такія вещи, о которыхъ

онъ прежде не имѣлъ понятія; одни впечатлѣнія смѣнялись другими. Но больше всего его интересовали основы предпріятія, его матеріальная постановка. Лѣчебное заведеніе Цисы было учрежденіе акціонерное, съ основнымъ капиталомъ около трехсотъ тысячъ рублей. Акціонеровъ было всего человѣкъ двадцать слишкомъ. Они избирали изъ своей среды правленіе, состоявшее изъ предсѣдателя и двухъ вице-предсѣдателей, контрольный комитетъ тоже изъ трехъ членовъ и, кромѣ того, директора, управляющаго и кассира. Должность предсѣдателя правленія исполнялъ одинъ извѣстный адвокатъ, проживающій постоянно въ Москвѣ. Одинъ изъ вице-предсѣдателей былъ *honoris causa* акціонеръ Лесчиковскій, жившій въ Константинополѣ, другой—богатый варшавскій промышленникъ г. Штаркъ. Директоромъ былъ д-ръ Венгliховскій, управляющимъ Янъ-Богуславъ Крживосондъ-Хобржанскій и, наконецъ, кассиромъ, а также и счастливымъ супругомъ дамы, съ которой Юдымъ пріѣхалъ изъ Варшавы и отцомъ проказника Дизи, нѣкій господинъ Листва.

Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ д-ръ Юдымъ успѣлъ познакомиться съ исторіей этого учрежденія,—исторіей, которая въ Цисахъ была настоящей *magistra vitae*. Исторія эта или, точнѣе говоря, цѣлый рядъ многочисленныхъ минувшихъ исторій имѣлъ большое вліяніе на ходъ текущихъ дѣлъ. Насколько д-ру Томашу приходилось слышать ее изъ многихъ устъ, исторія эта представлялась въ слѣдующемъ видѣ.

Цисы были извѣстны своими водами еще въ началѣ прошлаго столѣтія. Часто можно встрѣтить въ мемуарахъ замѣтки о томъ, что въ Цисахъ лѣчился такой-то и такой-то сановникъ. Однако, нельзя было ихъ назвать лѣчебной мѣстностью въ широкомъ смыслѣ этого слова. Правда, водами этими пользовались многіе, но благодаря лишь любезности помѣщика, такъ какъ источники находились въ паркѣ, окружавшемъ старинный родовой замокъ. Съ незапамятныхъ временъ помѣстья эти находились во владѣніи рода Невадзкихъ. Въ послѣднее время владѣльцемъ ихъ былъ мужъ той самой старушки, съ которой Юдымъ познакомился въ Парижѣ. Въ семидесятыхъ годахъ настоящаго вѣка Невадзкій этотъ выѣхалъ за границу. Когда онъ вернулся въ Цисы, это былъ уже совсѣмъ надломленный, неизлѣчимо больной старикъ. Пережитыя страданія совершенно измѣнили его взгляды. Онъ сталъ теперь думать, главнымъ образомъ, о благѣ ближнихъ, а такъ какъ самъ онъ былъ боленъ, то и благотворительная дѣятельность его направилась, прежде всего, на то, чтобы облегчать страданія другихъ больныхъ. Въ виду того, что купанья въ водѣ изъ источниковъ его парка были признаны врачами за цѣлительныя, г. Невадзскій задумалъ основать у себя въ Цисахъ лѣчебное заведеніе и всѣми силами сталъ стремиться къ осуществленію этой цѣли. Для скорѣйшаго достиженія ея, онъ, первымъ дѣломъ, рѣшилъ подарить проектируемому учрежденію часть

своего имѣнія, обнимающую нѣсколько десятковъ десятинъ земли, вмѣстѣ съ паркомъ, источниками, частью примыкающихъ лѣсовъ и съ постройками, которыя уже находились на этой территоріи. Онъ самъ образовалъ общество, къ которому привлекъ своихъ товарищей, по большей части разсѣянныхъ по бѣлу свѣту. Наибольшую сумму акцій взялъ старый его коллега и пріятель, купецъ съ Босфора, Лесчиковскій. Остальныя были разобраны адвокатами, врачами, промышленниками. Въ первые годы во главѣ этого учрежденія находился директоръ, человѣкъ совсѣмъ неподходящій, который задумалъ изъ этого только что нарождающагося заведенія сдѣлать сразу европейскій курортъ. Согласно его планамъ, тутъ воздвигались великолѣпныя зданія и виллы, обставленныя съ такой роскошью, которая могла бы удовлетворить самыя изысканныя требованія. Такія рискованныя затѣи вскорѣ привели все предпріятіе къ концу. Въ Цисы съѣзжались со всего края и даже издалека аристократическія семейства, искавшія развлеченій. Заведеніе стремилось снискать себѣ славу европейской лѣтней резиденціи и съ каждымъ годомъ принимало все болѣе роскошный видъ. Между тѣмъ, основатель его, Невадзкій, умеръ. На годичномъ засѣданіи оказалось, что Цисы не только не приносятъ никакого дохода, но даже обнаруживается дефицитъ. Въ виду этого, а главное, какъ у насъ обыкновенно, вслѣдствіе отсутствія главной точки опоры, той личности, которая взялась бы за это во имя идеи, все предпріятіе сильно поколебалось. Тогда-то появился на сцену константинопольскій купецъ. Онъ ободрилъ упавшихъ было духомъ участниковъ дѣла, своими деньгами пополнилъ дефицитъ, открыто потребовалъ, чтобы тогдашній директоръ оставилъ занимаемую имъ должность, и на смѣну ему назначилъ новаго, тоже пріятеля своего и покойнаго помѣщика, а именно доктора Венглиховскаго, человѣка бывалаго, который чуть ли не больше ихъ обоихъ порыскалъ по свѣту. Какъ только докторъ Венглиховскій взялъ въ свои руки бразды правленія, дѣло тотчасъ пошло на иной ладъ. Первымъ дѣломъ, новый директоръ отказался отъ веденія хозяйственной части, и ею занялся особый управляющій, опять-таки общій товарищъ Крживосондъ Хобржанскій.

На слѣдующій годъ уже не повторились прежнія увеселенія, танцы, театральныя представленія, скачки, гонки, голубиныя садки, охоты и т. п.,—это былъ уже настоящій лѣчебный сезонъ. Купанья, ванны, отель и т. д.,—все было передѣлано на новый ладъ, все было направлено къ тому, чтобы устроить настоящее лѣчебное заведеніе. Докторъ Венглиховскій составлялъ много новыхъ проектовъ и представлялъ ихъ на обсужденіе правленію. Въ случаѣ, если оно не соглашалось принять ихъ, онъ писалъ письмо Лесчиковскому, а тотъ немедленно все улаживалъ на собственный счетъ. Такъ-то установился неписанный уставъ.

Старикъ Лесчиковскій былъ вдовцомъ. У него были пасынки греки, которые высасывали изъ него, сколько могли. Онъ былъ очень бо-

гатъ. Когда-то буря выбросила его на берегъ Босфора въ одномъ изорванномъ пиджакѣ и въ башмакахъ безъ подошвъ. Чѣмъ-чѣмъ только онъ не перебывалъ въ своей жизни: носильщикомъ на корабляхъ, метельщикомъ улицъ, разнощикомъ всевозможныхъ европейскихъ газетъ, агентомъ какого-то французскаго магазина, прикащикомъ, комиссіонеромъ и, наконецъ, владѣльцемъ огромныхъ магазиновъ, продавцемъ ковровъ, промышленникомъ и т. д. Въ теченіе этихъ занятій, изъ всей его прекрасной фамиліи осталось всего на всего три первыя буквы, которыя возможно было выговорить въ персидско-турецко-англо-французскихъ торговыхъ сношеніяхъ. Онъ и самъ, бѣдняга, называлъ себя не иначе, какъ старый «Лесъ», и употреблялъ этотъ жалкій остатокъ своей фамиліи во всѣхъ падежахъ. Лесчиковскій былъ сыномъ убогаго шляхтича, помѣстье котораго находилось неподалеку отъ Цисъ. Уже въ знаменитой кѣлецкой воеводской школѣ побратался онъ съ дворянчикомъ Невадзкимъ, съ Венглиховскимъ и Кживосондомъ. Суровая и удивительно странно сложившаяся жизнь навсегда оторвала его отъ родныхъ палестинъ. Потомокъ искони земледѣльческаго рода, онъ сдѣлался купцомъ. Большую часть сутокъ онъ отдавалъ работѣ и никогда не зналъ ни праздниковъ, ни какихъ-либо каникулъ. Въ этомъ крѣпкомъ, сильномъ человѣкѣ какъ бы сосредоточились смѣлыя, непоколебимыя силы желѣзной машины. А между тѣмъ этотъ самый М. Лесъ, среди многоразличныхъ своихъ занятій, днемъ и ночью думалъ о другомъ. Трезвый, хитрый торговецъ, съ которымъ ни грекъ, ни армянинъ не сравнился бы по смышленности, котораго не превзошелъ бы англичанинъ въ желѣзной систематичности, этотъ человѣкъ въ глубинѣ души былъ мечтателемъ и аскетомъ. Спалъ онъ на твердой кровати, жилъ въ тѣсной комнаткѣ, одѣвался кое-какъ. Изъ своихъ доходовъ онъ назначалъ извѣстную сумму своимъ «сосункамъ»—пасынкамъ, остальное разсылалъ по бѣлу свѣту. Не случалось почти дня, чтобы на письменномъ столѣ его не лежало письмо, написанное на «человѣческомъ» языкѣ, приходившее иной разъ, Богъ вѣсть откуда, издалека. И никогда не оставались они безъ отвѣта: М. Лесъ былъ человѣкъ проницательный ни разу въ жизни не провелъ его какой-нибудь мошенникъ и не выманилъ у него ни гроша, но любой честный мечтатель тянулъ изъ него тысячи франковъ. Любимѣйшей, взлелѣянной мечтой М. Леса было цисовское лѣчебное заведеніе. Старый, пронырливый торговецъ вѣчно грезилъ о преобразованіи своего любимаго уголка, о томъ, какъ бы поднять его еще выше, сдѣлать его еще лучше. Онъ собиралъ деньги, откладывалъ желѣзные фонды, копейку за копейкой, какъ скряга, накапливалъ какую-то «тайную кассу» на неслыханныя предпріятія, какія предполагалъ устроить подъ Цисами въ своемъ Загорьѣ и окрестностяхъ, какъ только вернется.

«Тайную кассу» обиралъ первый встрѣчный инженеръ, ѣхавшій

учиться, какой-нибудь художникъ, которому нуженъ былъ Парижъ, докторъ, техникъ (всегда изобрѣтатель *in spe*), наконецъ, кто бы то ни было. И снова начинались спеціальныя операціи, съ цѣлью пополненія пустоты. Такъ проходили годы. Когда Невадзкій основалъ въ Цисахъ лѣчебное заведеніе, которое, само собою разумѣется, не могло не произвести благотворнаго вліянія на судьбу всей окрестности, старикъ Лесчиковскій подумалъ: это надобно поддержать. Ну, и поддерживалъ онъ это по своему, съ своей уже не желѣзной, а стальною стойкостью, со своей дѣтски-наивной довѣрчивостью.

Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Цисы, д-ръ Юдымъ получилъ изъ Константинополя огромное письмо: старый эмигрантъ представлялся молодому доктору и завязывалъ съ нимъ знакомство. Письмо было было написано на страшно ломанномъ польскомъ языкѣ: это была смѣсь словъ англійскихъ, французскихъ, греческихъ, болгарскихъ, а между ними часто попадались совсѣмъ какія-то непонятные знаки, по всей вѣроятности турецкіе или персидскіе. Въ письмо была вложена кабинетная фотографическая карточка стараго Леса. Удивительно, какъ дополняли другъ друга это письмо и карточка. Казалось, глаза говорятъ все то, чего нельзя передать словами, чего не въ силахъ былъ выразить языкъ, изломанный и исковерканный на служеніи деньгамъ. Трудно было оторваться отъ этого худого лица, отъ темныхъ, въ упоръ смотрящихъ глазъ. Сильно выпуклый лобъ, выдающійся носъ и тонкія губы носили на себѣ печать сильной воли, стойкости и упорства. Юдымъ нѣсколько разъ перечиталъ это странное письмо и вскорѣ такъ приноровился къ его стилю, какъ будто призналъ его не только вполнѣ естественнымъ, но даже необходимымъ. Въ часто повторявшихся фразахъ этотъ человѣкъ описывалъ самого себя и, хотя далекій, онъ казался живымъ, будто самъ ходилъ по тѣмъ мѣстамъ, о которыхъ говорилъ въ письмѣ. Въ Цисахъ все ему было знакомо до мельчайшихъ подробностей. Онъ обращалъ вниманіе молодого врача на нѣкоторыя мелочи, которыхъ тотъ еще вовсе и не замѣтилъ. Въ концѣ письма онъ просилъ доктора прислать свою карточку и часто, часто писать ему.

«Я люблю,—писалъ М. Лесъ,—молодыхъ, потому что они смѣло берутся за работу. Люди обыкновенно просто *lasy*, знаете, докторъ, какъ говоритъ англичанинъ. А я этого не выношу! Нашъ братъ, полякъ, сдѣлаетъ что-нибудь и сейчасъ же состарѣется. Онъ для того работаетъ, чтобы ничего не дѣлать. Тогда, когда онъ уже ничего не дѣлаетъ, онъ пользуется трудами молодого, сосетъ его кровь и на него опирается, на этого молодого, а самъ притворяется, что его *labour*. Не такъ поступаетъ англичанинъ! Онъ вѣчно идетъ! *Forward*! До конца жизни. А не можетъ ужъ больше, такъ онъ не становится другимъ поперекъ дороги, а идетъ на свѣжую травку, погулять. Тогда молодой приходитъ на его мѣсто и съ того мѣста начинаетъ, гдѣ тотъ

остановился. А мы вѣримъ еще въ *kismet*, какъ турки. Когда вѣдь все лежитъ тутъ! Все можно сдѣлать! Еслибъ я былъ молодъ, я бы все сдѣлалъ. Мнѣ кажется, мы съ вами будемъ идти рука объ руку, мой докторъ Юдымъ»...

Прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ главнымъ руководителемъ заведенія сдѣлался Венглиховскій, а управляющимъ—Крживсосондъ. Цисы получили всеобщую извѣстность и снискали себѣ хорошую репутацію. Довольно значительнымъ вліяніемъ пользовался и управляющій Крживосондъ Хобржанскій. Это былъ старый холостякъ, человѣкъ довольно красивый, высокаго роста и прекрасно сложенный. Онъ носилъ длиные, отвисшіе усы, которые, какъ и уцѣлѣвшіе еще кое-гдѣ на вискахъ волосы, чернилъ дешевой краской, отчего они принимали какой-то зеленовано-сѣрый цвѣтъ. Одѣвался онъ всегда почти въ высокіе сапоги, широкіе шаровары и нѣчто въ родѣ персидской чамарки. Этотъ человѣкъ прошелъ всю Европу вдоль и поперекъ. Онъ говорилъ чуть-ли не на всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ, покрайней мѣрѣ, любилъ вставлять въ свою рѣчь словечки самого разнообразнаго діалекта, и зналъ и умѣлъ почти все на свѣтѣ. Заходила ли рѣчь о химіи, онъ вмѣшивался въ разговоръ, и часто довольно дѣльно. Заводилъ ли кто бесѣду о живописи, скульптурѣ, литературѣ, кулинарномъ искусствѣ, золотыхъ дѣлъ мастерствѣ, шорномъ ремеслѣ, поддѣлкѣ картинъ, антикварствѣ, портняжествѣ, сапожничествѣ, оружейномъ искусствѣ, а главное, о какого-бы то ни было рода механикѣ,—Крживосондъ всюду, въ каждой изъ этихъ областей обнаруживалъ запасъ спеціальныхъ знаній. Мало того, свое знакомство съ каждымъ изъ этихъ ремеслъ онъ умѣлъ подтвердить и на дѣлѣ. Въ сочельникъ онъ самъ готовилъ супъ и варилъ рыбу. Правда, супъ получался довольно оригинальный, такъ какъ, если ему случалось его пересолить по солдатски, то для смягченія вкуса онъ сыпалъ въ миску цѣлый фунтъ сахару. Всѣ сѣдла, находившіяся въ заведеніи, были его работы или, вѣрнѣе говоря, его передѣлки. Если впродолженіе сезона обручалась или вѣнчалась какая-нибудь пара, Крживосондъ выпрашивалъ позволеніе приготовить обручальныя кольца. Цисы были наполнены произведеніями его рукъ. Онъ самъ чинилъ всѣ машины, клалъ стѣны вмѣстѣ съ каменьщиками, рубилъ и пилилъ съ плотниками, тесалъ и красилъ со столярами, копалъ съ садовникомъ.

У директора Венглиховскаго были эмалированные часы, подарокъ Крживосонда его собственной работы. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствовала выцарапанная на крышкѣ этихъ часовъ какимъ-то острымъ рѣзцомъ надпись: «*I. B. Krzywosad de Chobrzanowice Chobrzanski eques polonus fecit Lutetiae Parisiorum. Anno Domini 1868*». Въ корридорѣ кургауза висѣли стѣнные часы, которые, по желанію, если потянуть за шнурокъ, играли какую-то веселую мелодію. Часы эти

были якобы сломаны и потомъ удивительно мастерски починены Кржivосондомъ.

Въ библіотекѣ заведенія стоялъ его шедевръ, такъ наз. *Groupe allegorique*. Это былъ маленькій столикъ, на которомъ склеенные между собой камешки, осколки фарфора, стекла кораллы и т. п. образовали нѣчто вродѣ холмовъ, озеръ, пещеръ. Изъ глубины этихъ пещеръ полагалось въ хорошую погоду выходить монаху, но, говоря правду, онъ почему-то никогда не выходилъ. По краямъ столика красовались всевозможныя аллегорическія фигурки, пѣтушки, солдатики, флаги, терновые вѣнцы, а посрединѣ сидѣла бѣлая стеклянная птица, похожая съ виду на утку, съ черными глазами, которые придавали ей такой видъ, будто она была въ очкахъ. Въ залѣ для карточной игры было еще одно искусное произведеніе Кржivосонда, а именно, старинный шкафъ, выложенный слоновой костью, съ оковкой, до того причудливо и искусно отдѣланной, что тошно было смотрѣть. На верхнемъ карнизѣ этого шкафа виднѣлось число, запечатлѣнное посредствомъ инкрустаціи, «*А. Д. 1527*». Само собою разумѣется, что управляющій только обновилъ этотъ памятникъ минувшихъ временъ, хотя злые языки и твердили, что онъ-то и былъ творцомъ не только шкафа, инкрустаціи и оковки, но и надписи, что была вырѣзана наверху.

Кржivосондъ Хобржанскій очутился въ Европѣ въ то самое время, что и М. Лесъ. Между тѣмъ, однако, какъ послѣдній направился на востокъ, Кржivосондъ пошелъ на западъ. Фактически онъ просто, какъ говорится, на своихъ, на двоихъ прошелъ черезъ Силезію, Чехію и Баварію до самой Франціи. Онъ скитался въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, зарабатывая на жизнь чѣмъ попало. Въ Парижѣ онъ былъ ретушеромъ у одного изъ второстепенныхъ фотографовъ на *rue Picpus*. Въ Лондонъ его сманилъ какой-то пріятель, который тамъ устроился въ одномъ изъ оружейныхъ заводовъ. Кржivосондъ нѣкоторое время работалъ, какъ простой рабочій и, какъ говорили, хорошо наловчился въ ружейномъ дѣлѣ. Но если онъ и пріучилъ къ этой работѣ руки, то не легко было ему приноровить къ ней свою благородную душу, и вотъ, накопивъ немножко денегъ, Хобржанскій возвращается обратно на континентъ и отправляется въ Брюссель. Нельзя, однако, сказать, чтобы онъ бездѣльничалъ. Ничуть! Онъ умѣлъ встать чуть свѣтъ, весь день провести безъ передышки за тяжелымъ трудомъ и поздно ночью прикурнуть на жалкой постели. Ходилъ онъ въ поношенной одеждѣ, да и ту готовъ былъ отдать человѣку бѣднѣе себя, лишь бы только люди объ этомъ знали. Если кто-либо являлся къ нему съ просьбой объ одолженіи, о денежной помощи, онъ никогда не отказывалъ, но любилъ, чтобы и ему оказали ту или другую услугу. Изъ лондонской фабрики его вытолкнула какая-то необъяснимая сила, жажда чего-то лучшаго, высшаго. Не о спокойной жизни, не о богатствѣ мечталъ Кржivосондъ хотя и любилъ довольство. Среди самыхъ тяжелыхъ

обстоятельствъ, онъ всегда стремился къ славѣ, къ возвышенію, къ достиженію значенія и вліятельности, къ извѣстности среди своихъ. Онъ охотно принялся бы за какой-нибудь геройскій трудъ, лишь бы онъ не былъ ежедневнымъ, обязательнымъ, постояннымъ, какъ у всѣхъ другихъ. Несмотря, однако, на это, онъ довольно долгое время служилъ кассиромъ въ одномъ изъ брюссельскихъ табачныхъ магазиновъ. Онъ даже сталъ было привыкать къ этому занятію, когда вдругъ кружокъ его товарищей, кочующій въ Мюнхенѣ, напомнилъ ему о своемъ существованіи. Мюнхенъ, который онъ видалъ проѣздомъ въ Парижъ, ужасно ему понравился, и онъ, не долго думая, двинулся туда. Тамъ онъ нашелъ цѣлую колонію: тамъ были художники, студенты, разнокалиберные артисты, ремесленники и просто сироты бездомные, «*die unglücklichen Polen*». И шумно же было у нихъ: тянулись нескончаемые споры, создавались различныя партіи, происходили засѣданія, суды и даже драки. Хобржанскій, понятное дѣло, тотчасъ присталъ къ одной изъ партій и вскорѣ сдѣлался ея вожакомъ. Энергично взялся онъ за дѣло: въ его партіи царилъ такой порядокъ, что исполненіе устава нерѣдко заканчивалось въ участкѣ. Противниковъ, которыхъ онъ мѣтко прозвалъ «птицами, плюющими въ собственное гнѣздо», онъ побѣждалъ такою желѣзною силой, что ему грозили перебить стекла и переломать ребра. Такъ какъ у него не было собственной квартиры, то эти угрозы сводились къ покушенію на цѣлость его реберъ, отъ чего онъ опять-таки умѣлъ счастливо отдѣлываться, при помощи толстой сучковатой палки. Первое время по пріѣздѣ, покуда нашлась другая работа, онъ служилъ живописцамъ въ качествѣ натурщика. Его удивительно красивое лицо, полное выраженія какой-то меланхоліи, и вмѣстѣ съ тѣмъ дышавшее гордостью и отвагой, такъ и манило художниковъ. Онъ снискалъ себѣ славу интересной головы и получилъ довольно широкую извѣстность въ обществѣ, какъ «*unglücklicher Pole*». Современемъ эта строго этнографическая номенклатура преобразовалась въ менѣе опредѣленную: «*unglückliche Fratze mit vielen Consonanten*», но зато тогда онъ позировалъ только у своей братіи и то не иначе, какъ на лошади. Сношенія съ художниками ввели его въ совершенно другой міръ. Художники—народъ измѣнчивый, беззаботный, непостоянный, скитающійся съ мѣста на мѣсто, нынче по уши въ золотѣ, завтра чуть ли не голодные—стали для Крживосонда источникомъ заработковъ. Идетъ, напримѣръ, какой-нибудь художникъ въ гору, покидаетъ Мюнхенъ и отправляется бродить по бѣлу свѣту. «Старшина» за безцѣнокъ скупаетъ у него, а то и такъ просто наслѣдуетъ его художническое добро, старые костюмы, часто кое-какое поломанное оружіе, драпировки, недоконченные этюды, эскизы, рисунки, или хотя бы поломанныя рамы. А то понадобится кому-либо починить сѣдло старинное, зашить костюмъ, поправить мебель, склеить какой-нибудь антикъ—все это Крживосондъ бралъ на себя. Иной разъ выходило хорошо иной разъ плохо, но онъ

никогда не отказывался. Онъ приглядывался къ удивительнымъ процессамъ творчества, прислушивался къ спорамъ и бесѣдамъ, весь богатый міръ впечатлѣній, въ которомъ живутъ художники, открывался передъ нимъ и, такимъ путемъ, получилъ онъ богатое энциклопедическое образованіе по части антикварско-ремесленно-художественныхъ знаній. Если чего-либо онъ и не умѣлъ сдѣлать, то, по крайней мѣрѣ, зналъ, какъ это дѣлается. Если бы въ этомъ отношеніи кто-либо могъ его упрекнуть въ неосновательности, то, во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя было отрицать, что о многомъ множествѣ предметовъ, совершенно чуждыхъ обыкновенному смертному, Крживосондъ умѣлъ поговорить. Съ теченіемъ времени, большая его комната на Шванталеръ-штрассе пріобрѣла довольно странный видъ: тамъ можно было найти и столярные инструменты, и слесарный станокъ, тигли, реторты, цѣлыя кучи рамъ, стклянки съ разноцвѣтными жидкостями, куски кожи, разныя желѣзныя вещи. По стѣнамъ были развѣшаны эскизы и картины, между которыми нерѣдко попадались и замѣчательныя произведенія, псевдо-персидскіе ковры, различное оружіе. Проведя въ Мюнхенѣ нѣсколько лѣтъ, Крживосондъ превратился въ фабриканта древностей. Порою ему удавалось слѣпить изъ обломковъ, по извѣстному образцу, какое-нибудь подобіе старинной посуды или мебели и продать свое издѣліе антикварію, вымыть почернѣвшую картину, купленную за безцѣнокъ, и выпустить ее, какъ произведеніе «итальянской» или «голландской школы». Особенной любовью «старшины» пользовался готическій стиль. Крживосондъ повсюду видѣлъ этотъ стиль, даже тамъ, гдѣ его не было. Слово «gotique!» въ его устахъ было высшей похвалой. Посему въ коллекціяхъ его и встрѣчалось столько остроконечныхъ вещей. Все, что только имѣло форму острія, привлекало къ себѣ его вниманіе, какъ-то: желѣзныя украшенія рѣшетокъ, ключи, оковка дверей, подсвѣчники издѣлія крестьянъ изъ окрестностей Боденскаго озера, пряжки отъ поясовъ, рамы и т. д., не говоря уже о настоящихъ вещицахъ въ готическомъ стилѣ.

Подчасъ собирались у Крживосонда компаніи буршей и художниковъ. Старый усачъ потчивалъ всю эту легкомысленную, веселую молодежь какой-то невиданной настойкой «собственнаго приготовленія», сыромъ, который онъ самъ выдѣлывалъ и сухимъ хлѣбомъ, который, если онъ и не самъ пекъ, то, по крайней мѣрѣ, самолично архаизировалъ въ своихъ бездонныхъ шкафахъ, покуда онъ не заплѣснѣвалъ у него до такой степени, что принималъ совершенно бѣлый цвѣтъ. Въ знакъ особенной своей милости, онъ позволялъ тогда всякому подходить къ «оружію», развѣшенному на стѣнахъ, а то еще выкапывалъ откуда-то старыя, запыленныя и загрязненныя картины и равнодушнымъ, небрежнымъ тономъ, какъ будто бы дѣло шло о самой обыкновенной вещи въ свѣтѣ, указывая пальцемъ на ту или другую мазню, произносилъ:

— Петръ-Павелъ Рубенсъ...

Или:

— Болонская школа... Третій періодъ Гвидо Рени...

За произведеніями такихъ художниковъ слѣдовали предметы другого рода, какъ, напр., книжечка «Priapeia», въ бѣломъ переплетѣ изъ телячьей кожи. Книжечка эта была въ нѣсколькихъ мѣстахъ продырявлена насквозь. На вопросъ, что должны означать эти дыры, Крживосондъ разсказывалъ, что это была любимая книжка Карла XII-го, которая, однако, часто служила ему вмѣстѣ съ тѣмъ мишенью для стрѣльбы изъ пистолета. Была еще у него палка Северина Гощинскаго, иногда называемая палкой Винцентія Поля; былъ еще кинжалъ Беніовскаго, усаженный раковинками; мундиръ офицера временъ варшавскаго княжества; его Крживосондъ дополнилъ еще тѣмъ, что замѣнилъ полинялыя выпушки новыми, приблизительно того же цвѣта, а пуговицы и эполеты соотвѣтственными пуговицами и эполетами мундира французскаго пѣхотнаго офицера временъ Наполеона III-го. За стекломъ висѣлъ атласный жупанчикъ, состеганный изъ разныхъ, совсѣмъ неподходящихъ другъ къ другу, кусочковъ, и стоялъ еще какой-то странный, полусломанный приборъ, называемый «аптечкой Станислава-Августа», лежала терракотовая трубка, съ гнутымъ чубукомъ, называемая «трубкой Стефана Баторія», и т. д.

Не всѣмъ, однако, и не всегда показывалъ «старшина» свои коллекціи. Среди молодой колоніи было, напримѣръ, нѣсколько такихъ человѣкъ, которые нарочно раздражали его и злили. Встрѣтится одинъ изъ такихъ съ старымъ антикваріемъ и, задавъ ему стереотипный вопросъ о здоровьи, тотчасъ прибавляетъ:

— Ну, а что Ванъ-Дики, каково? Въ работѣ, а? Ну, и какъ, удачно идутъ?

А то иной прикинется дурачкомъ и въ то время, какъ Крживосондъ показываетѣ свои коллекціи, вдругъ лѣзетъ съ такими словами:

— А, знаете ли, я гдѣ-то читалъ, не помню только, въ какой книгѣ, что будто Щербецъ, мечъ Болеслава Храбраго, хранится у васъ, да только вы стараетесь этого не разглашать, изъ боязни, чтобы у васъ его не похитили станьчики съ помощью подосланныхъ сыщиковъ. Но намъ вы, право, могли бы его показать... Мы вамъ клянемся, что объ этомъ ни гу-гу...

Были, однако, у Крживосонда и свои поклонники. Они у него удостоивались особой милости: имъ онъ показывалъ кусочки вышитой шелковой матеріи, хранившіеся у него въ глубинѣ рѣзного шкафа, увѣряя, что это часть какого-то одѣянія, вторая половина котораго находится въ *Чину*,—а то еще какую-то миніатюрную картинку въ почернѣвшей рамкѣ, приговаривая при этомъ шепотомъ и съ многозначительнымъ подмигиваніемъ глазъ, что она будто похищена однимъ торгашемъ изъ Бреры въ Миланѣ.

Когда управленіе Цисами перешло въ руки доктора Венглиховскаго, М. Лесъ вдругъ сталъ получать отъ Кживосонда письма, въ которыхъ тотъ жаловался ему на тоску, на скуку и письма эти были до того часты, что это сразу обратило на себя вниманіе стараго, хитраго купца.

— Эге, эта зеленая обезьяна что-то затѣваетъ, — пробормоталъ про себя М. Лесъ.

Онъ питалъ къ Кживосонду влеченіе, родъ недуга; часто покупалъ у него ничего не стоющіе антики, его «Рубенсовъ» и «Рюисдэлей», гетманскія булавы и различныя вещи, якобы принадлежавшія королямъ. Все это хранилось у него въ зеленомъ сундукѣ, который Лесъ называлъ «кабинетомъ зеленой обезьяны».

И вотъ, наконецъ, въ одномъ изъ писемъ Кживосондъ признался откровенно, что рѣшилъ вернуться на родину. М. Лесъ ничего не имѣлъ противъ этого, и бѣдный, стосковавшійся скиталецъ вернулся въ Варшаву и вскорѣ былъ назначенъ управляющимъ въ Цисахъ.

Квартира старика находилась въ нижнемъ этажѣ стараго «замка». Къ ней вели небольшія ворота (само собою разумѣется, въ готическомъ стилѣ), или, вѣрнѣе, развалины воротъ, грозящія вотъ-вотъ окончательно разсыпаться, которыя, однако, Кживосондъ тщательно предохранялъ отъ паденія. Направо узкое и крутое крылечко вело къ самой двери квартиры. Небольшая веранда была окружена желѣзною баллюстрадой. И крылечко, и веранда были недавно пристроены самимъ управляющимъ. Въ виду ускоренія процесса архаизаціи этихъ произведеній готическаго духа, ихъ никогда не касалась щетка, и слѣды пребыванія воробьевъ, которые цѣлыми стаями просиживали постоянно у двери, хранились тамъ неприкосновенно. Кживосондъ очень любилъ птицъ, любилъ возиться съ ними, разговаривать и, не жалѣя, разсыпалъ имъ столько крошекъ на своемъ крылечкѣ, что воробьи чувствовали себя какъ нельзя лучше и улетать не хотѣли оттуда.

Когда докторъ Юдымъ почтительно приближался къ двери квартиры управляющаго, чтобъ нанести ему свой первый визитъ, ему пришлось увидѣть такого рода сцену. Передъ крылечкомъ, визжа и пища, толпилась цѣлая куча дворовыхъ ребятишекъ, еврейчиковъ, сбѣжавшихся изъ мѣстечка, и всякаго другого сброда. На верандѣ стоялъ Кживосондъ въ туфляхъ и въ старой, почернѣвшей курткѣ изъ оленьей шкуры. На перилахъ сидѣлъ ручной соколъ, о которомъ Томашъ слышалъ уже цѣлую исторію. Соколъ этотъ у Кживосонда заболѣлъ и проболѣлъ всю зиму. Заботливый хозяинъ лѣчилъ его по собственной методѣ, а именно: вливалъ ему въ горло прованское масло и сажалъ возлѣ печки, такъ что бѣдная птица отъ невыносимой жары чуть-ли не обезумѣвала, и истопники часто находили ее лежащей безъ движенія среди кучи углей и пепла подлѣ печи. Только сверкавшіе глаза показывали, что жизнь еще не покинула несчастнаго паціента. И теперь, когда такъ ярко свѣтило и грѣло весеннее солнце, соколъ

въ первый разъ былъ выпущенъ на воздухъ. Сидя на баллюстрадѣ, онъ крѣпко обхватилъ когтями желѣзный стержень и, оглядываясь вокругъ, двигался, покручивалъ головкой и вообще обнаруживалъ признаки полнаго здоровья. Крживосондъ, желая, очевидно, показать мальчуганамъ не только птицу, но и ея «штуки», нагнулся и, тыкая ей подъ самый клювъ свою голову, приговаривалъ:

— На, куси, куси барина, куси...

Свѣжій ли воздухъ или, быть можетъ, лучшее состояніе здоровья такимъ роковымъ образомъ подѣйствовали на сокола, но только, когда управляющій привсталъ на колѣни и все ближе и ближе подсовывалъ ему свою голову, соколъ, вмѣсто того, чтобы осторожно пощипать клювомъ жалкіе остатки крашеныхъ волосъ, вдругъ приподнялся на лапкахъ, нахохлился да какъ стукнетъ «барина» клювомъ въ башку, инда затрещало. Ребятишки испустили радостный визгъ, запрыгали и захлопали въ ладоши. Крживосондъ принесъ изъ комнаты длинный прутъ и такую рѣчь повелъ къ соколу:

— Такъ ты вотъ какъ, негодяй ты эдакой! Я съ тобой, какъ съ роднымъ, съ лаской да съ привѣтомъ, а ты меня въ голову стукать будешь! *Va t'en!*

Съ этими словами онъ швырнулъ птицу на землю и давай ее хлестать прутомъ такъ, что перья сыпались во всѣ стороны. Соколъ развернулъ крылья, взвизгнулъ и пѣшечкомъ удралъ въ комнату, Крживосондъ за нимъ — дверь захлопнулась, и вся сцена прекратилась. Только пронзительные крики сокола, доносившіеся изнутри, свидѣтельствовали, что онъ претерпѣваетъ заслуженное наказаніе.

Юдымъ поднялся на крылечко, отворилъ тяжелыя двери и осторожно пробрался внутрь. Квартира состояла изъ большой, сводчатой передней съ каменнымъ поломъ и изъ двухъ жилыхъ комнатъ. Рядомъ съ передней помѣщался калориферъ, гдѣ именно въ данную минуту производилась экзекуція надъ бѣднымъ соколомъ. Юдымъ прошелъ въ комнату налѣво.

— Твардовскій! Ей-ей, Твардовскій...—невольно вырвалось у него.

И, дѣйствительно, все тутъ поразительно напоминало квартиру извѣстнаго маэстро: необычайно толстыя стѣны, рѣшетчатыя окна, сводчатые потолки. Неподалеку отъ окна стояли различные станки и стулъ съ высокой спинкой и кожанымъ сидѣньемъ. Въ глубинѣ комнаты видвѣлась широкая, деревянная, старинная кровать съ балдахиномъ, который подпирали четыре столбика, украшенные причудливой рѣзьбой. По угламъ валялись кучи желѣза, ремней, клепокъ. По стѣнамъ были развѣшены тѣ пресловутыя картины, о которыхъ Юдымъ уже столько наслышался.

Когда Крживосондъ, прекративъ, наконецъ, экзекуцію, вошелъ въ комнату и увидѣлъ гостя, онъ встрѣтилъ его весьма радушно, усадилъ въ кресло, причемъ Юдымъ испыталъ такое ощущеніе, какъ будто его

опускають въ ванну, и оживленно и любезно заговорилъ. Когда разговоръ коснулся Цисъ, Юдымъ подмѣтилъ въ тонѣ, съ какимъ отзывался Кживосондъ обо всемъ заведеніи, оттѣнокъ какой-то небрежности; точно такимъ же тономъ говорилъ онъ и тогда, когда показывалъ друзьямъ картины Рубенса. Замѣтилъ Юдымъ и то, что управляющій любилъ употреблять только такіе обороты рѣчи, которыми ярко изображалась его власть и дѣятельность въ Цисахъ. Такъ, онъ выражался, напр.:

— Я приказалъ перестроить весь замокъ... Я еще долженъ взяться за устройство парка. Я думаю совершенно обновить и переправить купальни, да вотъ, какъ на зло, все мнѣ некогда...

— Это ужъ сдѣлаютъ, это ужъ я велю сдѣлать,—постоянно вырывалось у него.

Особенно часто повторялись у него такія фразы:

— Это, знаете ли, докторъ, мнѣ по вкусу приходилось. Это мнѣ нравилось... Глазамъ смотрѣть пріятно было, вотъ я и велѣлъ выстроить...

Подобная самоувѣренность нѣсколько смущала Юдыма и портила то ясное представленіе, которое у него составилось вообще о постановкѣ дѣла, ибо, съ другой стороны, ему было извѣстно, что, напримѣръ, перестройка и ремонтъ зданій зависѣли не только отъ того, «по вкусу ли» или «не по вкусу» приходилось это управляющему, но еще и отъ другихъ причинъ, главнымъ же образомъ отъ постановленія правленія.

Впослѣдствіи ему пришлось убѣдиться, что подобная, однако, манера выражать свои вкусы и напирать на вліяніе этихъ вкусовъ на весь ходъ цисовскихъ дѣлъ—какъ нельзя лучше обрисовываетъ настоящее положеніе вещей.

Кассиромъ заведенія былъ господинъ Листва, котораго Кживосондъ и въ глаза и за глаза называлъ старымъ размазней, а то еще язвительнѣе, «отпѣтой дудкой». Листва былъ мужемъ матери Дизи и отчимомъ этого мальчугана. Размазней въ точномъ смыслѣ этого слова и еще менѣе «отпѣтой дудкой» цисовскій кассиръ, пожалуй, и не былъ. Въ сущности, это былъ просто человѣкъ, окаменѣвшій въ тяжкихъ условіяхъ жизни, выпавшихъ ему на долю, особенно жизни семейной. Милѣйшая супруга и Дизя такъ разнообразили жизнь Листвы, что работа въ холодной и сырой канцеляріи заведенія, просиживаніе тамъ по цѣлымъ часамъ за кипой книгъ, бумагъ, счетовъ были для него, правда, единственнымъ, но зато истиннымъ наслажденіемъ. Онъ чувствовалъ, что живетъ только тогда, когда уходилъ изъ дому. Въ предѣлахъ собственной квартиры онъ напоминалъ нѣчто вродѣ стараго, сломаннаго зонтика: все прятался по темнымъ угламъ, старался быть какъ можно менѣе замѣтнымъ, всѣмъ уступалъ и молчалъ. Несмотря на всю его скромную роль, онъ служилъ козломъ отпущенія во всяческихъ стычкахъ съ Дизей, который избралъ пожилого отчима цѣлью

своихъ проказъ и остроумія. Случалось, Листва пытался иногда заявить протестъ. Но подобные эксперименты были непродолжительны, и съ теченіемъ времени становились все рѣже и рѣже. Все скоро приводилось въ обычный порядокъ, стоило лишь сорваться съ «ея» устъ одному единственному окрику:

«Ипполитъ!»

Глава VIII.

Цвѣтокъ туберозы.

Ознакомленіе съ Цисами заняло у Юдыма столько времени и до такой степени поглотило его, что о посѣщеніи больницы еще и рѣчи не было. Чуть ли не каждый день то тутъ, то тамъ ему приходилось слышать слово: «больница». Самъ докторъ Венглиховскій многократно говаривалъ ему, между прочимъ:

— Помните, милѣйшій докторъ, что въ вашемъ вѣдѣніи будетъ находиться больница...

— Нельзя ли намъ ее сейчасъ осмотрѣть,—загорался Юдымъ.

— Э, торопиться нечего! Вотъ познакомтесь сперва хорошенько съ заведеніемъ, а то дѣло второстепенное. Я это потому говорю, что и то...

Такъ проходили дни за днями. Наконецъ, докторъ ужъ болѣе не въ силахъ былъ удержаться, и въ одинъ прекрасный день, разспросивъ подробно, гдѣ этотъ самый госпиталь обрѣтается, отправился туда самъ, желая пока, по крайней мѣрѣ, осмотрѣть его хоть съ внѣшней стороны. Мысль о самостоятельной работѣ въ своей, чуть ли не собственной больницѣ, разжигала его и возбуждала его энтузіазмъ.

За воротами парка расходились въ обѣ стороны подъ прямымъ угломъ двѣ большія липовыя аллеи. Одна изъ нихъ шла въ сторону желѣзной дороги, и по ней обыкновенно пріѣзжали въ Цисы, другая вела къ усадьбѣ, костелу и больницѣ. По этой-то дорогѣ, тянувшейся болѣе, чѣмъ на версту, широкой, но болотистой, и пошелъ Юдымъ. Она ужъ высыхала теперь, но во многихъ мѣстахъ еще мокрая и грязная глина такъ и липла къ ногамъ цѣлыми кусками. Высокія деревья, стоявшія вдоль дороги, уже покрывались листвою; въ канавахъ шумливо сбѣгали внизъ потоки жидкаго ила.

На душѣ у Юдыма было такъ весело, такъ хорошо, какъ, пожалуй, никогда еще въ жизни. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ пристройкамъ усадьбы, разбросаннымъ на довольно большомъ пространствѣ, сердце все сильнѣе билось въ его груди. Легкій весенній вѣтерокъ навѣвалъ на него какія-то, чуть ли не дѣтскія, грезы. Ему чудились, будто на яву, какія-то великія событія, геройскіе поступки, какія-то неслыханныя, безумно-смѣлыя операціи, чудились неизъяснимо чарующіе поцѣлуи чьихъ-то дѣвичьихъ, благоухающихъ устъ. Съ ви-

домъ полнаго равнодушія, какъ подобаетъ истому эскулапу, онъ прошелъ мимо нѣкоторыхъ домовъ, квартиръ управителя, кассира, эконома, и направился налѣво къ костелу, оставляя по правую руку широкую дорогу, ведущую къ помѣщичьему дому.

Рядомъ съ костеломъ, выстроеннымъ недавно изъ краснаго кирпича, довольно красивымъ на видъ, съ двумя высокими колокольнями въ готическомъ стилѣ, помѣщался и домъ ксендза. Нѣсколько дальше подъ охраной деревьевъ притаилось довольно большое, гораздо раньше поставленное зданіе: это и была больница.

Юдымъ не имѣлъ намѣренія заходить туда, это онъ желалъ сдѣлать въ обществѣ своего начальника. Онъ рѣшилъ посмотрѣть костелъ, который въ это время какъ разъ былъ открытъ. Не было тамъ еще ни пола, ни боковыхъ алтарей, ни исповѣдальни, ни иконъ, ни скамеекъ. Кирпичныя колонны стояли на пескѣ. Кое-гдѣ стояли скамьи, сколоченныя на-скоро изъ досокъ. Въ томъ только мѣстѣ, гдѣ находился главный алтарь, были уже рѣзныя скамьи для ксендзовъ. Туда солнечные лучи проливали яркій свѣтъ, слегка смягчаемый разноцвѣтными разрисованными стеклами. Шла служба. Передъ главнымъ алтаремъ собралась группа людей. Юдымъ прошелъ по лѣвой сторонѣ и, медленно, тихо ступая по песку, который совершенно заглушалъ шумъ его шаговъ, приблизился къ главному алтарю. Передъ нимъ, на мѣстахъ для духовныхъ, сидѣли всѣ три его парижскія знакомыя: Наталія, Іоанна и Ванда. Съ краю сидѣла Наталія. Докторъ узналъ ее первую и не столько глазами, сколько по тому особенному какому-то сладкому ощущенію, что проникло всю его душу, по какому-то внутреннему холоду, вдругъ обвѣявшему его лицо и грудь. На головѣ у нея была легкая лѣтняя шляпка, лицо было скрыто подъ вуалью темнорыжеватаго цвѣта. На фонѣ темныхъ, коричневыхъ дощечекъ рѣзного дерева, окружавшихъ ея головку, она казалась прелестной картинкой. Острыя, словно выточенныя черты ея носа и подбородка выдѣлялись на ткани вуали, а глаза только темнѣли въ глубинѣ подъ шляпкой. Съ минуту Юдымъ не могъ оторвать взора отъ этой головки. Онъ не зналъ, поклониться ли ему, такъ какъ не былъ увѣренъ въ томъ, что его тоже замѣтили и узнали. Только черезъ нѣсколько минутъ онъ, наконецъ, поклонился. Панна Наталія едва замѣтнымъ движеніемъ кивнула ему головой. Въ ту же минуту глаза Юдыма встрѣтились съ глазами панны Іоанны, и въ этомъ мимолетномъ обмѣнѣ взглядовъ сказался взаимный привѣтъ двухъ чистыхъ, молодыхъ, родственныхъ душъ, скитающихся по землѣ въ тоскѣ другъ по другѣ. Все лицо Іоанны сіяло свѣтлой улыбкой, хотя глаза и губы всѣми силами старались ее скрыть.

Богослуженіе вскорѣ окончилось, и группа горожанокъ, разговаривая, стала расходиться изъ костела. Докторъ шелъ за толпой, не желая показать, что ждетъ, пока выйдутъ барышни. Но, выйдя на па-

перть, онъ вертѣлся по ней туда и сюда, какъ бы любуясь архитектурой красиваго храма. Въ то время, какъ онъ стоялъ такъ, задравъ вверхъ голову и разсматривая каменные своды, отворились боковыя двери, ведущія въ ризницу, и оттуда вышелъ довольно еще молодой ксендзъ, который только что совершилъ службу, а за нимъ три барышни.

Докторъ подошелъ, поздоровался съ барышнями и представился ксендзу. Тотъ взялъ его тотчасъ подъ руку и завязалъ съ нимъ оживленный, полный любезности и добродушія, разговоръ. Ксендзъ былъ здоровый, плотный человѣчекъ, съ весело сверкающими глазками и смѣющимися губами. Нѣсколько серебряныхъ нитей какъ будто случайно запутались въ его густыхъ волосахъ, а здоровое, еще свѣжее лицо не хотѣло съ ними мириться.

— Кто вступилъ на ксендзову территорію, тотъ долженъ у ксендза позавтракать!—безаппеляціонно заявилъ молодой плебанъ.

— За исключеніемъ барышенъ!—пыталась протестовать панна Подборская.

— Нѣтъ, нѣтъ, безъ всякихъ исключеній. Ксендзъ, дѣвица и ангелъ третій—это родныя дѣти. Да и что тутъ говорить! Я тутъ хозяинъ и мое слово—законъ, а не какихъ-то тамъ молодыхъ барышенъ. Очень это мило! Не правда ли, докторъ?

— Ну, разъ таковъ законъ... Вамъ остается только повиноваться,—сказалъ Юдымъ, обращаясь къ барышнямъ.

— Ну? И что вы теперь скажете? Ксендзъ и докторъ, нѣтъ, плохо я выразился, докторъ и ксендзъ такъ рѣшили, ну, однако, вотъ мы ужъ и у меня...—говорилъ ксендзъ, отпирая калитку, продѣланную въ новой стѣнѣ, окружавшей кладбище при костелѣ.

Въ большихъ, удобно меблированныхъ комнатахъ ксендзовской квартиры было полно цвѣтовъ, картинъ (олеографій), повсюду были разбросаны журналы, иллюстраціи. Въ столовой находился шкапчикъ съ народными изданіями, въ уютномъ кабинетѣ лежали на столѣ разные еженедѣльные и ежемѣсячные журналы, газеты; тамъ же была у него довольно большая библіотека. Ксендзъ занималъ гостей простодушнымъ юморомъ, стараясь придать ему высшій тонъ, и распорядился насчетъ завтрака. Онъ былъ вскорѣ поданъ. Ксендзу была знакома исторія встрѣчи доктора съ Оршенскими и панной Іоанной въ Парижѣ; онъ много интересовался въ особенности дорогой въ Лурдъ, такъ какъ ужъ нѣсколько лѣтъ все собирался туда съѣздить. Барышни принялись его экзаменовать, большіе ли успѣхи сдѣлалъ онъ во французскомъ языкѣ. Послѣ завтрака хозяинъ пригласилъ Юдыма въ кабинетъ покурить, а барышни остались въ гостиной просматривать новые журналы. Окна кабинета выходили въ липовую аллею. Ксендзъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ и такъ умно, что Юдыму, глядя на него, все думалось: «ишь ты, что за умненькій и миленькій господинчикъ...»

Ксендзъ съ интересомъ слушалъ разсказы доктора о томъ, что тво-

рится въ большихъ городахъ, но вотъ взглядъ его вдругъ упалъ на дорогу, и непріятное выраженіе показалось у него на лицѣ. По дорогѣ шелъ быстрымъ шагомъ молодой человѣкъ въ изящномъ demi-saison и свѣтлой шляпѣ. Докторъ узналъ въ немъ того самаго, котораго видѣлъ верхомъ на лошади въ день своего прибытія въ Цисы и котораго послѣ встрѣчалъ за общимъ столомъ въ курзалѣ. Онъ забылъ его фамилію и спросилъ ее у ксендза.

— Это господинъ Карбовскій, изъ вашихъ же вѣдь паціентовъ. Хоть и то правда, что онъ такой же больной, какой я—аптекарь!

— Почему такъ?

— Видите ли... это просто шарлатанъ какой-то. Происхожденія онъ, какъ говорятъ, даже очень хорошаго, получилъ отъ отца наслѣдство—ну, и спустилъ его въ два года, но до ниточки, что называется. Бывалъ онъ въ Монте-Карло, и въ Парижѣ, и въ Монако, гдѣ угодно. Въ картишки все играетъ. Да не по нашему, а съ особыми преднамѣреніями. Въ этомъ-то и вся штука!

— Я этого не замѣтилъ...

— Ну, ничего, еще успѣете. Во время сезона онъ тутъ у насъ тѣхъ, что побогаче, да съ вѣтромъ въ головѣ, молодежь-то золотую, а то и дамочекъ разныхъ, такъ всѣхъ ихъ ловко обыгрываетъ, что чуть не со слезами отсюда уѣзжаютъ. Тѣмъ только и живетъ.

— А развѣ тутъ бываютъ такіе?

— Еще бы! Этотъ Карбовскій—ого... Зимой, когда богатыя компаніи поразъѣдутся, сидитъ, какъ сусликъ. Иногда уѣзжаетъ, потомъ опять возвращается... Если нужда ужъ сильно прижметъ, онъ и у лакеевъ деньги занимаетъ, у купальщиковъ, у евреевъ, фельдшеровъ, у всякаго, кто не попадется. Это я вамъ къ тому говорю, что онъ и васъ не пропуститъ.

— Эхъ, у меня денегъ достать трудно, особенно въ данное время...— смѣясь, сказалъ Юдымъ.

— Ну, ну... Всякое я къ нему уваженіе потерялъ за то, что онъ и бѣднаго человѣка провести не прочь. Придетъ онъ, напримѣръ, къ фельдшеру, который успѣлъ себѣ за время сезона накопить небольшую сумму, и проситъ размѣнять ему двадцать пять рублей. Дуралей Фигаро, польщенный просьбой «такого барина», тащитъ изъ ящика рублевики и на столъ ихъ. Тотъ все это къ себѣ въ бумажникъ, а потомъ притворяется, будто позабылъ дома двадцатипятирублевую бумажку и велитъ фельдшеру придти къ нему за ней въ гостинницу. Придешь, говоритъ, я тебѣ отдамъ, а то мнѣ теперь не хочется идти за деньгами, я спѣшу въ замокъ... И что же? По его распоряженію, лакеи не пускаютъ фельдшера къ «господину графу», а онъ между тѣмъ въ карты валяетъ, разсчитывая на то, что выиграетъ эти двадцать пять рублей и возвратитъ ихъ.

— Но, въ концѣ концовъ, онъ ихъ, по крайней мѣрѣ, возвращаетъ или нѣтъ?

— Теперь еще возвращаетъ, если его прижать. Но какъ будетъ послѣ—кто знаетъ? За номеръ въ гостинницѣ онъ ужъ почти годъ, какъ не платитъ. Да, впрочемъ, у него тутъ теперь совсѣмъ что-то другое на примѣтѣ...

Въ эту самую минуту послышался легкій стукъ въ дверь, которая вела изъ передней въ гостиную. Ксендзъ проворчалъ что-то про себя и вышелъ изъ кабинета, приглашая за собою и доктора. Въ противоположныхъ дверяхъ стоялъ Карбовскій.

Это былъ высокій, стройный брюнетъ, съ блѣднымъ лицомъ; маленькіе, гладкіе усики оттѣняли его красныя губы. Темные глаза, какъ будто подернутые чѣмъ-то, казалось, ни на кого не смотрѣли. Гладко зачесанные волосы, съ проборомъ съ лѣвой стороны, гармонировали со всей его фигурой, дышавшей какой-то особенной чарующей красотой. Модный smoking превосходнй лежалъ на немъ; всѣ движенія его были медленны, ровны и полны изящества. Карбовскій сдѣлалъ всѣмъ тремъ барышнямъ общій поклонъ, ксендза чмокнулъ въ руку, а Юдыму съ привѣтливымъ поклономъ протянулъ свою руку и усѣлся подлѣ Ванды, противъ Наталіи.

Наталія, какъ только молодой человѣкъ вошелъ въ залу, поблѣднѣла, какъ полотно. Она какъ-то странно сжала губы, какъ будто вотъ-вотъ собиралась расплакаться, и вся стала въ эту минуту такъ чудно хороша, что глазъ нельзя было оторвать отъ ея лица.

Карбовскій заговорилъ съ панной Іоанной о книжкѣ, которую та держала въ рукѣ. Посреди разговора, онъ вдругъ какимъ-то особеннымъ, медленнымъ движеніемъ поднялъ свои рѣсницы, и безумно-страстный, полный неистовой любви, взглядъ его впился въ блѣдное лицо Наталіи. И она ужъ не въ силахъ была утаить выраженія своихъ глазъ. Іоанна, видимо взволнованная и возмущенная, что-то оживленно и горячо говорила Карбовскому, но слова у ней какъ-то путались и не вязались другъ съ другомъ. А онъ, казалось, говорилъ такъ спокойно, равнодушно, улыбался, спорилъ, а между тѣмъ, взглядъ его лишь изрѣдка и то лишь на одно единственное мучительное мгновеніе отрывался отъ любимой дѣвушки. Говорилъ онъ медленно и такой не своею, чуждой ему рѣчью, что не только онъ самъ, но и всѣ присутствующіе ясно чувствовали всю ея неискренность и неестественность.

— Вы еще долго думаете пробыть въ Цисахъ?—спросила его панна Наталія.

— Да, еще довольно долго. Не знаю... Быть можетъ, я скоро умру...—произнесъ онъ съ страдальческой улыбкой.

— Вы... умрете?—прошептала она.

— Да, я такъ долго, такъ давно... лѣчусь здѣсь, и все безъ пользы... Я уже потерялъ всякую надежду.

— Можетъ быть, какой-нибудь другой курортъ лучше помогъ бы вамъ...—замѣтилъ ксендзъ, разсматривая ногти.

Карбовскій слегка погладилъ усики и окинулъ ксендза такимъ взглядомъ, который, казалось, былъ въ состояніи убить человѣка.

— Ахъ, столько времени...—произнесъ онъ, какъ будто про себя.— Да, да... Вы правы, другой курортъ... Я, можетъ быть, дѣйствительно, поѣду еще куда-нибудь.

— Когда?—спросила опять Наталія.

Слово было, кажется, совершенно невинное, но панна Іоанна вся вздрогнула и быстро поднялась съ своего мѣста.

— Ѣдемте! пора,—обратилась она къ своимъ спутницамъ,—бабушка будетъ безпокоиться.

Наталія притворилась, будто не слышала этихъ словъ, только глаза ея сверкнули свѣтлыми, какъ серебро, слезинками ужасной досады.

— Такъ ѣдемъ?—поднявъ голову, спросила Ванда, просматривавшая какой-то илюстрированный журналъ.

Никто ничего не отвѣтилъ. Ксендзъ, сидя гдѣ-то въ углу за столикомъ, барабанилъ по нему пальцами. Губы его были надуты, а глаза смотрѣли куда-то въ пространство. Все это ничуть не позволяло предположить, чтобы онъ былъ доволенъ, какъ визитомъ monsieur Карбовскаго, такъ и оборотомъ, который принялъ разговоръ. Но Наталія и Карбовскій ничего этого не видѣли. Было ясно, что имъ важно воспользоваться этими нѣсколькими секундами *per fas et nefas*, наглядѣться другъ на друга, излить въ улыбкахъ, въ тонѣ ничего не значущихъ словъ всю безъисходную тоску свою. Все, что произносилъ молодой человѣкъ, Наталія встрѣчала какими-то странными, полными дивной прелести, движеніями губъ и ноздрей, словно впитывала въ себя ароматъ каждáго слова и на каждомъ словѣ, будто на лепесткѣ присланной розы, напечатлѣвала горячій поцѣлуй.

Панна Подборская простилась съ хозяиномъ. Ея примѣру послѣдовали и обѣ сестры. Когда Наталія подошла проститься съ Юдымомъ, онъ взглянулъ ей въ глаза: суровые, словно онѣмѣвшіе отъ скорби, они въ то же время горѣли какимъ-то безумнымъ отчаяніемъ. И Юдымъ на мгновеніе почувствовалъ, что онъ отдалъ бы жизнь за то, чтобъ эти глаза хоть одинъ, единственный часъ такъ грустили о немъ... Но въ ту же минуту въ душѣ его прозвучалъ какой-то дикій хохотъ и съ глухою болью что-то разбилось внутри...

Онъ вышелъ изъ квартиры ксендза вмѣстѣ съ Карбовскимъ.

У крыльца стоялъ легкій, открытый экипажъ; всѣ три барышни усѣлись въ него. Лошади быстро помчались...

Наталія не оглянулась ни разу. Зато Карбовскій долго смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся коляскѣ, смотрѣлъ даже тогда, когда она ужъ скрылась за поворотомъ аллеи. Глаза его были какъ бы въ полуснѣ, а лицо исказила печать такого страданія, что его не могли скрыть ни маска гордости, ни любезная улыбка.

Въ эту минуту Юдымъ глубоко завидовалъ этому молодому человѣку, завидовалъ ему во всемъ, даже въ тѣхъ мученіяхъ, какія тотъ испытывалъ. Часъ тому назадъ, онъ шелъ по этой самой дорогѣ, полный увлеченія и жажды дѣла. Онъ рвался работать въ больницѣ, горячо желалъ, по крайней мѣрѣ, пока хоть посмотрѣть на стѣны того зданія, гдѣ ему, какъ врачу, придется отдавать свои силы на тяжелый трудъ, и что же? теперь онъ и думать позабылъ объ этой больницѣ, и не существовала она теперь для него, точно сквозь землю провалилась. Мало того, всѣ тѣ порывы, которые онъ чувствовалъ всего только часъ тому назадъ, казались ему въ эту минуту чѣмъ-то до абсурда дикимъ и глупымъ, чѣмъ-то вродѣ воздушныхъ замковъ. Все стушевалось передъ однимъ реальнымъ фактомъ: панна Наталія любитъ Карбовскаго.

Юдымъ искоса поглядывалъ на этого франта, завистливо любовался его фигурой, его ловкими, красивыми, и отъ природы и отъ воспитанія, движеніями и манерами, его костюмомъ, сдѣланнымъ со вкусомъ и изяществомъ. Онъ, навѣрное, никому не признался бы въ этомъ, даже самому себѣ, но, тѣмъ не менѣе, въ эту минуту онъ чувствовалъ, что вся жизнь, всѣ усилія, планы, стремленія—все это въ высшей степени глупо въ сравненіи съ жизнью Карбовскаго. Къ чему все это? Къ чему всѣ старанія, идеи, труды и заботы? Развѣ Карбовскій не понялъ жизнь такъ, какъ ее слѣдуетъ понимать? Быть красивымъ, изящнымъ человѣкомъ и за эти качества быть любимымъ такимъ чуднымъ существомъ, какъ панна Оршенская — это ли не само счастье? И все въ Карбовскомъ казалось Юдыму совершенствомъ, все полнымъ логическаго смысла, даже его картежничество и мошенническія продѣлки. Всему этому онъ не придавалъ значенія, какъ и мы, глядя на таинственный цвѣтокъ туберозы, ничему не придаемъ въ немъ значенія, кромѣ его красоты.

— Вѣдь вотъ же,—думалось Юдыму,—такой цвѣтокъ является плодомъ Богъ вѣсть какихъ трудовъ, расходовъ и заботъ, ни къ чему онъ не годенъ и даже вреденъ, если сравнить его съ одной былинкой тимофеевой травы, колосомъ ржи или цвѣточкомъ клевера, а между тѣмъ вѣдь никому же не придетъ въ голову бросить его на землю и растоптать ногами.

И въ глубинѣ души молодого доктора снова заговорила горькая досада и ненасытная зависть, отчего и онъ, отчего и онъ...

Глава IX.

Приди!

Гроза пронеслась... Казалось, все ужъ стихаетъ, но вотъ новыя струи крупныхъ, тяжелыхъ капель, какъ бичами, стали хлестать землю. Вдоль выпуклыхъ дорожекъ, покраснѣвшихъ отъ растертаго кирпича, непрерывно текла по канавкамъ блестящая вода. На болѣе низкихъ

площадкахъ стояли цѣлыя лужицы, сверкая пузырями, вздутыми какъ бы губками шаловливыхъ дѣтей. Въ тѣни каштановъ притаились зеленыя полосы воды, въ которыхъ отражались перевернутые стволы. Вверху, изъ-за густой листвы просвѣчивали свѣтлые, золотистые клочки неба, напоминавшіе тѣ небеса, которыя можно встрѣтить на алтаряхъ деревенскихъ костеловъ. Тонкія, фіолетовыя, перистыя тучки быстро-быстро неслись по небу. То и дѣло раздавался далекій громъ, весенній громъ.

Ближе всего стояла акація съ толстымъ, чернымъ стволомъ и какъ будто изъ желѣза кованными вѣтвями. Эти чудовищныя вѣтви прорѣзали завѣсу нѣжныхъ, свѣтло-зеленыхъ листочковъ. Подъ тѣнью старой стѣны поднимались вверхъ тысячи вѣточекъ молодыхъ акацій, которыя еще были кустарникомъ. Молодые побѣги, обвитые свѣжими листьями, а внизу только еще ихъ зачатками, тянулись вверхъ, къ небу, словно холеныя дѣвичьи руки, которыхъ еще не тронуло солнце. Порою налеталъ вѣтерокъ, колебля эти кусты легко, ровно, тихо, и тогда въ тепломъ, влажномъ воздухѣ листочки шелестѣли сонными аккордами, словно музыкальная мелодія, которая смолкла и, внезапно принявъ такую удивительную форму, застыла.

Юдымъ сидѣлъ въ своей комнатѣ у открытаго окна. Онъ горѣлъ глубокой радостью. По временамъ въ его сердцѣ поднималось какое-то волненіе чувствъ, подобное тому, что колыхало листочки акацій. Тогда съ его устъ срывались слова ласкающія и вмѣстѣ зажигательныя, какъ огонь. Онъ говорилъ ими великанамъ деревьямъ, молодымъ кустикамъ, ласточкамъ, кружившимся высоко надъ землею по яснѣющей безднѣ... Тайная радость влекла его взоры къ концу аллеи, а сердце уносилось изъ глубины груди, какъ ароматъ. Онъ ждалъ чего-то неслыханнаго, чьего-то пришествія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ КРОВООБРАЩЕНІЯ.

(Страница изъ исторіи науки).

Необходимость *историческаго* изученія наукъ политическихъ и экономическихъ никѣмъ не оспаривается, по отношенію же къ естественнымъ наукамъ примѣненіе историческаго метода многимъ кажется излишней роскошью. «Когда механикъ или астрономъ изучаетъ исторію своихъ наукъ,—говоритъ одинъ русскій экономистъ *),—это есть лишь удовлетвореніе научной любознательности; ученый, обладающій полнымъ знаніемъ законовъ природы, можетъ свысока смотрѣть на прежнія неудачныя попытки постигнуть эти законы. Не то въ общественныхъ наукахъ: онѣ до сихъ поръ не пришли еще къ завершенію; въ нихъ истина раскрывается человѣчеству медленно и по частямъ; уму человѣческому нерѣдко приходится идти здѣсь ощупью, бросаясь изъ одной крайности въ другую». Но вѣдь и естественныя науки не возникли сразу, подобно Минервѣ изъ головы Юпитера, во всеоружіи тѣхъ точныхъ методовъ, которыми онѣ располагаютъ въ наше время: и здѣсь истина раскрывалась медленно и по частямъ, тутъ тоже уму человѣческому долго приходилось идти ощупью, бросаться изъ одной крайности въ другую.

Не говоря уже о томъ, что въ настоящее время едва ли существуетъ наука, о которой можно было бы съ полнымъ правомъ сказать, что она пришла къ завершенію, мы полагаемъ, что если бы современный ученый, дѣйствительно, обладалъ *полнымъ* знаніемъ законовъ природы, то и тогда этотъ счастливый смертный не въ правѣ былъ бы, въ гордынѣ своего знанія, смотрѣть свысока на прежнія неудачныя попытки постигнуть эти законы. Пусть эти попытки были неудачны, но, какъ и болѣе позднія увѣнчавшіяся успѣхомъ старанія постигнуть истину, онѣ свидѣтельствуютъ объ одной и той же вѣчной пытливости человѣческаго ума, въ послѣдовательныхъ проявленіяхъ которой кроется вся сущность процесса развитія научной мысли. Онѣ говорятъ намъ о первыхъ нерѣшительныхъ шагахъ этой мысли и безчисленныхъ преградахъ, которыми былъ усѣянъ долгій и трудный путь отъ мрака къ свѣту.

*) Чупровъ. «Лекціи по исторіи политической экономіи».

Какъ знаніе строенія вполнѣ опредѣлившихся органическихъ формъ только выигрываетъ отъ изученія различныхъ стадій того процесса развитія, конечнымъ результатомъ котораго являются эти формы, такъ эти отголоски далекаго прошлаго способствуютъ выясненію современнаго состоянія науки.

Въ этомъ отношеніи въ лѣтописяхъ науки трудно найти болѣе интересную и поучительную главу, чѣмъ исторія открытія кровообращенія.

I.

Это великое открытіе, касающееся одного изъ основныхъ отправленій организма и положившее начало современной физіологіи, было впервые обнародовано, менѣе чѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ, въ небольшой книжкѣ Вильяма Гарвея «Exercitativ anatomica de motu cordis et sanguinis in animalibus» («Анатомическое изслѣдованіе о движеніи сердца и крови въ животныхъ»), вышедшей въ свѣтъ въ 1628 году *). А между тѣмъ существованіе болѣе или менѣе отрывочныхъ понятій о кровеносной системѣ можно прослѣдить вплоть до глубокой древности. Въ Библіи мы уже находимъ указанія на первостепенное значеніе *крови*, какъ составной части организма. Существованіе венъ несомнѣнно было извѣстно въ эпоху Троянской войны, когда, по свидѣтельству Гомера, уже примѣнялось кровопусканіе. Во времена Гиппократа (V вѣкъ до Р. Х.) врачи отличали артеріи отъ венъ, а Аристотель (384—322 г. до Р. Х.), который впервые замѣтилъ, что вены сообщаются съ сердцемъ придавалъ этому послѣднему органу даже гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ мозгу, который представлялся для него инертной массой, лишенной всякой активной роли, тогда какъ сердце являлось источникомъ теплоты и душевныхъ отправленій.

Мало того, понятіе о кровеносной системѣ постоянно пополнялось, какъ мы это увидимъ дальше, новыми анатомическими, а впослѣдствіи и физіологическими открытіями, такъ что главные факты, касающіеся кровообращенія, были извѣстны до Гарвея, но мы напрасно стали бы искать въ трудахъ его предшественниковъ сколько-нибудь цѣльное и удовлетворительное объясненіе этого капитальнаго акта жизнедѣятельности животнаго организма. Почему же истина открылась здѣсь такъ поздно, почему накопившіеся факты такъ долго оставались только сырымъ матеріаломъ, съ которымъ вовсе не считались, или считались очень мало, когда рѣчь заходила о движеніи крови? Потому, что тормазомъ для открытія законовъ кровообращенія являлись не столько трудности, присущія изслѣдованію предмета, сколько *предвзятыя идеи*, долго мѣшавшія какому бы то ни было изслѣдованію. Не даромъ фран-

*) Но свои взгляды на кровообращеніе Гарвей излагалъ въ своихъ лекціяхъ уже въ 1619 году.

цузскій ученый Флурансъ *) счелъ возможнымъ охарактеризовать до-гарвеевскій періодъ исторіи кровообращенія, какъ періодъ, въ теченіе котораго одни дѣлали ошибки, а другіе поправляли эти ошибки, съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, внести въ дѣло новыя ошибочныя представленія.

Одною изъ главныхъ и самыхъ раннихъ ошибокъ, которой суждено было надолго задержать поступательное движеніе мысли на этомъ поприщѣ, явилось мнѣніе, будто артеріи содержатъ воздухъ, а не кровь. Чтобы понять, какимъ образомъ могло возникнуть это ошибочное мнѣніе, необходимо вспомнить, что свои скудныя анатомическія свѣдѣнія древніе почерпали, главнымъ образомъ, изъ наблюденій надъ внутренностями и органами приносимыхъ въ жертву животныхъ. А такъ какъ при вскрытіи труповъ артеріи почти всегда оказываются пустыми, тогда какъ вены большей частью представляются наполненными кровью, то отсюда понятно, во-первыхъ, почему вены были замѣчены и стали извѣстны, какъ мы уже видѣли, гораздо раньше артерій, и, во-вторыхъ, почему содержимымъ артерій считали воздухъ. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что съ понятіемъ о воздухѣ у древнихъ связывалось представленіе о «духахъ», завѣдывающихъ отправленіями тѣла; согласно этому взгляду, воздухъ долженъ былъ проникать во всѣ части организма — приходилось, слѣдовательно, придумать и пути, какими онъ могъ бы распространяться по тѣлу. Этого неумолимо требовала предвзятая мысль о «духахъ» и о роли воздуха, какъ носителя таковыхъ, а требованія, предъявляемыя во имя предвзятыхъ мыслей, удовлетворяются особенно легко, когда наблюденіе стоитъ на зачаточной ступени развитія. И въ данномъ случаѣ поверхностное наблюденіе не замедлило явиться на подмогу предвзятой мысли: въ самомъ дѣлѣ, наряду съ венами существуютъ какіе-то другіе, отличные отъ нихъ и повидимому, не содержащіе крови, сосуды, а предвзятая мысль настойчиво говоритъ о томъ, что въ организмѣ должны существовать особыя пути, по которымъ воздухъ проникаетъ во всѣ органы. Отъ сопоставленія этой мысли съ фактомъ существованія якобы пустыхъ каналовъ одинъ только шагъ до заключенія, что именно эти каналы и являются путями распространенія воздуха. Отсюда и названіе, которое дано было этимъ сосудамъ—*артеріи* (ἀήρ—воздухъ, τηρέω—сохраняю).

Такимъ образомъ, совокупность органовъ, образующихъ то, что мы теперь называемъ системой кровообращенія, распадалась на двѣ отдѣльныя, независимыя одна отъ другой, системы: воздухоносную, или артеріальную, и кровеносную, или венную.

Ученіе это было особенно обстоятельно изложено греческимъ врачемъ Эразистратомъ (III вѣкъ до Р. Х.). Въ противоположность нѣкоторымъ своимъ преемникамъ, которые, пополняя запасъ свѣдѣній объ

*) Flourens. «Histoire de la découverte de la circulation», 2-е изд., Парижъ, 1857.

органахъ кровообращенія новыми открытіями, въ то же время вносили сюда и свою лепту новыхъ ошибокъ, Эразистратъ ограничился повтореніемъ и сведеніемъ въ систему ошибочныхъ представленій, созданныхъ его предшественниками. Правда, ему принадлежитъ честь открытія сердечныхъ заслонокъ, при чемъ отъ него не ускользнулъ и механизмъ дѣйствія этихъ заслонокъ. Но въ то же время ему суждено было надолго упрочить ошибочный взглядъ на артеріи, какъ на систему воздухоносныхъ каналовъ. По описанію Эразистрата, воздухъ, вдыхаемый легкими и проникающій въ трахею, проходитъ оттуда черезъ легочную вену въ лѣвый желудочекъ сердца, а затѣмъ въ аорту, развѣтвленія которой и разносятъ его по всему тѣлу. Проникая, такимъ образомъ, въ артеріи, воздухъ наполняетъ и вздуваетъ эти сосуды, слѣдствіемъ чего являются пульсаціи артерій, совпадающія съ біеніями сердца.

Эти ошибочныя воззрѣнія, совершенно исключавшія изъ кровеносной системы одну изъ самыхъ важныхъ ея составныхъ частей и, слѣдовательно, несовмѣстимыя съ какой бы то ни было мыслью о *круговомъ* движеніи крови, господствовали въ медицинѣ въ теченіе 400 л., именно, вплоть до Галена (131—201 г.), который нѣсколькими весьма простыми, но вполнѣ убѣдительными опытами обнаружилъ всю несостоятельность общепринятаго тогда мнѣнія, будто артеріи содержатъ воздухъ. Стоитъ, говоритъ Галенъ, сдѣлать уколъ или порѣзъ на какой-либо артеріи и изъ нея немедленно потечетъ кровь. Если бы кровь попала въ артерію случайно, то,—продолжаетъ авторъ,—мы бы видѣли, что изъ порѣза сначала вырывается воздухъ, а затѣмъ уже появляется кровь. Галенъ часто останавливается на этомъ вопросѣ о содержимомъ артерій и одинъ изъ его трактатовъ даже озаглавленъ «Содержатъ ли артеріи, въ естественномъ состояніи, кровь?» Чтобы воочію доказать, что эта жидкость не случайно попадаетъ въ артеріи, онъ перевязываетъ какую-нибудь артерію въ двухъ мѣстахъ: при надрѣзѣ изолированная такимъ образомъ часть сосуда опять-таки оказывается наполненной кровью. Съ другой стороны, Галенъ старается также доказать, что движенія сердца нисколько не зависятъ отъ дыханія, при помощи опыта, состоящаго въ томъ, чтобы сдѣлать быстро нѣсколько вдыханій и затѣмъ въ теченіе нѣкотораго времени задерживать дыханіе: біенія сердца отъ этого не прекращаются.

Съ устраненіемъ основнаго заблужденія, допущеннаго Эразистратомъ относительно содержимаго артерій, и съ выдѣленіемъ дыхательныхъ органовъ въ особую систему, независимую отъ кровеносной, исчезла одна изъ самыхъ крупныхъ преградъ для познанія законовъ кровообращенія, но какъ бы для того, чтобы не остаться въ долгу передъ своими предшественниками, Галенъ, которому принадлежитъ честь устраненія этой преграды, въ свою очередь, создалъ два новыхъ не менѣе серьезныхъ препятствія для дальнѣйшихъ успѣховъ мысли въ этой области.

Эти два препятствія возникли изъ утвержденій Галена, во-первыхъ, будто въ перегородкѣ, отдѣляющей лѣвый желудочекъ отъ праваго, имѣются отверстія и, во вторыхъ, будто кровь движется по венамъ *отъ* центра (печени) къ периферіи. Нужно ли говорить, что въ основѣ этихъ утвержденіи не лежали никакія фактическія данныя: это были только плоды воображенія, покорно подчинявшагося предвзятымъ мыслямъ, а на такія мысли умъ Галена былъ особенно щедръ. Правда, въ противоположность своимъ предшественникамъ, Галенъ, какъ мы сейчасъ видѣли, уже прибѣгалъ къ экспериментальному методу, но въ его анатомо-физіологическихъ воззрѣніяхъ проглядываетъ на каждомъ шагу преувеличенная забота о стройности и симметріи, заставлявшая особенно дѣятельно работать воображеніе. Какъ и Гиппократъ, онъ полагаетъ, что человѣческое тѣло состоитъ изъ четырехъ основныхъ элементовъ: крови, флегмы, желтой желчи и черной желчи, и сообразно съ этимъ онъ создаетъ особое ученіе о четырехъ темпераментахъ — сангвиническомъ (sanguis—кровь), флегматическомъ, желчномъ и меланхолическомъ (χολή μέλαινα—черная желчь). Точно такъ же съ ученіемъ о трехъ духахъ—естественномъ, жизненномъ и животномъ — у него связывалось представленіе о трехъ источникахъ зарожденія этихъ духовъ—печени, сердцѣ и мозгѣ. Отъ мозга исходятъ всѣ нервы, отъ сердца—всѣ артеріи, отъ печени—всѣ вены. Мало того, Галенъ не затруднился даже установить весьма сложную теорію образованія и движенія крови. По этой теоріи, пищевая кашица или хилъ, по мѣрѣ образованія ея въ желудкѣ и въ кишечникѣ, переносится черезъ посредство развѣтвленій воротной вены въ печень. Здѣсь хилъ подвергается броженію, очищается отъ грубыхъ элементовъ и превращается сначала въ темную кровь, а потомъ въ красную, подобно тому, какъ бродитъ въ кадкѣ виноградный сокъ, освобождаясь отъ грубыхъ частей и превращаясь въ вино. Выработанная такимъ образомъ красная кровь здѣсь же, въ печени, воспринимаетъ въ себя одинъ изъ трехъ «духовъ», завѣдывающихъ отправленіями организма, а именно «естественный» духъ, и затѣмъ распространяется по различнымъ органамъ тѣла, и, главнымъ образомъ, по грубымъ органамъ, черезъ посредство развѣтвленій полой вены. Эта же вена проводитъ кровь въ правый желудочекъ сердца, откуда часть ея по легочной артеріи (или, какъ ее называли древніе, по *артеріальной венѣ*) идетъ въ легкія...

Въ общихъ чертахъ, это описаніе, если исключить изъ него фактическія представленія «объ естественномъ духѣ» и о кровообразующей функціи печени, не очень удаляется отъ дѣйствительности: оно даетъ цѣнное указаніе на роль воротной вены, какъ собирательнаго сосуда для территоріи пищевыхъ органовъ и совершенно вѣрно опредѣляетъ движеніе крови по направленію отъ печени къ правой полости сердца, а оттуда къ легкимъ. Но тутъ... картина мѣняется: Галенъ подозрѣваетъ, что кровь изъ праваго желудочка должна пере-

ходить въ лѣвый; ему это кажется необходимымъ уже въ силу навязчивой предвзятой мысли, будто лѣвый желудочекъ является мѣстонахожденіемъ врожденной теплоты, для поддержанія которой необходима кровь. Съ другой стороны, основываясь на ошибочномъ наблюденіи Аристотеля (которое подтвердилъ и Эразистратъ), онъ полагаетъ, что воздухъ изъ трахеи проникаетъ (по легочной венѣ, называвшейся тогда *венной артеріей*) въ тотъ же лѣвый желудочекъ сердца, гдѣ подъ его *освѣжающимъ* вліяніемъ кровь становится «одухотворенной». Воспринявъ въ себя на этотъ разъ «жизненный» духъ, она затѣмъ направляется, по артеріямъ, къ благороднымъ частямъ тѣла и, между прочимъ, къ мозгу, гдѣ этотъ сложный рядъ метаморфозъ заканчивается и увѣнчивается превращеніемъ жизненнаго духа въ «животный». Итакъ, для своего «одухотворенія» кровь, доставленная полой веной въ правую полость сердца, должна почти вся (кромѣ той ея части, которая служитъ для питанія легкихъ) поступить оттуда въ лѣвую полость этого органа, но какимъ же образомъ можетъ осуществиться такой переходъ? А очень просто, рѣшаетъ Галенъ: при помощи отверстій въ стѣнкѣ, отдѣляющей правый желудочекъ отъ лѣваго...

Нарисованная Галеномъ картина представляется ему настолько цѣльной и стройной, она настолько удовлетворяетъ требованіямъ систематичности, что онъ не сомнѣвается въ существованіи этихъ понадобившихся для полноты его ученія отверстій, хотя никогда ихъ и не видѣлъ, подобно тому, какъ онъ совершенно не замѣчаетъ, что при кровопусканіи (а оно примѣнялось Галеномъ на каждомъ шагу) вены вздуваются *подъ* перевязкой, а не *надъ* нею, и что кровь, слѣдовательно, движется по венамъ отъ периферіи тѣла къ сердцу, а не наоборотъ. Что можетъ быть поучительнѣе этого всесильнаго вліянія предвзятой мысли на человѣка, обладавшаго, несомнѣнно, тонкой наблюдательностью и недюжиннымъ умомъ, на человѣка, сумѣвшаго не только разглядѣть давно получившую въ медицинѣ право гражданства ошибку относительно содержимаго артерій, но и подмѣтить отличіе артеріальной (одухотворенной) крови отъ венозной (грубой), сумѣвшаго, наконецъ, до нѣкоторой степени предугадать роль воздуха въ процессѣ превращенія венозной крови въ артеріальную!

А между тѣмъ системѣ Галена, въ которой эти сравнительно немногіе цѣнные результаты опыта и наблюденія перемѣшивались съ безчисленными фантастическими небылицами, суждено было тяготѣть надъ всѣмъ средневѣковьемъ, представители котораго, вообще падкіе ко всякаго рода мудрствованіямъ лукавымъ, главнымъ образомъ, прельщались именно фантастическими измышленіями великаго анатома древности, нисколько не интересуясь его опытами. Въ теченіе 14 вѣковъ галеновская доктрина передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе и вплоть до XVI столѣтія свято чтимый авторитетъ Галена заставляетъ врачей описывать несуществующія отверстія въ перегородкѣ, раздѣ-

ляющей оба желудочка, и центробѣжное движеніе крови въ венахъ, т.-е. повторять два положенія, какъ нельзя болѣе шедшія въ разрѣзъ съ законами кровообращенія и совершенно исключавшія возможность познанія этихъ законовъ.

Но въ XVI вѣкѣ въ наукѣ начинается процессъ освобожденія отъ ига древнихъ авторовъ: являются томимые жаждою истины изслѣдователи, не останавливающіеся даже передъ святотатственнымъ покушеніемъ на авторитетъ Галена. Вѣковая крѣпость, созданная геніальнымъ мыслителемъ древности и ставшая впослѣдствіи оплотомъ рутины и жалкой посредственности, рушится подъ могучими ударами точнаго изслѣдованія. Обнаруживается, между прочимъ, что непосредственнаго сообщенія между правымъ и лѣвымъ желудочкомъ не существуетъ и что кровь течетъ по венамъ *отъ* периферическихъ частей тѣла, а не *къ нимъ*. Первое изъ этихъ открытій приписываютъ обыкновенно — и, какъ мы сейчасъ увидимъ, не совсѣмъ справедливо—Везалію (1514—1564), второе Цезальпину (1519—1603).

II.

Когда говорятъ о возрожденіи наукъ и о реформаціи, воображенію прежде всего рисуется заманчивая картина могучихъ порывовъ творчества и новыхъ вѣяній, подъ вліяніемъ которыхъ долженъ былъ разсѣяться удушливый дымъ, распространяемый едва только потухшими кострами инквизиціи. Но, увы, представители реформаціи, порвавшіе съ католицизмомъ во имя свободы совѣсти, оказались, однако, сами далеко не чужды религіозной нетерпимости, а эта послѣдняя всегда и вездѣ приводитъ къ однимъ и тѣмъ же печальнымъ послѣдствіямъ. Неудивительно поэтому, что и одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ періодовъ западно-европейской исторіи запятнанъ кровью людей, павшихъ жертвами своихъ убѣжденій...

Въ одной изъ витринъ галлереи замѣчательныхъ рукописей и книгъ Парижской національной библіотеки хранится, какъ весьма цѣнная библіографическая рѣдкость, книга, одинъ видъ которой краснорѣчиво говоритъ о жестокихъ нравахъ этого не очень отдаленнаго прошлаго. Обгорѣлыя страницы этого единственнаго въ своемъ родѣ экземпляра *) свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ какимъ-то чудомъ былъ спасенъ отъ пламени костра, на которомъ погибли не только другіе экземпляры злополучнаго сочиненія, но и самъ авторъ — врачъ и богословъ Михаилъ Серветъ, а сдѣланныя кое-гдѣ первымъ владѣльцемъ книги, нѣкимъ Колладономъ, помѣтки указываютъ, въ назиданіе потомству,

*) Со словъ Флуранса, многіе писатели утверждаютъ, будто экземпляръ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, *единственный дошедшій до нашего времени*. Но въ той же національной библіотекѣ мы нашли другой экземпляръ «Возстановленія христіанства», который и былъ у насъ въ рукахъ при составленіи настоящей статьи.

и за какіе грѣхи—по настоянію Кальвина—былъ преданъ осужденію авторъ и его произведеніе, ибо Колладонъ былъ однимъ изъ судей несчастнаго Сервета.

Книга, о которой у насъ идетъ рѣчь, была напечатана въ 1553 г. и называется «Christianismi restitutio» (*Возстановленіе христіанства*). Въ этомъ богословскомъ трактатѣ изложено, между прочимъ, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ открытій относительно строенія кровеносной системы. Открытіе это имѣетъ такое важное значеніе и въ то же время изложено Серветомъ такъ ясно и опредѣленно, что одинъ изъ біографовъ и соотечественниковъ Гарвея, Виллисъ, могъ выразиться по этому поводу такимъ образомъ: «если бы *Возстановленіе христіанства* стало своевременно извѣстнымъ, имя Гарвея, пожалуй, не было бы безсмертнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы увидѣли, Галенъ совершенно вѣрно полагалъ, что кровь, доставленная венами въ правую половину сердца, должна, въ концѣ концовъ попасть въ лѣвый желудочекъ, но по непростительной ошибкѣ онъ рѣшилъ, что этотъ переходъ осуществляется при помощи непосредственнаго сообщенія между обоими желудочками. Вплоть до Сервета ошибка эта, какъ своего рода *догматъ вѣры*, передавалась изъ устъ въ уста — и вотъ является геніальный безумецъ, не только дерзающій усомниться въ точности мнѣнія Галена, но окончательно опровергающій это мнѣніе открытіемъ *легочнаго кровообращенія*!

Дѣйствительно, въ «Возстановленіи христіанства», въ 5-ой книгѣ «De Trinitate divina» мы находимъ слѣдующія весьма недвусмысленныя слова: «Эта серединная стѣнка (сердца) не способна служить для сообщенія» (стр. 171). Сообщеніе (между правой и лѣвой половиной сердца)—говоритъ Серветъ нѣсколько раньше—не совершается черезъ серединную перегородку сердца, какъ это обыкновенно полагаютъ, но, благодаря замѣчательно искусному предположенію, кровь изъ праваго желудочка дѣлаетъ долгій обходъ черезъ легкое, гдѣ она преобразуется, принимаетъ яркій цвѣтъ и переходитъ изъ легочной артеріи въ легочную вену» (стр. 170).

Прочитавъ это какъ нельзя болѣе ясно выраженное утвержденіе, что кровь, выходящая изъ правой половины сердца черезъ легочную артерію, возвращается въ лѣвую половину этого органа черезъ легочную вену, мы въ правѣ повторить слова Флуранса: «Великая и новая мысль о *круговомъ* движеніи крови впервые зародилась у Сервета».

Мало того, Серветъ съ замѣчательной поистинѣ ясновидностью впервые указалъ на то, что процессъ превращенія венозной крови въ артеріальную совершается въ легкомъ и что процессъ этого превращенія находится въ прямой зависимости отъ воздуха.

Послѣ этого можно только удивляться, что такой великій ученый, какъ Гёксли, которому долженъ бы быть совершенно чуждъ шовинизмъ, считаетъ, однако, нужнымъ, ad majorem gloriam своего сооте-

чественника Гарвея, свести къ нулю заслугу Сервета: «Признаюсь,— говоритъ Гёксли *),— мнѣ не удалось замѣтить, чтобы Серветъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ Галеномъ». Насколько несправедливъ этотъ отзывъ, можно судить хотя бы по слѣдующимъ словамъ, которыми Серветъ заканчиваетъ свое описаніе кровеносной системы: «Если кто-нибудь сравнитъ все это съ тѣмъ, что писалъ Галенъ въ 6-ой и 7-ой книгахъ *De usu partium*, онъ пойметъ вполнѣ истину, которой Галенъ не усмотрѣлъ». (*Возстановленіе христіанства*, стр. 171).

Къ тому же, если даже не считаться съ книгою Сервета, то все-таки нужно будетъ признать, что легочное кровообращеніе было извѣстно до Гарвея, ибо шесть лѣтъ послѣ сожженія Сервета оно было вновь описано Реальдо Коломбо (изъ Падуи). Это описаніе, кстати будь сказано, настолько напоминаетъ приведенное нами мѣсто изъ «Возстановленія христіанства», что знакомство автора съ трактатомъ Сервета почти не можетъ подлежать сомнѣнію. Обстоятельство это только лишній разъ подчеркиваетъ заслугу Сервета.

Правда, на первый взглядъ можетъ показаться не совсѣмъ понятнымъ, какимъ образомъ замѣчательное физіологическое открытіе могло попасть въ богословскій трактатъ, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Серветъ до своего увлеченія богословіемъ занимался медициной и состоялъ, вмѣстѣ съ Везаліемъ, прозекторомъ анатоміи въ Парижскомъ медицинскомъ факультетѣ. Необходимо также принять во вниманіе, что содержаніе «Возстановленія христіанства» далеко не исчерпывается однимъ только богословіемъ: авторъ, напротивъ, часто касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ юриспруденціи, философіи, астрономіи, медицины, насколько эти вопросы могутъ служить для выясненія догматовъ вѣры. Большая часть этого трактата посвящена основному пункту ученія церкви—три-единству Святой Троицы—и, главнымъ образомъ, ученію о Святомъ Духѣ, а такъ какъ, по мнѣнію Сервета, Святой Духъ до извѣстной степени воплощается въ человѣкѣ, то авторъ и считаетъ нужнымъ подробно остановиться на человѣческомъ духѣ какъ реальномъ проявленіи Промысла, для познанія же человѣческаго духа, разсуждаетъ Серветъ, необходимо заняться изученіемъ строенія вмѣстилища этого духа — человѣческаго тѣла и одной изъ главныхъ его составныхъ частей, т. е. кровеносной системы. Поэтому-то Серветъ и дѣлаетъ по адресу читателя слѣдующее предупрежденіе: «Для того, чтобы ты получилъ, читатель, полное понятіе о душѣ и духахъ, я присоединю сюда божественную философію, которую тебѣ легко будетъ уразумѣть, если только ты свѣдущъ въ анатоміи» (стр. 169).

Замѣтимъ, наконецъ, что мысль о маломъ или легочномъ крово-

*) Huxley, «William Harvey et la découverte de la circulation du sang». «Revue Scientifique», 1878, 1-ое полугодіе, стр. 1158.

обращенія не высказана въ книгѣ Сервета какъ-нибудь вскользь, а подкрѣпляется цѣлымъ рядомъ доводовъ, въ которыхъ, по словамъ Флуранса, «все отличается тонкой проницательностью». Что сообщеніе, дѣйствительно, происходитъ черезъ посредство легкихъ, разсуждаетъ Серветъ, въ томъ убѣждаютъ насъ связи, существующія въ этомъ органѣ между развѣтвленіями легочной артеріи и легочной вены; объемъ легочной артеріи, продолжаетъ авторъ, былъ бы слишкомъ великъ, если бы проходящая черезъ нее кровь должна была служить для питанія легкихъ, тѣмъ болѣе, что у зародыша питаніе этого органа совершается вѣдь помимо легочной артеріи, куда кровь тогда еще не проникаетъ.

Какъ мы уже видѣли, обыкновенно полагаютъ, что на отсутствіе какихъ бы то ни было отверстій въ срединной стѣнкѣ сердца впервые указалъ Везалій, но, согласно изслѣдованію Толлина *), это указаніе не существуетъ въ первомъ изданіи книги Везалія «De humani corporis fabrica», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1543 году: мы его находимъ только въ изданіи 1555 года, т. е. два года послѣ появленія «Возстановленія христіанства». Фактъ, что Везалій не упоминаетъ при этомъ о Серветѣ ничего ровно не доказываетъ: книга Сервета, по всей вѣроятности, была ему извѣстна, но въ то доброе старое время защищать какія бы то ни было мнѣнія такого великаго грѣшника и еретика, какъ Серветъ, было далеко не безопасно. Извѣстно, къ тому же, что, несмотря на всѣ предосторожности, которыми Везалій обставлялъ свои покушенія на общепринятые взгляды, ему не удалось ускользнуть отъ суда инквизиціи, обвинившей его въ томъ, будто онъ вскрылъ тѣло живого человѣка, и отправившей его на покаяніе въ Святую Землю...

Гёксли, пытающійся, какъ мы видѣли, умалить значеніе Сервета въ исторіи открытія кровообращенія, относится также свысока къ открытію другого предшественника Гарвея, Цезальпина. Этотъ послѣдній, по мнѣнію Гёксли, «только замѣтилъ, что вены при перевязкѣ вздуваются на сторонѣ, отдаленной отъ сердца, и что фактъ этотъ не согласуется съ общепринятымъ мнѣніемъ о движеніи крови по венамъ *отъ* сердца». Но дѣло въ томъ, что фактъ, подмѣченный Цезальпиномъ, ускользнулъ однако отъ вниманія десятковъ поколѣній врачей, несмотря на примѣнявшееся тогда чрезвычайно часто кровопусканіе. А между тѣмъ значеніе этого факта весьма немаловажное и нельзя не согласиться съ Мареемъ **), который говоритъ, что, указавъ на центростремительное движеніе крови въ венахъ, Цезальпинъ тѣмъ самымъ какъ бы заложилъ фундаментъ открытія кровообращенія. Мало

*) Henri Tollin. «Die Entdeckung des Blutkreislaufs durch Michael Servet (1511—1553)», Sammlung physiologischer Abhandlungen herausgegeben von W. Preyer; I. Reihe, 6. Heft. Jena, 1876.

**) Marey, «Circulation», Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales de Dechambre.

того, у Цезальпина мы впервые встрѣчаемъ самый терминъ *кровообращеніе* и читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «Кровь, поступая въ сердце по венамъ, окончательно совершенствуется въ этомъ органѣ и распредѣляется затѣмъ черезъ посредство артерій по всему тѣлу». По мнѣнію Флуранса, нельзя было лучше опредѣлить кровообращеніе въ столь немногихъ словахъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что у Цезальпина представленіе о легочномъ или маломъ кровообращеніи прекрасно уживалось со старымъ мнѣніемъ о существованіи непосредственнаго сообщенія между правымъ и лѣвымъ сердцемъ: «Кровь,—говоритъ онъ,—переходитъ изъ праваго желудочка въ лѣвый *отчасти* черезъ серединную перегородку сердца, *отчасти* черезъ посредство легкихъ».

Наконецъ, въ ряду предшественниковъ Гарвея, труды которыхъ подготовили его великое открытіе, намъ остается упомянуть его учителя Фабриція, знаменитаго профессора падуанскаго университета. Въ 1574 году Фабрицій открылъ венныя заслонки, механизмъ дѣйствія которыхъ былъ имъ, однако, понятъ совершенно ошибочно: полагая, что кровь въ венахъ движется отъ сердца, а не къ нему, Фабрицій рѣшилъ, что венныя заслонки служатъ для замедленія движенія крови, не давая этой послѣдней скопляться въ конечностяхъ въ ущербъ другимъ частямъ тѣла.

III.

Изъ сдѣланнаго нами бѣглаго обзора до-гарвеевскаго періода исторіи кровообращенія не трудно убѣдиться, что предшественники Гарвея внесли въ описаніе кровеносной системы много цѣнныхъ фактовъ. Научный анализъ далъ почти все, что онъ только могъ дать въ рукахъ людей, не располагавшихъ усовершенствованными способами изслѣдованія. Три основныя заблужденія, мѣшавшія познанію истинныхъ законовъ кровообращенія, были устранены: было доказано, что артеріи содержатъ кровь, а не воздухъ, что въ перегородкѣ между желудочками нѣтъ никакихъ отверстій и что кровь движется въ венахъ по направленію *къ сердцу*, а не *отъ* него. Было также извѣстно, что венозная кровь изъ праваго желудочка переходитъ въ лѣвый, проходя черезъ легкія; были, наконецъ, извѣстны сердечныя и венныя заслонки. Но никто не пытался уловить общую связь между этими какъ бы отдѣльно стоявшими фактами. *Анализъ* обогащалъ науку новыми данными, но эти разрозненныя данныя въ сущности нисколько не измѣняли общепринятыхъ ученій: это былъ сырой матеріалъ, которымъ никто не пользовался, потому что никто не подозрѣвалъ, чтобы эти разрозненные факты могли имѣть какое-нибудь общее значеніе. Такъ обстояло дѣло, пока этихъ фактовъ не коснулось, въ лицѣ Гарвея, другое могущественное орудіе науки—*синтезъ*.

Какъ подъ живительнымъ вліяніемъ могучаго вдохновенія ваятеля

безформенная масса мертваго матеріала превращается въ прекрасный образъ живого существа, такъ подъ вліяніемъ обобщающаго ума Гарвея разрозненные факты, подмѣченные различными его предшественниками, начиная съ Эразистрата и кончая Фабриціемъ, облеклись въ одно стройное цѣлое, именуемое ученіемъ о *кровообращеніи*. То, что раньше такъ туго поддавалось объясненію и давало такую обильную пищу безплоднымъ мудрствованіямъ, стало какъ нельзя болѣе яснымъ. Въ самомъ дѣлѣ, сущность процесса движенія крови представилась въ такомъ видѣ: когда сжимается правое предсердіе, кровь переходитъ изъ него въ правый желудочекъ; при сокращеніи этого послѣдняго кровь переходитъ въ легочную артерію, оттуда въ легочную вену, а по ней—опять въ сердце, а именно въ лѣвое предсердіе *(малый кругъ)*; сокращеніе лѣваго предсердія направляетъ кровь въ лѣвый желудочекъ, а когда сжимается этотъ желудочекъ, кровь поступаетъ въ аорту, откуда она разносится по всему тѣлу артеріями, затѣмъ она переходитъ въ вены и по этимъ послѣднимъ возвращается въ правое предсердіе *(большой кругъ)*.

Обыкновенно полагаютъ, основываясь до нѣкоторой степени на показаніяхъ самого Гарвея («Exercitatio anatomica», глава VIII), что знаменитаго физіолога навели на мысль о кровообращеніи соображенія о количествѣ крови, проходящей при каждомъ сокращеніи сердца въ артеріи. Въ связи съ частотою біеній сердца, количество это, по приблизительнымъ вычисленіемъ Гарвея, оказывалось слишкомъ значительнымъ, чтобы можно было предположить, что оно постоянно пополняется вводимой въ организмъ пищей. «Я понялъ,—говоритъ Гарвей,—что вены были бы скоро истощены, а артеріи разорвались бы подъ вліяніемъ постояннаго притока крови, если бы эта жидкость не переходила какимъ-нибудь путемъ изъ артерій въ вены и не возвращалась въ правый желудочекъ сердца. Я поэтому задалъ себѣ вопросъ, не представляетъ ли кровь кругового движенія, что впослѣдствіи оказалось вѣрнымъ».

Можно, однако, сомнѣваться въ томъ, чтобы именно эти нѣсколько теоретическія соображенія были самымъ важнымъ моментомъ въ генезисѣ мысли о кровообращеніи. Вѣрнѣе будетъ сказать, что мысль эта возникла подъ вліяніемъ цѣлаго ряда обстоятельствъ, среди которыхъ—какъ это признаетъ и извѣстный историкъ медицины Шпренгель *)—несомнѣнно играло большую роль полученное Гарвеемъ медицинское образованіе въ падуанскомъ университетѣ, гдѣ процвѣтала анатомія и гдѣ научный анализъ строенія кровеносной системы далъ столько блестящихъ результатовъ.

Но заслуга Гарвея состоитъ не столько въ тонкомъ анализѣ фак-

*) Sprengel, «Histoire de la médecine» (переводъ Журдана); томъ IV, стр. 87. Парижъ, 1815.

товъ и широкомъ примѣненіи экспериментальнаго метода, сколько въ умѣломъ освѣщеніи и обобщеніи этихъ фактовъ. Ни одинъ опытъ, ни одно наблюденіе не пропадаетъ для него безслѣдно, а напротивъ, является источникомъ новыхъ мыслей, новыхъ изслѣдованій. Такъ, напримѣръ, фактъ, подмѣченный Цезальпиномъ при перевязкѣ венъ, заставляетъ Гарвея повторить тотъ же опытъ на артеріяхъ: оказывается, что, въ противоположность венамъ, эти сосуды вздуваются не на сторонѣ, отдаленной отъ сердца, а *надъ* перевязкой. Сопоставленіемъ этихъ двухъ фактовъ Гарвей пользуется какъ блестящимъ подтвержденіемъ своей гипотезы о круговомъ движеніи крови. Фабрицій, открывшій существованіе венныхъ заслонокъ, не съумѣлъ опредѣлить или, вѣрнѣе, опредѣлилъ совершенно ошибочно механизмъ дѣйствія этихъ заслонокъ: Гарвей прекрасно справляется и съ этою задачей и доказываетъ, что венныя заслонки являются непреодолимымъ препятствіемъ для движенія крови отъ сердца къ периферіи.

Когда читаешь «Exercitatio anatomica» это, по выраженію Флуранса, самое прекрасное сочиненіе по физіологіи, удивляешься не столько обилію собранныхъ въ этой небольшой книжкѣ точныхъ фактовъ, сколько замѣчательному единству ея содержанія, силѣ обобщающей мысли, которая проходитъ черезъ всю книгу, объединяя всѣ факты.

Потому-то трактатъ Гарвея открываетъ собою новую эру, когда наукѣ не грозитъ больше ни одна изъ двухъ серьезныхъ опасностей, о которыхъ говоритъ Флурансъ *): «Для науки существуютъ два совершенно различныхъ періода: одинъ, когда наука занимается изслѣдованіемъ фактовъ, другой—когда она сопоставляетъ эти факты, чтобы вывести изъ нихъ заключенія», но «одинаково опасно отгадывать, такъ сказать, общія идеи, прежде чѣмъ онѣ вылились сами собою изъ накопившихся наблюденій и безпрестанно нагромождать матеріалы, не пытаясь подняться до общей идеи».

Разъ процессъ познанія истины благополучно миновалъ эти двѣ опасности, состоятельность достигнутыхъ имъ результатовъ настолько значительна, что ничто уже не въ силахъ уничтожить эти результаты. Какъ ни боролись противъ гарвеевскихъ воззрѣній ревнивые оберегатели галеновской доктрины, окрестившіе преверженцевъ ученія о кровообращеніи (circulatio) презрительной кличкой «circulatores» (шарлатаны), истина скоро взяла верхъ: ко времени смерти Гарвея, послѣдовавшей въ 1657 году, новое ученіе уже пользовалось большимъ авторитетомъ, а четыре года спустя открытіе *волосныхъ сосудовъ*, сдѣланное Мальпиги при помощи микроскопа, обнаружило и тотъ путь, по которому кровь переходитъ изъ артерій въ вены, наглядно подтвердивъ и пополнивъ мысль Гарвея о сообщеніи, долженствующемъ существовать между тѣми и другими сосудами (въ доказательство существова-

*) Flourens, «Analyse de philosophie anatomique»; Paris. 1819.

нія этого сообщенія Гарвей, не знавшій еще употребленія микроскопа, могъ только ссылаться на то, что перерѣзъ одной артеріи достаточенъ для того, чтобы совершенно обезкровить животное).

На заглавномъ листкѣ лондонскаго изданія 1661 года знаменитаго «Анатомическаго изслѣдованія» *), о которомъ у насъ сейчасъ была рѣчь, красуется аллегорическое изображеніе Истины въ видѣ окруженной ореоломъ женщины со свѣточемъ въ рукахъ—эту женщину ведетъ за руку крылатое Время: «Veritatem Tempus manuducit»—«Истиною руководитъ Время», гласитъ, быть можетъ, нѣсколько наивная, но въ сущности глубоко утѣшительная надпись...

Д-ръ Л. Шейнисъ.

Paris, 8 dec. 1899.

---

*) Guilielmi Harvaei, «Exercitatio anatomica de cordis et sanguinis motu»; Londini, 1661.

ЖЕЛАНЬЯ.

Моя душа съ тревогою мятежной
Къ тебѣ рвалась, тоскуя и любя...
Чтобъ ты опять меня любила нѣжно,—
Хотѣлось мнѣ о томъ молить тебя.

Я истомленъ несчастіемъ жестокимъ,
И некому мнѣ грусть свою излить...
Чтобъ не былъ я на свѣтѣ одинокимъ,—
Хотѣлось мнѣ о томъ тебя молить.

Ты мнѣ родной и ласковой приснилась,
И краткій мигъ я счастливъ былъ во снѣ...
Чтобъ на яву то счастье повторилось,—
О томъ тебя молить хотѣлось мнѣ.

Но гордый умъ не захотѣлъ возврата...
И сердце ждетъ, чтобъ новая заря
Смѣнила блескъ печальнаго заката,
Которому вчера молился я.

В. Войновъ.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Будутъ крылья.

1500.

Piglierà il primo volo il grande ucello sopra del dosso del suo magnio Cecero, e empiendo l'universo del stupore, empiendo di sua fama tutte le scritture,—e gloria eterna al nido, dove nacque! *Leonardo da Vinci.*

Предприметъ полетъ свой Великая Птица,—человѣкъ на спинѣ своего большаго Лебедя,—наполняя міръ изумленіемъ, наполняя всѣ книги своимъ безсмертнымъ именемъ,—и вѣчная слава гнѣзду, гдѣ Онъ родился! *Леонардо да Винчи.*

I.

Въ Тосканѣ, между Пизой и Флоренціей, недалеко отъ города Эмполи, на западномъ склонѣ горы Монте-Альбано находилось селеніе Винчи—родина Леонардо.

Устроивъ дѣла свои во Флоренціи, онъ пожелалъ, передъ отъѣздомъ въ Романью на службу къ Цезарю Борджіа, посѣтить это селеніе, гдѣ жилъ старый дядя его, сэръ-Франческо да Винчи, братъ отца, разбогатѣвшій на „шелковомъ промыслѣ". Одинъ изъ всей семьи, любилъ онъ племянника. Художнику хотѣлось повидать его и, если возможно, поселить въ домѣ сэръ-Франческо ученика своего механика Зороастро да Перетола, который все еще не оправился отъ послѣдствій страшнаго паденія. Ему грозила опасность остаться на всю жизнь калѣкою. Горный воздухъ, сельская тишина и спокойствіе,—надѣялся учитель,—помогутъ больному лучше всякаго лѣченія.

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

Леонардо выѣхалъ изъ Флоренціи, одинъ верхомъ на мулѣ, черезъ ворота Аль-Прато, внизъ по теченію Арно. У города Эмполи, покинувъ долину рѣки съ большою Пизанскою дорогою, онъ свернулъ на узкую проселочную, извивавшуюся по невысокимъ однообразнымъ холмамъ.

День былъ не жаркій, облачный. Мутно-бѣлое, заходившее въ туманѣ солнце, съ жидкимъ, разсѣяннымъ свѣтомъ, предвѣщало сѣверный вѣтеръ.

Кругозоръ по обѣимъ сторонамъ дороги ширился. Холмы незамѣтно и плавно, какъ волны, вздымались. За ними чувствовались горы. На лужайкахъ росла не густая и не яркая весенняя трава. И все кругомъ было не яркое, тихое, зеленовато-сѣрое, простое, почти бѣдное, напоминающее сѣверъ, — поля съ блѣдными колосьями, безконечные виноградники съ каменными стѣнами и, въ равномъ разстояніи одна отъ другой, оливы съ колѣнчатыми, крѣпкими стволами, бросавшія на землю тонкія, переплетенныя, паукообразныя тѣни. Кое-гдѣ, передъ одинокою часовнею, пустыннымъ загороднымъ домомъ съ гладкими желтыми стѣнами, съ рѣдкими, неправильно расположенными рѣшетчатыми окнами и черепичными навѣсами для земледѣльческихъ орудій, на тихой ровной дали уже показавшихся, тоже сѣроватыхъ горъ, рѣзко и стройно выдѣлялись ряды угольно-черныхъ, кругло-острыхъ, какъ веретена, кипарисовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе можно видѣть на картинахъ старыхъ флорентинскихъ мастеровъ.

Горы выростали. Чувствовался медленный, но непрерывный подъемъ. Дышалось легче. Путникъ миновалъ Сантъ-Аузано, Калистри, Лукарди, капеллу Санъ-Джіованни.

Темнѣло. Облака разсѣялись. Замигали звѣзды. Вѣтеръ свѣжѣлъ. Это было начало пронзительно-холоднаго и звонко-яснаго сѣвернаго вѣтра—„трамонтано".

Вдругъ, за послѣднимъ крутымъ поворотомъ, сразу открылось селеніе Винчи. Тутъ уже почти не было ровнаго мѣста. Холмы перешли въ горы, равнина—въ холмы. И къ одному изъ нихъ, небольшому, острому, прилѣпилось каменное тѣсное селеніе. На сумеречномъ небѣ тонко и легко подымалась черная башня старинной крѣпости. Въ окнахъ домовъ мерцали огни.

У подножія горы, на перекресткѣ двухъ дорогъ, лампада освѣщала въ углубленіи стѣны съ дѣтства знакомое художнику изваяніе Божьей Матери изъ глины, покрытой глянцевитою бѣлой и синей глазурью. Передъ Мадонною стояла на колѣняхъ, согнувшись и закрывъ лицо руками, женщина въ бѣдномъ темномъ платьѣ, должно быть, поселянка.

— Катерина...—прошепталъ Леонардо имя своей покойной матери, тоже простой поселянки изъ Винчи.

*

Переѣхавъ черезъ мостъ надъ быстрою горною рѣчкою, взялъ онъ вправо, узкою тропинкою между садовыми оградами. Здѣсь было уже совсѣмъ темно. Вѣтвь розоваго куста, свѣсившаяся черезъ ограду, тихонько задѣла его по лицу, какъ будто поцѣловавъ въ темнотѣ, пахнула душистою свѣжестью.

Передъ ветхими деревянными воротами въ стѣнѣ—онъ спѣшился, поднялъ камень и ударилъ въ желѣзную скобу. Это былъ домъ, нѣкогда принадлежавшій дѣду его, Антоніо да Винчи,—нынѣ дядѣ Франческо, гдѣ Леонардо провелъ свои дѣтскіе годы.

Никто не откликнулся. Въ тишинѣ слышалось журчаніе потока Молине-ди-Гатте на днѣ оврага. Наверху, въ селеніи разбуженныя стукомъ, собаки залаяли. Имъ отвѣтилъ на дворѣ хриплымъ, надтреснутымъ лаемъ, должно быть, очень дряхлый песъ.

Наконецъ, вышелъ съ фонаремъ сѣдой сгорбленный и сморщенный старикъ. Онъ былъ тугъ на ухо и долго не могъ понять, кто такой Леонардо. Но когда узналъ его, то заплакалъ отъ радости, едва не выронилъ фонарь, кинулся цѣловать руки господина, котораго лѣтъ сорокъ или болѣе назадъ носилъ на собственныхъ рукахъ, и все повторялъ сквозь слезы: „O, signore, signore, Leonardo mio!“ Дворовый песъ лѣниво, видимо только изъ угожденія старому хозяину, вилялъ опущеннымъ хвостомъ. Джіанъ-Баттисто,—такъ звали старика-садовника,—сообщилъ, что сэръ-Франческо уѣхалъ въ свой виноградникъ у Мадонны дель'Эрта, оттуда хотѣлъ быть въ Марчильяну, гдѣ знакомый монахъ лѣчилъ его отъ боли въ поясницѣ золотысячной настойкой, и что вернется онъ дня черезъ два. Леонардо рѣшилъ подождать, тѣмъ болѣе, что на слѣдующій день утромъ должны были пріѣхать изъ Флоренціи Зороастро и Джіованни Бельтраффіо.

Старикъ повелъ его въ домъ, гдѣ въ это время никого не было,—дѣти Франческо жили во Флоренціи,—засуетился, позвалъ свою хорошенькую бѣлокурую шестнадцатилѣтнюю внучку, началъ заказывать ужинъ; но Леонардо попросилъ только винчіанскаго вина, хлѣба и родниковой воды, которой славилось имѣніе дяди. Сэръ-Франческо, не смотря на достатокъ, жилъ такъ же, какъ отецъ его, дѣдъ и прадѣдъ, съ простотою, которая могла бы казаться бѣдностью человѣку, привыкшему къ удобствамъ большихъ городовъ.

Художникъ вступилъ въ столь ему знакомую нижнюю комнату, въ одно и то же время пріемную и кухню, съ немногими неуклюжими стульями, скамьями и сундуками изъ потемнѣвшаго, зеркально-гладкаго отъ старости, точенаго дерева, съ поставцомъ для тяжелой оловянной посуды, съ продольными закоптѣлыми балками потолка, съ подвѣшенными къ нимъ пучками сушившихся лѣкарственныхъ травъ, съ голыми бѣлыми стѣнами, огромнымъ

закоптѣлымъ очагомъ и кирпичнымъ поломъ. Единственною новизною были толстыя, мутно-зеленыя, съ ячейкообразными круглыми гранями, стекла въ окнахъ. Леонардо помнилъ, что въ дѣтскіе годы его окна были затянуты, какъ и во всѣхъ домахъ тосканскихъ поселянъ, навощенымъ холстомъ, такъ что въ комнатахъ и днемъ былъ сумракъ. А въ верхнихъ покояхъ, служившихъ спальнями, закрывались они лишь деревянными ставнями,— и такъ что нерѣдко по утрамъ въ зимнюю стужу, которая въ этихъ мѣстахъ бываетъ суровою, вода въ рукомойникахъ замерзала.

Садовникъ развелъ огонь изъ душистаго горнаго вереска и можжевельника—„джинепри", зажегъ маленькую, висѣвшую внутри камина на мѣдной цѣпочкѣ, глиняную лампаду съ длиннымъ узкимъ горломъ и ручкою, подобною тѣмъ, какія находятся въ древнихъ этрусскихъ гробницахъ. Ея изящный, нѣжный обликъ въ простой, бѣдной комнатѣ казался еще прелестнѣе. Здѣсь, въ полудикомъ уголкѣ Тосканы, — въ крови, языкѣ, въ домашней утвари, въ обычаяхъ народа—сохранялись отпечатки незапамятной древности,—слѣды Этрусскаго племени.

Пока молодая дѣвушка хлопотала, ставя на столъ круглый прѣсный хлѣбъ, плоскій, похожій на лепешку, блюдо съ латуковымъ салатомъ въ уксусѣ, кувшинъ съ виномъ и сушеныя фиги, Леонардо взошелъ по скрипучей лѣстницѣ въ верхніе покои. И здѣсь все было по старому. По серединѣ просторной, низкой горницы—та же громадная четыреугольная кровать, гдѣ могло бы помѣститься цѣлое семейство, и гдѣ добрая бабушка, мона Лучія, жена Антоніо да Винчи нѣкогда спала вмѣстѣ съ маленькимъ Леонардо. Теперь семейное, свято хранимое ложе досталось по наслѣдству дядѣ Франческо. Такъ же у изголовья на стѣнѣ висѣло Распятіе, образокъ Мадонны, раковина для святой воды, пучекъ сѣрой сухой травы, называвшейся „туманомъ"—„неббіа", и ветхій листикъ съ латинскою молитвою.

Онъ вернулся внизъ, сѣлъ у огня, выпилъ воды съ виномъ изъ деревянной круглой чашки,—у нея былъ свѣжій запахъ оливы, который также напомнилъ ему самое далекое дѣтство,—и оставшись одинъ, когда Джоянъ-Баттисто съ внучкою ушли спать, погрузился въ ясныя, тихія думы.

II.

Онъ думалъ объ отцѣ своемъ, нотаріусѣ флорентинской Комуны, сэръ-Пьеро да Винчи, котораго видѣлъ на-дняхъ во Флоренціи, въ его собственномъ, благопріобрѣтенномъ домѣ на бойкой улицѣ Джибеллино,—семидесятилѣтнемъ, еще бодромъ старикѣ съ краснымъ лицомъ и бѣлыми курчавыми волосами. Леонардо

не встрѣчалъ во всю свою жизнь человѣка, который бы любилъ жизнь такою простодушною, почти до безстыдства откровенною любовью, какъ сэръ-Пьеро. Въ былые годы нотаріусъ питалъ отеческую нѣжность къ своему незаконнорожденному первенцу. Но когда подросли двое старшихъ законныхъ сыновей, Антоніо и Джульяно,—опасаясь, какъ бы отецъ не выдѣлилъ старшему часть наслѣдства, они старались поссорить Леонардо съ отцомъ. Въ послѣднее свиданіе онъ чувствовалъ себя чужимъ въ семьѣ. Особенное сокрушеніе, по поводу распространявшихся въ то время слуховъ объ его безбожіи, выказалъ братъ Лоренцо, почти мальчикъ по лѣтамъ, но уже дѣловитый,—ученикъ Савонаролы, „плакса", добродѣтельный и скопидомный лавочный сидѣлецъ цеха флорентинскихъ шерстниковъ. Нерѣдко заговаривалъ онъ съ художникомъ при отцѣ о христіанской вѣрѣ, необходимости покаянія, смиренномудрія, о еретическихъ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ философовъ и на прощаніе подарилъ ему душеспасительную книжку собственнаго сочиненія.

Теперь, сидя у камина въ старинной семейной комнатѣ, вынулъ Леонардо эту книжку, исписанную мелкимъ, старательнымъ лавочнымъ почеркомъ:

„Tavola del Confessionario descripto per me, Lorenzo di Ser Piero da Vinci, fiorentino, mandato alla Nanna, mia cogniata. Книга Исповѣдальная, сочиненная мною, Лоренцо ди Сэръ-Пьеро да Винчи, флорентинцемъ, посланная Наннѣ, невѣсткѣ моей, наиполезнѣйшая всѣмъ исповѣдаться въ грѣхахъ своихъ желающимъ. Возьми книгу и читай: какъ увидишь въ перечнѣ свой грѣхъ,—записывай, а въ чемъ неповиненъ,—пропускай, оное будетъ для другого пользительно, ибо о таковой матеріи,—будь увѣренъ,—даже тысячи языковъ всего не могли бы пересказать".

Слѣдовалъ подробный, составленный юнымъ шерстникомъ, съ истинно торговою щепетильностью, перечень грѣховъ и восемь благочестивыхъ размышленій, „кои долженъ имѣть въ душѣ своей каждый христіанинъ, приступая къ таинству исповѣди"..

Съ богословскою важностью разсуждалъ Лоренцо,—грѣхъ или не грѣхъ носить сукна и другіе шерстяные товары, за которые не уплачены пошлины. „Что касается души,—рѣшалъ онъ,—то таковое ношеніе чужеземныхъ тканей никакого вреда причинить не можетъ, ежели пошлина неправедна. А посему да не смущается совѣсть ваша, возлюбленные братья и сестры мои, но будьте благонадежны! А если кто скажетъ,—„Лоренцо на чемъ ты утверждаешься, полагая такъ о заграничныхъ сукнахъ?"—я отвѣчу: въ прошломъ, 1499 году, находясь по торговымъ дѣламъ въ городѣ Пизѣ, слышалъ я въ церкви Санъ-Микеле проповѣдь монаха ордена св. Доминика, нѣкоего брата Занобн, съ удивительнымъ и почти

невѣроятнымъ обиліемъ ученыхъ доказательствъ, утверждавшаго то самое о заграничныхъ сукнахъ, что и я нынѣ".

Въ заключеніе, все съ тѣмъ же унылымъ, тягучимъ многословіемъ, разсказывалъ онъ, какъ „демонъ ада"—demonio infernale—долго удерживалъ его отъ написанія душеполезной книги,—между прочимъ, подъ предлогомъ, будто бы онъ, Лоренцо, не обладаетъ потребною къ сему ученостью и краснорѣчіемъ, и что болѣе приличествуетъ ему, какъ доброму шерстнику, заботиться о дѣлахъ своей „боттеги", нежели о писаніи духовныхъ книгъ. Но, побѣдивъ искушеніе дьявола и придя къ заключенію, что въ этомъ дѣлѣ не столь научныя познанія и краснорѣчіе, сколь христіанское любомудріе и богомысліе потребны,—съ помощью Господа и Присподѣвы Маріи, окончилъ онъ „книгу сію, посвящаемую невѣсткѣ Наннѣ такъ же, какъ всѣмъ братьямъ и сестрамъ во Христѣ".

Леонардо обратилъ вниманіе на изображенія четырехъ главныхъ добродѣтелей христіанскихъ, которыя Лоренцо, быть можетъ, не безъ тайной мысли о братѣ своемъ, знаменитомъ художникѣ, совѣтывалъ живописцамъ представлять со слѣдующими аллегоріями: Благоразуміе — съ тремя лицами, въ знакъ того, что оно созерцаетъ настоящее, прошлое и будущее, Справедливость—съ мечемъ и вѣсами, Силу,—облокотившеюся на колонну, Умѣренность,—съ циркулемъ въ одной рукѣ, съ ножницами въ другой, „коими обрѣзаетъ и пресѣкаетъ она всякое излишество".

Отъ этой книги вѣяло на Леонардо знакомымъ духомъ того мѣщанскаго благочестія, которое окружало дѣтскіе годы его и царило въ семьѣ, передаваемое изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Уже за сто лѣтъ до его рожденія, родоначальники дома Винчи были такими же честными, скопидомными и богобоязненными чиновниками на службѣ флорентинской Комуны, какъ отецъ его Сэръ-Пьеро. Въ 1339 году въ дѣловыхъ записяхъ впервые упоминался прапращуръ художника, „нотайо" синьоріи, нѣкій сэръ Гвидо-ди-Сэръ-Микеле-да-Винчи.

Какъ живой, вставалъ передъ нимъ дѣдъ Антоніо. Житейская мудрость дѣда была точь-въ-точь такая же, какъ мудрость внука, Лоренцо. Онъ училъ дѣтей не стремиться ни къ чему высокому, — ни къ славѣ, ни къ почестямъ, ни къ должностямъ государственнымъ и военнымъ,—ни къ чрезмѣрному богатству, ни къ чрезмѣрной учености.

„Держаться середины во всемъ—говаривалъ онъ—есть наиболѣе вѣрный путь. Starsi mezzanamente è cosa più sicura".

Леонардо помнилъ спокойный и важный старческій голосъ которымъ преподавалъ онъ это краеугольное правило жизни—*середину во всемъ*:

— О дѣти мои, берите примѣръ съ муравьевъ, которые забо-

тятся сегодня о нуждахъ завтрашняго дня. Будьте бережливы, будьте умѣренны. Съ кѣмъ сравню я добраго хозяина, отца семейства? Съ паукомъ сравню его, въ средоточіи широко раскинутой паутины, который чувствуетъ колебаніе тончайшей нити и спѣшитъ къ ней на помощь.

Онъ требовалъ, чтобы каждый день къ вечернему колоколу Ave Maria всѣ члены семьи были въ сборѣ. Самъ обходилъ домъ, запиралъ ворота, относилъ ключи въ спальню и пряталъ подъ подушку. Никакая мелочь въ хозяйствѣ не ускользала отъ недремлющаго глаза его: сѣна ли мало задано воламъ, свѣтильня ли въ лампадѣ черезчуръ пущена служанкою, такъ что лишнее масло сгораетъ,—онъ все замѣчалъ, обо всемъ заботился. Но скаредности не было въ немъ. Онъ самъ употреблялъ и дѣтямъ совѣтовалъ выбирать для платья лучшее сукно, не жалѣя денегъ, ибо оно прочнѣе,—рѣже приходится мѣнять, а потому одежда изъ добраго сукна не только почетнѣе, но и дешевле.

Семья, по мнѣнію дѣда,—должна была жить, не раздѣляясь, подъ одною кровлею: „ибо,—говорилъ онъ,—когда всѣ ѣдятъ за однимъ столомъ,—одной скатерти, одной свѣчи хватаетъ, а за двумя,—нужны двѣ скатерти и два огня; когда грѣетъ всѣхъ одинъ очагъ,—довольно одной вязанки дровъ, а для двухъ нужны двѣ,—и такъ во всемъ“.

На женщинъ смотрѣлъ онъ свысока: „имъ слѣдуетъ заботиться о кухнѣ и дѣтяхъ, не вмѣшиваясь въ мужнины дѣла; глупецъ,—кто вѣритъ въ женскій умъ“.

Мудрость сэръ-Антоніо не лишена была и тонкой, плутоватой хитрости.

— Дѣти мои,—повторялъ онъ,—будьте милосердны, какъ того требуетъ святая мать наша Церковь; но все же друзей счастливыхъ предпочитайте несчастнымъ, богатыхъ—бѣднымъ. Въ томъ и заключается высшее искусство жизни, чтобы, оставаясь добродѣтельнымъ, перехитрить хитреца.

И онъ училъ ихъ сажать плодовыя деревья на пограничной межѣ своего и чужого поля такъ, чтобы они кидали тѣнь на ниву сосѣда. Училъ просящему въ займы отказывать съ любезностью.

— Тутъ корысть двойная,—прибавлялъ онъ,—и деньги сохраните, и получите удовольствіе посмѣяться надъ тѣмъ, кто желалъ васъ обмануть. И ежели проситель умный человѣкъ, онъ пойметъ васъ и станетъ еще больше уважать за то, что вы съумѣли отказать ему съ благопристойностью. Плутъ—кто беретъ, глупъ—кто даетъ. Роднымъ же и домашнимъ помогайте не только деньгами, но и потомъ, кровью, честью,— всѣмъ, что имѣете, не жалѣя самой жизни для благополучія рода, ибо, помните, возлюбленные мои, гораздо большая слава и прибыль человѣку — дѣлать благо своимъ, нежели чужимъ.

Послѣ тридцатилѣтняго отсутствія, сидя подъ кровлею отчаго дома, слушая завываніе вѣтра и слѣдя, какъ потухаютъ угли въ очагѣ, художникъ думалъ о томъ, что вся его собственная жизнь была великимъ нарушеніемъ этой скопидомной, древней, какъ міръ, паучьей и муравьиной, дѣдовской мудрости,—была тѣмъ буйнымъ избыткомъ, беззаконнымъ излишествомъ, которое, по мнѣнію брата Лоренцо, богиня Умѣренности должна обрѣзать своими желѣзными ножницами.

III.

На слѣдующій день рано утромъ вышелъ онъ изъ дома, не разбудивъ садовника, и пройдя черезъ бѣдное селеніе Винчи съ ветхими, высокими и узкими, каменными, обмазанными глиною домиками, тѣсно лѣпившимися по склону холма вокругъ покинутой, полуразрушенной крѣпости, сталъ подыматься въ сосѣдній поселокъ Анкіано, крутою, тяжелою дорогою все время въ гору.

Опять какъ вчера, свѣтило печальное, бѣлое, точно зимнее солнце, небеса были безоблачны и холодны, съ мутно-лиловыми краями, даже въ это раннее утро. Трамонтано за ночь усилился. Но вѣтеръ не рвалъ и не металъ, какъ вчера, а дулъ ровно, прямо съ сѣвера, какъ будто падая съ неба, однообразно свистя въ ушахъ. Опять—тѣ же блѣдныя, тихія нивы съ рѣдкими колосьями,—здѣсь, на этой высотѣ, еще болѣе напоминавшія сѣверъ, расположенныя по склонамъ холмовъ полукруглыми ярусами „лунками“, какъ выражались поселяне Винчи,—тощіе виноградники, не густыя и не яркія травы, облетающіе маки, пыльно-сѣрыя оливы, крѣпкіе черные сучья которыхъ коротко и болѣзненно вздрагивали отъ вѣтра.

Войдя въ поселокъ Анкіано, Леонардо остановился, не узнавая мѣста. Онъ помнилъ, что нѣкогда здѣсь были развалины средневѣкового замка Адимари, и въ одной изъ уцѣлѣвшихъ башенъ—маленькая сельская харчевня. Теперь на этомъ мѣстѣ, на такъ называемомъ Кампо-дэлла-Торраччіа, виднѣлся новый, съ гладко-выбѣленными стѣнами, домъ среди виноградника. За низкою каменною стѣною поселянинъ окапывалъ заступомъ лозы. Онъ объяснилъ художнику, что владѣлецъ харчевни умеръ, а наслѣдники продали землю богатому овцеводу изъ Орбиньяно, который, очиститъ вершину холма, развелъ на немъ виноградникъ и рощу оливъ.

Недаромъ разспрашивалъ Леонардо объ Анкіанскомъ кабачкѣ: онъ родился въ немъ.

Здѣсь, при самомъ въѣздѣ въ бѣдный горный поселокъ, надъ большою проѣзжею дорогою, которая, переваливая черезъ Монте-

Альбано, вела изъ долины Ньеволе въ Прато и Пистойю, въ мрачномъ остовѣ рыцарской башни Адимари, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, ютилась веселая сельская харчевня—„остерія“. Вывѣска на скрипучихъ заржавленныхъ петляхъ съ надписью „Bottiglieria“ „Распивочная“, открытая дверь, съ виднѣвшимися рядами бочекъ, оловянныхъ кружекъ и пузатыхъ глиняныхъ кувшиновъ, два подслѣповатыхъ, точно лукаво подмигивавшихъ, рѣшетчатыхъ окошка безъ стеколъ съ почернѣвшими ставнями и гладко-вытертыя ногами посѣтителей, ступеньки крылечка выглядывали изъ подъ свѣжаго навѣса виноградныхъ лозъ, сквозившихъ на солнцѣ. Жители окрестныхъ селеній по пути на ярмарку въ Санъ-Миньято или Фучеккіо, охотники за дикими козами, погонщики муловъ, „доганьеры“—стражники флорентинской пограничной таможни и другой невзыскательный людъ заходили сюда покалякать, распить фіаско дешеваго терпкаго вина, сыграть въ шашки, карты, зернь, „цару“ или „тарокку“.

Служанкою въ кабакѣ была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, круглая сирота, бѣдная „контадина“—поселянка изъ Винчи, по имени Катерина.

Однажды весною въ 1451 году молодой флорентинскій нотаріусъ Пьеро ди сэръ-Антоніо да Винчи, пріѣхавъ погостить къ отцу на виллу изъ Флоренціи, гдѣ онъ проводилъ бóльшую часть года въ дѣлахъ, былъ приглашенъ въ Анкіано, для заключенія договора по долгосрочному найму шестой части каменнаго масличнаго точила. Скрѣпивъ условія законнымъ порядкомъ, поселяне пригласили нотаріуса вспрыснуть договоръ въ сосѣднемъ кабачкѣ на Кампо делла Торраччіа. Сэръ-Пьеро, человѣкъ простой, любезный и обходительный даже съ маленькими людьми, охотно согласился. Имъ прислуживала Катерина. Молодой нотаріусъ, какъ самъ признавался впослѣдствіи, съ перваго взгляда влюбился въ нее. Подъ предлогомъ охоты на перепеловъ, отложилъ онъ до осени отъѣздъ во Флоренцію, и, сдѣлавшись завсегдатаемъ кабачка, сталъ ухаживать за Катериною, которая оказалась дѣвушкой болѣе недоступною, чѣмъ онъ предполагалъ. Но сэръ-Пьеро недаромъ слылъ побѣдителемъ женскихъ сердецъ. Ему было двадцать четыре года; онъ одѣвался щеголемъ былъ красивъ, ловокъ, силенъ и обладалъ самонадѣяннымъ любовнымъ краснорѣчіемъ, которое плѣняетъ простыхъ женщинъ. Катерина долго сопротивлялась, молила помощи у Пречистой Дѣвы Маріи, но, наконецъ, не устояла. Къ тому времени, когда тосканскіе перепела, разжирѣвшіе на сочныхъ осеннихъ гроздьяхъ улетаютъ изъ долины Ньеволе,—она забеременѣла.

Слухъ о связи сэръ-Пьеро съ бѣдною сиротою, служанкой Анкіанской харчевни, дошелъ до сэръ-Антоніо да Винчи. При-

грозивъ сыну отцовскимъ проклятіемъ, снарядилъ онъ его немедленно во Флоренцію и въ ту же зиму, чтобы, по собственному выраженію, „остепенить малаго“, женилъ на мадоннѣ Альбьерѣ ди сэръ-Джіованни Амадори, дѣвушкѣ не очень молодой, не очень красивой, но изъ почтеннаго семейства, съ хорошимъ приданымъ, а Катерину выдалъ замужъ за своего поденщика, бѣднаго поселянина изъ Винчи, нѣкоего Аккаттабригу ди-Пьеро-дель-Вакка, человѣка пожилого, угрюмаго, съ тяжелымъ нравомъ, который—разсказывали—заколотилъ въ гробъ побоями подъ пьяную руку первую жену. Позарившись на обѣщанные тридцать флориновъ и маленькій клочекъ оливковой рощи, Аккаттабрига не побрезгалъ покрыть чужой грѣхъ своею честью. Катерина безропотно покорилась. Но отъ горя заболѣла и едва не умерла послѣ родовъ. Молока у нея не было. Чтобы кормить маленькаго Леонардо,—такъ назвали ребенка,—взяли козу съ Монте-Альбано. Пьеро, несмотря на искреннюю любовь и печаль о Катеринѣ, тоже покорился, но упросилъ отца принять Леонардо въ свой домъ на воспитаніе. Въ тѣ времена побочныхъ дѣтей не стыдились, почти всегда воспитывали наравнѣ съ законными и даже нерѣдко оказывали имъ предпочтеніе. Дѣдъ согласился, тѣмъ болѣе, что первый бракъ сына былъ бездѣтнымъ, и поручилъ мальчика заботамъ жены своей, доброй старой бабушки моны Лучіи ди-Пьеро-Зозида-Бакаретто.

Такъ Леонардо, сынъ незаконной любви двадцатичетырехлѣтняго флорентинскаго нотаріуса и соблазненной имъ служанки анкіанскаго кабачка, вошелъ въ добродѣтельное, богобоязненное семейство да-Винчи.

Въ государственномъ архивѣ города Флоренціи въ переписи „катасто“ отъ 1457 года хранилась отмѣтка, сдѣланная рукою дѣда, нотаріуса Антоніо да Винчи:

„Lionardo figluolo di detto Ser Piero, non legeptimo, nato di lui et della Chateria, al presente donna d'Acchattabriga di Piero del Vaccha da Vinci, d'anni 5“.

„Ліонардо сынъ вышерѣченнаго Пьеро, незаконнорожденный, отъ него и отъ Катерины, нынѣ жены Аккаттабриги ди-Пьеро-дель-Вакка да Винчи, пяти лѣтъ отъ роду“.

Леонардо, помнилъ мать, какъ сквозь сонъ,—въ особенности ея улыбку, нѣжную, неуловимо-скользящую, полную тайны, какъ будто немного лукавую, странную въ этомъ простомъ, печальномъ, строгомъ, почти сурово прекрасномъ лицѣ. Однажды во Флоренціи, въ музеѣ Медичейскихъ садовъ Санъ-Марко, увидѣлъ онъ изваяніе, найденное въ Ареццо, старинномъ городѣ Этруріи,—маленькую мѣдную Кибелу, незапамятно-древнюю Богиню Земли, съ такою же странною улыбкою, какъ у молодой поселянки изъ Винчи, его матери.

О Катеринѣ думалъ художникъ, когда писалъ въ своей „Книгѣ о живописи“:

„Не замѣчалъ ли ты, какъ женщины горъ, облеченныя въ грубыя и бѣдныя ткани, побѣждаютъ красотою тѣхъ, которыя наряжены.“

Знавшіе мать его въ молодости увѣряли, что Леонардо былъ похожъ на нее. Въ особенности, тонкія длинныя руки, мягкія какъ шелкъ, золотистыя кудри и улыбка его напоминали Катерину. Отъ отца унаслѣдовалъ онъ могущественное тѣлосложеніе, силу здоровья, любовь къ жизни; отъ матери—женственную прелесть, которою все существо его было проникнуто.

Домикъ, гдѣ жила Катерина съ мужемъ, находился неподалеку отъ виллы сэръ-Антоніо. Въ полдень, когда дѣдъ почивалъ и Аккаттабрига уходилъ съ волами въ поле на работу, мальчикъ пробирался по винограднику, перелѣзалъ черезъ стѣну и бѣжалъ къ матери. Она поджидала, сидя на крыльцѣ съ веретеномъ въ рукахъ. Завидѣвъ его издали, протягивала руки. Онъ бросался къ ней, и она покрывала поцѣлуями его лицо, глаза, губы, волосы.

Еще болѣе нравились имъ ночныя свиданія. Въ праздничные вечера старый Аккаттабрига уходилъ въ кабакъ или къ кумовьямъ метать кости. Ночью Леонардо тихонько вставалъ съ широкой семейной постели, гдѣ спалъ рядомъ съ бабушкой Лучіей, полуодѣвшись, неслышно отворялъ ставню, вылѣзалъ изъ окна, по сучьямъ развѣсистаго фиговаго дерева спускался на землю и бѣжалъ къ дому Катерины. Сладки были ему холодъ росистой травы, крики ночныхъ коростелей, обжоги крапивы, острые камни, рѣзавшіе босыя ноги, и блескъ далекихъ звѣздъ, и страхъ, чтобы бабушка, проснувшись, не хватилась его, и тайна какъ будто преступныхъ объятій, когда, забравшись въ постель Катерины, во мракѣ, подъ одѣяломъ, прижимался онъ къ ней всѣмъ своимъ тѣломъ.

Мона Лучіа любила и баловала внука. Онъ помнилъ всегда одинаковое темно-коричневое платье бабушки, бѣлый платокъ вокругъ темнаго, покрытаго морщинками, добраго лица ея, тихія колыбельныя пѣсни и лакомый запахъ сельскаго печенія „берлингоццо“ съ поджаренной въ сметанѣ корочкой, которое она готовила.

Но съ дѣдомъ они не поладили. Сначала сэръ-Антоніо самъ училъ внука. Мальчикъ слушалъ уроки неохотно. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, поступилъ онъ въ школу при церкви св. Петрониллы, рядомъ съ Винчи. Латинская грамматика также не шла ему въ прокъ.

Нерѣдко, выйдя по утру изъ дому, вмѣсто школы, забирался онъ въ дикій оврагъ, поросшій тростникомъ, ложился на спину и, закинувъ голову, цѣлыми часами слѣдилъ за пролетавшими стани-

цами журавлей, съ мучительною завистью. Или, не срывая, только бережно, такъ, чтобы не повредить, развертывая лепестки цвѣтовъ, дивился ихъ нѣжному строенію, опушеннымъ рыльцамъ, влажнымъ отъ меда тычинкамъ и пыльникамъ. Когда сэръ-Антоніо уѣзжалъ въ городъ по дѣламъ, маленькій Нардо, пользуясь добротой бабушки, убѣгалъ на цѣлые дни въ горы и по каменнымъ кручамъ, надъ пропастями, никому невѣдомыми тропинками, гдѣ лазаютъ лишь козы, взбирался на голыя вершины Монте-Альбано, откуда видны необозримые луга, рощи, нивы, болотное озеро Фучеккіо, Пистойя, Прато, Флоренція, снѣжныя Апуанскія Альпы и въ ясную погоду—узкая туманно-голубая полоса Средиземнаго моря. Онъ возвращался домой, исцарапанный, пыльный, загорѣлый, но такой веселый, что мона Лучіа не имѣла духу бранить его и жаловаться дѣдушкѣ.

Мальчикъ жилъ одиноко. Съ ласковымъ дядей Франческо и отцомъ, дарившимъ ему городскія лакомства,—оба проводили бо̀льшую часть года во Флоренціи,—видѣлся рѣдко, со школьными товарищами не сходился вовсе. Ихъ игры были ему чужды. Когда обрывали они крылья бабочкѣ, любуясь, какъ она ползаетъ, онъ болѣзненно морщился, блѣднѣлъ и уходилъ. Увидѣвъ разъ, какъ на скотномъ дворѣ старая ключница рѣзала къ празднику откормленнаго молочнаго поросенка, который бился и пронзительно визжалъ онъ долго и упорно, не объясняя причины, отказывался отъ мяса, къ негодованію сэръ Антоніо.

Однажды школьники, подъ предводительствомъ нѣкоего Россо, смѣлаго, умнаго и злого шалуна, сына повара у сосѣдняго землевладѣльца, флорентинскаго вельможи Ручеллаи, покровителя сэръ-Антоніо, поймали крота и, досыта насладившись его мученіями, полуживого, привязали за лапку, чтобы отдать на растерзаніе овчаркамъ. Леонардо бросился въ толпу дѣтей, повалилъ трехъ мальчиковъ,—онъ былъ силенъ и ловокъ,—пользуясь остолбенѣніемъ школьниковъ, которые не ожидали такой выходки отъ всегда тихаго, кроткаго Нардо, схватилъ крота и во весь духъ помчался въ поле. Опомнившись, товарищи устремились за нимъ, съ крикомъ, смѣхомъ, свистомъ и бранью, швыряя каменьями. Долговязый Россо,—онъ былъ лѣтъ на пять старше Нардо,—вцѣпился ему въ волосы, и началась драка. Если бы не подоспѣлъ дѣдушкинъ садовникъ Джіанъ-Баттисто, они избили бы его жестоко. Но мальчикъ достигъ своей цѣли. Во время свалки, кротъ убѣжалъ и спасся. Въ пылу борьбы, защищаясь отъ нападавшаго Россо, Леонардо подбилъ ему глазъ. Отецъ шалуна, поваръ жившаго на сосѣдней виллѣ вельможи, пожаловался дѣдушкѣ. Сэръ-Антоніо такъ разсердился, что хотѣлъ высѣчь внука. Заступничество бабушки отклонило позорную казнь. Нардо былъ только запертъ на нѣсколько дней въ чуланъ подъ лѣстницей.

Впослѣдствіи, вспоминая объ этой несправедливости, первой въ безконечномъ ряду другихъ, которыя суждено ему было испытать, онъ спрашивалъ себя въ дневникѣ своемъ:

„Если уже въ дѣтствѣ тебя сажали въ тюрьму, когда ты поступалъ, какъ слѣдуетъ,—что же сдѣлаютъ съ тобой теперь, со взрослымъ?"

Сидя въ темномъ чуланѣ, мальчикъ смотрѣлъ, какъ паукъ въ сердцѣ паутины, отливавшей радугою въ лучѣ солнца, проникшемъ сквозь щель, высасывалъ муху. Жертва билась въ лапахъ его, съ тонкимъ, постепенно замиравшимъ жужжаніемъ. Нардо могъ бы спасти ее, какъ спасъ крота. Но смутное, непобѣдимое чувство остановило его. Не мѣшая пауку пожирать свою добычу, наблюдалъ онъ алчность чудовищнаго насѣкомаго, съ такимъ же безстрастнымъ и невиннымъ любопытствомъ, какъ тайны нѣжнаго строенія цвѣтовъ.

IV.

Неподалеку отъ Винчи строилась большая вилла для синьора Пандольфо Ручеллаи флорентинскимъ зодчимъ Біаджіо да Равенна, ученикомъ Альберти. Леонардо, часто бывая на мѣстѣ постройки, смотрѣлъ, какъ рабочіе выводили стѣны, равняли кладку камней угломѣромъ, подымали ихъ машинами. Однажды, сэръ-Біаджіо, заговоривъ съ мальчикомъ, былъ удивленъ его яснымъ умомъ. Сначала мимоходомъ, полушутя, потомъ мало-по-малу увлекшись, сталъ онъ учить его первымъ основамъ ариѳметики, алгебры, геометріи, механики. Невѣроятной, почти чудесной казалась учителю легкость, съ которой ученикъ схватывалъ все на лету, какъ будто вспоминая то, чтò и прежде зналъ самъ, безъ него.

Дѣдъ смотрѣлъ косо на причуды внука. Не нравилось ему и то, что онъ лѣвша. Это считалось недобрымъ знакомъ. Полагали, что люди, заключающіе договоръ съ дьяволомъ, колдуны и чернокнижники, родятся лѣвшами. Неприязненное чувство къ ребенку усилилось въ сэръ-Антоніо, когда опытная знахарка изъ Фальтуньяно увѣрила его, что старуха съ Монте-Альбано, изъ глухого мѣстечка Форнелло, которой принадлежала черная коза, кормилица Нардо,—была вѣдьмою. Легко могло статься, что колдунья, въ угоду дьяволу, очаровала молоко Нардовой козы.

„Что правда, то правда,—думалъ дѣдъ.—Какъ волка ни корми, все въ лѣсъ глядитъ. Ну, да видно, воля Господня. Въ семьѣ не безъ урода".

Съ нетерпѣніемъ ждалъ старикъ, чтобы любимый сынъ Пьеро осчастливилъ его рожденіемъ законнаго внука, достойнаго наслѣдника, ибо Нардо былъ какъ бы случайный подкидышъ, воистину „незаконнорожденный" въ этой семьѣ.

Жители Монте-Альбано разсказывали объ одной особенности тѣхъ мѣстъ, нигдѣ болѣе не встрѣчавшейся,—бѣлой окраскѣ многихъ растеній и животныхъ: тотъ, кто не видѣлъ собственными глазами, не повѣрилъ бы этимъ разсказамъ; но путнику, бродившему по Альбанскимъ рощамъ и лугамъ, хорошо извѣстно было, что, въ самомъ дѣлѣ, попадались тамъ нерѣдко бѣлыя фіалки, бѣлая земляника, бѣлые воробьи и даже въ гнѣздахъ черныхъ дроздовъ бѣлые птенчики. Вотъ почему,—увѣряли обитатели Винчи,—вся эта гора еще въ незапамятной древности получила названіе „Бѣлой"—Монте „Альбано".

Маленькій Нардо былъ однимъ изъ чудесъ Бѣлой Горы,—уродомъ въ добродѣтельной и будничной семьѣ флорентинскихъ нотаріусовъ,—бѣлымъ птенцомъ въ гнѣздѣ черныхъ дроздовъ.

V.

Когда мальчику исполнилось тринадцать лѣтъ, отецъ взялъ его изъ Винчи въ свой домъ во Флоренцію. Съ тѣхъ поръ Леонардо рѣдко посѣщалъ родину.

Отъ 1494 года,—въ это время былъ онъ на службѣ Миланскаго герцога,—въ одномъ изъ дневниковъ художника сохранилась краткая и, по обыкновенію, загадочная запись:

„Катерина прибыла 16 іюля 1493 года".

Можно подумать, что рѣчь шла о служанкѣ, принятой въ домъ по хозяйственной надобности. На самомъ дѣлѣ это была мать Леонардо.

Послѣ кончины мужа, Акваттабриги ди Пьеро дель Вакка, Катерина, чувствуя, что и ей остается жить недолго, пожелала передъ смертью увидѣть сына.

Присоединившись къ странницамъ, которыя отправлялись изъ Тосканы въ Ломбардію для поклоненія мощамъ св. Амвросія и честнѣйшему Гвоздю Господню, пришла она въ Миланъ. Леонардо принялъ ее съ благоговѣйною нѣжностью.

Онъ по прежнему чувствовалъ себя съ нею маленькимъ Нардо, какимъ, бывало, тайно ночью съ босыми ножками прибѣгалъ и, забравшись въ постель, подъ одѣяло, прижимался къ ней.

Старушка, послѣ свиданія съ сыномъ, хотѣла вернуться въ родное селеніе, но онъ удержалъ ее, нанялъ ей и заботливо устроилъ покойную келью въ сосѣднемъ женскомъ монастырѣ Санта-Кьяра у Верчельскихъ Воротъ. Она заболѣла, слегла, но упорно отказывалась перейти къ нему въ домъ, чтобы не причинить безпокойства. Онъ помѣстилъ ее въ лучшей, построенной герцогомъ Франческо Сфорца, похожей на великолѣпный дворецъ, больницѣ Милана, Оспедале Маджіоре и навѣщалъ каждый день. Въ по-

слѣдніе дни болѣзни не отходилъ отъ нея вовсе. А между тѣмъ никто изъ друзей, даже изъ учениковъ не зналъ о пребываніи Катерины въ Миланѣ. Въ дневникахъ своихъ онъ почти не говорилъ о ней. Только разъ упомянулъ о Катеринѣ, и то вскользь, по поводу любопытнаго, какъ онъ выражался, „сказочнаго“ лица одной молодой дѣвушки, измученной тяжкимъ недугомъ, которую наблюдалъ въ то самое время, въ той самой больницѣ, гдѣ мать его умирала:

„Giovannina—viso fantastico—sta, asca Chaterina, allospedale“.

Джіованнина,—сказочное лицо,—спроси Катерину, въ больницѣ“.

Когда въ послѣдній разъ прикоснулся онъ губами къ ея холодѣющей рукѣ, ему казалось, что этой бѣдной поселянкѣ изъ Винчи, смиренной обитательницѣ горъ, обязанъ онъ всѣмъ, что есть у него. Онъ почтилъ ее великолѣпными похоронами, какъ будто Катерина была не скромною служанкою Анкіанскаго кабачка, а знатною женщиной. Съ такою же точностью, унаслѣдованною отъ отца нотаріуса, съ какою, бывало, безъ всякой нужды, записывалъ цѣны пуговицъ, серебряныхъ галуновъ и розоваго атласа для новаго наряда Андрэа Салаино, записалъ онъ и счетъ похоронныхъ издержекъ:

Spese per la mor,—sotteratura di Chaterina 27 flor.

Расходы по смерти,—погребенію Катерины	27	флорин.
Воску два фунта	18	„
За катафалкъ.	12	„
За несеніе и водруженіе креста. . . .	4	„
За несеніе тѣла.	8	„
За 4-хъ священниковъ и 4-хъ клириковъ.	20	„
За колокольный звонъ.	2	„
Могильщикамъ	16	„
За разрѣшеніе—чиновникамъ.	1	„
Итого. . .	106	флорин.

Прежнихъ расходовъ:

За медика.	4	флорин.
Сахару и свѣчей	12	„
Итого. . .	122	флорин.

Черезъ шесть лѣтъ, въ 1500 году, въ Миланѣ, уже послѣ гибели Моро, укладывая вещи передъ отъѣздомъ во Флоренцію, нашелъ онъ въ одномъ изъ шкаповъ своихъ тщательно перевязанный, небольшой узелокъ. Это былъ сельскій гостинецъ, принесенный ему изъ Винчи Катериною,—двѣ рубахи грубаго сѣ-

раго холста, тканаго ея собственными руками, и три пары чулокъ изъ козьяго пуха, тоже самодѣльныя. Онъ не надѣвалъ ихъ, потому что привыкъ къ дорогому тонкому бѣлью. Но теперь, вдругъ увидѣвъ этотъ узелокъ, забытый среди научныхъ книгъ, математическихъ приборовъ и машинъ, почувствовалъ, какъ сердце наполнилось жалостью.

Впослѣдствіи, во время долголѣтнихъ, одинокихъ и унылыхъ скитаній изъ края въ край, изъ города въ городъ, никогда не забывалъ онъ брать съ собою ненужный, бѣдный узелокъ съ чулками и рубахами, и каждый разъ, пряча его отъ всѣхъ, стыдливо и старательно укладывалъ съ тѣми вещами, которыя были ему наиболѣе дороги.

VI.

Эти воспоминанія проносились въ душѣ Леонардо, когда по крутой, знакомой съ дѣтства, тропинкѣ всходилъ онъ на Монте-Альбано.

Подъ уступомъ скалы, гдѣ меньше было вѣтра, онъ присѣлъ на камень отдохнуть, и оглянулся: малорослые, неопадающіе, корявые дубы съ прошлогодними сухими листьями, мелкіе пахучіе цвѣты тускло-зеленаго вереска, который здѣшніе поселяне называли „скопа“—„метелка“, блѣдныя дикія фіалки, и надо всѣмъ неуловимый свѣжій запахъ, не то полыни, не то весны, не то какихъ-то горныхъ невѣдомыхъ травъ. Волнистые горизонты уходили, понижаясь къ долинѣ Арно. Направо возносились голыя каменныя горы съ извилистыми тѣнями, змѣевидными трещинами и сѣро-лиловыми пропастями. У самыхъ ногъ его, Анкіано бѣлѣло на солнцѣ. Глубже въ долинѣ, къ заостренно-круглому холму лѣпилось маленькое, похожее на осиный улей, селеніе Винчи, съ башнею крѣпости, такою же острою и черною, какъ два кипариса на Анкіанской дорогѣ.

Ничто не измѣнилось. Казалось, вчера еще карабкался онъ по этимъ тропинкамъ. И теперь, какъ сорокъ лѣтъ назадъ, росла здѣсь обильная „скопа“ и бѣловатыя фіалки; сухо шелестѣли дубы сморщенными, темно-коричневыми листьями; сумрачно синѣло Монте-Альбано, и такое же все кругомъ было простое, тихое, бѣдное, блѣдное, напоминающее Сѣверъ. А между тѣмъ сквозь эту тишину и блѣдность порою тонкая, едва уловимая прелесть благороднѣйшей въ мірѣ земли, нѣкогда древней Этруріи, нынѣ Тосканы, вѣчно весенней земли Возрожденія, сквозила, подобная странной и нѣжной улыбкѣ, въ строгомъ, почти сурово-прекрасномъ лицѣ молодой поселянки изъ Винчи, Леонардовой матери.

Онъ всталъ и пошелъ дальше круто подымавшеюся въ гору тропинкою. Чѣмъ выше, тѣмъ холоднѣе и злѣе становился вѣтеръ.

Опять воспоминанія обступили его,—теперь о первыхъ годахъ юности.

VII.

Дѣла нотаріуса сэръ-Пьеро да Винчи процвѣтали. Ловкій, веселый и добродушный, одинъ изъ тѣхъ, у которыхъ въ жизни все идетъ, какъ по маслу, которые сами живутъ и другимъ жить не мѣшаютъ,—умѣлъ онъ ладить со всѣми. Въ особенности лица духовнаго званія благоволили къ нему. Сдѣлавшись довѣреннымъ богатаго монастыря святѣйшей Аннунціаты и многихъ другихъ богоугодныхъ учрежденій, сэръ-Пьеро округлялъ свое имущество, пріобрѣталъ новые участки, дома, виноградники въ окрестностяхъ Винчи, не измѣняя прежняго скромнаго образа жизни, согласно съ житейскою мудростью сэръ-Антоніо. Только на украшенія церквей охотно жертвовалъ и, заботясь о чести рода, положилъ могильную плиту на семейную гробницу Винчи во Флорентинской Бадіи.

Когда умерла первая жена его, Альбьера Амадори, быстро утѣшившись, тридцативосьмилѣтній вдовецъ женился на совсѣмъ молоденькой прелестной дѣвушкѣ, почти ребенкѣ, Франческѣ ди сэръ-Джіованни Ланфредини. Дѣтей и отъ второй жены у него было. Въ это время Леонардо жилъ съ отцомъ во Флоренціи, въ нанимаемомъ у нѣкоего Микеле Брандолини домѣ, на площади Санъ-Фиренце, близь Палаццо Веккіо. Сэръ-Пьеро намѣревался незаконнорожденному первенцу своему дать хорошее воспитаніе, не жалѣя денегъ, чтобы, можетъ быть, впослѣдствіи, за неимѣніемъ законныхъ дѣтей, сдѣлать его наслѣдникомъ,—тоже, конечно, флорентинскимъ нотаріусомъ, какъ и всѣ старшіе сыновья въ родѣ Винчи.

Во Флоренціи жилъ тогда знаменитый естествоиспытатель, математикъ, физикъ и астрономъ Паоло даль Поццо Тосканелли. Онъ обратился къ Христофору Колумбу съ письмомъ, въ которомъ вычисленіями доказывалъ, что морской путь въ Индію черезъ страны антиподовъ не такъ далекъ, какъ предполагаютъ, ободрялъ къ путешествію и предрекалъ успѣхъ. Безъ помощи и напутствія Тосканелли, Колумбъ не совершилъ бы своего открытія. Великій мореплаватель былъ только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ неподвижнаго созерцателя,—исполнилъ то, что было задумано и разсчитано въ уединенной кельѣ флорентинскаго ученаго. Въ сторонѣ отъ блестящаго двора Лоренцо Медичи, отъ изящныхъ и безплодныхъ болтуновъ-неоплатониковъ, подражателей древности, Тосканелли „жилъ, какъ святой“, по выраженію современниковъ,—молчальникъ, безсребренникъ, постникъ, никогда не вкушавшій отъ мяса, и совершенный дѣвственникъ. Лицо имѣлъ онъ безобразное,

почти отталкивающее; только свѣтлые, тихіе и младенчески простые глаза его были прекрасны.

Когда, однажды, ночью въ 1470 году постучался въ двери дома его у палаццо Питти молодой незнакомецъ, почти мальчикъ, Тосканелли принялъ его сурово и холодно, подозрѣвая въ гостѣ обычное праздное любопытство. Но, вступивъ въ бесѣду съ Леонардо, онъ такъ же, какъ нѣкогда сэръ-Біаджіо да Равенна, пораженъ былъ математическимъ геніемъ юноши. Сэръ-Паоло сдѣлался его учителемъ. Въ ясныя лѣтнія ночи подымались они на одинъ изъ холмовъ близь Флоренціи, Поджіо-аль-Пино, покрытый верескомъ, пахучимъ можжевельникомъ и смолистыми черными соснами, гдѣ полуразвалившаяся отъ ветхости, деревянная сторожка служила обсерваторіей великому астроному. Онъ разсказывалъ ученику все, что зналъ самъ о законахъ природы.

Въ этихъ бесѣдахъ Леонардо почерпнулъ вѣру въ новое, еще невѣдомое людямъ, могущество знанія.

Отецъ не стѣснялъ его, только совѣтовалъ выбрать какое-либо доходное занятіе. Видя, что онъ постоянно лѣпитъ или рисуетъ, сэръ-Пьеро отнесъ нѣкоторыя изъ этихъ работъ старому пріятелю своему, золотыхъ дѣлъ мастеру, живописцу и скульптору Андрэа дэль Вероккіо.

Вскорѣ Леонардо поступилъ къ нему въ мастерскую на выучку.

VIII.

Вероккіо, сынъ бѣднаго кирпичника, родился въ 1435 году,— слѣдовательно, былъ старше Леонардо на семнадцать лѣтъ.

Когда, съ очками на носу и съ лупой въ рукахъ, сидѣлъ онъ за прилавкомъ въ полутемной мастерской—„боттегѣ“ своей, недалеко отъ Понте Веккіо, въ одномъ изъ тѣхъ старинныхъ, покосившихся домиковъ, съ гнилыми подпорками, стѣны которыхъ купаются въ мутно-зеленыхъ водахъ Арно,—сэръ-Андрэа былъ скорѣе похожъ на обыкновеннаго флорентинскаго лавочника, чѣмъ на великаго художника. Лицо имѣлъ неподвижное, плоское, бѣлое, круглое и пухлое, съ двойнымъ подбородкомъ. Лишь въ тонкихъ, плотно сжатыхъ губахъ и въ пронзительно-остромъ, какъ игла, взорѣ крошечныхъ глазъ виденъ былъ умъ, холодный, точный и безстрашно-любопытный.

Своимъ учителемъ Андрэа считалъ древняго мастера Паоло Учелло. Разсказывали, что, занимаясь отвлеченной математикой, которую онъ примѣнялъ къ искусству, и головоломными задачами перспективы, презрѣнный и покинутый всѣми, Учелло впалъ въ нищету и едва не сошелъ съ ума. Цѣлые дни проводилъ онъ безъ

пищи, цѣлыя ночи безъ сна. Порою, лежа въ постели съ открытыми глазами въ темнотѣ, будилъ жену восклицаніемъ:

— О, сколь сладостная вещь—перспектива!

Онъ умеръ, осмѣянный и непонятый.

Вероккіо такъ же, какъ Учелло, полагалъ математику общею основою искусства и науки, говорилъ, что геометрія, будучи частью математики, „матери всѣхъ наукъ“, есть въ то же время „мать рисунка—отца всѣхъ искусствъ“. Совершенное знаніе и совершенное наслажденіе красотою было для него одно и то же. Когда встрѣчалъ онъ рѣдкое по уродству или прелести лицо или другую часть тѣла человѣческаго, то не отворачивался съ брезгливостью, не забывался въ мечтательной нѣгѣ, подобно такимъ художникамъ, какъ Сандро Боттичелли, а изучалъ, дѣлалъ анатомическіе слѣпки изъ гипса,—чего никто изъ мастеровъ не дѣлалъ до него. Съ безконечнымъ терпѣніемъ, сравнивалъ, мѣрилъ, испытывалъ, предчувствуя въ законахъ красоты законы математической необходимости. Еще неутомимѣе, чѣмъ Сандро, искалъ новой прелести,—но не въ чудѣ, не въ сказкѣ, не въ соблазнительныхъ сумеркахъ, гдѣ Олимпъ сливается съ Голгоѳою,—какъ Сандро,—а въ такомъ проникновеніи въ тайны природы, на какое не дерзалъ еще никто, ибо не чудо было для Вероккіо истиной, а истина—чудомъ.

Въ тотъ день, какъ сэръ-Пьеро да Винчи привелъ къ нему въ мастерскую своего восемнадцатилѣтняго сына, участь обоихъ была рѣшена. Андрэа сдѣлался не только учителемъ, но и ученикомъ ученика своего, Леонардо.

Въ картинѣ, заказанной Вероккіо монахами Валломброзы, изображавшей Крещеніе Спасителя, Леонардо написалъ колѣнопреклоненнаго ангела. Все, что Вероккіо смутно предчувствовалъ, чего искалъ онъ ощупью, какъ слѣпой,—Леонардо увидѣлъ, нашелъ и воплотилъ въ этомъ образѣ. Впослѣдствіи разсказывали, будто бы учитель, приведенный въ отчаяніе тѣмъ, что мальчикъ превзошелъ его,—отказался отъ живописи. На самомъ дѣлѣ вражды между ними не было. Они дополняли другъ друга. Ученикъ обладалъ тою легкостью, которою природа не одарила Вероккіо, учитель—тѣмъ сосредоточеннымъ упорствомъ, котораго недоставало слишкомъ разнообразному и непостоянному Леонардо. Не завидуя, не соперничая, они часто сами не знали, кто у кого заимствуетъ.

Въ это время Вероккіо отливалъ изъ мѣди Христа съ Ѳомою для Оръ-Санъ-Микеле.

На смѣну райскимъ видѣніямъ фра Беато Анжелико и сказочному бреду Сандра Баттичелли, — впервые въ образѣ Ѳомы, влагающаго пальцы въ язвы Господа, явилось людямъ еще не-

бывалое на землѣ дерзновеніе человѣка передъ Богомъ,—испытующаго разума передъ чудомъ.

IX.

Первымъ произведеніемъ Леонардо былъ исполненный кистью на картонѣ, свѣтлою и темною краскою рисунокъ для шелковой завѣсы, тканой золотомъ во Фландріи, подарка флорентинскихъ гражданъ королю Португаллін. Рисунокъ изображалъ грѣхопаденіе Адама и Евы. Суставы въ колѣнчатомъ кругломъ стволѣ одной изъ райскихъ пальмъ изображены были съ такимъ совершенствомъ, что, по словамъ очевидца, „умъ помрачался при мысли о томъ, какъ могло быть у человѣка столько терпѣнія“. Женоподобный ликъ Демона-Змѣя дышалъ соблазнительной прелестью, и, казалось, слышались слова его:

„Нѣтъ, не умрете, но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вкусите ихъ, откроются глаза ваши, и вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло“.

И жена протягивала руку къ Дереву Познанія, съ тою же улыбкою дерзновеннаго любопытства, съ которою въ изваяніи Вероккіо Ѳома Невѣрный влагалъ персты свои въ язвы Распятаго.

Однажды, сэръ-Пьеро, по порученію сосѣда своего, поселянина изъ Винчи, услугами котораго пользовался для рыбной ловли и охоты, попросилъ Леонардо изобразить что-либо на кругломъ деревянномъ щитѣ, такъ-называемой „ротеллѣ“. Подобные щиты съ аллегорическими картинами и надписями употреблялись для украшенія домовъ.

Художникъ задумалъ изобразить на ротеллѣ чудовище, которое внушало бы зрителю ужасъ, подобно головѣ Медузы.

Въ комнату, куда никто не входилъ, кромѣ него, собралъ онъ ящерицъ, змѣй, сверчковъ, пауковъ, сороконожекъ, ночныхъ бабочекъ, скорпіоновъ, летучихъ мышей и множество другихъ безобразныхъ животныхъ. Выбирая, соединяя, увеличивая разныя части ихъ тѣлъ, образовалъ онъ сверхъестественное чудовище, не существующее и дѣйствительное, — постепенно вывелъ то, чего нѣтъ, изъ того, что есть, съ такою же ясностью, съ какою Евклидъ или Пиѳагоръ выводятъ одно положеніе геометріи изъ другого.

Видно было, какъ животное выползаетъ изъ разщелины утеса, и казалось, слышно, какъ шуршитъ по землѣ кольчатымъ черноблестящимъ, скользкимъ брюхомъ. Зіяющая пасть выхаркивала смрадное дыханіе, очи—пламя, ноздри—дымъ. Но всего изумительнѣе было то, что ужасъ этаго чудовища плѣнялъ и притягивалъ къ нему, подобно прелести.

Цѣлые дни и ночи проводилъ Леонардо въ запертой комнатѣ, гдѣ такъ заражало воздухъ невыносимое зловоніе издохшихъ гадовъ, что трудно было дышать. Но, въ другое время, чрезмѣрно, почти изнѣженно-чувствительный ко всякому дурному запаху, теперь не замѣчалъ онъ его. Наконецъ, объявилъ отцу, что картина готова и что онъ можетъ взять ее. Когда сэръ-Пьеро пришелъ, Леонардо попросилъ его подождать въ другой комнатѣ, вернулся въ мастерскую, поставилъ картину на деревянный поставъ—„леджіо“, окружилъ ее черной тканью, притворилъ ставни такъ, что одинъ лишь лучъ падалъ прямо на „ротеллу“, и позвалъ сэръ-Пьеро. Тотъ вошелъ, взглянулъ, вскрикнулъ и отступилъ въ ужасѣ. Ему показалось, что онъ видитъ передъ собою дѣйствительное чудовище. Пристальнымъ взоромъ слѣдя, какъ страхъ на лицѣ его смѣняется наслажденіемъ, художникъ молвилъ съ улыбкою:

— Картина достигаетъ цѣли: дѣйствуетъ именно такъ, какъ я того хотѣлъ. Возьмите ее,—она готова.

Въ 1481 году отъ монаховъ Санъ-Донато-а-Скопето получилъ Леонардо заказъ написать запрестольную икону Поклоненія Волхвовъ.

Въ наброскѣ для этой иконы обнаружилъ онъ такое знаніе анатоміи и выраженія человѣческихъ чувствъ въ движеніяхъ тѣла, какого до него не было ни у одного изъ мастеровъ.

Въ глубинѣ картины виднѣются,—какъ бы образы древней эллинской жизни,—веселыя игры, единоборства наѣздниковъ, голыя тѣла прекрасныхъ юношей, пустынныя развалины храма съ полуразрушенными арками и лѣстницами. Въ тѣни оливы на камнѣ сидитъ Матерь Божія съ младенцемъ Іисусомъ и улыбается робкою дѣтскою улыбкою, какъ будто удивляясь тому, что царственные пришельцы невѣдомыхъ странъ приносятъ сокровища,—ладанъ, мирру и золото, всѣ дары земного величія,—въ ясляхъ Рожденному. Усталые, согбенные подъ бременемъ тысячелѣтней мудрости, склоняютъ они свои головы, заслоняя ладонями полуослѣпшія очи, смотрятъ на чудо, которое больше всѣхъ чудесъ,—на явленіе Бога въ человѣкѣ, и падаютъ ницъ передъ Тѣмъ, Кто скажетъ: „истинно, истинно говорю вамъ, ежели не обратитесь и не станете какъ дѣти, не можете войти въ царствіе Божіе“.

Въ этихъ первыхъ двухъ созданіяхъ, Леонардо какъ бы очертилъ весь кругъ своего созерцанія: въ Грѣхопаденіи—змѣиную мудрость въ дерзновеніи разума, въ Поклоненіи Волхвовъ—голубиную простоту въ смиреніи вѣры.

Онъ впрочемъ не кончилъ этой картины, какъ впослѣдствіи не кончалъ почти ни одной изъ своихъ работъ. Въ погонѣ за совершенствомъ недосягаемымъ, создавалъ онъ себѣ трудности,

которыхъ кисть не могла одолѣть: „утоленію, по слову Петрарки, мѣшала чрезмѣрность желанія".

Вторая жена сэръ-Пьеро, мадонна Франческа, умерла въ молодыхъ годахъ. Онъ женился въ третій разъ на Маргеритѣ, дочери сэръ-Франческо-ди-Джьякопо-ди-Гульельмо, взявъ за нею въ приданое 365 флориновъ. Мачиха не взлюбила Леонардо, особенно съ тѣхъ поръ, какъ осчастливила мужа рожденіемъ двухъ сыновей, Антоніо и Джульяно.

Леонардо былъ расточителенъ. Сэръ-Пьеро, хотя и не щедро, помогалъ ему. Мона Маргерита поѣдомъ ѣла мужа за то, что онъ отнимаетъ имущество у законныхъ наслѣдниковъ и „отдаетъ подкидышу, пащенку, питомцу вѣдьминой козы", какъ называла она Леонардо.

Среди товарищей въ боттегѣ Вероккіо и въ другихъ мастерскихъ было у него также много враговъ. Одинъ изъ нихъ, ссылаясь на необычайную дружбу между учителемъ и ученикомъ, составилъ безъимянный доносъ, гдѣ обвинялъ ихъ въ содоміи. Клевета пріобрѣтала подобіе вѣроятія, благодаря тому, что молодой Леонардо, будучи прекраснѣйшимъ изъ юношей Флоренціи, удалялся отъ женщинъ. „Во всей его наружности,—говорилъ современникъ,—было такое сіяніе красоты, что при видѣ его всякая печальная душа прояснялась".

Въ томъ же году, покинувъ мастерскую Вероккіо, онъ поселился одинъ. Тогда уже ходили слухи и объ „еретическихъ мнѣніяхъ", о „безбожіи" Леонардо. Пребываніе во Флоренціи становилось для него все болѣе тягостнымъ.

Сэръ-Пьеро доставилъ сыну выгодный заказъ у Лоренцо Медичи. Но Леонардо не съумѣлъ ему угодить. Отъ своихъ приближенныхъ требовалъ Лоренцо прежде всего, хотя и высшаго, утонченнаго, но все же подобострастнаго поклоненія. Слишкомъ смѣлыхъ, необычайныхъ и свободныхъ людей не долюбливалъ.

Тоска бездѣйствія овладѣвала Леонардо. Онъ даже вступилъ было въ тайные переговоры съ однимъ вельможею—„діодаріемъ" Сирійскимъ черезъ посольство египетскаго султана Каитъ-бея, которое прибыло въ то время во Флоренцію,—чтобы поступить на службу къ діодарію главнымъ строителемъ, хотя зналъ, что для этого долженъ былъ отречься отъ Христа и перейти въ мусульманскую вѣру.

Ему было все равно куда, только бы прочь изъ Флоренціи. Онъ чувствовалъ, что погибнетъ, если останется въ ней.

Случай спасъ его. Онъ изобрѣлъ многострунную серебряную лютню, на подобіе лошадинаго черепа. Лоренцо Великолѣпному, большому любителю музыки, понравился необычайный видъ и звукъ этой лютни. Онъ предложилъ изобрѣтателю поѣхать въ Миланъ,

чтобы поднести ее въ даръ герцогу Ломбардіи Лодовико Сфорца Моро.

Въ 1482 году, тридцати лѣтъ отъ роду, Леонардо покинулъ Флоренцію и отправился въ Миланъ, не въ качествѣ художника или ученаго, а только придворнаго музыканта,—„sonatore di lira“. Передъ отъѣздомъ, послалъ онъ письмо герцогу Моро:

„Изучивъ и обсудивъ, Синьоръ мой Славнѣйшій, работы нынѣшнихъ изобрѣтателей военныхъ машинъ, я нашелъ, что въ нихъ нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы онѣ отличались отъ находящихся во всеобщемъ употребленіи. А посему рѣшаюсь обратиться къ Вашей Свѣтлости, дабы открыть ей тайны моего искусства“.

Онъ перечислялъ свои изобрѣтенія: мосты, чрезвычайно легкіе, удобопереносимые, несгораемые; новый способъ разрушать, безъ помощи бомбардъ, всякую крѣпость или замокъ, ежели только основанія ихъ не высѣчены въ камнѣ; подземные ходы и подкопы, пролагаемые безшумно и быстро подъ рвами и рѣками; крытыя повозки, врѣзающіяся во вражій строй, такъ что никакія силы не могутъ имъ противиться; бомбарды, пушки, мортиры, пассаволанты новаго „весьма прекраснаго и полезнаго устройства“; осадные тараны, исполинскіе метательные снаряды и другія орудія „дѣйствія изумительнаго, необычайнаго“; и для каждаго отдѣльнаго случая — изобрѣтеніе новыхъ машинъ; также для морскихъ сраженій—всевозможное оборонительное и наступательное оружіе,—корабли, стѣны которыхъ выдерживаютъ каменныя и чугунныя ядра, никому неизвѣстные взрывчатые составы.

„Въ мирное время,—заключалъ онъ,—надѣюсь удовлетворить Вашу Свѣтлость въ зодчествѣ, въ сооруженіи частныхъ и общественныхъ зданій, въ устройствѣ каналовъ и водопроводовъ.

„Также въ искусствѣ ваянія изъ мрамора, мѣди, глины, и въ живописи могу исполнить, какіе угодно, заказы не хуже всякаго другого, кто бы онъ ни былъ.

„И еще могу принять на себя работу по отливкѣ изъ бронзы Коня, долженствующаго быть вѣчною славою блаженной памяти Синьора Вашего Отца и всего знаменитѣйшаго дома Сфорца.

„И ежели какія-либо изъ вышеозначенныхъ изобрѣтеній покажутся невѣроятными, предлагаю сдѣлать опыты въ Паркѣ Вашего Замка или во всякомъ другомъ мѣстѣ, которое угодно будетъ назначить Вашей Свѣтлости, милостивому вниманію коей поручаетъ себя Вашего Высочества всепокорнѣйшій слуга

Леонардо да Винчи“.

Когда надъ зеленою равниною Ломбардіи увидѣлъ онъ впервые снѣжныя вершины Альпъ,—онъ почувствовалъ, что начинается новая жизнь, и что эта чужая земля будетъ для него родною.

X.

Такъ, подымаясь на Монте-Альбано, вспоминалъ Леонардо полвѣка своей жизни.

Онъ уже близокъ былъ къ вершинѣ Бѣлой Горы,—къ перевалу. Теперь тропинка шла вверхъ прямо, безъ извилинъ, между сухимъ кустарникомъ и тощими корявыми дубами съ прошлогодними листьями. Горы, мутно-лиловыя подъ дыханіемъ вѣтра, казались дикими, страшными и пустынными—точно не на землѣ, а на другой планетѣ. Вѣтеръ билъ въ лицо, кололъ его льдистыми иглами, слѣпилъ глаза. Порою камень, сорвавшійся изъ подъ ноги, катился съ гуломъ въ пропасть.

Онъ подымался все выше и выше—и странная, знакомая съ дѣтства, отрада была въ этомъ усиліи подъема, какъ будто побѣждалъ онъ суровыя, нахмуренныя горы, облитыя вѣтромъ, и съ каждымъ шагомъ взоръ становился длиннѣе, острѣе, необъятнѣе, потому что съ каждымъ шагомъ даль открывалась все шире и шире.

Весны уже не было: на деревьяхъ—ни почки; даже трава едва зеленѣла. Пахло только пронзительно-влажными мхами. А еще выше,—тамъ, куда онъ шелъ,—были одни камни и блѣдное небо. Противоположной долины, гдѣ находилась Флоренція,—не было видно. Но все необозримое пространство къ Эмполи разстилалось передъ глазами: сначала—горы, холодныя мутно-лиловыя, съ широкими тѣнями, уступами и провалами; потомъ—безконечныя волны холмовъ, отъ Ливорно черезъ Кастеллину-Маритиму и Вольтеранно до Санъ-Джиминьяно. И вездѣ—пространство, пустота, воздушность,—какъ будто узкая тропинка уходила изъ подъ ногъ, и медленно, съ неощутимою плавностью, летѣлъ онъ надъ этими волнистыми, падающими далями на исполинскихъ крыльяхъ. Здѣсь крылья казались естественными, нужными, и то, что ихъ нѣтъ, вызывало въ душѣ удивленіе и страхъ, какъ у человѣка, сразу лишившагося ногъ.

Онъ вспомнилъ, какъ, будучи ребенкомъ, слѣдилъ за полетомъ журавлей и, когда долетало до него чуть слышное курлыканье, какъ будто призывъ—полетимъ! полетимъ!—плакалъ отъ зависти. Вспомнилъ, какъ выпускалъ скворцовъ и малиновокъ тайкомъ изъ дѣдушкиныхъ клѣтокъ, любуясь радостью освобожденныхъ плѣнницъ; какъ однажды школьный учитель-монахъ разсказалъ ему о сынѣ Дедала, Икарѣ, который задумалъ летѣть, на крыльяхъ, сдѣланныхъ изъ воска, упалъ и погибъ, и какъ впослѣдствіи, на вопросъ учителя, кто самый великій изъ героевъ древности, онъ отвѣтилъ безъ колебанія: „Икаръ, сынъ Дедала". Вспомнилъ также свое удивленіе и радость, когда въ первый разъ на „Кампа-

нилле“, колокольнѣ флорентинскаго собора Маріи-дэль-Фіоре, среди барельефовъ Джіотто, изображавшихъ всѣ искусства и науки, увидѣлъ смѣшного, неуклюжаго человѣка, летящаго механика Дедала, съ головы до ногъ покрытаго птичьими перьями. Было у него и еще одно воспоминаніе самаго перваго дѣтства,— изъ тѣхъ, которыя кажутся другимъ нелѣпыми, а тому, кто хранитъ ихъ въ душѣ,—полными пророческою тайною, какъ вѣщіе сны.

„Должно быть, подробно писать о Коршунѣ—судьба моя,— говорилъ онъ объ этомъ воспоминаніи въ одномъ изъ дневниковъ,— ибо, помню, однажды, въ раннемъ дѣтствѣ, снилось мнѣ, что я лежу въ колыбели, и нѣкій Коршунъ прилетѣлъ ко мнѣ, и открылъ мнѣ уста, и много разъ провелъ по нимъ своими перьями, какъ бы въ знакъ того, что всю жизнь я буду говорить о крыльяхъ“.

Пророчество исполнилось. Человѣческія Крылья стали послѣднею цѣлью всей его жизни.

И теперь опять, на томъ же склонѣ Бѣлой Горы, какъ ребенку сорокъ лѣтъ назадъ, нестерпимою обидою и невозможностью казалось ему то, что люди—безкрылы.

„Кто знаетъ все, тотъ можетъ все,—думалъ Леонардо.—Только бы знать,—и Крылья будутъ“.

XI.

На одномъ изъ послѣднихъ поворотовъ тропинки почувствовалъ онъ, что кто-то схватилъ его сзади за край одежды,—обернулся и увидѣлъ ученика своего, Джіованни Бельтраффіо.

Зажмуривъ глаза, наклонивъ голову, придерживая рукою шляпу, Джіованни боролся съ вѣтромъ. Видно было, что давно уже кричалъ онъ и звалъ его, но вѣтромъ относило голосъ. Когда же учитель обернулся,—на этой пустынной мертвой высотѣ,—съ развѣвающимися, длинными волосами, съ длинной бородой, откинутой вѣтромъ за плечи, съ выраженіемъ непреклонной, какъ бы безпощадной воли и мысли въ глазахъ, въ глубокихъ морщинахъ лба, въ сурово сдвинутыхъ бровяхъ,—лицо Леонардо показалось ученику такимъ чужимъ и страшнымъ, что онъ едва узналъ его. Широкія, бившіяся по вѣтру, складки темно-краснаго плаща походили на крылья исполинской птицы.

— Только что изъ Флоренціи..—кричалъ Джіованни изо всѣхъ силъ, но въ шумѣ вѣтра крикъ его казался шопотомъ, и можно было разобрать только отдѣльныя слова: „письмо... важное... велѣно передать... сейчасъ...“

Леонардо понялъ, что получено письмо отъ Цезаря Борджіа.

Джіованни передалъ его учителю. Художникъ узналъ почеркъ мессэра Агапито, секретаря герцога.

— Ступай внизъ,—крикнулъ онъ, взглянувъ на посинѣлое отъ холода лицо Джіованни.—Я сейчасъ...

Бельтраффіо началъ спускаться по кручѣ, цѣпляясь за вѣтви кустарниковъ, безпомощно скользя по камнямъ, согнувшись, съежившись,—такой маленькій, хилый и слабый, что вотъ-вотъ, казалось, буря схватитъ и умчитъ его, какъ былинку.

Леонардо смотрѣлъ ему вслѣдъ, и жалобный видъ ученика напомнилъ учителю собственную слабость его,—проклятье безсилья, тяготѣвшее надъ всей его жизнью,—безконечный рядъ неудачъ, безсмысленную гибель Колосса, Тайной Вечери, паденіе механика Астро, несчастія всѣхъ, кто любилъ его, ненависть Чезаре, болѣзнь Джіованни, суевѣрный ужасъ въ глазахъ Майи и страшное, вѣчное одиночество.

„Крылья!—подумалъ онъ.—Неужели и это погибнетъ, какъ все, что я дѣлаю?“

Ему пришли на память слова, которыя больной механикъ Астро шепталъ въ бреду,—отвѣтъ Сына Человѣческаго Тому, кто соблазнялъ Его ужасомъ бездны и восторгомъ полета: „не искушай Господа Бога твоего“.

Онъ поднялъ голову, еще суровѣе сжалъ тонкія губы, сдвинулъ брови и снова сталъ подыматься, побѣждая вѣтеръ и гору.

Тропинка исчезла. Онъ шелъ теперь безъ дороги, по голому камню, гдѣ, можетъ быть, никто никогда не ходилъ до него.

Еще одно усиліе, одинъ послѣдній шагъ,—и онъ остановился на краю обрыва. Дальше идти было некуда, можно было только летѣть. Скала окончилась, оборвалась, и по ту сторону открылась доселѣ невидимая, противоположная бездна. Воздушная, мглистая, мутно-лиловая, зіяла она,—какъ будто внизу, подъ ногами, была не земля, а такое же небо,—пустота, безконечность,—какъ вверху, надъ головою.

Вѣтеръ превратился въ ураганъ, гудѣлъ и грохоталъ въ ушахъ, подобно непрерывному, оглушающему грому,—точно невидимыя, быстрыя, злыя птицы пролетали мимо, рой за роемъ, трепеща и свистя исполинскими крыльями.

Леонардо наклонился, заглянулъ въ бездну, и вдругъ опять, но съ такою силою, какъ еще никогда, знакомое съ дѣтства, чувство естественной необходимости, неизбѣжности человѣческаго полета охватило его.

— Будутъ,—прошепталъ онъ,—будутъ крылья! Не я, такъ другой, все равно,—человѣкъ полетитъ. Духъ не солгалъ,—познавшіе, крылатые—будутъ, какъ боги!

И ему представился царь воздуха, побѣдитель всѣхъ предѣловъ и тяжестей, сынъ человѣческій, во славѣ и силѣ своей, Ве-

ликій Лебедь, летящій на крыльяхъ, исполинскихъ, бѣлыхъ, сверкающихъ, какъ снѣгъ, въ лазури неба.

И душу его наполнила радость, подобная ужасу.

XII.

Когда онъ спускался съ Монте-Альбано, солнце уже близко было къ закату. Кипарисы, подъ густыми желтыми лучами, казались черными какъ уголь, удалявшіяся горы—нѣжными и прозрачными, какъ аметистъ. Вѣтеръ слабѣлъ.

Онъ подошелъ къ Анкіано. Вдругъ, изъ-за поворота, внизу, въ глубокой, уютной долинѣ, похожей на колыбель, открылось маленькое темное селеніе Винчи, —осиный улей, съ острою, какъ черные кипарисы, башнею крѣпости.

Онъ остановился, вынулъ памятную книжку и записалъ:

„Съ Горы, которая получила имя свое отъ Побѣдителя",— „Vinci - vincere" значитъ *побѣждать*, —„предприметъ свой, первый полетъ Великая Птица,— человѣкъ на спинѣ большаго Лебедя, наполняя міръ изумленіемъ, наполняя всѣ книги своимъ безсмертнымъ именемъ.—И вѣчная слава гнѣзду, гдѣ онъ родился!"

Взглянувъ на родное селеніе у подножія Бѣлой Горы, онъ повторилъ:

— Вѣчная слава гнѣзду, гдѣ родился Великій Лебедь.

Письмо Агапито требовало немедленнаго прибытія новаго герцогскаго механика и строителя въ лагерь Цезаря для сооруженія осадныхъ машинъ, къ предстоявшему приступу Фаэнцы.

Черезъ два дня Леонардо выѣхалъ изъ Флоренціи въ Романью къ Цезарю Борджіа.

Д. Мережковскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Проф. А. Ѳ. Брандта.

(*Продолженіе*).

Глава II.

Ростъ человѣческаго тѣла.

Уже a priori можно ожидать, что среди извѣстной большой совокупности людей—скажемъ въ одну или нѣсколько тысячъ человѣкъ—опредѣленное число индивидовъ должно обладать такою-то силою, такою-то емкостью грудной или черепной полости и т. д. Основатель статистики *Кетле* доказалъ это впервые еще въ тридцатыхъ годахъ для роста, каковымъ, спеціально у человѣка называется, какъ извѣстно, разстояніе отъ подошвы до макушки головы. Главнѣйшимъ, основнымъ матеріаломъ послужили ему записи бельгійскихъ рекрутскихъ присутствій; но, кромѣ того, имъ собраны опредѣленія роста и для множества мужскихъ и женскихъ разновозрастныхъ индивидовъ остального народонаселенія.

Закономѣрность въ ростѣ, т. е. длинѣ человѣческаго тѣла, съ полною ясностію видна уже изъ классическихъ сочиненій *Кетле* «Sur l'homme» и «Anthropometrie». Еще нагляднѣе, нежели изъ его таблицъ, она явствуетъ изъ графическихъ изображеній. Особенно прославилась въ этомъ отношеніи его *биноміальная линія*. Она получила свое названіе отъ греческихъ словъ bi, bis дважды, и nómos, употребленнаго въ данномъ случаѣ въ смыслѣ доли, законной части. *Двудольная линія*—изберемъ для нея этотъ русскій терминъ—есть кривая изъ двухъ равныхъ отрѣзковъ, восходящаго (рис. 6 слѣва) и нисходящаго (справа). Линія проведена черезъ точки пересѣченія горизонталей (абсцисъ) съ вертикалями (ординатами). На абсциссахъ, въ данномъ случаѣ фактически на нижней изъ нихъ, намѣчены различные росты, выраженные въ футахъ и дюймахъ; по серединѣ помѣщенъ средній ростъ—5 ф. 8 д. Слѣва отъ этой цифры обозначены черточками цифры роста, убываю-

*) См. «Міръ Божій», іюнь.

щія все на одинъ дюймъ, до 4 ф. 8 д.; справа же цифры такимъ же образомъ прибывающія до максимума въ 6 ф. 8 д. На ординатахъ, изъ коихъ на нашемъ рисункѣ вычерчены только три, предполагаются, на соотвѣтственныхъ высотахъ, цифры отъ 0 до 160, выставленныя сбоку чертежа. Эти цифры обозначаютъ частоту разныхъ ростовъ. Такимъ образомъ представленная тутъ биноміальная линія наглядно показыветъ, что средній ростъ въ 5 ф. 8 д., отстоящій ровно на 1 ф. какъ отъ максимума (6 ф. 8 д.), такъ и отъ минимума (4 ф. 8 д.), оказался наиболѣе частымъ (160 разъ) среди большого количества взрослыхъ мужчинъ; затѣмъ почти одинаково часто (150 разъ) встрѣчаются люди, ростъ которыхъ на одинъ дюймъ ниже и выше средней нормы и т. д. Чѣмъ дальше отъ средней нормы, тѣмъ быстрѣе падаетъ соотвѣтственное число представителей.

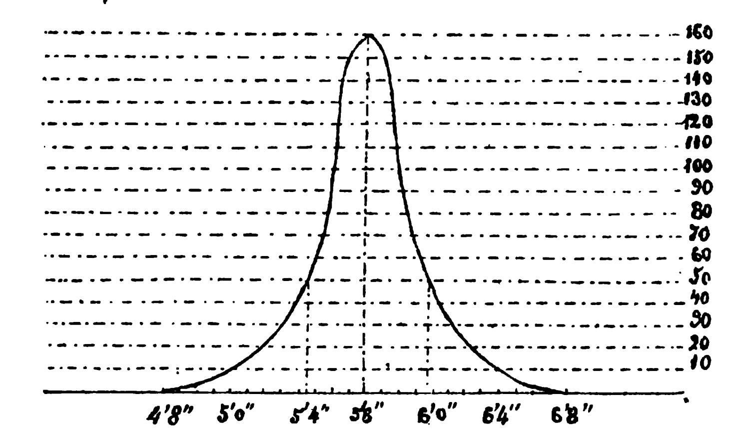


Рис. 6. Биноміальная линія.

Нормальный средній ростъ взрослаго мужчины, намѣченный на биноміальной линіи для бельгійцевъ, относится и къ остальнымъ культурнымъ народамъ Европы: колебанія въ частности тутъ незначительны. Повседневными наблюденіями установлено неопровержимо, что женщина вообще меньшаго роста, чѣмъ мужчины. Изъ цифровыхъ данныхъ какъ *Кетле*, такъ и новѣйшихъ авторовъ, разница въ ростѣ двухъ половъ выражается въ среднемъ 10 сантиметрами, т.-е., приблизительно 2 вершками. Величина эта, положимъ, и небольшая, но тѣмъ не менѣе она составляетъ полголовы и, благодаря, нашей привычкѣ наблюдать и различать людей, бросается въ глаза. Особенно разительной она является въ томъ случаѣ, если женщина наряжается въ мужской костюмъ: при этихъ условіяхъ актрисы, даже выше средняго женскаго роста, поражаютъ зрителя своей малорослостью.

Сообразно меньшему росту, объемъ и вѣсъ, до извѣстной степени — также и сила женщины, въ среднемъ меньше; именно *въ среднемъ*, такъ

какъ индивидуальныя отклоненія какъ у того, такъ и у другого пола колеблются въ предѣлахъ, далеко превосходящихъ тѣ 10 сантиметровъ, которые составляютъ среднюю разность роста мужчины и женщины. Не безъинтересно попутно отмѣтить, что преобладаніе самцовъ надъ самками по объему— явленіе, общее для всѣхъ млекопитающихъ животныхъ: болѣе рослые и сильные самцы оберегаютъ самокъ отъ постороннихъ посягательствъ и нападеній. Въ общемъ то же самое повторяется и у птицъ; только у хищныхъ мы видимъ странное явленіе, что самки, примѣрно, на одну треть превосходятъ величиною самцовъ. У животныхъ безпозвоночныхъ-же преобладаніе, по своимъ размѣрамъ, особей женскаго пола далеко не рѣдкость. Примѣрами тому служатъ комнатныя мухи, многія другія насѣкомыя, ракообразныя, круглыя глисты, нѣкоторые другіе черви, коловратки. Въ иныхъ случаяхъ дѣло доходитъ до того, что самцы представляются даже карликовыми, микроскопическими, иногда живущими какъ бы паразитами на тѣлѣ или внутри тѣла самки. Во всѣхъ такихъ случаяхъ преобладающая величина самки основана на большой плодовитости, на производствѣ ею очень многочисленныхъ или особенно крупныхъ яицъ. Эта попутная экскурсія въ область чистой зоологіи даетъ намъ нѣкоторое мѣрило сравнительной оцѣнки антропологическаго факта.

Издавна въ жизни человѣка различаютъ три періода: періодъ *развитія*, или *эволюціи* (Evolutio), періодъ *расцвѣта* (Acme) и періодъ *упадка*, или *обратнаго развитія*, *инволюціи* (Involutio). Періоды эти не строго разграничены уже потому, что тѣлесныя, да и психическія, перемѣны не всѣ идутъ равномѣрно. Начало эволюціоннаго періода совпадаетъ съ моментомъ зарожденія и продолжается, примѣрно, до 25-и, а по другимъ авторамъ, до 30 л. Этотъ періодъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и періодъ роста. Послѣдній совершается тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ организмъ моложе,—фактъ, извѣстный каждому изъ повседневныхъ наблюденій. Болѣе точно онъ можетъ быть переданъ въ видѣ слѣдующей сокращенной таблицы, основанной на среднихъ цифрахъ.

За	1-й г. жизни человѣкъ выростаетъ	на	20	см.	(8 дюймовъ.)
»	10 » » » »	»	5,5	»	(2 »)
»	20 » » » »	»	1,5	»	($^1/_2$ »)
съ 20-го по 25-й въ совокупности »		»	1,2	»	(менѣе $^1/_2$ д.)

По *Кетле*, средній ростъ дѣвочекъ во всѣ годы нѣсколько меньше нежели мальчиковъ. Позднѣйшіе авторы въ этомъ отношеніи отчасти съ нимъ расходятся. А именно, нѣкоторые изъ нихъ, основываясь по преимуществу на измѣреніи школьниковъ и школьницъ, приходятъ къ тому выводу, что въ періодъ, приблизительно, между 10 и 13 годами дѣвочки временно перегоняютъ въ ростѣ мальчиковъ, и притомъ, по однимъ измѣреніямъ, въ среднемъ выводѣ на 2, а по другимъ даже на цѣлыхъ 4 сантиметра. При этомъ оказывается, что это явленіе основано отнюдь не на усиленномъ ростѣ въ данные годы дѣвочекъ, а на-

противъ того, на временно замедленномъ ростѣ мальчиковъ. По этому поводу напрашивается аналогія съ карликовымъ, по росту якобы отроческимъ, племенемъ бушменовъ, у которыхъ женщины, какъ утверждаютъ, нормально превосходятъ ростомъ мужчинъ. Это племя могло бы считаться остановившимся на соотвѣтственной ступени развитія.

Послѣ 25 лѣтъ встрѣчается развѣ лишь самое минимальное и кратковременное увеличеніе роста. Въ общемъ же въ періодъ расцвѣта, т.-е. полнаго развитія физическаго и психическаго (между 25 или 30 и 50 годами), прибыль въ ростѣ уже не имѣетъ, и не можетъ имѣть, мѣста. Причина тому кроется въ способѣ роста длинныхъ костей конечностей, а также позвонковъ. Эти кости состоятъ изъ трехъ частей, а именно средней (діафизы), преобладающей по величинѣ, и двухъ концевыхъ (эпифизъ), какъ бы припаянныхъ къ ней тонкими хрящевыми пластинками. Ростъ костей въ длину основанъ исключительно на утолщеніи этихъ пластинокъ, съ одновременнымъ ихъ окостенѣніемъ по сосѣдству съ діафизой и отчасти съ эпифизой. Къ концу періода развитія хрящевыя пластинки утрачиваютъ силу роста и цѣликомъ перестраиваются въ костную ткань; а вмѣстѣ съ этимъ наступаетъ и конецъ росту нашего тѣла. Послѣ этого оно можетъ увеличиваться лишь въ толщину, либо при утолщеніи мускулатуры, либо при усиленномъ отложеніи подъ кожей и между внутренностями жировой клѣтчатки. Мускулатура утолщается подъ вліяніемъ методическаго упражненія, гимнастикой или физическимъ трудомъ; жировая клѣтчатка, напротивъ того, отлагается по преимуществу при бездѣятельности и несоразмѣрномъ питаніи. Далеко не всѣ профессіи одинаково располагаютъ къ тучности. Такъ, по наблюденіямъ въ Германіи, наибольшая худоба приходится на долю портныхъ, наибольшая тучность же на долю пивоваровъ. Рѣшающими являются тутъ и образъ жизни, и обстановка, и особенности питанія.

Періодъ обратнаго развитія не остается безъ вліянія на ростъ человѣка, а сказывается въ смыслѣ убыли: старцы какъ бы съёживаются. За скудостью непосредственныхъ измѣреній на однихъ и тѣхъ же индивидахъ въ разные поздніе годы жизни, это положеніе выводится изъ среднихъ цифровыхъ данныхъ. Такъ, изъ данныхъ *Кетле* видно, что средній ростъ 90-лѣтнихъ стариковъ на 7,6 сантим. менѣе средняго роста 50-лѣтнихъ мужчинъ; а ростъ 90-лѣтнихъ старухъ на 7 сантим. меньше роста 50-лѣтнихъ женщинъ. Эти семь или семь съ половиною сантиметра (приблизительно, 3 дюйма) убыли въ ростѣ за годы, лежащіе между преддверіемъ старости и глубокимъ старчествомъ, отнюдь не приходятся на долю обычнаго сгорбливанія, которое принято наблюдателями во вниманіе, но зависятъ отъ фактическаго уменьшенія роста. Возможность такого явленія не трудно понять; такъ какъ инволюціонный періодъ сопряженъ прежде всего съ упадкомъ питанія. Лежащій въ основаніи послѣдняго обмѣнъ веществъ пониженъ въ обоихъ

своихъ процессахъ, т. е. въ процессѣ распаденія частицъ тѣла и въ процессѣ усвоенія новыхъ, замѣстительныхъ, пищевыхъ частицъ. При этомъ въ особенности пониженъ процессъ усвоенія. Даже распредѣлители питательныхъ веществъ по мельчайшимъ участкамъ тѣла, волосные сосуды, сильно порѣдѣли отъ зарощенія многихъ изъ нихъ. Такимъ образомъ за нѣкую единицу времени, вмѣсто сотни погибшихъ разложившихся клѣточекъ какого-либо органа, ихъ возстанавливается лишь девяносто девять. Старческая атрофія — уменьшеніе отъ упадка питанія—распространяется на всѣ системы органовъ, не исключая и костной; ибо и кости пронизаны кровеносными сосудцами и подвержены обмѣну веществъ. Старческія кости и меньше, и легче костей періода расцвѣта. Та же атрофія костей сопутствуетъ и многимъ изнурительнымъ болѣзнямъ. Покойники нерѣдко поражаютъ насъ своимъ небольшимъ ростомъ, тогда какъ данные люди, до предсмертной болѣзни, считались нами людьми рослыми. Уже и семь, а подавно, десять сантиметровъ убыли въ человѣческомъ ростѣ — величины для насъ очень осязательныя, а на такія величины костякъ можетъ укорачиваться отъ всасыванія костной ткани.

Какъ въ жизни людей, такъ и въ природѣ случается, что сходныя или тожественныя причины, смотря по обстоятельствамъ, приводятъ къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Такъ, у дѣтей и отроковъ продолжительная болѣзнь иногда не только не вызываетъ уменьшенія, но, напротивъ того, усиленное увеличеніе роста: окружающіе поражаются до чего вытянулся за время болѣзни юный реконвалесцентъ или покойникъ. Мало того, въ исключительныхъ случаяхъ дѣло доходитъ до исполинскаго роста. Усиленный ростъ за время болѣзни предполагаетъ не слишкомъ изнурительный характеръ послѣдней; причемъ оказывается нѣкоторая наличность матеріаловъ, могущихъ пойти на образованіе костнаго вещества, хотя бы и въ ущербъ другимъ тканямъ. Болѣзненная гипертрофія костяка приводится нами въ связь съ продолжительнымъ лежаніемъ паціента. При лежачей позѣ межпозвоночныя волокнисто-хрящевыя пластинки, а также хрящевыя прослойки между эпифизами и діафизами позвонковъ и длинныхъ костей, освобождаются отъ давленія тяжести тѣла, сжимающей ихъ при стояніи. Отсюда, вѣроятно, болѣе свободный ростъ костей.

Къ только-что сказанному, естественно, примыкаетъ тотъ курьезный фактъ, что въ лежачемъ положеніи человѣческое тѣло всегда длиннѣе, нежели въ стоячемъ. По *Робертсу*, измѣрявшему солдатъ, разница равняется въ среднемъ 1,3 сантиметра, т. е. ½ дюйма. Зависитъ же это отъ того, что упомянутыя упругія хрящевыя спайки скелета расправляются, набухаютъ и утолщаются, когда на нихъ не давитъ вѣсъ тѣла. Въ силу этого, всякій изъ насъ по утрамъ, послѣ ночного отдыха, бываетъ длиннѣе, чѣмъ по вечерамъ на сонъ грядущій. Чѣмъ меньше въ теченіе дня человѣкъ садится отдыхать, тѣмъ значительнѣе его

укороченіе къ вечеру. Дѣлались опыты, при которыхъ люди оставались на ногахъ битыя сутки, при этомъ они укорачивались, какъ максимумъ, на 6 сантиметровъ, т. е. на два слишкомъ дюйма или на вершокъ. Такое укороченіе, впрочемъ, должно быть отнесено, кромѣ сказанной причины, еще и на счетъ того обстоятельства, что отъ продолжительнаго отягощенія вѣсомъ тѣла ослабѣваетъ связочный аппаратъ ступни: ступня раздается, изъ куполообразной становится болѣе плоской. Продолжительные, усиленные переходы оказываютъ на ростъ человѣка то же самое временное вліяніе. Дошли до этого уже давнымъ-давно, чисто эмпирически, молодые простолюдины-бельгійцы, подлежавшіе призыву на военную службу. Очень многимъ изъ нихъ удалось увильнуть отъ солдатчины при помощи продолжительной, многочасовой прогулки непосредственно передъ явкою въ рекрутское присутствіе, въ которое они предстали съ ростомъ ниже узаконеннаго минимальнаго. Въ наше время всеобщаго милитаризма рекрутскія присутствія стали бдительнѣе, да и норма роста для новобранцевъ едва-ли не повсемѣстно сильно понижена.

Рис. 7. Годовыя собаки, приплодъ одной и той же матери: 1—скудно, 2—обильно кормленныя.

Не надо быть знатокомъ, ни даже особенно внимательнымъ наблюдателемъ природы, чтобы замѣтить, какое громадное вліяніе условія питанія оказываютъ на всякаго рода организмы. Нашими коннозаводчиками, напр., вполнѣ установлено, что на русскихъ заводахъ чистокровныя арабскія лошади прибавляются въ ростѣ противъ ихъ производителей, приведенныхъ изъ Аравіи: причина—обильный кормъ и хорошій уходъ. Далѣе, мы знаемъ, что простая крестьянская лошадь, малорослая и слабосильная, пріобрѣтаетъ эти отрицательныя качества подъ вліяніемъ чрезмѣрной и преждевременной работы, дурного питанія и ухода, ибо простой крестьянскій жеребенокъ, при содержаніи противоположномъ, даетъ, вмѣсто клячи, весьма сносную, болѣе рослую лошадь. Предъявляемые тутъ рисунки (рис. 7) изображаютъ—въ одинаковомъ уменьшеніи—двухъ собакъ: рослую, упитанную и мелкую, заморенную. Различіе между ними очень рѣзкое, и между тѣмъ это родные братья, щенята изъ одного гнѣзда, одинаковаго первоначальнаго

вѣса, лишь ради опыта, кормившіеся въ теченіи года неодинаково: одинъ — впроголодь, а другой — вдоволь. Количества пищи, отпускавшіяся щенятамъ, относились какъ 1 : 3. Вѣса тѣлъ по прошествіи года тоже относились какъ 1 : 3. Кромѣ количества и качества пищи на ростъ животныхъ вліяютъ также внѣшнія гигіеническія или антигигіеническія условія. Спросите любого содержателя звѣринца, и онъ вамъ подтвердитъ, что львы, тигры, леопарды, родившіеся въ звѣринцѣ, не достигаютъ того роста и той красоты, какъ пойманные (хотя бы молодыми) въ природныхъ ихъ лѣсахъ и пустыняхъ. Рахитизмъ (англійская болѣзнь) сугубо разъѣдаетъ скелетъ затворниковъ отъ рожденія. Та же болѣзнь, а на придачу къ ней золотуха и цѣлый рядъ другихъ, передаются и у человѣка изъ рода въ родъ. Хилыя поколѣнія людей—одно изъ печальнѣйшихъ явленій нашего просвѣщеннаго вѣка, ведущее неминуемо, вслѣдствіе упадка питанія, къ измельченію расы.

Вырождаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и убавляются въ ростѣ цѣлые народы, вслѣдствіе обнищанія и преслѣдованій. На счетъ скуднаго пропитанія и общей печальной обстановки жизни многіе современные ученые относятъ происхожденіе нѣкоторыхъ человѣческихъ племенъ, которыя еще не такъ давно единогласно признавались мелкими, даже карликовыми, по природѣ. Таковы, напр., лопари. Ихъ средній ростъ— по указанію *Вирхова*—равняется у мужчинъ 2,5 метр.. т. е. до 5 фут. При этомъ они отличаются худобой, а ихъ тонкая, морщинистая кожа придаетъ имъ преждевременный старческій видъ. Всѣ эти признаки въ совокупности свидѣтельствуютъ скорѣе всего о заморенности племени. Это подтверждается наблюденіемъ нашего финляндскаго этнографа *Европеуса*, по которому лопари, сдѣлавшіеся осѣдлыми, занимающіеся земледѣліемъ, уже въ третьемъ, и даже во второмъ, поколѣніи прибавляются въ ростѣ и пріобрѣтаютъ лучшее тѣлосложеніе. Аналогичными фактами мы располагаемъ и относительно бушменовъ южной Африки, точно также малорослаго, загнаннаго, замореннаго племени. Подъ ту же категорію подходятъ, по всей вѣроятности, и первобытные жители Цейлона—веддасы (рис. 8). Еще *Аристотель* и *Геродотъ* повѣствовали о карликахъ, обитающихъ въ глубинѣ Африки. *Стенли* посчастливилось первому ближе ознакомиться съ племенами Эве и Ватва, которыя оказались подъ пару нашимъ подросткамъ. *Швейнфуртъ* же встрѣтилъ въ области истоковъ Нила, у короля-людоѣда Мунза человѣчковъ изъ племени Акка, которые имѣли средній ростъ всего въ 140 сантим., въ 4½ фута, и такимъ образомъ соотвѣтствовали нашимъ 11-ти и 12-ти-лѣтнимъ отрокамъ. Съ первыми достовѣрными свѣдѣніями о центрально-африканскихъ карликовыхъ народцахъ невольно связывалось представленіе какъ о сохранившихся животноподобныхъ предкахъ господствующаго нынѣ на землѣ человѣчества. Однако, болѣе точное изученіе представителей этихъ народцевъ, изъ числа которыхъ удалось склонить нѣсколькихъ представителей къ пу-

*

тешествію въ цивилизованныя страны, не могло открыть въ нихъ ни малѣйшаго намека ни животноподобіе. Наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что предки этихъ карликовъ, негры обычнаго роста, были загнаны врагами въ дремучіе лѣса, гдѣ и скитались безъ крова, въ неустанной борьбѣ съ внѣшней природой, среди постоянныхъ лишеній, подъ вѣчнымъ страхомъ своихъ притѣснителей, и въ силу этого произошло ихъ вырожденіе въ связи съ уменьшеніемъ роста до карликоваго.

Въ народномъ эпосѣ самыхъ разнообразныхъ, въ этнографическомъ отношеніи, странъ повѣствуется о древнихъ аборигенахъ, отличавшихся де отъ нынѣшнихъ людей своимъ ростомъ. То они были, будто бы,

Рис. 8. Веддасы.

карликами, то великанами, то отчасти карликами, отчасти великанами. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ народная фантазія приписываетъ особыя качества и особую дѣтельность. Съ появленіемъ на землѣ настоящихъ людей, карлики или гномы удаляются въ неприступныя горы или лѣсныя дебри, даже въ нѣдра земли. При встрѣчѣ съ людьми они являются то ихъ помощниками и благодѣтелями, то добродушными проказниками или же злыми мстителями.

Древнихъ героевъ народное преданіе охотно представляетъ подъ видомъ великановъ, которымъ порою приписываютъ и находимые въ землѣ остатки скелетовъ исполинскихъ представителей первобытныхъ животныхъ. Такъ, въ одной индійской пагодѣ вѣрующими показывается громадный зубъ Будды: на дѣлѣ это зубъ слона. Эксплоатація суевѣрной и воспріимчивой къ необычайному толпы въ томъ же духѣ съ успѣхомъ практиковалась и въ просвѣщенной Европѣ. Такъ, давно ли въ одномъ изъ монастырей Валенсіи почитался коренной зубъ мамонта,

какъ частица мощей св. Христофора, по преданію отличавшагося большимъ ростомъ. Въ той же Испаніи, въ 1789 г. духовенство церкви св. Викентія въ крестномъ ходѣ съ большою торжественностью носило бедренную кость мамонта, которую выдавало за плечевую того же угодника. А развѣ и нашъ простой народъ не склоненъ приписывать великанамъ и богатырямъ находимыя въ землѣ большія кости мамонтовъ и другихъ четвероногихъ? Въ прежніе вѣка болѣе наивнаго умозрѣнія и мистицизма встрѣчались и ученые люди, которые и сами вѣрили, и другихъ увѣряли, что праотецъ Адамъ былъ ростомъ свыше 20 саженъ, праматерь Ева въ 20 саженъ, Авраамъ въ 3 саж., а Моисей уже всего въ $1^{1}/_{2}$ саж. Такъ училъ нѣкій французскій писатель еще въ началѣ прошлаго столѣтія!

Человѣку, при данной его организаціи, присвоенъ опредѣленный, хотя и не математически строго нормированный ростъ. Подъ вліяніемъ же ряда разнообразныхъ ненормальныхъ условій человѣческій ростъ значительно уклоняется въ сторону либо избытка, либо недостачи. Болѣе внимательное изученіе происходящихъ такимъ образомъ великановъ и карликовъ показываетъ, что субъекты эти ненормальные, что наиболѣе выгоднымъ и наиболѣе производительнымъ въ функціональномъ отношеніи является ростъ средній. Такимъ образомъ послѣдній, составляющій правило, находитъ свое подтвержденіе въ отрицательныхъ явленіяхъ, т. е. въ исключеніяхъ.

Подходя къ вопросу о карликахъ и великанахъ, естественно, надо прежде всего установить критерій для этихъ выродковъ. Сообразно основной идеѣ, что между явленіями физіологическими и патологическими нельзя провести строгихъ границъ, и средній ростъ человѣка, съ одной стороны, исподоволь повышаясь, и съ другой понижаясь, совершенно незамѣтно переходитъ въ исполинскій и карликовый. Такимъ образомъ и эти росты вполнѣ укладываются въ биноміальную линію. Вмѣстѣ съ тѣмъ и разграниченіе ростовъ карликоваго и исполинскаго не болѣе, какъ условное. Отсюда и разногласіе въ опредѣленіи этихъ ненормальныхъ ростовъ. Не гонясь за химерическою точностью, можемъ принять за настоящихъ карликовъ субъектовъ высотою, примѣрно, въ $1/2$ сажени (около 1 метра) и меньше, а за великановъ субъектовъ въ 1 саженъ (около 2 метровъ) и болѣе. Цифры круглыя, лишь примѣрныя, не возбраняющія признавать за великановъ и такихъ субъектовъ, которымъ не хватаетъ до сажени одного, двухъ или хотя бы и трехъ вершковъ, а за карликовъ и такихъ, которые на столько же выше полусажени.

По подсчету *Кетле* число карликовъ и великановъ оказалось одинаковымъ; но другіе, позднѣйшіе авторы пришли къ инымъ выводамъ. Такъ, *Ранке*, изучавшій баварскія рекрутскія записи, на 45.421 чел. насчиталъ 43 съ ростомъ ниже 140 сантиметровъ (4 ф. 7 д.) и лишь 4 съ ростомъ отъ 190 до 192 см. (ок. 6 ф. 3 д.). По такой

пропорціи на милліонъ людей приходилось бы по 947 карликовъ и лишь по 220 великановъ. Другими словами, чрезмѣрно маленькіе люди встрѣчались бы, приблизительно, въ четыре раза чаще чрезмѣрно большихъ. Противорѣчія въ указаніяхъ различныхъ авторовъ объясняются тѣмъ, что настоящіе пигмеи и гиганты наблюдаются сравнительно рѣдко, какъ бы въ видѣ случайности; а потому для установленія ихъ законнаго, негадательнаго процента надо располагать колоссальнѣйшимъ измѣрительнымъ матеріаломъ и, по возможности, собраннымъ во многихъ странахъ. Впрочемъ, слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что съ настоящими карликами порою легко смѣшать субъектовъ недоразвившихся, вслѣдствіе патологическихъ процессовъ разыгравшихся еще до рожденія на свѣтъ или въ дѣтскомъ возрастѣ.

На подмостки великаны попадаютъ сравнительно рѣдко и лишь въ одиночку, тогда какъ по Европѣ разъѣзжала даже цѣлая драматическая труппа карликовъ. Оттого ли это, что легче набрать компанію карликовъ, нежели пріискать такую же компанію великановъ, или же по какой-либо другой причинѣ, не имѣющей ничего общаго со статистикой? Прусская исполинская гвардія пополнялась не столько форменными великанами, сколько вообще людьми выдающагося роста, въ томъ числѣ и уроженцами Россіи. Въ тѣлохранители, дворцовые гренадеры и т. п. въ различныя времена, естественно, охотно зачисляли субъектовъ внушительнаго роста. Все же тутъ было далеко до цѣлаго отряда или хотя бы только до взвода исполиновъ. Впрочемъ, быть можетъ, лишь не было спроса на такихъ исполиновъ, спроса, подкрѣпляемаго надлежащими денежными затратами? На такія затраты по отношенію къ карликамъ не скупились властелины и вельможи эпохи возрожденія, когда карлики считались обязательною принадлежностью пышно обставленнаго двора. *Александру Борджіа* удалось собрать ихъ цѣлую дюжину, а римскій кардиналъ *Виталли* около середины XVI в. устроилъ пиръ, на которомъ присутствовало не менѣе 34 карликовъ. Своего рода всероссійскій смотръ карликовъ былъ устроенъ и Петромъ Великимъ въ Москвѣ.

Изъ числа карликовъ, прославившихся въ нашемъ столѣтіи, назовемъ прежде всего уроженца Сѣверо-Американскихъ Штатовъ *Чарльса Стрэльтона*, извѣстнаго болѣе подъ кличкой генерала *Томъ Пуса*. При своемъ рожденіи, въ 1832 г., онъ обладалъ нормальнымъ вѣсомъ, да и въ первые мѣсяцы своей жизни развивался нормально. Затѣмъ, онъ какъ бы застылъ въ своемъ ростѣ, при чемъ въ концѣ концовъ достигъ всего около 2½ ф. «Генералъ» Томъ Пусъ объѣздилъ всѣ цивилизованныя страны Стараго и Новаго Свѣта, былъ приглашаемъ къ высочайшимъ дворамъ и удалился на покой, заработавъ крупный капиталъ. Томъ Пусъ былъ обвѣнчанъ съ карлицей, приблизительно такого же роста, какъ и онъ самъ. Его родная сестра соперничала съ нимъ лилипутскимъ ростомъ.

Мозгъ карликовъ, большею частью, развитъ не дурно, ихъ умственныя способности обыкновенно хорошія. Римская исторія сохранила имя карлика *Кая Лицинія Кальва*, по профессіи адвоката, который съ успѣхомъ выступалъ даже противъ оратора изъ ораторовъ, противъ самого Цицерона. Краснорѣчіемъ прославился также очень маленькій карликъ *Клиній*, одинъ изъ александрійскихъ философовъ. Что касается зато характера карликовъ, то онъ вообще считается незавиднымъ. Основными его чертами являются: хитрость, злость, неуживчивость, мстительность. Но характеръ человѣка зависитъ не столько отъ прирожденныхъ наклонностей, сколько отъ внѣшнихъ впечатлѣній, вліяющихъ на него съ самаго ранняго дѣтства. А что обыкновенно встрѣчаетъ въ жизни съ малолѣтства злосчастный карликъ, этотъ пасынокъ природы, если не безжалостныя издѣвательства, мелкія и крупныя обиды? Вспомнимъ хотя бы про ту позорную роль шутовъ, которая навязывалась нѣкогда карликамъ при дворахъ королей и вельможъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда карлики пользуются родительскими ласками и охраняются отъ незаслуженныхъ обидъ, они становятся добрыми, довѣрчивыми. (Принцъ и принцесса Колибри, напр., показывавшіяся и у насъ въ Россіи недавно, добродушны, но вмѣстѣ съ тѣмъ умственно мало развиты).

Унизительное положеніе карликовъ, въ человѣческомъ обществѣ въ средніе вѣка сказывалось особенно рѣзко въ томъ фактѣ, что они были лишены права наслѣдія. Такое несообразное съ нашими современными этическими представленіями правовое отношеніе къ карликамъ до извѣстной степени, впрочемъ, оправдывалось ихъ ненормальностью въ смыслѣ безплодія. Послѣднее, правда, не безусловное: въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдаются исключенія. Такъ, нѣмецкій карликъ *Ранкъ*, карликъ настоящій въ 4 ф. 1 д., отъ нормальной жены имѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей (изъ числа которыхъ только одно, въ свою очередь, было карликомъ). Все же безплодіе карликовъ является правиломъ и заставляетъ разсматривать ихъ какъ патологическихъ субъектовъ, въ противоположность мелкимъ породамъ домашнихъ животныхъ. По этой же причинѣ народныя сказанія о таинственномъ племени карликовъ вымыселъ принципіально неправдоподобный. Ссылка на центрально-африканскихъ пигмеевъ могла бы смягчить такой строгій приговоръ. Но мы тутъ имѣемъ дѣло уже не съ патологическими субъектами, а съ особымъ заморенным племенемъ.

Послѣ сказаннаго понятно, что, за самыми рѣдкими изъятіями, карлики рождаются отъ нормальныхъ родителей. Но нельзя отрицать у нѣкоторыхъ родителей предрасположенія къ производству карликовъ, такъ какъ сравнительно нерѣдко въ одной и той же семьѣ ихъ рождается и по два, и даже по три. Настоящіе карлики обыкновенно уже при своемъ рожденіи представляются очень маленькими. Такъ, напр., извѣстный «генералъ Майтъ», по увѣренію его отца

вѣсилъ всего 2 англійскихъ фунта (нашихъ 2 ф. 6½ л.); его спутница, миссъ Милли же вѣсила и того меньше: только 1½ англ. фунта (1 рус. ф. и 23 л.). Томъ Пусъ, повидимому, относился къ карликамъ съ позднѣйшей, послѣзародышевой остановкой роста.

Описываются двѣ формы карликоваго роста. У одной въ ростѣ отстаютъ по преимуществу или исключительно конечности, тогда какъ голова и туловище достигаютъ величины, нормальной для взрослыхъ людей; у другой же формы всѣ части отстаютъ въ ростѣ равномѣрно, при чемъ въ результатѣ получаются миніатюрные человѣчки съ тѣми же пропорціями частей, которыми характеризуются нормальные взрослые. Первая изъ этихъ формъ обозначается въ новѣйшее время терминами *гномоподобная низкорослость* или *частичный карликовый ростъ*;

Рис. 9. Два типа карликовъ.

вторая, болѣе рѣдкая форма, именуется *настоящей карликовой низкорослостью* или *всеобщимъ карликовымъ ростомъ*. Различія между обоими типами достаточно наглядно характеризуются рисункомъ 9, позаимствованнымъ изъ сочиненія *Ранке*, который самъ спеціально изучалъ вопросъ о карликахъ. Изображенная по нашу лѣвую руку карлица Софья съ ея, сравнительно съ головой и туловищемъ, слишкомъ короткими конечностями представляетъ примѣръ частичнаго карликоваго роста и убѣждаетъ насъ въ томъ, что подобныя пропорціи соотвѣтствуютъ дѣтскимъ, «инфантильнымъ». Такимъ образомъ карлики перваго, болѣе распространеннаго типа суть индивиды, застрявшіе на дѣтской ступени тѣлеснаго развитія и, при томъ—это понятно уже a priori—на ступени, то болѣе, то менѣе ранней. Карлики данной категоріи поэтому могутъ быть причислены къ такъ называемымъ остановочнымъ уродствамъ, другіе примѣры которыхъ будутъ разсмотрѣны нами въ свое время. Изображенная на рисункѣ справа карлица Тереза,

обладая пропорціями нормальнаго взрослаго, обязана своимъ ростомъ *пропорціонально* пониженной силѣ роста всѣхъ частей своего тѣла. Такіе карлики должны расти дольше скороспѣлыхъ карликовъ первой категоріи, вѣроятно, столько же лѣтъ, какъ и люди нормальные, ибо и для выработки окончательныхъ пропорцій требуется извѣстное время.

Само собою понятно, что ранняя остановка человѣческаго роста находится въ связи съ заращеніемъ швовъ черепныхъ костей, а также со сліяніемъ діафизъ съ эпифизами на длинныхъ костяхъ конечностей и позвонкахъ. Однако, отъ этого механизма прекращенія скелетнаго роста вообще еще далеко до причины преждевременнаго его проявленія у карликовъ. Съ увѣренностью можно сказать лишь, что причина карликавого роста не одна, а такихъ причинъ нѣсколько. Въ числѣ ихъ указываютъ прежде всего на недостаточное питаніе субъекта въ зародышевой жизни. Далѣе, въ большинствѣ случаевъ карлики вѣдь рождаются необыкновенно маленькими, а стало быть, уже отъ рожденія обладаютъ слабою энергіею роста. Но и тутъ бываютъ изъятія, какъ показываетъ примѣръ Тома Пуса; да и къ тому же мы не имѣемъ никакого представленія о томъ, почему въ данномъ случаѣ индивиды не наверстываютъ впослѣдствіи первоначальной задержки въ ростѣ. Подобное наверстываніе—явленіе довольно заурядное у нормальныхъ младенцевъ и совершается то раньше, то позже.

Экспериментальный методъ изслѣдованія даетъ нѣкоторыя цѣнныя, хотя и недостаточныя указанія по интересующему насъ вопросу. Такъ, переставая кормить головастиковъ, мы не задерживаемъ, а ускоряемъ ихъ превращеніе, причемъ оно совершается на счетъ всасывающагося хвоста; но при этомъ получаемъ весьма мелкихъ лягушатъ. Карликовыя цыплята выводятся въ инкубаторѣ, въ которомъ поддерживалась непомѣрно высокая температура. Такое же вліяніе имѣетъ и недостаточный притокъ въ инкубаторѣ свѣжаго воздуха, въ частности кислорода. Еще въ старинной литературѣ говорится о томъ, что алкоголь задерживаетъ ростъ молодыхъ животныхъ и дѣтей, чѣмъ и пользовались-де недобросовѣстные, алчные родители и воспитатели для выращиванія искусственныхъ карликовъ въ тѣ времена, когда на нихъ существовалъ спросъ. Извѣстный египтологъ покойный профессоръ лейпцигскаго университета *Георгъ Эберсъ* въ своемъ знаменитомъ романѣ «Дочь египетскаго царя» описываетъ, какъ несчастнаго мальчика, котораго предполагалось превратить въ карлика, держали привязаннымъ въ доскѣ причемъ его темя и подошвы упирались въ неподвижныя планки. Не подлежитъ сомнѣнію, что названный писатель, какъ и во всѣхъ культурно-историческихъ эпизодахъ воспроизводимой имъ эпохи, основывался и тутъ на историческомъ документѣ. Такимъ образомъ, чисто-внѣшнее механическое насиліе можетъ воспрепятствовать росту всего тѣла, какъ можетъ оно воспрепятствовать и росту отдѣльныхъ частей, о чемъ рѣчь будетъ въ другой главѣ нашихъ бесѣдъ.

Понятнѣе всего происхожденіе карликоваго роста при страданіи младенцевъ рахитизмомъ или англійскою болѣзнью. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ измѣненіями въ строеніи, химическомъ составѣ и въ консистенціи костей. Ихъ хрупкость предрасполагаетъ къ переломамъ, а рядомъ съ ними происходятъ: сліянія, сращенія костей, ихъ краевъ, эпифизъ и діафизъ. Болѣзнь можетъ быть прирожденная, разыгрываться еще въ зародышевой жизни. Рахитическаго карлика вообще не трудно отличить отъ типичнаго, если можно такъ выразиться, здороваго, нормальнаго. Карликовый ростъ сопутствуетъ и кретинизму, основанному, по крайней мѣрѣ большею частью, на зародышевомъ воспаленіи мозга, вліяющемъ, въ свою очередь, на ростъ черепа и всего скелета. Воспроизведенный тутъ, по сочиненію *Вирхова,* взрослый кретинъ (рис. 10) былъ ростомъ всего въ 84 сант. (2 ф. 9 д.).

Рис. 10. Карликъ-кретинъ.

при головѣ, составлявшей, приблизительно, $^1/_5$ роста, при полной диспропорціональности верхнихъ и низшихъ конечностей. Съ типичными, часто весьма смышленными, даже высокодаровитыми карликами такого рода идіоты имѣютъ весьма мало общаго.

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о великанахъ, при чемъ для начала приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ анатомическомъ музеѣ нашей академіи наукъ сохраняются понынѣ: скелетъ, желудокъ, сердце и нѣкоторыя другія мягкія части прославившагося лѣтъ двѣсти тому назадъ великана *Буржуа.* Обладая ростомъ въ 3 арш. 3 верш., онъ показывалъ себя въ Европѣ за деньги вмѣстѣ со своею матерью, которая была очень малаго роста. Самъ Петръ Великій привезъ его изъ Кале въ Петербургъ, опредѣлилъ при своемъ дворѣ гайдукомъ, а потомъ и женилъ на чухонкѣ, тоже чрезвычайно большого роста. По смерти Буржуа, царь приказалъ помѣстить въ свою излюбленную

кунсткамеру, кромѣ скелета и нѣкоторыхъ внутренностей, еще набитое чучело великана. Лишь въ сороковыхъ или пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія чучело Буржуа, вмѣстѣ съ чучелами другихъ «монструмовъ» старинной кунсткамеры, были выброшены за полной ихъ порчей отъ времени.

Изъ числа великановъ новѣйшаго времени прославилась своимъ пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ и миловидностью дѣвица Маріанна Веде (рис. 11). На 17 году жизни она обладала почтеннымъ ростомъ въ 7 ф. 5 д. (2,25 метра). Передъ лондонскою публикою она выходила на подмосткахъ въ роли царицы амазонокъ. Маріанна умерла 18 лѣтъ отъ роду. Въ томъ же Лондонѣ, впервые въ шестидесятыхъ годахъ

Рис. 11. Великанша Маріанна Веде.

выставлялся на показъ «величайшій человѣкъ въ мірѣ» Чангъ-Ю-Сингъ, который вслѣдъ затѣмъ производилъ фуроръ и въ другихъ городахъ Европы, въ томъ числѣ и въ Петербургѣ, гдѣ выступалъ въ «Зоологическомъ саду». Въ 30 лѣтъ онъ обладалъ ростомъ въ 2,36 метр. или 7 ф. 9 д. Впрочемъ, «величайшій» человѣкъ еще не заслуживалъ этого эпитета, потому что съ достовѣрностью наблюдались и великаны вышиною до 2,53 мет. (8 ф. 3 д.). Иные указываютъ на ростъ еще болѣе значительный; но надо имѣть въ виду, что въ большинствѣ случаевъ великаны измѣрялись вмѣстѣ съ обувью, разсчитаной на надувательство публики помощью высокихъ каблуковъ, толстыхъ подошвъ и стелекъ.

Подобно карликамъ, и великаны могутъ быть подведены подъ два типа: съ нормальнымъ и ненормальнымъ тѣлосложеніемъ. Различіе, понятно, лишь въ томъ, что ненормальная пропорціональность частей сказывается не въ доразвитіи, а въ переразвитіи пропорцій нормаль-

наго взрослаго человѣка. Другими словами, если карликъ-гномъ остается весь вѣкъ по складу тѣла ребенкомъ, то диспропорціональный великанъ представляется яко бы ультравзрослымъ, съ относительно непомѣрно малой головой и черезчуръ длинными конечностями, особенно ногами.

Дальнѣйшая аналогія съ карликами та, что и великаны обыкновенно бываютъ лишены потомства и уже потому не могутъ считаться субъектами нормальными. Рождаются они иногда необычайно крупныхъ размѣровъ; но, повидимому, чаще безъ замѣтныхъ задатковъ къ исполинскому росту, который наступаетъ лишь въ позднѣйшемъ дѣтствѣ, у однихъ раньше, у другихъ позже. Такъ о 14-ти-лѣтнемъ Карлѣ Ульрихѣ сообщаютъ, что онъ пошелъ усиленно въ ростъ съ трехъ лѣтъ, и притомъ съ такою энергіею, что въ 9 лѣтъ былъ уже головою выше отца, человѣка средняго роста. Другой великанъ современной эпохи *Ѳома Гасслеръ* даже до 9-ти лѣтъ развивался какъ нормальный ребенокъ, но затѣмъ сразу такъ быстро пустился въ ростъ, что 11-ти лѣтъ былъ уволенъ изъ школы, такъ какъ не помѣщался ни на одной изъ партъ. Этотъ феноменъ заслуживаетъ особеннаго вниманія еще и въ томъ отношеніи, что періодъ усиленнаго роста наступилъ у него послѣ того, какъ лошадь лягнула его въ щеку. Подозрѣвается какая-то тайная причинная связь между этимъ травматическимъ поврежденіемъ и исполинскимъ ростомъ. На анатомическій столъ Гасслеръ попалъ 25 лѣтъ. При этомъ кости черепа оказались значительно утолщенными, также и съ внутренней стороны, а потому производили давленіе на мозговые центры. Гасслеръ достигъ роста въ 2,35 метра (7 ф. 8 д.).

Въ противоположность подвижнымъ и задорнымъ карликамъ, великаны флегматичны и добродушны. Они на повѣрку плохо оправдываютъ и представленіе о миѳическихъ силачахъ, въ родѣ титановъ, голіаѳовъ. Великаны всегда наводили преувеличенный страхъ на невѣжественную толпу: на дѣлѣ они вообще субъекты слабосильные или, по крайней мѣрѣ, сила ихъ далеко не соотвѣтствуетъ ихъ росту и вѣсу. Относительная сила карликовъ, напротивъ того, превосходитъ силу нормальныхъ людей, т. е., на каждый фунтъ своего вѣса карликъ производитъ больше механической работы, нежели человѣкъ нормальнаго роста. Только этимъ объясняется такого рода фактъ, что въ американской арміи служилъ 24-хъ-лѣтній солдатъ карликъ вышиною всего въ 1,016 метра (т. е. не полныхъ 4 фута), который не отставалъ отъ товарищей и раздѣлялъ съ ними всѣ тягости похода.

Еще въ XVI вѣкѣ безсмертный астрономъ и мыслитель *Галилео Галилеи* въ своемъ сочиненіи «Discrosi e dimostrationé matematiche» говорилъ: «Легко вывести, что не только люди, но и сама природа не могутъ доводить величину своихъ созданій выше извѣстныхъ границъ, не выбирая для нихъ болѣе твердаго матеріала и не утолщая ихъ чудовищнымъ образомъ, такъ что животное исполинскихъ размѣровъ должно бы имѣть чудовищную толщину. Для примѣра я нарисовалъ кость, удлиненную только

втрое, и утолщенную въ такой пропорціи, чтобы ей быть въ состояніи служить большому животному ту-же службу, какую служитъ маленькая въ своемъ организмѣ. Итакъ если представить себѣ громаднаго великана, имѣющаго *ту-же* пропорціональность членовъ, какъ обыкновенный человѣкъ, то надо бы или взять для костей матеріалъ гораздо крѣпче, или онъ будетъ относительно гораздо слабѣе обыкновеннаго человѣка. Вслѣдствіе этого въ маленькомъ организмѣ силы относительно большія: маленькая собака, какъ полагаю, снесетъ на спинѣ двухъ или трехъ равныхъ себѣ собакъ, а лошадь не снесетъ и одной лошади».

Рисунокъ *Галилея*, представляющій выведенные теоретически относительные размѣры соотвѣтственныхъ костей у мелкаго и крупнаго животнаго, мы безъ всякаго труда можемъ замѣнить реальными препаратами изъ сравнительно анатомическаго музея. Подберемъ для примѣра парами хотя бы бедренныя кости близкихъ между собою животныхъ разной величины: кошки и льва, лисицы и волка, овцы и быка. Всюду мы воочію убѣждаемся въ томъ, что увеличенію длины въ два, три раза соотвѣтствуетъ утолщеніе во много разъ больше. Тотъ-же результатъ получается и при сличеніи костей одного и того же животнаго вида въ разные возрасты: ребенка и взрослаго человѣка, теленка и быка и т. д. Всюду мы видимъ кости тонкія, граціозныя у мелкаго индивида и массивныя у крупнаго. Мы тутъ имѣемъ дѣло съ осуществленіемъ требованій строительной механики, примѣнительно къ животному остову, составленному изъ костяныхъ столбовъ и балокъ.

Однако, кости играютъ въ животномъ тѣлѣ роль не только столбовъ и балокъ, но и рычаговъ, балансируемыхъ и приводимыхъ въ движеніе мускулами. Разсматривая животный организмъ какъ двигательный аппаратъ, мы приходимъ къ такимъ положеніямъ, которыми расширяются и пополняются только что приведенныя указанія *Галилея*.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе этихъ положеній, замѣтимъ, что уже умѣренное увеличеніе человѣка до размѣровъ фактически существующаго великана идетъ въ ущербъ его относительной силѣ и поворотливости. Среди четвероногихъ животныхъ природа создаетъ такихъ гигантовъ, какъ слоны и киты. Но киты обитаютъ при исключительныхъ условіяхъ: постоянно погруженныя въ воду, они по закону *Архимеда*—утрачиваютъ почти весь свой вѣсъ, а потому, при умѣренномъ развитіи скелета и мускулатуры, сохраняютъ необычайную силу, быстроту и ловкость движеній. Другое дѣло слоны. Правда, они развиваютъ сокрушительную силу; но эта сила далеко не соотвѣтствуетъ затратамъ организма на ея производство. Относительно болѣе мелкихъ животныхъ они должны быть названы очень слабыми. Я уже не говорю о такихъ мелкихъ животныхъ, какъ муравьѣ, свободно таскающемъ на вѣсу, *въ челюстяхъ* хвои и хворостинки, въ 20 и 30 разъ превосходящія вѣсъ собственнаго его тѣла. Наши рабочія домашнія животныя относительно ихъ вѣса во много разъ сильнѣе слона. Мало

того: весьма возможно, что гиганты первобытнаго міра: мамонты, динотеріи, мастодонты, исполинскія ящерицы, атлантозавры, апатозавры вымерли именно вслѣдствіе того, что природа дошла въ лицѣ ихъ до геркулесовыхъ столбовъ, создавъ исполиновъ, по своей массивности лишенныхъ свободы передвиженія.

Вообще, можно признать, что карлики относительно сильнѣе нормальнаго человѣка, но ихъ абсолютная сила слишкомъ мала и едва ли доставила бы имъ побѣду въ борьбѣ за существованіе въ открытой природѣ, въ борьбѣ особенно съ крупными хищниками. Суетно и невѣжественно также предполагать, что человѣчество должно было бы состоять изъ племени гигантовъ и тогда бы натворило еще и не такихъ чудесъ. Эти хваленые гиганты были бы племенемъ сравнительно слабосильнымъ, вялымъ, неуклюжимъ. Смѣло можно утверждать: человѣкъ созданъ именно такого роста, что въ немъ гармонически сочетались сила съ ловкостью, въ пропорціи, какъ разъ надлежащей для достиженія имъ нераздѣльнаго владычества на земномъ шарѣ.

Глава III.

Уродства человѣческаго тѣла.

Великому поэту, мыслителю и естествоиспытателю *Гете* принадлежитъ афоризмъ: «Природа неуклонно идетъ своимъ путемъ, и то, что считается нами исключеніемъ, подходитъ подъ правило».

Далеко не такъ смотрѣли на уродства въ давно прошедшія времена люди науки, да и по сію пору продолжаютъ смотрѣть профаны. Это отразилось, между прочимъ, на самомъ названіи *Тератологія*, которымъ обозначается отрасль знанія, посвященная изученію уродствъ: греческое слово—Teràs—въ первоначальномъ смыслѣ значитъ страшилище, чудовище.

Суевѣрныя представленія о происхожденіи уродовъ проглядываютъ, между прочимъ, въ знаменитомъ указѣ Петра Великаго. Не могу лишить себя удовольствія привести дословно этотъ указъ, характерный и въ историческомъ отношеніи. «Понеже извѣстно есть,—пишетъ царь въ 1718 г.,—что какъ въ человѣческой породѣ, такъ и въ звѣрской и въ птичьей случается, что родятся монстра, т. е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, сего для передъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобъ такія приносили, обѣщая платежъ за оные, которыхъ нѣсколько уже и принесено, а именно: два младенца, каждый о двухъ головахъ, два, которые срослись тѣлами. Однакожъ, въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть, но *таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго*, чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ всея твари—Богъ, а не діаволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ вла-

стя нѣтъ; но *отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха или мнѣнія матерняго во время бремени*, какъ тому есть многіе примѣры: чего испужается мать, такіе знаки на дитяти бываютъ; также, *когда ушибется или больна будетъ*, и проч. Того ради паки сей указъ подновляется, дабы, конечно, такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ зато будетъ дана плата, а именно: за человѣческую по 10 р., за скотскую и звѣриную по 5 р., а за птичью по 3 р.— за мертвыхъ. А за живыя: за человѣческую 100 р., за скотскую и звѣриную по 15 р., за птичью по 7 р. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малою отмѣною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ родятся, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ: чтобъ тѣ неповинны были сказывать, кто принесетъ, и коменданты не повинны ихъ спрашивать—чье? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ... Вышереченные уроды, какъ человѣчьи, такъ и животныхъ, когда умрутъ, класть въ спирты, буде же того нѣтъ, то въ двойное, а по нуждѣ и въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось; за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо».

Этому указу кунсткамера была обязана богатой, по своему времени, коллекціей уродовъ, которая впослѣдствіи вошла въ составъ анатомическаго музея академіи наукъ. Въ царствованіе Петра I въ кунсткамерѣ можно было видѣть, кромѣ заспиртованныхъ, и нѣсколько живыхъ уродовъ. Указъ о присылкѣ уродовъ формально не уничтоженъ и до сихъ поръ; но давно преданъ забвенію. Я подчеркнулъ въ немъ мѣста, указывающія на причины, которыми вызываются-де уродства. Изъ числа сихъ «страхъ и мнѣнія матерніе» въ настоящее время признаются, по меньшей мѣрѣ, недоказанными, гадательными.

Весьма многочисленныя и разнообразныя уродства могутъ быть подраздѣлены на три группы, а именно: *избыточныя, недостаточныя* и *качественныя*. Самыя названія этихъ группъ на столько понятны, что замѣняютъ собою характеристику. Данная классификація распредѣляетъ уродства по анатомическимъ признакамъ, оставляя въ сторонѣ причины, которыя, какъ мы увидимъ, могутъ быть очень разнообразны.

Не гоняясь за полнотой, возьмемъ по нѣскольку особенно типичныхъ примѣровъ изъ трехъ главныхъ группъ. Въ каждой насчитываются, какъ явленія очень частыя, уклоненія весьма слабыя, стоящія на границѣ съ нормальными, едва заслуживающія даже названія уродствъ. Изъ группы избыточныхъ уродствъ сюда относятся, напр., сверхкомплектные зубы. Вмѣсто четырехъ, можетъ быть пять рѣзцовъ, или зубы могутъ образовать еще болѣе или менѣе развитый второй и даже

третій рядъ; позади зубовъ мудрости сидитъ иногда еще по одному, счетомъ шестому, коренному зубу. Не такъ рѣдко сверхкомплектные зубы появляются на непоказныхъ мѣстахъ, напр., на небѣ и т. д. Иногда къ двумъ нормальнымъ поколѣніямъ зубовъ, молочному и постоянному, присоединяется еще позднее третье, даже четвертое (!) поколѣніе. Для многихъ зубныхъ аномалій уже найдено объясненіе отчасти въ исторіи развитія, отчасти въ сравнительной анатоміи. Надо знать, что у низшихъ позвоночныхъ животныхъ, въ особенности у рыбъ, зубы, кромѣ челюстей, сидятъ и на самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ рта и зѣва: на небѣ, сошникѣ, жаберныхъ дугахъ, на языкѣ. Другими словами, способность производить зубы первоначально присвоена слизистой оболочкѣ рта и зѣва на всемъ ея протяженіи. У млекопитающихъ эта способность сохранилась нормально лишь на челюстныхъ дугахъ, но въ видѣ аномаліи проявляется, такъ сказать, по старой памяти, и на другихъ мѣстахъ слизистой оболочки. Челюстные зубы развиваются вдоль десны въ видѣ почекъ или отпрысковъ подковообразной складки слизистой оболочки. Плодовитость этой зубной складки у низшихъ позвоночныхъ животныхъ можетъ быть названа неограниченной, такъ какъ смѣна зубовъ, происходитъ тутъ въ теченіе всей жизни безсчетное число разъ. Человѣкъ, наравнѣ съ млекопитающими вообще, одаренъ зубами болѣе солидными и сложными, сидящими прочно и глубоко своими корнями въ челюстныхъ лункахъ; но зато производитъ ихъ всего только два поколѣнія: молочное и постоянное. Упомянутое прорѣзываніе зубовъ еще и третьяго, и подавно четвертаго поколѣнія—довольно рѣдкая аномалія, опять-таки свидѣтельствующая о намекѣ на стародавнюю большую плодовитость первичной зубной складки. «Третья дентиція», какъ явленіе поздняго возраста, подходитъ также подъ курьезную и рѣдкую картину второй молодости, когда, напр., сѣдые волосы сами собою вновь темнѣютъ. Описывается случай смерти, въ 1719 г., 96-ти-лѣтняго старца вслѣдствіе тяжелаго прорѣзыванія-де новыхъ зубовъ (!). По аналогіи съ другими млекопитающими слѣдуетъ допустить, что челюсти нашихъ животноподобныхъ предковъ были длиннѣе теперешнихъ. Это подтверждается тѣмъ, что въ недавнее время позади зачатка зуба мудрости найденъ у зародыша еще зачатокъ шестого коренного зуба. Этому зачатку нормально суждено погибнуть; развитіе же и прорѣзываніе его составляетъ еще дальнѣйшій, рѣдкій, примѣръ возврата къ типу предковъ, т. е. такъ называемаго *атавизма* *).

Къ явленіямъ атавистическимъ относятся также сверхкомплектные пальцы. Тутъ надо имѣть въ виду, что число 5 вовсе не есть первоначальное для пальцевъ брюшныхъ и грудныхъ конечностей. Парные плавники рыбъ иногда состоятъ изъ многихъ десятковъ лучей, а эти

*) Atavus—прапрадѣдъ, предокъ, древнихъ римлянъ.

лучи являются несомнѣннымъ прототипомъ нашихъ пальцевъ. Иныя изъ земноводныхъ и пресмыкающихся одарены явственнымъ шестымъ и даже зачаткомъ седьмого пальца. Мало того, у слона, крота, капскаго тушканчика (Pedetes) имѣются болѣе или менѣе ясно намѣченные *пред*большіе пальцы (Praepollex и Praehallux). Но и этого мало: даже у человѣка, и на основаніи анатоміи, и, подавно, на основаніи исторіи развитія, можетъ быть указано на существованіе de jure не пяти, а семи пальцевъ. Всегда намѣченные зародышевые хрящики предбольшого и замалаго нормально сливаются съ хрящами смежныхъ пальцевъ. Но въ видѣ уродства они иногда и развиваются самостоятельно. Тогда мы говоримъ о *полидактиліи* (отъ polys—много и dactylus — палецъ). Впрочемъ, *Гегенбауръ* показалъ, что кромѣ истинной, атавистической полидактиліи, наблюдается зачастую и ложная, зависящая отъ болѣзненнаго, патологическаго расщепленія кисти и ступни или же отъ выростанія второй, зачаточной.

Причудливый примѣръ избыточнаго уродства представляетъ собою наличность второй, добавочной ушной раковины, которая сидитъ ниже нормальной. Объясняется это уродство способомъ развитія ушей изъ разростающихся краевъ зародышевыхъ шейныхъ дугъ; дугъ же этихъ нѣсколько паръ.

Не останавливаясь подробно на другихъ случаяхъ частнаго уродства, какъ-то полимастіи или многогрудіи, двойномъ языкѣ, двойномъ сердцѣ и пр., перейдемъ къ удвоеніямъ значительной части тѣла или даже всего тѣла.

Удвоеніе лица встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ градаціяхъ, при чемъ оба лица могутъ смотрѣть въ прямо противоположныя стороны. Двуличные уроды издавна именуются *янусами*, по аналогіи съ древнеримскими изображеніями стариннаго божества Януса, вершителя временъ, войны и міра, оба лица котораго, старое и молодое, были обращены въ разныя стороны, въ прошедшее и будущее. Теперь представимъ себѣ, что раздвоеніе въ области головы, не ограничиваясь лицевою частью, захватываетъ и собственно-черепную ея часть: получается младенецъ о двухъ головахъ. Вслѣдъ за головою можетъ раздваиваться также и шея. Далѣе расщепленіе можетъ захватывать и самое туловище на большемъ или меньшемъ протяженіи. Получится своего рода двойной индивидъ на одной парѣ ногъ, то съ одной, то съ двумя парами рукъ. Какъ примѣръ подобнаго двойного урода укажу на братьевъ Джіованни и Джакомо Точчи. Эти близнецы родились въ Италіи въ 1875 г. и еще недавно здравствовали, будучи уже почти взрослыми. Ихъ туловища слиты въ общую часть, начиная съ седьмого ребра, но въ этой части можно прослѣдить съ ясностью два позвоночника, самостоятельныхъ до поясничной области. Близнецы имѣютъ два желудка, два сердца, двѣ пары легкихъ, при чемъ сердцебіенія, а также вдыханія и выдыханія не совпадаютъ у обоихъ.

Въ противоположность только что упомянутымъ двойнымъ уродамъ встрѣчаются и такіе, у которыхъ раздвоеніе идетъ въ діаметрально противоположномъ направленіи, т. е. снизу вверхъ. Такъ, младенецъ, въ остальныхъ отношеніяхъ нормальный, можетъ обладать двумя парами ногъ. Дальнѣйшія градаціи восходящаго расщепленія заключаются въ раздвоеніи сначала брюха (рис. 12), потомъ груди, а затѣмъ и шеи. На такой ступени двоенія предъ нами два младенца лишь объ одной общей головѣ. При еще дальнѣйшемъ расщепленіи получаются уже и двѣ головы, но лишь сросшенныя на большемъ или меньшемъ протяженіи. Въ шестидесятыхъ годахъ весь медицинскій Петербургъ ѣздилъ смотрѣть, какъ чрезвычайную рѣдкость, новорожденныхъ живыхъ антиподовъ младенцевъ, сращенныхъ какъ разъ однѣми макушками.

До сихъ поръ мы говорили о расщепленіи младенца какъ сверху внизъ, такъ и снизу вверхъ. Теперь представимъ себѣ, что это рас-

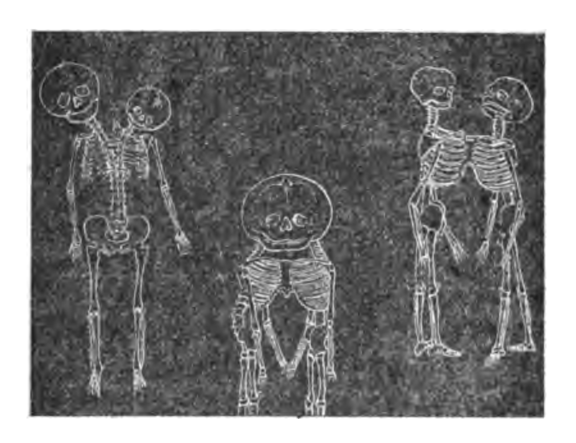


Рис. 12. Скелеты двойныхъ уродовъ.

щепленіе идетъ по двумъ противоположнымъ направленіямъ одновременно. Въ такихъ случахъ должны получаться близнецы, сросшіеся гдѣ-либо на протяженіи туловища. Таковы, напр., сіамскіе близнецы, настолько всѣмъ извѣстные, что мы не станемъ о нихъ особенно распространяться.

Двойные уроды обыкновенно называются сросшимися. Это совершенно неправильно. Мы тутъ никогда не имѣемъ дѣло со сращеніемъ двухъ первоначально самостоятельныхъ, полныхъ или неполныхъ, зародышей, а всегда съ расщепленіемъ, болѣе или менѣе значительнымъ, одного общаго зародыша. Это положеніе не только провѣрено многочисленными наблюденіями, особенно на куриныхъ зародышахъ, какъ наиболѣе доступныхъ во всякій моментъ для изслѣдованія, но оно также подтверждено экспериментально.

Извѣстность сіамскихъ близнецовъ, какъ водится, въ значительной мѣрѣ основана на рекламѣ, на выставленіи ихъ на показъ чуть ли не во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Замѣчательны они еще своею долговѣчностью, т. к. прожили до шестидесяти лѣтъ. Въ тератологическомъ же отношеніи они не представляютъ собою явленія особенно исключительнаго. На самомъ дѣлѣ, во всякой сколько нибудь порядочной коллекціи уродовъ вы найдете новорожденныхъ двоень, точь-въ-точь по типу сіамскихъ близнецовъ.

Перейдемъ теперь къ выясненію уродствъ недостаточныхъ, отчасти составляющихъ прямую противоположность избыточныхъ. Сюда относится, напр., бо̀льшая или меньшая неполнота зубной системы. Наиболѣе частой аномаліей въ этомъ родѣ (именно аномаліей, а не уродствомъ) является недоразвитіе зубовъ мудрости. Ихъ зачатки лишены силы роста и застряваютъ въ глубинѣ челюстей. Чисто-паталогическими и, хотя и въ слабой степени, тератологическими мы имѣемъ право считать болѣе значительный недочетъ въ зубахъ, до полнаго ихъ отсутствія включительно. Особенно интересно недоразвитіе зубовъ, сочетанное съ ненормальною волосяною оброслостью, о которой придется говорить въ другой главѣ.

Полное или неполное отсутствіе пальцевъ (адактилія)—противоположность полидактиліи. Изъ многочисленныхъ извѣстныхъ въ литературѣ примѣровъ вспомнимъ историческаго карлика «Ѳомку» ростомъ въ 1 арш. 12 верш., имѣвшаго на рукахъ и ногахъ по два пальца. То былъ сынъ крестьянина, родившійся въ Иркутскомъ уѣздѣ. Въ силу приведеннаго въ началѣ этой бесѣды знаменитаго указа Петра Великаго объ уродахъ, Ѳомка былъ доставленъ въ столицу. Царь, лично осмотрѣвъ его, повелѣлъ, пока будетъ живъ, содержать при кунсткамерѣ въ должности истопника, а по смерти сдѣлать изъ его кожи чучело и поставить въ кунсткамерѣ, что и было буквально исполнено. Малый, надо полагать, довелъ свои два пальца упражненіемъ до такой ловкости и силы, что могъ справляться со служебными обязанностями, возложенными на него самимъ царемъ.

Упомянутымъ въ группѣ избыточныхъ уродствъ сверхкомплектнымъ ушамъ и груднымъ железамъ въ группѣ недостаточныхъ противопоставляется прирожденное отсутствіе ушей и грудныхъ железъ, сверхкомплектнымъ позвонкамъ и ребрамъ—ихъ недочеты. Скрытную аномалію, правда, обнаруживающуюся лишь на анатомическомъ столѣ, составляетъ отсутствіе желчнаго пузыря, органа, котораго нормально не достаетъ многимъ млекопитающимъ, напр., изъ числа домашнихъ, лошадямъ. Организмъ, очевидно, отлично обходится и безъ этого резервуара для скопленія желчи. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ при недоразвитіи существенныхъ органовъ, какова, напр., грудобрюшная преграда. До своего рожденія на свѣтъ младенецъ получаетъ кислородъ вмѣстѣ съ кровью изъ материнскаго тѣла. Родившись-же безъ грудо-

брюшной преграды, этого существеннѣйшаго изъ дыхательныхъ мускуловъ, накачивающихъ воздухъ въ легкія, онъ оказывается не способнымъ къ самостоятельной жизни и немедленно погибаетъ. Не жизнеспособны также уродливые младенцы безъ мозга, безъ головы, на долю которой приходятся такіе важные органы, какъ пищепріемное отверстіе и дыхательный нервный центръ.

Конечностямъ сверхъ комплекта въ разбираемой нами второй группѣ уродствъ противопоставляются ихъ неполное развитіе или неполное число. Сюда относятся, напр., тѣ случаи, когда ребенокъ рождается объ одной только ногѣ или даже совсѣмъ безногимъ. При высшей степени этого уродства, вмѣсто ногъ, оказывается на соотвѣтственныхъ мѣстахъ два ничтожныя закругленія. Будучи вполнѣ жизнеспособнымъ, такой уродъ представляетъ жалкій обрубышъ, могущій передвигаться лишь помощью рукъ—ползкомъ или въ креслѣ-самокатѣ.

Степени безрукости также разнообразны, какъ и безногости, и распространяются то на одну, то на обѣ конечности, цѣликомъ или же лишь на тѣ или другіе отдѣлы. Особенно курьезная новорожденная дѣвочка имѣется въ той же, основанной Петромъ I тератологической коллекціи: вмѣсто всей правой верхней конечности у нея прямо на туловищѣ коренятся два пальчика, а вмѣсто лѣвой, одинъ. Безрукіе субъекты въ сущности не такъ дурно справляются со своимъ недостаткомъ. Еще недавно разъѣзжавшій по Россіи безрукій Прокофій Соколовъ весьма ловко «манипулировалъ» ногами: кололъ дрова, держалъ и раздавалъ карты, рѣзалъ хлѣбъ, подносилъ ко рту вилку, ложку, рюмку, хваталъ за шиворотъ и крѣпко держалъ выходившаго съ нимъ клоуна. На прощаніе же онъ раздавалъ на память собственноножную подпись, которая и по сію пору у меня сохраняется и ничѣмъ не отличается отъ почерка малограмотнаго простолюдина.

Ножные пальцы такихъ субъектовъ не чета нашимъ собственнымъ, обреченнымъ на заключеніе въ тѣсную обувь, остающимся безъ упражненія тѣхъ способностей, которыя вложила въ нихъ мать-природа. Посмотрите на грудного или годового ребенка. Большой палецъ его ножекъ широко отставленъ отъ другихъ, гнется свободно во всѣ стороны и вмѣстѣ съ остальными образуетъ хватательный снарядъ, своего рода щипцы. Если хватательныя ноги младенца и значительно уступаютъ въ подвижности обезьяньимъ, то все же способны къ дальнѣйшему изощренію. Къ тому же и вся нижняя конечность младенца до того подвижна во всѣхъ суставахъ, что ею онъ свободно хватаетъ себя за носикъ и почесываетъ лобикъ. Такая же подвижность сохраняется на всю жизнь ногами тѣхъ злополучныхъ субъектовъ, которымъ, волею судьбы, онѣ должны замѣнять также и руки. Отчасти инстинктивно, отчасти подъ руководствомъ окружающихъ, эти субъекты съ самаго

ранняго дѣтства изощряютъ покоющіяся въ нижнихъ конечностяхъ способности, и при этомъ отчасти достигаютъ большого совершенства.

Знаменитый лейбъ-медикъ Карла IX Амбруазъ Парэ сохранилъ для потомства свѣдѣнія о безрукомъ субъектѣ, который, подобно нашему Прокофію Соколову, весьма ловко справлялся ногами съ картами, бичемъ, топоромъ. Наиболѣе нагляднымъ доказательствомъ ловкости и силы его ногъ служитъ то обстоятельство, что въ концѣ концовъ онъ совершилъ убійство, за которое былъ публично повѣшенъ.

Самый жалкій изъ живыхъ уродовъ, какихъ мнѣ когда-либо привелось видѣть, а именно въ Лейпцигѣ на ярмаркѣ, была молодая дѣвица *Беннона Шредеръ*. У нея отъ рожденія не хватало одновременно и рукъ, и ногъ или, точнѣе, отъ ногъ имѣлась на лицо лишь самая верхняя часть, облегчавшая сидѣніе. Писала она, держа перо зубами. Далѣе, она умѣла нанизывать на нитку бисеръ и шить. Иглу она подбирала губами и губами же втыкала въ подушку; затѣмъ ими же брала нитку, вдѣвала ее въ ушко иглы (!), а потомъ на концѣ нитки сучила узелъ кончикомъ языка. Работу она прикалывала губами къ подушкѣ и губами же просовывала иглу съ ниткой. Никто не станетъ ожидать, чтобы при такомъ способѣ исполненія работа спорилась и выходила аккуратной.

Ограничимся этими примѣрами и поспѣшимъ къ третьей и послѣдней группѣ уродствъ, къ уродствамъ качественнымъ. Иныя изъ нихъ обязаны своимъ происхожденіемъ слiянію нормально обособленныхъ частей. Сюда относится болѣе или менѣе полное сращеніе между собою двухъ или нѣсколькихъ пальцевъ—такъ-называемая *синдактилія*. Мало того, на нижнихъ конечностяхъ проявляется уродливое стремленіе къ ихъ взаимному слiянію въ центробѣжномъ направленіи. При болѣе полныхъ степеняхъ слiянія уродъ напоминаетъ собою каріатиду, а также сказочное существо, на половину человѣка, на половину рыбу, съ раздвоеннымъ якобы хвостовымъ плавникомъ, который представляетъ собою ничто иное, какъ сближенныя, иногда отчасти слитыя ступни. Вотъ почему такихъ уродовъ издавна обозначаютъ наименованіемъ *сиренъ*. Представимъ себѣ задержку въ ростѣ средней полосы зародышеваго лица, и мы получаетъ сближеніе и различныя градаціи слiянія между собою глазъ, т.-е. *циклопіи*, одного изъ наиболѣе отталкивающихъ уродствъ.

Еще интереснѣе встрѣчающіяся и въ этой группѣ остановочныя образованія. Сюда принадлежитъ, напр., *заячья губа*, простая или двойная, свидѣтельствующая о неполномъ сращеніи частей, изъ которыхъ слагаются верхнія челюсти. Лишь въ глухихъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ медицинской помощи, растутъ субъекты съ заячьей губой, съ недостаткомъ, сравнительно легко поддающимся операціи на грудномъ младенцѣ. Заячья губа, простирающаяся на нёбо, при чемъ полость рта сообщается непосредственно съ полостью носа, именуется *волчьей пастью*.

По сосѣдству, въ верхней шейной области встрѣчается иногда курьезное уродство: какъ бы надрѣзъ или щель, съ одной или съ обѣихъ сторонъ, при чемъ щель бываетъ иногда сквозная, т.-е. проникаетъ въ самую полость зѣва или глотки. Это ничто иное, какъ остатокъ шейныхъ щелей присвоенныхъ зародышу и соотвѣтствующихъ рыбьимъ жабернымъ щелямъ.

Спустимся еще немного ниже, въ область грудины. Эта кость, по происхожденію парная. Послѣ всего сказаннаго объ остановочныхъ образованіяхъ, а priori слѣдуетъ допустить такіе случаи, когда обѣ пластинки, правая и лѣвая, изъ сращенія которыхъ образуется грудина, сохраняютъ свою самостоятельность. Сообразно послѣдовательности нормальнаго ихъ сліянія сверху внизъ—чаще всего грудина, въ видѣ аномаліи, должна быть расщеплена въ нижней своей части. Въ петербургскомъ медицинскомъ мірѣ лѣтъ тридцать тому назадъ производилъ сенсацію молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Германіи, у котораго расщепъ грудины былъ до того значительный, что, вдавливая рукою покровы тѣла, можно было обхватить живое, трепещущее сердце.

Извѣстно, что иногда, правда, достаточно рѣдко, люди бываютъ одарены придаткомъ, свойственнымъ большинству млекопитающихъ,—хвостомъ. Въ большинствѣ случаевъ человѣческій хвостъ представляется подъ видомъ незначительнаго, неподвижнаго бугра, безъ костной основы; но иногда въ немъ хорошо развиты позвонки съ соотвѣтствующей мускулатурой, и такой хвостикъ обладаетъ подвижностью. Въ одномъ изъ описанныхъ случаевъ хвостъ достигалъ длины въ три вершка слишкомъ. Достаточно однако взгляда на любой молодой зародышъ, въ тотъ періодъ, когда форма тѣла достаточно обрисовалась, чтобы убѣдиться въ присутствіи у него хвоста, какъ нормальной части тѣла. Позже хвостъ отстаетъ въ ростѣ и обростаетъ смежными частями.

Недавно по всей Россіи показывались своеобразныя знаменитости—«ацтеки» Максимо и Бартола. Эти субъекты извѣстны уже лѣтъ тридцать, съ отроческаго возраста, когда впервые привозились и въ наши столицы. О нихъ существуетъ цѣлая литература, ученая и популярная, относящаяся главнымъ образомъ къ шестидесятымъ годамъ. Широковѣщательной рекламой своего импресаріо Максимо и Бартола беззастѣнчино выдавались, и по сію пору выдаются, за послѣднихъ потомковъ ацтековъ, высококультурнаго народа, который во времена открытія Америки населялъ центральную ея часть, въ особенности Мексику, а потомъ отчасти вымеръ, отчасти смѣшался съ европейцами. Малютки найдены-де во вновь открытомъ городѣ, гдѣ жили при храмѣ и суевѣрно почитались. Все это чистѣйшій вымыселъ, затемняющій самъ по себѣ достаточно выдающійся научный интересъ своеобразной пары. Судя по цвѣту кожи и по чернымъ, курчавымъ (нынѣ съ просѣдью) волосамъ, Максимо и Бартола несомнѣн-

ные мулаты. Поводомъ же къ провозглашенію ихъ потомками древнихъ ацтековъ послужилъ ихъ птичій профиль съ сильно пологимъ лбомъ. Такимъ профилемъ древніе ацтеки дѣйствительно обладали, и притомъ вслѣдствіе процвѣтавшаго у нихъ обычая искусственно уродовать черепа своихъ младенцевъ. Объ этомъ уродованіи черепа рѣчь еще впереди. У разбираемыхъ нами уродовъ причина пологаго лба и птичьей физіономіи, однако, совсѣмъ иная: недоразвитіе мозга. По единогласному признанію изслѣдовавшихъ ихъ многочисленныхъ антропологовъ, Максимо и Бартола относятся къ такъ называемымъ *микрокефаламъ* или *малоголовымъ*.

Нѣтъ того племени или народа, среди котораго изрѣдка не рождались бы подобные уроды. Всѣ они малаго или средняго роста, а по умственнымъ способностямъ—идіоты. Сравнительно часто въ одной и той же семьѣ рождается по два и даже болѣе микрокефаловъ. Такъ, въ нѣмецкой семьѣ *Беккеръ* изъ числа семерыхъ дѣтей, четверо были микрокефалами, которые и выставлялись на показъ своими родителями, какъ рѣдкіе феномены. Весьма вѣроятно, что и Максимо и Бартола братъ и сестра, о чемъ едва ли наводили справку скучающіе лондонскіе чудаки, которые ихъ съ помпой повѣнчали.

Въ самый разгаръ борьбы дарвинистовъ съ антидарвинистами, въ шестидесятыхъ годахъ, знаменитымъ зоологомъ и антропологомъ *Карломъ Фогтомъ* пущенъ въ ходъ для обозначенія микрокефаловъ терминъ «люди-обезьяны». *Фогтъ* посвятилъ имъ цѣлую монографію подъ заглавіемъ «Die Mikrocephalen oder Affenmenschen», переведенную и на русскій языкъ подъ редакціей проф. *Н. П. Вагнера*. Книга, основанная на изслѣдованіи череповъ и мозговъ цѣлаго ряда микрокефаловъ, выставляетъ главный выводъ, что данные субъекты представляютъ возвратъ къ типу четверорукихъ предковъ человѣческаго рода, явленіе атавизма; при чемъ самый терминъ этотъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи общимъ достояніемъ ученаго міра, впервые и былъ предложенъ въ этомъ сочиненіи. Въ настоящее время признано, что микрокефалія во всѣхъ случаяхъ происходитъ отъ чисто патологическихъ процессовъ. По общему правилу законодателемъ черепного роста являются не кости, а мозгъ: уже по немъ формируются кости. Этимъ не опровергается, впрочемъ, для болѣе исключительныхъ случаевъ, преждевременное сращеніе костныхъ швовъ, когда мозгъ еще не утратилъ способности роста. Въ пользу этого говорятъ, между прочимъ, и лабораторные опыты. Такъ, проф. *В. Я. Данилевскому* удавалось, наложеніемъ металлическихъ шлемовъ на головки новорожденныхъ щенятъ, выращивать четвероногихъ микрокефаловъ.

Нѣкоторое животно—спеціально—обезьяноподобіе черепа и мозга микрокефаловъ несомнѣнно; но оно зависитъ, какъ видимъ, отъ чисто-патологическихъ причинъ, а потому микрокефалія не можетъ быть сведена на возвратъ къ типу предковъ, на атавизмъ, по крайней

мѣрѣ въ точномъ смыслѣ этого слова. Подтвержденіемъ этого отрицательнаго положенія служитъ почти поголовная безплодность малоголовыхъ и ихъ обыкновенно столь низкія умственныя способности, что несчастныхъ приходится ставить даже ниже обезьянъ. На самомъ дѣлѣ обезьяны обнаруживаютъ смышленость, самодѣятельность, сами добываютъ себѣ пищу, тогда какъ микрокефалы не могутъ обходиться безъ посторонняго попеченія. Большинство изъ нихъ издаетъ лишь нечленораздѣльные звуки. Всѣ филологическія познанія одного изъ микрокефаловъ исчерпывались словомъ *мама*. Правда, и въ отношеніи дара рѣчи бываютъ различныя градаціи. Такъ, упомянутый Максимо, при всемъ своемъ идіотизмѣ, кое-какъ и кое-что говоритъ по-англійски.

Извиняюсь за представленный мною утомительно длинный переченъ разнообразныхъ уродствъ; а между тѣмъ, въ него вошла лишь очень малая доля того, что могло бы быть тутъ сообщено. Казалось бы, съ человѣчества болѣе чѣмъ достаточно многообразныхъ прирожденныхъ уродствъ. Но нѣтъ-таки! Едва-ли найдется такая страна или эпоха, гдѣ люди, на придачу, не искажали бы еще своего тѣла насильственно, и притомъ, какъ полагаютъ, по преимуществу съ якобы эстетическими цѣлями.

Со временъ древней Ассиріи и Египта, даже со временъ бронзоваго, быть можетъ, и каменнаго вѣка, практикуется протыканіе ушей съ цѣлью прикрѣпленія въ нихъ украшеній. Многіе дикари, носятъ подобныя украшенія и въ крыльяхъ носа, носовой перегородкѣ, въ губахъ.

Вспомнимъ далѣе татуировку. Въ Европѣ она практикуется лишь изрѣдка, по преимуществу матросами, и притомъ ограничивается лишь небольшими значками, обыкновенно на мѣстахъ, скрытыхъ подъ платьемъ. Впрочемъ, въ Петербургѣ показывался нѣкій албанецъ Ѳуліо, на кожѣ котораго не было ни одного незанятаго мѣстечка: вся она сплошь, словно богатый коверъ, была испещрена нѣжными синими и красными рисунками. Вѣрнѣе всего этотъ субъектъ былъ намѣченъ предпріимчивымъ импрессаріо и за приличное вознагражденіе согласился превратиться въ живой коверъ. При этомъ ему пришлось выдержать порядочное, очень продолжительное и повторное истязаніе. На самомъ дѣлѣ, уколы и надрѣзы кожи и втираніе въ нихъ сажи и минеральныхъ красокъ болѣзненны, сопряжены съ воспаленіемъ кожи, распространенное же воспаленіе угрожаетъ даже жизни человѣка, такъ какъ черезъ кожу выдѣляются вредные продукты разложенія организма. Дикари никогда не татуируютъ кожу сплошь, какъ нашъ албанецъ, а ограничиваясь лишь тѣми или другими ея участками.

Еще болѣе варварское, практикуемое нѣкоторыми полинезійцами самоизуродованіе заключается въ подпиливаніи переднихъ зубовъ. Зубы заостренные треугольникомъ, напоминаютъ акульи, для островитянъ же, не знающихъ сухопутныхъ хищниковъ, акула самое страшное животное: сходство съ нею должно запугивать непріятелей. Но есть и такіе

дикари, которые считаютъ, напротивъ того, зазорнымъ сходство съ животными, а потому выдергиваютъ или выламываютъ у себя передніе зубы.

Изъ числа умышленныхъ изуродованій и искаженій тѣла едва ли не самыми интересными должны считаться основанныя на его пластичности. Относящіеся сюда наиболѣе элементарные примѣры касаются измѣненія формѣ растяжимыхъ мягкихъ частей. Южно-американскіе ботекуды, а также нѣкоторыя другія первобытныя племена засовываютъ за губы, въ ноздри и уши деревяшки, которыя отъ времени до времени замѣняются все болѣе и болѣе обширными, вплоть до невѣроятныхъ размѣровъ: чѣмъ уродливѣе растянуты губы, чѣмъ шире уши и ноздри, тѣмъ красивѣе.

Пластичны, однако, не только мягкія, податливыя части въ родѣ ушей, ноздрей и губъ, но и всѣ безъ изъятія части человѣческаго тѣла, какой бы онѣ ни были консистенціи.

Въ противоположность измѣненіямъ, ограничивающимъ или уничтожающимъ подвижность, есть и такія, которыя увеличиваютъ эту подвижность сверхъ мѣры. Намъ уже извѣстно о способности безрукихъ отъ рожденія, подобно маленькимъ дѣтямъ, ногами доставать лобъ и носъ. Вспомнимъ тутъ «каучукменовъ», съ до того гибкимъ позвоночникомъ, что, стоя на выпрямленныхъ ногахъ, они могутъ губами подбирать съ пола мелкіе предметы. Вспомнимъ далѣе послѣднее слово акробатическаго искусства, «людей змѣй» или «пробочниковъ».

Часть тѣла, втиснутая въ узкій футляръ, на подобіе глины, приспособляется къ его формѣ. Такъ попадаются люди, у которыхъ отъ тѣсной обуви съ острыми носками большой палецъ оказывается надвинутымъ на второй и лишеннымъ способности приходить въ нормальное положеніе. Замѣчательно, что такое изуродованіе ногъ является результатомъ стѣсненія, лишь періодическаго, прерываемаго на извѣстные часы сутокъ. Послѣ этого происхожденіе миніатюрныхъ ножекъ китаянокъ становится сугубо понятнымъ. Новорожденную дѣвочку обуваютъ въ плотные башмачки, не дающіе простора росту ножки. Благодаря этому нижнія конечности взрослой китаянки своего рода ходули, ходить на которыхъ весьма трудно. Китаянка и нуждается въ посторонней помощи или въ палкѣ или же пробирается вдоль стѣнъ и мебели, подобно ребенку, еще не научившемуся ни ходить, ни твердо стоять на ногахъ. Обычай калѣчить женскія ноги процвѣтаетъ лишь у собственно-китайцевъ, а не у монголовъ, изъ которыхъ вышла и династія, нынѣ правящая поднебесной имперіей.

Пластикою выше лежащихъ отдѣловъ нижнихъ конечностей занимаются нѣкоторыя наѣздническія племена той же Азіи. Въ московскомъ этнографическомъ музеѣ выставлена модель грудного калмыцкаго ребенка. Его ножки плотно обхватываютъ деревянный чурбачекъ, по ту сторону котораго ступени крѣпко между собою связаны. Еще гибкія

косточки младенца при ихъ ростѣ кривятся. Но чего ради люди добиваются у своихъ дѣтей кривыхъ ногъ, которыя на нашъ вкусъ такъ не эстетичны, да и кромѣ того дѣлаютъ походку валкою? Дѣло въ томъ, что кривыя ноги удобнѣе прямыхъ при верховой ѣздѣ, т. к. плотнѣе обхватываютъ корпусъ лошади, точно обручъ бочку. По этому поводу любопытно вспомнить, что древніе скиѳы и гунны описываются современниками, какъ люди кривоногіе, ходившіе плохо. Они проводили бо̀льшую часть жизни на конѣ. Ихъ заставали верхами и во время ѣды, и во время совѣщаній, и во время мѣнового торга. Имѣя въ виду, какъ консервативны дикіе и полудикіе народы, не трудно догадываться, что обычай современныхъ калмыковъ кривить дѣтскія ножки

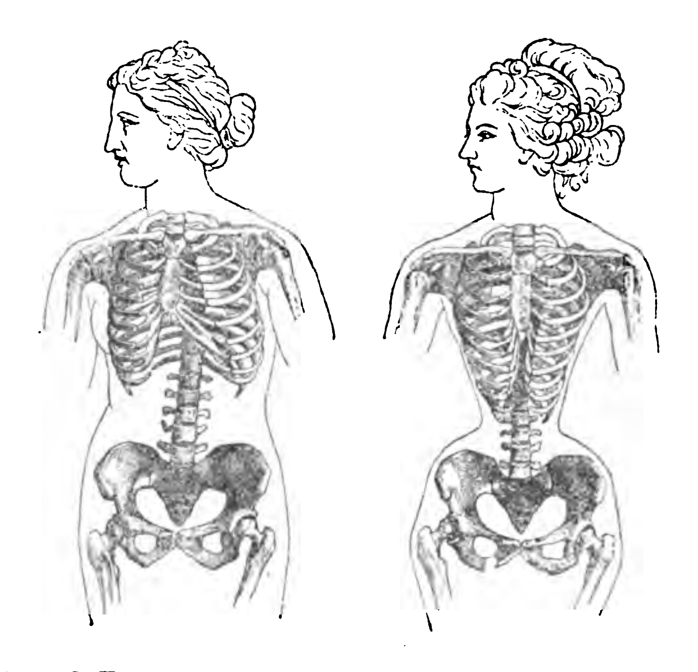


Рис. 13. Нормальная и изуродованная корсетомъ грудная клѣтка.

процвѣталъ еще тысячелѣтія тому назадъ въ центральной Азіи и въ степяхъ, заселенныхъ выходцами оттуда. Отсюда догадка, что и кривоногіе гунны и скиѳы уже практиковали аналогичные пріемы. По этому поводу напрашиваются и баснословные кентавры, полулюди и полулошади: фактической основой для ихъ измышленія могли служить неопредѣленныя, разукрашенныя фантазіей свѣдѣнія о наѣздническомъ народѣ, почти не слѣзавшемъ съ коня, какъ бы съ нимъ сросшемся.

Объ уродованіи женской грудной клѣтки корсетомъ я не стану распространяться, какъ о фактѣ слишкомъ общеизвѣстномъ. Привожу лишь рисунокъ нормальной и изуродованной корсетомъ грудной клѣтки.

Уже давно изъ нѣкоторыхъ древнихъ керченскихъ кургановъ извлечены черепа необычайной, причудливой формы, съуженные и непомѣрно

растянутые кзади и кверху (рис. 14). Приблизительно одновременно посчастливилось выкопать такіе черепа и въ Австро-Венгріи. Ученые долго считали первобытныхъ великоголовыхъ или *макрокефаловъ* представителями особаго аварскаго племени. Затѣмъ, оказалось, что макрокефалами были и древніе перуанцы, муміи которыхъ находятъ замуравленными въ глиняныхъ горшкахъ. Позднѣе единичные черепа макрокефаловъ были найдены въ Германіи, Швейцаріи, Англіи, на старинныхъ кладбищахъ VI до VIII вѣка нашей эры. Такіе же черепа привезены разными путешественниками съ островоъ тропическаго пояса восточнаго и западнаго полушарій. Сопоставленіемъ этихъ находокъ мнѣніе о принадлежности макрокефалическихъ череповъ особому племени окончательно пошатнулось. Къ тому же, еще *Тевено*, путешественникъ XVI вѣка, повѣствуетъ объ искусственномъ измѣненіи формы

Рис. 14. Черепъ такъ-называемаго макрокефала изъ керченской гробницы.

младенческихъ череповъ филиппинскими дикарями, Обычай уродованія головы—съ эстетическою цѣлью—сохранился и по сію пору у нѣкоторыхъ американскихъ индѣйцевъ, обитателей Пампасовъ, Калифорніи, долины Миссисипи, Орегона. При этомъ черепа орегонцевъ, напр., по причудливости формы нисколько не уступаютъ керченскимъ. Такимъ образомъ, нынѣ уже никто не сомнѣвается въ происхожденіи всѣхъ макрокефалическихъ череповъ различныхъ эпохъ и частей свѣта, путемъ искусственнаго уродованія черепа въ младенческомъ возрастѣ. Намъ извѣстны и соотвѣтственные пріемы, примѣняемые современными дикарями. Такъ, тѣ же орегонцы выдалбливаютъ въ колодѣ желобъ, въ который кладутъ ребенка и привязываютъ его. Особенно привязывается головка, которая обхватывается еще туго толстой веревкой, скрученной изъ травы. Другія племена привязываютъ младенца къ доскѣ съ отверстіемъ, въ которое вставляется его затылокъ; причемъ на лобъ надавливаетъ крѣпко привязанная дощечка. Пріемы такого

рода практиковались и древними перуанцами (рис. 15). Такое истязаніе дитяти длится около девяти мѣсяцевъ. Трудно измѣрить степень его страданія; но, по словамъ одного изъ очевидцевъ, глаза злосчастнаго краснокожаго малютки налиты кровью и выпучены, какъ у крысы, прищемленной ловушкой. Нельзя не удивляться степени пластичности мозга и черепныхъ костей, переносящихъ такія насилія, повидимому, безъ замѣтныхъ дурныхъ послѣдствій для умственныхъ способностей субъектовъ съ деформированными черепами.

Рис. 15. Дитя подъ головнымъ нажимомъ. Съ древне-перуанскаго рисунка.

Почти невѣроятно, что и на границѣ Европы, у насъ за Кавказомъ, среди армянъ, имеретинъ, татаръ, приходится встрѣчать иногда живыхъ макрокефаловъ, —и тутъ еще сохранился, какъ бы въ видѣ послѣднихъ вспышекъ, варварскій обычай, по свидѣтельству *Гиппократа* и *Плинія*, нѣкогда очень распространенный въ Понтійскомъ бассейнѣ *).

Рис. 16. Вліяніе на младенческую головку чепцовъ и завязокъ.

Мало того, уродованіе череповъ, хотя и въ слабой степени, практикуется еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной и сѣверозападной окраинъ Франціи, равно какъ и на югѣ, въ Гаскони. Оно производится тутъ напяливаніемъ на головку младенца особаго рода тѣсной шапочки. Присовокупимъ тутъ въ заключеніе еще и тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ изъ насъ самихъ, при ближайшемъ осмотрѣ и ощупы-

*) Форма изуродованныхъ череповъ далеко не всегда вытянутая кверху и кзади. У разныхъ народовъ извѣстны черепа, подымающіеся башней прямо кверху, сплющенные косо съ боковъ, на подобіе сельской крыши и т. п.

ваніи головы, навѣрное, окажутся болѣе или менѣе отчетливые слѣды мѣстнаго изуродованія черепа, хотя и неумышленнаго. Это поперечное желобоватое углубленіе позади лба. Оно обязано своимъ происхожденіемъ надавливанію на младенческій черепъ края чепца, слишкомъ усердно завязывавшагося (рис. 16). Вообще черепъ, эта благороднѣйшая часть человѣческаго тѣла обладаетъ у младенца особенною уступчивостью и пластичностью. Причинами ея являются: тѣстообразная консистенція мозга и тонкость, гибкость косточекъ со свободными, несросшимися краями, между которыми остаются еще широкіе прозоры—роднички.

А. Брандтъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго С. А. Гулишамбаровой.

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XIV.

Утро, послѣдовавшее за тѣмъ, было предвѣстникомъ жаркаго, усыпляющаго, роскошнаго іюньскаго дня, когда кругомъ на всю природу льются волны животворнаго свѣта и тепла. Максуэллъ ощущалъ приливъ жизненныхъ силъ въ своемъ слабомъ организмѣ; онъ сидѣлъ у открытаго окна деревенскаго дома и что-то писалъ. Онъ вышелъ въ полдень на площадку передъ домомъ съ подушкой въ одной изъ своихъ худыхъ рукъ; мягкая шляпа съ полями была низко надвинута на его грустные, мечтательные глаза, въ которыхъ словно еще стояла далекая дума... Луиза лежала въ гамакѣ. Она проворно выскочила изъ него увидя Максуэлла; его разсѣянный взглядъ вызвалъ у нея улыбку.

— Вы окончили свою работу?

— Я усталъ; или вѣрнѣе, мнѣ надоѣло работать. Мнѣ захотѣлось пройти въ «лагерь».

— Надѣюсь, вы не станете лежать прямо на землѣ?—спросила она значительнымъ и властнымъ тономъ женщины, которая взяла на себя заботу о больномъ, что всегда дѣлаетъ женщина имѣя возлѣ себя больного.

— Я былъ бы не прочь лежать подъ землею въ такой день, какъ этотъ,—отвѣчалъ онъ.—Но я возьму плэдъ, если вы думаете, что это нужно. Я думалъ, онъ здѣсь?

— Я принесу вамъ его,—сказала Луиза.

Онъ позволилъ ей пройти въ гостиную и принести ему плэдъ. Она положила его узкими складками ему на плечо; онъ поблагодарилъ ее

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

небрежно, а она смотрѣла ему вслѣдъ, какъ онъ вялой походкой двигался по зеленой муравѣ, испещренной лютиками и одуванчиками, разстилавшейся вокругъ дома, направляясь къ темной сосновой рощѣ съ сѣверной стороны. Сквозь жаркій полусвѣтъ рѣдкаго лѣса выглядывали сѣрыя очертанія парусинной палатки. Маттъ часто спалъ здѣсь въ лѣтнія ночи и это мѣсто звали «лагеремъ». Здѣсь между двумя деревьями висѣлъ гамакъ, какъ разъ позади невысокой каменной ограды и Луиза видѣла, какъ Максуэллъ улегся въ этотъ гамакъ.

Маттъ вышелъ на площадку въ синей шерстяной блузѣ, въ широкихъ синихъ шароварахъ, въ высокихъ сапогахъ и въ высокомъ колпакѣ изъ пробки.

— Ты ужасно похожъ на цивилизованнаго «коубоя», который перенялъ манеры англійскаго туриста, Маттъ,—замѣтила его сестра.— Есть что-нибудь для меня?

У Матта въ рукахъ было нѣсколько писемъ, которыя онъ только что получилъ съ почты.

— Нѣтъ, но вотъ два письма къ Максуэлу...

— Я передамъ ихъ ему, если у тебя нѣтъ времени. Онъ сейчасъ только ушелъ въ лагерь.

— Пожалуйста,—сказалъ Маттъ.

Онъ отдалъ ей письма и спросилъ:

— Какимъ онъ тебѣ показался сегодня утромъ?

— Должно быть, онъ чувствуетъ себя очень хорошо. Онъ все время писалъ послѣ завтрака.

— Лучше бы онъ этого не дѣлалъ,—сказалъ Маттъ.—Его бы слѣдовало увезти куда-нибудь подальше отъ газетной сутолоки. Я объ этомъ подумаю. Луиза, какъ по твоему такая дѣвушка, какъ Сю Нортвикъ, отнеслась бы къ немедленному предложенію помощи въ такое время?

— О какой помощи говоришь ты? Помогать людямъ ужасно трудно,— благоразумно замѣтила Луиза.—Особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они и сами не знаютъ, какъ пособить дѣлу. Бѣдняжка Сю! Не знаю, что съ нею будетъ. Если бы Джэкъ Уилмингтонъ... Но онъ никогда не любилъ ее въ сущности, а теперь я не думаю, чтобы и она его любила. Нѣтъ, это немыслимо.

— Нѣтъ, мысль о любви была бы для нея невыносима въ настоящее время.

Луиза взглянула на брата удивленно.

— Почему? Я не понимаю тебя, Маттъ. Если бы онъ все еще былъ ей милъ, я не могу вообразить себѣ болѣе подходящей минуты, для сознанія, что дорогъ кому нибудь.

— А ея гордость... не будетъ ли ей казаться, что они поставлены въ неравныя условія...

— Ахъ, гордость! Вздоръ! Неужели ты думаешь, что дѣвушка, ко-

торая, дѣйствительно, любитъ человѣка, станетъ разсуждать объ «условіяхъ»? Тутъ гордости нѣтъ мѣста. И гордыя дѣвушки, и кроткія дѣвушки въ этомъ случаѣ одинаковы... все равно, что кошки въ темнотѣ.

— Ты такъ думаешь—спросилъ Маттъ.

Его глаза засіяли радостнымъ блескомъ.

— *Я знаю*, что это такъ,—отвѣчала Луиза.—Постой, а ты думаешь, что Джэкъ Уилмингтонъ все еще...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я именно хотѣлъ знать твое мнѣніе. Я завтра же отправлюсь въ Бостонъ и повидаюсь съ отцомъ... Или нѣтъ! Мама не вернется до завтрашняго вечера. Ну, еще успѣю поговорить съ тобою объ этомъ за обѣдомъ.

Маттъ пошелъ косить сѣно, а Луиза въ «лагерь» съ письмомъ Максуэлла.

— Не вставайте!—приказала она ему, видя, что онъ приподнялся на одной рукѣ при шорохѣ ея платья.—Только два письма, которыя, можетъ быть, вамъ надобно прочитать тотчасъ же.

Онъ взялъ ихъ и, взглянувъ мелькомъ на одно изъ нихъ, бросилъ его на землю.

— Это отъ Риккера,—сказалъ онъ, распечатывая другое письмо.— Если позволите, — и онъ принялся читать его.

— Ну, вотъ и отлично—молвилъ онъ, пробѣжавъ письмо до конца.— Онъ можетъ обойтись безъ меня еще нѣкоторое время; но еще нѣсколько такихъ дней и конецъ моему праздношатанью! Меня тянетъ къ работѣ впервые съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь.

— Хорошій воздухъ начинаетъ оказывать свое дѣйствіе,—сказала Луиза, садясь на доску, которая была положена ввидѣ скамейки между двумя деревьями прямо противъ гамака. — Но если вы станете торопиться переѣздомъ въ городъ, вы испортите все. Вамъ надобно оставаться здѣсь все лѣто.

— Презабавный народъ вы, богатые люди, — сказалъ Максуэллъ, повернувшись на бокъ и глядя ей въ лицо. — Вы думаете, что бѣдняки могутъ дѣлать, что имъ хочется.

— Я думаю, они иной разъ могли бы сдѣлать и то, что̀ хочется другимъ...—отвѣчала молодая дѣвушка.—Что̀ мѣшаетъ вашему пребыванію здѣсь, пока вы не выздоровѣете совершенно?

— Во-первыхъ, неувѣренность, выздоровлю ли я когда-нибудь совершенно,—сказалъ Максуэллъ, слѣдя съ живымъ интересомъ за игрой свѣта и тѣней на ея лицѣ и фигурѣ.

— Я увѣрена, вы выздоровѣете, если поживете здѣсь подольше,— перебила она его.

— А во-вторыхъ,—продолжалъ онъ, — высокая и священная обязанность, которую мы, бѣдняки, чувствуемъ за собою—въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой, пока мы живемъ. Это—кастовая гордость. Бѣдность имѣетъ свои обязанности все равно какъ благородное происхожденіе.

— Полноте! Все это — ваша гадкая гордость. Вы хуже богатыхъ людей, какъ вы насъ называете: вы гораздо спѣсивѣе насъ. Богатые люди позволили бы вамъ помочь имъ.

— То же самое сдѣлали бы и бѣдняки, не нуждайся они въ помощи. Вы можете взять подарокъ, если вы не нуждаетесь въ немъ. Вы можете принять приглашеніе на обѣдъ, если вы сыты по горло, но вы не можете дозволить, чтобы васъ накормили, если вы умираете съ голоду. Вы, богачи, въ сравненіи съ нами, бѣдняками, все равно что дѣти.

Онъ приподнялся въ гамакѣ, чтобы видѣть ея лицо хорошенько и спросилъ:

— Какъ вы думаете, сколько въ среднемъ былъ я въ состояніи заработать до сихъ поръ?

— Не знаю. Боюсь, я круглая невѣжда въ этихъ вещахъ. Но мнѣ ужасно хотѣлось бы знать.

Максуэллъ снова опустился въ гамакъ.

— Пусть это подскажетъ вамъ ваше воображеніе. Будьте увѣрены, сумма будетъ достаточно велика.

— Почему вы не хотите сказать? — спросила Луиза.—Я знаю, почему. Все это ваша гордость виновата. Точь въ точь, какъ Сю Нортвикъ, которая хочетъ отдать все свое имущество, потому что отецъ ея написалъ то письмо и признался, что пользовался компанейскими деньгами. А Маттъ говоритъ, что имѣніе это вовсе не Нортвика и товарищество не имѣетъ ни малѣйшаго права на это имѣніе. Отдавъ его, она и сестра ея останутся безъ всякихъ средствъ къ жизни. А онѣ не хотятъ позволить чтобы имъ помогали... все равно какъ... какъ.. вы не хотите!

— Знаютъ онѣ, гдѣ ихъ отецъ?

— Нѣтъ, впрочемъ, теперь, разумѣется, онѣ должны объ этомъ знать.

Послѣ молчанія, послѣдовавшаго за этими словами, Максуэллъ сказалъ:

— Хотѣлось бы мнѣ заглянуть въ душу этого человѣка.

— Какой ужасъ! Зачѣмъ вамъ это?

— Это былъ бы великолѣпный матеріалъ. Если онъ любитъ своихъ дѣтей...

— Онъ и Сю боготворятъ другъ друга. Меня же всегда коробило при видѣ его.

— Слѣдовательно, онъ написалъ это письмо, чтобы примирить съ собою общественное мнѣніе и успокоить своихъ дѣтей насчетъ своего настоящаго и будущаго положенія. А теперь увидѣть, что только усилилъ своимъ поступкомъ ихъ позоръ и заставилъ ихъ лишить себя всего... было бы для него ужасающимъ драматическимъ положеніемъ.

— Но я бы не хотѣла видѣть его въ такое время. По моему, это хуже интервьюированія, мистеръ Максуэллъ.

Въ ея тонѣ слышалось что-то въ родѣ отвращенія и онъ, быть можетъ, почувствовалъ это. Повидимому, это возбудило скорѣе его любопытство, чѣмъ обидѣло его.

— Вы не понимаете художественной точки зрѣнія.

— Не желаю понимать ее, если только она есть. И если ваша пьеса будетъ касаться такой вещи, какъ эта...

— О нѣтъ,—отвѣчалъ Максуэллъ, — на такой темѣ я провалился. Я хочу попробовать комическій сюжетъ.

— О!—сказала Луиза тѣмъ уступчивымъ тономъ, какой мы обыкновенно принимаемъ, когда намъ кажется, что мы обидѣли кого-нибудь. Она встала, собираясь уйти и оставить его. Она наклонилась поднять письмо, которое онъ выронилъ изъ гамака и подала ему его.

— Развѣ вы не хотите его прочесть?

— Ахъ, спасибо. Я и забылъ про него.

XV.

Въ видѣ протеста противъ такого положенія, въ которомъ онъ нѣкоторымъ образомъ чувствовалъ себя «бариномъ», Маттъ Гилари умывался передъ обѣдомъ въ жестяномъ тазу у задняго крыльца, какъ рабочіе фермы. Когда онъ бывалъ здѣсь одинъ, рабочіе обѣдали и пили чай съ нимъ вмѣстѣ; когда же у него гостили мать и сестра, онъ отговаривался тѣмъ, что столъ былъ слишкомъ малъ для всѣхъ для обѣда и чаепитія, хотя продолжалъ завтракать съ рабочими, потому что дамы его никогда не вставали въ это время.

Луиза застала его у валика, гдѣ висѣли полотенца послѣ его тенденціознаго омовенія.

— Ахъ, неужели обѣдъ такъ скоро?—спросила она.

— Да. А гдѣ Максуэллъ?

— Онъ тамъ, въ «лагерѣ».

Она прошла далѣе, Маттъ слѣдовалъ за нею.

— Не понимаю,—сказала Луиза, сорвавъ нѣжную зеленую вѣточку съ одного изъ сучьевъ у себя надъ головой,—отчего мистеръ Максуэллъ такой черствый?

— Развѣ онъ черствъ?—спросилъ Маттъ.—Впрочемъ, пожалуй, ты права.

— Онъ ужасно насмѣшливъ и язвителенъ,—сказала молодая дѣвушка.—Мнѣ это не нравится. Онъ, кажется, смотритъ на всѣхъ людей, какъ на «матеріалъ», какъ онъ это называетъ; онъ, кажется, не считаетъ людей своими ближними, какъ ты, Маттъ.

— Ну, въ этомъ-то и заключается отвратительная натура художника,—сказалъ Маттъ, снисходительно улыбнувшись,—но онъ, по всей вѣроятности, отдѣлается отъ этого недостатка; вѣдь онъ ужасно молодъ; ему кажется, что онъ долженъ быть свирѣпымъ литераторомъ и только.

— Онъ старше меня!—возразила Луиза.

— Онъ не видалъ столько людей, сколько тебѣ приходилось видѣть.

— Онъ думаетъ, что видалъ ихъ гораздо больше, чѣмъ я. Не думаю, чтобы онъ вполовину былъ такъ хорошъ, какъ намъ вообразилось. Я бы назвала его опаснымъ.

— О, этого я о немъ не скажу,—отвѣчалъ Маттъ.—Но, разумѣется, у него нѣтъ нашихъ традицій. Я сейчасъ пойду туда и позову его обѣдать.

— Ахъ, не надо! Дай-ка я попробую затрубить въ рогъ.

Она подбѣжала къ крыльцу, гдѣ висѣла длинная жестяная труба, поднесла ее къ своимъ губамъ и извлекла изъ нея нѣсколько хриплыхъ, отрывистыхъ звуковъ.

На дорожкѣ показался Максуэллъ, медленно волоча ноги по травѣ, съ подушкою въ однойрукѣ и съ раскрытымъ письмомъ отъ Пиннэя въ другой. Матту, который подошелъ взять у него подушку, онъ сказалъ:

— Тутъ есть нѣчто, о чемъ мнѣ бы хотѣлось переговорить съ вами на досугѣ.

— Хорошо, послѣ обѣда.

Письмо Пиннэя было предлинное, написанное карандашомъ на одной сторонѣ длинныхъ бумажныхъ «полосъ», словно типографская корректура. Каждая изъ этихъ «полосъ» была тщательно занумерована въ верхнемъ углу, справа. Но языкъ письма былъ разговорный, будничный языкъ Пиннэя, а вовсе не витьеватая рѣчь, съ которою онъ обыкновенно обращался къ своимъ читателямъ на такихъ бумажныхъ «полосахъ».

«Кажется, такъ начиналось письмо, мнѣ досталось въ руки огромнѣйшее дѣло, Максуэллъ. «Извѣстія» намѣрены послать меня на конгрессъ соціальныхъ наукъ, который собирается въ Квебекѣ въ этомъ году; я беру съ собою миссисъ Пиннэй и надѣюсь не потерять времени даромъ. Она теперь въ порядкѣ, а слѣдовательно можетъ двинуться въ путь молодцомъ. А перемѣна принесетъ пользу и ей, и ребенку. Буду интервьюировать соціальную науку, какъ Соломонъ Премудрый, буду, разумѣется, читать ихъ протоколы, но главный предметъ моихъ занятій—Нортвикъ. Мнѣ всегда казалось, что люди такого сорта, какъ Нортвикъ, были вашего поля ягода въ нѣкоторомъ смыслѣ; только я одинъ создалъ изъ него нѣкоторымъ образомъ живую фигуру, когда открылась эта исторія его расхищеній, и у меня явилась маленькая идея, которая, мнѣ кажется, сразу уничтожаетъ всякую конкуренцію въ этомъ направленіи. Это письмо, что онъ напечаталъ, заставило меня задуматься, какъ только я его прочиталъ, и моя жена, и я, мы оба одновременно напали на одну и ту же мысль,—вотъ, что значитъ жить душа въ душу! По нашему разумѣнію, Нортвикъ не уѣзжалъ въ Европу... ну разумѣется, онъ не уѣзжалъ!.. Но какъ разъ въ настоящее время ему желательно войти

въ переговоры съ товариществомъ. Не вѣрится мнѣ, чтобы онъ спустилъ всѣ деньги; но коли онъ и вздумаетъ начать съ ними какое-нибудь дѣло въ Канадѣ, то развѣ меленькими кушами. Итакъ, мое мнѣніе слѣдующее: у него всѣ деньги, что онъ захватилъ съ собою, лежатъ цѣлехоньки, кромѣ его издержекъ на жизнь. Я думаю, что смогу отыскать Нортвика и не вернусь домой, не попытавшись основательно найти его. Я запасусь законными полномочіями отъ сыскной полиціи и льщу себя надеждой, что заполучу Нортвика какимъ-нибудь манеромъ за границей и верну его въ объятія нетерпѣливо поджидающихъ друзей его Понкуассэтскаго товарищества. Я еще не знаю, какъ я примусь за это дѣло, но предчувствую, что онъ отъ меня не уйдетъ. Миссисъ Пиннэй будетъ моей совѣтчицей и ей же принадлежитъ рѣшающій голосъ. Но я долженъ буду оставить ее съ ребенкомъ въ Квебекѣ, а самъ пошатаюсь кругомъ Римуски и, вообще, въ глухихъ деревняхъ, и мнѣ понадобится дѣятельный помощникъ.

Никому объ этомъ, кромѣ жены, я еще не говорилъ и, если вы со мною не поладите, другого товарища не возьму. *Я хочу васъ въ товарищи, дружище, и готовъ заплатить вамъ.* Если эта штука будетъ имѣть успѣхъ, я займу видное мѣсто въ «Извѣстіяхъ» и цѣна моя тамъ поднимется. Надѣюсь стать главнымъ редакторомъ до конца года; тогда-то для передовицъ заручусь самымъ талантливымъ сотрудникомъ, котораго зовутъ Брайсъ Э. Максуэллъ,—не забывайте этого».

XVI.

Максуэллъ объяснилъ Матту, какъ только что объяснилъ Луизѣ, что Пиннэй былъ репортеръ описавшій исторію, нортвиковскихъ хищеній для «Извѣстій».

— Я подумалъ, что вамъ будетъ интересно узнать объ этомъ,—сказалъ онъ, когда Маттъ окончилъ чтеніе письма.—Я не думаю, чтобы желаніе Пиннэя насчетъ моего молчанія касалось васъ. Да и, во всякомъ случаѣ, я вовсе не считаю себя въ какихъ бы то ни было обязательствахъ къ Пиннэю.

— Спасибо,—отвѣчалъ Маттъ.—Значитъ, васъ это предложеніе не соблазняетъ?

— Какъ вамъ сказать, пожалуй, что да. Только не въ томъ смыслѣ, какъ онъ это понимаетъ. Я съ удовольствіемъ занялся бы этимъ дѣломъ, потому что оно дало бы мнѣ возможность познакомиться съ жизнью и типомъ, которые представляютъ для меня извѣстный интересъ. Но меня не привлекаетъ ни репортерская работа, ни занятія сыщика.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ Маттъ.—А что за личность этотъ... Пиннэй?

— Ахъ, онъ вовсе не дурной человѣкъ. Онъ просто-на-просто типичный репортеръ,—отвѣтилъ Максуэллъ.—У него нѣтъ ни малѣйшихъ

шансовъ выдвинуться для самостоятельной работы въ газетѣ. «Извѣстія» не отличаются широкимъ развитіемъ, но отлично знаютъ, что такое Пиннэй. Онъ страшный лгунъ и бахвалъ. Но онъ прекрасный семьянинъ и примѣрный мужъ. У нихъ, повидимому, родился ребенокъ, и я увѣренъ, что Пиннэй образцовый папаша. Онъ совѣтуетъ всѣмъ и каждому жениться. Но у него нѣтъ никакихъ прирожденныхъ устоевъ. Онъ безобидный человѣкъ по своимъ намѣреніямъ, сердце у него премягкое, но для краснаго репортерскаго словца онъ не пощадитъ и родного отца: это свыше его силъ. Я бы сказалъ о немъ, что онъ прежде всего репортеръ, а затѣмъ уже человѣкъ. Онъ ужасно вульгаренъ и литературнаго вкуса у него не имѣется на грошъ. Имѣй я тайну или просто что-нибудь такое, что желалъ бы сохранить для себя, да подумай я, что Пиннэй пронюхалъ про это, я бы съ спокойной совѣстью раздавилъ его, какъ вотъ эту змѣю.

Небольшая змѣйка, выползла изъ каменной ограды, у которой они стояли, и лежала сверкая на нихъ своими жадными глазами, выставивъ языкъ—раздвоенную ниточку ярко-алаго цвѣта. Максуэллъ наступивъ на ея голову каблукомъ вдавилъ ее въ землю.

Маттъ вздрогнулъ при видѣ предсмертныхъ мукъ извивающейся змѣйки.

— Ахъ, я бы не сталъ ее убивать!

— А я убилъ ее,—отвѣчалъ Максуэллъ.

— Значитъ, по вашему, нельзя на него положиться?

— Можно. Если онъ будетъ чувствовать себя по уговору въ нѣкоторомъ смыслѣ у васъ въ рукахъ. Разумѣется, каждаго человѣка можно заставить держать свой языкъ за зубами. Только не давайте Пиннэю воли вилять въ сторону.

Они повернули назадъ къ дому. У Матта стояла передъ глазами картина замученной змѣи. Какимъ-то страннымъ образомъ представленіе о ней смѣшалась съ мыслью о Пиннэѣ и безсознательно онъ почувствовалъ жалость къ этому репортеру.

— Не будетъ ли дурно съ моей стороны,—спросилъ Маттъ послѣ минутнаго молчанія,—если я приму нѣкоторыя мѣры въ пользу семейства Нортвика, вслѣдствіе того, что мнѣ извѣстно изъ этого письма?

— Ни крошечки,—отвѣчалъ Максуэллъ.—Я предоставляю вамъ полную свободу дѣйствій, насколько это касается меня; а Пиннэя это не можетъ задѣть ни въ какомъ случаѣ.

— Не знаю,—возразилъ Маттъ,—могу ли я считать себя въ правѣ причинить ему можетъ непріятность. Я буду остороженъ относительно его. Рѣшительно не знаю, придется ли мнѣ воспользоваться его услугами, но у меня сейчасъ явилась мысль, что можетъ быть... Но право не знаю, какъ тутъ быть? надо посовѣтоваться съ ихъ повѣреннымъ... Я еще подумаю объ этомъ! И я вамъ очень благодаренъ, мистеръ Максуэллъ.

Благодаря этому разговору, Маттъ все нетерпѣливѣе ждалъ возвращенія своей матери, чтобы начать дѣйствовать. Вернувшись на ферму, она передала ему, что не утерпѣла и откровенно высказала Сюзэттѣ свое мнѣніе относительно ея упорнаго желанія отдать товариществу свое имущество. Но Маттъ понялъ, что она, журя молодую дѣвушку, въ то же время съумѣла вложить много материнской ласки въ свои слова и оставила Сюзэтту утѣшенной и ободренной. Отъ Аделины она узнала, что ихъ особенно огорчало незнаніе, гдѣ находился ихъ отецъ. Онъ думалъ, повидимому, что для ихъ спокойствія было пока довольно этого напечатаннаго письма. Быть можетъ, ему не хотѣлось, чтобы онѣ къ нему пріѣхали, или же онъ опасался, какъ бы онѣ своими просьбами не отклонили его отъ предположенныхъ цѣлей. Быть можетъ, какъ настойчиво утверждала Аделина, умъ его пошатнулся вслѣдствіе страданій—онъ долженъ былъ ужасно страдать — и онъ не былъ въ состояніи сдѣлать себѣ ясное представленіе насчетъ своего положенія. Миссисъ Гилари говорила о достоинствѣ и мужествѣ, которыя выказали обѣ сестры въ своемъ испытаніи и, въ настоящихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Въ особенности она хвалила Сюзэтту; по ея словамъ, горе, казалось, смягчило и очистило ея душу; она въ самомъ дѣлѣ была благородная дѣвушка. Обѣ онѣ кланялись и брату, и сестрѣ.

— Въ особенности Аделина просила передать тебѣ, что онѣ никогда не забудутъ твоей доброты.

На слѣдующій же день Маттъ отправился въ Гатборо и пошелъ къ Путнэю, который отвѣтилъ съ насмѣшливой учтивостью на его заявленіе, что онъ надѣялся быть полезнымъ его кліенткамъ, миссъ Нортвикъ.

— Что-жъ, мы всѣ надѣемся на что-нибудь въ этомъ родѣ, мистеръ Гилари. Вы и раньше пріѣзжали сюда съ такимъ же намѣреніемъ. Но позвольте спросить, почему вы полагаете, что я повѣрю вашему желанію быть имъ полезнымъ?

— Почему?

— Ну да. Отецъ вашъ предсѣдатель товарищества, съ которымъ у мистера Нортвика не совсѣмъ пріятныя отношенія и естественно предполагать, что вы не можете питать настоящія дружескія чувства къ семейству его.

— Но мы *всѣ* относимся къ нимъ дружественно! Отецъ мой готовъ сдѣлать для нихъ все, что въ его власти, что согласно съ его обязанностью къ... къ... компаніонамъ.

— Ага, вотъ мы и договорились. А вы готовы сдѣлать для нихъ все, что можете, что согласно съ вашей обязанностью къ нему. Это вполнѣ правильно... вполнѣ естественно. Но вы должны же понять, что у насъ нѣтъ общихъ интересовъ. Прошлый разъ я поговорилъ съ вами о дѣлахъ миссъ Нортвикъ... не въ мѣру откровенно, мнѣ кажется. А сегодня, извините, говорить не стану. Съ удовольствіемъ побесѣдую о всякомъ другомъ предметѣ... о неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія и

о другихъ тому подобныхъ интересныхъ вещахъ. Но пока у меня нѣтъ болѣе видимыхъ причинъ для откровенности относительно дѣлъ моихъ кліентокъ, я не стану говорить о нихъ съ вами.

Матта, горѣвшаго доброжелательствомъ къ Аделинѣ и тайною нѣжностью къ Сюзэттѣ, оскорбило недовѣріе адвоката. Ему было больно сознаться, что Путнэй правъ.

— Разумѣется,—сказалъ онъ,—я долженъ представить вамъ какія-нибудь доказательства, что прихожу къ вамъ съ искреннимъ намѣреніемъ. Не знаю, буду ли въ состояніи дать ихъ вамъ. Можетъ ли поручительство моего друга, мистера Уэда, пастора церкви св. Михаила...

Имя это, повидимому, развеселило Путнэя. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Братъ Уэдъ хорошій парень и слова его обыкновенно дѣйствуютъ убѣдительно, но это серьезный вопросъ, мистеръ Гилари.

Онъ расхохотался и въ заключеніе добавилъ важнымъ тономъ:

— Вы должны знать, что я не могу говорить съ вами изъ уваженія къ подобному авторитету. Я бы не сталъ разговаривать объ этомъ и съ самимъ мистеромъ Уэдомъ.

— Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ,—согласился Маттъ и ушелъ унылый, стыдясь своей собственной близорукости.

Было лишь одно средство выйти изъ затрудненія и въ эту минуту онъ обвинялъ себя, что до сихъ поръ не испробовалъ этого средства. У него были основательныя причины, которыми онъ оправдывалъ свое воздержаніе отъ рѣшительнаго шага, но отнынѣ всякое оправданіе теряло свою силу и онъ радовался сознанію, что вынужденъ при данныхъ обстоятельствахъ сдѣлать этотъ шагъ. По крайней мѣрѣ теперь онъ будетъ дѣйствовать не изъ какого-нибудь эгоистическаго побужденія. Если даже и будетъ что-либо неприличное въ томъ, что онъ намѣренъ сдѣлать, у него не явится сожалѣнія по этому поводу даже въ случаѣ полнѣйшей неудачи.

XVII.

Маттъ Гилари подвигался къ дому Нортвика ужасно медленно,—такъ ему казалось вслѣдствіе охватившаго его нетерпѣнія. На высотѣ пригорка, который раздѣляетъ Гатборо отъ Южнаго Гатборо, какъ разъ у дороги къ дому доктора Морэлла, онъ увидалъ Сю Нортвикъ. Она также шла очень быстро. Она была въ траурѣ, только безъ длиннаго креповаго вуаля; ея гордое лицо въ черной рамкѣ казалось блѣднѣе обыкновеннаго; изъ-подъ шляпки слегка выбивались золотистые волосы. Она приближалась къ Матту своей величавой походкой и Маттъ испугался своихъ мыслей при видѣ ея. Повидимому, она сперва не признала его или скорѣе не могла себѣ представить, что это былъ на самомъ дѣлѣ онъ. Когда же она убѣдилась въ этомъ, на лицѣ ея промелькнула радость, которую она не пыталась скрыть. Она произнесла «мис-

теръ Гиларн!» такъ просто и такъ радушно, словно ихъ послѣднее разставаніе не носило враждебнаго характера, котораго ничто не могло разсѣять или разъяснить.

Онъ подбѣжалъ къ ней и схватилъ ее за руку.

— Ахъ, я такъ радъ! — вымолвилъ онъ. — Я шелъ къ вамъ по... очень важному дѣлу и боялся что не застану васъ.

— Нѣтъ. Я только зайду къ доктору, а затѣмъ вернусь домой. Сестра моя совсѣмъ расхворалась и я подумала, что не мѣшаетъ ей посовѣтоваться съ докторомъ.

— Надѣюсь, нѣтъ никакой опасности?

— О, нѣтъ. Мнѣ кажется, она просто немного разстроена.

— Знаю!—сказалъ Маттъ значительно и между ними не было сказано больше ни слова о причинѣ болѣзни Аделины.

Маттъ попросилъ позволеніе пройти съ нею до докторскаго дома и вотъ они шли вмѣстѣ въ тѣни вязовъ и кленовъ. Но онъ мѣшкалъ сказать ей то, что хотѣлъ. Они увидали маленькую дѣвочку, игравшую на дорогѣ возлѣ дома.

— Дома твой папа, Идэлла?—спросила у нея Сю.

— Мама дома,—отвѣчала дѣвочка.

Она побѣжала къ дому, крича.

— Мама! мама! Тутъ дама пришла!

— Это не ихъ ребенокъ—объяснила Сю,—это дочь пастора, который былъ убитъ на желѣзной дорогѣ годъ или два тому назадъ... очень странный человѣкъ, мистеръ Пэкъ.

— Я слышалъ о немъ отъ Уэда,—отвѣчалъ Маттъ.

Красивая молодая женщина съ очень счастливымъ видомъ показалась въ дверяхъ и угомонила шумные возгласы малютки, которая повторяла хриплымъ шопотомъ: «Дама! Дама».

— Какъ ваше здоровье, миссисъ Морэллъ? — спросила Сюзэтта съ нѣсколько высокомѣрной сдержанностью, но Маттъ видѣлъ, что она держалась съ гордостью человѣка, не знающаго какъ къ нему отнесутся.

— Я хотѣла повидать доктора Морэлла относительно моей сестры. Она больна. Пожалуйста, попросите его зайти къ намъ.

— Пришлю его къ вамъ, какъ только онъ вернется домой,—отвѣчала миссисъ Морэллъ, бросивъ на Матта одобрительный взглядъ, отъ котораго не можетъ удержаться ни одна хорошая женщина, — а можетъ быть,—прибавила она,—вы зайдете и подождете его.

— Нѣтъ, благодарю васъ, — отвѣчала Сюзэтта, — я должна идти домой къ сестрѣ. Прощайте.

— Прощайте!—сказала миссисъ Морэллъ.

Маттъ приподнялъ шляпу и молча раскланялся съ нею. Но когда они повернули назадъ, онъ сказалъ Сюзэттѣ:

— Что за счастливое лицо! Что за прелестное лицо! Что за *доброе* лицо!

— Она очень добрая женщина,—сказала молодая дѣвушка,—она была очень добра къ намъ. Но и всѣ были добры къ намъ. Я даже не могла бы повѣрить этому.

На самомъ дѣлѣ только доброта сосѣдей коснулась близко дочерей расхитителя; жестокость и ненависть держались въ сторонѣ отъ нихъ.

— Почему же людямъ не быть добрыми? — спросилъ Маттъ, чувствуя, что отъ волненія у него сжимается горло.—Я не могу вообразить себѣ... въ такое время... Развѣ вы не знаете, что я васъ люблю?— произнесъ онъ съ мольбою, точно оно такъ и слѣдовало изъ того, что было раньше сказано. Быть можетъ, въ выраженіи его страсти была тонкая духовная послѣдовательность, превосходящая всякій порядокъ логики.

Она взглянула на него черезъ плечо—онъ шелъ съ нею рядомъ — и сказала безъ удивленія и радости:

— Какъ можете вы говорить мнѣ такія слова?

— Потому что это правда! Потому что я не могу съ этимъ ничего подѣлать. Потому что я хочу быть для васъ всѣмъ и долженъ начать съ этихъ словъ. Но не отвѣчайте мнѣ теперь... Я хочу только одного: обращайтесь со мною такъ, какъ вы бы стали обращаться съ тѣмъ, кто любилъ бы васъ больше всего на свѣтѣ... совершенно свободно, нисколько не связывая себя, ничѣмъ не обязывая себя передо мною. Можете ли вы это сдѣлать? Я хочу сказать, можете ли вы чувствовать: «это мой лучшій другъ, самый искренній другъ, какой только можетъ быть у человѣка, и я позволю ему сдѣлать для меня все, что онъ захочетъ сдѣлать». Можете ли вы это... сказать себѣ?

— Но какъ я могу сдѣлать это? Я васъ не понимаю!—робко сказала она.

— Неужели? Я такъ радъ, что вы меня не отталкиваете отъ себя.

— Я? *васъ*!

— Я боялся... Но теперь мы можемъ спокойно поговорить объ этомъ; я не вижу, почему бы намъ и не говорить. Знаю, что возмутительно говорить вамъ о своей любви въ такое время; это ужасно! И, однако, я не считаю, чтобы это было дурно съ моей стороны, нѣтъ! Вѣдь для меня самая мысль объ этомъ святыня, вотъ почему не можетъ быть ничего дурного говорить даже въ присутствіи самой смерти. Я люблю васъ и хочу, чтобы вы стали когда-нибудь моей женою. Да! Но не давайте мнѣ отвѣта теперь! Если бы вы не захотѣли никогда отвѣтить мнѣ или, въ концѣ концовъ, отказали бы, все-таки я хочу, чтобы вы мнѣ позволили быть вашимъ вѣрнымъ любящимъ другомъ, пока я могу, и сдѣлать все, что могъ бы сдѣлать принятый вами любящій другъ.

— Вы знаете, что для меня это невозможно,—отвѣтила она просто.

— Неужели невозможно?—спросилъ онъ и уныло замолчалъ, словно не находя въ себѣ силы сказать что-нибудь еще.

— Всякая дѣвушка почла бы за счастіе для себя...

И я... я... люблю васъ тоже...

— Сюзэтта! Сюзэтта!—вскричалъ онъ не своимъ голосомъ, словно она была страшно далеко отъ него. Ему казалось, что у него вотъ-вотъ разорвется сердце. Онъ неловко сталъ передъ нею и пытался схватить ея руку.

Она отскочила въ сторону, сказавъ:

— Не надо! Вы знаете, я никогда не могу быть вашей женою. Вы это знаете.

— Не знаю я этого. Почему не можете вы быть моей женою?

— Потому что я принесу своему мужу опозоренное имя моего отца.

— Этотъ позоръ также мало касается меня, какъ васъ!

— Онъ коснется вашего отца и вашей матери... и Луизы.

— Всѣ они восхищаются вами и уважаютъ васъ. Они считаютъ васъ чудной, великодушной дѣвушкой.

— Да, пока я держу себя независимо. И я сохраню свою независимость. Я знаю, какъ это сдѣлать и не поддамся унынію. Не думайте этого!

— Вы поступите такъ, какъ будетъ хорошо. Вотъ, что я думаю.

— Не захваливайте меня! Я не выношу этого.

— Но я люблю васъ, такъ развѣ я могу васъ не хвалить? И если вы любите меня...

— Люблю. Люблю всею душой.

Она обернулась къ нему и подарила его взглядомъ, полнымъ глубокой страсти, съ высоты своей недоступности.

— Итакъ, я не стану просить васъ быть моей женою, Сюзетта! Я понимаю ваши чувства; я не лгунъ, чтобы притворяться, будто не понимаю ихъ. И я буду чтить ваши чувства, какъ величайшую святыню. Обѣщайтесь мнѣ только позволить сдѣлать для васъ все, что я могу, изъ любви моей къ вамъ, а я обѣщаюсь никогда болѣе не говорить вамъ о нашей любви. Это будетъ наша тайна... наша помолвка. Обѣщаетесь ли вы?

— Вамъ будетъ тяжело,—сказала она, глядя на него съ состраданіемъ, отъ котораго, быть можетъ, ему стало еще больнѣе, чѣмъ отъ всего остального.

— Не будетъ, если я могу вѣрить, что вамъ отъ этого легче.

Они прошли дальше и она сказала, отвернувъ отъ него глаза, въ которыхъ, онъ зналъ, стояли слезы:

— Обѣщаюсь.

Невольнымъ порывомъ она протянула ему лѣвую руку. Онъ удержалъ одно мгновеніе ея тонкіе пальцы въ своей правой рукѣ и затѣмъ опустилъ ихъ. Оба искренно вѣрили, будто рѣшили наилучшимъ образомъ этотъ важный личный вопросъ.

— А теперь,—сказалъ онъ,—я хочу поговорить съ вами о томъ, что еще привело меня сюда сегодня.

XVIII.

Маттъ чувствовалъ, что ему не было долѣе надобности скрывать свои мысли въ разговорѣ съ Сю объ ея отцѣ, какъ онъ это дѣлалъ съ такимъ мучительнымъ трудомъ до сихъ поръ.

Они долго говорили о предположеніи или увѣренности въ постигшемъ его душевномъ разстройствѣ, которое объясняло отчасти его непостижимые поступки.

— Сестра моя всегда это говорила,—съ жаромъ ухватилась Сю при первомъ его намекѣ на это предложеніе.—Мнѣ кажется, и я думала всегда то же самое, иначе я бы не была въ состояніи жить.

— Да, это *должно быть* именно такъ,—настойчиво утверждалъ Маттъ.—Но теперь вопросъ въ томъ, какъ добраться до него и сдѣлать что-нибудь въ его интересахъ. Мнѣ кажется сестру вашу изводятъ проволочки и неизвѣстность?

— Да... это и то, что мы должны сдѣлать относительно отдачи нашего имущества. Мы... сначала поссорились насчетъ этого; мы никакъ не могли одинаково взглянуть на это, но потомъ я уступила; мы обѣ уступили другъ другу и не знаемъ, какъ намъ быть теперь.

— Мы должны переговорить обо всемъ этомъ съ вашимъ адвокатомъ въ связи съ тѣмъ, что я узналъ недавно.

Онъ разсказалъ ей о планѣ Пиннэя и прибавилъ:

— Посмотримъ, нельзя ли будетъ имъ воспользоваться.

Они по обоюдному согласію рѣшили не говорить съ Аделиною объ ея отцѣ, но Аделина заговорила о немъ сама. Она казалась совсѣмъ разслабленной старухой, нервно раскачиваясь на своемъ креслѣ-качалкѣ въ уголкѣ гостиной; голосъ ея звучалъ рѣзко и мучительно-тоскливо.

— Вотъ, что я думаю. Теперь мы знаемъ, что отецъ живъ, а потому не должны ничего предпринимать относительно дома, не узнавъ, гдѣ онъ. Не правда ли, мистеръ Гилари, здравый разсудокъ говоритъ, что ему лучше всякаго другого знать, что мы должны сдѣлать. Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ подождать и посовѣтоваться съ нимъ, посмотрѣть, что онъ скажетъ. Во-первыхъ, домъ принадлежалъ матери и, можетъ быть, онъ не пожелаетъ, чтобы мы отъ него отказались.

— Мнѣ кажется, вамъ пока не надобно безпокоиться объ этомъ, миссъ Нортвикъ,—сказалъ Маттъ.—Пока ничего не слѣдуетъ предпринимать относительно дома.

— Но я все время думаю объ этомъ. Я хочу сдѣлать то, что Сю считаетъ справедливымъ, хочу видѣть дѣло въ томъ же свѣтѣ, какъ она. И я сказала ей, что сдѣлаю именно такъ, какъ она говорила. А теперь она ничего не говоритъ. И мнѣ кажется, намъ *слѣдуетъ* подождать, авось узнаемъ, гдѣ отецъ. Какъ вы думаете?

— Разумѣется. Мнѣ кажется, вы не должны ничего предпринимать, пока не получите извѣстій отъ него,—сказалъ Маттъ.

— Я такъ и думала, что вы это скажете,—отвѣчала старая дѣвушка,—и если Сю захочетъ послушаться меня, она увидитъ, что все пойдетъ на ладъ. Я знаю отца, я знаю, что онъ пожелаетъ исполнить то, что разумно и въ то же время честно. Не такой онъ человѣкъ, чтобы захотѣть поживиться хотя бы единымъ центомъ изъ чужихъ денегъ.

— Хорошо,—молвила Сюзетта,—мы сдѣлаемъ такъ, какъ говоритъ мистеръ Гилари; а теперь, пожалуйста, не мучь себя болѣе этими мыслями,—ласково прибавила она.

— Ахъ, хорошо говорить «*теперь* не мучь себя», когда вся моя душа извелась на этомъ,—сказала старая дѣвушка жалобнымъ тономъ. Она откинулась своимъ хилымъ станомъ на спинку кресла и принялась утирать выступившія слезы.—Если бы ты сразу согласилась со мною, ничего бы этого не случилось. А теперь я вся разбита и не знаю, оправлюсь ли когда-нибудь.

Наступила минута тяжелаго молчанія; Сю терпѣливо прилаживала подушку за спиною сестры, а Аделина безпомощно продолжала работать языкомъ:

— Ты была ужасно жестока и упряма, я думала, ты убьешь меня. Ты была словно каменная скала, я могла разбиться объ тебя въ дребезги, ничего тебя не могло тронуть.

— Я была гадкая,—кротко сказала гордая дѣвушка.

— Это правда,—прошептала Аделина.—Мнѣ ужасно непріятно дѣлать мистера Гилари, да и вообще кого бы то ни было свидѣтелемъ нашихъ семейныхъ сценъ, но я не въ силахъ съ собою справиться. Не могу я. Всѣ мои нервы въ конецъ расшатаны.

Пришелъ докторъ. Сю вышла съ Маттомъ изъ дому, оставивъ сестру съ глазу на глазъ съ нимъ. Возлѣ сторожки находилась небольшая уединенная площадка посреди сосновой аллеи, со скамейкой; къ ней Маттъ повелъ молодую дѣвушку, но она не захотѣла сѣсть. Она стояла, опустивъ руки и смотрѣла ему въ лицо упорнымъ взглядомъ.

— Она сказала обо мнѣ сущую правду. Я возстала противъ нея, словно каменная скала. Она больна черезъ меня. Если она умретъ, я буду ея убійца!

Онъ взялъ ее въ свои объятія и прижалъ къ своему сердцу.

— О, любовь моя, любовь моя, любовь моя!

Ему было и больно, и сладко въ одно и то же время.

Она не пыталась сопротивляться.

Она только сказала:

— *Такъ-то* мы держимъ свое слово?.. Уже!..

— Мы дали слово, чтобы нарушить его; мы должны были имѣть это въ виду. Я радъ, что мы могли нарушить его такъ скоро. Теперь я дѣйствительно могу помочь вамъ, теперь, когда вы будете моей женою.

Она не противорѣчила ему, а только спросила:

— А что вы скажете, когда узнаете... Вы должны были знать, что я любила другого, но онъ никогда не любилъ меня! Вамъ слѣдовало бы презирать меня за это,—я сама себя презирала! Но это правда. Когда-то я любила его безъ памяти. *Теперь* скажете ли вы...

— Теперь болѣе чѣмъ когда-либо,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, зажимая ея уста своими. Имъ казалось въ эту минуту что вся вселенная со всѣми своими горестями и страданіями точно ускользнула отъ нихъ, оставивъ ихъ среди небеснаго блаженства.

— Сюзетта! Сюзетта!—раздался изъ комнатъ голосъ Аделины.— Гдѣ же ты?

Она вырвалась изъ его объятій и побѣжала въ коттэджъ. Затѣмъ она вышла немного погодя и объявила Матту, что, по мнѣнію доктора, Аделинѣ слѣдовало полежать въ постелѣ день-другой. Ей нуженъ былъ абсолютный покой и отдыхъ отъ всѣхъ треволненій.

— Мы не должны болѣе говорить при ней, а вы не должны долѣе оставаться здѣсь.

Онъ подчинился власти, которую она инстинктивно присвоила себѣ относительно его и нашелъ свой «отпускъ» въ порядкѣ вещей.

— Хорошо, я сейчасъ уйду,—сказалъ онъ.—А какъ же насчетъ...

Она положила ему въ руку свою карточку.

— Повидайтесь съ мистеромъ Путнэемъ и что вы и онъ найдете лучшимъ, будетъ лучшимъ. Развѣ вы уже не были нашимъ добрымъ ангеломъ съ того времени... О я не стою васъ и не стоила бы даже, если бы не было пятна...

— Тшъ!—остановилъ онъ ее. Онъ схватилъ ея руку и снова привлекъ къ себѣ.

Докторъ вышелъ изъ дому и сказалъ тихо:

— Опасности нѣтъ, но ей крайне необходимъ покой. Я пришлю къ вамъ миссисъ Морэллъ послѣ чая. Она—само спокойствіе.

Сюзэтта покорно приняла это предложеніе и подала Матту руку на прощаніе.

— Не подвезете ли меня немного, докторъ, если вы ѣдете въ городъ?

— Пожалуйста, садитесь,—сказалъ докторъ.

Сю ушла въ комнаты, а мужчины уѣхали вмѣстѣ.

Маттъ взглянулъ на карточку, бывшую у него въ рукѣ, и прочиталъ: «Мистеръ Путнэй, пожалуйста говорите съ мистеромъ Гилари какъ если бы вы говорили съ моей сестрой или со мной».

XIX.

Путнэй принялъ дозволеніе, данное Сюзэттой Матту, повидимому, не догадываясь ни о чемъ, кромѣ того, что оно непосредственно обозначало, и они сообща обсудили подробно планъ Пиннэя. Въ концѣ

концовъ вопросъ сводился къ тому, можно ли удержать такого неутомимаго развѣдчика въ должныхъ предѣлахъ относительно розысковъ мѣстопребыванія Нортвика; не слишкомъ ли сильны въ немъ репортерскіе инстинкты и не слишкомъ-ли трудно будетъ преодолѣть ихъ, возбудивъ въ немъ желаніе какихъ-нибудь личныхъ выгодъ, которыя можно поставить ему на видъ. Оба, и Путнэй, и Маттъ, были увѣрены, что вслѣдъ за письмомъ Нортвикъ не замедлитъ вступить въ сношенія со своимъ семействомъ.

Но время шло, а Нортвикъ не подавалъ о себѣ никакихъ другихъ вѣстей; суетливая дѣятельность, которую его письмо вызвало среди сыщиковъ не повела ни къ чему. Розыски ихъ не отличались большимъ усердіемъ; кредиторы Нортвика были различныхъ мнѣній относительно увезенной имъ суммы денегъ. Каждый изъ нихъ зналъ, что если Нортвикъ рѣшилъ остаться въ Канадѣ, силою его оттуда нельзя было достать; и казалось весьма сомнительнымъ, чтобы можно было убѣдить его отдаться добровольно въ руки закона.

Въ своей бесѣдѣ съ Маттомъ Путнэй высказалъ всѣ эти соображенія, когда доказывалъ, что имъ слѣдуетъ подождать почина со стороны Нортвика. Самъ онъ готовъ былъ ждать до тѣхъ поръ, пока Нортвику будетъ угодно, хотя думалъ, что вообще имъ не прійдется ждать долго. Путнэй стоялъ за особую теорію относительно всего поведенія этого человѣка и говорилъ, что охотно взялся бы развить и доказать свои заключенія передъ судомъ присяжныхъ.

Маттъ не могъ понять, насколько въ дѣйствительности онъ былъ убѣжденъ, что защита Нортвика могла быть построена на почвѣ умопомѣшательства, и что онъ съ удовольствіемъ повелъ бы такую защиту. Развѣ не было обычнымъ дѣломъ доказывать, что убійца помѣшанъ; почему же расхититель чужихъ денегъ не могъ быть тоже помѣшанъ? Откинувшись на спинку своего кресла, положивъ одну ногу на край своего письменнаго стола, безпрестанно перемѣщая свою табачную жвачку во рту отъ одной щеки къ другой во время разговора, адвокатъ набросалъ въ общихъ чертахъ аргументацію, которая, по его словамъ, могла произвести поразительный эффектъ. Начать съ того, что Нортвикъ былъ очень богатый человѣкъ и въ началѣ своихъ спекуляцій вовсе не нуждался въ чужихъ деньгахъ. Путнэй считалъ, что это отсутствіе мотива могло имѣть важное значеніе. А тотъ легкомысленный почти открытый способъ, какимъ Нортвикъ пользовался компанейскими деньгами, когда онъ началъ производить свои «займы», самъ по себѣ являлся доказательствомъ свихнувшагося разума: очевидно у него не было ни малѣйшаго понятія о *моемъ* и *твоемъ*, въ въ особенности о *твоемъ*. Затѣмъ, полнѣйшій упадокъ умственныхъ силъ, когда его продѣлки были раскрыты; его бѣгство безъ малѣйшей попытки поправить свои дѣла, хотя благодаря своему кредиту онъ могъ бы почти навѣрняка выпутаться изъ затруднительныхъ обсто-

ятельствъ, было другимъ доказательствомъ пошатнувшагося разсудка. Но кромѣ всего этого о томъ же свидѣтельствовало все его поведеніе послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ дому. Онъ находился въ отсутствіи около пяти мѣсяцевъ и въ это время не сдѣлалъ ни единаго шагу, чтобы списаться со своей семьей, хотя долженъ былъ знать, что могъ сдѣлать это вполнѣ безопасно для себя. Какъ отецъ онъ безъ памяти любилъ своихъ дѣтей; къ дому своему былъ страстно привязанъ и, однако оставался все это время въ добровольномъ изгнаніи, а своихъ дочерей оставлялъ въ полнѣйшей неизвѣстности относительно своей судьбы, давъ имъ возможность повѣрить вѣроятности его смерти вслѣдствіе ужасной случайности. Это извращеніе естественнаго характера человѣка было однимъ изъ самыхъ поразительныхъ явленій умопомраченія и Путнэй утверждалъ, что оно могло произвести потрясающее вліяніе на рѣшеніе суда присяжныхъ.

Маттъ сказалъ ему что коснулся этого вопроса въ разговорѣ съ докторомъ Морэлломъ и не сомнѣвался, что въ каждомъ преступникѣ есть тѣнь умопомраченія; онъ былъ увѣренъ, что въ ближайшемъ будущемъ законъ приметъ въ разсчетъ этотъ фактъ.

— Не думаю, чтобы уже время вполнѣ назрѣло для этого,—молвилъ Путнэй.

Прощаясь съ нимъ, Маттъ пожалѣлъ о невозможности удалить послѣднюю преграду между ними и сказать адвокату, почему онъ такъ сильно безпокоится о судьбѣ этого несчастнаго расхитителя: его завѣтнѣйшая надежда была въ томъ, чтобы дочь этого преступника когда-нибудь стала его женою.

Но Маттъ понималъ, что объ этомъ прежде всего онъ долженъ былъ сообщить тѣмъ, кто былъ для него ближе всѣхъ. И подобно какой-нибудь тяжелой загадкѣ, всю дорогу въ Вардлэ его мучилъ вопросъ, какими словами оформить этотъ фактъ. Онъ понималъ, почему его любовь къ Сюзэттѣ Нортвикъ должна огорчить его отца и мать; сколько затрудненій, непріятностей и дѣйствительнаго несчастія она повлечетъ для нихъ за собою, и все же онъ чувствовалъ, что именно эта любовь была для него святѣе всего другого на свѣтѣ. Онъ долженъ быть вѣрнымъ этой любви какою бы то ни было цѣною, чтобы ни случилось, и долженъ, прежде всего, быть вполнѣ откровеннымъ съ тѣми, кого любовь эта можетъ огорчить. Его не особенно пугало предстоявшее объясненіе съ отцомъ: они оба могли взглянуть на нее съ мужской точки зрѣнія. Притомъ отецъ, его въ сущности мало заботился о томъ, что станутъ говорить по этому поводу. Если даже онъ не станетъ горячо поддерживать эту любовь, онъ всетаки увидитъ въ ней такъ много хорошаго, что скоро и совершенно съ нею примирится.

Но Маттъ зналъ, что мать его была другого «фасона» и перенести этотъ ударъ будетъ для нея гораздо тяжелѣе; онъ ломалъ себѣ голову, какъ ей его облегчить. Иногда ему казалось, что лучше не пы-

таться облегчать его, пусть онъ сразу обрушится на нее, а остальное сдѣлаютъ ея материнская любовь и здравый смыслъ. Но оставшись съ матерью вечеромъ наединѣ, онъ началъ, какъ говорится, ходить вокругъ да около, такъ что ей и въ голову не могло ничего придти. Онъ до такой степени былъ занятъ своими усиліями выпутаться изъ затруднительнаго положенія, что не замѣтилъ подобныхъ же усилій съ ея стороны, пока она вдругъ рѣзко сказала ему:

— Маттъ, мнѣ надобно поговорить съ тобою,.. очень серьезно.

Сердце у него сжалось отъ страха, но онъ только сказалъ:

— Ну?

А она продолжала:

— Луиза сказала мнѣ, что ты намѣренъ привезти этого молодого человѣка къ намъ, на морскія купанья.

— Максуэлла? Я думалъ, перемѣна будетъ полезна для его здоровья. Да, я его привезу,—сказалъ Маттъ, трусливо радуясь, что избѣжалъ худшаго—того, чего такъ боялся: онъ думалъ, что она хотѣла говорить съ нимъ о Сюзэттѣ.

— Я не хочу, чтобы ты привозилъ его,—сказала мать.—Я не хочу, чтобы Луиза снова его увидѣла, когда уѣдетъ отсюда... она не должна болѣе никогда его видѣть. Она имъ очарована.

— Очарована?

— Я не могу подыскать другого слова. Я не говорю, что она въ него влюблена; но она дала необузданную волю своему любопытству и онъ плѣнилъ ея воображеніе, а любопытство и воображеніе сильнѣе всего развиты у нея... да и у большей части молодыхъ дѣвушекъ. Мнѣ хотѣлось бы положить конецъ всему этому.

— И ты совершенно права фактически, мама.

Онъ всталъ съ своего мѣста и принялся расхаживать по длинной низенькой комнатѣ деревенскаго дома, гдѣ они сидѣли. Луиза ушла распорядиться укладкою своихъ вещей для переѣзда къ морю, Маттъ видѣлъ свѣтъ въ угольной комнатѣ, гдѣ Максуэллъ, по всей вѣроятности, писалъ.

— Недостатки Максуэлла обусловливаются невыгодами его положенія... я это понимаю. Онъ зачастую язвителенъ, циниченъ, жестокъ, потому что ему приходится бороться изъ-за куска насущнаго хлѣба. Онъ другого общественнаго положенія, чѣмъ Луиза,—въ этомъ я совершенно съ тобою согласенъ, мама,—и если она желаетъ жить для свѣта, ему постоянно грозитъ опасность оскорбить ее своимъ неравенствомъ по отношенію къ другимъ людямъ ея состоянія. Мнѣ жаль Максуэлла, но онъ не возбуждаетъ въ моей душѣ особаго состраданія. Онъ несетъ кару своихъ невзгодъ; но онъ достаточно силенъ, чтобы перенести ее. Пусть отстаиваетъ себя! Но есть другіе... болѣе слабые, болѣе несчастные... Мама! ты меня еще не спросила о... Нортвикахъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—я собиралась спросить тебя о нихъ. Вѣдь

я только что видѣлась съ ними и голова моя была занята этими мыслями о Луизѣ... Ну что онѣ? Эта несчастная Аделина. Боюсь, это убьетъ ее. Удалось тебѣ сдѣлать что-нибудь для нихъ?

— Ахъ, ужъ право не знаю,—вздохнулъ молодой человѣкъ.—Имъ тоже приходится много страдать.

— Такова, повидимому, воля Провидѣнія,—объявила миссисъ Гилари съ философскою покорностью посторонняго зрителя.

— Ахъ, какой вздоръ!—возмутился Маттъ.—Въ такія несправедливыя и тяжкія послѣдствія чужой вины не можетъ быть замѣшана воля Божества! Женщины эти рѣшительно ни въ чемъ не виноваты; онѣ хотѣли только поступить по совѣсти и правдѣ, онѣ старались это сдѣлать. Но это не измѣняетъ ихъ положенія—онѣ подъ опалою, словно участницы въ преступленіи ихъ отца. У нихъ нѣтъ друзей...

— Ну, Маттъ,—съ достоинствомъ отвѣтила мать,—мнѣ кажется, тебѣ не слѣдовало бы говорить такимъ образомъ. Насколько дѣло касается насъ, я увѣрена, что намъ не въ чемъ упрекать себя. По моему, мы не остановились ни передъ чѣмъ въ выраженіи своего расположенія къ нимъ. Что же еще, по твоему, должны бы мы сдѣлать? Будетъ! не нравится мнѣ, когда ты говоришь такимъ образомъ!

— Пожалуйста, прости меня. Я, разумѣется, не осуждаю ни тебя, ни отца, ни Луизу. Я осуждаю самого себя... за трусливость... за... низость, что боюсь сказать... сказать тебѣ.... Мама!—выпалилъ онъ внезапно послѣ небольшой паузы,—я просилъ Сюзэтту выйти за меня замужъ.

Маттъ старался вообразить себѣ самому, какъ онъ скажетъ объ этомъ матери и какое дѣйствіе окажетъ на нее это признаніе, съ того самаго момента, какъ ушелъ отъ Сюзэтты, присутствіе которой поглощало всѣ его думы. Мысль объ этомъ не покидала его впродолженіи всего разговора съ Путнэемъ; объ этомъ же думалъ онъ всю дорогу домой и теперь, пока мать говорила съ нимъ о Максуэллѣ и Луизѣ. Но ему постоянно казалось невозможнымъ,—все болѣе и болѣе невозможнымъ,—сдѣлать ей это признаніе; когда же его собственный голосъ произнесъ вышеприведенныя слова, ему показалось, будто онъ совершилъ нѣчто, вполнѣ невѣроятное.

XX.

Результатъ никогда не соотвѣтствуетъ нашему представленію. Миссисъ Гилари выслушала признаніе Матта, повидимому, не раздѣляя нисколько его волненія. Женщины большею частью живутъ въ области привязанностей; даже у самыхъ свѣтскихъ женщинъ есть свои склонности и антипатіи. Вопросъ же, съ которымъ Маттъ такъ внезапно обратился къ ней, для такихъ женщинъ прежде всего личный вопросъ. Она не была свѣтскою женщиной въ крайнемъ смыслѣ. Но она лю-

била свое положеніе въ свѣтѣ и предпочитала согласіе и сходство въ людяхъ. Среда, въ которой она родилась и выросла, представляла «сливки» общества и она не понимала, какъ можетъ кто-нибудь съ нимъ расходиться безъ потери для себя. Идеи ея общества были самыми лучшими, иначе оно бы не стало держаться за нихъ; да и сама она не желала имѣть другихъ идей. Но семейство ея значило для нея больше, гораздо больше, чѣмъ значитъ свѣтъ. Она знала, что было время, когда мужъ ея держался относительно рабства совершенно иныхъ идей, чѣмъ ея общество, но она всегда какъ-то изловчалась чтить идеи того и другого. Съ тѣхъ поръ, какъ ея сынъ сталъ въ разрѣзъ съ ея свѣтомъ относительно того, что̀ онъ называлъ промышленнымъ рабствомъ, она изощрилась,—не чувствуя непослѣдовательности,—«переносить» его и все-таки оставаться въ связи съ обществомъ. Въ своей материнской терпимости она являлась представительницей церковнаго принципа, который признаетъ совершающіеся факты, отнюдь не измѣняя своихъ доктринъ.

— Ты хочешь сказать, Маттъ,—спросила она,—что собираешься жениться на ней?

— Ну, да,—отвѣчалъ Маттъ,—это именно я и хотѣлъ сказать,—затѣмъ прибавилъ, такъ какъ что-то въ тонѣ и манерѣ его матери укололо его по отношенію къ Сю:—но мое желаніе жениться на ней вовсе не было необходимымъ слѣдствіемъ сдѣланнаго мною ей предложенія. Я ожидалъ услышать отказъ съ ея стороны.

— Мужчины всегда такъ думаютъ; не знаю только, почему,—сказала миссисъ Гилари.—Но въ данномъ случаѣ, по моему, это немыслимо.

— По твоему немыслимо? А по моему вполнѣ естественно!—рѣзко возразилъ Маттъ.

Но мать его, казалось, не замѣтила его раздраженія.

— Значитъ, если это вполнѣ рѣшенный вопросъ, ты не желаешь, чтобы я что-либо сказала тебѣ.

— Я желаю, чтобы ты сказала все, что̀ имѣешь сказать, мама... все, что ты чувствуешь и думаешь... о ней и обо всемъ этомъ дѣлѣ. Но я не хочу, чтобы ты думала... Я не могу *допустить*, чтобы ты думала... будто она хоть однимъ взглядомъ или словомъ позволила мнѣ предположить, что предложеніе мое будетъ ей желательно.

— О, я вовсе не думала этого, — сказала миссисъ Гилари. — Она черезчуръ горда для этого. Но я не сомнѣваюсь, что оно было ей мило.—Маттъ сердился молча, но позволилъ матери продолжать.—Она ужасно гордая дѣвушка и я не сомнѣваюсь, что испытанія, черезъ которыя она прошла, только усилили ея высокомѣріе.

— Я не считаю ее совершенствомъ,—сказалъ Маттъ.—Вѣдь мнѣ и самому далеко до совершенства. Но я не скрываю отъ себя ея недостатковъ, какъ не скрываю отъ себя своихъ собственныхъ. Знаю,

что она горда. Я не поклонникъ гордости. Но мнѣ кажется, она въ томъ не виновата.

— Я вовсе не упрекаю ее въ этомъ,—возразила миссисъ Гилари.— Гордость не есть непремѣнная спутница черствости сердца; иногда гордость имѣетъ въ себѣ много хорошаго. Ея высокомѣріе чрезвычайно внушительно. Я видѣла, какъ оно помогало ей одерживать побѣду надъ людьми, которые по многимъ причинамъ готовы были смотрѣть на нее сверху внизъ.

— Въ этомъ смыслѣ для меня ея гордость не имѣла бы никакой цѣны,—перебилъ Маттъ.

— Нѣтъ. Но гордость служитъ ей вмѣсто недостающихъ ей родственныхъ связей, которыя имѣются у всякаго другого...

— Да у нея будутъ всѣ наши, надѣюсь, мама! — прервалъ ее Маттъ съ улыбкой; но мать его не хотѣла оставить этого вопроса.

— И всегда казалось ужасно страннымъ, что у нея ихъ нѣтъ. Ну, право, когда она входитъ въ комнату, можно подумать, что полБостона, а не то всѣ принцы крови ей родня. Несомнѣнно, она великолѣпное созданіе.

Маттъ рѣшительно расходился съ матерью въ самомъ основаніи всѣхъ ея свѣтскихъ резоновъ восхищаться Сюзеттой, но похвалы ея переполнили его сердце. Слезы стояли въ его глазахъ и голосъ его дрожалъ, когда онъ произнесъ:

— Она... она... ангельски прелестна!

— Ну, не совсѣмъ въ этомъ стилѣ, быть можетъ,—молвила миссисъ Гилари.—Но она славная дѣвушка. Ее поневолѣ всякій станетъ уважать. А по моему она даже заслуживаетъ еще больше уваженія за то, что уступила своей несчастной сестрѣ относительно ихъ дома, чѣмъ за то, что хотѣла его отдать.

— Правда,—прошепталъ Маттъ признательно.

— Но вотъ... вотъ тутъ-то и настоящая бѣда, Маттъ! Сюзетта можетъ быть украшеніемъ самаго высокаго положенія. Но ея отецъ! Что скажутъ въ свѣтѣ?

— А какое намъ до этого дѣло, мама?

— Быть можетъ, это бы не имѣло слишкомъ большого значенія, оставайся все въ прежнемъ видѣ... если бы о немъ не было никакихъ вѣстей. Но это письмо его! А что еще можетъ онъ выкинуть? Вдругъ онъ возьметъ да явится, чтобы его судили!

— Я бы сталъ уважать его за это!—пылко вскричалъ Маттъ.

— Маттъ!..

— Я не стану его уговаривать сдѣлать это. Быть можетъ, для этого у него не хватитъ душевнаго мужества. Но имѣй онъ его, это было бы лучшее изъ того, что онъ можетъ сдѣлать, и я съ радостью поддержу его!

— И потащишь насъ всѣхъ черезъ эту лужу грязи? Право, сынъ

мой, если ты легко относишься къ матери своей и сестрѣ, то во всякомъ случаѣ, тебѣ слѣдуетъ подумать объ отцѣ и не доставлять ему еще болѣе огорченій благодаря этому негодяю.

— Нѣтъ. Богу извѣстно, какъ глубоко меня тревожитъ мысль, какъ отзовется моя помолвка на отцѣ. Боюсь, она поставитъ его въ затруднительное положеніе... скомпрометируетъ даже...

— Объ этомъ я ничего не могу сказать,—отвѣчала миссисъ Гилари.—Тебѣ и ему лучше знать. Одно вѣрно ни съ его, ни съ моей стороны, не будетъ такихъ возраженій, которыя ты самъ не счелъ бы основательными...

— О, я въ этомъ убѣжденъ, мама... И я не въ состояніи выразить словами, какъ я глубоко чувствую...

— Отецъ твой такого же высокаго мнѣнія о Сюзеттѣ, какъ и я; но не думаю, чтобы онъ сталъ сносить долѣе твои сумасбродства, Маттъ, и если ты намѣренъ передъ своей женитьбой доставить своего тестя въ тюрьму, можешь быть увѣренъ, отецъ твой не одобритъ твоей женитьбы.

Маттъ расхохотался забавности этого предположенія, которая ускользала отъ его матери.

— Такого именно намѣренія я не имѣю.

— И я убѣждена, онъ не найдетъ себѣ покоя, пока вся эта исторія не будетъ затушена или не затихнетъ сама собою.

— Но вѣдь отецъ не можетъ оставить этого дѣла! — вскричалъ Маттъ. — Долгъ обязываетъ его продолжать его при всякомъ удобномъ случаѣ. Я не хочу оставлять тебя въ заблужденіи относительно этого вопроса. Я хочу, чтобы ты уяснила себѣ именно то, что должно быть. Я старался взглянуть на это дѣло прямо и честно и знаю, какимъ оно представляется. Я постараюсь, чтобы и Сюзетта посмотрѣла на него, какъ я, и убѣжденъ, что она согласится со мною. Я не считаю отца ея виновнѣе многаго множества другихъ людей, которые не были открыты. Но онъ былъ открытъ и долженъ, ради принципа общественности, добровольно понести наказаніе, налагаемое закономъ. Въ этомъ его единственная надежда, его спасеніе, его долгъ. А отецъ обязанъ заставить его понести наказаніе, все равно, по доброй ли волѣ или по неволѣ. Вотъ эта обязанность гораздо противнѣе...

— Не понимаю, Маттъ, какъ ты можешь говорить, что роль твоего отца противнѣе роли сознавшагося мошенника!

— Да нѣтъ же, я не говорю...

— Ну такъ я думаю, тебѣ лучше всего отправиться къ твоему отцу и, если можешь, согласить свой долгъ съ его долгомъ. Я умываю руки въ этомъ дѣлѣ. Но мнѣ все-таки кажется, что ты потерялъ голову. Могу тебя увѣрить, свѣтъ посмотритъ совершенно иначе на женщину, отецъ которой умеръ въ Канадѣ, Богъ знаетъ когда и от-

чего, чѣмъ на ту, отецъ которой былъ посаженъ въ тюрьму за то, что взялъ чужія деньги.

Маттъ развелъ руками.

— Охъ, ужъ этотъ свѣтъ! Я не допущу, чтобы свѣтъ совалъ свой носъ! Я не допущу, чтобы Сюзетты коснулись его низкіе и жестокіе предразсудки. Она пріѣдетъ со мною сюда, на ферму, и мы будемъ жить вдали отъ воспоминаній того, что она выстрадала безъ вины, а свѣтъ пусть себѣ идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ.

— И неужели ты воображаешь, что людская молва не послѣдуетъ сюда за тобою! Неужели ты думаешь, что нѣтъ здѣсь добрыхъ людей, готовыхъ привѣтствовать тебя, какъ желаннаго гостя въ своемъ домѣ со всѣми предразсудками, отъ которыхъ ты надѣешься здѣсь укрыться? Всякая старая кумушка по сосѣдству будетъ указывать пальцами на Сюзетту, какъ на дочь человѣка, который отбылъ свой срокъ въ тюрьмѣ за мошенничество. Большой свѣтъ забываетъ, но всѣ эти маленькіе людишки, окружающіе тебя здѣсь, будутъ помнить объ этомъ, пока вы оба будете живы. Когда ты женишься на Сюзеттѣ Нортвикъ, ты долженъ либо послѣдовать въ изгнаніе за ея отцомъ, либо раздѣлить его позоръ съ нею здѣсь, у себя дома.

— Я рѣшился раздѣлить этотъ позоръ, оставаясь дома. У меня языкъ не повернется просить ее бѣжать отъ него.

— Ну такъ изъ состраданія оставь въ покоѣ этого несчастнаго человѣка, гдѣ бы онъ ни былъ. А если можешь до него добраться, попроси его оставаться вдали и не подавать своего голоса до самой смерти. Спокойной ночи!

Миссисъ Гилари встала съ своего кресла, наклонилась надъ Маттомъ, опустившимся въ свое, и поцѣловала его въ лобъ. Онъ думалъ, что рѣшилъ одну часть задачи; но ея слова показали ему, что онъ не разглядѣлъ ее настоящимъ образомъ при свѣтѣ любви, который скрылъ печальную дѣйствительность въ ослѣпительно-обольстительныхъ мечтахъ.

Ему не удалось выяснить затруднительности положенія, когда онъ обратился къ отцу; ему показалось, что оно стало еще запутаннѣе и онъ положительно не зналъ, какъ ему сказать объ этомъ. Мать его наотрѣзъ отказалась говорить объ этомъ дѣлѣ съ его отцомъ и Маттъ сразу понялъ, что для отца извѣстіе о его женитьбѣ будетъ гораздо большей неожиданностью, чѣмъ для матери.

Однако, Гилари, несмотря на свое изумленіе, выслушалъ это извѣстіе съ терпѣніемъ и нѣжностью къ сыну, что глубоко тронуло Матта. Онъ спросилъ, не предпринялъ-ли чего-нибудь Маттъ или не думаетъ-ли предпринять что-либо; а когда Маттъ сказалъ ему, что кое-что предпринялъ, отецъ его помолчалъ одну минуту. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Мнѣ тоже надобно будетъ предпринять какое-нибудь дѣйствіе относительно этого.

— Какъ, дѣйствіе?

— Ну да. Вѣдь ты понимаешь, мой милый мальчикъ, что какъ только объ этомъ узнаютъ... а ты, разумѣется, желаешь, чтобы объ этомъ узнали...

— Еще бы!

— Для меня станетъ немыслимо оставаться въ настоящемъ положеніи относительно Нортвика.

— Относительно Нортвика?

— Какъ предсѣдатель совѣта я ex oficio его врагъ и гонитель. Неудобно, неприлично для меня продолжать эту роль послѣ того, какъ станетъ извѣстно, что ты собираешься жениться на его дочери. Такое положеніе просто немыслимо. Я долженъ сложить съ себя эту обязанность, долженъ совсѣмъ выйти изъ совѣта. Я не обладаю достаточнымъ мужествомъ къ выполненію моей служебной обязанности такою цѣною, а потому для меня лучше отказаться отъ моей службы и развязаться съ своей обязанностью.

— Это будетъ большою жертвой съ твоей стороны, отецъ,—сказалъ Маттъ.

— Это не сдѣлаетъ меня нищимъ, если ты имѣешь въ виду денежную сторону дѣла.

— Вовсе нѣтъ. Но я знаю, какъ тебѣ было пріятно твое положеніе.

Гилари принужденно засмѣялся.

— Ну, оно не было усыпано розами съ тѣхъ поръ, какъ мы открыли криводушіе Нортвика, извини меня!

Маттъ вспыхнулъ.

— О я знаю, онъ покривилъ душою, какъ говорится о такихъ вещахъ.

— На самомъ дѣлѣ, — продолжалъ отецъ, — я радъ избавиться отъ этого дѣла и не думаю, чтобы моему выходу стали особенно противиться. Въ совѣтѣ противъ меня порядкомъ возбуждены. Я пробовалъ, какъ говорится, вынести это дѣло на своихъ плечахъ. Я старался по чести и совѣсти; но старанія мои не привели къ хорошему результату. Не могъ я отнестись къ этому дѣлу вполнѣ хладнокровно; съ самаго начала мнѣ стало жаль дѣтей этого несчастнаго, вотъ я и поддержалъ его и далъ ему возможность выпутаться изъ бѣды.

— Это былъ вполнѣ справедливый поступокъ. Это было единственно-дѣловое...

— Не было ничего дѣлового надѣяться, что даже если правосудіе потеряетъ отъ этого, авось, онъ—тѣмъ или инымъ путемъ—ускользнетъ отъ послѣдствій своего преступленія; а я боюсь, надѣялся на это, на зло самому себѣ,—признался Гилари.

Это было до такой степени близко къ истинѣ, что Маттъ не рѣшился противорѣчить своему отцу. Онъ сказалъ только:

— Не думаю, чтобы эта надежда въ какое бы то ни было время помѣшала строгому исполненію твоего долга.

— Нѣтъ, но все же я питалъ такую надежду, а другіе догадывались объ этомъ. Я сознавалъ это и радъ, что могу покончить съ этимъ дѣломъ. Я не стыжусь твоего выбора, Маттъ; я горжусь имъ. Сперва меня всбудоражило это, потому что передо мною всталъ вопросъ, что я долженъ сдѣлать въ данномъ случаѣ. Но она во всѣхъ отношеніяхъ чудная дѣвушка. Совѣтъ знаетъ, что она хотѣла сдѣлать и почему не сдѣлала. Нѣтъ человѣка, который бы не относился къ ней съ высокимъ уваженіемъ. И я не думаю, чтобы люди стали думать о комъ-нибудь изъ насъ худо за то, что ты хочешь на ней жениться. А если и подумаютъ худо, пускай ихъ, чортъ съ ними!

У Гилари послѣ этихъ заключительныхъ словъ точно гора свалилась съ плечъ. Но онъ снова вернулся къ предмету бесѣды, обмѣнявшись долгимъ рукопожатіемъ съ сыномъ.

— Теперь намъ надобно серьезно подумать о томъ, какъ поступать... Мы должны какъ-нибудь добраться до него. Разумѣется, имъ не больше нашего извѣстно о томъ, гдѣ онъ обрѣтается.

— Онѣ въ рѣшительномъ невѣдѣніи относительно этого,—отвѣчалъ Маттъ.—По моему, именно эта неизвѣстность-то и изводитъ миссъ Нортвикъ.

— Этотъ малый ведетъ себя, какъ истый сумасшедшій.

Слово это напомнило Матту Путнэя и онъ отвѣчалъ:

— То же самое думаетъ и ихъ адвокатъ...

— Ого! Ты съ нимъ видѣлся? Большой руки оригиналъ.

— Да, я видѣлся съ нимъ, когда ѣздилъ туда, послѣ... послѣ... по просьбѣ Сюзетты. Я хотѣлъ переговорить съ нимъ о планѣ, переданномъ Максуэллу однимъ знакомымъ ему репортеромъ.

И Маттъ подробно разсказалъ отцу планъ Пиннэя и показалъ письмо послѣдняго.

Прочитавъ письмо, Гилари посмотрѣлъ на сына.

— Да неужели же это тотъ самый негодяй, который написалъ тотъ отчетъ о расхищеніи въ «Извѣстіяхъ»?

— Ну да, онъ самый. Только слово негодяй...

— Ладно, Маттъ; но я, право, не знаю, можемъ ли мы воспользоваться его услугами. Мнѣ кажется, это было бы чѣмъ-то въ родѣ оскорбленія бѣднымъ дѣвушкамъ.

— И объ этомъ я подумалъ. Я чувствовалъ это. Но во всякомъ случаѣ едва-ли онъ сознавалъ, что поступалъ какъ негодяй. Максуэллъ говоритъ, онъ не вѣдаетъ объ этомъ. Да притомъ, намъ ничего тутъ не подѣлать. Если онъ поѣдетъ туда не для насъ, то поѣдетъ за свой счетъ. Мы *должны* воспользоваться имъ. Мы можемъ купить его вѣрность въ служеніи намъ, а сантиментальныя возраженія сдать въ архивъ.

Я уже обо всемъ этомъ передумалъ и пришелъ къ этому единственному заключенію.

Гилари сердился и кипятился. Но онъ понялъ, что имъ ничего другого не оставалось дѣлать.

— А что думаетъ объ этомъ ихъ адвокатъ?—спросилъ онъ.

— По его мнѣнію, лучше было бы все это оставить пока; подождать, авось мистеръ Нортвикъ самъ постарается снестись со своими дѣтьми.

— Я что-то не вѣрю въ это,—возразилъ Гилари.—Если тотъ малый на самомъ дѣлѣ таковъ, какъ ты о немъ говоришь, почему бы намъ не воспользоваться его услугами теперь же.

— Воспользоваться его услугами чтобы вернуть мистера Нортвика?—спросилъ Маттъ.—По моему для него было бы хорошо вернуться, но только по доброй волѣ...

— Вернуться?—сказалъ Гилари, гражданская нравственность котораго не возносилась такъ высоко.—Пустое! Я намѣренъ употребить этого молодца на то, чтобы отыскать его и дать намъ возможность узнать достовѣрно, сколько именно денегъ онъ оставилъ у себя и сколько намъ ихъ придется внести для приведенія въ порядокъ его счетовъ.

Теперь только Маттъ понялъ и оцѣнилъ намѣреніе своего отца.

— Папа, какой ты хорошій!

— Глупости! Я попался, какъ куръ во щи. Да развѣ мы можемъ поступить иначе? А что касается до денегъ, не будь здѣсь...

Гилари задохнулся отъ волненія, охватившаго его при видѣ лица своего сына.

Каждому отцу пріятно, чтобы взрослый сынъ былъ о немъ хорошаго мнѣнія; дороже этого ничего не можетъ быть для него въ жизни, гораздо дороже, чѣмъ довѣріе къ нему дочери, потому что сынъ *знаетъ*, хорошій человѣкъ его отецъ, или нѣтъ. Въ глубинѣ души своей Гилари дорожилъ мнѣніемъ своего сына гораздо болѣе массы отцовъ; Маттъ былъ неисправимый мечтатель-идеалистъ и Гилари цѣнилъ его мнѣніе, какъ нѣчто идеальное.

— А мы можемъ откопать этого малаго?—спросилъ онъ немного погодя.

— О, навѣрно, когда угодно.

— Что вообще говорилъ о немъ Максуэллъ?

— Въ общемъ онъ вовсе не такъ уже плохъ. У него репортерская жилка и нюхъ сыщика. Онъ уже работалъ въ этомъ послѣднемъ направленіи, какъ любитель-доброволецъ, что дѣлаютъ многіе репортеры... по словамъ Максуэлла. Оба эти занятія какъ-то вяжутся между собою, а онъ въ этомъ отношеніи обладаетъ большою сметкою и недюжинными способностями. Онъ желаетъ взяться за это дѣло изъ разсчета и, разумѣется, хочетъ, чтобы эта афера дала ему лишній грошъ. Максуэллъ говоритъ, что его надежда на повышеніе въ смыслѣ газетнаго сотрудника чистѣйшая ерунда: его слишкомъ хорошо знаютъ, чтобы дать ему

какое-нибудь отвѣтственное положеніе. Онъ представляетъ подобно всякому другому, смѣсь добра и зла. Онъ обожаетъ свою жену и хочетъ дать ей и ребенку подышать свѣжимъ воздухомъ...

— Мое мнѣніе,—перебилъ Гилари,—послать этого...

— Пиннэя.

— Пиннэя теперь же. Хочешь съ нимъ повидаться?

— Если ты окончательно рѣшилъ это дѣло.

— Я рѣшилъ окончательно. Но веди съ нимъ переговоры осторожно и ради Бога обяжи его всѣмъ, что для него есть наиболѣе святого— если только у него есть что-либо святое!—держать языкъ за зубами, Пусть назначитъ самъ свою цѣну, а ты предложи напослѣдокъ и пожизненную пенсію его вдовѣ.

XXI.

Миссисъ Гилари назначила свой отъѣздъ съ фермы къ морю на другой же день послѣ разговора своего съ Маттомъ. Луиза должна была уѣхать съ нею. Миссисъ Гилари разсудила за лучшее сказать ей причину, когда молодая дѣвушка пришла пожелать ей спокойной ночи и объявить, что всѣ ея сборы окончены.

— Но зачѣмъ, скажи пожалуста, мы спѣшимъ словно угорѣлыя мама? Словно кто насъ въ спину гонитъ?

— А спѣшимъ мы потому... неужели ты въ самомъ дѣлѣ ничего не понимаешь, Луиза?.. потому что въ нездоровой атмосферѣ этого дома теряешь всякое чувство... мѣры... различій. Дикія понятія Матта заразятъ, хоть кого угодно! Я не осуждаю *тебя* въ частности; простая жизнь, которую онъ заставляетъ вести здѣсь... ведя ее самъ болѣе всякаго другого... заставляетъ тебя воображать, что ты можешь прожить такъ же просто, если захочешь, весь свой вѣкъ вездѣ.

— Здѣсь такъ пріятно... такъ спокойно,—вздохнула дѣвушка.— Просто становится тошно при воспоминаніи объ обѣдахъ и совѣстно при мысли о балахъ и вечерахъ.

— Но ты должна же къ нимъ вернуться; ты должна вернуться въ свѣтъ, къ которому принадлежишь. Поэтому лучше не уносить съ собою никакихъ этихъ странныхъ и смѣшныхъ привычекъ.

— Какая ты загадочная, мама, словно египетскій сфинксъ! Такія привычки, какъ, напримѣръ, что?

— Какъ мистеръ Максуэллъ.

Молодая дѣвушка измѣнилась въ лицѣ. Мать затронула ее за живое. Миссисъ Гилари продолжала, пристально глядя на дочь:

— Ты знаешь, ему не мѣсто въ свѣтѣ...

— Правда, ему тамъ не мѣсто,—быстро отвѣчала Луиза; но въ голосѣ ея звучала такая печаль, что сердце ея матери сжалось отъ жалости.

— Я замѣтила, что ты стала имъ увлекаться; твое воображеніе возбуждено; онъ подстрекаетъ твое любопытство. Меня ничуть не удивляетъ это! онъ очень интересенъ. Онъ заставляетъ чувствовать свою силу болѣе всѣхъ другихъ молодыхъ людей, которыхъ я видала. Онъ плѣняетъ твое воображеніе даже тогда, когда оскорбляетъ твой вкусъ.

— Да, все это совершенно такъ,—безпомощно сказала Луиза.

— Но вѣдь онъ оскорбляетъ твой вкусъ!

— Иногда... не всегда.

— Однако, всетаки оскорбляетъ... Луиза, мнѣ было бы очень грустно, если бы ты... полюбила этого молодого человѣка!

Слова эти казались вопросомъ. Луиза опустила голову и отвѣтила другимъ вопросомъ.

— Почемъ я знаю? Онъ не спрашивалъ меня объ этомъ.

Этотъ уклончивый отвѣтъ разсердилъ ея мать.

— Не говори глупостей, не ребячься, моя милая. Для этого вовсе не надо, чтобы тебя спросили, хотя я ужасно рада, что онъ *не спрашивалъ* тебя объ этомъ, потому что теперь ты можешь бросить эту канитель съ спокойною совѣстью.

— Я еще не знаю, хочу ли я бросить ее,—задумчиво сказала молодая дѣвушка.

— Да, да, ты это сдѣлаешь, моя милая!—рѣзко возразила ея мать.— Ты знаешь, что это не поведетъ ни къ чему. Вопросъ не въ его бѣдности: у твоего отца денегъ достаточно. Вопросъ въ его общественномъ положеніи и въ той безднѣ ничтожныхъ мелочей, изъ которыхъ составляется вся сумма счастія въ замужествѣ. Онъ и по рожденію и по воспитанію человѣкъ совсѣмъ другой среды и до такой степени различной отъ твоего міра, какъ-будто бы то была среда другой планеты... Хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты подумала обо всѣхъ знакомыхъ тебѣ дѣвушкахъ... много ли изъ нихъ вышло замужъ внѣ своей среды, внѣ своего круга... мы можемъ почти сказать внѣ своей семьи. Да ни одна!

— Я не говорила, что хочу выйти за него замужъ, мама.

— Не говорила. Ну, а мнѣ хотѣлось, чтобы ты ясно поняла, что̀ бы это такое было.

— Это было бы нѣчто очень благородное, если мечты его осуществятся,—замѣтила Луиза.

— Пожалуй, ты права,—согласилась миссисъ Гилари. Ей хотѣлось быть очень, очень разсудительной, очень, очень справедливой. Только такимъ манеромъ можно было уломать такую дѣвушку, какъ Луизу, да быть можетъ, всякую дѣвушку.—Это было бы благородно съ одной стороны. Но это не было бы хорошо въ свѣтскомъ смыслѣ, а ты открыто дорожила всегда мнѣніемъ свѣта. Я знаю, что мы, бостонцы, всегда были преданы интересамъ умственной дѣятельности; ньюйоркцы и другіе люди думаютъ,—по крайней мѣрѣ говорятъ, что думаютъ,—что у насъ масса литераторовъ. Мы охотно приглашаемъ ихъ въ дома,

но я провожу цѣлые сезоны, не встрѣчаясь съ ними, и едва ли ты можешь сказать, что они принадлежатъ къ обществу, даже и тогда, когда бываютъ въ немъ приняты. Если у такого человѣка есть общественныя связи, онъ принятъ въ обществѣ; но онъ принятъ тамъ благодаря своимъ связямъ, а вовсе не благодаря своимъ личнымъ совершенствамъ. Этотъ молодой человѣкъ можетъ стать знаменитымъ, но онъ всегда будетъ непризнаннымъ выскочкой, а дѣвушка изъ общества изъ-за него будетъ поставлена въ разладъ съ обществомъ. Его даровитость дастъ ему популярность, но не свѣтскій почетъ.

— Маттъ не считаетъ мнѣніе свѣта стоющимъ того, чтобы имъ дорожить,—замѣтила Луиза, какъ бы невзначай.

— Но *ты* думаешь объ этомъ иначе, — возразила ея мать. — И Маттъ говоритъ, что традиціи этого молодого человѣка могутъ оскорбить тебя передъ свѣтомъ.

— Неужели Маттъ сказалъ это?—сердито спросила Луиза.—Я поговорю объ этомъ съ Маттомъ! Хотѣлось бы мнѣ знать, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Хотѣлось бы мнѣ знать, что-то онъ мнѣ отвѣтитъ.

— Очень вѣроятно онъ отвѣтитъ, что свѣтъ не стóитъ вниманія. Тебѣ извѣстны его глупости. Если ты согласна съ Маттомъ, я не скажу болѣе ничего, Луиза, ни одного слова. Можешь выйти замужъ хоть за фабричнаго рабочаго или за поденщика - землепашца въ такомъ случаѣ, не теряя самоуваженія. Я говорила съ тобою только по отношенію къ тому образу жизни, который ты желала вести, какъ, я всегда тебя понимала. Не моя вина, если тебѣ не удастся это. Ты должна понять, однако, и понять вполнѣ ясно, что ты не можешь устроить свою жизнь по двумъ шаблонамъ. Либо ты должна оставаться въ свѣтѣ и принадлежать ему всецѣло; либо ты должна порвать съ его свычаями и обычаями и создать свой собственный міръ, оставаясь, такъ сказать, въ преддверіи богемы, на его окраинахъ, тогда ты должна совсѣмъ отказаться отъ свѣта и его преимуществъ.

Миссисъ Гилари поднялась съ кушетки, гдѣ она сидѣла.

— Ну, а теперь я пойду спать, — сказала она. — И я бы хотѣла, чтобы ты хорошенько обдумала все это, Луиза. Я не осуждаю тебя за это; я желаю только тебѣ добра и счастья... Тебѣ и Матту. Но я должна сказать, что на такихъ дѣтей, какъ вы не легко было угодить. А знаешь ли ты, что Маттъ изволилъ сдѣлать?

Миссисъ Гилари не располагала говорить объ этомъ, но подъ конецъ у нея явилась неодолимая потребность высказаться.

— Что-нибудь новое относительно Сюзэтты и Аделины?

— Ну да... по крайней мѣрѣ относительно одной изъ нихъ. Онъ сдѣлалъ предложеніе Сюзэттѣ.

— Какъ это чудно! Какъ великолѣпно съ его стороны! Значитъ, она можетъ теперь же отдать свое имущество, а Маттъ можетъ позаботиться и о ней, и объ Аделинѣ.

— То-есть—отецъ твой можетъ это сдѣлать вмѣсто него. На совѣсти Матта не тяготѣетъ преступленія, что онъ капиталистъ. Онъ намѣревается, кажется, уговорить Сюзэтту жить здѣсь съ нимъ на фермѣ.

— Не думаю, чтобы эта жизнь пришлась ей по вкусу, — сказала Луиза. — Но будетъ ли она въ состояніи смотрѣть людямъ въ лицо? Не будетъ ли ее постоянно мучить мысль, что думаютъ о ней люди?

— Я считала нужнымъ намекнуть Матту объ этомъ, хотя, въ сущности, съ практической точки зрѣнія люди будутъ равнодушны къ вопросу, кто былъ ея отецъ... т.-е., я имѣю ввиду людей свѣтскаго общества. У нея воспитаніе и традиціи лэди и она будетъ носить имя Матта. Дѣло въ томъ, — продолжала миссисъ Гилари, давая дочери удовольствіе выслушать нѣчто въ родѣ монолога, — что мы, кажется, должны быть рады, что Маттъ такъ легко съ нами раздѣлался. Я побаивалась, что онъ въ концѣ концовъ возьметъ да и женится на дочери какого-нибудь фермера и введетъ въ нашу семью особу, которая будетъ говорить гнусавымъ голосомъ, уснащая свою рѣчь мужицкими словечками. Сюзэтта не въ примѣръ лучше, какъ ни плохъ ея отецъ. Но все-таки должна признаться, для меня было ударомъ, когда Маттъ объявилъ мнѣ, что они помолвлены.

— Почему же тебя это такъ удивило, мама?—вскричала Луиза.— Я такъ давно уже думала, что кончится этимъ. Во-первыхъ, я знала, что сочувствіе Матта къ ней будетъ сильно возбуждено, а вѣдь ты знаешь, это въ немъ самая чувствительная струнка. А затѣмъ вѣдь Сюзэтта прелестная дѣвушка. Она царица красоты, притомъ совершенная противоположность Матту во всѣхъ отношеніяхъ. Само собою разумѣется, она должна была очаровать его. Меня это нисколько не удивляетъ.

— Могло случиться гораздо худшее,—вздохнула миссисъ Гилари. — Какъ только онъ переговоритъ съ отцомъ, мы должны будемъ объявить объ этомъ во всеуслышаніе и лицемѣрно отстаивать этотъ союзъ передъ добрыми людьми. Къ счастью, теперь лѣто; масса знакомыхъ уѣхали за границу.

Луиза разсмѣялась.

— Даже мистеръ Нортвикъ за границей.

— Надѣюсь, онъ тамъ и останется,—значительно сказала миссисъ Гилари.

— Будетъ совершенно во вкусѣ Матта, — не правда ли? — постараться привести его въ кандалахъ, настолько длинныхъ, чтобы онѣ всетаки не мѣшали ему передать молодую ея мужу.

— Луиза!—укоризненно воскликнула мать.

Луиза расплакалась.

— А! по твоему пустяки, — сказала она запальчиво, — что Маттъ женится на дѣвушкѣ, у которой отецъ удралъ съ чужими деньгами! А человѣкъ, который честнымъ трудомъ пробилъ себѣ дорогу, считается

не принадлежащимъ къ нашему обществу, будь онъ хоть семи пядей во лбу, и только потому что у него не имѣется традицій свѣтскаго человѣка...

— Я не намѣрена отвѣчать на твои несправедливыя и нелѣпыя разсужденія, моя милая,—сказала миссисъ Гилари.—Я только спрошу у тебя, желаешь ли ты выйти замужъ за мистера Максуэлла...

— Я сама позабочусь о себѣ! — воскликнула молодая дѣвушка, открыто, если не окончательно возмущенная. Она бросилась вонъ и побѣжала наверхъ въ свою комнату, которая находилась противъ той, гдѣ горѣлъ огонь у Максуэлла. Она опустилась на колѣни возлѣ окна и поклонилась этому огню, который закружился золотымъ туманомъ въ ея слезахъ; она обращалась къ этому огню съ состраданіемъ и нѣжною мольбою и оставалась въ этой позѣ, пока лампа не потухла внезапно и мѣсяцъ всецѣло окуталъ ночную мглу своимъ пышнымъ сіяніемъ.

Послѣ завтрака, къ которому она сошла поздно на слѣдующее утро, она увидала Максуэлла, поджидавшаго ее въ галлереѣ.

— Вы пойдете въ «лагерь»?—спросила она.

— Пойду, когда попрощаюсь съ вами,—отвѣчалъ онъ.

— О, мы еще останемся здѣсь нѣсколько часовъ. Мама рѣшила, что мы уѣдемъ съ тѣмъ поѣздомъ, что отходитъ въ полдень.

Она взяла подушку, набитую еловыми побѣгами, которая лежала на крылечкѣ, и прибавила:

— Я пройдусь туда съ вами.

До сихъ поръ они оба подыскивали разные предлоги, чтобы бывать въ лагерѣ вмѣстѣ; но въ это утро ни онъ ни она не считали нужнымъ прибѣгать къ этому притворству. Луиза остановилась, увидя, что онъ едва поспѣвалъ за ней; она обернулась къ нему и подождала, пока онъ не догналъ ее.

— Я хотѣла поговорить съ вами, мистеръ Максуэллъ, и надѣюсь, вы будете терпѣливы и мягки.

Она выговорила это очень властнымъ тономъ; затѣмъ спросила:

— Обѣщаетесь?

— Это зависитъ отъ того, о чемъ будетъ рѣчь. Я всегда бываю и терпѣливъ и мягокъ когда мнѣ что-нибудь по душѣ.

— Ну такъ вамъ должно быть это по душѣ.

— А! Это совсѣмъ особое счастье!

Они прошли дальше, а затѣмъ остановились у низкой каменной ограды между пастбищемъ и сосновою рощей.

— Прежде чѣмъ я скажу это, вы должны *дать обѣщаніе* принять это въ хорошую сторону,—сказала она.

Онъ спросилъ поддразнивающимъ тономъ:

— А почему вы думаете, что я не приму этого въ хорошую сторону?

— Потому что... потому что мнѣ такъ сильно хочется, чтобы вы меня поняли какъ слѣдуетъ!

— Да неужели же я такой противорѣчивый человѣкъ, что вы не можете положиться на мое поведеніе при обычной формѣ бесѣды?

— Вамъ она можетъ показаться необычной.

— Ладно, посмотримъ, что это такое.

Онъ перелѣзъ за ограду, предоставивъ ей вскарабкаться туда же за собою.

Она спросила себя, поступилъ ли бы онъ такимъ образомъ, имѣй онъ традиціи свѣтскаго человѣка? Но когда она взглянула на его задумчивое лицо, дышавшее глубиною мысли, что придавало ему особую красоту, ее какъ-то перестало заботить его презрѣніе къ мелочнымъ выраженіямъ вниманія. Она сказала себѣ, что женщина, которая могла бы сдѣлаться подругой его души, была бы счастлива; она не входила въ подробный разборъ общей духовной жизни съ Максуэлломъ, она не спрашивала себя, будетъ ли это легко и возможно. Она положила подушку въ гамакъ, но онъ предпочелъ сѣсть рядомъ съ нею на скамейкѣ между стволами сосенъ, а легкій вѣтерокъ раскачивалъ пустой гамакъ и вызывалъ нѣжный шелестъ въ вѣтвяхъ, распростертыхъ надъ ними.

— Не знаю, право, какъ именно начать, — призналась она послѣ небольшого молчанія.

— Если вы мнѣ скажете, что вы желаете сказать,—сказалъ онъ,—я начну за васъ.

— Нѣтъ, спасибо, я начну сама. Помните прошлый разъ, когда мы были здѣсь, мы говорили о различіи гордости у людей?

— Гордость богатаго и гордость бѣдняка? Да, я помню.

— Мнѣ не понравилось, то, что вы сказали тогда; или скорѣе, не понравилось, какимъ вы вообще были.

— Это и есть ваше начало? Почему же вамъ не понравилось?

— Потому что... потому что вы казались ужасно привязаннымъ къ мнѣніямъ свѣта.

— А вы имѣете что-нибудь противъ свѣта? Не я его создалъ,— отвѣчалъ Максуэллъ съ своей презрительной улыбкой.—Но я не берусь критиковать дѣло Творца. Я беру свѣтъ, каковъ онъ есть, и какъ только немного окрѣпну, вернусь въ него. Но мнѣ казалось, что вы сами очень преданы свѣту, миссъ Гилари.

— Я, право, не знаю. Не думаю, чтобы очень. Развѣ вамъ не кажется лучше тотъ образъ жизни, который старается вести Маттъ?

— Вашъ братъ самый лучшій изъ всѣхъ людей, какихъ я только зналъ...

— Ахъ, не правда ли? Онъ чудный человѣкъ!

— Но жизнь—дѣло. И жизнь литератора, какъ я ее понимаю, значитъ тоже дѣло.

— А развѣ вы не можете вообразить себѣ... не можете пожелать себѣ... что-нибудь получше жизни, которая только дѣло? — спросила

она почти съ мольбою.—Зачѣмъ хотите вы непремѣнно вернуться въ свѣтъ? Если бы вы могли жить въ деревнѣ, вдали отъ свѣта, отъ всей его суеты и его треволненій, почему бы вамъ не вести жизнь литератора, которая не будетъ имѣть значенія профессіи?

— Но какимъ образомъ? Вы, кажется, предлагаете жизнь насчетъ общественной подписки или какой-нибудь благодѣтельной сказочной феи?—спросилъ Максуэллъ.

— Не то. Просто-на-просто золотой вѣкъ. Я предлагаю именно такой случай,—молвила Луиза.—Вы родились въ Аркадіи, понимаете,—прибавила она съ заманчивой улыбкой.

— Аркадія прекрасное мѣсто, откуда слѣдуетъ бѣжать безъ оглядки,—отвѣчалъ Максуэллъ съ улыбкой, въ которой не было ничего заманчиваго.—Все равно, что Вермонтъ, гдѣ я родился. И если бы мнѣ принадлежала вся Аркадія, я бы не взглянулъ на нее, пока не узналъ бы, что можетъ мнѣ дать свѣтъ. Затѣмъ я могъ бы съ удовольствіемъ проводить въ ней нѣсколько мѣсяцевъ лѣтомъ.

— Да,—вздохнула она слегка, вдругъ поднялась съ своего мѣста и сказала:

— Я должна идти, посмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Прощайте, мистеръ Максуэллъ,—она машинально подала ему руку.—Надѣюсь, вы скоро поправитесь и вернетесь въ свѣтъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ съ удивленіемъ.—А что же это большое испытаніе, которое вы хотѣли сдѣлать моему терпѣнію, моему послушанію...

Она отняла у него свою руку.

— О, не стоитъ говорить объ этомъ. Я раздумала. Прощайте! Не провожайте меня домой ради пустой формальности. Я передамъ вашъ прощальный привѣтъ мамѣ.—Она положила подушку въ гамакъ.—Оставайтесь-ка лучше здѣсь и постарайтесь заснуть, да набирайтесь силы для борьбы за существованіе, какъ можно скорѣе.

Она говорила такъ весело и беззаботно, что Максуэллъ при всей своей чуткости не замѣтилъ ея грусти. Не замѣтилъ онъ даже и впослѣдствіи, что она не сказала ни слова, увидятся ли они снова. Онъ легъ въ гамакъ и вскорѣ задремалъ, отдавшись сладкому, поэтическому ощущенію ея причудливаго очарованія, когда она быстро неслась къ деревенскому дому, по скошенному лугу. Грёзы рисовали ему будущее, въ которомъ слава давала ему силу сказать ей, что онъ любилъ ее.

Миссисъ Гилари догадалась по лицу дочери, что случилось нѣчто; но она поняла также, что это было не то, чего она опасалась.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Ф. А. ЛАНГЕ И КРИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Der kritische skepticismus ist das eigentliche Resultat der Kantichen Erkenntnisstheorie, und Lange, wenn er es auch nicht recht wort haben will, hebt den Widerspruch auf den Thron, d. h., er weist nach, dass alle unsere Erkenntnisse zuletzt in Widersprüche auslufen.
H. Vaihinger. «Hartmann, Dühring und Lange».

Недавно вышла «Исторія матеріализма Ф. А. Ланге[1]) въ двухъ новыхъ изданіяхъ. Мы пользуемся случаемъ, чтобы напомнить объ этой замѣчательной книгѣ и высказать рядъ соображеній, навѣваемыхъ ея чтеніемъ. «Исторія матеріализма» принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя должны быть прочитаны всякимъ образованнымъ человѣкомъ: она дѣйствуетъ необыкновенно освѣжающимъ образомъ на мысль, ставитъ много вопросовъ, побуждаетъ къ критическому пересмотру основныхъ устоевъ міровоззрѣнія, колеблетъ тотъ догматизмъ, которымъ, къ сожалѣнію, заражено даже симпатичное для насъ направленіе.

Философъ-публицистъ, человѣкъ большого литературнаго таланта необыкновенно многосторонній, необыкновенно чуткій къ жгучимъ вопросамъ своего времени и горячо сочувствовавшій его демократическимъ стремленіямъ, поэтъ въ душѣ — Ланге пишетъ для широкой массы, а не для избранныхъ и мало походитъ на нѣмецкаго профессора философіи, типичнаго филистера, со страхомъ и враждою взирающаго на борьбу окружающей жизни[2]). Побудительнымъ моментомъ въ созданіи главнаго труда Ланге «Исторія матеріализма» былъ интересъ къ со-

---

[1]) Одно есть повтореніе 1-го русскаго изданія, въ переводѣ Н. Н. Страхова, сдѣланномъ съ 3-го нѣмецкаго изданія, но значительно удешевленное; другое изданіе г. Іогансона подъ редакціей г. В. Соловьева.

[2]) См. Cohen., «F. A. Lange. Preusssiche Jahrbücher, 1876 г.; а также Cohen. «Einleitung mit kritischem Nachtrag zu Fr. A. Lange's Geschichte des Materialismus in fünfter Auflage». H. Vaihinger. «Hartmann, Dühring und Lange». Файгингеръ любопытенъ, какъ единственный правовѣрный послѣдователь Ланге. П. Б. Струве помѣстилъ очень сочувственную статью о Ланге въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Ефрона и Брокгауза. Призывомъ къ Ланге оканчивается извѣстная книга г. Беренштейна.

ціальному вопросу, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ послѣдній отдѣлъ его книги [1]). И ни одна еще, кажется, нѣмецкая книга по философіи, за исключеніемъ блестящихъ произведеній А. Шопенгауера, задѣвавшихъ особенныя струны человѣческой души, не имѣла такого успѣха и не читалась такъ много профанами, какъ «Исторія матеріализма». Горячо рекомендуя читателямъ книгу Ланге, мы не совѣтуемъ, однако, искать въ ней положительныхъ отвѣтовъ на мучащіе ихъ запросы. Ланге — умъ по преимуществу критическій, мало способный къ положительной творческой работѣ; его воззрѣнія до такой степени противорѣчивы, что съ трудомъ поддаются положительной характеристикѣ: онъ—типичный эклектикъ, человѣкъ, стоящій на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ и неспособный цѣликомъ примкнуть ни къ одной изъ нихъ [2]). Это одинъ изъ немногихъ представителей западно-европейской интеллигенціи, искренно сочувствующихъ трудящемуся классу, но по складу своей психологіи неспособный цѣликомъ стать на его сторону и проникнуться его точкой зрѣнія на вещи. На этой почвѣ создается половинчатость, проникающая какъ соціальные, такъ и философскіе взгляды Ланге. Нѣкоторые сравниваютъ Ланге съ Д. С. Миллемъ, и это сравненіе представляется намъ не лишеннымъ основанія. У нихъ есть схожія общественно-психологическія черты, хотя мы прекрасно понимаемъ, насколько кантіанство отличается отъ англійскаго эмпиризма. Ланге—это Милль на нѣмецкой почвѣ. Оба они въ одинаковой мѣрѣ интересуются какъ философскими, такъ и соціальными вопросами, оба по преимуществу — критики, а не систематики, оба необыкновенно отзывчивы къ лучшимъ стремленіямъ своего времени, оба — люди переходной эпохи, эклектики, неспособные выработать цѣльнаго міросозерцанія. Психологія эклектика, вѣчно сидящаго между двумя стульями, вѣчно мучащагося невозможностью достигнуть органической цѣлостности настроенія и міросозерцанія, прекрасно выразилась въ «Автобіографіи» Милля. Болѣе глубокая натура Ланге находитъ себѣ утѣшеніе въ поэзіи и своеобразной религіи, въ «точкѣ зрѣнія идеала», гдѣ «духъ его обрѣтаетъ истинную свою родину» [3]). Но эклектики подобные Ланге и Миллю, заслуживаютъ иного къ себѣ отношенія, чѣмъ представители обыкновеннаго пошлаго эклектизма. Относительно Милля это признаетъ даже суровый въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ Марксъ [4]). Тѣмъ болѣе это нужно признать относительно Ланге, который поучителенъ и въ самихъ своихъ противорѣчіяхъ.

Если мы признаёмъ зависимость всей человѣческой идеологіи, всѣхъ

---

[1]) См. Ланге. «Исторія матеріализма», отд. четвертый, 2-е изд. Мы всюду будемъ цитировать по второму русскому изданію.

[2]) Ланге говоритъ, что «философія Канта стоитъ съ лицомъ Януса на рубежѣ двухъ эпохъ». См. «Ист. мат.», стр. 385.

[3]) См. «Ист. матеріализма», стр. 326.

[4]) См. К. Марксъ, «Капиталъ». Т. I, стр. 533, 2-е изд.

высшихъ продуктовъ человѣческаго духа отъ общественныхъ отношеній, въ которыхъ они нарождаются, то въ особенности это вѣрно по отношенію къ философіи, которая тѣснѣе связана съ жизнью, чѣмъ спеціальныя науки. Это одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ и наименѣе обоснованныхъ пунктовъ матеріалистическаго пониманія исторіи, и на этой почвѣ узкое пониманіе великой доктрины способно договориться до величайшихъ нелѣпостей. Соціальный монизмъ, торжество котораго мы считаемъ идеальной задачей, учитъ насъ, что всѣ стороны соціальной жизни людей находятся въ тѣсной, неразрывной связи и выростаютъ изъ одного общаго корня. Связь философіи съ соціальною средою—косвенная, и промежуточнымъ звеномъ тутъ является специфическая психологія. Какъ и всякая идеологія, философія есть сложный продуктъ душевной жизни человѣка, и, выражая общее міропониманіе, она носитъ на себѣ печать душевнаго склада мыслителя опредѣленной исторической формаціи. Типическая психологія человѣка вырабатывается общественными отношеніями. Она различна въ разныя историческія эпохи и у различныхъ общественныхъ классовъ. Весь міровой процессъ отражается иначе въ душѣ раба, чѣмъ въ душѣ господина, въ душѣ работника, чѣмъ въ душѣ буржуа, иначе у буржуазіи XVIII-го вѣка, чѣмъ у той же буржуазіи XIX-го. Ходячее мнѣніе, что философія не имѣетъ ничего общаго съ жизнью, особенно охотно подхватываемое убогими мыслью людьми, поддерживается полнымъ незнакомствомъ съ исторіей философской мысли. Подъ идеальною борьбой философскихъ міровоззрѣній для насъ всегда скрывается реальная борьба общественныхъ группъ. Мы все время будемъ имѣть въ виду эту кровную связь самыхъ отвлеченныхъ философскихъ теченій съ общественной жизнью, хотя логически отдѣляемъ теоретическую критику отъ историческаго объясненія [1]).

Во второй половинѣ 60-хъ годовъ въ Германіи возникло могучее философское движеніе, которое выставило на своемъ знамени—«возвратъ къ Канту». Съ тѣхъ поръ духъ кантовскаго критицизма все болѣе и болѣе проникаетъ во всѣ поры нѣмецкой мысли. Это была естественная и плодотворная реакція. Послѣ страстнаго опьяненія метафизическимъ творчествомъ, на развалинахъ классическаго идеализма первой трети девятнадцатаго вѣка, въ Германіи возникла своя «просвѣтительная философія», по общественнымъ своимъ основаніямъ схожая съ французской «просвѣтительной философіей» XVIII вѣка. Люд-

[1]) Само собою разумѣется, что связь философіи съ жизнью въ различные историческіе моменты различна. Бываютъ эпохи въ исторіи мысли, когда философія представляется намъ совершенно оторванной отъ жизни, но это—оптическій обманъ. Если философія оказывается непригодной для народной массы, то только потому, что она отражаетъ классовую структуру общества, въ которомъ высшія блага жизни доступны лишь немногимъ. Въ демократическомъ обществѣ—философія была бы демократической.

нигъ Фейербахъ и лѣвые гегеліанцы были главными выразителями умственнаго движенія радикальной нѣмецкой буржуазіи сороковыхъ годовъ. Эта полоса мысли, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, пришла къ вульгарному матеріализму Бюхнера и Молешотта, эпигоновъ великихъ французскихъ матеріалистовъ XVIII-го вѣка, и пыталась возвести на тронъ человѣческой мысли естествознаніе, какъ неограниченнаго властелина [1]). Но нѣмецкій матеріализмъ, желавшій замѣнить философію популярнымъ естествознаніемъ, не могъ удовлетворить серьезнымъ умственнымъ запросамъ. Его общественно-прогрессивная миссія скоро была съиграна, и должно было народиться новое умственное теченіе, примиряющее философію съ требованіями научности. Германская мысль, подъ наплывомъ различныхъ теченій, вызванныхъ потребностями времени, забыла величайшаго изъ своихъ сыновъ—Им. Канта. Теперь она вспомнила о немъ.

Философія Канта, можетъ быть, самая глубокая въ исторіи умственнаго развитія человѣчества и въ высшей степени пригодная для того, чтобы освѣжить и обновить человѣческую мысль, была съ общественно-исторической точки зрѣнія философіей компромисса. Она половинчата и противорѣчива. Подъ флагомъ кантіанства можно провозить всякіе товары—какъ хорошіе, такъ и плохіе. Вотъ почему она пришлась въ высшей степени ко двору умственной атмосферѣ Германіи 60-хъ годовъ. Тогда не нуждались въ органически цѣльномъ, строго монистическомъ міровоззрѣніи, оно было бы даже психологически невозможно. *Противорѣчивый характеръ философіи Канта и нео-кантіанцевъ есть идеальное отраженіе реальныхъ противорѣчій общественной жизни.* Кантіанство пытается возвести противорѣчивость въ гносеологическій принципъ [2]). Мы же склонны думать, что эта противорѣчивость имѣетъ только *психологическія* основанія; она порождена той дисгармонической

---

[1]) Въ то же почти время въ другихъ странахъ люди несравненно бо́льшаго умственнаго калибра настоятельно требовали сближенія философіи съ наукою и примѣненія ко всѣмъ областямъ человѣческаго знанія единаго научнаго метода. Особенную роль въ этомъ отношеніи съигралъ «Курсъ позитивной философіи» Огюста Конта. Но ни Огюстъ Контъ, ни англійскіе позитивисты не дошли до полнаго отрицанія философіи и до провозглашенія диктатуры естествознанія. Они только старались заполнить пропасть между философскимъ умозрѣніемъ и положительной наукой и замѣнить взаимное пренебреженіе взаимнымъ уваженіемъ. Что и *позитивисты* слишкомъ подрѣзали крылья человѣческой мысли, объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

[2]) Эта противорѣчивость, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ «противорѣчіями» гегелевской философіи. Въ гегелевской философіи «противорѣчія» имѣютъ онтологическій смыслъ и вытекаютъ изъ діалектическаго пониманія бытія, кантіанская же противорѣчивость имѣетъ гносеологическій смыслъ и вытекаетъ изъ извѣстнаго ученія о познаніи. Это—слѣдствіе ограниченности нашихъ познавательныхъ способностей. См. Kant. «Kritik der reinen Vernunft». Стр. 450. Herausgeg. von Dr. Karl Kehrbach. 2 Aufl., Leipzig. См. слова Файгингера, приведенныя въ эпиграфѣ, «Hartmann, Duhring und Lange», стр. 72.

психологіей, которая вырабатывается дисгармоническими условіями общественной жизни. Въ возрожденіи кантіанства Ланге со своею «Исторіей матеріализма» съигралъ первостепенную роль, хотя его пониманіе Канта далеко не безупречно; въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ мыслителю меньшаго калибра, нео-кантіанцу Когену, автору книги «Kant's Theorie der Erfahrung». До нео-кантіанскаго движенія ближе всего къ Канту стоялъ Артуръ Шопенгауеръ, и его вліяніе несомнѣнно; но особенно важно отмѣтить тотъ фактъ, что послышались голоса въ защиту кантовскаго критицизма, исходившіе отъ естествознанія, того самаго естествознанія, которое думало окончательно разрушить всякую философію. Въ XIX вѣкѣ въ Германіи сдѣлала огромные успѣхи очень важная отрасль знанія—физіологія органовъ чувствъ, главнымъ образомъ, благодаря работамъ знаменитаго физіолога Іоганна Мюллера, а затѣмъ Гельмгольца. Физіологія органовъ чувствъ, дѣйствительно, наноситъ первые удары *наивному реализму*. Ланге, подъ вліяніемъ Гельмгольца, воспользовался этою областью знанія и напалъ на матеріализмъ во всеоружіи естественной науки своего времени. Извѣстна его фраза, что «физіологія органовъ чувствъ есть развитый и исправленный кантіанизмъ» [1]). Эта попытка сблизить теорію познанія Канта съ естествознаніемъ есть источникъ какъ популярности книги Ланге, такъ и слабыхъ ея сторонъ,—невыдержанности гносеологической точки зрѣнія. Спеціально въ теоріи познанія, въ гносеологическомъ анализѣ, Ланге уступаетъ позднѣйшимъ представителямъ философскаго критицизма (онъ былъ слишкомъ многосторонній и слишкомъ воспріимчивый человѣкъ), но онъ—очень удобный матеріалъ для критики слабыхъ сторонъ кантіанства и критической философіи вообще [2]).

Теперь постараемся разобрать нѣкоторыя основныя положенія міровоззрѣнія Ланге. Прежде всего остановимся на его теоріи познанія. Основателемъ теоріи познанія, какъ особой дисциплины мысли, считается Кантъ, хотя теоретикопознавательныя проблемы занимали еще греческихъ мыслителей, и вся почти англійская философія по преимуществу интересуется вопросами познанія. Что же представляетъ изъ

---

[1]) См. «Исторія матеріализма», стр. 636. См. Helmholtz. Vorträge und Reden II Band. Die Thatsachen in der Wahrnehmung. Ibid. I B. Die neuren Forschritte in der Theorie des Sehens.

[2]) Со временъ Ланге нѣмецкая критическая философія сдѣлала большіе успѣхи, стоитъ указать на Алоиза Риля, очень глубокаго гносеолога, и на послѣдніе плоды философской мысли Рихарда Авенаріуса, одного изъ самыхъ интересныхъ мыслителей второй половины XIX вѣка, и имманентную школу гносеологическаго монизма, представляемую Шуппе, авторомъ книги «Erkenntnisstheoretische Logik», Леклеромъ, Ремке, Шубертъ-Зольдерномъ. Насколько намъ извѣстно, это важное направленіе было отмѣчено въ русской литературѣ только въ статьѣ П. Б. Струве, въ «Вопр. философіи и психологіи» за 1897 г. Январь—февраль.

себя эта трудная отрасль человѣческой мысли? Философскій критицизмъ учитъ, что всякому изслѣдованію бытія должно *логически* предшествовать изслѣдованіе познанія, его состава и цѣнности, общепримѣнимости (gültigkeit). Теорія познанія занимается вопросомъ объ отношеніи мышленія къ бытію, познающаго субъекта къ познаваемому объекту. Чѣмъ же она отличается отъ психологіи познанія? Это—вопросъ первостепенной важности, и совершенно не отвѣтивъ на него, мы не можемъ приступить къ критикѣ Ланге. Познаніе, которымъ занимается психологическая наука—это одна изъ сторонъ психической жизни человѣка, это—явленіе въ ряду всѣхъ прочихъ явленій бытія. Изслѣдуя психическія явленія бытія, психологія тѣмъ самымъ уже предполагаетъ, что бытіе реально, что въ немъ существуютъ психическія явленія, что оно познаваемо. Ясно, что какая-то дисциплина мысли уже раньше рѣшила вопросъ о реальности міра и его познаваемости, ясно, что эта дисциплина *логически* предшествуетъ психологіи, какъ и всякой наукѣ о явленіяхъ бытія. Это и есть теорія познанія, гносеологія. Теорія познанія въ исходномъ своемъ пунктѣ не предполагаетъ никакихъ элементовъ бытія; для нея нѣтъ ни духа, ни матеріи, вообще нѣтъ никакой реальности, все это для нея проблемы, которыя она рѣшаетъ лишь въ концѣ своего изслѣдованія. Теорія познанія различается отъ психологіи познанія своею точкою зрѣнія; она смотритъ на познаніе съ логической, а не съ психологической точки зрѣнія. Это различіе мы дѣлаемъ въ интересахъ послѣдовательнаго построенія философскаго міровоззрѣнія. Отношеніе теоріи познанія къ психологіи—спорный вопросъ, но мы считаемъ смѣшеніе этихъ двухъ областей незаконнымъ плодомъ критической философіи. Самъ Кантъ очень способствовалъ путаницѣ и взгляды его на данный вопросъ противорѣчивы. Особенно выясняется отличіе гносеологической точки зрѣнія отъ психологической въ вопросѣ объ апріоризмѣ [1]).

Что такое a priori въ теоріи познанія? Это тѣ общеобязательныя (algemeingültig) формы познанія, которыя логически предшествуютъ всякому опыту [2]), составляютъ его conditio sine qua non. Таковы пространство, время, число, причинность. Теоретикопознавательный апріоризмъ отвѣчаетъ на вопросъ—какъ возможенъ опытъ [3]). A priori не предполагаетъ никакихъ психологическихъ предпосылокъ, никакихъ элементовъ бытія—это чисто *логическое* понятіе. Вотъ почему искать

---

[1]) См. Windelband. «Geschichte der neueren Philosophie», II B., стр. 58—59. Виндельбандъ даетъ одно изъ лучшихъ во всей историко-философской литературѣ изложеній Канта и рѣзко подчеркиваетъ своеобразный характеръ теоретикопознавательныхъ проблемъ. См. Riehl. «Der Philosophische Kriticismus». II B., стр. 8. См. Sigwart. «Logik», II B. Erster Abschnitt, стр. 32. У Зигварта очень послѣдовательно и глубокомысленно проведена точка зрѣнія апріоризма въ теоріи познанія. См. Челпановъ. «Проблема воспріятія пространства». Предисловіе.

[2]) Riehl. Ibid. II B., стр. 76.

[3]) См. «Ист. мат.», стр. 345.

гдѣ-нибудь a priori въ мірѣ, въ психической или физической организаціи человѣка, или задавать вопросъ о происхожденіи a priori, прилагать къ нему эволюціонную точку зрѣнія—это величайшая нелѣпость, не допускаемая самой постановкой вопроса [1]). Человѣкъ, со своею психофизической организаціей—одно изъ явленій міра, подобно всякой реальности, познается, какъ содержаніе опыта. Но опытъ предполагаетъ апріорныя формы познанія, какъ логически ему предшествующія, какъ свои условія, слѣдовательно, a priori никогда не можетъ войти въ содержаніе опыта и сдѣлаться объектомъ нашего познанія. Тутъ происходитъ таинственный скачокъ. Обозначимъ субъектъ познанія черезъ А, объектъ познанія черезъ В. В познается только въ опытѣ, но опытъ возможенъ, только потому, что въ А находятся его логическія условія, напр., категорія причинности. Въ томъ отношеніи между А и В, которое составляетъ актъ познанія, мы открываемъ опредѣленную *логическую послѣдовательность*, послѣдовательность *общеобязательную*. Теперь постараемся отыскать a priori въ физической или психической организаціи человѣка. Что же получится? A priori, которое всегда находится въ А, какъ бы переходитъ въ В, въ содержаніе опыта, въ реальный міръ, но въ этотъ самый моментъ оно исчезаетъ отъ насъ, его нѣтъ, потому что единственный возможный смыслъ всякаго a priori заключается въ томъ, что въ каждомъ актѣ познанія оно находится въ А, а не въ В, т.-е. обусловливаетъ собою всякое познаніе, всякій опытъ. Очевидно, мы гоняемся за призраками, желая объяснить происхожденіе a priori. Апріорныя формы—то, что Кантъ называлъ «трансцендентальной аппорцепціей»—создаютъ міръ, который исчерпывается для насъ содержаніемъ опыта. Поэтому въ мірѣ ихъ искать нельзя, поэтому къ нимъ совершенно неприложима эволюціонная точка зрѣнія. «Нашъ разсудокъ,—говоритъ Кантъ,—самъ является источникомъ законовъ природы» [2]). Психологическое понятіе врожденности не имѣетъ ничего общаго съ теоретикопознавательнымъ понятіемъ апріорности. Кантъ такъ же мало признавалъ врожденныя идеи, какъ и любой эмпирикъ. Англійскіе эмпирики, у которыхъ замѣчается традиціонное смѣшеніе теоріи познанія съ психологіей, никакъ не могутъ переварить той мысли, что критицизмъ Канта, признавая апріорныя формы познанія, отрицаетъ врожденныя идеи. Типичный примѣръ непониманія Канта мы находимъ въ «Основаніяхъ психологіи» Спенсера [3]), который, въ своей полемикѣ съ Кантомъ, положительно борется съ вѣтряными мельницами. Психологическій споръ нативистовъ съ генетистами не имѣетъ ничего общаго съ теоретикопознавательной проблемой [4]).

---

[1]) См. особенно Riehl. «Der Phil. Krit.» В. II Zweiter Theil, а также А. Введенскій. «Опытъ построенія теоріи матеріи», стр. 39—41.

[2]) Kant. «Kritik der reinen Vernunft», стр. 135, уже цитированное изданіе.

[3]) См. Гербертъ Спенсеръ. «Основаніе психологіи». Ч. 6-я, гл. XIV.

[4]) См. Челпановъ, Ibid., предисловіе.

Теперь посмотримъ, какъ понимаетъ дѣло Ланге. «Существуетъ,—говоритъ Ланге,—область точнаго естествовѣдѣнія, препятствующая нашимъ теперешнимъ матеріалистамъ съ негодованіемъ отвернуться отъ сомнѣнія въ дѣйствительности міра явленій, это—*физіологія органовъ чувствъ*. Удивительные успѣхи въ этой области, о которыхъ мы должны будемъ говорить позднѣе, повидимому, совершенно пригодны для того, чтобы доказать древнее положеніе Протагора, что человѣкъ есть мѣра вещей. Какъ только показано, что качество нашихъ чувственныхъ воспріятій вполнѣ и совершенно обусловлено свойствомъ нашихъ органовъ, то нельзя уже больше устранить съ прибавленіемъ «неопровержимо, но нелѣпо» положенія, что даже вся *связь*, въ какую мы приводимъ чувственныя воспріятія,—однимъ словомъ, весь нашъ *опытъ* обусловленъ нѣкоторой духовной организаціей, которая принуждаетъ насъ испытывать то, что мы испытываемъ, думать такъ, какъ мы думаемъ, между тѣмъ какъ другой организаціи тѣ же предметы могутъ показаться иначе и вещь въ себѣ не можетъ быть представима ни для какого конечнаго существа». [1]). Это мѣсто уже указываетъ, что Ланге склоненъ основывать теорію познанія на психологіи и физіологіи и принимать необходимыми предпосылками элементы бытія. Дальше онъ говоритъ: «то̀ въ насъ,—все равно,—будемъ-ли мы это понимать физіологически, или психологически,—въ силу чего колебаніе струны становится звукомъ, есть апріорное въ этомъ процессѣ опыта. Если бы мы не имѣли никакого чувства, кромѣ слуха, то весь опытъ состоялъ бы въ звукахъ, и, какъ бы при этомъ и все остальное познаніе ни слѣдовало изъ опыта, все-таки природа этого опыта совершенно опредѣлялась бы природою нашего слуха, и можно было бы сказать,—не съ вѣроятностью, а съ аподиктической достовѣрностью,— что всѣ явленія должны были бы звучать [2]). Въ примѣчаніи къ стр. 355-й Ланге говоритъ: «Бо̀льшая часть всѣхъ туманностей въ «Критикѣ чистаго разума» проистекаетъ изъ того единственнаго обстоятельства, что Кантъ предпринимаетъ психологическое по общей его природѣ изслѣдованіе безъ всякаго спеціальнаго психологическаго предположенія». Тутъ Ланге явно признаетъ, что теорія познанія для него разрѣшается въ психологію, хотя въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «это вопросъ не психологическій, а трансцендентальный» [3]). Ланге ввелъ въ теорію познанія понятіе *психофизической организаціи* и помѣстилъ туда a priori [4]), въ этомъ его оригинальность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, источникъ его слабости. Онъ полагаетъ, что «если мы хотимъ указать истинную причину апріорическаго, то мы вообще не можемъ говорить о «вещи въ себѣ», ибо на нее не простирается понятіе при-

---

[1]) См. «Исторію мат.», стр. 330.

[2]) См. Ibid., стр. 353.

[3]) См. Ibid., стр. 345.

[4]) См. Ibid., стр. 363 и 357:

чины. Мы должны *поставить* на мѣсто вещи въ себѣ *явленіе*» [1]). «Если принимать организацію *какъ явленіе*, слѣдовательно, съ предположеніемъ, что она может быть явленіемъ неизвѣстной вещи въ себѣ, то не только исчезаетъ матеріализмъ, но прекращается и всякое право координировать это положеніе съ изобрѣтеніями метафизиковъ» [2]). «Поэтому мнѣ предлежитъ необходимость эту *единственную* данную, въ которой сходятся всѣ особенности человѣческаго существа, насколько мы о нихъ *знаемъ*, по нити причинной связи провести въ связь и со «способностью представленія» или съ причиною синтеза a priori». «Подъ психофизической организаціей надо понимать то, что является нашему внѣшнему чувству, какъ такая часть *физической организаціи*, которая находится въ самой непосредственной связи съ психическими функціями, между тѣмъ какъ мы можемъ гипотетически принять, что въ основаніи этого явленія можетъ находиться чисто духовное отношеніе вещи въ себѣ, или же дѣятельность нѣкоторой духовной субстанціи» [3]). «Можетъ быть, можно будетъ найти когда-нибудь основаніе понятія причинности въ механизмѣ рефлекторныхъ движеній и симпатическаго возбужденія; тогда мы чистый разумъ Канта перевели бы на физіологію и сдѣлали бы этимъ нагляднѣе» [4]). Подъ вліяніемъ Шопенгауера [5]) и Гельмгольца, Ланге строитъ свою теорію познанія не съ начала,—онъ ввелъ въ нее предпосылки, взятыя изъ бытія.

Критика подобной точки зрѣнія собственно дана уже нами. Психофизическая организація человѣка есть явленіе; какъ и всякое явленіе, оно познается нами въ содержаніи опыта, въ опытѣ же нельзя найти a priori, потому, что a priori именно и есть то, что предшествуетъ опыту. Если стать на точку зрѣнія Ланге, то легко долетѣть по наклонной плоскости до Спенсера, который хочетъ обосновать a priori на принципахъ эволюціонизма. Психическая жизнь человѣка, какъ и все въ мірѣ, находится въ непрерывномъ процессѣ развитія. Познаніе дикаря безконечно отличается отъ познанія философа XIX вѣка; но все это не имѣетъ никакого отношенія къ чисто логическому характеру апріоризма, потому что эволюціонировать могутъ только элементы бытія. Ланге говоритъ, что «пониманіе, по которому всѣ причины и дѣйствія находятся въ самой строгой связи естественныхъ законовъ, и внѣ этихъ законовъ никакая вещь или понятіе не имѣетъ причиннаго значенія, это опредѣленное научное пониманіе закона причинности, несомнѣнно, ново и пріобрѣтено путемъ индукціи въ историческое

[1]) См. Ibid., стр. 357.
[2]) См. Ibid., стр. 358.
[3]) См. на той же 358 стр.
[4]) См. Ibid., стр. 370.
[5]) См. А. Шопенгауеръ. «Міръ, какъ воля и представленіе». Пер. Фета. Стр. 120 и др. мѣс. Шопенгауеръ истолковываетъ интеллектъ чуть ли не матеріалистически.

время» [1]). Тутъ рѣчь идетъ объ эволюціи человѣческаго познанія, но это опять-таки нисколько не касается логической апріорности категоріи причинности. Закону развитія подчинено только индивидуально-психологическое сознаніе, трансцендентальное же логическое сознаніе абсолютно и неизмѣнно.

Нѣкоторыхъ эмпириковъ-позитивистовъ до сихъ поръ пугаетъ мысль объ апріорныхъ формахъ познанія: имъ мерещится тутъ какая-то страшная метафизика, хотя, только развивая нѣкоторыя основныя положенія кантовской теоріи познанія, можно принципіально преодолѣть скептицизмъ и дать твердыя основанія объективно научному познанію міра. Общеобязательныя нормы мышленія (необъяснимыя съ точки зрѣнія эмпиризма), достовѣрность человѣческаго познанія рушатся, если признать опытное происхожденіе категоріи причинности, и величайшее достояніе научной мысли XIX вѣка—законосообразность всѣхъ міровыхъ явленій виситъ въ воздухѣ. Послѣдовательный эмпиризмъ [2]) неизбѣжно переходитъ въ скептицизмъ Юма, какъ это доказываетъ примѣръ Д. С. Милля [3]).

Ланге такимъ образомъ формулируетъ свой взглядъ на причинность: «понятіе причинности *коренится въ нашей организаціи* и оно *по задатку ранѣе всякаго* опыта. Оно имѣетъ именно поэтому неограниченное значеніе въ области опыта и внѣ его—совершенно никакого» [4]). Первая половина этой формулировки заключаетъ въ себѣ обычные недостатки Ланге: онъ опять-таки ссылается на организацію, понятіе не теоретико-познавательное и, употребляя выраженіе «по задатку ранѣе всякаго опыта», смѣшиваетъ послѣдовательность *логическую* съ послѣдовательностью *хронологической* [5]). Ученіе объ апріорномъ характерѣ причинности въ высшей степени важно для устраненія скептицизма. Скептицизмъ—направленіе самоубійственное: скептикъ даже сомнѣваться не имѣетъ права, потому что не видитъ основаній, по которымъ сомнѣніе имѣетъ больше правъ на существованіе, чѣмъ утвержденіе. Преодолѣть скептицизмъ и показать достовѣрность нашего познанія—это одна изъ самыхъ прогрессивныхъ задачъ теоріи познанія и критической философіи вообще. Въ этомъ отношеніи заслуги кантіанства неоцѣнимы,—но противорѣчивый и половинчатый Ланге и тутъ не вполнѣ твердъ,—скептическая нотка всюду звучитъ у знаменитаго нео-кантіанца.

---

[1]) См. «Ист. мат.», стр. 372.

[2]) Подъ эмпиризмомъ мы понимаемъ попытки, главнымъ образомъ, англійскихъ философовъ опытнымъ путемъ объяснить категоріи нашего познанія и такимъ образомъ устранить всякое a priori. Мы сами—эмпирики, поскольку эмпиризмъ признаетъ опытное происхожденіе всего нашего познанія и отождествляетъ міръ съ содержаніемъ опыта.

[3]) См. Д. С. Милль. «Система логики». 1897 г. Стр. 426.

[4]) См. «Истор. Мат.», стр. 370.

[5]) См. Rihl. «Der phil. crit.». I. В. Глава третья.

Теперь перейдемъ къ другимъ сторонамъ теоріи познанія Ланге,— къ его взглядамъ на границы познанія и на отношеніе явленій къ вещамъ въ себѣ. Понятіе *вещи въ себѣ* самое двусмысленное во всей кантіанской философіи, это—самая слабая ея сторона. Кантъ въ этомъ пунктѣ очень колеблется: то онъ разсматриваетъ вещи въ себѣ, какъ нѣкоторыя реальности, то какъ простое предѣльное понятіе. Во всякомъ случаѣ, признавъ въ «Критикѣ чистаго разума» за міромъ явленій существованіе міра вещей въ себѣ, Кантъ широко открылъ двери *умопостигаемому міру и постулатамъ практическаго разума*. Это теоретическій источникъ половинчатости всей кантовской философіи, дуалистическаго ея духа. Такимъ образомъ нашли себѣ выходы психологическія потребности Канта и той группы людей, настроеніе которой выражаетъ собою кантіанство [1]). Тутъ же коренится ученіе о границахъ человѣческаго познанія, которое традиціонный взглядъ считаетъ важною заслугою Канта. Кантовскій агностицизмъ, «непознаваемость міра, каковъ онъ самъ по себѣ», передался философіи XIX вѣка, какъ характерная ея черта,—это болѣзнь современной мысли. Теорія познанія позитивистовъ, неокантіанцевъ, англійскихъ эмпириковъ, проникнута агностическимъ духомъ, и только наивный, потерявшій кредитъ матеріализмъ ничего не говоритъ о непознаваемомъ, но онъ и вообще ничего не говоритъ о самыхъ важныхъ проблемахъ философіи. Взгляды Ланге на этотъ вопросъ очень неясны, но мы постараемся ихъ уловить. Ланге признаетъ вещи въ себѣ, но смотритъ на нихъ, какъ на простое предѣльное понятіе и рѣшительно приписываетъ подобное пониманіе Канту. Мы приведемъ цѣликомъ самое характерное въ этомъ отношеніи мѣсто:

«Рыба въ пруду можетъ плавать лишь въ водѣ, а не въ землѣ; но она можетъ все-таки толкаться головою въ дно или бока. Такимъ же образомъ и мы могли бы, конечно, пройти съ понятіемъ причинности все царство опыта и найти, что за нимъ находится область, которая абсолютно замкнута для нашего познанія. Мы, стало быть, дѣйствительно не знаемъ, существуетъ ли «вещь въ себѣ». Мы знаемъ только, что послѣдовательное примѣненіе нашихъ законовъ мышленія, приводитъ насъ къ понятію *чего-то вполнѣ проблематическаго*, что мы принимаемъ за причину явленій, какъ скоро признали, что нашъ міръ можетъ быть лишь міромъ представленій. Если же спросятъ,

---

[1]) Гейне, въ своей статьѣ о философіи и религіи въ Германіи, даетъ очень язвительную характеристику Канта: послѣ того, какъ Кантъ въ «Критикѣ чистаго разума» поразилъ на смерть деизмъ, за трагедіей разыгрывается фарсъ — за великимъ критическимъ философомъ стоитъ его старый слуга Лампе, который несетъ дождевой зонтъ Канта, утираетъ слезы и выступившій отъ страха потъ! «Тогда И. Кантъ сжалился и показалъ, что онъ не только великій философъ, но и добрый человѣкъ; полудобродушно, полуиронически онъ говоритъ: «Старому Лампе нельзя обойтись безъ Бога, иначе бѣдняга не можетъ быть счастливъ, — ну, такъ пусть практическій разумъ будетъ ручательствомъ существованія Бога».

гдѣ же въ такомъ случаѣ вещи, то отвѣтъ гласитъ: *въ явленіяхъ*. Чѣмъ болѣе «вещь въ себѣ» сводится къ простому представленію, тѣмъ болѣе реальности пріобрѣтаетъ міръ явленій. Онъ охватываетъ вообще все, что мы можемъ назвать «дѣйствительнымъ». Явленія суть то, что обыкновенный разсудокъ называетъ вещами; философъ называетъ вещи явленіями, чтобы обозначить этимъ, что онѣ не суть что-либо, противостоящее мнѣ абсолютно во внѣ, но продуктъ законовъ моего ума и моей чувственности. Эти же законы приводятъ меня къ тому, чтобы, по аналогіи отношеній причины и дѣйствія, какъ я ежедневно имѣю ихъ передъ глазами въ частностяхъ опыта, предположить также причину и для всецѣлаго являющагося мнѣ міра. Эмпирическое изслѣдованіе, руководясь понятіемъ причинности, показываетъ намъ, что міръ для *уха* не соотвѣтствуетъ міру для *глаза*, что міръ *логическихъ выводовъ* иной, чѣмъ міръ *непосредственнаго созерцанія*. Оно показываетъ намъ, что цѣлое нашего міра явленій зависитъ отъ нашихъ органовъ, и Кантъ имѣетъ за собою прочную заслугу, показавъ намъ, что *наши категоріи играютъ здѣсь ту же самую роль, какъ наши чувства*. Если теперь всестороннее разсматриваніе міра явленій ведетъ насъ къ тому, что и онъ *во всей своей связи* обусловливается нашей организаціей, если мы должны, побуждаемые аналогіею, принять, что даже тамъ, гдѣ мы не можемъ получить никакого новаго органа, чтобы добавлять и исправлять другіе, возможна еще цѣлая безконечность различныхъ пониманій, что, наконецъ, въ основаніи для всѣхъ этихъ способовъ пониманія различно организованныхъ существъ лежитъ общій неизвѣстный источникъ, *вещь въ себѣ*, въ противоположность явленіямъ, то мы спокойно можемъ отдаться этому воззрѣнію, насколько оно есть необходимое слѣдствіе употребленія нашего ума, хотя тотъ же самый умъ долженъ, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, признать, *что онъ самъ создалъ эту противоположность*. Мы нигдѣ не находимъ ничего, кромѣ той обыкновенной эмпирической противоположности между *явленіемъ и сущностью*, которая, какъ извѣстно, является уму въ безконечныхъ степеняхъ. Что *на одной* степени разсматриванія есть *сущность*, то на *другой*, по отношенію къ нѣкоторой болѣе глубоко скрытой сущности, снова оказывается *явленіемъ*. Истинная же сущность вещей, послѣднее основаніе всѣхъ явленій не только неизвѣстны намъ, но и самое понятіе ихъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ послѣднее порожденіе нѣкоторой противоположности, обусловленной нашей организаціей, о которой мы не знаемъ, *имѣетъ ли она какое-нибудь значеніе внѣ нашего опыта*» [1]).

Мы сдѣлали такую большую выписку, потому что она въ высшей степени характерна: тутъ противорѣчивость воззрѣній Ланге да и кантіанства вообще, сказалась цѣликомъ. «Вещи въ себѣ»—это грѣхопа-

[1]) См. «Ист. мат.», стр. 374—375.

деніе кантовской теоріи познанія, и преодолѣть противорѣчія, къ которымъ они приводятъ, менѣе всего могъ такой человѣкъ, какъ Ланге. Онъ приходитъ къ тѣмъ же агностическимъ выводамъ, что и Кантъ; въ этомъ заключается, по обычной терминологіи, позитивизмъ Ланге, но раздвоенность достигаетъ у него еще большихъ размѣровъ. Онъ понимаетъ, что мы не имѣемъ права прилагать къ «вещамъ въ себѣ» категоріи реальности, что собственно только реаленъ міръ явленій, понимаетъ также, что между «вещами въ себѣ» и «явленіями» не можетъ быть причиннаго отношенія [1]), что вообще мы ничего не можемъ о нихъ утверждать въ положительныхъ терминахъ, но потребности «практическаго разума» Ланге фатально влекутъ его къ абсолютному міру «вещей въ себѣ», онъ не можетъ «довольствоваться даннымъ міромъ». Поэтическая душа Ланге имѣетъ страстную потребность въ мечтѣ, и онъ еще менѣе, чѣмъ разсудочный Кантъ, сумѣлъ свести теоретическіе концы съ концами.

Какимъ же образомъ можно преодолѣть ту раздвоенность, которая проходитъ красною нитью черезъ все кантіанство и захватываетъ, отчасти и другіе слои мысли—французскій и англійскій позитивизмъ? Лучшіе плоды критической философіи указываютъ на правильный путь, но тщетно было бы искать въ современной философіи вполнѣ гармоническаго міровоззрѣнія, такъ какъ общественная психологія современныхъ мыслителей не заключаетъ въ себѣ необходимыхъ для этого элементовъ. Только сліяніе философской мысли съ прогрессивными стремленіями современной жизни создастъ почву для философіи будущаго, и новаго слова въ философіи мы ждемъ отъ идеологовъ опредѣленной общественной группы, мысль которой до сихъ поръ была скована тяжелыми условіями жизни.

Послѣдними результатами монистической теоріи познанія надо считать слѣдующіе выводы: никакого иного смысла, кромѣ чисто *феноменалистическаго*, въ понятіе реальности мы вкладывать не можемъ; реальность бытія исчерпывается относительными къ познающему субъекту явленіями; всякія попытки выйти изъ предѣловъ *единаго міра*, даннаго въ опытѣ нашему сознанію, приводятъ лишь къ *фикціямъ*, разрушать которыя призвана всякая прогрессивная теорія познанія. А разъ установленъ такимъ образомъ *монизмъ*, то нѣтъ уже никакихъ основаній дуалистически расчленять міръ на познаваемый и непознаваемый—на міръ явленій и лежащій по ту сторону опыта міръ вещей въ себѣ, убѣжище кантіанскаго «умопостигаемаго міра». Границы познанія падаютъ и «непознаваемое» признается чисто фиктивнымъ понятіемъ. Противорѣчивость нашего познанія оказывается гно-

[1]) Еще Якоби обратилъ вниманіе на странное противорѣчіе у Канта: въ то время, какъ категорія причинности по Канту приложима только *къ явленіямъ*, Кантъ считаетъ вещи въ себѣ причиною *явленій*.

сеологически несостоятельной. Идея тождества бытія и мышленія, признаваемая наивнымъ, не критическимъ мышленіемъ, какъ догматъ, была разрушена критическою философіею въ исходномъ пунктѣ ея развитія, но въ конечномъ пунктѣ развитія она приходитъ къ тому же тождеству бытія и мышленія, тождеству понятія реальности и познаваемости, но уже утверждаетъ это не наивно, а строго критически [1]). Какимъ путемъ критическая философія можетъ прійти къ этимъ въ высшей степени важнымъ выводамъ?

Основной теоретико-познавательный вопросъ объ отношеніи мышленія къ бытію, субъекта къ объекту надо отличать отъ онтологическаго [2]) вопроса объ отношеніи духа къ матеріи, психическаго къ физическому. Для теоріи познанія не существуетъ ни духа, ни матеріи, какъ нѣкоторыхъ реальностей; она должна еще подвергнуть анализу понятіе реальности и познаваемости и такимъ образомъ расчистить почву для изслѣдованія бытія. Духъ и матерія, психическое и физическое для теоріи познанія входятъ въ объектъ—въ познаваемое и въ этомъ смыслѣ противополагаются субъекту—познающему, которому не приписывается никакихъ элементовъ бытія, ни психическихъ, ни физическихъ. Въ началѣ своего изслѣдованія въ соотносительныя понятія объекта и субъекта теорія познанія вкладываетъ чисто логическій смыслъ. Въ исторіи философской мысли мы находимъ три типическихъ отвѣта на основной вопросъ теоріи познанія, хотя, само собою разумѣется, существуетъ много промежуточныхъ комбинацій. Во-первыхъ, самый распространенный отвѣтъ даетъ такъ называемый *наивный реализмъ*, который полагаетъ, что мы познаемъ вещи такими, каковы они сами по себѣ. Для него центръ тяжести лежитъ въ объектѣ,—субъектъ же есть только зеркало, въ которомъ отражаются вещи.

Наивный реалистъ вѣритъ, что въ объективномъ мірѣ, совершенно независимо отъ него, существуетъ чернильница, въ которую онъ макаетъ свое перо, съ черными чернилами, опредѣленной формы и цвѣта. Въ такомъ чистомъ видѣ наивный реализмъ не признается ни однимъ мыслителемъ; это—воззрѣніе философски и научно неразвитыхъ людей.

---

[1]) Особенно важны въ этомъ отношеніи труды имманентной школы гносеологическаго монизма и Р. Авенаріуса. См. Leclair. «Beiträge zu einer monistischen Erkenntnisstheorie». Breslau, 1882 г. Недурное и довольно популярное изложеніе основныхъ тенденцій монистической теоріи познанія, разработанной Шуппе. Не смотря на оригинальность терминологіи, выводы Авенаріуса съ нею поразительно аналогичны. См. въ особенности R. Avenarius. «Der menschliche Weltbegriff». Leipzig, 1891 г. Прекрасное изложеніе системы Авенаріуса можно найти у проф. Челпанова въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1898 г.

[2]) Онтологію часто отожествляютъ съ метафизикой, т.-е. ученіемъ о сущности міра, но мы называемъ онтологіей всякое ученіе *о бытіи*, *о сущемъ*, въ противоположность гносеологіи, какъ ученію *о познаніи*. При нашей точкѣ зрѣнія сущность есть понятіе фиктивное, и потому исчерпывающее ученіе о явленіяхъ даетъ исчерпывающее познаніе міра, т.-е. онтологію.

Уже Локкъ своимъ различіемъ первичныхъ и вторичныхъ качествъ нанесъ наивному реализму сильные удары, а Кантъ похоронилъ его окончательно. Другой діаметрально противоположный отвѣтъ даетъ *идеализмъ*, который видитъ центръ тяжести въ субъектѣ, а объектъ, т.-е. весь міръ считаетъ его продуктомъ. Послѣдовательный идеализмъ встрѣчается тоже рѣдко, послѣдовательный идеалистъ не можетъ выйти изъ собственнаго *я* и перейти не только къ вещамъ, но и къ другимъ *я*. Чистый идеалистъ Беркли долженъ былъ прибѣгнуть къ Богу, чтобы не пропасть отъ тоски одиночества. Переходъ отъ субъекта къ объекту такъ же немыслимъ для идеалиста, какъ для наивнаго реалиста немыслимъ переходъ отъ объекта къ субъекту. Кантъ и за нимъ вся почти критическая философія категорически отрицаютъ какъ наивный реализмъ, такъ и обыкновенный идеализмъ [1]). Для Канта познаніе есть продуктъ какъ субъекта, такъ и объекта—первый даетъ форму, второй содержаніе; всѣ познаваемые вещи (съ вторичными и первичными качествами) суть только *явленія для насъ*, т.-е. не для индивидуальнаго сознанія, а для *общаго трансцендентальнаго сознанія*, которое и дѣлаетъ познаніе объективнымъ, общеобразовательнымъ [2]). Это была глубочайшая мысль въ исторіи теоретикопознавательныхъ идей, но затѣмъ двойственная психологія Канта привела его къ понятію «вещи въ себѣ». Существуютъ непознаваемыя вещи въ себѣ, какое-то неизвѣстное нѣчто, воздѣйствующее на меня и познаваемое мною, какъ явленіе. Такимъ образомъ, міръ дуалистически расчленяется, это является источникомъ двойственности и противорѣчивости. Мы вкратцѣ формулировали три типическіе отвѣта на основной вопросъ теоріи познанія [3]), чтобы рельефнѣе выяснить возможность четвертаго отвѣта, который получается послѣ очищенія кантіанства отъ всякой скверны.

Познаніе есть продуктъ какъ субъекта, такъ и объекта. Понятіе субъекта и объекта, познающаго и познаваемаго, такъ же соотносительны и неотдѣлимы другъ отъ друга, какъ, напр., понятія отца и сына, дяди и племянника. Нѣтъ объекта безъ субъекта и нѣтъ субъекта безъ объекта. Для теоріи познанія субъектъ существуетъ лишь въ его отношеніи къ объекту, т.-е. поскольку онъ познаетъ, объектъ же лишь

---

[1]) См. И. Кантъ. «Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ». Пер. Вл. Соловьева. Тутъ Кантъ категорически отклоняетъ отъ себя обвиненіе въ идеализмѣ à la Беркли. См. Фр. Паульсенъ. «Иммануилъ Кантъ, его жизнь и ученіе». 1899 г. Отрицательное отношеніе къ берклеевскому идеализму не мѣшаетъ Канту проповѣдывать идеализмъ трансцендентальный. Въ этомъ отношеніи характерно различіе между 1-мъ и 2-мъ изд. «Критики чистаго разума».

[2]) См. «Windelband. Die Geschichte der neueren Philosohie». II B. Стр. 61. Объективизмъ въ познаніи получаетъ въ философіи Канта новый глубокій смыслъ. Эмпиризмъ же, отрицающій общеобязательныя логическія нормы, приводитъ къ субъективизму.

[3]) Само собою понятно, что эта классификація не можетъ претендовать на научность.

въ его отношеніи къ субъекту, т.-е поскольку онъ познается. Соотносительность этихъ двухъ понятій до такой степени логически ясна, что ее признаютъ очень многіе философы, но очень немногіе изъ нихъ дѣлаютъ отсюда надлежащіе выводы [1]). Сравнимъ эту точку зрѣнія съ вышеприведенными. Она отличается отъ наивнаго реализма, потому что не признаетъ безотносительнаго къ субъекту объекта; отличается отъ идеализма, потому что не даетъ преимуществъ субъекту передъ объектомъ,—для нея это равноцѣнныя понятія: объектъ—это такое же непосредственное данное, какъ и субъектъ, такъ что неразрѣшимая для идеалиста задача—перейти отъ субъекта къ объекту, отъ мышленія къ бытію устраняется въ исходномъ пунктѣ; наконецъ, она отличается отъ кантіанства, потому что не допускаетъ никакого теоретикопознавательнаго дуализма: понятіе непознаваемыхъ вещей въ себѣ для нея—нелѣпость. Мы познаемъ вещи такими, каковы онѣ есть, но только потому, что онѣ суть таковы, какими намъ являются. Это—послѣдовательный и доведенный до конца *феноменализмъ* и, пожалуй, окончательное торжество реализма, но реализма не наивнаго, а критическаго.

Для теоріи познанія необыкновенно важенъ анализъ понятія *реальности*, и двусмысленный взглядъ на это понятіе самого Канта послужилъ обильнымъ источникомъ грѣховъ критической философіи. Понятіе реальности *относительно* и предполагаетъ два термина — субъектъ и объектъ. Для выясненія относительности понятія реальности сравнимъ его съ понятіемъ разстоянія. Когда васъ спрашиваютъ, на какомъ разстояніи находится Москва, то вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ смыслъ, если указываютъ, откуда именно — отъ Петербурга, отъ Парижа или Нью-Іорка. Разстояніе до Москвы вообще, безотносительно къ другому мѣсту, не существуетъ; такого вопроса нельзя ставить. То же самое и съ понятіемъ реальности. Когда васъ спрашиваютъ, реальна ли эта лампа, то вопросъ этотъ можетъ имѣть лишь одинъ логическій смыслъ— реальна ли она относительно васъ, относительно познающаго субъекта. Лампа реальна только потому, что всякій разъ, какъ вы входите въ свою комнату и смотрите на свой письменный столъ, вы ее воспринимаете, вы не можете не воспринять ее, и то же самое будетъ съ вашимъ знакомымъ, если онъ войдетъ въ комнату. Это опредѣленное и необходимое отношеніе къ познающему субъекту есть единственная проба реальности вещей, къ этому именно вся реальность и сводится. Реаленъ ли весь внѣшній міръ, тотъ самый міръ, существованіе котораго подвергаютъ сомнѣнію субъективные идеалисты? Конечно, да. Онъ реаленъ именно потому, что онъ вамъ является, что онъ стоитъ къ сознанію въ нѣкоторомъ неизбѣжномъ отношеніи, что вы даже не мо-

[1]) Любопытныя соображенія Д. С. Милля въ «Обзорѣ философіи Гамильтона». См. главы X, XI и XII. См. Avenarius. «Der menschliche Weltbegriff», гдѣ съ необыкновенною силою развивается идея «принципіальной координаціи» субъекта и объекта.

жете никуда уйти отъ него, какъ можете уйти отъ лампы, выйдя изъ комнаты; вашему сознанію неизбѣжно дано не только *я*, но и *не я*. Мы уже предвидимъ дальнѣйшіе вопросы. Прекрасно, допустимъ, что все это реально *относительно* насъ, это ясно, но намъ интересно знать, реальна ли эта лампа сама по себѣ, реаленъ ли весь міръ самъ по себѣ, вотъ проклятый вопросъ, на который тщетно искали отвѣта мыслители всѣхъ временъ. Каковы же вещи *сами по себѣ*, соотвѣтствующія вещамъ *для насъ?* Тутъ вопрошающій становится жертвой чисто *фиктивнаго* мышленія и летитъ въ бездонную пропасть.

Вопросъ этотъ не имѣетъ никакого смысла; это non sens, и величайшая задача критической философіи—показать нелѣпость подобныхъ вопросовъ. Критическая теорія познанія требуетъ, чтобы всякій, ставя какой-нибудь философскій вопросъ, давалъ себѣ строгій отчетъ въ томъ, какой логическій смыслъ онъ въ него вкладываетъ, чтобы онъ тщательно провѣрилъ, можетъ ли онъ ставить подобные вопросы. Мы категорически утверждаемъ, что спрашивать о томъ, реальна ли лампа сама по себѣ, безотносительно къ познающему субъекту, это такая же безсмыслица, какъ спрашивать, на какомъ разстояніи находится Москва безотносительно къ другому пункту. Такой постановкой вопроса разрывается кровная связь объекта и субъекта, ихъ «принципіальная координація», а это исходный пунктъ всей нашей теоріи познанія [1]).

Отсюда выводъ, что реальность бытія исчерпывается *явленіями*, что кромѣ относительнаго [2]), нѣтъ ничего, все остальное—міръ *фикцій*, который человѣческая мысль сама создаетъ и тщетно стремится его познать. Мыслитель, гоняющійся за призраками трансцендентнаго (сверхъопытнаго), напоминаетъ человѣка, который хочетъ поймать собственную тѣнь. Кантъ наполовину утвердилъ феноменализмъ, но вся почти критическая философія боится доводить до конца эту точку зрѣнія. Нѣкоторымъ все мерещится идеализмъ со всѣми его нелѣпыми выводами [3]).

Приведемъ обычную аргументацію противъ подобной точки зрѣнія и постараемся ее опровергнуть. Если вещи реальны только потому, что онѣ находятся ко мнѣ въ опредѣленномъ отношеніи, что онѣ мною воспринимаются, то онѣ, слѣдовательно, исчезаютъ съ моимъ исчезно-

---

[1]) См. Авенаріусъ. «Mensch. Weltbeg.», и Leclair, «Beiträge», стр. 9—21, стр. 21—31.

[2]) Поразительно слаба аргументація Герберта Спенсера въ первой части «Основныхъ началъ», гдѣ онъ пытается доказать, что признаніе относительнаго требуетъ признанія абсолютнаго». Отрицая абсолютное въ онтологическомъ смыслѣ, мы признаемъ его въ логическомъ и этическомъ смыслѣ.

[3]) См. Riehl. «Philos. Krit.» II B., стр. 128—176. Особенно страница 142, гдѣ онъ вступаетъ въ полемику съ Лаасомъ. См. H. Taine, «De l'intelligence». Томъ II. Livre deuxieme, chapitre premier. Тутъ Тэнъ полемизируетъ съ Миллемъ. См. Гефдингъ, «Очерки психологіи», 3-е изд. ст. 186. Всѣ они боятся идеализма и поэтому не выдерживаютъ феноменалистической точки зрѣнія.

веніемъ, такимъ образомъ мы приходимъ къ чистому идеализму. Можно ли въ такомъ случаѣ признать реальнымъ міръ въ тотъ моментъ его развитія, когда еще не было жизни, а слѣдовательно, не было никакихъ познающихъ субъектовъ? Реальны ли тѣ туманности, изъ которыхъ, по гипотезѣ Канта-Лапласа развилась наша солнечная система? Тутъ опять мы встрѣчаемся со смѣщеніемъ теоретикопознавательной точки зрѣнія съ психологической[1]). Что независимо отъ меня существуетъ *внѣшній міръ*, въ этомъ никто не сомнѣвается, да теорія познанія совсѣмъ и не занимается вопросомъ объ отношеніи и различіи между *внутреннимъ*, психическимъ, и *внѣшнимъ*, физическимъ, для нея и внутренній и внѣшній міръ одинаково—объектъ познанія, бытіе, и въ этомъ смыслѣ они противополагаются субъекту познанія, мышленію, которое разсматривается безъ психологическихъ предпосылокъ и не требуетъ признанія *внутренняго міра*. Теорія познанія признаетъ все относительное къ субъекту, все, что ему является, *одинаково реальнымъ*; въ этомъ отношеніи галлюцинація не отличается отъ дѣйствительности, и только уже изслѣдованіе бытія устанавливаетъ различныя градаціи реальностей: психологія и физіологія учатъ, что галлюцинація есть реальность одного порядка (ненормальное состояніе нашей нервной системы), а то, что мы называемъ дѣйствительностью—реальность другого порядка [2]). Съ другой стороны, теорія познанія не признаетъ реальнымъ всего того, что не можетъ быть дано нашему сознанію въ опытѣ: таковы непознаваемыя «вещи въ себѣ», таково понятіе «абсолютнаго», это—фикціи, которымъ ничто не соотвѣтствуетъ. Лампа остается реальной даже тогда, когда нѣтъ никого въ комнатѣ, но только потому, что всякій зрячій увидитъ ее, войдя въ комнату. Объектъ существуетъ *внѣ* субъекта, но онъ существуетъ только *для* субъекта. Когда мы признаемъ туманности реально существующими, это утвержденіе имѣетъ только одинъ тотъ смыслъ, что всякій познающій субъектъ воспринялъ бы въ то время міръ въ формѣ туманностей, что они стали бы содержаніемъ сознанія. Я никогда не бывалъ въ Америкѣ, но признаю ее реально-существующей; этимъ я хочу сказать, что, перенесясь на опредѣленное пространство, я воспрійму извѣстный рядъ явленій, тотъ самый рядъ, который былъ воспринятъ людьми, бывшими въ Америкѣ и разсказывавшими о ней. Взаимное отношеніе субъекта и объекта создаетъ строго законосообразный, познаваемый нами, реальный міръ. Обыкновенное опредѣленіе реальности, какъ чего-то *независимаго* отъ сознанія, вѣрное въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ въ виду *индиви-*

---

[1]) См. Ремке «Очеркъ исторіи философіи», стр. 274—275. Ремке очень мѣтко указываетъ, что признаніе Кантомъ «вещей въ себѣ» есть результатъ смѣшенія гносеологической точки зрѣнія съ психологической.

[2]) См. Leclair. «B. z. e. m. E.», стр. 21—31. См. Ф. Карстаньенъ. «Введеніе въ «Критику чистаго опыта». Авенаріусъ всѣ «высказыванія» принимаетъ за истинныя.

дуальное сознаніе со всѣми его психологическими особенностями—радикально ложно, когда мы имѣемъ въ виду *общее* сознаніе съ его обязательными логическими нормами. Именно зависимость отъ трансцендетальнаго сознанія и есть единственный признакъ реальности. Индивидуальное сознаніе въ высшей степени текуче по своему содержанію; въ него входятъ явленія міра, какъ воспріятія, и затѣмъ выходятъ изъ него. Реальный міръ, конечно, не тожественъ съ этими воспріятіями, какъ предполагаетъ субъективный идеализмъ, но только то мы признаемъ реальнымъ, что *можетъ* сдѣлаться содержаніемъ опыта. Всякая попытка выйти изъ содержанія опыта и признать реальнымъ сверхчувственное признается незаконной. Менѣе всего можно упрекнуть нашу точку зрѣнія въ субъективизмѣ, такъ какъ опытъ, въ которомъ намъ является міръ—продуктъ *общихъ для всякаго сознанія нормъ*.

Отсюда вытекаютъ очень важныя по своимъ послѣдствіямъ выводы: реальный міръ *цѣликомъ* познаваемъ; границъ познанія нѣтъ; болѣзненный пунктъ философіи девятнадцатаго вѣка—агностицизмъ устраняется. Если это, съ одной стороны, можетъ показаться крайнимъ позитивизмомъ, то, съ другой, это есть уничтоженіе позитивизма, какъ системы, требующей умственнаго воздержанія [1]). Всѣ вопросы такъ или иначе разрѣшимы, неразрѣшимые вопросы—это просто нелѣпые, безсмысленные вопросы, продукты фиктивнаго мышленія. Человѣкъ можетъ исчерпывающимъ образомъ познать и понять бытіе до полнаго устраненія всего таинственнаго. Само собою разумѣется, что это имѣетъ только *методологическое* значеніе. Никакая система знанія не можетъ претендовать на законченность; это только идеальная цѣль познанія, къ которой человѣкъ можетъ безконечно приближаться и никогда не встрѣтить непереходимыхъ границъ. Испошлившееся выраженіе, что конечное не можетъ обнять безконечнаго, указываетъ только на количественныя, но не на качественныя границы познанія. Область непознаннаго безконечна, она побуждаетъ къ дальнѣйшей работѣ познанія, но унизительное «ignorabimus» — призракъ [2]). Агностики говорятъ, что человѣкъ можетъ познать только относительное и не въ силахъ познать абсолютнаго, такъ какъ мыслитъ всегда отношеніями. Это безспорно, но вѣдь только относительное и суще-

---

[1]) См. Auguste Comte. «Cours de philosophie positive» 5 édition. Гл. I, стр. 12. Стр. 44. Теорія познанія О. Конта мало разработана, но онъ такъ настойчиво подчеркиваетъ слабость человѣческаго разума и границы познанія, что съ этимъ не согласятся даже представители отдѣльныхъ наукъ, чуждые широкой философской концепціи.

[2]) Извѣстная рѣчь Дюбуа Реймона «О границахъ естествознанія», которой восхищается, между прочимъ, Ланге, любопытна, какъ реакція противъ матеріализма натуралистовъ, но она лишена философскихъ достоинствъ и реакціонна по своимъ тенденціямъ.

ствуетъ. Когда говорятъ, что человѣкъ можетъ познать то-то и то-то, слово *познаніе* употребляютъ въ единственно возможномъ *человѣческомъ* смыслѣ этого понятія; но какъ только начинаютъ говорить, что то-то и то-то непознаваемо — моментально подмѣниваются понятія и вкладывается въ слово познаніе какой-то иной смыслъ. Кантъ гипотетически предполагалъ существованіе божественнаго разума, который познаетъ вещи въ себѣ, и сравниваетъ съ нимъ ограниченный чувственный разумъ человѣка, который познаетъ только явленія. Другіе агностики, хотя не сознаются въ этомъ, но постоянно имѣютъ въ виду *божественное познаніе*, вмѣсто человѣческаго, когда говорятъ о непознаваемости. Всѣ человѣческія понятія извлечены изъ міра опыта и потому приложимы *только* къ міру опыта. (Буддизмъ глубокомысленно утверждаетъ, что «нирвана» не есть — ни бытіе, ни небытіе). Дальнѣйшее развитіе философской мысли покажетъ, что вопросъ о мірѣ самомъ по себѣ, объ абсолютномъ, какъ и всѣ неразрѣшимые, проклятые вопросы — чистѣйшія фикціи, что вопросы эти не могутъ быть поставлены безъ нарушенія основныхъ принциповъ нашего познанія. Такимъ образомъ, закроются двери для всякихъ философскихъ компромиссовъ и устранится двойственность и противорѣчивость кантіанства [1]). Это имѣетъ огромное общественно психологическое значеніе: реакціонное сознаніе человѣческаго *безсилія* замѣняется прогрессивнымъ сознаніемъ *силы*. Въ ростѣ человѣческаго могущества мы видимъ сущность прогресса. Вершиной человѣческаго прогресса будетъ чувство безграничной силы сознательнаго передъ безсознательнымъ въ противоположность чувству слабости безконечно малаго передъ безконечно великимъ, вѣчному источнику реакціонной психологіи [2]).

Тутъ съ абстрактныхъ высотъ теоріи познанія мы переходимъ въ область соціологіи, которая даетъ окончательное освѣщеніе всему вышесказанному. Было бы чрезвычайно наивно думать, что логической аргументаціей можно вытравить изъ человѣческой души чувство тайны бытія. Агностицизмъ имѣетъ глубокія *психологическія* основанія, хотя на нашъ взглядъ лишенъ всякихъ *гносеологическихъ* основаній. Человѣческая психологія вырабатывается общественными отношеніями, общимъ складомъ жизни и коренньмъ образомъ переродить ее могутъ только измѣненія въ общественной структурѣ. Приспособленіе человѣка къ выводамъ прогрессивной мысли сдѣлается возможнымъ лишь при той *гармонизаціи* жизни, которую мы имѣемъ основанія ожидать

---

1) См. Kant. «Kritik der reinen Vernunft. Die Antinomie der reinen Vernunft». Мы полагаемъ, что призрачный характеръ этихъ антиномій можетъ быть доказанъ *монистической* теоріей познанія,

2) Такой взглядъ на прогрессъ мы считаемъ выводомъ изъ историко-философской концепціи Маркса-Энгельса, которые видѣли основу историческаго процесса въ развитіи производительныхъ силъ, т.-е. въ побѣдѣ человѣка надъ природой.

въ будущемъ. Тогда исчезнутъ общественныя причины, вызывающія къ жизни философскіе компромиссы и фикціи. Философія будущаго вернетъ человѣку ту вѣру въ силу человѣческаго разума [1]), которая сопровождала его въ лучшіе моменты исторіи; трусливый агностицизмъ созданный мыслителями разлагающейся общественной группы, исчезнетъ, какъ кошмаръ.

Это опредѣляетъ наше отношеніе въ теоріи познанія Ланге, зараженной всѣми болѣзнями кантіанства. Подчеркивая наше критическое отношеніе къ Ланге и вообще къ кантіанству, какъ къ опредѣленному историческому явленію, мы еще болѣе должны подчеркнуть наше глубокое уваженіе къ методу философскаго критицизма и къ теоріи познанія, которая призвана осуществить великую задачу: очистить человѣческую мысль отъ злокачественныхъ наслоеній и подготовить почву для научнаго философскаго пониманія міра. Кантіанство во всякомъ случаѣ съиграетъ большую роль въ современномъ духовномъ переломѣ. Кромѣ общей теоріи познанія, существуетъ спеціальная теорія познанія, каждой отдѣльной науки, анализирующая ея конечныя понятія, такъ, напр., въ высшей степени плодотворно примѣненіе гносеологическаго анализа къ соціологіи [2]).

Теперь перейдемъ къ другимъ сторонамъ міровоззрѣнія Ланге. Характерная черта кантіанства, которую считаютъ даже главною заслугою Канта, это идея *примата* практическаго разума надъ теоретическимъ [3]). Господство практическаго разума съиграло печальную роль въ философіи Канта. То, что теоретическій разумъ изгналъ въ одну дверь, практическій разумъ впустилъ въ другую, какъ свои необходимые *постулаты*. Это—опредѣляющій моментъ въ кантіанской философіи. И тѣмъ не менѣе приматъ практическаго разума надъ теоретическимъ—великая *психологическая* истина, подтверждаемая съ разныхъ сторонъ научной мыслью XIX вѣка. Господствующее направленіе современной психологіи признаетъ волю первичнымъ элементомъ душевной жизни, познанію же отводитъ подчиненную роль [4]), а «практическій разумъ» именно и есть воля, если перевести Канта на пси-

[1]) Это насъ, конечно, нисколько не обязываетъ признавать раціоналистическое міровоззрѣніе.

[2]) Особенно выдвинулся на этомъ поприщѣ Георгъ Зиммель. См. «Die Probleme der Geschichtsphilosophie» и «Über sociale Differenzierung». Признавая *формальныя* заслуги за Зиммелемъ, мы далеко не солидарны съ тѣми выводами, къ которымъ онъ приходитъ. Теорія познанія и тутъ оказывается обоюдоострой. Укажемъ еще на замѣчательный трудъ Штаммлера «Wirtschaft und Recht».

[3]) См. Паульсенъ «Кантъ, его жизнь и ученіе». Паульсенъ особенно подчеркиваетъ эту сторону кантіанства, такъ что даже теоретико-познавательныя заслуги Канта остаются въ тѣни.

[4]) См. Вундтъ. «Очеркъ психологіи», Гефдингъ «Очерки психологіи». Таковъ взглядъ *волюнтаристической* нѣмецкой психологіи. *Интеллектуалистическій* взглядъ на душу окончательно дискредитированъ.

хологическій языкъ [1]). Соціологія тоже отказалась отъ раціоналистической точки зрѣнія, и въ величайшемъ продуктѣ соціологической мысли—матеріалистической концепціи Маркса и Энгельса, мы находимъ своеобразное подтвержденіе вышеприведенной психологической истины. «Практическій разумъ» (воля) имѣетъ текучее содержаніе: онъ вырабатывается общественной средою, въ требованіяхъ практическаго разума сказывается настроеніе и стремленія различныхъ общественныхъ группъ [2]). То, что Кантъ признавалъ вѣчными постулатами практическаго разума, мы считаемъ временными постулатами людей опредѣленной общественно-психологической формаціи. Придутъ другія времена, возникнутъ другіе интересы, и то, что для Канта было свято, предадутъ поруганію и выбросятъ вонъ. Мы не нуждаемся въ «умопостигаемомъ мірѣ», безъ котораго Кантъ жить не могъ, и у насъ есть своя святыня, чуждая практическому разуму Канта.

Какъ относится къ этому Ланге? Его позиція еще болѣе двусмысленна, чѣмъ позиція самого Канта, что, конечно, неудивительно для такого раздвоеннаго мыслителя.

«Кантъ,—говоритъ Ланге,—не хотѣлъ видѣть того, чего не хотѣлъ видѣть уже Платонъ, что «умопостигаемый міръ» есть *міръ творчества* и что на этомъ основывается его значеніе и важность. Ибо творчество, въ высокомъ и широкомъ смыслѣ, въ которомъ его слѣдуетъ здѣсь принимать, нельзя разсматривать, какъ игру талантливаго произвола для забавы пустыми измышленіями, но оно есть необходимый и проистекающій изъ самыхъ глубокихъ корней человѣческихъ плодъ духа, источникъ всего высокаго и святого и достаточный противовѣсъ пессимизму, возникающему отъ одностороннаго погруженія въ дѣйствительность» [3]). Minimum Канта, относительно идей Бога, свободы и безсмертія, Ланге не считаетъ необходимымъ и говоритъ: «это есть *дѣло вкуса*; но, конечно, не субъективный вкусъ недѣлимаго существено опредѣляетъ дѣло, а совокупное культурное состояніе народовъ, господствующій родъ ассоціаціи идей и извѣстное, обусловленное безконечно многими фактами, основное настроеніе духа» [4]). Повидимому, Ланге переноситъ вопросъ на психологическую почву и въ одномъ мѣстѣ

---

[1]) См. Паульсенъ. «Кантъ, его жизнь и ученіе». Кантъ придаетъ своему «практическому разуму» и его постулатамъ не только психологическое значеніе. Въ этомъ онъ устанавливаетъ аналогію съ апріорными формами теоретическаго разума. Что нравственный опытъ требуетъ своего a priori, это необходимо должно быть признано. О примиреніи критической и генетической точки зрѣнія на нравственность см. любопытныя соображенія въ недавно вышедшей книжкѣ L. Woltmann, «System des moralischen Bewusstseins». Erstes Buch.

[2]) Это не мѣшаетъ намъ признавать формальный апріоризмъ нравственнаго закона.

[3]) См. «Ист. мат.».. стр. 385.

[4]) Ibid., стр. 689.

даже прямо это заявляетъ [1]). Ланге не вѣритъ въ «умопостигаемый міръ», какъ вѣрилъ въ него Кантъ, его «точка зрѣнія идеала» просто есть порывъ поэтической и не довольствующейся дѣйствительнымъ міромъ души. Онъ говоритъ: «ни одна мысль не способна такъ примирить творчество и науку, какъ мысль, что вся наша «дѣйствительность», несмотря на свою строгую, не поддающуюся никакому произволу связь, есть *явленіе*; но при этомъ для науки несомнѣнно, что *«вещь въ себѣ»* есть простое *предѣльное понятіе.* Каждая попытка превратить отрицательное ея значеніе въ положительное непреложно ведетъ въ область творчества, и лишь то, что измѣряемое масштабомъ поэтической чистоты и величія, имѣетъ прочность, можетъ имѣть притязанія служить для *наставленія* поколѣній въ *идеалѣ* [2]).

Что же представляетъ изъ себя эта «точка зрѣнія идеала», которой посвящена заключительная глава «Исторіи матеріализма»? Она не поддается никакой положительной формулировкѣ: это—не философская концепція, а *настроеніе*, и настроеніе очень характерное для мыслителя такого пошиба, какъ Ланге. (Vaihinger. «Hartmann, Dühring and Lange», стр. 193). «Одно вѣрно,—говоритъ Ланге,—что человѣку нужно дополненіе дѣйствительности посредствомъ имъ самимъ созданнаго идеальнаго міра и что высшія и благороднѣйшія функціи его ума совокупно дѣйствуютъ въ его творчествѣ» [3]). «Идеи служатъ не для того, чтобы расширить наше познаніе, но для того, чтобы *уничтожить утвержденія* матеріализма и черезъ то дать мѣсто *нравственной философіи*, которую Кантъ считаетъ *самою важною* частью философіи» [4]). Мы еще вернемся къ «точкѣ зрѣнія идеала» Ланге, когда въ концѣ остановимся на вопросѣ о задачахъ философіи, а теперь постараемся разобрать этическіе взгляды Ланге. Въ этикѣ Ланге не даетъ ничего положительнаго: его этическія идеи неуловимы, но вся «Исторія матеріализма» проникнута этическимъ духомъ. Отношеніе Ланге къ этикѣ Канта, къ «Критикѣ практическаго разума», не совсѣмъ ясно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ критикуетъ этику Канта и даетъ понять [5]), что для него центръ тяжести лежитъ въ «Критикѣ чистаго разума», но и тутъ несомнѣнно вліяніе Канта, хотя онъ чуждъ крайностей кантовскаго формализма. Апріорный характеръ нравственнаго закона Ланге признаетъ, но истолковываетъ его въ духѣ своей теоріи познанія, какъ задатокъ въ нашей организаціи.

Мы остановимся на одной сторонѣ его этическихъ взглядовъ, на критикѣ «Догматики эгоизма» и на защитѣ альтрюизма и симпатіи,

---

1) Ibid., стр. 380.
2) Ibid., стр. 386.
3) Ibid., стр. 782.
4) Ibid., стр. 379.
5) См. «Истор. мат.», стр. 328, 384, 381 и 388.

такъ какъ это, кажется, единственный пунктъ, въ которомъ Ланге опредѣленно формулируетъ свои взгляды на вопросы этики. Тутъ у него можно найти интересныя замѣчанія, хотя, въ общемъ, критику нельзя назвать особенно сильной. Интересна его характеристика нравственности буржуазнаго общества и сравненіе съ нравственностью древняго міра. «Мы изслѣдуемъ науку,—говоритъ Ланге,—и находимъ въ ея ученіяхъ лишь зеркало ея общественныхъ состояній. Мы желаемъ видѣть, въ чемъ, въ настоящее время, заключается *этическій матеріализмъ*, и мы находимъ, что онъ развитъ въ нѣкоторую догматику, какой не знали Аристиппъ и Эпикуръ. На мѣсто *удовольствія* новое время поставило *эгоизмъ* и, тогда какъ философскіе матеріалисты колеблются въ своей этикѣ, съ политической экономіей развилась особенная теорія эгоизма, которая болѣе, чѣмъ какой бы то ни было другой элементъ новаго времени, носитъ на себѣ характеръ матеріализма» [1]. «Великій интересъ этой эпохи (т.-е. буржуазной. Н. Б.), не есть уже непосредственное наслажденіе, какъ въ древности, а *составленіе капитала*» [2]. «Смѣшали правила рынка съ правилами жизни» [3]. «Собрать средства для наслажденія и потомъ употребить эти средства не на наслажденіе, а большую часть опять на пріобрѣтеніе—вотъ господствующій характеръ нашего времени» [4]. Въ заключеніе своей главы о догматикѣ эгоизма, Ланге прибавляетъ, что въ современномъ обществѣ «одинъ пролетаріатъ остается грубымъ, угнетеннымъ, но свѣжимъ душою» [5]. Затѣмъ Ланге критикуетъ ученіе о «гармоніи интересовъ». Онъ проповѣдуетъ альтрюизмъ и симпатію, взамѣнъ эгоистической морали, и говоритъ, что сущность нравственнаго прогресса сводится къ тому, чтобы «вывести *я* за его предѣлы и направить на общее».

Мы также, какъ и Ланге, не признаемъ той «догматики эгоизма», той морали интересовъ, которая создана буржуазнымъ обществомъ, но имѣемъ болѣе сильное противъ нея оружіе. Разсматривая всевозможные роды матеріализма, Ланге ничего не говоритъ о такъ называемомъ матеріалистическомъ пониманіи исторіи; нѣкоторые упрекаютъ его въ этомъ, но, на нашъ взглядъ, это пробѣлъ болѣе, чѣмъ естественный. Ланге зналъ Маркса, Марксъ даже оказалъ нѣкоторое вліяніе на его экономическіе взгляды [6], но историко-философская концепція Маркса была для него terra incognita. Въ то время, когда Ланге писалъ свою «Исторію матеріализма», мало кто давалъ себѣ отчетъ въ значеніи

---

1) См. «Итор. мат.»., стр. 655.
2) Ibid., стр. 658.
3) Ibid., стр. 657.
4) Ibid., стр. 659.
5) Ibid., стр. 679.
6) См. Ланге. «Рабочій вопросъ». Глава пятая.

марксовской соціологической точки зрѣнія, и Ланге былъ самымъ неподходящимъ человѣкомъ, чтобы понять духъ этого ученія: онъ былъ слишкомъ эклектически настроенъ. Вотъ это самое матеріалистическое пониманіе исторіи не оставляетъ камня на камнѣ отъ «догматики эгоизма» и отъ утилитарной этики. «Экономическій матеріализмъ» [1]) уничтожаетъ «этическій матеріализмъ». Извѣстно отношеніе Маркса къ столпу эгоистическаго утилитаризма, изобрѣтателю «моральной ариеметики» Бентаму. Марксъ говоритъ, что онъ принялъ современнаго ему англійскаго лавочника за нормальнаго человѣка [2]). Утилитарно-эгоистическая теорія нравственности есть переживаніе раціоналистическаго міровоззрѣнія XVIII-го вѣка и характерна для буржуазнаго направленія мысли. Только въ буржуазномъ обществѣ могъ возникнуть взглядъ на человѣка, какъ на разсудочную машину, постоянно подсчитывающую приходъ и расходъ [3]). Современная психологія и этика уже доказали, что чувства и желанія, а не разсудочный разсчетъ, руководятъ человѣкомъ [4]), и то же самое, съ другой стороны, доказываетъ матеріалистическая соціологія. *Индивидуализмъ* въ этикѣ замѣняется *универсализмомъ* [5]).

Человѣкъ со всѣмъ содержаніемъ своей душевной жизни—продуктъ соціальной среды и въ частности той или другой соціальной группы; нравственность его есть результатъ приспособленія къ требованіямъ окружающей обстановки, которая всегда сильнѣе личности. Личность нельзя отдѣлять отъ тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя ее породили, и господство чистаго эгоизма немыслимо уже потому, что личные интересы въ большинствѣ случаевъ суть интересы той соціальной группы, къ которой данная личность приспособлена. Сплошь и рядомъ человѣкъ дѣйствуетъ въ разрѣзъ со своими эгоистическими интересами, потому что этого требуетъ духъ того общественнаго класса, которому данный человѣкъ преданъ душою и тѣломъ. Буржуа, напримѣръ, сражается не только за себя, но и за идею буржуазіи, за буржуазный духъ, который онъ всосалъ въ себя капля за каплей со дня своего появленія на свѣтъ.

---

[1]) Этотъ терминъ особенно распространенъ у насъ въ Россіи, хотя онъ совершенно неправиленъ и даже нелѣпъ, тяжелъ.

[2]) См. Марксъ. «Капиталъ», т. I, стр. 532.

[3]) Древній эвдемонизмъ очень отличается отъ новѣйшаго, какъ на это указываетъ и Ланге. См. Фр. Іодль, «Исторія этики», т. I, стр. 3 — 7. 1896. Античный міръ, несмотря на всѣ свои язвы, былъ слишкомъ эстетически прекрасенъ.

[4]) Гефдингъ. «Очерки психологіи». См. Вундтъ. «Этика». Изд. «Русск. Бог.», стр. 432 — 435.

[5]) Уничтоженіе индивидуалистическаго міровоззрѣнія мы считаемъ важнѣйшею задачею философской мысли, но къ термину «индивидуализмъ» нужно относиться въ высшей степени осторожно. Если подъ индивидуализмомъ понимать требованіе всесторонняго развитія личности, то индивидуализмъ вѣченъ. Это — прекраснѣйшая мечта человѣка.

Если бы исторія была игрою эгоистическихъ интересовъ отдѣльныхъ личностей, то она была бы невозможна: нельзя было бы объяснить ни одного соціальнаго движенія, которое всегда основывается на приспособленіи личнаго къ требованіямъ общаго.

Изолированная, преслѣдующая лишь свои эгоистическіе интересы личность — это абстракція, которой ничто не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности, хотя разнузданныя общественныя отношенія капиталистическаго общества создаютъ почву для возникновенія подобной иллюзіи. Научная этика можетъ разсматривать нравственность лишь какъ приспособленіе *индивидуальнаго* къ *типическому*; она видитъ источникъ нравственности не въ разсчетахъ человѣка на большую или меньшую выгоду, большее или меньшее удовольствіе, а во-внѣ человѣка лежащемъ порядкѣ жизни, который властно направляетъ его въ ту или другую сторону [1]). Матеріалистическое пониманіе исторіи прекрасно объясняетъ альтрюизмъ и все идеальное въ человѣческой жизни, проблема, которую тщетно пытался разрѣшить знаменитый просвѣтитель XVIII вѣка Гельвецій [2]), къ какимъ ухищреніямъ онъ для этого ни прибѣгалъ. Думается намъ, что не только неправильно ставить во главѣ угла этическаго міровоззрѣнія личный эгоизмъ, но даже и классовой эгоизмъ. Прежде всего, *классовой эгоизмъ* есть выраженіе фигуральное; тутъ терминъ *эгоизмъ* утрачиваетъ свой специфическій смыслъ; но и это фигуральное выраженіе годится только для первыхъ стадій развитія классоваго сознанія. На высшихъ стадіяхъ развитія классъ начинаетъ сознавать себя носителемъ идеи общечеловѣческаго прогресса, и борьба его пріобрѣтаетъ міровое значеніе [3]). Въ классовомъ обществѣ нравственность всегда носитъ классовой характеръ, но нравственность *прогрессивнаго* класса, класса будущаго, всегда является продуктомъ приспобленія къ требованіямъ всемірно-историческаго прогресса и общечеловѣчна по своему значенію, она является принципомъ всеобщаго законодательства [4]).

---

[1]) На этотъ путь вступаетъ уже Герб. Спенсеръ въ «Этикѣ», но не можетъ надлежащимъ образомъ развить эту точку зрѣнія. Вундтъ совершенно инымъ путемъ приходитъ къ тому же основному принципу этики, что нравственность есть приспособленіе *личнаго къ общему*. См. Вундтъ «Этика», т. II, стр. 21 — 24.

[2]) См. «Beitrage zur Geschichte des Materialismus» Stuttgart, 1896, стр. 84. См. Фр. Іодля «Исторія этики въ новой философіи», т. I, стр. 230—234.

[3]) Знаменитое выраженіе Лассаля «идея четвертаго сословія», не смотря на свою метафизическую внѣшность, имѣетъ глубокій смыслъ. Человѣкъ весь проникается «идеей», сливается съ ней; она сильнѣе его и управляетъ имъ. А что порождаетъ эту «идею»? Она, конечно, продуктъ развитія реальныхъ общественныхъ отношеній, а не «мірового духа». См. F. Lassale's «Reden und Schriften», II B. Arbeiter Programm, стр. 9—50.

[4]) См. Кантъ «Критика практическаго разума». 1897 г., стр. 38. На сформированномъ Кантомъ нравственномъ законѣ дожны сойтись всѣ системы нравственности.

Весь послѣдній отдѣлъ «Исторіи матеріализма» проникнутъ интересомъ къ соціальному вопросу и сочувствіемъ къ угнетеннымъ классамъ. Ланге громитъ философскій матеріализмъ за его союзъ съ господствующими классами [1]), но въ подтвержденіе своей мысли приводитъ только одну типическую фигуру Д. Штрауса. Онъ въ этомъ не такъ ужъ не правъ, какъ можетъ казаться. На соціальный вопросъ Ланге смотритъ съ этической точки зрѣнія: онъ довольно близко стоитъ къ «катедеръ-соціалистамъ», но нѣсколько смѣлѣе и радикальнѣе послѣднихъ [2]). Онъ утопистъ, взывающій къ нравственнымъ чувствамъ господствующихъ классовъ и мечтающій о совершенно мирномъ разрѣшеніи соціальнаго вопроса безъ суровой классовой борьбы. Но онъ плохо вѣритъ въ сбыточность своей мечты: его разъѣдаютъ сомнѣнія и боязнь за будущее, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ заключительныя слова его книги [3]). При всемъ своемъ сочувствіи къ рабочему классу, онъ, все-таки, не довѣряетъ ему и боится его, что совершенно естественно для эклектика. Въ этомъ отношеніи намъ у Ланге мало чему можно поучиться. Мы стоимъ на иной точкѣ зрѣнія, можемъ смѣло смотрѣть въ глаза будущему и вѣрить въ торжество тѣхъ идеаловъ, которые намъ дороги. Взгляды Ланге на значеніе христіанства и вообще религіи для рѣшенія соціальнаго вопроса представляются намъ радикально ложными, но мы, къ сожалѣнію, не можемъ распространяться на эту тему. Очень характерны для общаго настроенія Ланге слѣдующія трогательныя слова: «Я требовалъ также рядомъ со свѣтлымъ, новымъ зданіемъ религіи будущаго оставить, по крайней мѣрѣ, мою готическую часовню для скорбящихъ душъ и въ національномъ культѣ—извѣстные праздники, во время которыхъ и счастливый долженъ былъ учиться спускаться въ бездну бѣдствія и сходиться съ несчастнымъ и даже злымъ въ одной и той же потребности спасенія» [4]). Отсутствіе монизма въ настроеніи и міровоззрѣніи—вотъ характернѣйшая черта Ланге, но, именно благодаря этому, «Исторія матеріализма» близка человѣческой душѣ, истерзанной противорѣчіями современной жизни.

Въ заключеніе мы коснемся взглядовъ Ланге на задачи философіи. Какъ и большая часть представителей германскаго критицизма, Ланге видитъ центръ тяжести философіи въ теоріи познанія, въ критикѣ. Эта, по преимуществу, отрицательная работа представляется ему единственно-научной стороною философіи. Но на одной теоріи познанія далеко не уѣдешь, и вѣковѣчная задача философіи—построеніе міровоззрѣнія—даетъ себя знать и у Ланге въ чрезвычайно типичной формѣ

[1]) См. «Истор. мат.», стр. 721.
[2]) См. Ланге. «Рабоч. вопр.». Глава седьмая.
[3]) См. «Истор. мат.», стр. 740.
[4]) См. Ibid., стр. 714.

для кантіанства. Умъ критическій—Ланге все-таки имѣетъ потребность въ синтезѣ, и синтезъ его создаетъ сверхчувственный «міръ идеала». Міръ для него раздваивается, задачи философіи, за вычетомъ теоріи познанія, сближаются съ задачами поэзіи. Философія не можетъ претендовать на научность,—это продуктъ свободнаго творчества, которое должно удовлетворить высшіе запросы человѣческаго духа. Но Ланге не сказалъ ни одного положительнаго слова о томъ, къ чему приводитъ его творческій синтезъ. «Міръ идеала» не заключаетъ въ себѣ никакихъ положительныхъ элементовъ: это какой-то неясный порывъ раздвоенной человѣческой души, жаждущей утѣшенія, но не отдающей себѣ отчета, въ чемъ это утѣшеніе заключается. Философіи, какъ цѣльной системы міровоззрѣнія, Ланге намъ не даетъ, хотя затрагиваетъ важнѣйшіе вопросы человѣческаго познанія. Въ концѣ концовъ онъ скептикъ, обманывающій самого себя.

При всемъ нашемъ уваженіи къ критической философіи, мы категорически протестуемъ противъ того отожествленія философіи съ теоріей познанія, которое замѣчается у представителей нѣмецкаго критицизма [1]). Это, на нашъ взглядъ, принижаетъ значеніе философіи, которая всегда отвѣчала потребности въ общемъ міропониманіи. Истинная задача философіи—цѣльное ученіе о мірѣ, ученіе же о познаніи играетъ роль служебную: это орудіе, безъ котораго цѣль не можетъ быть достигнута. Философія вноситъ гармонію въ хаотическую кучу отдѣльныхъ истинъ, вырабатываемыхъ спеціальными науками. Она есть *гармоническое развитіе мысли* и она такъ же прекрасна въ области мысли, какъ гармонически развитая личность прекрасна въ жизни. Но возможна ли подобная задача? Ее отрицаютъ многіе позитивисты [2]) и критицисты. Не будетъ ли это возвратомъ къ тѣмъ метафизическимъ системамъ, которыя давно похоронены научною мыслью нашего вѣка? Мы полагаемъ, что потребность въ «творческомъ синтезѣ», о которомъ говоритъ Ланге, глубоко лежитъ въ человѣческой природѣ, хотя въ извѣстные моменты исторіи ослабѣваетъ; полагаемъ, что величественныя попытки человѣческой мысли проникнуть въ тайну бытія, принадлежатъ не только прошедшему, но еще въ большей степени будущему, что демократизація человѣческаго общества приведетъ къ такому расцвѣту философской мысли, какого не видѣла даже древняя Эллада [3]). Только филистерство мысли способно довольствоваться умственнымъ воздержаніемъ и атрофировать въ себѣ высшіе умственные запросы, подобно тому, какъ филистерство воли обходится безъ широ-

---

[1]) См., напр., Riehl. «Phil. Krit.», II B., стр. 15. Риль въ этомъ отношеніи особенно типиченъ.

[2]) См. Aug. Comte, «Cours de phil. posit.», T. I, стр. 44 и др. мѣста.

[3]) K. Kautsky. «Das Erf. Prog.» Stuttgart. 1892, стр. 174—175. Тутъ Каутскій говоритъ о философскихъ потребностяхъ нашего времени и проводитъ замѣчательную параллель съ аѳинскою аристократіей.

каго общественнаго идеала и филистерство чувства—безъ поэтическаго творчества [1]). Вѣдь цѣли человѣчества — идеальны. Будущее принадлежитъ смѣлымъ попыткамъ прогрессивныхъ мыслителей, которые создадутъ удовлетворяющее пониманіе міра и свяжутъ его съ лучшими стремленіями своего времени. Современное общественное развитіе стремится къ такой формѣ общежитія, въ которой гармонически развитая и цѣльная личность найдетъ себѣ полное выраженіе. Гармонизація жизни приведетъ къ гармонизаціи мысли, къ цѣльному монистическому міровоззрѣнію, кровными нитями связанному съ жизнью. Тогда народится, наконецъ, философія для *всей массы* человѣчества, которая до сихъ поръ довольствовалась суррогатами міровоззрѣнія.

Каково же будетъ отношеніе между философіей и наукой? Девятнадцатый вѣкъ выдвинулъ идею научной философіи въ противоположность философіи метафизической. Можетъ ли быть философія, какъ система міровоззрѣнія, какъ ученіе о бытіи—научной? Намъ кажется, что она не можетъ быть исключительно научной,—она непремѣнно будетъ *сверхнаучной* [2]). Философія не можетъ противорѣчить ни одному выводу современной ей науки, иначе она будетъ противонаучна; она должна быть синтезомъ всѣхъ знаній своего времени, но синтезъ этотъ непремѣнно идетъ дальше науки: онъ заполняетъ гипотетическимъ творчествомъ тѣ пробѣлы, которые оставляетъ положительное знаніе. Это и есть сверхнаучные элементы философіи, хотя границы между философіей и наукой, конечно, относительны. Мыслитель выражаетъ въ философіи то *общее настроеніе*, которое вызываетъ въ его душѣ міровой и соціальный процессъ; его работа имѣетъ дѣйствительно точки соприкосновенія съ поэзіей. Это общее настроеніе всегда зависитъ отъ принадлежности его къ опредѣленному общественному строю и опредѣленной общественной группѣ. Призывая къ философскому творчеству, мы имѣемъ въ виду выразить настроеніе извѣстной группы людей. Она должна имѣть свою философію, теоретически обосновывающую ея жизненныя стремленія и олицетворяющую ея бодрый духъ, полный сознанія своей растущей силы, это будетъ духъ побѣдоноснаго человѣчества. Философія должна воспринять лучшіе продукты философской

---

[1]) Условія общественной жизни забиваютъ человѣка и загоняютъ въ темный уголъ, въ которомъ философія и искусство—непозволительная роскошь. Но мы боремся съ тѣмъ порядкомъ жизни, который создаетъ подобныя условія, и въ идеалѣ будущаго, освѣщающемъ нашъ путь, найдутъ полное удовлетвореніе высшія потребности человѣка. Мы признаемъ права за «романтизмомъ», несмотря на строго-реалистическія основанія нашего міровоззрѣнія.

[2]) См. Дж. Льюисъ, «Вопросы о жизни и духѣ», т. I, гл. V. У Льюиса можно найти много любопытныхъ мыслей. См. W. Wundt, «System der Phil.» 2 Auflage. Leipzig. 1897 г., стр. 1—34. Вундтъ признаетъ задачей философіи построеніе міровоззрѣнія, объясняющаго совокупность бытія. Таковы же взгляды Паульсена. См. «Введеніе въ философію». 1894 г., стр. 3.

мысли прошлаго и, очистивъ ихъ отъ печати, наложенной буржуазной исторической эпохой, перенесетъ въ будущее. Творческій синтезъ философіи создастъ гармоническое пониманіе единаго, цѣликомъ познаваемаго міра дѣйствительности, но не расчленитъ его дуалистически. Философія обойдется безъ непонятнаго потустороннято опыту міра, который играетъ такую роль у Ланге и кантіанства, такъ какъ міръ дѣйствительности достаточно интересенъ. Будущее принадлежитъ монизму, хотя временная реакція противъ монизма начинаетъ поднимать голову. Мы имѣемъ въ виду не только гносеологическій монизмъ, но и монизмъ онтологическій. Позитивисты считаютъ онтологію невозможной и отожествляютъ ее съ метафизикой, но мы приписываемъ термину «метафизика» нѣсколько иной смыслъ. Метафизикой мы называемъ всякую попытку выйти изъ содержанія опыта, изъ даннаго нашему сознанію міра явленій; метафизично уже само признаніе трансцендентнаго, сверхчувственнаго міра, хотя бы и непознаваемаго [1]). Метафизическій методъ мышленія—это методъ, создающій *фикціи* и гоняющійся за ними. Всякія же построенія о дѣйствительности, о мірѣ явленій, которыми исчерпывается [2]) для насъ бытіе, мы можемъ назвать сверхнаучными, но отличаемъ отъ метафизическихъ (въ дурномъ смыслѣ этого слова). Конечно, возможенъ и такой смыслъ слова метафизика, при которомъ мы признаемъ ея права на существованіе и считаемъ ее одной изъ идеальныхъ цѣлей человѣчества. Мы здѣсь не касаемся вопроса, каковъ будетъ этотъ онтологическій монизмъ, скажемъ только, что онъ, вѣроятно, не будетъ просто идеалистическимъ и тѣмъ менѣе матеріалистическимъ, что это будетъ новая комбинація, которая окончательно возвысится надъ кажущимся дуализмомъ духа и матеріи [3]). Монизмъ соціальный есть только часть монизма общефилософскаго. Господство соціальной точки зрѣнія особенно характерно для философіи будущаго. Коллективная работа многихъ мыслителей создаетъ систему міропониманія, систему философіи, которая выражаетъ истину доступную для даннаго времени. Философія, какъ и все въ мірѣ, находится въ вѣчномъ движеніи.

Авторъ нѣмецкой книжки «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» говоритъ: «матеріалисты могутъ на всѣ упреки ихъ противни-

---

[1]) См. Льюисъ. «Вопросы о жизни и духѣ», стр. 12—27. Т. I. Замѣчательно различіе, которое Льюисъ устанавливаетъ между *метафизикой* и *метэмпирикой*.

[2]) Человѣческая мысль съ трудомъ приспособляется къ тому выводу, что міръ не имѣетъ субстрата, что существуютъ только *процессы*. Научная психологія уже отбросила *субстанціальное* пониманіе души и выставила взамѣнъ пониманіе *актуальное*. См. Вундтъ. «Очеркъ психологіи», пер. Паперна, стр. 9. Философія должна понять весь міръ, какъ непрерывное *дѣйствіе*, активность, борьбу. Призракъ застывшаго и мертваго вещества долженъ пасть.

[3]) См. замѣчательную попытку Авенаріуса покончить съ остатками дуализма въ «Der menschliche Weltbegriff».

ковъ отвѣтить: знаете ли вы что-нибудь лучшее? и гдѣ нужно этого лучшаго искать? Въ субъективномъ ли идеализмѣ Беркли? Въ абсолютномъ идеализмѣ Гегеля, въ агностицизмѣ, или неокантіанствѣ нашихъ дней [1])? Лучшаго нельзя найти гдѣ-нибудь въ готовомъ видѣ, лучшее надо создать. Будущее не принадлежитъ ни субъективному идеализму Беркли или абсолютному идеализму Гегеля, ни агностицизму или даже неокантіанству нашихъ дней, но и не принадлежитъ также «діалектическому матеріализму» [2]). Мы считаемъ возможнымъ только одинъ призывъ въ философіи, призывъ *впередъ*, къ самостоятельной философской работѣ, такъ какъ мы прежде всего—люди будущаго!

Николай Бердяевъ.

---

[1]) См. «Beiträge zur Geschichte des Materialismus», стр. 5.

[2]) Подъ «діалектическимъ матеріализмомъ» мы понимаемъ не соціологическое ученіе Маркса, а то чисто философское міровоззрѣніе, которое получилось послѣ того, какъ, по выраженію Энгельса, гегелевская философія была поставлена съ головы на ноги и идеалистическое ея содержаніе было замѣнено матеріалистическимъ. Это міровоззрѣніе особенно выразилось въ извѣстной книгѣ Энгельса: «Herr Eugen Dühring's Umwältzung der Wissenschaft». Мы глубоко уважаемъ тѣ общественныя причины, которыя породили діалектическій матеріализмъ, но полагаемъ, что мысль, какъ и жизнь, идетъ впередъ. Та общественная группа, которая создала философію діалектическаго матеріализма, до сихъ поръ не могла предаваться философской мысли, но теперь наступаютъ лучшія времена и ограничиться пережовываніемъ стараго было бы позорно.

ИЗЪ З. І. ІОВАНОВИЧА.

(Съ сербскаго).

I.

Обскурантамъ.

Повелите стройной ели,
Чтобъ согнулась, какъ дуга,
А зимѣ—чтобъ почернѣли
Какъ въ дыму ея снѣга̀!

Запретите заливаться
Соловью въ тиши ночей,
Томной розѣ—распускаться
Въ нѣгѣ солнечныхъ лучей!

Завяжите молньямъ очи,
Громъ осмѣльтесь заглушить,
Закажите темной ночи—
Зорь румяныхъ не родить!

Истощайте ваши силы,—
Свистомъ бѣшенымъ кнутовъ
По землѣ бродить уныло
Не принудите орловъ!

Ваша ржавчина не выжжетъ
Язвы въ сердцѣ золотомъ,
Всей природы не забрыжжетъ
Вашей грязи черный комъ.

Не уступитъ вамъ природа;
Время мчится, васъ не ждетъ...
Ваша-ль хилая порода
Заградитъ ему полетъ?

Сѣйте мракъ съ коварной ложью,
Куйте мечъ, плетите кнутъ,—
Люди съ вѣрой въ правду божью
На землѣ ее найдутъ!

II.

Желѣзо.

Создавъ землю, Творецъ ей сказалъ:
„Въ сокровеннѣйшихъ нѣдрахъ твоихъ—
Да появится всякій металлъ
Для грядущихъ дѣяній людскихъ!“

И услыша то слово, предсталъ
Добрый ангелъ въ слезахъ и молилъ,
И, рыдая, моля, заклиналъ,
Чтобъ желѣза Господь не творилъ:

„Не пускай его, Боже, на свѣтъ:
Будетъ горе въ предѣлахъ земныхъ,
И вѣка содрогнутся отъ бѣдъ,
Отъ неволи, отъ воплей людскихъ!

„Адъ на скорбную землю сойдетъ,
Люди въ цѣпи людей закуютъ,
Гнетъ тирановъ въ нихъ волю убьетъ,
И народы безсильно падутъ!..

„И тогда образъ твой, человѣкъ,
Въ посрамленье Творца своего,
Ужъ не выйдетъ изъ рабства во вѣкъ...
Не твори лучше, Боже, его!“

„Не тревожься,—сказалъ ему Богъ,—
Человѣка сознанье спасетъ:
Онъ очнется отъ мукъ и тревогъ
И желѣзо цѣпей разорветъ.
„Не печалься; не нужно ему
Этихъ слезъ и обидныхъ рѣчей:
Онъ на гибель врагу своему
Накуетъ изъ желѣза мечей!“

А. Колтоновскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Три разговора», Вл. Соловьева,—«о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти объ Антихристѣ».—Полемическій характеръ книги. Введеніе и выходки по адресу «несогласно мыслящихъ».—Повѣсть объ Антихристѣ.—Странное впечатлѣніе всей книги «почетнаго академика».—«Сочиненія», В. Д. Спасовича, т. IX.—Общіе взгляды г. Спасовича.—Изъ его воспоминаній о Кавелинѣ.

Въ бѣдной публицистической литературѣ послѣдняго времени не можетъ пройти не замѣченной оригинальная книга г. Вл. Соловьева.

Слово «бѣдная» въ примѣненіи къ публицистикѣ можетъ показаться страннымъ. Чего бы, кажется, больше,—именно публицистики у насъ хоть отбавляй. Однако, если откинуть массу бѣглыхъ замѣтокъ повседневной прессы, посвященныхъ текущимъ интересамъ дня и живущихъ не дольше дня, то едва ли что и останется. У насъ какъ-то незамѣтно для всѣхъ исчезла почти совсѣмъ серьезная публицистика, которая захватывала бы широкія явленія жизни и пыталась такъ или иначе освѣтить ихъ. Вѣдь нельзя же придавать какого-либо значенія перебранкѣ, какая по временамъ вдругъ завяжется между тѣмъ или инымъ литераторомъ, не столько изъ любви къ истинѣ, сколько изъ дѣтскаго желанія наговорить другъ другу возможно болѣе обидныхъ вещей, не интересныхъ для публики и не умныхъ по существу. Такая нелитературная потасовка никакого отношенія къ публицистикѣ, конечно, не имѣетъ. Являясь несомнѣннымъ testimonium paupertatis для самихъ рыцарей «брани», она развѣ только свидѣтельствуетъ объ узости круга явленій, въ данное время доступныхъ для злополучной русской литературы. Сжатая въ этомъ кругѣ, бѣдная литературная братія отъ тоски и скуки накидывается другъ на друга и устраиваетъ мало поучительный спектакль для читателей.

«Три разговора» г. Вл. Соловьева захватываютъ очень важный и интересный вопросъ, пожалуй, наиболѣе интересный для данной минуты: «о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи». Приложенная въ концѣ и, такъ сказать, вѣнчающая эти разговоры повѣсть объ Антихристѣ придаетъ имъ особую пикантность и остроту. Какъ истинно русскій публицистъ, г. Вл. Соловьевъ не могъ, конечно, удержаться отъ нѣкоторой бранчивости по адресу «несогласно мыслящихъ», отчего книга его, какъ намъ кажется, мало выиграла, а его доброе имя, какъ почтеннаго литератора и «почетнаго академика», не мало пострадало. Думаемъ, что «высшій замыселъ», руководившій имъ, по словамъ автора, при написаніи этой книги, ничего не потерялъ бы, если бы г. Соловьевъ не приложилъ къ своимъ «разговорамъ» весьма неприличнаго введенія, тѣмъ болѣе неприличнаго, что, судя по датѣ, оно имъ написано «въ Свѣтлое Воскресеніе 1900 г.», т.-е. послѣ того, какъ разговоры были опубликованы, а антихристъ провозвѣщенъ съ каѳедры. Понятно и извинительно рѣзкое слово, сорвавшееся въ пылу полемики, но ничѣмъ не оправдывается слѣдующая вылазка, завершающая книгу и рѣшительно ничѣмъ не вызванная.

«Много лѣтъ назадъ прочелъ я извѣстіе о новой религіи, возникшей гдѣ-то въ восточныхъ губерніяхъ. Эта религія, послѣдователи которой назывались *вертидырниками*, или *дыромоляями* (курсивы вездѣ г. Соловьева), состояла въ томъ, что, просверливъ въ какомъ-нибудь темномъ углу въ стѣнѣ избы дыру средней величины, эти люди прикладывали къ ней губы и много разъ настойчиво повторяли: *изба моя, дыра моя, спаси меня!* Никогда еще, кажется, предметъ богопочитанія не достигалъ такой крайней степени упрощенія. Но если обоготвореніе обыкновенной крестьянской избы и простого, человѣческими руками сдѣланнаго отверстія въ ея стѣнѣ есть явное заблужденіе, то должно сказать, что это было заблужденіе правдивое: эти люди дико безумствовали, но никого не вводили въ заблужденіе,—про избу они такъ и говорили *изба*, и мѣсто, просверленное въ ея стѣнѣ, справедливо называли *дырою*.

«Но религія дыромоляевъ скоро испытала «эволюцію» и подверглась «трансформаціи». И въ новомъ своемъ видѣ она сохранила прежнюю слабость религіозной мысли и узость философскихъ интересовъ, прежній приземистый реализмъ, но утратила прежнюю правдивость: своя изба получила теперь названіе «царства Божія *на землѣ*», а дыра стала называться «новымъ евангеліемъ», и, что всего хуже, различіе между этимъ мнимымъ евангеліемъ и настоящимъ совершенно такое же, какъ между просверленною въ бревнѣ дырой и живымъ и цѣлымъ деревомъ,—это существенное различіе новые евангелисты всячески старались и замолчать, и заговорить».

Далѣе г. Вл. Соловьевъ заявляетъ, что онъ, конечно, не настаиваетъ на прямой «генетической» связи между дыромоляями и проповѣдью мнимаго царства Божія и мнимаго евангелія. Такая его снисходительность заслуживаетъ одобренія. Дѣло въ томъ, что извѣстія объ этой оригинальной сектѣ проникли въ печать года четыре—тому назадъ *), и «много лѣтъ тому назадъ» онъ не могъ слышать о ней. Его «остроуміе» является «заднимъ числомъ», и отказъ отъ генетической связи дѣлаетъ честь не его исторической объективности, а осторожности. Жаль, что если не чувство осторожности, то чувство брезгливости не подсказало ему, насколько употребленный имъ пріемъ... нечистоплотенъ, по меньшей мѣрѣ. Казалось бы, именно ему не слѣдовало бы прибѣгать къ такимъ пріемамъ, такъ какъ въ запасѣ г. Вл. Соловьева должны быть и лучшія мѣры борьбы, и вполнѣ корректные пріемы. Когда нѣсколько лѣтъ назадъ (1891—1894) казанскій проф. Гусевъ, нынѣ покойный, ополчился на «мнимое евангеліе» и его проповѣдниковъ, лучшая часть печати тогда отмѣтила, что можно не соглашаться съ проповѣдью, но можно и должно съ уваженіемъ относиться къ проповѣднику. Неужели г. Соловьевъ забылъ это основное правило терпимости, той самой терпимости, за которую и онъ ратуетъ? Между тѣмъ, съ раздраженіемъ, которое мы совершенно отказываемся понять, онъ заявляетъ: «Въ виду зараженія нравственной атмосферы систематической ложью, общественная совѣсть громко требуетъ, чтобы дурное дѣло было названо своимъ настоящимъ именемъ. Истинная задача полемики здѣсь—*не опроверженіе мнимой религіи, а обнаруженіе дѣйствительнаго обмана*». Это языкъ не убѣжденнаго человѣка, который допускаетъ искренность и въ противникѣ, насколько бы тотъ ни былъ чуждъ ему, а заносчивости и нетерпимости, признающей правду и искренность исключительно своей привилегіей. Давно ли получилъ ее г. Соловьевъ? И кто далъ ему право «вѣщать» отъ имени «общественной совѣсти»? Думаемъ, что г. Вл. Соловьевъ рядится въ не соотвѣтствующія ему ризы, и очень жалѣемъ объ этомъ. И безъ него такая у насъ масса охотниковъ выступать отъ имени этой молчаливой, подавленной общественной совѣсти. Мы отнюдь не сторонники «мнимаго евангелія», въ особенности нѣкоторыхъ изъ его прозелитовъ, и неоднократно вы-

*) См. «М. Б.». 1895 г.

ступали противъ нихъ *). Тѣмъ не менѣе, думается намъ, общественную совѣсть лучше оставить въ покоѣ, а упреки въ «обманѣ» меньше всего убѣдительны именно для «малыхъ сихъ», на защиту которыхъ такъ яростно ополчается г. Вл. Соловьевъ.

То, что проводитъ въ своихъ трехъ разговорахъ авторъ, вовсе не таково, чтобы нельзя было обойтись безъ «злорѣчія». Трое собесѣдниковъ, генералъ, политикъ, какой-то старый дипломатъ, и нѣкто г. Z., устами котораго говоритъ самъ авторъ, оспариваютъ нѣкоего князя, выступающаго защитникомъ ученія «о непротивленіи злу насиліемъ». Разговоръ ведется очень остроумно мѣстами и живо. Особенно хорошъ въ своей роли стараго солдата генералъ, который простъ, категориченъ, ясенъ и убѣдителенъ. Его разсказъ, какъ онъ настигъ шайку курдовъ, истреблявшихъ армянское населеніе, и разгромилъ всю шайку, уничтоживъ больше тысячи этихъ дикихъ звѣрей,—прямо художественная страничка. Всѣ наши симпатіи на его сторонѣ въ этомъ случаѣ. Онъ совершенно правъ, доказывая, что нельзя словами противиться насилію, когда оно совершается на вашихъ глазахъ. Старыя истины, почерпнутыя изъ учебниковъ, говоритъ и дипломатъ о томъ, что современный прогрессъ ведетъ къ миру, а не къ войнѣ. Въ рѣчахъ политика намъ особенно понравилось замѣчаніе объ учтивости и ея значеніи. «Въ культурѣ,—говоритъ онъ,—есть другая сторона, практическая, или, если хотите, нравственная, и это есть именно то, что въ частной жизни мы называемъ вѣжливостью, или учтивостью. Это можетъ казаться маловажнымъ на поверхностный взглядъ, но оно имѣетъ огромное и единственное значеніе именно потому, что оно одно можетъ быть всеобщимъ и обязательнымъ: нельзя ни отъ кого требовать ни высшей добродѣтели, ни высшаго ума или генія, но можно и должно требовать отъ всѣхъ учтивости. Это есть тотъ *минимумъ* разсудительности и нравственности, благодаря которому люди могутъ жить по-человѣчески. Конечно, вѣжливость не есть *вся* культура, но она есть необходимое *условіе* всякой культурности, все равно какъ грамотность, хотя не исчерпываетъ умственнаго образованія, но есть его необходимое условіе. Вѣжливость есть культурность à l'usage de tout le monde. И вотъ мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что она все болѣе изъ частныхъ отношеній между людьми одного класса распространяется на соціальныя—между различными классами—и на политическія, или международныя... Мирное, т.-е. вѣжливое, т.-е. для всѣхъ выгодное улаженіе всѣхъ международныхъ отношеній и столкновеній—вотъ незыблемая норма здравой политики въ культурномъ человѣчествѣ». Мы думаемъ, что этотъ вѣрный принципъ примѣнимъ и въ литературныхъ отношеніяхъ, и можно вести споръ съ противникомъ, хотя бы и проповѣдникомъ «мнимаго евангелія», безъ обруганія его и «облыганія».

Генералъ, какъ и подобаетъ старому солдату, отстаиваетъ войну, какъ лучшій способъ разрѣшать международныя отношенія. Онъ стоитъ не за войну вообще, а за войну справедливую, какъ, напр., послѣдняя русско-турецкая. Политикъ полагаетъ, что по мѣрѣ хода прогресса война становится все менѣе и менѣе необходимой, пока совершенно не исчезнетъ изъ международныхъ отношеній, какъ драка исчезла изъ личныхъ отношеній. Точки зрѣнія того и другого просты и понятны, чего нельзя сказать о г. Z., въ уста котораго авторъ влагаетъ свое особое разсужденіе, называемое имъ «безусловно-религіознымъ». Чувствуетъ неясность этой третьей точки зрѣнія и самъ авторъ, и для поясненія сочиняетъ удивительную повѣсть объ антихристѣ, написанную монахомъ Пансофіемъ. Повѣсти этой особенно повезло. Авторъ прочиталъ ее публично и произвелъ ею немалый шумъ. Теперь, прочитавъ ее въ печати, испытываешь и недоумѣніе, и досаду,—до того эта повѣсть представляетъ смѣшеніе апокалипсиса

*) См., напр., «М. Б.», «Крит. зам.», 1899 г., апрѣль.

съ яко бы научными положеніями. Что авторъ твердо вѣритъ въ антихриста, это дѣло его совѣсти, не подлежащее обсужденію. Мы, по крайней мѣрѣ, не сомнѣваемся въ его искренности. Но когда онъ пытается притянуть сюда и науку, то, кромѣ недоумѣнія, этимъ онъ ничего не вызываетъ.

Начинается повѣсть эпиграфомъ:

Панмонголизмъ! Хоть имя дико,
Но мнѣ ласкаетъ слухъ оно,
Какъ бы предвѣстіемъ великой
Судьбины Божіей полно...

Этотъ замысловатый эпиграфъ долженъ знаменовать открытіе автора о наступленіи новой эры въ человѣчествѣ, начатой японцами въ концѣ XIX в. «Подражательные японцы, съ удивительной быстротою и поспѣшностью перенявъ вещественныя формы европейской культуры, усвоили также и нѣкоторыя европейскія идеи низшаго порядка. Узнавъ изъ газетъ и изъ историческихъ учебниковъ о существованіи на Западѣ панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма, они провозгласили великую идею панмонголизма, т.-е. собраніе воедино, подъ своимъ главенствомъ, всѣхъ народовъ восточной Азіи съ цѣлью рѣшительной борьбы противъ чужеземцевъ, т.-е. европейцевъ». Они внушили китайцамъ идею, что европейцы разрушатъ ихъ культуру, тогда какъ они, японцы, по духу тѣ же китайцы и, измѣнивъ только внѣшность, сохраняютъ сами и помогутъ китайцамъ сохранить ихъ культуру, болѣе глубокую и старую, чѣмъ европейская. Но для этого необходимо, запасшись всѣми изобрѣтеніями европейцевъ, соединиться вмѣстѣ и силою выгнать европейцевъ изъ Азіи, завоевать затѣмъ собственныя страны европейцевъ и основать срединное царство надъ всей вселенною. Таковъ планъ, который они благополучно и выполняютъ, при благосклонномъ содѣйствіи автора.

Все это начало представляетъ претворенный на апокалипсическій ладъ пересказъ уже неоднократно высказанной въ литературѣ идеи о возможной въ будущемъ борьбѣ между бѣлой и желтой расами. Напомнимъ нашимъ читателямъ напечатанную у насъ въ 1898 г. статью нѣмецкаго ученаго Мецгера «Борьба будущаго между бѣлой и желтой расами» *), въ которой авторъ указываетъ на экономическій ростъ Японіи и накопленіе избыточнаго населенія въ Китаѣ. Но, конечно, у Мецгера нѣтъ и тѣни опасенія о возможности побѣды желтой расы надъ европейской цивилизаціей. Онъ просто указываетъ на затрудненія, какія могутъ возникнуть для экономической жизни Европы. Ту же мысль высказалъ вѣнскій геологъ Зюссъ въ болѣе восторженной формѣ, что желтая раса и «русскіе, какъ болѣе близкіе къ ней по культурѣ», могутъ получить перевѣсъ надъ западной Европой, хотя, конечно, и Зюссъ не говоритъ о торжествѣ и побѣдѣ «панмонголизма»,—это, дѣйствительно, всецѣло принадлежитъ г. Вл. Соловьеву. Въ послѣднее время говорилъ объ этомъ, между прочимъ, и Каутскій, но рѣшилъ вопросъ совершенно иначе. По его мнѣнію, выступленіе Японіи и Китая на международномъ рынкѣ, какъ производителей, а не только какъ потребителей европейскихъ товаровъ, должно внести сильную пертурбацію во внутреннія экономическія отношенія въ Европѣ, съ одной стороны, съ другой—въ самихъ желтыхъ государствахъ, что въ конечномъ итогѣ поведетъ не къ нашествію желтыхъ на Европу, а къ полной реорганизаціи Японіи и Китая по европейскому образцу. Для Японіи такой моментъ уже наступаетъ, и ея интересы на Дальнемъ Востокѣ вполнѣ совпадаютъ съ европейскими, съ интересами цивилизаціи, а не «панмонголизма». Для Китая такой моментъ еще впереди, но по мѣрѣ проникновенія въ Китай европейской промышленности—онъ неизбѣженъ. И «напрасно вольтерьянцы противъ этого го-

*) См. «М. Б.» 1898 г., іюль.

ворятъ»: первые свистки паровоза, проникшаго въ глубь Китая, разрушатъ его вѣковые устои, на которыхъ покоится и «панмонголизмъ» г. Соловьева. Что это произойдетъ не безъ борьбы, это мы видимъ въ настоящую минуту, но и въ исходѣ этой борьбы мы ни мало не сомнѣваемся. Какъ видятъ читатели, вопросъ о возможномъ столкновеніи бѣлой и желтой расы, разсматриваемый съ научной точки зрѣнія, ничего общаго не имѣетъ съ панмонголизмомъ. Странно слышать отъ философа заявленіе, что «усвоеніе идей» того или иного порядка можетъ вести къ міровымъ катастрофамъ. Ужъ очень легко совершались бы эти послѣднія, если бы міромъ правили «идеи», относительно которыхъ еще гейневскій кучеръ пришелъ къ заключенію, что «идея—это всякая глупость пришедшая въ голову».

Такова научная обосновка вопроса о возможности столкновенія желтой и бѣлой расъ. «Большіе кулаки» и заваренная ими каша на дальнемъ Востокѣ служатъ новой иллюстраціей къ началу повѣсти объ антихристѣ, но не въ пользу г. Вл. Соловьева. Японія, какъ того требуютъ ея интересы, идетъ рука объ руку съ Европой, которая показала, что въ случаѣ общей опасности можетъ дѣйствовать дружно. Г. Соловьевъ, должно быть, глубоко вѣритъ въ непоколебимость существующихъ международныхъ отношеній, которыя ему представляются чѣмъ-то въ родѣ «вѣчныхъ категорій». Эти категоріи могутъ измѣниться лишь при вмѣшательствѣ сатаны, который и «выпущаетъ» для этого своего слугу—антихриста. Опасность панмонголизма, «предвѣстіе великой судьбины Божіей», какъ видимъ, не такъ ужъ велика.

Далѣе, по повѣствованію монаха Понсофія, будетъ слѣдующее. Пользуясь взаимнымъ недовѣріемъ европейскихъ державъ, желтолицые изгоняютъ европейцевъ изъ Китая, втайнѣ подготовляютъ четырехмилліонное войско и китайскій богдыханъ вторгается въ Россію, которую и завоевываетъ. Затѣмъ также подчиняются имъ Германія, Австрія и Франція. Великобританія откупается деньгами, но признаетъ власть богдыхана. Возникаетъ громадная китайская имперія на развалинахъ европейскихъ государствъ. Но постепенно начинается тайная работа въ порабощенныхъ народахъ, которая ведетъ къ всеобщему заговору противъ желтолицыхъ, и въ одинъ прекрасный день ихъ избиваютъ по всей Европѣ. Объединенные общимъ врагомъ народы изгоняютъ китайцевъ, и въ Европѣ образуется нѣчто въ родѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ которыхъ каждый народъ сохраняетъ свою независимость и имѣетъ демократическое управленіе.

Что сталось потомъ съ желтой расой и ея панмонголизмомъ, исторія умалчиваетъ. Теперь выступаетъ антихристъ г. Вл. Соловьева, который, т.-е. антихристъ, а не г. Соловьевъ,—долженъ явиться какъ необходимый продуктъ безвѣрія съ одной стороны, съ другой—исканія именно вѣры. «Былъ въ это время между немногими вѣрующими спиритуалистами одинъ замѣчательный человѣкъ—многіе называли его сверхчеловѣкомъ,—который былъ одинаково далекъ какъ отъ умственнаго, такъ и отъ сердечнаго младенчества. Онъ былъ еще юнъ, но благодаря своей высокой геніальности къ тридцати-тремъ годамъ широко прославился какъ великій мыслитель, писатель и общественный дѣятель. Сознавая въ себѣ великую силу духа, онъ былъ всегда убѣжденнымъ спиритуалистомъ, и ясный умъ всегда указывалъ ему истину того, во что должно вѣрить: добро, Бога, Мессію. Въ это онъ *вѣрилъ*, но *любилъ* онъ только *одного себя*». Въ этой характеристикѣ антихриста слышится намекъ и на Ничше, съ его сверхчеловѣкомъ, и опять на столь ненавистныхъ автору «интеллигентныхъ дыромоляевъ». Вся повѣсть направлена въ сущности противъ нихъ и ихъ ученія «о царствѣ Божіемъ *на землѣ*», которое антихристъ осуществляетъ, а г. Соловьевъ разрушаетъ. Можно бы заподозрить, что г. Вл. Соловьева вдохновили газетные слухи объ антихристѣ, котораго заподозрили темные люди

въ первомъ устроителѣ даровыхъ столовыхъ. Для борьбы съ «обманомъ» авторъ признаетъ всѣ средствъ хорошими.

Дѣйствіе затѣмъ развертывается съ головокружительной быстротой. Антихристъ получаетъ вдохновеніе отъ сатаны на подвигъ обольщенія человѣчества, что и совершаетъ посредствомъ книги, всѣхъ примиряющей и всѣхъ привлекающей. Антихристъ воцаряется на землѣ, въ качествѣ всеевропейскаго императора или президента. Онъ подчиняетъ себѣ всѣ части свѣта и вводитъ соціальныя реформы, въ основу которыхъ кладетъ требованіе прежнихъ утопическихъ соціалистовъ: «всякій сталъ получать по своимъ способностямъ и всякая способность по своимъ трудамъ и заслугамъ». «Новый владыка земли былъ прежде всего сердобольнымъ филантропомъ, и не только филантропомъ, но и *филозоемъ*. Самъ онъ былъ вегетаріанцемъ, онъ запретилъ вивисекціи и учредилъ строгій надзоръ за бойнями, общества покровительства животныхъ всячески поощрялись имъ. Важнѣе всѣхъ этихъ подробностей было прочное установленіе во всемъ человѣчествѣ самаго основного равенства—*равенства всеобщей сытости*». Насытивъ людей, антихристъ озаботился и развлеченіями для нихъ при помощи нѣкоего мага и чудодѣя Аполлонія, который овладѣлъ всей наукой и Запада, и Востока, и научился управлять атмосфернымъ электричествомъ, «сводилъ огонь съ небесъ». Облагодѣтельствованные народы должны были жить въ сытости и довольствѣ, но тутъ-то и споткнулся антихристъ, самъ поднявъ религіозный вопросъ. Огромное большинство людей перестали быть христіанами, но часть ихъ, «не болѣе сорока пяти милліоновъ» (точность удивительная у г. Соловьева), все же осталась. Ихъ-то и порѣшилъ новый владыка земли покорить и пріобщить къ своему стаду. Съ этою цѣлью былъ собранъ конгрессъ вѣроисповѣданій въ Іерусалимѣ, на которомъ всеевропейскій императоръ потребовалъ отъ христіанъ признанія его «верховнымъ вождемъ и владыкой міра». Большинство православныхъ, католиковъ и протестантовъ согласились, но осталось небольшое стадо вѣрныхъ, руководимыхъ папой Петромъ, старцемъ Іоанномъ и профессоромъ богословіи Паулемъ, которые потребовали, чтобы новый владыка исповѣдалъ Христа. Когда онъ отказался, они устами Іоанна провозгласили его антихристомъ. Тогда магъ Аполлоній убилъ Іоанна молніей, но то же провозгласилъ и Петръ,—и его постигла та же участь. Всѣ въ страхѣ и ужасѣ поклонились антихристу, кромѣ небольшой кучки вѣрныхъ, столпившихся около Пауля, который увелъ ихъ въ пустыню, захвативъ тѣла Петра и Іоанна. А на землѣ началась настоящая оргія, руководимая антихристомъ и его слугою Аполлоніемъ, разрѣшившимъ и отпустившимъ всѣмъ грѣхи, настоящіе и будущіе. Тутъ повѣсть объ антихристѣ, собственно, кончается, и послѣсловіе уже досказывается не отъ имени монаха Пансофія, а г-омъ Z, по словамъ котораго Пансофій не успѣлъ ее дописать, но приблизительно должно быть слѣдующее. Бѣда пришла отъ евреевъ, которые, узнавъ, что антихристъ «даже не обрѣзанъ», возстали и окружили императора. Ему удалось кое-какъ собрать новую армію, и подъ Мертвымъ моремъ сошлись оба войска. Вдругъ «открылся кратеръ огромнаго вулкана, и огненные потоки, слившись въ одно пламенное озеро, поглотили и самого императора, и его армію, и неотлучно сопровождавшаго его папу Аполлонія, которому не помогла вся его магія». Вѣрные же пришли отъ Синая, ожили всѣ казненные и убитые антихристомъ и «воцарились со Христомъ на тысячу лѣтъ».

Что же симъ доказуется? въ правѣ спросить читатели. Когда мы читаемъ Апокалипсисъ, этого вопроса ни у кого не можетъ возникнуть. Тутъ мы или все принимаемъ и вѣримъ, или нѣтъ, но никакихъ объясненій не спрашиваемъ, ибо это есть откровеніе, и, какъ таковое, оно только и можетъ быть или принято, или отвергнуто. Для критики тутъ нѣтъ мѣста. Иное дѣло г. Со-

ловьевъ, который самымъ серьезнымъ образомъ относится къ своимъ предсказаніямъ, какъ основаннымъ на *научной* почвѣ, и требуетъ такого же отношенія отъ другихъ, упрекая своихъ критиковъ въ недостаточномъ знакомствѣ «съ показаніями Слова Божія и церковнаго преданія объ антихристѣ». Но критика и публика, слушавшая эту повѣсть, не этимъ была изумлена, не изложеніемъ апокалипсиса на новый ладъ,—въ этомъ, положимъ, никто не видѣлъ особой надобности. Удивлялись и недоумѣвали, слыша, какъ г. Соловьевъ самымъ произвольнымъ образомъ перетолковываетъ апокалипсическое сказаніе, уподобившись народнымъ начетчикамъ, которые по поводу того или иного выдающагося событія начинаютъ искать объясненій въ апокалипсисѣ. Такъ, напр., когда начали строить въ Россіи желѣзныя дороги, начетчики узрѣли въ этомъ фактѣ знаменіе пришествія антихриста: «сказано, желѣзной цѣпью обовьетъ весь міръ», и т. п. Теперь на каѳедрѣ является почтенный ученый, профессоръ, философъ и извѣстный публицистъ, и начинаетъ толковать апокалипсисъ примѣнительно къ злобамъ дня, предсказывать и подводить ученыя основы для откровенія, точь-въ-точь какъ начетчики и разные деревенскіе древліе старцы, встревоженные извѣстіемъ о небывалой болѣзни или слухами о войнѣ. Было чему подивиться, по поводу чего недоумѣвать.

Оставляя въ сторонѣ эту странность, въ которой, весьма возможно, сказалась присущая г. Вл. Соловьеву страстишка пооригинальничать, нельзя всетаки не удивляться, когда онъ пытается въ предисловіи доказать, что онъ самъ серьезно вѣритъ въ свою повѣсть. Ссылки его на писаніе не станемъ касаться. Но когда онъ привлекаетъ исторію на помощь, мы въ правѣ спросить, гдѣ онъ нашелъ указанія на панмноголизмъ, на магію, которой будущіе ученые станутъ морочить людей, на вѣчное торжество силы, которая пребудетъ до конца, и т. д. А прозрачные намеки, въ видѣ «вегетаріанства», упоминаніе о сверхчеловѣкѣ, о вѣрѣ въ Бога и любви только къ самому себѣ это чѣмъ можно объяснить? Надо полагать, что тутъ не отъ писанія взято, а отъ чего-то другого, не имѣющаго ничего общаго съ писаніемъ и древнѣйшими преданіями.

Мы не говоримъ уже объ общемъ взглядѣ на человѣчество, проникающемъ всю повѣсть. Мрачный пессимизмъ г. Вл. Соловьева дѣйствительно напоминаетъ какого-то древняго анахорета, который вдали отъ міра погружается въ бездну отчаянія и провозглашаетъ устрашеннымъ слушателямъ: «въ огнѣ всѣ горѣть будете». Напоминаютъ «металлъ и жупелъ», которымъ захожіе странники пугаютъ ожирѣвшихъ московскихъ купчихъ,—всѣ эти Аполлоніи съ ихъ магіей, кратеры, поглощающіе армію антихриста, избіенія праведныхъ и проч. Думаемъ, что въ наше время можно и безъ нихъ обойтись, по крайней мѣрѣ, едва ли кого этимъ можно убѣдить. Какъ ни кратка историческая жизнь человѣчества, все же въ ней достаточно указаній на то, что оно съумѣетъ найти лучшій путь для исканій правды, чѣмъ путь истребительныхъ войнъ, обмана и насилія. Какъ истый сказочникъ и утопистъ, г. Вл. Соловьевъ переноситъ всѣ современныя черты и въ будущее, считая ихъ чѣмъ-то незыблемымъ и неизмѣннымъ.

«Указанія на предстоящій историческій исходъ нравственной борьбы сдѣланы мною въ достаточно ясныхъ, хотя и краткихъ чертахъ,—говоритъ онъ съ замѣчательнымъ самодовольствіемъ,— и я выпускаю теперь этотъ малый трудъ съ благодарнымъ чувствомъ исполненнаго нравственнаго долга». Всякому автору позволительно такъ думать про себя, хотя не всѣ такъ откровенно самодовольны, какъ г. Вл. Соловьевъ. Мы же, его читатели, не можемъ раздѣлить этого взгляда «почетнаго академика» на его трудъ, и осмѣливаемся думать, что пользы онъ никому не принесъ, никого не убѣдилъ, а многимъ, какъ и намъ, покажется болѣе чѣмъ страннымъ. Мы готовы поставить этотъ

трудъ на ряду съ тѣми темными явленіями современности, которыя такъ характерны для нашего печальнаго времени, когда съ ученой каѳедры возможно слышать повѣсти объ антихристѣ — и нельзя услышать свободнаго изложенія научныхъ истинъ. Тѣмъ не менѣе, мы все же вѣримъ, что будущее принадлежитъ не «малымъ трудамъ» такого рода, какъ только что нами изложенный, а свободной борьбѣ въ поискахъ истинѣ, которая приведетъ человѣчество къ лучшему будущему, чѣмъ рисующееся мрачному и возбужденному воображенію г. Вл. Соловьева, какъ оно сказалось въ его повѣсти объ антихристѣ.

Переходъ отъ г. Вл. Соловьева къ г. Спасовичу очень рѣзокъ, потому что едва ли найдутся въ наши дни два писателя, болѣе противоположные по темпераменту и направленію мысли. Насколько вообще первый туманенъ и смутенъ, настолько второй ясенъ и категориченъ.

«Я антицерковникъ, антинаціоналистъ и антигосударственникъ»—такими словами характеризуетъ самъ себя г. Спасовичъ въ одной изъ своихъ рѣчей, вошедшей въ настоящей IX т. полнаго собранія его сочиненій. Въ этотъ томъ вошли, кромѣ рѣчей, и критическія статьи г. Спасовича, разсѣянныя по журналамъ и теперь, собранныя вмѣстѣ, представляющія несомнѣнный интересъ, не только для выясненія личности почтеннаго критика и ученаго, но и по ясности взглядовъ на многіе важные вопросы нашихъ дней. «Я,—говоритъ г. Спасовичъ въ отмѣченной рѣчи,—былъ частный писатель, частный носитель нашего адвокатскаго значка, который, какъ извѣстно, несовмѣстимъ съ государственной службой, частный сознательный *ненавистникъ* всѣхъ этихъ клѣтокъ, средостѣній и перегородокъ, которыми, отдѣлившись и чуждаясь другъ друга, люди преслѣдуютъ себя и мучатъ». Въ этихъ смѣлыхъ и откровенныхъ словахъ сказывается цѣлая пропасть, отдѣляющая міровоззрѣніе автора отъ того, которое преобладаетъ у насъ, гдѣ кружокъ, свои и чужіе составляютъ нѣчто необходимое, неизбѣжное, безъ чего русскій писатель и понять другого не можетъ.

Г. Спасовичъ представляетъ оригинальное и единственное въ своемъ родѣ явленіе въ русской литературѣ. Подвизаясь въ ней болѣе сорока лѣтъ, онъ въ то же время остается и польскимъ писателемъ, полякомъ, не только не утратившимъ своихъ національныхъ чертъ, но съумѣвшимъ гармонично слить ихъ съ своей дѣятельностью въ качествѣ русскаго публициста и ученаго. Благодаря этому, онъ является не гостемъ въ той и другой литературѣ, а вполнѣ своимъ человѣкомъ, настоящимъ работникомъ, проводящимъ въ обѣихъ идеи человѣчности, терпимости и взаимнаго сближенія на почвѣ пониманія и уваженія. Эта роль г. Спасовича еще недостаточно выяснена и оцѣнена, но именно въ наше время она получаетъ большое значеніе, и будущимъ историкомъ обѣихъ литературъ нельзя будетъ его обойти. Мы твердо вѣримъ, что современныя отношенія между обѣими народностями не вѣчны, и наступитъ же, наконецъ, время, когда можно будетъ устроить равно для обѣихъ сторонъ удобный modus vivendi... Не забудется тогда и имя тѣхъ, кто способствовалъ этому, подготовляя почву въ темное и печальное время, когда ненавистническіе инстинкты особенно поощрялись и—изощрялись.

Какъ писатель, г. Спасовичъ уступаетъ оратору, какимъ его знаетъ большинство. Его стиль ясенъ, строгая логика подчиняетъ читателя, но въ немъ нѣтъ того паѳоса, который такъ неотразимо дѣйствуетъ на слушателей оратора-Спасовича. Г. Спасовичъ очень любитъ уподобленія, иногда неожиданныя, но всегда мѣткія и рѣзко оттѣняющія его мысль. Это особенно замѣтно въ его чисто литературныхъ статьяхъ, какъ, напр., о Мицкевичѣ и Гёте. Другую особенность его составляетъ самостоятельность, лучше сказать—упорство его мысли, съ которою онъ отстаиваетъ свои взгляды. Такова, напр., интересная харак-

теристика «валленродизма» въ польской литературѣ, въ статьѣ о Мицкевичѣ. Въ общихъ его взглядахъ, какъ увидимъ ниже, рѣзко отражается эпоха шестидесятыхъ годовъ, настроеніемъ которой онъ, по его словамъ, «пропитался» до глубины души.

Какъ сложилась эта оригинальная личность, лучше всего поясняетъ самъ авторъ. «Мою противоцерковность,—говорить онъ,—я вынесъ почти изъ колыбели. Я происхожу изъ смѣшаннаго брака, заключеннаго при условіяхъ, еще не требовавшихъ, чтобы всѣ дѣти были православныя, когда одинъ изъ родителей православнаго исповѣданія. Отецъ мой и мы, сыновья, были православные, сестры мои—римскія католички по матери. Эти прежнія условія были прекрасною подкладкою для примиренія національностей; при этой двойственности религій обрядныя и догматическія различія получили второстепенное значеніе, оффиціальность съ одной стороны, нетерпимость—съ другой исчезали, мораль христіанская выдвигалась впередъ, какъ главное содержаніе религіи, терпимость распространялась и на всѣ даже не христіанскія исповѣданія... Когда при этой широкой терпимости, во время бытности моей въ высшихъ классахъ гимназіи, во мнѣ заговорило религіозное чувство, я вдругъ сдѣлался восторженнымъ пантеистомъ, я опьянѣлъ отъ божества, все было божеское во мнѣ, и въ природѣ, и откровеніемъ была вся исторія. Этотъ пантеизмъ былъ прямою подготовкою къ гегелевской школѣ, черезъ которую я прошелъ; потомъ уже черезъ К. Д. Кавелина я познакомился и съ ученіемъ Людвига Фейербаха и уразумѣлъ, что божественное есть проекція нашего же собственнаго духа. Нѣтъ положительной религіи, которая-бы уцѣлѣла вполнѣ при анализѣ и критикѣ, но чувство религіозности неистребимо и духъ религіозности вѣченъ. Въ этомъ смыслѣ я «антицерковникъ».

Путь, которымъ шло развитіе автора, очень различается отъ того, какимъ оно идетъ у большинства нашихъ современниковъ. Нетерпимость, проявляющаяся теперь и дающая себя чувствовать на каждомъ шагу, зарождается крайне рано и поддерживается потомъ почти на всемъ протяженіи періода воспитанія и образованія. Съ нею носятся и ею гордятся, какъ отличіемъ хорошаго тона, безъ чего нельзя быть вполнѣ «корректнымъ». И это тѣмъ удивительнѣе, что русскій народъ въ массѣ очень терпимъ и меньше всего проявлялъ тенденцію къ религіознымъ гоненіямъ. Можно было бы до извѣстной степени если не оправдать, то понять эту современную черту, если бы она была искренней. Но именно искренности-то и нѣтъ. Въ европейскомъ обществѣ именно русское всегда отличалось крайнимъ равнодушіемъ къ вопросамъ чисто-религіознымъ.

Смѣшанное происхожденіе обусловило и то, что г. Спасовичъ называетъ своимъ «антинаціонализмомъ», который онъ очень оригинально разъясняетъ въ цитируемой рѣчи. «Я утверждаю,—говоритъ онъ,—что самъ національный вопросъ плохо поставленъ. Видѣли ли вы сліяніе двухъ большихъ рѣкъ, какъ я ихъ наблюдалъ: Соны и Роны въ Ліонѣ, Мозеля и Рейна въ Кобленцѣ, Волги и Камы, Савы и Дуная въ Бѣлградѣ? Двѣ струи воды сходятся въ одномъ ложѣ, одна коричневая, другая зеленоватая, и текутъ параллельно, не сливаясь въ одно, многіе десятки верстъ, не смѣшиваясь даже подъ колесами и винтами снующихъ по нимъ пароходовъ. Когда-нибудь онѣ сольются, но есть такіе, которымъ ждать не хочется, которымъ претитъ, что есть двѣ струи, двѣ рѣки, а не одна, и которые предлагаютъ поставить у сліянія большую машину и обѣ струи сболтать, или съ берега, омываемаго зеленоватою водою, подливать коричневую краску, чтобы вся рѣка была одного коричневаго цвѣта. Я полагаю, что тотъ, въ душѣ котораго протекаютъ нѣсколькія струи не сливаясь, психически больше одаренъ и побогаче, коль скоро онъ способенъ мыслить на нѣсколько ладовъ. Вспомните про талантливаго человѣка, который по-

вліялъ во многомъ на господствующее нынѣ настроеніе, но самъ былъ съ собою иногда не послѣдователенъ, что и случилось, когда на пушкинскомъ обѣдѣ въ Москвѣ *) онъ провозгласилъ тостъ за русскаго, какъ за все-человѣка, способнаго перевоплощаться въ другія національности,—способность, которая теперь теряется при господствѣ уединяющагося въ себя свирѣпаго національнзма, заставляющаго общество регрессировать по атавизму, возвращаясь къ предкамъ. Достоевскій былъ правъ, многонаціоналистомъ были и Ленскій въ «Онѣгинѣ» съ душою чисто гетингенской, и люди 1812 года, и самъ Пушкинъ — французъ по уму и образованію. Я до конца жизни буду противникомъ исключительнаго національнзма и буду стоять за многонаціонализмъ, за совмѣщеніе нѣскольнихъ національныхъ душъ въ одномъ самосознаніи».

Съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти слова (1891 г.), «свирѣпый національнзмъ» сдѣлалъ большіе, хотя и печальные успѣхи, за которые въ свое время придется заплатить съ лихвой. Еще не было примѣра въ исторіи, чтобы національнзмъ, доведенный до слѣпого презрѣнія ко всему, что не «свое», не приводилъ къ отрицательнымъ результатамъ. Нѣкоторые уже и теперь даютъ себя чувствовать, хотя бы въ странномъ открещиваніи отъ Европы. Говорить объ «европеизаціи» русской жизни составляетъ въ глазахъ многихъ чуть не смертный грѣхъ...

Свой взглядъ на государство г. Спасовичъ выясняетъ въ той же рѣчи. «Я,—говоритъ онъ,—коснусь только государственности вообще въ XIX столѣтій и тѣхъ ея превышеній власти и злоупотребленій, которыя въ особенности въ ходу въ переживаемую нами эпоху.

«Государство, какъ я его понимаю, есть такая превозмогающая на извѣстномъ пространствѣ поверхности земного шара моральная и матеріальная сила, которая людей на этомъ пространствѣ объединила, оградила отъ всякаго внѣшняго врага и освободила отъ всякаго внутренняго супостата, провела надъ всѣми одинаковый законъ мирнаго и безвреднаго сожительства и затѣмъ наблюдаетъ, чтобы люди жили по этому закону, подчинялись ему, свободно развивались, группировались и успѣвали, другъ друга не насилуя и не угнетая. Наибольшее, что государству можетъ быть, сверхъ того, предоставлено, заключается въ томъ, чтобы оно способствовало тому, чтобы могли подниматься и прозябать самыя мелкія травки, самые слабые жизнеспособные ростки, чтобы могло такимъ образомъ развертываться во всемъ своемъ великолѣпіи все богатство жизни общественной, согласной, жизни вполнѣ человѣческой.

«Внѣ этихъ функцій, государство ничего не смыслитъ, оно ничего не изобрѣтаетъ, не творитъ, а если думаетъ, что оно что-нибудь созидаетъ въ области не подвѣдомственныхъ ему задачъ, то дѣлаетъ это по простому подсказыванію извнѣ, по гипнотической суггестіи, причемъ оно можетъ, само того не замѣчая, поступать во многомъ совсѣмъ противно настоящему государственному интересу. Таковы были ходячія идеи о государствѣ, одушевлявшія меня и многихъ изъ моего поколѣнія, т.-е. изъ людей, ставившихъ первые шаги на поприщѣ общественной жизни и дѣйствовавшихъ по такъ называемой либеральной программѣ въ великое десятилѣтіе 1856—1866 года, или, лучше сказать, въ пятилѣтіе 1856—1861 г., потому что уже тотчасъ послѣ разрѣшенія главной задачи момента—освобожденія крестьянъ, начались колебанія, которыя послѣ внезапнаго мощнаго и, можно сказать, волшебнаго подъема духа, повели по отлогому скату, къ продолжающемуся уже много лѣтъ безъ просыпа сну. Сонъ можетъ быть коллективный, не только что индивидуальный, во снѣ и человѣкъ, и общество не мыслятъ, а грезятъ, находясь подъ влія-

*) Имѣется въ виду знаменитая рѣчь Достоевскаго

ніемъ тѣхъ неясныхъ представленій, появляющихся по закону ассоціаціи идей. Эти представленія вызываются въ насъ подымающимися изъ темной, безсознательной глубины нашей личности, различными общественными теченіями, имѣющими свойства стихійныхъ силъ. Такихъ теченій по своей безпредѣльности особенно опасныхъ я знаю два: такъ называемый *штатсъ-соціализмъ* и *націонализмъ*. Штатсъ-соціализмъ опасенъ тѣмъ, что, ставя ни во что единицы, онъ изъ нихъ, какъ изъ глины, лѣпитъ разныя формы, не считаясь съ тѣмъ, что этотъ матеріалъ чувствуетъ и страдаетъ. Объ исключительномъ націонализмѣ я ничего не скажу, потому что вы, господа, какъ я думаю, убѣждены, что, идя по извѣстному направленію, можно донаціональничаться до самаго каннибализма. Оба теченія на мой взглядъ одинаково вредны, потому что, являясь въ эпохи дремоты личности, они ее безжалостно приносятъ въ жертву извѣстному коллективизму, вслѣдствіе чего въ любой бытовой или предсудебной коллизіи, государство или казна одолѣваютъ всякую низшаго порядка единицу— земство, городъ, компанію,—и всѣ коллективизмы въ совокупности превозмогутъ всякую единицу. Въ накладѣ остается всегда и пропадаетъ та единица, изъ-за которой хлопотали люди сороковыхъ годовъ, человѣческая личность погибаетъ въ этомъ коллективизмѣ, какъ въ гробницѣ. Я провозглашаю тостъ за эту человѣческую личность, за неодолѣніе ея государствомъ, за ея самобытность и своеобразіе, служащее источникомъ всякому творчеству, за естественную кривую линію, вмѣсто прямой геометрической, за оригинальность функціи государства, но и за полную самостоятельность государственности въ предѣлахъ ея исключительному вѣдѣнію подлежащихъ задачъ».

Можетъ быть, эта формула государственности нуждается въ нѣкоторыхъ существенныхъ поправкахъ и дополненіяхъ, если ее разсматривать «вообще», «съ общей точки зрѣнія», — методъ, излюбленный въ нашей публицистикѣ. Но въ предѣлахъ даннаго времени и мѣста она вполнѣ охватываетъ сущность «предмета». Въ бюрократическомъ государствѣ нѣтъ гарантій для развитія личности, подавляемой на каждомъ шагу, что самымъ тяжкимъ образомъ отражается на всемъ строѣ жизни, гдѣ нѣтъ хода для развитія, разъ оно уклоняется отъ предписанной нормы. Начиная со школьной скамьи и до могилы, личность все время третируется какъ несовершеннолѣтняя, за которою необходимъ строжайшій надзоръ, недопускающій самовольныхъ уклоненій. Получается въ результатѣ инертная масса, близко напоминающая китайщину. Не отсюда-ли тѣ странныя симпатіи къ китайскимъ «боксерамъ» и современному Китаю, о которыхъ твердятъ наши публицисты извѣстнаго лагеря, увѣряющіе, что въ русскомъ обществѣ теперь всѣ на сторонѣ китайцевъ противъ западно-европейскихъ «дьяволовъ», эксплуатирующихъ китайцевъ безчеловѣчно, за что «дьяволы» и несутъ теперь достойную казнь?..

Эту особую черту русской государственности г. Спасовичъ яснѣе подчеркиваетъ въ статьѣ о Мицкекевичѣ, сопоставляя взгляды его и Пушкина. «Мицкевичъ, — говоритъ онъ,—отлично сознавалъ діаметральную противоположность обѣихъ національностей (польской и русской), вслѣдствіе ихъ совсѣмъ несходныхъ формулъ развитія, зависѣвшихъ прежде всего отъ ихъ противоположной государственной выправки. На одной сторонѣ былъ индивидуализмъ свободной личности, доведенный до того, что отъ безначалія разваливалось государство, а на другой — полное пожертвованіе свободою личности ради только того, чтобы держаться вкупѣ и выстроить крѣпкое неодолимое государство. Обѣ крайности неизбѣжно когда-нибудь уровновѣсятся и примирятся; чтобы быть дѣйствительно крѣпкимъ. государство должно стремиться къ выработкѣ въ народѣ чувства законности, гражданственности и свободы, но эта свобода должна имѣть точно опредѣленныя границы и течь по правильно устроенному руслу»...

Тѣ же взгляды, въ разностороннемъ освѣщеніи, мы встрѣчаемъ въ различ-

ныхъ статьяхъ, составляющихъ содержаніе настоящаго тома, въ который вошли статьи критическія о Гёте, Мицкевичѣ, Мережковскомъ, Сенкевичѣ, рѣчи и разныя замѣтки. Особенно интересными и содержательными намъ представляются воспоминанія о Кавелинѣ, для характеристики котораго они даютъ очень любопытный матеріалъ. Авторъ приводитъ, напр., нѣкоторыя черты чисто русскаго характера Кавелина, которому, при всемъ его западничествѣ и европеизмѣ, былъ нечуждъ особый мистицизмъ—видѣть въ русскомъ народѣ нѣчто провиденціальное. «Во всякомъ русскомъ умѣ, даже наиболѣе аналитическомъ и радикальномъ, есть всегда какой-нибудь уголокъ, служащій пріютомъ мистицизму. Былъ и у Кавелина такой уголокъ, сближавшій его съ славянофилами. Кавелинъ вѣрилъ безусловно въ великую будущность «мужицкаго царства», въ великорусскій міръ селъ, противопоставляемый имъ европейскому міру городовъ, въ великорусское общинное владѣніе крестьянами землею, въ которомъ онъ усматривалъ своеобразное средство, предохраняющее отъ пауперизма. Эти мечтанія о будущемъ занимали Кавелина въ особенности подъ конецъ его жизни, когда, вслѣдствіе естественно наступившей послѣ освобожденія крестьянъ реакціи, всякому начинанію въ прогрессивномъ направленіи положенъ былъ конецъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ, такъ что людямъ того направленія, къ которому принадлежалъ Кавелинъ, приходилось или бездѣйствовать, или мечтать о далекомъ будущемъ. Въ предположеніяхъ о будущемъ мы не сходились съ Константиномъ Дмитріевичемъ, потому что, по нашимъ понятіямъ, мужицкое царство могло оставаться такимъ, только пока оно не культурно, но перестало бы быть мужицкимъ, коль скоро сдѣлалось бы культурнымъ». Въ этихъ словахъ авторъ мимоходомъ отмѣчаетъ одну изъ причинъ возникновенія народничества въ современномъ его видѣ, которое несомнѣнно датируетъ съ начала 80-хъ годовъ. Мысль объ особыхъ путяхъ развитія для русскаго народа могла явиться и оформиться именно въ то время, когда обычные пути развитія оказались закрытыми. Такъ было въ 40-выхъ годахъ, когда возникло славянофильство, такъ и было и въ 80-ыхъ годахъ, когда окончательно сложилось народничество Юзова, г. В. В. и ихъ современныхъ послѣдователей. Мистическая подкладка этого ученія явилась сама собой, какъ всегда она является, когда нѣтъ другой болѣе положительной и реальной. Западничество вполнѣ уживалось въ Кавелинѣ и съ его взглядами на государственный строй въ Россіи. Онъ, говоритъ г. Спасовичъ, «не смотря на свое глубокое отвращеніе къ бюрократіи вообще, въ государственномъ отношеніи былъ самый послѣдовательный сторонникъ самодержавія, и я тысячу разъ слышалъ изъ устъ его тѣ самыя выраженія, которыя онъ употребилъ въ письмахъ къ Герцену: «игра въ конституцію пугаетъ меня такъ, что я ни о чемъ другомъ думать не могу», и далѣе авторъ приводитъ рядъ выписокъ изъ писемъ Кавелина по этому вопросу (стр. 35).

Въ этихъ же воспоминаніяхъ есть интересныя указанія на общія причины университетскихъ безпорядковъ, по поводу бывшихъ въ 1860—1861 году,—но ихъ мы не коснемся, отсылая читателей къ самой книгѣ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ. Въ маѣ состоялся пятый съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ. Московская газета «Курьеръ» помѣстила ко дню открытія интересныя данныя о количествѣ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ Россіи, въ возрастѣ до 17 лѣтъ, которымъ приходилось знакомиться въ 1898 году (по суду) съ тюрьмой и другими мѣстами заключенія и подпадать ихъ вредному вліянію. По вычисленіямъ компетентнаго знатока этого дѣла, Д А. Дриля, число это колеблется, считая также и около 800 человѣкъ дѣвочекъ, отъ 8 до 10-ти тысячъ, а можетъ быть и болѣе.

Эта огромная армія малолѣтнихъ (отъ 10 до 14 лѣтъ) и несовершеннолѣтнихъ (отъ 15 до 17 лѣтъ) ожидаетъ попечительныхъ заботъ о себѣ со стороны русскаго общества, которому предоставлено это право закономъ отъ 5 декабря 1866 г., путемъ устройства особыхъ исправительныхъ пріютовъ и колоній. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что со времени изданія этого закона по настоящій годъ, т.-е. за тридцать три года слишкомъ, въ Россіи возникли, исключительно по частной иниціативѣ, всего только 40 исправительныхъ заведеній и близки къ открытію частными же обществами еще нѣсколько (воронежское, подольское и др.), причемъ, на 1 января 1898 года число ихъ воспитанниковъ едва достигало, по словамъ цитированнаго уже автора, 1.475 человѣкъ, тогда какъ для несовершеннолѣтнихъ, помѣщаемыхъ по суду въ 9 судебныхъ округахъ, исключая подслѣдственныхъ, было бы необходимо свыше 9.300 мѣстъ.

Что касается до существующихъ уже пріютовъ и колоній этого рода, то старѣйшимъ изъ нихъ является московскій городской Рукавишниковскій пріютъ, основанный въ 1864 году, на 10 человѣкъ дѣтей нищихъ и бродягъ, Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, по мысли предсѣдательницы этого общества А. Н. Стрекаловой, и значительно расширенный покойнымъ директоромъ его, членомъ того же Общества, Н. В. Рукавишниковымъ. По смерти этого послѣдняго (8 августа 1875 года), братья его, Иванъ и Константинъ Васильевичи, пріобрѣли для пріюта, названнаго, по ходатайству основавшаго его Общества, «Рукавишниковскимъ», за 130.000 р. домъ съ садомъ, и передали его, вмѣстѣ съ построенной ими за 20.000 руб. церковью, 18 сентября 1878 года, въ вѣдѣніе московской городской думы, послѣ чего онъ сталъ именоваться «городскимъ». Для облегченія расходовъ города на содержаніе пріюта семья Рукавишниковыхъ внесла въ думу затѣмъ въ разное время до 100.000 р., въ качествѣ неприкосновеннаго капитала. Согласно послѣднему отчету за 1898 г., комплектъ пріюта доведенъ въ послѣднее время до 115 человѣкъ, а стоимость его содержанія простирается, вмѣстѣ съ находящимися при немъ «подслѣдствен-

нымъ отдѣленіемъ» (основано въ 1882 году на 20 челов.), до 42.000 руб. Попечителемъ пріюта, какъ отъ города (съ 1884 года), такъ и отъ семьи жертвователей, состоитъ братъ покойнаго директора, К. В. Рукавишниковъ, жертвующій ежегодно крупныя суммы (свыше 5 тысячъ рублей) на разныя нужды пріюта. Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ значительное расширеніе этого пріюта, путемъ устройства его отдѣленія въ одной изъ окрестностей г. Москвы.

Инициатива созыва съѣздовъ принадлежитъ ихъ предсѣдателю К. В. Рукавишникову, которому и удалось осуществить первый изъ нихъ въ 1881 году, въ Москвѣ; второй съѣздъ имѣлъ мѣсто затѣмъ въ 1884 году въ Кіевѣ, а третій въ 1890 г. и четвертый—въ 1895 г. состоялись въ Москвѣ же. Потребность въ извѣстномъ объединеніи интересовъ всѣхъ заведеній для малолѣтнихъ нашла себѣ осуществленіе въ организованномъ, по постановленію третьяго съѣзда, постоянномъ бюро исправительныхъ заведеній, въ содержаніи котораго, въ размѣрѣ по 50 коп. съ каждаго содержимаго въ заведеніи воспитанника, приняли участіе всѣ исправительныя заведенія. Бюро это находится въ Москвѣ и соститъ подъ предсѣдательствомъ К. В. Рукавишникова изъ 2-хъ кандидатовъ къ нимъ, избираемыхъ на время отъ съѣзда до съѣзда.

На съѣздѣ особое вниманіе обратили сообщенія директоровъ Вятскаго и Калужскаго заведеній. У Вятскаго Общества 416 членовъ, но половина ихъ (204) члены только юридическіе, но не физическіе: думы, земства, волости, селенія; были среди этихъ послѣднихъ и церковныя попечительства (до 200), но, вслѣдствіе ухода архіерея въ другую епархію, эти члены мало-по-малу ушли изъ Общества. Всѣхъ воспитанниковъ 92 чел., обходятся они до 12.000 руб. Нынѣ пріютъ пріобрѣлъ 64 десятинъ покоса, обрабатывая его своими силами. Способы исправленія—развитіе самодѣятельности, самосознанія и самообладанія. Дядьки-унтеры замѣнены лицами, обладающими сельско-хозяйственными знаніями. Средства воздѣйствія въ воспитательномъ отношеніи—ласковость, довѣріе, уваженіе. Одного изъ самыхъ «закоренѣлыхъ» преступниковъ директоръ взялъ въ свою семью и преступникъ оказался очень хорошимъ мальчикомъ. Въ широкой мѣрѣ практикуетъ пріютъ отпуски на продолжительный срокъ, чтенія съ туманными картинами, спектакли, подвижныя игры, бесѣду съ глазу на глазъ. На школу обращено главнѣйшее вниманіе, и по окончаніи для воспитанниковъ устраиваются воскресные классы.

Представитель Калужскаго Общества, директоръ пріюта П. П. Морозовъ, своимъ сообщеніемъ чрезвычайно заинтересовалъ съѣздъ. Пріютъ Калужскаго Общества отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что тамъ никакихъ внѣшнихъ мѣръ наказанія не практикуется; ни лишенія пищи, ни карцера, ни «угловъ» не примѣняется. Все веденіе дѣла поставлено на почву сердечныхъ отношеній, простыхъ, благожелательныхъ и честныхъ между воспитателемъ и воспитанниками. За существованіе пріюта бѣжало двое: одинъ психически-разстроенный, помѣщенный нынѣ въ сумасшедшій домъ, и другой, которому случайно передалъ товарищъ, что родители (нищіе-профессіоналы) возьмутъ его изъ пріюта; бѣжалъ онъ, слѣдовательно, отъ родителей. Сообщеніе калужскаго представителя вызвало рядъ вопросовъ: какъ поступаютъ въ пріютѣ, ежели воспитанникъ совершитъ крупный проступокъ, ежели систематически крадетъ и т. д. Калужскій представитель отвѣтилъ, что смотря по обстоятельствамъ: при внезапныхъ крупныхъ проступкахъ изслѣдуются причины (здоровье мальчика, его предшествовавшее проступку настроеніе и т. п.), устраивается внимательное наблюденіе, усиливается доброе отношеніе, уваженіе, довѣріе. Надо замѣтить, что въ пріютѣ 20 мальчиковъ и индивидуализировать легко.

Горячія пренія вызвалъ вопросъ о наказаніяхъ, предложенный на разсмотрѣніе съѣзда главнымъ тюремнымъ управленіемъ.

Ст. 161 улож. о наказ. устанавливаетъ наказаніе за побѣгъ. Главное

тюремное управленіе и спрашиваетъ: существуетъ-ли достаточное основаніе считать побѣгъ малолѣтнихъ преступниковъ наказуемымъ по закону преступленіемъ? Постоянное бюро съѣздовъ, предварительно обсуждавшее вопросы главнаго тюремнаго управленія, нашло, что основаній сохранять 161 ст. нѣтъ, и съѣздъ, согласившись съ этимъ, постановилъ отвѣтить, что ст. 161 должна быть исключена изъ уложенія.

Вопросы главнаго тюремнаго управленія о томъ, должны-ли быть нормированы наказанія и награды въ пріютахъ, были расчленены.

Бюро, обсудившее этотъ вопросъ, нашло, что максимумъ заключенія въ темный карцеръ не можетъ превышать однихъ сутокъ, въ свѣтлый карцеръ—7 дней, съ тѣмъ, чтобы заключенный не болѣе одного дня оставался безъ занятій; предѣлъ наказанія «на хлѣбъ и на воду» не можетъ быть больше однихъ сутокъ, а ограниченіе пищи не должно переходить за $^{1}/_{8}$ нормы на срокъ не болѣе 7 дней. Здѣсь и возникли горячія пренія. Представитель главнаго тюремнаго управленія Д. А. Дриль изложилъ причины, вызвавшія представляемое имъ вѣдомство предложить эти вопросы на обсужденіе нынѣшняго съѣзда. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые завѣдующіе исправительными пріютами злоупотребляли наказаніями: нѣкоторые поили дѣтей чаемъ съ табакомъ, ставили ихъ въ истязующую позу, наносили побои и т. д.; все это считалось, повидимому, нормальнымъ, такъ какъ нѣкоторые директора заносили въ кондуиты воспитанниковъ о полученныхъ ими наказаніяхъ, въ родѣ поименованныхъ. Въ виду этого, главное тюремное управленіе и спрашиваетъ, не пора ли выработать норму наказаній, за которыя никто бы не могъ переступить въ силу закона?

Вятскій представитель полагалъ, что такіе директора могутъ продолжать оставаться руководителями пріюта только въ силу того, что существующій окладъ содержанія не можетъ привлечь настоящихъ педагоговъ и что надо ходатайствовать передъ правительствомъ о субсидіи пріютамъ на содержаніе директоровъ. Многіе стали доказывать весь вредъ темнаго карцера, его угнетающее дѣйствіе на психику ребенка, его ненужность, какъ мѣра воздѣйствія. По баллотировкѣ съѣздъ призналъ, что наказанія должны быть нормированы и что темный карцеръ долженъ быть исключенъ изъ средствъ наказанія. Рѣшено установить максимумъ заключенія въ свѣтлый карцеръ на 7 дней. Вопросъ о наказаніи оставленіемъ на хлѣбѣ и водѣ дебатировался еще острѣе. Директоръ Тверской исправительной колоніи, И. П. Галабутскій, доказывалъ вредъ этой мѣры со стороны гигіенической. Курскій представитель М. С. Антоновичъ освѣтилъ вопросъ съ психологической стороны. Онъ приводилъ простой и неоспоримый доводъ, что голодный человѣкъ всегда злѣе сытаго и что курскій пріютъ не знаетъ этой мѣры и съ пользой обходится безъ нея. За оставленіе наказанія «на хлѣбъ и на воду» высказывается 19 голосовъ противъ 12.

Затѣмъ ставился вопросъ объ уменьшеніи пищи, и рѣшено, предоставить размѣръ уменьшенія пищи директорамъ, но не болѣе чѣмъ на одинъ день (вмѣсто предложенныхъ бюро 7 дней).

За вопросами о наказаніяхъ съѣздъ переходитъ къ обсужденію вопроса о наградахъ и о наказуемости воспитанниковъ за закононарушенія. Рѣшаютъ: никакихъ денежныхъ наградъ на руки воспитанникамъ не должно быть выдаваемо.

Съѣздъ занимался также вопросомъ объ урегулированіи рабочаго дня въ исправительныхъ заведеніяхъ.

Постоянное бюро признало, что точныхъ нормъ продолжительности рабочаго дня для исправительныхъ пріютовъ и колоній, вслѣдствіе разнообразія условій и видовъ труда въ нихъ, установить нельзя. Но, какъ крайній minimum, бюро

полагаетъ возможнымъ назначить 11 часовъ въ сутки на сонъ и отдыхъ для воспитанниковъ, а 13—на занятія и развлеченія, причемъ работа не должна продолжаться безъ перерыва болѣе трехъ часовъ подърядъ. Д. А. Дриль объяснилъ, что въ нѣкоторыхъ исправительныхъ заведеніяхъ рабочій день доходитъ до 15—16 часовъ, между тѣмъ какъ наука опредѣляетъ 8 часовъ для отдыха. 8—для занятій и 8—для сна. Правительство возбудило вопросъ объ установленія нормальнаго рабочаго времени и въ ремесленныхъ мастерскихъ, и особая коммиссія уже разрабатываетъ этотъ вопросъ, такъ что осуществленіе новой мѣры не заставитъ себя долго ждать. Въ виду этого, быть можетъ, слѣдуетъ понизить норму рабочаго дня, предлагаемую бюро съѣзда. К. В. Рукавишниковъ объяснилъ, что въ число 13 часовъ, назначенныхъ постояннымъ бюро для работъ, входятъ и время обученія въ школѣ, и занятія гимнастикой. Настоящій вопросъ обсуждался спеціалистами, и проф. Ѳ. Ѳ. Эрисманъ высказалъ, что продолжительность рабочаго дня въ мастерскихъ исправительныхъ заведеній должна быть согласована съ законоположеніями о трудѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и желательно, чтобы однородныя занятія не продолжались болѣе трехъ часовъ. Проф. М. В. Духовской, считая, что въ настоящее время съѣзду трудно принять болѣе опредѣленное рѣшеніе, чѣмъ предлагаемое бюро, признавалъ необходимымъ предложить педагогическимъ совѣтамъ исправительныхъ заведеній, въ присутствіи врача, установить категоріи работъ и ихъ продолжительности, сообразуясь съ возрастомъ воспитанниковъ и условіями заведеній, и этотъ матеріалъ передать въ бюро для представленія къ будущему съѣзду. Съѣздъ принялъ предложеніе бюро и проф. М. В. Духовского.

Распространеніе книгъ въ деревнѣ. Что книга постепенно проникаетъ въ деревню, составляетъ теперь общепризнанный фактъ. Но различныя мѣстности поставлены у насъ въ рѣзко отличныя условія, какъ показываютъ, напр., слѣдующія сообщенія изъ Владимірской и Смоленской губ.

Въ первой, по сообщенію «Сѣв. Курьера», насчитывается болѣе 50 народныхъ, безплатныхъ, земскихъ библіотекъ. Можно надѣяться, что число библіотекъ въ скоромъ времени возрастетъ еще болѣе, такъ какъ въ губернскую управу и г. начальнику губерніи подано до 20 заявленій и прошеній объ открытіи библіотекъ.

Передовыми уѣздами являются уѣзды Покровскій, гдѣ библіотеки открываются по иниціативѣ самихъ обществъ, и Гороховецкій, въ которомъ честь иниціативы принадлежитъ земскимъ начальникамъ. Библіотеки вездѣ открываются при вполнѣ сознательномъ и добромъ согласіи со стороны населенія. Наиболѣе отсталыми въ этомъ отношеніи являются уѣзды Александровскій и Владимірскій. Попытку съ церковно-приходскими библіотеками, состоящими изъ книгъ почти однихъ религіозно-нравственныхъ и поучительныхъ, у насъ не удались. Масса населенія не удовлетворяется ими и относится къ нимъ вполнѣ равнодушно. Достаточно яркой иллюстраціей къ этому служитъ слѣдующая исторія. Въ с. Ставровѣ (Владим. у.), огромномъ и культурномъ, около 3-хъ лѣтъ функціонируетъ Общество трезвости, имѣющее свою чайную. Въ первое время члены его насчитывались сотнями. Въ чайной, въ которую выписывались лучшія газеты и журналы, съ удовольствіемъ читавшіеся населеніемъ, была всегда масса посѣтителей, оживленно бесѣдовавшихъ и о политикѣ, и о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Какъ будто свѣжая чистая струя пронеслась и освѣжила воздухъ. Пьянство и буйство сократились. Но... тутъ повторилось обычное явленіе. Предсѣдатель, организовавшій чайную, долженъ былъ выйдти въ отставку и все покатилось подъ гору. Замѣститель его, именующій себя «консерваторомъ», вмѣсто «вредныхъ газетъ и журналовъ», монополизировалъ «Свѣтъ»,

который, впрочемъ, очень несвоевременно появляется въ чайной. Результаты реформы сказались очень скоро. Число членовъ сократилось на $^2/_3$, а чайная опустѣла. Не удовлетворяясь «Свѣтомъ», общее собраніе членовъ трезвости возбудило ходатайство передъ губернаторомъ объ открытіи у нихъ безплатныхъ библіотекъ при субсидіи губернскаго земства и вотъ уже три мѣсяца, какъ разрѣшеніе получено, а библіотека, благодаря правленію, до сихъ поръ не открыта, такъ какъ де при церковно-приходской школѣ имѣется библіотека. И вотъ, какъ бы нѣмымъ протестомъ противъ этого, является приговоръ, недавно составленный сходомъ крестьянъ д. Добрыниной, находящейся близъ с. Ставрова, объ открытіи у нихъ безплатной земской библіотеки на средства общества и при субсидіи губернскаго земства. И это—несмотря на то, что и «Свѣтъ», и «церковно-приходская библіотека» доподлинно, а не на бумагѣ только, существуютъ.

Въ Смоленской губ., напротивъ, до сихъ поръ орудуютъ коробейники. Такъ, корреспондентъ «Смоленскаго Вѣстника» сообщаетъ, что въ Рославльскомъ уѣздѣ «коробейный промыселъ» процвѣтаетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ послѣднее время «коробейники» начали расхаживать даже по деревнямъ, расположеннымъ возлѣ бойкихъ желѣзнодорожныхъ станцій. О глухихъ деревушкахъ нечего уже и толковать. Подборъ книгъ у коробейниковъ самый пустячный и разсчитанъ, въ большинствѣ случаевъ, на низменные инстинкты читателей. Онъ состоитъ по преимуществу изъ фантастическихъ, самыхъ аляповатыхъ и недобросовѣстныхъ разсказовъ о подвигахъ разнаго отребья, попадаются и теперь еще «издѣлія» съ романической подкладкою самаго вульгарнаго свойства. Ходко идутъ еще и побасенки, хотя уже и не такъ бойко, какъ это было прежде. Крестьянъ интересуетъ обертка, на которую фабриканты коробейныхъ издѣлій обращаютъ главное вниманіе и украшаютъ ее самыми «забористыми» картинками, устоять противъ которыхъ крестьянину рѣшительно невозможно, а умѣнье коробейниковъ сбыть книжку—неподражаемо. Но особенно ходко сбываются «оракулы»: эту штуку непремѣнно покупаетъ каждый крестьянинъ, по просьбѣ женскаго персонала, ибо отвѣтъ «о судьбѣ» въ оракулѣ ужъ очень заманчивъ, да и самая возможность погадать еще болѣе заманчива. По вечерамъ оракулъ разворачивается, является деревенскій грамотей, сплошь и рядомъ школьникъ, и, по просьбѣ женщинъ, начинаетъ гадать, бросая зернышки или шарики изъ воска «на Соломона», т.-е. на кругъ, нарисованный на оберткѣ оракула, имѣющій подобіе какого-то лица. Гадалки или бываютъ вполнѣ довольны отвѣтомъ оракула, или же очень пригорюниваются, если отвѣтъ оракула неблагопріятенъ. Эти оракулы положительно вредны въ крестьянскомъ быту, такъ какъ развиваютъ суевѣріе, и безъ того еще до нельзя распространенное въ нашей деревнѣ. Самый школьникъ-гадатель оказывается плохимъ школьникомъ: отвѣты оракула и самое гаданье очень неблагопріятно отзываются на его дѣтской головѣ и еще съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ сочувствовать суевѣріямъ, что для учителя остается совершенно неизвѣстнымъ. Ни одна порядочная сельская ярмарка, устраиваемая по селамъ въ престольные праздники, не обходится безъ коробейниковъ. Тутъ выставляются на показъ фантастичныя картины. Картины эти нарисованы самыми примитивными «художниками» и, конечно, въ высшей степени аляповаты, но зато онѣ, въ большинствѣ случаевъ, самаго игриваго свойства. Нарисованныя и разрисованныя, какъ только позволяла фантазія «художнику» и на скорую руку, эти картины очень охотно покупаются крестьянскою публикою, налѣпливаются на стѣнахъ и подчасъ непріятно бросаются въ глаза свѣдущему человѣку, до того эти картины бываютъ вульгарны. Намъ приходилось видѣть въ крестьянскихъ хатахъ, напр., картины, изображающія полунагихъ и даже чуть не совсѣмъ нагихъ женщинъ. И за эти картины берется очень

хорошая плата. На картины смотритъ вся семья, смотрятъ и сосѣди, смотрятъ и малыя дѣти. Подъ картинами красуются, обыкновенно, надписи не менѣе игриваго содержанія. А на городскомъ рынкѣ эти «культуртрегеры» практикуютъ свою дѣятельность еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ: они торгуютъ каждый базарный день, а «матеріалъ» для продажи высылается имъ цѣлыми партіями. Во время ярмарокъ—осенней (съ 8-го сентября по 15-е сентября) и масляничной—семидневной—«коробейная торговля» достигаетъ своего апогея. Но если гдѣ особенно бойко торгуютъ коробейники, такъ это въ торговомъ селѣ Рогнѣдинѣ. Благодаря отдаленности отъ торговыхъ центровъ, сюда стекается масса народа изъ сосѣднихъ мѣстностей Рославльскаго и Порѣчскаго уѣзоовъ. А каждый крестьянинъ считаетъ своимъ долгомъ купить для ученика-мальчика книжечку, а для потѣхи дѣтей—картину. И плыветъ «коробейная гниль» широкою волною въ самыя глухія деревни и деревушки, подъ видомъ «грамоты». Слушаютъ эту «грамоту» и взрослые, и дѣти, и женщины, и дѣвушки, хотя иной разъ уши вянутъ отъ этого «коробейнаго добра», эмансипирующаго нашу деревню. Но противодѣйствія этой коробейной практики въ нашемъ уѣздѣ вовсе не замѣтно: нѣтъ у насъ ни складовъ для продажи полезныхъ, дѣльныхъ и серьезныхъ книгъ, нѣтъ и училищныхъ библіотекъ, нѣтъ книжныхъ лавокъ, нѣтъ и иниціаторовъ, которые могли бы съ успѣхомъ конкурировать съ коробейною практикою. И долго еще, вѣроятно, наши села и деревни будутъ эмансипироваться «коробейниками».

Изъ быта ссыльныхъ въ Сибири. Вопросъ объ отмѣнѣ ссылки, поставленный теперь на очередь и нынѣ уже разрѣшенный, возбуждаетъ самое живое вниманіе въ Сибири, откуда постоянно доносятся протестующіе противъ ссылки голоса. Изъ массы корреспонденцій такого рода приводимъ сообщеніе «Сѣв. Курьера» изъ Канскаго уѣзда, Енисейской губерніи, которое можетъ служить хорошей иллюстраціей къ вопросу объ отмѣнѣ ссылки.

«Наряду съ обновленіемъ нашего края явленіями пореформеннаго періода—ссылка и вмѣстѣ съ нею увеличивающаяся преступность продолжаютъ быть тяжелымъ ярмомъ для мѣстнаго населенія. Канскій уѣздъ, въ особенности сѣверныя волости его, представляютъ мѣсто приписки и послѣдній этапъ для уголовной публики, откуда она бредетъ по всѣмъ направленіямъ.

«Десятки тысячъ приписанныхъ къ этимъ волостямъ ссыльно-поселенцевъ и уголовныхъ административныхъ ссыльныхъ должны найти себѣ здѣсь мѣсто для пристанища и способы не умирать съ голода. Масса идетъ на пріиски, и пріисковые владѣльцы съ успѣхомъ пользуются дешевымъ трудомъ нищаго-поселенца до тѣхъ поръ, пока пріискатель окажется негоднымъ къ работѣ, пока не искалѣчитъ себя при промывкѣ хроническимъ ревматизмомъ, маляріей, или не сопьется. Результатомъ четырехмѣсячной работы на промыслахъ—при всеобщемъ обѣднѣніи пріисковъ—оставшіеся десятки рублей не гарантируютъ сытаго существованія на безработный сезонъ. Еще менѣе обезпечиваетъ ссыльнаго работа у мѣстныхъ крестьянъ во время страдной поры, оплачиваемая 20 — 25 руб. и совпадающая съ періодомъ пріисковыхъ работъ,—за нее берется рѣдкій ссыльный.

«Годовыхъ или сезонныхъ—съ Пасхи до Покрова—работниковъ-батраковъ мѣстный крестьянинъ предпочитаетъ нанимать изъ среды обѣднѣвшихъ сообщественниковъ-крестьянъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги отъ Красноярска до Иркутска, работы по постройкѣ уже закончились, штаты же ремонтныхъ рабочихъ, сторожей и поденщина на жел. дор. слишкомъ ограничены для многочисленной арміи ссыльнаго люда. Нѣсколько кожевенныхъ заводовъ и 1 солеварня (въ с. Троицкомъ) требуютъ только какую-нибудь сотню рабочихъ. Волостныя и сельскія правленія и письмоводство въ канцеляріяхъ служатъ,

затѣмъ, послѣднимъ резервомъ, куда поступаетъ грамотная часть ссыльнаго элемента, сосланная за растраты, подлоги и т. п.

«Несмотря на переполненіе ссыльными нашего уѣзда и вообще Енисейской губ., ежемѣсячно прибываютъ новыя и новыя партіи уголовныхъ преступниковъ, сосланныхъ по приговорамъ судебныхъ учрежденій и высылаемыхъ по распоряженію административныхъ властей. Администрація Кавказа, Тобольской и южныхъ губерній Россіи водворила въ въ предѣлахъ Канскаго уѣзда сотни семействъ горскихъ татаръ, цыганъ и молдаванъ, сосланныхъ, какъ здѣсь говорятъ, «за коней».

«Эту голодную, безработную и преступную армію поселенцевъ волей-неволей приходится кормить и укрывать обывателямъ нашей деревни. Не говоря объ отчасти уже совершившейся деморализаціи населенія, подъ вліяніемъ преступнаго элемента, сколько хлопотъ и матеріальныхъ затратъ несетъ крестьянинъ въ постоянной вознѣ съ ссыльными. Онъ караулитъ волостныя каталажки, наполненныя преступниками всѣхъ ранговъ и профессій, въ теченіе круглаго года гоняетъ тысячи подводъ съ партіями новыхъ ссыльныхъ и массой безписьменныхъ, бродячихъ людей, высылаемыхъ по нѣскольку разъ къ мѣсту приписки, откуда бродячій человѣкъ снова бѣжитъ, арестуется и снова ѣдетъ на обывательскихъ коняхъ.

«Конокрадство совершается ежедневно и безбоязненно,—въ немъ участвуютъ организованныя шайки поселенцевъ разныхъ національностей.

«Въ Тасѣевской и Рождественской волостяхъ за полугодній періодъ въ разное время «зарѣзано» (обычная форма убійства) 11 человѣкъ, не говоря о грабежахъ и нанесеніи ранъ и увѣчій. Волостныя правленія, мировые судьи—какъ слѣдователи и какъ судьи—большую часть занятій тратятъ на дѣла, касающіяся ссыльно-поселенцевъ по ихъ водворенію, припискѣ, розыскамъ, слѣдствію и суду.

«Безплодность борьбы съ преступностью карательными мѣрами слишкомъ очевидна. Весьма рѣдко находятъ виновныхъ,—даже въ преступленіяхъ противъ жизни—убійцы и слѣды преступленія безслѣдно исчезаютъ подъ прикрытіемъ какъ поселенцевъ, такъ и нѣкоторой части мѣстнаго крестьянства. Невозможность борьбы съ растущей преступностью сама собой вытекаетъ изъ ужаснаго положенія ссыльно-поселенцевъ и, заполненнаго ими, края.

«Нерѣдко къ обывателю, читающему газеты, отъ воротъ общественной винной лавки робко подходитъ какой-нибудь испитой, оборванный поселенецъ («жиганъ» по мѣстному) съ вопросомъ: «нѣтъ ли чего новенькаго про насъ»? Получивъ нежелательный отвѣтъ, поселенецъ уныло бредетъ къ дверямъ общественнаго кабака».

Экономическій упадокъ донского казачества. Объ экономическомъ упадкѣ донского казачества приходится слышать теперь все чаще и чаще. «Пріазовскій Край» приводитъ между прочимъ рѣчь военнаго министра А. Н. Куропаткина въ Урюпинской станицѣ, Хоперскаго округа, съ которой онъ обратился къ собравшимся для встрѣчи его станичникамъ. Поздоровавшись со сборомъ, министръ обратился къ сбору приблизительно съ слѣдующими словами: «Казаки! Вамъ, вѣроятно, никогда не приходилось въ своей станицѣ видѣть военнаго министра, и когда намъ еще придется увидѣться—неизвѣстно; поэтому, запомните мои слова и передайте ихъ не только своимъ согражданамъ, но и казакамъ другихъ станицъ Хоперскаго округа. Правительство, въ уваженіе къ экономическимъ интересамъ казаковъ, старается облегчить тяжесть воинской ихъ службы и увеличить ихъ матеріальныя средства; въ этомъ направленіи я, при содѣйствіи вашего наказнаго атамана, буду работать. Кое-что уже сдѣлано; правительство освободило отъ полевой службы одиночекъ. Мы будемъ ходатай-

ствовать освободить казаковъ 3-й очереди отъ лагерныхъ сборовъ, а также уменьшить лагерные сборы казаковъ 2-й очереди. Но и сами вы должны идти навстрѣчу заботамъ правительства и, въ чемъ можно—помогать ему... А между тѣмъ вы на предложеніе своего начальства въ этомъ направленіи говорите: «Не желаемъ». Я, какъ и вашъ войсковой наказный атаманъ, человѣкъ военный, привыкшій безпрекословно повиноваться велѣніямъ своего государя и закона. Поэтому и съ вашей стороны болѣе не потерпятъ какого-либо упорства». Затѣмъ министръ пошелъ въ канцелярію станичнаго правленія и пожелалъ по документамъ и книгамъ лично ознакомиться со средствами станицы и съ порядкомъ снаряженія казаковъ къ службѣ. Изъ разсмотрѣнія этихъ данныхъ министръ убѣдился, что большая часть казаковъ снаряжается на общественный счетъ, въ видѣ кратковременной ссуды, которая вслѣдъ за симъ же взыскивается чрезъ насильственную продажу нерѣдко самаго необходимаго изъ хозяйственнаго инвентаря; даже отбираются земельные надѣлы казаковъ. Въ законности этой послѣдней мѣры министръ усомнился и потребовалъ основанія для такой тяжелой и въ корнѣ подтачивающей казачье хозяйство мѣры. Когда же указали, какъ на основаніе, на 154 ст. Положенія 1891 года, то, прочитавъ эту статью, онъ высказалъ, что, по его мнѣнію, станичное общество можетъ поступать со своими членами по этой крайне суровой 154 ст. только при наличности двухъ причинъ: расточительности и, какъ слѣдствіе сего, неисправности въ отбываніи разныхъ повинностей; но она не можетъ примѣняться къ людямъ, впавшимъ въ бѣдность по разнымъ несчастнымъ случаямъ, по неурожаю, пожару и т. п., и, вслѣдствіе этихъ причинъ, являющимся неисправными въ отбываніи повинностей. Если же толкованіе его невѣрно, то необходимо (сказалъ онъ по адресу начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ) провести такое толкованіе въ законодательномъ порядкѣ. Окружной атаманъ замѣтилъ при этомъ, что если не примѣнять 154 статьи въ полномъ ея объемѣ во всѣхъ случаяхъ неисправности казаковъ, то первая же смѣнная команда будетъ безъ лошадей. На это министръ сказалъ: «Нельзя жить интерессами даннаго времени, необходимо смотрѣть впередъ и имѣть въ виду интересы будущихъ поколѣній; я буду ставить въ вину тѣмъ окружнымъ атаманамъ, которые допустятъ *обезземеливаніе* казаковъ, и, напротивъ, въ особую заслугу поставлю, если подобная крайняя мѣра будетъ избѣгнута».

Къ сожалѣнію, министръ не указалъ, какими мѣрами можно предохранить казаковъ отъ обезземеливанія, которое усиливается не только отъ тяжести службы, но и отъ общаго упадка доходности земель, уже истощенныхъ и требующихъ новой и болѣе высокой культуры.

Для высшей культуры необходимо просвѣщеніе, а оно не настолько хорошо поставлено здѣсь, чтобы можно было возлагать на него особыя надежды. Недавно, какъ передаетъ «Придн. Кр.», по порученію войскового наказного атамана, начальникомъ войскового штаба генералъ-майоромъ Пневскимъ и состоящимъ при наказномъ атаманѣ для особыхъ порученій генералъ-майоромъ Литвиновымъ были обревизованы военно-ремесленныя школы въ окружныхъ станицахъ: Каменской, Нижне Чирской и Урюпинской. Результаты ревизіи характеризуются слѣдующими выраженіями приказа, отданнаго наказнымъ атаманомъ по войску по этому поводу. «Нижне-Чирская школа помѣщается въ двухъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ на разныхъ улицахъ, одномъ—войсковомъ и другомъ—наемномъ; помѣщенія тѣсны, плохо ремонтированы и содержатся грязновато; обстановка бѣдная и ветхая; одѣяла учениковъ — изъ совершенно вытертаго солдатскаго сукна. Урюпинская школа помѣщается въ войсковомъ зданіи очень удобно, помѣщенія содержатся въ примѣрномъ порядкѣ и опрятности; одѣяла почти новыя; ученики содержатся отлично. Въ Каменской школѣ всѣ жилыя помѣщенія содержатся не въ должной опрятности, нигдѣ не стерта пыль, и

полы нечистые; всѣ шкафчики при кроватяхъ чрезвычайно грязные и не ремонтируются; много одѣялъ порванныхъ; ни въ одной спальной комнатѣ нѣтъ термометровъ, а въ нѣкоторыхъ—и иконъ (!?); ни въ одной комнатѣ на стѣнахъ нѣтъ пособій, въ видѣ таблицъ по ремесламъ, между тѣмъ какъ это крайне необходимо; ученики были острижены, но не гладко, не причесаны, а потому имѣли неряшливый видъ». Войскомъ затрачена цѣлая уйма денегъ на постройку зданій для военно-ремесленныхъ школъ во всѣхъ окружныхъ станицахъ; тратится и теперь не мало на содержаніе этихъ школъ (кстати сказать, польза отъ которыхъ—настоящая и грядущая—многими, и не безъ основанія оспаривается), а между тѣмъ, при первой же ревизіи, въ двухъ изъ трехъ осмотрѣнныхъ школъ получаются такіе, по истинѣ печальные, результаты: «нигдѣ не стерта пыль»... «рваныя одѣяла»... «нѣтъ иконъ въ спальняхъ»... Дальше идти некуда,» замѣчаетъ газета.

Строительные рабочіе и ихъ положеніе. Усиленный ростъ городовъ, такъ замѣтно опредѣлившійся по послѣдней всероссійской переписи, вызываетъ огромный наплывъ строительныхъ рабочихъ въ города. Каково положеніе этой громадной арміи тружениковъ, хорошо рисуетъ авторъ любопытной статьи въ «Рус. Вѣдомостяхъ» о ихъ бытѣ въ Москвѣ.

Существомъ самаго дѣла рабочіе этого рода раздѣляются на двѣ самостоятельныя спеціальности. Подвозимый для постройки дома кирпичъ обыкновенно складывается извѣстнымъ порядкомъ на ближайшей отъ мѣста стройки свободной площади владѣнія, и вся заготовленная такимъ образомъ его партія называется на языкѣ рабочихъ «караваномъ». Изъ этого каравана кирпичъ постепенно доставляется на мѣсто кладки стѣнъ будущаго дома, и работа по переноскѣ его туда лежитъ на обязанности особыхъ рабочихъ, называемыхъ *подносчиками*; другіе рабочіе, занятые самой кладкой стѣнъ изъ кирпича, называются *кладчиками*. Мы займемся сначала судьбою первыхъ спеціалистовъ. Кладчикъ во время работы долженъ имѣть у себя подъ рукою кирпичъ. Доставкой этого послѣдняго изъ каравана подъ руки кладчика и занятъ подносчикъ. Какъ тяжела эта работа, можно судить по тому, что обычный вѣсъ каждаго кирпича равняется 10-ти фунтамъ, и что одинъ рабочій взваливаетъ на себя въ одинъ пріемъ ношу до 30-ти и болѣе кирпичей, укладываемыхъ на спеціально изготовляемыя съ этою цѣлью особымъ мастеромъ на Хитровомъ рынкѣ деревянныя носилки, называемыя *козой*. Каждая ноша этого рабочаго вѣситъ, слѣдовательно, не считая вѣса самой «козы», *до 7-ми и болѣе пудовъ*. Кирпичи должны быть доставлены имъ на мѣсто кладки, начиная съ нижнихъ и до самыхъ верхнихъ этажей строющагося зданія. О физической силѣ подносчиковъ можно судить по ихъ обычному заработку, простирающемуся до 1 р. 80 к., 2 р., 3 р. 50 к. и даже до 5-ти р. въ день, при сдѣльной платѣ отъ 80 к. до 3-хъ р. съ каждой тысячи вынесенныхъ кирпичей; въ день носитъ каждый отъ половины до 3, 4 и 5 тысячъ кирпичей, въ зависимости отъ высоты носки. Размѣръ платы за эту работу устанавливается по взаимному соглашенію хозяина-подрядчика съ рабочими, причемъ принимаются во вниманіе многія условія: большая или меньшая удаленность отъ площади постройки сложеннаго каравана кирпичей, степень высоты, на которую слѣдуетъ ихъ таскать, большая или меньшая отлогость «ходовъ» на лѣсахъ и т. п. Въ виду того, что для успѣшнаго выполненія работы подносчика требуется только огромная физическая сила, личный составъ этихъ рабочихъ не отличается единообразіемъ по мѣсту ихъ родины (напримѣръ, изъ одной какой-нибудь губерніи или уѣзда), какъ это обыкновенно имѣетъ мѣсто по отношенію къ пришлымъ рабочимъ многимъ другихъ спеціальностей; напротивъ—подборъ въ этомъ отношеніи отличается случайностью. Полные работники-подносчики встрѣчаются только въ воз-

растѣ отъ 22-хъ и не свыше 35-ти лѣтъ. Губительное дѣйствіе на ихъ силы, выносливость и здоровье, кромѣ самой работы, оказываетъ, повидимому, водка, потребляемая въ огромномъ количествѣ постоянно, во время самой работы, а въ особенности по ея окончаніи и въ праздники. Весьма значительный дневной заработокъ подносчиковъ почти цѣликомъ пропивается, а весь могучій организмъ ихъ неизбѣжно разрушается алкоголемъ. Обиліе денегъ порождаетъ въ средѣ подносчиковъ кромѣ, того, и многія другія излишества, среди которыхъ преобладаютъ азартныя игры (въ карты и «орлянку»), а также усиленный развратъ.

Интересна организація найма подносчиковъ на работу. Обыкновенно всякій подрядчикъ каменныхъ работъ имѣетъ дѣло только съ ихъ *батырями*, которые избираются рабочими изъ своей же среды, отличаясь полнымъ знаніемъ всѣхъ малѣйшихъ деталей работы, умѣніемъ вести переговоры съ хозяиномъ и вообще умомъ и практической сметкой. Этотъ посредникъ и доставляетъ на работу необходимое количество рабочихъ, причемъ за свои хлопоты получаетъ съ нихъ по 5 к. съ каждой тысячи кирпичей, доставленныхъ подносчиками на мѣсто кладки, и, кромѣ того, съ каждаго рабочаго по 10—20 к. въ недѣлю; на обязанности того же «батыря» лежитъ и распредѣленіе ежедневнаго заработка между рабочими. Кромѣ «батыря», среди каждой партіи подносчиковъ на мѣстѣ работы имѣется еще особая должность, занимаемая обязательно однимъ изъ грамотныхъ и трезвыхъ сотоварищей, носящихъ названіе *карандаша*. На обязанности его лежитъ пріемка отъ хозяина каравана кирпичей подъ отчетъ и выдача ихъ рабочимъ для носки, причемъ «карандашъ» долженъ записывать количество взятаго каждымъ кирпича. Эти записи служатъ потомъ основаніемъ для распредѣленія заработка. Тому же «карандашу» «батырь» оставляетъ подъ отчетъ извѣстную сумму денегъ для текущихъ и мелкихъ расходовъ и выдачъ рабочимъ, которые въ теченіе дня берутъ по нѣсколько копеекъ, главнымъ образомъ на предметъ выпивки. «Карандашъ» получаетъ по 1 коп. съ тысячи вынесенныхъ кирпичей. Работа подносчиковъ требуетъ долгой тренировки и осиливается вполнѣ только постепенно, не менѣе чѣмъ въ теченіе года. Опытъ показываетъ, что обойтись безъ услугъ этихъ спеціалистовъ и замѣнить ихъ въ случаѣ нужды, напр., хотя бы солдатами, не оказывается возможнымъ.

Что касается другой категоріи рабочихъ каменнаго дѣла—«кладчиковъ»,—большинство лучшихъ рабочихъ этого рода является въ Москву изъ Владимірской губерніи; затѣмъ хорошихъ рабочихъ даетъ Нижегородская губернія и сравнительно менѣе опытныхъ — Тамбовская и Калужская. Всѣ эти рабочіе рѣзко отличаютъ отъ описанныхъ выше порядочностью поведенія, солидностью и трезвостью. Обычная форма ихъ найма — по контрактамъ, съ 9-го мая по 17-е октября (23 недѣли), причемъ «кладчики» получаютъ за это время отъ 80-ти до 170-ти рублей на хозяйскихъ харчахъ. Работа ихъ внѣ этихъ сроковъ оплачивается на 1 р. въ недѣлю дешевле. Лучшіе мастера («лицевые») обыкновенно ставятся на наружную сторону воздвигаемыхъ стѣнъ, требующую особой тщательности въ отдѣлкѣ, остальные — на внутреннюю сторону («нутровой» мастеръ). Первые зарабатываютъ рублей на 20 въ лѣто больше. Практика, однако, показываетъ, что большинство этихъ рабочихъ выбираютъ почти весь заработокъ сезона впередъ, въ нѣсколько пріемовъ (подъ паспорта и разсчетныя книжки; эти выдачи называются «дачками»). Желая себя обезпечить рабочими руками на предстоящій строительный сезонъ, подрядчики совершаютъ за зиму цѣлый рядъ поѣздокъ на родину кладчиковъ (до трехъ поѣздокъ), причемъ каждый разъ выдаютъ имъ «дачки» въ размѣрѣ отъ 10 р. до 50-ти, 100 р. и даже выше. Послѣдняя «дачка» идетъ «на выѣздъ». Кладчики нанимаются всегда на хозяйскихъ харчахъ и квартирахъ (живутъ или во временныхъ деревянныхъ баракахъ, или же въ подвальныхъ и ниж-

нихъ этажахъ строящагося зданія). Работа ихъ начинается въ 5 часовъ утра, послѣ утренняго чая (чай свой, кипятокъ хозяйскій) и заканчивается въ 8-ми вечера, со слѣдующими перерывами: часъ или полчаса для завтрака (въ 8 ч. у.), два часа для обѣда (отъ 12-ти до 2-хъ) и полчаса на вечерній чай (около 5-ти ч. попол.). Харчи въ лучшихъ случаяхъ состоятъ изъ щей съ однимъ фунтомъ говядины на каждаго, каши съ саломъ и хлѣба—на обѣдъ; завтракъ и ужинъ состоятъ изъ тѣхъ же блюдъ, кромѣ говядины. «Подносчики» не пользуются хозяйскими харчами, но могутъ ихъ получать отъ хозяина за 25 к. въ день. Въ видѣ поощренія, лучшіе хозяева, сверхъ того, угощаютъ рабочихъ вечернимъ чаемъ съ калачами. Работа «кладчиковъ» производится «въ захватъ», т.-е. каждый изъ нихъ получаетъ для работы три погонныхъ аршина стѣны, причемъ лучшіе работники ставятся по угламъ зданія и одинъ занимаетъ средину стѣны. «Захваченные» среди этихъ лучшихъ работниковъ, остальные должны волей-неволей поспѣвать за ними въ дѣлѣ кладки. Въ видахъ поощренія, лучшимъ рабочимъ нѣкоторые хозяева выдаютъ еженедѣльно (отъ 10 к. до 1 р. 50 к.) или черезъ двѣ недѣли (до 5 р.) наградныя «дачки». Чтобы держать въ своихъ рукахъ «кладчика», хозяева, по обоюдному съ нимъ соглашенію, имѣютъ обыкновеніе уменьшать въ его разсчетной книжкѣ условленную по контракту плату рублей на 30. Въ случаѣ побѣга отъ хозяина, рабочій теряетъ эти деньги, не обозначенныя въ контрактѣ. Но бываетъ, что и самъ хозяинъ при случаѣ пользуется этой условленной формальностью и не доплачиваетъ рабочему ту же сумму.

Своеобразная попечительность. Отъ времени до времени изъ деревни доносятся извѣстія о томъ или иномъ своеобразномъ попечителѣ, радѣющемъ о «благѣ ввѣреннаго ему населенія». Памятны намъ жеденовскіе пріюты, столь печально окончившіе дни свои. Теперь «Казанскій Телеграфъ» сообщаетъ другой фактъ изъ той же области.

Купецъ П. В. Щетинкинъ, какъ сообщаетъ «Казанскій Телеграфъ», обратился въ казанскій окружной судъ черезъ своего довѣреннаго съ прошеніемъ, въ которомъ объяснилъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1898 года крестьяне Ширданской волости Свіяжскаго уѣзда рѣшили открыть при своемъ волостномъ правленіи торговлю бакалейными и разными другими товарами, причемъ особымъ приговоромъ, составленнымъ по этому поводу, уполномочили избранныхъ ими распорядителей лавочки кредитоваться въ случаѣ надобности. На основаніи этого же приговора, распорядители волостной торговли взяли у Щетинкина на 725 р. 62 к. разныхъ товаровъ въ долгъ, а въ обезпеченіе этого долга выдали Щетинкину вексель, на которомъ поставилъ свою подпись и бывшій земскій начальникъ Стопани, въ районѣ котораго находится Ширданская волость. Такъ какъ общество ширданскихъ крестьянъ прекратило теперь торговлю, лавочку свою закрыло и долговъ не платитъ добровольно, то Щетинкинъ и просилъ судъ взыскать слѣдующую ему по упомянутому векселю сумму съ бывшаго земскаго начальника Стопани и ширданскихъ крестьянъ. Этотъ искъ разсматривался окружнымъ судомъ. Явившійся въ засѣданіе Н. М. Стопани возражалъ противъ требованія Щетинкина обратить взысканіе противъ него, Стопани, доказывая, что это было бы неправильно, такъ какъ онъ поставилъ на векселѣ свою подпись лишь для того, чтобы «закрѣпить» кредитъ крестьянамъ у казанскихъ торговыхъ фирмъ. Уполномоченные же отъ крестьянъ объяснили на судѣ, что имъ лавочка вовсе не была нужна, что открыли они ее по *настоянію* г. Стопани, что фактическимъ распорядителямъ въ этой лавочкѣ былъ именно онъ и что какъ о векселѣ, выданномъ Щетинкину, такъ и о другихъ подобныхъ векселяхъ, отъ имени общества выданныхъ распорядителями лавочки, имъ ничего неизвѣстно. Окружной судъ постановилъ взыскать съ ширданскихъ

крестьянъ и Н. М. Стопани по векселю 725 руб. 62 коп. въ пользу купца П. В. Щетинкина и, кромѣ того, еще судебныя и за веденіе дѣла издержки въ суммѣ 67 руб. 69 коп. Здѣсь кстати отмѣтить, что въ послѣднее время иски къ ширданскому крестьянскому обществу изъ-за долговъ по ихъ лавочкѣ, устроенной по распоряженію г. Стопани, разбираются въ каждомъ засѣданіи окружного суда. Всего общество задолжало, хотя торговля велась въ ихъ лавочкѣ только одинъ годъ, болѣе 10 тысячъ рублей. Но этой суммой убытки общества отъ неудачнаго предпріятія не ограничиваются: на предпріятіе это было употреблено немало и мірскихъ денегъ. Такъ, на него были израсходованы деньги, полученныя ширданскими крестьянами съ Общества Московско-Казанской желѣзной дороги за отчужденную подъ линію дороги землю ихъ.

Другой фактъ такой же попечительности имѣетъ нѣсколько иной характеръ.

Саратовская судебная палата разсматривала въ Астрахани, по словамъ саратовскихъ газетъ, дѣло по обвиненію 20 крестьянъ слободы Николаевской, Царевскаго уѣзда, въ сопротивленіи властямъ. Лѣтъ 80—100 тому назадъ, въ той мѣстности, гдѣ совершилось происшествіе, крестьяне-«солевозы» купили у княжны Потемкиной имѣніе за 120.000 р., которымъ и стали пользоваться на правахъ полной собственности. Съ теченіемъ времени населеніе солевозовъ увеличилось до 2.800 чел., и они вошли въ составъ общества слободы Николаевской, продолжая распоряжаться означеннымъ имѣніемъ, какъ и прежде, полными хозяевами, имѣя на него купчую крѣпость. Число же душъ, не пользующихся этой землей, простирается до 6.000 человѣкъ. Такъ продолжалось до 1896 года, когда земскій начальникъ того участка *потребовалъ*, чтобы означеннымъ имѣніемъ пользовалось *все* николаевское сельское общество, а не *одни* только «солевозы», причемъ означенная дача была сдана въ аренду съ торговъ. Въ іюнѣ 1897 года, когда арендовавшіе сѣнокосные участки «Потемкинской дачи» крестьяне стали косить траву, туда явился крестьянинъ слободы Николаевской, Андрей Швецовъ, вмѣстѣ съ другими крестьянами, въ числѣ приблизительно 30 человѣкъ, силою прогнали этихъ крестьянъ съ арендуемыхъ ими участковъ, захватили скошенную ими траву, стали продолжать косить ее сами и сами раздавать сѣнокосные участки въ аренду. Пріѣхавшему на мѣсто происшествія приставу они оказали сопротивленіе, такъ что онъ долженъ былъ удалиться. На слѣдующій день прибылъ туда полицейскій урядникъ Бѣлитченко, взявъ съ собою отрядъ въ 20 человѣкъ, и задержалъ главныхъ виновниковъ безпорядковъ, при чемъ при задержаніи Швецовъ вынулъ револьверъ и наводилъ его на полицейскаго урядника Кузнецова, какъ бы намѣреваясь стрѣлять, но револьверъ этотъ былъ у Швецова отобранъ.

Палата приговорила Швецова къ 50-ти рублевому штрафу, Семена и Василія Тараненко, Погребнюка и Хоменко къ 30-ти рублевому штрафу, по обвиненію-же ихъ и остальныхъ обвиняемыхъ по 272 ст. улож. о наказ. всѣхъ оправдала.

Конецъ дѣла Скитскихъ. Оправданіе братьевъ Скитскихъ, встрѣченное всеобщимъ ликованіемъ въ Полтавѣ, положило конецъ этому знаменитому дѣлу, раскрывшему, между прочимъ, слабую у насъ постановку предварительнаго слѣдствія. На эту сторону въ особенности указалъ защитникъ обвиняемаго г. Карабчевскій въ своей превосходной рѣчи, выдержки изъ которой приводимъ.

«Если бы уже на предварительномъ слѣдствіи мы (защитники) имѣли права равныя правамъ обвиненія, не предстали мы предъ вами съ пустыми руками. Мы изслѣдовали бы цѣлый рядъ паралельныхъ съ обвиненіемъ напрашивающихся версій преступленія, и кто знаетъ, сидѣли ли бы Скитскіе на скамьѣ подсудимыхъ?.. Мы уже знаемъ, что въ самый день похоронъ Комарова С. Скитскій былъ арестованъ. Мы отлично знаемъ, что въ то время кромѣ подозрѣній, которыя, если вѣрить Скитской, по характерному жесту о. Генадія Мачуговскаго,

были только «тамъ» и «тамъ», т.-е. у преосвященнаго и у г-жи Комаровой, рѣшительно ничего не было... Тѣмъ не менѣе, слѣдственные поиски на этомъ разомъ прекратились, стали собирать улики только противъ Скитскихъ. Я удивляюсь, что ихъ собрали еще такъ мало, такъ какъ знаю, что на первыхъ порахъ полицейскимъ рвеніемъ легко смутить даже чистую, но слабую свидѣтельскую душу. Бывшій полтавскій полицеймейстеръ Ивановъ, на томъ основаніи, что они «не дворяне», объяснялся съ ними весьма энергично. Онъ, имѣлъ повидимому, повадку въ подобныхъ случаяхъ жестикулировать кулакомъ болѣе выразительно, чѣмъ это обыкновенно принято. Рядомъ съ этимъ тотъ же г. Ивановъ такъ дѣтски-довѣрчиво, съ такою пылкою наивностью считалъ собранныя противъ Скитскихъ улики неотразимыми и насчиталъ ихъ столько даже здѣсь на судѣ (кровь, волосъ, колбасу, веревку и т. д.), что на его показаніи, какъ на судебномъ доказательствѣ, даже обвинителямъ пришлось поставить крестъ. Г. Ивановъ ничего намъ не далъ здѣсь кромѣ своей совершенно очевидной судебно-полицейской наивности, а между тѣмъ на предварительномъ слѣдствіи всѣ охотно вѣрили ему, что онъ «корни и нити» всего дѣла держитъ твердо въ рукахъ. Изъ устъ въ уста переходили свѣдѣнія объ открытыхъ имъ «важныхъ» уликахъ, слагались цѣлыя легенды о добытыхъ имъ «агентурнымъ путемъ» свѣдѣніяхъ. На судѣ эти «агентурныя свѣдѣнія», какъ и слѣдовало ожидать, превратились въ простыя бабьи сплетни, тутъ же и опровергнутыя. По поводу полицейской продѣлки съ подсаживаніемъ сыщика въ образѣ арестанта къ Петру Скитскому, продѣлки, предпринятой, къ сожалѣнію, съ вѣдома, если не одобренія слѣдственной и прокурорской власти, пошелъ цѣлый гулъ по Полтавѣ. Дѣвица Прохорова и преосвященный говорили намъ, что даже сами читали копію записки Петра Скитскаго къ брату, и въ ней была именно «страшная» улика противъ Скитскихъ. Въ ней говорилось о проклятіи за сознаніе и за нарушеніе клятвы по совершенію преступленія. Самъ г. Ивановъ не посмѣлъ, однако, здѣсь воспроизвести намъ подобнаго текста записки. Этотъ свидѣтель, согласно съ утвержденіемъ г. Червоненко, удостовѣрилъ намъ совершенно иное содержаніе записки: «Если ты убилъ Комарова, я тебѣ не братъ. Проклинаю тебя!» Это былъ оправдательный документъ для Петра Скитскаго, а не «страшная» улика. Записка затѣмъ пропала, вѣроятно въ качествѣ «ненужной бумажки». Но она сдѣлала свое страшное и злое дѣло на предварительномъ слѣдствіи!

«Ближайшими сотрудниками г. Иванова, какъ извѣстно, были два полицейскихъ пристава, г. Царенко и г. Семеновъ. Втроемъ они были первыми каменщиками, положившими фундаментъ всему дѣлу. Вы имѣли возможность ихъ наблюсти и составить себѣ надлежащее представленіе о характерѣ ихъ сыскной прозорливости. Царенко говорилъ намъ, что у нихъ 15 іюля состоялось даже особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ г. полицеймейстера Иванова, для выработки общаго плана дѣйствій. Сказано не дурно, но кончилось это совѣщаніе тѣмъ, что г. Царенко, переодѣвшись въ статское платье, и г. Семеновъ, въ полицейскомъ мундирѣ, поѣхали къ мѣсту нахожденія трупа послушать, что говоритъ «народъ» и вообще поискать счастья. Народъ безмолствовалъ, счастья имъ никакого не подвернулось, но г-жа Комарова высказывала свои подозрѣнія на Скитскихъ, и г. Иванову, въ связи съ подоспѣвшими къ нему откуда-то вдругъ «агентурными свѣдѣніями», вопросъ показался рѣшеннымъ и яснымъ до очевидности...

«Въ поискахъ за тѣмъ, кто могъ желать смерти Комарова, кто еще могъ питать къ нему злобныя и мстительныя чувства,—намъ неожиданно весьма помогъ повѣренный гражданской истицы. Онъ широко очертилъ кругъ лицъ, питавшихъ, по его мнѣнію, непобѣдимую ненависть къ рьяному секретарю полтавской консисторіи.

«По словамъ повѣреннаго гражданской истицы, все сельское духовенство, весь

низшій кругъ лицъ подчиненной ему епархіи жестоко страдали отъ стремительнаго самовластія, отъ непреклонной и самоувѣренной энергіи молодого секретаря. Самъ преосвященный Илларіонъ вынужденъ былъ признать, что рядомъ со всевозможными достоинствами Комарова, какъ должностнаго лица, онъ бывалъ нетерпѣливъ, рѣзокъ и раздражителенъ. Воспрещеніе благочиннымъ входа въ консисторію, въ то время, когда они по уставу имѣютъ мѣсто даже въ присутствіи ея, почиталось всѣми распоряженіемъ едва ли законнымъ, во всякомъ случаѣ бестактнымъ и оскорбительнымъ для чести отцовъ благочинныхъ. Вспомните сорокъ человѣкъ однихъ уволенныхъ чиновъ консисторіи за три года его секретарства и вы согласитесь, что враговъ у него, помимо Скитскаго, былъ непочатый уголъ. Припомните, наконецъ, характерныя черты его отношенія къ нѣкоторымъ служащимъ. У одного, собиравшагося жениться, онъ ни съ того, ни съ сего требуетъ удостовѣренія врача о томъ, что онъ не страдаетъ сифилисомъ. Тотъ оскорбляется и уходитъ. Бывшаго столоначальника, молодого человѣка нѣкоего Александровскаго, онъ, по словамъ свидѣтеля Головкова, своимъ презрительнымъ и высокомѣрнымъ отношеніемъ доводитъ до того, что тотъ несчастный, съ трясущимися руками, по часамъ простаиваетъ у дверей его кабинета, не смѣя войти. Вскорѣ онъ также оставляетъ службу. Къ Скитскимъ Комаровъ, въ сущности, былъ даже милостивъ. За пьянство онъ, наприм., не взыскивалъ и Петру даже спустя годъ прибавилъ жалованья. Со Степаномъ Скитскимъ онъ былъ въ ладахъ вплоть до января 1897 г. По словамъ свидѣтеля Просяника, если онъ иногда и замѣчалъ Степану Скитскому, то тутъ же всегда отечески прибавлялъ: «Только слушайтесь меня, и вамъ будетъ хорошо!» С. Скитскій выросъ и воспитался въ условіяхъ безропотнаго подчиненія, и откуда бы у него взялся тотъ бѣшеный порывъ къ протесту на 45-мъ году жизни, чтобы онъ могъ забыть обо всемъ, рискнуть всѣмъ. Его окружала мирная среда: дочь, посѣщавшая гимназію, любящая жена! Да и откуда было взяться у него «непреодолимой» враждѣ къ Комарову. Вѣдь Комаровъ самъ отличалъ Скитскаго весьма долгое время, назначая его своимъ замѣстителемъ на время отъѣздовъ, устроивъ его и на мѣсто казначея почти противъ желанія архіерея. Самая провинность, изъ-за которой С. Скитскій былъ лишенъ награды, не показываетъ ли, что Комаровъ только въ припадкѣ раздраженія настоялъ на своемъ и заговорилъ о перемѣщеніи С. Скитскаго вновь на должность столоначальника затѣмъ только, чтобы припугнуть его своею немилостью. С. Скитскій могъ не тревожиться. Было извѣстно, что архіерей на это не согласился и вообще находилъ тогда и самыя провинности Скитскаго не столь и значительными. И дѣйствительно, ближайшимъ образомъ, въ чемъ онѣ заключались? Онъ «испортилъ» служебный годъ Комарову тѣмъ, что не изготовилъ вѣдомости къ 1-му января. Но, по словамъ преосвященнаго, занявъ должность казначея лишь съ ноября мѣсяца предъидущаго года, было бы и мудрено составить вѣдомости къ сроку. Другая провинность состояла въ денежномъ недочетѣ. Сначала это встревожило и самого Скитскаго, взволновало и епархіальное начальство. Но вскорѣ, какъ это намъ опять-таки удостовѣрилъ преосвященный Илларіонъ, недочетъ оказался въ полторы копѣйки и то не по винѣ казначея.

«При такихъ условіяхъ не въ правѣ ли былъ Скитскій, даже если допустить, что онъ очень возмутился несправедливымъ отношеніемъ къ себѣ Комарова, разсчитывать на то, что, по жалобѣ г. оберъ-прокурору, придирчивость секретаря можетъ быть обнаружена и его служебное рвеніе будетъ введено въ границы законности. Вѣдь о желаніи своемъ жаловаться онъ говорилъ всѣмъ и каждому. Зналъ объ этомъ архіерей, узналъ и Комаровъ. Преосвященный, правда, убѣждалъ его «оставить это», «помириться» съ Комаровымъ, и на первыхъ порахъ Скитскій отвѣчалъ ему: «Не могу. Какъ угодно вашему преосвященству». Но въ сущности не добрый ли это былъ знакъ для Скитскаго?

Не предвѣщало ли это, что отношенія съ Комаровымъ возстановятся непремѣнно, разъ самъ владыка желалъ такого примиренія и склонялъ къ нему. Для Скитскаго далеко не все было потеряно. Припомните по этому же поводу одно изъ писемъ г-жи Комаровой къ матери своей, г-жѣ Будаевской. Она именно разсказываетъ объ этомъ инцидентѣ матери, при чемъ все время нѣжно называетъ Скитскаго «Степой». Смыслъ всего письма таковъ: «Взъерошился внезапно, молъ, Степа, но все это уладится, пройдетъ». Гдѣ же непобѣдимая ненависть или безъисходность положенія для Скитскаго? Если послѣднее разумѣть въ матеріальномъ отношеніи, то и тутъ нѣтъ правды. Въ городѣ всѣ знали Скитскаго за дѣльнаго, смышленнаго и честнаго работника. Достаточно сказать, что послѣ перваго своего оправданія онъ точасъ же нашелъ себѣ мѣсто, съ жалованьемъ не меньше консисторскаго, и его уже съ мѣста взяли опять въ тюрьму послѣ касаціи.

«Итакъ, что бы ни говорили—если бы даже убійца Комарова были изъ консисторскихъ или изъ духовенства—Степана Скитскаго нечего выдвигать въ качествѣ наизлѣйшаго и притомъ единственнаго «врага Комарова». Если даже убійство имѣло, дѣйствительно, мѣсто на этой почвѣ, — на почвѣ «служебной мести», С. Скитскій былъ и слишкомъ уменъ, и слишкомъ на виду, для того, чтобы на него могъ пасть выборъ стать палачомъ Комарова.

«О Петрѣ Скитскомъ я уже не говорю,—по самой своей нравственной природѣ онъ въ палачи не годился.

«Возьмемъ теперь другой кругъ лицъ, близко соприкасающихся съ консисторіей и ея порядками и встрѣтившихъ въ лицѣ Комарова своего непримиримаго гонителя и противника. Я говорю о разнаго вида и сорта бракоразводныхъ дѣльцахъ, начиная съ заѣзжихъ темныхъ личностей въ качествѣ «спеціалистовъ-повѣренныхъ» по бракоразводнымъ дѣламъ и личностей въ родѣ Бабы-Чубаръ, промышлявшихъ перспективами, открывавшимися имъ въ замочныя скважины и дверныя щели. Вѣдь надо же вдуматься, съ какимъ омутомъ лжи, преступности и грязи мы въ подобныхъ случаяхъ имѣемъ дѣло! Почему на поверхность одного изъ подобныхъ омутовъ не могъ всплыть трупъ принципіальнаго противника брачныхъ расторженій — Комарова? Почему его убійство не могло быть дѣломъ наемныхъ рукъ? Куши, которыми оперировала бракоразводные дѣльцы, низменные люди, которые рвались за этими кушами, неодолимыя преграды, которыя вѣчно ставилъ Комаровъ благополучному и скорому завершенію подобныхъ предпріятій,—не говорятъ ли за то, что и на этой почвѣ мы наталкиваемся на мотивы и побужденія, заслуживающіе самаго пристальнаго вашего вниманія.

«Г. Ливенъ, напримѣръ, прямо утверждаетъ, что Комаровъ убитъ именно благодаря его бракоразводному процессу, которому онъ не далъ закончиться благопріятно, несмотря на огромныя деньги, которыя тратила противная сторона. Но пусть г. Ливенъ ошибается. Развѣ это былъ единственный бракоразводный процессъ богатыхъ людей въ Полтавѣ? Вспомните характерное дѣло супруговъ Тржесякъ и упорное воздѣйствіе на ходъ этого процесса со стороны Комарова. Г-жа Тржесякъ богатая женщина желала вступленія въ новый бракъ. Въ этомъ былъ заинтересованъ и нѣкій г. Шубертъ. Духовные отцы признали бракъ подлежащимъ расторженію, но Комаровъ вошелъ съ энергичнымъ протестомъ къ преосвященному, и разводъ не былъ утвержденъ. Любопытна дальнѣйшая судьба дѣла: Комаровъ всегда кичился своею служебною исправностью и щеголялъ пунктуальностью. Тѣмъ не менѣе относительно дѣла Тржесякъ онъ допускалъ даже намѣренную медленность. Съ марта до іюля онъ не отсылаетъ дѣла и не даетъ хода, несмотря на прошеніе и жалобы г-жи Тржесякъ, не смотря на запросъ Синода. Только 11-го іюля, т.-е. за три дня до своей смерти, онъ сочиняетъ отпускъ резолюціи, по которой пред-

полагалось дѣло при особомъ пояснительномъ рапортѣ отъ имени преосвященнаго препроводить въ Синодъ. По словамъ столоначальника Горностаева, Комаровъ собирался особенно внимательно заняться составленіемъ этой бумаги, въ которой намѣревался подробно развить основанія, по которымъ считалъ разводъ невозможнымъ. 14-го іюля Комарова убили, а 21-го іюля дѣло Тржесякъ было отправлено въ Синодъ при простомъ препроводительномъ отношеніи. Синодъ затѣмъ призналъ бракъ подлежащимъ расторженію. Припомните при этомъ отзывъ преосвященнаго, что покойный Комаровъ, какъ ярый ненавистникъ брачныхъ расторженій, въ дѣлахъ этого рода не всегда держался даже въ предѣлахъ строгой законности. Онъ пытался даже ввести новую практику. Секретарь по закону не имѣетъ права самолично допрашивать свидѣтелей, но Комаровъ не могъ сдерживаться: заподозрѣвая лжесвидѣтельство, онъ предлагалъ вопросы, старался изобличить свидѣтеля. Можно себѣ представить, какъ себя чувствовали всѣ эти спеціалисты, въ родѣ Бабы-Чубара, и прочіе бракоразводные дѣльцы, когда имъ приходилось имѣть дѣло съ Комаровымъ. Хоть закрывай лавочку! А между тѣмъ куши въ видѣ круглыхъ цифръ, въ родѣ 10, 15 тысячъ, такъ и манятъ, такъ и влекутъ къ себѣ. Докажите мнѣ, что этого рода корысть не могла стать мотивомъ преступленія, и я откажусь отъ своего предположенія. Довольно, однако, предположеній,—они, въ сущности, безплодны. Я двинулъ ихъ лишь для того, чтобы наглядно опровергнуть доводъ обвиненія: «Скитскіе—ибо больше некому!» Какъ видите, это не аргументъ, съ нимъ серьезно считаться не приходится. Обстановка убійства Комарова, если вдуматься, такъ неясна, такъ неуловимо-таинственна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ, повидимому, проста, что невольно теряешь голову. Или налицо простой, легко удавшійся случай самаго банальнаго убійства случайныхъ грабителей (вспомните похищенные часы), или, наоборотъ, самый тонкій математическій разсчетъ, ловко выполненная казнь умѣлыми, безстрастными и твердыми руками. Былъ человѣкъ на дорогѣ, на мостикѣ, почти доходилъ къ своей дачѣ и вдругъ... мертвый въ кустахъ! При этомъ дорога, несомнѣнно, битая, проѣзжая. Мы поднимали цѣлое облако пыли, когда ѣхали съ вами по ней на осмотръ. Въ сорока саженяхъ коситъ сѣно Петръ Бондаренко, немного дальше Кошевой набираетъ воду въ прудѣ—и ни звука, ни крика, точно самъ Комаровъ подставляетъ шею петлѣ. Согласитесь, что все это наводитъ на размышленія. А съ точки зрѣнія невозможности именно для Скитскихъ совершить это преступленіе, размышленія эти разрастаются уже въ цѣлый лѣсъ непроходимаго сомнѣнія.»

Каково было ликованіе въ Полтавѣ, очень краснорѣчиво описываетъ корреспондентъ «Курьера».

«Въ тѣ послѣдніе полчаса, когда палата совѣщалась и всѣ мы съ непередаваемымъ чувствомъ страха и надежды старались отвлечь вниманіе куда-нибудь въ сторону, я подошелъ къ окну съ одной полтавской знакомой, и она указала мнѣ: «Смотрите».

«Еще утромъ возлѣ суда было пустынно и только въ противоположномъ кадетскомъ саду въ сонныхъ позахъ дежурили на скамейкахъ городовые—теперь же густой цѣпью, съ поставленными къ ногѣ ружьями, стояли ополченцы, оригинальнѣйшіе по виду субъекты въ своихъ пестрыхъ, красныхъ, синихъ рубахахъ, пиджакахъ и жилетахъ.

«— Да нужно ли это?—усумнился я.

«— Вы еще не знаете, что можетъ случиться,—было отвѣтомъ. Прошлый разъ, когда дѣло слушалось въ Полтавѣ, толпа почти ворвалась въ судъ и мнѣ пришлось уходить по какимъ-то узенькимъ темнымъ переходамъ. И теперь я помню, какъ мы заблудились гдѣ-то въ темнотѣ и оттуда прислушивались къ гулу толпы.

«Въ этотъ моментъ все заволновалось: «палата идетъ!» и дальнѣйшее чтеніе приговора, плачъ, поцѣлуи замелькало съ такой сумасшедшей быстротой, что я опомнился и надлежащимъ образомъ сталъ усвоять дѣйствительность только на каменныхъ ступеняхъ судейскаго крыльца. И первое, что я увидѣлъ и услышалъ: огромную, толкущуюся на мѣстѣ толпу, то безмолвную, какъ ночь, то внезапно, безъ переходовъ, изрыгающую изъ себя какой-то оглушительный, дико-радостный и страстный крикъ. Отдѣльныхъ голосовъ не слышно; крикъ замираетъ такъ-же внезапно, какъ и начался, и только слабымъ стономъ вдали замираютъ его отголоски.

«Линіи ополченцевъ, отдѣляющія толпу отъ суда и пересѣкающія ее по разнымъ направленіямъ, покачиваются, волнообразно выгибаются, какъ паутина подъ напоромъ вѣтра. Постепенно минутъ молчанія становится все меньше и теряется порядокъ въ чередованія крика и тишины; на всемъ своемъ протяженіи толпа сдержанно гудѣла, какъ большой майскій жукъ, и только мѣстами, словно высокіе языки огня, внезапно вырывается стонущее «ура». Никому не стоится на мѣстѣ; хотятъ все видѣть, все слышать, боятся потерять самое важное, что гдѣ-то тутъ происходитъ, шарахаются изъ одного конца въ другой, присоединяются къ чужому «ура» или безпричинно затягиваютъ свое собственное и остальные пристаютъ къ нему.

«— Зеленскій, Зеленскій идетъ.

«Узенькое свободное пространство, остававшееся на перекресткѣ и охраняемое полиціей, исчезаетъ мгновенно, точно проглатывается въ колышущей массѣ, пріобрѣтающей страшное сходство съ водой; утопаетъ невысокій Зеленскій. Все пространство отъ суда до Грандъ-отеля залито толпой. Вотъ словно небольшой пароходикъ, потерявшій руль и поломавшій свою машину, пробирается зигзагами съ перерывами чья-то коляска. Въ ней сидятъ какія-то дамы—Богъ ихъ знаетъ, кто онѣ, но толпа устраиваетъ и имъ громовую встрѣчу. Какъ же вѣдь и онѣ были тамъ, въ этихъ закрытыхъ для толпы стѣнахъ и онѣ слышали торжественное «нѣтъ» и пережили великую минуту торжества правды.

«Вижу издалека, какъ у входа въ Грандъ-отель внезапно взлетаетъ надъ толпой Карабчевскій. Его качаютъ, какъ море качаетъ лодку. Мнѣ не видно выраженія его лица, но не думаю, чтобы оно было печально. Нѣтъ основаній думать это. Иду проводить мою спутницу. Толпа размножается, повсюду навстрѣчу бѣгутъ къ ней новыя капли. Всюду слышится быстрый, радостный говоръ, иногда заглушаемый взрывами далекаго «ура». Въ этотъ день «ура» сопровождало меня въ самые отдаленные уголки Полтавы; она ли такъ мала, кричали ли такъ громко, только сидишь уже ночью гдѣ-нибудь въ саду и уховитъ еле слышное, но еще болѣе мощное, болѣе торжественное въ своемъ отдаленіи—а-а-а! Всякій, живавшій въ провинціи, знаетъ тотъ переполохъ, который охватываетъ весь городъ при крикѣ «пожаръ»! Бѣгутъ сломя голову, прыгая черезъ канавки, тумбы, на ходу перебрасывась фразами о предполагаемомъ ходѣ пожара спрашивая встрѣчныхъ: «гдѣ горитъ?» Такихъ бѣгущихъ встрѣчали и мы, и только та была разница, что они знали гдѣ горитъ, и вмѣсто того спрашивали коротко, отрывисто: «Оправданы? Оправданы!»

«Иногда приходилось давать болѣе подробныя объясненія, особенно старушкамъ, слову «оправданы» не придававшимъ никакого значенія и желавшимъ окончательно выяснить вопросъ: отпущены Скитскіе, или еще сидятъ».

И ликованіе это понятно: оправданіе обвиняемыхъ въ этомъ дѣлѣ было торжествомъ не только правосудія, но и общественнаго мнѣнія, боровшагося почти три года безуспѣшно...

Прокаженные на крайнемъ сѣверѣ. Корреспондентъ «Русск. Вѣдомостей», врачъ Колымскаго округа г. Мицкевичъ, сообщаетъ рядъ поразительныхъ фак

товъ, подтверждающихъ весь ужасъ правды, такъ художественно воспроизведенной г. Сѣрошевскимъ въ его повѣсти «Предѣлъ скорби». Приводимъ часть этого интереснаго сообщенія.

«М-съ Кэтъ Марсдэнъ посѣтила Вилюйскій округъ и описала положеніе тамъ прокаженныхъ. Результатомъ ея трудовъ явилось устройство Вилюйской колоніи для прокаженныхъ.

«Въ нашемъ округѣ никто не былъ до послѣдняго времени, около десяти лѣтъ не было даже врача. Да и попасть сюда не такъ-то легко. Отъ г. Якутска до Колымска болѣе 2.300 верстъ; дорога проходитъ по мѣстамъ крайне безлюднымъ; станція отъ станціи 150—270 верстъ; на этомъ пространствѣ часто нѣтъ ни одного жилья; дорога идетъ то по тундрѣ, то по горнымъ хребтамъ, съ крайне крутыми и опасными спусками и подъемами. Лѣтомъ эта дорога почти сплошное болото, лошадь бредетъ чуть не по брюхо по топкому болоту, часто проходя не болѣе 20-ти верстъ въ сутки. Комары совершенно отравляютъ жизнь путника. Зимой другое неудобство—дорога вѣдь проходитъ по самымъ холоднымъ мѣстамъ земного шара: въ Верхоянскѣ наблюдали температуру — 72° С., въ Колымскѣ бываетъ до 55° С., а—40°С. это—обычная зимняя температура. Къ этому присоединяются еще наледи—эта особенность сибирскихъ рѣкъ; выкупаться въ наледи при такой температурѣ—вещь совсѣмъ непріятная. Почта ходитъ восемь разъ въ годъ и бываетъ въ пути 50—70 дней отъ Якутска. Понятно, что при такихъ условіяхъ немногіе рѣшаются на путешествіе въ нашъ, столь далекій, край.

«Всѣхъ прокаженныхъ въ Колымскомъ округѣ около 40; всего же населенія въ округѣ—5.200 (кромѣ чукчей, которые живутъ совершенно особнякомъ, и неизвѣстно точное число ихъ). Есть одинъ наслегъ, въ которомъ только 77 работниковъ и 12 прокаженныхъ! Якуты прекрасно умѣютъ распознавать проказу; у всѣхъ прокаженныхъ, которыхъ я видѣлъ, болѣзнь была уже раньше опредѣлена мѣстными жителями, и я не встрѣтилъ ни одной ошибки.

«Когда болѣзнь опредѣлена, то больному произносится смертный приговоръ; его вычеркиваютъ изъ списка живыхъ. Когда спрашиваешь, напримѣръ, сколько домовъ на этомъ озерѣ, отвѣчаютъ: одинъ домъ, въ которомъ живутъ живые люди, и одинъ домъ, въ которомъ живетъ человѣкъ «въ тяжкой болѣзни». Больного помѣщаютъ въ какой-нибудь заброшенный домъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ближайшаго: въ домъ къ нему никто не входитъ, даже самые близкіе родственники; когда кому-либо приходится говорить съ прокаженнымъ издали, то онъ старается встать такъ, чтобы вѣтеръ дулъ отъ него на больного, а отнюдь не наоборотъ. Больному доставляютъ пищу, рубятъ ему дрова, если онъ самъ уже не можетъ этого дѣлать, и все это оставляютъ близь его дома. Когда же больной начинаетъ слабѣть, когда у него отвалятся руки или ноги, онъ передвигается уже съ большимъ трудомъ,—кто истопитъ тогда ему камелекъ, кто сваритъ ему пищу? Только стѣны его юрты являются нѣмыми свидѣтелями страданій и смерти несчастнаго отверженнаго. Недавно былъ такой случай: въ одной юртѣ жили прокаженные—отецъ со своей дочерью 13-ти лѣтъ; отецъ умираетъ, и вотъ 13-ти-лѣтняя дѣвочка живетъ съ трупомъ отца; только черезъ три недѣли пришли люди и похоронили трупъ.

«Для того, чтобы яснѣе представить положеніе прокаженныхъ, приведу нѣсколько страничекъ изъ своего дневника.

«23-го января. Вчера днемъ, послѣ осмотра еще одного прокаженнаго, выѣхалъ къ крайнему сѣверо-западному пункту своей поѣздки; предстояло сдѣлать 40 верстъ до ближайшаго жилого дома. Послѣ стоявшихъ весь январь лютыхъ, 50—55° по С., холодовъ подулъ теплый сѣверный вѣтеръ съ океана,—теплый, конечно, относительно; стояло около 25°, а казалось такъ тепло, что вотъ-вотъ

наступитъ оттепель. Поднялась сильная мятель, которая замела и безъ того здѣшнія плохія, едва протоптанныя дороги; пара большихъ оленей, увязая по колѣни въ рыхломъ снѣгу, съ трудомъ тащили мою легонькую повозочку, безъ всякой дороги по безконечнымъ озерамъ. То ли дѣло ѣхать хотя и въ сильный морозъ, но въ тихую, ясную ночь: сѣверное сіяніе своимъ волшебнымъ свѣтомъ освѣщаетъ путь, и олени весело бѣгутъ, дѣлая 12—15 верстъ въ часъ. Давно уже стемнѣло, а мы все не можемъ добраться до цѣли нашего путешествія; наконецъ-то засверкали желанныя искорки изъ трубы; какъ радъ бываешь этимъ искоркамъ! Входишь озябшій въ юрту, камелекъ весело пылаетъ,—камелекъ топится у якутовъ съ утра до поздней ночи,—на столѣ сейчасъ же появляется закуска: строганина (мерзлая сырая рыба, настроганная тонкими пластинками), якутское масло (хаяхъ), сливки, мерзлая морошка; а тѣмъ временемъ вскипаетъ чайникъ, и можно согрѣться горячимъ чаемъ. Въ маленькой, часто грязной, якутской юртѣ чувствуешь себя такъ комфортабельно и такъ не хочется ѣхать опять по этому морозу и вьюгѣ! Но дѣлать нечего, надо спѣшить; я рѣшился сегодня же проѣхать еще 10 верстъ, тамъ осмотрѣть прокаженную Екатерину Татаеву, сегодня же вернуться сюда, здѣсь переночевать, а завтра назадъ, въ городъ; и такъ ужъ скоро мѣсяцъ, какъ я выѣхалъ изъ города. Больная, которую предстояло осмотрѣть сегодня, дѣвочка 14-ти лѣтъ; мать ея умерла года два тому назадъ въ проказѣ; живетъ она со своимъ маленькимъ братомъ трехъ лѣтъ въ двухъ верстахъ отъ ближайшаго жилья. Братъ ея собственно не боленъ, но всѣ боятся его взять къ себѣ въ домъ, ибо думаютъ, что современемъ онъ заболѣетъ проказой; и вотъ онъ обреченъ жить съ больной сестрой, отъ которой, несомнѣнно, заразится, если уже не заразился. Отецъ ихъ, старикъ-нищій, юкагиръ, хромой и слѣпой, не имѣетъ своего хозяйства и ходитъ по людямъ, и весь этотъ юкагирскій родъ, къ которому онъ принадлежитъ, состоитъ изъ пяти мужчинъ и шести женщинъ, причемъ младшему мужчинѣ 35 лѣтъ, остальные—старше 50-ти лѣтъ; дѣтей ни у кого, кромѣ Татаева, нѣтъ. Эти старики, полунищіе, платятъ 18 рублей ясака и 2 рубля на школу (горькая иронія!). Вернусь, однако, къ своему разсказу. Итакъ, ѣду. Впереди меня ѣдетъ старикъ Татаевъ; онъ хочетъ тоже посѣтить свою дочь, онъ давно ея уже не видѣлъ. Послѣ двухчасовой ѣзды подъѣзжаемъ къ юртѣ, гдѣ живетъ больная; я вхожу туда съ казакомъ, отца я тоже звалъ войти, но онъ отказался, говоря, что люди тогда его не будутъ пускать къ себѣ. Юрта слабо освѣщена свѣтомъ топящагося камелька; посрединѣ стоитъ дѣвочка и крестится, вся дрожа. И какъ ей не испугаться и не волноваться! Вотъ уже годъ, какъ ни одинъ человѣкъ не входилъ къ ней въ домъ. На полу, полузакрывшись оленьей шкурой и уткнувшись въ землю, какъ звѣрекъ, лежалъ ея маленькій братъ, совершенно голый и невозможно грязный. Дѣвочка скоро успокоилась и начала оживленно разсказывать о своемъ житьѣ-бытьѣ, о томъ, что у нихъ нѣтъ теплой одежды, а имъ даютъ очень мало дровъ, и они страшно зябнутъ; дѣйствительно, стѣны дома совсѣмъ обледенѣли. Освѣщенія у нихъ-де совсѣмъ нѣтъ, и она такъ боится въ долгія зимнія ночи, когда солнце не показывается на небѣ болѣе мѣсяца; кормятъ ее только одной рыбой—щукой; второй уже день она ничего не ѣла и не знаетъ, когда-то ей принесутъ пищу, а сама идти не смѣетъ, да и нѣтъ одежды. Братъ ея недавно обжегся, и все тѣло его было покрыто пузырями. Я старался чѣмъ-нибудь утѣшить дѣвочку; говорилъ, что вотъ скоро устроится пріютъ для больныхъ и тамъ ей будетъ хорошо. Но самъ я плохо вѣрилъ въ свои утѣшенія. Я обѣщалъ ей сейчасъ же прислать рыбу и мясо, далъ ей ситцу на рубашку, чаю, табаку (якуты курятъ съ ранняго дѣтства) и спичекъ. Бѣдняжка, какъ она обрадовалась! «Пахибо, тойонъ! Пахибо, тойонъ!» (Спасибо, господинъ!) оживленно повторяла она и крестилась, уже не отъ страха, а отъ радости. На долго ли всего этого ей хватитъ?! Оказать же болѣе

серьезную помощь ей у меня не было средствъ. Я вышелъ и съ тяжелымъ сердцемъ поѣхалъ къ «живымъ людямъ».

Въ заключеніе корреспондентъ приглашаетъ къ пожертвованіямъ въ пользу прокаженныхъ Колымскаго округа, которыя можно высылать въ редакцію «Рус. Вѣд.»—«для колымскихъ прокаженныхъ».

Общества взаимопомощи для рабочаго населенія г. Риги.

(Изъ Риги).

Впервые общества взаимопомощи возникали въ Ригѣ въ связи съ ремесленнымъ цеховымъ устройствомъ. Вообще, цеховые ремесленники въ Ригѣ играли иную роль, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Это объясняется историческимъ значеніемъ цеховъ въ гильдейскомъ самоуправленіи города. Но даже когда примѣчаніе 1 къ ст. 285 уст. о промышл. разрѣшило и лицамъ, не записаннымъ въ цехи, свободное производство всякаго ремесла и когда введеніе новаго самоуправленія лишило цехи ихъ административнаго значенія, цеховые мастера, по преимуществу нѣмцы или присоединившіеся къ нимъ латыши, фактически пользовались монополіею на всѣ лучшія, наиболѣе щедро оплачиваемыя оффиціальныя и частныя работы.

Почти каждый цехъ имѣлъ для своихъ мастеровъ и подмастерьевъ вмѣстѣ или отдѣльно свое Общество взаимопомощи на случай болѣзни и похоронную кассу. Прежде уставы этихъ обществъ утверждались мѣстнымъ магистратомъ, но часть обществъ впослѣдствіи утверждали новые уставы въ министерствѣ. Подробныхъ данныхъ объ этихъ обществахъ у меня нѣтъ; я считаю, что вспомогательныхъ обществъ и похоронныхъ кассъ этого типа будетъ свыше 50.

Кромѣ этихъ обществъ, раньше весьма распространены были частныя общества при отдѣльныхъ фабрикахъ; въ нихъ болѣе или менѣе участвовали и предприниматели, но главная часть доходовъ кассъ состояла изъ взносовъ рабочихъ (т.-е., правильнѣе говоря, обязательныхъ вычетовъ изъ заработной платы). Управляла дѣлами кассы администрація фабрики, которая, обыкновенно, лучше поставленнымъ служащимъ (мастерамъ и др.) выдавала по своему усмотрѣнію значительныя пособія, прочимъ же рабочимъ оказывалась только медицинская помощь и отпускались лѣкарства. Съ введеніемъ новаго устава промышленности вычеты изъ заработной платы на медицинскую помощь были запрещены, и кассы почти всѣ прекратили свое дѣйствіе, мѣстами рабочіе даже пытались получить обратно свои взносы судомъ, но такъ какъ такое требованіе было связано съ оставленіемъ работы, то случаи были рѣдки. Въ 2-хъ или 3-хъ мѣстахъ изъ этихъ кассъ возникли новыя общества съ утвержденнымъ правительствомъ уставомъ (напр., похоронная и вспомогательная касса работниковъ вагонной фабрики). Пользы отъ этихъ кассъ рабочимъ было мало, напротивъ онѣ привязали ихъ къ предпріятію, такъ какъ члены уходя лишились своихъ взносовъ. Послѣднее обстоятельство не такъ сильно чувствовалось единственно потому, что при незначительномъ развитіи промышленности прежде составъ рабочихъ на фабрикахъ остался довольно неподвижнымъ.

Эти общества, несомнѣнно, сыграли нѣкоторую роль въ развитіи за послѣднія 30 лѣтъ довольно значительнаго числа обществъ взаимопощи и похоронныхъ кассъ, въ которыхъ обыкновенно нераздѣльно по профессіямъ преобладающее большинство членовъ были рабочіе. Такихъ обществъ въ Ригѣ въ настоящее время я насчиталъ 17 (я здѣсь не говорю о чисто похоронныхъ кассахъ, которыхъ около 20).

Цѣль этихъ обществъ—выдавать членамъ, въ случаѣ кратковременной бо-

лѣзни (обыкновенно не свыше 24 недѣль), пособіе, такое же пособіе выдавать вдовамъ и сиротамъ членовъ, иногда также престарѣлымъ рабочимъ; кромѣ того, если Общество связано съ похоронною кассою, пособіе на похороны. Но обыкновенно дѣятельность этихъ обществъ болѣе широка. Лучше поставленныя имѣютъ свои дома съ заломъ для собраній и сценою или, по крайней мѣрѣ, довольно большія наемныя помѣщенія, гдѣ по уставу разрѣшается устраивать вечера, спектакли, чтенія, иногда и открыть библіотеку, училище и курсы; поэтому, можетъ быть, еще большую роль эти общества играютъ въ воспитательномъ и образовательномъ отношеніяхъ.

Главная цѣль, какъ уже было сказано, выдача пособія на случай кратковременной болѣзни. Такъ какъ болѣзнь должна быть констатирована обыкновенно врачемъ, то Обществу приходится войти въ сношенія съ врачами. Одно Общество имѣетъ своего постояннаго врача, который не только констатируетъ болѣзнь, но и лѣчитъ членовъ Общества и ихъ семейства, за что получаетъ годичное вознагражденіе отъ Общества. Я думаю, что этому примѣру послѣдуютъ и другія.

Нѣкоторыя Общества содержатъ свои училища, которыя даютъ дѣтямъ членовъ начальное образованіе; возникаетъ также мысль, по мѣрѣ утвержденія, открывать вечерніе и воскресные курсы. Общества имѣютъ свои библіотеки, газетный столъ. Устраиваются вечера, часто съ театральными представленіями, исполнителями которыхъ являются обыкновенно любители изъ членовъ Общества; нерѣдко при немъ хоръ пѣнія изъ молодежи (членовъ или ихъ дѣтей).

Важны еще такъ-называемые «дискуссіонные вечера» (бесѣды), которые съ разрѣшенія полиціи устраиваются довольно давно. Такой вечеръ состоитъ въ разъясненіи предлагаемыхъ отъ присутствующихъ вопросовъ. Вопросы записываются на бумажку и опускаются въ особый ящикъ. Для разъясненія вопросовъ приглашаются часто интеллигенты, которые особо трудный или интересный вопросъ обыкновенно подготовляютъ на слѣдующій вечеръ. Но обсуждаются и практическіе вопросы, при чемъ въ преніяхъ участвуетъ всякій желающій изъ публики, обыкновенно довольно живо. Эти вечера вначалѣ были весьма легкаго характера, на нихъ смотрѣли какъ на развлеченіе; приходила молодежь, чтобы посмѣяться. Но въ послѣдніе годы они сдѣлались гораздо серьезнѣе и превратились въ прекрасное средство для развитія участниковъ. Публики бываетъ иногда 400—500 чел. Послѣ 1897 г. они сдѣлались рѣже, но и нынѣ еще почти каждую недѣлю прочтете въ латышскихъ газетахъ объявленіе о дискуссіонномъ вечерѣ въ одномъ или другомъ изъ мѣстныхъ обществъ. Если въ нѣкоторыхъ обществахъ въ послѣднее время такихъ вечеровъ больше нѣтъ, то это не ихъ вина.

На этихъ вечерахъ возбуждались интересные жизненные вопросы. Укажемъ, напр., на то, что, въ виду частыхъ вопросовъ юридическаго свойства, возникла даже мысль приглашать спеціально для Общества повѣреннаго, который въ извѣстное время давалъ бы членамъ Общества даромъ совѣты. Если это не осуществилось, то виною, главнымъ образомъ, было отсутствіе желанія повѣренныхъ.

Для поясненія дѣятельности этихъ обществъ я выпишу кое-какія свѣдѣнія изъ устава и годового отчета за 1898 г. «Общество вспоможенія больнымъ и престарѣлымъ рабочимъ подъ названіемъ Весеннее Общество». Выбираю я это Общество случайно, главнымъ образомъ, потому, что оно самое крупное по числу членовъ, ихъ въ 1898 г. было всего 2.841, но не потому, чтобы выставить его образцовымъ. Напротивъ, Общество, такъ какъ оно находится на довольно темной окраинѣ города и сначала въ немъ большинство членовъ состояло изъ неразвитого элемента (преимущественно не фабричныхъ, а поденщиковъ, рыбаковъ и т. д.), отличалось внутренними раздорами и неурядицами,

лишь въ послѣдніе годы все это значительно улучшилось. Общество существуетъ уже давно, но нынѣшній его уставъ утвержденъ въ 1893 г. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Общество послѣ пожара, истребившаго весь верхній этажъ его дома, въ прошломъ году выстроило новый домъ, постройка котораго стоитъ 18.600 рублей.

По уставу цѣль Общества: выдача вспоможенія больнымъ и престарѣлымъ членамъ, а также пособій на погребеніе умершихъ членовъ, ихъ женъ и дѣтей. Въ перечисленіи средствъ Общества упомянута «прибыль отъ устраиваемыхъ съ надлежащаго разрѣшенія увеселительныхъ вечеровъ, спектаклей и чтеній». Вступить могутъ члены не моложе 21 и не старше 45 лѣтъ, при поступленіи требуется медицинское свидѣтельство (больныхъ членовъ Общество не принимаетъ).

При вступленіи членъ вноситъ одновременно, если онъ холостой 1 рубль, если женатъ 1 руб. 50 к.; членскій взносъ по 35 коп. въ мѣсяцъ, взносъ въ похоронную кассу по 5 коп. съ каждаго случая смерти члена или его жены, а 2 коп.—въ случаѣ смерти ребенка. Размѣръ этихъ взносовъ можетъ быть увеличенъ и пониженъ общимъ собраніемъ. Членъ, не уплатившій впродолженіе 3-хъ мѣсяцевъ слѣдовавшихъ съ него въ кассу Общества платежей, считается выбывшимъ, лишается права получать пособіе во время болѣзни, похоронныхъ денегъ и уплаченныхъ ими взносовъ; если же это случилось по уважительнымъ причинамъ, то онъ можетъ вновь возвратиться въ члены съ уплатою просроченныхъ взносовъ. Членъ, исправно платившій въ теченіе 15 лѣтъ членскіе взносы, освобождается отъ дальнѣйшихъ взносовъ, но пользуется пособіемъ по уставу. Первые 3 мѣсяца членъ не получаетъ пособія и не можетъ участвовать въ общихъ собраніяхъ. Заболѣвшій членъ получаетъ пособіе: первыя 8 недѣль по 2 руб. 50 коп.; слѣдующія 8 недѣль по 2 руб., слѣдующія затѣмъ 8 недѣль по 1 руб. По истеченіи 24 недѣль, выдача пособія прекращается, если онъ болѣлъ непрерывно одною и тою же болѣзнью, но эти выдачи возобновляются, если онъ по выздоровленіи заболѣетъ вновь другою болѣзнью. Заболѣвшій долженъ заявить немедленно о томъ ближайшему изъ 24 членовъ-контролеровъ для полученія отъ него свидѣтельства, которое представляется одному изъ мѣстныхъ врачей для обозначенія въ немъ названія болѣзни и неспособности больного къ труду; это свидѣтельство возобновляется каждыя 2 недѣли; кромѣ того, членъ-контролеръ посѣщаетъ больного каждую недѣлю и если больной окажется въ состояніи работать, то дальнѣйшее вспоможеніе прекращается. За утаеніе при поступленіи какой-либо болѣзни и притворство больнымъ—членъ можетъ быть исключенъ изъ Общества.

Членъ, въ теченіе 5 лѣтъ платившій исправно и безпрерывно всѣ слѣдовавшіе съ него взносы, имѣетъ право получать вспоможеніе, если онъ по причинѣ старости или продолжительной болѣзни (свыше 24 недѣль) не способенъ къ труду или находится въ нуждѣ. Размѣръ этого пособія опредѣляется правленіемъ. Пособіе выдается и вдовамъ, и сиротамъ членовъ, участвовавшихъ въ Обществѣ не менѣе 5 лѣтъ; но женамъ и дѣтямъ членовъ пособія въ случаѣ болѣзни не выдается.

На погребеніе члена полагается 65 руб., его жены 50 р. и ребенка не старше 16 лѣтъ — 15 руб. Размѣръ этотъ можетъ быть измѣненъ общимъ собраніемъ.

Правленіе состоитъ изъ предсѣдателя, 2-хъ его помощниковъ, кассира, его помощника и письмоводителя; избираются члены правленія общимъ собраніемъ на 3 года, изъ нихъ каждый годъ выбываетъ 1/3. Общимъ собраніемъ выбираются, кромѣ того, 24 члена-контролера и ежегодно 3 ревизора.

Въ 1898 году было всего 2.841 членъ, изъ коихъ уже 775 членовъ, вносившихъ въ теченіе 15 лѣтъ свои платежи, освобождены отъ взносовъ.

Движеніе состава Общества видно изъ слѣдующихъ данныхъ: 1 янв. 1898 г. было 2.045 членовъ-плательщиковъ; вновь вступили 165; умеръ 41; сдѣлались безплатными 96 и только 7 вышли изъ Общества. Изъ 815 безплатныхъ членовъ въ 1898 г. умерло 40, осталось 775. Кажется, что, за отсутствіемъ данныхъ при учрежденіи обществъ, не сдѣланы вѣрныя исчисленія и 15 лѣтній срокъ для освобожденія отъ взносовъ слишкомъ кратокъ. Но пока еще Общество не чувствуетъ затрудненій. Вдовъ умершихъ членовъ въ Обществѣ было въ 1898 г. 591.

Кромѣ названнаго въ началѣ недвижимаго имущества, Общество имѣло къ 1 янв. 1899 г. въ процентныхъ бумагахъ 20.034 руб. 50 коп., численный капиталъ Общества въ теченіе года приросъ на 2.826 рублей (надо замѣтить, что домъ былъ выстроенъ изъ полученныхъ отъ страховаго Общества 20.672 руб.).

Общество уплатило въ 1898 г. 465 членамъ, т.-е. 16% всѣхъ членовъ, пособія по случаю болѣзни всего 5.929 руб. 14 коп. Распредѣляя эти выдачи по группамъ, мы видимъ, что 380 чл. получили пособіе въ теченіе 1—8 недѣль, 66 чл. 8—16 недѣль и 19 членовъ свыше 16 недѣль. Похоронная касса выдала похоронныя пособія: на похороны 81 члена, 47 женъ и 97 дѣтей, а всего 9.070 руб. Пособія выданы престарѣлымъ членамъ 91 руб. 50 коп., вдовамъ и сиротамъ 427 руб. 94 коп. На жалованье служащимъ и членамъ правленія выдано 1.000 руб.

Общество устроило въ 1898 г. 12 увеселительныхъ вечеровъ, 1 пикникъ («выѣздъ загородъ») и 3 дискуссіонныхъ вечера (бесѣды); прибыль отъ увеселительныхъ вечеровъ 603 руб. 63 коп.

Какъ видимъ, Общество ведется строго на началахъ взаимопомощи, никакихъ постороннихъ взносовъ и пожертвованій не было, отсутствуетъ всякій намекъ на благотворительность. Какъ я уже сказалъ, управленіе Обществомъ сначала было неудовлетворительно; это всюду общее явленіе, пока не будутъ воспитаны изъ членовъ самого Общества лица, владѣющія необходимыми знаніями и навыкомъ и часто пользующіяся довѣріемъ членовъ. Но такіе руководители являются со временемъ изъ самихъ товарищей, члены сами начинаютъ болѣе отчетливо смотрѣть на свое самоуправленіе и это одна изъ главныхъ заслугъ подобныхъ обществъ.

Дальнѣйшій шагъ къ развитію дѣла взаимопоищи въ Ригѣ былъ сдѣланъ въ 1896 г., когда возникла мысль *учредить первое въ Россіи Общество взаимопощи на случай безработицы.* Былъ тщательно составленъ уставъ, одобренный даже мѣстною фабричною инспекціею. Уставъ былъ подписанъ учредителями около 200 и представленъ куда слѣдуетъ. Но возникло въ Ригѣ дѣло 1897 г. и до сихъ поръ еще нѣтъ никакихъ извѣстій о судьбѣ устава! Слышно, что представленный для утвержденія уставъ перешелъ совсѣмъ въ другое вѣдомство. —а.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русское Богатство», **май**. Въ статьѣ г. *В. Арефьева* (начало помѣщено въ апрѣльской книжкѣ) находимъ интересныя свѣдѣнія о положеніи церковной школы въ Сибири. Неудовлетворительная постановка школьнаго дѣла въ Сибири давно уже вызываетъ различные проекты преобразованій. Въ 1895 г. въ комитетѣ министровъ былъ возбужденъ вопросъ о передачѣ начальныхъ школъ Сибири въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія или мѣстной епархіальной власти. Для разрѣшенія этого вопроса были затребованы свѣдѣнія о школахъ отъ си-

бирской администраціи. Отзывы, полученные отъ губернаторовъ, *единогласно* отдаютъ предпочтеніе свѣтской школѣ передъ церковной. Приведемъ, напр., отзывъ пріамурскаго генералъ-губернатора. «Подчиненіе учебной части всѣхъ начальныхъ школъ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія является болѣе надежнымъ и цѣлесообразнымъ, нежели передача ихъ въ вѣдѣніе духовнаго вѣдомства, такъ какъ контингентъ сихъ послѣднихъ въ краѣ далеко еще не стоитъ на необходимой для просвѣщенія народа высотѣ, въ смыслѣ ихъ научной подготовки». На основаніи этихъ свѣдѣній, вопросъ о передачѣ школъ въ духовное вѣдомство былъ оставленъ, но въ послѣднее время возродился вновь и съ упорствомъ поддерживается сторонниками церковной школы. Очеркъ г. Арефьева и имѣетъ въ виду показать, чего можно ожидать, если народное образованіе перейдетъ въ руки духовнаго начальства. Изученіе церковной школы въ Сибири приводитъ къ выводу, что число школъ и число учащихся въ нихъ за послѣдніе годы остается почти неподвижнымъ; притомъ, созданная предписаніями свыше, церковная школа часто существуетъ только на бумагѣ: такъ, въ оффиціально изданномъ сводѣ статистическихъ свѣдѣній за 1896 г., въ училищахъ, находящихся въ вѣдѣніи св. Синода, приходится менѣе чѣмъ по одному учителю на школу. А въ какой степени можно довѣрять епархіальнымъ отчетамъ, мы увидимъ изъ слѣдующаго примѣра. «Народное Образованіе»—журналъ, издающійся при св. Синодѣ, констатируетъ поразительное увеличеніе числа школъ и учащихся въ Сибири за 1895—1896 г.; извѣстно, что число учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ за этотъ періодъ возросло на 1.024 человѣка, что составляетъ 10% общей суммы учениковъ, а въ школахъ грамоты уменьшилось на 637 человѣкъ или 1,4%. Изъ этихъ цифръ, посредствомъ какихъ-то операцій надъ средними величинами, совершенныхъ за глазами читателей, журналъ дѣлаетъ неожиданное заключеніе, что общее число учащихся въ церковныхъ школахъ за отчетный годъ увеличилось на 17.606 человѣкъ или 52%. Поразительное увеличеніе числа школъ, указываемое журналомъ, произошло вслѣдствіе циркуляра томскаго губернатора 1895 г. о томъ, чтобы сельскіе писаря обучали деревенскихъ дѣтей молитвамъ и грамотѣ ежедневно, впродолженіи четырехъ часовъ. «Въ результатѣ такого приказа, отставные солдаты, полуграмотные подростки, ссыльно-поселенцы, пропойцы,—словомъ всевозможный сбродъ, изъ котораго въ Сибири вербуется писарской персоналъ, взялись за учительскую указку». Въ какой обстановкѣ происходило обученіе, покажетъ намъ слѣдующій примѣръ. На Гавриловскомъ заводѣ школа помѣщается въ сельской управѣ. Въ той же комнатѣ, гдѣ учатъ, устроена рѣшетка, за которую садятъ буйныхъ арестантовъ. «Тутъ происходятъ подчасъ возмутительныя сцены—и все это на глазахъ у дѣтей. *Школа въ кутузкѣ!* Трудно этому повѣрить, но это фактъ». Общее руководство церковными школами и преподаваніе Закона Божія лежитъ на священникахъ, между тѣмъ сибирскіе приходы отличаются огромными размѣрами, доходящими иногда до 800 верстъ разстоянія отъ одного края до другаго. Само собою разумѣется, что священникъ въ сопровожденіи псаломщика, часто исполняющаго роль учителя школы, разъѣзжая по своей обширной территоріи съ церковными требами, оставляетъ школу безъ ученія цѣлыми недѣлями. Притомъ, сибирское духовенство отличается низкимъ образовательнымъ уровнемъ: больше половины (56%) духовенства «малограмотны». Вообще, образовательный цензъ учителей церковныхъ школъ очень низокъ: изъ нихъ 78% составляютъ люди съ низшимъ и домашнимъ образованіемъ. По общественному положенію большинство учителей состоитъ изъ ссыльно-поселенцевъ; вопреки запрещенію допускать ихъ къ преподаванію, духовному вѣдомству приходится къ нимъ прибѣгать, вслѣдствіе невѣроятно-низкихъ окладовъ учительскаго жалованья, спускающаго иногда до 17 рублей въ годъ. Нерѣдко въ качествѣ учителей не только школъ грамоты, но и церковно-приходскихъ, фигу-

фирують подростки, окончившіе курсъ министерской народной школы. Такъ, въ одну школу попалъ учителемъ мальчуганъ 14 лѣтъ и терпѣлъ отъ учениковъ не мало обидъ: они били его, ставили во время классныхъ занятій въ уголъ носомъ и т. п. Сообразно съ этимъ и помѣщенія (многія школы ютятся въ церковныхъ сторожкахъ) и учебныя пособія являются въ самомъ жалкомъ видѣ. Относительно числа учениковъ сибирская церковная школа представляетъ удивительную картину запустѣнія. Есть школы съ 2—5 учениками, а 8—10 учениковъ въ школѣ — въ Сибири вещь заурядная. Тяжеловѣсные славянскіе склады — азъ, буки, вѣди,—пинки, колотушки, подзатыльники,—весь этотъ аппаратъ старозавѣтной педагогіи до сихъ поръ въ ходу въ церковныхъ школахъ. Каково просвѣтительное значеніе церковныхъ школъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1893 г. въ томской епархіи окончили курсъ 143 ученика на 371 училище, въ 1894 г.—182 человѣка на 412 училищъ и т. д. Естественно, что мѣстное населеніе очень неодобрительно относится къ церковнымъ школамъ; очень часто общества составляютъ приговоръ о закрытіи церковно-приходской школы, отказываются за нее платить и взамѣнъ просятъ открыть школу министерскую. Такимъ образомъ, было закрыто, напр., въ 1894 году 76 церковно-приходскихъ школъ въ Тобольской губ. Серьезное возраженіе противъ преобразованія сибирскихъ начальныхъ школъ въ церковныя представляютъ интересы иновѣрцевъ, раскольниковъ и сектантовъ. «Разъ народная школа будетъ въ исключительномъ вѣдѣніи духовенства, то раскольникъ и инородецъ не пойдетъ туда». Такимъ образомъ, милліонамъ людей будетъ отрѣзанъ путь къ просвѣщенію. Между тѣмъ, сторонники церковной школы, по странному недоразумѣнію, стараются провести свой проектъ, именно съ цѣлью распространенія христіанства среди инородцевъ. Гораздо болѣе вѣрный путь обращенія инородцевъ въ христіанство—это учрежденіе школъ безъ рѣзко выраженныхъ миссіонерскихъ тенденцій. «Общее образованіе—лучшая пропаганда христіанства».

Предметомъ «Литературы и Жизни» Н. К. Михайловскаго служитъ «Альма», трагедія изъ современной жизни, Минскаго. Общее сужденіе таково: эта трагедія не художественна, лишена не только всякой оригинальности, но и цѣльности. Это рядъ подражаній—то Метерлинку, то Ибсену и Ницше, наконецъ, Л. Толстому, при чемъ г. Минскаго «прельщаетъ все нелѣпое или натянутое, фальшивое или больное, полумертвое и въ Метерлинкѣ, и въ Ибсенѣ, и въ буддизмѣ». Въ этой трагедіи «нѣтъ живыхъ образовъ, а есть только ходячія отвлеченія, сухія теоріи, а то такъ и просто слова, лишенныя всякаго смысла». Главная героиня представляетъ изъ себя верхъ изломанности и извращенности. А между тѣмъ авторъ сдѣлалъ ее «апоѳеозомъ женщины, которая первая затѣяла борьбу за свободу»; свободу видитъ она въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ всѣхъ естественныхъ привязанностей (къ мужу и дочери) и посвятить себя культу любви: «зажигать любовь, освѣщать, очищать жизнь любовью». Ради этого «ей приходилось быть жестокой, разбивать семьи, видѣть много слезъ»; она отбираетъ у влюбленныхъ въ нее женатыхъ мужчинъ обручальныя кольца и дѣлаетъ себѣ изъ нихъ цѣпочку для медальона, какъ «знакъ своей власти». Средствомъ для этихъ побѣдъ служитъ этой «чистой», «солнцеподобной» женщинѣ — ложь. «Всѣхъ, кого любовь приведетъ ко мнѣ, говоритъ она, я хочу любовью исцѣлить отъ уродства жизни. Но каждый изъ нихъ хочетъ, чтобы его любовь стала единственной. И я лгу и притворяюсь, но развѣ жрецы всѣхъ временъ не лгали?» Ради свободы отъ материнскаго инстинкта Альма помѣстила свою дочь въ пріютъ, гдѣ дѣвочка была смѣшана съ остальными дѣтьми, чтобы мать не могла и узнать ее. Еще раньше во имя свободы она отравляется, такъ какъ полюбила мужчину и не могла примириться съ такимъ униженіемъ. Ради той же свободы, Альма устроила больницу для прокаженныхъ и поселилась въ ней; она христосуется съ прокаженными, рискуя заразиться: этимъ актомъ она

хотѣла «убить привязанность къ себѣ самой, сдѣлать то, противъ чего возмущается вся ея природа, обнять безобразіе». Умирая, она завѣщаетъ своей помощницѣ: «не унижайся до любви къ человѣку, кто бы онъ ни былъ. Люби безличное, безсодержательное, нечеловѣческое». Однако, въ чемъ же raison d'être подобной изломанной, фальшивой вещи? На это Н. К. Михайловскій отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «г. Минскій давно уже обуреваемъ нѣкоторымъ сумбуромъ мысли, сказавшимся какъ въ его зигзагообразной дѣятельности вообще, такъ въ особенности въ книжкѣ «При свѣтѣ совѣсти». Поэтъ онъ былъ когда-то яркій, ясный и многообѣщающій. Но обѣщанія эти лопнули, какъ лопается пузырь, проколотый иголкою; роль иголки выполнилъ въ данномъ случаѣ сумбуръ мысли и, какъ результатъ этого сумбура, пламенное желаніе сказать нѣчто новое, совершенно оригинальное, отъ сотворенія міра неслыханное («чтобы всѣ люди, склоненные, толпились кругомъ и славили меня», сказалъ однажды онъ самъ). Въ книжкѣ «При свѣтѣ совѣсти» онъ и попытался дать такое неслыханное. Попытка вышла неудачною... Теперь съ г. Минскимъ, «первымъ изъ людей» (какъ онъ выражается о себѣ) пошепталась свобода,—проще говоря онъ составилъ себѣ извѣстное понятіе объ истинной свободѣ, которое кажется ему неслыханно новымъ и оригинальнымъ», и онъ пишетъ трагедію «Альму». Г. Михайловскій такъ долго останавливается на этой трагедіи потому, что она кажется ему чрезвычайно типичной для нашего декадентства: дѣйствующія лица ея щеголяютъ разными видами нравственнаго помѣшательства. Но трагедія не представляетъ изъ себя ничего «серьезнаго и грознаго» и «появленію ея можно радоваться, какъ свидѣтельству полнаго безсилія нашего декадентства».

Въ статьѣ «Друзья и врачи Гейне» г. А. Г. реферируетъ книгу Карпелеса («Heinrich Heine»), вышедшую въ прошломъ году, къ столѣтію рожденія поэта. Книга состоитъ изъ ряда очерковъ, направленныхъ къ тому, чтобы «содѣйствовать пониманію личности поэта». Изъ всего обширнаго матеріала, который даетъ книга, наименѣе извѣстенъ эпизодъ сближенія Гейне съ Лассалемъ. Девятнадцатилѣтнимъ юношей явился Лассаль въ Парижъ и здѣсь познакомился съ Гейне. Съ поразительной проницательностью Гейне сразу опредѣлилъ, кого видитъ передъ собой и предсказалъ ему большую будущность. «Мой другъ Лассаль,—писалъ о немъ Гейне Варнчачену фонъ-Энзе въ 1846 г.,—молодой человѣкъ самыхъ выдающихся дарованій; съ основательнѣйшей ученостью, обширнѣйшими познаніями и величайшей проницательностью, какую мнѣ только случалось встрѣчать; съ богатѣйшимъ талантомъ изложенія, онъ соединяетъ энергію воли и способность дѣйствовать, повергающія меня въ изумленіе, и если его симпатія ко мнѣ не угаснетъ, я жду отъ него самаго рѣшительнаго содѣйствія. Во всякомъ случаѣ, это соединеніе знанія съ энергіей, таланта съ характеромъ было для меня пріятнымъ явленіемъ. Г. Лассаль — настоящій сынъ новаго времени, которое ничего не хочетъ знать о томъ самоотреченіи и смиреніи, съ которыми мы болѣе или менѣе лицемѣрно провозились все *наше* время. Это новое поколѣніе хочетъ пользоваться жизнью и имѣть значеніе въ мірѣ видимомъ; мы, старики, покорно склоняли выю передъ невидимымъ, мечтали о призрачныхъ поцѣлуяхъ и благоуханіяхъ небывалыхъ цвѣтовъ, отрекались и тосковали и все же были, быть можетъ, счастливѣе, чѣмъ эти непреклонные гладіаторы, съ такой гордостью выступающіе на смертный бой». Гейне настолько сблизился съ Лассалемъ, что посвятилъ его въ свои интимныя дѣла и возложилъ на него довольно щекотливое порученіе—устроить его денежныя дѣла съ родственниками. Но и эти задушевныя отношенія, какъ и большинство другихъ у Гейне, окончились разрывомъ. Въ обоихъ было такъ много страстности, самолюбія, несдержанности, что трудно было избѣжать столкновенія. Приведемъ отзывъ о Гейне драматурга Лаубе, хорошо знавшаго поэта,—отзывъ, отчасти объясняющій эти постоянныя ссоры, размолвки и раздраженіе противъ Гейне: «по существу это былъ просто хо-

рошій человѣкъ, у него было, ну, просто филистерски доброе сердце—и только злой языкъ. И какой злой! Онъ могъ безъ всякой пощады издѣваться надъ своей женой, братьями, друзьями—и не могъ имъ отказать въ ничтожнѣйшей мелочи, въ малѣйшей прихоти».

«Вѣстникъ Европы», іюнь. *Г. А. Горовцевъ* подвергаетъ обстоятельному разбору современную постановку «домовъ трудолюбія» у насъ, указываетъ ея недостатки и проектируетъ реорганизацію, вообще, всей системы трудовой помощи бѣднѣйшему населенію. Настоящею задачею домовъ трудолюбія должно считать — доставленіе заработка и пріюта человѣку, случайно лишившемуся работы и впавшему въ бѣдность, слѣдовательно, оказаніе временной помощи до прінсканія постояннаго занятія. Но такую спеціализацію задачи возможно провести развѣ только въ столицахъ, гдѣ болѣе широко развито благотворительное дѣло и болѣе дифференцированы и виды общественной помощи, и категоріи бѣдняковъ: тамъ всякій нуждающійся можетъ найти приблизительно и такое благотворительное учрежденіе и, тотъ родъ помощи, какой ему нуженъ. Но какъ возможно въ провинціи протягивать руку помощи одной категоріи бѣдняковъ, отказывая въ то же время другимъ не менѣе нуждающимся, и обрекая ихъ на всѣ ужасы голоднаго, безпріютнаго существованія? Вмѣстѣ съ людьми, способными къ труду, но временно очутившимися безъ работы, домамъ трудолюбія приходится поддерживать и стариковъ, и калѣкъ, совсѣмъ неспособныхъ къ труду, и нищихъ, и дѣтей. Такъ, житейская практика совершенно отклонила дома трудолюбія отъ ихъ первоначальнаго назначенія и образовала изъ нихъ смѣшанное благотворительное учрежденіе, въ сущности не удовлетворяющее настоящимъ образомъ никого изъ призрѣваемыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, главная составная часть «трудолюбцевъ»—люди, готовые трудиться, но лишь временно потерявшіе работу, деморализуются отъ сосѣдства съ профессіональными нищими, отвращающимися отъ труда, привыкшими къ праздности, бродяжничеству и пьянству; съ другой стороны, благодаря присутствію этого мутнаго элемента, дома трудолюбія пріобрѣтаютъ незавидную репутацію прежнихъ «работныхъ домовъ», и честные труженики начинаютъ считать для себя позоромъ прибѣгать туда за помощью. Итакъ, переставая служить своей главной цѣли, дома трудолюбія не оказываютъ настоящей помощи и тѣмъ нищимъ, которымъ они раскрываютъ двери, ибо одинъ разрядъ нищихъ, утратившихъ охоту къ труду, требуетъ *воспитательныхъ* учрежденій въ родѣ французскихъ и нѣмецкихъ земледѣльческихъ колоній, гдѣ бы ихъ пріучали къ работѣ; другой низшій типъ уличныхъ пролетаріевъ, окончательно развращенныхъ бродяжничествомъ, нуждается въ *исправительныхъ* заведеніяхъ съ принудительнымъ трудомъ, въ родѣ работныхъ домовъ; наконецъ, для дѣтей необходимы пріюты. А между тѣмъ этотъ смѣшанный типъ домовъ трудолюбія является у насъ преобладающимъ въ настоящее время. Въ количественномъ отношеніи благотворительная дѣятельность въ Россіи не только не отстаетъ, но даже идетъ впереди многихъ европейскихъ государствъ, но въ качественномъ отношеніи, въ смыслѣ организаціи квалифицированной помощи, еще остается многое сдѣлать. Образцами въ данномъ случаѣ могутъ служить Бельгія и Голландія: благодаря строгому проведенію принципа—à chaque mal son remède, нищенство тамъ совершенно исчезло, и нищій бываетъ рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ. По ихъ слѣдамъ идетъ теперь Германія (имѣющая «Arbeitshäuser» для нищихъ-профессіоналистовъ, «Arbeitercolonien»—для несчастныхъ нищихъ, съ воспитательнымъ характеромъ, и «Naturalverpflegungsstationen»—станціи питанія, а при нихъ мастерскія и справочныя бюро для оказанія помощи случайнымъ бѣднякамъ и для устройства ихъ на постоянныя мѣста»), Франція и Швейцарія; Англія же до сихъ поръ не можетъ отстать отъ своихъ старыхъ «Workhouses», гдѣ смѣшаны вмѣстѣ всѣ классы нуждающихся.

Г. Л. К—къ («Учебные контрасты и нужды») рисуетъ картину учебнаго дѣла въ юго-западномъ краѣ по отчету кіевскаго учебнаго округа за 1898 годъ. Хотя отчетъ охватываетъ только учебныя заведенія, принадлежащія къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, и оставляетъ въ сторонѣ и духовное вѣдомство и учрежденія Императрицы Маріи и специальныя учебныя заведенія,—тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ цифры даютъ очень любопытную и живую картину. Кіевскій округъ включаетъ въ себѣ пять губерній, которыя въ отношеніи народнаго образованія распадаются на двѣ, рѣзко отличныя другъ отъ друга, группы: въ двухъ земскихъ губерніяхъ—Черниговской и Полтавской — дѣло образованія стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ трехъ не-земскихъ: Кіевской, Волынской и Подольской. Въ этихъ трехъ губерніяхъ одно народное училище приходится на районъ въ 172 квадр. версты и на 11.270 душъ населенія, между тѣмъ въ двухъ земскихъ губерніяхъ одно училище приходится на 59 верстъ и на 3.300 душъ. Въ Кіевской губерніи изъ 204 волостей 100, по выраженію отчета, «обходятся» безъ народныхъ училищъ; между тѣмъ относительно Полтавской и Черниговской отчетъ упоминаетъ какъ о рѣдкомъ явленіи—о волости безъ училища. Въ не-земскихъ губерніяхъ учителя составляли 73%, учительницы—27%; въ земскихъ—учителя 42,4%, учительницы—57,6%. Въ матеріальномъ отношеніи положеніе учащихъ гораздо лучше обставлено въ не-земскихъ губерніяхъ: тамъ 93% всѣхъ преподавателей получаютъ отъ 200 до 300 рублей, въ земскихъ же губерніяхъ этотъ окладъ получаютъ только 43% преподавателей, причемъ изъ остальныхъ 16% получаютъ менѣе 50 рублей въ годъ! Очень жаль, что авторъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, довольствуется только приведеніемъ и сопоставленіемъ цыфръ: цыфры не всегда говорятъ сами за себя, иногда, какъ и въ послѣднемъ случаѣ, онѣ вызываютъ недоумѣніе и требуютъ разъясненія: какого рода учителя и съ какимъ образовательнымъ цензомъ находятъ возможнымъ существовать менѣе чѣмъ на 50 р. въ годъ? Далѣе отчетъ отмѣчаетъ очень любопытный и очень распространенный фактъ: значительные остатки неизрасходованныхъ суммъ отъ ассигновокъ на содержаніе училищъ. Такъ, въ юго-западныхъ губерніяхъ бюджетъ народныхъ училищъ (963 тыс. рублей) далъ остатокъ въ 156 тыс. руб., въ земскихъ губерніяхъ отъ 1.030,000 тысячъ осталось 49 тысячъ. А между тѣмъ тотъ же самый отчетъ постоянно указываетъ на недостаточное число школъ, на переполненіе ихъ, на необходимость отказывать въ пріемѣ массѣ дѣтей. Замѣчательно, что этими остатками какъ бы щеголяетъ другъ передъ другомъ и администрація среднихъ учебныхъ заведеній. Такъ, изъ суммъ, ассигнованныхъ на мужскія гимназіи и прогимназіи, остались неизрасходованными 100.000 рублей, и эти остатки повторяются изъ года въ годъ, а, между тѣмъ, существующія гимназіи страшно переполнены,—въ 1898 г. *не приняты за комплектомъ 457 человѣкъ*, — однако, новыя гимназіи не открываются! Тѣ же остатки и тотъ же отказъ въ пріемѣ находимъ и въ реальныхъ училищахъ, большіе остатки видимъ также въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ (190 тыс. рублей). Относительно женскихъ учебныхъ заведеній авторъ опять останавливается въ недоумѣніи передъ слѣдующимъ фактомъ, отказываясь его объяснить: передъ удивительною дешевизною ихъ содержанія, женская гимназія обходится втрое дешевле мужской, а прогимназія—вчетверо дешевле мужской. А между тѣмъ едва ли трудно найти данныя для объясненія этого вопроса. Вѣроисповѣдный составъ учениковъ сильно различается въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ мужскихъ гимназіяхъ процентъ евреевъ колеблется отъ 7 до 14, а въ женскихъ гимназіяхъ, гдѣ нѣтъ ограниченія для евреевъ, онъ доходитъ до 49; изъ этого можно заключить, какое значительное количество мальчиковъ-евреевъ лишены доступа къ среднему образованію.

«Русская Мысль», май. *Г. А. Еропкинъ* заканчиваетъ рядъ статей «Пересмотрѣ положенія о крестьянахъ». Въ вопросѣ о мірскихъ сборахъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ промелькнули, хотя и замаскированныя, землевладѣльческія тенденціи объ обложеніи только надѣльныхъ крестьянскихъ земель и объ освобожденіи отъ сборовъ частной собственности. Вопіющая несправедливость такого привиллегированнаго положенія частныхъ владѣльцевъ, впрочемъ, нашла осужденіе въ другихъ совѣщаніяхъ, выставившихъ, хотя и осторожно, требованіе объ организаціи всесословной волости съ равномѣрнымъ обложеніемъ всѣхъ ея членовъ по принципу земскаго обложенія и съ правомъ участія въ волостныхъ сходахъ и волостныхъ выборахъ. Какую громадную важность для поднятія экономическаго положенія крестьянъ имѣетъ сельскій кредитъ, видимъ на примѣрѣ Минской губ. Тамъ изъ запаснаго капитала бывшихъ государственныхъ крестьянъ, изъ остатковъ мірского сбора и изъ штрафовъ образовался фондъ въ 552.000 рублей, изъ которыхъ болѣе 400.000 р. постоянно обращается въ народномъ кредитѣ изъ 6% годовыхъ. Прямымъ слѣдствіемъ дѣятельности этихъ ссудныхъ кассъ само минское совѣщаніе признаетъ рѣдкое явленіе—отсутствіе недоимокъ въ Минской губерніи. Но организовать кредитныя учрежденія не могутъ чуждые этому дѣлу органы—земскіе начальники и уѣздные съѣзды: необходимо вмѣшательство финансоваго вѣдомства, финансовыхъ государственныхъ учрежденій. Далѣе министерская программа затрогиваетъ переселенческій вопросъ, желая выяснить собственно результаты дѣйствія закона (1889 г.) о безвозмездной уступкѣ въ пользу общества надѣльнаго участка земли, остающагося послѣ переселенца. По этому поводу орловскій губернаторъ Трубниковъ передаетъ слѣдующій эпизодъ переселенческаго странствованія крестьянъ села Шаблыкина. Въ маѣ 1895 г. изъ этого села, владѣющаго дарственнымъ надѣломъ, отправилось въ Тобольскую губернію 183 семьи въ количествѣ 1.207 душъ. Оставшіеся крестьяне немедленно передѣлили всю надѣльную землю между собой, причемъ на душу досталось по $2^1/_5$ десятины. Однако, черезъ три мѣсяца, изъ Сибири вернулось 130 человѣкъ переселенцевъ, предпочитая, по ихъ словамъ, «умереть на родинѣ при церкви, чѣмъ въ шалашахъ Сибири»; но крестьяне села Шаблыкина не только отказываются принять ихъ въ общество и возвратить надѣльную землю, но даже запрещаютъ имъ строиться на прежнихъ ихъ еще не застроенныхъ усадебныхъ мѣстахъ. Въ концѣ концовъ, распоряженіемъ Министерства переселенцы приписаны къ Шаблыкинской волости въ качествѣ безземельныхъ крестьянъ, съ зачисленіемъ на нихъ долгомъ выданной имъ ссуды и безъ права на обратное полученіе прежней своей надѣльной земли. Кстати будетъ привести здѣсь изъ «Внутренняго Обозрѣнія» сообщеніе о томъ, какъ относится Министерство къ переселенческому движенію. А. Н. Куломзинъ напечаталъ въ «Гражданинѣ» письмо по вопросу о переселеніяхъ крестьянъ въ Сибирь. Въ виду оффиціальнаго положенія автора, письмо это пріобрѣтаетъ особенный интересъ. Г. Куломзинъ находитъ переселеніе явленіемъ какъ нельзя болѣе естественнымъ, вслѣдствіе густоты населенія и недостаточности надѣла. Ничего угрожающаго переселенческое движеніе, по его мнѣнію, не представляетъ, такъ какъ переселяется ежегодно не болѣе 140 тысячъ, между тѣмъ ежегодный приростъ населенія составляетъ $1^1/_2$ милліона душъ, т. е. переселеніе поглощаетъ только 10% этого прироста. О плодородіи сибирской почвы авторъ отзывается благопріятно. И при всемъ томъ г. Куломзинъ, по возвращеніи изъ Сибири, напечаталъ въ количествѣ 500 тысячъ экземпляровъ *«расхолаживающую»* народную брошюру и разослалъ ее во всѣ мѣстности, дающія переселенцевъ. Такія же брошюры, по словамъ автора, ежегодно печатаются и въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. «Новое Время» высказало догадку, что отрицательное отношеніе г. Куломзина къ переселенческому движенію объясняется мнѣніемъ, будто пересе-

ленія вредно отзываются на частновладѣльческомъ хозяйствѣ, уменьшая количество сельскихъ рабочихъ.

Характеристика Анни Виванти, сдѣланная *Брандесомъ*, признаетъ за ней очень крупный поэтическій талантъ. «Въ настоящую минуту, въ современной лирической поэзіи Италіи Анни Виванти никому не уступитъ своего мѣста». Итальянка родомъ, она родилась въ Лондонѣ, мать ея, сестра Рудольфа и Пауля Линдау, писала стихи на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ; ребенкомъ Анни Виванти сидѣла на колѣняхъ у Фрейлиграта и слушала, какъ поэтъ-изгнанникъ декламировалъ свои стихи, затѣмъ попала въ Нью-Іоркъ и получила американское воспитаніе. Тоска по родинѣ заставила ее возвратиться въ Италію, гдѣ въ 1890 г. она выпустила сборникъ своихъ стихотвореній «Lirica» съ предисловіемъ Кардуччи. Въ этомъ предисловіи Кардуччи заявляетъ, что, по его поэтическому кодексу, священникамъ и женщинамъ воспрещается писать стихи; относительно священниковъ онъ не измѣнилъ своего мнѣнія, но измѣнилъ его относительно этой синьоры. Этотъ сборникъ переизданъ въ 1899 г., съ прибавленіемъ лишь девяти новыхъ стихотвореній. Анни Виванти нельзя разсматривать, какъ художницу, техника у нея самая простая, но зато въ ея лирикѣ нѣтъ ничего искусственнаго, все въ ней непосредственно. «Она не написала ни одной строки, которая не жгла бы ей уста». Она писала исключительно о томъ, что сама пережила и перечувствовала. «Они трепещутъ жизнью, эти стихотворенія». Объемъ настроеній и чувствъ, заключающихся въ чисто-субъективныхъ ея стихотвореніяхъ, не великъ: юная мятежность, задоръ и необузданность художницы-цыганки, увлеченіе бродячей жизнью и любовь. «Наивысшая точка любви или ненависти—вотъ единственственное, что она цѣнитъ; спокойное чувство и равнодушіе составляютъ предметъ ея негодованія или презрѣнія... Но иллюзій у нея не много. Мысль о мимолетности страсти и счастья, о близкомъ или уже наступившемъ разрывѣ и равнодушіи часто просвѣчиваетъ въ ея стихотвореніяхъ... На ея лирѣ есть и другія струны. Одна изъ нихъ—глубокое состраданіе къ больнымъ, къ бѣдному темному люду, ко всѣмъ бѣдствіямъ человѣчества», есть у ней и сатирическія стихотворенія. По мнѣнію Брандеса, «міровая слава, которую Анни Виванти заслуживаетъ отнюдь не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ лучшіе изъ ея соотечественниковъ-писателей, теперь уже недолго заставитъ себя ждать».

Г. Энъ подводитъ итоги дѣятельности Московскаго Общества грамотности за первые три года существованія. Очень успѣшно и безпрепятственно производилась за это время лишь разсылка народныхъ и школьныхъ библіотекъ (народныхъ библіотекъ разослано 285, школьныхъ—601) и устройство книжныхъ книжныхъ складовъ въ провинціи (открыто 90 складовъ). Всѣ другія начинанія Общества немедленно обламывались о несокрушимыя препятствія. По новому уставу, Общество можетъ издавать книги, каждый разъ лишь съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, хотя бы вопросъ шелъ только о переизданіи той или другой книги. Какъ такой порядокъ вещей отразился на издательской дѣятельности Общества, видно изъ изданія всего 14 брошюръ изъ сочиненій Пушкина, Лермонтова, Короленко, Златовратскаго, Островскаго, Л. Толстого, къ изданію не были разрѣшены 6 брошюръ, между прочимъ, Борисъ Годуновъ» Пушкина, «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ» Лермонтова» и др. На другое ходатайство объ изданіи 5 книжекъ получено разрѣшеніе издать только одну: Ермилова о «Тихонѣ Задонскомъ», остальные 4, составленные изъ произведеній Пушкина и Лермонтова, были запрещены. Дальнѣйшее изложеніе судьбы ходатайствъ Общества грамотности по вопросу объ упрощеніяхъ въ порядкѣ разрѣшенія публичныхъ народныхъ чтеній производитъ тяжелое впечатлѣніе, ибо неизмѣнно завершается словами: «успѣха не имѣло». Есть, правда, за эти три года и удовлетворенныя ходатайства, напр., въ родѣ слѣдующаго—разрѣшено

на засѣданіяхъ, посвященныхъ памяти какого-нибудь общественнаго дѣятеля, приглашать его родственниковъ. А между тѣмъ разработка вопросовъ, служившихъ предметами многочисленныхъ неудовлетворенныхъ ходатайствъ, потребовала значительнаго труда со стороны членовъ правленія. Неудивительно поэтому, что «число членовъ съ каждымъ годомъ падаетъ, а энергія остающихся все больше и больше ослабѣваетъ... Общество грамотности является какимъ-то опальнымъ обществомъ: все, что имѣетъ мѣсто во всѣхъ другихъ общественныхъ организаціяхъ, является запретнымъ плодомъ для Общества грамотности; всякое частное лицо, вступая въ члены Общества, какъ бы теряетъ часть своихъ правъ». Такъ, всякая группа частныхъ лицъ имѣетъ право издать для народнаго чтенія сказку Пушкина, достаточно для этого лишь заручиться согласіемъ цензуры. А члены Общества грамотности, если задумаютъ подобное изданіе, должны еще испросить разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія. «Такимъ образомъ, общественная организація *не облегчаетъ, а затрудняетъ* дѣятельность частнаго лица».

«Жизнь», апрѣль и май. *Г. Д. Овсянико-Кулиновскій*, при разборѣ романа «Анна Каренина», ставитъ себѣ слѣдующія цѣли: 1) уяснить, что даетъ этотъ романъ *читателю*, «какъ картина быта и психологіи великосвѣтскаго общества, и какъ романъ Вронскаго и Карениной съ моральными выводами оттуда», 2) «какое значеніе и какой смыслъ имѣло это произведеніе для самого *автора*». Для выполненія первой задачи, г. Овсянико-Куликовскій беретъ крупныя художественныя фигуры романа (Вронскаго и Облонскаго) и характеризуетъ ихъ, какъ представителей великосвѣтскаго общества. Вронскій изображается наиболѣе чистымъ типомъ—носителемъ «классовой психологической формы»; въ составъ этой классовой психологіи входятъ слѣдующія черты: чувство своего превосходства передъ прочими смертными, какъ избранной породы людей, и даже родъ брезгливости по отношенію къ другимъ, особое понятіе чести и долга и специфически-дворянская душевная культура. Эти черты сословной психики въ отдѣльномъ человѣкѣ или проявляются рѣзче, или, наоборотъ, затушевываются, смотря по тому, насколько сильно индивидуальное содержаніе его личности. Въ періоды душевной пустоты, когда человѣкъ не занятъ ни серьезными мыслями, ни захватывающими чувствами, однимъ словомъ, когда бѣдно содержаніе его личной душевной жизни, тогда съ особенной силой проступаютъ классовыя традиціи и нравы. Эту борьбу сословной личной психики, въ связи съ обстоятельствами жизни, авторъ наблюдаетъ на Вронскомъ, который въ началѣ обнаруживаетъ гораздо болѣе типическихъ чертъ великосвѣтской среды, чѣмъ позднѣе во время любви къ Аннѣ: эта любовь наполняетъ его новыми интересами, приводитъ въ напряженіе всѣ силы души. Съ этого момента начинается разложеніе «аристократической психологической формы» въ душѣ Вронскаго, заканчивающееся рѣшительнымъ ея осужденіемъ. Это произошло вслѣдствіе того, что Вронскій, прикомандированный къ иностранному принцу, испыталъ на себѣ то «презрительно-добродушное отношеніе къ низшимъ», съ которымъ обыкновенно онъ самъ третировалъ людей себѣ неравныхъ. Аристократическая психологическая форма, разлагаясь, переходитъ въ *общедворянскую*, затѣмъ на дальнѣйшихъ ступеняхъ въ *буржуазную* и *бюрократическую*. Представителемъ общедворянской психики авторъ избралъ Стиву Облонскаго. «Мы не находимъ у него ни отчужденности отъ прочихъ смертныхъ, ни родовой гордости, ни презрѣнія къ представителямъ другихъ слоевъ, ни даже тѣхъ чистоинстинктивныхъ привычекъ, въ которыхъ сказывается «аристократъ». Для жизнерадостной, общительной натуры Облонскаго великосвѣтскій «кодексъ» былъ бы большимъ стѣсненіемъ, и онъ отказался отъ него. Итакъ, онъ сбросилъ съ себя узкую классовую форму, вслѣдствіе настоятельной потребности въ *экономизаціи душевныхъ силъ*. Онъ есть яркій представитель оппортю-

низма, умѣнія приспособляться къ обстоятельствамъ, въ жизни онъ выбираетъ линію наименьшаго сопротивленія, между тѣмъ аристократическій кодексъ налагаетъ извѣстные путы, требуетъ затраты силъ. Мы минуемъ болѣе детальную характеристику Облонскаго и прямо перейдемъ къ окончательному выводу автора: «Облонскій—это законченный типъ средняго, нормальнаго человѣка, которому не дано много душевныхъ силъ, и который, поэтому, инстинктивно воздерживается отъ излишней ихъ затраты». Сказать по правдѣ, подъ этой безличной формулой довольно мудрено узнать такъ ярко изображеннаго Толстымъ Облонскаго. Вообще, вся схема этого критическаго очерка представляется намъ чрезвычайно искусственной и какой-то схоластической: человѣкъ характеренъ не тѣмъ, что въ немъ есть общаго съ широкой группой лицъ, но именно тѣмъ, что въ немъ есть своеобразно-личнаго. Ради полноты обсужденія, авторъ прибѣгаетъ также къ очень рискованному пріему: напр., чѣмъ былъ бы Вронскій, если бы онъ не встрѣтился съ Анной; выбросить по этому поводу цѣлый рядъ догадокъ, болѣе или менѣе произвольныхъ, представляется намъ мало цѣлесообразнымъ. Среди литературно-критическихъ пріемовъ автора находимъ, между прочимъ классификацію разбираемыхъ типовъ на положительные и отрицательные, при чемъ оказывается, что Вронскаго «слѣдуетъ отнести къ числу положительныхъ, между тѣмъ какъ въ началѣ онъ сбивался скорѣе на типъ отрицательный»; и Облонскаго съ одной стороны можно зачислить въ разрядъ положительныхъ, но есть и иныя черты, по которымъ его скорѣе слѣдуетъ считать отрицательнымъ. Вотъ какъ много даетъ эта классификація!

«Образованіе». май—іюнь. Въ небольшомъ фабричномъ городкѣ Соединенныхъ Штатовъ—Фоль-Риверѣ съ 1890 года существуетъ клубъ для мальчиковъ. Доступъ въ него открытъ всѣмъ, безъ различія національности, вѣры или цвѣта кожи. Шумная, дикая толпа, впущенная въ клубъ съ улицы, мало-по-малу дисциплинировалась и теперь, не смотря на то, что въ помѣщеніи клуба бываетъ по 500 мальчиковъ заразъ, тамъ царитъ образцовый порядокъ. Это достигнуто очень простыми дисциплинарными средствами—временнымъ удаленіемъ или совершеннымъ исключеніемъ изъ клуба, а за мелкія нарушенія правилъ небольшими штрафами. Въ клубѣ имѣется цѣлый рядъ образовательныхъ учрежденій и полезныхъ развлеченій. Есть столярная мастерская, гдѣ дѣти учатся приготовлять мебель для своихъ жилищъ. Есть типографскіе классы, гдѣ печатается собственный журналъ клуба. Есть башмачная и портняжная мастерская для починки обуви и платья. Очень успѣшно дѣйствуетъ сберегательная касса, куда дѣти несутъ свои мелкіе вклады. Изъ развлеченій наибольшее удовольствіе доставляетъ обширный бассейнъ для плаванія, затѣмъ гимнастическій залъ, гдѣ упражненіями руководятъ два учителя, наконецъ, прекрасная аллея для игры въ мячъ. Изъ членовъ клуба организованъ оркестръ, который играетъ на публичныхъ собраніяхъ въ клубѣ по субботамъ, тогда же демонстрируется волшебный фонарь и читаются лекціи. Въ скоромъ времени при клубѣ будутъ открыты классы исторіи, декламаціи и ораторскаго искусства; съ большой серьезностью занимаются мальчики въ классахъ парламентскихъ обсужденій законовъ. Клубу принадлежитъ, несомнѣнно, громадное воспитательное значеніе, которое уже засвидѣтельствовано учителями. Дѣйствительно, если принять во вниманіе, что почти половина преступниковъ создается изъ людей, лишенныхъ въ дѣтствѣ нормальной семейной обстановки, то нужно ожидать, что клубъ, съ его замѣной семьи, его заботами и нравственнымъ контролемъ надъ дѣтьми, будетъ въ состояніи предупреждать преступленія; между прочимъ, одинъ юноша, при извѣстіи о поимкѣ воровъ, признался, что если бы онъ не былъ въ клубѣ—онъ былъ бы теперь съ этими ворами, его прежними товарищами. Эта картина американскаго дѣтскаго клуба такъ соблазнительна, что невольно хочется пожелать, чтобы и у насъ открылись подобныя учрежденія, хотя бы въ столи-

цахъ, гдѣ такъ много безпріютныхъ дѣтей, деморализуемыхъ улицей; да и семейные нравы нашей столичной бѣдноты таковы, что лучше уберечь ребенка отъ домашнихъ впечатлѣній, особенно въ праздники, когда онъ можетъ видѣть сцены далеко не воспитательнаго характера.

За границей.

Китайскія волненія. Интересъ и сочувствіе, вызванныя въ европейскомъ обществѣ трансваальской войной, отступили въ данный моментъ на второй планъ передъ тою тревогой, которую возбуждаютъ событія въ Китаѣ, неожиданно принявшія очень серьезный оборотъ. Въ Европу давно уже доходили вѣсти о броженіи въ Китаѣ; то здѣсь, то тамъ вспыхивали возмущенія, носившія, впрочемъ, чисто мѣстный характеръ; нѣсколько миссіонеровъ поплатились своею жизнью, перебито было нѣсколько сотенъ китайскихъ христіанъ, но все это представляло настолько обычныя явленія въ Китаѣ, что не возбуждало въ Европѣ никакой особенной тревоги. Убійство миссіонеровъ даже дало поводъ Германіи отхватить кусокъ китайской территоріи въ видѣ *вознагражденія* и тѣмъ дѣло ограничилось. Государственный или вѣрнѣе дворцовый переворотъ въ Китаѣ также не вызвалъ особенной тревоги въ Европѣ; занятыя своимъ соперничествомъ державы думали только о томъ, чье вліяніе теперь будетъ играть первенствующую роль и ревниво слѣдили другъ за другомъ. А между тѣмъ въ Китаѣ подготовлялись серьезныя волненія, заставившія теперь встрепенуться всѣ европейскія государства и, позабывъ о своемъ соперничествѣ, соединиться общими силами для предотвращенія грозной «желтой» опасности, которая появилась на дальнемъ востокѣ.

Въ послѣднее время въ газетахъ не разъ появлялись сообщенія о нападеніяхъ и безчинствахъ членовъ китайскаго общества «Большихъ кулаковъ» или «Боксёровъ» какъ ихъ прозвали англичане. И то и другое названіе представляетъ лишь вольный переводъ китайскаго наименованія тайнаго общества или братства, которое, впрочемъ, мѣняло свое названіе много разъ вслѣдствіе преслѣдованія властей. Такъ послѣдователи его назывались сначала членами «Общества большого ножа», затѣмъ общество нѣсколько разъ перемѣнило свое наименованіе и называлось то: «Красный абажуръ», то «Чехолъ золотого колокола», «Кулакъ патріотизма и міра», «Красный кулакъ» и т. п. Теперь въ европейской печати названіе «Большіе кулаки» или «Боксёры» получило право гражданства и намъ приходится пользоваться этимъ наименованіемъ, хотя, быть можетъ, оно и не совсѣмъ правильное.

Современные «Большіе кулаки», по всей вѣроятности, представляютъ остатокъ древняго китайскаго тайнаго «общества тріады» (небо-земля-человѣкъ), Тіенъ-тихои, происхожденіе котораго въ точности неизвѣстно, но дѣятельность котораго обнаружилась въ концѣ XVIII вѣка и возбудила ожесточенныя преслѣдованія со стороны китайскаго правительства, объявившаго смертную казнь всѣмъ членамъ этого общества. Тогда это общество имѣло ярко выраженный соціально-мистическій характеръ; оно проповѣдывало равенство и братство и объединяло недовольныхъ всѣхъ классовъ населенія. Главную цѣль его составляло уничтоженіе соціальныхъ контрастовъ и ученіе его было основано на чисто коммунистическихъ началахъ. Но съ теченіемъ времени характеръ этого общества, представлявшаго убѣжище для всѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» началъ видоизмѣняться. Въ число членовъ его стали поступать люди, преслѣдовавшія свои личныя или партійныя цѣли и мало-по-малу общество превратилось въ революціонный союзъ, главнымъ образомъ, стремившійся къ ниспроверженію царствующихъ династій.

Ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ не бывало такъ много возстаній, какъ въ Китаѣ. Большею частью, впрочемъ, эти возмущенія носятъ чисто мѣстный характеръ и рѣдко захватываютъ обширныя пространства, какъ, напримѣръ, возстаніе тайпинговъ, тоже членовъ тайнаго общества, начавшееся въ 1849 г. и подавленное лишь съ помощью соединенныхъ европейскихъ силъ въ 1864 г. Китайскій народъ, которому приходится такъ много страдать отъ произвола властей, считаетъ возмущеніе своимъ священнымъ правомъ и право это установлено традиціями. У него нѣтъ другого средства бороться съ дурнымъ правительствомъ и тираніей и только посредствомъ возмущенія онъ можетъ заставить уважать свои права. Но при этомъ замѣчается слѣдующее любопытное явленіе: несмотря на необыкновенное обиліе возмущеній всякаго рода, китайцы менѣе всего обнаруживаютъ революціонныя стремленія. Они всегда возстаютъ противъ лицъ, а не противъ принциповъ и не стремятся къ ниспроверженію существующаго порядка вещей. Въ дѣйствительности въ Китаѣ была только одна настоящая политическая революція около 2.000 лѣтъ тому назадъ, перевернувшая государственный строй и превратившая феодальное государство въ объединенную имперію.

Мѣстныя возмущенія возникаютъ въ Китаѣ всегда болѣе или менѣе одинаковымъ способомъ. Если какой-нибудь мандаринъ перейдетъ извѣстные предѣлы въ своихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ и терпѣливое населеніе не захочетъ долѣе сносить его тиранію, то начинается возмущеніе. Сначала оно выражается пассивною оппозиціей: купцы закрываютъ лавки, рабочіе перестаютъ работать, а на рѣкѣ прекращается движеніе судовъ—однимъ словомъ организуется какъ бы всеобщая стачка. Если это не помогаетъ и жалобы населенія остаются безъ послѣдствій, то наступаетъ активное возмущеніе, направленное прежде всего противъ ненавистнаго мандарина, жизнь котораго въ такихъ случаяхъ подвергается серьезной опасности. Очень часто такое возмущеніе захватываетъ болѣе обширный районъ и, конечно, главную роль въ организаціи всѣхъ подобныхъ подобныхъ возстаній играютъ тайныя общества и ихъ секты. Но бываетъ порою, что возмущеніе возникаетъ не вслѣдствіе недовольства какимъ-нибудь мандариномъ, а подъ вліяніемъ проповѣди какого-нибудь человѣка изъ народа, большею частью изъ низшихъ классовъ населенія, который увлекаетъ за собою массу и угрожаетъ «власть предержащимъ», а въ особенности династіи. Что касается нынѣшняго возстанія «Большихъ кулаковъ», преимущественно подвергающаго опасности жизнь европейцевъ въ Китаѣ, то цѣли его до сихъ поръ не выяснены, хотя оно и захватываетъ очень большой районъ и повидимому ставитъ своимъ девизомъ: «Смерть иностранцамъ»! Однако, по мнѣнію нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, знакомыхъ съ китайскими условіями, ненависть «Большихъ кулаковъ» больше направлена противъ туземныхъ христіанъ; нежели противъ иностранцевъ. У туземцевъ-христіанъ давно уже происходили столкновенія съ членами этого тайнаго общества и такъ какъ христіане искали и находили у миссіонеровъ защиту отъ всякихъ притѣсненій, оказываясь такимъ образомъ въ привиллегированномъ положеніи, то это обстоятельство усиливало къ нимъ вражду ихъ собратьевъ вымещавшихъ свое неудовольствіе на нихъ и на миссіонеровъ. Эти мѣстныя возстанія, однако, никогда бы не пріобрѣли такого важнаго значенія и распространенія, какое они имѣютъ теперь, если бы не дѣйствія европейскихъ державъ, набросившихся на Китай, какъ на лакомую добычу послѣ китайско-японской войны, обнаружившей слабость Небесной имперіи. Китайское правительство не имѣло силъ противиться давленію и отдавало европейцамъ концессіи за концессіями, затаивъ въ душѣ ненависть и страхъ передъ грознымъ призракомъ раздѣла. Поэтому непосредственно послѣ уступки Кіао-Чау—Германіи, Портъ-Артура—Россіи и Вей-Хая-Вея—Англіи, начали возникать безпорядки, выражавшіяся нападеніями

на миссіи, избіеніями христіанъ и т. д. Несомнѣнно также, что и сами европейцы много содѣйствовали усиленію въ корейскомъ народѣ ненависти къ своимъ нововведеніямъ, такъ какъ они зачастую пренебрегали китайскими священными традиціями и безцеремонно попирали ихъ. Это обстоятельство въ связи съ опасеніями раздѣла Китая европейскими государствами развивало ненависть къ европейцамъ. Послѣ совершенія дворцоваго переворота, когда восторжествовала старая консервативная партія, то для этой послѣдней развитіе ненависти къ иностранцамъ было очень кстати и поэтому дѣйствія тайнаго общества «Большихъ кулаковъ», направленныя противъ христіанъ и европейцевъ встрѣчали поощреніе у правительства. Благодаря этому тайному содѣйствію и поддержкѣ движеніе распространилось и приняло грозный характеръ раньше чѣмъ европейцы спохватились и поняли опасность. Очень вѣроятно, что китайское правительство разсчитывало, что соперничество державъ помѣшаетъ имъ дѣйствовать единодушно. Да оно такъ и есть въ дѣйствительности, но общая опасность заставила державы встрепенуться и совмѣстно вступить въ борьбу съ возставшими элементами, угрожающими жизни и интересамъ европейцевъ въ Китаѣ. Однако даже въ эту минуту грозной опасности державы зорко слѣдятъ другъ за другомъ, какъ бы которая-нибудь изъ нихъ не высадила больше войска въ Китаѣ, такъ что единодушіе державъ только кажущееся.

Каковы будутъ результаты этой борьбы, возникшей въ Китаѣ, предсказать трудно. Несомнѣнно одно, что настоящія затрудненія начнутся лишь тогда, когда возстаніе будетъ подавлено и Европа приступитъ къ ликвидаціи своего участія въ этомъ. Въ дѣйствительности, со времени возстанія таппинговъ спокойствіе никогда не наступало въ Китаѣ и скрытое броженіе, подъ вліяніемъ распространенія тайныхъ обществъ, продолжалось во всей имперіи. Въ 1890—1891 г. вспыхнули серьезныя возмущенія, напоминавшія возстаніе таппинговъ и вызванныя членами одного изъ самыхъ вліятельныхъ обществъ, носившаго названіе «Ассоціаціи старшихъ братьевъ». Общество это имѣло послѣдователей среди всѣхъ классовъ населенія, но оно было такъ хорошо организовано, что правительство долго не могло найти нити этой организаціи. Однимъ изъ основателей этой обширной ассоціаціи былъ вице-король Нанкина Тсенгъ-Кво-Чангъ. «Ассоціація старшихъ братьевъ» своими цѣлями, принципами и направленіемъ очень напоминала нѣкоторыя изъ современныхъ политическихъ ассоціацій Европы. Эта ассоціація добивалась непосредственнаго участія народа въ управленіи страной и проповѣдывала экономическія реформы, по всей вѣроятности навѣянныя знакомствомъ предводителей этой ассоціаціи съ нѣкоторыми демократическими теоріями западныхъ государствъ. Члены этого братства прибѣгали къ курьезному способу, чтобы заставить вице-королей исполнять свою волю. Если какой-нибудь вице-король противился, то они производили въ его провинціи нападенія на иностранцевъ. Это немедленно влекло за собою представленія иностраныхъ державъ, и китайское правительство бывало вынуждено смѣщать вице-короля въ видѣ удовлетворенія. Такимъ образомъ, вице-короли волей-неволей должны были покоряться «братьямъ», если дорожили своими мѣстами.

Самымъ опаснымъ врагомъ этого братства былъ Лихунгъ-Чангъ и дѣйствительно онъ съумѣлъ подавить его дѣятельность или, вѣрнѣе, заставилъ это братство превратиться въ другую ассоціацію, быть можетъ въ «Большихъ кулаковъ», которые теперь внушаютъ такую тревогу европейцамъ.

Причины разыгрывающихся въ Китаѣ событій очень глубоки. Взрывъ подготовлялся постепенно, но европейцы сами ускорили его. Уже теперь въ германской печати происходитъ горячая полемика по поводу того, кто долженъ нести на себѣ отвѣтственность за нынѣшнія событія. Несомнѣнно, что захватъ территорій игралъ тутъ большую роль, но не малая доля принадлежитъ также

миссіонерамъ, насаждавшимъ христіанство въ Китаѣ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ успѣшности ихъ дѣятельности, можно только сказать, что въ результатѣ они принесли болѣе зла, чѣмъ пользы, и посѣяли сѣмена ненависти и раздора тамъ, гдѣ нужно было сѣять сѣмена любви. На востокѣ даже сложилась поговорка: «Сначала миссіонеръ, потомъ консулъ, а потомъ генералъ». Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ опредѣляется самымъ конкретнымъ образомъ роль миссіонеровъ. Они являются какъ бы предшественниками захвата. Вслѣдъ за ними появляется консулъ въ странѣ, и если дѣятельности миссіонера будетъ воздвигнуто препятствіе или онъ подвергнется какимъ-либо непріятностямъ, насиліямъ, оскорбленіямъ и т. д., то немедленно является «генералъ», т.-е. европейское войско и завоеваніе страны представляетъ уже свершившійся фактъ. Китайцы поэтому смотрятъ на миссіонеровъ, какъ на незваныхъ пришельцевъ, явившихся безъ всякаго повода и нарушающихъ гармонію китайской жизни, а обращенныхъ въ христіанство туземцевъ, отрекшихся отъ фундаментальныхъ принциповъ, на которыхъ зиждется китайское общество, они считаютъ «сорною травой, которую надо вырвать съ корнемъ изъ засѣяннаго поля».

Въ одной изъ англійскихъ газетъ былъ напечатанъ разговоръ съ однимъ образованнымъ китайцемъ, членомъ какого-то тайнаго общества, быть можетъ «Большихъ кулаковъ». Онъ горячо возставалъ противъ обращенія Европы съ Китаемъ и очень порицалъ миссіонеровъ, которые самымъ ожесточеннымъ образомъ конкурируютъ другъ съ другомъ и проповѣдуютъ китайцамъ новую религію, между тѣмъ какъ сами не могутъ никакъ разрѣшить свои споры о догматахъ. Точно также китаецъ возмущался дѣйствіями европейцевъ, навязывающихъ китайцамъ свои желѣзныя дороги, фабрики и т. д. только потому, что все это нужно имъ самимъ. Потрясая вѣковые устои китайской жизни насильственно, а не постепенно, измѣняя ея строй, европейцы сами вызвали катастрофу. И теперь имъ приходится пожинать лишь то, что они сами посѣяли.

Высшее коммерческое образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Вопросъ о необходимости высшаго коммерческаго образованія рѣшенъ въ Соединенныхъ Штатахъ утвердительно. Въ теченіе долгаго времени учебныя заведенія, подготовлявшія къ профессіи коммерсанта, придерживались очень узкой программы. Такъ называемыя «Bussiness Colleges» принимали учениковъ и ученицъ во всякое время года и въ два-три мѣсяца снабжали ихъ необходимыми техническими познаніями для полученія мѣста конторщика, бухгалтера или коммивояжера. Всѣ эти коллегіи представляли частныя предпріятія, и основатели ихъ извлекали для себя большія выгоды, такъ какъ въ ученицахъ и ученикахъ никогда не чувствовалось недостатка, а преподаваніе состояло исключительно изъ практическихъ занятій, причемъ продолжительность не была установлена разъ навсегда. Смотря по способностямъ ученика и за заранѣе условленную плату, можно было кончить курсъ раньше или позже, но большею частью признавалось достаточнымъ пройти трехмѣсячный курсъ, чтобы получить всѣ нужныя познанія. Популярность «Business Colleges» возрастала и успѣхъ ихъ былъ такъ великъ, что огромное большинство школъ для средняго образованія (Public high Schools) внесли коммерческій курсъ въ свою программу. Возникшая вслѣдствіе этого конкуренція между частными коммерческими школами и школами для средняго образованія принесла хорошіе результаты. Прежде всего это отразилось на расширеніи программы, такъ какъ школы стали стремиться не только къ тому, чтобы выпускать конторщиковъ и бухгалтеровъ, а чтобы подготовить знающихъ коммерсантовъ, настоящихъ дѣловыхъ людей. Вмѣстѣ съ этимъ, значительно расширился и умственный кругозоръ учениковъ этихъ школъ. Мало-по-малу возникла идея о необходимости высшаго коммерческаго образованія и мысль объ учрежденіи высшихъ коммерческихъ курсовъ. Какъ это всегда бы-

ваетъ въ Америкѣ, тотчасъ же явилась на помощь частная инициатива, сдѣланы были крупныя пожертвованія на открытіе частныхъ школъ высшихъ коммерческихъ наукъ или же устройство коммерческихъ курсовъ при университетахъ. Университетъ штата Нью-Іоркъ первый оказалъ поддержку коммерческимъ школамъ и, вѣроятно, другіе штаты скоро послѣдуютъ этому примѣру.

Какое огромное распространеніе имѣютъ коммерческія школы въ Соединенныхъ Штатахъ, доказываютъ, между прочимъ, слѣдующія цифры: въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ числится 341 частныхъ «Commercial Schools» или «Bussiness Colleges» и 80.000 учениковъ и ученицъ, посѣщающихъ эти школы или коммерческіе курсы, открытые при среднихъ школахъ, внесшихъ въ свою программу коммерческія науки. Но къ этому числу надо теперь прибавить еще 10.000, посѣщающихъ высшіе коммерческіе курсы, учрежденные при университетахъ, академіяхъ и нормальныхъ школахъ.

Пенсильванскій университетъ учредилъ спеціальный факультетъ подъ названіемъ Wharton Schools of finance and economy», на деньги (100.000 долларовъ), пожертвованныя фабрикантомъ Жозефомъ Іортономъ. Курсъ коммерческихъ наукъ продолжается два года и въ програму входитъ главнымъ образомъ политическая экономія, политическія науки, статистика, торговое законодательство, устройство торговыхъ бюро и торговая журналистика. На этотъ спеціальный двухлѣтній курсъ поступаютъ по окончаніи общаго классическаго образованія.

Чикагскій университетъ также учредилъ секцію коммерческихъ наукъ въ 1898 г. подъ именемъ «College of commerce and politics». Въ програму этой секціи также входитъ политическая экономія, политическія науки, исторія, соціологія и современные языки. Первые два года ученики, поступившіе въ эту коллегію, проходятъ общій курсъ коммерческихъ наукъ и только затѣмъ переходятъ на спеціальные курсы, причемъ они подраздѣляются на три группы: коммерческихъ наукъ, политики и журналистики. Выборъ группы предоставляется ученику, смотря по тому, желаетъ ли онъ посвятить себя изученію чисто коммерческихъ наукъ или же намѣревается заниматься политикой и работать въ журналистикѣ.

Калифорнскій университетъ также открылъ недавно коммерческую коллегію. Это высшая коллегія, требующая уже отъ учениковъ извѣстныхъ знаній при поступленіи. Счетная часть, веденіе конторскихъ книгъ совсѣмъ не преподаются въ этой коллегіи; ученикъ долженъ быть уже знакомъ съ этими предметами. Въ коллегіи читаются лекціи по политической экономіи, финансовымъ наукамъ, статистикѣ, исторіи торговли, земледѣлія, промышленности и труда, а также лекціи торговаго законодательства, технологіи, географіи, современныхъ языковъ и товаровѣдѣнія.

Въ Нью-Іоркѣ въ скоромъ времени открывается коллегія коммерческихъ наукъ, куда будутъ приниматься ученики не моложе шестнадцати лѣтъ и кончившіе курсъ классической средней школы. Въ коллегіи предполагается четырехлѣтній курсъ. Такимъ образомъ, начало высшему коммерческому образованію уже положено и дальнѣйшее движеніе въ этомъ направленіи пойдетъ, конечно, очень быстро.

Женскій митингъ въ Лондонѣ. Огромныя зала въ Лондонѣ (Queen's Hall), въ которой свободно могутъ помѣститься до четырехъ тысячъ человѣкъ, едва могла вмѣстить всѣхъ желающихъ присутствовать на женскомъ митингѣ, устроенномъ 2-го іюня южно-африканскимъ комитетомъ примиренія, съ цѣлью дать возможность женщинамъ высказать свой взглядъ на южно-африканскую политику правительства и намѣреніе лишить республики свободы и независимости. Конечно, большинство публики на этомъ митингѣ составляли женщины,

тутъ можно было найти женщинъ самыхъ разнообразныхъ классовъ общества, начиная отъ простыхъ работницъ и кончая представительницами англійскаго High life'а, сидѣвшими рядомъ съ ними. Ораторами на митингѣ были только женщины, причемъ, по отзывамъ серьезныхъ англійскихъ органовъ печати, рѣчи отличались большою содержательностью и полнымъ отсутствіемъ праздной болтовни. Предсѣдательница митинга, мистриссъ Куртней, въ краткихъ и прочувствованныхъ словахъ изложила цѣли и значеніе митинга. «Мы пригласили васъ сюда,—сказала она,—не за тѣмъ, чтобы слушать рѣчи какихъ-нибудь важныхъ и знаменитыхъ политическихъ дѣятелей, но чтобы предоставить вамъ случай высказать свой протестъ противъ южно африканской войны,—войны, заклейменной, по нашему мнѣнію, отъ самаго своего происхожденія. Финансовыя причины не могутъ оправдывать войну и только благодаря вѣроломнымъ уловкамъ дипломатіи Англія, проникнутая чувствомъ справедливости, могла начать подобную недостойную войну. Я говорю: «проникнутая чувствомъ справедливости», потому что я твердо увѣрена, что если бы нашъ народъ не былъ введенъ въ заблужденіе и искусственно возстановленъ противъ населенія южноафриканскихъ республикъ, то эта братоубійственная война не имѣла бы мѣста и не была бы занесена на страницы англійской исторіи». Далѣе ораторша указала на то, съ какимъ стараніемъ распространялись въ англійской публикѣ всякія ложныя свѣдѣнія о бурахъ, какъ тщательно выискивали все то, что говорило не въ ихъ пользу, заставляя англійскую публику смотрѣть сквозь увеличительное стекло на всѣ ихъ недостатки». Самоотверженіе и героизмъ англійскихъ солдатъ составляютъ единственную свѣтлую точку на этомъ мрачномъ горизонтѣ, залитомъ кровью. Они исполнили свой долгъ,—воскликнула съ чувствомъ ораторша,—и теперь мы должны исполнить свой! Нашъ же долгъ повелѣваетъ намъ говорить и громко протестовать противъ «несправедливаго окончанія несправедливой войны». Намъ говорятъ, что окончательное торжество Англіи въ южной Африкѣ уже близко. Но это торжество должно имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ окончательное исчезновеніе обѣихъ республикъ. Знамя, за которое они такъ мужественно сражались, изорвано и повергнуто въ прахъ. Ихъ свобода и независимость должны перестать существовать. И вотъ, противъ этого-то мы и должны протестовать. Очень возможно, что наши протесты не будутъ услышаны, что мы безсильны остановить преступленіе, но это не даетъ намъ права молчать и равнодушно взирать на то, какъ на нашихъ глазахъ попираются человѣческія права и справедливость. Мы не можемъ безмолвно допускать то, что искренно считаемъ безчестіемъ для своей страны!..»

Въ заключеніе мистриссъ Куртней сообщила о полученіи массы писемъ и телеграммъ изъ разныхъ странъ и отъ разныхъ женскихъ обществъ: всеобщей лиги мира, голландской лиги международнаго разоруженія и др. Нѣкоторыя изъ полученныхъ телеграммъ и посланій были прочтены тутъ же на митингѣ и вызвали громъ апплодисментовъ. Затѣмъ одна изъ присутствующихъ дамъ прочла стихи мистера Уильяма Уатсона, спеціально написанные для этого случая.

Слѣдующая ораторша, мистриссъ Томкинсонъ, въ своей рѣчи указала на то, что свобода слова теперь нарушается въ Англіи. Она напомнила о тѣхъ насиліяхъ, которымъ подверглись люди, осмѣлившіеся высказывать свои взгляды на южно-африканскую политику и порицать поведеніе Англіи: ихъ заставили молчать! Развѣ такой фактъ былъ бы возможенъ въ другое время въ свободолюбивой Англіи? Но теперь всѣ понятія смѣшались и люди въ своемъ ослѣпленіи попираютъ ногами ту самую свободу, которую они привыкли уважать съ самаго дѣтства. Ораторша прибавила, что она никогда не жалѣла о томъ, что она родилась женщиной, а теперь она болѣе чѣмъ когда-либо рада этому, такъ какъ изъ всего населенія Великобританіи въ настоящее время только женщины пользуются правомъ свободно высказывать свои мысли о политикѣ

правительства. только онѣ однѣ могутъ не опасаться, что ихъ заставятъ замолчать посредствомъ оскорбленій и угрозъ и закроютъ митингъ. «Война эта выдвинула на сцену цѣлую массу противорѣчій,—сказала ораторша.—Подумайте только! Оффиціальнымъ поводомъ къ войнѣ послужило желаніе дать политическія права извѣстной части населенія, слѣдовательно, идея справедливости, а между тѣмъ въ результатѣ на добрую часть британскаго населенія теперь надѣты «намордники»! Съ негодованіемъ выставлялось на видъ, что уитлендерамъ не разрѣшались митинги. А между тѣмъ, развѣ мало было случаевъ закрытія митинговъ у насъ въ послѣднее время? Какъ часто блюстители закона и порядка объявляли, что они не могутъ разрѣшить митинга изъ опасенія безпорядковъ? Какъ трудно было въ послѣднее время найти помѣщеніе для такого «опаснаго» митинга, какъ митингъ мира! И такую сумятицу въ понятіяхъ о правдѣ и свободѣ произвела нынѣшняя война!»

Ораторша предложила вотировать резолюцію, выражающую протестъ противъ нарушенія свободы слова. Это предложеніе поддержали и другія ораторши. «Мы заплатили въ прошломъ слишкомъ дорогою цѣной за это право и не можемъ допустить, чтобы отъ насъ его отняли,—сказала одна изъ нихъ.—За первымъ шагомъ непремѣнно послѣдуютъ другіе. Если мы дадимъ лишить себя свободы слова, то затѣмъ отъ насъ постепенно отнимутъ и другія права. Въ странѣ будетъ введена воинская повинность и никто не посмѣетъ протестовать противъ этого!» Резолюція была вотирована единогласно. Также точно единогласно были вотированы и всѣ другія резолюціи, выражающія сочувствіе бурамъ, порицаніе войнѣ и протестъ противъ посягательства на свободу и независимость республики.

Одна изъ ораторшъ указала на важное соціальное значеніе митинга, объединившаго всѣ классы общества. Одна общая идея связываетъ всѣхъ присутствующихъ на митингѣ и эта идея—идея справедливости и свободы.

Даръ англійскихъ рабочихъ. Въ свое время мы сообщали нашимъ читателямъ объ открытіи въ Оксфордѣ рабочей коллегіи имени Джона Рёскина. Коллегія эта была основана полтора года тому назадъ американскими послѣдователями Рёскина. Во главѣ этого предпріятія находился Вальтеръ Фруменъ, который при открытіи коллегіи сказалъ въ своей рѣчи, что «цѣль учрежденія—предоставить молодымъ людямъ, не имѣющимъ средствъ, возможность пользоваться всѣми пособіями и преимуществами Оксфордскаго университета и хотя бы только въ теченіе короткаго періода, жить въ соотвѣтствующей обстановкѣ и заниматься подъ опытнымъ руководствомъ. Тутъ, среди чудныхъ садовъ, луговъ и рощъ сосредоточены всѣ пособія, какія нужны для ученія: прекрасныя библіотеки, музеи и историческіе памятники; живущіе въ коллегіи могутъ пользоваться ими и изучать ихъ подъ руководствомъ опытныхъ учителей».

Такъ говорилъ одинъ изъ главныхъ учредителей коллегіи и, конечно, эта коллегія, созданая на средства американцевъ, привлекла вниманіе всей страны и въ особенности возбудила сочувствіе рабочихъ элементовъ. Множество молодыхъ рабочихъ записывалось въ коллегію и она сразу пріобрѣла огромную популярность въ странѣ. Особенно большою популярностью пользуются теперь курсы преподаванія конституціонной исторіи Англіи. На эти курсы записалось около 1.500 человѣкъ, преимущественно молодыхъ людей изъ рабочихъ союзовъ и различныхъ кооперативныхъ обществъ. По воскреснымъ днямъ масса рабочихъ направляется въ Рёскинъ-Голлъ, такъ что теперь уже устроены спеціальные поѣзда.

Но «долгъ, платежемъ красенъ» и англійскіе рабочіе, желая выразить свою благодарность американскимъ друзьямъ, подарившимъ имъ такое прекрасное учрежденіе какъ рабочая коллегія, рѣшили отплатить тѣмъ же и устроить на

свои средства такую же коллегію для американскихъ рабочихъ. Отъ намѣренія до исполненія въ Англіи не такъ далеко и зародившаяся въ средѣ рабочихъ идея тотчасъ же была осуществлена. Множество рабочихъ союзовъ и кооперативныхъ обществъ, а также отдѣльныхъ рабочихъ подписались въ пользу этого учрежденія. Жертвовали кто сколько могъ и были даже пожертвованія въ одинъ—два шиллинга, но въ результатѣ все таки образовалась сумма въ 4.000 ф. стерлинговъ. Надняхъ двое представителей общества рабочихъ отправились въ Америку для передачи этихъ денегъ на устройство рабочей коллегіи. Выбраны для этой миссіи два главныхъ руководителя движенія рабочихъ союзовъ: Боуэрманъ и Секстонъ. Проводы этихъ уполномоченныхъ были очень торжественны. Прощальный митингъ, на которомъ предсѣдательствовалъ лондонскій епископъ, отличался особеннымъ многолюдствомъ и была вотирована резолюція, выражающая братскія чувства англійскихъ рабочихъ американскимъ рабочимъ.

Но на уполномоченныхъ рабочихъ союзовъ возложена еще другая миссія, кромѣ врученія денегъ на устройство рабочей коллегіи въ Сен-Луи (родина Фрумена). Они должны передать американскимъ рабочимъ союзамъ приглашенія на празднованіе годовщины открытія коллегіи Рёскина (22-го февраля, день рожденія Вашингтона) въ Оксфордѣ. Организаторы этого празднества ставятъ себѣ слѣдующія цѣли: 1) содѣйствовать лучшему взаимному пониманію и дружбѣ между двумя демократіями, имѣющими одинъ общій языкъ—англійскій; 2) содѣйствовать введенію такихъ мѣръ и организаціи такой системы народнаго образованія, которая помогла бы освоиться всѣмъ вожакамъ народныхъ движеній съ возникновеніемъ и ростомъ тѣхъ учрежденій общихъ обѣимъ странамъ, которыя были куплены дорогою цѣной чуть ли не десятилѣтней тяжелой борьбы; 3) постараться, по мѣрѣ возможности, остановить нездоровыя стремленія, обнаружившіяся въ послѣднее время въ извѣстной части американской политики; 4) отпраздновать достойнымъ образомъ вторую годовщину основанія первой рабочей коллегіи и почтить память великаго англичанина, который былъ основателемъ американской республики, и 5) всенародно и единогласно признать ту истину, что, несмотря на временныя разногласія и недоразумѣнія и кажущееся столкновеніе интересовъ, оба народа, говорящіе на одномъ языкѣ и имѣющіе одинаковыя свободныя учрежденія, органически связаны между собой и имѣютъ общіе интересы и общую судьбу. Итакъ, рабочіе Англіи протягиваютъ черезъ океанъ руку рабочимъ Америки, приглашая ихъ вмѣстѣ трудиться и поддерживать великую идею равенства и братства.

Въ Америкѣ уже готовятся къ пріему англійскихъ делегатовъ и, конечно, американцы не ударятъ лицомъ въ грязь и съумѣютъ принять своихъ гостей, являющихся къ нимъ съ миссіей благодарности и дружбы.

Поѣздка въ Клондайкъ. Въ послѣднее время объ американскомъ Эльдорадо—Клондайкѣ ничего не слышно, тогда какъ только годъ тому назадъ всѣ газеты были переполнены разсказами о трудностяхъ пути, о несмѣтныхъ богатствахъ Клондайка и т. п. Цѣлыя полчища искателей счастья и приключеній устремились туда и среди негостепріимной, суровой природы крайняго сѣвера возникли цѣлыя общины и города. Конечно, жизнь въ этихъ городахъ, выросшихъ на золотѣ, крайне своеобразна. Теперь уже установлено болѣе или менѣе правильное сообщеніе съ этою мѣстностью, хотя путешествіе туда все-таки сопряжено съ большими трудностями. Впрочемъ, мистеръ Гейльприкъ,—недавно издавшій книгу о Клондайкѣ («Alasko and the Klondyke a Journey to the New Eldorado»), увѣряетъ, что эти затрудненія вовсе не такъ велики, какъ ихъ представляютъ себѣ большинство путешественниковъ. Гейльприкъ высказываетъ даже предположеніе, что слухи о чрезмѣрныхъ трудностяхъ пути были нарочно распущены тѣми, кто не желалъ, чтобы въ Клондайкъ устремля-

лось слишкомъ много золотоискателей, съ которыми потомъ приходилось затѣвать споръ изъ-за участковъ. Однако, никакіе разсказы о трудностяхъ и опасностяхъ не остановили, конечно, одержимыхъ золотою лихорадкою людей, устремившихся со всѣхъ концовъ земного шара въ Клондайкъ. Однако, теперь въ Клондайкъ ѣздятъ уже не одни золотоискатели, а также туристы и въ этомъ году двое такихъ господъ совершили туда путешествіе на автомобилѣ. Гейльнрикъ также принадлежитъ къ числу туристовъ. По его словамъ, главнымъ бичомъ путешественниковъ по этой странѣ служатъ москиты. Что же касается трудностей Чилькоотскаго горнаго прохода, то альпійскіе горные туристы навѣрное нашли бы ихъ сущими пустяками, особенно въ такое время года, какое выбирается для путешествія въ Клондайкъ. Самое трудное ожидаетъ путешественника впереди, въ столицѣ Клондайка Даусонъ Сити. Конечно, онъ не можетъ и помышлять ни о какомъ комфортѣ, но за все долженъ платить ужасающую цѣну. Главный отель Даусонъ Сити не имѣетъ ни стеколъ въ окнахъ, ни какой бы то ни было иной мебели, кромѣ самыхъ простыхъ кроватей и сколоченныхъ изъ досокъ столовъ. Гейльнрикъ сообщаетъ нѣкоторыя цѣны продуктовъ, которые мы приводимъ ради курьеза: фунтъ масла стоитъ одинъ долларъ (около двухъ рублей), дюжина яицъ, не очень свѣжихъ, $2^1/_2$ доллара, огурцы по пяти долларовъ за штуку, а арбузы по 25. Конечно, наживаются и богатѣютъ въ этой странѣ золота не золотоискатели, а торговцы. Между этими послѣдними происходитъ настоящее состязаніе. Относительно выписки товаровъ соблюдается самая строгая тайна изъ опасенія конкуренціи. Жители Даусонъ Сити невзыскательны ни насчетъ комфорта, ни насчетъ качества продаваемаго имъ товара, за который они платятъ громадныя деньги; они довольствуются лишь самымъ необходимымъ. Населеніе этого Эльдорадо, какъ и слѣдовало ожидать, самое разношерстное и грубое; но тутъ встрѣчаются представители всевозможныхъ національностей. Нравы этого населенія вовсе не такъ уже плохи, убійства и грабежи составляютъ гораздо болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ во всѣхъ другихъ золотоносныхъ мѣстностяхъ. Въ Клондайкѣ даже существуетъ теперь общественная жизнь. Мѣстные и заѣзжіе артисты устраиваютъ театральныя представленія и концерты. Конечно, исполненіе оставляетъ желать многаго, но публика бываетъ довольна и восторженно привѣтствуетъ каждаго пѣвца и пѣвицу, хотя бы они пѣли самыми разбитыми голосами. Въ этомъ году въ Даусонъ Сити даже появилась печать, представителемъ которой служитъ только одна газета, но зато у нея нѣтъ конкурентовъ и на всемъ свѣтѣ нѣтъ такой другой дорогой газеты. Газета эта называется «Dawson Daily News» и печатается въ Даусонъ Сити. Въ Европѣ у нея нѣтъ подписчиковъ и туда она не проникаетъ, но въ Клондайкѣ она пользуется большою популярностью. Въ газетѣ есть рубрика, озаглавленная такъ: «The News when it is News» («Новости, когда они имѣются»). Это заглавіе дѣлаетъ честь искренности и добросовѣстности редактора. Въ Клондайкѣ, кажется, больше всего ощущается недостатокъ въ новостяхъ, такъ какъ сообщенія съ Европой очень затруднительны въ смыслѣ дороговизны. Впрочемъ, въ Даусонъ Сити есть уже телеграфъ и слово стоитъ около доллара — это не такъ ужъ дорого, если сравнить съ цѣнами на нѣкоторые предметы необходимости. Но въ Клондайкѣ, повидимому, нѣтъ особенной потребности получать извѣстія изъ Европы; жителей больше интересуютъ мѣстныя извѣстія, вродѣ, напримѣръ, слѣдующаго: «Опасности голода не существуетъ; 10.000 тоннъ съѣстныхъ припасовъ уже отправлены въ Юконъ!» Понятно, — вопросъ о пищевыхъ запасахъ интересуетъ жителей больше, чѣмъ политическія разногласія европейскихъ государствъ и даже война англичанъ съ бурами. Передовая статья газеты всегда бываетъ посвящена какому-нибудь мѣстному и практическому вопросу, касающемуся постройки жилищъ, выписки товаровъ и т. д. Хроника представляетъ самый обширный отдѣлъ газеты и въ

разныхъ извѣстіяхъ и приключеніяхъ никогда не бываетъ недостатка. Спортъ также занимаетъ въ газетѣ не послѣднее мѣсто и цѣлые отчеты печатаются о разнаго рода состязаніяхъ. бѣгахъ единоборствахъ и т. п. Прибытіе двухъ путешественниковъ, совершившихъ переѣздъ въ Клондайкъ, на автомобилѣ, конечно, дало обильную пищу газетѣ; мѣстные репортеры немедленно отправились ихъ интервьюировать и наполнили своими отчетами цѣлые столбцы газеты. На послѣдней страницѣ газеты напечатаны объявленія и, между прочимъ, тамъ попадаются такія объявленія, «Поразительная дешевизна; пара башмаковъ 20 долларовъ».

«Dawson Daily News», какъ мы уже сказали, самая дорогая газета на свѣтѣ. Одинъ нумеръ ея въ розничной продажѣ стоитъ 1 фр. 25 сант., а полугодовой абонементъ обходится въ 100 фр.. годовой—175 фр. Есть, впрочемъ, для небогатыхъ людей дешевое еженедѣльное изданіе, обходящееся въ 50 фр. при подпискѣ на полгода. Однако, такая безпримѣрно высокая цѣна газеты вызывается не столько желаніемъ ея издателей нажиться и тѣмъ, что у нея нѣтъ конкурентовъ, сколько дороговизной всякаго труда. Типографщикъ среднимъ числомъ въ день зарабатываетъ не менѣе 25 долларовъ и потому печатаніе газеты обходится слишкомъ дорого. Все это указываетъ, что Клондайкъ является обѣтованной землей никакъ не для золотоискателей, мечтающихъ найти золотой самородокъ, а для всякаго рода предпріимчивыхъ людей, умѣющихъ извлекать золото, не изъ нѣдръ земли, а изъ кармановъ своихъ многочисленныхъ кліентовъ.

Избирательная компанія въ Соединенныхъ Штатахъ: демократы и республиканцы. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года Соединенные Штаты должны будутъ обновить свою палату представителей и избрать 447 депутатовъ, которые въ январѣ будущаго года выберутъ новаго президента республики, вступающаго въ отправленіе своихъ обязанностей 4-го марта 1901 года. Несмотря, однако, на такой отдаленный срокъ выборовъ, уже теперь избирательная компанія находится въ самомъ разгарѣ и американцы переживаютъ горячее время. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ четыре политическія партіи, но въ сущности только двѣ изъ нихъ играютъ выдающуюся роль въ политикѣ страны, остальныя же двѣ служатъ только для поддержки. Популисты, которыхъ во Франціи назвали бы соціалистами, располагаютъ 220.000 голосовъ, другая же партія—партія трезвости, политическая программа которой основывается на запрещеніи спиртныхъ напитковъ, располагаетъ приблизительно 130.000 голосовъ. Но эти обѣ политическія группы не имѣютъ большого значенія для предстоящей компаніи, такъ какъ битва будетъ происходить, главнымъ образомъ, между республиканцами и демократами. 14 милліоновъ избирателей приблизительно поровну распредѣляются между обоими лагерями и колебанія бываютъ обыкновенно незначительными и только на послѣднихъ президентскихъ выборахъ Макъ Кинлей побѣдилъ своего противника, демократическаго кандидата, большинствомъ 612.000 голосовъ.

Демократы очень долго держали въ своихъ рукахъ политическую власть въ Соединенныхъ Штатахъ, за 110 лѣтъ существованія республики больше половины президентовъ были изъ партіи, которая воплощала въ себѣ демократическую идею и новый идеалъ правительства, свободнаго отъ всякихъ централистскихъ и монархическихъ стремленій, господствующихъ на старомъ континентѣ. Центральная власть подъ вліяніемъ управленія демократической партіи была доведена до минимума, индивидуальная же свобода и независимость—до максимума. Страна многіе годы благоденствовала подъ управленіемъ демократической партіи, руководствовавшейся великими принципами человѣческой свободы. Около 1857 года народилась новая политическая партія—республикан-

ская, поставившая своею миссией освобожденіе негровъ. Тогда-то началась борьба свободнаго труда и высокой заработной платы сѣвера съ рабскимъ и дешевымъ трудомъ юга. Прообразъ этой борьбы мы можемъ видѣть и теперь въ Европѣ, гдѣ дешевый трудъ олицетворяетъ итальянскій пролетаріатъ, итальянскіе рабочіе, и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ борьбѣ съ желтой расой, съ рабочими, являющимися изъ Китая. Сѣверъ одержалъ верхъ надъ югомъ. Республиканцы, во главѣ съ Линкольномъ, водворились у власти въ 1861 г. и только два раза послѣ того демократы одерживали надъ нимъ побѣду и кандидатъ ихъ вступалъ въ «Бѣлый домъ».

Республиканцы, послѣ войны за освобожденіе, должны были нести большіе расходы. Надо было вознаграждать военныхъ, выплатить долги. Но они очень искусно нашли источники доходовъ. Этими источниками послужили налоги, но которые такъ ловко были составлены, что американскій гражданинъ не чувствовалъ ихъ бремени непосредственно. Всего больше долженъ былъ платить иностранецъ. Высокая таможенная пошлина, неслыханная въ экономической исторіи народовъ, была наложена на всѣ заграничные товары. Подъ вліяніемъ этихъ пошлинъ, стѣснявшихъ заграничную торговлю, американская индустрія начала быстро развиваться и выростали колоссальныя богатства на почвѣ капиталистическаго фабричнаго производства. Благодаря такому режиму республиканская партія пустила глубокіе корни въ странѣ. Имѣя богатый бюджетъ въ своихъ рукахъ, партія эта, чтобы привлечь на свою сторону побольше элементовъ, основала систему выдачи пенсій ветеранамъ войны за свобожденіе. И теперь, спустя 35 лѣтъ послѣ войны, такихъ пенсіонеровъ государства насчитывается въ Соединенныхъ Штатахъ больше, чѣмъ было солдатъ подъ знаменами, въ какое бы то не было время. Государство выдаетъ такихъ пенсій на 700 милліоновъ въ годъ, что было бы болѣе чѣмъ достаточно для содержанія самой большой постоянной арміи въ Европѣ. Такимъ образомъ, силу республиканской партіи составляютъ въ настоящее время элементы военные и протекціонистскіе. Централизація власти и громадный національный бюджетъ нисколько не пугаетъ эту партію; даже, наоборотъ, она стремится къ этому. Военная слава, громъ побѣдъ, развитіе флота и арміи—вотъ о чемъ мечтаютъ республиканцы. Чудовищные налоги, всею тяжестью обрушивающіеся на потребителя, но выгодные для крупной промышленности, не считаются ими зломъ. Даже, напротивъ, республиканская партія видитъ въ этомъ большую пользу для себя и страны. Такимъ образомъ, мало-по-малу подъ вліяніемъ управленія республиканской партіи и совершившейся съ нею эволюціи, американскія учрежденія перестали воплощать въ себѣ тѣ великіе принципы и великія идеи, которыя всегда выставлялись на видъ философами прошлаго вѣка, когда они восхваляли молодое государство, гордое своею независимостью.

Въ сущности, въ настоящее время, государство Соединенныхъ Штатовъ, за исключеніемъ своего названія и формы, приближается къ тѣмъ европейскимъ образцамъ, которые оно стремилось нѣкогда совершенно измѣнить. Во всякомъ случаѣ, въ данный моментъ Соединенные Штаты представляютъ воинственное милитаристское государство, съ централистскими стремленіями. Положимъ, что оно ограничиваетъ пока только коммерческую свободу въ своихъ предѣлахъ, но слѣдуетъ помнить, что ограниченіе дѣлается ради выгоды привилегированныхъ классовъ.

Въ виду такого положенія вещей, президентская компанія въ этомъ году пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Если снова одержитъ побѣду республиканская партія со своимъ кандидатомъ Макъ Кинлеемъ во главѣ, то весьма возможно, что великая американская республика вступитъ на тотъ путь, который она такъ старалась избѣгать въ первомъ періодѣ своего существованія, и усвоитъ себѣ всѣ дурныя привычки и свойства Европы, изнемогающей подъ бременемъ

милитаризма, империализма и т. п., начинающихъ уже пускать корни и въ молодой американской республикѣ.

Печать, конечно, принимаетъ очень дѣятельное участіе въ президентской избирательной компаніи. Возникла даже масса новыхъ газетъ, листковъ, сатирическихъ органовъ, существованіе которыхъ совершенно эфемерно, такъ какъ всѣ они имѣютъ въ виду только злобу дня—выборы, и когда все будетъ закончено, то, разумѣется, половина этихъ изданій перестанетъ существовать. Республиканская партія въ отношеніи пропаганды посредствомъ печати оставила позади демократическую партію, но на чьей сторонѣ будетъ побѣда—пока еще рѣшить невозможно, хотя шансовъ на сторонѣ Макъ Кинлея больше. Все будетъ зависѣть, конечно, отъ характера дальнѣйшихъ событій, могущихъ вызвать изворотъ въ общественномъ мнѣніи въ Соединенныхъ Штатахъ и заставить ихъ вернуться къ принципамъ демократовъ. Насколько это трудно, указываетъ между, прочимъ, слѣдующая исповѣдь одного изъ бывшихъ демократовъ, пользующихся популярностью въ Америкѣ. «Куда я ни посмотрю,—пишетъ этотъ бывшій демократъ,—я вижу дымящія фабричныя трубы, пылающіе горны и домны и т. п. Человѣкъ, желающій трудиться, всюду находитъ работу, недостатка въ ней нѣтъ. Наши суда, нагруженные продуктами нашего производства, развозятъ ихъ по всему міру. Вездѣ я вижу увеличивающееся благосостояніе и говорю себѣ: кто нибудь долженъ былъ заблуждаться три года тому назадъ и возможно, что это былъ я!»

Изъ области женскаго движенія. Въ Копенгагенѣ, на одной изъ лучшихъ улицъ находится столярная мастерская, пользующаяся извѣстностью во всемъ городѣ. Мастерская эта устроена дочерью одного дѣтскаго школьнаго учителя, Екатериною Гораболль, которая сначала изучала столярное ремесло въ Копенгагенѣ въ качествѣ подмастерья, а затѣмъ отправилась въ 1894 г. въ Берлинъ и тамъ поступила работницей въ художественную столярную мастерскую. Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ этой мастерской она отправилась въ Лондонъ и несмотря на всѣ трудности и лишенія, которыя ей приходилось преодолѣвать, такъ какъ средства ея были очень ограничены, она упорно стремилась къ своей цѣли и, достигнувъ высокой степени совершенства въ избранной ею профессіи, она вернулась на родину и открыла художественную мастерскую. Изящная искусная работа мастерской скоро обратила на себя вниманіе. Въ городѣ всѣ заговорили объ ней и датское высшее общество начало дѣлать ей заказы. Но успѣхъ мастерской превзошелъ всѣ ожиданія, послѣ того какъ мастерская выставила на художественной выставкѣ мебель въ стилѣ рококо, которая была продана за высокую цѣну. Благосостояніе мастерской теперь вполнѣ упрочено. Учредительница ея уплатила въ короткое время всѣ долги, которые она сдѣлала чтобы организовать свое дѣло. Мастерская завалена теперь заказами, не только, мѣстными; она поставляетъ свои издѣлія въ Норвегію, Швецію и даже Россію. Въ мастерской работаютъ и женщины, и мужчины и въ настоящее время уже введенъ восьмичасовой рабочій день и порядки въ ней считаются образцовыми. Учредительница ея пользуется весьма почтенною репутаціею и признается такимъ авторитетомъ въ промышленныхъ вопросахъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ сочло нужнымъ назначить ее членомъ коммиссіи для выдачи патентовъ. Это первый случай назначенія женщины на такую должность.

Въ Берлинѣ, въ Шарлотенгофѣ, состоялось собраніе женскаго союза соціальной помощи, на которомъ г-жа Эрна Вейгертъ прочла очень интересный докладъ «О лѣтней помощи взрослымъ и дѣтямъ». Она подробно сообщила о разныхъ колоніяхъ, устроенныхъ для лѣтняго отдыха и для выздоравливающихъ и въ особенности возбудила интересъ своихъ слушательницъ своимъ описаніемъ такихъ учрежденій, устроенныхъ въ Англіи для работницъ. Очень многія семьи,

живущія за городомъ, изъявили желаніе дать пріютъ работницамъ по воскресенымъ и праздничнымъ днямъ. Такимъ образомъ, работницы, осужденныя проводить цѣлыя дни въ душной мастерской въ теченіе лѣта, могутъ отдыхать по праздникамъ гдѣ-нибудь за городомъ, на чистомъ воздухѣ, причемъ онѣ пользуются помѣщеніемъ и столомъ, предоставляемымъ имъ обществомъ соціальной помощи за самую ничтожную плату, такъ какъ общество это высказывается противъ даровой помощи, какъ унизительной для здороваго трудящагося человѣка. Но разумѣется, больные, слабые и выздоравливающіе получаютъ все это даромъ и вообще, могутъ разсчитывать на всякую помощь и поддержку общества. Пребываніе въ семьѣ, среди здоровой деревенской обстановки, хотя бы даже въ теченіе самаго короткаго времени, оказываетъ все-таки благодѣтельное вліяніе на фабричныхъ работницъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Дѣятельность этого общества распространилась въ настоящее время на всѣ большіе центры и германскій женскій союзъ соціальной помощи организуетъ по образцу англійскаго общества такую же дѣятельность въ Германіи.

На этомъ же собраніи былъ прочитанъ докладъ о дѣятельности фабричныхъ инспектриссъ въ разныхъ странахъ. Въ Германіи назначеніе женщинъ на эти должности встрѣчаетъ сопротивленіе во многихъ кругахъ и даже недавно доказательствомъ въ пользу того, что женщины совсѣмъ не нужны въ этой области, былъ выставленъ тотъ фактъ, что въ Веймарѣ, въ теченіе цѣлаго года, никто изъ работницъ не обратился къ дамѣ, занимающей мѣсто фабричнаго инспектора и ея существованіе какъ бы игнорировали. Конечно, по меньшей мѣрѣ странно дѣлать общій выводъ на основаніи единичнаго факта и то, что къ этой дамѣ никто не обращался въ теченіе года, еще не доказываетъ безполезность фабричныхъ инспекторовъ-женщинъ. Отчетъ о ихъ дѣятельности, прочитанный на указанномъ собраніи, во всякомъ случаѣ говоритъ въ пользу введенія женской фабричной инспекціи, тѣмъ болѣе, что въ Германіи число фабричныхъ работницъ возросло съ 1882 г. на 23,6 проц. Достойно вниманія также, что число замужнихъ женщинъ, работающихъ на фабрикѣ, также увеличилось вдвое за это время. Въ 1895 г. насчитывалось 1.057.653 замужнихъ женщинъ среди фабричныхъ работницъ. Такое огромное число, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ союза соціальной помощи, говоритъ не въ пользу благоденствія страны. Въ Соединенныхъ Штатахъ, напримѣръ, число замужнихъ женщинъ, работающихъ на фабрикахъ, падаетъ, а не возрастаетъ, какъ въ Германіи. Какъ бы тамъ ни было, но необходимость работать на фабрикѣ отвлекаетъ хозяйку и мать отъ ея прямыхъ обязанностей въ домѣ и семьѣ. Однако, на это можно возразить, что далеко не одни только экономическія условія страны заставляютъ женщинъ принимать участіе въ промышленной дѣятельности и уже поэтому не слѣдуетъ ограничивать дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи.

Что касается женщинъ фабричныхъ инспекторовъ, то въ Англіи, гдѣ онѣ давно уже существуютъ, работа ихъ признана въ высшей степени полезной. Нѣкоторыя изъ нихъ уже составили весьма цѣнныя изслѣдованія труда вообще и женскаго труда въ особенности, такъ что въ настоящее время въ Англіи не можетъ быть даже никакого вопроса о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ назначать женщинъ на эти должности. Остальныя страны Европы подвигаются впередъ въ отношеніи расширенія правъ женщины гораздо медленнѣе Англіи. Такъ, напримѣръ, въ Австріи женщинамъ трудно добиться даже простого расширенія программы средняго женскаго образованія. Основанная недавно на частныя средства въ Вѣнѣ женская гимназія съ курсомъ мужскихъ гимназій съ трудомъ можетъ существовать и поэтому женское общество содѣйствія высшему женскому образованію обратилось къ министру просвѣщенія съ петиціей о назначеніи субсидіи женской гимназіи, чтобы спасти ее отъ прозябанія. О судьбѣ этой петиціи пока еще ничего неизвѣстно.

Въ цюрихскомъ университетѣ въ этомъ году обратила на себя вниманіе диссертація на докторскую степень г-жи Зельмы Ленгефельдъ, избравшей своею спеціальностью изученіе архивовъ и представившей уже нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій въ этой области. Г-жа Зельма Ленгефельдъ—первая женщина, избравшая такую спеціальность. Ей пришлось сдавать университетскій экзаменъ по исторіи, санкскритскому языку и дипломатіи въ связи съ изученіемъ архивовъ, паmографіи и хронологіи. До поступленія своего въ Цюрихъ г-жа Ленгефельдъ уже имѣла степень «Lady Eitterate of Arts», полученную ею въ университетѣ «St. Anduws».

Нѣмецкія газеты, даже съ рѣзко выраженнымъ консервативнымъ оттѣнкомъ, считаютъ нужнымъ довести до свѣдѣнія своихъ читателей объ этомъ успѣхѣ молодой дѣвушки и гордятся тѣмъ, что этотъ успѣхъ выпалъ на долю соотечественницы и притомъ еще происходящей изъ рода Ленгефельдовъ, откуда происходила жена Шиллера.

Въ заключеніе сообщаемъ, что на каѳедру математики въ Стокгольмскомъ университетѣ, которую нѣкогда занимала Софья Ковалевская, теперь снова назначена женщина докторъ математики Анна Бедель.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«The Humanitarian».—«Contemporary Review». — «The Forum».—«Ethische Kultur».

Вопросъ объ обезпеченіи старости принадлежитъ къ числу очень важныхъ вопросовъ соціальнаго законодательства. Въ Новой Зеландіи, странѣ соціальныхъ экспериментовъ по преимуществу, введена въ видѣ опыта система пенсій, выдаваемыхъ по достиженіи извѣстнаго возраста, въ другихъ же странахъ вопросъ этотъ, нѣсколько разъ выдвигаемый на сцену, до сихъ поръ не рѣшенъ окончательно; впрочемъ, въ Бельгіи онъ уже прошелъ въ палатѣ представителей. «Старость больше всего даетъ себя чувствовать женщинамъ,—говоритъ г-жа Барретъ въ своей статьѣ въ журналѣ «Humanitarian».—Въ самомъ дѣлѣ, очень мало такихъ занятій которыя могутъ доставить заработокъ и доступны старухамъ. Во многихъ профессіяхъ 50 лѣтъ составляютъ для женщины предѣльный возрастъ, а въ 60 женщина лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ заработать себѣ средства къ жизни. Въ услуженіе почти нигдѣ не принимаютъ старухъ и, достигнувъ предѣльнаго возраста, женщина осуждена терпѣть безъисходную нужду, тѣмъ болѣе, что лишь немногія изъ женщинъ зарабатываютъ въ теченіе своей жизни такъ много, что могутъ къ старости отложить что-нибудь.

Въ Англіи по послѣдней переписи женщинъ старше 60 лѣтъ насчитывается 1.182.029; въ Ирландіи—259.279. Такой большой процентъ старухъ въ Ирландіи объясняется тѣмъ, что ежегодно эмиграція уноситъ оттуда множество молодыхъ элементовъ; 80 проц. ирландскихъ эмигрантовъ находится въ возрастѣ отъ 15 до 35 лѣтъ. И въ странѣ остаются по преимуществу старые, больные или малолѣтніе, находящіеся въ большей или меньшей зависимости отъ той помощи, которую оказываетъ имъ общественная благотворительность или родственники. Г-жа Барретъ предлагаетъ на обсужденіе вопросъ объ учрежденіи фонда, съ помощью правительственной субсидіи, изъ котораго выдавалась бы небольшая пенсія (напр., пять шиллинговъ въ недѣлю) каждой незамужней женщинѣ или вдовѣ старше 60 лѣтъ. Такъ какъ все-таки въ государствѣ не мало найдется женщинъ, которыя окажутся въ старости настолько обезпеченными. что не станутъ брать грошовую пенсію, то расходъ этотъ не можетъ лечь слишкомъ тяжелымъ бременемъ на государство и не потребуетъ увеличенія налога благотворительности, который въ Англіи и безъ того не

малъ. Но помощь старухамъ составляетъ нравственную обязанность государства, которая до сихъ поръ какъ-то совершенно упускалась изъ вида. Въ Англіи вопросъ объ обезпеченіи старости снова отложенъ, тогда какъ онъ требуетъ скорѣйшаго разрѣшенія.

Въ томъ же номерѣ «Humanitarian» напечатана статья профессора Кина, заключающая въ себѣ характеристику буровъ. По мнѣнію профессора голландскіе африкандеры должны представлять въ глазахъ наблюдательнаго антрополога совершенно спеціальный интересъ. Это въ дѣйствительности новый типъ человѣчества, происхожденіе котораго хорошо извѣстно, а развитіе можно свободно прослѣдить черезъ весь періодъ его сравнительно короткой исторической жизни. «Новымъ» этотъ типъ слѣдуетъ называть потому, что онъ развивался внѣ всякихъ вліяній, какія обыкновенно взаимно оказываютъ другъ на друга двѣ сталкивающіяся цивилизаціи высшей расы человѣчества. Буры развивались въ совершенно новой обстановкѣ. Они не сохранили связи со своею прежнею родиной и перестали быть голландцами, занявъ совершенно отдѣльное мѣсто, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, среди арійскихъ народностей.

Однако въ своей оцѣнкѣ этого «новаго типа» проф. Кинъ высказываетъ большую строгость и односторонность. Онъ находитъ въ немъ массу недостатковъ и единственнымъ смягчающимъ обстоятельствомъ признаетъ лишь то, что бура нельзя считать «отвѣтственнымъ существомъ», также какъ и негра. «Ни того, ни другого нельзя назвать безнравственнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, — говоритъ профессоръ, — вѣрнѣе нравственность у нихъ отсутствуетъ совершенно». Но тутъ профессоръ дѣлаетъ различіе между первобытнымъ буромъ, долгое время сохранявшимъ въ неприкосновенности свои нравственныя черты во время своихъ странствованій по широкимъ равнинамъ южной Африки, и по горамъ, и современнымъ буромъ, съ которымъ приходится теперь сталкиваться англичанамъ въ нынѣшнюю войну. Первый былъ трудолюбивый фермеръ, не выносящій никакого контроля, абсолютно честный и религіозный и страстно любящій личную независимость, потребность которой у него развилась во время притѣсненій и несправедливостей колоніальной администраціи. Но «новый буръ» пріобрѣлъ много нежелательныхъ чертъ характера съ наступленіемъ «золотой эры» въ Трансваалѣ. Любовь къ независимости превратилась у буровъ въ стремленіе составить привиллегированный классъ, отвергающій права всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ этому классу. Перечисливъ всѣ недостатки современныхъ буровъ, — отъ которыхъ впрочемъ далеко не свободны и англичане, да и другія европейскія націи,—профессоръ приходитъ къ заключенію, что буры не могутъ быть «правителями» и не слѣдуетъ имъ давать свободу, которой они могутъ злоупотребить къ ущербу прочихъ національностей, появившихся въ Трансваалѣ.

Такой выводъ почтеннаго профессора ясно указываетъ, что собственно онъ имѣетъ въ виду, анализируя «новый типъ» представляемый бурами въ настоящее время. Статья его помимо нѣкоторыхъ оригинальныхъ взглядовъ на эволюцію, которой подверглись голландскіе колонисты, спасавшіеся отъ притѣсненій въ африканской пустынѣ, заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, апологію англійской политикѣ въ южной Африкѣ и ея возможнаго исхода—поглощенію двухъ южно-афраканскихъ республикъ.

Американскій гражданинъ изъ штата Виргинія Филиппъ Брюсъ говоритъ въ своей статьѣ въ «Contemporary Review», что одною изъ труднѣйшихъ проблемъ, какія ожидаютъ Англію, когда она станетъ, по окончаніи трансваальской войны, владычицей южной Африки, будетъ та, съ которою теперь приходится возиться и Соединеннымъ Штатамъ, т.-е. негритянскій вопросъ. Англичане те-

перь осуждаютъ поведеніе Южныхъ Штатовъ въ отношеніи негровъ,—говоритъ Брюссъ, — и каждый гражданинъ Южныхъ Штатовъ, побывавшій въ Англіи, непремѣнно долженъ вынести впечатлѣніе, что англичане совершенно свободны отъ всякихъ расовыхъ предразсудковъ и «имѣть черную кожу» вовсе не считается предосудительнымъ въ глазахъ англичанина. Даже болѣе: къ негру англичанинъ относится гораздо снисходительнѣе, нежели къ китайцу, японцу или индійцу. Но когда имъ придется столкнуться съ полуцивилизованными негритянскими расами въ южной Африкѣ, то весьма вѣроятно, что они измѣнятъ свое мнѣніе и окажется, что рѣшить негритянскій вопросъ гораздо труднѣе, нежели устранить всѣ тѣ затрудненія, на которыя наталкиваются англичане въ своихъ отношеніяхъ съ болѣе или менѣе просвѣщенными туземцами въ своихъ индійскихъ владѣніяхъ.

Брюсъ старается оправдать дѣйствія и отношенія американскаго населенія къ неграмъ. Послѣ войны въ южныхъ штатахъ были введены законы, воспрещающіе браки между обѣими расами, но въ этихъ предупредительныхъ мѣрахъ, вызванныхъ страхомъ сліянія черной и бѣлой расы подъ вліяніемъ освобожденія негровъ, не оказалось надобности, такъ какъ антагонизмъ между расами никогда не исчезалъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ онъ умолкалъ настолько, что становилось возможно сближеніе между бывшими рабами и господами. По словамъ Брюса, въ самомъ началѣ, тотчасъ же послѣ войны, подъ вліяніемъ наплыва гуманитарныхъ чувствъ, сближеніе это скорѣе было возможно, нежели теперь. Но съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ условій, въ которыхъ очутились Соединенные Штаты, антагонизмъ обѣихъ расъ принялъ очень острый характеръ и перешелъ въ открытую вражду. Какъ гражданинъ Южныхъ Штатовъ Брюсъ, конечно, всецѣло возлагаетъ отвѣтственность за такое невыносимое положеніе вещей, какое въ настоящее время существуетъ въ Южныхъ Штатахъ, на африканскую расу, совершенно неспособную къ ассимиляціи, и на экономическія условія, вызванныя освобожденіемъ негровъ и обострившія борьбу за существованіе. Ненависть между обѣими расами все возрастаетъ. Нравственный уровень черной рассы попрежнему очень низокъ и въ борьбѣ за существованіе негръ, какъ работникъ, непремѣнно долженъ уступить мѣсто болѣе способному и умѣлому бѣлому рабочему. По мнѣнію Брюса негритянская раса осуждена на вымираніе, подобно краснокожей расѣ, и только эмиграція могла бы спасти ее, но негры предпочитаютъ медленно умирать на той почвѣ, куда они были насильственно перевезены, нежели покинуть ее. Въ этомъ-то и заключается трагизмъ расоваго вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ.

«Прошлой весной, на конгрессѣ американской академіи политическихъ наукъ въ Филадельфіи китайскій посланникъ Кутингъ-Фангъ въ горячей и краснорѣчивой рѣчи убѣждалъ своихъ слушателей обратить вниманіе на положеніе дѣлъ въ Китаѣ. Лучшіе люди, мужчины и женщины, американской и европейской культуры, не должны долѣе допускать, чтобы въ обращеніи съ китайскимъ государствомъ провозглашалось бы только право сильнаго и ничего большее! Конфуцій 25 столѣтій тому назадъ сказалъ, что богатство, пріобрѣтенное нечистыми средствами будетъ растрачено также нечистымъ образомъ. «Что такое цивилизація?—говоритъ китаецъ.—Развѣ она означаетъ только обладаніе большею силой и большими запасами оружія? Я думалъ, что цивилизація означаетъ возрастающее уваженіе къ правамъ своихъ ближнихъ. Цивилизація не разрѣшаетъ отнимать чужое имущество безъ согласія владѣльца. Было бы очень печально, если бы конецъ XIX-го вѣка ознаменовался подобнымъ нарушеніемъ основныхъ жизненныхъ законовъ человѣчества. Въ такомъ случаѣ я предпочитаю лучше не называться цивилизованнымъ человѣкомъ».

Далѣе китайскій посланникъ заговорилъ объ убійствѣ миссіонеровъ и коснулся труднаго положенія китайскаго правительства. Что бы сдѣлало американское правительство и могло ли бы оно остановить возмущенныя народныя массы, еслибъ народъ пришелъ въ ярость вслѣдствіе проповѣди буддійскихъ миссіонеровъ, начавшихъ строить свои школы и церкви въ Соединенныхъ Штатахъ и объявившихъ, что христіанство устарѣло и уже не удовлетворяетъ своимъ цѣлямъ? Китай вовсе не враждебенъ прогрессу, но исчезновеніе старинныхъ обычаевъ и пріобрѣтеніе новыхъ привычекъ не можетъ произойти такъ скоро въ такой громадной народной массѣ. Для этого прежде всего нуженъ миръ. «Или мы хотимъ вернуться въ средніе вѣка?—сказалъ посланникъ.—Я не могу повѣрить, что міръ началъ идти назадъ и думаю, что во всякой странѣ найдутся мужчины и женщины, которые готовы протестовать всѣми силами противъ попиранія правъ слабаго и притѣсненія и тираніи правительствъ».

Профессоръ Ферстеръ горячо осуждалъ какъ насильственное насажденіе культуры въ Китаѣ, такъ и всю европейскую политику въ отношеніи Китая. Политика, впрочемъ, является результатомъ общаго направленія. Въ настоящее время почти всѣ европейскія націи стремятся къ тому, чтобы воспитывать въ себѣ грубую энергію, рѣзкость и стремленіе къ власти. Но культурная работа не можетъ совершаться при посредствѣ грубой силы и только тѣ изъ націй будутъ заслуживать названіе культурныхъ націй, которыя во-время прекратятъ свое участіе въ «кровавой работѣ» и всю свою энергію обратятъ на развитіе своихъ умственныхъ и этическихъ сторонъ, которыя однѣ только могутъ сдѣлать честь современной цивилизаціи.

Съ Парижской выставки.

(Общій обзоръ).

Путешественникъ еще далеко отъ Парижа, но воображеніе уже переноситъ его въ великій, очаровательный и шумный городъ; оно рисуетъ ему картину площадей и улицъ Парижа, его широкихъ, прямыхъ и красивыхъ бульваровъ, обсаженныхъ двумя рядами вѣковыхъ каштановъ, гдѣ по вечерамъ шумъ несмѣтной толпы наполняетъ пронизанную свѣтомъ тысячи лампъ атмосферу. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Парижу, всѣ разговоры въ вагонѣ сосредоточивались на выставкѣ; при въѣздѣ въ Парижъ, всѣ мы, иностранцы, вышли въ корридоръ вагона, въ надеждѣ увидать что-нибудь отъ выставки но наши ожиданія были напрасны: съ сѣверной стороны Парижа ея совсѣмъ не видно.

Въ самомъ городѣ ничто не напоминаетъ о выставкѣ. Стѣны зданій на моемъ пути были покрыты безчисленными афишами, но афиши эти относились не къ выставкѣ, а къ балотажу муниципальныхъ выборовъ, который долженъ былъ произойти на другой день. Многія изъ этихъ афишъ носили странныя заголовки, напечатанные громадными буквами: «Affolement général», «Il en a menti», «Démenti» «Dernière manoeuvre» и т. д. Это были, очевидно, отголоски тѣхъ любезностей, которыми кандидаты обмѣнивались между собой на стѣнахъ Парижа.

Наконецъ, послѣ всѣхъ перипетій путешествія, съ имперіала трамвая, ведущаго по правому берегу Сены, отъ театра Шателе къ выставкѣ, вы видите золотыя кровли ея бѣлыхъ дворцовъ. Передъ вами главный входъ выставки, такъ называемыя монументальныя ворота, поставленныя на Place de la Concorde. Они вполнѣ заслуживаютъ это названіе по своему объему, но представляютъ очень мало интереснаго съ эстетической стороны. Со всѣхъ сторонъ эти ворота покрыты зелеными, синими и фіолетовыми стеклами, что придаетъ имъ без-

вкусную пестроту и сходство съ внутренностью турецкихъ мечетей, гдѣ на бѣломъ, или синемъ фонѣ стѣнъ выдѣляются желтыя или красныя лампады (говорятъ, что за эту пестроту нѣкоторые журналисты прозвали монументальныя ворота «Саламандрой»). Стекла монументальныхъ воротъ—тѣ же лампады, въ которыя проведены тысячи электрическихъ проволокъ. Архитектурное искусство принесено здѣсь въ жертву эффекту иллюминаціи.

Монументальныя ворота состоятъ изъ трехъ большихъ арокъ, поддерживающихъ позолоченный куполъ. Одна изъ арокъ, выходящихъ на площадь Согласія, заканчивается фронтономъ, на которомъ изображена передняя часть корабля съ гербомъ Парижа, съ девизомъ « Fluctuat nec mergitur», съ золотымъ пѣтухомъ внизу; а надъ кораблемъ, вверху, на пьедесталѣ, стоитъ большая и безобразная статуя парижанки, одѣтой по послѣдней модѣ и протягивающей руки навстрѣчу своимъ гостямъ. Единственное, на чемъ можетъ съ удовольствіемъ остановиться глазъ въ этомъ безобразномъ сооруженіи, это—два декоративные барельефа сдѣланные ваятелемъ Гильо. Они сдѣланы изъ терракоты и изображаютъ трудъ, приносящій свои произведенія въ даръ выставкѣ. Представлено множество рабочихъ всѣхъ возрастовъ и ремеслъ, городскихъ и деревенскихъ, механиковъ съ колесами и инструментами, крестьянъ съ виноградными лозами, кузнецовъ съ молотками, жнецовъ съ серпами и косами; посреди телѣгъ, наполненныхъ снопами ржи, идутъ группы молодыхъ дѣвушекъ съ букетами въ рукахъ, рабочихъ съ молотами, и всѣ эти люди, съ энергическими лицами, движутся рѣшительными шагами. Глаза ихъ устремлены на одну центральную точку выставки, но точка эта можетъ быть замѣнена и чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе далекимъ и болѣе прочнымъ.

Подъ куполомъ главнаго входа съ двухъ сторонъ находятся двѣ пестрыя статуи богини электричества. Дальше вы вступаете уже за ограду выставки, но она еще скрыта отъ вашихъ глазъ деревьями аллеи Cours la Reine. Вы идете среди зеленаго лѣса гигантскихъ каштановъ и пестрыхъ садовъ и оранжерей, васъ охватываетъ прохладная и ароматическая атмосфера.

По обѣ стороны аллеи, между деревьями, разбросаны мраморныя и бронзовыя статуи и группы; около нѣкоторыхъ изъ нихъ толпится публика. Съ лѣвой стороны обращаетъ на себя вниманіе бронзовая группа дрезденскаго скульптора Генриха Эйлера, «Двѣ матери». Нахлынувшее наводненіе загнало на одну и ту же скалу—гдѣ-то возлѣ береговъ Индійскаго океана двухъ матерей: женщину и пантеру. Обнаженная женщина стремится спасти себя и своего ребенка, котораго прижимаетъ къ своей груди, отъ яростныхъ волнъ, уже заливающихъ ея ноги. Въ это время за ея спиной появляется пантера, держащая въ пасти дѣтеныша, однимъ скачкомъ она прыгаетъ на скалу, чтобы оставить его тамъ и вернуться къ другимъ своимъ дѣтямъ, которыхъ уже заливаетъ вода. Женщина съ отчаяніемъ оглядывается на неожиданную соперницу, которая хочетъ занять маленькое, остающееся на скалѣ мѣсто. Жестомъ, въ которомъ чувствуется напряженіе, она старается столкнуть пантеру, и въ то же время зоветъ на помощь. Крикъ ея теряется въ шумѣ разъяреннаго океана.

Дальше бронзовая группа изображаетъ Ромула и Рема, изъ корзины, въ которой ихъ несетъ нашедшій ихъ пастухъ, протягивающихъ руки къ вскормившей ихъ волчицѣ.

Вотъ еще одна группа, поражающая величиной своихъ фигуръ и дикой энергіей, которой дышатъ ихъ лица и члены. Это—часть колоссальной бронзовой группы, предназначающейся для фонтана въ Дрезденѣ. Она изображаетъ бурю, взволновавшую дно океана со всѣми его чудовищами. Тамъ разыгрывается цѣлая драма съ борьбой и страданіями; одни изъ чудовищъ корчатся въ борьбѣ съ болѣе сильными противниками, другія присоединяютъ свою пѣснь къ реву бури, дуя въ громадныя раковины.

Но самыя интересныя статуи и группы, большая часть которыхъ также нѣмецкія, стоятъ съ правой стороны. Публика останавливается съ особеннымъ любопытствомъ около бронзовой группы берлинскаго скульптора Кауера. Группа эта называется «Жажда», но ее было бы правильнѣе назвать «Правомъ сильнаго». Скульпторъ переноситъ насъ въ тропическія страны. Послѣ длиннаго перехода усталые и истомленные жаждой солдаты расходятся искать воды. Одинъ солдатъ находитъ маленькую лужу и забираетъ всю воду изъ нея въ свою шапку, и, когда онъ подноситъ ее ко рту, чтобы освѣжить пересохшее горло, другой солдатъ видитъ это, бросается на него, и, держа одной рукой болѣе слабаго товарища, другою схватываетъ шапку и выпиваетъ воду, въ то время какъ первый умоляюще и съ плачемъ протягиваетъ къ нему руки. При взглядѣ на эту группу такъ и вспоминается южная Африка. Съ той же стороны группа «Каинъ и Авель» берлинскаго скульптора Бегоса привлекаетъ вниманіе особеннымъ типомъ Каина. Послѣдній изображенъ тутъ съ тупымъ звѣрскимъ лицомъ, какъ настоящій «прирожденный» преступникъ, который, послѣ совершенія преступленія, не чувствуетъ ничего похожаго на раскаяніе, или ужасъ, а только спѣшитъ убѣдиться, что братъ его, дѣйствительно, мертвъ. Чешскій скульпторъ Винценуо Восмикъ выставилъ «Христа въ пустынѣ»— изъ молочно-бѣлаго мрамора, высокую фигуру съ тонкими, красивыми и благородными чертами лица и золотымъ ореоломъ вокругъ головы.

Но изъ всѣхъ группъ, выставленныхъ въ этой аллеѣ больше всего приковываетъ вниманіе зрителя группа «Христосъ послѣ снятія съ креста» берлинскаго скульптора Эберлейна. На эту тему до сихъ поръ работало столько живописцевъ и скульпторовъ, что публика привыкла не ожидать ничего новаго. Но въ твореніе Эберлейна вложено нѣчто, дѣйствительно, новое, его Христосъ представляетъ совершенно новый типъ: у него нѣтъ ни аристократическихъ и божественныхъ чертъ, которые ему придаетъ итальянская школа, ни грубо-мужественной, но неодухотворенной физіономіи здороваго, мускулистаго рабочаго, въ которой его изображаетъ фламандская школа. Правда, Христосъ Эберлейна также представляется человѣкомъ изъ народа,—изъ простонародья, но ему приданъ совершенно другой типъ. Это слабый и молодой человѣкъ—моложе своего настоящаго возраста, и кажется, что энтузіазмъ юности увлекъ его въ широкое освободительное движеніе, которому онъ далъ свое имя. И надъ исхудалымъ трупомъ склонилась маленькая и слабая женщина. Эта бѣдная мать, въ своей скудной, бѣдной одеждѣ, съ худымъ и блѣднымъ лицомъ невольно заставляетъ васъ искать на ея худыхъ пальцахъ слѣдовъ грубой и тяжелой работы. Она припала къ тѣлу и нескончаемымъ объятіемъ выражаетъ неизмѣримую скорбь, разрывающую сердце. Но, увы, ни горячія слезы, ни сила неисчерпаемой материнской любви не могутъ возвратить ея любимому сыну отнятой врагами жизни. Христосъ воскреснетъ для человѣчества, но это будетъ уже не индивидуальный человѣческій Христосъ, отирающій слезы своей матери,—мать остается безутѣшной...

Вотъ мы уже въ концѣ аллеи Cours la Reine и передъ глазами открывается чудесная картина выставки. Передъ вами всюду, куда хватаетъ вашъ глазъ, возвышаются великолѣпные, ослѣпительно-бѣлые дворцы, какъ будто только что вышедшіе изъ пѣны морской. Фасады и фронтоны этихъ зданій уставлены безчисленными статуями; надъ ихъ блистающими подъ солнцемъ кровлями поднимаются фантастическія богини, куполы, минареты, а дальше, на юго-западѣ, вырисовываются на синемъ, утреннемъ небѣ силуэты высокой башни и гигантскаго колеса. Этотъ новый городъ раскинулся по обоимъ берегамъ Сены среди роскошной растительности изъ каштановъ и пальмъ. Общій видъ чудесенъ: сочетаніе бѣлыхъ цвѣтовъ, отъ молочно-бѣлаго до сѣровато-пепельнаго, даетъ общее впечатлѣніе, которое хорошо выражается опредѣле-

ніемъ оффиціальныхъ каталоговъ—это «симфонія бѣлаго цвѣта». Съ архитектурной стороны выставка 1900 года представляется торжествомъ камня и гипса, тогда какъ на выставкѣ 1889 года преобладали кирпичъ, желѣзо и стекло. Типичнымъ образчикомъ этой новой архитектуры является извѣстный «Хрустальный дворецъ» въ окрестностяхъ Лондона. На теперешней выставкѣ эта архитектура представлена только Эйфелевой башней и дворцомъ машинъ на Марсовомъ полѣ. Оба зданія уцѣлѣли отъ прошлой выставки. Но оригинальность этой «новой» архитектуры не можетъ искупить отсутствія изящества въ ея формахъ. Въ періодъ нашей цивилизаціи, когда каждый метръ земли въ городахъ стоитъ такъ дорого, архитектура жертвуетъ красотой. Дома могутъ расти безпрепятственно только вверхъ, въ воздухъ, гдѣ ихъ коптитъ дымъ отъ фабричныхъ трубъ — другой врагъ изящной архитектуры. Легко понять, почему Рёскинъ отрицалъ прогрессъ архитектуры при современномъ экономическомъ строѣ.

Дворцы выставки представляютъ синтезъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ архитектурныхъ стилей; вы увидите тамъ копіи античныхъ храмовъ, образчики готической и византійской архитектуры, когда вѣрующее христіанство стремилось сократить путь къ Богу для своей молитвы и рвалось къ небу своими башнями и куполами, когда все было символомъ и идеей; увидите образцы эпохи возрожденія, представляющіе торжество воздуха и свѣта. Всѣ эти стили различно комбинированы въ постройкахъ выставки.

Говорить о выставкѣ сколько-нибудь подробно не по силамъ одному человѣку. Можно только намѣтить въ безконечной и пестрой перспективѣ, которую представляетъ выставка съ своими безчисленными отдѣлами, нѣсколько интересныхъ точекъ, на которыхъ могло бы остановиться утомленное вниманіе.

Выставка занимаетъ пространство въ 1.080.000 кв. метровъ, изъ которыхъ 540.000 кв. метровъ занято зданіями, а остальное—садами, парками и улицами. Это громадное пространство имѣетъ приблизительно форму трапеціи, основаніе которой лежитъ на правомъ, а короткая сторона на лѣвомъ берегахъ Сены. Сена пересѣкаетъ двѣ равныя стороны и идетъ параллельно и ближе къ основанію. Четыре угла трапеціи составлены на правомъ берегу Елисейскими полями и садами Трокадеро, а на лѣвомъ—Эспланадой инвалидовъ и Марсовымъ полемъ. На Елисейскихъ поляхъ помѣщается художественный отдѣлъ выставки, а въ садахъ Трокадеро—выставка французскихъ и иностранныхъ колоній. Дорога отъ Елисейскихъ полей къ Трокадеро по правому берегу Сены составляетъ такъ называемую Rue de Paris, на которой по правую сторону расположены театры и всевозможныя увеселительныя зрѣлища и выставка садоводства, а по лѣвую—выставка парижскаго городского совѣта и выставка по соціальной экономіи. Въ rue de Paris находится также и выставка стараго Парижа.

Съ праваго берега на лѣвый ведутъ четыре большихъ моста: мостъ Александра III, мостъ Инвалидовъ, мостъ Альма и Іена; кромѣ нихъ, построено еще три или четыре временныхъ моста. На лѣвомъ берегу, на Эспланадѣ инвалидовъ расположенъ отдѣлъ разныхъ отраслей промышленности, а на Марсовомъ полѣ выставка земледѣлія, рудничнаго дѣла, металлургіи и учебнаго дѣла. Тамъ же построены и дворецъ электричества, и водяная башня, тамъ, наконецъ, и башня Эйфеля, которую, послѣ панамскаго дѣла, здѣсь перестали такъ называть а называютъ: «tour de 300 metres»; разныя «приманки», которыми такъ изобилуетъ выставка, сосредоточены также на Марсовомъ полѣ. Марсово поле и эспланада Инвалидовъ соединяются улицей, которая называется «La rue des Nations», и гдѣ выстроены въ два ряда павильоны, или вѣрнѣе, дворцы разныхъ народовъ. Тамъ же устроена выставка военнаго дѣла и торговаго мореплаванія.

Вернемся теперь къ точкѣ нашего отправленія. Мы остановились въ ту

минуту, когда, въ концѣ аллеи Cours la Reine, смотрѣли на Елисейскія поля. Направо и налѣво передъ нами тянется аллея Николая II, которая пересѣкаетъ Елисейскія поля и продолжается, налѣво отъ насъ, красивымъ мостомъ Александра III и эспланадой Инвалидовъ. Видъ ея—одинъ изъ самыхъ живописнѣйшихъ: по обѣ стороны ея виднѣются два ряда высокихъ пальмъ, привезенныхъ изъ Ниццы, пестрые сады, изящные фонтаны, а среди нихъ — молочно-бѣлые дворцы художественной выставки—Большой и Малый. Дальше глазъ теряется въ зелени Елисейскихъ полей. Налѣво по аллеѣ выступаютъ мраморные, изящно декорированные столбы моста Александра III. Они увѣнчаны бронзовыми, позолоченными группами. Со стороны Елисейскихъ полей группы эти изображаютъ Славу и крылатыхъ коней фантазіи, стремящихся во всѣ стороны горизонта. Группы эти позолочены и удивительно красивы на бѣломъ фонѣ мрамора и въ синевѣ неба. У основанія каждой колонны, на пьедесталѣ стоятъ статуи, изображающія Францію въ разные моменты ея исторіи. По обѣимъ сторонамъ статуй входъ на мостъ охраняютъ группы львовъ, придающія какой-то особенный видъ легкости всей этой громадѣ изъ камня и желѣза. Дальше видна эспланада; мостъ Александра III находится на томъ же уровнѣ какъ и эспланада, и соединяется съ аллеей, проходящей между красивыми нескончаемыми дворцами эспланады. Аллея эта дѣлается все уже и кончается дворцомъ Инвалидовъ. Его строгія формы и знаменитый куполъ, какъ бы плавающій въ прозрачномъ воздухѣ, ограничиваютъ кругозоръ.

Малый дворецъ занимаетъ пространство въ 1.000 кв. метровъ, имѣющее форму трапеціи, основаніе которой выходитъ на аллею Николая II, а три другія теряются въ зелени Елисейскихъ полей. Главный входъ, къ которому публика поднимается по широкой, витой каменной лѣстницѣ, похожъ на церковную паперть. По обѣ стороны отъ входа, въ нишахъ между колоннами, помѣщаются символическія статуи. Оба конца фасада кончаются изваянными треугольными фронтонами. Вся кровля съ куполами окружена баллюстрадой. Малый дворецъ, вообще, красивѣе своего vis-a-vis—Большого дворца; размѣры не позволяютъ глазу сразу охватить его, отъ основанія до красивыхъ позолоченныхъ куполовъ, оканчивающихся платиновыми громоотводами. Въ центрѣ Малаго дворца есть внутренній дворъ, окруженный открытой галлереей, обставленной легкими гранитными колоннами, обвитыми поверху позолоченными гирляндами. Въ параллельныхъ галлереяхъ помѣщается ретроспективная выставка французскаго искусства.

Мы начинаемъ нашъ обзоръ съ ближайшей къ внутреннему двору галлереи. У самаго входа стоитъ статуя Меркурія съ жезломъ въ рукѣ. Это—довольно грубо сдѣланная статуя въ три метра высоты, образецъ французской скульптуры галло-римской эпохи. Статуя эта, явное подражаніе какому-нибудь римскому образцу; она найдена около Лезу, въ Овернскомъ департаментѣ. Скульптура, черпавшая всю свою силу изъ культа, которымъ пользовалась человѣческая личность въ античной, языческой цивилизаціи, исчезаетъ съ торжествомъ христіанства. Но скоро само христіанство зоветъ ее на помощь для украшенія своихъ храмовъ. Конечно, теперь уже искусству предъявляются другія требованія; оно тратится на статуэтки слоновой кости, изображающіе Мадонну съ Спасителемъ и сцены св. писанія. Измѣняется также и способъ выполненія. Скульпторы теряютъ соприкосновеніе съ природой. Святость сюжета заставляетъ ихъ представлять его возможно менѣе человѣческимъ и близкимъ природѣ; красивыя формы тѣла теряются подъ одеждой и все искусство сосредоточивается на передачѣ выраженія лица, но и тутъ скульпторы слѣдуютъ разъ принятой традиціи, изображая Божью Матерь съ тонкими, аристократическими чертами лица, а младенца Іисуса неизмѣнно кудрявымъ ребенкомъ. Во всякомъ случаѣ, мастерство художника проявляется въ исполненіи, даже при самыхъ пред-

взятыхъ его взглядахъ. Въ этомъ отношеніи интересны частныя коллекціи мадоннъ Оппенгейма, Мартена де-Руа, Шаландона, Гарбье и нѣкоторыхъ церквей. Въ коллекціи Оппенгейма привлекаетъ особенное вниманіе мраморная Мадонна, облаченная въ драгоцѣнныя одежды, на тонкихъ пальцахъ которой сверкаетъ перстень. Другая статуя представляетъ Божію Матерь, улыбающуюся Іисусу и подающую ему яблоко, но его чело уже омрачено тяжкой работой и онъ отталкиваетъ яблоко. Скульптура изъ слоновой кости достигла полнаго процвѣтанія въ XIII и XIV столѣтіяхъ; въ XV и XVI она уже начинаетъ уступать мѣсто монументальной скульптурѣ. Здѣсь же выставлены разные предметы художественной работы изъ слоновой кости, гребни, пороховницы и т. д. Прежде чѣмъ разстаться съ этою залой, упомянемъ цѣлый рядъ маленькихъ монаховъ-плакальщиковъ, изъ слоновой кости, снятыхъ съ гробницы герцога Беррійскаго. Это—работа XV столѣтія. Эти маленькія фигуры поражаютъ правдивостью и яркостью выраженія. Подъ рясой, скрывающей всѣ изгибы тѣла, подъ капюшономъ, закрывающимъ у нѣкоторыхъ даже лицо, художникъ съумѣлъ сохранить выраженіе; въ нихъ такъ и чувствуются сластолюбивые монахи той эпохи, предававшіеся всевозможнымъ наслажденіямъ жизни. Ихъ заплаканныя лица, по которымъ льются потоки слезъ надъ чужимъ гробомъ, невольно вызываютъ у васъ усмѣшку, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ римскіе авгуры, обернулись другъ къ другу и смотрятъ другъ другу въ глаза, какъ будто видятъ въ глубинѣ ихъ искры трудно сдерживаемаго смѣха. За залой издѣлій изъ слоновой кости идутъ бронзовыя издѣлія. Бронзовая скульптура галло-римской эпохи представлена очаровательной Венерой, найденной въ Шамберри, Морфеемъ, открытымъ въ Этаплѣ. Гермесомъ, Діонисіемъ, найденными въ Кауе и статуей Аполлона, вырытой въ Вопуаодсонѣ. Тулузскій музей прислалъ обломокъ украшенія одной колесницы. Онъ изображаетъ всадника на конѣ, на котораго бросился тигръ.

Эпоха Меровинговъ и Каролинговъ представлена саблями, монетами, иглами. Мы вступаемъ въ XII столѣтіе, гдѣ, вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ скульптуры изъ слоновой кости является прогрессъ и въ скульптурѣ изъ бронзы. Наиболѣе изящной является работа обломка свѣтильника съ семью свѣчами. Онъ присланъ изъ соборной церкви въ Сенъ-Реми. Онъ работанъ въ XII столѣтіи, и является, вмѣстѣ съ другими, подобными же вещами, подражаніемъ, будто бы, существовавшемъ нѣкогда въ Іерусалимскомъ храмѣ.

Интересны нѣкоторые бронзовые сосуды, фантастическихъ формъ, съ изображеніями на днѣ птицъ, змѣй и т. д., сабли, ключи и замки, ножи съ скульптурными ручками, брони нѣкоторыхъ французскихъ королей: Генриха II, Франсуа I и II и др. Брони эти изъ разноцвѣтныхъ пластинокъ и напоминаютъ чешую. Здѣсь же выставленъ шлемъ Карла IX, который такъ малъ, что одинъ изъ организаторовъ ретроспективной выставки Малаго дворца заявилъ въ газетѣ «Le Matin», что Карлъ IX былъ, вѣроятно, идіотъ-микроцефалъ. Въ залѣ бронзовыхъ издѣлій нужно отмѣтить центральную витрину, въ которой помѣщается фигура, представляющая легенду, какъ хитрость побѣждаетъ умъ: женщина, мегера, сидитъ на плечахъ философа Аристотеля и ведетъ его куда хочетъ.

Какъ и всѣ коллекціи Малаго дворца, коллекція глиняныхъ вещей, слѣдующая непосредственно за коллекціей бронзовыхъ издѣлій, не представляетъ непрерывной серіи образцовъ, а имѣетъ значительные пропуски. Послѣ красивыхъ образцовъ галло-римскаго издѣлія мы вступаемъ въ XIII и XIV столѣтія—эпоху возрожденія искусства во Франціи. Взглядъ посѣтителя невольно останавливается на богатыхъ коллекціяхъ братьевъ Ротшильдовъ, временно данныхъ ими выставкѣ. Дальше идетъ выставка церковной утвари, иконъ и статуй, окованныхъ золотомъ и осыпанныхъ драгоцѣнными камнями, разныя издѣлія изъ эмали, дорогія церковныя облаченія съ драгоцѣнными кружевами. Дальше

идутъ издѣлія изъ кожи, художественные переплеты книгъ. Въ внѣшней галлереѣ выставлены деревянныя издѣлія, части дверей знаменитыхъ церквей XII и XIII столѣтій, кровати, сундуки и т. д. Здѣсь есть цѣлыя комнаты, обставленныя старинною мебелью временъ разныхъ Людовиковъ. Когда посѣтитель выходитъ наконецъ отдохнуть на какой-нибудь изъ балконовъ, то его разгоряченное воображеніе начинаетъ рисовать ему прошедшее. Передъ его глазами снова проходятъ, какъ пестрый калейдоскопъ, видѣнные имъ предметы и образы людей, работавшихъ или употреблявшихъ ихъ. Какъ растопленная лава въ моментъ застыванія сохраняетъ въ своихъ безчисленныхъ изгибахъ и складкахъ фантастическія отраженія послѣднихъ дуновеній вѣтра, такъ и духъ прошедшихъ поколѣній оставляетъ на вѣчной матеріи слѣды своего прохожденія. Эти тысячи памятниковъ—отраженія радостей и страданій, стремленія къ счастью и удобству, воплощеніе слабостей и недостатковъ человѣка, его тщеславія и дурныхъ и хорошихъ наклонностей.

Противъ Малаго дворца выстроенъ Большой. Онъ занимаетъ пространство въ 40.000 кв. метровъ. Съ архитектурной стороны это вѣрный типъ выставочныхъ зданій. Это—соединеніе разныхъ варіантовъ античнаго стиля съ стилемъ эпохи возрожденія. Красивыя колонны, на которыхъ высѣчены дубовые и лавровые листья, безчисленныя статуи и группы, разбросанныя по всѣмъ угламъ зданія, дополняютъ впечатлѣніе, которое оно производитъ само по себѣ, своей формой и бѣлизной. Все зданіе имѣетъ форму цифры 8, лежащей во всю длину между аллеей Николая II и аллеей Антенъ. Изъ трехъ дверей средняя ведетъ въ главное отдѣленіе, весь куполъ котораго стеклянный. Здѣсь вы движетесь среди цѣлаго лѣса статуй, группъ и памятниковъ, изъ которыхъ статуя Виктора Гюго, работы Фальгьера, имѣетъ нѣсколько десятковъ метровъ въ высоту и достигаетъ до верхнихъ стеколъ. Это выставка французскихъ произведеній послѣднихъ 10-ти лѣтъ. Большая часть изъ нихъ были навѣяны греческой и римской миѳологіей.

Здѣсь же находится и большая часть выставленныхъ иностранныхъ произведеній скульптуры, венгерскихъ и сербскихъ историческихъ памятниковъ, американскихъ конныхъ группъ. Послѣ возвратимся ко всему этому, а пока отмѣтимъ большую бронзовую группу Эрнесто Віонди, названную «Finis Romae».

Второе, меньшее отдѣленіе, второй кругъ цифры 8, содержитъ коллекцію скульптурныхъ произведеній за сто лѣтъ. Налѣво и направо отъ него идутъ галлереи, предназначенныя для той же цѣли. Столѣтняя скульптурная выставка бѣдна, такъ какъ организаторы, желая сдѣлать ее оригинальной, не выставили ничего изъ того, что уже было выставлено въ 1889 г., а собрали произведенія, находившіяся въ разныхъ провинціальныхъ музеяхъ. Вотъ, напримѣръ, два извѣстныхъ произведенія скульптора Гильома: «Анакреонъ» и «Братья Гракхи», которыя поражаютъ зрителя строгостью и благородствомъ чертъ съ примѣсью римской гордости. Рюдъ, выдающійся представитель романтической школы въ скульптурѣ, чудные Горельефы котораго, полные буйной страсти и мужественной энергіи покрываютъ парижскую тріумфальную арку, представленъ на выставкѣ очень слабо; изъ его произведеній выставлены только бюстъ Кавеньяка и статуя Жанны д'Аркъ. Полнѣе представленъ ученикъ его Карно, изъ работъ котораго отмѣтимъ неаполитанскаго рыбака и смерть Уголино, который, окруженный дѣтьми, въ сознаніи своей трагической участи, съ отчаяніемъ кусаетъ руки. Къ той же эпохѣ романтизма принадлежатъ Barrias, которому принадлежитъ «Первое погребеніе», погребеніе Авеля, котораго несутъ на рукахъ Адамъ и Ева. Трудно оторваться отъ этой картины, изображающей моментъ, когда печаль въ первый разъ провела морщины на лбу человѣка. Такой же дикой силой дышатъ произведенія другого замѣчательнаго представителя романтической школы, скульптора животныхъ—Fremief. Его есть нѣ-

сколько произведеній, выставленныхъ и въ отдѣленіи за послѣднія 10 лѣтъ. Въ отдѣленіи, гдѣ собраны произведенія за послѣднія сто лѣтъ, есть его группы: «Горилла, похищающая женщину», и «Поимка молодого слона».

Нужно упомянуть еще замѣчательный бюстъ Паганини, работы Давида Анжерскаго, представляющій знаменитаго музыканта съ одухотвореннымъ, но страдальческимъ лицомъ. Есть здѣсь нѣсколько бюстовъ Наполеона, работы Курбе, Шоде и др., статуя генерала Ганса, кардинала Ришелье Дюле, аллегорическое изображеніе рѣки Херольтъ, Инжабера и т. п. Скульпторы всѣ принадлежатъ къ разнымъ школамъ. Мы увидимъ, что всѣ эти теченія полнѣе представлены въ отдѣлѣ, гдѣ выставлены произведенія за послѣднія 10 лѣтъ, увидимъ и спеціальную выставку произведеній Родена, намѣчающихъ новое направленіе въ скульптурѣ: *субъективнаго реализма*, если можно такъ выразиться.

Мы переходимъ въ картинную выставку, гдѣ выставлены произведенія послѣднихъ ста лѣтъ.

Живопись, даже въ большей степени, чѣмъ литература, такъ какъ предметъ ея ограниченнѣе, отражаетъ политическія и общественныя движенія народовъ. При старомъ режимѣ она была условна и фальшива, какъ сама придворная жизнь и жизнь высшаго общества; наканунѣ и во время революціи, когда политическіе дѣятели обратились къ античной исторіи Греціи и Рима, ища добродѣтелей и подвиговъ, и живопись вступила на тотъ же путь классицизма. При имперіи, которая, съ своей сильной административной централизаціей и военной мощью поглощала всю жизнь Франціи, не давая свободы никакому проявленію духа, живопись не могла избѣгнуть общаго паденія и стала оффиціальной. Ея задачей стало увѣковѣчить подвиги и славу Наполеона.

Но реакція противъ этого рабскаго искусства не замедлила появиться въ романтизмѣ, который получилъ полный разцвѣтъ при реставраціи. Романтизмъ былъ не только протестомъ противъ оффиціальной живописи эпохи имперіи, но и стремленіемъ къ новымъ, болѣе широкимъ идеаламъ въ искусствѣ. Послѣднее должно было освободиться не только отъ лицемѣрной и лживой условности стараго режима, но и отъ строгихъ правилъ классицизма. Оно должно было получить свободу, черпать вдохновеніе, гдѣ хочетъ, въ античномъ мірѣ, или въ самой Франціи, въ исторіи, и въ природѣ, въ дворцѣ богача и въ хижинѣ бѣдняка. Это была эпоха сильныхъ страстей и желаній, горячей любви къ жизни и природѣ. Но главной чертой романтизма было проявленіе разныхъ состояній человѣческой души; онъ пользовался объективнымъ міромъ, какъ рамкой, въ которую вкладывалъ свой предвзятый идеалъ.

Реализмъ, наоборотъ, сталъ искать красоты въ самомъ этомъ внѣшнемъ мірѣ; но онъ забрасывалъ самую личность человѣка и послѣ болѣе или менѣе долгаго господства, уступилъ мѣсто новому теченію, импрессіонизму, который, съ тою же любовью къ природѣ и объективной истинѣ, соединялъ новый, субъективный элементъ, реабилитировалъ идеалъ и мечту.

Разцвѣтъ реализма относится къ іюльской монархіи. Онъ соотвѣтствовалъ тому общему позитивистскому теченію, которое выразилось въ исканіи объективныхъ законовъ, въ развитіи общества (Контъ), а въ политикѣ—въ организаціи совершеннаго правительства, какимъ должна была быть республика съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Духовное родство этихъ различныхъ проявленій французскаго духа видно изъ того, что самый знаменитый представитель реализма, Курбе, соединялъ въ себѣ демократа-республиканца и атеиста-философа.

На столѣтней картинной выставкѣ хорошо представлены всѣ эти теченія. Но и здѣсь нужно замѣтить то же самое, что мы сказали о скульптурной выставкѣ: здѣсь выставлены, по возможности, только картины, не фигуриро-

вавшія на предъидущей выставкѣ; онѣ взяты, большею частью, изъ разныхъ провинціальныхъ музеевъ, такъ что художники здѣсь представлены не самыми совершенными своими твореніями, а наименѣе извѣстными.

Залы столѣтней выставки расположены въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ, въ глубинѣ большого дворца.

Первыя залы нижняго этажа посвящены классикамъ революціонной эпохи и эпохи имперіи. Въ первой изъ нихъ помѣщаются произведенія Греза, и нѣсколько портретовъ, между которыми одинъ Сенъ-Жюста. Изъ другихъ художниковъ здѣсь есть Венсенъ, Швебахъ, портретисты, Мате, Виже-Лебрюнъ и Лемонтьè, считающійся одною изъ первыхъ ласточекъ романтизма. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ классической школы является Давидъ, нѣкоторыя произведенія котораго выставлены во второй залѣ и въ наружной галлереѣ. Давидъ съ высоты трибуны конвента, къ которому онъ принадлежалъ, какъ депутатъ, формулировалъ идеи новой школы. Его совѣтъ всѣмъ художникамъ былъ: «избѣгайте случайнаго, и воспроизводите только постоянное. Типъ красиваго не встрѣчается въ отдѣльныхъ личностяхъ, а только въ коллективномъ» Поэтому Давидъ придавалъ своимъ произведеніямъ благородныя и аристократическія черты героевъ Плутарха. Подъ его кистью Наполеонъ терялъ свое брюшко и всѣ черты его дышали особымъ благородствомъ и граціей. Въ этомъ отношеніи замѣчательна его картина коронованія, находящаяся въ Луврѣ, а на столѣтней выставкѣ есть другая, такая же громадная его картина: «Раздача на Марсовомъ полѣ знаменъ съ императорскими орлами», но всѣ считають ее ниже по выполненію первой картины. Въ залѣ № 2 есть нѣсколько картинъ разныхъ эпохъ развитія его генія: Смерть Уголино, написанная имъ въ молодости, и цѣлая серія портретовъ. Въ третьей залѣ помѣщены большія картины Гро, Жироде и другихъ извѣстныхъ продолжателей школы Давида. Гро писалъ большія батальныя картины и разныя торжества, «Наполеонъ верхомъ, дѣлающій смотръ», «Отъѣздъ Ангулемской герцогини» и т. д. Четвертая зала посвящена главнымъ образомъ Ингру, другому талантливому ученику Давида. Изъ большихъ его картинъ выставлены: «Обѣтъ Людовика VIII», взятая изъ соборной церкви въ Монтобанѣ; монархъ представленъ на ней на колѣняхъ, объятый религіознымъ экстазомъ передъ иконой Спасителя, весь облитый божественнымъ сіяніемъ.

Въ третьей залѣ есть еще нѣсколько картинъ перваго талантливаго романтика Жерико, эскизъ его знаменитой картины «Гибель корабля Медуза», но его смѣлость, увлеченіе и жаръ прорываются могучимъ потокомъ и опрокидываютъ искусственныя преграды классицизма въ его изображеніяхъ дикой природы. Вотъ его картина, изображающая дикую лошадь, укрощаемую двумя дикарями; эта картина хорошо показываетъ торжество человѣческаго разума и искусства надъ дикой природой.

Бываетъ часто, что въ теплую весну распускаются лѣтніе цвѣты: такъ же еще въ эпоху классиковъ, послѣдователей Давида, являлись новаторы въ живописи, опрокидывавшіе условность классицизма. Они не боялись искать сюжетовъ для своихъ картинъ въ обыденной народной жизни. Таковы, напримѣръ, маленькія картины Louis Boilles, изображающія сцены изъ народной жизни: «Безплатный входъ въ гостинницу» и Sutz Gesy—«Раздача вина въ Елисейскихъ поляхъ».

Въ V и VI залахъ мы попадаемъ въ самое сердце романтизма. Мы уже видѣли нѣкоторыя картины Жерико, выставленныя въ третьей залѣ. Идеаломъ новой школы была естественность и свобода въ выборѣ сюжета и способа выполненія. Самымъ плодовитымъ и талантливымъ изъ романтиковъ былъ Эженъ Делакруа. Здѣсь есть нѣкоторыя изъ самыхъ знаменитыхъ его картинъ: «Крестоносцы въ Константинополѣ» и «Греція», умирающая на развалинахъ Миссолонги,

и окруженная своими послѣдними защитниками. Онъ вложилъ въ нихъ весь жаръ своего таланта, всю силу своихъ впечатлѣній и увлеченій.

Рядомъ съ Делакруа выставлены и произведенія нѣкоторыхъ его учениковъ, Декана, Шассерье и др. Въ наружной галлереѣ на стѣнѣ выставлена фреска Шассерье изображающая «Миръ», уцѣлѣвшая отъ пожара въ счетной палатѣ во время коммуны.

Въ VI залѣ помѣщены картины другихъ учениковъ Делакруа.

Въ седьмой залѣ школа реализма, представленная самой блестящей звѣздой— Курбе. Судьба этого художника была довольно странной: онъ началъ служеніемъ искусству, а кончилъ политической карьерой; онъ былъ однимъ изъ членовъ парижской коммуны и вдохновителемъ проекта уничтоженія Вандомской колонны. Но непрактичность и отсутствіе житейской опытности сопровождало его и на этомъ пути. Мнѣ вспоминается странный эпизодъ во время его ареста. Когда агенты явились въ домъ, гдѣ онъ скрывался, онъ курилъ трубку, которая почти никогда не покидала его, и, прежде чѣмъ полицейскіе спросили его о чемъ - нибудь, сказалъ имъ: «Moi je ne suis pas Courbet!» («Я не Курбе»).

Самъ Курбе такъ формулировалъ свой идеалъ художника: «Я не знаю, реалистъ ли я, какъ это говорятъ и повторяютъ, но я знаю, что хочу изображать впечатлѣнія, какія получаю отъ міра, который я вижу. Я хочу быть не только художникомъ, но и живымъ человѣкомъ».

Но и предшественники Курбе не ограничивались копированіемъ, а были чѣмъ то большимъ; они даже подчиняли свой художественный талантъ предвзятымъ взглядамъ на искусство; Курбе же искалъ красоту вездѣ, и въ томъ, что его предшественники сочли бы недостойнымъ своей кисти.

Картины Курбе, выставленныя въ седьмой залѣ, получены, главнымъ образомъ изъ музея въ Монпелье. Между ними есть и извѣстная картина: «Bonjour M. Courbet!» Она изображаетъ встрѣчу художника на взморьѣ Палаваса (морская станція въ 7—8 верстахъ отъ Монпелье) съ извѣстнымъ собирателемъ картинъ и страстнымъ почитателемъ Курбе — Альфредомъ Брюйа. Курбе шелъ въ Палавасъ пѣшкомъ. Онъ одѣтъ въ рубашку, съ мѣшкомъ за спиной. Усталый отъ ходьбы и палящаго солнца, онъ едва бредетъ между песчаными холмами, когда неожиданное и веселое, «Bonjour M. Courbet!» заставляетъ его поднять голову. И въ этомъ быстромъ подъемѣ головы, удивленіи, написанномъ на лицѣ, обрамленномъ маленькой острой бородкой, во всей позѣ, принятой усталымъ, прерваннымъ въ своихъ мысляхъ и мечтахъ человѣкомъ, во всей обстановкѣ чувствуется такая жизнь и правда, что зритель совершенно забываетъ незначительность сюжета.

А вотъ другая большая картина: «Отдыхъ». Въ зеленой, густой травѣ около лѣса легли отдохнуть два погонщика воловъ; повидимому, они пообѣдали, невдалекѣ дремлютъ и ихъ волы, связанные другъ съ другомъ за рога; лѣсъ лѣниво колышется подъ вѣтромъ и шумъ листвы усыпляетъ усталыхъ людей. Отъ всей спокойной картины, отъ широкихъ спинъ воловъ, отъ громадныхъ деревьевъ, земли, покрытой высокою травою, вѣетъ страшной, гигантской мощью, вѣетъ грубой и слѣпой силой природы. Вотъ цѣлый рядъ другихъ картинъ Курбе: «Волна», «Лисица, попавшая въ западню», и т. д. Затѣмъ идутъ красивые пейзажи Millet, обнаруживающіе талантъ, развившійся на лонѣ природы.

Зала № 8 замѣчательна по тѣмъ контрастамъ, которые она содержитъ. Во время іюльской монархіи политическая борьба и общественныя теченія рѣзко проявлялись въ живописи. И вотъ, съ одной стороны, мы находимъ оффиціальныя картины Деверіа и Массеза, изображающія разные моменты царствованія Луи-Филиппа, а съ другой стороны—картины, знаменитаго каррикатуриста и талантливаго художника Доміе, бравшаго сюжетъ для картинъ изъ

общественной жизни. Особенно останавливаетъ вниманіе его картина «Un mouvement populaire». Позы, искаженныя лица, рты открытые всеобщимъ ропотомъ бѣгущей толпы—все это производитъ сильное впечатлѣніе, во всемъ этомъ вѣетъ духъ революціи.

Слѣдующія залы отданы пейзажистамъ второй имперіи. Самыя замѣчательныя изъ нихъ 11 и 12. Самыя замѣчательныя изъ этихъ картинъ принадлежатъ Теодору Руссо и Добини. Природа представлена во всѣ моменты; и въ лѣтнемъ цвѣтномъ покровѣ, и подъ снѣгомъ зимы. Въ слѣдующихъ залахъ привлекаютъ вниманіе картины Розы Бонеръ. Начиная съ 22-й залы, выставка помѣщается во второмъ этажѣ и тутъ вы сразу попадаете въ новую эпоху,—эпоху республики, подъ свободнымъ режимомъ которой искуство пошло быстро впередъ.

Въ 22-ой залѣ висятъ картины Шаллеля и Бретона; двѣ картины послѣдняго изображаютъ два момента тяжелой работы жницъ. Я не могу не отмѣтить чудесной картины Каля; ей не поставлено названія, но она говоритъ сама за себя. Это большое полотно, на которомъ нарисованъ 5-ти или 6-ти-лѣтній ребенокъ, уснувшій на колѣняхъ своей бабушки. Но онъ спитъ нездоровымъ сномъ. По позѣ ребенка, его повисшимъ ручкамъ, изъ которыхъ только что вывалилась игрушка, по страдальческому выраженію лица, озабоченному лицу старухи, видно, что ребенокъ заснулъ въ сильномъ жару, что тяжелая болѣзнь угрожаетъ его короткой жизни и картина поражаетъ своей реальностью и правдой. Въ слѣдующихъ залахъ выставлены картины Мейссонье, Регами, Пилэ. Одно полотно изображаетъ внутренность металлургическихъ заводовъ, другія—сцены изъ жизни рабочихъ.

Нѣкоторыя картины Пюи де-Шавана очаровываютъ прелестными красками неба.

Выйдя изъ Большого дворца, я останавливаюсь на мосту Александра III; передъ мной несконченный рядъ высокихъ, красивыхъ дворцовъ, выстроенныхъ по обоимъ берегамъ Сены. Вотъ на правомъ берегу выстроены дома стараго Парижа, дальше возвышаются павильоны разныхъ государствъ, и надъ всѣми зданіями развѣвается лѣсъ флаговъ, между которыми лѣниво серебрится Сена.

Вся эспланада Инвалидовъ застроена съ обѣихъ сторонъ красивыми двухъэтажными дворцами, съ галлереями, балконами, со стѣнами, покрытыми красивыми, символическими картинами, со множествомъ статуй. Въ этихъ дворцахъ помѣщается выставка по разнымъ отраслямъ промышленности и декоративныхъ искусствъ. Лѣвая сторона предназначена только для французскихъ экспонентовъ, а правая и для иностранныхъ. Единственнымъ средствомъ дать на выставкѣ преобладаніе французской промышленности управленіе выставки сочло въ томъ, чтобы, по возможности, ограничить мѣсто, отведенное иностранцамъ. Франція, одна располагаетъ въ 5 или 6 разъ большимъ мѣстомъ, чѣмъ всѣ остальныя государства вмѣстѣ. Выставка произведеній промышленности начинается съ артистически выработанныхъ мебельныхъ матерій изъ шелка, шерсти, бумаги и т. д. Дальше идутъ разные освѣтительные аппараты, лампы электрическія, газовыя и т. д., потомъ всевозможная мебель, выставка золотыхъ и ювелирныхъ вещей. Публика особенно любуется величайшимъ, извѣстнымъ бриллiантомъ въ 239 каратовъ вѣса, принадлежащимъ одной іоганнисбергской компаніи, и прозваннымъ «Юбилей». Въ верхнемъ этажѣ помѣщается роскошная коллекція ковровъ съ государственныхъ мануфактуръ гобеленовъ. Эти артистически выполненныя произведенія раздѣляютъ участь новѣйшихъ картинъ: краски на нихъ дѣлаются все ярче. Ковры изображаютъ большею частью сцены изъ французской исторіи и изъ эпохи революціи. Одинъ великолѣпный коверъ, изображающій завоеваніе Африки, является предметомъ вниманія публики. Тонкая, воздушная женщина, держащая въ рукѣ книгу, на которой написано слово: «Законъ», изображаетъ

Францію; позади ея толпа офицеровъ и солдатъ. Въ срединѣ группа туземцевъ, у ногъ которыхъ прячутся ихъ испуганныя дѣти. Сцена происходитъ среди роскошной тропической растительности изъ кактусовъ и орхидей, въ которой кишитъ множество животныхъ; рамкой всей картинѣ служатъ множество фигуръ обезьянъ, со страхомъ смотрящихъ на компасы, разные инструменты, и другіе аттрибуты науки и цивилизаціи.

Дальше идутъ залы съ такъ называемыми articles de Paris (гребни, зеркала, наперстки, четки и всевозможныя мелкія изящныя вещи). Многія изъ этихъ вещей готовятся у васъ на глазахъ, и довольно примитивнымъ способомъ. Слѣдующая зала составляетъ радость дѣтей. Всевозможныя игрушки и куклы съ самыми усовершенствованными приспособленіями привлекаютъ много публики. Затѣмъ, идетъ блестящая выставка часовъ, карманныхъ и стѣнныхъ. Здѣсь же находится и отдѣлъ papeterie—писчебумажнаго дѣла, гдѣ демонстрируется, между прочимъ, приготовленіе стальныхъ перьевъ. Все это даетъ впечатлѣніе, совершенно похожее на то, которое выносится изъ большихъ магазиновъ вродѣ Printemps и Лувра, да и всѣ эти большіе магазины имѣютъ здѣсь отдѣленія. Единственной, дѣйствительно артистической вещью являются гобелены.

Нужно упомянуть еще о выставкѣ «poterie», гдѣ цѣлыя залы наполнены французской керамикой, всевозможными сосудами изъ Невера, Лиможа, чудными севрскими вазами. Дальше выставлены гигантскія стекла и зеркала. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются чудныя японскія керамики, въ приготовленіи которыхъ европейцы и американцы отстали отъ Японіи. Тутъ же выставлена мебель, этажерки, цыновки и т. д. Всего больше—250 японскихъ экспонента.

Швейцарскій отдѣлъ по правую сторону эспланады представленъ нѣсколькими легкими деревянными альпійскими шале, гдѣ всего замѣчательнѣе выставки часовъ и деревянной скульптуры. Въ томъ же дворцѣ обращаетъ на себя вниманіе австрійскій отдѣлъ, съ роскошнымъ богемскимъ хрусталемъ и вѣнскими бронзовыми издѣліями. Италія выставила художественныя мозаики и неаполитанскіе кораллы; Англія и Соединенные Штаты выставили всевозможные предметы. Публика особенно охотно останавливливается у золотыхъ и брилліантовыхъ вещей съ лондонскаго «Regent-Street'a». Здѣсь же выставлены произведенія знаменитыхъ дрезденскихъ фабрикъ хрусталя и керамики. Въ верхнемъ этажѣ помѣщаются нюренбергскія игрушки и елки для дѣтей. Нѣмцы постарались не только сдѣлать свою выставку возможно полной, но и придать ей живописность.

Бельгійскій отдѣлъ слѣдуетъ за нѣмецкимъ, а русскій отдѣлъ заканчиваетъ эту выставку.

Съ нижнемъ этажѣ находится карта Франціи, уже пріобрѣтшая громкую извѣстность, около которой постоянно толпится множество публики. Она сдѣлана изъ разноцвѣтныхъ камней; каждый департаментъ имѣетъ свой цвѣтъ, а главные города обозначаются разноцвѣтными драгоцѣнными камнями. Здѣсь же выставлены знаменитыя пасхальныя яйца императорской фамиліи.

Съ эспланады Инвалидовъ посѣтитель переходитъ въ такъ называемую Rue des Nations, лежащую на лѣвомъ берегу Сены отъ моста Инвалидовъ до моста Альма и состоящую изъ двухъ рядовъ зданій, выходящихъ одной стороной на Сену. Въ этомъ ряду первый павильонъ принадлежитъ Италіи, дальше идутъ Турція, Соединенные Штаты, Австрія, Боснія и Герцеговина, Великобританія, Бельгія, Норвегія, Германія, Испанія, Монако, Швеція, Греція и въ концѣ, у самаго моста, сербскій павильонъ. Другой рядъ павильоновъ составляетъ внутреннюю сторону Rue des Nations и состоитъ послѣдовательно изъ павильоновъ: Даніи, Португаліи, Перу, Персіи, Люксембурга, Финляндіи, Болгаріи и Румыніи. Нѣкоторыя государства, напр., Россія и Японія, не представлены въ улицѣ народовъ.

Назначеніе этихъ павильоновъ различно. Въ нѣкоторыхъ, напр., австрійскомъ, бельгійскомъ, отчасти англійскомъ и германскомъ, ничего не выставлено но они служатъ только для отдыха публики. Павильоны другихъ народовъ служатъ для выставки произведеній соотвѣтствующихъ странъ. Маленькія и бѣдныя страны затерялись бы между богатыми и промышленными, если бы выставляли свои произведенія по отдѣламъ и онѣ предпочли собрать все въ одно мѣсто— въ свои павильоны.

Самое замѣчательное въ этихъ павильонахъ, это—ихъ архитектура. Каждый представляетъ копію замѣчательныхъ зданій соотвѣтствующей страны, напр., павильонъ Италіи, поражающій великолѣпіемъ формы и отдѣлки, представляетъ копію съ дворца дожей въ Венеціи. На кровлѣ павильона поднимается пять золоченыхъ куполовъ, изъ которыхъ средній—копія купола церкви св. Марка. Внутреннее убранство отвѣчаетъ наружному. Громадный итальянскій павильонъ переполненъ выставленными художественно сдѣланными предметами изъ керамики, чудными хрустальными зеркалами, канделябрами изъ Венеціи, издѣліями изъ цвѣтного мрамора Вероны и Истріи, бронзой и керамиками изъ Рима.

Чтобы вѣрнѣе и лучше оцѣнить все превосходство западной цивилизаціи надъ восточнымъ невѣжествомъ и дикостью, перейдемъ изъ роскошной, поэтической Италіи, въ турецкій павильонъ.

Его внѣшняя форма еще не позволяетъ судить о внутреннемъ убранствѣ. Архитектура его оригинальна,—это синтезъ красивѣйшихъ зданій Константинополя и Бруссы. Турецкій павильонъ—одинъ изъ самыхъ высокихъ во всей выставкѣ и съ его террасъ открывается чудесный видъ не только на выставку, но и на окрестности Парижа. Но что за убожество внутри. Снизу до верху, по всѣмъ этажамъ зданія константинопольскіе евреи и сирійскіе арабы открыли торговлю всевозможными мелочами съ надписью «Souvenir», не имѣющими въ себѣ ничего восточнаго и купленными навѣрное въ парижскихъ магазинахъ; продаются и восточныя лакомства вродѣ лукума и халвы; адскій шумъ отъ нескончаемыхъ криковъ всего этого люда наполняетъ павильонъ; они бросаются на васъ, какъ бѣшеные, хватаютъ за руки, за платье и не отпускаютъ прежде, чѣмъ вы не купите у нихъ что-нибудь. Во второмъ этажѣ есть панорама Іерусалима, но турки не любятъ спѣшить и еще не открыли ея. Подъ многочисленными воротами и за дверями самаго павильона кричатъ и шумятъ разные комедіанты, настоятельно приглашая васъ присутствовать на разныхъ danses de ventre и даже egyptiennes, устроенныхъ подъ высокимъ покровительствомъ турецкаго посланника.

Интересенъ павильонъ Босніи и Герцеговины, представляющій восточный деревянный крестьянскій домъ съ красивыми террасами, гдѣ въ прохладной тѣни отдыхали нѣкогда турецкіе аги. Австрійское правительство приложило всѣ старанія къ тому, чтобы показать прогрессъ, сдѣланный подъ ея владычествомъ бывшими турецкими провинціями. Не забывая того, что правительство это, конечно, представило только хорошіе результаты, мы не можемъ не признать большой, неизмѣримой разницы между Босніей и Герцеговиной и ихъ бывшей властительницей—Турціей.

Въ норвежскомъ досчатомъ павильонѣ, представляющемъ норвежскій домъ, нужно отмѣтить копію съ Нансенова «Fram'a». Въ шведскомъ интересны двѣ великолѣпныя панорамы: одна представляетъ бѣлую ночь въ Стокгольмѣ и переноситъ васъ на далекій и родной сѣверъ.

Павильонъ Монако—одинъ изъ самыхъ кокетливо убранныхъ. Князь Альбертъ выставилъ тамъ свои зоологическія коллекціи. По неизвѣстнымъ причинамъ, знаменитый французскій хирургъ Дуайнъ выставилъ въ этомъ же павильонѣ свои усовершенствованные инструменты. Извѣстно, что онъ примѣняетъ во многихъ операціяхъ электричество, какъ двигательную силу.

Датскій павильонъ—маленькій деревенскій домъ. Данія принимаетъ участіе въ выставкѣ по отдѣламъ и павильонъ ея служитъ просто для отдыха. Павильонъ Португаліи содержитъ образцы рыбъ ея береговъ. Финляндія выставила деревянные матеріалы, нѣсколько моделей кораблей-ледоколовъ и земледѣльческіе продукты.

Дальше идутъ павильоны балканскихъ государствъ: съ внутренней стороны—павильоны Болгаріи и Румыніи, съ внѣшней—Греціи и Сербіи. Болгарія пожелала выставить свои растительныя богатства, свою долину розъ; запахъ розоваго масла охватываетъ посѣтителя, но вообще въ выставкѣ этой страны совершенно отсутствуетъ всякая практическая идея. Болгарія, напр., чрезвычайно богата каменнымъ углемъ, часть копей эксплоатируетъ само государство (копи въ Перникѣ, возлѣ Софіи) и хорошо организованное экспонированіе этихъ богатствъ могло бы имѣть для страны большіе практическіе результаты. Мы поинтересовались посмотрѣть образцы каменнаго угля, о которомъ столько слышали; насъ привели въ уголъ за дверью, гдѣ показали намъ разбросанные куски его, среди кусковъ мрамора и гранита, которыми Болгарія также изобилуетъ. Румынскій павильонъ устроенъ несомнѣнно лучше и разумнѣе. Онъ даетъ посѣтителю полную идею о минеральныхъ и другихъ богатствахъ страны, о состояніи ея орудій производства, о развитіи ея промышленности. Бѣднѣе всѣхъ греческій павильонъ. Павильонъ Сербіи устроенъ со вкусомъ и знаніемъ дѣла.

На лѣвомъ же берегу Сены находится выставка военнаго дѣла во Франціи, Россіи и Германіи. Въ выставкѣ оружія принимаютъ участіе еще Англія, въ лицѣ формы Maxim, и Бельгія, выставившая разные виды оружія изъ оружейныхъ заводовъ Льежа. Съ правой стороны расположена выставка по гигіенѣ, одна зала которой отведена институту Пастёра. Марсово поле вмѣщаетъ большую часть выставки. Оно имѣетъ форму прямоугольника, опирающагося одной стороной на Сену, а тремя другими сторонами на аллеи: Бурдонé, Суфренъ и Мотъ-Пикé. Въ самой дальней отъ Сены части Марсова поля находится дворецъ машинъ, оставшійся отъ выставки 1889 года Въ немъ же помѣщается выставка земледѣлія и зависящихъ отъ него отраслей промышленности. Громадная высота этого зданія позволяетъ возводить внутри его многоэтажныя постройки, напр., павильонъ освѣтительнаго общества Helios, павильонъ шоколадной фабрики Meunier. Послѣдній павильонъ имѣетъ форму громаднаго корабля, котораго бьютъ со всѣхъ сторонъ искусно сдѣланныя изъ цвѣтнаго гипса волны. Дальше павильоны спиртныхъ и пивоваренныхъ заводовъ Сѣвера. Въ срединѣ устроена выставка винодѣлія, съ нѣсколькими замѣчательно выполненными скульптурными группами, изображающими картины деревенской жизни. Въ этомъ же громадномъ зданіи помѣщается роскошно отдѣланная зала для празднествъ, вмѣщающая болѣе 25.000 человѣкъ.

Мы приближаемся къ Сенѣ, по аллеѣ La Motte Piquet. Передъ галлереей машинъ устроены двигатели, приводящіе въ движеніе всѣ машины на выставкѣ и освѣщаютъ ее. Въ выполненіи этой задачи принимаютъ участіе всѣ государства, выставляющія свои двигатели и электрическія машины. Вы движетесь здѣсь въ настоящей магнетической атмосферѣ и инженеры не шутя совѣтуютъ не приходить съ часами, которые портятся и теряютъ вѣрный ходъ. Неописуемый шумъ и лязгъ всѣхъ этихъ машинъ, и сильная, развивающаяся теплота дѣйствуютъ ошеломляюще.

Около сада на Марсовомъ полѣ возвышается фасадъ чуднаго дворца электричества, около васъ такъ называемая водяная башня (Château d'eau), а дальше, съ двухъ сторонъ, тянутся до самой Сены бѣлые дворцы, среди которыхъ поднимается Эйфелева башня. Чтобы охватить взглядомъ такъ восхваляемый, и справедливо, дворецъ электричества, нужно обернуться спиной къ Сенѣ и башнѣ. Тогда передъ вашими глазами поднимется высокая стѣна, которую можно

сравнить съ гигантской діадемой изъ драгоцѣнныхъ камней. Въ самомъ высокомъ мѣстѣ стѣна эта возвышается надъ землей на 100 метровъ. Здѣсь помѣщается статуя башни электричества. Тысячи разноцвѣтныхъ стеколъ, за которыми помѣщены электрическія лампы, сверкаютъ на солнцѣ, какъ драгоцѣнные камни. Въ самомъ фасадѣ дворца, въ центрѣ, сдѣлано углубленіе около 30 метровъ въ діаметрѣ и 11 метровъ въ глубину: оно покрыты изящными скульптурными украшеніями. Въ праздничные дни изъ него бьетъ масса воды— главный водопадъ водяной башни. Вода эта, по ряду террасъ скатывается въ большой бассейнъ, въ которомъ бьютъ высокіе фонтаны изъ разинутыхъ пастей плавающихъ тамъ чудовищъ.

По обѣ стороны дворца электричества идутъ дворцы, въ которыхъ устроены выставки: металлургіи, костюмовъ, химической индустріи, наукъ и искусствъ. Въ срединѣ тянутся сады Марсова поля, въ которыхъ, возлѣ Сены, поднимается Эйфелева башня, или 300-метровая башня, какъ ее теперь называютъ. Вокругъ нея насаждена экзотическая растительность, насажденіе которой стоило не меньшихъ трудовъ, чѣмъ насажденіе пальмъ Елисейскихъ полей.

Съ Эйфелевой башни хорошо видны сады Трокадеро—4-го и послѣдняго угла нашей трапеціи. Расположеніе этихъ садовъ террасами, кончающимися, наконецъ, дворцомъ Трокадеро, безчисленныя экзотическія постройки, расположенныя съ обѣихъ сторонъ между деревьями, придаютъ этой части выставки особую живописность. Здѣсь помѣщается выставка французскихъ и иностранныхъ колоній—англійскихъ, голландскихъ и др.; здѣсь находится китайская выставка, часть японской, выставка южно-африканской республики. Выставка произведеній русскихъ окраинъ собрана въ такъ называемомъ Кремлѣ,— зданіи, напоминающемъ свой первообразъ не только по наружному виду, но и по громкому звону колоколовъ.

Первый павильонъ на пути къ Трокадеро—алжирскій, бѣлый съ синимъ, съ безчисленными маленькими оконцами и низкими восточными куполами, и въ два этажа. У самыхъ дверей его, въ креслѣ, лѣниво зѣваетъ настоящій арабъ въ бѣлой мантіи съ длинной кривой саблей. Въ позѣ его не видно ни малѣйшаго уваженія къ приходящей публикѣ. Мы въ странѣ пальмъ и кактусовъ. Цвѣтныя и обыкновенныя фотографіи даютъ понятіе о фазахъ культуры финиковой пальмы. «Культура», впрочемъ, въ данномъ случаѣ—пустой звукъ; она сводится къ собиранію плодовъ по нѣскольку разъ въ годъ. Но, помимо растительныхъ богатствъ (маслинъ, апельсиновъ, кактусовъ и т. д.), Алжиръ отличается еще минеральными богатствами—каменоломни въ Тебесѣ, и разноцвѣтными мраморами Фильфила. Торговля Алжира постоянно развивается. Въ 1831 г. въ Алжиръ ввозилось на 6.304.000 фр. товаровъ, въ 1899—уже на 302.223.018; вывозная торговля достигаетъ суммы въ 295.728.063 франковъ, а въ 1836 г. она была всего 1.479.600 франк. Но развитіе это, повидимому, мало коснулось самого туземнаго населенія, умственное развитіе котораго на томъ же уровнѣ, какъ и десятки лѣтъ назадъ. Я напрасно искалъ между многочисленными арабскими газетами и журналами чего-нибудь выходящаго на арабскомъ языкѣ; только у одной англійской газеты заглавіе было переведено на арабскій языкъ. Населеніе бѣдно и безпомощно противъ эксплоатаціи европейцевъ, и до сихъ поръ легкій деревянный плугъ является единственнымъ орудіемъ для обработки земли. На выставкѣ есть нѣсколько картинъ, изображающихъ разные виды въ этой красивой странѣ.

Оригинальнѣе всего выставка Цейлона и Индіи (выставки другихъ англійскихъ колоній, Канады и австралійскихъ, не носятъ никакого мѣстнаго характера, похожи на европейскія).

Въ индійскомъ павильонѣ вы чувствуете всю роскошь и тонкость староиндійской цивилизаціи, богатства которой сохранялись въ храмахъ и дворцахъ.

Тонкая скульптура по дереву, украшенному позолотой и слоновой костью, примѣняется теперь при изготовленіи современной мебели въ Пенджабѣ и Мадрасѣ, изъ дерева Гималайскихъ лѣсовъ или долины Ганга. Его острый и пріятный запахъ поражаетъ васъ у самыхъ дверей павильона. Тонкія издѣлія изъ золота, серебра, слоновой кости, превосходные ковры, картины, изображающія виды Индіи и чайныхъ полей на Цейлонѣ, переполняютъ это обширное двухъэтажное зданіе.

Въ срединѣ павильона сдѣлана витрина, въ которой представлена фауна Цейлона: лѣниво движущіеся слоны—тропическая растительность, дающая пріютъ громаднымъ ядовитымъ змѣямъ, отъ которыхъ въ Индіи умираетъ ежегодно до 25.000 человѣкъ, множество птицъ и т. д. и т. д.

Около индійскаго павильона помѣщается павильонъ Трансвааля, у дверей котораго стоитъ бюстъ Крюгера. Дальше выстроенъ павильонъ Іоганнисбергской золотопромышленной компаніи. Большая позолоченая пирамида, вся состоящая изъ золотоносной руды, даетъ понятіе о развитіи золотого промысла въ Трансваалѣ. Онъ давалъ въ 1887 г. золота на сумму въ 4.227.375 фр., а въ 1898 г. на 410.075.907 фр., а за первые 9 мѣсяцевъ 1899 г.—368.437.193 фр. Тутъ, въ отдѣльномъ зданіи публикѣ демонстрируется обработка руды во всѣхъ ея фазахъ.

По правую сторону отъ Трокадеро, если стать спиной къ Сенѣ — помѣщаются: китайская выставка, состоящая, главнымъ образомъ, изъ мебели, фарфоровыхъ издѣлій и украшеній, выставка русскаго кустарнаго производства, русскихъ окраинъ; сзади этихъ павильоновъ и трансваальскаго павильона помѣщается отдѣлъ французскаго руднаго дѣла. Въ остаткахъ старой каменоломни искусно продѣланы галлереи, подражающія важнѣйшимъ французскимъ каменноугольнымъ, желѣзнымъ, цинковымъ и т. д. рудникамъ. Стѣны галлерей сдѣланы изъ кусковъ соотвѣтствующей руды. Устроители старались возможно полнѣе воспроизвести характерныя особенности каждаго рудничнаго округа Франціи. Кое-гдѣ поставлены манекены рабочихъ, работающіе, то стоя, то лежа, надъ только что пробитыми отверстіями. На землѣ, на рельсахъ уставлены вагоны, около которыхъ работаетъ множество рабочихъ; у каждаго на шапкѣ прикрѣплено по лампочкѣ. Разбросанные тамъ и сямъ инструменты, обрушенныя стѣны, гдѣ видно, какъ доски, скрѣпляющія стѣны шахты, погнулись подъ тяжестью громадныхъ кусковъ руды, пыль, темнота, холодъ, которымъ вѣетъ отъ стѣнъ, даетъ вамъ живое представленіе о томъ, что такое работа въ копяхъ. Такъ мнѣ казалось, но когда я передавалъ свои впечатлѣнія одному инженеру, онъ отвѣтилъ мнѣ съ видимымъ раздраженіемъ: «Если бы вы вошли въ настоящую шахту, то потонули бы до колѣнъ въ водѣ и грязи. А это не шахта, а игрушка!»

По другую сторону Трокадеро помѣщаются выставки другихъ французскихъ колоній: Туниса, Мадагаскара, Дагомея.

Мы поворачиваемъ въ ту сторону, откуда мы пришли, и по правому берегу Сены, спускаемся снова къ Елисейскимъ полямъ, къ дворцамъ художественной выставки, къ главному входу. По дорогѣ мы проходимъ черезъ «Старый Парижъ», который тянется вплоть до моста Альма. Здѣсь возвышаются постройки, воспроизводящія самыя замѣчательныя зданія и улицы средневѣкового Парижа. За мостомъ Альма посѣтитель попадаетъ въ такъ называемую Rue de Paris. Съ лѣвой стороны въ этой улицѣ расположены театры и множество всевозможныхъ «приманокъ», съ правой стороны, надъ самой Сеной—построено прежде всего зданіе для конгрессовъ. Въ немъ помѣщается выставка по соціальной экономіи, на которой я не буду останавливаться, такъ какъ думаю вернуться къ ней въ спеціальной статьѣ.

На той же сторонѣ Rue de Paris находится и павильонъ города Парижа.

Верхній этажъ его занятъ исключительно выставкой разныхъ училищъ, подвѣдомственныхъ парижской городской думѣ. Въ нижнемъ этажѣ, въ круглой галлереѣ, раздѣленной на нѣсколько залъ, помѣщены слѣдующія учрежденія: на первомъ планѣ выставка учрежденій общественнаго призрѣнія, разныя операціи котораго изложены въ многочисленныхъ таблицахъ.

Первая таблица показываетъ отношеніе нищихъ къ общему населенію въ округахъ Парижа. Изъ этой таблицы видно, что въ первомъ округѣ отношеніе нищихъ ко всему населенію равно 1,23%, тогда какъ въ XIX—оно составляетъ 3,40%, а въ XX—3,85%. Вообще на населеніе въ 2.481.233 *) жителей приходится 54.409 нищихъ, т.-е. 2,17%. Число безплатно лѣчившихся больныхъ съ 56.000 въ 1865 году измѣнялось, смотря по условіямъ распространенія эпидемій. Меньше всего оно было въ 1872 году (51.000), позднѣе этого года число это прогрессивно растетъ и достигаетъ въ 1892 г.—112.000, потомъ снова падаетъ. Въ 1898 году безплатно лѣчилось у себя на дому 79.550 больныхъ; въ 1899 г. Парижъ содержалъ 11.000 кроватей въ разныхъ пріютахъ для стариковъ. На 1900 г. Парижъ предвидитъ въ своемъ бюджетѣ 12.066.944 фр. на призрѣваемыхъ дѣтей. Сумма эта распредѣляется такъ: 6.567.494 фр. на пищу и помѣщеніе, 1.876.000—на одежду, 1.155.000 на помощь матерямъ, еще не покинувшимъ своихъ дѣтей, 844.150 фр. на школы для призрѣваемыхъ дѣтей, 766.000—на медицинскую помощь; 260.000—на образованіе, 598.350 на персоналъ администраціи. Изъ другой таблицы видно, что воспитаніе ребенка обходится въ 3.531 фр. 91 сант. съ перваго дня его жизни до 13 лѣтъ, и только 279 фр. 84 сант. съ 13 до 21 года. Число покинутыхъ дѣтей было въ 1868 г. 4065; въ 1876 г. оно упало до 2.260, въ 1898 г. снова возрасло до 5.120. Колебанія этихъ цифръ зависятъ исключительно отъ затрудненій или облегченій, которыя дѣлались при пріемѣ дѣтей. Особая витрина демонстрируетъ способы, которыми матери стараются сохранить возможность отыскать своего ребенка. Здѣсь же выставлены акты, которые составляются при нахожденіи брошеннаго ребенка. Одно такое свидѣтельство, подписанное «Деламаръ», выставлено въ витринѣ и гласитъ о томъ, что 16-го ноября 1717 года былъ найденъ ребенокъ, названный Jean le Rou. Этотъ незаконный ребенокъ былъ впослѣдствіи знаменитымъ энциклопедистомъ Даламберомъ.

Дальше помѣщается выставка полицейской префектуры и разныхъ жандармскихъ мундировъ; къ префектурѣ же относится антропометрическій отдѣлъ и моргъ. Нельзя смотрѣть на эти фотографіи убитыхъ и умершихъ людей, такъ же какъ и на болѣе или менѣе безчеловѣчную процедуру, которой въ антропометрическомъ отдѣлѣ подвергаются арестованные, безъ особаго чувства отвращенія, которое охватываетъ васъ.

Въ павильонѣ города Парижа выставлены всѣ новые аппараты, усовершенствованія и планы парижскихъ égouts составляющихъ настоящій подземный городъ съ широкими улицами, по которымъ свободно двигаются не только люди, но и цѣлые вагоны. Въ стѣнахъ этихъ сточныхъ каналовъ, по которымъ стекаютъ нечистоты города, проходятъ водопроводы для чистой воды, газопроводы, телефонныя проволоки и т. д. Прекрасно устроенъ отдѣлъ пожарной команды, освѣтительная часть, организація помощи раненымъ и т. д., вообще все связанное съ благоустройствомъ города. Послѣднее зданіе, которое разсматриваетъ посѣтитель прежде чѣмъ выйти въ Елисейскія поля, это выставка садоводства. Въ зеленыхъ оранжереяхъ, среди пальмъ и экзотическихъ растеній, поднимается цѣлый лѣсъ розъ и другихъ цвѣтовъ сезона; цвѣты эти составляютъ

*) Въ 1802 г. Парижъ насчитывалъ только 580.609 жителей.

предметъ торговли и однѣ только оранжереи вокругъ Парижа приносятъ ежегодно около 10.000.000 фр.

Выставка освѣщается электричествомъ, производимымъ могучими динамическими машинами, о которыхъ мы говорили выше. Ихъ колоссальные магниты приводятся въ движеніе находящимися вблизи паровыми машинами, дающими механическую энергію, равную 20.000 лошадиныхъ силъ, а въ случаѣ нужды даже 40.000. Изъ нихъ 15.000 лошадиныхъ силъ идутъ только на освѣщеніе. Для добыванія этой силы машины эти поглощаютъ 200.000 литровъ воды въ часъ. На одномъ только монументальномъ входѣ горитъ 3.116 обыкновенныхъ электрическихъ лампъ, кромѣ 24 большихъ лампъ съ рефлекторами. На Елисейскихъ поляхъ стоятъ 124 большія лампы, мостъ Александра III, стоившій 7.000.000 фр., изъ которыхъ $1^1/_2$ милліона ушло только на украшенія, освѣщается 508 лампами съ накаливаніемъ, 5.000 обыкновенныхъ разноцвѣтныхъ лампочекъ и 8 лампами съ рефлекторами и распространяетъ цѣлый океанъ свѣта; въ разныхъ мѣстахъ водяной башни помѣщено 1.100 лампъ, въ Эйфелевой башнѣ нѣтъ мѣста, которое бы не было покрыто цѣлою сѣтью электрическихъ свѣчъ, кромѣ двухъ большихъ прожекторовъ, которые съ вершины башни освѣщаютъ всѣ окрестности Парижа. То же самое на Трокадеро и на другихъ павильонахъ и дворцахъ. Читатель можетъ себѣ представить, какое зрѣлище представляетъ выставка въ дни большихъ иллюминацій, когда пущена вода съ водяной башни, и большіе разноцвѣтные прожекторы бросаютъ свѣтъ на большой водопадъ, всѣ зданія блестятъ и сверкаютъ тысячами лампъ и вырѣзываютъ на темномъ фонѣ свои причудливыя формы; особенно красивы тогда павильоны иностранныхъ государствъ на лѣвомъ берегу Сены. Монументальныя ворота, Трокадеро и Марсово поле превращаются иногда въ три громадные очага, около которыхъ люди кажутся маленькими черными точками, и среди этого горящаго города стройно и легко поднимается башня, вершина которой имѣетъ форму короны; дальше къ югу видно гигантское колесо, все въ пламени, какъ будто висящее въ воздухѣ безъ всякой опоры. Въ такіе вечера подъ тѣнью темныхъ деревьевъ, освѣщенныхъ большими круглыми венеціанскими фонарями, которые даютъ иллюзію апельсиновъ, подъ звуки безчисленныхъ оркестровъ, гуляетъ толпа въ 400 или 500 тысячъ человѣкъ.

Хр. Георгіевичъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Физiологiя. Какъ влiяетъ голоданiе и принятiе пищи на температуру тѣла.—**Гигiена.** Сахаринъ.—**Бактерiологiя.** Влiянiе весьма низкихъ температуръ на бактерiи.—**Зоологiя.** Проявленiя альтруизма у птицъ.—**Химiя.** 1) Новый способъ опредѣленiя минимальныхъ количествъ мышьяка (при помощи плѣсеней). 2) О самовозгоранiи каменнаго угля.—**Медицина.** Изслѣдованiя надъ грибнымъ ядомъ.—**Техника.** 1) Фибролеумъ—новый суррогатъ кожи. 2) Новый способъ цвѣтной фотографiи. — **Астрономическiя извѣстiя. К. Покровскаго.**

Физiологiя. *Какъ влiяетъ голоданiе и принятiе пищи на температуру тѣла.* Извѣстный итальянскiй физiологъ Моссо произвелъ цѣлый рядъ опытовъ для выясненiя этого вопроса. Правда, эти опыты были произведены надъ животными, но въ явленiяхъ такого общаго характера можно дѣлать заключенiя и отъ животнаго къ человѣку. Что касается общаго результата ихъ, то онъ, разумѣется, не представляетъ ничего новаго, но частности весьма интересны и могутъ имѣть важное значенiе въ медицинѣ. Въ общихъ чертахъ всякiй знаетъ влiянiе пищи на температуру тѣла. Химическiе процессы въ организмѣ аналогичны горѣнiю,—если не возобновлять запасы топлива, то и пламя погаснетъ. Моссо поставилъ себѣ задачей—изучить съ научной точки зрѣнiя связь между принятiемъ пищи и освобожденiемъ тепла въ организмѣ. Опыты производились надъ собаками. Когда животное находится въ нормальномъ состоянiи, то влiянiе принятiя пищи не сказывается замѣтно, такъ какъ въ организмѣ находятся въ избыткѣ запасныя вещества. Если температура и понизится нѣсколько подъ влiянiемъ недостатка пищи, то организмъ прибѣгаетъ къ имѣющимся у него запасамъ и такимъ образомъ возстановляетъ температуру. Слѣдовательно, чтобы выяснить влiянiе пищи нужно заставить животное голодать. Послѣ того, какъ оно израсходуетъ всѣ свои запасы, повышенiе температуры послѣ принятiя пищи будетъ соотвѣтствовать принятому количеству.

У собаки, нормально питающейся, температура ночью падаетъ и днемъ повышается; такимъ образомъ, кривая температуры имѣетъ волнистый видъ. Если собака подвергается голоданiю, такъ что температура ея падаетъ ниже нормальной,—температурная кривая уже не обнаруживаетъ этихъ волнообразныхъ колебанiй. Кривая понижается во время ночного отдыха и нѣсколько повышается при пробужденiи, но наиболѣе значительное повышенiе, наблюдаемое въ нормальныхъ условiяхъ послѣ полудня, совершенно отсутствуетъ. Такимъ образомъ очевидно, что принятiе пищи оказываетъ весьма ясное влiянiе. Моссо изучалъ также и на самомъ себѣ эти измѣненiя температуры, но вмѣсто того, чтобы подвергаться голоданiю, онъ измѣнилъ порядокъ дня; онъ спалъ днемъ и вставалъ съ постели на ночь. По истеченiи 4-хъ дней такого режима у него сдѣлалась почти лихорадочная температура; но разсматривая кривыя, онъ констатировалъ три повышенiя, которыя точно соотвѣтствовали промежутку времени послѣ тѣхъ часовъ, когда онъ (въ теченiе ночи) принималъ обыкновенно пищу.

Желая изучить вліяніе качества пищи, онъ обратился къ веществу, содержащему весьма большой запасъ тепловой энергіи—къ сахару.

Значеніе его для организма въ настоящее время настолько установлено, что теперь даже въ войскахъ увеличиваютъ раціоны сахара при переходахъ и на войнѣ. Чтобы рѣзче получить эффектъ, Моссо заставлялъ собакъ, служившихъ ему для опыта, голодать и пріучилъ ихъ по 2—3 часа лежать неподвижно на столѣ, чтобы мышечныя сокращенія не затемнили вліяніе пищи. Послѣ 3-хъ или 4-хъ дней голоданія достаточно было собакамъ дать сахару, разсчитывая по одному грамму на килограммъ вѣса тѣла (причемъ сахаръ этотъ растворялся въ водѣ), чтобы въ теченіе получаса температура ихъ повысилась на $0,_2^0 - 0,_3^0$. Давая въ тѣхъ же условіяхъ вдвое больше сахару, онъ получилъ повышеніе температуры на $0,_8^0 — 1,_0^0$ черезъ $1^1/_2$ часа. Давая сахару въ количествѣ 0,008 вѣса тѣла, Моссо получилъ въ $2^1/_4$ часа повышеніе температуры на $1,_4^0$ въ теченіе $2^1/_4$ часовъ. Если голодающей собакѣ дать небольшія количества сахара, то температура тотчасъ же повышается, но на слѣдующій день она падаетъ еще ниже, чѣмъ была въ тѣ же часы наканунѣ. Если дать значительное количество сахара, то лишь часть его утилизируется для повышенія температуры, остальное же количество сохраняется въ видѣ запаса и служитъ въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ дней. Чтобы избѣжать ошибокъ въ толкованіи опытовъ, Моссо удостовѣрился, что повышеніе температуры нельзя было приписать принятой вмѣстѣ съ сахаромъ водѣ. Давая чистую воду, онъ никогда не наблюдалъ повышенія температуры, наоборотъ—въ нѣкоторыхъ случаяхъ она даже понижалась. Моссо удавалось даже спасти собакъ, давая имъ сахаръ, когда онѣ находились въ крайней степени истощенія. Этотъ опытъ показываетъ, что сахаръ можетъ быть примѣненъ въ медицинѣ въ случаяхъ большой потери тепла организмомъ (гипотерміи), какъ это бываетъ, напр., при ослабленіи дѣятельности сердца, при отравленіи спиртомъ, нѣкоторыми ядами, при поврежденіяхъ и заболѣваніяхъ центральной нервной системы и нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ. Принятіе въ пищу хлѣба, въ концѣ концовъ, производитъ тотъ же эффектъ, но гораздо медленнѣе и менѣе рѣзко. Медленнѣе потому, что предварительно при пищевареніи хлѣбъ превращается въ сахаръ и такимъ образомъ лишь понемногу проникаетъ въ кровь изъ кишечника. Кромѣ того, данное количество хлѣба можетъ освободить гораздо менѣе тепла, чѣмъ тоже количество сахара. Для провѣрки этихъ соображеній Моссо давалъ голодавшей собакѣ утромъ и вечеромъ сначала сахаръ, въ количествѣ 0.002 вѣса тѣла и, когда онъ былъ переваренъ, хлѣбъ, въ количествѣ 0.004; въ первомъ случаѣ уже черезъ $1^1/_2$ часа температура животнаго повысилась на $1,_{15}^0$; во второмъ тотъ-же эффектъ (посредствомъ двойного противъ сахара количества хлѣба) получился лишь $4^1/_2$ часа спустя, при чемъ температура поднялась на $1,_{05}^0$. Такимъ образомъ эти опыты, весьма точные и ясные, съ несомнѣнностью устанавливаютъ значеніе сахара, какъ пищеваго вещества и въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ лѣчебнаго средства. 0.002 вѣса тѣла человѣка составляетъ (считая вѣсъ тѣла въ 4 пудовъ) нѣсколько меньше $^1/_3$ фунта—количество, которое (въ видѣ сиропа, напр., или варенья) не представляется невозможнымъ или затруднительнымъ принять.

(«Cosmos»).

Гигіена. *Сахаринъ.* Въ виду высокой цѣны сахара, за послѣднее время было сдѣлано много попытокъ замѣнить его различными суррогатами. Большинство изъ нихъ, какъ дульцинъ, глуцинъ, сургаринъ, недолго просуществовали, только сахарину посчастливилось, и возрастающее производство его, по мнѣнію многихъ, угрожаетъ и свеклосахарному производству, и здоровью людей. Въ печати компетентныя лица высказывались и противъ сахарина, и за него, такъ какъ въ опытахъ онъ оказался безвреднымъ: онъ проходилъ черезъ

организмъ животнаго, не измѣняясь. Однако, это наблюденіе еще не доказываетъ безвредности сахарина; вѣдь въ физіологическихъ опытахъ, очевидно, примѣнялся сахаринъ, очищенный насколько только возможно, по всей вѣроятности, дѣйствительно, химически чистый, между тѣмъ какъ нельзя надѣяться, чтобы при фабричномъ производствѣ вещество было получено безъ всякихъ примѣсей; въ дѣйствительности, какъ мы увидимъ дальше, сахаринъ далеко не свободенъ отъ нихъ, а, судя по пріемамъ производства, можно предполагать, что въ числѣ этихъ примѣсей найдутся и не безвредныя для животнаго организма. Кромѣ того, если вещество въ организмѣ не подвергается химическимъ измѣненіямъ, это еще не значитъ, чтобы оно не оказывало на него никакого физіологическаго дѣйствія и даже не вызывало въ немъ какихъ-либо химическихъ превращеній: всякій знаетъ, что ферменты вызываютъ иногда глубокія превращенія, сами не измѣняясь. Замѣчательно, что попытки кормленія пчелъ сахариномъ совершенно не удались. Въ всякомъ случаѣ, всѣ согласны, что питательнаго значенія сахаринъ не имѣетъ и въ этомъ отношеніи, разумѣется, никогда не замѣнитъ сахара.

Исходнымъ веществомъ для приготовленія сахарина является каменноугольный деготь. Въ этомъ не можетъ быть ничего удивительнаго, такъ какъ при производствѣ онъ подвергается не менѣе глубокимъ измѣненіямъ, чѣмъ, напримѣръ, углекислота и вода въ растеніяхъ, превращаясь въ крахмалъ; тѣмъ болѣе, что, какъ всякому извѣстно, тотъ же каменноугольный деготь можетъ служить исходнымъ веществомъ для приготовленія самыхъ разнообразныхъ (анилиновыхъ) красокъ, различныхъ ароматныхъ веществъ (напр., запахъ миндаля) и даже лѣкарствъ, какъ, напр., фенацетина. Въ химическомъ отношеніи сахаринъ является производнымъ бензола и на химическомъ языкѣ называется имидомъ сульфобензойной кислоты. Въ составъ его входятъ углеродъ, водородъ, кислородъ, азотъ и сѣра, тогда какъ настоящій сахаръ состоитъ лишь изъ первыхъ трехъ элементовъ.

Фабричнымъ способомъ сахаринъ въ настоящее время приготовляется въ громадномъ количествѣ въ Германіи и Франціи. Самая большая фабрика принадлежитъ Фальбергу, Листу и комп. и находится въ Зальбкѣ—Вестергюзенъ на Эльбѣ, во Франціи же Моне и Кортье въ Ліонѣ. Процессъ приготовленія сахарина основанъ на весьма сложныхъ химическихъ реакціяхъ, такъ что описаніе его потребовало бы сообщенія слишкомъ спеціальныхъ свѣдѣній по органической химіи. Первое извѣстіе о сахаринѣ появилось въ 1884 году въ американскихъ газетахъ: они сообщали, что химику Константину Фальбергу въ университетѣ Джопе Хопкина въ Балтиморѣ удалось приготовить препаратъ, который по своей сладости далеко превосходитъ сахаръ. Въ Европѣ это извѣстіе было встрѣчено общимъ недовѣріемъ, и новое вещество послужило предметомъ насмѣшекъ. Такъ, напримѣръ, говорили, что не только новое вещество въ 300 разъ слаще сахара, но что посредствомъ броженія изъ него можно получить спиртъ, который опьяняетъ въ 300 разъ сильнѣе, чѣмъ обыкновенный винный спиртъ (получаемый изъ сахара), такъ что малаго количества его достаточно, чтобы все человѣчество привести въ веселое настроеніе. Однако, вскорѣ оказалось, что насмѣшки были напрасны и что, дѣйствительно, удалось найти вещество, сладость котораго несравненно превосходитъ сахаръ. Въ продажѣ сахаринъ находится въ видѣ бѣлаго очень мелкаго порошка, почти безъ запаха, обладающаго по сравненію съ сахаромъ необыкновенной сладостью. Получавшійся въ началѣ продуктъ превосходилъ въ этомъ отношеніи сахаръ приблизительно въ 300 разъ, въ настоящее время съ измѣненіемъ пріемовъ производства удалось получить сахаринъ въ 550 разъ слаще сахара, такъ что, напримѣръ, количество сахарина соотвѣтствующее головѣ сахара въ 1/2 пуда, можетъ помѣститься въ карманѣ пиджака. Однако, это именно обстоятельство, что сахаринъ полученъ различной

степени сладости, указываетъ на присутствіе въ немъ примѣсей, составъ которыхъ въ точности, разумѣется, не извѣстенъ, а такъ какъ онѣ получаются изъ весьма сложной смѣси, составляющей каменноугольный деготь, то ничего не будетъ удивительнаго, если нѣкоторыя изъ нихъ окажутся ядовитыми. Сахаринъ употребляютъ въ весьма слабыхъ растворахъ, потому что въ большихъ количествахъ онъ вызываетъ настолько сильное ощущеніе, что, какъ выразился одинъ извѣстный ученый, вкусовые нервы раздражаются также сильно, какъ зрительные свѣтомъ горящаго магнія или слуховые звукомъ выстрѣла, вслѣдствіе чего получается даже непріятное впечатлѣніе. Сладость сахарина была установлена по сравненію съ растворами сахара опредѣленнаго процентнаго содержанія; но между растворомъ сахара и сахарина замѣчается еще одно различіе: первые представляютъ собой густыя, липкія жидкости, тогда какъ растворы сахарина жидки, вслѣдствіе чего тѣ и другіе вызываютъ неодинаковыя вкусовыя ощущенія. Если же при помощи какихъ-либо индифферентныхъ веществъ приготовить жидкость, по консистенціи подобную сахарному раствору, и подсластить ее сахариномъ, то даже и опытные люди по вкусу не могутъ отличить такую жидкость отъ сахарнаго раствора. Равнымъ образомъ, въ различныхъ напиткахъ, подслащенныхъ сахаромъ или сахариномъ, нельзя замѣтить никакого отличія на вкусъ. На первый взглядъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сахаринъ имѣетъ даже преимущество передъ сахаромъ. Какъ извѣстно, жидкости, содержащія сахаръ, очень легко портятся, такъ какъ представляютъ собой хорошія питательныя среды для различныхъ микробовъ; сахаринъ, наоборотъ, обладаетъ свойствомъ, въ противоположность другимъ сладкимъ веществамъ, не только не подвергаться броженію, но даже задерживать броженіе и гніеніе веществъ, къ которымъ онъ прибавленъ. Это показываетъ, что онъ вредно дѣйствуетъ на микробовъ,—это свойство дѣлаетъ его очень удобнымъ для торговцевъ различными подслащенными напитками и другими пищевыми веществами, въ которыя до сихъ поръ прибавлялся сахаръ или патока, но врядъ ли говоритъ въ пользу его безвредности; антисептическія вещества никто не считаетъ совершенно безобидными для человѣка: если они убиваютъ микробовъ, т.-е. оказываются ядовитыми для живыхъ существъ, по свойствамъ весьма неодинаковымъ, то трудно предположить, чтобы они были безвредны для клѣтокъ и сложнаго организма высшаго животнаго. Далѣе, разумѣется, во всѣхъ случаяхъ, когда нужно имѣть пищевое средство опредѣленныхъ свойствъ, которое могло бы служить источникомъ тепловыхъ силъ,—сахаринъ совершенно не пригоденъ; онъ имѣетъ исключительное значеніе приправы, подобно перцу или горчицѣ, къ которымъ мы и не предъявляемъ требованія, чтобы они были питательны. Правда, въ обыденной жизни мы мало пользуемся сахаромъ, какъ пищевымъ средствомъ. Человѣкъ ежедневно нуждается въ 500 граммахъ (около 1¼ фунт.) углеводовъ, большая часть углеводовъ получается въ видѣ хлѣба, на долю сахара приходится немного. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, какъ показываютъ вышеописанные опыты Моссо, хлѣбъ не можетъ замѣнить сахаръ, надо думать, что и во многихъ случаяхъ сахаръ гораздо полезнѣе другихъ углеводовъ.

Не смотря на многія отрицательныя свойства сахарина, есть лица, которыя открытіе его сочтутъ для себя благодѣяніемъ. Это люди, которымъ, вслѣдствіе ихъ болѣзни, запрещено употребленіе въ пищу сахара; къ нимъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, діабетики (больные сахарнымъ мочеизнуреніемъ) и тѣ, кто лѣчится отъ ожиренія. Въ очень многія кушанья прибавляется сахаръ, и для упомянутыхъ лицъ составляетъ истинное мученіе ѣсть эти кушанья, намѣренно приготовленныя безъ сахара, и пить безъ сахара чай или кофе. Весьма пригоднымъ можетъ оказаться сахаринъ и въ фармаціи. Въ медицинѣ употребляется много веществъ горькихъ или противнаго вкуса, такъ

что нѣкоторые паціенты не могутъ принимать ихъ безъ отвращенія. Горечь хинина, напримѣръ, сахаръ заглушить не можетъ, тогда какъ для этого достаточно ничтожнаго количества сахарина. Одинъ дѣтскій докторъ сообщаетъ, что онъ въ своей практикѣ неоднократно прописывалъ хининъ съ сахариномъ и какао въ видѣ плиточекъ и что его маленькіе паціенты очень любили этотъ шоколадъ. Вѣроятно, въ скоромъ времени сахаринъ будетъ выпущенъ въ продажу и кусками, въ родѣ сахара, теперь же онъ продается исключительно въ видѣ порошка и для отмѣриванія къ нему прилагается маленькая ложечка. Цѣна самаго чистаго раффинированнаго сахарина равняется за 1 кило 44 маркамъ, т.-е. около 8 рублей фунтъ, но сладость такого сахарина превосходитъ въ 500 разъ сладость сахара, слѣдовательно 1 фун. сахарина можетъ замѣнить 500 фунтовъ сахара, за которые пришлось бы заплатить 70—80 рублей. Неудивительно, что сахаринъ такъ быстро распространяется, не смотря на запрещеніе и преслѣдованія. Въ Германіи были изданы даже особыя поваренныя книги, въ которыхъ указано, какъ слѣдуетъ употреблять сахаринъ. Повидимому, ради болѣе легкаго сбыта, сахаринъ былъ выпущенъ въ продажу подъ различными названіями, а именно глюзидъ, сахаринолъ, сахаролъ, цукеринъ, агукаринъ и др. Быстрѣе, чѣмъ въ Германіи, сахаринъ распространился внѣ ея предѣловъ, и въ настоящее время онъ составляетъ важный предметъ торговли. Въ началѣ онъ былъ встрѣченъ съ предубѣжденіемъ, которое, впрочемъ, у потребителей не исчезло и до сихъ поръ, торговцы же очень скоро оцѣнили его выгодныя свойства. Въ самое послѣднее время быстро развившееся сахариновое производство вынесло сильный ударъ. Свеклосахарное производство повсюду переживаетъ, повидимому, кризисъ, въ числѣ возможныхъ причинъ его указывалась и конкуренція со стороны сахарина. Старанія лицъ, заинтересованныхъ въ свеклосахарной промышленности, привели къ тому, что въ рейхстагѣ былъ принятъ законопроектъ, совершенно запрещающій употребленіе искусственныхъ сладкихъ веществъ при приготовленіи пищевыхъ продуктовъ для продажи. Въ Россіи употребленіе сахарина для тѣхъ же цѣлей также запрещено закономъ. Само собою разумѣется, что никакія запрещенія и преслѣдованія производства сахарина не уничтожатъ, такъ какъ онъ оказался слишкомъ выгоднымъ по сравненію съ сахаромъ. Такъ было во многихъ случаяхъ фальсификаціи: напр., маргаринъ въ настоящее время едва ли не вытѣснилъ неподдѣльное масло. Поэтому, было бы желательно, чтобы способы добыванія сахарина были обстоятельно изслѣдованы и чтобы были найдены, если это возможно, такіе методы производства, при которыхъ онъ получался бы дѣйствительно чистымъ и безвреднымъ, съ другой стороны нужны тщательныя физіологическія изслѣдованія надъ вліяніемъ его на животный организмъ, чтобы можно было знать, чего слѣдуетъ ожидать, употребляя въ пищу этотъ суррогатъ сахара.

Бактеріологія. *Вліяніе весьма низкихъ температуръ на бактеріи.* Съ химической точки зрѣнія, жизнь представляетъ собою непрерывный рядъ чрезвычайно сложныхъ и разнообразныхъ реакцій. Всякая химическая реакція требуетъ извѣстной температуры, хотя бы только для того, чтобы начаться. Ниже извѣстнаго минимума всѣ химическія превращенія веществъ останавливаются; даже такая, напримѣръ, реакція, какъ разложеніе металлическимъ натріемъ соляной кислоты, не происходитъ, если предварительно эти вещества охладить снѣгомъ угольной кислоты, тогда какъ при обыкновенной температурѣ разложеніе совершается мгновенно и чрезвычайно бурно, со взрывомъ. Поэтому, при соотвѣтствующемъ охлажденіи организма, можно считать жизнь его, по крайней мѣрѣ съ химической точки зрѣнія, прекратившейся. Опыты, произведенные въ 1898 году Брауномъ и Эскомбомъ надъ сѣменами различныхъ растеній, показали, что, не смотря на охлажденіе въ теченіе 110 часовъ при помощи жидкаго воздуха до 183°—192°, сѣмена сохраняли свою всхо-

жесть. Въ прошломъ году Тизельтонъ Дайеръ подвергъ сѣмена (ячменя, тыквы, пшеницы, гороха, горчицы и др.) еще большему охлажденію, пользуясь для этой цѣли жидкимъ водородомъ, т.-е. до 250°. Такъ какъ всѣ газы въ пріемникѣ, гдѣ были помѣщены сѣмена, при этой температурѣ обратились въ жидкое, или даже твердое состояніе, то условія получились тѣ же, какъ въ межпланетномъ пространствѣ. Не смотря на то, что сѣмена подвергались такому холоду болѣе 6-ти часовъ, они всѣ оказались всхожими. Но въ сѣменахъ, хотя клѣтки и живы, плазма ихъ находится въ особомъ покоющемся состояніи и при обыкновенной температурѣ въ нихъ почти не происходятъ никакія реакціи (было замѣчено крайне слабое дыханіе). Поэтому, чрезвычайно интересны недавно произведенныя наблюденія надъ вліяніемъ температуры жидкаго воздуха на бактерій, находившихся въ дѣятельномъ состояніи. Алленъ Макфайденъ и Руланъ наблюдали, что различныя бактеріи подъ вліяніемъ жидкаго воздуха не утрачиваютъ своей жизнеспособности. Для опытовъ служили патогенныя бактеріи, а именно тифозныя, дифтеритныя, сибирской язвы, холерныя запятыя, гнойные микрококи, далѣе обычная бактерія въ кишечникѣ человѣка B. coli commune, B. proteus vulgaris и наконецъ, бактеріи, обладающія способностью свѣтиться, B. phosphorescens и Photobacterium balticum. Въ первой серіи опытовъ культуры бактерія находились въ жидкомъ воздухѣ въ теченіе 20-ти часовъ. Когда, затѣмъ, онѣ оттаяли, то не было замѣчено никакихъ измѣненій ни во внѣшнемъ ихъ видѣ, ни въ жизненныхъ ихъ свойствахъ. Это наблюденіе особенно поразительно по отношенію къ холернымъ бацилламъ, такъ какъ прежніе опыты показывали, что охлажденіе вредитъ имъ. Въ слѣдующей серіи опыты продолжались цѣлую недѣлю, но и здѣсь (какъ, впрочемъ, нужно было ожидать) бактеріи не погибли. Фосфоресцирующія бактеріи, будучи погружены въ жидкій воздухъ, перестаютъ свѣтиться, но оттаявъ, вновь пріобрѣтаютъ эту способность. Если полоску фильтровальной бумаги, покрытую тонкимъ слоемъ культуры этихъ бактерій и потому ярко блестящую, погрузить въ жидкій воздухъ, свѣтъ ихъ тотчасъ гаснетъ, но если сейчасъ же вынуть полоску, она вновь начинаетъ свѣтиться.

Всѣ вышеописанные опыты, повидимому, говорятъ въ пользу того, что жизнь можетъ прекратиться и затѣмъ при возобновленіи соотвѣтвующихъ условій, если цѣлость организма не была нарушена, появиться вновь.

Зоологія. *Проявленія альтруизма у птицъ.* Въ настоящее время вновь начинаютъ обращать вниманіе на психическія проявленія у животныхъ, причемъ нерѣдко приходится слышать мнѣніе, что всѣ ихъ дѣйствія по существу механичны, хотя, быть можетъ, воззрѣнія современныхъ приверженцевъ механической теоріи въ этомъ отношеніи и менѣе опредѣленны, чѣмъ, напримѣръ, воззрѣніе Декарта, который полагалъ, что животныя даже и боли не чувствуютъ, и мучилъ собакъ, чтобы видѣть, какъ хорошо онѣ подражаютъ выраженіямъ страданія. Извѣстный изслѣдователь жизни муравьевъ Васманъ издалъ сочиненіе, въ которомъ старается доказать, что Ѳома Аквинскій, жившій 600 лѣтъ тому назадъ, проявилъ большее пониманіе души животныхъ, чѣмъ современные психологи, совершенно отказывая животнымъ въ интеллектѣ. Съ другой стороны, изслѣдователь птицъ проф. Альтумъ отрицаетъ у птицъ нетолько различныя добродѣтели, какъ-то: любовь къ птенцамъ, состраданіе и т. д., но даже сознаніе того, что онѣ дѣлаютъ, сводя все на инстинктъ. Однако, уже Дарвинъ указалъ цѣлый рядъ поступковъ птицъ и млекопитающихъ, которые трудно объяснить инстинктомъ. Такъ, напримѣръ, Стенсбёри нашелъ въ Утахѣ около Соленаго озера стараго слѣпого пеликана, котораго въ такомъ изобиліи снабжали пищей его товарищи, что онъ сильно разжирѣлъ, а Блайтъ видѣлъ въ Индіи, что вороны кормили нѣсколько слѣпыхъ товарищей, которые сами не могли себѣ отыскивать пищу. Извѣстно множество случаевъ, что рано оси-

ротѣвшія дѣтеныши были вскормлены взрослыми животными совершенно другого вида; эти явленія старались объяснить, какъ ошибки материнскаго инстинкта. Интересно поэтому сообщеніе знаменитаго зоолога Мильнъ-Эдвардса (директора естественно-историческаго музея и вице-президента французской академіи наукъ, скончавшагося въ апрѣлѣ нынѣшняго года) надъ проявленіемъ сострадания у взрослыхъ птицъ. Въ клѣткѣ въ Парижскомъ зоологическомъ саду (Jardin des Plantes) находились два, такъ называемыхъ, желтыхъ китайскихъ соловья. Это очень красивыя, очень пріятно поющія птицы, хотя соловьями они называются совершенно неправильно, такъ какъ онѣ не только не родственны соловьямъ, но и своимъ пѣніемъ не напоминаютъ ихъ. Указанныя выше двѣ птицы были самки, онѣ жили въ добромъ согласіи, хотя особенной дружбы между ними замѣчено не было. Въ концѣ февраля случилось, что жившій въ той же клѣткѣ сѣрый кардиналъ, очень задорный, какъ и всѣ его товарищи, подрался съ однимъ изъ этихъ китайскихъ соловьевъ, вырвалъ ему большой пучекъ перьевъ и ударомъ своего сильнаго клюва переломилъ ногу. Вслѣдствіе этого несчастная птица не могла уже сидѣть на жердочкѣ, а сидѣла на днѣ клѣтки, дрожа отъ холода вслѣдствіе потери перьевъ. Другой китайскій соловей обнаружилъ къ ней самое живое участіе, спускаясь каждый вечеръ на дно клѣтки, гдѣ предварительно изъ моха и травы приготовлялъ для нея подстилку; затѣмъ онъ садился около раненой птицы и прикрывалъ ее крыломъ, оставаясь всю ночь въ такомъ неудобномъ положеніи. Почти цѣлую недѣлю онъ заботился о своемъ товарищѣ, не пропустивъ ни одной ночи. Когда же, наконецъ, раненая птица умерла, онъ очень опечалился, потерялъ аппетитъ, все время сидѣлъ неподвижно въ углу клѣтки и вскорѣ умеръ и самъ. «Какой инстинктъ могъ побудить птицу къ такимъ поступкамъ?—восклицаетъ Мильнъ-Эдвардсъ.—Одинъ этотъ случай уничтожаетъ все, что говорилось противъ чувства сострадания и наличности разсудка у птицъ».

Химія. 1) *Новый способъ опредѣленія минимальныхъ количествъ мышьяка (при помощи плѣсеней).* Въ Іенѣ, въ одномъ семействѣ умерло въ теченіе 7-ми лѣтъ шестеро дѣтей и всѣ съ симптомами отравленія фосфоромъ. Даже на родителей пало подозрѣніе, что они были виною этихъ смертей. На судебномъ разбирательствѣ всѣми врачами и экспертами какъ причина смерти было указано отравленіе фосфоромъ, хотя химическое изслѣдованіе и не подтвердило ихъ мнѣнія. Вѣроятно, родители все же были бы осуждены, если бы, такъ сказать, въ послѣднюю минуту не было обращено вниманія на зеленую краску обоевъ въ ихъ квартирѣ и она не была подвергнута химическому анализу: оказалось, что въ дѣтской комнатѣ стѣны были окрашены краской, содержащей мышьякъ; равнымъ образомъ мышьякъ оказался въ краскѣ на обояхъ и въ остальныхъ комнатахъ. Въ одной только дѣтской было найдено 272 грамма мышьяка—количество, которое достаточно, чтобы отравить 900 взрослыхъ человѣкъ или 2.800 дѣтей. При осмотрѣ этой комнаты былъ замѣченъ довольно сильный чесночный запахъ, который указываетъ на присутствіе мышьяковистаго водорода. Въ прежнее время вредное дѣйствіе содержащихъ мышьякъ красокъ и окрашенныхъ ими обоевъ приписывали механическому распространенію ядовитаго вещества въ видѣ пыли. Мышьяковистый водородъ является продуктомъ разложенія содержащихъ мышьякъ красокъ. Почему же въ данномъ случаѣ могло произойти это разложеніе? Оказалось, что сырыя стѣны комнаты были покрыты толстымъ слоемъ плѣсени. Естественно было предположить, что жизнедѣятельность грибковъ и явилась причиной образованія летучихъ мышьяковистыхъ соединеній (мышьяковистаго водорода). Однако изслѣдованія, произведенныя Эммерлингомъ надъ разложеніемъ содержащихъ мышьякъ веществъ различными микроорганизмами (бациллами, микрококками, дрожжами и плѣсенями) дали отрицательный результатъ.

Хотя эти организмы обнаружили роскошный ростъ въ присутствіи мышьяковистыхъ соединеній, но мышьяковистаго водорода, отличающагося чесночнымъ запахомъ, они не образовали. Изъ этихъ опытовъ Эммерлингъ вывелъ заключеніе: весьма невѣроятно, чтобы микроорганизмы образовали мышьяковистый водородъ, развиваясь на обояхъ, окрашенныхъ мышьяковистой краской, и поэтому указанные выше случаи отравленія должны быть приписаны все-таки механическому распыленію.

Однако на слѣдующій же годъ Гозіо показалъ, что есть *опредѣленные виды* плѣсневыхъ грибковъ, способные разлагать соединенія мышьяка съ выдѣленіемъ мышьяковистаго водорода. Сюда относятся обыкновеннѣйшія плѣсени: головчатая плѣсень (Mucor mucedo), Aspergillus glaucus и другіе, но особенно одинъ изъ видовъ кистевика (Penicillium brevicaule), который Гозіо называетъ «мышьяковымъ грибкомъ».

Для опредѣленія минимальныхъ слѣдовъ мышьяка до сихъ поръ пользовались хорошо извѣстнымъ способомъ Марша, который состоитъ въ томъ, что мышьякъ возстановляется и получается въ видѣ темнаго кольцеобразнаго налета на фарфоровой пластинкѣ. Въ настоящее же время является возможность открывать мышьякъ новымъ путемъ съ помощью микро-біологическаго изслѣдованія, на что указалъ уже и Гозіо. Недавно въ лабораторіи сельскохозяйственнаго института въ Галлѣ (Мальпурго и Бруннеромъ) были произведены опыты надъ Penicillium brevicaule съ цѣлью выяснить его пригодность для анализа. Этотъ грибокъ въ чистыхъ культурахъ представляетъ собою ослѣпительно-бѣлый налетъ плѣсени. Грибокъ растетъ на всѣхъ субстратахъ, на которыхъ вообще растутъ всѣ плѣсени, напримѣръ, на сыромъ картофелѣ, также хорошо, какъ и на желатинѣ съ настоемъ чернослива. Для испытанія способности грибка образовать мышьяковистыя соединенія были произведены слѣдующіе опыты. Въ шесть колбъ, содержавшихъ каждая по 30 граммъ картофельной мякоти было прибавлено въ первую 0,5, во вторую 1, затѣмъ 2, 5, 20 и 40 миллиграммовъ мышьяка въ формѣ швейнфуртской зелени (обыкновенная зеленая краска); приготовленныя такимъ образомъ среды, были, разумѣется, стерелизованы и затѣмъ въ нихъ были помѣщены чистыя культуры Penicillium brevicaule. Кромѣ первой колбы, содержавшей 0,5 миллиграммовъ мышьяка, всѣ остальныя при комнатной температурѣ вскорѣ стали издавать ясный чесночный запахъ, распространявшійся даже сквозь ватныя пробки. На пятый день запахъ былъ замѣтенъ во всѣхъ, безъ исключенія, колбахъ. Такимъ образомъ оказывается, что при помощи плѣсени мышьякъ можетъ быть открытъ даже и въ томъ случаѣ, если количество его не превосходитъ 0,002% изслѣдуемаго вещества.

Въ послѣднее время этотъ методъ былъ еще болѣе усовершенствованъ. Въ «Zeitschrift f. Hyg. u. Infektionskrankh.». Bd. XXXII. H. 3. помѣщена статья Абеля и Буттенберга, въ которой они сообщаютъ, что имъ удалось, нѣсколько измѣняя условія развитія грибка, сдѣлать его болѣе чувствительнымъ. Они употребляли черный хлѣбъ и культивировали грибокъ при температурѣ 37°. Уже на 2-й, на 3-й день культуры издавали ясный чесночный запахъ, даже если къ нимъ было прибавлено 0,1, а иногда и 0,01 миллиграма мышьяковистой кислоты. Труднѣе открывается мышьякъ въ металлическомъ видѣ; если прибавлялось менѣе 0,1 миллиграма, то съ помощью грибка открыть его не удавалось. Опыты съ фосфоромъ, съ сурьмой и висмутомъ дали отрицательные результаты, т.-е. изъ этихъ веществъ грибокъ пахучихъ веществъ не вырабатываетъ, такъ что при изслѣдованіи съ помощью грибка весьма легко отличить фосфористыя и сурьменистыя соединенія отъ соединеній мышьяка. Авторы изслѣдовали цѣлый рядъ веществъ, содержащихъ мышьякъ, какъ-то различныя соли кислотъ, образуемыхъ мышьякомъ, краску на обояхъ, бумажныхъ

салфеткахъ и абажурахъ, окрашенныя нитки и матеріи, пухъ, окрашенный мѣлъ и чистыя анилиновыя краски, наконецъ различныя пищевыя вещества и минеральныя воды. Въ мукѣ, молокѣ и мясѣ этимъ способомъ весьма легко открываются ничтожнѣйшія примѣси мышьяка, такъ, напримѣръ, 10 грамъ мяса, къ которому было прибавлено только 0,001 миллиграма мышьяковистой кислоты (количество, которое совершенно невозможно взвѣсить), когда на немъ развился грибокъ, обнаружили ясный запахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, на основаніи только что приведеннаго опыта, этотъ способъ оказался особенно пригоднымъ для опредѣленія присутствія мышьяка въ тканяхъ и сокахъ человѣческаго и животнаго организма. Не только на трупѣ, но даже и у живого человѣка послѣ того, какъ онъ принялъ лишь пять капель микстуры, содержащей мышьякъ, удалось открыть этотъ элементъ. Что касается газовъ (пахучихъ веществъ), развиваемыхъ грибкомъ изъ мышьяковистыхъ соединеній, то, какъ и слѣдовало ожидать, вообще они оказались ядовиты, но—что странно—не во всѣхъ опытахъ надъ животными.

Если біологическій методъ не даетъ возможности количественно опредѣлять мышьякъ, то для качественнаго открытія этого элемента онъ имѣетъ большія преимущества, такъ какъ примѣнимъ едва ли не во всѣхъ случаяхъ, превосходитъ химическіе способы въ чувствительности, не требуетъ предварительнаго разрушенія органическаго вещества и образуетъ только изъ мышьяка летучія соединенія, чѣмъ устраняется всякая возможность ошибки.

2) *О самовозгораніи каменнаго угля.* Какъ извѣстно, пожары судовъ, причину которыхъ видятъ въ самовозгораніи сложеннаго большими массами каменнаго угля, далеко не рѣдки. Такъ, напримѣръ, за одинъ годъ изъ 4.485 судовъ, перевозившихъ каменный уголь въ Азію, Африку и Америку, 60 погибло отъ пожара вслѣдствіе такого самовозгоранія, а изъ 77* судовъ свыше 2.000 тоннъ вмѣстимостью, не перевозившихъ угля, сгорѣло отъ той же причины 7. За послѣднее время эти несчастія болѣе рѣдки, но все же случаются. Въ «Revue de chimie industrielle» Аккерманъ сообщаетъ, что адмиралтейство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ произвело новыя изслѣдованія надъ самовозгораніемъ угля. Выяснилось, что воспламененіе происходитъ вслѣдствіе поглощенія кислорода воздуха, которое значительно повышаетъ температуру угля, настолько, что можетъ начаться химическое соединеніе углеводородовъ съ кислородомъ, т.-е. горѣніе. Присутствіе воды содѣйствуетъ этому процессу и вотъ почему: каменный уголь, особенно плохіе сорта, содержитъ примѣсь сѣрнистаго желѣза—пирита (оттого и происходитъ сѣрнистый запахъ при горѣніи каменнаго угля). Подъ вліяніемъ кислорода, воздуха и воды пиритъ превращается въ окись желѣза, причемъ освобождается теплота. Кромѣ того, въ этихъ условіяхъ онъ разсыпается въ порошокъ, вслѣдствіе чего и уголь крошится. Чѣмъ мельче куски угля, тѣмъ легче онъ поглощаетъ кислородъ. Чтобы воспрепятствовать этому, лучше всего устраивать помѣщеніе для угля изъ желѣза; складывать уголь нужно такъ, чтобы въ вышину онъ занималъ не болѣе 2—2$^1/_2$ метровъ. Льюисъ, профессоръ химіи въ Гринвичѣ, увѣряетъ, что нужно уничтожить вентиляцію этихъ помѣщеній. Повидимому, онъ правъ, такъ какъ вентиляція нисколько не помогла дѣлу, и многія суда, въ которыхъ помѣщеніе для угля вентилировались, все-таки сгорѣли. Для безопасности уголь долженъ перевозиться большими кусками и не содержать пирита. Такъ какъ способность къ воспламененію увеличивается въ присутствіи влажности, то содержаніе ея не должно превосходить 3%. Кромѣ того, есть сорта угля, совершенно непригодные для перевозки на судахъ. При полномъ отсутствіи воды и воздуха, уголь не способенъ къ самовозгоранію, поэтому слѣдуетъ остерегаться смачивать его водою. Если бы было возможно совершенно устранить доступъ воздуха, то это, конечно, была бы лучшая мѣра предосторожности, но,

къ сожалѣнію, на практикѣ это невыполнимо. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ выбирать для перевозки возможно большіе куски угля, не содержащаго пирита. и покрывать ихъ слоемъ каменноугольнаго дегтя, который предохраняетъ ихъ отъ дѣйствія влаги и воздуха. Примѣненіе для нагрузки механическаго способа можетъ принести большую пользу, такъ какъ этимъ можно избѣжать каменноугольной пыли. Непосредственной причиной самовозгоранія является, повидимому, медленное окисленіе какихъ-то углеводородовъ, потому что при поглощеніи каменнымъ углемъ кислорода выдѣляется углекислота и вода. Если мы возьмемъ кусокъ угля, содержащаго пиритъ, и подвергнемъ его дѣйствію воздуха и влажности, то замѣтимъ, что, вслѣдствіе окисленія пирита, уголь крошится и нагрѣвается, образуются летучіе продукты перегонки, которые и могутъ воспламениться. Такимъ образомъ очевидно, что для перевозки нужно употреблять уголь лучшаго качества, не содержащій пирита: англійскій уголь, изъ Валлиса, воспламеняется лишь при 460°, тогда какъ уголь болѣе низкаго сорта при температурѣ на 100° меньшей. Валлійскій уголь даетъ малое пламя и горитъ медленно, образуя мало дыма. Напротивъ, болѣе низкій сортъ, такъ называемый cannel-coal даетъ гораздо большее пламя и образуетъ много искръ. Вотъ этотъ-то уголь особенно слѣдуетъ избѣгать для перевозки на большія разстоянія («Revue scientifique»).

Медицина. *Изслѣдованія надъ грибнымъ ядомъ.* Въ 1891 году Эрлихъ показалъ, что животныя могутъ пріобрѣсти невоспріимчивость относительно токсальбуминовъ растительнаго происхожденія, абрина и рицина (растительныхъ ядовъ). Въ настоящее время, основываясь на этихъ изслѣдованіяхъ, Пеллегрини поставилъ себѣ задачей изучить въ этомъ отношеніи грибные яды, причемъ, къ сожалѣнію, онъ ограничился изученіемъ яда одного изъ видовъ мухоморовъ (Amanita phalloides), который не имѣетъ на шляпкѣ характерныхъ бѣлыхъ пятенъ и, поэтому, легко можетъ быть принятъ за какой-нибудь другой съѣдобный грибъ. Дѣйствительно, этотъ грибъ въ Италіи въ 9-ти случаяхъ изъ 10-ти является причиною отравленія грибнымъ ядомъ.

Для опытовъ употреблялась водяная вытяжка. Для полученія ея 500 грамъ свѣжихъ грибовъ растиралось въ ступкѣ и смѣшивалось 1.000 куб. сант. воды. Отфильтрованный растворъ (котораго получалось около 1.200 куб. сант.) представляетъ прозрачную жидкость лимонно-желтаго цвѣта, которая, будучи введена въ кровь различнымъ животнымъ, причиняла смерть спустя 16—60 часовъ. Высушенный экстрактъ далъ тѣже результаты. Щелочи уничтожаютъ грибной ядъ, кислоты не оказываютъ на него никакого дѣйствія. Морскія свинки, которымъ былъ введенъ въ кровь грибной ядъ въ количествахъ далеко превышающихъ смертельныя дозы, но съ прибавкою 1% соды, остались живы. Это указываетъ на большую аналогію между грибнымъ ядомъ и змѣинымъ, который также нейтрализуется щелочными растворами. Смертельная доза водной вытяжки свѣжихъ грибовъ по вычисленію равняется 4 сантиграм. на 1 киллограмъ вѣса тѣла для морскихъ свинокъ и 2-мъ сантиграм. на 1 килогр. для кроликовъ. Такъ какъ, при введеніи яда черезъ желудокъ, онъ дѣйствуетъ медленно и не такъ вѣрно, то при изслѣдованіи всегда примѣнялось подкожное впрыскиваніе.

Попытка приготовить сыворотку для лѣченія въ случаяхъ отравленія этимъ ядомъ потребовала многочисленныхъ опытовъ, которые сообщены въ «Rivista d'Igiene» 1899 г. и представляютъ первую часть изслѣдованія: въ ближайшемъ будущемъ авторъ предполагаетъ выработать способъ предохранительныхъ прививокъ противъ грибного яда. Результаты уже произведенныхъ изслѣдованій резюмируются въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Грибной ядъ весьма растворимъ въ водѣ, и водный экстрактъ его сохраняетъ свои ядовитыя свойства въ теченіе долгаго времени (черезъ 11 мѣсяцевъ послѣ приготовленія онъ еще дѣйствовалъ).

2) Ядъ не уничтожается высушиваніемъ и нагрѣваніемъ.

3) Млекопитающія и птицы весьма воспріимчивы даже и къ слабымъ дозамъ грибного яда, тогда какъ на пресмыкающихся и, вообще, на холоднокровныхъ животныхъ онъ не оказываетъ никакого дѣйствія.

4) Для отравленія весьма важенъ способъ введенія яда животному. Подкожное впрыскиваніе является всегда наиболѣе дѣйствительнымъ и имъ можно было бы воспользоваться въ цѣляхъ гигіены для изслѣдованія имѣющихся въ продажѣ свѣжихъ и сушеныхъ грибовъ.

5) У животныхъ, вообще подверженныхъ дѣйствію грибного яда, можно выработать невоспріимчивость даже и къ высокимъ дозамъ его.

6) Сыворотка животныхъ (пріученныхъ къ яду) пріобрѣтаетъ антитоксическія свойства и въ извѣстныхъ границахъ можетъ дѣйствовать, какъ лѣчебное средство, какъ показали опыты съ искусственнымъ отравленіемъ.

7) Самый ядъ подъ вліяніемъ сыворотки не подвергается никакимъ измѣненіямъ, слѣдовательно при лѣченіи сывороткой она дѣйствуетъ не на ядъ, а на ткани организма, дѣлая ихъ невоспріимчивыми.

Весьма вѣроятно, что во всѣхъ ядовитыхъ грибахъ ядовитыя начала, если и не вполнѣ тождественны между собою, то, во всякомъ случаѣ, весьма схожи по свойствамъ. Поэтому, изъ наблюденій Пеллегрини можно извлечь и общія практическія указанія. Изъ нихъ можно вывести, что, имѣя дѣло съ сомнительными грибами, лучше всего, конечно, если есть возможность, не пробовать ядовитость ихъ вытяжки на животныхъ; во всякомъ случаѣ, недостаточно ихъ сварить и сжарить, чтобы сдѣлать ихъ безвредными, чего достаточно для зараженнаго мяса, напримѣръ. Лучше же всего передъ тѣмъ, какъ жарить, вымочить ихъ долгое время въ водѣ, по возможности перемѣняя ее нѣсколько разъ, и если это не окажется неудобнымъ, прибавляя къ водѣ соды.

Что же касается выроботки способа лѣченія при помощи сыворотки и предохранительныхъ прививокъ, то въ данномъ случаѣ едва ли это вѣрный путь. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ микроорганизмами, а съ ядовитымъ веществомъ, количество котораго бываетъ всегда ограничено и не способно само по себѣ увеличиваться, такъ что было бы естественнѣе искать противоядія и способовъ уничтоженія этого вещества въ грибахъ передъ употребленіемъ ихъ въ пищу.

Техника. 1) *Фиброленмъ—новый суррогатъ кожи.* Это вещество приготовляется изъ обрѣзковъ кожи: его изобрѣтателю Бригалану пришла мысль воспользоваться остатками кожи, точно также, какъ пользуются старой бумагой, приготовляя изъ нея снова бумагу же, или картонъ. Разсматривая кожу въ микроскопъ, можно замѣтить, что она состоитъ изъ довольно длинныхъ волоконъ, склеенныхъ между собою особеннымъ веществомъ. Щелочные растворы это промежуточное вещество растворяютъ, такъ что при помощи ихъ можно изолировать волокна, какъ это дѣлаютъ съ растительными волокнами для приготовленія бумаги, и затѣмъ посредствомъ почти тѣхъ же пріемовъ, которые употребляются при писчебумажномъ производствѣ, получить изъ нихъ листы, состоящіе изъ войлока этихъ волоконъ кожи. Такой продуктъ и составляетъ фибролеумъ.

На фабрикѣ Бригалана употребляютъ обрѣзки кожи, искрошенные въ мелкіе кусочки; ихъ помѣщаютъ въ громадные чаны, вмѣстимостью въ 4.000 килограмовъ (125 пудовъ) и затѣмъ вымачиваютъ ихъ въ щелочномъ растворѣ. Въ этомъ растворѣ они находятся 1—2 недѣли при обыкновенной температурѣ. Затѣмъ щелочной растворъ удаляютъ, массу промываютъ холодной водой и помѣщаютъ въ особый аппаратъ, въ которомъ обрѣзки кожи расщепляются на волокна. Такимъ образомъ получается очень мягкая на ощупь масса; ее очищаютъ, прибавляютъ къ ней растительныхъ волоконъ (пеньки, джута, соломы и т. д.), и приготовленное изъ этой смѣси тѣсто превращаютъ въ листы на

обыкновенной, употребляемой въ писчебумажномъ производствѣ, машинѣ. Эти листы, даже пока они еще и не высохли, отличаются значительной крѣпостью, хотя толщина ихъ не превосходитъ 0,1 миллиметра, а листъ въ квадратный метръ величиною вѣситъ не болѣе 25—30 грам. (около 1/16 фун.). Затѣмъ эти листы еще сырыми навертываютъ на цилиндры, такъ что они плотно пристаютъ другъ къ другу. Получивъ желаемую толщину, ихъ разрѣзаютъ на цилиндрѣ; такимъ образомъ приготовляются листы кортона, толщиною 1—10 сант., состоящіе изъ первоначально получаемыхъ тонкихъ листовъ, склеенныхъ между собой, числомъ отъ 100 до 1.000. Затѣмъ листы картона проводятъ между войлокомъ подъ гидравлическимъ прессомъ, которымъ отжимается изъ нихъ вода; ихъ сушатъ въ горячемъ воздухѣ и, наконецъ, лощатъ. Полученный такимъ образомъ продуктъ обладаетъ почти всѣми существенными свойствами естественной кожи. Онъ можетъ найти себѣ широкое примѣненіе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказаться весьма полезнымъ, хотя въ сущности онъ не предназначенъ замѣнить натуратульную кожу, но уже и теперь его примѣняютъ въ качествѣ суррогата, напр., для выдѣлки дешевой обуви Правда, фибролеумъ не рвется на сгибахъ и представляетъ очень большую крѣпость на растяженіе, такъ какъ волокна, входящія въ составъ его, сохраняютъ всѣ свойства той кожи, изъ которой они получены. — но обладаетъ однимъ недостаткомъ, о которомъ дальше будетъ сказано подробно. Изъ фибролеума съ успѣхомъ приготовляютъ каблуки и то, что сапожники называютъ поднарядъ; каблуки изъ натуральной кожи приготовляютъ изъ нѣсколькихъ склеенныхъ между собою слоевъ; напротивъ, изъ фибролеума можно приготовить сразу пласты, которые послѣ высушиванія примутъ желаемую толщину, такъ что затѣмъ изъ нихъ прямо можно вырѣзывать каблуки штампомъ. Для каблука въ 3 сант. толщиною, напримѣръ, требуется 800 листовъ. Недостатокъ фибролеума состоитъ въ томъ, что его нельзя подвергать вліянію сырости, конечно, онъ несравненно больше сопротивляется ей, чѣмъ папье-маше, но все же онъ поглощаетъ воду гораздо больше, чѣмъ натуральная кожа, несмотря на то, что его, какъ бумагу, проклеиваютъ смолой. Какъ фибролеумъ измѣняется подъ вліяніемъ воды, можно видѣть изъ слѣдующихъ опытовъ. Было взято два одинаковыхъ куска кожи и фибролеума и погружены въ воду, черезъ опредѣленные промежутки времени они вынимались, вытирались тряпкой и взвѣшивались. Черезъ 1/2 часа вѣсъ кожи увеличился на 2%, фибролеума на 6,7%, черезъ часъ—на 3,2% и на 8,7%, черезъ сутки—на 12,9%и 32,8%, т.-е. чѣмъ дальше оставались испытываемые образцы въ водѣ, тѣмъ болѣе сглаживалась разница въ прибыли ихъ вѣса. Въ среднемъ фибролеумъ поглощаетъ воду въ 3 раза скорѣе, чѣмъ кожа, но слои его не расклеиваются, и по высыханіи онъ вновь пріобрѣтаетъ свою гибкость и твердость. Можно надѣяться, что Бригаланъ найдетъ соотвѣтствующій способъ проклейки; нѣтъ никакихъ причинъ считать эту задучу неразрѣшимой. Когда это будетъ сдѣлано, то фибролеумъ, навѣрное, широко распространится.

Въ настоящее время изобрѣтатель его приготовляетъ 120—150 гроссовъ поднарядовъ въ день, и въ виду возрастающихъ требованій ему придется скоро изготовлять по 1.000 гроссовъ поднарядовъ и по 5.000 дюжинъ каблуковъ въ день. Очевидно, слѣдовательно, что теперь этотъ продуктъ служитъ для фальсификаціи кожи. Въ скоромъ времени на этой же фабрикѣ начнется изготовленіе тисненнаго фибролеума, употребляемаго въ качествѣ шпалеръ и для обивки мебели. Фабриканту фибролеумъ обходится очень дешево, гораздо дешевле, чѣмъ какая-либо изъ употребляемыхъ теперь искусственныхъ кожъ, такъ поднарядъ для обуви изъ натуральной кожи обходится 30 франковъ гроссъ; изъ фибролеума около 7 1/2 франковъ, а изъ искусственной кожи около 23-хъ, каб-

луки изъ фибролеума стоятъ въ 5 разъ дешевле, чѣмъ изъ натуральной кожи, но немного дешевле, чѣмъ изъ искусственной.

Этому новому производству, повидимому, предстоитъ хорошая будущность, такъ какъ оно пользуется остатками, отбросами, которые ранѣе утилизировались только въ видѣ удобренія или при нѣкоторыхъ химическихъ производствахъ (напр., приготовленіе ціанистаго кали). Надо пожелать, чтобы оно не превратилось лишь въ новый способъ фальсификаціи кожи, а было бы усовершенствовано и доставляло бы продукты, соотвѣтствующіе ихъ назначенію («La Nature»).

2) *Новый способъ цвѣтной фотографіи.* Въ № 798 «Cosmos'a» описанъ новый чрезвычайно простой и легкій способъ цвѣтной фотографіи, который не требуетъ никакихъ особенныхъ приспособленій и, поэтому, доступенъ почти каждому любителю, тогда какъ всѣ существующіе способы отличаются и сложностью, и дороговизной. Изобрѣтатель разсуждалъ слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ соединеніемъ въ различной пропорціи только двухъ цвѣтовъ: фіолетоваго, получаемаго при помощи хлористаго серебра, и оранжеваго двухромовокаліевой соли, можно составить почти всѣ оттѣнки, то, печатая снимки на голубой бумагѣ, мы получимъ изображеніе всѣхъ сине-фіолетовыхъ цвѣтовъ, а на оранжевой бумагѣ—оранжевыхъ. Затѣмъ, накладывая отпечатки другъ на друга или соединяя ихъ при помощи стереоскопа, мы должны получить изображенія всѣхъ цвѣтовъ. Опытъ, какъ увѣряетъ авторъ, подтвердилъ его заключеніе. Снимки и отпечатки получены были такъ: сквозь красное стекло на пластинкѣ, чувствительной къ оранжевому цвѣту, онъ получалъ изображеніе тѣхъ оттѣнковъ, въ составъ которыхъ входитъ оранжевый цвѣтъ, соотвѣтственно его интенсивности. Затѣмъ, сквозь синее стекло, на пластинкѣ, чувствительной къ зеленому, онъ получалъ отпечатокъ зеленыхъ и синихъ лучей. Можно употреблять и стереоскопическую камеру и получить такимъ образомъ одновременно оба необходимые снимка. Проявивъ пластинки, онъ печаталъ ихъ—первую на ферро-пруссіатной бумагѣ, получая такимъ образомъ синій отпечатокъ, вторую—на хлоро-серебряной, ограничиваясь затѣмъ фиксированіемъ ея въ гипосульфитѣ, вслѣдствіе чего получается буровато-оранжевый отпечатокъ. Разсматривая эти отпечатки въ стереоскопѣ при бѣломъ свѣтѣ, на нихъ нельзя увидѣть различныхъ цвѣтовъ, но если освѣтить при помощи соотвѣтствующихъ экрановъ синій отпечатокъ краснымъ свѣтомъ, и оранжевый отпечатокъ—чистымъ синимъ, то цвѣта выступаютъ совершенно ясно, вполнѣ соотвѣтственно дѣйствительности. Разумѣется, если съемка была произведена стереоскопическимъ аппаратомъ, то изображеніе еще болѣе выигрываетъ. Замѣчательно, что этимъ способомъ хорошо передается блескъ металловъ, и позолота, напримѣръ, не кажется просто желтой, а, дѣйствительно, производитъ впечатлѣніе золота. Если приготовить одинъ изъ отпечатковъ прозрачнымъ, то наложивъ его на другой, мы получимъ прямо изображеніе въ краскахъ. Изобрѣтатель увѣряетъ, что если средства позволятъ ему поставить опыты болѣе широко, то въ скоромъ времени онъ найдетъ способъ получать цвѣтное изображеніе посредствомъ одного только негатива и одной бумаги, причемъ манипуляціи съемки, проявленія и печатанія будутъ не сложнѣе, чѣмъ въ обыкновенной фотографіи.

Д. Н.

Астрономическія извѣстія.

Новая фаза въ изученіи строенія млечнаго пути. Еще Демокритъ за четыре вѣка до Рождества Христова училъ, что млечный путь—эта матовая широкая полоса, которая тянется по небу и такъ рѣзко выступаетъ въ

темныя ночи—есть не что иное, какъ собраніе безконечнаго числа мелкихъ звѣздъ, слабое мерцаніе которыхъ сливается въ общее матовое сіяніе. Но онъ, конечно, съ своей идеей оставался почти одинъ. Масса, и не одна масса, удовлетворялась въ объясненіяхъ млечнаго пути различными миѳами. Самое названіе образованія было почерпнуто изъ сказанія, что нѣкогда богъ Гермесъ подсунулъ Герѣ для кормленія грудью Геракла, но та оттолкнула ненавистнаго ей ребенка, при этомъ молоко изъ груди брызнуло и разлилось по небу, оставивши на немъ навсегда слѣдъ. Вполнѣ опредѣленно представлялъ себѣ млечный путь, какъ громадную звѣздную систему, Кеплеръ, но болѣе прочно этотъ взглядъ устанавливается съ Галилея, который непосредственно въ трубу показалъ строеніе млечнаго пути. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ и популярныхъ книжкахъ можно даже найти заявленіе, что Галилей раздѣлилъ вполнѣ млечный путь на отдѣльныя звѣзды. Но это, конечно, недоразумѣніе. Галилей видѣлъ только наиболѣе яркія звѣзды. Даже въ громадные телескопы новѣйшаго времени во многихъ мѣстахъ млечнаго пути остается неразрѣшенной, неразделенной бѣлая матовая полоса, являющаяся фономъ, на который проектируются отдѣльныя звѣзды.

Особенно интересовался млечнымъ путемъ знаменитый Вильгельмъ Гершель. Онъ изслѣдовалъ строеніе его въ связи съ остальной массой звѣздъ, разбросанныхъ по небесному своду въ ту и другую сторону отъ млечнаго пути. Направляя свой могучій телескопъ на одно, на другое, третье мѣсто на небѣ и сосчитывая каждый разъ число звѣздъ, видимыхъ въ полѣ зрѣнія трубы (методъ пробъ, черпаній), Гершель опредѣленно, въ числахъ, показалъ, что общее число звѣздъ убываетъ въ ту и другую сторону отъ средней плоскости млечнаго пути, причемъ въ такой пропорціи, какъ будто весь звѣздный міръ составляетъ одну систему въ формѣ линзы, внутри (но не въ центрѣ) которой помѣщается наше солнце со всѣми планетами. Гершель предполагалъ, что звѣзды равномѣрно распредѣлены въ пространствѣ, отсюда непосредственно выходило, что если въ полѣ зрѣнія трубы въ какомъ либо ея положеніи и появлялось больше звѣздъ, чѣмъ при наведеніи ея на другое мѣсто неба, то въ первомъ направленіи звѣзды наполняютъ пространство на большемъ протяженіи, чѣмъ во второмъ. Линза, въ формѣ которой представляется такимъ образомъ наша звѣздная система, вытянута въ направленіи млечнаго пути, причемъ въ этомъ направленіи ея протяженіе въ пять слишкомъ разъ больше, чѣмъ въ перпендикулярномъ. Гершель вошелъ также въ разсмотрѣніе строенія отдѣльныхъ частей млечнаго пути, но на его изслѣдованіяхъ, равно какъ и на позднѣйшихъ работахъ другихъ ученыхъ, Вильгельма Струве, Аргельндера, Зеелигера, Гульда, Проктора останавливаться не будемъ, потому что всѣ эти изслѣдованія, поправляя и дополняя другъ друга, не могли установить окончательно болѣе или менѣе вѣроятнаго строенія звѣзднаго міра. Рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ далекому будущему.

Но человѣкъ не можетъ успокоиться на одномъ признаніи подобнаго факта, не смущаясь, онъ собираетъ матеріалъ, ищетъ новыхъ методовъ для рѣшенія интереснаго, важнаго вопроса.

Еще въ недавнее время мы имѣли нѣсколько попытокъ изученія общей видимой формы млечнаго пути по систематическимъ наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ и биноклемъ. Это также чрезвычайно важно и можно всякому, кто обладаетъ досугомъ, посовѣтовать заняться наблюденіями млечнаго пути въ хорошія темныя ночи, особенно на югѣ, такъ какъ нельзя не сознаться, что намъ до сихъ поръ форма его—его общія очертанія совсѣмъ неизвѣстны—чуть лучше погода, темнѣе ночь и мы видимъ полосу шире, замѣчаемъ подробности въ ея строеніи болѣе свѣтлыя и темныя мѣста, дѣленія и пр.

Но главное значеніе, конечно, будетъ имѣть фотографія—это могучее орудіе нашего времени.

Знаменитый американскій астрономъ Барнардъ далъ намъ нѣсколько прекрасныхъ снимковъ млечнаго пути. При взглядѣ на отпечатокъ снимка, не знаешь, чему больше дивиться: громадной ли массѣ звѣздъ на немъ, подробностямъ ли, которыя замѣтны въ ихъ распредѣленіи, или той правильной круглой формѣ самыхъ маленькихъ звѣздочекъ, которая является совершенно поразительной для экспедиціи въ 5 слишкомъ часовъ. Такъ какъ сводъ небесный вращается, то труба должна перемѣщаться, чтобы звѣзда оставалась въ полѣ зрѣнія или чтобы ея изображеніе приходилось всегда на одно мѣсто фотографической пластинки. Ни одинъ часовой механизмъ не можетъ вести трубу плавно, согласно съ небеснымъ сводомъ. Астрономъ самъ долженъ все время оставаться у инструмента и, не отрывая глаза отъ окуляра трубы—ведущей, параллельной трубѣ фотографической, держать все время какую-либо разъ выбранную звѣзду на меткѣ въ полѣ трубы. Это тонкая, утомительная работа!

Проф. Вольфъ въ Гейдельбергѣ, прославившійся своими открытіями съ помощью фотографіи малыхъ планетъ, поставилъ себѣ спеціальной задачей систематическое фотографированіе млечнаго пути. Сначала на своей скромной частной абсерваторіи, а теперь на новой большой великогерцогской въ Кенигштулѣ, на высотѣ 600 метровъ, снимаетъ онъ послѣдовательно пластинку за пластинкой впродолженіи уже нѣсколькихъ лѣтъ. Къ небольшой сравнительно трубѣ съ двухъ противоположныхъ сторонъ прикрѣплены у него двѣ одинаковыя большія камеры съ портретными объективами по шести дюймовъ въ діаметрѣ. Камеры параллельны, такъ что въ обѣихъ получаются снимки одной и той же области неба. Это очень важно для опредѣленія реальности той или другой мелкой подробности, какъ, напримѣръ, маленькой черточки, представляющей слѣдъ малой планетки, которая, вслѣдствіе своего движенія, относительно звѣздъ является на пластинкѣ вытянутой въ то время, какъ звѣзды круглы.

Коллекція снимковъ проф. Вольфа составитъ основной, наглядный матеріалъ для изслѣдованія строенія млечнаго пути какъ общаго, такъ и детальнаго. Уже и теперь выясняются интересные факты. Разсказываютъ, что однажды В. Гершель, изслѣдуя густую звѣздами часть млечнаго пути, вдругъ наткнулся на совершенно пустое мѣсто, такъ что не удержался и воскликнулъ: «Здѣсь настоящее отверстіе въ небѣ».

До послѣдняго времени на такія отверстія, окошки въ млечномъ пути натыкались случайно и не часто, ихъ общее число было незначительно.

При систематическомъ фотографированіи проф. Вольфа, обнаружилось, что этихъ загадочныхъ пустотъ въ млечномъ пути очень много. Если переписать всѣ и опредѣлить ихъ положеніе, то составится цѣлый каталогъ. Понятно, что подробное изслѣдованіе формы размѣровъ каждой, въ связи съ распредѣленіемъ звѣздъ вокругъ, существенно важно для выясненія строенія млечнаго пути, силъ и условій, которыми опредѣляется положеніе звѣздъ въ немъ.

Интересно также, что границы млечнаго пути на небесномъ фонѣ сравнительно очень рѣзки. На снимкахъ Вольфа даже наиболѣе яркія мѣста млечнаго пути получаются съ мелкими подробностями, мы видимъ не общее матовое сіяніе, а ясно различаемъ каждую отдѣльную звѣздочку, проектирующуюся на свѣтлый фонъ.

Недавно скончавшаяся извѣстная американская меценатка г-жа Брюсъ предоставила въ распоряженіе пытливаго, энергичнаго естествоиспытателя значительную сумму денегъ. На эти деньги проф. Вольфъ заказалъ инструментъ той же конструкціи, съ которымъ началъ свои работы, но гораздо большихъ размѣровъ. Объективы въ камерахъ имѣютъ въ діаметрѣ по 16 дюймовъ при фо

кусномъ разстояніи всего въ 2 метра, такъ что свѣтосила ихъ необычайно велика. Для ведущей трубы объективъ въ 10 дюймовъ съ фокуснымъ разстояніемъ въ 4 метра даритъ знаменитый заводъ Цейса въ Іенѣ, который три года тому назадъ началъ, какъ я писалъ въ одной изъ хроникъ, изготовлять астрономическіе объективы удивительныхъ качествъ по системѣ проф. Паули.

Конечно, съ этимъ могучимъ инструментомъ проф. Вольфъ соберетъ массу интереснаго матеріала и сдѣлаетъ не мало открытій.

Меньшій изъ астероидовъ. На обсерваторіи Лика, съ помощью фотографіи, открыта планетка, слѣды которой оказались на снимкахъ 6,9 и 26 декабря 1899 года и 19 января 1900 г. Орбита ея, вычисленная Palmer'омъ, ничего особеннаго не имѣетъ—это обыкновенный астероидъ съ временемъ обращенія вокругъ солнца въ 4,8 года, при незначительномъ эксцентриситетѣ (0,021) и съ малымъ наклоненіемъ орбиты къ эклиптикѣ (3°,2). Но по яркости планетка является исключительной. Уже впродолженіе многихъ лѣтъ, за исключеніемъ Эрота, астрономы открываютъ астероиды, большею частью очень слабые по яркости—11 или 12 величины, а теперь добрались и до значительно слабѣйшихъ. Яркость новой планетки еще въ 50 разъ меньше. Она не превосходитъ *семнадцатой* величины, при лучшихъ условіяхъ достигаетъ шестнадцатой, такъ что планетка будетъ едва видима при хорошихъ атмосферныхъ условіяхъ въ самые большіе телескопы. Эта наименьшая изъ всѣхъ малыхъ планетъ, такимъ образомъ, можетъ имѣть діаметръ всего въ 8—10 километровъ. Ближайшая къ ней по размѣрамъ планета, извѣстная подъ номеромъ (228) (Агаѳія), которая въ ближайшемъ отъ солнца разстояніи является $12^1/_2$ величиной, а въ наибольшемъ удаленіи—16-ой.

Новая планетка занесена въ каталогъ малыхъ планетъ подъ номеромъ (452).

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.

Іюль. 1900 г.

Содержаніе:—Критика и исторія литературы.—Публицистика.—Политическая экономія.—Медицина и гигіена.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина».—*А. И. Введенскій*. «Общественное самосознаніе въ русской литературѣ».—*А. С. Суворинъ*. «Поддѣлка «Русалки» Пушкина».

Н. Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина». Книга XIV. Спб. 1900 г. Новая книга монументальной біографіи Погодина обнимаетъ первые два года царствованія императора Александра II и отличается тѣми же достоинствами и недостатками, которые были отмѣчены въ предъидущихъ книгахъ. Главные недостатки—лѣтописный характеръ изложенія и загроможденія книги длиннѣйшими и скучнѣйшими цитатами, которыя очень часто взяты изъ доступныхъ всѣмъ изданій и, что еще важнѣе, иногда не имѣютъ никакого отношенія къ Погодину. Главныя достоинства сочиненія г. Барсукова, которое было бы правильнѣе назвать: «Погодинъ и его время»,—сводъ данныхъ, хотя не всегда отличающійся возможной полнотою, о цѣломъ рядѣ явленій общественной и литературной жизни въ Россіи за указанный періодъ и особенно опубликованіе множества писемъ, адресованныхъ Погодину.

Въ началѣ новаго царствованія Погодинъ проявлялъ такую же кипучую дѣятельность, какъ и раньше. Онъ писалъ историко-политическія письма и записки, печаталъ патріотическія статьи на страницахъ своего «Москвитянина», произносилъ надгробныя, юбилейныя и застольныя рѣчи, устраивалъ торжественные обѣды въ честь севастопольскихъ героевъ, хлопоталъ о передачѣ въ другія руки своего журнала, работалъ надъ своими «Изслѣдованіями», наконецъ, отправился отдыхать въ Западную Европу. Кипучая работа не мѣшала Погодину строить и воздушные замки. Онъ «постоянно мечталъ сдѣлаться то вице-президентомъ академіи наукъ, то оберъ-прокуроромъ св. синода, то наставникомъ наслѣдника русскаго престола, то попечителемъ, то директоромъ департамента народнаго просвѣщенія, то, наконецъ, дипломатомъ».

Загромоздивъ книгу, по обыкновенію, ничтожнѣйшими мелочами, въ родѣ разсказа о какомъ-то снѣ, смутившемъ душевный покой Погодина мрачными предчувствіями, біографъ въ то же время допустилъ не мало существенныхъ недомолвокъ и даже пропусковъ, касающихся непосредственно его «героя». Такъ, напримѣръ, приводится письмо Погодина императору Александру II съ ходатайствомъ о назначеніи пенсіи семьѣ Мицкевича, но о судьбѣ этого письма не говорится ни слова; упоминается проектъ Погодина о походѣ въ Индію, но никакихъ подробностей этого проекта не сообщается, хотя рукопись его была у г. Барсукова. Далѣе, отмѣчая наиболѣе важныя явленія литературной жизни въ 1855 и 1856 годахъ, г. Барсуковъ ни единымъ словомъ не обмолвился

о появленіи «Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы», несмотря на то, что тамъ находится весьма лестный отзывъ о Погодинѣ.

Если только что указанный пропускъ можно объяснить односторонностью симпатій біографа, то слѣдующій, самый существенный, пропускъ ничѣмъ необъяснимъ. Въ то время, какъ въ XIII томѣ г. Барсуковъ почти цѣликомъ перепечаталъ историко-политическія письма Погодина, написанныя въ 1853 и 1854 годахъ, въ XIV томѣ изъ семи писемъ 1855—1856 годовъ этой чести удостоились только два письма; объ остальныхъ же вовсе не упомянуто. А между тѣмъ оставленныя безъ вниманія письма для характеристики Погодина неизмѣримо важнѣе очень многихъ перепечатанныхъ г. Барсуковымъ застольныхъ рѣчей и статей. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ Ѳ. И. Тютчеву отъ 7-го апрѣля 1855 г. Погодинъ проектируетъ союзъ съ Франціей. Результатомъ этого союза будетъ то, что Западъ будетъ предоставленъ Наполеону III, а Востокъ—Россіи, и политическое состояніе Европы современемъ будетъ представлять такой видъ: «Русскіе великіе князья на престолахъ Богеміи, Моравіи, Венгріи, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи, Сербіи, Болгаріи, Греціи, Молдавіи, Валахіи, а Петербургъ въ Константинополѣ. Корона нѣмецкаго императора на главѣ прусскаго короля. Рейнъ—граница Франціи. Наполеониды въ Италіи. Австрійская и турецкая имперіи не существуютъ. Англія—торговая контора съ платежомъ гильдейской повинности Бонапарту». Въ небольшомъ письмѣ, отъ 16-го мая 1855 г., Погодинъ указываетъ на до-реформенныя язвы Россіи, обнаруженныя войной. «Припасы наши истощаются понапрасну, безпрестанные наборы ослабляютъ населеніе, опустошаютъ землю, торговля остановилась, золото сибирское расточается дурно, а, что всего хуже, правда вышла изъ общаго употребленія, какъ ненужная ассигнація, и замѣнилась вездѣ всепроникнувшею ложью, которая со всякою минутою покрываетъ тьмою глаза правительства гуще и гуще... Мы всѣ теперь упали духомъ, ослабѣли, опошлѣли, притупѣли, испортились, развратились, отвыкли отъ участія въ общемъ дѣлѣ и лжемъ безъ всякаго милосердія... Мы представляемъ теперь трупъ, вспрыснутый уже мертвою водою; насъ надо вспрыснуть живою водою, и Европа удивится, можетъ быть, русской силѣ». Въ качествѣ такой «живой воды» Погодинъ предлагаетъ «самое старое средство»—земскую думу. Въ длинномъ письмѣ, написанномъ въ началѣ 1856 г., говорится о критическомъ положеніи Россіи, которую хотятъ ограничить владѣніями перваго Романова, и предлагается рядъ новыхъ средствъ для спасенія отечества. На-ряду съ предложеніями крайне наивными (напр., отмѣна всѣхъ увеселеній и празднествъ, бойкотированіе иностранныхъ магазиновъ, снаряженіе экспедицій въ Индію «хоть на бумагѣ» и т. д.), Погодинъ предлагаетъ привлечь на сторону Россіи общественное мнѣніе Западной Европы, выкинувши знамя свободы. «Свобода!—восклицаетъ Погодинъ.—Вотъ слово, которое должно раздаться на высотѣ самодержавнаго русскаго престола. Вотъ слово, которое соберетъ подъ знамя русскаго царя всю усталую и разстроенную Европу... На Западѣ оно (это слово) износилось, обветшало, осквернилось богохульными устами кровожаднаго разврата и остервенившагося голода. Вездѣ потеряло оно свой смыслъ: въ Германіи стало отвлеченностью, во Франціи—шуткою, въ Англіи—юродствомъ. У насъ, доселѣ не слышное, и только теперь провозглашенное торжественно неограниченною властью, найдетъ оно отголосокъ во всей Европѣ, возбуждая сочувствія, и взыграетъ надежда радощами во всякомъ благородномъ сердцѣ!» «Эта свобода,—продолжаетъ Погодинъ,—не уменьшитъ нисколько силы правительства, а увеличитъ, укрѣпитъ и утвердитъ ее; она не можетъ причинить никакого вреда, а доставитъ многообразную пользу; не подвергнетъ насъ никакимъ новымъ опасностямъ, а отвратитъ многія старыя!». Для убѣжденія Европы въ искренности Россіи «слово должно сопровождаться дѣломъ», а именно: дарованіемъ конституціи и амнистіи полякамъ, прощеніемъ русскихъ политическихъ

преступниковъ, облегченіемъ цензурнаго гнета, невмѣшательствомъ во внѣшнія отношенія, наконецъ, постепеннымъ освобожденіемъ крестьянъ. Въ письмѣ отъ 21-го января 1856 г. Погодинъ уже привѣтствуетъ новую зарю, занявшуюся надъ Россіей. Наконецъ, въ послѣднемъ своемъ политическомъ письмѣ, написанномъ 8-го мая 1856 г. по прочтеніи условій парижскаго трактата, Погодинъ радуется уничтоженію «пагубнаго для Россіи» священнаго союза, повторяетъ свою любимую мысль о томъ, что единственные друзья Россіи въ Европѣ— единоплеменные славяне и единовѣрные греки, и выражаетъ опасеніе, чтобы за новымъ тильзитскимъ миромъ не послѣдовало новаго нашествія на Россію двадесяти языкъ. «Изъ предосторожности и во избѣжаніе новой Крымской войны,—говоритъ Погодинъ,—надо вдругъ приниматься за все: за дороги, желѣзныя и каменныя, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинскіе факультеты и госпитали, за кадетскіе корпуса и училища мореплаванія, за гимназіи и университеты, за промыслы и торговлю, за крестьянъ, чиновниковъ, дворянъ, духовенство, за воспитаніе высшаго сословія, да прочія не лучше, за взятки, роскошь, пенсіи, аренды, за деньги, за финансы, за все, за все. Гласность, гласность и гласность, образованіе, образованіе и образованіе, дѣльное, существенное, а не форменное, парадное, отвлеченное, представляютъ два главныя существенныя средства управиться намъ сперва съ врагами внутренними и потомъ внѣшними, и вообще два главныя средства для преуспѣянія гражданскаго и человѣческаго».

Таковъ заключительный выводъ послѣднихъ историко-политическихъ писемъ Погодина, которыми не счелъ нужнымъ воспользоваться его трудолюбивый біографъ.

Изъ явленій общественной и литературной жизни въ XIV книгѣ біографіи Погодина, между прочимъ, отмѣчены кончины Грановскаго, Чаадаева, братьевъ Кирѣевскихъ, Вигеля, Батюшкова, гр. Уварова и др., прекращеніе погодинскаго «Москвитянина», возникновеніе катковскаго «Русскаго Вѣстника» и славянофильской «Русской Бесѣды», пятидесятилѣтній юбилей Щепкина и многое другое. Въ числѣ вновь опубликованныхъ писемъ обращаютъ на себя вниманіе письма гр. Блудовой, кн. Вяземскаго, Ап. Григорьева, Даля, Кавелина, Кокорева, Кошелева, Писемскаго, Потѣхина, гр. Ростопчиной и друг. Въ большинствѣ этихъ писемъ, равно какъ и во всей разбираемой книгѣ, замѣтно уже чувствуются вѣянія приближавшейся «эпохи великихъ реформъ». Особенно цѣнны письма Аполлона Григорьева и Кавелина къ Погодину. Письма Григорьева изображаютъ намъ его бѣдственное матеріальное и нравственное состояніе, доводившее талантливаго критика порой до мысли о самоубійствѣ и заставлявшее закабалять себя въ соредакторы и сотрудники погодинскаго «Москвитянина» за плату по пятнадцати руб. съ печатнаго листа и по пятнадцати же руб. въ мѣсяцъ за редакторство. Письма Кавелина составляютъ настоящій «гвоздь» XIV книги сочиненія г. Барсукова. Не раздѣляя вполнѣ взглядовъ Погодина, Кавелинъ, по крайней мѣрѣ, въ данное время, относился къ издателю «Москвитянина» съ глубокимъ уваженіемъ, восхищаясь его политическими письмами, какъ «гражданскими подвигами», и называя самого автора ихъ «русскимъ гражданиномъ въ благороднѣйшемъ, честнѣйшемъ смыслѣ слова». Убѣжденный «и сердцемъ, и умомъ, и всѣмъ существомъ, что изъ всѣхъ вопросовъ — вопросъ, изъ всѣхъ золъ — зло, изъ всѣхъ несчастій нашихъ — несчастье есть крѣпостное право», Кавелинъ въ 1855 г. составилъ свою знаменитую записку о крестьянскомъ вопросѣ. «По примирительному своему характеру,—писалъ Кавелинъ о своей запискѣ Погодину, — она принята даже самыми заскорузлыми и деревянными помѣщиками весьма хорошо; была уже и находится у графа Киселева, у великаго князя Константина, у товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Есть надежда довести до царицы. Здѣсь я ѣзжу, читаю, толкую и разжевываю сколько понимаю дѣло, и, кажется, не

безъ успѣха, скучновато подъ часъ... Но что дѣлать! Это служба и служба прямая родинѣ, дѣло любви, святѣйшая изъ святѣйшихъ обязанностей, хота бы въ концѣ ея стояла крѣпость, Сибирь или висѣлица». Далѣе Кавелинъ проситъ Погодина, которому извѣстна половина Россія и котораго «вся Россія знаетъ», приложить къ дѣлу освобожденія свое плечо и распространять его статью во всѣ концы. «Въ моихъ глазахъ,—продолжаетъ Кавелинъ,—рѣшить умно и основательно и честно (не такъ, какъ вся Европа и нашъ Остзейскій край) этотъ вопросъ—значитъ спасти насъ отъ безсмысленной рѣзни и на пятьсотъ лѣтъ дать Россіи внутренній миръ и возможность правильнаго, спокойнаго преуспѣянія, безъ скачковъ и прыжковъ. Ибо только въ этомъ горестномъ крѣпостномъ правѣ я и вижу возможность возстаній и насильственныхъ переворотовъ... Духъ занимается отъ радости и восторга при мысли, что, можетъ быть, и на нашу долю выпадетъ счастье дожить до рѣшенія этого вопроса по-человѣчески, безъ обиды для мужика, этого честнаго хранителя народнаго величія и чести и характера русскаго. Пора же дать гражданскія права и матеріальное обезпеченіе тому, кто на плечахъ своихъ вынесъ все горе и преступное безуміе наше!»

Появленіе подобныхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, которыхъ, по всей вѣроятности, еще не мало въ архивѣ Погодина, заставляетъ съ нетерпѣніемъ ожидать новыхъ книгъ г. Барсукова. Нельзя еще разъ не пожалѣть, что скорѣйшему опубликованію этихъ матеріаловъ мѣшаетъ загроможденіе біографіи Погодина всевозможными мелочами. *С. Ашевскій.*

Арс. И. Введенскій. Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к. Заглавіе настоящей книги не отвѣчаетъ ея содержанію, хотя авторъ и пытается оправдывать это несоотвѣтствіе. Онъ «смотритъ на великія литературныя произведенія, какъ на *необходимыя* явленія умственной жизни даннаго общества или народа, подчиненныя точно опредѣленнымъ, хотя и трудно опредѣляемымъ законамъ. Въ своей совокупности, составляя литературу общества или народа, они представляютъ картину послѣдовательнаго роста его общественнаго самосознанія: съ этой именно точки зрѣнія разсматриваются въ книгѣ великія произведенія русской литературы, и въ этомъ—объясненіе и оправданіе принятаго для нея заглавія». Все это совершенно правильно, но авторъ не далъ связной и цѣльной картины общественнаго самосознанія, какъ оно проявилось въ литературѣ. Его очерки даютъ только сжатыя и довольно-таки суховатыя характеристики главнѣйшихъ представителей этой литературы, въ лицѣ Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, Кольцова, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго и отчасти Толстого. Правда, они несомнѣнно лучшіе, наиболѣе цѣльные и содержательные представители этой литературы, но все же общественное самосознаніе проявилось и отразилось съ надлежащей полнотой далеко не въ нихъ однихъ. Уже одно отсутствіе такихъ великихъ писателей, какъ Бѣлинскій, Герценъ, Добролюбовъ, Чернышевскій, Некрасовъ и Щедринъ, дѣлаетъ заглавіе книги слишкомъ широкимъ. Было бы и проще, и вѣрнѣе назвать ее «Литературными очерками», что во всякомъ случаѣ не имѣло бы ничего претенціознаго и широковѣщательнаго. Для автора это было бы гораздо выгоднѣе, тогда какъ теперь, довѣрившись заглавію, читатель ожидаетъ отъ его книги много больше того, что она заключаетъ. Между тѣмъ, книга г. Введенскаго, въ указанныхъ нами предѣлахъ, интересна, своевременна и полезна, какъ хорошее пособіе для изученія русской литературы тѣми, кто уже прочелъ лучшія ея произведенія, но не выяснилъ себѣ значенія главнѣйшихъ ея представителей.

Г. Введенскій пишетъ ясно и просто, хотя нѣсколько суховато, что отчасти напоминаетъ тонъ учебниковъ, но взгляды его въ общемъ вѣрны и обнаруживаютъ въ авторѣ много вкуса, правильнаго художественнаго пониманія и большое

знакомство съ предметомъ и его литературой. Художественная сторона произведеній выдвигается имъ на первый планъ, но не оставляется въ тѣни и общественное значеніе, что придаетъ его характеристикамъ извѣстную законченность и полноту. Чего-либо новаго, какихъ-либо откровеній или новой точки зрѣнія читатели въ этихъ очеркахъ не найдутъ. Правда, мѣстами онъ высказываетъ нѣкоторыя замѣчанія, пытаясь освѣтить разбираемаго писателя нѣсколько иначе, чѣмъ это было сдѣлано раньше, что, однако, не всегда можно признать удачнымъ. Такъ, напр., характеристику Кольцова онъ начинаетъ любопытнымъ указаніемъ, что «во всѣ времена исторіи русской литературы, рядомъ съ поэтами изъ образованныхъ классовъ, возникали поэты изъ простонародья, изъ темной и сѣрой массы русскаго населенія. Можно указать даже на любопытное соотвѣтствіе въ этомъ смыслѣ между поэтами образованными и поэтами «народными» въ тѣсномъ значеніи этого слова. Во времена процвѣтанія литературы изъ народа выдвигались поэты великой силы, во времена ея упадка, напротивъ, не отличались выдающимися качествами и народные поэты. Такъ, во времена Пушкина, геніальнѣйшаго русскаго поэта, вышелъ изъ воронежскихъ прасоловъ геніальный Кольцовъ, въ дни некрасовскихъ стиховъ появился не болѣе какъ Никитинъ, а въ позднѣйшее темное литературное время извѣстны уже совсѣмъ незначительные поэты изъ простонародья. Фактъ знаменательный, показывающій, что жизнь образованныхъ классовъ русскихъ извѣстнымъ образомъ отражалась всегда въ остальномъ народѣ, въ его умственной жизни». Въ такой формѣ это замѣчаніе едва ли можно принять. Какимъ это образомъ жизнь образованнаго класса во времена Пушкина могла такъ благотворно отражаться на «простонародьи», чтобы содѣйствовать появленію въ немъ геніальнаго Кольцова? Это было самое глухое время крѣпостного права, непроходимой стѣной отдѣлявшаго тогдашніе «образованные классы» отъ народа, что, однако, совпало съ появленіемъ двухъ великихъ поэтовъ изъ народа—Кольцова и Шевченки. Точно также отсутствіе видныхъ поэтовъ изъ народа въ послѣдующіе періоды вовсе не можетъ быть объяснено упадкомъ литературы. Во-первыхъ, нельзя считать упадкомъ періодъ послѣ Пушкина, когда на протяженіи тридцати лѣтъ явился рядъ такихъ великихъ писателей, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Достоевскій и Толстой, поднявшихъ значеніе литературы на высоту, о какой во время Пушкина и говорить было нельзя. Жизнь образованнаго класса, затѣмъ, несравненно больше и благотворнѣе отражается на жизни народа теперь, и, тѣмъ не менѣе, изъ народной среды не является писателей, равныхъ по таланту и значенію Кольцову или Шевченкѣ. Въ томъ, что между народомъ и интеллигенціей существуетъ несомнѣнное взаимодѣйствіе, для обѣихъ сторонъ равно благотворное, мы также глубоко увѣрены, какъ и г. Введенскій. Оно проявляется въ формахъ самыхъ разнообразныхъ, но, конечно, не въ такой прямой зависимости литературнаго творчества, какъ указываетъ авторъ.

Не смотря на отмѣченное нами неудачное замѣчаніе, очеркъ о Кольцовѣ принадлежитъ къ числу лучшихъ и можетъ служить образчикомъ изложенія г. Введенскаго. Очень живо и ярко выясняетъ авторъ жизнерадостный характеръ поэзіи Кольцова, котораго онъ характеризуетъ, какъ «представителя не безсильнаго терпѣнія, а разумныхъ, иногда необыкновенно смѣлыхъ исканій выхода изъ горя и невзгодъ». На первомъ планѣ у него радость крестьянскаго труда, смѣлая, энергичная борьба со зломъ, желаніе грудью встрѣтить бѣду, «за себя постоять, подъ грозой роковой назадъ шагу не дать». Настроеніе кольцовской поэзіи г. Введенскій сравниваетъ съ былиннымъ отношеніемъ къ земледѣльческому труду, выразившемся въ извѣстной былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ. Совершенно, однако, напрасно противопоставляетъ г. Введенскій этотъ жизнерадостный тонъ Кольцова «нытью» послѣдующей поэзіи, посвя-

щенной страданіямъ и непосильной работѣ крестьянъ. «Поэтъ образованныхъ, т. е. привилегированныхъ классовъ, Некрасовъ, а за нимъ Никитинъ, не находитъ ничего, кромѣ мрачныхъ красокъ для изображенія тягостей народнаго труда и жизни». Народническая поэзія и не могла взять иного тона, такъ какъ она имѣла въ виду не сущность быта крестьянства, не земледѣльческій трудъ самъ по себѣ, а *условія*, въ которыя поставленъ этотъ трудъ, безправность и приниженность крестьянства, какъ сословія, т. е. именно то, чего Кольцовъ вовсе не касается. И у Некрасова является бодрое и радостное настроеніе, когда онъ, не касаясь ужасающихъ условій быта, описываетъ только самый трудъ земледѣльца, напр., въ отдѣльныхъ мѣстахъ поэмы «Морозъ—красный носъ», «Коробейники», «Крестьянскія дѣти» и др.

Кромѣ восьми отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ указаннымъ выше главнымъ представителямъ литературы, въ книгѣ помѣщена статья «Литературные типы русской интеллигенціи», въ которой авторъ дѣлаетъ «анализъ главнѣйшихъ первоначальныхъ общественныхъ типовъ, выведенныхъ русской литературой», каковы Онѣгинъ, Чацкій, Печоринъ, Тентетниковъ и Обломовъ. Какъ и очерки, анализъ не даетъ чего-либо оригинальнаго, но онъ очень интересенъ, какъ попытка прослѣдить систематически постепенное выясненіе нѣкоторыхъ основныхъ чертъ русской жизни, какъ онѣ отразились въ литературѣ.

А. Б.

Поддѣлка «Русалки» Пушкина. Сборникъ статей и замѣтокъ, Н. И. Бартенева, В. П. Буренина, С. Долгова, П. А. Ефремова, А. К—ва, Ѳ. Е. Корша, Л—на, А. С. Суворина, С. Южакова, В. Якушкина и др. Составилъ А. С. Суворинъ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. Бой, возгорѣвшійся изъ-за продѣлки нѣкоего старца Зуева, пришившаго, по устроумному замѣчанію г. Суворина, «мочальный хвостъ» къ пушкинской «Русалкѣ»,—принадлежитъ къ числу комичнѣйшихъ эпизодовъ въ литературѣ. Нынѣ покойный Зуевъ со своей поддѣлкой конца «Русалки» сыгралъ роль богини раздора на свадьбѣ Елены, бросилъ свою поддѣлку въ литературную семью и въ теченіе трехъ лѣтъ втихомолку не мало наслаждался, любуясь, какъ разные рыцари пера, литераторы и ученые, ломали копья за и противъ. Самъ онъ до конца дней хранилъ молчаніе, предоставивъ другимъ проявлять свое критическое чутье, многоученость и остроуміе. Старецъ былъ, видимо, не безъ лукавства, и, потирая руки отъ удовольствія, сошелъ въ могилу въ полной увѣренности, что отнынѣ и его имя на вѣки вѣчные сохранится въ пантеонѣ литературы рядомъ съ самимъ Пушкинымъ. Если такова была его затаенная цѣль, то она несомнѣнно достигнута имъ, о чемъ лучше всего свидѣтельствуетъ интересный сборникъ, составленный г. Сувориным изъ всѣхъ статей и замѣтокъ, написанныхъ по поводу ловкой продѣлки Зуева.

Къ чести печати, надо признать, что она не поддалась на удочку и почти въ полномъ составѣ отрицательно отнеслась къ поддѣлкѣ, не признавъ въ ней пушкинскаго творенія. Одинъ лишь г. Южаковъ отнесся къ ней болѣе снисходительно, допуская, что не все выдумалъ Зуевъ, но и онъ изъ 228 стиховъ, составляющихъ зуевскій конецъ «Русалки», при самой снисходительной ихъ оцѣнкѣ, согласился признать «удачными» не болѣе половины. Иначе отнесся къ поддѣлкѣ ученый филологъ, нынѣ академикъ, Ѳ. Е. Коршъ, написавшій въ защиту зуевскаго конца «Русалки» цѣлую книгу, напечатанную въ «Извѣстіяхъ академіи наукъ». Нельзя не удивляться той массѣ труда, какая потрачена имъ на защиту этого болѣе чѣмъ безнадежнаго дѣла, когда читаешь зуевское сочиненіе. Поражаетъ не только слѣпота автора, помѣшавшая ему увидѣть вздорность всей продѣлки Зуева, но и та эрудиція, которая имъ пущена въ ходъ. Изучить Пушкина по словечкамъ, по отдѣльнымъ стихамъ, по варіантамъ—и не увидѣть, что присочиненный конецъ не имѣетъ ничего пушкин-

скаго, — это нѣчто столь же поразительное, какъ и довѣрчивость библіографа г. Бартенева, напечатавшаго конецъ и восторженно привѣтствовавшаго Зуева, какъ спасителя «Русалки». Цѣлый рядъ безсмыслицъ, невѣрныхъ стиховъ, неприличныхъ словъ, глупыхъ эпитетовъ, составляющихъ этотъ конецъ, ускользнули отъ вниманія библіографа и академика, поддавшихся гипнозу обмана, самаго наивнаго и прозрачнаго. Читая въ сборникѣ г. Суворина всѣ доводы различныхъ писателей, почему этотъ конецъ можно признать только нелѣпой поддѣлкой графомана, плохо владѣвшаго стихомъ и мало знакомаго съ Пушкинымъ, невольно удивляешься человѣческому легковѣрію. Есть стихи безъ размѣра, стихи безъ смысла, цѣлые разговоры во вкусѣ лакейской, невозможные не только у Пушкина эпитеты,—и тѣмъ не менѣе выискался ученый, потратившій нѣсколько лѣтъ на доказательства, что такъ могъ написать Пушкинъ, потому что у него можно встрѣтить иногда «стихъ несовершенный» и даже два-три темныхъ, по мнѣнію г. Корша, мѣста. Это поистинѣ геркулесовы столбы ученой слѣпоты и ученой предвзятости мнѣнія. Г. Якушкинъ, тоже разбиравшій зуевскую поддѣлку, замѣчаетъ въ концѣ: «Обычай всѣ стихи, которые почему-нибудь понравятся, приписывать Пушкину, невольно напоминаетъ одного гоголевскаго героя. «Переписалъ очень хорошіе стихи: «Душеньки часокъ не видя, думалъ годъ ужъ не видалъ; жизнь мою возненавидя, льзя ли жить мнѣ, я сказалъ. Должно быть, Пушкина сочиненіе». Въ этихъ словахъ лучшая оцѣнка всего этого эпизода. *А. Б.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

С. И. Раппопортъ. «Народъ-богатырь».—*Э. Дюбуа-Реймонъ.* «Культурная исторія и естествознаніе».—*А. А. Радцигъ.* «Сахарная промышленность всего свѣта».

С. И. Раппопортъ. «Народъ-богатырь». Очерки политической и общественной жизни Англіи. Спб. 1900 г. Оглавленіе книги г. Раппопорта чрезвычайно заманчиво: тутъ и «политическая жизнь», и «англійскіе государственные дѣятели», и «Попеченіе о бѣдныхъ», «печать», и пр. Но содержаніе ея совершенно не соотвѣтствуетъ интересному оглавленію. Она представляетъ перепечатку отрывочныхъ газетныхъ корреспонденцій, написанныхъ довольно живо, но крайне поверхностно, и заключающихъ въ себѣ очень мало новаго. Главы, посвященныя характеристикѣ политическихъ партій и ихъ выдающихся представителей, написаны слабѣе всего. Говоря о двухъ большихъ партіяхъ въ англійскомъ парламентѣ, г. Раппопортъ высказываетъ слѣдующее общее соображеніе: «Въ государствѣ, гдѣ внутренняя совѣсть человѣка находитъ вполнѣ свободное выраженіе, возможны лишь двѣ политическія партіи, соотвѣтственно вложеннымъ въ каждомъ изъ насъ двумъ началамъ—положительному и отрицательному». Правда, въ другихъ странахъ, гдѣ «внутренняя совѣсть» не менѣе свободна, чѣмъ въ Англіи, напр. въ Германіи и Франціи, политическихъ партій не двѣ, а гораздо больше; но г. Раппопортъ объясняетъ это тѣмъ, что тамъ «народная совѣсть затуманена». Такимъ образомъ, Раппопортъ сводитъ вопросъ о партіяхъ къ довольно неопредѣленному понятію «народной совѣсти» и совершенно упускаетъ изъ виду, что политическія партіи являются, прежде всего, выразителями классовыхъ интересовъ извѣстныхъ группъ населенія. Характеристики государственныхъ дѣятелей крайне блѣдны и не даютъ никакого представленія о ихъ политической дѣятельности. Удачнѣе главы, посвященныя культурной жизни Англіи: г. Раппопортъ вводитъ насъ въ сложный механизмъ англійской общественной жизни, подробно описываетъ «засѣданіе попечительства о бѣдныхъ», «засѣданіе школьнаго совѣта», «прогулку съ

дѣтьми изъ школъ для оборванцевъ» (ragged school), и пр. Все это написано живо и мѣстами даже талантливо, но опять-таки слишкомъ поверхностно: передъ нами встаетъ картина даннаго засѣданія, данной прогулки, но мы ничего не узнаемъ объ общемъ характерѣ тѣхъ учрежденій, въ которыхъ происходятъ засѣданія и которыя организуютъ прогулки, лекціи, и пр. Послѣднія главы посвящены повѣствованію о приключеніяхъ группы русскихъ евреевъ въ Лондонѣ, имѣющихъ весьма отдаленное отношеніе къ народу-богатырю.

Л. Д—ва.

Э. Дюбуа-Реймонъ. «Культурная исторія и естествознаніе». Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей С. П. Ершова. Изд. Н. В. Синюшина. Ц. 35 к. Настоящая брошюра принадлежитъ къ числу тѣхъ академическихъ рѣчей, въ которыхъ знаменитый физіологъ выступалъ передъ большой публикой. Темами для нихъ онъ старался избирать тотъ или иной вопросъ, представляющій общій интересъ, и освѣщеніе, которое онъ придавалъ нерѣдко общеизвѣстнымъ вещамъ, всегда отличалось продуманностью и оригинальностью. Больше другихъ обратили на себя вниманіе двѣ рѣчи: «О предѣлахъ нашихъ знаній», съ знаменитымъ «Ignorabimus», и настоящая *), заглавіе которой надо было передать не такъ, какъ это сдѣлалъ переводчикъ, а «Исторія культуры и естествознаніе». Культурная исторія и исторія культуры—вещи совершенно различныя, хотя по-нѣмецки и звучатъ одинаково, и какъ разъ у Дюбуа-Реймона все время рѣчь идетъ объ исторіи культуры, а неупоминаніе культурной исторіи является главнымъ недостаткомъ, какъ это будетъ видно ниже.

Основная мысль нѣмецкаго ученаго заключается въ слѣдующемъ: исторія культуры есть постепенное покореніе человѣкомъ природы при помощи техническихъ приспособленій, а такъ какъ техническія усовершенствованія возможны только благодаря прогрессу естествознанія, то естествознаніе и является «абсолютнымъ органомъ» культуры и «исторія естествознанія есть собственно исторія человѣчества» (стр. 35 рус. пер.). Доказывается это положеніе бѣглымъ обзоромъ отношенія человѣка къ природѣ въ исторіи человѣческой культуры. Путемъ цѣлаго ряда остроумныхъ сопоставленій Дюбуа-Реймонъ показываетъ, какъ человѣчество постепенно переходило отъ безсознательныхъ выводовъ на почвѣ наблюденія природы къ антропоморфизаціи природы, отъ антропоморфическихъ представленій о ней къ спекулятивно-эстетическимъ мѣркамъ; слѣдитъ далѣе за тѣмъ, какъ въ средніе вѣка схоластика и аскетизмъ въ послѣдній разъ задержали появленіе точныхъ методовъ изслѣдованія природы, и какъ, затѣмъ, постепенно люди добыли, наконецъ, эти методы. Переживаемая нами технико-индуктивная эпоха есть неуклонное послѣдовательное развитіе методовъ. «Наша наука и культура настолько же прочно стоитъ на почвѣ индукціи и техники, насколько античная наука и культура, построенная на почвѣ спекулятивнаго мышленія и эстетики, являлась передъ нами колеблющейся и грозящей паденіемъ». Но эта прочность не избавляетъ современную культуру отъ опасностей. Ихъ Дюбуа-Реймонъ насчитываетъ три. Во-первыхъ, солнце охладится и прекратится жизнь, но это очень далекая опасность и занесена сюда для полноты. Другая—это «красный интернаціоналъ». На этомъ пунктѣ, какъ и слѣдовало ожидать, Дюбуа-Реймонъ терпитъ фіаско. Почему рабочее движеніе, все болѣе и болѣе растущее, является «опасностью для культуры», если подъ этой культурой понимать овладѣніе методами покоренія природы? Развѣ классъ рабочихъ такъ враждебенъ индукціи и современной техникѣ, особенно послѣдней? Тутъ, очевидно, что-нибудь не такъ, и это что-нибудь—все тотъ же старый, общеизвѣстный фактъ: изъ-за ученаго, съ такимъ блес-

*) «Kulturgeschichte und Naturwissenschaft» (въ E. Du-Bois-Reymonds Reden т. I, 1886).

комъ и съ такой страстью излагающаго свои взгляды, нѣтъ-нѣтъ да и выглянетъ какой-нибудь Gross или Kleinbürger; но такъ какъ этотъ ученый естествоиспытатель, то для него рабочее движеніе оказывается... «народноклассовымъ психозомъ». Третья опасность для современной культуры заключается въ томъ, что Дюбуа-Реймонъ остроумно называетъ «американизаціей» общества, т.-е. въ водвореніи узко-утилитарныхъ принциповъ, измѣряющихъ все на практическій аршинъ. Эта опасность, по его мнѣнію, которое можно раздѣлять на совершенно иныхъ основаніяхъ (вторая «опасность»!), является главной и можетъ быть устранена только разумной постановкой педагогіи. Послѣдняя глава книжки и посвящена критикѣ прусской школьной системы. Усердно рекомендуемъ *эту главу* нашимъ читателямъ; въ ней они найдутъ много мыслей и фактовъ, которые помогутъ имъ разобраться въ полемикѣ по школьному вопросу, занимавшему такъ долго общественное мнѣніе и у насъ. Есть, конечно, и тутъ заблужденія, какъ переоцѣнка значенія математики, но ихъ немного.

Разсмотримъ теперь нѣсколько ближе историческіе взгляды автора. Дюбуа-Реймонъ справедливо протестуетъ противъ той исторіи, которая «разсказываетъ лишь о возвышеніи и паденіи царей и царствъ, о договорахъ и спорахъ за наслѣдство, о войнахъ и завоеваніяхъ, сраженіяхъ и осадахъ, возстаніяхъ и гражданскихъ войнахъ, о разрушеніи городовъ и истребленіи народовъ, объ убійствахъ и казняхъ, о дворцовыхъ интригахъ и козняхъ духовенства», словомъ противъ той классически-не-классической histoire-bataille, которая теперь почти совершенно изгнана изъ науки. И авторъ, конечно, знаетъ объ этомъ. «Еще до самаго недавняго времени только такого рода исторія и существовала», говоритъ онъ, но почему-то не хочетъ сказать своимъ слушателямъ и читателямъ, чѣмъ она замѣнена. А читатель какъ разъ тутъ и ожидаетъ характеристики современной культурной—въ широкомъ смыслѣ—исторіи; ожидаетъ, что исторія такъ, какъ ее понимаетъ авторъ, будетъ сопоставлена именно съ этой исторіей. Тогда многое пришлось бы измѣнить. Вдохновленный неслыханнымъ подъемомъ естествознанія и техники въ XIX вѣкѣ, Дюбуа-Реймонъ построилъ крайне одностороннюю схему пониманія исторіи. Если бы, вмѣсто старой прагматической исторіи, онъ сопоставлялъ ее съ культурной, эта схема потеряла бы смыслъ, такъ какъ прогрессъ естествознанія и техники несомнѣнно получилъ бы мѣсто въ широкой схемѣ эволюціи человѣческой культуры, но тогда онъ долженъ былъ бы лишиться своего абсолютно господствующаго положенія, и заманчивая на первый взглядъ схема Дюбуа-Реймона потеряла бы всю свою оригинальность.

Къ чему приводитъ такое узкое пониманіе, приложенное къ объясненію сложныхъ общественныхъ явленій, читатель можетъ убѣдиться изъ отношенія автора ко второй «опасности». Есть еще и другіе примѣры въ книжкѣ, но мы ужъ не станемъ на нихъ останавливаться.

Переводъ брошюры удовлетворителенъ: нѣтъ грубыхъ ошибокъ, за исключеніемъ заглавной, но блескъ оригинала исчезъ безъ слѣда.

А. Дживелеговъ.

А. А. Радцигъ. «Сахарная промышленность всего свѣта» (Книжки «Хозяина». № 10). Спб. 1899 г. Ни въ одной отрасли промышленности крайности протекціонной системы не проявляются въ такихъ уродливыхъ формахъ, какъ въ промышленности сахарной. Искуственнымъ образомъ вызванная, промышленность эта поддерживается въ большинствѣ государствъ Западной Европы и въ Россіи съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ основной цѣли существованія всякой промышленности—доставлять населенію продуктъ наиболѣе дешевый и въ большихъ количествахъ. Разъ попавъ на ложный путь, правительства разныхъ странъ принуждены принимать всевозможныя мѣры, чтобы оградить

собственное производство отъ конкурренціи странъ, по климатическимъ условіямъ производящихъ сахаръ по наиболѣе низкимъ цѣнамъ. Они налагаютъ высокія, почти запретительныя пошлины на болѣе дешевый привозный сахаръ, поддерживаютъ промышленность во время переживаемыхъ ею кризисовъ, неизбѣжно связанныхъ съ періодическимъ перепроизводствомъ, выдаютъ даже преміи при вывозѣ сахара за границу. Единственное исключеніе составляетъ Англія, которая желаетъ имѣть дешевый сахаръ и покупаетъ его вездѣ, гдѣ онъ дешевъ; въ результатѣ, тогда какъ въ другихъ странахъ сахаръ является для населенія роскошью, въ Англіи онъ служитъ предметомъ общаго потребленія. Въ Англіи на душу населенія потреблялось въ 1898 г. 44 фунта сахарнаго песку и 48 ф. сахара-рафинада, иначе говоря—92 ф. на душу по цѣнѣ 1 р. 48 коп. за пудъ, тогда какъ въ Россіи, напр., сахаръ — песокъ стоитъ 4 р. 40 к. — 5 руб., а сахаръ-рафинадъ 6 р. за пудъ. А такъ какъ въ Англіи нѣтъ никакого налога на сахаръ, то онъ и въ розницу очень дешевъ: въ кускахъ—не дороже 6—7 коп. за фунтъ, песокъ — 4 — 5 к. Англійскій потребитель платитъ такимъ образомъ въ $2^1/_2$ раза дешевле русскаго и потребляетъ сахару въ среднемъ въ 10 разъ больше (у насъ 9,5 ф. на душу). Англія получаетъ сахаръ изъ Германіи, Франціи, Бельгіи Голландіи, Перу, Явы и проч., даже въ незначительномъ количествѣ изъ Россіи. Если бы не ея конкурентъ по покупкѣ—Соединенные Штаты, потребляющіе 25% сахара, производимаго во всѣмъ свѣтѣ, неизвѣстно, до какихъ предѣловъ дошли бы въ Англіи цѣны на привозный сахаръ.

А между тѣмъ сахарная промышленность всѣхъ европейскихъ странъ, снабжающихъ дешевымъ сахаромъ Англію и дорогимъ свое собственное населеніе, держится совершенно искусственно по выработкѣ продукта изъ свекловицъ. Въ сущности, производство сахара изъ свекловицы не можетъ представлять никакой выгоды по сравненію съ производствомъ тростниковаго сахара. Сахарный тростникъ содержитъ вдвое болѣе сахара, чѣмъ свекловица, 1 десятина тростника на о. Явѣ даетъ около 500 пуд. сахара, тростникъ не требуетъ такого ухода и удобренія, какъ свекловица, его, однить разъ посѣявъ, можно собирать въ теченіе 7 лѣтъ, мѣстами даже въ теченіе 20 лѣтъ. И если производство свекловичнаго сахара могло выдерживать до сихъ поръ на международномъ рынкѣ конкуренцію съ производствомъ сахара тростниковаго, то единственно лишь благодаря покровительственной системѣ большинства европейскихъ государствъ и низкому промышленному развитію странъ, производящихъ тростниковый сахаръ. Но въ послѣднее время и тамъ стали вырабатывать сахаръ изъ тростника по новѣйшимъ способамъ: усиленіе производства и вывоза замѣчается теперь вездѣ,—на островахъ: Кубѣ, Явѣ, Британскихъ, Вестъ-Индіи, въ Мексикѣ и проч. Все это обѣщаетъ въ будущемъ упорную борьбу свеклосахарной промышленности съ тростниковой,—борьбу, въ которой населенія большинства государствъ вынуждены будутъ нести, въ видѣ значительной переплаты на продукты, жертвы, ради пользы отѣльныхъ лицъ — и Англіи, покупающей дешевый сахаръ.

Если современная сахарная промышленность составляетъ бремя для большинства европейскихъ государствъ, то для насъ при низкомъ техническомъ развитіи производства и низкой покупательной способности населенія—двойное. По прозводству сахара съ десятины мы занимаемъ между главными европейскими странами послѣднее мѣсто: нѣмцамъ достаточно занять сахарными плантаціями половину пространства земли, чтобы получить тѣ же сборы (151 стр.). И производство у насъ можетъ существовать лишь при условіи искусственнаго поднятія цѣнъ на сахаръ, во-1-хъ, покровительственными пошлинами, во 2-хъ, одобренной и признанной министерствомъ финансовъ стачкой заводчиковъ (синдикатъ) съ цѣлью продажи сахара на внутреннихъ рынкахъ по высшимъ цѣ-

намъ, что достигается вывозомъ части сахара за границу по убыточнымъ цѣнамъ, въ 3-хъ—высокимъ акцизомъ. Пошлины у насъ равняются стоимости самого сахара (4 р. 50 к.—6 руб.), акцизъ составляетъ 1 р. 75 коп. на пудъ сахара. При подобномъ акцизѣ, далеко не соотвѣтствующемъ покупательнымъ средствамъ нашего населенія, потребленіе сахара въ Россіи можетъ увеличиваться лишь очень медленно. По разсчету г. Радцига, переплаты на сахаръ составляютъ, по крайней мѣрѣ, $1^1/_2$ руб. на пудъ, что для Россіи составитъ свыше 50 мил. рублей въ годъ (174 стр.). Благодаря системѣ возврата акциза при вывозѣ, наши сахарозаводчики продавали иностранцамъ сахаръ на 1 р. 25 к.—1 р. 58 к. дешевле, нежели русскимъ покупателямъ. «При низкихъ цѣнахъ,—пишетъ авторъ,—потребленіе Россіи легко могло бы удвоиться, но вывозить по низкимъ цѣнамъ и продавать внутри государства по возвышеннымъ цѣнамъ—такой порядокъ вещей мы не можемъ признать нормальнымъ». Нельзя не согласиться съ нимъ въ этомъ отношеніи, а также и въ томъ, что выходъ изъ этого ненормальнаго положенія единственный: отказаться отъ покровительства нашей сахарной промышленности, по крайней мѣрѣ, понизивъ пошлину до размѣра акциза и прекративъ возвратъ акциза при вывозѣ. *М. П—въ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Д. Шлоссъ. «Формы заработной платы».—*С. и Б. Уэббъ.* «Исторія рабочаго движенія въ Англіи».—*Л. Вигуру.* «Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ».

Д. Шлоссъ. «Формы заработной платы». Переводъ М. Е. Ландау съ 3-го просмотрѣннаго и дополненнаго англійскаго изданія. Изданіе М. И. Водовозовой. Спб. 1900 г. Цѣна 1 р. 50 к. Авторъ, бывшій однимъ изъ сотрудниковъ Чарльза Бутса въ извѣстномъ изслѣдованіи «Life and labour of the People», поставилъ себѣ задачей изучить различные *способы* о платѣ наемнаго труда въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ. Онъ строго придерживается этой ограниченной задачи, и читатель не найдетъ въ его книгѣ ни исторіи развитія формы заработной платы, ни тѣхъ или иныхъ обобщеній, какія могли бы получиться, если бы авторъ поставилъ трактуемый имъ вопросъ въ общую связь съ хозяйственной жизнью современнаго общества. Само собой разумѣется, что такая узкая постановка вопроса въ значительной степени ограничиваетъ теоретическій интересъ книги. Къ ея положительнымъ сторонамъ слѣдуетъ отнести прекрасное непосредственное знакомство автора съ положеніемъ англійскаго рабочаго люда и его безпристрастное, объективное отношеніе къ вопросу.

Во всѣхъ видахъ заработной платы—повременная плата, сдѣльная или поштучная, поурочная, прогрессивная, коллективная форма этихъ видовъ, подрядная работа, кооперативная работа—имѣется одна общая имъ всѣмъ основа: это—время, трудовое усиліе и продуктъ.

Наиболѣе распространенной формой является повременная плата; она господствуетъ тамъ, гдѣ качество работы не легко контролировать. Поурочная и сдѣльная плата, какъ извѣстно, не пользуется особенными симпатіями со стороны рабочихъ: низкая расцѣнка труда и обусловленное этимъ чрезмѣрное напряженіе силъ—достаточныя основанія для этого. Авторъ относится отрицательно къ попыткамъ рабочихъ организацій ограничить количество работы, какое можетъ выполнить отдѣльный рабочій, чтобы парализовать такимъ образомъ вредныя послѣдствія этой формы оплаты труда, по его мнѣнію, это, равносильно желанію замѣнить паровой плугъ простымъ: рабочій долженъ

работать въ полную мѣру своихъ силъ. Но именно «общественный интересъ», къ которому апеллируетъ, въ данномъ случаѣ, авторъ, требуетъ, чтобы работа, по возможности, была равномѣрно распредѣлена между всѣми пригодными для этого рабочими, такъ какъ такимъ образомъ возможно, въ извѣстной степени, избѣжать крайностей острой нужды. Въ то же время авторъ не замѣчаетъ того противорѣчія, въ какое онъ впадаетъ въ данномъ случаѣ, рѣшительно высказываясь за восьмичасовой рабочій день: едва ли можно въ категорической формѣ утверждать, что восьмичасовой трудъ есть «работа въ полную мѣру силъ» рабочаго: ростъ общественнаго самосознанія призванъ играть здѣсь все большую и большую роль.

Принципъ прогрессивной заработной платы заключается въ томъ, что твердая или минимальная плата дополняется преміей, соразмѣрной производительности труда. Этимъ способомъ предприниматель побуждаетъ рабочаго работать и болѣе интенсивно, и болѣе рачительно. Для рабочаго, понятно, была бы выгоднѣе въ такомъ случаѣ обыкновенная сдѣльная плата труда, но, какъ вѣрно замѣчаетъ Шлоссъ, предприниматель непремѣнно начнетъ урѣзывать сдѣльную расцѣнку, и заработокъ рабочаго упадетъ до предѣла, который немногимъ превысилъ бы обычный повременный окладъ.

Sweating system—потогонная система, посредничество—пользуется очень печальной репутаціей: это, по общему признанію, одна изъ наихудшихъ формъ эксплоатаціи труда. Авторъ въ этомъ отношеніи вноситъ поправку въ обычное представленіе о посредничествѣ, указывая на то, что система эта, во-первыхъ, не ограничена сравнительно узкими предѣлами посредниковъ и мелкихъ предпринимателей, а во-вторыхъ, не у всѣхъ посредниковъ рабочіе подвергаются «выжиманію пота».

Очень подробно останавливается Шлоссъ на выясненіи роли и значенія кооперацій, какъ формы оплаты труда. Кооперація стремится видоизмѣнить или даже упразднить самую систему наемнаго труда. Но на практикѣ она принимаетъ различныя формы, которыя, въ большей или меньшей степени приближаются къ этому идеальному представленію о ней. Неполной фабричной формой кооперацiи является участіе рабочихъ въ прибыли предпріятія.

Изъ 72 фирмъ, практиковавшихъ въ 1898 г., выдачу премій, преміи были выданы 49 фирмами, въ среднемъ она равнялась 10,3% на заработную плату. Число служащихъ въ этихъ фирмахъ равнялось 20.039, число участниковъ въ преміи—12.042. Въ единичныхъ случаяхъ премія доходила до 28—29%. Понятно, что такая высокая премія являлась скорѣе замаскированной формой части заработной платы, такъ какъ, въ надеждѣ на премію, рабочій соглашается брать болѣе низкую плату.

Содѣйствуетъ ли система участія въ прибыляхъ поддержанію промышленнаго мира? Несомнѣнно, въ нѣкоторомъ отношеніи она играетъ эту роль, создавая дружескія отношенія между хозяевами и служащими. Она можетъ также нѣсколько тормозить дѣло развитія рабочихъ организацій, но такую роль она можетъ играть лишь до тѣхъ поръ, пока не получитъ общаго распространенія: тогда въ числѣ причинъ вызывающихъ стачки, появится новая рубрика, «стачки съ цѣлью добиться болѣе значительной доли въ прибыляхъ».

Наиболѣе чистой формой кооперацiи является промышленная кооперація: она стремится все управленіе дѣломъ перенести въ руки самихъ рабочихъ, имъ же должна принадлежать цѣликомъ и вся прибыль. Но кооперативная практика далеко отстаетъ отъ этого идеала: служащіе большинства кооперативныхъ обществъ являются обычными рабочими, получающими неизмѣнную заработную плату, и служба ихъ далеко не является «службой работниковъ у себя». «Однако, въ послѣднее время говоритъ авторъ въ англійскомъ кооперативномъ движеніи произошелъ рѣшительный поворотъ въ сторону пріобрѣ-

тенія рабочими, служащими у кооперативныхъ товариществъ, бо̀льшаго голоса въ управленіи дѣлами».

Также и пропорція пайщиковъ, состоящихъ въ то же время служащими, и пропорція служащихъ, имѣющихъ паи товарищества, въ мастерской котораго они работаютъ, стала теперь значительно больше.

Наряду съ этимъ растетъ число товариществъ и упрочивается ихъ благосостояніе.

Въ послѣднее время вырабатывается новый типъ кооперации, такъ называемый «Labour Co-partnership», т. е., предоставленіе труду правъ компаньона. Что касается будущаго кооперации, то авторъ затрудняется дать на это определенный отвѣтъ; онъ замѣчаетъ только: «Если съ постепеннымъ ростомъ общественной морали разовьется духъ болѣе тѣснаго товарищества и привычки добровольной дисциплины, и широкое распространеніе образовательныхъ учрежденій будетъ непрерывно повышать умственный уровень рабочихъ классовъ, то этимъ самымъ будутъ устранены нѣкоторыя изъ серьезнѣйшихъ препятствій къ успѣшному осуществленію идеала «службы у себя».

Несомнѣнный интересъ представляло бы выяснить тенденцію развитія формъ заработной платы, между тѣмъ авторъ лишь мимоходомъ затрагиваетъ этотъ вопросъ. «Слѣдуетъ ожидать—замѣчаетъ онъ что однимъ изъ результатовъ увеличенія размѣровъ нашихъ фабричныхъ предпріятій будетъ все большее стремленіе предпринимателей переводить рабочихъ на сдѣльную плату». Само собою разумѣется, что сильное развитіе рабочихъ организацій, въ связи съ вытѣсненіемъ индивидуальнаго рабочаго договора коллективнымъ, пообломаетъ у системы сдѣльной оплаты труда всѣ ея чисто эксплоататорскія острія.

Переводъ книги, несмотря на тѣ затрудненія, какія онъ представлялъ, благодаря большому количеству спеціальныхъ, техническихъ выраженій, выполненъ удачно. *I. Давыдовъ.*

С. и Б. Уэббъ. «Исторія рабочаго движенія въ Англіи». Перев. съ англ. Г. А. Палерна. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Мы уже упоминали о настоящемъ изслѣдованіи, разсматривая другую работу тѣхъ же авторовъ *). Вмѣстѣ съ сочиненіемъ «Теорія и практика трэдъ-юніонизма» оно составляетъ результатъ обстоятельнаго изученія исторіи развитія и современнаго состоянія организованнаго рабочаго класса въ Англіи. Приходитъ время, когда безъ знакомства съ ними многое можетъ остаться непонятнымъ въ развитіи англійскаго общественнаго строя. Исторія рабочаго движенія представляетъ часть политической исторіи Англіи, или, какъ говоритъ авторъ, «исторія трэдъ-юніонизма есть исторія государства въ нашемъ государствѣ и притомъ государства настолько демократическаго, что знать ее—значитъ знать англійскаго рабочаго такъ, какъ не можетъ знать ее читатель буржуазныхъ историческихъ книгъ». Послѣдовательное расширеніе избирательнаго права, вмѣстѣ съ упроченіемъ рабочей организаціи, даетъ возможность трэдъ-юніонистскому движенію накладывать свою печать на политическую жизнь страны, и не рѣдко крушеніе иного партійнаго министерства, непонятное для журналистовъ и историковъ средняго и высшаго класса, становится вполнѣ естественнымъ, если знать, что въ это время думали и дѣлали трэдъ-юніонисты. Все число членовъ рабочихъ союзовъ соединеннаго королевства въ концѣ 1892 г., навѣрное, превышало 1.500.000 и, вѣроятно, не достигало 1.600.000, составляя около 20% взрослаго мужского рабочаго населенія страны. Изъ нихъ около половины всего числа даютъ три отрасли промышленности: добыча угля, обработка хлопка и машиностроеніе. При этомъ надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и нѣкоторыхъ

---

*) См. «Міръ Божій» 1900 г., «Биб. отд.», С. и Б. Уэббъ. «Теорія и практика трэдъ-юніонизма».

отрасляхъ промышленности число трэдъ-юніонистовъ совпадаетъ съ численностью всего рабочаго класса. Въ составъ рабочихъ союзовъ входятъ, какъ правило, самыя отборныя группы рабочихъ каждой отрасли, поэтому нравственное и интеллектуальное вліяніе ихъ на прочихъ рабочихъ совершенно непропорціонально ихъ численности. Въ ихъ рядахъ почти во всѣхъ промышленныхъ центрахъ мы находимъ всѣхъ выдающихся вождей общественнаго мнѣнія рабочаго класса; изъ ихъ рядовъ выходятъ директора потребительныхъ лавокъ, администраторы клубовъ и кассъ взаимопомощи, представители рабочихъ въ школьныхъ и городскихъ совѣтахъ, наконецъ, небольшой, но быстро растущій классъ рабочихъ-политиковъ (стр. 320). Что же касается мѣста, которое занимаютъ рабочіе союзы въ повседневной жизни рабочихъ Англіи, то о немъ, по словамъ авторовъ, «никакія цифры не въ состояніи дать реальнаго представленія».

Это объясняется прежде всего цѣлью, которую преслѣдуютъ и всегда преслѣдовали рабочіе союзы, а именно—сохраненіе и улучшеніе данныхъ условій труда. Ллойдъ-Джонсъ въ 1874 г. такъ опредѣлялъ задачу руководителей рабочихъ союзовъ: «Первое, это—установить минимумъ, на пониженіе котораго они не могутъ согласиться,—минимумъ, обезпечивающій рабочему надлежащее питаніе и извѣстную степень личнаго и семейнаго комфорта, не жалкую подачку, позволяющую не умереть съ голоду, а плату, при которой можно существовать» (стр. 247)... Вотъ изъ-за этого-то прочнаго и высшаго standart of life и велась двухвѣковая борьба, поднятая скромными «рабочими клубами» начала XVIII вѣка и осуществляемая теперь обширною организаціей съ массою должностныхъ лицъ и крупнымъ политическимъ вліяніемъ. Въ исторіи этого движенія были свои періоды успѣховъ и пораженій, безграничныхъ надеждъ и апатій, тѣсной сплоченности и распаденія. Есть въ ней и свои герои мысли, въ родѣ Оуэна, про котораго авторы, изложивъ скорѣе его неудачи, чѣмъ успѣхи, говорятъ, что «ничто изъ того, что сдѣлано Оуэномъ, не умерло вмѣстѣ съ нимъ», и герои практической дѣятельности, въ родѣ Вилліама Аллана, Роберта Эпплгарза, Роберта Оджера или Александра Макдональда. Этотъ послѣдній 8 лѣтъ уже работалъ въ рудникѣ, самоучкой приготовился въ глазговскій университетъ, гдѣ учился, лѣтомъ продолжая работать въ копяхъ, еще студентомъ пріобрѣлъ популярность въ качествѣ вождя всѣхъ шотландскихъ рудокоповъ, былъ народнымъ учителемъ, президентомъ національнаго союза рудокоповъ и, наконецъ, былъ выбранъ «первымъ депутатомъ труда» на общихъ парламентскихъ выборахъ 1874 г. Своей энергіей, своей преданностью общественнымъ интересамъ, нерѣдко ораторскимъ талантомъ эти дѣятели и другіе, подобные имъ, вышедшіе изъ-за рабочаго станка или шахты, не уступаютъ многимъ историческимъ личностямъ, имена которыхъ всѣмъ извѣстны, а значеніе исчерпывается тѣмъ, что какая-нибудь случайность рожденія или богатства выдвинула ихъ на арену политической жизни въ первые ряды.

Въ нашемъ отзывѣ о книгѣ С. и Б. Уэббовъ, которая не нуждается въ рекомендаціи, мы не имѣемъ возможности прослѣдить ходъ англійскаго рабочаго движенія даже въ главныхъ его этапахъ: пусть читатель самъ обратится къ этой поучительной исторіи. Самымъ характернымъ является въ ней эти періодическія смѣны двухъ направленій: стремленія къ организаціи на почвѣ болѣе узкихъ профессіональныхъ интересовъ, насущныхъ практическихъ требованій, и движенія, охватывающаго порою массы, къ широкимъ экономическимъ и общественнымъ реформамъ,—движенія, полнаго воодушевленія и неясно сознаваемыхъ идеаловъ. Если первое давало возможность постепенно, шагъ за шагомъ, подвигаться впередъ въ дѣлѣ организаціи и улучшенія жизненныхъ условій, то второе не позволяло застывать въ неподвижности ограниченнаго довольства. Первое вело къ развитію партикуляризма, мѣстныхъ организацій на почвѣ чисто профессіональныхъ нуждъ, второе выражалось въ попыткахъ

образованія обширныхъ организацій, всеобщаго рабочаго союза, въ постановкѣ широкихъ програмиъ. Но каждый разъ опытъ жизни или раскрывалъ всю слабость изолированнаго положенія и зависимость частныхъ профессіональныхъ интересовъ отъ общихъ условій промышленной и общественной жизни, или подводилъ балансъ между обширностью цѣли и недостаточностью средствъ къ ея достиженію, побуждая къ дальнѣйшему развитію внутреннихъ силъ. Въ этомъ отношеніи любопытнымъ является періодъ, слѣдовавшій за отмѣною репрессивныхъ законовъ противъ обществъ. Освобожденные отъ вліянія этихъ законовъ, рабочіе союзы оказались не болѣе способными противодѣйствовать пониженію заработной платы, чѣмъ прежнія, тайныя общества, потому что въ распоряженіи ихъ не было иныхъ средствъ, кромѣ испытанныхъ уже въ предшествующую стадію невыдержанныхъ возмущеній, голодныхъ стачекъ и разгромленія машинъ. Безсиліе чисто профессіональныхъ союзовъ обратило рабочее движеніе къ радикальной агитаціи 1824—1848 г.г. Съ необыкновенной быстротою выростали обширныя организаціи, въ родѣ «Великаго національнаго консолидированнаго рабочаго союза», съ цѣлями всеобщей стачки, устраивавшаго многолюднѣйшія демонстраціи. Но все это движеніе улеглось послѣ ряда неудачъ такъ же быстро, какъ развилось. Обширныя организаціи распались, оставивъ по себѣ только мѣстные рабочіе клубы. Секретъ заключался въ несоотвѣтствіи боевой тактики, сохранившей прежній характеръ, съ расширившимся кругозоромъ рабочаго класса. «Въ области идей это были идеалисты, мечтавшіе о новой землѣ и новомъ небѣ, гуманитаристы, мечтавшіе о перевоспитаніи человѣчества, соціалисты и моралисты; на полѣ сраженія это были все еще полу-рабы 1825 года, вооруженные всего только грубымъ оружіемъ стачки и бойкота, въ нѣкоторыхъ случаяхъ внушавшіе имущимъ классамъ страхъ и ненависть, часто только презрѣніе, всегда угнетенные и страшно бѣдные» (стр. 105). Тогда, отложивъ въ сторону всѣ проекты соціальной революціи, послѣдующее поколѣніе трэдъ-юніонистовъ сосредоточилось на болѣе узкихъ и доступныхъ цѣляхъ, на противодѣйствіи худшимъ формамъ политическаго и экономическаго гнета, отъ котораго страдало, и медленно создало для этой цѣли пригодныя организаціи. Этотъ успѣхъ авторы приписываютъ, помимо вліянія экономическихъ перемѣнъ, главнымъ образомъ, распространенію образованія среди массы рабочихъ и бо́льшей практичности руководителей рабочихъ союзовъ послѣ 1842 г. Общее стремленіе къ самообразованію, къ теоретическому уясненію себѣ своего положенія охватило самыхъ грубыхъ представителей рабочаго класса, въ родѣ каменьщиковъ (стр. 124, 136). И вотъ по мѣрѣ роста самосознанія выростаютъ крупныя «амальгамированныя» (соединенныя) общества спеціалистовъ-рабочихъ, въ родѣ «Союза рабочихъ строителей паровыхъ машинъ» или «Дружественнаго общества строителей мельницъ», съ централизованной администраціей, включающей въ свою дѣятельность функціи взаимопомощи, при чемъ болѣе грубыя формы классовой борьбы вытѣсняются дипломатіей. Кружокъ ихъ вождей съ Вилліамомъ Алланомъ и Робертомъ Эпплгарвомъ во главѣ (такъ наз. «Хунта») соединялъ крайнюю осторожность въ области экономической борьбы съ энергической агитаціей въ пользу политическихъ реформъ. Ихъ цѣлью было добиться для рабочихъ союзовъ легальнаго положенія, которое необходимо было для обезпеченія цѣлости ихъ фондовъ, и признанія рабочихъ организацій нормальной составной частью существующаго общественнаго строя (стр. 188). Они исходили изъ того, что, во-первыхъ, никакой поступокъ рабочаго не долженъ признаваться противозаконнымъ, если онъ не признается противозаконнымъ при совершеніи его другимъ лицомъ, во-вторыхъ, что никакой поступокъ, совершенный группой людей, не долженъ считаться преступленіемъ, если онъ не считается преступленіемъ при совершеніи его однимъ лицомъ (194 стр.). Въ 1875 г. они добились окончательной

легализаціи рабочихъ обществъ: коллективное соглашеніе рабочихъ съ предпринимателями, со всѣми необходимыми соотвѣтствующими моментами этого коллективнаго соглашенія, было, наконецъ, послѣ пятидесятилѣтней борьбы узаконено законодательствомъ страны. Послѣдніе слѣды уголовнаго законодательства, направленнаго спеціально противъ рабочихъ, исчезли теперь. Завоеванное положеніе было употреблено на внутреннюю работу по улучшенію положенія труда. Развиваются большія и вліятельныя провинціальныя организаціи: рудокоповъ, хлопчатобумажныхъ рабочихъ и другихъ, умѣло ставящіе и приводящіе цѣлый рядъ вопросовъ о 8-ти-часовомъ рабочемъ днѣ, нормировкѣ заработной платы и проч.

Въ 1867 г. рабочимъ было предоставлено избирательное право въ городахъ. Въ этомъ правѣ «новые юніонисты» 1889—1890 гг. нашли обширную соціальную структуру, которую глупо было бы игнорировать. Движеніе обновляется притокомъ свѣжихъ и болѣе широкихъ идей, благодаря вліянію возникшей соціалъ-демократической федераціи, во главѣ которой стояли Дж. Househ Бернсъ, Гайндманъ и Маннъ. Узость стараго юніонизма уступила интересу всего трудового класса, включая и неорганизованныхъ рабочихъ. Движеніе это при первомъ столкновеніи съ жизнью и практическими вопросами быстро потеряло революціонный характеръ и направилось въ конституціонное русло. Побѣда коллективистовъ при выборахъ въ лондонскій школьный совѣтъ и совѣтъ графства, непрерывный ростъ муниципальной дѣятельности и ростъ вліянія рабочихъ членовъ въ средѣ различныхъ представительныхъ учрежденій убѣдили и трэдъ-юніонистовъ въ томъ, что единственное средство обезпечить за обществомъ владѣніе и контроль надъ средствами производства состоитъ въ широкомъ распространеніи національной и муниципальной организаціи общественныхъ работъ. Въ этомъ направленіи сдѣланы уже первые шаги парламентомъ и городскими совѣтами (стр. 304). Проникновеніе всѣхъ общественныхъ силъ общественными идеалами и принципами,—вотъ задача, поставленная «новымъ юніонизмомъ», появленіемъ котораго авторы заканчиваютъ историческую часть своего труда. *М. П—въ.*

Л. Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ. Перев. А. Серебряковой, ред. Д. Протопопова. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп. Изслѣдованіе Л. Вигуру входитъ въ серію тѣхъ работъ, предпринятыхъ по порученію Парижскаго соціальнаго музея, къ числу которыхъ относится уже разсмотрѣнная нами книга Поля де-Рузье объ англійскихъ трэдъ-юніонахъ (см. «М. Б.», библіогр., 1899 г.). Изученіе американскихъ рабочихъ организацій на мѣстѣ позволило Л. Вигуру отмѣтить ихъ характерныя особенности по сравненію съ англійскимъ рабочимъ движеніемъ. Одну изъ этихъ особенностей авторъ выражаетъ въ самомъ заглавіи книги, которое въ оригиналѣ читается: «La concentration de forces ouvrières». Тогда какъ въ Англіи всегда, а въ послѣднее время въ особенности, центръ рабочей организаціи лежалъ въ профессіональныхъ союзахъ, въ наиболѣе значительныхъ и вліятельныхъ трэдъ-юніонахъ, въ Сѣверной Америкѣ профессіональные союзы почерпаютъ свою силу въ обширныхъ федераціяхъ: Американской федераціи труда (American Federation of Labor) и центральныхъ союзахъ. Въ Англіи ни промышленные совѣты (trades-councils), въ которыхъ представлены делегаты различныхъ профессій одного и того же города, ни юніонистскій конгрессъ съ его совѣщательнымъ характеромъ не имѣютъ такого значенія, какъ американскіе центральные союзы. Тамъ объединяющія организаціи, являясь учрежденіями постоянными, устанавливаютъ между группами различныхъ профессій тѣсныя, отвѣчающія точнымъ обязательствамъ узы, хотя и на почвѣ признанія ихъ автономіи. Американская федерація труда имѣетъ свое собственное независимое существованіе. Профессіональные союзы, входящіе въ нее, подписываютъ своего рода федеральный договоръ, уступая часть своихъ правъ, но тѣмъ они пріобрѣтаютъ

себѣ сильную поддержку и большія преимущества. Такимъ образомъ, эта федерація, основанная въ концѣ 1886 г., оттѣснивъ могущественныхъ нѣкогда рыцарей труда, явилась представительницею стремленій организованнаго труда въ Сѣверной Америкѣ, она усиливаетъ входящіе въ ея составъ союзы и организуетъ новые, дѣйствуетъ въ интересахъ отдѣльныхъ союзовъ на нанимателей, на правительственную власть черезъ парламентскую агитацію, на общественное мнѣніе, на неорганизованныхъ рабочихъ и на враждующія между собою организаціи. Исторіи роста Американской федераціи труда, ея роли и дѣятельности посвящена третья часть книги Вигуру (книга II). Тамъ же въ исторіи взаимныхъ отношеній Ордена рыцарей труда и федераціи читатель получаетъ нѣкоторое, хотя и недостаточное представленіе о первой изъ этихъ организацій, съигравшей крупную роль въ рабочемъ движеніи Сѣверной Америки. Рыцари съ ихъ широкой, но облеченной въ неопредѣленную, туманную форму программой дѣятельности выставляли отъ имени рабочихъ «болѣе высокія требованія, чѣмъ участіе въ прибыляхъ или сокращеніе часовъ труда», провозглашали новую эру свободы, мира и изобилія. Федерація присоединяла къ себѣ только союзы труда и ремеслъ во имя организаціонныхъ цѣлей и проктическихъ требованій и къ декабрю 1898 г. была представительницей 67 національныхъ и международныхъ союзовъ, учрежденныхъ 10.500 мѣстныхъ союзовъ, 10 федерацій различныхъ штатовъ, 82 центральныхъ союзовъ труда и ремесленныхъ собраній, 315 мѣстныхъ союзовъ, организованныхъ въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ не существовало національныхъ союзовъ и наконецъ 109 федеральныхъ союзовъ труда, состоявшихъ изъ лицъ различныхъ профессій. Приведенный перечень даетъ нѣкоторое понятіе о многочисленности и сложности рабочихъ организацій въ Сѣверной Америкѣ, тамъ одинъ и тотъ же мѣстный союзъ можетъ представительствовать въ федераціи дважды и трижды, какъ члены разныхъ промежуточныхъ союзовъ, областнаго или профессіональнаго характера. Главнымъ средствомъ борьбы въ цѣляхъ улучшенія условій труда, которыми располагаетъ федерація, являются бойкотъ и служащее ему дополненіемъ одобреніе «*лэбэлей*». Примѣненіе «лэбэлей», свидѣтельствуя о замѣчательномъ духѣ солидарности среди американскихъ рабочихъ, является характернымъ пріемомъ рабочей тактики въ Соединенныхъ Штатахъ. Исходя изъ того, что въ Соединенныхъ Штатахъ промышленность поставляетъ продукты преимущественно для внутренняго рынка, въ которомъ главнымъ потребителемъ является все то же рабочее населеніе, союзы обратили вниманіе на организацію потребленія. Если бойкотъ изобличаетъ враговъ организованнаго труда, то *лэбэль* указываетъ на его друзей. Предпринимателямъ, заключившимъ въ установленной формѣ коллективный договоръ о наймѣ съ союзами, примкнувшими къ Американской федераціи труда, эта послѣдняя оказываетъ преимущество. Она разрѣшаетъ имъ выпускать въ продажу свои фабрикаты съ «лэбэлемъ», т.-е. со спеціальнымъ клеймомъ, рекомендующимъ ихъ покупателямъ изъ среды рабочихъ. Всякій хорошій рабочій, членъ союза, прежде чѣмъ купить шляпу, смотритъ, пришито ли внутри ея клеймо соединенныхъ сѣверо-американскихъ шляпочниковъ, прежде чѣмъ закурить сигару, онъ удостовѣряется, стоитъ ли на ящикѣ «лэбэль» союза сигарочниковъ. Объявляя бойкотъ или одобряя «лэбэль», федерація оказываетъ вліяніе, по крайней мѣрѣ, на милліонъ покупателей изъ среды рабочихъ. Пока лэбели не поставлены еще подъ покровительство національнаго законодательства, но признаны законами нѣкоторыхъ отдѣльныхъ штатовъ. По отношенію къ предпринимателямъ, имѣющимъ дѣло съ ограниченнымъ мѣстнымъ рынкомъ, угроза снятія лэбэля можетъ имѣть самое дѣйствительное значеніе, лишая ихъ продуктъ сбыта. Нѣкоторые примѣры подобнаго рода могутъ вполнѣ оправдать слова Гшвинда: «какъ только будетъ организовано потребленіе рабочаго класса, пробьетъ послѣдній часъ капитализма» (Г. Геркнеръ. «Рабочій трудъ въ Западной Европѣ», рус. изд. стр. 168).

Существованіе рабочихъ союзовъ въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ другихъ промышленныхъ странахъ, стало необходимымъ въ силу современныхъ экономическихъ и соціальныхъ условій. Развитая промышленность сама ставитъ такія задачи, которыя не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ коллективнымъ участіемъ сознательно относящихся къ своему положенію рабочихъ массъ. «Безъ трэдъ-юніоновъ,—какъ говоритъ Сюливанъ,—не было бы ни совѣтовъ третейскаго суда, ни статистическихъ бюро, ни охраны труда, ни широкихъ обсужденій реформъ, ни воспитанія массы, ни соціальныхъ вопросовъ, ни законовъ, признающихъ интересы труда». Авторъ изслѣдованія также признаетъ, что «существованіе союзовъ улучшило матеріальное положеніе рабочихъ» (стр. 337). «Сокращеніе продолжительности рабочаго дня безспорно было результатомъ организаціи рабочихъ въ союзы. Эта же организація привела къ существенному улучшенію санитарныхъ условій труда, къ законодательному ограниченію женскаго и дѣтскаго труда» и т. д. (стр. 334).

Изслѣдованіе г. Вигуру, несмотря на нѣкоторую неполноту, зависящую отчасти отъ поставленныхъ имъ самимъ границъ изученія предмета, интересно какъ общими результатами, такъ и подробностями. Эти послѣднія хорошо рисуютъ особенности рабочаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ союзное начало находится въ постоянномъ броженіи, въ процессѣ образованія, группировки и распаденія, какъ нельзя болѣе оправдывая самый терминъ: «Рабочее движеніе». *М. П—въ.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Н. И. Григорьевъ. «Алкоголизмъ и преступленія въ С.-Петербургѣ». — *А. Шюке.* «Гигіена чахоточныхъ».—«Лѣтнія колоніи».

Н. И. Григорьевъ. Алкоголизмъ и преступленія въ г. С.-Петербургѣ. По матеріаламъ с.-петербургскихъ городскихъ больницъ и архива с.-петербургскаго окружнаго суда. С.-Петербургъ. 1900 г. За послѣдніе два года въ нашемъ обществѣ замѣтно увеличился интересъ къ одному изъ самыхъ важныхъ и сложныхъ явленій общественной жизни, именно къ алкоголизму. Въ значительной мѣрѣ всестороннему обсужденію этого грознаго явленія содѣйствовала образованная при обществѣ охраненія народнаго здравія коммиссія по вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ. Въ этой коммиссіи принимаютъ участіе выдающіеся представители медицины и юриспруденціи, теоретики, и практики, люди свободныхъ профессій, и чиновники. Засѣданія коммиссіи посѣщаются многочисленной публикой, а сами участники, добровольные работники, стараются освѣтить дѣло со всѣхъ сторонъ.

Повидимому, алкогольной коммиссіи грозитъ участь огромнаго большинства нашихъ коммиссій, т.-е. не предвидится конца ея дѣятельности. Есть даже тенденція преобразовать коммиссію, носящую временный характеръ, въ постоянное общество для борьбы съ пьянствомъ. Нельзя, конечно, ничего имѣть противъ возникновенія такого почтеннаго общества, но несомнѣнно, что съ образованіемъ постояннаго общества труды его пойдутъ гораздо медленнѣе. Впрочемъ, трудно и ожидать скораго разрѣшенія вопроса, находящагося въ такой интимной связи съ безконечнымъ рядомъ явленій физіологическихъ, экономическихъ, бытовыхъ и т. д. Когда алкогольная коммиссія,—какъ называютъ ее для краткости,—приступивъ къ своей дѣятельности, хотѣла прежде всего выяснить причины пьянства, оказалось, что, не смотря на огромную литературу объ алкоголизмѣ, приходится начинать дѣло съ начала. До сихъ поръ, оказывается, нѣтъ точнаго опредѣленія алкоголизма, нельзя съ точностью сказать,

кого можно назвать алкоголикомъ, не установлены еще тѣ минимальныя дозы алкоголя, которыя могутъ быть введены въ организмъ безъ вреда для здоровья и т. п. А по части основныхъ причинъ алкоголизма дѣло стоитъ еще хуже. Кромѣ наслѣдственности, приводились и приводятся до сихъ поръ не настоящія причины, а предрасполагающія, скорѣе поводы, чѣмъ причины. Если влеченіе къ алкоголю можетъ себѣ найти, какъ думаютъ нѣкоторые, объясненіе въ физіологическомъ стремленіи къ измѣненію своего настроенія, къ извѣстному временному подъему духа, то тогда не понятно, почему не всѣ, находящіеся при одинаковыхъ условіяхъ, испытываютъ эту потребность, почему, напр., существуетъ цѣлый народъ, какъ еврейскій, такъ мало потребляющій алкоголя. Если искать главную и исключительную причину пьянства въ тяжелыхъ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ, то тогда опять-таки не понятно, почему тѣ же евреи не являются сплошными пьяницами, такъ какъ даже враги ихъ не могутъ не признать, что огромное большинство еврейскаго народа живетъ при исключительно скверныхъ въ матеріальномъ и нравственномъ смыслѣ условіяхъ. Очевидно, причины алкоголизма гнѣздятся очень глубоко, ихъ надо искать не въ одномъ какомъ-либо явленіи, а въ цѣлой комбинаціи явленій. Поэтому, всевозможныя мѣры, проектируемыя алкогольной коммиссіей въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, должны разсматриваться, какъ мѣры палліативныя. Тѣмъ болѣе страннымъ является ходатайство коммиссіи, осужденное, впрочемъ, почти всею печатью, при тѣхъ данныхъ, какія пока имѣются, и при условіяхъ нашей общественной жизни,—о лишеніи свободы и насильственномъ заключеніи въ лѣчебницы людей, признанныхъ алкоголиками и совершающихъ поступки, вредныя или опасныя для нихъ самихъ, или для окружающихъ.

Изъ трудовъ и дебатовъ алкогольной коммиссіи выяснилось, между прочимъ, что мы до сихъ поръ не располагаемъ даже статистическимъ матеріаломъ для сужденія о распространенности у насъ пьянства, что всѣ наши разговоры о пьяницахъ и пьянствѣ до сихъ поръ основывается не на твердыхъ данныхъ, а больше на личныхъ впечатлѣніяхъ. Въ самой алкогольной коммиссіи раздаются голоса, что русскій народъ въ массѣ пьетъ меньше, чѣмъ, напр., англичане и шведы, что вся бѣда у насъ происходитъ отъ манеры пить, отъ потребленія алкоголя періодически, а не постоянно, какъ это дѣлаютъ европейскіе народы. Словомъ, работа только начинается, происходитъ еще закладка фундамента того огромнаго зданія, въ которомъ должно быть собрано все, относящееся къ алкоголизму.

Однимъ изъ замѣтныхъ камней въ этомъ фундаментѣ является монографія д-ра Н. И. Григорьева, заглавіе которой мы выписали въ самомъ началѣ. Д-ръ Григорьевъ—одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ коммиссіи—давно уже занимается вопросомъ объ алкоголизмѣ, самъ издаетъ нѣсколько лѣтъ журналъ, посвященный этому вопросу («Вѣстникъ трезвости») и теперь собралъ обширный матеріалъ о петербургскомъ пьянствѣ.

Статистическія данныя д-ра Григорьева, не смотря на ихъ мѣстный характеръ, не лишены общаго значенія. Оказывается, что по размѣрамъ пьянства, по количеству потребляемаго алкоголя, Петербургъ высоко держитъ знамя столицы имперіи. Если, напр., по санитарному благоустройству онъ отсталъ отъ многихъ губернскихъ городовъ, то по части потребленія спиртныхъ напитковъ за нимъ не угнаться. Въ то время, какъ въ Европейской Россіи, одно заведеніе съ продажей питій приходится на 774,2 чел., въ С.-Петербургѣ на 393,4 чел. Въ С.-Петербургской губ. на долю столицы въ среднемъ приходится ежегодно 67,3% всего вина, выпиваемаго губерніей. Есть такіе счастливые участки въ столицѣ, гдѣ число заведеній больше числа домовъ, т.-е. не только въ каждомъ домѣ имѣется заведеніе, но есть по нѣскольку заведеній въ одномъ домѣ.

Показавъ, что въ Петербургѣ при желаніи легко можно найти мѣсто для

утоленія жажды къ алкоголю, г. Григорьевъ дѣлаетъ попытку разобраться въ причинахъ усиленнаго пьянства въ Петербургѣ и выставляетъ, какъ главную причину—матеріальную нужду огромной части населенія Петербурга, главнымъ образомъ, ремесленниковъ и рабочихъ, проводящихъ жизнь въ самой тяжелой обстановкѣ и въ алкоголѣ ищущихъ и находящихъ извѣстное утѣшеніе. Прискорбно то, что въ Петербургѣ замѣчается злоупотребленіе спиртными напитками среди учащихся и притомъ не только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ учатся все-таки болѣе или менѣе взрослые люди, но и среди дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 8 до 11—14 лѣтъ.

Обращаясь къ больничному матеріалу, который въ данномъ вопросѣ не можетъ отличаться особой точностью, ибо больницы регистрируютъ только такихъ алкоголиковъ, которые доведены были пьянствомъ, до бѣлой горячки, д-ръ Григорьевъ сообщаетъ, что за время съ 1886 г. до 1897 г. поступило въ городскія больницы алкоголиковъ—мужчинъ 1.771 чел., что составляетъ 7,3% общаго числа поступленій мужчинъ въ больницы, и 223 женщ., или 1% всѣхъ поступившихъ въ больницы женщинъ. Въ общемъ, алкоголики въ петербургскихъ больницахъ составляютъ 4% всѣхъ больныхъ, между тѣмъ какъ по всей Россіи, по даннымъ медицинскаго департамента, число поступленій алкоголиковъ въ больницы составляетъ всего 1%.

По временамъ года больше всего наблюдается поступленій въ лѣтніе мѣсяцы, главнымъ образомъ, въ августѣ, меньше—въ зимніе. Для объясненія этого распредѣленія по временамъ года приводятся, какъ г. Григорьевымъ, такъ и другими авторами, цѣлый рядъ причинъ, которыя врядъ ли, однако, могутъ быть приняты, и, поэтому, мы здѣсь на нихъ не останавливаемся.

Алкоголикъ, разъ попавшій въ больницу, обыкновенно не долго въ ней остается, но зато дѣлается частымъ гостемъ больницы, такъ что нерѣдко одному и тому же человѣку случается въ одинъ мѣсяцъ дважды попасть въ больницу.

Больше всего алкоголиковъ поступаетъ въ больницы въ возрастѣ отъ 36—40 лѣтъ, затѣмъ идетъ возрастъ отъ 31—35; оба эти возраста даютъ по 3 тыс. больныхъ, но среди больныхъ попадаются и дѣти въ возрастѣ отъ 6—10 лѣтъ, и старцы 71—75, даже 80 лѣтъ. По сословіямъ алкоголики распредѣляются слѣдующимъ образомъ: крестьяне—65,4% мужч. и 54,7% женщинъ, мѣщане—24,4 мужч. и 34,1 женщ., дворяне—6,5 мужч. и 5,1 женщ., финляндцы (?) 1,5% мужч. и 3% женщ., потом. и личн. почетн. граждане—0,8% мужч. и 0,4 женщ., купцы—0,3% мужч. и 0,5% женщ., иностранцы—0,4% мужч. и 0,9% женщ., солдаты—0,2%, духовнаго званія—0,5% мужч. и 0,2% женщ. По вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—14.131, католиковъ—486, лютеранъ—228, магометанъ—28, евреевъ—22, старообрядцевъ—5, англиканскаго вѣроисповѣданія—3, безъ обозначенія вѣроисповѣданія—150. Въ книгѣ д-ра Григорьева читатели найдутъ любопытныя данныя о распредѣленіи алкоголиковъ по занятіямъ, по промысловымъ группамъ, по мѣсту родины и т. д.

Сложный и запутанный вопросъ о связи алкоголизма съ преступленіями вопросъ, крайне трудный и требующій еще дальнѣйшей разработки, тоже обратилъ на себя вниманіе д-ра Григорьева, посвятившаго ему значительную часть работы. Доступный автору матеріалъ тщательно имъ разработанъ. Статистика уголовныхъ преступленій, совершенныхъ въ Петербургѣ въ періодъ 1883—1898 г.г. показываетъ, что изъ общей цифры уголовныхъ дѣлъ—40,5% приходится на дѣла, въ которыхъ подсудимые были пьяницы или пьяны при совершеніи преступленія, и что 44,9% было такихъ дѣлъ, въ которыхъ вообще, было замѣшано пьянство подсудимыхъ или потерпѣвшихъ.

Не касаясь всего богатаго содержанія книги д-ра Григорьева, который даетъ крайне важный для интересующихся вопросомъ объ алкоголизмѣ пере-

чень литературы, очеркъ лѣчебныхъ заведеній для алкоголиковъ у насъ и заграницей и т. д., укажемъ на одно положеніе автора, съ которымъ мы никакъ не можемъ согласиться. Въ борьбѣ съ пьянствомъ среди простого народа, говоритъ г-нъ Григорьевъ, если общества трезвости и могутъ имѣть успѣхъ, то только *церковно-приходскія общества* трезвости. Доказательствъ въ пользу этого положенія въ книгѣ г. Григорьева нѣтъ никакихъ, и оно должно быть отнесено къ личнымъ впечатлѣніямъ почтеннаго автора, но никакъ не можетъ имѣть значеніе общаго положенія. Врачъ *В. Б—къ.*

А. Шюке. Гигіена чахоточныхъ. Переводъ съ французскаго съ примѣчаніями, дополненіями и прибавленіями о русскихъ санаторіяхъ и курортахъ врача О. А. Литинскаго. С.-Петербургъ. 1900 г. Изд. Т-ва «Народная Польза». Цѣна 1 руб. Переводъ хорошей богатой по содержанію книги г-на Шюке сдѣланъ очень кстати, такъ какъ у насъ въ концѣ концовъ нѣтъ популярнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ полнаго изложенія того, что касается одной изъ ужаснѣйшихъ человѣческихъ казней—чахотки. Одна седьмая часть человѣчества падаетъ жертвой этой страшной болѣзни и, поэтому, нисколько не кажется удивительнымъ замѣчаемое теперь въ европейскихъ странахъ стремленіе, объявивъ чахотку обще-народной болѣзнью, придать борьбѣ съ этимъ недугомъ государственный характеръ. Всюду пропагандируется мысль объ устройствѣ государственныхъ и общественныхъ санаторій и лѣчебницъ. Многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано, еще больше остается сдѣлать. И наше отечество принимаетъ участіе въ этомъ общемъ движеніи.

Это общественное, весьма симпатичное направленіе въ борьбѣ съ чахоткой не исключаетъ, конечно, важнаго значенія индивидуальной гигіены, и во всякой семьѣ, гдѣ имѣется такого рода больной, ощущается потребность въ толковой популярной книгѣ именно по гигіенѣ чахоточныхъ. Въ этомъ отношеніи книга г-на Шюке является весьма полезной. Переводъ сдѣланъ очень хорошо, а примѣчанія и дополненія переводчика о русскихъ курортахъ и санаторіяхъ увеличиваютъ цѣнность книги. Вр. *В. Б—къ.*

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1899 года. Дѣло дѣтскихъ колоній, прочно и широко поставленное въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, начинаетъ понемногу развиваться и у насъ. Безъ всякихъ доказательствъ понятно, какъ благотворно долженъ дѣйствовать лѣтній отдыхъ въ деревнѣ на дѣтей городскихъ школъ, принадлежащихъ въ огромномъ большинствѣ къ бѣднѣйшему населенію, плохо питающемуся и ютящемуся въ сырыхъ, темныхъ подвалахъ и на чердакахъ. Вырвать ребенка изъ такой обстановки, дать ему возможность подышать свѣжимъ воздухомъ, побѣгать и т. д. не только доброе дѣло, но и полезное съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ. Пользующіяся лѣтнимъ отдыхомъ дѣти являются болѣе устойчивыми въ борьбѣ съ разными болѣзнями, меньше хвораютъ и, слѣдовательно, даютъ обществу болѣе здоровыхъ работниковъ.

Въ 1899 году въ дѣтскихъ колоніяхъ г. Москвы проводили лѣто 316 дѣвочекъ и 155 мальчиковъ. Изъ числа дѣтей, отправленныхъ въ 1899 году въ колоніи 219 или 47% никогда не были въ деревнѣ. При выборѣ дѣтей въ колоніи предпочтеніе отдается слабымъ, болѣзненымъ (но не больнымъ), а также бѣднѣйшимъ. Дѣти предварительно подвергаются осмотру, взвѣшиванію, разнымъ измѣреніямъ и т. д. и такого же рода измѣренія производятся и въ концѣ лѣтняго сезона. Эти послѣднія измѣренія объективно показываютъ, какъ подъ вліяніемъ хорошей обстановки увеличивается вѣсъ дѣтей, мышечная ихъ сила, объемъ грудной клѣтки и ростъ. Въ колоніяхъ большинство домашнихъ работъ исполняется дѣтьми и притомъ весьма охотно. Содержаніе всѣхъ дѣтей (471) обошлось въ 11.142 руб., т.-е. на ребенка за все лѣто приходится всего около 25 руб.

Къ сожалѣнію, московскій отчетъ не даетъ никакихъ данныхъ о ремеслѣ въ колоніяхъ, о занятіяхъ, о пищѣ дѣтей. Всѣ эти свѣдѣнія имѣютъ большой интересъ и помѣщеніе ихъ въ отчетахъ дѣтскихъ колоній весьма желательно.

В. Б—къ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

О. Д. Хвольсонъ. «Краткій курсъ физики». — *Э. Дюбуа-Реймонъ.* «Германъ фонъ-Гельмгольцъ. Характеристика».—*Сильванусъ Томпсонъ.* «Свѣтъ видимый и невидимый».—*И. Урлаубъ.* «Очеркъ исторіи оптики и оптическаго производства въ Россіи».

Краткій курсъ физики для медиковъ, естественниковъ и техниковъ, составилъ О. Д. Хвольсонъ. Спб. Изданіе К. Л. Риккера, т. I, II, III. На страницахъ «Міра Божія» былъ своевременно данъ отзывъ о полномъ «Курсѣ физики» (см. декабрь 1898 г. и августъ 1899 г.). Пользуясь этимъ, мы позволимъ себѣ не излагать въ подробностяхъ содержанія вышедшихъ трехъ томовъ, такъ какъ заголовки обоихъ курсовъ тождественны, а ограничимся только напоминаніемъ, что въ 1-мъ томѣ заключаются: механика, ученіе о газахъ, жидкостяхъ и твердыхъ тѣлахъ, описаніе нѣкоторыхъ измѣрительныхъ приборовъ и способовъ измѣренія, во 2-мъ—ученіе о звукѣ и лучистой энергіи, и въ 3-мъ—ученіе о теплотѣ. Во введеніи къ первому тому затронуто нѣсколько общихъ вопросовъ (задача физики, эфиръ, физическіи величины и т. д.); около десяти страницъ введенія посвящены изложенію простыхъ математическихъ понятій, относящихся отчасти къ области «высшей» математики, отчасти къ геометріи (нахожденіе производной функціи отъ данной, касательная линія, радіусъ кривизны, векторы).

Разсматриваемый курсъ представляетъ извлеченіе изъ полнаго; математическое изложеніе не выходитъ изъ рамокъ элементарнаго курса математики, что и имѣлъ въ виду авторъ сочиненія, сохранившій за нимъ всю ясность, научность и многосторонность полнаго курса. Какъ видно, изъ самаго наименованія тѣхъ лицъ, для которыхъ предназначенъ краткій курсъ (естественники, а не естествоиспытатели, медики, а не врачи)—эта книга должна служить пособіемъ при начальномъ изученіи физики; для болѣе подробнаго знакомства съ отдѣльными вопросами, придется обратиться къ полному курсу, потому что естественнику, берущемуся за работу, при которой нужны свѣдѣнія, скажемъ, изъ термодинамики, начальный курсъ даетъ слишкомъ мало. Указанія литературы по разнымъ вопросамъ также опущены. Разсматриваемый курсъ разсчитанъ на 1.200—1.400 страницъ, такъ что изучившій его получитъ серьезную подготовку для дальнѣйшихъ работъ, и будетъ освѣдомленъ во всѣхъ важнѣйшихъ открытіяхъ физики до послѣдняго времени.

Множество рисунковъ, прекрасная печать, тщательная корректура и сравнительная дешевизна (2 р. 50 к. томъ) дѣлаютъ желательнымъ и возможнымъ распространеніе этой книги среди учащихся. К—еръ.

Германъ фонъ-Гельмгольцъ, характеристика. Э. Дюбуа-Реймонъ.. Переводъ съ нѣмецкаго В. Батя, подъ редакціей прив.-доц. Б. П. Вейнберга. Изд. жур. «Образованіе». Спб. 1900 г. Цѣна 30 коп. Характеристика исключительной личности Гельмгольца, до того исключительной, что при знакомствѣ съ ней невольно возникаетъ вопросъ, можетъ ли когда-нибудь явиться творческая сила, подобная ему,—принадлежитъ перу знаменитаго физіолога. Творенія Гельмгольца охватываютъ весь кругъ теоретическаго естествознанія, начиная съ физіологической анатоміи и кончая психофизикой; на ряду съ разносторонностью интересовъ, онъ проявляетъ рѣдкое дарованіе выдвигать и побѣдоносно разрѣшать именно тѣ вопросы, которые имѣли наиболѣе существенное значеніе; *бы-*

лому обзору его научной дѣятельности посвящено свыше 60 страницъ in octavo. Мы видимъ Гельмгольца на школьной скамьѣ, на урокахъ за Цицерономъ и Виргиліемъ, когда подъ столомъ онъ вычислялъ ходъ пучка лучей въ телескопѣ и находилъ новыя оптическія теоремы, впослѣдствіи служившія ему службу при построеніи глазного зеркала. Потомъ передъ нами военный врачъ, «изумительно толковый медикъ», по свидѣтельству автора, не имѣющій средствъ на покупку микроскопа. Ему помогаетъ случай: онъ заболѣваетъ тифомъ, въ качествѣ военнаго врача попадаетъ безплатно въ больницу Charité; за это время изъ жалованья у него и накопляется небольшая сумма денегъ. Какъ членъ кружка молодыхъ физиковъ и химиковъ, онъ основываетъ физическое общество, пишетъ рефераты по животной теплотѣ и акустикѣ; работая по физіологіи, онъ не упускаетъ изъ виду самыхъ широкихъ научныхъ обобщеній. Въ 1847 году, оставаясь еще на военной службѣ, онъ дѣлаетъ докладъ, въ физическомъ обществѣ «о сохраненіи силы», при чемъ, къ общему удивленію заявляетъ себя «выдающимся физико-математикомъ», хотя никогда не посѣщалъ лекцій математики и ничьимъ руководствомъ въ этомъ направленіи не пользовался. Старѣйшіе изъ берлинскихъ физиковъ, какъ Магнусъ и Дове не признавали значенія за этой работой, Поггендорфъ отказался напечатать ее въ своихъ анналахъ, математики, кромѣ Якоби, считали ее не стоющей, нашлись своеобразные цѣнители и въ военныхъ сферахъ, но скоро выдающееся значеніе устанавливаемаго ею принципа стало очевиднымъ, примѣненія его безчисленны. Противники витализма воспользовались имъ и открыли новые пути въ біологіи.

До Гельмгольца опытное опредѣленіе скорости распространенія раздраженія по нервамъ считалось невыполнимымъ, онъ же далъ рѣдкое по простотѣ и остроумію рѣшеніе этого вопроса и, не довольствуясь строго-научно обставленными опытами на лягушкахъ, перешелъ къ мышцамъ и нервамъ живого человѣка, а результаты, какъ это онъ обыкновенно дѣлалъ и впослѣдствіи, изложилъ въ популярной формѣ, въ видѣ общедоступной лекціи.

«Ни у кого, кромѣ Гельмгольца, не было такого сочетанія знаній физико-математической оптики съ основательнымъ и полнымъ живого интереса знакомствомъ съ анатомическими условіями зрѣнія»; поэтому, берется ли онъ за изслѣдованіе аккомодаціи глаза, онъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ и попутно изобрѣтаетъ офтальмометръ, инструментъ рѣдкой точности, изучаетъ ли онъ явленія свѣченія глазъ у людей и животныхъ,—онъ устраиваетъ глазное зеркало, онъ знатокъ въ теоріи микроскопа и его устройства, для него нѣтъ трудностей въ вопросѣ о зрѣніи. Съ его «Руководствомъ къ физіологической оптикѣ», по словамъ Дюбуа-Реймона, можно сравнивать только «Ученіе о звуковыхъ ощущеніяхъ, какъ физіологическое основаніе для теоріи музыки». (Существующій на русскомъ языкѣ переводъ этого замѣчательнаго творенія сталъ библіографическою рѣдкостью). Сказаннаго достаточно, чтобы имѣть представленіе о всеобъемлющемъ отношеніи Гельмгольца къ предмету, которымъ онъ занятъ въ тотъ или другой моментъ научной дѣятельности.

Работать Гельмгольцу приходилось въ условіяхъ, далеко не всегда благопріятныхъ. Благодаря А. Гумбольдту, ему удалось ограничиться только шестью годами военной службы (за полученное имъ безплатное образованіе), но преподавательская дѣятельность отнимала у него до конца жизни много времени. Въ 1870 году, будучи профессоромъ физіологіи въ Гейдельбергѣ, онъ получилъ предложеніе, по смерти Магнуса, занять самую выдающуюся каѳедру физики въ Германіи, въ берлинскомъ университетѣ, что совпало и съ его желаніемъ: онъ считалъ себя прирожденнымъ физикомъ и къ тому времени охладѣлъ къ физіологіи. Интересно то, что онъ былъ піанистомъ-виртуозомъ, любилъ музыку и живопись. Сжатый языкъ, обиліе всевозможныхъ научныхъ терминовъ, не сопровождаемыхъ поясненіями, и шероховатый мѣстами, хотя вполнѣ правильный

переводъ, дѣлаютъ чтеніе этой характеристики нѣсколько труднымъ, біографическихъ свѣдѣній въ немъ немного, зато фигура Гельмгольца, какъ ученаго, обрисована ярко и выпукло. К—еръ.

Сильванусъ Томпсонъ. Свѣтъ видимый и невидимый. Рядъ рождественскихъ лекцій, прочтенныхъ въ Великобританскомъ королевскомъ институтѣ. Изданіе Ф. Павленкова. 1900 г. Переводъ съ англійскаго В. Чепинскаго. «Люди науки часто употребляютъ длинныя и трудныя слова для выраженія очень простыхъ и удобопонятныхъ идей. Поэтому нерѣдко думаютъ, будто трудно то, что на самомъ дѣлѣ легко, между тѣмъ какъ главная трудность состоитъ въ пониманіи значенія словъ, употребляемыхъ для описанія явленія». Такъ начинаетъ авторъ этой превосходной книги свою лекцію о поляризаціи. Дѣйствительно, кому приходилось разбираться при помощи бывшихъ еще недавно въ ходу курсовъ физики, вродѣ Шимкова, Малинина и др., въ явленіяхъ поляризаціи, этой интереснѣйшей части физической оптики, тотъ имѣлъ полное право сказать, что это—одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и головоломныхъ отдѣловъ физики. Тиндаль своими знаменитыми лекціями: «Свѣтъ», показалъ, что главныя основанія этой теоріи доступны каждому, что они усваиваются легко и надолго остаются въ памяти, если только не навязывать слушателю терминовъ, не соотвѣтствующихъ тому, что онъ видитъ своими глазами. Того же мнѣнія держится и авторъ разсматриваемой книги. Для него нѣтъ геометрической оптики и физической оптики, для него существуетъ распространеніе свѣтовыхъ волнъ, и, разъясняя прохожденіе свѣта черезъ выпуклыя и вогнутыя стекла, отраженіе свѣта отъ зеркалъ, онъ говоритъ о волнахъ, и только о волнахъ, а не о геометрическихъ лучахъ. Читатель и слушатель выигрываютъ отъ этого втройнѣ. Во-первыхъ, они испытываютъ удовлетвореніе, давая себѣ отчетъ, *почему* свѣтовая волна должна при измѣненіи направленія двигаться именно такъ, а не иначе, тогда какъ при обычномъ трактованіи предмета съ точки зрѣнія преломленія и отраженія «лучей», имъ пришлось бы удовольствоваться только констатированіемъ факта; во вторыхъ, нѣтъ нелѣпаго, ничѣмъ въ настоящее время не оправдываемаго раздѣленія оптики на двѣ части, отвыкнуть отъ котораго, какъ видно, не легко; въ третьихъ, запутанныя, будто бы, явленія предстаютъ во всей своей простотѣ и ясности, не пугая и не насилуя воображенія того, кто ими интересуется.

Если прекрасно изложены основанія поляризаціи у Тиндаля, то еще болѣе подробно, осязательно исчерпывающе, насколько это возможно въ курсѣ популярныхъ лекцій, представлены эти преобразованія свѣтовыхъ волнъ у Томпсона. Глядя на модели, которыми пользуется авторъ для разъясненія сущности явленія, каждый представитъ себѣ дѣло вполнѣ отчетливо.

Относительно открытія Рентгена появилось много невѣрныхъ отчетовъ, преимущественно въ фотографическихъ журналахъ; авторъ излагаетъ исторію открытія со словъ Рентгена; изъ нихъ видно, что фотографія въ первоначальномъ наблюденіи не играла никакой роли. Мы обращаемъ на эту интересную книгу вниманіе тѣхъ, кто пожелаетъ изучить теорію оптики, принимаясь за этотъ отдѣлъ физики въ первый разъ. Прочесть предварительно эту книгу, представляющую собой естественное продолженіе и дополненіе книги Тиндаля—весьма полезно. Тогда изученіе формулъ представитъ большій интересъ. Но особенно слѣдуетъ заглядывать въ эту и подобныя ей книги тѣмъ, кто занимается преподаваніемъ. Преподаватель найдетъ здѣсь достаточно матеріала для того, чтобы оживить свои уроки, безъ ущерба для знаній выбросить изъ казеннаго учебника все, что рутина и затхлыя программы продолжаютъ признавать за нужное, и замѣнить выброшенное болѣе естественной и здоровой пищей. Переводъ очень хорошъ. Рисунковъ 150, въ томъ числѣ три портрета Герца, Крукса и Рентгена. *К—еръ.*

«Очеркъ исторіи оптики и исторіи оптическаго производства въ Россіи». Составилъ оптикъ И. В. М. Академіи и И. Клиническаго Института Вел. Кн. Елены Павловны И. Я. Урлаубъ. Спб. 1899 г. Изданіе первое. Цѣна 60 коп. Первая половина этой брошюры представляетъ сжатый очеркъ исторіи стеклодѣлія и оптики, въ которомъ попадаются любопытные факты. Отъ древнихъ стеклодѣловъ (1500 годъ до Р. Х. и раньше), египетскихъ и финикійскихъ, умѣвшихъ изготовлять большія стеклянныя колонны, секреты производства перешли къ грекамъ и римлянамъ. Паденіе западной римской имперіи, уничтоженіе стеклянныхъ заводовъ варварами, задержало развитіе стеклянаго производства, которое въ З. Европѣ вновь появляется лишь въ XIII вѣкѣ; въ Россіи же первый стекляный заводъ былъ устроенъ въ 1635 г. пушечнымъ мастеромъ Каэтомъ, получившимъ отъ царя Михаила Ѳеодоровича исключительное право производства и продажи своихъ издѣлій въ теченіе 15 лѣтъ. Петръ Великій уничтожилъ пошлину на стекло и устроилъ нѣсколько заводовъ, въ томъ числѣ заводъ зеркальнаго стекла на Воробьевыхъ горахъ. Ломоносовъ получилъ разрѣшеніе завести стекольную фабрику для изготовленія изобрѣтенныхъ имъ цвѣтныхъ стеколъ. Главнѣйшія же мѣропріятія въ области стекольнаго производства принадлежатъ царствованію Николая I. Тѣмъ не менѣе и по сей день стекло, пригодное для изготовленія оптическихъ чечевицъ—хрустальное стекло выписывается изъ-за границы, что объясняется «меркантильными соображеніями фабрикантовъ» русскаго стекла, не желающихъ изготовлять сортъ стекла, имѣющій небольшой сбытъ; это, въ свою очередь, задержало русское оптическое производство.

Начиная съ эпохи возрожденія наукъ, въ развитіи оптики въ Западной Европѣ приходится отмѣтить тотъ фактъ, что теоретическая оптика идетъ рука объ руку съ исполненіемъ инструментовъ, болѣе и болѣе совершенныхъ, но извѣстная высота знаній въ этомъ отношеніи оставалась какъ бы незамѣченной въ Россіи; академія наукъ въ 1762 и 1826 г. предлагаетъ вопросы, получившіе гораздо раньше полное разрѣшеніе на Западѣ. Въ 1768 году механикъ-самоучка Кулибинъ изготовляетъ телескопъ и микроскопъ, затѣмъ академія поручаетъ ему устройство еще одного телескопа, потомъ онъ освѣщаетъ галлерею въ 50 саженъ длины при помощи зеркальнаго рефлектора и, будто бы, вышлифовываетъ зажигательное стекло, діаметромъ въ 3 сажени, что, по мнѣнію автора, прямо немыслимо. Вслѣдъ за нимъ изрѣдка отдѣльныя лица занимаются шлифовкой стеколъ; только съ того момента, какъ была образована при Медико-хирургической академіи каѳедра офтальмологіи (1859 г.), начался правильный ростъ оптическаго производства, приноровленнаго къ потребностямъ медицины и получившаго прочное основаніе. Русскіе профессора офтальмологи указали на типы окулистическихъ инструментовъ, которые нужны русскимъ врачамъ. Вслѣдъ затѣмъ явилась возможность замѣнять въ мастерской микроскопіи несовершенныя части выписанныхъ изъ-за границы микроскоповъ другими, болѣе отвѣчающими назначенію, и даже изготовлять оптическія чечевицы сравнительно большой величины (180 mm.). Авторъ отмѣчаетъ рядъ спеціальныхъ наборовъ, сдѣланныхъ для военнаго вѣдомства, для летучихъ отрядовъ окулистовъ, и указываетъ на существованіе приборовъ—очковъ, предложенныхъ проф. Донбергомъ и д-мъ Долгановымъ для защиты глазъ рабочихъ.

Въ заключеніе приведенъ списокъ новыхъ интересныхъ оптико-окулистическихъ и оптико-физическихъ инструментовъ, изготовляемыхъ въ Россіи, показывающихъ сравнительно высокую степень этого рода производства. Авторъ заключаетъ брошюру пожеланіемъ, чтобы техническія высшія и среднія школы давали лицъ, столь же основательно подготовленныхъ къ оптическому производству, какъ ихъ другимъ отраслямъ техники. *К—еръ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го мая по 15-ое іюня).

Ф. О. Гертцъ. Аграрный вопросъ. Перев. съ нѣм. А. А. Мануилова. М. 1900 г. Ц. 80 к.

Ф. Тома. Воспитаніе чувствъ. Перев. съ фран. Спб. 1900 г. Изд. Павленкова. Ц. 80 к.

Брэма. Жизнь животныхъ. Перев. съ нѣм. Шмидтлейномъ. Подъ ред. проф. Лесгафта. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1900 г. Т. I. вып. 1—18.

Большая энциклопедія. Подъ ред. С. Н. Южакова и проф. Милюкова. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Т. I и II вып. 3—18. Цѣна всѣхъ 200 вып. по 50 к.

Мейеръ. Мірозданіе. Перев. подъ ред. проф. Глазенапа. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 1—15. Ц. всѣхъ 15 вып. 7 р. 50 к.

Гааке. Происхожденіе животнаго міра. Перев. съ нѣм. М. Е. Ліона. Подъ ред. проф. Вагнера. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 1—15. Ц. всѣхъ 15 вып. 6 р.

Проф. Фогтъ и проф. Кохъ. Исторія нѣмецкой литературы. Перев. А. Л. Погодина. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 6—10. Ц. всѣхъ 15 вып. 7 р. 50 к.

Проф. Ратцеля. Народовѣдѣніе. Перев. съ нѣм. Д. А. Коробчевскаго. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Т. I вып. 1—13. Ц. всѣхъ 36 вып. 12 р. 60 к.

Проф. Кернера ф.-Марилаунъ. Жизнь растеній. Перев. А. Генкеля и В. Трактеля. Подъ ред. проф. Бородина. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 29 и 30. Ц. всѣхъ 30 вып. 12 р. 80 к.

Проф. Ранке. Человѣкъ. Перев. съ нѣм. М. Е. Ліона. Подъ ред. Д. А. Коробчевскаго. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 14—15. Ц. всѣхъ 30 вып. 12 р.

Проф. М. Неймайра. Исторія земли. Перев. подъ ред. А. А. Иностранцева. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 2—30. Цѣна всѣхъ 30 вып. 12 р. 80 к.

Е. П. Гребенка. Докторъ. Романъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. Ц. 20 к.

Его же. Чайковскій. Романъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. Ц. 35 к.

А. А. Ярцевъ. Основаніе и основатель русскаго театра (Ѳ. Г. Волковъ). М. 1900 г. Ц. 50 к.

Каталогъ учебниковъ, книгъ для чтенія и драматическихъ произведеній, разр. М. Н. Просв. Сост. подъ ред. В. А. Крандіевскаго. Изд. Книжк. маг. «Трудъ». М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе. Вып. I т. II. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1900 г.

Ш. Летурно. Эволюція воспитанія. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Художн. В. В. Верещагинъ. Разсказы. М. 1900 г. Ц. 60 к.

Уэльса. Послѣ дождика въ четвергъ. Фантастическій романъ. Перев. съ англ. К. К. Толстого. Изд. ред. «Новый журналъ иностран. литературы». Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

А. Рѣдько. Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери. М. 1899 г.

Отчетъ коммиссіи по народному образованію въ Петербургѣ за 1899 г. Спб. 1900 г.

В. И. Таліева. Руководство къ сознательной гербаризаціи и ботаническимъ наблюденіямъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1800 г. Ц. 75 к.

К. Я. Гротъ. Къ перепискѣ Гоголя съ Плетневымъ. Неизданныя письма. Спб. 1900 г.

Отчетъ о чтеніяхъ въ Кіевскихъ мастерскихъ Ю.-З. ж. д. (1898—1899 г). Кіевъ. 1900 г.

Отчетъ предсѣдателя Аккерманской земской управы. Даровыя столовыя. Аккерманъ. 1900 г.

В. Кольинъ. Краткій учебникъ общаго животноводства для низшихъ сельско-хоз. школъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1900 г. Ц. 25 к.

Е. Ветнекъ. Краткій очеркъ миѳологіи грековъ и римлянъ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Кнутъ Гамсунъ. Свеста. Очерки. Перев. съ норв. С. Полякова. М. Книгоизд. «Скорпіонъ». 1900 г.

Д-ръ И. Пантюховъ. Кобулеты какъ приморскій курортъ. Тифлисъ. 1900 г.

Сборникъ кіевскаго литерат.-артист. Общества. Кіевъ. 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.

Пѣсни родины. Сворники стихотвореній. Изд. М. Ѳ. Тихомірова. Ц. каждой книги 7 коп. Владиміръ-на-Клязьмѣ. 1900 г.

Пауна. Разсказъ по Карменъ Сильва. Изд. М. Тихомирова. Владимиръ губ. 1900 г. Ц. 2 к.

Отчетъ Об-ва взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальн. народн. училищахъ и школахъ. Вятск. губ. за 1898—1899 учебн. года. Вятка. 1899 г.

Ж. Расинъ. Трагедіи. Перев. въ стих. О. Н. Чюминой. Спб. 1 р.

И. А. Хмѣльницкій. Тридцатипятилѣтіе новаго суда. Одесса. 1900 г. Ц. 20 к.

А. Погорѣловъ. «Мракъ» и «Передъ грозой». Изд. Дараватовскаго и Чарушникова. М. 1900 г. Ц. 80 к.

В. Весновскій. Ф. М. Рѣшетниковъ. Его жизнь и литерат. дѣят. Екатеринбургъ.

А. Сосновицкій. Θ. П. Гаазъ. Изд. М. А. Оксаковской. М. 1900 г. Ц. 25 к.

М. Турскій. Лѣсоводство. М. 1900 г. Ц. 2 р. 30 к.

К. Подоводскій. Стихотворенія. Т. I. Одесса. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Памяти Н. И. Храмцовскаго. Историка Ниж. Новгорода. Изд. нижегор. губ. ученой архив. коммиссіи. Н.-Новгородъ. 1899 г.

Д. Л. Мордовцевъ. Знаменія времени. Романъ. Изд. М. Орѣхова. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Поль-Лафаргъ. Экономическая роль биржи. Пер. А. П. Ненашева. М. 1900. Ц. 40 к.

Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ г. Сѣвскѣ, Орл. губ. Орелъ. 1900 г.

Уставъ кооперативнаго об-ва оптовыхъ операцій. Спб. 1900 г. Ц. 10 к.

Х. Егера. Лѣкарственныя растенія, многолѣтнія. Изд. К. Тихомірова. М. 1900 г. Ц. 25 к.

В. М. Нахратскій. Русская азбука съ прил. письм. упражн. Казань. 1900 г. Ц. 20 к.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ. Т. II. Стерлитамакскій уѣздъ. Изд. губ. земск. управы. Уфа. 1900 г. Ц. 3 р. 25 к. съ пересылкой.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ. Т. V. Бирскій уѣздъ. Изд. губ. земск. управы. Уфа. 1900 г. Ц. 3 р. 25 к. съ пересылкой.

Д. Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Перев. О. Н Чюминой. Изд. А. Каспари. Спб. 1899 г.

Джонъ Рескинъ. Письма и совѣты женщинамъ и молодымъ дѣвушкамъ. Перев. Л. П. Никифорова. М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г,

Его же. «Послѣднему, что и первому»... Перев. Л. П. Никифорова. М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г.

Джемсъ Родвей. Лѣса и воды. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1900 г.

Роберта Сизеранна. Рескинъ и религія красоты. Перев. Л. Никифорова. М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г.

У. А. Томсонъ. Жизнь животныхъ. Перев. съ англ. подъ ред. В. К. Агафонова. Ч. I—III. Вып. II—III. М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г. Ц. отд. вып. 30 к.

Э. Абрамовскій. Психологическія основы соціологіи. Историческій матеріализмъ и и принципъ соціальнаго явленія. Перев. съ франц. С. И. Ершова. М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г. Ц. 50 к.

Е. Шмурло. Голодный годъ (1898—1899 г.). М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г. Ц. 60 к.

Бурасье, Гастонъ. Госпожа де-Севинье. Перев. О. Н. Масловой. М. Изд. магаз. «Книжное Дѣло». 1900 г. Ц. 60 к.

Д-ра Ю. Л. Визнера. Физіологія растеній. Перев. съ нѣмецк. съ предисл. К. Темирязева. М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г. Ц. 1 р. 20 к.

Столѣтовъ. Введеніе въ акустику и оптику. М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г. Ц. 2 р.

Л. Пти де-Жюльвиля. Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы. Перев. съ франц. подъ ред. Ю. А. Веселовскаго. М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г. Вып. III — V. Подп. цѣна 8 р. 50 к.

Д-ръ Леманнъ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Н. Линдъ. М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г. Вып. 7—10. Подп. ц. 4 р.

Д-ръ Г. Ф. Гельмольтъ. Всемірная исторія. Перев. съ нѣм. подъ ред. Н. Н. Харузина. М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г. Вып. I—II. Подп. цѣна 5 р.

А. П. Новицкаго. Исторія русскаго искусства. М. Изд. маг. «Книжное Дѣло». 1900 г. Вып. 6—7. Подп. ц. 12 р.

Т. Мятлевой. Сестра милосердія. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

А. Шюке. Гигіена чахоточныхъ. Перев. съ франц. Изд. т-ва «Народная польза». Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Уставъ Харьковскаго об-ва взаимнаго вспоможенія занимающ. ремесленнымъ трудомъ. Харьковъ. 1900 г.

Bard. Прошлое Китая. Изд. журн. «Вѣстникъ Всемірной исторіи». Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

М. И. Покровской. Борьба съ проституціей. Спб. 1900 г. Ц. 40 к.

Иванъ Левицьки. Повисти и оповидання. Т. II. Кіевъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Викъ (1798—1898). Кіевъ. 1900 г. Ц. 2 р.

Графъ А. Н. Толстой. Воскресеніе. Романъ. Изданіе А. С. Суворина. Ц. за 3 части въ 2 т. 25 к., въ перепл. 40 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Story of Ice in Pasand Present*» *by William Brend* (*George Newness*). (*Исторія льда въ прошломъ и настоящемъ*). Несмотря на свою небольшую величину, эта книга можетъ познакомить читателя со всѣми современными геологическими теоріями и работами геологовъ по вопросу о ледяномъ періодѣ. Ясность изложенія составляетъ главное качество книги.

(Bookseller).

«*The Psychology of Religion*» *by prof. Starbuck. Stanford University. California*. (*Психологія религіи*). Авторъ дѣлаетъ попытку подвергнуть научному анализу факты религіозной жизни человѣчества и старается найти точку соприкосновенія между біологическими явленіями и развитіемъ религій. Свое изслѣдованіе авторъ основываетъ на собственныхъ наблюденіяхъ и свѣдѣніяхъ, полученныхъ имъ отъ разныхъ лицъ и касающихся вопроса, занимающаго его. Книга эта можетъ представить спеціальный интересъ для педагоговъ и проповѣдниковъ. (Athaeneum).

«*A History of socialism*» *by Tomas Kirkup* (*Black and C^o^*). (*Исторія соціализма*). Въ своемъ изслѣдованіи исторіи и философіи соціалистскаго движенія авторъ старался сохранить наивозможное безпристрастіе, такъ что его книгу смѣло можно рекомендовать всѣмъ интересующимся исторіей и развитіемъ соціализма въ Европѣ.

(Daily News).

«*The Races of Europe; a Sociological Study*» *by William Kipby* (*Kegan Paul and C^o^*). (*Европейскія расы*). Очень интересное изслѣдованіе, въ основу котораго авторъ поставилъ свои работы по антропологіи и физической географіи и читанныя имъ по этимъ предметамъ лекціи. Не только люди, спеціально интересующіеся антропологіей и соціологіей, но и обыкновенный образованный читатель прочтетъ эту книгу съ интересомъ. (Athaeneum).

«*Le Drame des poisons*» *par Frantz Funck Brentano*». *Etudes sur la société du XVII Siècle et plus particulièrement la cour de Louis XIV d'après lesarchivs de la Bastille. Paris* (*Librairie Hachette*). (*Драма отравленій*). Ученый авторъ этой чрезвычайно интересной книги уже обратилъ на себя вниманіе своими первыми историческими изслѣдованіями, которыя вышли въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Légendes et Archives de la Bastille» и тотчасъ же были переведены на нѣмецкій и англійскій языки. Въ своемъ новомъ трудѣ авторъ освѣщаетъ также и страшные закоулки европейской исторіи нравовъ во времена Людовика XIV и на основаніи фактовъ и историческихъ документовъ раскрываетъ передъ глазами читателя картину загадочныхъ преступленій, иллюстрирующихъ глубокую испорченность французскаго общества и его невѣжество. Авторъ повѣствуетъ главнымъ образомъ объ отравленіяхъ, которыя были такъ сильно распространены въ XVII вѣкѣ, и о тѣхъ предразсудкахъ, которые господствовали во всѣхъ классахъ общества, начиная отъ низшихъ до самыхъ высшихъ слоевъ. (Revue internationale).

«*Practical Agitation*» *by John Jay Chapman. London* (*David Nutt*). (*Практическая агитація*). Автора называютъ прямымъ духовнымъ потомкомъ Эмерсона, котораго онъ сильно напоминаетъ своимъ стилемъ и своими эпиграмматическими сентенціями. Свою маленькую книгу авторъ написалъ спеціально для американскихъ реформаторовъ и агитаторовъ, но она можетъ быть съ пользою прочитана всѣми людьми, мечтающими о преобразованіяхъ и желающими проводить свои идеи среди своихъ соотечественниковъ. Честная и искренняя рѣчь автора, желающаго повысить уровень гражданскихъ чувствъ въ душѣ своихъ соотечественниковъ, не можетъ не производить впечатлѣнія на читателя.

(Manchester Guardian).

«*The Making of Character; Some educational aspects of Ethics*» *by John Mac-Cunn. Prof. of Philosophy in University College. Liverpool*. (*Образованіе характера*). Въ этой книгѣ изучаются различныя воспитательныя вліянія, а также разсматриваются вопросы саморазвитія и самообразованія. Школьный учитель можетъ воспользоваться этою кни-

гою какъ руководствомъ въ своихъ отношеніяхъ съ учениками.

(Manchester Guardian).

«Pioneering on the Congo» by Holman Bentley (*Піонерскій трудъ въ Конго*). Авторъ разсказываетъ о двадцатилѣтней миссіонерской работы въ Конго и ея результатахъ. Книга снабжена прекрасными иллюстраціями и знакомитъ съ жизнью какъ туземцевъ, такъ и европейцевъ въ Конго. Кромѣ того авторъ разсказываетъ исторію этой любопытной страны; совершенно неизвѣстную европейскимъ читателямъ.

(Manchester Guardian).

«Enquête sur la Nouvelle Zelande» par André Sigfried. (*Изслѣдованіе Новой Зеландіи*). Юное въ историческомъ отношеніи ново-зеландское общество смѣло приступаетъ ко всякаго рода соціальнымъ экспериментамъ, на которые Европа взираетъ съ понятнымъ любопытствомъ. Потомки англійскихъ колонистовъ, населяющіе теперь Австралію, совершенно непохожи на своихъ прежнихъ соотечественниковъ, классическихъ англичанъ стараго свѣта; въ этомъ долженъ убѣдиться каждый, кто прочтетъ эту книгу, авторъ которой, заинтересованный ново-зеландскимъ соціальнымъ законодательствомъ, на мѣстѣ изучилъ его дѣйствіе и особенныя соціальныя условія страны, гдѣ рабочіе составляютъ большинство и въ дѣйствительности управляютъ государствомъ. (Tempo).

«Modernes Hexenwesen» von d-r Rudolf Kleinpaul. Spiritistische und antispiritistische Plaudereien. Leipzig (*Naumann*). *Современное колдовство*). Въ предисловіи къ своей замѣчательно интересной книгѣ, посвященной изслѣдованію спиритизма, авторъ называетъ это ученіе недоразумѣніемъ. Онъ старается добраться до самаго корня тѣхъ заблужденій, которыя заложены въ основу этого ложнаго ученія и подвергаетъ критическому разбору всѣ современныя теоріи, объясняющія это ученіе.

(Frankfurter Zeitung).

«L'Assistance par le travail en France» par Marcel Lecoq, docteur en droit. (*Giard et Brière*) *8 fr.* (*Помощь посредствомъ труда во Франціи*). Эта новая форма благотворительности посредствомъ труда получила въ концѣ этого столѣтія широкое распространеніе и вмѣстѣ съ этимъ возбудила очень много крайне серьезныхъ и важныхъ вопросовъ политической экономіи. Авторъ названной книги подвергаетъ тщательному анализу эту форму помощи, также какъ и тѣ бѣдствія, съ которыми она должна бороться и результаты этой борьбы во Франціи. Интересующіеся вопросами труда найдутъ въ этой книгѣ массу свѣдѣній.

(Journal des Débats).

«Au pays de la Liberté» par André Masade (*Frammarion*) *3 fr. 50.* (*Въ странѣ свободы*). Авторъ этой книги изображаетъ въ беллетристической формѣ свою идею такой соціальной организаціи, которая обезпечила бы людямъ наибольшую сумму счастья. Въ счастливой странѣ, которую онъ описываетъ, всѣ работаютъ и благодаря системѣ воспитанія, которое дается государствомъ, каждый по мѣрѣ своихъ силъ, способностей и вкусовъ содѣйствуетъ своимъ трудомъ благосостоянію общины. Несмотря на то, что авторъ излагаетъ свои соціальные взгляды и идеи въ формѣ романа, написаннаго очень увлекательно, его книга наводитъ все-таки на весьма серьезныя размышленія.

(Journal des Débats).

«Four months besieged» The Story of Ladysmith, being inpublished letters from H. H. S. Pearse, Special Correspondent, wihts maps and illustrations. London. (*Macmillan*). (*Четыре мѣсяца осады*). Очень интересное описаніе жизни въ осажденномъ Ледисмитѣ, Авторъ, военный корреспондентъ, описываетъ какъ постепенно жизнь въ осажденномъ городѣ становилась все тяжелѣе. Онъ разсказываетъ какъ страдали жители, въ особенности женщины и дѣти. Сильное впечатлѣніе производятъ его описанія ночныхъ нападеній и паденіе снаряда на площадь, гдѣ происходили атлетическія игры. Юмористическія сцены чередуются съ высокодраматическими и читая это живое описаніе читатель невольно переносится въ пустыни южной Африки и переживаетъ вмѣстѣ съ авторомъ тягостныя дни ожиданія спасенія, которое такъ долго заставило себя ждать. Къ книгѣ приложена пояснительная карта и очень недурныя иллюстраціи, сдѣланныя съ фотографій, снятыхъ авторомъ на мѣстѣ.

(Daily News).

«The Unchanging East» by Robert Barr (*Chatto and Windus*). (*Не измѣняющійся востокъ*). Занимательное описаніе путешествія по востоку. Авторъ приходитъ къ заключенію о неподвижности востока; во многихъ отношеніяхъ востокъ нисколько не измѣнился и сохранилъ не только свои особенности, но и всѣ свои дурныя стороны, прежде всего отражающіяся на путешественникѣ, не смотря на то, что по внѣшности востокъ, въ особенности европейскій востокъ и азіатская Турція значительно подвинулись впередъ по пути прогресса. Авторъ съ очень тонкимъ юморомъ описываетъ свои приключенія и столкновенія съ турецкими властями.

(Daily News).

«Curiositie of Light and Sight» by Shelfoel Bidwell (*Swan Sonnenshein and C°*). (*Достопримѣчательности свѣта и зрѣнія*). Въ книгѣ собраны лекціи, прочитанныя авторомъ въ лондонскомъ королевскомъ институтѣ о разныхъ странныхъ оптическихъ явленіяхъ и иллюзіяхъ зрѣнія.

(Daily News).

«*South Africa, Past and Present*» *by Violet Markham. London* (*Smith Elder*). (*Южная Африка въ прошломъ и настоящемъ*). Авторъ этой книги, миссъ Маркгемъ хорошо знакома съ Южной Африкой и такъ какъ она вернулась оттуда за годъ до войны, то ея описанія этой страны и взаимныхъ отношеній ея обитателей отличающіяся безпристрастіемъ, представляютъ современный интересъ.

(Literary World).

«*An Ethical Sunday School*» *by Walter Sheldon* (*Sonnenschein and C°*). (*Этическая воскресная школа*). Въ этой небольшой книжкѣ изложена схема нравственнаго воспитанія молодежи, свободнаго отъ догматическаго ученія.

(Literary World).

«*Java et ses habitants*» *par J. Chailley Bert. Paris* (*Armand Collin*). *1900*). (*Ява и ея обитатели*). Авторъ описываетъ Яву не только какъ туристъ, но и какъ ученый соціологъ. Онъ изучаетъ эволюцію этого острова и его обитателей подъ вліяніемъ колонизаціи. Очень хороши описанія природы, указывающія, что авторъ очарованъ красотою этого острова.

(Journal des Débats).

«*Temps futurs*» *par M. A. Naquet* (*Stock*). (*Будущія времена*). Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ говоритъ: «Въ этой книгѣ заключается мое завѣщаніе». Онъ излагаетъ въ ней свои взгляды на различныя политическія теоріи и соціальныя идеи и говоритъ, что только опытъ опредѣляетъ значеніе теорій и идей. Если факты идутъ въ разрѣзъ съ теоріями, то онъ мужественно отказывается отъ этихъ послѣднихъ и убѣждаетъ читателя послѣдовать его примѣру. Въ виду долговременной политической дѣятельности автора его разсужденія и анализъ современныхъ теорій, которыми онъ увлекался въ свое время, заслуживаютъ вниманія, а его попытка представить будущность различныхъ теорій и главнымъ образомъ коллективизма, который, по его мнѣнію, долженъ явиться логическимъ послѣдствіемъ современнаго капитализма,— отличается оригинальностью и возбуждаетъ интересъ читателя.

(Revue internationale).

«*L'Armée d'une démocratie*» *par Gaston Moch* (*édition de la Revue Blanche*). (*Армія демократіи*). Авторъ исходитъ изъ того принципа, что демократія не должна вести наступательныхъ войнъ, а только оборонительныя и поэтому военный организмъ страны долженъ быть преобразованъ, такъ какъ теперь всѣ арміи спеціально приспособлены именно для наступательной войны. Для оборонительной войны нужна только милиція.

(Revue des Revues).

«*L'Ere sans violence*» *par le colonel von Egidy*. (*Конецъ насилія*). Война представляетъ только одинъ изъ симптомовъ того зла, съ которымъ надо бороться и которое коренится въ духѣ насилія, проникающемъ во всѣ человѣческія отношенія. Такъ говоритъ авторъ, доказывающій, что надо уничтожать насиліе во всѣхъ его видахъ, такъ какъ возставать противъ насилія только въ области политики и завоеваній было бы невѣрно и не можетъ принести большой пользы человѣчеству.

(Revue internationale).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) ***Рукописи,*** присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) ***Лица,*** адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб., безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ IX-й. **№ 8-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ IX-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

Дозволено цензурою 27-го іюля 1900 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ СИБИРЬ ЗА ЗЕМЛЕЙ И СЧАСТЬЕМЪ.

I.

Переселеніе крестьянъ въ Сибирь—крупное и не новое явленіе въ нашей соціальной жизни, а между тѣмъ до начала 80-хъ годовъ и общество, и правительство едва удѣляли свое вниманіе этому факту. До 80-хъ годовъ тихо и незамѣтно, точно совершая незаконный поступокъ, сначала сотни, а затѣмъ и тысячи людей по веснѣ перебирались за Уралъ, ища тамъ земли и лучшаго будущаго. Находили ли они искомое, или погибали въ Сибири въ неравной борьбѣ съ суровой природой, никто объ этомъ не зналъ, а если кто изъ знавшихъ и говорилъ, то голосъ его оставался вопіющимъ въ пустынѣ. И только когда десятки тысячъ побѣжали въ Сибирь, былъ назначенъ рядъ коммиссій, и общество громко заговорило о необходимости правильной организаціи переселеній. Отвѣтомъ на этотъ говоръ черезъ девять лѣтъ появился законъ 89 года, стремившійся уменьшить переселенческую волну и направить ее по законному ложу. Но кривая переселенческаго движенія не упала послѣ этого внизъ, а, напротивъ, волна, наростая все больше и больше, побѣжала стороной отъ предначертаннаго законодателемъ пути. Очевидно, въ нѣдрахъ народной жизни совершалось нѣчто, заставлявшее русскаго мужика предпочитать неопредѣленное будущее и незаконное скитаніе привычному пребыванію на родинѣ и спокойной жизни подъ сѣнью дѣдовскихъ устоевъ. Дѣдовскіе устои, очевидно, сильно поколебались: жить тамъ, гдѣ жили, хотя и тужили, отцы, стало больше не въ моготу. И чѣмъ дальше шло время, чѣмъ труднѣе становилось крестьянину жить на Руси, чѣмъ устои все больше расшатывались, тѣмъ все больше народа стало бѣжать въ Азію. Всероссійскій голодный 91 годъ—событіе, давно ожидаемое немногими и полная неожиданность для большинства, естественно долженъ былъ снова выдвинуть вопросъ о крестьянствѣ, о его бѣдности и о средствахъ помощи. Урегулированіе переселеній одинъ лишь аккордъ въ длинной симфоніи печальниковъ земли русской; хотя звучалъ онъ какъ-то громче другихъ, но цѣли своей не достигъ: переселенія не урегулировались, а за Уралъ ежегодно шли уже десятки тысячъ людей. Что гонитъ ихъ изъ Россіи и что дѣлается съ

ними тамъ, въ Сибири, объ этомъ едва-едва знали, и, быть можетъ, не скоро бы узнали, если бы не настало время заселить районъ строющейся великой сибирской дороги. Со времени учрежденія комитета начинается болѣе точное и толковое знакомство со всѣмъ, что дѣлается по сю и по ту сторону великой магистрали. Но пока идетъ это ознакомленіе, передняя Сибирь незамѣтно успѣла заселиться, и приходящимъ вновь изъ Россіи толпамъ бѣглецовъ какъ будто бы и нѣтъ уже мѣста въ сибирскихъ многоземельныхъ равнинахъ и горахъ по сю сторону рѣки Оби. А переселенческая волна все растетъ, и въ 1898 году, легко перекатившись черезъ Обь, Енисей, Байкалъ, разсыпалась мелкими брызгами по восточной Сибири. Въ слѣдующіе года (1897—99) русскіе люди еще дальше на востокъ пошли искать и земли, и счастья, и воли. Земли въ Азіи много, но найдется ли въ ней для нихъ счастье и воля?..

Судьбѣ этихъ «искателей» и посвящены слѣдующія строки. Останавливаясь, главнымъ образомъ, на переселенцахъ 1896 года, именно на той сорокатысячной группѣ, которая пошла искать лучшаго будущаго за рѣку Обь, авторъ имѣетъ въ виду подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми своими наблюденіями надъ переселенческой массой въ первые моменты ея сибирской жизни, дополняя картину, нарисованную на основаніи личныхъ впечатлѣній, данными той регистраціи, матеріаломъ для которой послужили «объекты» и его наблюденія. Хотя, въ силу того, что вся четырехмѣсячная жизнь автора лѣтомъ 1896 года въ Кривощековѣ состояла въ постоянной быстрой, безпорядочной смѣнѣ лицъ, впечатлѣній и положеній, его наблюденія безсистемны и непродолжительны, но думается, что и эти «отрывки» стоятъ вниманія: въ нихъ рѣчь идетъ если и о небольшомъ кусочкѣ жизни не малаго числа людей, то все же о тѣхъ людяхъ, которые сами про себя ничего не раскажутъ.

Правда, про нихъ многое разсказываетъ недавно обнародованный «цифровой матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь, извлеченный изъ книгъ общей регистраціи переселенцевъ, проходившихъ въ Сибирь и возвращавшихся изъ Сибири черезъ Челябинскъ въ 1896 году» *), но, къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ почти недоступенъ для публики, благодаря отсутствію текста къ таблицамъ. Не задаваясь цѣлью вполнѣ обработать эти прекрасныя таблицы и тѣмъ вдохнуть жизнь въ стройные, но подъ часъ мало сами по себѣ говорящіе ряды цифръ, авторъ данныя работы положилъ въ основу объективной части своего разсказа.

Конечно, случайность привела автора въ Сибирь въ 1896 году; конечно, случайность, что самый полный цифровой матеріалъ (обнародованный) относится къ этому же году, но этотъ годъ, когда Россія вы-

*) Издано съ разрѣшенія М. В. Д., подъ руководствомъ Г. А. Примайка. Москва. 1899 г.

бросила въ Сибирь 180.000 своихъ гражданъ (не бывалая раньше цифра)—не случайность въ исторіи нашего переселенческаго движенія.

Сибирь издавна привлекала къ себѣ русскихъ людей и туда также издавна ссылало правительство своихъ преступныхъ сыновъ. Но не смотря на то, что мы отстоимъ отъ начала переселеній и ссылки на разстояніи почти трехъ вѣковъ, населеніе этой огромной страны едва превосходитъ 5.000.000, причемъ цифра эта стала сильно округляться только со второй половины текущаго столѣтія: однихъ переселившихся въ Сибирь за періодъ съ 1846 по 1899 г. опубликованные данные насчитываютъ болѣе $1^1/_2$ милліона душъ. Вѣроятно, эта цифра нѣсколько ниже дѣйствительной, но при незначительности общаго населенія Сибири и $1^1/_2$ милліона слишкомъ много: поистинѣ, Россія пошла мирно завоевывать Азію. И характерно здѣсь собственно не число всѣхъ переселившихся, а то, что цифра выселявшихся изъ Европейской Россіи росла съ каждымъ годомъ все съ большей и большей быстротой. Въ первую четверть вѣка послѣ освобожденія въ среднемъ въ годъ переселялось не болѣе десяти тысячъ, но въ 1890 году за Уралъ перешло уже 48.000. Число переселенцевъ еще болѣе возрасло съ 1894 года—момента открытія движенія по строющейся сибирской дороги: въ прошломъ десятилѣтіи за пять лѣтъ съ 1881 по 1885 г. прошло въ три раза меньше, чѣмъ за одно лѣто 1895 г. (53.000 и 150.000).

За послѣдніе двадцать лѣтъ политика правительства нѣсколько разъ круто мѣнялась: до 1885 г. правительство почти не принимаетъ участія въ дѣлѣ переселенія, съ этого года нѣсколько больше прилагается вниманія къ нарѣзкѣ участковъ переселенцамъ, но ни льготъ, ни пособій переселяющіеся не получаютъ, а между тѣмъ число переселенцевъ правильно растетъ съ каждымъ годомъ. Законъ 13-го іюля 1899 г., освобождающій переселенцевъ, идущихъ съ разрѣшенія правительства, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по водвореніи, отъ платежа повинностей и дающій возможность бѣднѣйшимъ получить отъ казны пособія на дорогу и обзаведеніе, безъ сомнѣнія, долженъ былъ увеличить число переселенцевъ, но значеніе этогого факта въ общемъ ходѣ событій значительно блѣднѣетъ, если сопоставить число получившихъ разрѣшеніе (ибо только на этихъ послѣднихъ распространяется законъ 89 года) съ самовольными переселенцами. За три года, 1889, 1890, 1891, выдано разрѣшеній на переселеніе 17.287 семьямъ, а между тѣмъ за эти годы прошло за Уралъ 28.911 семей. И когда 6-го мая 1892 г. циркулярно была пріостановлена выдача разрѣшеній на переселеніе, то это препятствіе не остановило переселенческой волны: въ слѣдующіе за циркуляромъ года въ Сибирь идутъ все большія и большія толпы. Не въ льготахъ и пособіяхъ, слѣдовательно, причина наплыва переселенцевъ въ Сибири, не они привлекаютъ русское крестьянство въ эту страну. Законъ 13-го іюля 1889 г. не былъ распространенъ на земли алтайскаго горнаго округа, но ни одно мѣсто не привлекало до сихъ поръ

*

столько переселенцевъ, сколько этотъ округъ,—перлъ въ русской коронѣ по климату и обилію естественныхъ богатствъ. Вотъ нѣсколько цифръ. Въ 1886 г. переселилось на Алтай *) 16.890 душъ, въ 1888—15.821 душъ, въ 1890—17.296 д. (больше половины всѣхъ переселенцевъ въ Сибирь). Чѣмъ объяснить сравнительное уменьшеніе числа переселившихся въ 1888 г.? Справка съ положеніемъ дѣлъ въ Европейской Россіи объяснитъ причину—годъ былъ урожайный, тогда какъ неурожай и голодъ 1891 г. вызвалъ усиленный приливъ переселенцевъ въ 92 году. Если половина переселенцевъ идетъ на свой страхъ и рискъ на земли, гдѣ новоселъ не пользуется никакими льготами и пособіями; если, не смотря на запрещеніе переселяться безъ разрѣшенія правительства, количество самовольныхъ растетъ съ каждымъ годомъ и доходитъ до половины всѣхъ, то не въ разрѣшеніи или запрещеніи найдемъ объясненіе интересующаго насъ факта. Переселенческая волна родилась въ глубинѣ Россіи и, начавшись въ центрѣ, разошлась по периферіи и только постепенно достигла Сибири, предварительно наполнивъ переселенцами ближайшія къ ней европейскія губерніи. Да и въ самой Сибири замѣтна эта постепенность—сосѣднія съ Россіей губерніи заселяются раньше другихъ, сначала Тобольская, потомъ Томская.

Гдѣ же «переселенческій центръ» великой пространствомъ и обильной населеніемъ страны?

Въ началѣ 80-хъ годовъ въ переселеніи участвуютъ только 22—25 русскихъ губерній, а въ 1896 году уже 60 губерній выдѣляютъ изъ себя переселенцевъ. Но на сколько равномѣрно представлены эти губерніи выселенія?

Почти половину всѣхъ переселенцевъ за послѣдній періодъ 1896 года дала земледѣльческая полоса Европейской Россіи, почти четверть 3 малороссійскія губерніи. 100.000 человѣкъ (21%) выселилось изъ двухъ районовъ—Уральскаго и Нижневолжскаго. Промышленный районъ успѣлъ выдѣлить изъ себя лишь 8.000 (около 2%), а Новороссія и юго-западъ и еще меньше. Группируя данныя за изслѣдуемый періодъ по губерніямъ, получимъ нѣсколько иную картину. 12 губерній—Курская, Полтавская, Тамбовская, Воронежская, Вятская, Черниговская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Харьковская, Орловская и Саратовская—дали почти 87% всѣхъ переселенцевъ.

Первый потокъ полился изъ ближайшихъ къ Сибири губерній Вятской и Пермской, и 1885 годъ больше всего видѣлъ переселенцевъ изъ этихъ губерній. Но въ 1886 году на первое мѣсто въ тріо становится Курская и сохраняетъ свое первенство до 1890 года, постепенно увеличивая число своихъ переселенцевъ, въ то время какъ въ Пермской и Вятской губерніяхъ число ихъ съ каждымъ годомъ все падаетъ. 1891 годъ выдвигаетъ на первый планъ Тамбовскую, а 1892

*) Сборникъ «Алтай», ст. «Колонизація и переселенческое дѣло».

годъ Воронежскую, а Вятская и Пермская постепенно оттѣсняются. Съ 1892 года на сцену появляется Полтавская губернія, давшая, вмѣсто 124 душъ въ 1891 году, въ 1892 году—8.107. Въ слѣдующіе два года количество переселенцевъ изъ нея растетъ и въ 1894 году она занимаетъ первое мѣсто, но не надолго. Въ 1895 году изъ Пермской губерніи выселилось 20.448 чел. и Полтавской (16.635) пришлось занять второе мѣсто. Словомъ, если только можно дѣлать какіе-нибудь выводы изъ данныхъ за такой небольшой періодъ, какъ десятилѣтіе, то невольно бросается въ глаза интересное явленіе. Наши переселенія носятъ какой-то вулканическій характеръ: то Курская губернія вдругъ выброситъ изъ себя тысячи человѣкъ, то Вятка и Пермь, посылая сначала тысячи въ Сибирь, черезъ какой-нибудь одинъ годъ не могутъ выдѣлить нѣсколькихъ десятковъ. Но характернѣе всѣхъ Полтавская и Пензенская губерніи. Вмѣсто 124 чел. въ 1891 году, первая выслала за Уралъ въ 1892 году 8.107, а въ 1895 году—около 17.000, а вторая сразу съ 2.951 въ 1893 году перескочила въ 1895 году на 20.048 душъ обоего пола (въ 1896 году эта губернія дала только 5.198 душъ). Точно такое же взрывчатое вещество постепенно и незамѣтно накопляется внутри губерніи, моментъ—и масса народа спѣшитъ покинуть родину, но проходитъ очень немного времени и опять лишь очень немногіе рѣшаются оставить родныя могилы.

Въ 1896 году Полтавская губернія снова занимаетъ первое мѣсто по числу высланныхъ переселенцевъ—38.649. Вулканъ здѣсь не только не потухъ, но сила его чувствуется и въ сосѣднихъ губерніяхъ: Черниговская, вмѣсто 3.612 чел. въ 1893 году, въ 1896 году посылаетъ почти въ 10 разъ больше. Почти то же наблюдаемъ въ Орловской (вмѣсто 2.049 чел.—15.165), Курской (4.100 чел.—12.966), Харьковской (1.800 чел.—9,471), Витебская—шлетъ 6.948 душъ, Тамбовская—6.549, Тульская, Воронежская и Пензенская—каждая даетъ переселенцевъ больше чѣмъ по 5.000. Больше 3.000 переселенцевъ приходится на долю каждой изъ слѣдующихъ губерній: Смоленской, Самарской, Херсонской и Саратовской. Эти 14 губерній дали почти $^5/_6$ всего числа переселенцевъ. Если исключить двѣ губерніи — Витебскую и Черниговскую, то окажется, что главная масса переселенцевъ 1896 года вышла изъ той полосы Европейской Россіи, которая носитъ общее названіе—черноземной. Прибавивъ къ числу выходцевъ изъ названныхъ выше 12 губерній переселенцевъ изъ другихъ губерній «чернозема», найдемъ, что изъ 177.168 переселенцевъ, зарегистрованныхъ въ 1806 году въ Челябинскѣ, выходцевъ изъ черноземной полосы 156.778—8%. Остальныя губерніи выслали всего лишь 20.400 душъ, да и то больше, чѣмъ половина этой суммы приходится на долю только двухъ губерній—Смоленской и Витебской.

«Переселенческій центръ» найденъ: главный контингентъ переселенцевъ—крестьяне земледѣльческой полосы. Познакомиться съ усло-

віями европейской жизни выходцевъ этого района значитъ понять основную причину, порождающую наши переселенія.

II.

Въ 1896 году изъ 28.631 зарегистрованныхъ семей переселенцевъ 18.512 семей—64% или вовсе не имѣли надѣльной земли, или имѣли ее въ недостаточномъ размѣрѣ до 3 десятинъ на семью.

Среди выходцевъ этого года безземельныхъ 19%, не имѣвшихъ на родинѣ совершенно никакого скота 22%.

42.547 душъ обоего пола—24%—переѣхали Уралъ, не имѣя никакого «количества провезеннаго ими багажа».

Переселеніе—посильный отвѣтъ современнаго русскаго крестьянства на жестокій вопросъ, что дѣлать безъ земли, съ большимъ количествомъ рукъ, для которыхъ нѣтъ нигдѣ приложенія, съ еще большимъ количествомъ ртовъ, которымъ нечего ѣсть. И Сибирь — тотъ бассейнъ, куда выливается народное горе; Сибирь—мечта тѣхъ, кому живется плохо на Руси, но чья мысль уже заработала. Изучая рядъ цифръ количества ежегодно переселяющихся, подмѣчаешь соотвѣтствіе между увеличеніемъ числа переселенцевъ и ухудшеніемъ условій существованія русскаго крестьянства. Просвѣтлѣло небо по сю сторону Урала, явилась надежда на перемѣну тяжелаго положенія и въ пустыняхъ Сибири появляется меньше русскихъ крестьянъ. Въ теченіе десяти лѣтъ съ 1852—1863 гг. въ Томскую губернію перечислилось 18.340 душъ. Наибольшее число приходится на года до Крымской кампаніи; война естественно уменьшаетъ наплывъ; окончилась она и снова прежній потокъ. Но спустя 2—3 года послѣ крымскаго пораженія, въ народѣ начинаетъ распространяться слухъ о скоромъ освобожденіи. Слухъ этотъ растетъ, переходитъ въ увѣренность и кривая переселенческаго движенія падаетъ внизъ. Наступаетъ знаменитый годъ освобожденія и приноситъ чающимъ не то, что ждали; для многихъ освобожденіе отъ помѣщика было освобожденіемъ отъ земли—и съ этихъ поръ кривая начинаетъ идти все вверхъ и вверхъ, но скачками. Съ начала до середины семидесятыхъ годовъ скачки эти небольшого размѣра—и тяжесть жизни, вѣроятно, не такъ уже тяжела, и еще не совсѣмъ вывѣтрились изъ головы народа мечты о «черномъ передѣлѣ». Но годы идутъ; земли становится все меньше и меньше, а податныя тяготы все растутъ, въ городѣ и на фабрикѣ далеко не всѣ находятъ работу,—и крестьянская мысль начинаетъ искать выхода. Сибирь, гдѣ Царь раздаетъ даромъ землю — вотъ одинъ изъ отвѣтовъ на вопросъ. Земли такъ много, она Царская и мы Царскіе— вотъ реальный смыслъ слова Сибирь. Это слово облетаетъ Россію и популярность его растетъ съ каждымъ годомъ. Туманная мечта о черномъ передѣлѣ превратилась въ не менѣе туманную «Сибирь», но

та удерживала людей на мѣстѣ, а эта гонитъ ихъ съ родины въ невѣдомый непонятный край, имя котораго еще недавно внушало страхъ, какъ мѣсто, куда ссылаютъ въ наказаніе. Кривая 80-хъ годовъ растетъ быстро вверхъ—въ Россіи положеніе крестьянъ въ этотъ періодъ все ухудшается. Наконецъ, настаетъ всероссійскій голодный 1891 годъ, и цифра переселенцевъ въ 1892 году достигаетъ небывалыхъ размѣровъ—92.000. Въ слѣдующіе два года дѣло идетъ на пониженіе, а затѣмъ снова подъемъ и подъемъ сильный. И если всѣ наши разсужденія справедливы, то сдѣлаемъ послѣдній выводъ: положеніе русскаго крестьянства за послѣдніе годы не улучшилось, а ухудшилось, и Сибирь все еще носится передъ нимъ въ золотистомъ туманѣ.

Здѣсь плохо—вотъ основной тонъ психологіи народной массы, непосредственно заинтересованной въ переселеніи... но гдѣ-то, когда-то будетъ хорошо, звучитъ рядомъ съ нимъ. «Гдѣ же это хорошо?»—спрашиваетъ крестьянинъ.—«Въ Сибири», — отвѣчаетъ ему ходокъ, самолично осматривавшій участки; «въ Сибири»,—читаетъ онъ въ письмахъ родственниковъ о новыхъ мѣстахъ. Въ Сибирь на новыя земли зоветъ и Царь, такъ толкуетъ народъ и законъ 1889 года. Сибирь—синонимъ лучшаго будущаго, это лучшее будущее заключается въ возможности имѣть землю, много земли, гдѣ можно будетъ заняться тѣмъ, что такъ дорого и привычно жителю черноземной полосы. Что земли въ Сибири много, про это говорятъ рѣшительно всѣ источники, откуда крестьянинъ черпаетъ всѣ свои свѣдѣнія, даже богомолки. Но какого качества земля, какіе порядки обработки и пользованія землей, на этотъ счетъ показанія нѣсколько расходятся: иные ходоки хвалятъ землю, другіе подвергаютъ строгой критикѣ; въ однихъ письмахъ лаконически утверждаютъ—«хорошо: былъ два года урожай»; въ другихъ категорическое заключеніе—«нѣтъ способовъ съ землей». Этимъ свѣдѣніямъ свято вѣрятъ, принимая ихъ съ буквальной точностью, хотя не прочь по своему понять смыслъ отрицательныхъ о Сибири свѣдѣній: «а все же хуже не будетъ». Это «хуже не будетъ», по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, равносильно «хорошо», и неопредѣленное рѣшеніе куда-нибудь уйти у большинства хотѣвшихъ бы переселиться принимаетъ оформленный видъ въ мечтѣ о сибирскомъ многообиліи.

Въ 1896 году изъ 28.631 семей за ходоками шло въ Сибирь 9.181 сем. «По слухамъ» пришло 11.957 сем. Наконецъ, 7.493 сем. пошло искать новой жизни по письмамъ.

Слухи и письма, конечно, передаютъ свѣдѣнія очень не точно и партіи, идущія на основаніи этого источника, въ сущности, бредутъ не зная куда. Но и ходокамъ, посылаемымъ отъ общества, не всегда можно вѣрить: не говоря уже о томъ, что ихъ оцѣнка можетъ быть иногда завѣдомо ложна—факты говорятъ, что и такіе ходоки находи-

лись—она въ большинствѣ случаевъ очень субъективна. Кромѣ того, участокъ, осмотрѣнный ходоками, пришедшими въ Сибирь безъ разрѣшенія, не всегда остается за ихъ партіей. Если это такъ, то добрая половина переселенцевъ ѣхала на авось, въ невѣдомую страну на неизвѣстныя условія. Но здѣсь же нужно замѣтить, что чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше крестьянство пыталось придать своимъ переселеніямъ видъ осмысленнаго движенія. Присутствіе въ числѣ ходоковъ интеллигентныхъ и полу-интеллигентныхъ лицъ, говоритъ за это; но, оставляя совершенно въ сторонѣ это явленіе, остановимся на другомъ фактѣ: ежегодное возростаніе числа ходоковъ, идущихъ смотрѣть землю по порученію своей семьи, показываетъ, что болѣе разумный и цѣлесообразный способъ исканія лучшаго будущаго постепенно смѣняетъ царившую доселѣ стихійность. Въ 1896 г. изъ общаго числа 11.910 пришедшихъ въ Сибирь ходоковъ 11.482 были посланы отдѣльными семьями *).

Но все же, несмотря на нѣкоторый прогрессъ въ переселенческомъ движеніи, оно и до сихъ поръ въ общемъ носитъ чисто стихійный характеръ: туманъ надъ Сибирью еще не разсѣялся.

Въ 1896 г. 16.161 семья шла съ законными документами на переселеніе, 9.626 сем. имѣли законные документы на отлучку, но не на переселеніе; наконецъ 2.834 семьи не имѣли права ни на переселеніе, ни на отлучку.

III.

Начиная въ центрѣ Россіи мелкими ручейками, потокъ переселенческаго движенія, постепенно сливаясь, образуетъ у Челябинска громадную рѣку. Въ 1896 г. Челябинскъ принялъ и зарегистрировалъ $^9/_{10}$ всѣхъ переселенцевъ этого года. Изъ 28.631 семей, прошедшихъ мимо Челябинска, почти половина приходится на долю одного мая мѣсяца, въ теченіе же апрѣля, мая и іюня Челябинскъ посѣтили 85% его гостей-переселенцевъ.

Я пріѣхалъ въ Челябинскъ 25 апрѣля раннимъ утромъ. Солнце еще не взошло, но лагерь уже проснулся: переселенцы, ночевавшіе подъ открытымъ небомъ, разводили костры. На большомъ переселенческомъ дворѣ началась жизнь: изъ растворенныхъ дверей теплыхъ бараковъ выходили заспанные люди... Пунктъ—довольно большая площадь въ верстѣ отъ станціи ж. д., застроенная безпорядочно разбросанными зданіями: здѣсь больница, столовая и бараки. Грязный дворъ. Одиноко торчащія березы. Я заглянулъ въ одинъ изъ теплыхъ бараковъ. Проснувшіеся или занимались своимъ туалетомъ, или спѣшили поскорѣе уйти изъ этой спальни на свѣжій воздухъ, но большинство еще спало. На грязныхъ нарахъ масса человѣческихъ тѣлъ; у одихъ

*) Число всѣхъ ходоковъ еще въ 1893 году едва превышало 1.000.

подъ головами мѣшки съ бѣльемъ, друіе же спятъ, подложивъ подъ голову руки; взрослые, поворачиваясь во снѣ, невольно давятъ и своихъ, и чужихъ дѣтей. Но на нарахъ тѣла уложены въ извѣстномъ порядкѣ, подъ нарами же и на дорогѣ—голова одного чувствуетъ на себѣ тяжесть сапоговъ сосѣда, и если на нарахъ грязь, то на полу, по которому цѣлый день топтались тысячи грязныхъ сапогъ, нѣчто ужасное. Чтобы добраться до средины барака мнѣ пришлось переступить черезъ нѣсколько тѣлъ, но здѣсь, вдали отъ дверей, воздухъ былъ настолько спертый и гнилой, что я невольно поспѣшилъ уйти. Также переполнены, вонючи и грязны были и остальные два барака и около десятка юртъ (войлочное сооруженіе кочевниковъ киргизовъ). Нѣсколько сотенъ семей ночевало на дворѣ.

Не смотря на большую вѣроятность наплыва многихъ тысячъ гостей, я въ Челябинскѣ не замѣтилъ никакихъ приготовленій къ ихъ пріему. Прежде всего меня удивило то, что здѣсь не было даже переселенческаго чиновника, а всѣмъ дѣломъ руководилъ медицинскій отрядъ, состоящій изъ молодыхъ врачей и студентовъ-медиковъ, москвичей. Товарищей я (авторъ студентъ-медикъ ѣхалъ къ мѣсту своей службы въ Кр.) нашелъ спящими въ нетопленой избѣ на шинеляхъ, постланныхъ на голомъ полу. За массой работы имъ, очевидно, некогда было думать о себѣ: рабочій день челябинскаго персонала, вѣдавшаго въ то время за отсутствіемъ чиновниковъ и обязанности послѣднихъ, начинался въ 6—8 часовъ утра и оканчивался позднею ночью. Молодые люди, еще вчера сидѣвшіе на школьной скамьѣ, или еще сидящіе на ней, начали работу почти безъ всякихъ указаній со стороны свѣдущихъ людей, не имѣя ни инструкцій, ни личнаго опыта. Невольно очутившись въ роли руководителей народа, они растерялись. Къ тому же, отсутствіе оффиціальныхъ полномочій и денегъ еще болѣе должно было смущать ихъ. Работать приходилось безъ плана—ощупью; безъ денегъ и власти—лишь обѣщать тому, кому необходимо было помочь, и просить тамъ, гдѣ въ интересахъ дѣла надо было требовать. Конечно, при такомъ положеніи дѣла прежде всего должны были страдать интересы переселенцевъ. Понимая это, молодые люди напрягали всѣ силы, желая количествомъ работы загладить ея плохое качество. Они хотѣли бы дѣлать дѣло хорошо, но жизнь не давала опомниться: запросы живыхъ людей, поставленныхъ волею судебъ подъ ихъ начало, должны быть удовлетворены и притомъ немедленно. Завтра пріѣдетъ еще тысяча человѣкъ изъ Россіи, нужно сегодня поскорѣе отправить изъ Челябинска всѣхъ желающихъ; завтра можетъ появиться эпидемія—нужно сегодня какъ можно скорѣе осмотрѣть лагерь, вычистить бараки, изолировать больныхъ. Но бараки никогда не бываютъ пусты, и нужна полицейская сила, чтобы очистить «спальни» отъ ихъ постояльцевъ или заставить ихъ прибрать послѣ себя. Конечно, осматривать больного полминуты—значитъ, смѣяться надъ нимъ, но нужно спѣшить—

десятки ожидаютъ своей очереди. И кипитъ безпорядочная работа. «Зеленые» люди, чѣмъ только умѣютъ, стараются помочь «сѣрымъ» людямъ, толпящимся вокругъ нихъ. А эти люди, не знающіе, что и какъ имъ дѣлать, хотятъ ѣхать безъ очереди, у врача просятъ пособіе на дорогу, а администратора зовутъ на роды, писарю даютъ взятку, чтобы скорѣе записалъ ихъ, а по ночамъ воруютъ изъ больницы дифтеритныхъ дѣтей. Сотни просителей у окна столовой, конторы, у больницы. Иногда ихъ трудно понять, нерѣдко имъ совершенно нельзя помочь, но почти всегда ихъ некогда слушать... желаніе всѣмъ помочь и все сдѣлать невольно разбивается о неопытность и безправіе. Благодаря всему этому, челябинскій день—сплошная сутолока: точно пораженная армія готовится къ поспѣшному отступленію, а между тѣмъ по лагерю бродили люди, пришедшіе въ Сибирь искать земли, счастья и воли...

Челябинскій пунктъ не въ первый годъ принимаетъ въ своихъ грязныхъ баракахъ гостей изъ Россіи, но главнымъ переселенческимъ пунктомъ онъ сдѣлался только съ 1894 года—съ тѣхъ поръ, какъ главная масса переселенцевъ начала направляться въ глубь Сибири не водой, а по желѣзной дорогѣ, открытой въ 1895 г. до Омска, а въ 1896 г. уже до Кривощекова, что на лѣвомъ берегу р. Оби. До постройки Сибирской жел. д. главнымъ сборнымъ мѣстомъ переселенцевъ была Тюмень. Но, начиная съ 90-хъ годовъ, по мѣрѣ постройки жел. дор., Челябинскъ быстро пріобрѣтаетъ первенство и пропускаетъ въ 1895 году мимо себя 150.000 человѣкъ, въ то время, какъ черезъ Тюмень въ этотъ годъ прошло лишь нѣсколько тысячъ. Движеніе черезъ Тюмень отошло въ область преданій, но переселенцы не забудутъ этотъ «водный путь» и долго будутъ поминать его, хотя и не добрымъ словомъ.

Не добрымъ словомъ помянутъ и Челябинскъ посѣтившіе его въ 1896 году.

11 часовъ. Отходитъ переселенческій поѣздъ. Въ ожиданіи звонка тысяча человѣкъ столпилась на небольшой площадкѣ. Отъѣзжающіе расположились по національностямъ. Полулежа на скудномъ багажѣ, матери теплотой своего тѣла согрѣваютъ дѣтей, сами кутаясь въ этотъ ясный апрѣльскій день въ зимнюю одежду. Студентъ быстро обходитъ партіи, осматривая дѣтей. Находитъ больного ребенка, но если у него нѣтъ сыпи, то больной предоставляется на произволъ судьбы: и мѣста въ больницѣ нѣтъ, да и мать ради больного ребенка не отстанетъ отъ партіи.

Раздается звонокъ. Толпа, до этихъ поръ довольно неподвижная, бросается къ вагонамъ. По узкимъ доскамъ, на которыхъ прибитъ рядъ палокъ, прямо съ земли взбираются и женщины, и дѣти, и старики. Давка, ругань...

Для меня не было новостью, что переселенческій вагонъ синонимъ товарнаго, но я былъ пораженъ, когда въ первый разъ вошелъ въ

этотъ вагонъ. Здѣсь только полчаса были люди, но у меня въ первую же минуту закружилась голова: въ вагонѣ, гдѣ возятъ только 8 лошадей, набилось болѣе сорока людей съ багажемъ. Подлинно «живой багажъ». Это не метафора. Въ день моего прiѣзда въ Челябинскъ изъ Россiи прибыла курьезная партiя: 87 человѣкъ проѣхали тысячи верстъ съ клочками бумажекъ вмѣсто билетовъ. За эти клочки со штемпелемъ «багажъ» переселенцы, по ихъ словамъ, заплатили деньги, какъ слѣдуетъ. Во время пути ихъ билеты попадали въ руки разнаго начальства: одно смѣялось, другое ругалось, но денегъ никто вторично уже не бралъ... Поистинѣ Европа идетъ на Азiю...

На другой день я уѣхалъ дальше въ глубь Сибири, увозя съ собой тяжелое ощущенiе. Дорогой это чувство не разсѣялось: тридцать товарныхъ вагоновъ, вплотную набитыхъ людьми, едва-едва ползли по сибирскимъ степямъ. Ночи холодныя, а между тѣмъ печи есть только въ трехъ вагонахъ. При закрытыхъ дверяхъ вонь; откроютъ, и сидящiе у дверей начинаютъ протестовать, но этотъ протестъ по необходимости остается безплоднымъ, если въ вагонѣ есть дезинтеричные... Какiя мученiя должны были испытывать эти больные, принужденные десятки часовъ сидѣть въ вагонѣ, гдѣ нѣтъ не только клозетовъ, но даже ступенекъ. На пунктахъ, встрѣчавшихся на пути, тоже ничего утѣшительнаго не было: въ Пѣтуховѣ больные валялись на полу—въ больницѣ не было кроватей, въ Петропавловскѣ я нашелъ товарища, заболѣвшаго дифтеритомъ, мелькнулъ Омскъ, а за нимъ еще тысяча верстъ и ни одного готоваго пункта. А поѣздъ, хотя и медленно, но все же везетъ впередъ тысячу людей и сотни изъ нихъ высаживаются на станцiяхъ, надѣясь, что въ Барабинской степи они лучше будутъ жить, чѣмъ въ Россiи. Будемъ думать, что жизнь не обманетъ ихъ ожиданiй, а пока плохо приходится имъ подъ открытымъ небомъ проводить холодныя ночи и туманные дни, и «ощупью» искать того, ради чего покинули они родину — уголка земли.

Тумана нѣтъ, но вся безконечная равнина Барабинской степи окутана какой-то дымкой, сквозь которую едва пробиваются слабые лучи солнца. Переѣздъ между станцiями тянется безконечно долго. Куда ни взглянешь—вездѣ голая степь; мѣстами пылаетъ «палево»; жилья нѣтъ, не видно и людей. Вдругъ дорога прерывается: рядъ домиковъ, поставленныхъ на цѣлинѣ, изображаютъ станцiю. Вокругъ та же пустыня, а линiя желѣзной дороги, прорѣзывая эту пустыню, бѣжитъ все впередъ гладкой, безконечной лентой. Какъ-то жутко среди этого однообразiя и безлюдiя... Станцiя Татарка. Стою на площадкѣ служебнаго вагона. Мимо меня идутъ переселенцы. Среди нихъ изнуренная работой женщина; въ лѣвой рукѣ у нея ребенокъ, въ правой мѣшокъ съ багажемъ. Она посмотрѣла на меня, потомъ на мой вагонъ, нѣсколько прiостановилась и раздраженнымъ сердитымъ голосомъ бросила мнѣ въ глаза упрекъ: «дитя отъ холода посинѣло, а тутъ всего одна людина».—

«Развѣ они люди?» — прибавилъ шедшій рядомъ съ ней мужчина, — «одно слово дьяволы безхвостые».

Съ такимъ напутствіемъ пріѣхалъ я въ Кривощеково, гдѣ и провелъ четыре лѣтнихъ мѣсяца, завѣдуя отправкой переселенцевъ на пароходахъ въ Томскъ и Барнаулъ и по желѣзной дорогѣ въ восточную Сибирь, регистрируя паспорта и проходные свидѣтельства и исполняя въ лагерѣ всѣ обязанности «старшо́го» до разбора уголовныхъ дѣлъ включительно. Я ѣхалъ въ Сибирь въ качества студента, который долженъ былъ взять на себя завѣдываніе санитаріей на Кривощековскомъ пунктѣ, но «санитаръ» на другой день по пріѣздѣ превратился въ «невольнаго» переселенческаго чиновника». Не имѣя ни полномочій, ни знаній, ни денегъ, я очутился во главѣ тысячъ людей. При другой обстановкѣ это былъ бы только комическій выходъ, но здѣсь, въ Сибири, вышло иначе... Та стихійная сила, что заставляетъ тысячи русскихъ людей покидать насиженныя мѣста, бросаться въ Сибирь за поисками лучшаго будущаго, ощупью искать его, она же увлекла и меня, столкнула съ этими людьми, заставила проникнуться ихъ интересами, и не замѣтно взвалить на свои плечи совершенно непосильную работу. День побѣжалъ за днемъ, за необходимой работой не оставалось времени для мысли, для анализа. А когда это время пришло, переселенцевъ въ Кривощековѣ уже не было: стихійная сила увлекла ихъ дальше, а я стоялъ уже внѣ ея вліянія...

Черезъ Кривощеково въ теченіе мая, іюня и іюля 1896 г. прошло болѣе 40.000 тысячъ душъ, изъ нихъ 21.570 ч. направились въ Енисейскую, Иркутскую губ. и въ Амурскую область, остальные же поселились въ Томской губ., отчасти на казенныхъ земляхъ, но главнымъ образомъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ. Движеніе на Алтай совершалось отъ Кривощекова исключительно на пароходахъ; небольшое число переселенцевъ воднымъ путемъ по Оби пробралось въ Томскъ; наконецъ, нѣсколько сотъ семей поѣхали дальше отъ насъ на лошадяхъ. Вся же остальная масса направилась вглубь Сибири по средне-сибирской ж. д., въ этомъ году, и то только съ 29 мая, впервые предложившей свои услуги переселенцамъ. Благодаря этому, пріѣхавшіе въ Кривощеково въ теченіе мая мѣсяца должны были болѣе мѣсяца ожидать здѣсь дальнѣйшей отправки. Это обстоятельство и придало Кривощековскому пункту особый, своеобразный отпечатокъ.

До 2-го мая въ густомъ лѣсу на правомъ высокомъ берегу Оби въ 3-хъ верстахъ отъ поселка Ново-Николаевскаго и въ $^1/_2$ верстѣ отъ начальной станціи Средне-сибирской ж. д.—Оби—жили только плотники, тщетно пытаясь въ теченіе двухъ недѣль сколотить кое-какія сооруженія для пріема гостей. Перебравшись 2-го мая ночью съ первой переселенческой партіей съ лѣваго берега Оби на правый съ помощью небольшого пароходика и баржи (такъ какъ желѣзно-дорожный мостъ только строился, то въ теченіе всего лѣта это былъ единственный спо-

собъ сообщеній съ конечной станціей западной Сибирской ж. д.), мы нашли въ лѣсу готовыми только два зданія — двѣ кухни. Одна изъ нихъ, довольно большая, была приспособлена нами подъ аптеку, амбулаторію и свое помѣщеніе. Здѣсь въ теченіе первой недѣли была и больница, и пріютъ для зябнувшихъ въ сосновомъ лѣсу на берегу большой рѣки дѣтей. Больницу мы скоро перевели въ другую кухню, а дѣтей на пунктѣ стало такъ много, что для того, чтобы согрѣть всѣхъ ихъ понадобился бы десятокъ такихъ кухонъ. Остальныя три функціи эта по плану «бѣлая кухня» исполняла во все время горячей работы. Другая готовая изба была превращена въ больницу, если только этимъ именемъ можно назвать помѣщеніе, гдѣ на полу на сѣнникахъ, въ шубахъ или на шубахъ, валялись больные инфлуенцой, воспаленіемъ легкихъ. Только недѣли черезъ три были готовы стѣны настоящей (по плану) больницы, но и здѣсь первое время больные должны были лежать на полу, чѣмъ, быть можетъ, и можно объяснить случаи нерѣдкихъ побѣговъ изъ больницы. Другія зданія были еще только на срубу и выросли изъ земли только въ концѣ іюля и началѣ августа, т.-е. тогда, когда надобность въ нихъ для лѣтнихъ переселенцевъ 1896 г. миновала, говоря иначе, когда они снесли на погостъ больше дѣтей, чѣмъ слѣдовало: нами былъ отмѣченъ фактъ, что послѣ каждаго ночного дождя смертность среди дѣтей Кривощековскаго лагеря значительно увеличивалась.

Переселенцы, которымъ пришлось жить въ Кривощековѣ, ютились то въ юртахъ, то въ шалашахъ. Среди лѣса были расчищены двѣ большія поляны: на одной въ три ряда поставлены юрты, на другой— больничныя зданія. Между юртами и берегомъ рѣки много сотенъ шалашей и палатокъ. Число юртъ въ первое время не доходило до сорока, но постепенно переросло полсотни. Юртъ было не мало, но переселенцы не любили этихъ сооруженій кочующихъ дикарей; признаюсь, я понимаю ихъ. Юрта хороша въ степныхъ губерніяхъ, да еще тогда, когда есть войлокъ, который можно положить на холодную землю, а не на границѣ тайги; юрта хороша, когда въ ней живетъ своя семья и есть хозяйка, которая можетъ слѣдить за провѣтриваніемъ и осушеніемъ, а не тамъ, гдѣ почти каждый день мѣнялись «жители», стремившіеся обрѣзать кусокъ войлока на черезсѣдельникъ и обрѣзать всѣ веревки: «казна-де съ насъ деньги беретъ».

Не любили юртъ переселенцы и предпочитали селиться въ лѣсу, возлѣ юртъ, на открытомъ воздухѣ. Скоро тотъ лѣсъ, сквозь стѣны котораго въ началѣ мая не было видно неба, значительно порѣдѣлъ: и вправо, и влѣво отъ юртъ выросли разнаго рода и вида временныя постройки. Были тутъ и шалаши, едва прикрытые дряннымъ «рядномъ», и роскошные конусообразные шатры, выстроенные во весь ростъ десятилѣтнихъ березъ; рядомъ съ землянымъ баракомъ, гдѣ хозяева находили тепло и уютъ, ютилось жалкое сооруженіе, куда нужно было

чуть не вползать. Разнообразіе губерній создало разнообразіе построекъ, и чѣмъ богаче была партія, тѣмъ удобнѣе она устраивалась, хотя здѣсь всѣ были равными хозяевами земли и деревьевъ, растущихъ въ лѣсу.

Вся эта масса людей ютилась на небольшомъ, меньше десятины, кусочкѣ земли. Здѣсь рядомъ и молодые цѣловались, и старики умирали. Стѣны чужого шалаша служили отхожимъ мѣстомъ, и если дымъ отъ чужого костра душитъ моихъ дѣтей, такъ что жъ?—зато дымъ отъ моего разъѣдаетъ глаза сосѣду. Скученность, общая некультурность, взаимное озлобленіе партій и желаніе нагадить другъ другу — вотъ одна изъ сторонъ лагерной жизни переселенцевъ.

Изъ всей массы людей, живущихъ цѣлый мѣсяцъ на пунктѣ безъ дѣла, въ ожиданіи движенія воды, я, въ случаѣ надобности, едва могъ найти десять-двадцать человѣкъ, соглашающихся рыть ямы и чистить лагерь. Остальныя тысячи предпочитали отправлять свои нужды въ двухъ шагахъ отъ колыбели своего ребенка и дышать смрадомъ собственныхъ своихъ испражненій. При полной свободѣ въ выборѣ мѣста, они селились не на свободной, чистой площадкѣ, а на запачканномъ клочкѣ возлѣ косо-смотрящихъ на нихъ сосѣдей.

Идешь по лагерю и кажется, будто тысячи народа (между 15 мая и 10 іюля въ Кривощоковѣ на пунктѣ скопилось больше 6.000 человѣкъ) сошлись на день, на два провести вмѣстѣ время, разбили наскоро шалаши, палатки, а менѣе требовательные довольствуются небомъ, какъ кровомъ, и живутъ: здѣсь варятъ обѣдъ, тамъ поютъ пѣсни, въ иномъ мѣстѣ вокругъ продавца хлѣба толпы оцѣниваютъ качество продукта, а въ центрѣ лагеря латыши, собравшись въ одну юрту, поютъ Богу, забывшему ихъ, хвалебные гимны. Лагерь полонъ движенія; шумъ голосовъ, шаговъ, акомпонируемый шумомъ лѣсной листвы, говоритъ, что здѣсь копошится много человѣческихъ жизней: одни изъ нихъ горюютъ, другихъ томитъ неизвѣстность, третьи боятся умереть отъ голода, но всѣ рады свѣту, теплу, солнцу. Солнце для переселенцевъ синонимъ всего хорошаго: чѣмъ ярче оно свѣтитъ, тѣмъ теплѣе будетъ ночь, чѣмъ выше оно поднимается, тѣмъ ближе къ лѣту, а лѣтомъ «ужъ навѣрно будетъ намъ отправка». Но и эта радость, и это гореванье какія-то рефлекторныя. Вы не только не замѣчаете никакихъ активныхъ поступковъ, въ результатѣ которыхъ могло бы получиться улучшеніе лагерной жизни, но на каждомъ шагу встрѣчаете противодѣйствіе со стороны тѣхъ, для блага которыхъ вы хотите кое-что сдѣлать.

При осмотрѣ лагеря находите заразнаго больного. Если вы не желаете прибѣгать къ полицейской силѣ, то должны цѣлый часъ употребить на убѣжденіе родныхъ больного. Въ результатѣ съ вялымъ видомъ отнесутъ ребенка въ больницу, но вы не увѣрены, что черезъ день, два больной снова не будетъ въ лагерѣ,—родные его украдутъ.

И если богатыя партіи умѣли нѣсколько поудобнѣе устроиться, чѣмъ бѣдные, то въ смыслѣ некультурности всѣ были равны. Съ бѣдными еще можно было сговориться относительно уборки лагеря, пообѣщавъ имъ кусокъ хлѣба, но богатые, не нуждавшіеся въ нашей подачкѣ, плевали на всѣ просьбы и обѣщанія и продолжали жить въ грязи и издѣваться надъ санитаріей. Вставая всякій день съ увѣренностью, что завтра они уѣдутъ изъ Кривощекова, лагерные жители считали себя въ правѣ пачкать, но не почитали за обязанность прибирать послѣ себя. Дни проходили за днями, отправки все не было, лагерь пачкался—увеличилось количество желудочно-кишечныхъ заболѣваній, и легенда о холерѣ быстро создалась. Подъ страхомъ этого призрака нѣсколько дней переселенцы чистили лагерь, но холера не приходила и снова вѣроятные ея жертвы ложились на землю и смотрѣли на небо, а дѣти отвѣчали за грѣхи родителей: изъ 173 умершихъ на нашемъ пунктѣ въ маѣ и іюнѣ—дѣтей было 143; въ амбулаторіи на долю дѣтей приходится 41% изъ числа 6.274 всѣхъ принятыхъ больныхъ,—въ больницѣ дѣтей лежало 25%. Дѣти—первая дань переселенію, а старики вторая: изъ 14 умершихъ въ больницѣ—8 стариковъ умерло отъ истощенія.

Эти жертвы дѣтьми и стариками богу лучшаго будущаго, безъ сомнѣнія были бы гораздо значительнѣе, если бы въ Кривощековѣ въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ не было роздано 85.000 безплатныхъ обѣдовъ.

Громкое слово *обѣдъ*. Онъ состоялъ изъ трехъ фунтовъ тепленькой водицы, приправленной крупами, капустой, горохомъ, и 1/4 ф. мяса въ скоромные и рыбы въ постные дни. 1 ф. чернаго хлѣба, какъ прибавленіе къ обѣду, не всегда бывалъ. Въ первое время это прибавленіе давали даромъ, а затѣмъ было найдено излишнимъ давать даромъ, а за деньги переселенцы перестали брать. Имѣя предписаніе не раздавать безплатно хлѣбъ и не имѣя денегъ, мы волей-неволей должны были проводить въ жизнь эту мѣру, долженствующую отучить русскаго переселенца отъ тунеядства, но нужда нѣкоторыхъ партій была настолько велика, что заставлять ихъ покупать хлѣбъ, значило тѣмъ самымъ обрекать дѣтей на голодную смерть, и мы нарушали предписаніе и хлѣбъ давали даромъ. Личное усмотрѣніе—шаткій принципъ, но сухой формализмъ жестокая вещь: равнодушно видѣть человѣческое страданіе нельзя, а убивать въ себѣ жалость къ человѣку только потому, что по предписанію начальства жалѣть не полагается—внѣ силъ живого человѣка. И для всѣхъ «неразрѣшенныхъ», «незаконныхъ» товарищи и я дѣлали все что могли. Пусть мы нарушители формы, но къ живымъ людямъ иначе отнестись не могли. Иной разъ хлѣбъ раздавали даромъ, какъ милостыню, иной разъ хлѣбомъ платили за общественныя работы — чистку лагеря, рытье ямъ. Пока на пунктѣ народу было немного, съ нѣкоторымъ, правда усиліемъ, но

все же можно было отдѣлить нищихъ отъ имѣющихъ въ карманѣ лишній рубль. Населеніе быстро возрасло, несомнѣнно прибавилось и число нищихъ. Какъ разобраться среди всей этой массы просящихъ хлѣба людей? Давать всѣмъ—не хватитъ хлѣба, никому не дать—жестоко. Приходилось выбирать изъ тысячи просящихъ нѣсколько сотенъ. Узнавать, кто голоденъ, а кто хочетъ только сорвать съ начальства лишнюю копѣйку — тяжелая задача: нужно лазить въ душу каждаго просителя и уличать его въ желаніи несправедливо получить лишніе полфунта хлѣба. Не иначе, какъ съ отвращеніемъ вспоминаю я теперь свою роль раздавателя записокъ на право полученія крошечной порціи хлѣба, недостаточной для поддержанія жизни пятилѣтняго ребенка. Народу масса. Помимо этихъ записокъ тысяча дѣлъ по обходу лагеря, по посадкѣ переселенцевъ въ вагоны, по встрѣчѣ баржи... гдѣ тутъ входить въ обсужденіе вопроса о степени нужды просителя. И судишь по внѣшнему виду, мало того—всталъ я—«начальникъ» съ лѣвой ноги, и масса отказовъ.

За исключеніемъ нищихъ, довольныхъ всякой подачкой, нашъ обѣдъ безъ хлѣба не представлялъ ничего цѣннаго для большинства переселенцевъ, могущихъ при изобиліи дровъ всегда что-либо состряпать себѣ на обѣдъ. Этимъ объясняется, сравнительно, небольшая цифра выданныхъ обѣдовъ. Но для тѣхъ, которые приходили за «варевомъ», эта теплая вода дѣйствительно была живой водой; для иныхъ единственной дневной пищей, для большинства главнымъ приваркомъ. Явившіеся за обѣдомъ густой стѣной напираютъ на дверь столовой. Въ рукахъ какая-нибудь посудина: котелокъ, ведро, кружка, разбитый горшокъ, чайникъ. Подавая посуду, проситель выкрикиваетъ число душъ семьи. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ прибавляетъ. Въ поданную посуду наливаютъ жижицы и бросаютъ нѣсколько кусочковъ мяса (на душу по мелкой деревянной ложкѣ). Если есть записочка даютъ отъ ½ до 1 ф. хлѣба. Этотъ обѣдъ на разныхъ лицъ производитъ разное впечатлѣніе: въ то время, какъ большинство малороссовъ не иначе смотрѣли на нашъ обѣдъ, какъ на третье блюдо, обѣднѣвшіе витебцы со слезами на глазахъ благодарили за лишнюю осьмушку мяса и даже лишній ковшъ воды. Бывало, нѣкоторымъ не хватало похлебки: горе однихъ искренно, другіе же печалятся лишь о томъ, почему хватило тѣмъ, а не имъ. Между заинтересованными начинается ругань, но, гнѣваясь другъ на друга неизвѣстно за что, они далеки отъ критики существа дѣла. Правда, раздавались иногда голоса, что царь-де по 15 коп. отпускаетъ каждый день на кормъ, а чиновники эти деньги берутъ себѣ, но такіе голоса были рѣдки, да и слышали ихъ одни завѣдующіе столовой; ко мнѣ и къ чиновнику съ такими заявленіями не являлись. Большинство безропотно несло свою долю, даже не пытаясь разобраться въ тѣхъ условіяхъ, что портятъ ему жизнь. Въ результатѣ старики и дѣти умирали раньше времени. Дѣ-

тей умирало бы еще больше, если бы мы на частныя средства не варили имъ пшенную кашу и не раздавали груднымъ дѣтямъ молоко (до 7 ведеръ въ сутки). Тогда умирало бы больше, а теперь—«помаленьку поддарживали... спасибо вамъ».

Май мѣсяцъ на исходѣ. Около 6.000 человѣкъ ждетъ не дождется перваго поѣзда по новой Средне-Сибирской ж. д., чтобы ѣхать дальше въ глубь Сибири. Безцѣльная трата времени, неопредѣленность будущаго, полное невѣдѣніе относительно открытія движенія по линіи ж. д.—все это волнуетъ и раздражаетъ переселенцевъ. И чѣмъ больше на пунктѣ скоплялось народу, тѣмъ возбужденіе становилось замѣтнѣе. Вопросъ—«да когда же намъ будетъ отправка?»—настолько часто въ послѣдніе дни мая мѣсяца задавался мнѣ, что я положительно не въ состояніи былъ отвѣчать на него. Да при томъ вѣдь и я столько же зналъ, сколько и они... я зналъ, что между Омскомъ, гдѣ жилъ переселенческій чиновникъ, и Петербургомъ шелъ дѣятельный обмѣнъ телеграммъ, но кому на Руси было вѣдомо, когда этотъ обмѣнъ окончится. А между тѣмъ жизнь на пунктѣ шла далеко не завидно: переполнена больница, обѣдать варили два раза въ день, но хватало далеко не всѣмъ, въ лагерѣ населеніе такъ быстро расло, что сносный санитарный надзоръ дѣлался положительно невозможнымъ. И у насъ, «начальствующихъ», и у переселенцевъ одинаковое самочувствіе—будто согнали насъ въ душную комнату и заперли двери. Всѣ другъ другу противны, у всѣхъ одно желаніе—поскорѣе бы первый поѣздъ. Наконецъ пріѣхалъ чиновникъ С. и привезъ обрадовавшее всѣхъ извѣстіе, что 30-го пойдетъ первый поѣздъ въ восточную Сибирь. Наканунѣ отправки первой партіи мы не спали цѣлую ночь, снаряжая переселенцевъ въ дорогу. Чиновникъ сопровождалъ поѣздъ до рѣки Томи, боясь, чтобы при переправѣ черезъ неоконченный мостъ не случилось какого-либо несчастія. Черезъ день онъ вернулся и, снарядивъ еще одинъ поѣздъ, 3-го іюня уѣхалъ, обѣщая мнѣ черезъ нѣсколько дней прислать своего помощника. Уѣхалъ онъ довольный собой: «какъ пріятно,—говорилъ онъ мнѣ,—чувствовать, что это дѣло рукъ твоихъ—отправить первый поѣздъ». Не сомнѣваюсь, но какъ должно было быть непріятно мнѣ, снова ставшему невольнымъ чиновникомъ и притомъ чиновникомъ безъ правъ и съ 200 руб. въ карманѣ. Больше денегъ у С. не было, и онъ обѣщалъ, что черезъ нѣсколько дней пришлетъ и денегъ, и «настоящаго» чиновника, который замѣнитъ меня. Но не всѣмъ обѣщаніямъ суждено было скоро исполниться: деньги, около тысячи руб., я получилъ черезъ недѣлю, но обѣщанный чиновникъ пріѣхалъ только черезъ полмѣсяца, когда большая половина нашихъ майскихъ гостей была мною уже отправлена.

Въ первое время по открытіи желѣзнодорожнаго движенія отъ станціи Оби еженедѣльно отходило на востокъ три поѣзда, а затѣмъ былъ прибавленъ еще одинъ. Изъ тридцати полагавшихся намъ товарныхъ

вагоновъ 3—5 вагоновъ мы занимали подъ багажъ, а въ остальные, желая помочь переселенцамъ добраться до мѣста новаго поселенія какъ только можно раньше, «впихивали» до тысячи человѣкъ. Но несмотря на это, мы могли еженедѣльно освобождать пунктъ только отъ 2.500 гостей, такъ что прибывшіе въ Кривощеково въ серединѣ мая должны были ожидать своей очереди до средины іюня. Къ концу іюля пунктъ совершенно опустѣлъ: въ лагерѣ бродило только нѣсколько человѣкъ, для которыхъ было безразлично, гдѣ ни бродить.

IV.

Тамъ, гдѣ въ одно мѣсто сошлись со всѣхъ концовъ Россіи люди разныхъ достатковъ и привычекъ, и живутъ вмѣстѣ по мѣсяцу и больше, естественно ожидать большого числа правонарушеній. Это ожиданіе должно вырости въ увѣренность, если вспомнить, что 5.000-ное населеніе Кривощековскаго пункта опекалось пятью полицейскими во главѣ со мной, никѣмъ не уполномоченнымъ чинить судъ и расправу. Конечно, никакого порядка нельзя ожидать тамъ, гдѣ, говоря военнымъ языкомъ, цѣлымъ полкомъ командуетъ одинъ офицеръ да пять капраловъ, а между тѣмъ въ теченіи всего лѣта у насъ не было въ лагерѣ совершено ни одного преступленія. Проступки, правда, были, но число ихъ очень ничтожно: нѣсколько дракъ и мелкихъ кражъ. Значительно большую цифру дали проступки, которые назову — «неповиновеніемъ просьбамъ начальства». Заботясь о томъ, чтобы лѣсъ, окружающій лагерь, по возможности былъ сохраненъ, я черезъ стражниковъ просилъ почти каждую партію не рубить старыхъ деревьевъ, а собирать для шалашей валежникъ, въ изобиліи валявшійся въ лѣсу. Но громадное большинство переселенцевъ оставляло просьбы совершенно безъ вниманія, несмотря даже на то, что у нѣкоторыхъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, мы на время отбирали топоры. Ничто не помогало. Одинъ изъ стражниковъ предложилъ построить «холодную», но я отклонилъ его проектъ. Конечно, съ русской точки зрѣнія, я былъ не правъ, но вѣдь рѣчь идетъ о Сибири.

Въ Россіи немногіе могутъ произнести слово «мужикъ», не прибавивъ мысленно эпитетъ пьяница, причемъ, когда одни скажутъ, что онъ пьетъ отъ разврата, другіе ихъ поправятъ—не отъ разврата, а отъ бѣдности. И то, что я сейчасъ скажу, наблюдателю русской жизни можетъ показаться совершенно дикимъ: среди тысячъ переселенцевъ *пьяными* за четыре мѣсяца я видалъ всего лишь *нѣсколько* человѣкъ. Допустимъ, я всего усмотрѣть не могъ, но такая умѣренная формула—переселенцы пьютъ замѣчательно мало—я думаю, не вызоветъ возраженія со стороны другихъ наблюдателей землепроходовъ земли русской. И не пьютъ не потому, что водки негдѣ взять—винныхъ погребовъ въ ближайшемъ поселкѣ нѣсколько, или по безденежью—среди

переселенцевъ много бѣдноты, но не всѣ же они бѣдняки... Одинъ изъ товарищей высказалъ мысль, что въ лѣтніе мѣсяцы, въ страду и въ Россіи мало пьютъ. Можетъ быть, онъ и правъ: переселеніе тоже страда, но вѣдь въ Россіи люди лѣтомъ усиленно работаютъ, а въ Сибири они по цѣлымъ днямъ лежали на боку.

Что касается споровъ по имуществу, то и ихъ было немного: два, три дѣла о раздѣлѣ наслѣдства, о выдѣлѣ возвращающагося въ Россію сына—вотъ почти и все въ этой области. Конечно, споры возникали и по другимъ поводамъ, но они, вѣроятно, разрѣшатся по прибытіи.

Очеркъ пунктовой переселенческой жизни будетъ не полонъ, если я не остановлюсь на характеристикѣ взаимныхъ отношеній малороссовъ и великоруссовъ. Не наблюдавшіе совмѣстной жизни въ одномъ мѣстѣ этихъ двухъ народностей не повѣрятъ, что «хохлы» такъ же относятся къ «кацапамъ», какъ тѣ и другіе къ «жидамъ»,—страшно враждебно. Не хватило обѣда, виноваты въ этомъ хохлы—«мазепы»: «ужъ больно они хитры—всегда себѣ хорошее заберутъ». Смрадъ въ лагерѣ, причина ясна: «кацапня проклята—неакуратна дуже». И такъ во всемъ—для великоросса все дурное сконцентрировано въ фигурѣ хохла, а для послѣдняго «кацапня—якась-то нечисть». Хохлы предпочитали ночевать на дворѣ, чѣмъ раздѣлить пріютъ въ юртѣ со своими историческими врагами, а великороссы безъ всякой жалости выбрасывали изъ вагоновъ вещи случайно попавшаго къ нимъ «идола». Но отчего такая вражда, доходившая иногда до драки, гдѣ причина, что люди, уже нѣсколько вѣковъ творящіе совмѣстно русскую исторію, готовы уничтожить одинъ другого?

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось по этому поводу бесѣдовать съ представителями какъ той, такъ и другой стороны. Во всѣхъ ихъ рѣчахъ было больше чувства, чѣмъ логики, много злости, презрѣнія, ненависти, но мало фактовъ. Хотя и мало фактовъ, но все же они были.

Прежде всего не могла не бросаться въ глаза разница встрѣчи праздниковъ. Въ то время, когда вечеромъ въ субботу у хохловъ въ полномъ разгарѣ веселье, великороссы почитаютъ необходимымъ проводить это время въ великопостномъ молчаніи. И конечно, ихъ религіозное чувство не могло не возмущаться при видѣ, какъ святой праздникъ встрѣчается пляской, и вмѣсто вечернихъ субботнихъ молитвъ—звуки скрипки и разносящіяся далеко по лѣсу пѣсни. Конечно, такихъ безбожниковъ можно терпѣть, когда они далеко, но вѣдь они здѣсь, рядомъ съ моимъ шалашемъ устраиваютъ безобразія и мѣшаютъ провести вечеръ такъ, какъ велятъ мнѣ сдѣлать мои религіозныя привычки. Въ результатѣ—раздраженіе, пристрастная критика поведенія сосѣдей и неуваженіе къ нимъ. Но зато праздничное времяпрепровожденіе великороссовъ возмущаетъ ихъ антагонистовъ. Несомнѣнно, что

въ смыслѣ воздержанія отъ совершенія какой-бы то ни было физической работы по воскреснымъ днямъ великороссы менѣе педантичны, чѣмъ малороссы. И стоитъ послѣднимъ увидѣть, что какой-нибудь «кацапикъ» орудуетъ въ воскресенье топоромъ, какъ начинаются злыя насмѣшки, и малороссы, почитающіе себя истинно православными, объявляютъ всѣхъ кацаповъ—нехристями. Согласитесь, что тамъ, гдѣ такъ ставится вопросъ, немыслимъ разговоръ о взаимномъ уваженіи, понятіе—братъ уничтожается другими эпитетами, къ которымъ часто прибѣгаютъ враги—«да развѣ они люди», «сказано—нехристи»...

Обращаясь къ другимъ сторонамъ лагерной жизни, я подмѣтилъ то же явленіе.

Подходитъ баржа. Привезла она исключительно малороссовъ; стоящіе на берегу хохлы почему-то рады. А если пріѣхали великороссы, начинается неудовольствіе—«тутъ и безъ нихъ тісно». Великороссы высаживаются и чѣмъ партія бѣднѣе, тѣмъ злѣе остроты. Но когда пріѣзжаетъ богатая партія малороссовъ, обязанность негодовать и смѣяться переходитъ къ великороссамъ. Каждая, скатываемая на берегъ бочка, сносимый сундукъ—всѣ эти признаки достатка кровно оскорбляютъ великороссійскую публику. И знаете, странно, то, что, по убѣжденію большинства, всѣ эти сундуки и бочки до верху наполнены саломъ. Великороссъ не можетъ мыслить хохла безъ сала Хохлацкое сало не давало спать лишеннымъ его «собирателямъ земли русской». Но зато, что представляли изъ себя, по мнѣнію хохловъ, эти собиратели? Лапотниковъ, въ лаптяхъ которыхъ хранятся сотенныя бумажки. Сало въ бочкахъ и деньги въ лаптяхъ—вотъ основной мотивъ, дающій тонъ рѣшительно всѣмъ разсужденіямъ противниковъ относительно экономическаго положенія противной стороны. Если вы попробуете на примѣрѣ указать партію малороссовъ, у которыхъ буквально нѣтъ ничего, вамъ повѣрятъ, но сочтутъ эту партію чисто случайнымъ явленіемъ и не преминутъ сослаться на бочки, что стоятъ на берегу и на сундуки, что блестятъ на солнцѣ своими яркими красками. Но вѣдь бочекъ десятокъ, а хохловъ тысячи?—убѣжденіе великороссовъ непоколебимо, не даромъ-же изъ ихъ среды вышелъ протопопъ Аввакумъ. Но и хохлы упрямы, и я не знаю, кому въ смыслѣ упорства въ своихъ предразсудкахъ отдать предпочтеніе. Думаю, что и тѣ, и другія расы достаточно косный народъ, недаромъ они, хотя и не признающіе другъ друга, но все же братья. Но хотя они и братья, но, очевидно, дѣти разныхъ матерей: такъ несходны ихъ взгляды на нѣкоторые вопросы общежитія.

Проситъ ли великороссъ объ отправкѣ, о пособіяхъ, онъ ведетъ рѣчь не отъ своего лица, а отъ лица общества, малороссъ же никогда не говоритъ за общество, а всегда за себя. Но если скажутъ, что великороссу болѣе присуще чувство общественности, то я, на основаніи моихъ наблюденій, не могу согласиться съ этимъ. Правда, выбор-

ный ходатайствуетъ за общество, прося выдать, напримѣръ, пособіе по одному рублю на душу. Повидимому, равенство, но на самомъ дѣлѣ грубое насиліе общества надъ отдѣльными членами: ибо равенство въ требованіи далеко не означаетъ равенства нужды просителей. И мнѣ нѣсколько разъ приходилось убѣждаться, что подъ видомъ просьбы отъ лица общества совершала выгодное дѣло группа богатѣевъ. И если, понимая, что собственно происходитъ въ обществѣ, предлагаешь выдѣлить бѣднѣйшихъ, то непремѣнно слѣдуетъ отвѣтъ—всѣ мы бѣдные. И такъ кричатъ не только тѣ, кому это выгодно, но всѣ. Одни потому, что не представляютъ себѣ иной формы полученія помощи, иначе, какъ дѣленіемъ по душамъ, а другіе, хотя и понимаютъ, что для бѣдняка 5 руб. цѣлое состояніе, а богатому рубль годится только для развлеченія, но, будучи въ кабалѣ у общества и богатѣевъ, не смѣютъ становиться въ противорѣчіе съ мнѣніемъ другихъ. Если при подобныхъ сценахъ присутствуютъ малороссы, сначала они недоумѣваютъ, какъ это такъ, что всѣ одинаково бѣдны, но затѣмъ, разобравшись въ чемъ дѣло, начинаютъ издѣваться надъ просителями. Загорается принципіальный споръ о солидарности—всякій долженъ просить только за себя, утверждаютъ малороссы. И дѣйствительно, когда имъ случается просить о пособіи, то обыкновенно выдѣляется одинъ и, поклонившись, произноситъ: «прошу у вашего благородія пособія пять рублей», за нимъ выдвигается другой: «и я три рубля», третій и т. д. иногда вся партія. Въ этомъ пріемѣ обнаруживается вся разница сравнительно съ привычками великороссовъ и, конечно, послѣдніе не оставляютъ этого пріема безъ критики: «вы бы еще женъ поприводили-бы, больше набрали». «Це вы только мыкаете, а у насъ всякъ за себя: такъ правды больше». Конечно, послѣднее замѣчаніе слишкомъ рѣзко, но еще вопросъ, когда между людьми больше солидарности, когда они говорятъ «мы» или тогда, когда вслѣдъ за однимъ другой произноситъ «и я».

«Мы» и «и я»—два слова достаточно рельефно выражающія разногласіе по вопросу о томъ, что есть общество и что «я» въ обществѣ. Малороссъ всегда остается строгимъ индивидуалистомъ, будетъ ли онъ просить хлѣба, искать убытки, требовать отправки. Великороссъ же въ аналогичномъ положеніи съ излишней роскошью просклоняетъ мѣстоименіе мы во всѣхъ падежахъ. Когда же дѣло коснется до исполненія какой-либо общественной обязанности (чистить лагерь, переносить лагерь), то тѣ и другіе становятся одинаково азіатами: и тѣ, и другіе могутъ наслаждаться жизнью, когда вокругъ страшный смрадъ, благодаря собственной безпечности, или мокнуть подъ дождемъ, дрожать отъ холода, когда въ двухъ шагахъ чуть не дѣвственный лѣсъ. Правда, что касается внѣшней красоты, чистоты въ шалашахъ, то малороссы не знаютъ себѣ соперниковъ; думаю, что и ѣли они лучше, и бѣлье у нихъ чище. Но зато они уступаютъ великороссамъ въ способности

быстро оріентироваться въ мѣстныхъ условіяхъ. Я имѣлъ случай сравнивать между собою лишь отношеніе тѣхъ и другихъ къ вопросу о дальнѣйшемъ способѣ передвиженія, и долженъ сказать, что въ данной сферѣ великороссъ какъ-то болѣе юрокъ. Пока хохолъ еще приглядывается, великороссъ уже сообразилъ, что ему дѣлать.

Еще нѣсколько словъ о солидарности. Великороссы, склоняющіе «мы», подъ «мы» разумѣютъ только свою партію, а когда интересы нѣсколькихъ партій сталкиваются, то и «мы», «и я» одинаково эгоистично ведутъ себя. До другихъ товарищей по несчастію ни тѣмъ, ни другимъ нѣтъ никакого дѣла: будетъ ли кто-либо жить послѣ ихъ ухода на томъ мѣстѣ, которое они загадили, или въ той юртѣ, войлоки съ которой они украли, объ этомъ никто не думаетъ... конечно, если будетъ царить въ лагерѣ корь, то въ этомъ виноваты «кацапы»: «сорочка у него, якъ тряпка»; несомнѣнно, если послѣ нашего ухода другимъ будетъ плохо—«хохлы виноваты—Бога прогнѣвили»... Но попробуйте этихъ философовъ заставить чистить лагерь, попытайтесь внушить имъ, что больные корью требуютъ изоляціи, и въ результатѣ всѣхъ вашихъ стараній получится одно глупое разсужденіе о безполезности.

Моя характеристика была бы не полна, если бы я не остановился на одномъ крупномъ различіи между малороссами и ихъ историческими врагами. Нѣсколько тысячъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ, какъ просители явились ко мнѣ, но въ то время, какъ многіе великороссы (и бѣлоруссы) валялись у ногъ моихъ, я не помню ни одного случая, чтобы малороссъ былъ въ такомъ рабскомъ положеніи. Хохолъ проситъ, споритъ, обманываетъ, даже плачетъ, но не кланяется въ ноги: для этого онъ слишкомъ гордъ.

Для полноты картины нѣсколько словъ о бѣлоруссахъ. Это бѣдный, несчастный, забитый и забытый народъ. Прежде всего почти всѣ они были незаконными. Вмѣсто проводныхъ свидѣтельствъ они обладали ужасно безграмотно написанными увольнительными отъ общества свидѣтельствами, гдѣ вмѣсто фамилій были проставлены лишь имена и отчества. Объясняется это тѣмъ, что имъ не только не давали проходныхъ свидѣтельствъ, но даже и паспортовъ, боясь, что они, уйдя на заработки, не вернутся больше домой. Если вѣрить ихъ словамъ, а я не имѣю основанія не вѣрить, то большинство изъ нихъ убѣжало тайкомъ съ родины, не смотря на бдительность становыхъ и урядниковъ. Вы не повѣрите, но это фактъ—между ними находились взрослые мужчины, не знающіе числа членовъ своей семьи и не умѣющіе безъ ошибки считать до ста.

Особенно рѣзко выступали отличительныя черты каждой партіи, когда рѣчь заходила относительно дорожныхъ пособій, которыхъ я, кстати сказать, раздалъ въ теченіе лѣта до 4.000 р. Врутъ всѣ, но ложь витебца такъ наивна, что ее слушаешь съ улыбкой, но чтобы

отличить правду отъ лжи въ словахъ полтавца или тамбовца, для этого требуется иногда очень много времени, да и то въ концѣ концовъ не увѣренъ, что не сдѣлался объектомъ насмѣшекъ. Привычка врать передъ начальствомъ, которое можетъ дать денегъ или не взять ихъ, по моему, основная черта всѣхъ переселенцевъ. Вранье—результатъ двухъ противоположныхъ убѣжденій крестьянина. Переселенецъ увѣренъ, что все, что берутъ съ нихъ за проѣздъ, за пищу, берутъ неправильно, а что даютъ имъ, такъ это потому, что такъ полагается, и то начальство, которое беретъ, поступаетъ неправильно, а которое даетъ—дѣйствуетъ по закону. Это разъ, но жизненный опытъ научилъ крестьянина, что правда и законъ сами по себѣ, а начальническая милость—сама по себѣ. То, что̀ должно, почти всегда, на сколько можетъ припомнить крестьянинъ, приносилось въ жертву тому, что̀ хочетъ его благородіе. Это два. Но такъ какъ должное только идеалъ, а хотѣніе всегда на лицо, то и нужно дѣйствовать на эту волю, нужно разжалобить начальника, давъ ему пятакъ, если онъ беретъ, или, если онъ не такой ужъ грубый матеріалистъ, подѣйствовавъ на его слабую сторону: одному ручку поцѣловать, другому въ ноги бухнуться, а передъ третьимъ прикинуться бѣднымъ сиротой. И крестьянинъ-проситель старается попасть въ тонъ, дабы излить на себя начальническую милость, но для этого онъ долженъ и факты сообщать примѣнительно къ привычкамъ начальника, и просить о томъ, что по правдѣ и по закону нужно было требовать. И ради рубля приходится врать и передъ начальникомъ, и передъ самимъ собой, въ результатѣ—раздраженіе. Но объектомъ этого раздраженія являются не обстоятельства окружающія, и меня дающаго, и его просящаго, а исключительно я—чиновникъ, подмѣнившій правду *своей* волей. Пока я былъ просто человѣкъ, со мной просто разговаривали, но стоило мнѣ дать десятку людей по цѣлковому, во мнѣ перестали видѣть человѣка, а видѣли ходящую по лагерю «милость». И началось низкопоклонство и вранье.

Нѣсколько цифръ въ дополненіе къ даннымъ ранѣе характеристикамъ переселенцевъ 1896 года. Изъ 4.340 семей больше, чѣмъ половина,—2.341 не имѣли ни одного человѣка грамотнаго или полуграмотнаго и учащагося. Не здѣсь ли искать объясненія низкопоклонства и вранья: тамъ, гдѣ 72% мужчинъ неграмотны, а среди женщинъ грамотныхъ только 0,7%, трудно искать уваженія къ себѣ. Если далѣе взять за одну скобку губерніи средняго черноземнаго района (Полтавскую, Харьковскую, Воронежскую), считая ихъ за губерніи малороссійскія, а за другую великороссійскія губерніи, то окажется, что среди малороссовъ процентъ безграмотныхъ семей нѣсколько меньше, но разница на столько незначительна, что не въ неграмотности причина малаго со стороны великоросса къ себѣ уваженія. Вѣроятно, исторія тому причиной: потомки вынесшихъ на своихъ плечахъ всю тяжесть

домостроевщины московскаго періода нашей исторіи, не могутъ сразу забыть завѣты старины. Но и потомки запорожцевъ не забываютъ того, какъ въ оно время союзники-москвичи стали ихъ владыками, не забываютъ и долго не забудутъ, хотя жизнь съ каждымъ годомъ все болѣе спѣшитъ уничтожить разницу между ними. Подтверждаютъ ли цифры хотя сколько-нибудь легенду о хохлацкомъ салѣ? Если хотите, до извѣстной степени—да. Переселенцы-малороссы 1896 года въ общемъ нѣсколько богаче переселенцевъ-великороссовъ: на одного малоросса багажа приходится на сумму 2 р. 90 к., тогда какъ багажъ великоросса составляетъ только 1 р. 90 к. Съ другой стороны, среди малороссовъ 24% имѣли багажа свыше 30 пуд., тогда какъ великороссы этихъ счастливцевъ насчитывали только 14%. И вообще богаче, да и богатыхъ среди нихъ больше. Но любопытная черта: въ то время, какъ великороссы-общинники истратили на угощеніе міра для полученія права покинуть дорогую родину только 5% всѣхъ расходовъ по сбору на переселеніе, малороссы ухитрились довести эту цифру до 8%.

Этими бѣглыми замѣчаніями авторъ и оканчиваетъ свой краткій очеркъ того, что онъ видѣлъ въ Сибири въ 1896 году и что сказалъ ему поверхностный просмотръ «цифрового матеріала». Но думается ему, что не безъинтересно здѣсь же привести отзывъ другого лица, наблюдавшаго переселенцевъ въ 1896 году. Современные переселенцы,—пишетъ статсъ-секретарь Куломзинъ,—«люди миролюбивые, всѣ душевныя силы которыхъ направлены исключительно на удовлетвореніе чувства домовитости, не успѣвшаго заглохнуть среди недостаточной обстановки на родинѣ, но въ то же время люди, съ одной стороны энергичные, предпріимчивые, умѣющіе постоять за себя и бороться, съ разными невзгодами, а съ другой—безпокойные, недовольные существующими порядками, не умѣющіе и не желающіе примириться съ извѣстнымъ правомѣрнымъ строемъ и постепенно усиливающеюся въ Европейской Россіи законностью, словомъ, такіе же, какъ и тѣ древніе завоеватели, благодаря которымъ росла, расширялась Русская Земля».

А. Омельченко.

ИЗЪ ПУТЕВОГО АЛЬБОМА.

1. Учанъ-Су.

Свѣжѣе вѣетъ воздухъ горный,
Невнятный шумъ идетъ въ лѣсу:
Поетъ веселый и проворный,
Со скалъ летящій Учанъ-Су!
Глядишь—и точно застывая,
Но въ то же время ропотъ свой,
Свой легкій бѣгъ не прерывая,—
Прозрачной пылью снѣговой
Несется внизъ струя живая,—
Какъ тонкій флеръ, сквозитъ огнемъ,
Скользитъ со скалъ фатой вѣнчальной
И вдругъ и пѣной, и дождемъ
Свергаясь въ черный водоемъ,
Бушуетъ влагою хрустальной...
А горы въ синей вышинѣ!
А южный боръ и сосенъ шепотъ!—
Подъ этотъ шумъ и влажный ропотъ
Стоишь, какъ въ свѣтломъ полуснѣ!

2. По вечерней зарѣ.

Засинѣли, темнѣютъ равнины...
Далеко-далеко въ тишинѣ
Колокольчикъ поетъ, замирая...
Мнѣ грустнѣй и больнѣе вдвойнѣ.

Вотъ ужъ звукъ его плачетъ чуть слышно;
Вотъ и пыль надъ просторомъ нѣмымъ,
По широкой пустынной дорогѣ,
Опускаясь, темнѣетъ, какъ дымъ...

Но душа еще ждетъ и тоскуетъ...
О, зачѣмъ ты и ночью, и днемъ
Вспоминаешься мнѣ такъ призывно?..
Отчего ты—вездѣ и во всемъ?

Вслѣдъ зарѣ, уходящей къ закату,
Умирающимъ звукамъ во слѣдъ,
Посылаю тебѣ мою душу,—
Мой печальный и нѣжный привѣтъ!

---

3. Утро.

Тихъ и чутокъ предразсвѣтный часъ,
Полны тайны утреннія зори!
На востокѣ, точно въ свѣтломъ морѣ,
Блескъ звѣзды играетъ, какъ алмазъ.

Высоко поднялся и бѣлѣетъ
Полумѣсяцъ въ блѣдныхъ небесахъ...
Сумракъ ночи прячется въ лѣсахъ...
Изъ долинъ зеленыхъ утромъ вѣетъ.

Вѣетъ юной радостью съ полей...
Льется, какъ серебряное пѣнье,
Звонъ костела, славя воскресенье...
Разгорайся новый день свѣтлѣй!

Выйди въ небо, солнце, безъ ненастья,
Возродися въ блескѣ и теплѣ,
Возвѣсти опять по всей землѣ,
Что вся жизнь—день радости и счастья!

---

4. Въ лѣсахъ надъ Десною.

Вдали еще гремитъ, но тучи ужъ свалились,—
Какъ горы дымныя, идутъ онѣ на югъ...
Опять лазурь ясна, опять весна вокругъ,
И яркимъ солнцемъ чащи озарились.

Изъ-за лѣсныхъ вершинъ далекой церкви шпицъ
Горячимъ золотомъ трепещетъ и сверкаетъ,
Звенятъ въ низахъ ручьи и льется пѣнье птицъ...
А на полянахъ снова припекаетъ.

Густѣетъ облаковъ волнистое руно,
Они сдвигаются, спускаются все ниже—
И вотъ ужъ солнца нѣтъ: опять въ лѣсу темно,
Дождь зашумѣлъ—и все слышнѣй и ближе!

Нахохлясь, птицы спятъ и тихо лѣсъ стоитъ,
И точно чувствуетъ, счастливый и покорный,
Какъ много свѣжести и силы благотворной
Весенняя гроза въъ себѣ таитъ!

---

5. Въ морѣ.

Отчего ты печально, вечернее небо?
Оттого ли, что жаль мнѣ земли,
Что пустынно синѣетъ безбрежное море
И скрывается солнце вдали?

Отчего ты прекрасно, вечернее небо?
Оттого-ль, что далеко земля,
Что съ прощальною грустью закатъ угасаетъ
На косыхъ парусахъ корабля,

И шумятъ тихимъ шумомъ вечернія волны
И баюкаютъ пѣсней своей
Одинокое сердце и грустныя думы
Въ безпредѣльномъ просторѣ морей?

Ив. Бунинъ.

ПОБѢДА.

ПОВѢСТЬ.

(*Продолженіе* *).

IV.

5-го августа Барановъ долженъ былъ представляться своему начальству. Онъ всталъ въ восемь часовъ утра и очень былъ изумленъ, когда въ этотъ часъ къ нему постучали въ дверь и неожиданно явился Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Я, братъ, Василій Григорьевичъ, сегодня поднялся въ шесть часовъ и первымъ поѣздомъ пріѣхалъ сюда.

— Зачѣмъ же?—съ удивленіемъ спросилъ Барановъ.

— А какъ же? Сегодня тебѣ предстоитъ такой важный шагъ. Я долженъ тебя наставить. Вѣдь ты ребенокъ. Ты людей совсѣмъ не знаешь.

— А зачѣмъ ихъ знать?—спросилъ Барановъ.—Я назначенъ, вотъ и все, и буду исполнять свои обязанности.

— Ну, нѣтъ, братъ, это не такъ просто,—исполнять обязанности! Гм!.. Еслибъ только надо было исполнять обязанности...

— А что же еще?

— Да вѣдь надо съ людьми считаться. У тебя будетъ начальство, ты будешь подчиненный. Надо, братъ, умѣть лавировать...

— Ну, лавировать-то я совсѣмъ не умѣю!—сказалъ Барановъ.

— Ну, разумѣется, не умѣешь, откуда-жь тебѣ было научиться? Студентомъ ты жилъ въ своей канурѣ, ни съ кѣмъ не сходился, жизни не узналъ, а я все-таки кое-что знаю, я и всѣхъ въ Петербургѣ знаю, хоть и не знакомъ, а такъ слышалъ о людяхъ. Вотъ и директора твоего знаю. Онъ человѣкъ старый. Лѣтъ сорокъ уже на этой службѣ педагогической, ну и, значитъ, собаку съѣлъ. Глаза у него пронзительные, будетъ лѣзть тебѣ въ самую душу, но ты не впускай. Въ разговорахъ будь кратокъ,

---

*) См. «Міръ Божій», № 7

не распространяйся. Можетъ, твоя душа и хорошая, да вѣдь, Богъ его знаетъ, нужна ли ему хорошая? Можетъ, ему какъ разъ дрянная душа надобна. Говори все то, что говорятъ обыкновенно. Вродѣ какъ вотъ въ прописяхъ написано. Тамъ ужъ все такое, что всякъ долженъ одобрить. Ничего отъ себя не высказывай, а то еще невпопадъ скажешь, Богъ съ нимъ. И инспектора тоже знаю. У него пріемъ есть: сейчасъ старается въ дружбу войти, такъ—этакъ простотой обвораживаетъ, а потомъ, чуть-что, на дыбы становится. Такъ ты старайся найти среднюю линію. Разумѣется, показывай и свое достоинство, но только не очень. Этого, братъ, не любятъ. Ну, вотъ тебѣ и все.

Барановъ напился чаю, надѣлъ вицъ - мундиръ и когда посмотрѣлъ въ зеркало, то ему почему-то сдѣлалось стыдно,—такимъ страннымъ онъ показался себѣ въ этомъ костюмѣ. Затѣмъ онъ причесалъ свои длинные волосы, взялъ чистый, еще не стиранный платокъ, надѣлъ сверху пальто и они вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ вышли. Тутъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ пошелъ на службу, а онъ отправился въ гимназію одинъ. Документы его уже давно были въ гимназіи, онъ былъ совсѣмъ зачисленъ. Это была совсѣмъ не та гимназія, гдѣ онъ учился. Ему представлялся случай взять въ ней мѣсто, но онъ выбралъ другую. Ему показалось, что тамъ у него будетъ тяжелое воспоминаніе о томъ, какъ онъ корпѣлъ надъ книжками въ теченіе многихъ лѣтъ въ качествѣ казеннокоштнаго воспитанника.

Но когда онъ вошелъ, на него какъ будто пахнуло тѣми же самыми воспоминаніями. Этотъ обширный вестибюль съ множествомъ вѣшалокъ, на которыхъ кое-гдѣ висѣли пальто и фуражки гимназистовъ, наверху дѣтскій говоръ, тяжелый спертый воздухъ. Все это было такъ похоже на то, что самъ онъ переживалъ много лѣтъ тому назадъ; на площадкѣ второго этажа на минуту появилась и потомъ исчезла сухощавая тонкая фигура воспитателя въ вицъ-мундирѣ.

Собрались еще немногіе гимназисты, только тѣ, которые поступали, и тѣ, у которыхъ были передержки. Но странное онъ испытывалъ ощущеніе, когда швейцаръ снималъ съ него пальто. Онъ испытывалъ не тягостное чувство, а, напротивъ, какое-то торжественное и горделивое. Еще бы! Прежде онъ входилъ въ гимназію, какъ скромный, забитый, заморенный воспитанникъ, зависѣвшій отъ всѣхъ и боявшійся всѣхъ, а теперь онъ преподаватель, отъ котораго уже многіе зависятъ.

Швейцаръ, хорошо разглядѣвшій его вицъ-мундиръ, уже заранѣе обнаружилъ почтительность къ нему. Онъ объяснилъ, что ему надо видѣть директора.

— Изволите у насъ служить?—спросилъ швейцаръ.

— Да, буду служить,—отвѣтилъ Барановъ.

— Извольте подняться наверхъ, а потомъ направо по коридору будетъ первая дверь. Это кабинетъ директора.

Онъ поднялся и нашелъ дверь, о которой говорилъ швейцаръ. Тамъ стоялъ слуга, который тоже почтительно поклонился ему и спросилъ, какъ доложить о немъ.

— Барановъ,—сказалъ онъ, и слуга черезъ минуту пригласилъ его къ директору.

Директоръ былъ громоздкій мужчина съ густыми сѣдыми волосами, низко остриженными, съ сѣдыми баками, съ нависшими бровями. Онъ сидѣлъ за столомъ. Барановъ вошелъ, остановился и наклонилъ голову. Директоръ смотрѣлъ въ окно и точно и не хотѣлъ поднять на него глаза и разглядѣть.

— Что прикажете?—спросилъ онъ густымъ басистымъ голосомъ и трудно было понять, въ самомъ ли дѣлѣ онъ принималъ его за посторонняго посѣтителя, или прикидывался.

— Я... я представиться пришелъ. Я Барановъ, назначенъ преподавателемъ въ здѣшней гимназіи исторіи...

— А, ну, извините...

И директоръ, не вставая изъ-за стола, протянулъ ему руку, потомъ указалъ ему на стулъ.

Барановъ сѣлъ.

— Вы, кажется, только что кончили курсъ?—спросилъ директоръ.

— Да, въ этомъ году,—отвѣтилъ Барановъ.

Директоръ неодобрительно покачалъ головой.

— Не люблю я этого. Всегда протестовалъ, да ничего не подѣлаешь...

„Чего это онъ не любитъ?“ мысленно спросилъ себя Барановъ.

А директоръ самъ объяснилъ:

— Только что со скамейки, самъ школьникъ,—что онъ можетъ преподавать? Надо знать дѣтскую душу, а для этого надо много лѣтъ возиться съ дѣтьми. Ну, вы, напримѣръ, вы знаете дѣтскую душу?

Барановъ смѣшался.

— Н-нѣтъ... Я не могу сказать, чтобы зналъ. Я еще не успѣлъ...

— Ну, вотъ то-то и оно. Притомъ, надо имѣть принципы. Вы имѣете принципы?

— Разумѣется,—отвѣтилъ Барановъ.

— Я не имѣю права допрашивать васъ, но долженъ вамъ сказать, что принципы у насъ проводятся строгіе: каждый долженъ дѣлать свое дѣло и больше ничего. Вы, напримѣръ, назна-

чены преподавать исторію и преподавайте исторію. Другой назначенъ преподавать греческій языкъ и преподавай греческій языкъ. Понятно? Въ программѣ сказано: въ такомъ-то классѣ надо обучать: образованію словъ, частямъ рѣчи, синтаксису, склоненію и спряженію,—и изволь преподавать образованіе словъ, части рѣчи, синтаксисъ, склоненіе и спряженіе—и ничего больше. Понимаете? Ничего!

У Баранова въ головѣ бродили разныя мысли и сопоставленія, въ особенности сопоставленіе строгихъ принциповъ съ требованіемъ знанія дѣтской души, но онъ вспомнилъ наставленіе Θедора Θедоровича о томъ, чтобы говорить только то, что говорятъ всѣ, и сказалъ:

— Безъ сомнѣнія, я долженъ дѣлать то, что означено въ программѣ.

Въ это время отворилась дверь и вошелъ глубокій брюнетъ съ густой черной бородой, съ курчавыми волосами.

Что-то не русское было у него въ лицѣ. Барановъ поднялся. Директоръ представилъ его.

— Вотъ кстати я васъ и нашему инспектору представлю! Вотъ, Эдуардъ Максимовичъ, это господинъ Барановъ, который будетъ исторію преподавать.

— А, такъ это не вы на греческій языкъ назначены?—сказалъ инспекторъ, подавая ему руку.—Онъ тоже изъ молодыхъ, но уже опоздалъ—это нехорошій признакъ. Я вѣдь греческій преподаю въ старшихъ классахъ, а другой въ младшихъ; онъ будетъ приготовлять для меня. Впрочемъ, все по программѣ. У насъ все по программѣ! Надѣюсь, мы будемъ дружить?—прибавилъ онъ и при этомъ улыбнулся и показалъ свои чудные бѣлые зубы.

Барановъ, находя, что уже достаточно представился начальству, сталъ откланиваться, и, когда онъ уже подошелъ къ двери, директоръ остановилъ его.

— Вы можете уже получить ваше жалованье,—сказалъ онъ. Зайдите въ канцелярію и тамъ вамъ напишутъ ордеръ.

Онъ зашелъ въ канцелярію. Это была небольшая комната, гдѣ за столикомъ сидѣлъ письмоводитель—широкоплечій человѣкъ съ баками, похожими на директорскія, и съ нависшими бровями, тоже какъ у директора. Въ первую минуту онъ посмотрѣлъ на Баранова исподлобья, но потомъ какъ-то очень быстро освоился и когда писалъ ордеръ, то въ это время говорилъ.

— Что, батенька, пробралъ васъ директоръ?

— Какъ пробралъ? За что?

— Вотъ новости... Развѣ надо, чтобъ было за что? Онъ у насъ это ходитъ-ходитъ изъ угла въ уголъ, дѣлать ему нечего. У насъ все инспекторъ дѣлаетъ, ну, придетъ и проберетъ...

— Кого же?

— Все равно. Онъ поочереди. Ну, а инспекторъ въ душу вамъ влѣзъ?

— Нѣтъ, ничего такого,—сказалъ Барановъ.

— Ну, еще влѣзетъ. А только онъ, знаете, какъ ежъ. Знаете, у ежа колючки такія,—когда-онъ влѣзаетъ, такъ ничего, гладко, а какъ только назадъ, такъ колючки сейчасъ растопырятся и больно колятъ. Ну, вотъ и ордеръ готовъ, вы посидите минутку, я снесу его директору подписать.

Онъ сходилъ къ директору и затѣмъ вернулся съ подписаннымъ ордеромъ.

— А теперь извольте получить у казначея.

Когдъ онъ хотѣлъ уже уходить, явился высокій худощавый блондинъ съ длинными усами и тоже получилъ ордеръ, который уже былъ заранѣе приготовленъ.

— Это нашъ математикъ, — сказалъ письмоводитель, когда тотъ ушелъ,—шельма, я вамъ скажу,—у директора свой человѣкъ. Кажется, на его дочкѣ женится. Въ инспектора мѣтитъ. Это я вамъ потому говорю, что вы новый человѣкъ, такъ вамъ надо все это знать.

Получивъ деньги у казначея, онъ пошелъ внизъ. Когда онъ спускался по лѣстницѣ, то испытывалъ какую-то необъяснимую радость. Онъ показался бы самъ себѣ страннымъ, если бы могъ видѣть себя со стороны. На лицѣ его было сіяніе и ему смутно представлялось, что рядомъ съ нимъ бѣжитъ маленькій мальчикъ въ мѣшковатомъ казенномъ мундирѣ, блѣдный и заморенный, такой, какимъ былъ онъ въ гимназіи, несчастный мальчикъ, всего и всѣхъ боявшійся и отъ каждаго, кого ни встрѣчалъ, ожидавшій суроваго возмездія.

И вѣдь главное, что все, рѣшительно все совершается такъ, какъ надо, какъ у другихъ, которымъ онъ завидовалъ и которые были его идеаломъ, такъ, какъ онъ мечталъ всю предшествующую жизнь. И директоръ, и инспекторъ, и даже этотъ странный письмоводитель, видимо, признали его и онъ уходилъ отсюда уже съ полными правами считать себя членомъ общества.

Швейцаръ выразилъ теперь ему еще больше почтительности. Онъ, самъ не зная почему, вынулъ изъ кармана мелочь и далъ ему на чай. Даже швейцаръ, привыкшій къ подачкамъ, изумился такой странной щедрости, но взялъ и началъ низко кланяться ему. Очевидно, онъ думалъ, что этотъ новый преподаватель будетъ щедръ и станетъ постоянно давать ему на чай. Швейцару необязательно быть психологомъ.

Барановъ надѣлъ пальто и вышелъ на улицу. Пройдя полдороги, онъ вдругъ остановился. Ему навстрѣчу шелъ Монголовъ.

— Какъ? Развѣ ты еще здѣсь?—спросилъ Барановъ.—Вѣдь ты, кажется, назначенъ въ провинцію?

— Да, назначенъ въ провинціальный городъ,—отвѣтилъ Монголовъ.

— Почему же ты до сихъ поръ не уѣхалъ.

— Да такъ... Не успѣлъ...

При этомъ Монголовъ замялся и видимо что-то скрывалъ. А лицо у него было грустное. Барановъ очень хорошо чувствовалъ это, но въ первую минуту не хотѣлъ разспрашивать его.

— Я думаю, тебѣ очень тяжело уѣзжать изъ Петербурга,—сказалъ онъ.

— Напротивъ, я съ наслажденіемъ уѣхалъ бы поскорѣе... Я именно радъ, что меня назначили въ провинцію.

— Что-жъ тутъ хорошаго? Провинція, вѣдь это пустыня.

— А для меня Петербургъ пустыня. Я прожилъ здѣсь четыре года и почти ни съ кѣмъ не познакомился. Я что-жъ... Я просто работникъ и больше ничего. Здѣсь люди все важные, а я съ важными людьми не умѣю.., а провинцію я знаю, я вѣдь самъ оттуда. Тамъ люди проще. Мнѣ легче будетъ.

Когда они вошли въ квартиру Баранова, Монголовъ очень долго удивлялся обстановкѣ, которая казалась ему необыкновенно дорогой и изящной.

— Не понимаю, зачѣмъ тебѣ двѣ комнаты, когда можно жить и въ одной,—говорилъ онъ.—Вотъ я, когда пріѣду на мѣсто, найму, что-нибудь такое, что есть самаго дешеваго въ городѣ.

— Да зачѣмъ же такъ стѣснять себя? Неужели тебѣ не надоѣло жить въ трущобѣ?—спросилъ Барановъ.

— Мало что надоѣло! Да у меня ужъ такая особая теорія жизни: я далъ себѣ слово экономить во всемъ и постоянно откладывать. Откладывать все, что только возможно, ничего себѣ не позволять лишняго. Вѣдь какъ трудно было добиться! Человѣкъ не знаетъ, что будетъ съ нимъ завтра, а въ особенности такой маленькій незначительный человѣкъ, какъ я. Я и такъ постоянно боюсь, что не такъ ступилъ, не такой жестъ сдѣлаю. Вѣдь какъ-нибудь обмолвишься по неопытности и прогонятъ тебя. Такъ вотъ на черный день. Да, на черный день, на черный день!

И эти слова онъ произносилъ какъ то трагически. Такъ что сейчасъ же „черный день" рисовался воображенію въ видѣ темной мрачной фигуры съ потухшими глазами.

Не широкія задачи были у Баранова, но даже и ему этотъ смиренный товарищъ показался жалкимъ.

„По всей вѣроятности, ему еще хуже было, чѣмъ мнѣ", подумалъ Барановъ.

И у него явилось желаніе поразспросить Монголова о его прошломъ.

— Отецъ у меня—дьячекъ деревенскій,—объяснилъ Монголовъ,—а мать давно умерла, такъ вотъ отецъ и сталъ пьянствовать съ горя и ужь не знаю, что, но что-то такое преступилъ противъ правилъ духовныхъ. Его лишили должности и посадили въ монастырь на покаяніе, а меня взяли на казенное. Очень было тяжело жить... Пару сапогъ казенныхъ выдавали на цѣлый годъ, а кормили жареными тараканами.

— А какъ ты попалъ въ университетъ? Вѣдь семинаристовъ уже не принимаютъ.

— Готовился отъ себя. Инспекторъ слѣдилъ постоянно и страшно мѣшалъ. Они не любятъ этого, когда кто-нибудь званіе покидаетъ. Увидитъ съ геометріей въ рукахъ, сейчасъ допрашиваетъ. Зачѣмъ да почему? Ну, бывало, заберешься въ такое мѣсто, что даже сказать неприлично, и сидишь тамъ по два часа съ геометріей въ рукахъ и зубришь. Потомъ держалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Ну, ужъ что это было за время, такъ даже и вспомнить страшно. Четырнадцать ночей почти не спалъ. Знакомые принимали за сумасшедшаго. Зазубрился до того, что когда спрашивали меня о погодѣ, я отвѣчалъ правило о винительномъ съ неопредѣленнымъ. Выдержалъ экзаменъ и мѣсяца полтора пролежалъ.

— Заболѣлъ?

— Да какъ тебѣ сказать? Въ сущности и болѣзни никакой не было, а просто такъ, не могъ двинуться. Весь окоченѣлъ. Ну, а потомъ ничего, поправился и поступилъ въ университетъ. Ну, что-жъ, поговорили и прощай!—прибавилъ Монголовъ и какъ-то сумрачно протянулъ руку.

— Да ты погоди, вмѣстѣ выйдемъ. Ты вотъ, что скажи мнѣ,— прибавилъ Барановъ, видя его мрачное настроеніе,—почему ты не могъ до сихъ поръ уѣхать?

— Почему? Да очень просто: денегъ на дорогу нѣтъ.

— И много надо денегъ?

— Самыя пустяки, что-то около девяти рублей.

— Неужели ты не могъ достать такой суммы?

— Не могъ. У меня рѣшительно никого нѣтъ. Мнѣ даже слѣдуетъ тамъ по гимназіи, да только, говорятъ, на мѣстѣ получите.

— Послушай, Монголовъ, возьми у меня эти деньги, я сегодня получилъ. А потомъ пришлешь или какъ-нибудь иначе...

Монголовъ покраснѣлъ и смѣшался.

— Да я, признаться, давно уже думалъ обратиться къ тебѣ, да не зналъ, гдѣ ты живешь.

— Ну, вотъ и отлично, такъ возьми пожалуйста.

— Хорошо, спасибо. Я пришлю тебѣ сейчасъ же, какъ только получу первое жалованье.

Барановъ далъ ему десять рублей и они вмѣстѣ вышли на улицу. По дорогѣ они простились. Барановъ направился на финляндскій вокзалъ, ему никогда еще такъ не хотѣлось быть у Ѳедора Ѳедоровича, какъ сегодня, именно когда онъ представился начальству и получилъ первое жалованье. Онъ зашелъ въ фруктовый магазинъ и купилъ кое-какихъ закусокъ, бутылку вина и конфекты.

Съ этой ношей онъ явился на вокзалъ и встрѣтилъ тамъ Ѳедора Ѳедоровича. Онъ зналъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ обыкновенно ѣздитъ домой этимъ поѣздомъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ взглянулъ на свертокъ и сразу понялъ, что все значитъ обошлось благополучно и, конечно, тотчасъ же бросился лобызать Баранова.

— И денегъ дали!—сказалъ Барановъ.—Даже не ожидалъ этого. Оказалось, что я уже считаюсь на службѣ...

— Зачѣмъ же ты, Василій Григорьевичъ, балуешь насъ этими пустяками? Развѣ можно тебѣ тратиться? Вѣдь у тебя вексель.

— Есть и на вексель. Я даже сегодня одному товарищу взаймы десять рублей далъ. Вотъ возьмите половину и отдайте или спрячьте.

Всю дорогу Ѳедоръ Ѳедоровичъ распрашивалъ его о пріемѣ у директора и инспектора и ужасно радовался, что такъ правильно предупредилъ его. А главное, что ему было пріятно, это то, что Барановъ хоть одинъ разъ вспомнилъ его наставленія и воспользовался ими.

— Ага — говорилъ онъ, — пригодилось-таки, пригодилось. Нѣтъ, братъ, я все-таки не даромъ прожилъ жизнь. Научился-таки отъ нея кое-чему. Научился-таки? Э, да ты что это? Въ вицъ-мундирѣ?

Барановъ разсмѣялся.

— Я нарочно хотѣлъ показаться въ немъ всѣмъ вамъ... и Варѣ...

— Да вѣдь истреплешь. Вицъ-мундиръ долженъ быть всегда въ порядкѣ, а то ежели начнешь въ тряпки одѣваться, сейчасъ же косо смотрѣть будутъ и уваженія будетъ меньше.

Безъ сомнѣнія, Барановъ не питалъ надежды, что вицъ-мундиръ можетъ подкупить Варю и склонить ее на его сторону. Но все-таки она увидитъ воочію, что это совершилось. А онъ считалъ это важнымъ.

Всѣ нашли его очень смѣшнымъ въ вицъ-мундирѣ и хохо-

тали. Обѣдъ былъ оживленный, благодаря привезеннымъ дарамъ. У Өедора Өедоровича всегда въ домѣ была водка и Барановъ выпилъ съ нимъ одну рюмку.

— Не хватить ли намъ еще по одной?—на радостяхъ предложилъ Өедоръ Өедоровичъ.

Барановъ уже готовъ былъ согласиться, но Варя мягко отклонила его.

— Нѣтъ, Василій Григорьевичъ, лучше не пейте. Вы скоро слабѣете.

— Что-жъ, это значитъ? Я не пьяница!—отвѣтилъ Барановъ.

— Я этого никогда и не думала.

А все-таки Барановъ второй рюмки не выпилъ. Ему даже было пріятно, что Варя подумала о немъ и оказала ему вниманіе.

Семейство Өедора Өедоровича скоро тоже собиралось переѣзжать въ городъ. У нихъ не было квартиры. Ради экономіи они всякій годъ лѣтомъ бросали квартиру. И каждый годъ приходилось искать ее вновь. Өедоръ Өедоръ уже давно началъ ходить передъ службой и послѣ службы по дальнимъ улицамъ петербургской стороны. Дачная погода портилась.

Барановъ долженъ былъ почти каждый день посѣщать гимназію. Хотя уроки еще не начались и должны были начаться только послѣ пятнадцатаго, но новый учитель греческаго языка не явился и его попросили быть ассистентомъ. По греческому языку было такое множество передержекъ во всѣхъ классахъ, что ихъ надо было распредѣлить на нѣсколько дней. Оказалось, что инспекторъ, Эдуардъ Максимовичъ Швекъ, нещадно рѣзалъ учениковъ на экзаменѣ. Это была его спеціальность.

Странное ощущеніе испытывалъ Барановъ, когда въ первый разъ пришелъ на передержку въ качествѣ ассистента. Въ обширной комнатѣ на скамьяхъ сидѣло десятка полтора мальчиковъ и у всѣхъ было на лицахъ выраженіе страха. Столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, на немъ большая чернильница. Передъ нимъ лежитъ списокъ учениковъ. Ученики выходятъ къ столу, скандируютъ Гомера, переводятъ, разбираютъ, а онъ ставитъ отмѣтки.

Собственно онъ почти и не слышалъ, что отвѣчали ученики, въ головѣ его стоялъ какой-то туманъ, новое ощущеніе охватывало его всего и наполняло его грудь. Онъ смотрѣлъ въ журналъ, лежавшій передъ инспекторомъ, и машинально ставилъ тѣ же цифры, что и онъ.

Надо сказать правду, что инспекторъ никому не поставилъ меньше тройки, при этомъ онъ сказалъ Баранову тихо:

— Про меня говорятъ, что я строгій. Но я строгій только передъ лѣтомъ. Я оттого строгій передъ лѣтомъ, что хочу, чтобы

ученики все лѣто думали о греческой грамматикѣ, а осенью я не строгій.

И эта рѣчь сопровождалась улыбкой, полной довольства, инспекторъ очевидно былъ увѣренъ, что изобрѣлъ остроумный способъ отравлять греческимъ языкомъ даже лѣто своихъ питомцевъ и ожидалъ за это сочувствія.

Наконецъ, отслужили молебенъ и начали занятія. Былъ сѣрый день, дождь лилъ какъ разъ въ то время, когда Барановъ, надѣвъ сверхъ мундира пальто, шелъ въ гимназію на первый урокъ. Его лихорадило и неизвѣстно отчего. Оттого ли, что рано наступившій холодъ и сырость пронизывали его и проникали до самой спины, или его такъ волновалъ предстоящій дебютъ, несознанное чувство отвѣтственности. Состояніе духа его было прескверное. Ему почти не хотѣлось идти и онъ съ удовольствіемъ прошелъ бы мимо гимназіи.

Такъ бываетъ, когда, послѣ долгихъ колебаній, человѣкъ рѣшается пойти въ гости къ непріятнымъ людямъ. Все въ немъ говоритъ противъ этого и его личные вкусы, и качества тѣхъ людей, къ которымъ онъ идетъ, но для кого-нибудь изъ близкихъ или родныхъ это очень важно, это можетъ повліять на всю его жизнь. И вотъ онъ дошелъ до подъѣзда и что-то тянетъ его обратно, какое-то ощущеніе ненужности, ощущеніе дурнаго дѣла.

У Баранова не было такого яснаго представленія, а просто это выражалось отвратительнымъ состояніемъ духа. Даже низкій поклонъ швейцара нисколько не тронулъ его.

— Вотъ-съ и уроки начались!—началъ было швейцаръ, почтительно извиваясь передъ нимъ, но онъ посмотрѣлъ на него сурово и тотъ остановился.

Въ вестибюлѣ картина перемѣнилась; на всѣхъ крючкахъ ясеневой вѣшалки, тѣсно прижавшись одно къ другому, висѣли верхнія одежды гимназистовъ, а фуражки лежали надъ ними, на верхней доскѣ.

„Сколько ихъ“! мысленно произнесъ Барановъ и въ первый разъ послѣ университета у него явилось странное чувство жалости къ этимъ дѣтямъ, наполнявшимъ теперь классы.

И ему казалось, что это не пальто, а живые люди повѣшены на колышки и висятъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и будутъ такъ висѣть они, пока не раздастся послѣдній звонокъ, и тогда они, задыхающіеся, выйдутъ на свѣжій воздухъ.

Вспомнилъ онъ свои гимназическіе годы, но не со злобой, какъ прежде, а съ жалостью къ самому себѣ, тому заморенному мальчику, который, когда еще былъ живъ его отецъ, тоже вѣшалъ свое пальто на такомъ же крючкѣ и когда оставался безъ пальто, то оказывался тоненькимъ, худенькимъ, маленькимъ и по-

томъ шелъ наверхъ съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто шелъ на казнь. Вспомнилъ онъ почему-то то время, когда онъ больше всего на свѣтѣ боялся учителя исторіи, который все чего-то требовалъ отъ него и онъ не могъ понять, чего именно, а потомъ оказалось, что требовалъ онъ самой пустой вещи и просто не умѣлъ объяснить, и за то, что не умѣлъ объяснить, ставилъ ему двойку, а когда онъ приносилъ отмѣтки домой, то отецъ огорчался и даже иногда плакалъ.

Все это смутно носилось въ его головѣ. И вотъ теперь онъ идетъ уже самъ въ качествѣ учителя той же исторіи. Онъ побѣдилъ не только исторію, а цѣлый факультетъ. Но сегодня это не доставляло ему торжества, а, напротивъ, какъ-то давило его.

Онъ явился въ учительскую и у него было ощущеніе перваго раза. Онъ бывалъ въ ней во время экзаменовъ, но тогда тутъ было пусто.

Когда онъ вошелъ, комната была полна табачнаго дыма. Въ туманѣ онъ разглядѣлъ только пять вицъ-мундировъ. Широкій низенькій господинъ съ лысиной сидѣлъ у стола и читалъ газету. При его появленіи онъ поднялъ глаза, посмотрѣлъ сквозь очки внимательно и потомъ опять сталъ читать газету. Двое—высокій брюнетъ съ гладко-выбритымъ лицомъ, худощавый, красивый,—и пожилой, тоже высокій, съ сѣдыми волосами, но громоздкій, съ лицомъ сильно обросшимъ—стояли у окна и разговаривали. Еще одинъ, съ совершенно дѣтской фигурой, съ безволосымъ лицомъ, но лысый, нервно бѣгалъ по комнатѣ и фалды его фрака болтались и издавали такой звукъ, какъ паруса, колеблемые вѣтромъ. Наконецъ, къ его изумленію, въ самомъ дальнемъ углу онъ разглядѣлъ знакомое лицо и когда подошелъ ближе, то узналъ Акульскаго.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ обрадованнымъ голосомъ и протянулъ Акульскому руку. И почему-то онъ инстинктивно сразу перешелъ на вы.

Онъ не любилъ Акульскаго и никогда не радовался встрѣчѣ съ нимъ, но тутъ онъ почувствовалъ себя такимъ безпомощнымъ среди этихъ совершенно незнакомыхъ лицъ, что радъ былъ даже и этой встрѣчѣ.

— Вы тоже здѣсь?—спросилъ онъ съ удивленіемъ, потому что въ самомъ дѣлѣ не зналъ о назначеніи сюда Акульскаго.—Я никакъ не ожидалъ этого. Вѣдь, кажется, вы говорили мнѣ, что васъ назначили въ Новгородъ?

— Да, это было,—отвѣтилъ Акульскій—сперва я дѣйствительно былъ назначенъ въ Новгородъ, но потомъ... потомъ это перемѣнилось.

— Что-жъ вы будете преподавать?

— Я греческій языкъ въ младшихъ классахъ. Вы знакомы тутъ съ кѣмъ-нибудь?—тихо спросилъ его Акульскій.

— Нѣтъ, рѣшительно ни съ кѣмъ.

— Я просто не знаю, какъ и быть, никто здѣсь не знакомитъ. Сидишь, какъ чужой; я уже полчаса здѣсь сижу и не знаю, что дѣлать.

— Я съ инспекторомъ знакомъ и съ директоромъ,—сказалъ Барановъ,—а больше ни съ кѣмъ.

Всѣ, кто былъ въ комнатѣ, не обращали на нихъ никакого вниманія, а если кому и приходило въ голову взглянуть на нихъ, то это былъ холодный и безучастный взглядъ.

Вдругъ маленькій человѣчекъ съ странно болтавшимися фалдами фрака, продолжавшій нервно расхаживать по комнатѣ, остановился. Онъ посмотрѣлъ на обоихъ новичковъ, какъ будто вспомнилъ что-нибудь, касающееся ихъ и потомъ ринулся по направленію къ нимъ.

— Позвольте познакомиться,—нервнымъ, какимъ-то надорваннымъ голосомъ сказалъ онъ, протягивая руку сперва Баранову, потомъ Акульскому, — Свіяжскій, учитель географіи. Вѣдь мы товарищи, такъ надо... Не правда ли?

Барановъ и Акульскій назвали свои фамиліи и прибавили къ нимъ предметы, которые они читаютъ. Свіяжскій продолжалъ:

— Вижу, что никто на васъ вниманія не обращаетъ! Это странно, не правда ли? Новые люди, конечно—надобно ихъ пригрѣть... Но у насъ во всемъ равнодушіе-съ. Намъ до всѣхъ все равно-съ.

Барановъ и Акульскій съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ опасеніемъ слушали страннаго новаго знакомаго. Имъ казалось, что всѣ присутствующіе непремѣнно должны обидѣться его рѣчами. Но Свіяжскій не ограничился этимъ, а вдругъ еще болѣе неожиданно и какимъ-то взывающимъ голосомъ обратился къ остальнымъ преподавателямъ, какіе были въ комнатѣ.

— Господа, позвольте вамъ представить: вотъ-съ это господинъ Барановъ, исторію будетъ читать, а это господинъ Акульскій— греческимъ языкомъ будетъ затемнять головы мальчишекъ... Обратите ваше милостивое вниманіе. Они вѣдь новички...

Онъ говорилъ съ желчью и глаза его при этомъ смотрѣли довольно злобно. Тѣмъ не менѣе и двое, стоявшихъ у окна, и тотъ, который сидѣлъ за столомъ съ газетой, обратили вниманіе на новичковъ и, не смотря на странный саркастическій тонъ Свіяжскаго, познакомились съ ними и вступили въ разговоръ.

— Ага, ну вотъ и отлично! — сказалъ Свіяжскій.—Значитъ просто не догадались.

И затѣмъ онъ схватилъ подъ мышку портфель и убѣжалъ изъ комнаты. Двое, стоявшихъ у окна, громко разсмѣялись.

— Онъ чудакъ!—сказалъ одинъ изъ нихъ—Онъ большой чудакъ, этотъ Свіяжскій; вы не обращайте на него вниманія, господа; онъ вѣдь почти сумасшедшій.

— Да, онъ по какому-то недоразумѣнію находится на свободѣ и еще учитъ дѣтей...

„Однако, только благодаря этому сумасшедшему мы познакомились съ товарищами", подумалъ Барановъ и не повѣрилъ двумъ высокимъ господамъ, стоявшимъ у окна, что Свіяжскій сумасшедшій.

Акульскому надо было идти на урокъ черезъ нѣсколько минутъ. Его урокъ былъ въ десять часовъ, а у Баранова въ одиннадцать; онъ пришелъ слишкомъ рано. Раздался звонокъ. Акульскій вдругъ поблѣднѣлъ и, не сказавъ ни слова ни Баранову, ни другимъ, съ какимъ-то опущеннымъ, подавленнымъ видомъ вышелъ. Скоро послѣ него въ комнату заглянулъ инспекторъ и, убѣдившись, что Акульскаго уже нѣтъ, тотчасъ же ушелъ. Онъ пошелъ присутствовать на его первомъ урокѣ.

Скоро ушли и два господина, стоявшіе у окна. Барановъ сидѣлъ одиноко у края стола. Остался въ комнатѣ еще широкоплечій господинъ съ сѣдыми баками, который и теперь продолжалъ читать газету. Такъ прошло минутъ двадцать. Наконецъ, онъ посмотрѣлъ на часы, отложилъ газету и нѣсколько минутъ посидѣлъ молча.

Потомъ онъ вдохнулъ въ себя воздухъ, покрутилъ носомъ и, быстро поднявшись, подошелъ къ форточкѣ.

— Вамъ ничего?—спросилъ онъ, обращаясь къ Баранову и дѣлая жестъ, чтобы отворить форточку.

— Нѣтъ, я не боюсь, отвѣтилъ Барановъ.

— Здѣсь надобно-бы запретить портить воздухъ, въ такомъ небольшомъ помѣщеніи, гдѣ собирается иногда два десятка душъ... Можно ли допускать такое безобразіе? Вы курите?

— Очень мало.

— Совѣтую вамъ бросить совсѣмъ. Кстати, я хотя и познакомился съ вами, но не замѣтилъ, что вы будете преподавать.

— Я—исторію.

— Ахъ, исторію! А я русскій языкъ и словесность. Да, исторія это хорошо. Это предметъ интересный, живой. При желаніи и при умѣніи, можно преподаваніемъ ея благотворно дѣйствовать на дѣтскую душу. Да вотъ желаніе-то и умѣніе рѣдко бываетъ въ нашемъ братѣ.

— Желаніе, конечно...—нерѣшительно сказалъ Барановъ,—а умѣніе вѣдь дается практикой.

— Э, нѣтъ, батюшка мой, практика ничего не стоитъ. Если

кто тупъ, то отъ практики станетъ еще тупѣе. Ну, а вы какъ же, по призванію выбрали этотъ предметъ?

— Право, не знаю. Мнѣ кажется, что у меня нѣтъ никакого призванія...

— Но когда поступали въ университетъ, вы что-нибудь любили-же? И васъ влекло къ исторіи?

— Нѣтъ, меня больше влекло къ ботаникѣ.

— Такъ почему же вы избрали не естественный, а филологическій факультетъ?

— Да видите ли... У меня не было средствъ. Я хотѣлъ получить стипендію, а на филологическомъ легче...

— О, вотъ какъ?—воскликнулъ широкоплечій старикъ и даже, снявъ очки, протеръ ихъ, но потомъ опять надѣлъ, какъ бы для того, чтобы получше разсмотрѣть стоявшаго передъ нимъ собесѣдника.—Такъ вы вотъ что, молодой человѣкъ, я вамъ дамъ хорошій совѣтъ: подавайте-ка сейчасъ же въ оставку и ищите другого мѣста.

— То есть какъ же это?—нѣсколько смѣшавшись, спросилъ Барановъ.

— Да, такъ, именно, ищите другого мѣста.

— Что-жъ я могу найти? Вѣдь я къ этому готовился.

— Какъ что? Мало ли что? Вотъ по акцизу, напримѣръ. Теперь тамъ охотно берутъ и филологовъ, и юристовъ, и математиковъ. Впрочемъ, я, разумѣется, шучу; я даже не имѣю права давать вамъ подобные совѣты. Можетъ быть, изъ васъ выйдетъ хорошій преподаватель. Призваніе можетъ придти потомъ. А только я говорю, что если вы сдѣлались учителемъ единственно ради жалованья, то не стоитъ, право не стоитъ. Учительскій трудъ и отвѣтственный, и каторжный. А жалованье вѣдь вездѣ дадутъ, жалованья у насъ въ Россіи сколько угодно. Вотъ этотъ Свіяжскій, напримѣръ. Только что всѣ сказали, что онъ сумасшедшій, а я не раздѣляю этого взгляда; нѣтъ, онъ не сумасшедшій, а, какъ бы вамъ сказать, человѣкъ, желающій совмѣстить несовмѣстимое. У него широкіе взгляды, а онъ желаетъ ихъ совмѣстить съ программой, а у программы какіе же взгляды? И вотъ онъ всю жизнь бьется и истерзался въ конецъ. Другой, который поспокойнѣе, примиряется, а онъ не можетъ. Ну, вотъ это въ конецъ и разстроило его. Вотъ вы, напримѣръ, задавали себѣ вопросъ: какой свѣтъ вы внесете въ головы вашихъ питомцевъ? Вотъ у васъ первый урокъ. Сейчасъ вы пойдете и будете читать исторію совершенно неизвѣстнымъ вамъ дѣтямъ. Вѣдь у нихъ есть души и эти души представляютъ изъ себя, такъ сказать, tabula rasa. Что упадетъ на нее, то и отпечатлѣется, а что отпечатлѣется, то ужъ навѣки тамъ останется и приметъ участіе въ выработкѣ ихъ

міросозерцанія и затѣмъ повліяетъ на складъ всей его жизни. Такъ вѣдь это такая отвѣтственность! Позвольте же спросить, какая же у васъ руководящая идея? Ну, вотъ, хотя бы сегодня, передъ предстоящимъ вамъ урокомъ...

— Признаюсь, я не задавался этимъ!—очень скромно отвѣтилъ Барановъ:—Я держался программы.

— Да вѣдь программа конспектъ, не болѣе. Изъ программы можно сдѣлать какое угодно употребленіе. Ну, вотъ, у меня, напримѣръ Гоголь. Можно изъ „Ревизора“ сдѣлать все, что угодно, можно его повернуть и такъ, и этакъ. Можно, напримѣръ, сказать, что „Ревизоръ“ написанъ съ цѣлью осмѣять пороки чиновнической среды того времени и этимъ ограничиться. А можно взять шире, примѣнить къ современности. Программа этого не предусматриваетъ. Ну-съ, однако, вы меня простите, я разболтался; я, знаете, больше молчу здѣсь. Въ особенности, когда много народу, но иногда меня прорветъ, ну и если попадется охотникъ слушать, такъ я и разговариваю. Воробьевъ! Очень пріятно познакомиться!

И онъ ушелъ. Въ это время раздался звонокъ и стали одинъ за другимъ приходить учителя. У всѣхъ былъ удивительно спокойный и привычный видъ. Всѣ сейчасъ же закурили папиросы и снова комната наполнилась табачнымъ дымомъ.

Явился и Акульскій, и странное было у него лицо. Онъ точно похудѣлъ за этотъ часъ.

— Ну, что?—спросилъ его Барановъ.—Сошло хорошо?

— Сошло, ничего,—отвѣтилъ Акульскій какимъ-то слабымъ, утомленнымъ голосомъ,—но ощущеніе такое все время было, точно меня въ теченіе часа вели на казнь. По всей вѣроятности, это не будетъ каждый разъ повторяться. Должно быть отъ новизны.

Тутъ Барановъ вдругъ вспомнилъ, что и ему сейчасъ же предстоитъ первый урокъ и тоже почувствовалъ себя такъ, будто его сейчасъ поведутъ на казнь. Онъ вдругъ началъ трусить и пересталъ понимать то, что говорятъ вокругъ него. Къ нему кто-то обратился, онъ отвѣтилъ невпопадъ.

Собственно урокъ у него былъ приготовленъ. Ему предстоитъ говорить о крестовыхъ походахъ, а главное, придется говорить цѣлый часъ. Обыкновенно учитель, прежде чѣмъ говорить на тему будущаго урока, спрашиваетъ учениковъ, ставитъ имъ отмѣтки, на это уходитъ добрыхъ три четверти урока. Но у него еще ничего не задано, у него первый урокъ и онъ долженъ наполнить его разговоромъ.

И онъ чувствовалъ, что въ головѣ у него происходитъ странная путаница. Еще за четверть часа передъ этимъ онъ считалъ себя совершенно готовымъ къ первому уроку, а тутъ вдругъ ворвались новыя понятія, рѣшительно не идущія къ дѣлу. Припо-

миналось ему то, что говорилъ Воробьевъ,— что онъ долженъ внести свѣтъ въ головы учащихся, долженъ проявить широкій взглядъ. А между тѣмъ, онъ готовился по программѣ и съ этой стороны былъ безупреченъ. И вотъ всѣ эти соображенія какъ бы сбили его съ толку.

Между тѣмъ, уже раздался призывной звонокъ. Барановъ захватилъ журналъ и вышелъ изъ комнаты. Онъ шелъ по корридору и внимательно присматривался къ дверямъ, чтобы не ошибиться классомъ. Наконецъ, онъ вошелъ. Всѣ присмирѣли и сѣли по мѣстамъ. Онъ тоже занялъ свое мѣсто.

Въ классѣ стояла глубокая тишина. Онъ явственно чувствовалъ, что его разсматриваютъ и изучаютъ. Передъ нимъ были дѣти различнаго возраста, приблизительно отъ четырнадцати до семнадцати лѣтъ. У нѣкоторыхъ проростали уже небольшіе усики.

Въ головѣ у Баранова стояло: „общій взглядъ на состояніе Европы въ началѣ эпохи крестовыхъ походовъ". Эта фраза цѣликомъ стояла въ программѣ. И онъ, сообразуясь съ нею, приготовилъ общій взглядъ ровно настолько, чтобы хватило на цѣлый часъ. Ему очень хорошо было извѣстно состояніе Европы въ ту эпоху и въ головѣ теперь совершенно явственно возникали рубрики, на которыя онъ мысленно раздѣлялъ свою лекцію. Сперва онъ долженъ сказать о господствѣ папъ, о деспотическомъ вліяніи католицизма. Потомъ появляется Петръ Аміенскій, идетъ его біографія... Но затѣмъ между нимъ и учениками вдругъ какъ будто выростаетъ какая-то туманная стѣна.

Вѣдь странно въ самомъ дѣлѣ! Передъ нимъ сидятъ тридцать человѣкъ, которыхъ онъ въ первый разъ видитъ и они въ первый разъ его видятъ. Никто не знакомилъ его съ ними, они не знаютъ совершенно ни его характера, ни образа мыслей, никакихъ другихъ душевныхъ качествъ. Ему они тоже совсѣмъ неизвѣстны. Онъ не знаетъ, что у нихъ помѣщается въ головахъ, достаточно ли эти головы подготовлены для того, чтобы трактовать передъ ними объ этомъ предметѣ. Конечно, они перешли изъ класса въ классъ правильно, на основаніи отмѣтокъ. Но вѣдь этого еще мало. Когда мы говоримъ съ человѣкомъ въ частномъ домѣ или на улицѣ, мы непремѣнно такъ или иначе стараемся узнать, что онъ думаетъ о томъ, о чемъ идетъ рѣчь. И вотъ онъ вдругъ ни съ того ни съ сего начнетъ: „эпоху, извѣстную въ исторіи подъ именемъ эпохи крестовыхъ походовъ, можно характеризовать слѣдующимъ образомъ..."

Онъ явился къ нимъ со стороны, съ улицы, они ждали его и, можетъ быть, ждутъ, что онъ скажетъ имъ что-нибудь особенное и вдругъ первыя слова, которыя они услышатъ отъ него будутъ: „эпоху, извѣстную въ исторіи..." Не странно ли это?

Прошла минута молчанія. Онъ откашлялся. Еще одна минута,—онъ чувствуетъ, что у него въ головѣ нѣтъ ничего и даже какъ будто все больше и больше отдаляется отъ него эта знаменитая фраза, которую онъ такъ хорошо усвоилъ: „эпоху, извѣстную въ исторіи подъ именемъ...“ А на ея мѣсто становятся слова старика Воробьева о свѣтѣ, который онъ долженъ внести въ головы учащихся, о широкомъ взглядѣ, о призваніи, объ идеѣ... Какъ это глупо въ самомъ дѣлѣ, что онъ не приготовилъ хоть нѣсколько вступительныхъ словъ. Но что же онъ скажетъ? Ему рѣшительно нечего сказать. Онъ готовился по программѣ и по программѣ только и можетъ говорить.

И онъ вдругъ сдѣлалъ надъ собой страшное усиліе и началъ слишкомъ, можетъ быть, громко; но это легко было объяснить его волненіемъ.

— Эпоху, извѣстную въ исторіи подъ именемъ эпохи крестовыхъ походовъ, можно характеризовать слѣдующимъ образомъ...

И пошелъ, и пошелъ по программѣ такъ, какъ онъ приготовился дома. Пошелъ разговоръ о папахъ, о католицизмѣ, явился на сцену Петръ Аміенскій, подробно разсказывалъ онъ о его чудесахъ, о томъ, какъ женщины, одержимыя недугомъ, исцѣлялись отъ прикосновенія къ его одеждѣ, о его необыкновенномъ вліяніи на толпу, о его характерѣ, о краснорѣчіи и проч., и проч.

Онъ хорошо зналъ свой предметъ. Всѣ свѣдѣнія были еще свѣжи въ его головѣ, а въ особенности изъ этой эпохи. За эту эпоху онъ на экзаменѣ получилъ пять.

Вошелъ директоръ, сдѣлалъ знакъ ученикамъ, чтобы не вставали, его тоже успокоилъ жестомъ и сѣлъ на краю второй скамейки и слушалъ. Барановъ говорилъ гладко, очень рѣдко запинался и строго придерживался программы, по которой вчера приготовился.

И вдругъ, помимо его воли въ душѣ его, какъ разъ въ то время, когда онъ разошелся, произошелъ какой-то странный кризисъ. Онъ говорилъ приготовленныя слова, а въ голову его въ это время врывались вопросы. Къ чему это я говорю? Почему именно крестовые походы? Почему Петръ Аміенскій? А они слушаютъ, слушаютъ... А можетъ быть, имъ совсѣмъ это не интересно. Можетъ быть, передъ тѣмъ, какъ я пришелъ, ихъ головы были настроены совсѣмъ на другое? Можетъ быть, они интересовались комедіей Грибоѣдова или чѣмъ-нибудь изъ географіи?.. Потомъ они пойдутъ домой и будутъ зубрить. А можетъ быть, этого совсѣмъ не надо, а надо что-нибудь другое. Почему это такъ важно, именно—чтобы я говорилъ имъ о крестовыхъ походахъ?

И онъ началъ запинаться и вдругъ потерялъ нить. Но это продолжалось всего нѣсколько секундъ. И этому нельзя было при-

дать значенія, потому что такая заминка можетъ случиться со всякимъ, а въ особенности съ новичкомъ. Онъ вспомнилъ о программѣ, пункты которой ему были хорошо извѣстны, оправился и пошелъ дальше.

Онъ взглянулъ на часы, осталось всего пять минутъ. Тогда онъ закруглилъ періодъ, довольно удачно отыскалъ фразу для конца и попросилъ, чтобы ему дали учебникъ. Директоръ въ это время поднялся и вышелъ изъ класса. Барановъ разсмотрѣлъ учебникъ и показалъ ученикамъ, сколько страницъ они должны приготовить къ слѣдующему разу; раздался звонокъ и урокъ кончился.

Только когда Барановъ вышелъ въ корридоръ, онъ почувствовалъ, какъ дорого ему обошелся этотъ первый урокъ. Потъ лилъ съ него градомъ, онъ былъ весь мокрый, длинныя пряди волосъ прилипли къ его вискамъ.

Придя въ учительскую, онъ съ звѣрскимъ аппетитомъ выкурилъ двѣ папиросы къ ряду, чѣмъ оченъ удивилъ Воробьева, недавно еще узнавшаго отъ него, что онъ куритъ мало. Перемѣна была очень маленькая, скоро раздался новый звонокъ, и Баранову уже нужно было идти на второй урокъ. Теперь ему предстояло читать въ младшемъ классѣ. И тутъ повторилась та же исторія, что и на первомъ урокѣ. Онъ точно такъ же вошелъ, занялъ свое мѣсто и среди глубокой тишины прямо началъ говорить объ основаніи Рима. Разсказалъ онъ про Ромула и Рема, про волчицу, которая ихъ кормила, про холмы, на которыхъ они построили Римъ, про похищеніе сабинянокъ. Директоръ на этотъ урокъ не пришелъ. И больше уроковъ у него въ этотъ день не было.

Вышелъ изъ гимназіи онъ какой-то потрепанный и чувствовалъ себя такъ, точно его били. И весь остальной день Барановъ былъ разстроенъ.

Вечеромъ къ нему пришелъ Акульскій.

— Какъ я радъ,—весело воскликнулъ тотъ,—что мы съ вами въ одной гимназіи! Это такъ пріятно! По крайней мѣрѣ, есть хотъ одинъ свой человѣкъ.

Барановъ смотрѣлъ мрачно и ни капли не былъ радъ его визиту. Но они были товарищи, сослуживцы и надо было оказать ему любезность. Онъ предложилъ ему чаю, Барановъ вспомнилъ о Монголовѣ и разсказалъ товарищу о томъ, какъ встрѣтилъ его и о томъ, въ какомъ онъ былъ скверномъ положеніи.

— Онъ никогда не устроится,—сказалъ Акульскій,—у него нѣтъ смѣлости. А безъ смѣлости ничего не добьешься, это главное въ жизни. Вотъ я, напримѣръ, по отмѣткамъ я долженъ былъ ѣхать въ провинцію, я не имѣлъ права оставаться въ сто-

лицѣ. И меня даже уже назначили въ Новгородъ. Но я давалъ уроки у одного генерала, а у него есть знакомый, у котораго тоже есть знакомый гдѣ-то тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Вотъ я черезъ нихъ и дѣйствовалъ. И дѣло устроилось такъ, что меня назначили сюда. Ну, какое же вы вынесли впечатлѣніе отъ перваго урока?

— Самое отвратительное!—уныло сказалъ Барановъ.

— Ну, первый урокъ всегда труденъ, потому что или инспекторъ, или директоръ торчитъ,—замѣтилъ Акульскій,—а особенно инспекторъ. Вѣдь онъ самъ греческій языкъ преподаетъ и хотѣлъ даже придраться ко второму аористу, но самъ сплоховалъ и я его этакъ деликатно посадилъ; но потомъ сейчасъ же и выручилъ. Вѣдь ему неловко стало передъ учениками, такъ я и говорю: эта форма встрѣчается рѣдко, ну, и прочее тамъ; а она совсѣмъ никогда не встрѣчается, онъ просто хватилъ черезъ край, желая сбить меня... Должно быть, ядовитый человѣкъ. Я не понимаю, зачѣмъ ему вмѣшиваться? Нѣтъ, когда я буду инспекторомъ...

И онъ зудилъ цѣлый вечеръ, все больше говоря о будущемъ, о томъ времени, когда онъ добьется инспекторства. Потомъ онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ, что завтра уже будетъ не первый, а второй урокъ и что онъ будетъ спрашивать учениковъ и ставить отмѣтки и что это гораздо интереснѣй.

Наконецъ, Акульскій ушелъ и Барановъ остался одинъ и долго онъ шагалъ по комнатѣ. Онъ и самъ не могъ понять, отчего такъ разстроенъ. Кажется, все сошло хорошо, гладко. Директоръ ничего не сказалъ ему, но говорятъ, что онъ терпѣть не можетъ хвалить и когда доволенъ, то просто молчитъ, но зато если не доволенъ, то сейчасъ же дѣлаетъ замѣчаніе.

Весь вечеръ у него было какое-то состояніе неудовлетворенности и съ тупымъ недовольствомъ легъ онъ спать.

V.

Аргунины жили теперь гораздо ближе къ центральной части города, и рядомъ съ ними уже не было трактира. Чтобы попасть къ нимъ, надо было перейти Неву по Троицкому мосту и затѣмъ нѣсколько переулковъ доводили прямо къ ихъ квартирѣ.

Въ этой квартирѣ у нихъ было уже три комнаты. Выросли дѣти, оба стали взрослыми людьми, имъ нужна была комната для занятій. Кромѣ того, и къ Митѣ, и къ Варѣ приходили товарищи и нужно было мѣсто, чтобы принять ихъ прилично.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ по прежнему ходилъ на службу, а по вечерамъ дѣятельно занимался частной перепиской. Но онъ, сколько

бы ни старался, не могъ уже ничего прибавить къ своему заработку. Онъ давно уже добился максимума. И третья комната оплачивалась не его усиліями, а благодаря урокамъ, которые были и у Дмитрія, и у Вари. Уроки ихъ позволяли также дѣлать иногда расходы и на театръ.

И вотъ однажды Митя, надѣвши зимнее пальто Ѳедора Ѳедоровича и его шапку, чтобы не имѣть гимназическаго вида и какъ-нибудь не попасться на глаза начальству, поднявшись часа въ четыре утра, отправился къ Маріинскому театру и тамъ продежурилъ часа три подрядъ и ему удалось достать ложу четвертаго яруса. Эта побѣда стоила ему большихъ жертвъ, такъ какъ онъ долженъ былъ въ тотъ же день попасть во-время въ гимназію, и потому особенно цѣнилась.

Въ тотъ же день за обѣдомъ дѣятельно обсуждался вопросъ о томъ, кого пригласить въ ложу. Тотъ фактъ, что билетъ былъ уже въ рукахъ, очень оживилъ всѣхъ и служилъ предметомъ для разговора въ теченіе всего обѣда. Митя разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ, о какой-то стычкѣ съ полиціей, о какихъ-то претензіяхъ дамы, старавшейся занять его мѣсто. Всѣхъ это веселило и смѣшило.

— Насъ четверо,—сказалъ Митя,—а въ ложѣ мѣстъ шесть, а можно въ крайнемъ случаѣ и на седьмое разсчитывать, такъ что двухъ или трехъ надо пригласить со стороны.

— Я могу пригласить свою подругу,—сказала Варя,—она давно рвется въ оперу и никакъ не можетъ попасть.

— У меня тоже есть такой товарищъ, который сочтетъ за счастье попасть въ оперу. Его фамилія Покромовъ!—сказалъ Митя.

— Однако, господа, вы совсѣмъ забыли про Василія Григорьевича! Надо и его пригласить,—промолвилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Ну, что-жъ!—возразила Марья Петровна.—Онъ къ намъ не ходитъ, онъ совсѣмъ забылъ насъ; можетъ быть, загордился и гнушается нами, такъ и Богъ съ нимъ. Онъ теперь разбогатѣлъ, такъ, должно быть, и въ театрѣ въ креслахъ сидитъ.

— Ну, вотъ ужъ это несправедливо!—энергично запротестовалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Этого про Василія Григорьевича сказать никто не имѣетъ права. Онъ никогда не загордится, а просто человѣкъ занятъ вотъ и все. Каждый день у него уроки, дѣло для него новое, ну, устаетъ и отдохнуть захочется... Вѣдь ему и готовиться приходится; первый годъ, надо принять это во вниманіе... Старый учитель какой-нибудь, такъ ужъ онъ наизустъ знаетъ, а ему ко всему надо примѣрять себя; притомъ, и ходить далеко къ намъ.

— Можетъ ѣздить, если не хочетъ ходить; онъ теперь боль-

шое жалованье получаетъ. Помилуй Богъ, два мѣсяца глазъ не кажетъ!—сказала Марья Петровна.

— Ну, да и вообще вашъ Барáновъ!...—тономъ явнаго неодобренія замѣтилъ Митя.

— А что такое? Развѣ ты что-нибудь про него узналъ дурное?—спросилъ Өедоръ Өедоровичъ.

— Да нѣтъ, ничего. А только тупица онъ, вотъ что.

— Ну, нѣтъ, Митя, ты погоди!—остановилъ его Өедоръ Өедоровичъ.—Такъ нельзя говорить про человѣка, ты еще слишкомъ молодъ, мой другъ, ты не долженъ такъ выражаться.

Но Митя съ свойственной его возрасту самоувѣренностью не думалъ уступать или смиряться.

Онъ продолжалъ:

— У меня есть знакомый, одинъ гимназистъ, онъ въ той же гимназіи, гдѣ Барановъ преподаетъ; до него тамъ былъ по исторіи учитель Можаевъ. А теперь онъ переведенъ инспекторомъ въ женскую гимназію. Такъ на его урокѣ ученики чувствовали себя, какъ въ театрѣ; ни слова, бывало, не пропускали. Онъ умѣлъ какъ-то захватить всѣхъ, глубоко зналъ свой предметъ и постоянно дѣлалъ разныя сопоставленія, сравненія и освѣщалъ такъ, что сразу рисовалась цѣлая картина. Гимназисты обожали его.

— Ну, такъ что-жъ, что обожали?—спросилъ Өедоръ Өедоровичъ.—Ну и отлично! Значитъ, хорошій былъ учитель.

— Да-съ и вотъ послѣ него вдругъ является Барановъ. И что-жъ? Пришелъ въ классъ да какъ сѣлъ, такъ и пошелъ по программѣ. Сраженіе при такой-то рѣкѣ, тотъ убилъ такого-то, а этотъ другого, а было это въ такомъ-то году; испанцы, молъ, отступили, а фламандцы налегли... А потомъ взялъ учебникъ да и показалъ: отсюда молъ да досюда, а затѣмъ спрашивать началъ, такой-то молъ отвѣчай, а потомъ и другой, и отмѣтки ставить; очень хорошо, плохо, удовлетворительно. Однимъ словомъ, просто, какъ какая-нибудь машина. Его и слушать перестали. Такъ, сидятъ въ классѣ, потому что нельзя не сидѣть, а слушать тоже незачѣмъ, все равно домой придешь и въ учебникѣ найдешь то же самое.

— Ну ужъ твой товарищъ слишкомъ строго судитъ!—сказалъ Өедоръ Өедоровичъ,—тотъ былъ опытный, а Василій Григорьевичъ, конечно, новичекъ, откуда же ему набраться такого большого ума?.. Притомъ онъ же былъ бѣдный, книгъ у него не было, не на что было купить да и времени тоже; долженъ былъ постоянно посѣщать лекціи и зубрить ихъ. Надо всегда, мой другъ, принимать во вниманіе разныя обстоятельства, въ которыхъ человѣкъ находится. Конечно, тебѣ по молодости твоей про-

стительно, ты еще жизни не знаешь; а все-таки надо быть мягче въ своихъ сужденіяхъ. Вѣдь правда, Варя? Правду я говорю?

— Я не берусь судить по разсказамъ гимназистовъ. Притомъ же два мѣсяца слишкомъ малый срокъ для того, чтобы составить мнѣніе объ учителѣ!—сказала Варя.

— Ну, вотъ видишь! это самое и я говорю!—укоризненно замѣтилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, обращаясь къ Митѣ.

— Но все-таки это правдоподобно,—продолжала Варя,—Василій Григорьевичъ дѣйствительно узокъ. Притомъ же онъ совсѣмъ не любитъ своего дѣла, онъ это прямо говоритъ. Ну, а все же я не понимаю, какое это имѣетъ отношеніе къ вопросу о томъ, надо или не надо его пригласить. Я думаю, во всякомъ случаѣ онъ намъ не чужой.

— Да я ничего противъ него и не имѣю!—смягчился Митя.—Разумѣется, отчего жъ его не пригласить? Мы къ нему привыкли.

— Ну, вотъ и отлично,—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Такъ я ужъ это возьму на себя. Я самъ его приглашу.

И на другой день послѣ службы Ѳедоръ Ѳедоровичъ зашелъ къ Баранову. Барановъ тоже только что вернулся изъ гимназіи и собирался обѣдать. Столъ въ первой комнатѣ былъ накрытъ и на немъ стоялъ одинъ приборъ.

Увидавъ вошедшаго Ѳедора Ѳедоровича, Барановъ бросилъ какую-то книжку, съ которой возился, и быстро направился къ двери.

— Боже мой, Ѳедоръ Ѳедоровичъ! какъ я радъ—воскликнулъ онъ, протягивая обѣ руки.

И у него дѣйствительно глаза загорѣлись искреннею радостью. „Ну, вотъ,—подумалъ при этомъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—а они говорятъ еще, что онъ загордился, а онъ вотъ какъ обрадовался!"

— Что же это ты, Василій Григорьевичъ, такъ похудѣлъ?—спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, разсматривая его,—даже вонъ на лбу у тебя явилась какая-то этакая трагическая складка! развѣ такъ трудно, а? Учительствовать?

— Нѣтъ, не трудно, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Очень даже легко и просто. Что жъ тутъ труднаго? Пришелъ въ классъ, спросилъ уроки у учениковъ, поставилъ имъ отмѣтки, разсказалъ дальше и дѣлу конецъ. Это очень легко!

— Такъ что же? Съ чего же тебѣ худѣть-то?

— Не знаю, и самъ не знаю. Какое-то неспокойствіе постоянно ощущаю. Сидишь въ гимназіи на урокѣ и чувствуешь: все не то, не надо этого, ни къ чему это. Нужно что-то другое, а что нужно—не знаю. Вы не охотникъ? никогда не были охотникомъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ?—вдругъ спросилъ онъ, внезапно повернувъ къ нему голову.

— Когда-то пробовалъ, но бросилъ. Не могу видѣть, какъ бѣдная подстрѣленная птица или звѣрь мучается и стонетъ, а стрѣлялъ отлично. Большія надежды подавалъ. Но это было очень давно.

— Ну, такъ вообразите себѣ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, что для васъ вдругъ сдѣлалось обязательнымъ ходить на охоту и стрѣлять птицъ и звѣрей. Да притомъ еще безъ промаха. И вотъ вы стрѣляете отлично и не дѣлаете промаховъ и птицы и звѣри падаютъ и, не добитые вами, стонутъ и у васъ сердце сжимается, а вы все-таки должны стрѣлять, стрѣлять и каждый день стрѣлять, и всю жизнь стрѣлять...

— Вотъ удивительно,—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—старался человѣкъ, мучился, страдалъ, надрывалъ грудь, съ самыхъ малыхъ лѣтъ достигалъ и наконецъ достигъ, и вдругъ оказывается — не то. Да что же, наконецъ, такое?

— Не знаю, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Вѣдь въ томъ-то и вся штука, что не знаю. Вотъ у насъ есть учитель Воробьевъ. Старый человѣкъ. Я съ нимъ больше чѣмъ съ другими сошелся, не то, чтобы сошелся, а такъ, чаще разговариваю, — такъ онъ все говоритъ: надобно пріобрѣсти себѣ широкое міросозерцаніе, руководящую идею завести. Свѣтъ вноситъ въ головы учащихся! А гдѣ я его возьму, это міросозерцаніе? Вѣдь это легко сказать! А міросозерцанія вѣдь не составишь въ одинъ день или въ два мѣсяца. Вонъ я въ университетѣ отлично учился, у меня все были пятерки да четверки и отъ меня спрашивали, чтобъ я зналъ лекціи и чтобъ подавалъ сочиненія по греческому да латинскому языкамъ. Я и лекціи зналъ, и сочиненія хорошо писалъ. А о міросозерцаніи меня никто не спрашивалъ. И считался я хорошимъ студентомъ. И стипендію за это получалъ, и вотъ даже въ Петербургѣ оставили, такъ какъ же такъ? А теперь извольте-ка вдругъ міросозерцаніе составить, когда съ девяти до трехъ часовъ нужно давать уроки, потомъ отдохнуть хочется, потомъ надо приготовиться къ завтрему... Да и какъ его составишь? Э, да что это я въ самомъ дѣлѣ?.. Давайте-ка обѣдать, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Послушайте, принесите-ка намъ еще одинъ приборъ!—крикнулъ онъ въ дверь.—Я вамъ очень радъ, очень радъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ ужъ, обѣдать я не буду!—отказывался Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Я не предупредилъ; это можетъ стѣснить тебя.

— Ну, нѣтъ, я васъ такъ не отпущу. Обѣдъ готовъ и всегда найдется для васъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ больше не отказывался. Барановъ послалъ купить водки и бутылку вина. Принесли приборъ, они сѣли и выпили по двѣ рюмки.

— Ну, что, какъ поживаютъ ваши? какъ Марья Петровна, Митя? про Варю что-нибудь разскажите!—спрашивалъ Барановъ.

— Всѣ, слава Богу, здоровы,—отвѣчалъ Өедоръ Өедоровичъ,— Варя и Митя учатся. Митя страхъ какъ уменъ сталъ,—иронически говорилъ Өедоръ Өедоровичъ,—то и дѣло отца за поясъ затыкаетъ. Грубоватъ онъ, это надо сказать. Вотъ Варя совсѣмъ другое дѣло. Варя мягкая,—деликатная...

— Да, да,—нѣсколько страннымъ тономъ заговорилъ Барановъ, уже очевидно подъ вліяніемъ двухъ рюмокъ водки.—У нихъ вотъ есть міросозерцаніе, и у Вари и у Мити, а отчего? Оттого, что они выросли въ своемъ гнѣздѣ. Да, да, отъ этого самаго. Хоть плохенькое гнѣздо было, можно сказать—изъ простой соломы, а все же гнѣздо свое. Въ гнѣздѣ и тепло есть, и уютъ, и ласковое слово. Эхъ, Өедоръ Өедоровичъ, знаете что? Наплюю я на всѣ эти сомнѣнія и на всякія эти міросозерцанія и буду я всю жизнь, какъ какой-нибудь фонографъ, повторять изъ года въ годъ все одно и то же! Что жъ мучиться-то въ самомъ дѣлѣ? Начальство одобряетъ: по программѣ, молъ... Ха, ха! Воробьевъ смѣется, а Свіяжскій злобствуетъ. Я вамъ не говорилъ еще, Свіяжскій, это у насъ учитель есть такой; чудакъ!—онъ всегда злобствуетъ и желчь изливаетъ... А начальство одобряетъ... Ха, ха!

„Ему не слѣдуетъ пить. Онъ отъ двухъ рюмокъ пьянѣетъ, бѣдняга!"—подумалъ Өедоръ Өедоровичъ.

— Берите, Өедоръ Өедоровичъ, телятины!—любезно предлагалъ Барановъ,—да передъ телятиной еще по рюмкѣ хватимъ.

— Не довольно ли, Василій Григорьевичъ?—не особенно рѣшительно замѣтилъ Өедоръ Өедоровичъ.

— По рюмкѣ, по одной только рюмкѣ! Я вѣдь никогда не пью! Только съ вами.

Өедоръ Өедоровичъ подчинился, они выпили.

— Эхъ, Өедоръ Өедоровичъ!—говорилъ Барановъ еще болѣе необычнымъ тономъ:—если бы у меня былъ другъ... нѣжный другъ, понимаете? Да только не когда-нибудь тамъ, а именно теперь, теперь мнѣ нуженъ другъ,—можетъ быть, изъ меня что-нибудь и вышло бы. А то вѣдь я одинокій... Холодно мнѣ, холодно, Өедоръ Өедоровичъ!

— Что ты, Василій Григорьевичъ? Что ты? Развѣ я тебѣ не другъ?

— Это одно, Өедоръ Өедоровичъ, а то... то совсѣмъ другое. Ну, не будемъ объ этомъ говорить; я къ вамъ давно собираюсь, да все какъ-то не удается. Все что-нибудь помѣшаетъ...

— А вотъ я и не сказалъ-то самаго главнаго!—промолвилъ Өедоръ Өедоровичъ,—зачѣмъ пришелъ?

— Какъ? Вы не просто пришли, а по дѣлу?

— Ну, дѣло то не важное. Видишь ли, Митя ложу въ оперу досталъ, такъ вотъ въ воскресенье всѣ и собираемся въ театръ; ну всѣ наши въ одинъ голосъ захотѣли, чтобы и ты былъ съ нами.

— Да я съ восторгомъ!—воскликнулъ Барановъ, который за всю жизнь всего нѣсколько разъ былъ въ театрѣ.—Я съ величайшимъ восторгомъ! И Варя будетъ?

— Будетъ, какъ же? И подруга ея придетъ. Смотри же ты, не надуй. Въ воскресенье у насъ пообѣдаемъ, а потомъ въ театръ.

— Нѣтъ, я не надую. Я непремѣнно приду, я давно собираюсь...

Послѣ обѣда Өедоръ Өедоровичъ началъ торопиться. Онъ ссылался на то, что дома будутъ безпокоиться. Барановъ крѣпко жалъ его руку и благодарилъ и цѣловалъ. Өедоръ Өедоровичъ ушелъ.

Барановъ, когда остался одинъ, попробовалъ пройтись нѣсколько разъ по комнатѣ; онъ ходилъ ровно, но все же чувствовалъ въ ногахъ какой-то невѣрный тонъ. Тогда онъ присѣлъ къ столу и подперъ голову руками и вдругъ, повидимому, ни съ того, ни съ сего ему захотѣлось плакать. И онъ этому не удивился и не сдерживалъ слезъ. Вѣдь онъ былъ одинъ.

Вспомнилась ему почему-то вся жизнь и вдругъ стало страшно жалко самого себя. Вѣдь вотъ достигъ онъ того, къ чему стремился, а между тѣмъ жалко! Такъ жалко, словно онъ и ничего не достигъ.

И онъ смотрѣлъ на себя со стороны. Вотъ этотъ человѣчекъ средняго роста, съ длинными волосами, съ блѣднымъ лицомъ, въ вицъ-мундирѣ, съ класснымъ журналомъ въ рукѣ; онъ идетъ по гимназическому корридору и приходитъ въ классъ. Онъ садится на свое мѣсто; передъ нимъ множество дѣтскихъ лицъ и все такія холодныя-холодныя, имъ скучно уже теперь, даже тогда, когда онъ только пришелъ. Что же онъ имъ скажетъ? Все то, что они могутъ найти въ книжкѣ. Потомъ онъ будетъ терзать ихъ, спрашивать уроки, ставить двойки. Какая жалкая роль у этого господина средняго роста съ длинными волосами и съ блѣднымъ лицомъ! И весь онъ какой-то странный, есть въ немъ что-то недодѣланное, недоношенное и смѣшно, смѣшно подумать, что онъ учитель, что онъ кого-то просвѣщаетъ... И Свіяжскій смотритъ на то, какъ онъ идетъ съ журналомъ по корридору и желчно замѣчаетъ: „вишь, пошелъ свое жалованье зарабатывать“! А Воробьевъ, съ своей стороны, говоритъ ему сочувственнымъ голосомъ: „вамъ бы по акцизу служить, а не дѣтей учить“...

О, дьяволы! Вамъ хорошо говорить! Должно быть, вы дѣлали, что хотѣли, вы выбирали себѣ дѣло по сердцу; а меня вонъ тянуло къ ботаникѣ. Да, къ ботаникѣ, онъ знаетъ это очень хорошо. Его тянуло къ ботаникѣ, онъ отъ глубины души ненавидѣлъ греческій и латинскій языки и даже географію и самую исторію, все то, за что ему грозили поставить двойку и отнять у него возможность учиться на казенный счетъ. У него было смутное

тяготѣніе къ естественнымъ наукамъ, но оно уже заглохло. И теперь это кажется ему смѣшнымъ.

И вотъ онъ на всю жизнь осужденъ читать одно и то же... Воображеніе его взбудоражилось обострилось и яркими красками рисуетъ ему будущее. Изо дня въ день Ромулъ и Ремъ, Петръ Аміенскій, Алая и Бѣлая Роза, тридцатилѣтняя война, и одиночество, одиночество! Свіяжскій злобствуетъ, Воробьевъ, сочувственно совѣтуетъ въ акцизъ, Акульскій что-то нашептываетъ объ инспекторствѣ, да, можетъ быть, онъ и будетъ инспекторомъ, даже навѣрное будетъ инспекторомъ. Развѣ для этого много нужно? развѣ ихъ инспекторъ, который читаетъ греческій языкъ, развѣ у него семь пядей во лбу? Вѣдь такая же онъ тупица, какъ и Акульскій. И Акульскій будетъ инспекторомъ.

А онъ, Барановъ, Вася Барановъ, онъ одинокъ, одинокъ... Міръ полонъ людей, а ни одной души нѣтъ около него, ни одной души, которая заставила бы его сердце биться сильнѣе, чѣмъ всегда. И рисуется ему далекое дѣтство, когда они часто-часто бывали вмѣстѣ, онъ и та душа, которая могла бы заставить его сердце биться сильно. И какъ она жалѣла его! его, такого маленькаго, загнаннаго, забитаго, блѣднолицаго. И та дивная сцена въ лѣсу, при воспоминаніи о которой кровь ударяетъ ему въ голову и глаза наполняются слезами... Онъ одинъ, одинъ... Акульскій будетъ инспекторомъ, а онъ одинъ... Свіяжскій, Воробьевъ... Весь міръ... А онъ одинъ...

— Ахъ, чепуха какая!—говоритъ онъ громко и въ головѣ у него какъ-то все путается, мозгъ его ослабѣваетъ. Онъ подошелъ къ постели, свалился и заснулъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ шелъ домой и его голова, хотя и была довольно крѣпка, все же подъ вліяніемъ выпитаго усиленно работала. Онъ думалъ. „Вотъ бѣдняга! Все о томъ же, все объ одномъ говоритъ! Какъ только выпьетъ, сейчасъ про Варю. Надо сказать Варѣ. Она вѣдь умная, она пойметъ. Ну, не любитъ, не надо, что подѣлаешь! Все жъ таки хоть какое-нибудь сочувствіе надо показать ему, а для него и это важно. Вотъ отчего онъ не ходилъ такъ долго! А какъ обрадовался-то!..“

Придя домой, онъ объяснилъ, что былъ у Баранова и пригласилъ его въ театръ и что тотъ принялъ приглашеніе. Но онъ ничего не сказалъ о своихъ впечатлѣніяхъ и о тѣхъ мысляхъ, которыя приходили ему въ голову по дорогѣ. Дома уже отобѣдали, его не ждали, потому что сразу догадались, что онъ зашелъ къ Баранову.

Вечеромъ, когда уже стемнѣло и зажгли свѣчи, Варя собралась идти къ подругѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ увидѣлъ, что она надѣваетъ шляпку и вдругъ вспомнилъ, что и ему надо куда-то по дѣлу.

— Ты куда? въ какую сторону? спросилъ онъ.

— Мнѣ на Милліонную! отвѣтила Варя.

— Ну, вотъ какъ хорошо выходитъ! мнѣ тоже въ тѣ мѣста. Такъ вотъ вмѣстѣ и пойдемъ.

Они вышли. Θедоръ Θедоровичъ помолчалъ, пока они двѣ сотни шаговъ отошли отъ дома, а затѣмъ заговорилъ.

— Я не хотѣлъ говорить этого при Митѣ. Онъ не глупый мальчикъ, но грубоватъ. Положимъ, это возрастъ такой. Въ этомъ возрастѣ всѣ бываютъ слишкомъ большого мнѣнія о своемъ умѣ. Ну, а потомъ это сглаживается. Да и мать твоя, она добрая, но не пойметъ...

— О чемъ это вы говорите?—спросила Варя.

— Я про Василія Григорьевича.

— А, вотъ о чемъ...

— Нѣтъ, ты не думай. Я твоихъ чувствъ касаться не намѣренъ. Ты вольна въ нихъ. Но знаешь, что онъ говорилъ? Онъ совсѣмъ не такой, какъ думаетъ про него Митя; нѣтъ, онъ не тупица. Онъ чуть не плакалъ, когда говорилъ о своемъ учительствѣ. Все, говоритъ, не то, а что нужно? не знаю! Еслибъ, говоритъ, у меня былъ другъ... Я тебѣ скажу Варя: и хорошій человѣкъ можетъ погибнуть и заглохнуть безъ поддержки; поддержать его надо. А кто жъ можетъ поддержать, какъ не мы съ тобой? Это я тебѣ говорю по совѣсти. А мнѣ какъ обрадовался, еслибъ ты видѣла! какъ отцу родному! не зналъ, куда и посадить. Ну, выпили мы вмѣстѣ и онъ расчувствовался...

— Опять?

— Нѣтъ, не говори такъ, Варя; онъ человѣкъ страдающій. Оттого и не ходилъ къ намъ. Думаю я такъ, что онъ просто боялся встрѣтиться съ тобой. У него рана въ сердцѣ.

— Я сама думала объ этомъ,—сказала Варя.—И мнѣ даже, не знаю почему, казалось, что онъ отъ этого не ходилъ къ намъ.

— Ну, вотъ то-то и оно! А ты какъ нибудь этакъ смягчи. Ужъ я не знаю, какъ, а только онъ о тебѣ постоянно думаетъ и ты для него многое можешь сдѣлать!

Варя давно уже смутно чувствовала, что Барановъ не ходитъ къ нимъ изъ за нея. И ей какъ-то чуялось, что онъ въ это время страдаетъ. И хотѣлось ей чѣмъ-нибудь проявить свое сочувствіе, но она боялась, что онъ приметъ это не такъ, какъ надо, преувеличитъ, перетолкуетъ, вообразитъ Богъ знаетъ что и потомъ будетъ хуже.

Теперь слова Θедора Θедоровича произвели на нее глубокое впечатлѣніе. „Да,—думала она,—мы говоримъ много хорошихъ словъ, мы мечтаемъ о полезномъ дѣлѣ, которое гдѣ-то тамъ, впереди, въ будущемъ. Придетъ ли оно еще? Можетъ быть, оно ни-

когда и не наступитъ и, когда жизнь настоящая начнется, то и полезное дѣло туманомъ закроется и не поймаешь его... А вотъ оно тутъ, недалеко, близкій человѣкъ, съ которымъ вмѣстѣ провели столько лѣтъ, можетъ быть, погибаетъ... Развѣ это не полезное дѣло? Зачѣмъ же искать вдали, когда есть близко? Но какъ это сдѣлать? Вѣдь ему нужно чувство, ему нужна женская близость, а этого во мнѣ нѣтъ. Такъ надо умѣть, надо научиться. Гдѣ? У кого? Этого не отыщешь ни въ лекціяхъ, ни въ книжкахъ... У кого же? У своего сердца, которое сочувствуетъ, сострадаетъ. Можетъ быть, и правда, что у него есть и чутье, и задатки къ хорошимъ стремленіямъ, но все это заглохло"...

Такъ думала она и ждала воскресенья, сама, впрочемъ, не зная, что выйдетъ изъ ихъ встрѣчи. Когда она думала о Барановѣ, у нея всегда въ головѣ являлись слова: „онъ несчастный, онъ несчастный"...

Наступило воскресенье. Барановъ съ удовольствіемъ вспомнилъ о томъ, что въ этотъ день онъ отправляется къ Аргунинымъ. Онъ отложилъ въ сторону вицъ-мундиръ, который порядочно надоѣлъ ему. Уже теперь ему не хотѣлось въ него нарядиться, чтобы похвастать передъ Аргуниными. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, имѣя возможность надѣть пиджакъ.

Онъ не торопился, боясь придти слишкомъ рано. Въ два часа онъ сѣлъ на извозчика и поѣхалъ и сердце его билось такъ сильно, какъ бьется оно, когда послѣ многолѣтней разлуки предстоитъ свиданіе съ близкими людьми въ родномъ знѣздѣ.

— Ну, вотъ и онъ!—воскликнулъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, когда Барановъ появился у нихъ въ квартирѣ.—Блудный сынъ! Блудный сынъ пріѣхалъ, господа! Идите смотрѣть блуднаго сына! Эй, Марья Петровна, приготовила ли ты упитаннаго тѣльца?

Марья Петровна явилась и стала упрекать Баранова за то, что онъ забылъ ихъ. Барановъ ссылался на занятія. Митя какъ-то угловато подалъ ему руку и посмотрѣлъ на него изподлобья. Онъ былъ въ самомъ непримиримомъ возрастѣ.

Послѣдней вышла Варя и сказала ему чрезвычайно просто и искренно, пожимая его руку:

— Какъ вамъ не стыдно, Василій Григорьевичъ, такъ надолго забывать насъ? А еще другомъ считаетесь!

— Ахъ, Варвара Ѳедоровна, еслибъ вы знали, какъ я рвался къ вамъ!—воскликнулъ Барановъ, крѣпко пожимая ея руку.

И снова все пошло хорошо. Марья Петровна примирилась съ нимъ. Они даже пошли вмѣстѣ гулять: Барановъ, Марья Петровна и Варя, причемъ по дорогѣ Барановъ заходилъ въ разныя лавки и покупалъ то какую нибудь закуску къ обѣду, то фрукты, то вино. Они вернулись съ множествомъ свертковъ. Ѳедоръ Ѳедоро-

вичъ шутилъ и всячески старался острить по поводу того, что вотъ у нихъ появился богатый и щедрый господинъ. И все было хорошо. Отлично его приняли и видѣлъ онъ, что его здѣсь любятъ.

Но съ Варей ему не удалось говорить долго. Онъ и самъ не зналъ, что хотѣлъ сказать ей, только ему очень хотѣлось говорить съ нею вдвоемъ. „Ну, еще цѣлый вечеръ впереди,—подумалъ онъ,—можетъ быть, изъ театра поѣду вмѣстѣ съ ней!"

И онъ сильно уповалъ на вечеръ.

И вотъ вечеромъ они отправились въ театръ. Барановъ уже бывалъ не разъ въ этомъ театрѣ, но никогда онъ еще не производилъ на него такого грандіознаго впечатлѣнія, какъ теперь. Можетъ быть, это зависѣло оттого, что раньше онъ приходилъ сюда бѣдненькимъ студентикомъ, въ старомъ заношенномъ мундирѣ, безъ гроша въ карманѣ, а теперь онъ былъ учителемъ гимназіи и въ бумажникѣ у него водились кое-какія кредитки.

Звуки музыки, пѣніе артистокъ—все это приводило его въ умиленіе. Казалось, что съ той минуты, какъ онъ вошелъ въ ложу и занялъ свое мѣсто, все утихло въ его душѣ: утихли недавнія сомнѣнія, муки одиночества и та глухая, непрерывная борьба съ какимъ-то неизвѣстнымъ врагомъ, которая вѣчно и непрестанно смущала его покой...

Онъ сидѣлъ позади Вари и чувствовалъ, что ихъ словно связываютъ какія то незримыя нити. Рядомъ съ Варей сидѣла другая курсистка, ея пріятельница, молодая, красивая, съ чудными веселыми глазами и звонкимъ голосомъ, съ какимъ-то радостнымъ, необыкновенно открытымъ и яснымъ смѣхомъ. Но Барановъ только взглянулъ на нее, когда ихъ знакомили и затѣмъ уже почти не обращалъ на нее вниманія. Она его не интересовала и не трогала. Его трогала только Варя. Съ нею они сжились еще въ далекомъ дѣтствѣ и, очевидно, это оставило глубокій и неизгладимый слѣдъ въ его душѣ.

— А что,—спросилъ его въ антрактѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, доволенъ Вася?

— Очень доволенъ. Большое вамъ спасибо, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, за то, что пригласили меня.

— Это не я. Это все по общему соглашенію.

— Тогда, значитъ, и спасибо всѣмъ.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, впадая въ философскій тонъ.—Это тогда только и хорошо, когда рѣдко бываетъ; тогда и цѣнишь. Кто часто видитъ, тотъ и цѣнить перестаетъ. Вонъ многіе господа абониментъ имѣютъ и каждую недѣлю ѣздятъ. Такъ это что жъ? Это выходитъ вродѣ какъ бы обязанности—хочешь не хочешь, поѣзжай. А тутъ копишь деньги мѣсяцами, да какъ накопишь, пока еще билетъ выцарапаешь; сколько трудовъ, сколько хлопотъ! Оттого и удовольствіе полное.

Это было утѣшеніе бѣдняка. Но Өедоръ Өедоровичъ говорилъ искренно и съ глубокимъ убѣжденіемъ. Варя тоже спросила Баранова, нравится ли ему опера и Барановъ отвѣтилъ, что онъ въ восторгѣ.

Когда представленіе кончилось и они вышли изъ театра на площадь, то первымъ движеніемъ Баранова было отыскать извозчика.

— Э, нѣтъ,—сказалъ Өедоръ Өедоровичъ,—къ чему намъ извозчика? Они дерутъ точно волки шкуру съ овцы... Мы пѣшечкомъ пройдемся. Оно и полезно. Вѣтру нѣтъ, морозъ небольшой, выйдетъ отличная прогулка.

Подруга Вари простилась съ ними; гимназистъ, приглашенный Митей, сдѣлалъ тоже. Өедоръ Өедоровичъ затѣялъ съ Митей разговоръ о музыкѣ, очевидно, преднамѣренно: онъ хотѣлъ, чтобы Митя остался съ нимъ. А Марьѣ Петровнѣ онъ предложилъ руку и, такимъ образомъ, они пошли втроемъ. Барановъ съ Варей шли далеко впереди отъ нихъ, потому что Өедоръ Өедоровичъ старался замедлить шаги, онъ хотѣлъ, чтобы молодые люди переговорили между собой.

Варя заговорила о впечатлѣніи, произведенномъ на нее оперой, и говорила много и безостановочно, и словно старалась говорить какъ можно больше, какъ будто боялась, чтобъ не наступило молчаніе. А Барановъ чувствовалъ, что у него въ груди что-то дрожало и что ему во что бы то ни стало надо что-то высказать. Наконецъ, Варя пріостановилась и наступила минута молчанія.

— Да, да, сказалъ Барановъ, театръ даетъ иллюзію, это такъ... А теперь опять пойдутъ скучные дни.

— Отчего скучные?—спросила Варя.—Развѣ это неинтересно, когда вы передаете дѣтямъ знанія какія у васъ есть.

— Какія тамъ знанія, Варя? Какія знанія—спросилъ Барановъ.—Они, когда слушаютъ въ классѣ, видимо скучаютъ и зѣваютъ. Я самъ видѣлъ, какъ они зѣваютъ.

— Зѣваютъ. Но надо ихъ занять такъ, чтобы они не скучали; тогда они и зѣвать не будутъ. Вѣдь въ этомъ и заключается призваніе учителя.

— Я не умѣю да и съ какой стати? Съ какой стати Варя? Развѣ имъ есть какое-нибудь дѣло до меня? Почему же я долженъ думать о нихъ? Я, напримѣръ, сижу дома одинъ. Развѣ кто-нибудь изъ нихъ подумаетъ о томъ, что, можетъ быть, я боленъ и мнѣ грустно... Они ушли изъ гимназіи и забыли обо мнѣ. Съ какой стати я буду о нихъ думать...

— Они дѣти, Василій Григорьевичъ. Вспомните то время, когда вы были ребенкомъ.

— И вспоминать не хочу. Знаю только одно, что меня тогда

всѣ давили и никто не думалъ обо мнѣ. Я говорю, конечно, о гимназіи, а не о вашемъ семействѣ.

— Васъ озлобили, Василій Григорьевичъ.

— Нѣтъ, я вовсе не злобенъ. Я только равнодушенъ къ другимъ, какъ они равнодушны ко мнѣ. До меня никому вѣдь нѣтъ дѣла.

— Вотъ, видите ли, и неправда. Вотъ вы долго къ намъ не приходили и я безспокоилась,—значитъ, мнѣ есть до васъ дѣло,— возразила Варя.

— Но, если бы вамъ сказали, что я здоровъ и у меня все идетъ какъ слѣдуетъ, вы бы успокоились,—спросилъ Барановъ.

Варя не поняла намѣренія, заключавшагося въ этихъ его словахъ и отвѣтила просто:

— Да, конечно.

— Значитъ, видѣть не надо?

— Нѣтъ, и видѣть васъ хотѣлось! Зачѣмъ же такъ говорить, Василій Григорьевичъ? Вы меня какъ будто хотите подвести, поймать на словѣ. Вѣдь мы свои и мы всѣ чувствуемъ, что васъ не достаетъ.

На мосту старики стали подгонять ихъ. Барановъ уже явственно чувствовалъ, что не скажетъ того, что хотѣлъ сказать, и онъ поторопился спросить, какъ будто боялся, что не успѣетъ.

— Скажите по правдѣ, Варя, именно вамъ не будетъ непріятно, если я буду ходить къ вамъ часто?

— Какъ могло это придти вамъ вамъ въ голову, Василій Григорьевичъ. Напротивъ, я прошу васъ приходить къ намъ почаще. Мнѣ хочется видѣть васъ какъ можно чаще.

— Спасибо вамъ, Варя.

— Ну вотъ ужъ и близко,—сказалъ позади Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Отлично дошли. И экономію сдѣлали. Ужъ по крайней мѣрѣ цѣлковый остался въ карманѣ.

И, когда раздался вблизи ихъ этотъ голосъ, они оба почувствовали облегченіе. Онъ—оттого что теперь какъ будто кто-то другой былъ виноватъ, что онъ не успѣлъ сказать, что хотѣлъ, а она—оттого, что разговоръ ихъ кончился мирно и больше ужъ не представляется опасности, что онъ можетъ принять другой характеръ.

Дома они закусили остатками отъ обѣда и Барановъ часа въ два ночи поѣхалъ домой. Онъ испытывалъ странныя ощущенія. Онъ ничего не добился изъ того, чего такъ жаждала его душа и что мучило его. Но въ то же время что-то какъ бы успокоило его. Это была смутная надежда.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго С. А. Гулишамбаровой.

(*Окончаніе* *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Маттъ Гилари повидался съ Пиннэемъ и безъ труда проникъ въ его надежды и разсчеты относительно Нортвика. Онъ узналъ, что этотъ репортеръ, въ сущности, предполагалъ, открывъ убѣжище Нортвика, произвести газетную сенсацію. Онъ намѣревался сдѣлать это въ интересахъ семейства Нортвика, если только онъ будетъ въ состояніи окупить потраченное на этотъ трудъ время. Онъ заявилъ, что всегда сочувствовалъ семейству преступника и миссисъ Пиннэй также сочувствовала и что онъ былъ бы радъ оказать дочерямъ его услугу. Онъ былъ такъ далекъ отъ мысли, чтобы отчетъ его въ «Извѣстіяхъ» могъ имъ не понравиться, что даже сослался на это образцовое произведеніе репортерской беззастѣнчивости въ доказательство своего участія къ нимъ. Онъ быстро сошелся и сговорился съ Маттомъ насчетъ условій своей поѣздки въ Канаду и ея предмета.

Въ самомъ дѣлѣ, практичнѣе этого нельзя было ничего придумать, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ писалъ Максуэллу, планы и цѣли его измѣнились. Пиннэй потерпѣлъ неудачу въ редакціи «Извѣстій»; тамъ отнеслись къ предполагаемой имъ экскурсіи вовсе не такъ, какъ ему хотѣлось. Интересъ къ дѣлу Нортвика значительно поубавился и редакція «Извѣстій» не хотѣла тратить на предпріятіе Пиннэя свои деньги, отказавшись даже заплатить за его путевыя издержки. Это отбило у Пиннэя охоту и онъ ревностно обратилъ свои мысли въ другую сторону. Ему уже приходилось исполнять небольшую работу по сыскной части, какъ любителю, и онъ мастерски умѣлъ съ нею справиться. Одинъ сыщикъ предлагалъ даже Пиннэю вступить съ нимъ въ това-

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

рищество, цѣня его ловкость въ этомъ щекотливомъ ремеслѣ. Жена его не питала особаго сочувствія къ его желанію предпринять эту работу, хотя не могла отказать ему въ явныхъ способностяхъ къ ней. То довѣріе, которое онъ безсознательно внушалъ къ себѣ и которое зачастую сослуживало ему хорошую службу въ его репортерскихъ занятіяхъ, само по себѣ составляло драгоцѣннѣйшее дарованіе въ сыщикѣ. Она сказала это ему и ничего не имѣла противъ самой профессіи кромѣ боязни опасностей, которыя, по ея мнѣнію, были съ нею сопряжены. Ей не хотѣлось, чтобы Пиннэй подвергалъ себя этимъ опасностямъ, онъ не могъ побѣдить ея страховъ, подсмѣиваясь надъ нею и разсказавъ ей, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ работа сыщика вполовину не представляла столько опасностей, сколько работа репортера. Она только объявила ему, что ей было бы гораздо пріятнѣе, чтобы онъ держался за свою газетную должность. Но предложеніе отыскать Нортвика для его семейства было иное дѣло. Оно давало имъ удобный случай побывать въ Канадѣ и оплачивалось лучше всякаго газетнаго предпріятія. Въ этомъ супруги Пиннэй согласились вполнѣ, равно и въ томъ, какую пользу эта поѣздка принесетъ ихъ младенцу, и уже строили планы, какъ миссисъ Пиннэй спокойно поселится въ Квебекѣ, пока Пиннэй,—еслибы это понадобилось—будетъ разъѣзжать по Канадѣ, отыскивая Нортвика.

— А потомъ, — сказалъ онъ,—если я его найду и все пойдетъ на ладъ, и мнѣ удастся уломать его вернуться со мною въ Бостонъ,—я разомъ сдѣлаю два выгодныхъ дѣльца. За него назначена награда, и мнѣ кажется, что я запасусь званіемъ сыщика, прежде чѣмъ намъ двинуться въ путь. Надо быть готовымъ ко всякаго рода случайностямъ.

— Лоренцо Пиннэй! — вскричала его жена. — Не смѣй и думать о такой гадости! Это безчестно!

— Почему же это гадость? Почему безчестно?—удивлялся онъ.

— Мнѣ стыдно, что я должна разъяснять тебѣ это, и я не стану этого дѣлать. Но если ты отправляешься, какъ сыщикъ,—отправляйся, какъ сыщикъ, а если ты отправляешься, какъ ихъ другъ, чтобы помочь имъ и оказать услугу, въ такомъ случаѣ держись этого пути. Только не пробуй угодить и нашимъ, и вашимъ! А если ты станешь это дѣлать, я тебѣ не товарищъ, такъ и знай!

— А!—сказалъ Пиннэй.—Понимаю. Сначала мнѣ было не вдомекъ. Ну, тебѣ не къ чему пугаться. Я воспользуюсь этимъ старикомъ только для того, чтобы навостриться. Очень возможно, что онъ укажетъ мнѣ что-нибудь новенькое въ профессіи расхитителей чужихъ капиталовъ. Вѣдь ты ничего не имѣешь противъ этого?

— Ну, противъ этого я ничего не имѣю.

Они живо закончили свои несложные хозяйственные сборы молодой парочки и черезъ нѣсколько дней, послѣ того какъ Пиннэй повидался съ Маттомъ и сказалъ ему, что потолкуетъ обо всемъ съ же-

ною, они отбыли на поле дѣйствій репортера. Въ Квебекѣ онъ устроилъ свою семью въ той самой гостинницѣ, гдѣ проживалъ Нортвикъ но въ ней не сохранилось слѣдовъ, по которымъ его можно было бы признать въ записной книгѣ путешественниковъ, куда онъ записался подъ именемъ Уарвика. Пиннэй прожилъ здѣсь недолго.

Онъ и не разсчитывалъ найти Нортвика здѣсь, а началъ свои розыски съ этого пункта потому, что онъ долженъ былъ остановиться здѣсь по дорогѣ въ Римуски, откуда было отправлено письмо Нортвика въ «Извѣстія». Почтовый штемпель этого письма былъ единственной руководящей нитью къ розыскамъ. Но Пиннэй не оставилъ безъ тщательнаго осмотра ни единаго уголка въ Квебекѣ, боясь какъ бы не «проморгать» Нортвика. Къ тому времени, какъ его хлопоты были окончены, миссисъ Пиннэй и ея бэби такъ тѣсно подружились съ содержательницей гостинницы, что Пиннэй могъ разстаться съ ними совершенно спокойно.

II.

Очутившись на пароходѣ, Пиннэй вышелъ изъ своей каюты и отправился въ комнату для курящихъ, гдѣ нашелъ массу знакомыхъ путешественниковъ, наслаждавшихся своими сигарами вкупѣ съ картами, которыя они отъ скуки уже пустили въ ходъ. Нѣсколько человѣкъ не принимали участія въ игрѣ; они только курили и болтали между собою, а передъ ними стояли стаканы съ прозрачною жидкостью соломеннаго цвѣта. Главный ораторъ этой группы былъ, повидимому, американецъ; двое другихъ собесѣдниковъ были канадцы; они смѣялись и весело похваливали то, что въ его рѣчахъ было національнаго и оригинальнаго.

— Ну и не видалъ же я во всю свою жизнь человѣка взбѣшеннаго до такой степени, какъ старый Oiseau, когда онъ мнѣ разсказывалъ объ этомъ господинѣ, какъ онъ старался расшевелить его каждый день, и какъ этотъ господинъ отлынивалъ день за днемъ, недѣля за недѣлей, пока, наконецъ, терпѣніе Oiseau лопнуло и онъ выпроводилъ его съ первыми весенними пароходами. Пробовалъ онъ уломать его, говоря, что для здоровья его полезно отправиться съ нимъ на развѣдки, оставляя въ сторонѣ вопросъ о его обогащеніи; ничто не помогло! И все время Oiseau боялся, какъ бы онъ не попалъ въ мои руки и не вложилъ своихъ капиталовъ въ мое дѣло. «Дарю вамъ его мистеръ Моркгамъ», сказалъ онъ. «А мнѣ онъ больше не надобенъ».

— Не думаю, чтобы у него были на самомъ дѣлѣ капиталы.

— Вотъ, въ томъ-то и штука, что были. На немъ былъ поясъ биткомъ набитый тысячедолларными ассигнаціями. Его нашли на немъ когда онъ захворалъ. Старый Oiseau ужасно боялся, какъ бы съ нимъ не стряслось какой бѣды и на него не пало подозрѣнія. Онъ возился съ нимъ, какъ съ малымъ ребенкомъ, а какъ только онъ совсѣмъ оправился, вытурилъ изъ дому.

— Мнѣ думается,—отвѣчалъ американе́цъ,—онъ былъ виновенъ въ незаконномъ присвоеніи общественныхъ денегъ и эти тысячные билеты—Oiseau говоритъ, ихъ было у него сорокъ или пятьдесятъ штукъ—составляли часть увезеннаго имъ съ собою капитала. Затѣмъ, очень можетъ быть, онъ довѣрялъ Oiseau... А можетъ, послѣ горячки онъ слегка тронулся умомъ и самъ хорошенько не зналъ, за что ему приняться. Затѣмъ, наконецъ, коли мое предположеніе насчетъ личности этого человѣка вѣрно, мнѣ кажется, у людей этого сорта руки опускаются именно изъ-за того, что они надѣлали. Масса изъ нихъ привозитъ съ собою деньги, дѣла здѣсь непочатой край. Но никогда вы не услышите, чтобы кто-нибудь изъ нихъ началъ здѣсь какое-нибудь предпріятіе.

— Странно,—замѣтилъ канадецъ.

— То-есть было бы странно, не будь это зауряднымъ фактомъ. Здѣсь это правило и я не знаю ни единаго исключенія. Человѣкъ, захватившій чужіе капиталы, никогда ничего съ ними не предпринимаетъ, а только проживаетъ ихъ. Американскій растратчикъ общественныхъ денегъ убѣжавши въ Канаду, не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки познакомиться съ пріютившей его страною и составить себѣ въ ней положеніе. Онъ просто на просто почіетъ на лаврахъ, либо употребляетъ свои сбереженія, чтобы выторговать себѣ возможность благополучнаго возвращенія на родину. Нѣтъ, сэръ. Въ растратѣ чужихъ денегъ есть что-то такое, что подрываетъ дѣловую энергію человѣка; не думаю, чтобы этотъ старикъ былъ способенъ взяться за разработку золотой розсыпи Oiseau, если бы таковая раскрылась у него подъ ногами и онъ увидалъ своими глазами вычеканенные изъ этого золота совереньи. На это, именно, у него не хватило духу.

Пиннэй отъ сильнаго волненія не замѣтилъ, какъ потухла его сигара. Онъ попросилъ огня у Моркгама, хотя тутъ же лежало нѣсколько коробокъ со спичками; Моркгамъ принялъ это обращеніе за предложеніе познакомиться.

— Братъ янки?—спросилъ онъ.

— Бостонъ.

— Куда ѣдете?

— Только въ Римуски. Не знаете ли вы случайно имени этого растратчика?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ Моркгамъ.

— Мнѣ кажется, я знаю, кто онъ,—сказалъ Пиннэй.

— За кѣмъ-нибудь ѣдете въ Римуски?—и Моркгамъ посмотрѣлъ на него проницательнымъ взглядомъ.

— Ну не совсѣмъ въ этомъ смыслѣ, если вы думаете, что я сыщикъ. Но я сотрудничаю въ газетахъ, а теперь праздную свои каникулы. Я подготовляю небольшую статью о нашихъ денежныхъ тузахъ въ изгнаніи. Меня зовутъ Пиннэй.

— Моркгамъ можетъ васъ начинить самоновѣйшими фактами,— сказалъ канадецъ уходя.—У него тоже золотая розсыпь, которая будетъ почище пустопорожней ямы Oiseau. Только не слишкомъ-то полагайтесь на его слова. Я его знаю: онъ принимаетъ участіе въ золотыхъ розсыпяхъ.

— Эти слова даютъ вамъ нѣкоторое понятіе обо мнѣ,—сказалъ Моркгамъ снисходительно.

Оставшись съ Пиннэемъ наединѣ, онъ перестаяъ балагурить и сообщилъ толково все, что зналъ о проживавшемъ въ домѣ Oiseau капиталистѣ, котораго онъ просто на просто считалъ растратчикомъ чужихъ денегъ. Моркгамъ сказалъ, что человѣкъ этотъ называлъ себя Уарвикомъ и, по его словамъ, былъ родомъ изъ Чикаго. Тутъ Пиннэй вспомнилъ, что это самое имя стояло въ записной книгѣ квебекской гостинницы и число соотвѣтствовало приблизительно бѣгству Нортвика.

— Но мнѣ бы никогда не пришло въ голову, что онъ удержалъ за собою половину своего имени,—замѣтилъ Пиннэй и сказалъ Моркгаму настоящее имя, а также счелъ за лучшее откровенно разсказать ему, въ чемъ именно состояла его миссія относительно Нортвика.

— Есть ли здѣсь такая нора, куда человѣкъ можетъ запрятаться?— спросилъ репортеръ.

— Какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ,—отвѣчалъ Моркгамъ, отряхивая пепелъ съ своей сигары.

Но привлекательная довѣрчивость Пиннэя и его простодушное признаніе въ недостаткѣ сообразительности оказали свое дѣйствіе. У Моркгама явилась потребность помочь ему и онъ сказалъ репортеру, что въ Римуски живетъ священникъ знавшій, постояльца Oiseau.

— Вамъ бы слѣдовало повидаться съ нимъ.

— Повидаться! — воскликнулъ Пиннэй въ бѣшеномъ восторгѣ. — Я поселюсь съ нимъ, какъ только высажусь въ Римуски.

Онъ безъ труда отыскалъ отца Этіенна, но надежды на молодого священника были напрасны: онъ оказался очень сдержаннымъ относительно мистера Уарвика, съ которымъ познакомился въ Хаха-Бэ. Очевидно, отецъ Этіеннъ принялъ Пиннэя за сыщика; и какъ ему ни хотѣлось спасти душу человѣка, котораго онъ видѣлъ такимъ несчастнымъ, онъ напрямикъ отказался помогать травить бѣглеца для заключенія въ тюрьму.

Даже и тогда, когда Пиннэй объявилъ ему объ истинномъ характерѣ возложеннаго на него порученія, осторожность священника потребовала всевозможныхъ доказательствъ, какія только репортеръ могъ дать, и Пиннэю пришлось представить свое полномочіе нотаріусу, говорившему по-англійски, знакомому священника. Затѣмъ онъ признался, что видалъ мистера Уарвика послѣ того, какъ они разставались въ Хаха-Бэ. Мистеръ Уарвикъ послѣдовалъ за нимъ въ Римуски спустя нѣсколько недѣль и отецъ Этіеннъ зналъ, гдѣ онъ здѣсь квартировалъ.

Но онъ такъ ревниво оберегалъ тайну человѣка, оказавшаго ему довѣріе, что потребовалась вся логика и вся ученость натаріуса, чтобы убѣдить его, что будь мистеръ Уарвикъ самый преступный изъ всѣхъ когда-либо бѣжавшихъ растратчиковъ чужихъ денегъ, и тогда ему не угрожала выдача со стороны Пиннэя. Послѣ многаго множества наставленій съ своей стороны и многаго множества обѣщаній со стороны Пиннэя, священникъ сказалъ наконецъ, гдѣ проживалъ мистеръ Уарвикъ, и далъ репортеру письмо къ нему, которое было въ одно и то же время ручательствомъ и предостереженіемъ для изгнанника.

Пиннэй сѣлъ на первый поѣздъ, отходившій въ Квебекъ. Онъ вошелъ въ Сантъ-Андрэ и безъ труда отыскалъ небольшую гостиницу, въ которой проживалъ мистеръ Уарвикъ. Но душа Пиннэя, хоть и не отличавшаяся большою тонкостью, разнѣжилась вслѣдствіе совѣстливости выказанной, отцомъ Этіенномъ. У него забилось сердце, когда онъ подошелъ къ мистеру Уарвику, сидѣвшему у дверей гостинницы и грѣвшемуся въ лучахъ утренняго солнышка.

— Мистеръ Нортвикъ, если не ошибаюсь,— смѣло обратился къ нему Пиннэй.

Въ первый разъ послѣ того пасмурнаго февральскаго утра, когда онъ бѣжалъ изъ дому и Путнэй обратился къ нему съ угрозою на станціи, Нортвикъ услыхалъ свое настоящее имя. То имя, которое онъ носилъ въ теченіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ, какъ-то сразу перестало быть частью его личности, хотя до этой минуты оно казалось было также тѣсно съ нимъ связано, какъ и его сѣдая борода, которую онъ отрастилъ, чтобы скрыть свое лицо.

— Я не жду, чтобы вы отвѣтили мнѣ,—сказалъ Пиннэй, чувствуя потребность говорить и дать ему время оправиться,—прежде чѣмъ вы взглянете на это письмо, и нѣтъ надобности вамъ торопиться. Если я обознался и вы не мистеръ Нортвикъ, вы не станете распечатывать этого письма.

Онъ протянулъ Нортвику не письмо отца Этіенна, а то письмо, которое Сюзэтта написала своему отцу. Пиннэй увидалъ, что старикъ узналъ руку, надписавшую конвертъ. Онъ увидалъ, какъ задрожала рука старика державшая письмо, и услыхавъ, какъ хрустнула бумага, когда несчастный зажалъ письмо въ кулакѣ, боясь какъ бы не выронить его на землю. Пиннэю сталъ невыносимъ видъ тоски и страха, отразившихся на лицѣ его.

— Не торопитесь, не торопитесь,—ласково сказалъ онъ и отошелъ въ сторону.

III.

Когда Пиннэй вернулся послѣ небольшой прогулки, онъ засталъ Нортвика все еще съ нераспечатаннымъ письмомъ въ рукѣ. Онъ

смотрѣлъ на него въ какомъ-то оцѣпенѣніи, былъ блѣденъ и, казалось, близокъ къ обмороку.

— Ну, мистеръ Нортвикъ, — сказалъ Пиннэй,—что же вы не читаете письма? Если бы оно было не къ вамъ, вѣдь вы бы возвратили мнѣ его тотчасъ же, не такъ ли?

— Не то,—отвѣчалъ бѣдняга, который былъ совсѣмъ старымъ старикомъ, чего Пиннэй вовсе не ожидалъ.—Но... здоровы ли онѣ? Тутъ... не дурныя вѣсти?

— О, нѣтъ! — радостно воскликнулъ Пиннэй. — Онѣ вполнѣ здоровы. Вамъ нечего бояться прочитать это письмо.

Радостное настроеніе Пиннэя происходило отчасти отъ увѣренности, что это былъ дѣйствительно Нортвикъ, отчасти отъ удовольствія, что онъ можетъ его успокоить: онъ симпатизировалъ ему какъ отцу. Удовольствіе его не омрачалось тѣмъ, что ему не было ничего извѣстно о положеніи семьи Нортвика, и свое увѣреніе онъ основывалъ на предположеніи, что въ письмѣ не будетъ ничего такого, чтобы могло испугать или огорчить его.

— Угодно вамъ стаканчикъ воды? — предложилъ онъ, видя, что Нортвикъ продолжаетъ сидѣть неподвижно и безпомощно на ступенькахъ крыльца, не имѣя, повидимому, силы распечатать письмо. — Или водочки?

Пиннэй протянулъ ему фляжку въ щеголеватомъ кожанномъ футлярѣ, за покупку которой жена пожурила его, когда они уѣзжали изъ дому; она говорила, что ему не слѣдовало тратиться на такую покупку. Но въ эту минуту онъ былъ радъ, что фляжка эта имѣлась у него подъ рукою.

Онъ отвинтилъ пробку, съ пріятнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства подавая фляжку мистеру Нортвику.

— У васъ больной видъ.

— Я былъ не совсѣмъ здоровъ,—согласился мистеръ Нортвикъ и прикоснулся губами къ бутылкѣ. Водка оживила его и Пиннэй увидалъ, что если онъ отойдетъ отъ него теперь, то онъ распечатаетъ письмо. Въ немъ ничего не было, кромѣ нѣжныхъ увѣреній Сюзэтты въ ихъ любви, она и Аделина тосковали, не зная гдѣ онъ и что съ нимъ. Она просила его не безпокоиться о нихъ; имъ было хорошо, онѣ страдали только за него; но пусть онъ не думаетъ, что онѣ осуждаютъ его или когда-нибудь осуждали. Какъ только онѣ узнаютъ его вѣрный адресъ, писала Сю, онѣ напишутъ ему опять. Аделина приписала нѣсколько строкъ со своимъ именемъ, чтобы сказать ему, что въ теченіи нѣсколькихъ дней была больна, но теперь ей гораздо лучше и у нея одно лишь желаніе—получить отъ него вѣсточку.

Когда Пиннэй вернулся во второй разъ, то засталъ Нортвика съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.

— У васъ здѣсь красивая мѣстность, — заговорилъ онъ слегка фамильярно.

Нортвикъ молчалъ; онъ, повидимому, оставался равнодушенъ къ красотамъ мѣстной природы.

Пиннэй рискнулъ прибавить:

— Здѣсь покойное мѣстечко, сэръ.

Нортвикъ и на это заключеніе не обратилъ вниманія. Но просидѣвъ въ безмолвіи такъ долго, что Пиннэй началъ сомнѣваться, заговоритъ ли онъ когда-нибудь вообще, старикъ принялся задавать ему осторожные и сдержанные вопросы, какъ удалось Пиннэю отыскать его. Пиннэй охотно разсказалъ ему и отдалъ ему теперь письмо отца Этіенна, разсыпавшись въ похвалахъ священнику, который такъ заботливо охранялъ интересы и безопасность Нортвика. Пиннэй разсказалъ, какъ болтовня Маркгама привлекла его вниманіе. Но когда Пиннэй объяснилъ, что мысль отправиться въ Римуски явилась у него благодаря штемпелю письма Нортвика въ «Извѣстія», отъ него не укрылось любопытство старика узнать, какое дѣйствіе произвело это письмо на читателей. Сперва Пиннэй подумалъ, что онъ спроситъ его объ этомъ; но скоро замѣтилъ, что Нортвикъ не былъ въ состояніи сдѣлать это; тогда Пиннэй рѣшился сказать:

— Письмо это произвело большую сенсацію, мистеръ Нортвикъ.

Удовольствіе блеснувшее въ глазахъ Нортвика побудило Пиннэя присовокупить:

— Мнѣ кажется, это письмо заставило многихъ людей подумать иначе о васъ. Оно показало, что слѣдовало бы выслушать обѣ стороны и, я увѣренъ, расположило многихъ въ вашу пользу, сэръ. Право, сэръ.

Пиннэй до этой минуты ничего подобнаго не думалъ, но послѣ сказанныхъ имъ словъ ему показалась эта мысль до того вѣроятною, что онъ готовъ былъ побожиться, что это такъ.

— Мнѣ кажется, мистеръ Нортвикъ,—продолжалъ онъ, — что эти непріятности можно было бы какъ-нибудь уладить; вамъ можно было бы вернуться, пожелай вы этого, и дать имъ время обдумать это дѣло.

Едва были произнесены эти слова, какъ ядъ этой послѣдующей цѣли, добиваться которой запретила ему жена, началъ мутить душу Пиннэя. Онъ не могъ отвязаться отъ заманчивой мысли, какъ будетъ великолѣпно, если ему удается привезти съ собою Нортвика и передать его—добровольнаго узника въ силу нравственнаго убѣжденія—въ руки отечественнаго правосудія. Каковъ бы ни былъ окончательный результатъ, — осужденіе или оправданіе Нортвика, — благодаря этому процессу Пиннэй вышелъ бы въ люди. Благодаря ему онъ возвысился бы въ уваженіи тѣхъ, кто его зналъ, и могъ выбрать для себя любую карьеру — какъ репортеръ или сыщикъ, причемъ передъ нимъ открывалась блестящая перспектива и въ томъ, и въ другомъ случаѣ. Пиннэй всячески старался противиться искушенію этихъ мыслей, вспоминая обѣщанія, данныя имъ женѣ; но ея съ нимъ не было и

помнить ему эти обѣщанія было ужасно трудно. По всей вѣроятности, онъ не зашелъ черезчуръ далеко въ эту область скорѣе благодаря настроенію Нортвика, чѣмъ своей собственной добродѣтели.

— Мнѣ кажется, я понимаю, что бы изъ этого вышло, — холодно замѣтилъ преступникъ. Затѣмъ онъ принялся очень осторожно выспрашивать Пиннэя о томъ, какое именно дѣйствіе произвело письмо его въ печати и какіе толки вызвало. По своему характеру Пиннэй представилъ ему все въ розовомъ и обманчивомъ свѣтѣ, но репортеръ понялъ, что Нортвика не такъ-то легко провести и онъ сразу узналъ, насколько было лжи въ его словахъ. Это увеличило уваженіе Пиннэя къ нему и, повидимому, на чувства Нортвика къ Пиннэю нисколько не повліяло, что онъ такъ быстро разгадалъ характеръ репортера. Нортвикъ отнесся къ нему довольно дружелюбно, какъ ему показалось, и по мѣрѣ того, какъ шла ихъ бесѣда, Пиннэю вообразилось, что довѣріе старика росло. Нортвикъ сохранялъ про себя свои выводы и умозаключенія. Его прирожденная сдержанность усилилась вслѣдствіе одиночества его изгнаннической жизни; эта сдержанность мѣшала ему выражать свои мнѣнія по поводу отвѣтовъ Пиннэя, и Пиннэю приходилось догадываться о нихъ по его вопросамъ. Нортвикъ ясно понималъ положеніе своего дѣла на родинѣ. Впечатлѣніе, произведенное его преступленіемъ и бѣгствомъ, сгладилось,—онъ могъ спокойно вернуться, не боясь возбужденія общественнаго возмездія. Но ему было извѣстно, что механизмъ закона долженъ прійти въ движеніе самъ собою, какъ только онъ очутится въ его власти; а Пиннэй не могъ ему сказать, было ли что-нибудь сдѣлано, чтобы задержать его колеса. Письмо отъ его дочерей не проливало свѣта на этотъ вопросъ: оно призывало его откликнуться и являлось выраженіемъ ихъ любви—и только. Ни онѣ, ни ихъ друзья, съ которыми онѣ совѣтовались, не нашли сказать ему ничего лучшаго, кромѣ того, что онѣ были здоровы и горѣли желаніемъ получить отъ него вѣсточку; да и Пиннэй ничего другого, въ сущности, не зналъ о нихъ. Онѣ не пригласили его въ Гатборо повидаться съ ними, прежде чѣмъ онъ уѣхалъ въ Канаду, и при всемъ желаніи придумать что-нибудь утѣшительное и пріятное для старика, онъ не могъ этого сдѣлать за отсутствіемъ матеріала. Самое большое, что онъ предполагалъ, было то, что семейство мистера Гилари не порвало дружескихъ отношеній съ его дочерями. Пиннэй слышалъ, какъ люди ругали за это стараго Гилари и передалъ это Нортвику.

— Мнѣ кажется, онъ стоялъ за васъ горой, мистеръ Нортвикъ, насколько это было въ его силахъ,—сказалъ Пиннэй; Нортвикъ имѣлъ мужество отвѣтить, что ожидалъ этого.—Письмо это мнѣ принесъ молодой Гилари и онъ же обо всемъ переговорилъ со мною,—прибавилъ Пиннэй.

Нортвикъ, повидимому, не ожидалъ этого; но онъ не сказалъ на это ни слова. А затѣмъ спросилъ:

— И вы ничего не знаете, какъ онѣ живутъ?

— Нѣтъ, не знаю,—признался Пиннэй вполнѣ чистосердечно.—Но я полагаю, онѣ живутъ тамъ же, гдѣ жили всегда. Мистеръ Гилари сказалъ мнѣ только, въ какомъ онѣ положеніи. Мнѣ кажется, вамъ незачѣмъ безпокоиться на этотъ счетъ. Мое мнѣніе таково, мистеръ Нортвикъ: онѣ хотятъ, чтобы вы не тревожили себя мыслями о нихъ; онѣ хотятъ прежде всего узнать, гдѣ вы находитесь. Вѣдь вы знаете, прежде чѣмъ появилось въ печати ваше письмо, многіе считали васъ погибшимъ во время несчастнаго случая въ Уэлуотэрѣ, въ тотъ день, какъ вы уѣхали изъ дому.

Нортвикъ несказанно изумился.

— Какого несчастнаго случая? Что хотите вы сказать? — спросилъ онъ.

— Да неужели вы объ этомъ не знаете? Развѣ вы не просматривали газетныхъ отчетовъ? Между погибшими стояло ваше имя, а тѣ, кто думалъ, что васъ тамъ не было, говорили, что съ вашей стороны это была только ловкая продѣлка. Была получена депеша на счетъ мѣста въ Пулманскомъ спальномъ вагонѣ, подписанная «Т. У. Нортвикъ».

— Ахъ! я такъ и зналъ!—вскричалъ Нортвикъ.—Я былъ увѣренъ, что подписался своимъ настоящимъ именемъ!

— Ну разумѣется,—кротко согласился Пиннэй;—всегда возможно такъ промахнуться вначалѣ, когда берешь чужое имя. Это естественно.

— Я ничего не слыхалъ объ этомъ несчастіи. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я не бралъ въ руки газетъ. Я не могъ ихъ читать.— А затѣмъ я захворалъ... Онѣ должны были повѣрить, что я умеръ!

— Ну, что жъ, теперь все это миновало, мистеръ Нортвикъ,—сказалъ Пиннэй.—Вопросъ теперь въ томъ, какъ вамъ вернуться къ нимъ.

— Вернуться? Вы вѣдь знаете, что этого я не могу сдѣлать,— сказалъ Нортвикъ съ горькимъ отчаяніемъ и откровенностью, которой до сихъ поръ не выказывалъ.

Пиннэй почувствовалъ, что этотъ несчастный человѣкъ начинаетъ «цѣпляться» за него. Онъ весело отвѣтилъ:

— Ну, я этого не скажу. Вотъ что, мистеръ Нортвикъ; вѣдь вы вѣрите, что я вамъ другъ, не правда ли? Что я хочу поступать съ вами по совѣсти?

Нортвикъ колебался, что ему отвѣтить, а Пиннэй продолжалъ:

— Письмо вашей дочери должно бы для васъ быть ручательствомъ въ этомъ!

— Да,—согласился Нортвикъ послѣ другой минуты колебанія.

— Ну такъ я могу сказать вамъ кое что полезное для васъ и надѣюсь, вы повѣрите мнѣ. Я думаю, вы можете вернуться, если правильно обдѣлаете дѣло. Разумѣется, вамъ это обойдется довольно дорого, все, что вы привезли съ собою...

Пиннэй пристально посмотрѣлъ на безстрастное лицо Нортвика, чтобы уловить въ немъ перемѣну,—затѣмъ продолжалъ:

— ...и болѣе. Придется отдать. Вы должны сказать, сколько денегъ привезено вами съ собою, гдѣ эти деньги и какъ ихъ можно получить. Мнѣ почему-то кажется,—продолжалъ Пиннэй, стараясь заглянуть ему въ душу и словно мысль эта только теперь у него явилась,—что вамъ бы хотѣлось побывать у себя дома.

Нортвикъ испустилъ вздохъ, полный тоски по дому, которую разбудили въ немъ эти слова репортера. Какъ молнія пронеслось передъ нимъ яркое мучительное видѣніе всего, что онъ созерцалъ въ ту ночь, когда покидалъ свой домъ, въ бѣлоснѣжномъ уборѣ, подъ покровомъ яснаго зимняго неба.

— Вы не знаете, о чемъ говорите,—произнесъ онъ нѣсколько строго.

— Вы правы, — согласился Пиннэй.—Но я былъ тамъ какъ разъ послѣ того какъ вы улизнули... И я долженъ сказать, я бы рискнулъ всѣмъ, чтобы вернуться туда. Да вы себѣ и представить не можете— сказалъ онъ съ непринужденной, ласковой задушевностью, — до чего забылось всѣми это дѣло. Ну, право, сэръ, я готовъ держать пари на что угодно, что вы могли бы вернуться въ Гатборо теперь и пробыть тамъ цѣлыя сутки прежде, чѣмъ кто-нибудь узналъ бы объ этомъ. Только помните, я не говорю, что вы должны это сдѣлать. Мы не въ состояніи будемъ хлопотать о васъ, если вы будете тамъ. Въ настоящую минуту мы хотимъ, чтобы вы оставались вдали, а ваши друзья постараются обдѣлать ваше дѣло. Все равно, какъ соискателя въ президенты,—прибавилъ Пиннэй, улыбаясь.—Эй! кто это?

Маленькая служанка-француженка, босая, черноокая, въ кудряхъ, застѣнчиво подошла къ Нортвику и сказала: «Dîner, Monsieur».

— Это значитъ «обѣдать»,—съ важностью перевелъ Нортвикъ.— Прошу васъ откушать со мною.

— О, премного благодаренъ,—отвѣчалъ Пиннэй, вставая съ своего мѣста вмѣстѣ съ нимъ. Они сидѣли на ступенькахъ зданія, которое, какъ теперь замѣтилъ Пиннэй, странно выдѣлялось посреди крытыхъ древесной корою хижинъ этой небольшой деревушки.

— Что это за штука?

— Мастерская американца-художника, который прежде наѣзжалъ сюда. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ здѣсь не бывалъ.

— Полагаю, вы разсчитываете очистить ее, если онъ пріѣдетъ,— замѣтилъ Пиннэй тономъ дружеской фамильярности, отнынѣ установившейся между ними.

— Онъ не могъ бы сдѣлать мнѣ ничего дурного даже при желаніи,—отвѣчалъ Нортвикъ съ достоинствомъ, но безъ обидчивости.

— Разумѣется, нѣтъ,—поспѣшилъ согласиться Пиннэй;—и я думаю, вамъ было бы пріятно услышать англійскую рѣчь послѣ всей этой французской болтовни, которая прожужжала вамъ уши.

— Хозяинъ говоритъ немного поанглійски; священникъ тоже. Онъ другъ отца Этіенна.

— А! понимаю,—сказалъ Пиннэй.

Онъ замѣтилъ, что Нортвикъ едва передвигалъ ноги отъ слабости. Онъ попробовалъ положить свою руку ему подъ локоть и Нортвикъ не оттолкнулъ помощи, предложенной ему.

— Я былъ очень тяжко боленъ въ послѣдней половинѣ зимы,— объяснилъ онъ,—и силы мои совсѣмъ ослабѣли.

— Въ Римуски, должно быть?—спросилъ Пиннэй.

— Нѣтъ,—коротко отвѣчалъ Нортвикъ.

IV.

За незатѣйливымъ обѣдомъ, который Пиннэй превозносилъ, такъ вкусна показалась ему мѣстная баранина, и до котораго едва притронулся Нортвикъ, послѣдній разговорился и разсказалъ Пиннэю подробно и откровенно о своемъ бѣгствѣ и зимнемъ путешествіи къ сѣверной окраинѣ цивилизованнаго міра. Живописныя детали его разсказа и возможность распредѣлить ихъ подъ заманчивыми заголовками взбаломутили репортерскіе инстинкты Пиннэя, и ему страстно захотѣлось тутъ же, на мѣстѣ, обработать матеріалъ, доставленный ему Нортвикомъ. Но онъ взялъ себя въ руки и только пообѣщалъ ему, что если когда-либо можно будетъ во всеуслышаніе оповѣстить его разсказъ, это принесетъ ему, Пиннэю, и деньги, и славу.

Они довольно долго просидѣли за обѣдомъ. Наконецъ, Пиннэй вынулъ свои часы.

— Когда, уходитъ отсюда въ Квебекъ пароходъ?

Нортвикъ не говорилъ ему этого, разумѣется, но теперь сказалъ. Онъ зналъ этотъ часъ по пароксизму тоски по дому, который наступалъ въ его душѣ всякій день въ это время.

— Ну, — сказалъ Пиннэй, — постараемся сговориться относительно вотъ чего: долженъ ли я сообщить вашимъ дѣтямъ, гдѣ вы? Или какъ намъ быть? Послушайте, что я вамъ скажу!—неожиданно вырвалось у него,—отчего бы вамъ не поѣхать со мною въ Квебекъ? Вы будете тамъ въ такой же безопасности, какъ здѣсь; вы сами это знаете. А теперь, разъ ваши друзья должны быть увѣдомлены относительно вашего мѣстопребыванія, не лучше ли вамъ поселиться тамъ, куда они могутъ въ крайней надобности послать вамъ телеграмму? Ну, что вы скажете на это?

Нортвикъ отвѣтилъ просто:

— Хорошо, я поѣду съ вами.

— Ну, вотъ и чудесно! — сказалъ Пиннэй. — Не помочь ли вамъ собрать ваши вещи?

Нортвикъ принималъ его услуги съ безпомощностью человѣка, по-

терявшаго близкихъ и возложившаго свое упованіе на унылую любезность гробовщика. Будь Нортвикъ роднымъ отцомъ Пиннэя, послѣдній не могъ бы заботиться о немъ съ большею нѣжностью,—онъ собралъ всѣ его вещи, отвезъ ихъ на пароходъ и удержалъ для него самую лучшую каюту. Онъ безъ зазрѣнія совѣсти выдалъ его клерку за американскаго капиталиста, проживающаго въ Канадѣ ради здоровья и на этомъ основаніи потребовалъ для него «особую» каюту. Клеркъ отдалъ въ его распоряженіе капитанскую каюту, такъ какъ всѣ остальныя были взяты, и Пиннэй занялъ ее для Нортвика. Каюта эта была просторнѣе и уютнѣе остальныхъ и, уложивъ Нортвика на койку, Пиннэй усѣлся возлѣ него и принялся болтать. Нортвикъ объявилъ Пиннэю, что страдаетъ безсонницей и ему пріятно поболтать съ нимъ; Пиннэй замѣтилъ, что Нортвику было не по себѣ, когда онъ уходилъ, и въ душѣ репортеръ рѣшилъ, что Нортвикъ былъ очень больнымъ человѣкомъ. Онъ лежалъ точно мертвый, не шевелясь, на нижней койкѣ,—гдѣ Пиннэй устроилъ его какъ можно удобнѣе,—со сложенными на груди руками и закрытыми глазами. Иногда Пиннэя брало сомнѣніе, не умеръ ли его собесѣдникъ; тогда онъ придумывалъ вопросы, чтобы заставить Нортвика сказать «да» или «нѣтъ» и убѣдиться, что онъ еще живъ: онъ дышалъ такъ тихо, что Пиннэй не могъ уловить его дыханія.

Пиннэй, увлекшись бесѣдой, совершенно позабылъ о положеніи Нортвика и теперь вернулся къ нему съ новымъ приливомъ сострадавія. Хотя къ послѣднему примѣшивался личный интересъ Пиннэя, «дѣловая» сторона вопроса, тѣмъ не менѣе оно было искреннимъ и Пиннэй не лгалъ, говоря, что ему хотѣлось бы, если возможно, заключить условія относительно возвращенія Нортвика домой,—въ эти годы для него это было необходимо.

— И не вѣрится мнѣ, чтобы нельзя было заключить такое условіе,—сказалъ онъ.—Я не знаю хорошенько обстоятельствъ этого дѣла, но, по моему разумѣнію, съ тѣми друзьями, которые у васъ имѣются, вамъ нечего бояться особыхъ хлопотъ. Полагаю, вамъ понадобилось бы выполнить кое-какія неизбѣжныя законныя формальности; но всю эту канитель всегда можно тянуть и затягивать, откладывая самую процедуру въ долгій ящикъ, пока наконецъ отъ дѣла ничего не останется. Разумѣется, захвати они васъ, все пошло бы по иному. Но теперь,—объявилъ Пиннэй, позабывъ о томъ, что̀ высказалъ ранѣе объ этомъ предметѣ,—все это дѣло затушено, такъ что письмо ваше изъ Римуски не произвело въ Бостонѣ почти никакого впечатлѣнія. Про Гатборо ничего не могу сказать. Право, сэръ я не думаю, если вы вернетесь теперь и друзья ваши постоятъ за васъ, какъ должно, я не думаю, чтобы приговоръ надъ вами былъ чѣмъ-нибудь больше простой формальности, если только состоится какой-нибудь приговоръ. Я бы разсказалъ вамъ о своихъ планахъ, если вы еще не хотите спать.

— Я порядкомъ усталъ,—молвилъ Нортвикъ съ трогательнымъ терпѣніемъ.

— О, въ такомъ случаѣ, полагаю, лучше намъ отложить это до завтра. Разговоръ отъ насъ не уйдетъ.

Пиннэй быстро раздѣлся, и прежде чѣмъ взобраться на верхнюю койку, затворилъ дверь на замокъ, а ключъ положилъ себѣ подъ подушку. Нортвикъ, казалось, не обратилъ на это вниманія, но у Пиннэя заскребло на совѣсти и онъ вложилъ ключъ обратно въ дверь.

— Кажется, лучше его оставить тамъ,—сказалъ онъ,—не то нельзя будетъ отворить дверь снаружи. Ну, сэръ, спокойной ночи,—обратился онъ къ Нортвику и съ легкимъ сердцемъ вскарабкался на койку. Подъ утро его разбудили стоны Нортвика, которому было очень дурно. Пиннэй хотѣлъ позвать кого-нибудь на помощь, но Нортвикъ сказалъ, что его боль пройдетъ и такъ, и попросилъ Пиннэя достать какое-то лѣкарство изъ его ручного саквояжа. Послѣ того, какъ онъ принялъ это лѣкарство, ему стало лучше. Но онъ крѣпко ухватился за руку Пиннэя во время одной изъ спазмъ и выпустилъ ее только тогда, когда заснулъ. Затѣмъ Пиннэй улегся снова въ свою койку и впалъ въ глубокій сонъ.

Проснулся Пиннэй очень поздно. Пароходъ уже вошелъ въ Квебекскую гавань. Онъ слышалъ, какъ суетились пассажиры, торопясь высадиться на берегъ. Когда онъ понемногу собрался съ мыслями и припомнилъ всѣ событія прошлаго вечера, онъ почти боялся взглянуть внизъ на Нортвика: его брало сомнѣніе, не умеръ ли онъ за ночь. Когда же онъ рѣшился посмотрѣть внизъ, онъ увидалъ, что койка пуста.

Онъ спрыгнулъ на полъ и принялся живо одѣваться. На минуту онъ успокоился, увидавъ чемоданъ Нортвика въ углу рядомъ съ его собственнымъ. Но ручной саквояжъ исчезъ. Онъ бросился вонъ изъ каюты, какъ только могъ это сдѣлать, не нарушая приличій, и обыскалъ всѣ углы и закоулки парохода, гдѣ только могъ быть Нортвикъ; но послѣдній исчезъ, словно въ воду канулъ.

Пиннэй спросилъ у буфетчика, давно ли причалилъ пароходъ. Тотъ отвѣчалъ, что съ шести часовъ, а теперь было восемь.

Нортвикъ не ждалъ Пиннэя на пристани и репортеръ уныло поплелся въ свою гостинницу, въ Верхнемъ Городѣ. Онъ подумалъ, въ видѣ послѣдней возможности, не ждалъ ли его Нортвикъ здѣсь, желая сдѣлать ему пріятный сюрпризъ. Оказалось, что Нортвика и тутъ не было.

Жена его сразу поняла, что случилось. Она прямо коснулась самаго сокровеннаго пункта.

— Говорилъ ли ты что-нибудь насчетъ его возвращенія въ Бостонъ?

— То-есть... вообще,—признался Пиннэй плачевно.

— Неудивительно, что онъ испугался тебя. Ты измѣнилъ своему слову, Рэнъ, и по дѣломъ тебѣ.

Жена его прохаживалась взадъ и впередъ съ бэби на рукахъ; она сказала, что онъ былъ боленъ и она всю ночь не спала. Она совѣтовала Пиннэю, сходить лучше за докторомъ.

Возвращеніе Пиннэя совсѣмъ не было похоже на то, что онъ воображалъ себѣ.

— Я убѣжденъ, что этотъ старый дуракъ изъ ума выжилъ,— сказалъ онъ, считая, что такое объясненіе съ его стороны поведенія Нортвика было наиболѣе снисходительнымъ предположеніемъ.

— Во всякомъ случаѣ, онъ, повидимому, зналъ, что дѣлаетъ,—холодно отвѣчала миссисъ Пиннэй.—Ахъ, сходи же, прошу тебя, за докторомъ!

V.

Еще не занялась заря, когда Нортвикъ дотащился, еле волоча ноги, по пустынной аллеѣ темныхъ сосенъ до своего опустѣвшаго дома и принялся, крадучись, пробираться къ этому родному жилищу, которое такъ долго тревожило его грезы во снѣ и на яву. Онъ испытывалъ какой-то странный восторгъ отъ сознанія опасности, которой подвергалъ себя; то было безумное наслажденіе, смѣшанное съ ужасомъ, при мысли *чѣмъ* онъ былъ и *гдѣ* онъ находился. Ему хотѣлось смѣяться, когда онъ думалъ, какъ легко и благополучно произошло его возвращеніе. Но въ то же время его пронизывало тревожное безпокойство и заставляло принимать предосторожности ночного вора.

Ночной воръ: эти два слова сами собою повторялись въ его умѣ, пока онъ не высказалъ ихъ шепотомъ, снимая свои башмаки; затѣмъ, онъ прокрался по ступенямъ на галлерею и заглянулъ въ мракъ длиннаго ряда оконъ. Онъ не сразу замѣтилъ, что ставни были открыты,— изъ безпечности или равнодушія,—и это отдалось мучительною тоскою въ его сердцѣ, когда онъ, наконецъ, сообразилъ это. Ему показалась дурнымъ предзнаменованіемъ такая небрежность: онъ первый нарушилъ заботливую охрану своего дома, покинувъ его на расхищеніе и опустошеніе. Онъ попробовалъ отворять окна: онъ долженъ войти туда какимъ-нибудь образомъ, а позвонить или позвать кого-нибудь онъ не рѣшался. Онъ долженъ войти въ свой домъ какъ воръ, точно такъ же, какъ ушелъ изъ него.

Одно изъ оконъ подалось: длинная оконная дверь распахнулась внутрь и онъ ступилъ на полъ библіотеки, съ котораго былъ снятъ коверъ. Тогда самъ собою передъ нимъ предсталъ фактъ перемѣны, которая должна была произойти во всемъ домѣ, и онъ ощутилъ странное желаніе взглянуть на эту перемѣну и освоиться со всѣми ея деталями. Онъ зажегъ одну изъ восковыхъ спичекъ, которыя были у него, и, прикрывъ ее ладонями рукъ, при помощи ея мерцающаго свѣта,

увидалъ запустѣніе обнаженныхъ и заброшенныхъ комнатъ. Онъ прошелъ черезъ рядъ широко зіяющихъ дверей, черезъ библіотеку, гостиную, столовую и прихожую; затѣмъ зажегъ другую спичку, когда первая догорѣла, и поднялся наверхъ. Онъ тотчасъ же увидалъ, не входя въ комнаты дочерей, что комнаты эти пусты: дочерей его здѣсь не было. Но у него явилась странная надежда, что въ своей комнатѣ онъ найдетъ самого себя. Однако и тутъ не осталось ничего. Казалось, будто онъ былъ духъ, вернувшійся за своимъ тѣломъ, которое оставилъ позади себя; казалось, всякій, при видѣ его испугался бы больше его самого; но все-таки онъ не терялъ сознанія опасности своего положенія.

Въ немъ жила надежда, вслѣдствіе долгой привычки,—надежда, не покидавшая его, несмотря на то, что вездѣ были только голыя стѣны,—что онъ увидитъ нарисованное лицо своей жены, которое смотрѣло на него съ такимъ состраданіемъ съ портрета, висѣвшаго надъ каминомъ. Онъ слабо вздохнулъ, увидя, что портретъ исчезъ, какъ исчезло ея кресло у того окна, откуда онъ обозрѣвалъ свои владѣнія въ ту послѣднюю ночь, когда собрался ихъ покинуть. Онъ бросилъ потухающую спичку въ каминъ, а самъ протащился къ окну и снова выглянулъ изъ него. Въ сѣрой мглѣ безлунной и беззвѣздной ночи, оранжереи, молчаливые погреба и сараи казались простой громадой; въ томъ мѣстѣ, гдѣ было помѣщеніе для кучера, на мгновеніе появилась маленькая точка свѣта и затѣмъ исчезла.

Нортвикъ понялъ, что тутъ жили люди. А можетъ быть, туда забрался какой-нибудь бездомный бродяга, какъ онъ самъ; и ему смутно подумалось, что онъ долженъ сказать объ этомъ Ньютону и предостеречь его отъ бродягъ, ночующихъ въ сараяхъ: вѣдь этакъ они могутъ произвести пожаръ. Мысль его вернулась обратно къ настоящимъ условіямъ его положенія и онъ сталъ думать, долго ли можетъ онъ ходить и расхаживать здѣсь, словно бродяга, не будучи открытымъ. Не возбуди онъ прошлымъ лѣтомъ крутыхъ мѣръ противъ бродягъ, онъ могъ бы шататься здѣсь сколько угодно. Но его нельзя было осуждать: мисиисъ Морэлль своей безразсудной добротой поощряла бродягъ и необходимо было поставить этому какую-нибудь преграду. А теперь эта преграда связывала его собственныя дѣйствія. Это было жестоко: ему вспомнилось, что онъ читалъ объ одномъ человѣкѣ, который покинулъ вдругъ свою семью, взялъ комнату черезъ дорогу и жилъ напротивъ своего прежняго дома, невѣдомый для своихъ близкихъ, до самой смерти... Онъ зажегъ еще спичку и посмотрѣлъ на себя въ зеркало, вставленное въ простѣнкѣ, въ видѣ окна; онъ думалъ, что сталъ неузнаваемъ даже для своихъ родныхъ дѣтей съ этой длинной сѣдой бородой и шевелюрой, которыя онъ отростилъ себѣ.

Горько ему было. Но внезапно умъ его перескочилъ отъ этой мысли; онъ вспомнилъ, что не знаетъ, гдѣ живутъ его дѣти. Такъ или

иначе, онъ долженъ ихъ отыскать, вѣдь онъ пріѣхалъ, чтобы повидаться съ ними и не можетъ уѣхать отсюда безъ этого. Онъ долженъ поторопиться и уйти отсюда до разсвѣта. Онъ протащился къ лѣстницѣ, чиркнулъ спичку, чтобы посвѣтить себѣ, спускаясь внизъ, и поднесъ ее къ окну, которое оставилъ открытымъ, войдя въ библіотеку. Едва онъ ступилъ на галлерею, какъ очутился въ крѣпкихъ объятіяхъ какого-то человѣка.

— Попался, голубчикъ! Что ты здѣсь дѣлаешь, хотѣлось бы мнѣ знать? Кто ты, воръ ты этакій? Ну-ка, Лэктра, подержи-ка фонарь поближе къ его лицу.

Нортвикъ не пытался сопротивляться; онъ съ перваго слова узналъ голосъ Элбриджа Ньютона. Онъ увидѣлъ рядомъ съ нимъ женскую фигуру, склонившуюся надъ фонаремъ, и догадался, что то была миссисъ Ньютонъ. Но ни къ нему, ни къ ней онъ не обратился ни единымъ звукомъ или движеніемъ. Привычку всей его жизни составляло молчаніе, особенно въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, а одиночество, въ которомъ онъ провелъ послѣдніе полгода, только усилили и увеличили эту привычку. Если бы къ его горлу приставили ножъ, то и тогда не произнесъ бы ни слова о пощадѣ; но молчаніе его до такой степени не зависѣло отъ его воли, что ему показалось, будто онъ перестаетъ дышать, когда миссисъ Ньютонъ навела на него фонарь, чтобы хорошенько освѣтить его лицо.

Когда свѣтъ упалъ на его лицо, Нортвикъ понялъ, что эти люди узнали сразу, кто онъ, не смотря на его длинную сѣдую бороду. Рука Элбриджа, крѣпко державшая его, упала и Нортвикъ очутился на свободѣ.

— Ну, чортъ бы меня побралъ,—произнесъ Элбриджъ.

Жена его продолжала держать фонарь у лица Нортвика.

— Что намѣренъ ты съ нимъ дѣлать? — спросила она, наконецъ, словно Нортвика тутъ и не было, до такой степени онъ былъ нѣмъ и безучастенъ.

— Почемъ я знаю,—отвѣчалъ Ньютонъ, совершенно ошеломленный необычайными осложненіями этого казуса. На одно мгновеніе онъ освободился отъ подавлявшихъ его чувствъ и высказалъ такое предположеніе:

— Должно быть, онъ искалъ своихъ дочерей. Развѣ вы не понимаете,—обратился онъ къ Нортвику въ видѣ оправдательнаго упрека,— что, зажигая такимъ манеромъ спички въ домѣ, вы можете произвести пожаръ и во всякомъ случаѣ навѣрно заставите добрыхъ людей подумать, что тутъ кто-нибудь да есть!

Нортвикъ ничего ему не отвѣтилъ и Ньютонъ тщательно осмотрѣлъ его при свѣтѣ фонаря.

— Ей-Богу, онъ въ однихъ чулкахъ. Пойди-ка, Лэктра, поищи его башмаки. Возьми свѣчку.

Ньютонъ настаивалъ на этомъ, повидимому, потому, что этакъ онъ сваливалъ съ себя бремя дальнѣйшаго дѣйствія въ столь затруднительномъ дѣлѣ.

Жена его нашла башмаки на ступеняхъ веранды; но Нортвикъ, повидимому, былъ также мало способенъ двигаться, какъ говорить, и Элбриджъ, нагнувшись, надѣлъ ему на ноги башмаки. Поднявшись, онъ снова уставился на Нортвика, словно желая вполнѣ убѣдиться, что это онъ, а затѣмъ произнесъ смущенно вздохнувъ:

— Ступай-ка впередъ по-маленьку, Лэктра, съ фонаремъ. Мнѣ думается, намъ надобно отвести его къ нимъ,—и жена его, обыкновенно вертлявая и своевольная, молча повиновалась.

— Желаете дочекъ своихъ повидать?—обратился онъ къ Нортвику, а такъ какъ послѣдній продолжалъ молчать, Ньютонъ прибавилъ:

— Ну что-жъ, я, право, не могу его осуждать, что онъ не хочетъ довѣриться. Да вы не бойтесь,—прибавилъ онъ въ сторону Нортвика,— вѣдь васъ никто не задержитъ противъ воли.

— Ужъ я-то знаю, что никто этого не посмѣетъ, — подтвердила миссисъ Ньютонъ, у которой, наконецъ, развязался языкъ. — Пусть даютъ хоть вдвое, втрое больше противъ обѣщанной награды, я ихъ прежде такъ хвачу по мордѣ, что и не опомнятся у меня. Веди его, Элбриджъ.

Нортвикъ попрежнему не говорилъ и не двигался. Тогда Ньютонъ взялъ его подъ руку и повелъ со ступеней веранды, а затѣмъ по темной аллеѣ, которая прорѣзывалась въ видѣ туннеля при свѣтѣ фонаря, по мѣрѣ того, какъ они волокли своего безпомощнаго арестанта къ сторожкѣ у главныхъ воротъ.

Нортвикъ слышалъ и понялъ ихъ. Онъ не зналъ, какія намѣренія таились у нихъ въ душѣ, когда они сказали, что поведутъ его къ его дѣтямъ, но онъ былъ не въ силахъ сопротивляться, и когда они дошли до коттэджа, онъ безпрекословно опустился на ступени. Его трясла сильнѣйшая лихорадка. А въ это время Элбриджъ стучалъ въ дверь, пока не открылось окно въ верхнемъ этажѣ и испуганный голосъ Аделины пролепеталъ:

— Кто тамъ? Что случилось?

Миссисъ Ньютонъ заговорила вмѣсто своего мужа:

— Это мы, миссъ Нортвикъ. Если вы вы не спите...

— Нѣтъ, я давно не сплю.

— Ну такъ слушайте!—тутъ миссисъ Ньютонъ понизила свой голосъ.—И не пугайтесь. Не кричите... не говорите громко... Идите и дайте ему войти въ домъ.

Нортвикъ всталъ. Онъ услыхалъ, что кто-то торопливо тревожными шагами сбѣгалъ по лѣстницѣ внутри дома. Дверь отворилась и Аделина схватила его въ свои объятья, задыхаясь отъ радостныхъ рыданій.

— Охъ, папа! Охъ, папа! Охъ, я знала, я знала, что это ты! Охъ, охъ, охъ! Гдѣ былъ онъ? Гдѣ нашли вы его?

Она не слыхала, что они ей отвѣтили. Она не поняла даже, что преградила имъ доступъ къ себѣ, затворившись въ домѣ съ отцомъ.

VI.

Нортвикъ пристально озирался кругомъ при свѣтѣ рожка. Онъ крѣпко уцѣпился за ея руку.

— Что онъ намѣренъ дѣлать? Онъ пошелъ за полицейскимъ? Онъ меня выдастъ?

— Кто? Элбриджъ Ньютонъ? Ну, я увѣрена, его жена не забыла, какъ много ты для нихъ сдѣлалъ, когда умеръ ихъ мальчикъ, а если бы онъ даже и забылъ то, и тогда, онъ не пошелъ бы за полицейскимъ! Гдѣ ты съ нимъ встрѣтился?

— Въ домѣ. Я былъ тамъ.

— Но какъ же онъ-то провѣдалъ объ этомъ?

— Мнѣ надо было зажечь огонь.

— Охъ, Боже мой! Ужъ и не знаю, чтобы я дѣлала, если бы тебя захватилъ кто другой! Не понимаю, какъ можешь ты такъ рисковать собою!

— Я думалъ объ этомъ. Мнѣ надо было вернуться сюда. Я не могъ долѣе оставаться тамъ, когда этотъ человѣкъ привезъ мнѣ ваше письмо.

— Ахъ, онъ отыскалъ тебя,—радостно вскричала она.—Я знала, что онъ найдетъ тебя, я говорила это... Садись, папа; прошу тебя.

Она нѣжно втолкнула его въ качалку, обложенную подушками.

— Это мамино кресло; помнишь, оно всегда стояло въ простѣнкѣ у окна, въ твоей комнатѣ, тамъ, куда она его поставила? Луиза Гилари купила его на аукціонѣ... Я знаю, что она его купила... и подарила мнѣ его. Я не хотѣла позволить Сюзеттѣ отдать компаньонамъ домъ, потому что онъ принадлежалъ мамѣ.

Онъ, повидимому, не понималъ того, что она говорила. Онъ жалобно уставился на нее и съ усиліемъ произнесъ:

— Аделина, я ничего не зналъ объ этомъ несчастномъ случаѣ. Я не зналъ, что вы считали меня умершимъ, не то я...

— Нѣтъ! разумѣется, ты не зналъ! Я всегда говорила Сюзеттѣ, что ты не зналъ. Неужели ты не знаешь, что я всегда вѣрила въ тебя, папа? Мы обѣ вѣрили въ тебя, не смотря ни на что. А когда въ газетѣ было напечатано то письмо твое, я догадалась, что ты совсѣмъ измучился.

Нортвикъ всталъ и боязливо осмотрѣлся кругомъ, а затѣмъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко, заложивъ руку за пазуху. Онъ вынулъ оттуда свертокъ банковыхъ билетовъ.

— Вотъ деньги, которыя я взялъ съ собою. Я хранилъ ихъ постоянно въ кожаномъ поясѣ; но меня это страшно утомляло. Я хотѣлъ бы, чтобы ты поберегла ихъ у себя и мы заключимъ при помощи этихъ денегъ условіе, чтобы мнѣ позволили остаться здѣсь.

— Охъ, тебѣ не позволятъ остаться здѣсь. Ужъ чего мы только не дѣлали! И судъ не позволитъ. Говорятъ, тебя будутъ судить и посадятъ въ тюрьму.

Нортвикъ машинальнымъ движеніемъ положилъ деньги обратно за пазуху:

— Ну и пусть ихъ,—уныло сказалъ несчастный.—Не могу я болѣе бороться съ ними. Я порѣшилъ остаться здѣсь.

Онъ опустился въ кресло, а Аделина расплакалась.

— Охъ, я не допущу до этого! Ты долженъ отправиться назадъ! Подумай о своемъ добромъ имени, на которомъ никогда не было и тѣни безчестья!

— Что... что это такое?—пролепеталъ дрожащимъ шопотомъ Нортвикъ, услышавъ звуки шаговъ наверху.

— Да вѣдь это же Сюзетта! А я и не позвала ее,—сказала Аделина, переставъ сразу плакать. Она побѣжала къ лѣстницѣ и стала звать сестру взволнованнымъ голосомъ.

— Сюзетта! Сюзетта! Иди внизъ сію минуту! Иди внизъ! Иди, иди внизъ!

Она снова засуетилась около отца.

— Ты, вѣрно, голоденъ, не правда ли, папа? Я приготовлю тебѣ чашку чая на лампѣ. Вода мигомъ вскипитъ! И тебя подкрѣпитъ чай. Не бойся ничего. Здѣсь нѣтъ ни души, кромѣ Сюзетты. Миссисъ Ньютонъ приходитъ убирать комнаты по утрамъ. Они жили съ нами, но намъ тутъ и однѣмъ хорошо. Мнѣ хотѣлось перейти на ферму, когда мы оставили свой домъ, но Сюзеттѣ было невыносимо постоянно видѣть передъ собою нашъ домъ; она говорила, это хуже всякаго страха, только мы не боялись. А Ньютонъ то и дѣло заходятъ къ намъ узнать, не нужно ли намъ чего-нибудь. А теперь, такъ какъ ты вернулся...

Она остановилась и посмотрѣла на него въ какомъ-то умопомраченіи, а затѣмъ снова вернулась къ своей лампѣ, словно не будучи въ силахъ освоиться съ положеніемъ дѣла.

— Въ послѣднее время я все хворала, но теперь мнѣ лучше. И если бы только намъ удалось уломать судъ, чтобы ты вернулся къ намъ, я совсѣмъ выздоровлю. Я увѣрена, что мистеръ Гилари теперь добьется этого. Папа!—она понизила голосъ и оглянулась кругомъ,—Сюзетта невѣста молодого Гилари... охъ, онъ самый лучшій изъ всѣхъ молодыхъ людей!.. И мнѣ кажется, они поженятся, какъ только мы устроимъ твое дѣло. Я думала сказать тебѣ объ этомъ прежде, чѣмъ она сойдетъ внизъ.

Нортвикъ, повидимому, не понялъ этого факта, а можетъ быть не былъ въ состояніи хорошо уяснить себѣ его значеніе.

— Какъ ты думаешь,—прошепталъ онъ въ отвѣтъ,—будетъ она со мною говорить?

— *Говорить* съ тобою!

— Не знаю. Она была всегда такая гордая. Но теперь вѣдь я привезъ эти деньги, сполна, кромѣ самой малости, которая пошла...

На лѣстницѣ послышался шорохъ юбокъ. Сюзетта остановилась на мгновеніе въ дверяхъ, она глядѣла на отца, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ... Затѣмъ порывисто бросилась къ нему, скрыла лицо въ его сѣдой бородѣ и цѣловала его съ страстною силою горя и любви. Она опустилась ему на колѣни съ глубокимъ вздохомъ и голова ея упала на его плечо. Въ эти минуты они были только отецъ и дочь, все другое перестало существовать для нихъ.

Аделина глядѣла на нихъ въ восхищеніи и продолжала кипятить воду для чая. И всѣ трое въ безпокойномъ порывѣ схватились за порванныя нити своей совмѣстной жизни, стараясь объединить ее снова.

Аделина говорила за всѣхъ. Она разсказывала отцу, хвалила себя за то, что у нея явилась мысль обратиться къ Путнэю, хвалила Путнэя, его благоразуміе и распорядительность, хвалила Гилари, всѣхъ членовъ этой семьи за ихъ неизмѣнную преданность ея отцу; она была увѣрена, что будь у мистера Гилари полная возможность дѣйствовать по своему, никогда не вышло бы никакихъ непріятностей съ этими отчетами, и ей хотѣлось дать понять отцу, какъ къ нему относились лучшіе люди. Онъ слушалъ все это разсѣянно. Въ сосѣдней комнатѣ часы пробили четыре и Нортвикъ вскочилъ на ноги.

— Я долженъ уходить.

— Уходишь?—повторила Аделина какъ эхо.

— Почему долженъ ты уходить?—спросила Сюзетта, крѣпко прильнувъ къ нему.

Всѣ трое смолкли въ виду тяжкой необходимости, глядѣвшей имъ въ глаза.

Тутъ Аделина стряхнула съ себя обманчивыя грёзы благополучія, которыми убаюкивала себя до этой минуты.

— Ему необходимо уходить! — простонала она. — Охъ, Сюзетта, пусти его! Его ожидаетъ тюрьма, если онъ останется здѣсь!

— Тюрьма *тамъ*,—сказалъ Нортвикъ.—Дайте мнѣ остаться!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не допущу тебя остаться! О, какъ я жестока, заставляя тебя уходить! Отчего ты не скажешь ни слова, Сюзетта? Вѣдь именно ради тебя, а не ради чего другого, я поступаю такимъ образомъ!

— Ну, такъ не дѣлай этого! Если отецъ хочетъ остаться, если онъ считаетъ, что такъ лучше или ему легче, пусть остается; а обо мнѣ нечего думать. Я *не позволяю* тебѣ думать обо мнѣ!

— А что̀ скажутъ они... что скажетъ мистеръ Гилари... если отца посадятъ въ тюрьму?

Глаза Сюзетты загорѣлись огнемъ.

— Пускай себѣ говорятъ, что хотятъ. Я знаю, что ему могу *довѣриться*, но если онъ оставитъ меня за это, пусть его! Если отецъ желаетъ остаться, онъ останется, и что бы они не сдѣлали съ нимъ, онъ будетъ для насъ тѣмъ, чѣмъ былъ. Если онъ скажетъ намъ, что не имѣлъ намѣренія поступить дурно, его слова будетъ довольно для насъ. А люди могутъ говорить, что̀ имъ угодно, и думать, какъ имъ угодно.

Нортвикъ слушалъ съ смущеннымъ видомъ. Онъ смотрѣлъ то на одну, то на другую, не зная, какъ ему быть между ними. Онъ сильно вздрогнулъ, когда Аделина почти закричала:

— Охъ, ты не знаешь, о чемъ говоришь! Отецъ, скажи ей, что *не желаешь* оставаться здѣсь.

— Я долженъ уйти, Сюзетта; будетъ лучше, если я уйду...

— Вотъ, выпей этотъ чай, онъ подкрѣпитъ тебя немного.

Аделина торопливо сунула ему въ руки чашку чаю, который приготовила для него, несмотря на все свое безпокойство, и заставила его выпить ее.

— А теперь, поскорѣе, поскорѣе, уходи, папа! Простись съ нами! Тебѣ необходимо уйти теперь... да, *необходимо!*.. но ты уходишь не надолго! Ты видѣлъ насъ, мы слава Богу живы и здоровы, а теперь ты можешь писать намъ... Непремѣнно пиши, папа, когда пріѣдешь туда. А не то, еще лучше, телеграфируй... мы можемъ устроить... я знаю, мы можемъ... чтобы ты вернулся домой и остался дома.

— Дома! дома!—прошепталъ Нортвикъ.

— Ему какъ будто хочется доканать меня!—зарыдала Аделина закрывшись руками. Она отняла ихъ прочь.

— Ну что же! оставайся!—сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ! я ухожу,—отвѣчалъ Нортвикъ.—Ты права, Аделина. Хорошо... все къ лучшему, я ухожу...

— И напиши намъ, гдѣ ты живешь, когда вернешься туда, папа!—просила Аделина.

— Хорошо, напишу.

— А мы пріѣдемъ туда къ тебѣ,—вставила Сюзетта.—Мы можемъ жить въ Канадѣ такъ же хорошо, какъ здѣсь.

Нортвикъ покачалъ головою.

— Это не одно и то же. Я не привыкъ къ тамошней жизни. Тамъ люди рабатаютъ совсѣмъ иначе. Я бы не могъ вложить свой капиталъ ни въ одно изъ ихъ предпріятій. Я пересмотрѣлъ всѣ ихъ ресурсы. И... и я хочу вернуться въ нашъ старый домъ.

Онъ высказалъ все это разсѣянно, почти сухо, но съ видомъ окончательной рѣшимости, словно послѣ продолжительнаго, серьезнаго размышленія. Онъ сѣлъ, но Аделина не оставляла его.

— Ну, уходи! Скоро разсвѣтаетъ и я ужасно боюсь, какъ бы кто

не увидалъ тебя и не арестовалъ! Но, Господи, что это я говорю? Какъ же ты пойдешь? вѣдь ты едва стоишь на ногахъ! А если ты вздумаешь отправиться съ нашей станціи, тебя, навѣрно, узнаютъ,— кто-нибудь... и арестуютъ. Что намъ дѣлать?

— Я пріѣхалъ вечеромъ съ восточной станціи Готборо,—отвѣчалъ Нортвикъ.—Я пойду туда и сяду на утренній поѣздъ.

— Но вѣдь это добрыхъ три мили!—вскричала Аделина.—Никогда тебѣ не поспѣть къ этому поѣзду! Охъ, зачѣмъ не я просила Элбриджа пріѣхать за тобою! Я должна пойти и сказать ему, чтобы онъ поскорѣе собрался.

— Нѣтъ, я пойду!—сказала Сюзетта.—Аделина!

Аделина распахнула дверь и съ крикомъ отступила назадъ. У дверей дома стояла повозка, напоминавшая фургоны, въ которыхъ перевозятъ мебель; повозка эта при блѣдномъ полусвѣтѣ дня казалась погребальными дрогами.

— Это я, — отозвался голосъ Элбриджа съ козелъ, и голова Эльбриджа неясно выступила. — Мнѣ подумалось, можетъ вамъ понадобится повозка, ну вотъ я и подъѣхалъ наугадъ.

— Охъ, правда, намъ какъ разъ ее-то и надобно!—вскричала Аделина съ нервымъ болѣзненнымъ смѣхомъ.—Ну, папа, скорѣе садись! Не теряй ни минуты. Поцѣлуй Сюзетту. Прощай! Непремѣнно доставьте его, Элбриджъ, на восточную станцію Гатборо къ поѣзду, что уходитъ въ четыре часа сорокъ минутъ!

Она помогла отцу усѣсться въ крытую повозку. Онъ весь трясся и спотыкался.

— А если кто попробуетъ васъ задержать...

— Посмотрѣлъ бы я, какъ кто вздумалъ бы меня задержать,— молвилъ Элбриджъ, хлестнувъ свою лошадь. Затѣмъ онъ наклонился къ Нортвику и прибавилъ:

— У меня и старая кобыла пойдетъ не хуже того черпаго жеребца.

— А какая это кобыла?—спросилъ Нортвикъ.

Аделина не находила себѣ мѣста отъ волненія и безпрестанно говорила о своихъ предчувствіяхъ вплоть до возвращенія Элбриджа. Она спрашивала у Сюзэтты, думала ли она, что отцу ихъ удастся уѣхать; она говорила, что Элбриджу ни за что поспѣть къ поѣзду на этой неповоротливой старой лошади,—отца ихъ арестуютъ. Несмотря на свою слабость, она встала съ постели совсѣмъ больная, чтобы принять отца. Аделина тщательно одѣлась, готовясь къ самому худшему: она пойдетъ съ нимъ въ тюрьму, если его привезутъ назадъ, она твердо рѣшилась на это. По временамъ она выходила изъ дому и смотрѣла на дорогу, не возвращается ли Элбриджъ одинъ, не везутъ ли ея отца; она надѣялась, что его прежде привезутъ къ нимъ въ домъ, — почему она такъ думала, она сама не знала. Сюзэтта пробовала не пускать ее изъ дому, пробовала уложить ее въ постель. Но Аделина возстала, осыпая

сестру безумными укоризнами. Она объявила, что сестра ея никогда ни капельки не любила отца; она хотѣла отдать домъ ихъ матери въ въ угоду семьи Гилари. Теперь, когда она собралась выйти замужъ за Гилари, ей рѣшительно нѣтъ дѣла ни до чего другаго. Она ужасалась перемѣнѣ Сюзэтты.

Вернувшись, Элбриджъ прежде всего отвелъ лошадь въ конюшню, затѣмъ явился въ сторожку съ отчетомъ.

— Онъ въ безопасности? Уѣхалъ онъ? Гдѣ онъ?—кричала Аделина, не давая ему вымолвить словечка.

— Онъ въ лучшемъ видѣ, миссъ Нортвикъ, — ласково отвѣчалъ Элбриджъ.—Онъ уже опять ѣдетъ въ Канаду.

— Значитъ, я его выгнала! — жалобно всхлипывала Аделина. — Я выгнала его изъ его дома и никогда больше не увижу его. Пошлите за нимъ! Пошлите за нимъ! Верните его, говорю вамъ! Сейчасъ же поѣзжайте за нимъ, скажите ему, что я прошу его вернуться! Да что же вы стоите, словно столбъ?

Ей сдѣлалось дурно. Элбриджъ помогъ Сюзэттѣ отнести ее наверхъ и уложить въ постель, а затѣмъ побѣжалъ за своей женой, приказавъ ей идти къ нимъ. Самъ онъ пошелъ за докторомъ.

Маттъ Гилари провелъ ночь у своего друга Уэда и, прежде чѣмъ уѣхать домой, пошелъ еще разъ проститься съ Сюзэттой. Онъ встрѣтилъ доктора, который возвращался отъ сестеръ.

— Миссъ Нортвикъ, кажется, не совсѣмъ здорова, сказалъ докторъ. Я радъ, что вы здѣсь. Я зайду еще къ нимъ попозже.

Маттъ старался отдѣлаться отъ впечатлѣнія какой-то таинственности, которая проглядывала въ тонѣ доктора. Онъ постучался въ дверь и Сюзэтта отворила ему раньше, чѣмъ онъ коснулся двери.

— Войдите,—сказала она тихимъ голосомъ; было что-то въ ея тонѣ, во взглядѣ, что̀ помѣшало ему подойти къ ней. Возбужденный лепетъ больной женщины въ перемежку съ гнусливыми звуками голоса миссъ Ньютонъ, пытавшейся успокоить ее, доносился сверху, покрывая ихъ слова.

— Мистеръ Гилари,—сказала Сюзэтта церемонно,—желаете ли вы, чтобы отецъ мой вернулся сюда, что бы ни случилось?

— Да, если онъ хочетъ вернуться. Вѣдь вы знаете, что я всегда это говорилъ.

— И вамъ будетъ все равно, если его засадятъ въ тюрьму?

— Мнѣ будетъ далеко не все равно.

— Вы будете стыдиться меня!

— Никогда! Какое отношеніе можетъ это имѣть къ вамъ?

— Такъ знайте же,—продолжала она,—что онъ вернулся. Онъ былъ здѣсь.

Въ живыхъ, торопливыхъ словахъ она набросала передъ нимъ кар-

тину всего случившагося, а онъ слушалъ съ тою ясностью безмолвнаго вниманія, которая успокоила ее лучше всякихъ словъ. Прежде чѣмъ она кончила, руки его обвились вокругъ нея и она почувствовала, что его преданная любовь неизмѣнна.

— А теперь Аделина безумствуетъ, требуя, чтобы его вернули. Ей все кажется, что она заставила его уѣхать; она умретъ, если нельзя будетъ что-нибудь сдѣлать. Она говоритъ, что не позволила ему остаться, потому что... потому что вы стали бы стыдиться насъ. Она говоритъ, я стала бы стыдиться...

— Сюзэтта! Сю!—позвала сверху Аделина,—пусть мистеръ Гилари не уходитъ, пока я не сойду къ вамъ! Я хочу поговорить съ нимъ.

Они переглянулись въ недоумѣніи, услыхавъ, какъ она говорила миссисъ Ньютонъ, что «встанетъ непремѣнно, теперь она совершенно успокоилась и сойдетъ внизъ. Ей лучше знать, какъ она себя чувствуетъ и нѣтъ ей дѣла до того, что сказалъ докторъ».

— А если вы только попробуете меня удерживать...

Она сошла внизъ, продолжая спорить и кричать, въ незастегнутыхъ ботинкахъ. Едва у дверей показалось ея взволнованное лицо, она заговорила:

— Я придумала, что мнѣ дѣлать, мистеръ Гилари, и хочу, чтобы вы сходили къ мистеру Путнэю и поговорили съ нимъ объ этомъ. Спросите у него, можно ли это сдѣлать. Отца могутъ отпустить на поруки, когда онъ вернется сюда, а я пусть буду его порукою, судъ можетъ взять меня вмѣсто него. Суду все равно, кого взять, разъ у него есть въ рукахъ кто-нибудь. Идите же, спросите мистера Путнэя. Я знаю, онъ согласится со мною, онъ думаетъ то же, что я, насчетъ дѣла отца. Идете вы?

— Пойдешь ли ты и ляжешь ли опять, если мистеръ Гилари исполнитъ твое желаніе?—спросила Сюзэтта у сестры, словно уговаривала капризнаго ребенка.

— Чего это вамъ всѣмъ вздумалось укладывать меня въ постель?—набросилась Аделина на Сю.—Я совсѣмъ здорова. И неужели ты думаешь, что я могу лежать спокойно съ такими мыслями на сердцѣ? Если желаешь успокоить меня, отпусти его. Пусть онъ сходитъ къ мистеру Путнэю и узнаетъ, что тотъ скажетъ. По моему, всѣмъ намъ слѣдуетъ поѣхать въ Канаду и привезти сюда отца. Не привыкъ онъ путешествовать одинъ, да еще съ чужими. Надо, чтобы при немъ былъ кто-нибудь, кто знаетъ его привычки. Я поѣду къ нему тотчасъ же какъ только мистеръ Путнэй узнаетъ и одобритъ мой планъ. Я увѣрена, что онъ его одобритъ. Но я не хочу, чтобы мистеръ Гилари терялъ время понапрасну. Я хочу поспѣть въ Квебекъ вслѣдъ за отцомъ. Идете вы?

— Иду, миссъ Нортвикъ,—отвѣчалъ Маттъ, взявъ ея трепещущую руку.—Я пойду къ Путнэю, повидаюсь съ отцомъ и сдѣлаю все, что

только можетъ быть сдѣлано, чтобы избавить отъ дальнѣйшихъ страданій вашего отца, или васъ самихъ...

— Мнѣ себя не жалко,— сказала Аделина, вырвавъ свою руку.— Я молода и сильна, я могу вынести. Но я мучаюсь за отца.

Она расплакалась, а Маттъ, подчиняясь взгляду, брошенному на него Сюзеттой, ушелъ. На пути въ деревню онъ все болѣе и болѣе проникался трагическимъ значеніемъ этого дѣла и несостоятельностью всякихъ компромиссовъ и паліативовъ. Единственное средство помочь горю заключалось въ томъ, чтобы Нортвикъ покорился своей участи и всѣ они вмѣстѣ приготовились вынести послѣдствія его проступка. Маттъ понималъ, какъ велика была тоска этого несчастнаго по дому и семьѣ, если онъ рискнулъ пробраться украдкой, чтобы взглянуть на мѣста и лица, столь дорогія его сердцу. Пусть люди зовутъ его трусомъ и эгоистомъ,— въ концѣ-концовъ несомнѣнно, что любовь его къ дѣтямъ была самымъ глубокимъ и самымъ сильнымъ чувствомъ въ душѣ этого слабохарактернаго и недалекаго человѣка. Если любовь эта заставитъ его пойти на все, пренебречь всѣмъ ради счастія быть близь тѣхъ, кого онъ любилъ, пользуясь печальной привилегіей осужденнаго видѣться съ ними изрѣдка, кто осмѣлится отвернуться отъ него?

Не найдя адвоката въ конторѣ, Маттъ отправился къ нему на домъ. Путнэй только что позавтракалъ. Они столкнулись у воротъ и адвокатъ вернулся домой со своимъ гостемъ. Маттъ передалъ ему, въ чемъ дѣло.

— А теперь, что можемъ мы сдѣлать?—спросилъ онъ Путнэя.—Увѣрены ли вы, что нѣтъ никакого выхода? Нѣтъ ли какой возможности...

Путнэй отрицательно покачалъ головою и, прежде чѣмъ пуститься въ объясненія, заложилъ въ ротъ порядочную жвачку табаку.

— Все утро продумалъ я объ этомъ дѣлѣ и рѣшительно не вижу ни малѣйшей возможности для него отбояриться отъ суда, если онъ сдастся по доброй волѣ. Вѣдь вы объ этомъ, я думаю?

— Именно такъ,—отвѣчалъ Маттъ съ нѣкоторой печалью.

Какъ онъ ни готовился къ худшему, слова адвоката поразили его.

— По временамъ я почти жалѣю, что ему удалось улизнуть,—сказалъ Путнэй. — Если бы мы могли его удержать здѣсь и убѣдили его покориться закону, мнѣ кажется, можно было бы избавить его отъ тюремнаго заключенія на почвѣ душевнаго разстройства.

Маттъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— О, я не говорю, что онъ былъ не въ своемъ умѣ, когда пользовался капиталами товарищества и поддѣлывалъ книги, хотя у меня и на этотъ счетъ свое особое мнѣніе. Но я убѣжденъ, что теперь онъ не въ своемъ умѣ, и я думаю, мы могли бы доказать это на судѣ какъ дважды-два-четыре, такъ что судъ призналъ бы невозможнымъ постановить обвинительный приговоръ. Мы могли бы отослать его въ домъ умалишенныхъ въ глазахъ общества такой исходъ этого дѣла

явился бы приличнымъ; это послужило бы къ оправданію его заднимъ числомъ во взводимыхъ на него обвиненіяхъ.

Путнэй не могъ отказать себѣ въ нѣкоторомъ злорадствѣ при видѣ нескрываемаго огорченія Матта. Глаза адвоката вспыхнули огнемъ, но онъ прибавилъ серьезнымъ тономъ:

— Сказалъ онъ имъ, гдѣ его можно найти въ Канадѣ?

— Онъ обѣщался извѣстить ихъ объ этомъ.

— Сомнѣваюсь, чтобы онъ это сдѣлалъ,—отвѣчалъ Путнэй.—Онъ думаетъ, авось ему посчастливится опять вернуться сюда.

Маттъ вернулся къ Сюзеттѣ и вмѣстѣ съ нею старался успокоить ея сестру. Аделина не хотѣла ничего слушать: ей надобно было удостовѣреніе Путнэя, что отца ея оправдаютъ по суду, если онъ вернется и отдастъ себя въ руки правосудія. У нея явилась эта новая идея въ отсутствіи Матта. Маттъ былъ въ состояніи дать ей требуемое удостовѣреніе; но онъ позволилъ себѣ оставить невысказаннымъ условіе, поставленное Путнэемъ. Наконецъ, она согласилась лечь въ постель и посовѣтоваться съ докторомъ, прежде чѣмъ приняться за сборы, чтобы ѣхать въ Канаду къ отцу.

VIII.

На четвертое утро, когда Пиннэй, послѣ тяжелой ночи, проведенной съ больнымъ ребенкомъ и его измученной матерью, сошелъ въ контору квэбекской гостинницы, онъ увидалъ здѣсь Нортвика, сидѣвшаго на стулѣ. Пиннэю старикъ показался частью его тревожнаго сна, отъ котораго онъ только что пробудился.

— Ну, гдѣ это вы были, куда исчезали? — спросилъ онъ въ надеждѣ, авось этотъ призракъ — живой человѣкъ.

Унылое лицо Нортвика озарилось выраженіемъ довольнаго лукавства.

— Я былъ дома... въ Гатборо.

— Вотъ такъ штука! — вскричалъ Пиннэй.

Онъ былъ такъ пораженъ, что потерялъ послѣдній остатокъ почтенія къ Нортвику. Минуту репортеръ смотрѣлъ недовѣрчиво на своего собесѣдника.

— Пойдемъ-ка въ столовую, за завтракомъ вы разскажете мнѣ все по порядку. Если бы я только могъ этимъ воспользоваться...

Нортвикъ ѣлъ съ волчьимъ аппетитомъ. По мѣрѣ того какъ пища подкрѣпляла и освѣжала его, онъ медленно, по «кусочкамъ» выложилъ свою исторію. Пиннэй слушалъ его въ нѣмомъ восторгѣ.

— Ну, сэръ,—сказалъ онъ, — никогда еще не слыхивалъ я такого удивительнаго приключенія.

Но лицо его омрачилось.

— Вамъ извѣстно, надѣюсь, что я тутъ не причемъ. Я пріѣхалъ сюда,—объяснилъ онъ,—въ качествѣ довѣреннаго лица вашихъ друзей,

чтобы отыскать васъ, и я отыскалъ васъ. Но разъ вы уѣхали туда и все разсказали, я не могу требовать ни ценза за свою услугу.

Нортвикъ казался заинтересованнымъ даже тронутымъ непріятностью, которую причинилъ Пиннэю.

— Да они вѣдь не знаютъ, гдѣ я, оправдывался онъ.

— Хотите вы, чтобы съ этого дня этимъ дѣломъ занялся я? — спросилъ Пиннэй.

— Хорошо. Только... не оставляйте меня,—отвѣчалъ Нортвикъ съ трепетомъ надежды.

— Можете быть увѣрены, что я болѣе не спущу съ васъ глазъ,— обѣщался Пиннэй.

Онъ вынулъ изъ кармана жилетки телеграфный бланкъ и написалъ на немъ Матту Гилари:

«Нашъ другъ здѣсь, здравъ и невредимъ, со мною въ гостинницѣ Мурдока».

Онъ сосчиталъ слова, чтобы ихъ не было болѣе десяти; затѣмъ позвалъ полового и приказалъ ему отнести депешу въ контору.

— Пусть тамъ за нее заплатятъ и подадутъ мнѣ счетъ. Да пусть отправятъ ее поскорѣе.

О Нортвикѣ Пиннэй заботился почти столько же, сколько о своей женѣ и ребенкѣ. Онъ все время проводилъ гуляя и болтая съ нимъ, а такъ какъ бэби сталъ выздоравливать, то Пиннэй все болѣе и болѣе отдавался короткости установившейся между ними, да и самъ Нортвикъ, повидимому, все болѣе и болѣе довѣрялъ себя сыновнимъ попеченіямъ Пиннэя. Миссисъ Пиннэй раздѣляла съ мужемъ эти заботы, насколько дозволялъ ей это бэби, и сумѣла стать съ молчаливымъ бѣглецомъ въ короткія, дружескія отношенія. У нея было предубѣжденіе противъ его дочерей, которыя не пріѣзжали навѣстить его теперь, когда имъ стало извѣстно, гдѣ онъ; но она скрывала свои мысли отъ Нортвика и помогала ему отвѣчать на письма Сюзэтты, когда онъ говорилъ, что не чувствуетъ себя достаточно здоровымъ, чтобы писать самому. Аделина не писала ему; Сюзэтта постоянно писала, что она не совсѣмъ здорова, но что ей становится лучше. Затѣмъ, въ одномъ изъ писемъ Сюзэтты пришло запоздалое признаніе, что Аделина слегла въ постель. Ее терзала мысль, что она заставила его уѣхать и просила Сюзэтту написать ему, что она желаетъ, чтобы онъ вернулся или позволилъ имъ пріѣхать къ нему. Сюзэтта просила его выразить какое-нибудь желаніе на этотъ счетъ, чтобы ей можно было показать его отвѣтъ Аделинѣ. Сюзэтта писала, что мистеръ Гилари пріѣхалъ къ нимъ изъ деревни и поселился въ домѣ Элбриджа Ньютона, чтобы быть постоянно возлѣ нихъ. И дѣйствительно Маттъ былъ съ ними, когда Аделина внезапно скончалась. Они не считали ее опасно больною до самаго дня ея смерти, когда силы ея быстро стали падать.

Въ письмѣ, принесшемъ эту вѣсть, Сюзэтта говорила, что будь у

нихъ малѣйшее предчувствіе этого несчастія, онѣ бы попросили отца вернуться, несмотря ни на какой рискъ, и она горько сѣтовала, что всѣ они были такъ недальновидны. Ньютоны останутся до ея отъѣзда въ Квэбекъ къ нему. А если онъ пожелаетъ вернуться, то она и Маттъ одинаково будутъ рады его пріѣзду и готовы ко всему, что бы ни случилось. Но Маттъ считаетъ необходимымъ, чтобы отецъ ея зналъ, что нѣтъ никакой надежды избѣгнуть суда, а потому онъ совершенно свободенъ принять то или другое рѣшеніе. Аделину похоронятъ рядомъ съ ея матерью.

Старикъ разразился слабымъ воплемъ, когда миссисъ Пиннэй прочитала ему эти послѣднія слова. Пиннэй, тихо ходившій взадъ и впередъ съ бэби на рукахъ, захныкалъ ему въ унисонъ.

— Мнѣ кажется, ему можно было какъ-нибудь выпутаться, если бы онъ захотѣлъ вернуться туда,—сказалъ онъ женѣ въ порывѣ сочувствія, когда Нортвикъ удалился съ письмомъ Сюзэтты въ свою комнату.

Мнѣніе это, великодушное само по себѣ, стало примѣшиваться въ душѣ Пиннэя къ его личному интересу. Онъ добросовѣстно избѣгалъ уговаривать Нортвика, возвратиться, но помимо воли его воображенію рисовалась заманчивая возможность такого поворота дѣла. Прежде чѣмъ они разстались по случаю возвращенія Пиннэя въ Бостонъ, Пиннэй, насколько умѣлъ, деликатно намекнулъ Нортвику, что если когда-нибудь послѣдній рѣшится вернуться, то найдетъ въ немъ, Пиннэѣ, самаго заботливаго и внимательнаго дорожнаго спутника. Нортвикъ, повидимому, взглянулъ на это дѣло съ настоящей точки зрѣнія, съ дѣловой точки, и Пиннэй думалъ, что ему удалось уладить этотъ щекотливый вопросъ съ большимъ тактомъ; но онъ, скромности ради скрылъ отъ своей жены свой успѣхъ. Оба, и мужъ и жена, простились съ изгнанникомъ очень дружественно. Миссисъ Пиннэй обняла его шею своими руками и поцѣловала его, а онъ далъ ей слово беречь свое здоровье въ ея отсутствіи. Въ послѣднюю минуту Пиннэй всунулъ ему въ руку свой оффиціальный адресъ.

Частичка нравственныхъ силъ Нортвика какъ будто бы вернулась къ нему вслѣдъ за отъѣздомъ этихъ людей, съ которыми онъ сдружился такимъ страннымъ образомъ. Снова онъ сталъ мечтать объ утилизаціи этихъ денегъ, что были съ нимъ, для наживы и уплаты Понкуассэтскому товариществу своихъ самовольныхъ займовъ. Онъ положительно запретилъ Сюзэттѣ пріѣзжать къ нему, какъ она ему предлагала,—схоронивъ Аделину. Онъ послалъ ей телеграмму для предупрежденія ея отъѣзда и написалъ что желаетъ нѣкоторое время остаться одинъ и рѣшить самому роковой вопросъ. Онъ одобрялъ желаніе Матта отпраздновать свадьбу, не откладывая въ долгій ящикъ, и отвѣтилъ Матту письмомъ, въ которомъ были упомянуты особыя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ, быть можетъ, его отцу и матери былъ нежелателенъ этотъ союзъ, выражая при этомъ надежду, что Маттъ дѣйствуетъ съ ихъ полнаго согласія.

Изъ друзей стараго Гилари иные сомнѣвались, чтобы онъ одобрялъ бракъ Матта. Многіе думали, что благословеніе данное сыну было вынужденнымъ. Старый Брумфильдъ Корэй выразилъ со старческой откровенностью общественное мнѣніе по этому вопросу:

— Гилари,—сказалъ онъ ему,—вы поставили въ совершеннѣйшій тупикъ восторженныхъ поклонниковъ вашей непоколебимой душевной твердости. Они думаютъ, что въ дѣлѣ Матта вамъ слѣдовало бы заявить себя болѣе твердымъ отцомъ.

— Вотъ я скоро имъ сдѣлаюсь,—шутливо отвѣчалъ Гилари.—Миссисъ Гилари и Луиза намѣрены увезти меня на зиму въ Римъ.

IX.

Послѣ отъѣзда Пиннэя Нортвикъ зажилъ совсѣмъ отшельникомъ и одиночество его нарушалось лишь ежедневными письмами отъ Сюзэтты. Онъ сторонился отъ предложеній дружескаго доброжелательства со стороны обитателей гостинницы, которые сожалѣли о его заброшенности, и началъ снова жить мечтою о своемъ домѣ. Онъ бросилъ мысль попытать счастья въ новомъ коммерческомъ предпріятіи, которая на мгновеніе оживила его духъ. Тѣ самыя причины, которыя въ самомъ началѣ парализовали его дѣятельность, и теперь разрушили всѣ его усилія. Онъ чувствовалъ себя слишкомъ старымъ, чтобы начать жизнь сызнова; его энергія была утрачена навсегда.

Дни проходили за днями, а онъ жилъ въ бездѣйствіи и полнѣйшей неподвижности, между тѣмъ какъ грёзы и желанія, полныя страстной тоски, безпрестанно возстановляли въ его душѣ родное жилище, запустѣніе котораго онъ видѣлъ собственными глазами. Не лучше ли было для него вернуться и подвергнуться приговору закона, а затѣмъ снова поселиться въ томъ мѣстѣ, которое, на зло своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ онъ не могъ вообразить себѣ иначе какъ въ убранствѣ комфорта и роскоши, которыхъ оно лишилось? Разсказы Элбриджа, по дорогѣ на станцію желѣзной дороги, о распродажѣ лошадей и рогатаго скота, о разграбленіи оранжереи, также мало значили какъ и свидѣтельство его собственныхъ глазъ. Онъ не понималъ за исключеніемъ рѣдкихъ минутъ, что смерть и несчастіе поразили его домъ. Аделина, большей частью, представлялась ему все еще живою: она присутствовала въ его любящихъ мечтахъ и составляла часть его дома по прежнему.

Онъ началъ льстить себя надеждою, что по возвращеніи ему удастся устроить тотъ компромиссъ съ судомъ, котораго не могли добиться близкіе ему люди; онъ убѣдилъ самого себя, что съумѣетъ представить такія доказательства, которыя поведутъ къ его оправданію. Ну, а если онъ долженъ подвергнуться какому нибудь наказанію за то, что далъ себя поймать въ такихъ коммерческихъ сдѣлкахъ, которыя постоянно

сходятъ съ рукъ безнаказанно, то онъ старался увѣрить себя, что можно будетъ съ помощью денегъ сдѣлать это наказаніе легкимъ...

Только по временамъ, онъ чувствовалъ себя дѣйствительно виновнымъ. Но это сознаніе виновности являлось у него минутами, которыя быстро проходили, и только подъ конецъ онѣ стали являться чаще. Достовѣрно, повидимому, одно—подъ конецъ къ его тоскѣ по дому стало примѣшиваться желаніе—слабое и неоформленное—искупленія. Его стала посѣщать дума,—словно навѣянная ему откуда-то, какимъ-то образомъ,—что если онъ въ самомъ дѣлѣ поступилъ дурно, то онъ достигнетъ успокоенія, рѣшившись принять за свою вину кару, какъ бы ни была она велика и ужасна. Онъ попробовалъ развить эту идею передъ Пиннэемъ, котораго вызвалъ въ Квэбекъ, въ первый же день его пріѣзда; этимъ Нортвикъ объяснялъ свое обращеніе къ репортеру.

Рѣшившись вернуться, чтó бы его ни ожидало и рискуя всѣмъ, онъ вспомнилъ предложеніе Пиннэя сопровождать его. Вызвать Пиннэя его побудило не великодушный порывъ или желаніе самопожертвованія ради доставленія Пиннэю возможности отличиться въ своемъ новомъ званіи сыщика; онъ просто на просто боялся пуститься одинъ въ такое далекое путешествіе, и ему хотѣлось найти поддержку въ обществѣ репортера. Пиннэй полюбился ему и онъ скучалъ по простодушной веселости его беззаботнаго нрава. Онъ чувствовалъ, что въ трудную минуту жизни, которую ему предстояло испытать, эта веселость принесетъ ему успокоеніе; онъ ждалъ инстинктивно любезной, обманчивой симпатіи со стороны человѣка, душевный складъ котораго имѣлъ такъ много сродства съ его собственной душой. Онъ телеграфировалъ Пиннэю пріѣхать за нимъ и не могъ успокоиться, пока тотъ не пріѣхалъ.

Пиннэй выѣхалъ тотчасъ по полученіи телеграммы Нортвика и при свиданіи выразилъ ему свои поздравленія въ восторженныхъ словахъ.

— Вотъ это, мистеръ Нортвикъ, знатное дѣло. Это самое настоящее дѣло, это мудрое дѣло. Это произведетъ поразительнѣйшую сенсацію. Надѣюсь, — прибавилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ — вы хорошенько обдумали все это?

— Да, я готовъ къ самому худшему,—сказалъ Нортвикъ.

— О, тутъ не можетъ быть ничего «худшаго»,—весело возразилъ Пиннэй.—Дѣло будутъ откладывать по разнымъ законнымъ проволочкамъ; вашъ адвокатъ сумѣетъ это оборудовать, а если не сумѣетъ, и вамъ все-таки придется увидѣть всю эту музыку, мы можемъ представить васъ въ судъ безъ малѣйшей гласности, никто ничего не узнаетъ обо всѣхъ судебныхъ формальностяхъ. Я постараюсь, чтобы васъ не интервьюировали и чтобы во время судебнаго разбирательства не было репортеровъ. Ну, конечно, будетъ краткое извѣщеніе въ числѣ другихъ судебныхъ дѣлъ но въ этомъ нѣтъ ничего непріятнаго. Вамъ

нечего пугаться. Но меня болѣе всего заботитъ вопросъ о томъ, чтобы я не имѣлъ на васъ никакого вліянія. Я обѣщался своей женѣ не уговаривать васъ и я не стану этого дѣлать; я знаю, я немного оптимистъ, и если дѣло не представляется вамъ вполнѣ въ розовомъ свѣтѣ, не поступайте по моимъ словамъ.

Пиннэю очевидно, стоило великаго усилія произнести эти слова.

— Я посмотрѣлъ на это дѣло со всѣхъ сторонъ,—сказалъ Нортвикъ.

— А друзьямъ вашимъ извѣстно, что вы желаете вернуться?

— Они ждутъ меня во всякое время. Вы можете послать имъ извѣщеніе.

Пиннэй испустилъ глубокій вздохъ, полный тоскливаго нетерпѣнія.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ съ какимъ то страннымъ уныніемъ,—не понимаю, почему бы намъ не уѣхать сейчасъ же.

— А бумаги ваши въ порядкѣ?—спросилъ Нортвикъ.

— Совершенно,—отвѣчалъ Пиннэй покраснѣвъ.—Но вы знаете,—почтительно прибавилъ онъ,—я не имѣю права положить на васъ руку до самой границы, мистеръ Нортвикъ.

— Понимаю. Покажите-ка мнѣ ваше предписаніе объ арестѣ.

Пиннэй неохотно передалъ ему бумагу, которою ему предоставлялось арестовать Нортвика, и Нортвикъ прочиталъ ее внимательно отъ доски до доски. Онъ сложилъ ее съ глубокимъ вздохомъ и вынулъ изъ своего бокового кармана длинный, твердый пакетъ, который протянулъ Пиннэю вмѣстѣ съ предписаніемъ объ арестѣ.

— Вотъ деньги, которыя я увезъ съ собою.

— Мистеръ Нортвикъ! Да въ этомъ еще нѣтъ надобности! Право, нѣтъ. Я вполнѣ вѣрю вашей чести, какъ джентльмена.

Глаза Пиннэя засверкали радостнымъ блескомъ и пальцы его судорожно сжали пакетъ.—Но если вы имѣете въ виду дѣловую сторону...

— Я имѣю въ виду дѣловую сторону,—сказалъ Нортвикъ—Сосчитайте деньги.

Пиннэй вынулъ деньги и пересчиталъ ихъ.—Сорокъ одна тысяча шестьсотъ сорокъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Нортвикъ.—А теперь другая статья: есть ли у васъ наручники?

— Что вы, мистеръ Нортвикъ! Да за кого-жъ вы меня принимаете?—возмутился Пиннэй.—Это все равно, какъ еслибъ я надѣлъ ихъ на родного отца.

— Я хочу, чтобы вы ихъ надѣли *на меня,*—сказалъ Нортвикъ.—Я намѣренъ вернуться вашимъ арестантомъ. Если я долженъ что-либо искупить,—въ послѣднее время онъ, повидимому, много думалъ объ этомъ,—я хочу, чтобы искупленіе это началось какъ можно скорѣе. Если вы не захватили съ собою эти штучки, не лучше ли вамъ пройти въ полицейскій участокъ и запастись ими, а я тѣмъ временемъ возьму билеты.

— О, мнѣ не надо ходить за ними,—отвѣчалъ Пиннэй, а лицо его сгорѣло отъ стыда.

Онъ весь трепеталъ отъ волненія при отъѣздѣ и дорогою казался смущеннымъ и встревоженнымъ, тогда какъ Нортвикъ послѣ перваго возбужденія впалъ, казалось, въ глубокое спокойствіе; душа его погрузилась въ затишье, граничившее съ оцѣпенѣніемъ.

— Ей-ей!—сказалъ Пиннэй, когда они двинулись въ путь,—всякій увидя насъ, подумаетъ, что *вы* везете *меня*.

Онъ нѣжно заботился объ удобствахъ Нортвика; онъ давалъ ему полную свободу выходить и прохаживаться во время остановокъ на станціяхъ; въ буфетахъ онъ покупалъ для него самыя вкусныя вещи, но Нортвикъ говорилъ, что ему не хочется ѣсть.

Они провели утомительно длинную ночь, потому что въ ихъ поѣздѣ не оказалось спальнаго вагона. Утромъ, едва разсвѣло, Нортвикъ спросилъ Пиннэя, какъ называется слѣдующая станція.

Пиннэй отвѣчалъ, что не знаетъ. Онъ смотрѣлъ на Нортвика такимъ унылымъ взглядомъ, словно арестъ его не доставлялъ ему удовольствія, и спросилъ, какъ ему спалось.

— Я не спалъ,—отвѣчалъ Нортвикъ.—Мнѣ кажется, я очень взволнованъ. У меня, повидимому, нервы шалятъ.

— Ну, оно понятно,—успокоительно замѣтилъ Пиннэй.

Они помолчали минуту, затѣмъ Нортвикъ спросилъ:

— Какая это будетъ станція?

— Я спрошу у кондуктора.

На платформѣ стоялъ кондукторъ. Пиннэй пошелъ къ нему и вернулся.

— Онъ говоритъ, это Уэлуотэръ. Мы будемъ тамъ завтракать.

— Ну такъ значитъ мы уже проѣхали границу.

— Ну такъ что же,—неохотно согласился Пиннэй. Онъ прибавилъ болѣе оживленнымъ тономъ:—Тамъ насъ ждетъ сытный завтракъ; я бы съ радостью сдѣлалъ ему честь на полпути туда.

Онъ обернулся и строго посмотрѣлъ на Нортвика:

— А что если бы я здѣсь остался? Вы бы не измѣнили своего намѣренія? Твердо ли вы рѣшились на это? Я задаю вамъ эти вопросы, потому что всяко бываетъ...

Пиннэй остановился и пристально посмотрѣлъ на своего арестанта.

— А можетъ быть, вы не чувствуете себя совершенно способнымъ ѣхать далѣе...

— Покажите-ка мнѣ еще разъ вашъ приказъ,—молвилъ Нортвикъ.

Пиннэй опустилъ глаза, пожимая плечами, и подалъ бумагу. Нортвикъ еще разъ ее перечиталъ.

— Я вашъ арестантъ,—сказалъ онъ, возвращая бумагу.—Вы можете теперь надѣть на меня наручники.

— Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Нортвикъ!—упрашивалъ Пиннэй.—Я не хочу дѣлать это. Я не боюсь, что вы станете пытаться уйти. Увѣряю васъ, въ этомъ нѣтъ надобности между джентльмэнами.

Нортвикъ протянулъ кисти рукъ.

— Надѣньте ихъ, пожалуйста.

— О, хорошо, если я *долженъ* это сдѣлать!—сказалъ Пиннэй.— Только клянусь, я ни за что не замкну ихъ.

Онъ осмотрѣлся кругомъ, чтобы узнать, не наблюдаетъ ли кто изъ другихъ пассажировъ за ними.

— Вы можете сбросить ихъ всякій разъ, какъ вамъ станетъ тяжело отъ нихъ.

Онъ опустилъ на кандалы манжеты Нортвика со стыдливо-встревоженнымъ выраженіемъ лица.

— Бога ради, не надо, чтобы кто-нибудь увидалъ эти проклятыя штуки!

— Вотъ этакъ хорошо!—прошепталъ Нортвикъ, словно ощущеніе желѣза доставляло ему наслажденіе.

Пиннэй почувствовалъ себя очень скверно вслѣдствіе этого инцидента. Онъ вышелъ на платформу вагона подышать свѣжимъ воздухомъ и отвести душу въ бесѣдѣ съ кондукторомъ. Когда онъ вернулся, Нортвикъ продолжалъ сидѣть на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ его оставилъ. Голова его упала на грудь.

«Бѣдный старикъ! Онъ заснулъ,» подумалъ Пиннэй. Онъ тихо положилъ свою руку на плечо Нортвика.—Я долженъ здѣсь разбудить васъ,—сказалъ онъ.—Мы сейчасъ будемъ на станціи.

Нортвикъ покачнулся впередъ при его прикосновеніи. Пиннэй обхватилъ его за шею и приподнялъ его лицо.

— Боже мой! Онъ умеръ!

Разомкнутые наручники свалились на полъ.

X.

Повѣнчавшись Сюзетта и Маттъ поселились у него на фермѣ, и тогда же она привела въ исполненіе свое намѣреніе, котораго въ сущности никогда не оставляла. Она отдала домъ и землю въ Гатборо товариществу, которое обманулъ ея отецъ. Она не питала къ этому дому и мѣсту тѣхъ чувствъ, которыя дѣлали такой поступокъ невозможнымъ для Аделины и мѣшали Сюзэттѣ отдать свою часть при жизни ея старшей сестры. Но всѣ страданія и горести земныя были отнынѣ кончены для Аделины,—она умерла, и Сюзетта не считала оскорбительнымъ для ея памяти отдать собственными руками имущество, которое запрещало ей оставить за собою нѣчто высшее. Насколько дѣло это касалось ея отца, она приняла его послѣдній поступокъ за знакъ его желанія искупить сдѣланное имъ зло; и она была убѣждена, что отдавая это имущество его кредиторамъ, она поступаетъ согласно его собственнымъ желаніямъ. Она рѣшилась вынести его осужденіе и наказаніе, если бы онъ вернулся; а съ той минуты какъ онъ умеръ, эта отдача имѣнія, на которомъ, по ея мнѣнію, лежало пятно позора, съ которымъ жилъ

этотъ несчастный человѣкъ, была не потерею, а радостнымъ облегченіемъ.

Однако, то была настоящая жертва и ей было суждено почувствовать это при болѣе стѣсненныхъ условіяхъ ея жизни. Но она уже пріучила себя къ стѣсненнымъ условіямъ; она узнала, какъ мало люди наслаждаются жизнью, когда у нихъ нѣтъ цѣли въ жизни. А теперь въ Маттѣ она имѣла все, чѣмъ красна жизнь; поэтому, отдавъ все, что у нея было, она оставалась безмѣрно богатой.

Маттъ радовался съ нею ея рѣшенію, хотя онъ ни однимъ словомъ не повліялъ на него. И онъ, какъ она, былъ бѣденъ. Насколько было возможно для него, онъ отказался отъ своей доли наслѣдства, которая какъ бы пошла въ уплату долговъ Нортвика товариществу. Безъ сомнѣнія, эта комбинація не могла имѣть окончательнаго значенія, потому что, въ концѣ концовъ, деньги, которыя оставитъ его отецъ, достанутся поровну ему и Луизѣ. Но въ то же время эта расплата за грѣхи Нортвика поставила старика Гилари въ гораздо болѣе затруднительное положеніе, чѣмъ онъ признался сыну. Поэтому онъ нашелъ, что недурно позволить Матту серьезно поработать и на дѣлѣ испытать свои теоріи сельскаго хозяйства, стараясь прожить на положеніи простого фермера. Слѣдуетъ сказать, что перспектива эта не устрашила ни Матта, ни Сюзэтту; жизнь дала ей нѣчто, сдѣлавшее ее способной обойтись безъ свѣта, его удовольствій и успѣховъ. А Маттъ давнымъ давно пересталъ ими дорожить.

Директора Понкуассэтскаго товарищества приняли безъ малѣйшихъ колебаній отданное имъ дочерью Нортвика имущество. Какъ корпоративное цѣлое, они мало заботились о тонкостяхъ вопроса права. Они видѣли передъ собою простой фактъ, что ихъ порядкомъ обобралъ мошенническимъ образомъ прежній владѣлецъ этого имущества, весьма вѣроятно передавшій его въ другія руки, имѣя въ виду какія нибудь комбинаціи, которыя, въ концѣ концовъ, онъ и достигнулъ. Они признали, что его дочь правильно поступила, передавъ въ ихъ руки это имущество, и ни одинъ изъ членовъ правленія не былъ настолько сумасброденъ, чтобы намекнуть, что товарищество имѣло такъ же мало права на это имущество, какъ на всякую другую часть недвижимой собственности въ государствѣ.

— Они считали,—сказалъ Путнэй, выполнившій это дѣло за Сюзэтту и разговаривавшій объ этомъ предметѣ впослѣдствіи со своимъ закадычнымъ другомъ докторомъ Морелломъ съ нѣкоторою горечью порожденія,—они считали, что ихъ первая обязанность состояла въ соблюденіи интересовъ ихъ акціонеровъ, которые, казалось, вмѣщали въ себѣ всѣхъ вдовъ и сиротъ, насколько я могъ уразумѣть.—Ну что жъ,—продолжалъ онъ,—есть въ этомъ удовлетворительная сторона. Наконецъ, хоть кому-нибудь удалось сдѣлать то, что ему хотѣлось. Въ данномъ случаѣ не *ему*, а *ей* удалось это. Одна только миссъ Сюзэтта поступила во всемъ этомъ дѣлѣ по своему желанію. Всѣ остальные, начиная съ меня, ров-

нехонько ничего не добились. Было время, когда я желалъ крови покойнаго Дж. Мильтона Нортвика; цѣлыми годами я поджидалъ, что онъ, наконецъ, совершитъ то, что̀ онъ и сдѣлалъ, и я надѣялся съ Божіей помощью разорить его совершенно, или, какъ мы говоримъ, отдать его въ руки правосудія. И вотъ я сдѣлался адвокатомъ его дочерей и посвятилъ себя всецѣло интересамъ этихъ двухъ осиротѣвшихъ дѣвушекъ. Мнѣ хотѣлось лишь одного: вести дѣло Дж. Мильтона на судѣ, не для того, чтобы отправить его въ тюрьму со скандаломъ, но чтобы добиться его оправданія. Но даже это немногое не удалось мнѣ. Да и всѣ намѣренія и планы относительно Нортвика рухнули, кромѣ одного. Директора не достигли своей цѣли по случаю его смерти; а старому Гилари пришлось выйти изъ правленія и уплатить долги расхитителя. Пиннэй, какъ мнѣ кажется, считаетъ себя погибшимъ человѣкомъ; онъ навсегда распростился съ ролью сыщика и вернулся къ роли интервьюера. Бѣдняжка Аделина питала благочестивую надежду успокоить старость Нортвика въ ихъ прекрасномъ домѣ, но она умерла и домъ этотъ поступаетъ въ собственность кредиторовъ. Никому не удалось ничего подѣлать съ Нортвикомъ! Да и самъ онъ не могъ помочь самому себѣ. Посмотри, какъ глупо онъ тратитъ свое время въ Канадѣ, увезя съ собою такую уйму денегъ, что другой на его мѣстѣ составилъ бы съ ними цѣлое состояніе. Онъ не былъ въ состояніи пальцемъ пошевельнуть. Единственное, что̀ онъ попытался сдѣлать, окончилось для него позорнымъ фіаско. Аделина не позволила ему остаться, когда онъ вернулся, и это убило ее. Затѣмъ, когда онъ отправился, чтобы принять кару, онъ взялъ да и померъ! Само правосудіе ничего не могло подѣлать съ Нортвикомъ. Но мнѣ не жаль, что онъ ускользнулъ отъ него. Нортвикъ не можетъ служить предостерегающимъ примѣромъ. Онъ представляетъ собою самый заурядный случай и, подобно всѣмъ намъ грѣшнымъ, простая жертва окружающихъ обстоятельствъ! Сфера, въ которой онъ вращался, сдѣлала его богатымъ, она же сдѣлала его мошенникомъ. Но что̀ скажешь ты, другъ мой, о свѣтѣ, въ которомъ мы кипятимся и суетимся съ нашими крошечными цѣлями и желаніями, а въ это время громадный шаръ жизни, повидимому, спокойно уносится впереди безъ малѣйшаго отношенія къ тому, что мы дѣлаемъ или чего мы не дѣлаемъ? Мнѣ кажется, дурно быть фаталистомъ, но я все же держусь того мнѣнія, что это дѣло судьбы.

— Почему бы не назвать это закономъ?—замѣтилъ докторъ.

— Ну, это было бы черезчуръ смѣло. Но если посмотримъ на все происходящее съ широкой точки зрѣнія, то увидимъ, что въ большинствѣ случаевъ все кончается хорошо. Поэтому, я разрѣшу нашъ споръ и назову это милосердіемъ.

Конецъ.

Умственная жизнь въ Англіи отъ эпохи Возрожденія до XIX столѣтія.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Глава первая.

I.

Въ тѣ времена, когда въ Италіи основы средневѣковаго быта распадались и когда на ихъ обломкахъ возникалъ новый общественный порядокъ, въ Англіи всѣ элементы ея средневѣковой жизни—король, парламентъ, широко распространенное мелкое землевладѣніе—были налицо. Всѣ эти явленія политической и соціальной структуры обнаруживали въ Англіи и XIV и XV вв, полную жизнеспособность. Въ этотъ моментъ исторіи англійская общественная жизнь болѣе чѣмъ когда-либо обнаружила свою обособленность отъ жизни европейскаго материка. Мало того, что въ это переходное время устои, выработанные концомъ среднихъ вѣковъ, оставались въ Англіи крѣпкими и нерушимыми: нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ, парламентъ) составляли предметъ сознательной гордости для подавляющаго большинства англійской націи. Вообще, Англія лишь въ самомъ концѣ XV столѣтія начала ту болѣзненную эволюцію, которая продолжалась затѣмъ весь XVI вѣкъ и выразилась въ обезземеленіи громадныхъ массъ англійскихъ фермеровъ. Но эта экспропріація земельныхъ собственниковъ началась, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, лишь въ 80-хъ годахъ XV вѣка, а до тѣхъ поръ соціальная жизнь Англіи находилась въ довольно уравновѣшенномъ состояніи. Три бурныхъ событія нарушили за весь этотъ переходный періодъ общее спокойствіе, но всѣ они никакого продолжительнаго дѣйствія не имѣли: столѣтняя война возбудила общую тревогу и панику лишь при самомъ своемъ взрывѣ, такъ какъ съ самаго начала и вплоть до конца она велась на континентѣ, и хотя сильно затрогивала интересы династіи, все же въ глазахъ англійскаго народа была войной заграничной и потому не особенно близко затрагивающей его интересы. Второе событіе—«черная смерть», т.-е. страшная чума конца 40-хъ годовъ XIV вѣка, обезлюдившая Англію, вызвала цѣлый рядъ пертурбацій. По приблизительнымъ вы-

численіямъ Роджерса, погибла за чумное время (т.-е. въ 1348—1349 гг.) треть всего англійскаго народа. Сейчасъ же послѣ чумы началось страшнѣйшее повышеніе заработной платы; плата за мужской трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ повысилась на 50%, за женскій—на 100%. Такое положеніе дѣлъ поставило въ безвыходное положеніе лендлордовъ и породило довольно сильное крѣпостническое теченіе. Попытки ограничить свободу мелкихъ земельныхъ держателей вызвали кровавый отпоръ въ видѣ возстанія Уота Тэйлора, которое, правда, было усмирено, однако привело къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ стремилось: барщина была отмѣнена почти повсюду и обычай платить денежный оброкъ землевладѣльцамъ сдѣлался до того всеобщимъ, что въ сущности годъ возстанія (1381) можетъ считаться началомъ самой лучезарной эры для мелкихъ земельныхъ арендаторовъ. Наконецъ, третій фактъ, смутившій спокойствіе этого двухсотлѣтняго періода, получилъ названіе войны Алой и Бѣлой розы; но эта война при всемъ вредѣ, который она нанесла внутренней и внѣшней торговлѣ Англіи, все же почти совсѣмъ не всколыхнула глубинъ соціальной жизни. Эта свалка династій, королей, графовъ, убійцъ и ихъ приспѣшниковъ—для ядра націи, для мелкаго землевладѣнія прошла безъ маломальски серьезныхъ послѣдствій.

Итакъ, въ общемъ, жизнь Англіи представляется въ состояніи соціальной уравновѣшенности какъ разъ тогда, когда, напримѣръ, Италія переживала ломку и разрушеніе всего стараго уклада жизни. Это обстоятельство отразилось и на литературной исторіи обѣихъ странъ: англійскій ренессансъ начался тогда, когда итальянскій уже оканчивался, т.-е. въ XVI столѣтіи. Но если ренессансъ въ смыслѣ поисковъ новыхъ путей начался въ Англіи лишь во времена Томаса Мора, то, несомнѣнно, извѣстное оживленіе, нѣчто вродѣ предразсвѣтнаго вѣтерка, пронеслось въ англійской духовной жизни еще въ XIV столѣтіи. Чосеръ, Уиклефъ и Лоларде—суть уже явленія новаго времени, а ни въ какомъ случаѣ не средневѣковыя; поэтому мы были бы совершенно не правы, обойдя ихъ молчаніемъ въ настоящей работѣ.

II.

Антипапское движеніе, во главѣ котораго стоялъ Уиклефъ, представляетъ явленіе совершенно незамѣнимое для всѣхъ, кто интересуется вопросомъ о побѣдахъ и пораженіяхъ секуляризаціи надъ церковью въ средніе вѣка. Мало того, изученіе (только пристальное, а не суммарное) карьеры Уиклефа способно заинтересовать и соціолога, занимающагося проблемами о соотношеніи между экономикой и мыслью. Въ самомъ дѣлѣ, при поверхностномъ обзорѣ явленій жизни переходнаго періода XIV—XV вв., взоръ всегда останавливается на контрастѣ между судьбою двухъ людей, боровшихся, повидимому, съ однимъ врагомъ и даже совершенно въ одно и то же время: Уиклефъ умеръ по-

бѣдителемъ, а Гусъ на кострѣ. Это различіе до того бросается въ глаза, что съ давнихъ поръ вызывало цѣлый рядъ объясненій. Говорили о большей культурности Англіи, о большей ея воспріимчивости къ «прогрессивнымъ идеямъ», наконецъ (особенно нѣмцы), съ совершенно нелѣпымъ пренебреженіемъ указывали на меньшую «геніальность» чешскаго реформатора. Наиболѣе же ходячее объясненіе состояло въ томъ, что Гусъ слишкомъ рано въ неподготовленной средѣ началъ свою пропаганду. Но для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, знакомаго съ исторіей эпохи, ясно, что Чехія оказалась столь же воспріимчивой къ проповѣди Гуса, какъ Англія къ проповѣди Уиклефа, и рѣшительно ничѣмъ нельзя доказать меньшую одаренность Гуса сравнительно съ Уиклефомъ, хотя, вообще, этотъ тезисъ ровно ничего не объяснилъ бы, даже если бы славяноѣдамъ (вродѣ Лозерта) удалось обставить его болѣе солидной аргументаціей. Наконецъ, послѣднее соображеніе о несвоевременности появленія Гуса, въ сущности, является также весьма мало объясняющимъ излюбленнымъ исторіографическимъ façon de parler: «несвоевремененъ» Гусъ оказался въ глазахъ историковъ именно потому, что его сожгли, а почему его сожгли—этотъ вопросъ такимъ отвѣтомъ не удовлетворяется...

Не отвлекаясь отъ почвы фактовъ, скажемъ одно: Уиклефъ побѣдилъ потому, что свѣтская власть сочла согласнымъ со своими интересами поддержать оксфордскаго реформатора, и та же свѣтская власть въ Чехіи сразу почуяла въ Гусѣ своего врага и отвернулась отъ него. Въ эту колеблющуюся сумеречную эпоху, когда новое назрѣвало, а старое только еще начинало шататься, свѣтская власть, во-первыхъ, превосходно знала свои матеріальные интересы и, во-вторыхъ, была достаточно организована, чтобы въ любой моментъ бросить свой мечъ на неустановившіеся вѣсы. Налогъ, который папа требовалъ у Эдуарда III, былъ непріятенъ весьма многимъ въ странѣ, но не столько, чтобы изъ-за него Англія подняла революцію съ цѣлью защитить Уиклефа отъ римской куріи, въ случаѣ, если бы Эдуарду или впослѣдствіи Ричарду II оказалось выгоднымъ стать на сторону папы. Но и этотъ налогъ, и безпрестанное стремленіе Рима подѣлить съ правительствомъ власть надъ народомъ были глубоко ненавистны Плантагенетамъ, и когда Эдуардъ и Ричардъ рѣшили Уиклефа не выдавать, съ того времени онъ могъ считать себя спасеннымъ. Уиклефъ говорилъ то, что нужно было правительству; проповѣдуя о необходимости установить полную независимость Англіи и англійскаго духовенства отъ папы—онъ игралъ при Плантагенетахъ ту же роль, какую сыгралъ легистъ Ногаре при Филиппѣ Красивомъ. Нужды нѣтъ, что Уиклефъ жилъ и умеръ благороднѣйшимъ и искреннимъ человѣкомъ, а Ногаре, по выраженію одной старой итальянской хроники, всегда былъ величайшимъ мошенникомъ всего христіанскаго міра; нужды нѣтъ также, что Филиппъ Красивый и Ногаре вели съ папой насту-

пательную войну, а Уиклефъ и Плантагенеты ограничились оборонительной: позиція Уиклефа все же имѣетъ гораздо больше общаго съ положеніемъ Ногаре, чѣмъ съ положеніемъ Гуса. Если бы въ Чехіи была національная правительственная власть (которая, конечно, одобрила бы пропаганду Гуса), тогда, при несомнѣнной общей склонности чешскаго народа къ гусситству, при недовольствѣ его папскими поборами, Гусъ могъ бы восторжествовать. Императору Сигизмунду, въ сущности, какъ главѣ свѣтской власти въ Чехіи, не могли не нравиться извѣстныя стороны проповѣди пражскаго ученаго, но, какъ нѣмецъ, какъ германскій императоръ, какъ вождь нѣмецкаго народа—онъ постоянно страшился отдѣленія Чехіи, и видѣлъ съ этой точки зрѣнія полное совпаденіе своихъ и папскихъ интересовъ. Въ Англіи свѣтская власть, опирающаяся на серьезные національные интересы, оказалась достаточно сильною, чтобы спасти Уиклефа, въ Чехіи свѣтская власть, предводительствуя нѣмецкимъ элементомъ, была настолько могущественна, чтобы побѣдить Гуса; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ чисто церковная идеологія оксфордскаго и пражскаго профессоровъ сыграла подчиненную роль, такъ какъ правительство Плантагенетовъ подобно правительству Сигизмунда въ своемъ отношеніи къ этой идеологіи не теряло ни на минуту изъ виду своихъ матеріальныхъ интересовъ. Истинный характеръ «побѣды» Уиклефа какъ нельзя лучше выясняется послѣдующими страницами англійской исторіи, прежде всего судьбою лоллардовъ. Дѣло въ томъ, что искренность и самостоятельность Уиклефа составляли всегда тѣ его отличительныя свойства, которыя по справедливости могли обезпокоить и Эдуарда III, и Ричарда II, и герцога Глостера, и лордовъ, и купечество, словомъ всѣхъ, кому борьба Уиклефа съ папствомъ весьма нравилась. Уиклефъ именно тѣмъ и отличался отъ Ногаре не смотря на общее сходство ихъ положеній, что Ногаре въ своей дѣятельности всегда шелъ лишь до того пункта, до котораго нужно было дойти въ интересахъ Филиппа Красиваго, а Уиклефъ, идя дорогой религіознаго изслѣдованія, трудной дорогой внутренней борьбы и критики, не могъ остановиться только потому, что онъ уже сослужилъ королю службу и больше отъ него ничего не требуется. Послѣ отрицанія папскаго права вмѣшиваться въ англійскія дѣла, наступила очередь анализа самыхъ важныхъ коренныхъ догматовъ римскаго католицизма. Этотъ анализъ все больше и больше приближалъ Уиклефа къ признанію за Библіей и Евангеліемъ значенія единственнаго источника религіозной истины, причемъ онъ комментировалъ Писаніе съ раціоналистической точки зрѣнія. Чѣмъ больше начиналъ походить онъ на радикальнаго религіознаго реформатора, чѣмъ больше вліянія пріобрѣтали странствующіе уиклефиты, изъ которыхъ наиболѣе рѣзкіе получили названіе лоллардовъ, чѣмъ болѣе это ставшее весьма популярнымъ названіе обращалось въ синонимъ не только религіознаго, но и соціальнаго революціонера, тѣмъ

холоднѣе дѣлались по отношенію къ Уиклефу правящіе круги, тѣмъ подозрительнѣе принимались ими его безчисленные религіозные памфлеты, тѣмъ ожесточеннѣе преслѣдовали и били плетьми лоллардовъ, застигнутыхъ на мѣстѣ пропаганды. Наступило возстаніе Уота Тэйлора, и лолларды явились всюду цементомъ движенія, дѣятельными пропагандистами соціальной реформы религіи. Когда возстаніе было усмирено, все-таки правительство и лендлорды, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, испугавшись сопротивленія отказались и отъ проэктовъ закрѣпощенія, и отъ насильственнаго рабочаго тарифа. Все вошло въ свою колею,—фермеры успокоились, равновѣсіе возстановилось,—и лолларды остались покинутые всѣми, лицомъ къ лицу съ правящими классами, которые ихъ вполнѣ естественно ненавидѣли, какъ смутьяновъ, какъ людей, выводившихъ изъ св. Писанія демократическія заключенія, какъ самый дѣятельный и наиболѣе замѣтный элементъ возстанія. Врагъ былъ силенъ,—поддержка изчезла вмѣстѣ съ успокоеніемъ фермеровъ,—и лолларды были раздавлены. Забытый правительствомъ Уиклефъ, ставшій ненужнымъ и даже опаснымъ, умиралъ въ своемъ углу, посвящая послѣдніе годы упорной борьбѣ съ францисканцами и другими монахами: только въ этой борьбѣ позволено было ему проводить новыя религіозныя воззрѣнія, только такая борьба не интересовала сильныхъ міра сего. Уиклефомъ воспользовалось правительство противъ папы и бросило его, когда онъ сталъ ненуженъ и пошелъ по своей дорогѣ; лоллардами-уиклефитами, послѣдователями позднѣйшихъ взглядовъ профессора, воспользовались революціонеры 1381 года и такъ же бросили ихъ, когда лолларды стали имъ уже ненужны. Для Эдуарда и Ричарда, Уиклефъ былъ пригоднымъ перомъ, для фермеровъ Уота Тейлора лолларды оказались удачнымъ рупоромъ, но и перо, и рупоръ были отброшены съ того момента, какъ въ нихъ перестали нуждаться.

III.

Чрезвычайно сильно повліялъ Уиклефъ на выработку англійскаго прозаическаго языка; можно сказать, что въ этомъ отношеніи его трактаты и переводы библейскихъ сказаній съиграли ту же роль, какъ лютеровскія произведенія въ Германіи. Замѣчательное дѣло: для самаго бѣглаго взгляда ясно, что Уиклефъ своихъ вещей не обрабатывалъ, а торопился только высказаться, и, однако, удивительная стилистическая красота отмѣтила все, что вышло изъ-подъ его пера, включая самые мелкіе памфлеты противъ бродячихъ монаховъ,—памфлеты, разсчитанные на весьма кратковременное существованіе. Энергія ли убѣжденія тутъ сказалась, или полная отчетливость мысли, или радость близкой побѣды въ трактатахъ перваго періода, или раздраженіе и глубокая горечь въ концѣ жизни, когда онъ вступилъ на одинокій

путь, но цѣлый рядъ разнородныхъ эмоцій, цѣлый міръ спѣшно пришедшихъ въ голову новыхъ религіозныхъ идей отразились на стилѣ книжечекъ Уиклефа, придали имъ ту вѣчную литературную свѣжесть, которую не портятъ ни желтизна страницъ, ни даже то обстоятельство, что содержаніе идей давно отошло въ невозвратное прошлое. Этимъ языкомъ, этою амальгамою медленно цѣлыхъ триста лѣтъ соединявшихся лингвистическихъ элементовъ Уиклефъ первый воспользовался съ такимъ талантомъ, съ такою силою. Жизнеспособность англійскаго языка впервые была испробована и доказана имъ; но почти одновременно съ нимъ началъ пользоваться этимъ блестящимъ орудіемъ человѣкъ, совершенно справедливо могущій назваться однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей англійской литературы, Джефри Чосеръ.

Джефри Чосеръ вращался въ придворныхъ кругахъ, путешествовалъ по Европѣ, былъ знакомъ съ Петраркою, жилъ въ Италіи и превосходно зналъ итальянскую литературу. Несомнѣнно, Боккаччіо весьма сильно на него повліялъ въ смыслѣ выбора сюжетовъ и литературныхъ формъ, но, конечно, его оригинальный талантъ въ исполненіи задуманныхъ темъ не можетъ быть оспариваемъ. Чосеръ, въ сущности, былъ художникомъ-разсказчикомъ, не задававшимся, такъ же, какъ не задавался этимъ и Боккаччіо, никакими дидактическими цѣлями. Въ его «Кентерберійскихъ разсказахъ» встрѣчаются духовныя лица, описанныя необыкновенно юмористически; попадаются насмѣшки надъ монахомъ, везущимъ ларчикъ съ новенькими индульгенціями изъ Рима, и тому подобныя мѣста, но называть Чосера представителемъ оппозиціи Риму—значило бы насиловать факты. Чосеръ, находившійся подъ вліяніемъ «Roman de la Rose», самъ написавшій цѣлое произведеніе о «Розѣ» (т.-е. о женской невинности, которую желательно герою похитить), давшій рядъ совершенно живыхъ портретовъ съ натуры, является первымъ по времени англійскимъ реалистомъ.

Любовь, понимаемая во всѣхъ смыслахъ, отъ платоническаго до совершенно животнаго, составляетъ если не единственную, то главную тему его произведеній. Свѣтскость настроенія и выборъ фабулы, веселый, живой тонъ и, наконецъ, дѣйствительно обличающее большого художника умѣнье пятнадцатью строчками нарисовать образъ,—вотъ черты, которыя сдѣлали Чосера любимымъ писателемъ читающей части общества временъ Уиклефа, Эдуарда и Ричарда. Но еще нужно оговориться: эти черты не были такими рѣзко новаторскими, какими онѣ явились у Боккаччіо. Англія, можетъ быть, потому, что была еще совсѣмъ «дика» и далека, подвергалась гораздо меньше другихъ странъ воспитательскимъ клерикальнымъ воздѣйствіямъ, которыя такъ давали себя чувствовать въ остальной Европѣ со временъ учрежденія францисканскаго и доминиканскаго орденовъ, т.-е. съ XIII вѣка. И до, и послѣ XIII вѣка англичане платили Peter's penny, злились на это сначала втихомолку, потомъ рѣзко и открыто, подчинялись папскому авторитету

сначала (до Іоанна Беззомельнаго) вполнѣ bona fide, потомъ по инерціи, затѣмъ (при Уиклефѣ) повели съ нимъ ожесточенную борьбу, но во всѣ эти эпохи римско-клерикальный духъ въ точномъ значеніи слова не давалъ себя въ Англіи такъ знать, какъ на материкѣ. Секуляризація литературы началась не съ Чосера, а со временъ норманскаго завоеванія, Чосеръ не началъ, а закончилъ, благодаря таланту, блестяще первый органическій періодъ роста свѣтской поэзіи. Любопытно, что Чосера въ Европѣ гораздо меньше знали, читали и любили, чѣмъ Боккаччіо, хотя, при одинаковой живости и занимательности изложенія, при одинаковой веселости тона, Чосеръ обладалъ гораздо большимъ изобразительнымъ талантомъ и несравненно болѣе простымъ языкомъ: вычурностей и цвѣтистыхъ мѣстъ Боккаччіо у него нѣтъ и въ поминѣ. Какъ намъ кажется, эта меньшая популярность Чосера зависитъ отъ слѣдующихъ условій: итальянская жизнь и итальянскій языкъ были гораздо болѣе извѣстны и близки Европѣ, чѣмъ англійскій языкъ и бытъ; далѣе Чосеръ для своего вѣка *былъ слишкомъ большимъ художникомъ-реалистомъ*, а этого мало развитой и некультурной аудиторіи вовсе не требуется. У насъ, среди крестьянъ сѣверной и средней полосы, «милордъ аглицкій» и «Францылъ венеціянъ» еще весьма недавно выдерживали побѣдоносную борьбу съ Львомъ Толстымъ и Глѣбомъ Успенскимъ; не проводя никакихъ параллелей, замѣтимъ только, что если бы эти болѣе близкіе къ намъ факты подвергались тщательному психологическому изслѣдованію, многое въ исторіи всемірной литературы можетъ быть озарилось бы новымъ и яркимъ свѣтомъ. Во всякомъ случаѣ, и Боккаччіо былъ реалистомъ, хотя и меньшимъ, нежели Чосеръ, и его популярность въ Европѣ является фактомъ, значительно способствовавшимъ развитію новыхъ навыковъ мышленія и новаго эстетическаго вкуса.

Въ континентальной Европѣ переходъ отъ средневѣковья къ новому времени выразился въ томъ, что возникли сословныя монархіи на развалинахъ феодальнаго строя. Въ этихъ сословныхъ монархіяхъ вся власть, прежде разсѣянная среди феодаловъ, была оккумулирована въ рукахъ государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ награду за это, новый порядокъ вещей гарантировалъ этимъ феодаламъ (точнѣе ихъ потомкамъ) всѣ права ихъ по отношенію къ вилланамъ. Мало того, закрѣпощеніе крестьянъ, послѣдовавшее въ XIV и XV вв. въ сѣверо-восточной Европѣ, страшныя усмиренія крестьянскихъ мятежей въ Германіи и другихъ мѣстахъ, ясно выраженная тенденція юридически оформить и всесторонне кондифицировать зависимость земледѣльческаго класса отъ помѣщиковъ,—всѣ эти явленія довольно явственно обнаруживали стремленіе сословной монархіи вознаградить экономическимъ путемъ феодаловъ за потерю политической силы и создать себѣ изъ нихъ опору.

Въ Англіи происходилъ процессъ иной. Организація власти осталась такою же, какою была въ концѣ среднихъ вѣковъ: парламентъ и

король въ прежнихъ сочетаніяхъ и прежними способами управляли страной; попытка закрѣпостить земледѣльческій трудъ была сдѣлана и, какъ мы видѣли, получила отпоръ, но она была столь же случайна въ Англіи, какъ и причина ее вызвавшая, т.-е. черная смерть. Кризисъ въ Англіи наступилъ позже, чѣмъ въ континентальной Европѣ и иначе былъ обусловленъ: увеличившійся спросъ на англійскую шерсть изъ-за границы былъ первымъ толчкомъ, заставившимъ англійскихъ лендлордовъ броситься въ деревню, воспользоваться своими старыми, забитыми со временъ Вильгельма Завоевателя, правами, согнать со своихъ земель около семидесяти тысячъ семействъ мелкихъ арендаторовъ, уничтожить всѣ общинныя земли,—и все это затѣмъ, чтобы завести обширныя пастбища для тонкорунныхъ овецъ. Чтобы сдѣлать это, лендлордамъ достаточно было лишь воспользоваться своимъ правомъ и чудовищно возвысить арендную плату на земли, которыя по какимъ-нибудь старымъ грамотамъ они могли считать своими. Были пущены въ ходъ стряпчіе, атторнеи, нотаріусы и адвокаты, выискивались забитыя права, эти права уступались и продавались весьма нерѣдко купцамъ-капиталистамъ, малодоходный залежавшійся городской капиталъ устремлялся, въ свою очередь, въ деревню и противъ этого союза аристократическихъ правъ, купеческаго капитала и стерегущей ихъ интересы юриспруденціи растерявшіеся фермеры ничего подѣлать не могли. Гоголь въ одномъ мѣстѣ сравниваетъ разбойника черкеса съ чиновникомъ-повытчикомъ, пускающимъ по міру людей на законномъ основаніи, посредствомъ справокъ и выправокъ. Здѣсь, въ Англіи, отъ конца XV до конца XVI вѣка цѣлая соціальная революція была произведена на законномъ основаніи «посредствомъ справокъ и выправокъ». Экспропріація фермеровъ, въ особенности обезлюденіе страны весьма безпокоили правительство Тюдоровъ и оно даже дѣлало неоднократныя попытки законодательнымъ путемъ замедлить совершавшійся переворотъ, но, конечно, изъ этого ровно ничего не вышло, такъ же, какъ ничего не вышло изъ бунта Роберта Кэта и изъ другихъ попытокъ земледѣльческаго класса помочь своему отчаянному положенію.

Итакъ, для Англіи новое время настало съ рѣзкимъ и крутымъ переворотомъ въ экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ. Тѣ самыя послѣднія десятилѣтія XV вѣка и первые годы XVI, которые видѣли въ Европѣ Савонаролу, дѣлающаго послѣднія усилія поддержать католичество, Лютера, наносящаго старымъ ученіямъ тяжелые удары, Англіи подарили перваго (по времени) утописта.

Томасъ Моръ первый послѣ Платона далъ читающему обществу образчикъ того оригинальнаго рода литературы, который называется «общественнымъ романомъ». Его произведеніе называется такъ: «О наилучшемъ состояніи государства и объ островѣ Утопіи»; вышло оно въ свѣтъ въ 1516 году и потомъ много разъ переиздавалось въ латинскомъ подлинникѣ и въ англійскомъ переводѣ. Въ общемъ, мы не

придерживаемся того мнѣнія, что Томасъ Моръ придавалъ какое-нибудь особенное значеніе именно этой своей работѣ; его стихотворенія, историческіе труды, переписка обличаютъ человѣка разносторонняго, типичнаго гуманиста, интересовавшагося словеснымъ искусствомъ во всѣхъ его видахъ. Но если для самого автора «Утопія» была лишь однимъ изъ многихъ его твореній, ничѣмъ особеннымъ не выдававшимся, то въ глазахъ потомства именно она осталась неразрывно связанною съ именемъ Томаса Мора. Работа эта заключаетъ въ себѣ и критическіе, и положительные элементы, причемъ тѣ и другіе переплетаются между собою на протяженіи всей книги. Конечно, съ точки зрѣнія историческихъ матеріаловъ критика здѣсь важнѣе положительной части, такъ какъ живыя наблюденія современника надъ описываемыми событіями являются весьма существеннымъ подспорьемъ для пониманія этихъ событій; но и положительная часть весьма любопытна, хотя бы уже потому, что все гуманистическое движеніе не только въ Англіи, но и въ остальной Европѣ не дало болѣе опредѣленныхъ (при всей своей фантастичности и неосуществимости) общественныхъ идеаловъ. Томасъ Моръ былъ человѣкомъ спокойнаго, добраго и уравновѣшеннаго характера, относившимся къ жизни созерцательно, и это обстоятельство весьма ясно сказалось на обработкѣ сюжета. Вся почти «Утопія» тихая и радостная мечта о царствѣ любви и добра, которое должно смѣнить «желѣзный вѣкъ».

Названіе это («Утопія») придано Моромъ неизвѣстному острову, о нравахъ и жизни обитателей котораго разсказываетъ ему будто бы посѣтившій «Утопію» морякъ. Для современника Колумба, Васко де-Гамы, Кортеса и Пизарро было вполнѣ естественно именно такъ оформить свое произведеніе: фантастическіе разсказы о ежегодно открываемыхъ новыхъ земляхъ,—разсказы, которые, однако, оказывались дѣйствительностью,—могли настроить на сказочный ладъ человѣка, рѣшившагося воображеніемъ унестись подалѣе отъ реальной юдоли бѣдствій. На островѣ «Утопіи» существуетъ два десятка городовъ, которые похожи удивительно одинъ на другой; но экономической связи между ними нѣтъ: къ каждому городу примыкаетъ земля, которая вмѣстѣ съ нимъ составляетъ отдѣльное хозяйственное цѣлое. Каждыя 30 семействъ выбираютъ представителя—филарха, филархи—изъ своей среды своихъ представителей—протофилярховъ, а всѣ протофилархи острова выбираютъ государя, власть котораго ограничена совѣтомъ протофилярховъ. Впрочемъ, на этомъ совѣтѣ засѣдаютъ также прямые представители всѣхъ гражданъ—по два отъ каждыхъ 30 семействъ. Относительно особо важныхъ дѣлъ требуется согласіе всего народа. Мѣстныя дѣла всецѣло предоставлены самоуправленію. Каждый городъ считается какъ отдѣльная хозяйственная единица, владѣльцемъ всѣхъ своихъ домовъ, земель и угодій. Всѣ жители «Утопіи» заняты земледѣльческимъ трудомъ и ремеслами; рабочій день длится шесть

часовъ. Къ работѣ мужчины и женщины пріучаются еще въ школьномъ возрастѣ, такъ что ея никто не боится и не избѣгаетъ. Что касается до работъ, непріятныхъ по самой природѣ своей, напримѣръ, ассенизаціонныхъ, то ихъ исполняютъ особыя, существующія въ «Утопіи», религіозныя секты и преступники (которые все-таки на этомъ островѣ водятся). Благодаря такой общей и доброхотной рабочей повинности, въ «Утопіи» никогда не ощущается нужды; всѣ производимыя цѣнности выставляются въ особыхъ мѣстахъ и тамъ каждый глава семьи беретъ себѣ столько, сколько ему нужно, безъ всякаго ограниченія и контроля. Возможность злоупотребленій Томасъ Моръ отвергаетъ рѣшительно. «Зачѣмъ отказывать человѣку? Вѣдь во всемъ тамъ избытокъ, никто не можетъ опасаться, что кто-нибудь потребуетъ больше, чѣмъ ему нужно. Зачѣмъ предполагать это, разъ всякій знаетъ, что онъ никогда не будетъ нуждаться.» Есть въ «Утопіи» и общественные столы, за которыми обѣдаютъ въ особыхъ помѣщеніяхъ по 30 семействъ; общественный столъ необязателенъ, но онъ всегда лучше домашняго, и потому жители «Утопіи» очень къ нему привержены. Семейные нравы Утопіи весьма патріархальны и суровы; нарушенія цѣломудрія караются жестоко, но и браки обыкновенно тамъ весьма счастливы. Въ общемъ, жизнь этихъ людей протекаетъ мирно и спокойно, безъ страстей, ссоръ, ненависти и борьбы,—и все это благодаря хорошимъ установленіямъ. Основная предпосылка Томаса Мора вытекаетъ изъ самой сущности гуманистическаго міросозерцанія: человѣкъ по природѣ созданъ для блага и счастья своего и своихъ ближнихъ; Т. Моръ и старается указать, при какихъ условіяхъ эта цѣль достижима.

Отъ изображенія идеальнаго строя Т. Моръ переходитъ часто къ критическимъ намекамъ на современность.

Что касается его политическихъ возрѣній,—онъ приверженецъ монархической формы правленія, но скорбитъ о томъ, что государи часто бываютъ окружены недостойными ихъ довѣрія совѣтниками. Впрочемъ, экономическая критика занимаетъ его гораздо болѣе, нежели политическая. Онъ сѣтуетъ на современное ему положеніе вещей, главнымъ образомъ на разведеніе овецъ, которыя «прежде были кроткими животными, а теперь такъ освирѣпѣли, что пожираютъ людей», т. е. сгоняютъ ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и лишаютъ этимъ пропитанія. Его занимаютъ также и иныя темныя стороны общественнаго быта, напримѣръ, то обстоятельство, что люди трудящіеся обыкновенно на старости лѣтъ остаются безъ куска хлѣба и безъ пристанища. Въ большей части всѣхъ этихъ бѣдъ Моръ винитъ частную собственность; былъ ли онъ здѣсь подъ прямымъ вліяніемъ Платона или нѣтъ,—неизвѣстно навѣрное, хотя весьма вѣроятно, что Платонъ повліялъ на него въ этомъ отношеніи. Вопросъ о частной собственности, кромѣ того, и многими сектантами, предшествовавшими появленію «Утопіи», рѣшался отрицательно.

«Утопія» произвела на читающую публику большое впечатлѣніе, но болѣе, какъ занимательное описаніе путешествія; любопытно, что многіе повѣрили, что такой островъ существуетъ на самомъ дѣлѣ и что порядки, царящіе тамъ, описаны съ исторической точностью. Только впослѣдствіи, главнымъ образомъ въ XIX вѣкѣ подъ вліяніемъ новыхъ условій и явленій жизни это интересное критическое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, догматическое произведеніе обратило на себя особенное вниманіе.

Гуманистическая дѣятельность Томаса Мора и его друга Колета имѣла для Англіи весьма большое значеніе еще и потому, что окончательно секуляризовала литературу; съ этихъ поръ, т. е. съ первой трети XVI столѣтія, въ Англіи параллельно развиваются и крѣпнутъ два литературныхъ теченія — одно чисто богословское, другое — свѣтское. И первое, и второе расцвѣли весьма пышно въ XVI и XVII столѣтіи, но уже не было отъ эпохи Т. Мора ни одного такого момента въ исторіи англійской литературы, когда богословское теченіе затмило бы свѣтское. Англійская поэзія выдвинула Спенсера, Марло, Шекспира, Мильтона,— величины далеко не равнозначущія, — но въ свое время гремѣвшія въ Англіи; эти поэты усилили интересъ къ свѣтской литературѣ вообще, а въ частности Шекспиръ, благодаря своему совершенно исключительному таланту, открылъ новые и широкіе горизонты психологическому реализму, до него появлявшемуся только урывками, только спорадически. Здѣсь не мѣсто останавливаться на анализѣ дѣятельности этихъ поэтовъ: такому анализу трудно помѣститься въ бѣглыхъ очеркахъ. Мы можемъ лишь сказать, что такіе художники, какъ Шекспиръ и Мильтонъ, сослужили англійской литературѣ не малую службу еще и въ томъ отношеніи, что воочію обнаружили все богатство англійскаго языка. Орудіе, которымъ воспользовались впослѣдствіи и философы, и поэты, и историки, и экономисты, ковалось и точилось въ эту эпоху, въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

V.

Шекспиръ былъ глубокимъ и послѣдовательнымъ реалистомъ по основнымъ чертамъ своего творчества. Конечно, смѣшно было бы считать его сознательнымъ приверженцемъ какой бы то ни было теоріи (да еще такой, которая и не существовала тогда), но его изобразительный и анализирующій геній былъ такъ великъ и глубокъ, что не осталось, кажется, ни одного уголка человѣческой души, не обслѣдованнаго имъ, и, главное, не обслѣдованнаго съ совершенно объективной точки зрѣнія. Значеніе Шекспира для европейской литературы огромно,— и однако, въ ближайшія десятилѣтія послѣ смерти его мы видимъ, что онъ почти забытъ и у себя на родинѣ, и на континентѣ. Только во второй половинѣ XVIII вѣка имъ начинаютъ заниматься и интересоваться, какъ онъ того заслуживаетъ. Шекспиръ слишкомъ былъ не-

доступенъ еще для эстетическаго вкуса своихъ ближайшихъ потомковъ; художественная правда его произведеній меньше интересовала ихъ, чѣмъ внѣшняя занимательность фабулы, — но отъ этого самый фактъ не перестаетъ быть фактомъ: на рубежѣ XVI и XVII столѣтій въ Англіи писалъ одинъ изъ величайшихъ реалистовъ поэзіи. При свѣтѣ этого факта становится особенно достопримѣчательнымъ и другое обстоятельство: въ одно время съ Шекспиромъ въ той же странѣ началась проповѣдь экспериментальнаго метода и индукціи. Предъ тѣмъ, какъ перейти къ философамъ XVII столѣтія, совершенно необходимо сказать нѣсколько словъ о Фрэнсисѣ Бэконѣ.

Бэконъ первый въ исторіи философіи указалъ съ совершенною полнотою на ту роль, которую призвана играть индукція въ философскомъ мышленіи. Единственныя положенія, по словамъ Бэкона, заслуживающія полнаго довѣрія, суть тѣ, которыя выведены на основаніи изученія фактовъ, причемъ даже уже совершенно твердо сложившееся положеніе должно быть взято назадъ, если новые факты ему противорѣчатъ.

Человѣческій умъ слишкомъ легко успокаивается на быстрыхъ и часто неосновательныхъ обобщеніяхъ только потому, что это пріятно; по мнѣнію Бэкона, нужно этой опасности избѣгать, нужно «внимательно и строго» изучать громаду фактовъ, подниматься постепенно отъ частичныхъ утвержденій до болѣе широкихъ, отъ этихъ болѣе широкихъ до самыхъ главныхъ, общихъ тезисовъ. И вездѣ эта цѣпь должна покоиться на фактическомъ знаніи, ни одно звено ея не должно висѣть въ воздухѣ. Позитивистическій духъ проникаетъ всю философію Бэкона; онъ относится отрицательно къ попыткамъ древнихъ философовъ разрѣшить проблему бытія посредствомъ конструированія отвлеченныхъ метафизическихъ системъ: всѣ эти системы, какъ не основанныя на опытѣ, должны, по его мнѣнію, быть отвергнуты. Физикъ, медленно и постепенно, путемъ кропотливаго изученія фактовъ, подвигающійся къ познанію истины, можетъ болѣе къ ней приблизиться, чѣмъ древній метафизическій мыслитель, хотя бы даже этотъ физикъ обладалъ заурядными способностями, а метафизическій мыслитель геніальными. «Калѣка всегда перегонитъ кровнаго скакуна, если калѣка идетъ по вѣрному пути, а скакунъ мчится, сбившись съ дороги». Нужно вообще замѣтить, что Тэнъ былъ совершенно правъ, назвавъ Бэкона поэтомъ въ душѣ; дѣйствительно, при всемъ трезвомъ и позитивистическомъ направленіи своихъ мыслей, Бэконъ, повидимому, такъ былъ увлеченъ новизною и свѣжестью своихъ идей, что давалъ имъ часто удивительно художественную и образную форму: сравненія, вродѣ вышеприведеннаго, увлекательныя картины, образы испещряютъ и «Novum organon», и другія его произведенія. Къ древности вообще, къ преувеличенной оцѣнкѣ гуманистами древнихъ мыслителей Бэконъ относился весьма холодно; извѣстенъ его афоризмъ, что такъ назы-

ваемая древность есть, въ сущности, юность міра, слѣдовательно, люди XVII вѣка умственно старше и опытнѣе древнихъ. Изучать нужно природу, а не мнѣнія абстрактныхъ мыслителей о природѣ, разумъ—орудіе, природа матеріалъ познанія. Кромѣ Леонардо—да-Винчи, Бэконъ не имѣлъ предшественниковъ въ своемъ восторженномъ и благоговѣйномъ отношеніи къ экспериментальному методу, но мысли итальянскаго художника остались на долгое время подъ спудомъ, въ видѣ рукописныхъ замѣтокъ, а Бэконъ свои идеи распространилъ въ видѣ стройныхъ и увлекательно написанныхъ трактатовъ. Цѣль знанія, по словамъ Бэкона, есть счастье людей, избавленіе ихъ отъ страданій и увеличеніе ихъ наслажденій. Такимъ образомъ, Бэконъ можетъ быть названъ не только первымъ позитивистомъ, но и первымъ утилитаристомъ въ исторіи науки.

Природа должна быть всецѣло подчинена власти человѣка и научное знаніе—лучшій для этого путь.

Таковы коренныя, руководящія идеи Бэкона, но въ его дѣятельности, помимо содержанія, важенъ общій духъ его произведеній: требованія научности, строгаго изученія фактовъ, контроля надъ своимъ сужденіемъ, указанія на необходимость полной умственной трезвости, критическое отношеніе къ абстракціи, не подтверждаемой фактами,—всѣ эти характерныя черты бэконовской философіи оказали могущественное воздѣйствіе на англійскій «научный и философскій міръ. «Novum organon» и «Возрожденіе наукъ» явились какъ бы теоретическимъ вступленіемъ въ эпоху Ньютона и Локка.

Глава вторая.

I.

Гоббесъ также, какъ всѣ, безъ исключенія, другіе мыслители, разсматриваемые въ настоящемъ этюдѣ, интересуетъ насъ только съ точки зрѣнія распространенія и вліянія его идей. Вліяніе Гоббеса на его современниковъ и потомковъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ былъ во многихъ отношеніяхъ самымъ безповоротнымъ матеріалистомъ, и хотя философской критикѣ не стоило большого труда выставить серьезнѣйшія возраженія противъ его *теоріи движенія*, производящаго всю умственную жизнь, однако, эта чисто матеріалистическая концепція весьма замѣтно повліяла на дальнѣйшія судьбы англійской и французской философіи. Впрочемъ, въ еще большей мѣрѣ философскія теоріи Гоббеса оказывали давленіе на широкую массу читающаго люда Англіи и Европы въ XVIII столѣтіи. Основные элементы воззрѣній Гоббеса весьма просты. Гоббесъ учитъ о чисто механическомъ міропониманіи. Онъ разсматриваетъ лишь тѣ явленія, которыя вполнѣ ясно соединены между собою причинной связью, вопросъ же о причинѣ всѣхъ причинъ

совершенно не входитъ въ область его умозрѣній. Какъ онъ относился къ религіознымъ системамъ, сейчасъ увидимъ, а пока замѣтимъ слѣдующее. Ученіе Гоббеса явилось реакціей вовсе не противъ одной только многообразной теологіи его времени: человѣкъ гоббесовской остроты ума, жившій и дѣйствовавшій въ одномъ вѣкѣ съ Декартомъ и Лейбницемъ, не могъ не видѣть, что для мыслителя, выдвигающаго извѣстную тенденцію, совершенно недостаточно стать даже въ вполнѣ опредѣленное положеніе относительно богословія, что онъ долженъ установить также свои отношенія къ грандіознымъ метафизическимъ системамъ, которыя и до него, и при немъ не уставало выдвигать человѣчество. Центральнымъ пунктомъ метафизики, вопросомъ о субстанціи Гоббесъ занимался весьма мало; все же намъ кажется неправильнымъ утвержденіе, что онъ вовсе имъ не занимался. Гоббесъ склоненъ былъ матерію считать единой субстанціей міра и ничто такъ не иллюстрируетъ этой мысли, какъ его психологическія воззрѣнія: сводя всѣ ощущенія и даже фантазію человѣка къ движенію и *противодвиженію* тѣлесныхъ частицъ, Гоббесъ вполнѣ послѣдовательно съ остальными важнѣйшими своими идеями стоитъ на почвѣ чистѣйшаго матеріализма. Смотря на философію исключительно, какъ на систематику явленій, которыя могутъ быть соединены между собою связью причинности, Гоббесъ съ большимъ вниманіемъ относится къ громаднымъ успѣхамъ естествознанія: естествознаніе вступало тогда въ свой золотой вѣкъ, который, впрочемъ, и въ наши дни не окончился. Открытія Коперника, Галлилея и Гарвея побудили Гоббеса отнестись съ самымъ большимъ оптимизмомъ къ будущему познанію явленій природы. Успѣхи естествознанія всегда производили на философски мыслящіе умы двойственное впечатлѣніе: либо они давали особенно сильный толчекъ стремленію постичь конечныя міровыя тайны, либо совершенно отвращали умъ отъ спекулятивныхъ полетовъ въ область неизвѣстнаго. Гоббесъ принадлежалъ къ умамъ этого второго порядка. Естествознаніе не только повліяло на содержаніе его философіи, но опредѣлило и методъ всего его мышленія. Нигдѣ, быть можетъ, строго матеріалистическія склонности его мысли не сказались съ такой силой, какъ въ выдвинутой имъ политической философемѣ. Политическая философія Гоббеса, какъ и все у него, проста, суха и прямолинейна. Вся она исходитъ изъ одного коренного тезиса: люди суть по основнымъ чертамъ своей природы себялюбивые звѣри, которые въ огромномъ большинствѣ никогда не встрѣтили бы въ своей душѣ препятствій къ тому, чтобы броситься и растерзать ближняго. Гоббесъ рѣшительно не признаетъ, что человѣкъ по самой природѣ своей есть общественное животное. Это одинъ изъ предразсудковъ, пущенныхъ въ обиходъ Аристотелемъ. Человѣкъ, существующій внѣ общественно-государственной связи, по мнѣнію Гоббеса, есть самый искренній и безусловный эгоистъ, для котораго совершенно немыслимы и даже прямо нелѣпы какія бы то

ни было побужденія, кромѣ соображеній о собственной, строго-личной выгодѣ. Единственная сила, которая можетъ до извѣстной степени нейтрализовать хаотическій и лютый эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ, есть сила государства. Гоббесъ придерживается договорной теоріи возникновенія государства, хотя это наименѣе разработанная часть его теоріи; гораздо опредѣленнѣй его воззрѣнія на самую природу государственной власти. Онъ ничуть не ставитъ правителей выше управляемыхъ по основнымъ чертамъ ихъ личной морали: тѣ и другіе одинаково люди, значитъ одинаково эгоистическія существа, но такъ какъ правители далеко и высоко поставлены надъ пасомымъ людскимъ стадомъ, то ихъ эгоизмъ, располагая подавляюще-громаднымъ могуществомъ, находится такъ сказать, въ состояніи полнаго насыщенія. Изъ политической философіи Гоббеса и въ особенности его мнѣнія объ основныхъ чертахъ человѣческой природы вытекаетъ цѣлый рядъ развитыхъ имъ любопытныхъ соображеній. За два съ половиной столѣтія до Лассаля Гоббесъ вполнѣ отчетливо провозгласилъ принципъ о фактическомъ первенствѣ силы надъ правомъ. Онъ стоитъ за абсолютную власть, разсматривая ее, какъ наилучшій въ техническомъ отношеніи изъ всѣхъ недоуздковъ, необходимыхъ для укрощенія человѣка-звѣря. Гоббесъ писалъ своего «Левіаѳана» въ ту болѣзненную эпоху англійской исторіи, когда Стюарты не на жизнь, а на смерть боролись съ парламентомъ, но меньше всего можно смотрѣть на этого мыслителя, какъ на адвоката династическихъ притязаній. Если въ философіи онъ былъ безусловнымъ матеріалистомъ, то въ политикѣ онъ является разсчетливымъ и совершенно трезвымъ практикомъ по содержанію, холоднымъ и рѣзкимъ циникомъ по выраженію своихъ идей. Сопоставлять и сближать его съ теоретиками божественнаго происхожденія монархической власти, вродѣ Іакова I, нѣтъ никакого основанія. Не говоря уже о томъ, что Гоббесъ происхожденіе монархизма видитъ въ общественномъ договорѣ,—онъ склоненъ и на катастрофы, могущія постигнуть монархизмъ, смотрѣть весьма спокойно. Между властью, установленной революціею, и правительствомъ, у котораго болѣе мирное прошлое, Гоббесъ не усматриваетъ никакой принципіальной разницы; онъ только полагаетъ, что революція противъ умѣлаго правительства всегда необыкновенно трудны, такъ какъ люди—трусливые, себялюбивые и склонные къ предательству рабы, въ большинствѣ случаевъ неспособные къ общимъ дѣйствіямъ и къ самоотверженію. Абсолютная власть, по мнѣнію философа, общественно необходима, и въ этомъ единственный ея raison d'être; другихъ оправданій она не имѣетъ и ни въ какихъ иныхъ объясненіяхъ и освященіяхъ не нуждается. Это всесильное государство, этотъ «Левіаѳанъ», всемогущій противъ индивидуальной личности, долженъ покончить разъ навсегда со всякими притязаніями какого бы то ни было духовенства даже на частичку свѣтской власти: именно для полноты воздѣйствія на общество власть должна быть со

вершенно нераздробима. Гоббесъ, относя религію и суевѣріе къ одному и тому же порядку явленій, совершенно отказываясь дать хоть какое-нибудь философское обоснованіе вѣрѣ, все-таки настаиваетъ, что такъ какъ религіозныя вѣрованія весьма существенно вліяютъ на поведеніе людей, то правительство имѣетъ полное право и обязанность регулировать также и эту сторону жизни; вѣротерпимость допустима лишь тамъ и тогда, гдѣ и когда она политически безопасна.

Гоббесъ во многомъ логически связанъ съ дѣятелями англійскаго Ренессанса, хотя въ еще большемъ уклоняется отъ ихъ основныхъ тенденцій. Съ Бэкономъ его роднитъ вѣра въ великое будущее естествознанія, съ Томасомъ Моромъ (съ которымъ у него въ остальномъ нѣтъ ничего общаго)—полное отсутствіе увѣренности въ исключительной душеспасительности одной какой-нибудь церкви, съ общими чертами Возрожденія Гоббеса сближаютъ антидогматическія наклонности. Конечно, съ этическимъ и политическимъ идеализмомъ дѣятелей англійскаго Ренессанса у Гоббеса никакихъ точекъ соприкосновенія нѣтъ; изъ всѣхъ дѣятелей Европы XVI столѣтія развѣ только одинъ Маккіавели въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдаленно можетъ быть съ нимъ сравненъ. На современниковъ и потомковъ Гоббесъ имѣлъ, быть можетъ, одностороннее, но сильное вліяніе. Можетъ быть, потому, что характерными чертами англійской націи являются извѣстная положительность и нерасположеніе къ умозрѣнію, Гоббесъ сразу попалъ въ счастливое и рѣдкое положеніе философа не только почитаемаго, но и читаемаго: ему достался, такимъ образомъ, удѣлъ весьма незначительнаго процента бывшихъ, будущихъ и нынѣ здравствующихъ философовъ. Даже такія особенности системы Гоббеса, какъ ея поразительная матеріалистическая узость, безапелляціонность приговоровъ относительно метафизики и религіи, также сыграли весьма значительную роль въ въ исторіи англійской мысли. Его философская дѣятельность сильно повысила требованія отъ всякой новой метафизической школы, увеличила ту всегда благотворную строгость критеріевъ, которая препятствуетъ философскому идеализму покидать свою почву и уноситься въ чуждыя ему области, ничего общаго съ философіей не имѣющія. Что касается до его политическихъ ученій, то они, вопреки опасеніямъ и укорамъ, не оказали растлѣвающаго вліянія на англійское общество: полная и рѣзкая противоположность между идеями «Левіаѳана» и легитимизмомъ, какъ стюартовскимъ, такъ и континентальнымъ, никакъ не давала возможности использовать ученіе и вліяніе Гоббеса въ сервилистическихъ началахъ. На этомъ мыслителѣ весьма ярко сказалось то почти общее правило, по которому всякая крупная и рѣзко-оригинальная умственная индивидуальность толкаетъ человѣческую мысль впередъ, а не назадъ, причемъ это обусловливается весьма часто даже не столько точнымъ смысломъ новыхъ идей, сколько разрываніемъ всякихъ умственныхъ путъ, переоцѣнкой старыхъ приговоровъ, наконецъ,

собственнымъ примѣромъ идейнаго безстрашія. Поколѣнія, знавшія Гоббеса, гораздо легче, спокойнѣе и быстрѣе восприняли мысли Локка и открытія Ньютона; а послѣ Гоббеса, Локка и Ньютона, не показались слишкомъ экстравагантными ни деизмъ Толанда и Шефтсбери, ни сарказмы Свифта, ни попытка Смоллета и Фильдинга покончить съ классической рутиной въ словесномъ творчествѣ и приблизиться къ широкой дорогѣ реализма. Но, раньше чѣмъ перейти къ этимъ дѣятелямъ XVIII столѣтія, намъ необходимо коснуться двухъ только что упомянутыхъ младшихъ современниковъ Гоббесса—автора «Опыта о человѣческомъ разумѣ» и человѣка, открывшаго законы тяготѣнія.

II.

Средина XIX столѣтія, т.-е. 40-е, 50-е и 60-е годы и въ естествознаніи, также какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ духовной жизни оказались необыкновенно плодотворными и богатыми тѣмъ подъемомъ духа и той преувеличенной, можетъ быть, вѣрой въ свое дѣло, которые творятъ одинаковыя чудеса и въ наукѣ, и въ политикѣ и въ искусствѣ. Открытія Ляйеля и Дарвина стоятъ и хронологически, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ въ центрѣ этого періода. Ихъ обобщающая мысль такъ далеко и глубоко освѣтила нѣмую громаду органической и неорганической природы, такъ раздвинула рамки нашего пониманія, что не мудрено было самымъ трезвымъ людямъ увлечься. На такой благодарной психологической почвѣ руководящіе умы Европы съ самымъ сочувственнымъ интересомъ отнеслись къ осторожной и потому не вполнѣ законченной синтетической философіи Спенсера, и къ совершенно законченной, хотя потому и рискованной системѣ Конта. Въ другомъ мѣстѣ мы подробнѣе остановимся на этомъ періодѣ; теперь же замѣтимъ, что исторіографія (въ лицѣ, напримѣръ, Бокля и Дрэпера) съ своей стороны, отдала дань общему радостному возбужденію: вся исторія европейской культуры вытягивалась въ одну нитку, изображалась въ видѣ борьбы все болѣе и болѣе торжествующаго естествознанія съ отступающимъ все далѣе и далѣе мракомъ невѣжества. Такой взглядъ таилъ въ себѣ всѣ достоинства и недостатки каждой *монистической* теоріи: являясь цѣннымъ методологическимъ орудіемъ научной разработки культурной исторіи, заставляя цѣлый рой изслѣдователей обратиться къ изученію общественно-историческаго вліянія естествознанія, этотъ взглядъ принесъ большую пользу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣвъ своего рода умственныя шоры на нѣсколько поколѣній культурныхъ историковъ, отвратилъ ихъ вниманіе отъ анализа другихъ сторонъ многообразнаго культурно-историческаго процесса. Основной слабостью описываемаго теченія исторіографіи навсегда осталось стремленіе подмѣнять культурную исторію человѣчества исторіей одной маленькой его частички, именно умственной аристократіей. Дѣйствительно, для фило-

софовъ для Декарта, Спинозы и Гоббеса открытія Коперника и Кеплера не остались пустымъ звукомъ, для Джіордано Бруно геліоцентрическая теорія явилась основнымъ пунктомъ его міросозерцанія; ученіе Ньютона весьма могущественно повліяло на Локка и на самыхъ блестящихъ представителей просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Но не надо забывать, что и до сихъ поръ всѣ эти естественно-научныя завоеванія почти столь же мало вліяли на общее міровоззрѣніе громаднаго большинства, какъ мало повліяли они хотя бы на самого Ньютона, посвятившаго (уже послѣ всѣхъ своихъ открытій) цѣлый рядъ лѣтъ на религіозную интерпретацію пророчества Даніила, Абакука и Іоаннова апокалипсиса. Итакъ нѣтъ, нужды придавать подвигамъ натуралистической мысли значеніе какихъ-то великихъ граней въ исторіи культуры. Ихъ вліяніе продвигалось такими извилистыми путями, по такой затѣйливой кривой линіи, что самой характерной чертой этой стороны умственной эволюціи оставалось и остается ея замѣчательная медленность. Но, повторяемъ, умственные верхи Европы, жившіе и въ значительной мѣрѣ продолжающіе жить своей обособленной жизнью, дѣйствительно испытали непосредственную обновляющую силу новыхъ отвѣтовъ на старыя тайны природы. Вотъ почему упомянуть о Ньютонѣ совершенно необходимо передъ тѣмъ, какъ перейти къ Локку.

Роль математики была неимовѣрна, громадна среди философовъ и ученыхъ XVI и XVII столѣтія. Когда мы думаемъ объ этомъ фактѣ, намъ всегда приходятъ въ голову идеи Канта о философскомъ значеніи геометріи. Кантъ, вопреки мнѣніямъ Юма, утверждаетъ, что сужденія логическія, основанныя на чистомъ мышленіи, могутъ имѣть значеніе для предметной дѣйствительности; доказать это ему необходимо, чтобы прочно обосновать способность чистаго разума открывать объективныя истины, которыя нельзя доказать путемъ опыта. Единственный, но за то дѣйствительно серьезный аргументъ въ пользу того, что чистое мышленіе можетъ, независимо отъ опыта, открывать законы, обязательные для дѣйствительности, единственный примѣръ, иллюстрирующій это смѣлое утвержденіе, Кантъ усматриваетъ въ существованіи математики вообще и геометріи въ частности. Геометрическія теоремы и положенія открыты чистымъ разумомъ безъ всякаго участія опыта; но то, что ученый чертитъ и вычисляетъ, сидя за своимъ письменнымъ столомъ, обладаетъ самой безусловной истинностью, и если уже потомъ математикъ пожелаетъ провѣрить эмпирическимъ образомъ свои утвержденія—опытъ окажется на его сторонѣ. Значитъ, философская роль математики заключается въ томъ, что она самымъ своимъ существованіемъ иллюстрируетъ могущественную силу чистаго разума въ познаніи тѣлесной дѣйствительности: разъ математическая логика имѣетъ обязательное значеніе для предметнаго міра, слѣдовательно этотъ предметный міръ созданъ и держится на основаніяхъ законовъ разума, родственнаго нашему человѣческому разуму. Эта мысль вполнѣ ясно была

развита впервые именно Кантомъ, но, очевидно, математика, являющаяся примѣромъ обязательности логическихъ апріорныхъ приговоровъ для предметнаго міра, болѣе всего иного обнаруживающая могущество познающаго разума, была дорога философамъ новаго времени, какъ опорный пунктъ, какъ пробный камень, дающій инстинктивное ощущеніе силы и предчувствіе побѣды. И Декартъ, и Бруно, и Лейбницъ любили и знали математику, и, можетъ быть, ничто не даетъ болѣе удовлетворительнаго психологическаго объясненія этой любви, какъ именно блестящія страницы Канта, посвященныя философскому значенію математическихъ наукъ. Открытія Коперника, Кеплера, Бойля и Ньютона, совершенныя въ значительной мѣрѣ при помощи математическаго анализа, конечно, только укрѣпили философскій пьедесталъ математики. Съ конца XVII вѣка математика, такъ сильно и конкретно возвеличенная прогрессомъ естествознанія, совершавшимся при ея помощи, начинаетъ вліять дисциплинирующимъ образомъ на умы того интеллектуальнаго европейскаго авангарда, который начался Локкомъ и закончился Кондорсэ. Это дисциплинирующее вліяніе математическихъ наукъ въ XVIII вѣкѣ было весьма велико. Надежды, окрылявшія метафизиковъ XVI и XVII вѣковъ, не оправдались, но точныя науки не дождались въ XVIII вѣкѣ своего Брюнетьера, никто не произнесъ фразы о томъ, что математика «не сдержала своихъ обѣщаній»; напротивъ, вліяніе точныхъ наукъ продолжалось и усиливалось, но уже въ иномъ направленіи. На время вопросъ о раціональномъ разрѣшеніи метафизическихъ проблемъ былъ отложенъ, и вся сила выводовъ точныхъ наукъ обрушилась на традицію. Въ ожесточенной борьбѣ съ традиціей прошелъ весь XVIII вѣкъ, и здѣсь-то Ньютонъ, какъ позднѣйшій изъ великихъ натуралистовъ прошлыхъ временъ, какъ новаторъ, особенно близко затронувшій традиціонные взгляды, и достигъ кульминаціи своего вліянія. Открытіе законовъ тяготѣнія имѣло неизмѣримое воспитательное значеніе для философовъ конца XVII и всего XVIII в. Доказавъ, что луна движется вокругъ земли, а земля и всѣ прочія планеты вокругъ солнца вслѣдствіе силы притяженія, что тяготѣніе есть общій космическій законъ, Ньютонъ ярко этимъ иллюстрировалъ ту мысль, что, во-первыхъ, физическіе законы, которымъ подчиняется все на землѣ, могутъ имѣть значеніе и въ остальной вселенной, и, во-вторыхъ, что удлиненный сфероидъ, на которомъ мы живемъ, нельзя ни въ какомъ смыслѣ считать центромъ міра. Представляя себѣ тяготѣніе, какъ дѣйствіе цѣлаго ряда атомовъ, составляющихъ извѣстное тѣло, на другой рядъ атомовъ, составляющихъ другое тѣло, популяризуя еще новую тогда молекулярную точку зрѣнія въ физикѣ, Ньютонъ пролагалъ широкую дорогу механическому міровоззрѣнію, которое уже послѣ него было противопоставлено традиціи: это механическое міровоззрѣніе явилось первой системой, которая рѣзко и непримиримо расходясь съ традиціей, могла отчасти съ нею равняться, если не

общей законченностью, то послѣдовательностью и логичностью своихъ составныхъ частей: враги оказались, наконецъ, другъ противъ друга въ полной боевой готовности, во всеоружіи всѣхъ своихъ доводовъ, и XVIII вѣкъ видѣлъ эту борьбу. Однако, еще раньше того, какъ она во всемъ своемъ блескѣ развернулась, когда еще не родились ни Дидро, ни Гольбахъ, когда еще Ньютонъ производилъ свои исчисленія, писалось и подготовлялось въ томъ же Лондонѣ, гдѣ жилъ Ньютонъ, въ нѣсколькихъ кварталахъ отъ его дома, произведеніе, давшее необыкновенный толчекъ экспериментальному и критическому духу наступавшаго времени. Въ 1687 году появились «Principia» Ньютона; черезъ три года, въ мартѣ 1690 года, послѣ двадцатилѣтнихъ сборовъ Локкъ опубликовалъ свой «Опытъ о человѣческомъ разумѣ».

III.

Сенсуализмъ Локка имѣлъ, пожалуй, еще болѣе широкое вліяніе на философовъ просвѣтительной эпохи, чѣмъ открытіе Ньютона; вѣдь чисто механическое міровоззрѣніе все-таки дѣлило съ деизмомъ роль господствующей доктрины среди дѣятелей мысли XVIII в., что же касается сенсуализма, то вплоть до Канта онъ игралъ первенствующую философскую роль, и, конечно, не можетъ считаться вполнѣ похороненнымъ и въ XIX вѣкѣ. Главное здѣсь такъ же, какъ относительно открытія Ньютона, общіе выводы, остававшіеся въ головѣ читателей, навыки мышленія, создавшіеся новымъ философскимъ методомъ. Локкъ совершенно отвергъ существованіе и даже возможность существованія врожденныхъ идей; чувственному міру онъ придалъ смыслъ и значеніе единственнаго истиннаго источника и мѣстонахожденія всѣхъ понятій, а нашимъ чувствамъ онъ отвелъ роль орудій при передачѣ нашему сознанію (*простыхъ идей*, т.-е. представленій о предметномъ мірѣ. Всѣ общія понятія, всѣ чувства, всѣ порожденія нашего психическаго міра,—все это коренится въ чувственномъ опытѣ; только этотъ опытъ и есть единственный, дѣйствительно, надежный маякъ, который, если его держаться, не дастъ разуму заблудиться въ мірѣ собственныхъ грезъ. Но чуть только человѣкъ начнетъ оперировать надъ общими понятіями, предаваться при этомъ логической игрѣ сближеній, сопоставленій и измышленій новыхъ общихъ идей, чуть только онъ забудетъ свою философскую обязанность безпрестанно провѣрять результаты своей умственной дѣятельности пробнымъ камнемъ опыта, сейчасъ же онъ попадетъ въ положеніе путника въ безбрежной пустынѣ безъ компаса и руководителя. Преимущество индукціи надъ дедукціей, необходимость дисциплинировать порывы философскаго мышленія, экспериментализмъ, какъ едино спасающій философскій методъ,—вотъ коренныя черты, унаслѣдованныя отъ Локка XVIII-мъ столѣтіемъ. Была еще одна черта, которая усилила вліяніе

механическаго міровоззрѣнія и которая была выставлена впервые въ англійской философіи Локкомъ: онъ говоритъ, что предметъ вѣры есть все то, чего разумъ не въ состояніи охватить; онъ не называетъ въ точности этихъ вещей и не указываетъ на реальность ихъ существованія.

Вопросъ объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ у Локка такъ же, какъ у Гоббеса, можетъ играть роль переходнаго мостка отъ философіи къ политикѣ; по крайней мѣрѣ, при анализѣ ихъ ученій это становится особенно яснымъ. Гоббесъ вполнѣ послѣдовательно, не отступая отъ своихъ взглядовъ, строго матеріалистическихъ въ философіи и абсолютистскихъ въ политикѣ, смотритъ на церковь, только какъ на пригодную узду, при помощи которой правительственная власть можетъ успѣшнѣе держать въ повиновеніи людскую массу; Локкъ, исключая религію изъ области, провѣримой опытомъ, склоненъ относиться къ ней и ко всѣмъ ея формамъ съ исторически—толерантной точки зрѣнія. Конечно, на современный взглядъ можетъ показаться нелогичнымъ, что, при общей своей терпимости, Локкъ настаиваетъ на необходимости преслѣдовать католиковъ и атеистовъ; впрочемъ, ненависть къ католикамъ объяснима и отчасти извинительна для свободомыслящаго англичанина, жившаго въ XVII вѣкѣ, когда Стюарты успѣли сдѣлать католицизмъ одной изъ важнѣйшихъ частей своей программы будущаго, и когда подъ флагомъ римскихъ ученій Іаковъ II творилъ свои насилія и преступленія. Но, за вычетомъ этихъ полемическихъ выходокъ, «The letters of toleration» могутъ считаться первымъ систематическимъ изложеніемъ той части еще только вырабатывавшейся тогда программы либерализма, которая трактуетъ о вѣротерпимости и объ отдѣленіи церкви отъ государства. Но если государство не должно совершенно вмѣшиваться въ дѣла вѣры и какимъ бы то ни было образомъ пускать въ ходъ свою власть при богословскихъ контроверсахъ, то въ чемъ же смыслъ, роль и прямое назначеніе государственной власти? Этимъ вопросамъ Локкъ посвятилъ свой «Трактатъ о правительствѣ». Локкъ въ политикѣ прямой антиподъ Гоббеса. Это тѣмъ болѣе любопытно, что исходный пунктъ у нихъ одинъ и тотъ же; Локкъ также считаетъ началомъ всякаго государства добровольный договоръ между членами человѣческаго общества, но онъ полагаетъ, что плодомъ такого договора была выработка правоваго законнаго строя для свободнаго и обезпеченнаго пользованія всѣми благами жизни; на вопросѣ, какъ именно, путемъ какой исторической эволюціи этотъ правовой строй замѣнился деспотіями, Локкъ не останавливается; онъ ограничивается лишь рѣзкимъ осужденіемъ деспотизма съ точки зрѣнія какъ разъ этой самой договорной теоріи: человѣкъ, захватившій неограниченную власть въ свои руки, eo ipso нарушилъ общественный договоръ и остальные члены общества совершенно въ правѣ нарушить его съ своей стороны и возвратиться къ первобытному состоянію.

*

Итакъ, по смыслу локковскаго ученія, если взять за критерій возможно большее счастье индивидуума,—всѣ системы общежитія составятъ такую скалу: выше всего—свободный правовой государственный порядокъ, въ случаѣ его невозможности — возвращеніе къ естественному состоянію, наконецъ, самая тяжелая форма общежитія — деспотизмъ. Собственно политическій идеалъ Локка въ значительной мѣрѣ воплощался для него въ англійской конституціи, какъ она была выработана и упрочена послѣ революціи 1688 г. Локкъ даетъ также полное развитіе теоріи законнаго сопротивленія, права на бунтъ въ случаѣ злоупотребленія власти, т. е. той теоріи, которая прямо вытекла изъ всей жизненной практики XVII столѣтія.

Всеобъемлющая роль экспериментальнаго метода, необходимость всѣ ученія, всѣ воззрѣнія, всѣ авторитеты подвергать тщательному повѣрочному анализу, несостоятельность какой бы то ни было спиритуалистической мистики,—вотъ главныя составныя части той новой и свѣжей умственной волны, которая хлынула въ сознаніе вліятельныхъ литературныхъ дѣятелей просвѣтительной эпохи со страницъ локковскихъ трактатовъ. Эти взгляды Локка, матеріалистическая концепція Гоббеса и механическое міросозерцаніе, подкрѣпленное открытіями Бойля и Ньютона—таково было главное содержаніе наслѣдія, завѣщаннаго семнадцатымъ вѣкомъ своему преемнику. Что же касается до освободительныхъ политическихъ взглядовъ Локка, то справедливость требуетъ замѣтить, что они особаго значенія имѣть не могли: для Вольтера, для Руссо, для Монтескьё—политической учительницей, гораздо болѣе краснорѣчивой, чѣмъ Локкъ, была сама англійская дѣйствительность. Не политической идеологіей, а энергичной эмансипаціей философской мысли англійскіе мыслители завоевали себѣ одно изъ центральныхъ мѣстъ въ исторіи европейской цивилизаціи.

Ев. Тарле.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЗЪ „ПѢСЕНЪ ДЛЯ НАРОДА“ *).

1. Гость.

(Теодора Фонтана).

Лампа тускло горитъ у кровати,
Мать не спитъ, какъ и въ прошлые дни,
И отцу говоритъ мать дитяти:
— Въ этой комнатѣ мы — не одни.

Улыбнуться онъ силится тщетно,
Но душа смутнымъ страхомъ полна,
Лампа гаснетъ почти незамѣтно...
О, какъ ночь безконечно длинна!

И когда имъ въ окно засіяли
Золотого разсвѣта лучи —
Мать съ отцомъ, поблѣднѣвшіе, знали:
Кто былъ гость, приходившій въ ночи.

2. Невѣста моряка.

(Отто-Юліусъ Бирбаумъ).

Далеко парусъ бѣлый мелькаетъ на просторѣ,
И онъ, кого люблю я — плыветъ въ открытомъ морѣ,
О, вѣтеръ, буйный вѣтеръ, повѣявшій съ морей,
Неси его въ отчизну, неси ко мнѣ скорѣй:
Своею глубиною съ морской пучиной споря,
Любовь моя сильнѣе, чѣмъ вѣтеръ, вѣтеръ съ моря!

*) Сборникъ современныхъ поэтовъ Германіи.

3. Просьба.

(Теодора Шторма).

Положи скорѣй мнѣ руки
На закрытые глаза,
И утихнутъ въ сердцѣ муки,
И уляжется гроза!

—

Жгучей боли стихнутъ волны,
Какъ волны морской прибой—
И душа, и сердце полны
Будутъ снова лишь тобой.

---

4. Находка.

(Марія Стона).

Мечту я схоронила,—
Такъ что же за бѣда?
Мечты иныя въ мірѣ
Найдутся безъ труда.

—

Свой кладъ я схоронила,—
Такъ что же за бѣда?
Иные клады въ мірѣ
Отыщутся всегда.

—

Нашла взамѣнъ я горе—
Сердечную печаль;
На всемъ земномъ просторѣ
Есть горшее едва-ль!

О. Чюмина.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

ДВѢНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Или Цезарь — или ничто.

1500—1503.

Aut Caesar—aut nihil.
Цезарь Борджіа.

Государю необходимо умѣть въ одинаковой степени быть человѣкомъ и звѣремъ.
Никколо Макіавелли.

I.

„Мы, Цезарь Борджіа де-Франчія, Божьей милостью герцогъ Романьи, князь Андріи, повелитель Піомбино и прочее, и прочее, Святѣйшей Римской Церкви знаменосецъ и главный капитанъ:—

„Всѣмъ намѣстникамъ, кастелланамъ, военачальникамъ, Кондоттьерамъ, Оффичіаламъ, солдатамъ и подданнымъ нашимъ повелѣваемъ: подателя сего, именитѣйшаго и возлюбленнѣйшаго, главнаго при особѣ нашей строителя и водчаго, Леонардо Винчи, дружественно принимать, ему и всѣмъ, кто съ нимъ, пропускъ чинить безпошлинный,—мѣрить, осматривать и всякую по желанію видѣнную вещь въ крѣпостяхъ и замкахъ нашихъ обсуждать дозволяя, потребныхъ людей немедленно наряжая, всякую помощь и содѣйствіе усердно оказывая. Съ волей же вышереченнаго Леонардо, коему надзоръ за крѣпостями и замками во владѣніяхъ нашихъ поручаемъ,—остальнымъ строителямъ нашимъ по всякому дѣлу въ соглашеніе входить приказываемъ.

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

„Дано въ Павіи августа 18, года отъ Рождества Христова 1502, правленія же нашего въ Романьи лѣта второго. Цезарь Герцогъ Романьи. Cesar Dux Romadiolae".

Таковъ былъ пропускъ Леонардо для предстоявшаго осмотра крѣпостей.

Въ это время, при помощи обмановъ и злодѣяній, совершаемыхъ подъ верховнымъ покровительствомъ римскаго первосвященника и христіаннѣйшаго короля Франціи, Цезарь Борджіа завоевывалъ древнюю Церковную Область, полученную, будто бы, папами въ подарокъ отъ императора Константина Равноапостольнаго. Отнявъ городъ Фаэнцу у законнаго государя, восемнадцатилѣтняго Асторре Манфреди, городъ Форли—у Катерины Сфорца,—обоихъ, ребенка и женщину, довѣрившихся рыцарской чести его, бросилъ онъ въ римскую тюрьму Св. Ангела. Съ герцогомъ Урбино Гвидобальдо Монтефельтро заключилъ союзъ для того, чтобы, обезоруживъ его, предательски напасть, какъ нападаютъ разбойники на большихъ дорогахъ, и ограбить.

Осенью 1502 года задумалъ онъ походъ на Бентиволіо, правителя Болоньи, чтобы, овладѣвъ этимъ городомъ, сдѣлать его столицею своего новаго государства. Ужасъ напалъ на сосѣднихъ правителей, которые поняли, что каждый изъ нихъ, въ свою очередь, рано или поздно будетъ жертвою Цезаря, и что онъ мечтаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ, уничтоживъ соперниковъ, объявить себя единымъ самодержавнымъ повелителемъ Италіи.

28 сентября враги Валентино, кардиналъ Паголо, герцогъ Гравина Орсини, Виттеллоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, Джіанъ-Паоло Бальони, правитель Перуджіи и Антоніо Джіордани да Венафро, посолъ правителя Сіены, Пандольфо Петруччи собрались въ городѣ Маджіоне на равнинѣ Карпійской и заключили тайный союзъ противъ Цезаря. Между прочимъ, на этомъ собраніи Вителоццо Вителли поклялся клятвою Ганнибала въ теченіе года умертвить, заточить или выгнать изъ Италіи общаго врага.

Только что распространилась вѣсть о маджіонскомъ заговорѣ—къ нему присоединились безчисленные государи, обиженные Цезаремъ. Герцогство Урбино возмутилось и отпало. Собственныя войска измѣняли ему. Король Франціи медлилъ помощью. Цезарь былъ на краю гибели. Но, преданный и покинутый, почти безоружный, онъ былъ все еще страшенъ. Пропустивъ въ малодушныхъ перекорахъ и колебаніяхъ самое выгодное время, чтобы уничтожить его, враги вступили съ нимъ въ переговоры и согласились на перемиріе. Хитростями, угрозами и обѣщаніями обольстилъ онъ ихъ, опуталъ и разъединилъ. Со свойственнымъ ему, глубокимъ искусствомъ лицемѣрія, очаровывая любезностями

новыхъ друзей, герцогъ звалъ ихъ въ только что сдавшійся городъ Синигаллію, будто бы для того, чтобы уже не на словахъ, а на дѣлѣ, въ общемъ походѣ, доказать имъ свою преданность.

Леонардо былъ однимъ изъ главныхъ приближенныхъ Цезаря Борджіа.

По порученію герцога, украшалъ онъ завоеванные города великолѣпными зданіями, дворцами, школами, книгохранилищами, строилъ обширныя казармы для Цезаревыхъ войскъ на мѣстѣ разрушенной крѣпости Кастель-Болоньезе, вырылъ гавань Порто Чезенатико, лучшую на всемъ западномъ берегу Адріатическаго моря, и соединилъ ее каналомъ съ Чезеною, заложилъ могущественную крѣпость въ Піомбино; сооружалъ боевыя машины, рисовалъ военныя карты и, слѣдуя всюду за герцогомъ, присутствуя во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершались кровавые подвиги Цезаря—въ Урбино, Пезаро, Имолѣ, Фаэнцѣ, Чезенѣ, Форли, по обыкновенію велъ краткій, точный и безстрастный дневникъ. Ни единымъ словомъ не упоминалъ онъ въ этихъ замѣткахъ о Цезарѣ, какъ будто не видя или не желая видѣть того, что совершалось вокругъ него. Записывалъ каждую мелочь, встрѣчавшуюся на пути,—способъ, которымъ земледѣльцы Чезены соединяли плодовыя деревья висячими лозами, устройство рычаговъ, приводившихъ въ движеніе соборные колокола въ Сіенѣ, странную, тихую музыку въ звукахъ падающихъ струй городского фонтана Римини. Срисовывалъ голубятню и башню съ витою лѣстницей въ замкѣ Урбино, откуда только что бѣжалъ злополучный герцогъ Гвидобальдо, ограбленный Цезаремъ, по выраженію современниковъ—„въ одной нижней сорочкѣ". Наблюдалъ, какъ въ Романьѣ, у подножія Апеннинъ, пастухи, чтобы усилить звучность рога, вставляютъ его широкимъ концомъ въ узкое отверстіе глубокихъ пещеръ—и громоподобный звукъ, наполняющій долину, повторяемый эхо, становится такъ силенъ, что стада, пасущіяся на самыхъ далекихъ горахъ слышатъ его. Одинъ, на берегу пустыннаго моря въ Піомбино, цѣлыми днями художникъ слѣдилъ, какъ набѣгаетъ волна на волну, разстилаясь по берегу, то выбрасывая, то всасывая щебень, щепки, камни и водоросли. „Такъ сражаются волны изъ-за добычи, которая достается побѣдителю"—писалъ Леонардо. И между тѣмъ, какъ вокругъ него нарушались всѣ законы справедливости человѣческой, не осуждая, не оправдывая, созерцалъ онъ въ движеніи волнъ, по виду случайномъ и прихотливымъ, на самомъ дѣлѣ, неизмѣнномъ и правильномъ, ненарушимые законы справедливости божественной,—механики, установленной Первымъ Двигателемъ.

9-го іюня 1502 года близъ Рима въ Тибрѣ найдены были мертвыя тѣла юнаго государя Фаэнцы, Асторре и брата его,

удавленныхъ, съ веревками и камнями на шеѣ, выброшенныхъ въ рѣку изъ тюрьмы Святого Ангела. Тѣла эти, по словамъ современниковъ, столь прекрасныя, что „подобныхъ имъ не нашлось бы среди тысячи“, хранили знаки страшнаго насилія. Народною молвою злодѣяніе было приписано Цезарю. Въ это время Леонардо писалъ въ своемъ дневникѣ: „въ Романьи употребляются повозки на четырехъ колесахъ; два переднихъ — маленькія, два заднихъ—большія; устройство нелѣпое, ибо по законамъ физики—смотри пятый параграфъ моихъ элементовъ — вся тяжесть упирается въ переднія колеса“.

Такъ, умалчивая о величайшихъ нарушеніяхъ законовъ духовнаго равновѣсія, возмущался онъ нарушеніемъ законовъ механики въ устройствѣ романьольскихъ телѣгъ.

II.

Во второй половинѣ декабря 1502 года герцогъ Валентино со всѣмъ своимъ дворомъ и войскомъ переѣхалъ изъ Чезены въ городъ Фано на берегу Адріатическаго моря, на рѣчкѣ Арциллѣ, миляхъ въ двадцати отъ Синигалліи, гдѣ назначено было свиданіе съ бывшими заговорщиками Оливератто да Фермо, Орсини и Вителли. Въ концѣ этого-же мѣсяца къ Цезарю выѣхалъ Леонардо изъ Пезаро.

Отправившись утромъ, онъ думалъ быть на мѣстѣ къ сумеркамъ. Но поднялась вьюга. Горы покрыты были непроходимыми снѣгами. Мулы то и дѣло спотыкались. Копыта ихъ скользили по обледенѣлымъ камнямъ. Внизу, слѣва отъ узкой надъ самою кручею горной тропинки, шумѣли волны Адріатическаго моря, черныя, разбивавшіяся о бѣлый снѣжный берегъ. Къ ужасу проводника, мулъ его шарахнулся, почуявъ тѣло висѣльника, качавшееся на сукѣ одинокой осины.

Стемнѣло. Они поѣхали наудачу, отпустивъ поводья, довѣрившись умнымъ животнымъ. Вдали замерцалъ огонекъ. Проводникъ узналъ большой постоялый дворъ подъ Новиларою, мѣстечкомъ въ горахъ, какъ разъ на полпути между Фано и Пезаро.

Долго пришлось имъ стучаться въ громадныя двери, обитыя желѣзными гвоздями, похожія на ворота крѣпости. Наконецъ вышелъ заспанный конюхъ съ фонаремъ, потомъ хозяинъ гостинницы. Онъ отказалъ въ ночлегѣ, объявивъ, что не только всѣ комнаты, но и конюшни биткомъ набиты, — нѣтъ, будто бы, ни одной постели, на которой не спало бы въ эту ночь человѣка по три, по четыре, и все люди знатные, военные — и придворные изъ свиты герцога.

Когда Леонардо назвалъ ему себя и показалъ пропускъ съ

печатью и подписью герцога, хозяинъ разсыпался въ извиненіяхъ, предложилъ ему свою собственную комнату, занятую пока лишь тремя начальниками ратныхъ людей изъ французскаго союзнаго отряда Ива д'Аллегра, которые, напившись, спали мертвымъ сномъ, а самъ съ женою вызвался лечь въ каморкѣ рядомъ съ кузницей.

Леонардо вошелъ въ комнату, служившую столовою и кухнею, точно такую же, какъ во всѣхъ гостинницахъ Романьи,—закоптѣлую, грязную, съ пятнами сырости на голыхъ, облупленныхъ стѣнахъ, съ курами и цесарками, дремавшими тутъ же на нашестѣ, поросятами, визжавшими въ рѣшетчатой закутѣ, рядами золотистыхъ луковицъ, кровяныхъ колбасъ и окороковъ, подвѣшенныхъ къ почернѣлымъ брусьямъ потолка. Въ огромномъ очагѣ съ нависшею кирпичною трубою пылалъ огонь, и на вертелѣ шипѣла свиная туша. Въ красномъ отблескѣ пламени за длинными столами гости ѣли, пили, кричали, спорили, играли въ зернь, шашки и карты. Леонардо присѣлъ къ огню, въ ожиданіи заказаннаго ужина.

За сосѣднимъ столомъ, гдѣ среди слушателей художникъ узналъ стараго капитана герцогскихъ копейщиковъ Бальдазаре Сципіоне, главнаго придворнаго казначея Алессандро Спаноккія и Феррарскаго посла Пандольфо Коленуччіо, неизвѣстный ему человѣкъ, размахивая руками, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, говорилъ тонкимъ, визгливымъ голосомъ:

— Примѣрами изъ новой и древней исторіи могу я это доказать, синьоры, съ точностью математическою. Вспомните только государства, которыя пріобрѣли военную славу, — римлянъ, лакедемонянъ, аѳинянъ, этолійцевъ, ахеянъ и множество племенъ по ту сторону Альпъ. Всѣ великіе завоеватели набирали войска изъ гражданъ собственнаго народа: Нинъ — изъ ассирійцевъ, Киръ — изъ персовъ, Александръ — изъ македонянъ... Правда, Пирръ и Ганнибалъ одерживали побѣды съ наемниками; но тутъ уже все дѣло въ необычайномъ искусствѣ этихъ вождей, съумѣвшихъ вдохнуть въ чужеземныхъ солдатъ мужество и доблесть народнаго ополченія. Къ тому же, не забывайте главнаго положенія, краеугольнаго камня военной науки: въ пѣхотѣ,—говорю я, — и только въ пѣхотѣ рѣшающая сила войска, а не въ конницѣ, не въ огнестрѣльныхъ орудіяхъ и порохѣ,—этой нелѣпой выдумкѣ новыхъ временъ!..

— Вы увлекаетесь, мессэръ Никколо,—съ вѣжливой улыбкой возразилъ капитанъ копейщиковъ, — огнестрѣльныя орудія пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все большее значеніе. Что бы вы ни говорили о римлянахъ и спартанцахъ, смѣю думать, что нынѣшнія войска гораздо лучше вооружены, чѣмъ древнія. Не

въ обиду будь сказано вашей милости, эскадронъ нашихъ французскихъ рыцарей — „джентиль-д'арме" или артиллеріи съ тридцатью бомбардами опрокинулъ бы скалу, а не только отрядъ вашей римской пѣхоты!

— Софизмы! Софизмы! — горячился мессэръ Никколо. — Я узнаю въ словахъ вашихъ, синьоре, пагубное заблужденіе, которымъ лучшіе военные люди нашего вѣка извращаютъ истину. Погодите, когда-нибудь полчища сѣверныхъ варваровъ протрутъ итальянцамъ глаза и увидятъ они жалкое безсиліе наемниковъ, убѣдятся въ томъ, что конница и артиллерія выѣденнаго яйца не стоятъ передъ твердыней правильной пѣхоты,—но будетъ поздно... И какъ только люди спорятъ противъ очевидности?.. Хоть бы о томъ подумали, что съ ничтожнымъ отрядомъ пѣхоты Лукуллъ разбилъ сто пятьдесятъ тысячъ конницы Тиграна, среди которой были когорты всадниковъ точь-въ-точь такія же, какъ эскадроны нынѣшнихъ французскихъ рыцарей!..

Съ любопытствомъ посмотрѣлъ Леонардо на этого человѣка, говорившаго о побѣдахъ Лукулла такъ, какъ будто видѣлъ ихъ собственными глазами.

На незнакомцѣ было длинное платье изъ темно красного сукна, величаваго покроя, съ прямыми складками, какое носили почтенные государственные люди флорентинской республики, между прочимъ, секретари посольства. Но это платье имѣло видъ поношенный: кое-гдѣ, правда, на мѣстахъ не очень замѣтныхъ, были пятна. Рукава лоснились. Судя по краю рубашки, которая обыкновенно выставлялась наружу тонкою полоскою на шеѣ изъ подъ плотно застегнутаго ворота, бѣлье было сомнительной свѣжести. Большія узловатыя руки съ мозолью на среднемъ пальцѣ, какъ у людей, которые много пишутъ, замараны были чернилами. Представительнаго, внушающаго людямъ почтеніе мало было въ наружности этого человѣка,—еще не стараго, лѣтъ сорока, худощаваго, узкоплечаго съ поразительно-живыми, рѣзкими, угловатыми чертами лица, странными до необычайности. Иногда, во время разговора, поднявъ вверхъ свой плоскій и длинный, точно утиный носъ, закинувъ маленькую голову назадъ, прищуривъ глаза и задумчиво выставивъ впередъ оттопыренную нижнюю губу, смотрѣлъ онъ поверхъ головы собесѣдника, какъ будто въ даль, дѣлаясь похожимъ на зоркую птицу, которая вглядывается въ очень далекій предметъ, вся насторожившись, вытянувъ тонкую, длинную шею. Въ безпокойныхъ движеніяхъ, въ лихорадочномъ румянцѣ на выдающихся, широкихъ скулахъ надъ смуглыми и впалыми бритыми щеками, и особенно въ большихъ сѣрыхъ, тяжко-пристальныхъ глазахъ угадывался внутренній огонь. Эти глаза хотѣли быть злыми; но порою сквозь выраженіе холодной горечи,

ѣдкой насмѣшки мелькало въ нихъ что-то робкое, слабое, дѣтски-безпомощное и жалобное.

Мессэръ Никколо продолжалъ развивать свою мысль о военной силѣ пѣхоты, и Леонардо удивлялся смѣшенію правды и лжи, безграничной смѣлости и рабскаго подражанія древнимъ—въ словахъ этого человѣка. Доказывая безполезность огнестрѣльнаго оружія, упомянулъ онъ, между прочимъ, о томъ, какъ труденъ прицѣлъ пушекъ большого размѣра, ядра которыхъ проносятся или черезчуръ высоко надъ головами враговъ, или черезчуръ низко, не долетая до нихъ. Художникъ оцѣнилъ остроту и мѣткость этого наблюденія, зная самъ по опыту несовершенства тогдашнихъ бомбардъ. Но тотчасъ же затѣмъ, высказавъ мнѣніе, что крѣпости не могутъ защитить государства, сослался Никколо на римлянъ, не строившихъ крѣпостей, и жителей Лакедемона, не позволявшихъ укрѣплять Спарту, дабы имѣть оплотомъ лишь мужество гражданъ, и — какъ будто все, что дѣлали и думали древніе, было истиною неопровержимою, доказательствомъ математической точности,—привелъ знаменитое въ школахъ изрѣченіе спартанца о стѣнахъ Аѳинъ: „онѣ были бы полезны, если бы въ городѣ обитали только женщины“.

Окончанія спора Леонардо не слышалъ, потому что въ это время хозяинъ повелъ его наверхъ въ комнату, приготовленную для ночлега.

III.

Къ утру вьюга разъигралась. Проводникъ отказывался ѣхать, увѣряя, что въ такую погоду добрый человѣкъ и собаки изъ дома не выгонитъ. Художникъ долженъ былъ остаться еще на день.

Отъ нечего дѣлать онъ сталъ прилаживать въ кухонномъ очагѣ самовращающійся вертелъ собственнаго изобрѣтенія, — большое колесо съ наискось расположенными лопастями, приводимое въ движеніе тягою нагрѣтаго воздуха въ трубѣ и, въ свою очередь, двигавшее вертелъ.

— Съ такою машиною,—объяснялъ Леонардо удивленнымъ зрителямъ,—повару нечего бояться, что жаркое пригоритъ, ибо степень жара остается равномѣрною: когда онъ увеличивается, вертелъ ускоряетъ, когда уменьшается—замедляетъ движеніе.

Этотъ совершенный кухонный вертелъ устраивалъ художникъ съ такою же любовью и вдохновеніемъ, какъ человѣческія крылья.

Въ той же комнатѣ мессэръ Никколо объяснялъ молодымъ французскимъ сержантамъ артиллеріи, отчаяннымъ игрокамъ, найденное будто бы имъ въ законахъ отвлеченной математики, пра-

вило выигрывать въ кости навѣрняка, побѣждая прихоти „фортуны-блудницы“, какъ онъ выражался. Умно и краснорѣчиво излагалъ онъ это правило, но каждый разъ, какъ пытался доказать его на дѣлѣ,—проигрывалъ къ немалому удивленію своему и злорадству слушателей, утѣшаясь впрочемъ тѣмъ, что допустилъ ошибку въ примѣненіи совершенно вѣрнаго правила. Игра кончилась объясненіемъ, неожиданнымъ и не совсѣмъ пріятнымъ для мессэра Никколо: когда наступило время расплачиваться, оказалось, что кошелекъ его пустъ, и что онъ игралъ въ долгъ.

Поздно вечеромъ пріѣхала съ огромномъ количествомъ тюковъ и ящиковъ съ многочисленными слугами, пажами, конюхами, шутами, арапками и разными потѣшными животными вельможная венеціанская кортезана, „великолѣпная блудница“ Лена Гриффа,—та самая, которая нѣкогда во Флоренціи едва не подверглась нападенію священнаго воинства маленькихъ инквизиторовъ брата Джироламо Савонароллы.

Года два назадъ, по примѣру многихъ подругъ своихъ, мона Лена покинула свѣтъ, превратилась въ кающуюся Магдалину и постриглась въ монахини для того, чтобы впослѣдствіи возвысить себѣ цѣну въ знаменитомъ „Тариффѣ кортезанъ или Разсужденіи для знатнаго иностранца“. Изъ темной монашеской куколки выпорхнула на свѣтъ обновленная блистательная бабочка. Лена Гриффа быстро пошла въ гору: по обыкновенію кортезанъ высшаго полета, уличная венеціанская „маммола“ — „душка“ сочинила себѣ пышное родословное древо, изъ котораго явствовало, что она ни болѣе, ни менѣе, какъ незаконная дочь брата миланскаго герцога, кардинала Асканіо Сфорца. Въ то же время сдѣлалась она главною наложницей одного дряхлаго, наполовину выжившаго изъ ума и несмѣтно-богатаго кардинала. Къ нему-то Лена Гриффа и ѣхала теперь изъ Венеціи въ городъ Фано, гдѣ Монсиньоръ ожидалъ ее при дворѣ Цезаря Борджіа.

Хозяинъ былъ въ затрудненіи: отказать въ ночлегѣ такой знатной особѣ—„ея преподобію“, подругѣ кардинала не смѣлъ, а свободныхъ комнатъ не было. Наконецъ, удалось ему войти въ соглашеніе съ анконскими купцами, которые за обѣщанную скидку въ счетѣ перешли ночевать въ кузницу, уступивъ довольно помѣстительную спальню свитѣ вельможной кортезаны. Для самой госпожи потребовалъ онъ комнату у мессэра Никколо и его сожителей, французскихъ рыцарей Ива д'Аллегра, предложивъ имъ лечь тоже въ кузницѣ, вмѣстѣ съ купцами.

Никколо разсердился и началъ было горячиться, спрашивая хозяина, въ своемъ ли онъ умѣ, понимаетъ ли съ кѣмъ имѣетъ дѣло, позволяя себѣ такія дерзости съ порядочными людьми изъ за первой встрѣчной потаскухи. Но тутъ вступилась хозяйка,

женщина словоохотливая и воинственная, которая, по тогдашней пословицѣ, „жиду языка не закладывала“. Она замѣтила мессэру Никколо, что, прежде чѣмъ браниться и буянить, слѣдовало бы заплатить по счету за свой собственный харчъ, за слугу и трехъ лошадей, кстати же отдать и четыре дуката, которые мужъ ея ссудилъ ему по добротѣ сердечной еще въ прошлую пятницу. И какъ будто про себя, но достаточно громко, чтобы всѣ присутствовавшіе могли ее слышать, пожелала злую Пасху тѣмъ шарамыжникамъ, прощалыгамъ, что шляются по большимъ дорогамъ, выдаютъ себя не вѣсть за какихъ важныхъ господъ, а живутъ на даровщинку и туда же носъ еще задираютъ передъ честными людьми.

Должно быть, въ словахъ этой женщины была доля правды; по крайней мѣрѣ, Никколо неожиданно притихъ, потупилъ глаза подъ ея обличительнымъ взоромъ и видимо помышлялъ, какъ бы отступить поприличнѣе.

Слуги уже выносили его вещи изъ комнаты, и безобразная мартышка, любимица мадонны Лены, полузамерзшая во время путешествія, корчила жалобныя рожи, вскочивъ на столъ съ бумагами, перьями и книгами мессэра Николло, среди которыхъ были „Декады“ Тита Ливія и „Жизни знаменитыхъ людей“ Плутарха.

— Мессэре,—обратился къ нему Леонардо съ любезной улыбкой, снимая беретъ,—ежели бы вамъ угодно было раздѣлить со мною ночлегъ, я счелъ бы за большую честь для себя оказать вашей милости эту ничтожную услугу.

Никколо обернулся къ нему съ нѣкоторымъ удивленіемъ, еще болѣе смутившись, но тотчасъ оправился и поблагодарилъ съ достоинствомъ.

Они перешли въ комнату Леонардо, гдѣ художникъ позаботился отвести своему новому сожителю лучшее мѣсто.

Чѣмъ больше наблюдалъ онъ его, тѣмъ привлекательнѣе и любопытнѣе казался ему этотъ странный человѣкъ.

Онъ сообщилъ ему свое имя и званіе,—Никколо Макіавелли, секретарь Совѣта Десяти флорентинской республики.

Мѣсяца три тому назадъ, лукавая и осторожная Синьорія отправила Макіавелли для переговоровъ къ Цезарю Борджіа, котораго надѣялась перехитрить, отвѣчая на всѣ его предложенія дружескаго оборонительнаго союза противъ общихъ враговъ Боентиволіо, Орсини и Вителли платоническими и двусмысленными изъявленіями преданности. На самомъ дѣлѣ республика, опасаясь герцога, не желала имѣть его ни врагомъ своимъ, ни другомъ. Мессэру Никколо Макіавелли, лишенному всякихъ дѣйствительныхъ полномочій, поручено было выхлопотать только пропускъ флорентинскимъ купцамъ черезъ владѣнія герцога по берегу Адріатическаго моря,—дѣло, впрочемъ, немаловажное для торговли,—„этой кормилицы республики“, какъ выражалась напутственная грамота Синьоровъ.

Леонардо также назвалъ ему себя и свой чинъ при дворѣ Валентино. Они разговорились, съ естественной легкостью и довѣріемъ, свойственнымъ людямъ противоположнымъ, одинокимъ и созерцательнымъ.

— Мессэре,—тотчасъ признался Никколò, и эта откровенность понравилась художнику,—я слышалъ, конечно, что вы великій мастеръ. Но долженъ васъ предупредить, въ живописи я ровно ничего не смыслю и даже не люблю ея, хотя полагаю, что это искусство могло бы мнѣ отвѣтить то же, что Данте нѣкогда отвѣтилъ зубоскалу, который на улицѣ показалъ ему фигу: одной моей я не дамъ тебѣ за сто твоихъ. Но я слышалъ также, что герцогъ Валентино считаетъ васъ глубокимъ знатокомъ военной науки, и вотъ о чемъ хотѣлось бы мнѣ когда-нибудь побесѣдовать съ вашею милостью. Всегда казалось мнѣ, что это—предметъ, тѣмъ болѣе важный и достойный вниманія, что гражданское величіе народовъ зиждется на могуществѣ военномъ, на количествѣ и качествѣ постояннаго правильнаго войска, какъ я докажу въ моей книгѣ о монархіяхъ и республикахъ, гдѣ естественные законы, управляющіе жизнью, ростомъ, упадкомъ и смертью всякаго государства, будутъ опредѣлены съ такою же точностью, съ какою математикъ опредѣляетъ законы чиселъ, естествоиспытатель—законы физики и механики. Ибо надо вамъ сказать—до сихъ поръ всѣ, кто писали о государствѣ...

Но тутъ онъ остановился и перебилъ себя съ добродушною улыбкою:

— Виноватъ, мессэре. Я, кажется, злоупотребляю вашею любезностью: можетъ быть, политика васъ такъ же мало занимаетъ, какъ живопись меня...

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ,—молвилъ художникъ,—или вотъ что, я скажу вамъ такъ же откровенно, какъ вы, мессэръ Никколò. Я въ самомъ дѣлѣ не люблю обычныхъ толковъ людей о войнѣ и дѣлахъ государственныхъ, потому что эти разговоры лживы и суетны. Но ваши мнѣнія такъ непохожи на мнѣнія большинства, такъ новы и необычайны, что, повѣрьте, я слушаю васъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Ой, берегитесь, мессэръ Леонардо,—разсмѣялся Никколò еще добродушнѣе,—какъ бы не пришлось вамъ раскаяться: вы меня еще не знаете; вѣдь, это мой конекъ,—сяду на него и ужъ не слѣзу, пока вы сами не прикажете мнѣ замолчать. Хлѣбомъ не корми меня, только съ умнымъ человѣкомъ дай поговорить о политикѣ! Но вотъ бѣда, гдѣ ихъ возьмешь, умныхъ людей? Наши великолѣпные синьоры знать ничего не хотятъ, кромѣ рыночныхъ цѣнъ на шерсть да на шелкъ, а я,—прибавилъ онъ съ гордой и горькой усмѣшкой,—я, видно, ужъ такимъ уродился по волѣ су-

дебъ, что, не умѣя разсуждать ни объ убыткахъ, ни о прибыляхъ, ни о шерстяномъ, ни о шелковомъ промыслѣ, долженъ выбрать одно изъ двухъ: или молчать, или говорить о дѣлахъ государственныхъ.

Художникъ еще разъ успокоилъ его, и чтобы возобновить бесѣду, которая въ самомъ дѣлѣ казалась ему любопытною, спросилъ:

— Вы только что сказали, мессэре, что политика должна быть точнымъ знаніемъ, такимъ же, какъ науки естественныя, основанныя на математикѣ, почерпающія свою достовѣрность изъ опыта и наблюденія надъ природою. Такъ ли я васъ понялъ?

— Такъ, такъ,—произнесъ Макіавелли, сдвинувъ брови, прищуривъ глаза, смотря поверхъ головы Леонардо, весь насторожившись и сдѣлавшись похожимъ на зоркую птицу, которая вглядывается въ очень далекій предметъ, вытянувъ тонкую длинную шею.

— Можетъ быть, я не съумѣю этого сдѣлать,—продолжалъ онъ,—но я хочу сказать людямъ то, чего никто никогда еще не говорилъ о дѣлахъ человѣческихъ. Платонъ въ своей „Республикѣ", Аристотель въ „Политикѣ", св. Августинъ въ „Градѣ Господнемъ"—всѣ, кто писали о государствѣ, не видѣли самаго главнаго,—законовъ естественныхъ, управляющихъ жизнью всякаго народа, находящихся внѣ человѣческой воли, внѣ зла и добра. Всѣ говорили о томъ, что кажется добрымъ и злымъ, благороднымъ и низкимъ, воображая себѣ такія правленія, какія должны быть, но какихъ нѣтъ и не можетъ быть въ дѣйствительности. Я же хочу не того, что должно быть, и не того, что кажется, а лишь того, что есть на самомъ дѣлѣ. Я хочу изслѣдовать природу великихъ тѣлъ, именуемыхъ республиками и монархіями,—безъ любви и ненависти, безъ хвалы и порицанія, какъ математикъ изслѣдуетъ природу чиселъ, анатомъ—строеніе тѣла. Знаю, что это трудно и опасно, ибо люди нигдѣ такъ не боятся истины и не мстятъ за нее, какъ въ политикѣ, но я все-таки скажу имъ истину, хотя бы потомъ они сожгли меня на кострѣ, какъ брата Джироламо!

Съ невольной улыбкой слѣдилъ Леонардо за выраженіемъ пророческой и въ то же время легкомысленной, словно школьнической дерзости въ лицѣ Макіавелли, въ глазахъ его, блестѣвшихъ страннымъ, почти безумнымъ блескомъ,—и думалъ:

„Съ какимъ волненіемъ говоритъ онъ о спокойствіи, съ какою страстью о безстрастіи!"

— Мессэръ Никколо̀,—молвилъ художникъ,—ежели вамъ удастся исполнить этотъ замыселъ, ваши открытія будутъ имѣть не менѣе великое значеніе, чѣмъ евклидова геометрія или изслѣдованія Архимеда въ механикѣ.

Леонардо въ самомъ дѣлѣ былъ удивленъ новизною того, что слышалъ отъ мессэра Никколо. Онъ вспомнилъ, какъ, еще тринадцать лѣтъ назадъ, окончивъ книгу съ рисунками, изображавшими внутренніе органы человѣческаго тѣла, приписалъ сбоку на поляхъ:

„Апрѣля 2 дня 1489.

„Да поможетъ мнѣ Всевышній изучить природу людей, ихъ нравовъ и обычаевъ, такъ же, какъ я изучаю внутреннее строеніе человѣческаго тѣла".

IV.

Они бесѣдовали долго. Леонардо, между прочимъ, спросилъ его, какъ могъ онъ во вчерашнемъ разговорѣ съ капитаномъ копейщиковъ отрицать всякое боевое значеніе крѣпостей, пороха, огнестрѣльнаго оружія; не было ли это простою шуткою?

— Древніе римляне и спартанцы,—возразилъ Никколо,—непогрѣшимые учителя военнаго искусства, не имѣли понятія о порохѣ.

— Но развѣ опытъ и познаніе природы,—воскликнулъ художникъ,—не открыли намъ многаго, и каждый день не открываетъ еще большаго, о чемъ и помышлять не смѣли древніе?

Макіавелли упрямо стоялъ на своемъ:

— Я думаю,—твердилъ онъ,—въ дѣлахъ военныхъ и государственныхъ новые народы впадаютъ въ ошибки, уклоняясь отъ подражанія древнимъ.

— Возможно ли такое подражаніе, мессэръ Никколо?

— Отчего же нѣтъ? Развѣ люди и стихіи, небо и солнце измѣнили движеніе, порядокъ и силы свои, стали иными, чѣмъ въ древности?

И никакіе доводы не могли его разубѣдить. Леонардо видѣлъ, какъ смѣлый до дерзости во всемъ остальномъ, становился онъ вдругъ суевѣрнымъ и робкимъ, словно школьный педантъ, только что рѣчь заходила о древности.

„У него великіе замыслы, но какъ-то исполнитъ онъ ихъ?"—подумалъ художникъ, невольно вспомнивъ игру въ кости, во время которой Макіавелли такъ остроумно излагалъ отвлеченныя правила, но каждый разъ, какъ пытался доказать ихъ на дѣлѣ—проигрывалъ.

— А знаете ли, мессэре?—воскликнулъ Никколо среди спора съ искрою неудержимой веселости въ глазахъ,—чѣмъ больше я слушаю васъ, тѣмъ больше удивляюсь, ушамъ своимъ не вѣрю... Ну, подумайте только, какое нужно было рѣдкое соединеніе звѣздъ, чтобы мы съ вами встрѣтились! Умы человѣческіе,—говорю я—

бываютъ трехъ родовъ: первый—тѣ, кто сами все видятъ и угадываютъ; вторые видятъ, когда имъ другіе указываютъ; послѣдніе сами не видятъ и того, на что имъ указываютъ, не понимаютъ. Первые — лучшіе и наиболѣе рѣдкіе; вторые—хорошіе, средніе; послѣдніе—обычные и никуда негодные. Вашу милость... ну, да, пожалуй, и себя, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ чрезмѣрной скромности, я причисляю къ первому роду людей. Чему вы смѣетесь? Развѣ неправда? Воля ваша —думайте, что хотите, а я вѣрю, что это недаромъ, что тутъ воля верховныхъ судебъ совершается, и для меня не скоро въ жизни повторится такая встрѣча, какъ сегодня въ вами, ибо я знаю, какъ мало на свѣтѣ умныхъ людей. А чтобы достойно увѣнчать нашу бесѣду, позвольте мнѣ прочесть одно прекраснѣйшее мѣсто изъ Ливія и послушайте мое объясненіе.

Онъ взялъ со стола книгу, придвинулъ заплывшій сальный огарокъ, надѣлъ желѣзные, сломанные и тщательно перевязанные ниткою очки съ большими круглыми стеклами и придалъ лицу своему выраженіе строгое, благоговѣйное, какъ во время молитвы или священнодѣйствія.

Но, только что поднялъ онъ брови и указательный палецъ, готовясь искать ту главу, изъ коей явствуетъ, что побѣды и завоеванія ведутъ государства неблагоустроенныя скорѣе къ погибели, чѣмъ къ величію, и произнесъ первыя, звучащія, какъ мѣдь, слова торжественнаго Ливія, — дверь тихонько отворилась, и въ комнату, крадучись, вошла маленькая, сгорбленная и сморщенная старушенка.

— Синьоры мои,—прошамкала она, кланяясь низко,—извините за безпокойство. Госпожи моей, яснѣйшей мадонны Лены Гриффы любимый звѣрокъ сбѣжалъ — кроликъ съ голубою ленточкой на шейкѣ. Ищемъ, ищемъ, весь домъ обшарили, съ ногъ сбились, ума не приложимъ, куда запропастился...

— Никакого здѣсь кролика нѣтъ,—сердито прервалъ ее мессэръ Никколо,—ступайте прочь!

Онъ всталъ, чтобы выпроводить старуху, но вдругъ посмотрѣлъ на нее внимательно сквозь очки, потомъ, опустивъ ихъ на кончикъ носа, посмотрѣлъ еще разъ поверхъ стеколъ, всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Мона Альвиджія! Ты ли это, старая хрычовка? А я-то думалъ, что давно уже черти крючьями стащили падаль твою въ пекло...

Старуха прищурила подслѣповатые, хитрые глазки и осклабилась, отвѣчая на его ласковыя ругательства беззубою улыбкой, отъ которой сдѣлалась еще безобразнѣе:

— Мессэръ Никколо! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Вотъ не гадала, не чаяла, что Богъ приведетъ еще встрѣтиться.

Макіавелли извинился передъ художникомъ и пригласилъ мону Альвиджію въ кухню покалякать, вспомнить доброе старое время. Но Леонардо увѣрилъ его, что они ему не мѣшаютъ, взялъ книгу и сѣлъ въ сторонѣ. Никколо позвалъ слугу и велѣлъ подать вина съ такимъ видомъ, точно былъ въ домѣ почетнѣйшимъ гостемъ.

— Скажи-ка, братецъ, этому мошеннику-хозяину, чтобы не смѣлъ онъ угощать насъ той кислятиной, что подалъ мнѣ намедни, ибо мы съ моной Альвиджіей не любимъ свернаго вина, такъже, какъ священникъ Арлотто, который, говорятъ, и передъ Святыми Дарами изъ плохого вина ни за что бы не сталъ на колѣни, полагая, что оно не можетъ претвориться въ кровь Господню.

Мона Альвиджія забыла кролика, мессэръ Никколо—Тита Ливія, и за кувшиномъ вина разговорились они, какъ старые друзья.

Въ заключеніе мона Альвиджія разсказала про собственную молодость: и она была прекрасна, и за нею ухаживали; всѣ ея прихоти исполнялись; и чего только она, бывало, ни выдѣлывала. Однажды въ городѣ Падуѣ, въ соборной ризницѣ сняла митру съ епископа и надѣла на свою рабыню. Но съ годами красота поблекла, поклонники разсѣялись, и пришлось ей жить сдачею комнатъ въ наймы да стиркою бѣлья. А тутъ еще заболѣла она и дошла до такой нищеты, что хотѣла на церковной паперти просить подаянія, чтобы купить яду и отравиться. Только Пречистая Дѣва спасла ее отъ смерти: съ легкой руки одного стараго аббата, влюбленнаго въ ея сосѣдку, жену кузнеца, вступила мона Альвиджія на торный путь, занявшись болѣе выгоднымъ промысломъ, чѣмъ стирка бѣлья.

Разсказъ о чудесной помощи Матери Господа, ея особливой Заступницы прерванъ былъ служанкою мадонны Лены, прибѣжавшею сказать, что госпожа требуетъ у ключницы баночки съ мазью для мартышки, отморозившей лапу, и „Декамерона" Боккачіо, котораго вельможная кортезана читала передъ сномъ и прятала подъ подушку, вмѣстѣ съ молитвенникомъ.

По уходѣ старухи, Никколо вынулъ бумагу, очинилъ перья и сталъ сочинять донесеніе великолѣпнымъ синьорамъ Флоренціи о замыслахъ и дѣйствіяхъ герцога Валентино—посланіе, полное глубокою государственною мудростью, несмотря на легкій, полушутливый слогъ.

— Мессэре,—молвилъ онъ вдругъ, поднимая глаза отъ работы и взглядывая на художника,—а признайтесь-ка, удивились вы, что я такъ легкомысленно сразу перешелъ отъ нашей бесѣды о самыхъ великихъ и важныхъ предметахъ, о добродѣтеляхъ древнихъ спартанцевъ и римлянъ къ болтовнѣ о дѣвчонкахъ со старухой? Но не осуждайте меня слишкомъ строго и вспомните, государь мой, что

этому разнообразію насъ учитъ сама природа въ своихъ вѣчныхъ противоположностяхъ и превращеніяхъ. А вѣдь главное—безстрашно слѣдовать природѣ во всемъ. Да и къ чему притворяться? Всѣ мы люди, всѣ человѣки. Знаете старую басню о томъ, какъ философъ Аристотель въ присутствіи ученика своего Александра Великаго по прихоти одной распутной женщины, въ которую влюбленъ былъ безъ памяти, сталъ на четверенки и взялъ ее къ себѣ на спину, и безстыдная, голая, поѣхала она верхомъ на мудрецѣ, какъ на мулѣ? Конечно, это только басня, но смыслъ ея глубокъ. Ужъ если самъ Аристотель рѣшился на такую глупость изъ за смазливой дѣвчонки,—гдѣ же намъ, грѣшнымъ, устоять?

Часъ былъ поздній. Всѣ давно спали. Было тихо. Только сверчокъ пѣлъ въ углу, и слышалось, какъ за деревянной перегородкой въ сосѣдней комнатѣ мона Альвиджія, что-то лепечетъ, бормочетъ, натирая лѣкарственною мазью отмороженную лапку обезьяны.

Леонардо легъ, но долго не могъ заснуть и смотрѣлъ на Макіавелли, прилежно склоненнаго надъ работою съ обгрызаннымъ гусинымъ перомъ въ рукахъ. Пламя огарка бросало на голую бѣлую стѣну огромную тѣнь отъ головы его съ угловатыми рѣзкими очертаніями, съ оттопыренною нижнею губою, непомѣрно длинною, тонкою шеей и длиннымъ птичьимъ носомъ. Кончивъ донесенія о политикѣ Цезаря, запечатавъ обертку сюргучемъ и сдѣлавъ обычную на спѣшныхъ посылкахъ надпись—cito, citissime, celerrime!" — „скорое, самое скорое, наискорѣйшее!" — открылъ онъ книгу Тита Ливія и погрузился въ любимый многолѣтній трудъ, составленіе объяснительныхъ примѣчаній къ „Декадамъ".

Леонардо слѣдилъ, какъ при свѣтѣ потухающаго огарка странная черная тѣнь на бѣлой стѣнѣ прыгала, плясала и корчила безстыдныя рожи, между тѣмъ какъ лицо секретаря флорентинской республики хранило строгое, торжественное спокойствіе словно отблескъ величія древняго Рима. Только въ самой глубинѣ, его глазъ да въ углахъ извилистыхъ губъ сквозило порой выраженіе двусмысленное, лукавое и горько-насмѣшливое, почти такое же циническое, какъ во время бесѣды со старухой.

V.

На слѣдующее утро вьюга утихла. Солнце искрилось въ замерзшихъ мутно-зеленыхъ стеклахъ маленькихъ окошекъ постоялаго двора, какъ въ блѣдныхъ изумрудахъ. Снѣжныя поля и холмы сіяли, мягкіе, какъ пухъ, ослѣпительно-бѣлые подъ голубыми небесами.

Когда Леонардо проснулся, сожителя его уже не было въ

комнатѣ. Художникъ сошелъ внизъ, въ кухню. Здѣсь въ очагѣ пылалъ большой огонь, и на новомъ самовращающемся вертелѣ шипѣло жаркое. Хозяинъ не могъ налюбоваться машиною Леонардо, а дряхлая старушка, пришедшая изъ глухого горнаго селенія, смотрѣла, выпучивъ глаза, въ суевѣрномъ ужасѣ, на баранью тушу, которая сама себя подрумянивала,—ходила, какъ живая, повертывая бока такъ, чтобы не пригорѣть.

Леонардо велѣлъ проводнику сѣдлать муловъ и присѣлъ къ столу, чтобы закусить на дорогу. Рядомъ мессэръ Никколо въ чрезвычайномъ волненіи разговаривалъ съ двумя новыми пріѣзжими. Одинъ изъ нихъ былъ гонецъ изъ Флоренціи, другой—молодой человѣкъ безукоризненной свѣтской наружности съ лицомъ, какъ у всѣхъ, не глупымъ, ни умнымъ, не злымъ и не добрымъ, незапоминаемымъ лицомъ толпы,—нѣкій мессэръ Лучіо,—какъ впослѣдствіи узналъ Леонардо, двоюродный племянникъ Франческо Веттори, знатнаго гражданина, имѣвшаго большія связи и дружески расположеннаго къ Макіавелли,—родственникъ самого гонфалоньера, Пьеро Содерини. Отправляясь по семейнымъ дѣламъ въ Анкону, Лучіо взялся отыскать Никколо въ Романьѣ и передать ему письма флорентинскихъ друзей. Пріѣхалъ онъ вмѣстѣ съ гонцомъ.

— Напрасно изволите безпокоиться, мессэръ Никколо,—говорилъ Лучіо.—Дядя Франческо увѣряетъ, что деньги скоро будутъ высланы. Еще въ прошлый четвергъ синьоры обѣщали ему...

— У меня, государь мой,—злобно перебилъ его Макіавелли,—двое слугъ да три лошади, которыхъ обѣщаніями великолѣпныхъ синьоровъ не накормишь! Въ Имолѣ получилъ я 60 дукатовъ, а долговъ заплатилъ на 70. Если бы не состраданіе добрыхъ людей, секретарь флорентійской республики умеръ бы съ голоду. Нечего сказать, хорошо заботятся синьоры о чести города, принуждая довѣренное лицо свое при чужомъ дворѣ выпрашивать по три, по четыре дуката на бѣдность!..

Онъ зналъ, что жалобы тщетны. Но ему было все равно, только-бы излить накипѣвшую въ сердцѣ горечь. Въ кухнѣ почти никого не было. Они могли говорить свободно.

— Нашъ соотечественникъ, мессэръ Леонардо да Винчи,—гонфалоньеръ долженъ его знать,—продолжалъ Макіавелли, указывая на художника, и Лучіо вѣжливо поклонился ему,—мессэръ Леонардо вчера еще былъ свидѣтелемъ оскорбленій, которымъ я подвергаюсь...

— Я требую, слышите, не прошу, а требую отставки!—закончилъ онъ, все болѣе горячась и видимо воображая въ лицѣ молодого флорентинца всю великолѣпную Синьорію.—Я человѣкъ бѣдный. Дѣла мои въ разстройствѣ. Я, наконецъ, боленъ. Если

такъ будетъ продолжаться, меня привезутъ домой въ гробу! Къ тому же все, что можно было сдѣлать съ данными мнѣ полномочіями, я здѣсь уже сдѣлалъ. А затягивать переговоры, ходить вокругъ да около, шагъ впередъ, шагъ назадъ, и хочется, и колется—слуга покорный! Я считаю герцога человѣкомъ слишкомъ умнымъ для такой ребяческой политики. Я, впрочемъ, писалъ вашему дядѣ...

— Дядя, — возразилъ Лучіо,—конечно, сдѣлаетъ для васъ, мессэре, все, что въ силахъ,—но вотъ бѣда: Совѣтъ Десяти считаетъ ваши донесенія столь необходимыми для блага республики, проливающими такой свѣтъ на здѣшнія дѣла, что никто и слышать не хочетъ о вашей отставкѣ. Мы бы-де и рады, да замѣнить его некѣмъ. Единственный, говорятъ, золотой человѣкъ, ухо и око нашей республики. Могу васъ увѣрить, мессэръ Никколò,—письма ваши имѣютъ такой успѣхъ во Флоренціи, что большаго вы сами не могли бы желать. Всѣ восхищаются неподражаемымъ изяществомъ и легкостью вашего слога. Дядя мнѣ говорилъ, что намедни въ залѣ Совѣта, когда читали одно изъ шуточныхъ вашихъ посланій, синьоры такъ и покатывались со смѣху...

— А, такъ вотъ оно что!—воскликнулъ Макіавелли, и лицо его вдругъ исказилось,—Ну, теперь я все понимаю. Синьорамъ письма мои по вкусу пришлись. Слава Богу, хоть на что-нибудь да пригодился мессэръ Никколò! Они тамъ,—изволите, ли видѣть?— со смѣху покатываются, изящества слога моего оцѣниваютъ, пока я здѣсь живу, какъ собака, мерзну, голодаю, дрожу въ лихорадкѣ, терплю униженія, бьюсь, какъ рыба объ ледъ—все для блага республики, чортъ бы ее побралъ вмѣстѣ съ гонфалоньеромъ—этою слезливою старою бабою! Чтобъ вамъ всѣмъ ни гроба, ни савана...

Онъ разразился площадною бранью. Знакомое безсильное негодованіе наполняло его при мысли объ этихъ вождяхъ народа, которыхъ онъ презиралъ и у которыхъ былъ на посылкахъ.

Желая перемѣнить разговоръ, Лучіо подалъ Никколò письмо отъ молодой жены его, моны Маріетты.

Макіавели пробѣжалъ нѣсколько строкъ, нацарапанныхъ дѣтскимъ крупнымъ почеркомъ на сѣрой бумагѣ.

„Я слышала,—писала, между прочимъ, Маріетта,—что въ тѣхъ краяхъ, гдѣ вы находитесь, свирѣпствуютъ лихорадки и другія болѣзни. Можете себѣ представить, каково у меня на душѣ. Мысли о васъ ни днемъ, ни ночью не даютъ мнѣ покоя... Мальчикъ, славу Богу, здоровъ. Онъ становится удивительно похожъ на васъ. Личико бѣлое, какъ снѣгъ, а головка въ густыхъ черныхъ, пречерныхъ волосикахъ, точь-въ-точь, какъ у вашей милости. Онъ кажется мнѣ красивымъ, потому что похожъ на васъ. И такой живой, веселый, какъ будто ему уже годъ. Вѣрите

ли, только что родился, открылъ глазенки и закричалъ на весь домъ...—А вы не забывайте насъ, и очень, очень прошу, пріѣзжайте скорѣе, потому что я болѣе ждать не могу и не буду. Ради Бога, пріѣзжайте! А пока да сохранитъ васъ Господь, Присно-дѣва Марія и великомощный мессэръ Антоніо, коему непрестанно о здравіи вашей милости молюсь!"

Леонардо замѣтилъ, что во время чтенія этого письма лицо Макіавелли озарилось доброю, нѣжною улыбкой, неожиданной для рѣзкихъ, угловатыхъ чертъ его, какъ будто изъ за нихъ выглянуло лицо другого человѣка. Но оно тотчасъ же скрылось. Презрительно пожавъ плечами, скомкалъ онъ письмо, сунулъ въ карманъ и проворчалъ сердито:

— И кому только, кому понадобилось сплетничать о моей болѣзни?

— Невозможно было скрыть,—возразилъ Лучіо. — Каждый день мона Маріетта приходитъ къ одному изъ вашихъ друзей или членовъ Совѣта Десяти, разспрашиваетъ, выпытываетъ, гдѣ вы, что съ вами...

— Да ужъ знаю, знаю, не говорите,—бѣда мнѣ съ нею!

Онъ нетерпѣливо махнулъ рукою и прибавилъ:

— Дѣла государственныя должно поручать людямъ холостымъ. Одно изъ двухъ, или жена или политика.

И, немного отвернувшись, рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ продолжалъ:

— Не имѣете ли намѣренія жениться, молодой человѣкъ?

— Пока нѣтъ, мессэръ Никколо,—отвѣтилъ Лучіо.

— И никогда, слышите, никогда не дѣлайте этой глупости. Сохрани васъ Богъ. Жениться, государь мой,—это все равно, что искать угря въ мѣшкѣ со змѣями! Супружеская жизнь—бремя для спины Атласа, а не обыкновеннаго смертнаго. Не такъ ли, мессэръ Леонардо?

Леонардо смотрѣлъ на него и угадывалъ, что Макіавелли любитъ мону Маріетту съ глубокою нѣжностью, но, стыдясь, этой любви, скрываетъ ее подъ маскою безстыдства.

Гостинница опустѣла. Постояльцы, вставшіе спозаранку, разъѣхались. Собрался въ путь и Леонардо. Онъ пригласилъ Макіавелли ѣхать вмѣстѣ. Но тотъ грустно покачалъ головою и отвѣтилъ, что ему придется ждать изъ Флоренціи денегъ, чтобы расплатиться съ хозяиномъ и нанять лошадей. Отъ недавней напускной развязности въ немъ теперь и слѣда не оставалось. Онъ весь вдругъ поникъ, опустился, казался несчастнымъ и больнымъ. Скука неподвижности, слишкомъ долгаго пребыванія на одномъ и томъ же мѣстѣ было для него убійственна. Недаромъ въ одномъ письмѣ члены Совѣта Десяти упрекали его за слишкомъ частые,

безпричинные и неожиданные переѣзды, которые производили путаницу въ дѣлахъ: „видишь, Никколò, до чего доводитъ насъ этотъ твой непосѣдливый духъ, столь жадный къ перемѣнѣ мѣстъ".

Леонардо взялъ его за руку, отвелъ въ сторону и предложилъ денегъ взаймы. Никколò отказался.

— Не обижайте меня, другъ мой,—молвилъ художникъ.— Вспомните то, что сами вчера говорили: какое нужно рѣдкое соединеніе звѣздъ, чтобы встрѣтились такіе люди, какъ мы. Зачѣмъ же лишаете вы меня и себя этого благодѣянія Фортуны? И развѣ вы не чувствуете, что не я вамъ, а вы мнѣ оказали бы сердечную услугу...

Въ лицѣ и голосѣ Леонардо была такая доброта, что Никколо не имѣлъ духу огорчить его и взялъ тридцать дукатовъ, которые обѣщалъ возвратить, какъ только получитъ деньги изъ Флоренціи. Тотчасъ расплатился онъ въ гостинницѣ съ щедростью вельможи.

VI.

Они выѣхали. Утро было тихое, нѣжное, съ почти весеннею теплотою и капелью на солнцѣ, съ душисто-морозною свѣжестью въ тѣни. Глубокій снѣгъ съ голубыми тѣнями хрустѣлъ подъ копытами коней и муловъ. Между бѣлыми холмами сверкало блѣдно-зеленое, зимнее море, и желтые косые паруса, подобные крыльямъ золотистыхъ бабочекъ, кое-гдѣ мелькали на немъ.

Никколò болталъ, шутилъ и смѣялся. Каждая мелочь вызывала его на неожиданно-забавныя или печальныя размышленія.

Проѣзжая бѣдное селеніе рыбаковъ на берегу моря и горной рѣчки Арциллы, увидѣли путники на маленькой церковной площади жирныхъ, веселыхъ монаховъ въ толпѣ молодыхъ поселянокъ, которыя покупали у нихъ крестики, четки, кусочки мощей, камешки отъ дома Лореттской Богоматери, перышки изъ крыльевъ Архангела Михаила.

— Чего зѣваете?—крикнулъ Никколò мужьямъ и братьямъ поселянокъ, стоявшимъ тутъ же на площади. — Не подпускайте монаховъ къ женщинамъ. Развѣ вы не знаете, какъ жиръ легко зажигается огнемъ, и какъ любятъ святые отцы, чтобы красавицы не только называли ихъ, но и дѣлали отцами?

Заговоривъ со спутникомъ о римской церкви, онъ сталъ доказывать, что она погубила Италію.

— Клянусь Вакхомъ,—воскликнулъ онъ, и глаза его загорѣлись негодованіемъ,—я полюбилъ бы какъ себя самого того, кто принудилъ бы всю эту сволочь—поповъ и монаховъ—отречься или отъ власти, или отъ пороковъ!..

Леонардо спросилъ его, что думаетъ онъ о Савонароллѣ. Никколо признался, что одно время былъ пламеннымъ его приверженцемъ, надѣялся, что онъ спасетъ Италію, но скоро понялъ безсиліе пророка.

— Опротивѣла мнѣ до дошноты вся эта ханженская лавочка. И вспоминать не хочется! Ну ихъ къ чорту!—заключилъ онъ брезгливо.

VII.

Около полудня въѣхали они въ ворота города Фано. Всѣ дома переполнены были солдатами, военачальниками и вельможами Цезаря. Леонардо, какъ придворному зодчему, отвели двѣ комнаты близь дворца на площади. Одну изъ нихъ предложилъ онъ спутнику, такъ какъ достать другое помѣщеніе было трудно.

Макіавелли пошелъ во дворецъ и вернулся съ важною новостью: главный герцогскій намѣстникъ донъ Рамиро ди Лорква былъ казненъ. Утромъ въ день Рождества, 25-го декабря, народъ увидѣлъ на Пьяцеттѣ между замкомъ и Роккою Чезены обезглавленный трупъ его, валявшійся въ лужѣ крови, рядомъ—топоръ, и на копьѣ, воткнутомъ въ землю, отрубленную голову.

— Причины казни никто не знаетъ,—заключилъ Никколо.— Но теперь объ этомъ только и говорятъ по всему городу. И мнѣнія прелюбопытныя. Я нарочно зашелъ за вами. Пойдемте-ка на площадь, послушаемъ. Право же, грѣшно пренебрегать такимъ случаемъ изученія на опытѣ естественныхъ законовъ политики.

Передъ древнимъ соборомъ Санто Фортунато толпа ожидала выхода герцога. Онъ долженъ былъ проѣхать въ лагерь для смотра войскъ. Разговаривали о казни намѣстника. Леонардо и Макіавелли вмѣшались въ толпу.

— Какъ же, братцы? Я въ толкъ не возьму,—допытывался молодой ремесленникъ съ добродушнымъ и глуповатымъ лицомъ,—какъ же сказывали, будто бы болѣе всѣхъ вельможъ любилъ онъ и жаловалъ намѣстника?

— Потому-то и взыскалъ что любилъ,—наставительно молвилъ купецъ благообразной, почтенной наружности въ бѣличьей шубѣ.—Донъ Рамиро обманывалъ герцога. Именемъ его народъ угнеталъ, въ тюрьмахъ и пыткахъ морилъ, лихоимствовалъ. А передъ государемъ овечкой прикидывался. Думалъ, шито да крыто. Не тутъ-то было! Часъ пришелъ, исполнилась мѣра долготерпѣнія государева, и перваго вельможу своего не пощадилъ онъ для блага народа, приговора не дождавшись, голову на плахѣ отрубилъ, какъ послѣднему злодѣю, чтобы другимъ не повадно было. Теперь, небось, всѣ, у кого рыльце въ пуху, хвосты под-

жали,—видятъ, страшенъ гнѣвъ его, праведенъ судъ. Смиреннаго милуетъ, гордаго сокрушаетъ.

— Regas eos in virga ferrea,—привелъ монахъ слова Откровенія,—„будешь пасти ихъ жезломъ желѣзнымъ".

— Да, да, жезломъ бы ихъ всѣхъ желѣзнымъ, собачьихъ дѣтей, мучителей народа!..

— Умѣетъ казнить,—умѣетъ миловать.

— Лучшаго государя не надо!

— Истинно такъ,—молвилъ поселянинъ.—Сжалился, видно, Господь надъ Романьей. Прежде, бывало, съ живого и съ мертваго шкуру дерутъ, поборами разоряютъ. И такъ-то ѣсть нечего, а тутъ за недоимки послѣднюю пару воловъ со двора уводятъ. Только и вздохнули при герцогѣ Валентино,—пошли ему Господь здоровья!

— Тоже и суды,—продолжалъ купецъ.—Бывало, таскаютъ, таскаютъ—всю душу вымотаютъ. А теперь мигомъ рѣшатъ, такъ что скорѣе не надо.

— Сироту защитилъ, вдовицу утѣшилъ,—прибавилъ монахъ.

— Жалѣетъ, что говорить, жалѣетъ народъ.

— Никому въ обиду не дастъ!

— О, Господи, Господи!—всхлипывая отъ умиленія, залепетала дряхлая старушка-нищенка.—Отецъ ты нашъ, благодѣтель, кормилецъ, сохрани тебя Матерь Царица Небесная, солнышко наше ясное!..

— Слышите, слышите,—шепнулъ Макіавелли на ухо спутнику.—Гласъ народа—гласъ Божій. Я всегда говорилъ: надо быть въ долинѣ, чтобы видѣть горы,—надо быть съ народомъ, чтобы знать государя. Вотъ куда привелъ бы я тѣхъ, кто считаютъ герцога извергомъ. Утаилъ сіе отъ премудрыхъ, неразумнымъ открылъ.

Зазвучала военная музыка. Толпа заволновалась.

— Онъ... Онъ... Ѣдетъ... Смотрите..

Приподымались на цыпочки, вытягивали шеи. Изъ оконъ высовывались любопытныя головы. Молодыя дѣвушки и женщины съ влюбленными глазами выбѣгали на балконы и лоджіи, чтобы видѣть своего героя, „Цезаря бѣлокураго, прекраснаго"—Cesare biondo e bello. Это было рѣдкое счастье, ибо герцогъ почти никогда не показывался народу.

Впереди шли музыканты съ оглушительно-звонкимъ бряцаніемъ литавровъ, сопровождавшимъ тяжелую поступь солдатъ. За ними—романьольская гвардія герцога—все отборные молодые красавцы, съ трехлоктевыми алебардами, въ желѣзныхъ каскахъ и панцыряхъ, въ двухцвѣтной одеждѣ—правая половина желтая, лѣвая—красная. Никколó налюбоваться не могъ истинно-древнею римскою стройностью этого войска, созданнаго Цезаремъ. За гвардіей

выступали пажи и стремянные, въ одеждахъ невиданной роскоши— въ камзолахъ золотой парчи, въ накидкахъ пунцоваго бархата съ вытканными золотомъ листьями папоротника; ножны и пояса мечей— изъ змѣиной чешуи съ пряжками, изображавшими семь головъ ехидны, мечущихъ къ небу свой ядъ, — знаменье Борджіа. На груди вытвано было серебромъ по черному шелку: Caesar. Далѣе—тѣлохранители герцога, албанскіе страдіоты въ зеленыхъ турецкихъ чалмахъ, съ кривыми ятаганами. Маэстро дель кампо— начальникъ лагеря, Бартоломео Капраника несъ поднятый вверхъ, обнаженный мечъ Знаменоносца Римской Церкви. За нимъ на черномъ берберійскомъ жеребцѣ съ бриллiантовымъ солнцемъ въ челкѣ, ѣхалъ самъ повелитель Романьи, Цезарь Борджіа, герцогъ Валентино, въ блѣдно-лазоревой шелковой мантіи, съ бѣлыми жемчужными лиліями Франціи, въ гладкихъ, какъ зеркало, бронзовыхъ латахъ, съ разинутой львиною пастью на панцырѣ, въ шлемѣ, изображавшемъ морское чудовище или дракона съ колючими перьями, крыльями и плавниками изъ кованой, тонкой, при каждомъ движеніи звонко-трепещущей мѣди.

Лицо Валентино,—ему было двадцать шесть лѣтъ,—похудѣло и осунулось съ тѣхъ поръ, какъ Леонардо увидѣлъ его впервые при дворѣ Людовика XII въ Миланѣ. Черты сдѣлались рѣзче. Глаза съ черно-синимъ блескомъ вороненой стали—тверже и непроницаемѣе. Бѣлокурые волосы, все еще густые, и раздвоенная бородка потемнѣли. Удлинившійся носъ напоминалъ клювъ хищной птицы. Но совершенная ясность, какъ прежде, царила въ этомъ безстрастномъ лицѣ. Только теперь въ немъ было выраженіе еще болѣе стремительной отваги,—ужасающей остроты, какъ въ обнаженномъ отточенномъ лезвеѣ.

За герцогомъ слѣдовала артиллерія, — лучшая во всей Италіи,— тонкіе мѣдные кулеврины, фальконеты, черботаны, толстыя чугунныя мортары, стрѣлявшія каменными ядрами. Запряженныя волами, катились онѣ съ глухимъ, потрясающимъ гуломъ и грохотомъ, который сливался со звуками трубъ и литавровъ. Въ багровыхъ лучахъ заходящаго солнца пушки, панцыри, шлемы, копья вспыхивали молніями, и казалось, Цезарь ѣхалъ въ царственномъ пурпурѣ зимняго вечера, какъ тріумфаторъ, прямо къ этому огромному, низкому и кровавому солнцу.

Толпа смотрѣла на героя, молча, притаивъ дыханіе, желая и не смѣя привѣтствовать его криками, въ благоговѣніи, подобномъ ужасу. Слезы текли по щекамъ старой нищенки.

— Святые угодники!.. Матерь Пречистая!—лепетала она, крестясь.—Привелъ-таки Господь увидѣть свѣтлое личико твое... солнышко ты наше красное!..

И сверкающій мечъ, врученный папою Цезарю для защиты

церкви Господней, казался ей огненнымъ мечомъ самого Архангела Михаила.

Леонардо невольно усмѣхнулся, замѣтивъ одинаковое выраженіе простодушнаго восторга въ лицѣ Никколò и полоумной нищенки.

VIII.

Вернувшись домой, художникъ нашелъ подписанное главнымъ секретаремъ герцога, Агапито приказаніе, на слѣдующій день явиться къ его высочеству.

Лучіо, который, продолжая путь въ Анкону, остановился отдохнуть въ городѣ Фано и долженъ былъ выѣхать утромъ, пришелъ къ нимъ проститься. Никколò заговорилъ о казни Рамира ди Лорква. Лучіо спросилъ его, что думаетъ онъ о дѣйствительной причинѣ этой казни.

— Угадывать причины дѣйствій такого государя, какъ Цезарь, трудно, почти невозможно, — возразилъ Макіавелли. — Но ежели угодно вамъ знать, что я думаю, извольте. До завоеванія герцогомъ, Романья, какъ вамъ извѣстно—находясь подъ игомъ множества отдѣльныхъ ничтожныхъ тиранновъ, полна была буйствами, грабежами и насиліями. Цезарь, чтобы положить имъ сразу конецъ, назначилъ главнымъ намѣстникомъ умнаго и вѣрнаго слугу своего, дона Рамиро ди Лорква. Лютыми казнями, пробудившими въ народѣ спасительный ужасъ передъ закономъ, въ короткое время прекратилъ онъ безпорядокъ и водворилъ совершенное спокойствіе въ странѣ. Когда же государь увидѣлъ, что цѣль достигнута, онъ рѣшилъ истребить орудіе жестокости своей, велѣлъ схватить намѣстника подъ предлогомъ лихоимства, казнить и выставить на площади трупъ. Это страшное зрѣлище въ одно и то же время удовлетворило и оглушило народъ. А герцогъ извлекъ три выгоды изъ дѣйствія, полнаго глубокою и достойною подражанія, мудростью: во-первыхъ, съ корнемъ вырвалъ плевелы раздоровъ, посѣянные въ Романьѣ прежними слабыми тираннами; во-вторыхъ, увѣривъ народъ, будто бы жестокости совершены были безъ вѣдома государя, умывъ руки во всемъ и сваливъ бремя отвѣтственности на голову намѣстника, воспользовался добрыми плодами его свирѣпости; въ-третьихъ, принося въ жертву народу своего любимаго слугу, явилъ образецъ высокой и неподкупной справедливости.

Онъ говорилъ спокойнымъ, тихимъ голосомъ, сохраняя безстрастную неподвижность въ лицѣ, какъ будто излагалъ выводы отвлеченной математики. Только въ самой глубинѣ глазъ его дрожала, то потухая, то вспыхивая, искра шаловливой, дерзкой, почти школьнически-задорной веселости.

— Хороша справедливость, нечего сказать!—воскликнулъ Лучіо.—Да вѣдь изъ вашихъ словъ, мессэръ Никколо̀, выходитъ, что это мнимое правосудіе—величайшая гнусность!

Секретарь Флоренціи опустилъ глаза, стараясь потушить ихъ рѣзвый огонь.

— Можетъ быть,—прибавилъ онъ холодно,—очень можетъ быть, мессэре; но что же изъ того?

— Какъ, что изъ того? Неужели гнусность считаете вы достойною подражанія государственною мудростью?

Макіавелли пожалъ плечами.

— Молодой человѣкъ, когда вы пріобрѣтете нѣкоторую опытность въ политикѣ, то сами увидите, что между тѣмъ, какъ люди поступаютъ, и тѣмъ, какъ должно поступать, такая разница, что забывать ее, значитъ обрекать себя на вѣрную гибель, ибо всѣ люди по природѣ своей злы и порочны, ежели выгода или страхъ не принуждаетъ ихъ къ добродѣтели. Вотъ почему, говорю я, государь, чтобы избѣгнуть гибели, долженъ прежде всего научиться искусству казаться добродѣтельнымъ, но быть или не быть имъ, смотря по нуждѣ, не страшась укоровъ совѣсти за тѣ тайные пороки, безъ коихъ сохраненіе власти невозможно, ибо съ точностью изслѣдуя природу зла и добра, приходишь къ заключенію, что многое кажущееся доблестью уничтожаетъ, а кажущееся порокомъ возвеличиваетъ власть государей.

— Помилуйте, мессэръ Никколо̀!—возмутился наконецъ Лучіо.—Да вѣдь, если такъ разсуждать, то все позволено, нѣтъ такого злодѣйства и жестокости, которыхъ бы нельзя оправдать...

— Да, все позволено,—еще холоднѣе и тише произнесъ Никколо̀, и, какъ бы углубляя значеніе этихъ словъ, поднялъ руку и повторилъ: все позволено тому, кто хочетъ и можетъ властвовать!

— Итакъ, — продолжалъ онъ,—возвращаясь къ тому, съ чего мы начали, я заключаю, что герцогъ Валентино, объединившій Романью при помощи дона Рамира, прекратившій въ ней грабежи и насилія—не только разумнѣе, но и милосерднѣе въ своей жестокости, чѣмъ, напримѣръ, флорентинцы, допускающіе постоянные мятежи и буйства въ подчиненныхъ имъ земляхъ, ибо лучше жестокость, поражающая немногихъ, чѣмъ милосердіе, отъ котораго народы гибнутъ въ мятежахъ.

— Позвольте однако,—видимо запуганный и ошеломленный, спохватился Лучіо. —Какъ же такъ? Развѣ не было великихъ государей, чуждыхъ всякой жестокости? Ну, хотя бы императоръ Антонинъ, или Маркъ Аврелій—да мало-ли другихъ въ лѣтописяхъ древнихъ и новыхъ народовъ...

— Не забывайте, мессэре,—возразилъ Никколо̀,—что я пока имѣлъ въ виду не столько наслѣдственныя, сколько завоеванныя

монархіи, не столько сохраненіе, сколько пріобрѣтеніе власти. Конечно, императоры Антонинъ и Маркъ Аврелій могли быть милосердными безъ особеннаго вреда для государства, потому что въ прошлые вѣка совершено было достаточно свирѣпыхъ и кровавыхъ дѣяній. Вспомните только, что при основаніи Рима одинъ изъ братьевъ, вскормленныхъ волчицею, умертвилъ другого,—злодѣяніе ужасное,—но, съ другой стороны, какъ знать, если бы не совершилось братоубійство, необходимое для установленія единодержавія—существовалъ ли бы Римъ, не погибъ ли бы онъ среди неизбѣжныхъ раздоровъ двоевластія? И кто посмѣетъ рѣшить, какая чаша вѣсовъ перевѣситъ, если на одну положить братоубійство, на другую—всѣ добродѣтели и мудрость Вѣчнаго Города? Конечно, слѣдуетъ предпочитать самую темную долю величію царей, основанному на подобныхъ злодѣйствахъ. Но тотъ, кто разъ покинулъ путь добра, долженъ, если не хочетъ погибнуть, вступить на эту роковую стезю безъ возврата, чтобы идти по ней до конца, ибо люди мстятъ только за малыя и среднія обиды, тогда какъ великія отнимаютъ у нихъ силы для мщенія. Вотъ почему государь можетъ причинять своимъ подданнымъ только безмѣрныя обиды, воздерживаясь отъ малыхъ и среднихъ. Но большею частью выбирая именно этотъ средній путь между зломъ и добромъ, самый пагубный, люди не смѣютъ быть ни добрыми, ни злыми до конца. Когда злодѣйство требуетъ величія духа, они отступаютъ передъ нимъ и съ естественною легкостью совершаютъ только обычныя подлости.

— Волосы дыбомъ встаютъ отъ того, что вы говорите, мессэръ Никколо́!—ужаснулся Лучіо, и такъ какъ свѣтское чувство подсказывало ему, что всего приличнѣе отдѣлаться шуткою, прибавилъ, стараясь улыбнуться:

— Впрочемъ, воля ваша, я все-таки представить себѣ не могу, чтобы вы въ самомъ дѣлѣ думали такъ. Мнѣ кажется невѣроятнымъ...

— Совершенная истина почти всегда кажется невѣроятною,—прибавилъ Макіавелли сухо.

Леонардо, внимательно слушавшій, давно уже замѣтилъ, что, притворяясь равнодушнымъ, Никколо́ бросалъ на собесѣдника украдкою испытующіе взоры, какъ бы желая измѣрить силу впечатлѣнія, которое производятъ мысли его,—удивляетъ ли, пугаетъ ли новизна ихъ и необычайность? Въ этихъ косвенныхъ неувѣренныхъ взорахъ было тщеславіе. Художникъ чувствовалъ, что Макіавелли не владѣетъ собою, что умъ его, при всей своей остротѣ и тонкости, не обладаетъ спокойною, побѣждающей силой. Изъ нежеланія думать, какъ всѣ, изъ ненависти къ общимъ мѣстамъ, впадалъ онъ въ противоположную крайность,—въ пре-

увеличенія, въ погоню за рѣдкими, хотя бы неполными, но, во что бы то ни стало, поражающими истинами. Онъ игралъ неслыханными сочетаніями противорѣчивыхъ словъ — напримѣръ, *добродѣтель* и *свирѣпость*, какъ фокусникъ играетъ обнаженными шпагами, съ безстрашною ловкостью. У него была цѣлая оружейная палата этихъ отточенныхъ, блестящихъ, соблазнительныхъ и страшныхъ полуистинъ, которыми онъ металъ, словно ядовитыми стрѣлами, во враговъ своихъ, подобныхъ мессэру Лучіо,— людей толпы, мѣщански-благопристойныхъ и здравомыслящихъ. Онъ мстилъ имъ за ихъ торжествующую пошлость, за свое непонятое превосходство, — кололъ, язвилъ — но не убивалъ, даже не ранилъ.

И художнику вспомнилось вдругъ его собственное чудовище, которое нѣкогда изобразилъ онъ на деревянномъ щитѣ „ротеллѣ", по заказу сэръ-Пьеро да Винчи, создавъ его изъ разныхъ частей отвратительныхъ гадовъ. Не образовывалъ ли и мессэръ Никколо́ такъ же безцѣльно и безкорыстно своего богоподобнаго изверга, не существующаго и невозможнаго Государя, противоестественное и плѣнительное чудовище, голову Медузы—на страхъ толпѣ?

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ этою безпечною прихотью и шалостью воображенія, подъ безстрастіемъ художника, Леонардо угадывалъ въ немъ дѣйствительно великое страданіе, какъ будто фокусникъ, играя мечами, нарочно рѣзалъ себя до крови. Въ прославленіи чужихъ жестокостей была жестокость къ самому себѣ.

„Не изъ тѣхъ ли онъ жалкихъ больныхъ,—думалъ Леонардо,— которые ищутъ утоленія боли, растравляя собственныя раны?"

И все-таки послѣдней тайны этого темнаго, сложнаго, столь ему близкаго и чуждаго сердца онъ еще не зналъ.

Въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на Макіавелли съ глубокимъ любопытствомъ, мессэръ Лучіо безпомощно, какъ въ нелѣпомъ снѣ, боролся съ призрачною головою Медузы.

— Что жъ? Я спорить не буду,—отступалъ онъ въ послѣднюю твердыню здраваго смысла.—Можетъ быть, есть нѣкоторая доля правды въ томъ, что говорите вы о необходимой жестокости государей, если примѣнить это къ великимъ людямъ прошедшихъ вѣковъ. Имъ простится многое, потому что добродѣтель и подвиги ихъ выше всякой мѣры. Но помилуйте, мессэръ Никколо́, причемъ же тутъ герцогъ Романьи? Quod licet Jovi, non licet bovi. Что позволено Александру Великому и Юлію Цезарю, позволено ли Александру VI и Цезарю Борджіа, о которомъ пока вѣдь еще неизвѣстно, что онъ такое—Цезарь или ничто? Я, по крайней мѣрѣ, думаю,—со мною всѣ согласятся...

— О, конечно, съ вами всѣ согласятся!—уже явно теряя само-

обладаніе, перебилъ Никколò.—Только это еще не доказательство, мессэръ Лучіо. Истина обитаетъ не на большихъ дорогахъ, по которымъ ходятъ всѣ. А чтобы кончить споръ,—вотъ вамъ послѣднее слово мое: наблюдая дѣйствія Цезаря, я нахожу ихъ совершенными и полагаю, что тѣмъ, кто пріобрѣтаетъ власть оружіемъ и удачей, можно указать на него, какъ на лучшій образецъ для подражанія. Такая свирѣпость съ такою добродѣтелью соединились въ немъ, онъ такъ умѣетъ ласкать и уничтожать людей, такъ прочны основанія власти, заложенныя имъ въ столь короткое время, что уже и теперь это—самодержецъ, единственный въ Италіи, можетъ быть, въ Европѣ, а чтó ожидаетъ его въ будущемъ, и представить себѣ трудно...

Голосъ его дрожалъ. Красныя пятна выступили на впалыхъ щекахъ; глаза горѣли, какъ въ лихорадкѣ. Онъ былъ похожъ на ясновидящаго. Изъ подъ насмѣшливой маски циника выглядывало лицо бывшаго ученика Савонароллы.

Но только что Лучіо, утомленный этимъ разговоромъ, предложилъ заключить мировую двумя, тремя бутылками въ сосѣднемъ погребкѣ—ясновидецъ исчезъ.

— Знаете ли что?—возразилъ Никколò,—пойдемте-ка лучше въ другое мѣстечко. У меня на это нюхъ собачій! Здѣсь нынче, полагаю, должны быть прехорошенькія дѣвочки...

— Ну, какія могутъ быть дѣвочки въ этомъ дрянномъ городишкѣ?—усомнился Лучіо.

— Послушайте, молодой человѣкъ,—остановилъ его секретарь Флоренціи съ важностью,—никогда не брезгайте дрянными городишками. Боже васъ упаси! Въ этихъ самыхъ грязненькихъ предмѣстьицахъ, въ темненькихъ переулочкахъ можно иногда такое откопать, что пальчики оближешь.

Лучіо развязно потрепалъ Макіавелли по плечу и назвалъ его шалуномъ.

— Темно,—отнѣкивался онъ,—да и холодно, замерзнемъ...

— Фонари возьмемъ,—настаивалъ Никколò,—шубы надѣнемъ, каппы—на лицо. По крайней мѣрѣ никто не узнаетъ. Въ такихъ похожденіяхъ, чѣмъ таинственнѣе, тѣмъ пріятнѣе. Мессэръ Леонардо, вы съ нами?

Художникъ отказался.

Онъ не любилъ обычныхъ грубыхъ мужскихъ разговоровъ о женщинахъ, избѣгалъ ихъ съ чувствомъ непреодолимой стыдливости. Этотъ пятидесятилѣтній человѣкъ, безтрепетный испытатель тайнъ природы, провожавшій людей на смертную казнь, чтобы слѣдить за выраженіемъ послѣдняго ужаса въ лицахъ, иногда терялся отъ легкомысленной шутки, не зналъ, куда дѣвать глаза и краснѣлъ, какъ мальчикъ.

Никколò увлекъ мессэра Лучіо.

IX.

На слѣдующій день рано утромъ пришелъ изъ дворца камерьере узнать, доволенъ ли главный герцогскій строитель отведеннымъ ему помѣщеніемъ, не терпитъ ли недостатка въ городѣ, переполненномъ такимъ множествомъ иностранцевъ, и передалъ ему съ привѣтствіемъ герцога подарокъ, состоявшій, по гостепріимному обычаю тѣхъ временъ, изъ хозяйственныхъ припасовъ— куля съ мукою, боченка съ виномъ, бараньей туши, восьми паръ каплуновъ и куръ, двухъ большихъ факеловъ, трехъ пачекъ восковыхъ свѣчей и двухъ ящиковъ конфетти. Видя вниманіе Цезаря къ Леонардо, Никколò попросилъ его замолвить за него словечко у герцога, выхлопатать ему свиданіе.

Въ одиннадцать часовъ ночи, обычное время пріема у Цезаря, отправились они во дворецъ.

Образъ жизни герцога былъ страненъ. Когда однажды феррарскіе послы жаловались папѣ на то, что не могутъ добиться пріема у Цезаря, его святѣйшество отвѣтилъ имъ, что онъ и самъ недоволенъ поведеніемъ сына, который обращаетъ день въ ночь, и по два, по три мѣсяца откладываетъ дѣловыя свиданія.

Время его распредѣлялось такъ: лѣтомъ и зимою ложился онъ спать въ четыре или пять часовъ утра, въ три пополудни для него только что брезжила утренняя заря, въ четыре вставало солнце, въ пять вечера одѣвался тотчасъ обѣдалъ, иногда, лежа въ постели,— во время обѣда и послѣ, занимался дѣлами. Всю свою жизнь окружалъ онъ тайною непроницаемой, не только по естественной скрытности, но и по разсчету. Изъ дворца выѣзжалъ рѣдко, почти всегда въ маскѣ. Народу показывался во дни великихъ торжествъ, войску — во время сраженія, въ минуты крайней опасности: за то каждое изъ его явленій было поражающимъ, какъ явленіе полубога. Онъ любилъ и умѣлъ удивлять.

О щедрости его ходили слухи невѣроятные. На содержаніе Главнаго Капитана Церкви не хватало золота, непрерывно стекавшагося въ казну св. Петра со всего христіанскаго міра, Послы увѣряли государей, будто бы онъ тратитъ не менѣе тысячи восьмисотъ дукатовъ въ день. Когда Цезарь проѣзжалъ по улицамъ городовъ толпа бѣжала за нимъ, зная, что онъ подковываетъ лошадей своихъ особыми, легко спадающими, серебряными подковами, чтобы нарочно терять ихъ по пути въ подарокъ народу.

Чудеса разсказывали и о тѣлесной силѣ его: однажды, будто бы, въ Римѣ во время боя быковъ юный Цезарь, бывшій тогда кардиналомъ Валенцы, разрубилъ черепъ быку однимъ ударомъ палаша. Въ послѣдніе годы онъ французская болѣзнь только потрясла, но не сокрушила его здоровья. Пальцами своей прекрасной,

женственно-тонкой руки гнулъ онъ лошадиныя подковы, скручивалъ желѣзные прутья, разрывалъ корабельные канаты. Недоступнаго собственнымъ вельможамъ и посламъ великихъ державъ, можно было видѣть его на холмахъ въ окрестностяхъ Чевены, присутствующимъ на кулачныхъ бояхъ полудикихъ горныхъ пастуховъ Романьи. Порою и самъ принималъ онъ участіе въ этихъ играхъ.

Въ то же время былъ онъ совершенный кавальери, законодатель свѣтскихъ модъ. Однажды, ночью, въ день свадьбы сестры своей, мадонны Лукреціи, покинувъ осаду крѣпости, прямо изъ лагеря прискакалъ во дворецъ жениха, Альфонса д'Эсте, герцога Феррарскаго; никѣмъ не узнанный, весь въ черномъ бархатѣ, въ черной маскѣ, прошелъ толпу гостей, поклонился, и когда они разступились передъ нимъ одинъ подъ звуки музыки началъ пляску, и сдѣлалъ нѣсколько круговъ по залѣ съ такимъ изяществомъ, что тотчасъ всѣ его узнали. „Цезарь! Цезарь! L'unico Cesare!—Единственный Цезарь!"—пронесся восторженный шопотъ въ толпѣ. Не обращая вниманія ни на гостей, ни на хозяина, онъ отвелъ невѣсту въ сторону и, наклонившись, сталъ что-то шептать ей на ухо. Лукреція потупила глаза, вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, какъ полотно, и сдѣлалась еще прекраснѣе, вся нѣжная, блѣдная, какъ жемчужина, быть можетъ, невинная, но слабая, безконечно-покорная страшной волѣ брата, покорная, какъ увѣряли, даже до кровосмѣшенія.

Онъ заботился объ одномъ: чтобы не было явныхъ уликъ. Можетъ быть, молва преувеличивала злодѣянія герцога, можетъ быть, дѣйствительность была ужаснѣе молвы. Во всякомъ случаѣ онъ умѣлъ прятать концы въ воду и заметать слѣды.

X.

Дворцомъ его высочеству служила старинная готическая ратуша города Фано.

Пройдя черезъ большую, унылую и холодную залу, общую пріемную для менѣе знатныхъ посѣтителей, Леонардо и Макіавелли вступили въ маленькій внутренній покой, должно быть, нѣкогда часовню, съ цвѣтными стеклами въ стрѣльчатыхъ окнахъ, высокими сѣдалищами церковнаго хора, гдѣ въ тонкой дубовой рѣзьбѣ изображены были двѣнадцать апостоловъ и учителя первыхъ вѣковъ христіанства. Въ увядшей фрескѣ на потолкѣ, среди облаковъ и ангеловъ, рѣялъ голубь Духа Святого. Здѣсь находились приближенные. Разговаривали полушопотомъ: близость государя чувствовалась черезъ стѣны.

Плѣшивый старичокъ, злополучный посолъ Римини, уже третій мѣсяцъ дожидавшійся свиданія съ герцогомъ, видимо усталый отъ многихъ безсонныхъ ночей, дремалъ въ углу на церковномъ сѣдалищѣ.

Иногда дверь пріотворялась, секретарь Агапито, съ озабочен-

нымъ видомъ, съ очками на носу и перомъ за ухомъ, просовывалъ голову и приглашалъ къ его высочеству кого-нибудь изъ присутствовавшихъ.

При каждомъ его появленіи посолъ Римини болѣзненно вздрагивалъ, приподымался, но видя, что очередь не за нимъ, тяжело вздыхалъ и опять погружался въ дремоту подъ звукъ аптекарскаго пестика въ мѣдной ступѣ.

За неимѣніемъ другихъ удобныхъ комнатъ въ тѣсной ратушѣ, часовня превращена была въ походную аптеку. Передъ окномъ, гдѣ было мѣсто алтаря, на столѣ, загроможденномъ бутылями, колбами и банками врачебной лабораторіи, епископъ Санта Джьюста Гаспаре Торелла, главный врачъ, „архіартосъ" его Святѣйшества папы и Цезаря, приготовлялъ недавно вошедшее въ моду лѣкарство,—настойку изъ такъ называемаго „святого дерева"—*гвайяко*, привозимаго съ ново-открытыхъ Колумбомъ полуденныхъ островов. Растирая въ красивыхъ рукахъ остро-пахучую, шафранно-желтую сердцевину гвайяко, слипавшуюся въ жирные комки, врачъ-епископъ объяснялъ съ любезною улыбкою природу и свойства цѣлительнаго дерева.

— Покаралъ Господь, — сокрушенно вздохнулъ епископъ Трани,—за грѣхи послалъ намъ бичъ гнѣва Своего!

Собесѣдники умолкли. Раздавался лишь мѣрный звонъ мѣднаго пестика въ ступѣ, и казалось, что учителя первыхъ вѣковъ христіанства, изображенные въ хорахъ по стѣнамъ, съ удивленіемъ внимаютъ этой странной бесѣдѣ новыхъ пастырей церкви Господней. Въ часовнѣ, озаренной мерцающимъ свѣтомъ аптекарской лампочки, гдѣ удушливый камфарный запахъ лѣкарственнаго дерева смѣшивался съ едва уловимымъ благоуханіемъ прежняго ладана, собраніе римскихъ прелатовъ какъ будто совершало тайное священнодѣйствіе.

Во время этой бесѣды секретарь Флоренціи, отводя то одного, то другого придворнаго въ сторону, ловко разспрашивалъ ихъ о предстоявшей политикѣ Цезаря, выпытывалъ, выслѣживалъ, нюхалъ воздухъ, какъ ищейка. Подошелъ онъ и къ Леонардо, и опустивъ голову на грудь, приложивъ указательный палецъ къ губамъ, поглядывая на него исподлобья, проговорилъ нѣсколько разъ въ глубокой задумчивости:

— Съѣмъ артишокъ... съѣмъ артишокъ...

— Какой артишокъ?—удивился художникъ.

— Въ томъ-то и штука,—какой артишокъ?.. Недавно герцогъ загадалъ загадку посланнику Феррары, Пандольфо Коленуччіо: я, говоритъ, съѣмъ артишокъ, листъ за листомъ. Можетъ быть, это означаетъ союзъ враговъ его, которыхъ онъ, раздѣливъ, уничтожитъ, а можетъ быть и что-нибудь совсѣмъ другое. Вотъ уже цѣлый часъ ломаю голову!..

И наклонившись къ уху Леонардо, онъ прошепталъ:

— Тутъ все загадки да ловушки! О всякомъ вздорѣ болтаютъ, а только что заговоришь о дѣлѣ—нѣмѣютъ, какъ рыбы или монахи за ѣдою. Ну, да меня не проведешь. Я чую—что-то у нихъ готовится. Но что̀ именно? Что̀? Вѣрите ли, мессэре,—душу мою заложилъ бы я дьяволу, только бы знать, что̀ именно!

И глаза его заблестѣли, какъ у отчаяннаго игрока.

Изъ пріотворенной двери высунулась голова секретаря Агапито. Онъ сдѣлалъ знакъ художнику.

Черезъ длинный, полутемный ходъ, занятый тѣлохранителями, албанскими страдіотами, вступилъ Леонардо въ опочивальню герцога, уютный покой съ шелковыми коврами по стѣнамъ, на которыхъ выткана была охота за единорогомъ,—съ лѣпною работою на потолкѣ, изображавшею басню о любви царицы Пазифаи къ быку. Этотъ быкъ, багряный или золотой телецъ, геральдическій звѣрь рода Борджіа, повторялся во всѣхъ украшеніяхъ комнаты, вмѣстѣ съ папскими трехвѣнечными тіарами и ключами св. Петра.

Въ комнатѣ было жарко натоплено. Въ мраморномъ очагѣ пылалъ благовонный можжевельникъ, въ лампадахъ горѣло масло съ примѣсью фіалковыхъ духовъ: Цезарь любилъ ароматы.

По обыкновенію, лежалъ онъ одѣтый на низкомъ ложѣ безъ полога посерединѣ комнаты. Только два положенія тѣла были ему свойственны: или въ постели, или верхомъ. Неподвижный, безстрастный, облокотившись на подушки, слѣдилъ онъ, какъ двое придворныхъ играютъ въ шахматы рядомъ постелью, на яшмовомъ столикѣ, и слушалъ докладъ секретаря: Цезарь обладалъ способностью раздѣлять вниманіе на нѣсколько предметовъ сразу. Погруженный въ задумчивость, медленнымъ, однообразнымъ движеніемъ перекатывалъ онъ изъ одной руки въ другую золотой шарикъ, наполненный благоуханіями, съ которымъ никогда не разставался такъ же, какъ со своимъ дамасскимъ кинжаломъ.

XI.

Онъ принялъ Леонардо со свойственной ему очаровательной любезностью. Не позволяя преклонить колѣно, дружески пожалъ художнику руку и усадилъ его въ кресло.

Герцогъ пригласилъ его, чтобы посовѣтоваться о планахъ Браманте для новаго монастыря въ городѣ Имолѣ, такъ называемой „Валентины", съ богатою часовнею, больницею и страннопріимнымъ домомъ. Герцогъ желалъ сдѣлать эти великолѣпныя благотворительныя учрежденія памятникомъ своего христіанскаго милосердія.

Послѣ чертежей Браманте показалъ онъ ему новые, только что вырѣзанные образчики буквъ для печатнаго станка Іеронимо Сон-

чино въ городѣ Фано, которому Цезарь покровительствовалъ, заботясь о процвѣтаніи искусствъ и наукъ въ Романьи.

Агапито представилъ государю собраніе хвалебныхъ гимновъ придворнаго поэта Франческо Уберти. Его высочество благосклонно принялъ ихъ и велѣлъ щедро наградить поэта.

Затѣмъ, такъ какъ онъ требовалъ, чтобы ему представляли не только хвалебные гимны, но и сатиры, секретарь подалъ ему эпиграмму неаполитанскаго поэта Манчіони, схваченнаго въ Римѣ и посаженнаго въ тюрьму св. Ангела—сонетъ, полный жестокою бранью, гдѣ Цезарь назывался лошакомъ, отродіемъ блудницы и папы, возсѣдающаго на престолѣ, которымъ нѣкогда владѣлъ Христосъ, нынѣ же владѣетъ сатана,—туркомъ, обрѣзанцемъ, кардиналомъ-разстригою, кровосмѣсителемъ, братоубійцею и богоотступникомъ.

„Чего ты ждешь, о Боже терпѣливый,—восклицалъ поэтъ,—или не видишь, что святую церковь онъ въ стойло муловъ обратилъ и въ непотребный домъ?“

— Какъ прикажете поступить съ негодяемъ, ваше высочество?—спросилъ Агапито.

— Оставь до моего возвращенія,—тихо молвилъ герцогъ.—Я съ нимъ самъ расправлюсь.

Потомъ прибавилъ еще тише:

— Я съумѣю научить писателей вѣжливости.

Извѣстенъ былъ способъ, которымъ Цезарь „училъ писателей вѣжливости“: за менѣе тяжкія обиды, чѣмъ этотъ сонетъ, отрубалъ онъ имъ руки и прокалывалъ языки раскаленнымъ желѣзомъ.

Кончивъ докладъ, секретарь удалился.

Къ Цезарю подошелъ главный придворный астрологъ Вальгуліо съ новымъ гороскопомъ. Герцогъ выслушалъ его внимательно, почти благоговѣйно, ибо вѣрилъ въ неизбѣжность рока, въ могущество звѣздъ. Между прочимъ, объяснилъ Вальгуліо, что послѣдній припадокъ болѣзни у герцога зависѣлъ отъ дурного дѣйствія сухой планеты Марсъ, вступившей въ знакъ влажнаго Скорпіона; но только что соединится Марсъ съ Венерою при восходящемъ Тельцѣ,—болѣзнь пройдетъ сама собою. Затѣмъ посовѣтовалъ онъ въ случаѣ, если его высочество намѣренъ предпринять какое-либо важное дѣйствіе, выбрать 31 число декабря послѣ полудня, такъ какъ соединеніе свѣтилъ въ этотъ день знаменуетъ счастіе Цезаря. И поднявъ указательный палецъ, наклонившись къ уху герцога, молвилъ онъ трижды таинственнымъ шопотомъ:

— Fatilo. Fatilo. Fatilo. Сдѣлай такъ. Сдѣлай такъ. Сдѣлай такъ.

Цезарь потупилъ глаза и ничего не отвѣтилъ. Но художнику показалось, что по лицу его промелькнула тѣнь.

Движеніемъ руки отпустивъ звѣздочета, обратился онъ снова къ придворному строителю.

Леонардо разложилъ передъ нимъ военные чертежи и карты. Это были не только изслѣдованія ученаго, объяснявшія строеніе почвы, теченіе воды, преграды, образуемыя горными цѣпями, исходы рѣкъ, открываемые долинами, но и произведенія великаго художника, картины—мѣстностей, какъ бы снятыя съ высоты птичьяго полета. Море обозначено было синею краскою, горы—коричневою, рѣки — голубою, города темно-алою, луга — блѣдно-зеленою; и съ безконечнымъ совершенствомъ исполнена была каждая подробность,—площади, улицы, башни городовъ,—такъ что ихъ сразу можно было узнать, не читая названій, приписанныхъ сбоку. Казалось, будто бы летишь надъ землею и съ головокружительной высоты видишь у ногъ своихъ необозримую даль. Съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ Цезарь карту мѣстности, ограниченной съ юга озеромъ Больсенскимъ, съ сѣвера — долиною рѣчки, впадающей въ Арно-Валь д'Эмою, съ запада—Ареццо и Перуджіей, съ востока—Сіеною и приморскою областью. Это было сердце Италіи, родина Леонардо, земля Флоренціи, о которой герцогъ давно уже мечталъ, какъ о самой лакомой добычѣ.

Углубленный въ созерцаніе, наслаждался Цезарь этимъ чувствомъ полета. Словами не сумѣлъ бы онъ выразить того, что испытывалъ, но ему казалось, что онъ и Леонардо понимаютъ другъ друга, что они—сообщники. Онъ смутно угадывалъ великую новую власть надъ людьми, которую можетъ дать наука, и хотѣлъ для себя этой власти, этихъ крыльевъ для побѣдоноснаго полета. Онъ поднялъ глаза на художника и пожалъ ему руку съ обворожительно-любезною улыбкою:

— Благодарю тебя, мой Леонардо. Служи мнѣ, какъ до сихъ поръ служилъ, и я сумѣю тебя наградить.

— Хорошо ли тебѣ?—прибавилъ онъ заботливо.—Доволенъ ли ты жалованіемъ? Можетъ быть, есть у тебя какое-либо желаніе? Ты знаешь, я радъ исполнить всякую просьбу твою.

Леонардо, пользуясь случаемъ, замолвилъ слово за мессэра Никколò—попросилъ для него свиданія у герцога.

Цезарь пожалъ плечами съ добродушною усмѣшкою.

— Странный человѣкъ этотъ мессэръ Никколò! Добивается свиданій, а когда принимаю его,—говорить намъ не о чемъ. И зачѣмъ только прислали мнѣ этого чудака?

Помолчавъ, онъ спросилъ, какого мнѣнія Леонардо о Макіавелли.

— Я полагаю, ваше высочество, что это одинъ изъ самыхъ умныхъ и проницательныхъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ въ моей жизни.

— Да, уменъ,—согласился герцогъ,—пожалуй кое-что и въ дѣлахъ разумѣетъ. А все-таки... нельзя на него положиться. Мечтатель, вѣтренникъ. Мѣры не знаетъ ни въ чемъ. Я, впрочемъ,

всегда желалъ ему добра, а теперь, когда узналъ, что онъ твой другъ,—тѣмъ болѣе. Онъ вѣдь добрякъ. Нѣтъ въ немъ никакого лукавства, хотя онъ и воображаетъ себя коварнѣйшимъ изъ людей и старается меня обмануть, какъ будто я врагъ вашей республики. Я, впрочемъ, не сержусь на него: я понимаю, что онъ это дѣлаетъ потому, что любитъ отечество больше, чѣмъ душу свою. Ну, что же, пусть придетъ ко мнѣ, ежели ему такъ непремѣнно хочется... Скажи, что я радъ. А кстати, отъ кого это намедни я слышалъ, будто бы мессэръ Никколò задумалъ книгу о политикѣ или о военной наукѣ, что ли?

Цезарь опять усмѣхнулся своею тихою, ясною усмѣшкою, какъ будто вспомнилъ вдругъ что-то веселое.

— Говорилъ онъ тебѣ о своей македонской фалангѣ? Нѣтъ? Такъ слушай. Однажды изъ этой самой книги о военной наукѣ объяснялъ Никколò моему начальнику лагеря, Бартоломео Капраникѣ и другимъ капитанамъ правило для расположенія войскъ въ порядкѣ, подобномъ древней македонской фалангѣ, съ такимъ краснорѣчіемъ, что всѣмъ захотѣлось увидѣть ее на опытѣ. Вышли въ поле передъ лагеремъ, и Никколò началъ командовать. Бился, бился съ двумя тысячами солдатъ, часа три продержалъ ихъ на холодѣ, подъ вѣтромъ и дождемъ, а хваленой фаланги не выстроилъ. Наконецъ, Бартоломео потерялъ терпѣніе, вышелъ тоже къ войску, и хотя отъ роду ни одной книги о военной наукѣ не читывалъ—во мгновеніе ока подъ звукъ тамбурина расположилъ пѣхоту въ прекрасный боевой порядокъ. И тогда-то всѣ еще разъ убѣдились, сколь великая разница между дѣломъ и словомъ. Только смотри, Леонардо, ему ты объ этомъ не сказывай,—Никколò не любитъ, чтобы ему напоминали македонскую фалангу!

Было поздно, около трехъ часовъ утра. Герцогу принесли легкій ужинъ,—блюдо овощей, форель, немного бѣлаго вина: какъ настоящій испанецъ, отличался онъ умѣренностью въ пищѣ.

Художникъ простился. Цезарь еще разъ, съ плѣнительной любезностью, поблагодарилъ его за военныя карты и велѣлъ тремъ пажамъ проводить его до дому съ факелами, въ знакъ почета.

Леонардо разсказалъ Макіавелли о свиданіи съ герцогомъ.

Узнавъ о картахъ, снятыхъ имъ для Цезаря съ окрестностей Флоренціи, Никколò ужаснулся.

— Какъ? Вы—гражданинъ республики,—для злѣйшаго врага вашего отечества!..

— Я полагалъ,—возразилъ художникъ,—что Цезарь считается нашимъ союзникомъ...

— Считается!—воскликнулъ секретарь Флоренціи, и въ глазахъ его блеснуло негодованіе.—Да знаете ли вы, мессэре, что, если только это дойдетъ до свѣдѣнія великолѣпныхъ синьоровъ васъ могутъ обвинить въ измѣнѣ?..

— Неужели?—простодушно удивился Леонардо.—Вы, впрочемъ, не думайте, Никколо,—я въ самомъ дѣлѣ ничего не знаю и не смыслю въ политикѣ—точно слѣпой...

Они молча посмотрѣли другъ другу въ глаза, и вдругъ оба почувствовали, что въ этомъ они до послѣдней глубины сердца навѣки различны, чужды другъ другу и никогда не сговорятся: для одного—какъ будто вовсе не было родины, другой любилъ ее, по выраженію Цезаря, „больше, чѣмъ душу свою".

XII.

Въ ту ночь уѣхалъ Никколо, не сказавъ, куда и зачѣмъ.

Вернулся на слѣдующій день послѣ полудня, усталый, озябшій, вошелъ въ комнату Леонардо, тщательно заперъ двери, объявилъ, что давно уже хотѣлось ему поговорить съ нимъ о дѣлѣ, которое требуетъ глубокой тайны, и повелъ рѣчь издалека.

Однажды, три года назадъ, въ сумерки, въ пустынной мѣстности Романьи, между городами Червіей и Порто Чезенатико, вооруженные всадники въ маскахъ напали на конный отрядъ, провожавшій изъ Урбино въ Венецію жену Баттисто Карачіоло, капитана пѣхоты яснѣйшей республики, мадонну Доротею, отбили ее и ѣхавшую съ нею двоюродную сестру ея Марію, пятнадцатилѣтнюю послушницу одного Урбинскаго дѣвичьяго монастыря, усадили ихъ на коней и ускакали. Съ того дня Доротея и Марія пропали безъ вѣсти.

Совѣтъ и сенатъ Венеціи почли оскорбленной республику въ лицѣ своего капитана и обратилась къ Людовику XII, испанскому королю и папѣ съ негодующими жалобами на герцога Романьи, обвиняя его въ похищеніи Доротеи. Но уликъ не было и Цезарь отвѣтилъ съ насмѣшкою что, не терпя недостатка въ женщинахъ, не имѣетъ нужды отбивать ихъ по большимъ дорогамъ.

Ходили слухи, что мадонна Доротея быстро утѣшилась, слѣдуя за герцогомъ во всѣхъ его походахъ и не слишкомъ горюя о мужѣ.

У Маріи былъ братъ, мессэръ Діониджіо, молодой капитанъ на службѣ Флоренціи, въ Пизанскомъ лагерѣ. Когда всѣ ходатайства флорентинскихъ синьоровъ оказались столь же безполезными, какъ жалобы яснѣйшей республики, Діониджіо рѣшилъ самъ попытать счастья, пріѣхалъ въ Романью подъ чужимъ именемъ, представился герцогу, заслужилъ его довѣріе, проникъ въ башню Чезенской крѣпости и бѣжалъ съ Маріей, переодѣтой мальчикомъ. Но на границѣ Перуджіи настигла ихъ погоня. Брата убили. Марію вернули въ крѣпость.

Макіавелли, какъ секретарь флорентинской республики, принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Мессэръ Діониджіо подружился

съ нимъ, довѣрилъ ему тайну отважнаго замысла, разсказалъ все, что могъ узнать о сестрѣ своей отъ тюремщиковъ, которые считали ее святою, увѣряли, будто бы она творитъ исцѣленія, пророчествуетъ, будто бы руки и ноги ея запечатлѣны кровавыми крестными язвами, подобными „стигматамъ“ святой Катерины Сіенской.

Когда Цезарю наскучила Доротея, онъ обратилъ свое вниманіе на Марію. Знаменитый обольститель женщинъ, зная за собою очарованіе, которому самыя чистыя не могли противиться, былъ увѣренъ, что рано или поздно Марія окажется такою же покорною, какъ всѣ. Но ошибся. Воля его встрѣтила въ сердцѣ этого ребенка непобѣдимое сопротивленіе. Молва гласила, что въ послѣднее время герцогъ часто бывалъ въ ея тюремной кельѣ, подолгу оставался съ ней наединѣ, но то, что происходило на этихъ свиданіяхъ, для всѣхъ было тайною.

Въ заключеніе Никколò объявилъ, что намѣренъ освободить Марію.

— Если бы вы, мессэръ Леонардо,—прибавилъ онъ,—согласились помочь мнѣ, я повелъ бы это дѣло такъ, что никто ничего не узналъ бы о вашемъ участіи. Я, впрочемъ, хотѣлъ просить у васъ лишь нѣкоторыхъ свѣдѣній о внутреннемъ расположеніи и устройствѣ крѣпости Санъ-Микеле, гдѣ находится Марія. Вамъ, какъ придворному строителю, было бы легче проникнуть туда и все разузнать.

Леонардо смотрѣлъ на него, молча, съ удивленіемъ, и подъ этимъ испытующимъ взоромъ Никколò разсмѣялся вдругъ неестественнымъ, рѣзкимъ, почти злобнымъ смѣхомъ.

— Смѣю надѣяться,—воскликнулъ онъ,—въ излишней чувствительности, въ рыцарскомъ великодушіи вы меня не заподозрите. Соблазнитъ ли герцогъ эту дѣвочку, или нѣтъ, мнѣ, конечно, все равно. Изъ-за чего же хлопочу я, угодно вамъ знать? Да хотя бы изъ-за того, чтобы доказать великолѣпнымъ синьорамъ, что и я могу на что-нибудь пригодиться, кромѣ шутовства. А главное,—надо же чѣмъ-нибудь позабавиться. Человѣческая жизнь такова, что если не позволять себѣ изрѣдка глупостей, — околѣешь отъ скуки. Надоѣло мнѣ болтать, играть въ кости, ходить въ непотребные дома и писать ненужныя донесенія флорентинскимъ шерстникамъ! Вотъ и придумалъ я это дѣло, — все-таки не слова вѣдь, а дѣло!.. Да и жаль пропустить случай. Весь планъ готовъ съ чудеснѣйшими хитростями!..

Онъ говорилъ поспѣшно, какъ бы въ чемъ-то оправдываясь. Но Леонардо уже понялъ, что Никколò мучительно стыдится доброты своей и по обыкновенію, скрываетъ ее подъ цинической маской.

— Мессэре,—остановилъ его художникъ,—прошу васъ, разсчитывайте на меня, какъ на себя, въ этомъ дѣлѣ, съ однимъ условіемъ,—чтобы, въ случаѣ неудачи, отвѣтилъ я такъ же, какъ вы.

Никколо, видимо тронутый, отвѣтилъ на пожатіе руки его и тотчасъ изложилъ ему свой планъ.

Леонардо не возражалъ, хотя въ глубинѣ души сомнѣвался, чтобы столь же легкимъ оказался на дѣлѣ, какъ на словахъ, этотъ планъ, въ которомъ было что то слишкомъ тонкое и остроумное, непохожее на дѣйствительность.

Освобожденіе Маріи назначили они на 30-е декабря,—день отъѣзда герцога изъ Фано.

Дня за два передъ тѣмъ прибѣжалъ къ нимъ поздно вечеромъ одинъ изъ подкупленныхъ тюремщиковъ предупредить о грозящемъ доносѣ. Никколо не было дома. Леонардо отправился искать его по городу.

Послѣ долгихъ поисковъ нашелъ онъ секретаря Флоренціи въ игорномъ вертепѣ, гдѣ шайка негодяевъ, большею частью испанцевъ, служившихъ въ войскѣ Цезаря, обирала неопытныхъ игроковъ.

Въ кружкѣ молодыхъ кутилъ и развратниковъ, придворныхъ ганимедовъ, объяснялъ Макіавелли знаменитый сонетъ Петрарки.

Ferito in mezzo di core di Laura
Пораженный Лаурою въ самое сердце,

открывая непристойное значеніе въ каждомъ словѣ. Слушатели хохотали до упаду.

Изъ сосѣдней комнаты послышались крики мужчинъ, визги женщинъ, стукъ опрокинутыхъ столовъ, звонъ шпагъ, разбитыхъ бутылокъ и разсыпанныхъ денегъ. Одного изъ игроковъ уличили въ мошенничествѣ. Собесѣдники Никколо бросились на шумъ. Леонардо шепнулъ ему, что имѣетъ сообщить важную новость по дѣлу Маріи. Они вышли.

Ночь была тихая, звѣздная. Дѣвственный, только что выпавшій снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Послѣ духоты игорнаго дома, Леонардо съ наслажденіемъ вдыхалъ морозный воздухъ, казавшійся душистымъ. Узнавъ о доносѣ, Никколо рѣшилъ съ неожиданною безпечностью, что пока еще безпокоиться не о чемъ.

— Удивились вы, найдя меня въ этомъ притонѣ?—обратился онъ къ спутнику.—Секретарь флорентинской республики—чуть не въ должности шута испанской сволочи! Что же дѣлать? Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ. Они, хоть и мерзавцы, а щедрѣе нашихъ великолѣпныхъ синьоровъ.

Такая жестокость къ самому себѣ была въ этихъ словахъ Никколо, что Леонардо не выдержалъ, остановилъ его.

— Неправда. Зачѣмъ вы такъ о себѣ говорите, Никколо? Развѣ вы не знаете, что я вашъ другъ и сужу не какъ всѣ...

Макіавелли отвернулся и, немного помолчавъ, продолжалъ тихимъ, измѣнившимся голосомъ:

— Я знаю... Не сердитесь на меня, Леонардо. Порой, когда на сердцѣ слишкомъ тяжело—я шучу и смѣюсь, вмѣсто того, чтобы плакать...

Голосъ его оборвался, и опустивъ голову, проговорилъ онъ еще тише и печальнѣе:

— Такова судьба моя! Я родился подъ несчастною звѣздою. Между тѣмъ, какъ сверстники мои, ничтожнѣйшіе люди, преуспѣваютъ во всемъ, живутъ въ довольствѣ, въ почестяхъ, пріобрѣтаютъ деньги и власть,—я одинъ остаюсь позади всѣхъ, затертый глупцами. Они считаютъ меня человѣкомъ легкомысленнымъ. Можетъ быть, они правы. Да, я не боюсь великихъ трудовъ, лишеній, опасностей. Но терпѣть всю жизнь мелкія и подлыя оскорбленія сводить концы съ концами, дрожать надъ каждымъ грошемъ—я, въ самомъ дѣлѣ, не умѣю. Э, да что говорить,—безнадежно махнулъ онъ рукою, и въ голосѣ его задрожали слезы.

— Проклятая жизнь! Ежели Богъ надъ мною не сжалиться, я, кажется, скоро брошу все, дѣла, мону Маріетту, мальчика,—вѣдь я имъ только въ тягость, пусть думаютъ, что я умеръ,—убѣгу на край свѣта, спрячусь въ какую-нибудь дыру, гдѣ никто меня не знаетъ, къ подестѣ въ письмоводители, что ли, наймусь, или дѣтей буду учить азбукѣ въ сельской школѣ, чтобы не околѣть съ голоду, пока не отупѣю, не потеряю сознанія,—ибо всего ужаснѣе, другъ мой, сознавать, что силы есть, что могъ бы что нибудь сдѣлать и что никогда ничего не сдѣлаешь,—погибнешь безсмысленно.

XIII.

Время шло, и, по мѣрѣ того, какъ приближался день освобожденія Маріи, Леонардо замѣчалъ, что Никколо́, не смотря на самоувѣренность, слабѣетъ, теряетъ присутствіе духа, то медлитъ неосторожно, то суетится безъ толку. По собственному опыту, художникъ угадывалъ то, что происходило въ душѣ Макіавелли. Это была не трусость, не малодушіе, а та непонятная слабость, нерѣшительность людей, созданныхъ не для дѣйствія, а для созерцанія, та мгновенная измѣна воли въ послѣднюю минуту, когда нужно дѣйствовать, не сомнѣваясь и не колеблясь, которыя были знакомы самому Леонардо.

Наканунѣ рокового дня Никколо́ отправился въ мѣстечко по сосѣдству съ башней Санъ-Микеле, чтобы все окончательно приготовить къ побѣгу Маріи. Леонардо долженъ былъ утромъ пріѣхать туда же.

Оставшись одинъ, ожидалъ онъ съ минуты на минуту плачевныхъ извѣстій, теперь уже не сомнѣваясь, что дѣло кончится глупою неудачею, какъ шалость школьниковъ.

Тусклое зимнее утро брезжило въ окнахъ. Постучали въ дверь. Художникъ отперъ. Вошелъ Никколо̀, блѣдный и растерянный.

— Кончено,—произнесъ онъ, въ изнеможеніи опускаясь на стулъ.

— Такъ я и зналъ,—безъ удивленія молвилъ Леонардо.—Я говорилъ вамъ Никколо̀, что мы попадемся.

Макіавелли посмотрѣлъ на него разсѣянно.

— Нѣтъ, не то,—продолжалъ онъ.—Мы-то не попались, а вотъ птичка изъ клѣтки улетѣла. Опоздали...

— Какъ улетѣла?

— Да такъ. Сегодня передъ разсвѣтомъ нашли Марію на полу тюрьмы съ перерѣзаннымъ горломъ...

— Кто убійца?—спросилъ художникъ.

— Неизвѣстно, но, судя по виду ранъ, едва ли герцогъ. На что другое, а на это Цезарь и его палачи—мастера: съумѣли бы перерѣзать горло ребенку. Говорятъ, умерла дѣвственницей. Я такъ думаю, что сама...

— Не можетъ быть! Такая, какъ Марія, — ее вѣдь считали святою?..

— Все можетъ быть,—продолжалъ Никколо̀,—вы ихъ еще не знаете. Этотъ извергъ...

Онъ остановился и поблѣднѣлъ, но кончилъ съ неудержимымъ порывомъ:

— Этотъ извергъ на все способенъ! Должно быть и святую съумѣли довести до того, что сама на себя наложила руки...

— Въ прежнее время,—прибавилъ онъ, — когда еще ее не такъ стерегли, я видѣлъ ее раза два. Худенькая, тоненькая, какъ былинка. Личико дѣтское. Волосы рѣдкіе, свѣтлые, какъ ленъ, точно у Мадонны Филиппино Липпи въ Бадіи Флорентинской, что является Святому Бернарду. И красоты-то въ ней особенной не было. Чѣмъ только герцогъ прельстился... О, мессэръ Леонардо, если бы вы знали, какой это былъ жалкій и милый ребенокъ!

Никколо̀ отвернулся, и художнику показалось, что на рѣсницахъ его заблестѣли слезы.

Но тотчасъ спохватившись, докончилъ онъ рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ:

— Я всегда говорилъ: честный человѣкъ при дворѣ, все равно, что рыба на сковородѣ. Довольно съ меня! Я не созданъ быть слугою тиранновъ. Добьюсь, наконецъ, чтобы синьорія отозвала меня въ другое посольство,—все равно куда—лишь бы подальше отсюда!

Леонардо жалѣлъ Марію, и ему казалось, что онъ не остановился бы ни передъ какою жертвою, чтобы спасти ее, но въ то же время въ самой тайной глубинѣ сердца его было чувство облегченія, освобожденія при мысли о томъ, что не надо больше

дѣйствовать, и онъ угадывалъ, что Никколò испытываетъ то же самое.

XIV.

30-го декабря, съ разсвѣтомъ, главныя боевыя силы Валентино, около десяти тысячъ пѣхоты, двухъ тысячъ конницы, выступили изъ города Фано и расположились лагеремъ по дорогѣ въ Синигаллію на берегу рѣчки Метавръ, въ ожиданіи герцога, который долженъ былъ выѣхать на слѣдующій день, назначенный астрологомъ Вальгуліо—31-го декабря.

Заключивъ миръ съ Цезаремъ, маджіонскіе заговорщики по соглашенію съ нимъ предприняли общій походъ на Синигаллію. Городъ сдался, но кастелланъ объявилъ, что не откроетъ воротъ никому, кромѣ герцога. Бывшіе враги его, теперешніе союзники въ послѣднюю минуту, предчувствуя недоброе, уклонялись отъ свиданія. Но Цезарь обманулъ ихъ еще разъ и успокоилъ, „чаруя ласками,—какъ впослѣдствіи выразился Макіавелли,—подобно василиску, который манитъ жертву сладкимъ пѣніемъ“.

Сгоравшій любопытствомъ, Никколò не захотѣлъ дожидаться Леонардо и отправился тотчасъ вслѣдъ за герцогомъ.

Черезъ нѣсколько часовъ художникъ выѣхалъ одинъ.

Дорога шла на югъ,—такъ же, какъ отъ Пезаро, по самому берегу моря. Справа были горы. Ихъ подножія иногда такъ близко подступали къ берегу, что едва оставалось узкое пространство для дороги.

День былъ сѣрый, тихій. Море—такое же сѣрое, ровное, какъ небо. Бездыханный воздухъ окованъ дремотою. Карканье воронъ предвѣщало оттепель. Вмѣстѣ съ каплями едва моросившаго дождя, или талаго снѣга, падали раннія сумерки.

Показались черно-красныя кирпичныя башни Синигалліи.

Городъ, стиснутый между двумя преградами,—водой и горами, какъ настоящая западня, находился на разстояніи мили отъ плоскаго взморья и арбалетнаго выстрѣла отъ подножія Аппенинъ. Достигнувъ рѣчки Мизы, дорога круто заворачивала влѣво. Здѣсь былъ мостъ, построенный наискось черезъ рѣку и противъ него—городскія ворота. Передъ ними небольшая площадь съ низкими домиками предмѣстія—большею частью кладовыми венеціанскихъ купцовъ.

Въ то время Синигаллія была обширнымъ полуазіатскимъ рынкомъ, гдѣ купцы Италіи обмѣнивались товарами съ турками, армянами, греками, персами, славянами изъ Черногоріи и Албаніи. Но теперь даже самыя многолюдныя улицы—Кипра, Занте, Кандіи, Кефалоніи—были пусты. Леонардо никого не встрѣчалъ, кромѣ солдатъ. Кой-гдѣ въ безконечно-длинныхъ,

однообразно тянувшихся по обѣимъ сторонамъ улицъ, сводчатыхъ навѣсахъ торговыхъ дворовъ съ кладовыми и фондоками замѣтилъ онъ слѣды грабежа,—разбитыя стекла въ окнахъ, сорванные замки и запоры, выломанныя двери, разбросанные тюки товаровъ. Пахло гарью. Полуобгорѣвшія зданія еще дымились, и по угламъ старинныхъ кирпичныхъ дворцовъ, на толстыхъ кольцахъ чугунныхъ факельныхъ подсвѣчниковъ виднѣлись трупы висѣльниковъ.

Темнѣло, когда на главной площади города, между Палаццо Дукале и круглою, приземистою, съ грозными зубцами, синигальскою „Роккою", окруженною глубокимъ рвомъ, среди войска, при свѣтѣ факеловъ, увидѣлъ Леонардо Цезаря.

Онъ казнилъ солдатъ, виновныхъ въ грабежѣ. Мессэръ Агапито читалъ приговоръ.

По знаку Цезаря осужденныхъ повели на висѣлицу.

Въ то время, какъ художникъ искалъ глазами въ толпѣ придворныхъ, кого бы разспросить о томъ, что здѣсь произошло, увидѣлъ онъ секретаря Флоренціи.

— Знаете? Слышали?—обратился къ нему Никколò.

— Нѣтъ, ничего не знаю и радъ, что встрѣтилъ васъ. Разскажите.

Макіавелли повелъ его въ сосѣднюю улицу, потомъ, черезъ нѣсколько тѣсныхъ и темныхъ переулковъ, занесенныхъ снѣжными сугробами, въ глухое предмѣстье на взморьѣ, около верфи, гдѣ въ одинокой покривившейся лачугѣ, у вдовы корабельнаго мастера, удалось ему въ это утро, послѣ долгихъ поисковъ, найти единственное свободное помѣщеніе въ городѣ,—двѣ маленькія каморки, одну для себя, другую для Леонардо.

Безмолвно и поспѣшно засвѣтилъ Никколò свѣчу, вынулъ изъ походнаго погребка бутылку вина, раздулъ головни въ очагѣ и усѣлся противъ собесѣдника, вперивъ въ него горящій взоръ:

— Такъ вы еще не знаете?—произнесъ онъ торжественно.— Слушайте. Событіе необычайное и достопамятное! Цезарь отмстилъ врагамъ. Заговорщики схвачены. Оливеротто, Орсини и Вителли ожидаютъ смертнаго приговора.

Онъ откинулся на спинку стула и посмотрѣлъ на Ленардо молча, наслаждаясь его изумленіемъ. Потомъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы казаться спокойнымъ, безстрастнымъ, какъ лѣтописецъ, излагающій событія давнихъ временъ, какъ ученый, описывающій явленіе природы—началъ разсказъ о знаменитой „Синигальской западнѣ".

Пріѣхавъ рано поутру въ лагерь на рѣкѣ Метаврѣ, Цезарь отправилъ впередъ двѣсти всадниковъ, двинулъ пѣхоту и слѣдомъ за нею выѣхалъ самъ съ остальною конницей. Онъ зналъ, что союзники встрѣтятъ его и что главныя силы ихъ удалены въ сосѣднія съ городомъ крѣпости, чтобы очистить мѣсто для новыхъ войскъ.

Подъѣзжая къ воротамъ Синигалліи, тамъ, гдѣ дорога, заворачивая влѣво, идетъ по берегу Мизы, велѣлъ онъ конницѣ остановиться и выстроилъ ее въ два ряда—одинъ задомъ къ рѣкѣ, другой задомъ къ полю, оставивъ между ними проходъ для пѣхоты, которая, не останавливаясь, переходила черезъ мостъ и вступала въ ворота Синигалліи.

Союзники—Вителоццо Вителли, Гравина и Паголо Орсини—выѣхали ему навстрѣчу верхомъ на мулахъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ всадниковъ.

Какъ будто предчувствуя гибель, Вителоццо былъ такимъ печальнымъ и потеряннымъ, что на него дивились тѣ, кто зналъ его прошлое счастье и храбрость. Впослѣдствіи разсказывали, что передъ отъѣздомъ въ Синигаллію онъ простился съ домашними, какъ будто предвидѣлъ, что идетъ на смерть.

Союзники спѣшились, сняли береты и привѣтствовали герцога. Онъ также сошелъ съ коня, сначала подалъ руку поочереди каждому, потомъ обнялъ и поцѣловалъ ихъ, называя милыми братьями съ плѣнительной любезностью.

Въ это время военачальники Цезаря, какъ заранѣе было условлено, окружили Орсини и Вителли такъ, что каждый изъ нихъ оказался между двумя приближенными герцога, который, замѣтивъ отсутствіе Оливеротто, подалъ знакъ своему капитану, дону Микелю Корелла. Тотъ поскакалъ впередъ и нашелъ его въ Борго. Оливеротто присоединился къ поѣзду, и всѣ вмѣстѣ, дружески бесѣдуя о военныхъ дѣлахъ, направились во дворецъ передъ крѣпостью.

Въ сѣняхъ союзники хотѣли было проститься, но герцогъ все съ тою же любезностью удержалъ ихъ и пригласилъ войти во дворецъ.

Только что вступили они въ пріемную, какъ двери заперлись, восемь вооруженныхъ людей бросились на четырехъ, по двое на каждаго, схватили ихъ, обезоружили и связали. Таково было изумленіе несчастныхъ, что они почти не сопротивлялись.

Ходили слухи, будто бы герцогъ намѣренъ покончить съ врагами въ ту же ночь, удавивъ ихъ въ тайникахъ дворца.

— О, мессэръ Леонардо,—заключилъ Макіавелли свой разсказъ,—если бы вы только видѣли, какъ онъ обнималъ ихъ, какъ цѣловалъ. Одинъ невѣрный взглядъ, одно движеніе могли его погубить. Но такая искренность была въ лицѣ его, въ голосѣ, что—вѣрите ли?—до послѣдней минуты я не подозрѣвалъ ничего,—отдалъ бы руку на отсѣченіе, что онъ не притворяется. Я полагаю, что изъ всѣхъ обмановъ, какіе совершались въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ политика, это—прекраснѣйшій!

Леонардо усмѣхнулся.

— Конечно,—молвилъ онъ, — нельзя отказать герцогу въ

отвагѣ и хитрости, но все же, признаюсь, Никколò, я такъ мало посвященъ въ политику, что не понимаю, чѣмъ собственно вы такъ ужъ восхищаетесь въ этомъ предательствѣ?

— Предательствѣ?—остановилъ его Макіавелли. —Когда дѣло, мессэре, идетъ о спасеніи отечества, не можетъ быть рѣчи о предательствѣ и вѣрности, о злѣ и добрѣ, о милосердіи и жестокости, но всѣ средства равны, только бы цѣль была достигнута.

— При чемъ же тутъ спасеніе отечества, Никколò? Мнѣ кажется, герцогъ думалъ только о собственной выгодѣ...

— Какъ? И вы, и вы не понимаете? Но вѣдь это же ясно, какъ день! Цезарь—будущій объединитель и самодержецъ Италіи. Развѣ вы не видите?.. Никогда еще не было столь благопріятнаго времени для пришествія героя, какъ теперь. Ежели нужно было Израилю томиться въ египетскомъ рабствѣ, дабы возсталъ Моисей, персамъ—подъ игомъ мидійскимъ, дабы возвеличился Киръ, аѳинянамъ погибать въ междоусобіяхъ, дабы прославился Тезей,—то такъ же точно и въ наши дни нужно было, чтобы Италія дошла до такого позора, въ которомъ находится нынѣ, испытала худшее рабство, чѣмъ евреи, тягчайшее иго, чѣмъ персы, большіе раздоры, чѣмъ аѳиняне,—безъ главы, безъ вождя, безъ правленія, опустошенная, растоптанная варварами, претерпѣвшая всѣ бѣдствія, какія только можетъ претерпѣть народъ,—дабы явился новый герой, спаситель отечества. И хотя въ былыя времена какъ будто мелькала для нея надежда въ людяхъ, казавшихся избранниками Божьими, но каждый разъ судьба измѣняла имъ, на самой высотѣ величія, передъ совершеніемъ подвига. И полумертвая, почти бездыханная, все еще ожидаетъ она того, кто уврачуетъ ея раны, прекратитъ насилія въ Ломбардіи, грабежи и лихоимства въ Тосканѣ и Неаполѣ, исцѣлитъ эти смрадныя, отъ времени гноящіяся язвы. И днемъ, и ночью взываетъ Италія къ Богу, молитъ объ Избавителѣ...

Голосъ его зазвенѣлъ, какъ слишкомъ натянутая струна—и оборвался. Онъ былъ блѣденъ; весь дрожалъ; глаза горѣли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ внезапномъ порывѣ было что-то судорожное, безсильное, похожее на припадокъ.

Леонардо вспомнилъ, какъ нѣсколько дней назадъ, по поводу смерти Маріи, называлъ онъ Цезаря „извергомъ“.

Художникъ не указалъ ему на это противорѣчіе, зная, что онъ теперь отречется отъ жалости къ Маріи, какъ отъ постыдной слабости.

— Поживемъ—увидимъ, Никколò,—молвилъ Леонардо. — А только вотъ, о чемъ я хотѣлъ бы спросить васъ: почему именно сегодня вы какъ будто окончательно увѣрились въ божественномъ избраніи Цезаря? Или западня Синигальская, съ большею ясно-

стью, чѣмъ всѣ его прочія дѣйствія, убѣдила васъ въ томъ, что онъ—герой?

— Да,—отвѣтилъ Никколо, уже овладѣвъ собою и опять притворяясь безстрастнымъ.—Совершенство этого обмана больше, чѣмъ прочія дѣйствія герцога, показываетъ въ немъ столь рѣдкое въ людяхъ соединеніе великихъ и противоположныхъ качествъ. Замѣтьте, я не хвалю, не порицаю,—я только изслѣдую. И вотъ моя мысль: для достиженія какихъ бы то ни было цѣлей существуютъ два способа дѣйствій—или законный, или насильственный. Первый—человѣческій, второй—звѣрскій. Желающій властвовать долженъ обладать обоими способами—умѣніемъ быть по произволу человѣкомъ и звѣремъ. Таковъ сокровенный смыслъ древней басни о томъ, какъ царь Ахиллесъ и другіе герои вскормлены были кентавромъ Хирономъ, полубогомъ, полузвѣремъ. Государи, питомцы Кентавра, такъ же, какъ онъ, соединяютъ себѣ обѣ природы—звѣрскую и божескую. Обыкновенные люди не выносятъ свободы, боятся ея больше, чѣмъ смерти, и, совершивъ преступленіе, падаютъ подъ бременемъ раскаянія. Только Герой, избранникъ судьбы, имѣетъ силу вынести свободу,—переступаетъ законы безъ страха, безъ угрызенія, оставаясь невиннымъ во злѣ, какъ звѣри и боги. Сегодня въ первый разъ увидѣлъ я въ Цезарѣ эту послѣднюю свободу,—печать избранія!

— Да. Теперь я васъ понимаю, Никколо,—въ глубокой задумчивости проговорилъ художникъ.—Только мнѣ кажется, не тотъ свободенъ, кто, подобно Цезарю, смѣетъ все, потому что не знаетъ и не любитъ, а тотъ, кто смѣетъ, потому что знаетъ и любитъ все. Только такою свободою люди побѣдятъ зло и добро, верхъ и низъ, всѣ преграды и предѣлы земные, всѣ тяжести, станутъ, какъ боги, и—полетятъ...

— Полетятъ?—изумился Макіавелли.

— Когда у нихъ,—пояснилъ Леонардо,—будетъ совершенное знаніе, они создадутъ Крылья, изобрѣтутъ такую машину, чтобы летать. Я много думалъ объ этомъ. Можетъ быть, ничего не выйдетъ—все равно, не я, другой,—но человѣческія Крылья будутъ.

— Ну, поздравляю!—разсмѣялся Никколо.—Договорились мы мы до крылатыхъ людей. Хорошъ будетъ мой государь, полубогъ, полузвѣрь,—съ птичьими крыльями. Вотъ ужъ подлинно—Химера!

Прислушавшись къ бою часовъ на сосѣдней башнѣ, онъ вскочилъ и заторопился. Ему надо было поспѣть во дворецъ, чтобы узнать о предстоявшей казни заговорщиковъ.

XV.

Итальянскіе государи поздравляли Цезаря съ „прекраснѣйшимъ обманомъ“,—bellissimo inganno. Людовикъ XII, узнавъ о за-

паднѣ Синигальской, назвалъ ее „подвигомъ, достойнымъ древняго римлянина“. Маркиза Мантуанская, Изабелла Гонзага прислала въ подарокъ Цезарю къ предстоявшему карнавалу сотню разноцвѣтныхъ шелковыхъ масокъ.

„Знаменитѣйшая Синьора, досточтимая кума и сестрица наша,—отвѣчалъ ей герцогъ,—присланную Вашею Свѣтлостью въ даръ сотню масокъ мы получили, и онѣ весьма для насъ пріятны по причинѣ рѣдкаго изящества и разнообразія, особливо же потому, что прибыли ко времени и мѣсту, лучше коихъ нельзя было выбрать, — точно Синьорія Ваша заранѣе предугадала значеніе и порядокъ нашихъ дѣйствій, ибо милостью Божьей мы въ теченіе одного дня городомъ и страною Синигалліи со всѣми крѣпостями овладѣли, праведною казнью коварныхъ измѣнниковъ, супостатовъ нашихъ казнили, Кастелло, Фермо, Чистерну, Монтоне и Перуджію отъ ига тиранновъ освобили и въ должное повиновеніе Святѣйшему Отцу Намѣстнику Христову привели. Всего же болѣе сердцу нашему личины сіи любезны, какъ нелицемѣрное свидѣтельство братскаго къ намъ благоволенія Вашей Свѣтлости“.

Николлò, смѣясь, увѣрялъ, что нельзя себѣ представить лучшаго поздравительнаго дара мастеру всѣхъ притворствъ и личинъ—лисицѣ Борджіа отъ лисицы Гонзага,—чѣмъ эта сотня масокъ.

XVI.

Въ началѣ марта 1503 года Цезарь вернулся въ Римъ.

Папа предложилъ кардиналамъ наградить героя знакомъ высшаго отличія, даруемымъ церковью ея защитникамъ—„Золотою Розою“. Кардиналы согласились, и черезъ два дня назначенъ былъ обрядъ.

Въ первомъ ярусѣ Ватикана, въ Залѣ Первосвященниковъ, выходящей окнами на дворъ Бельведера, собралась римская Курія и послы великихъ державъ.

Сіяя драгоцѣнными каменьями плувіала, въ трехвѣнечной тіарѣ, обвѣваемый павлиньими опахалами, по ступенямъ трона взошелъ тучный, бодрый семидесятилѣтній старикъ съ добродушно-величавымъ и благообразнымъ лицомъ—папа Александръ VI.

Прозвучали трубы герольдовъ, и, по знаку главнаго церемоніере, нѣмца Іоганна Бурхарда, въ залу вступили оруженосцы, пажи, скороходы, тѣлохранители герцога и начальникъ лагеря, мессэръ Бартоломео Капраника, державшій поднятый вверхъ остріемъ, обнаженный мечъ Знаменосца Римской Церкви.

Третья нижняя часть меча была вызолочена, и по ней вырѣзаны тонкіе рисунки: богиня Вѣрности на престолѣ съ над-

писью: „Вѣрность сильнѣе оружія“; Юлій Цезарь-тріумфаторъ на колесницѣ съ надписью: „Или Цезарь, или ничто“. Переходъ черезъ Рубиконъ со словами: „Жребій брошенъ“, и наконецъ жертвоприношеніе Быку или Апису рода Борджіа, съ нагими юными жрицами, которыя жгутъ ѳиміамъ надъ только что заколотою человѣческою жертвою; на алтарѣ надпись: „Deo Optimo Maximo Hosia — Богу Всеблагому Всемогущему Жертва“. И внизу—другая: „In numine Cesaris omen. — Имя Цезаря—счастіе Цезаря“. Человѣческая жертва Богу-Звѣрю пріобрѣтала тѣмъ болѣе страшный смыслъ что эти рисунки и надписи были заказаны въ то время, когда Цезарь замышлялъ убійство брата своего Джіованни Борджіа, чтобы получить въ наслѣдство мечъ Капитана и Знаменосца Римской Церкви.

За мечемъ шелъ герой. На головѣ его былъ высокій герцогскій беретъ, осѣненный жемчужнымъ голубемъ Духа Святого.

Онъ приблизился къ папѣ, снялъ беретъ, сталъ на колѣни и поцѣловалъ рубиновый крестъ на туфлѣ первосвященника.

Кардиналъ Монреале подалъ его святѣйшеству Золотую Розу, чудо ювелирнаго искусства, со спрятаннымъ въ главномъ среднемъ цвѣткѣ, внутри золотыхъ лепестковъ, маленькимъ сосудцемъ, изъ котораго сочилось мѵро, распространяя какъ бы дыханіе безчисленныхъ розъ.

Папа всталъ и произнесъ дрожащимъ отъ умиленія голосомъ:

— „Пріими, возлюбленное чадо мое, Розу сію, знаменующую радость обоихъ Іерусалимовъ, земнаго и небеснаго, Церкви воинствующей и торжествующей, цвѣтъ неизглаголанный, блаженство праведныхъ, красу нетлѣнныхъ вѣнцовъ, дабы и твоя добродѣтель цвѣла во Христѣ, подобно Розѣ на брегѣ многихъ водъ произрастающей. Аминь“.

Цезарь принялъ изъ рукъ отца таинственную Розу. Папа не выдержалъ; по выраженію очевидца—„плоть одолѣла его“: къ негодованію чопорнаго Бурхарда, нарушая чинъ обряда, склонился онъ, протянулъ трепещущія руки къ сыну, и лицо его сморщилось,—все тучное тѣло заколыхалось. Выпятивъ толстыя губы, старчески захлебываясь, онъ пролепеталъ:

— Дитя мое!.. Цезарь... Цезарь!..

Герцогъ долженъ былъ передать Розу стоявшему рядомъ кардиналу Святого Климента. Папа порывисто обнялъ сына и прижалъ къ своей груди, смѣясь и плача.

Снова прозвучали трубы герольдовъ, загудѣлъ колоколъ на соборѣ Петра,—ему отвѣтили колокола со всѣхъ церквей Рима и съ крѣпости Святого Ангела грохотъ пушечной пальбы.

— Да здравствуетъ Цезарь!—кричала романьольская гвардія на дворѣ Бельведера.

Герцогъ вышелъ къ войску на балконъ.

Подъ голубыми небесами, въ блескѣ утренняго солнца, въ пурпурѣ и золотѣ царственныхъ одеждъ, съ жемчужнымъ голубемъ Духа Святого надъ головою, съ таинственною Розою въ рукахъ—радостью обоихъ Іерусалимовъ,—казался онъ толпѣ не человѣкомъ, а богомъ.

XVII.

Ночью устроено было великолѣпное шествіе въ маскахъ, по рисунку на мечѣ Валентино,—Тріумфъ Юлія Цезаря.

На колесницѣ съ надписью „Божественный Цезарь" возсѣдалъ герцогъ Романьи, съ пальмовой вѣтвью въ рукахъ, съ головой, обвитой лаврами. Колесницу окружали солдаты, переодѣтые въ древне-римскихъ легіонеровъ, съ желѣзными орлами и связками копій. Все исполнено было съ точностью по книгамъ, памятникамъ, барельефамъ и медалямъ.

Передъ колесницею шелъ человѣкъ въ длинной бѣлой одеждѣ египетскаго іерофанта, держа въ рукахъ священную хоругвь съ герольдическимъ, позолоченнымъ, червленнымъ золотомъ, багрянымъ Быкомъ рода Борджіа, Аписомъ, богомъ-покровителемъ папы Александра VI. Отроки въ серебряныхъ туникахъ съ тимпанами пѣли:

Vive diu Bos! Vive diu Bos! Borgia vive!
Слава Быку! Слава Быку! Борджіа слава!

И высоко надъ толпою въ звѣздномъ небѣ, озаренный мерцаніемъ факеловъ, колебался идолъ Звѣря огненно-красный, какъ восходящее солнце.

Въ толпѣ былъ ученикъ Леонардо Джіованни Бельтраффіо, только что пріѣхавшій къ учителю въ Римъ изъ Флоренціи. Онъ смотрѣлъ на Багрянаго Звѣря и вспоминалъ слова Апокалипсиса:

„И поклонились Звѣрю, говоря: кто подобенъ Звѣрю сему? И кто можетъ сразиться съ нимъ?

„И я увидѣлъ Жену, сидящую на Звѣрѣ Багряномъ, преисполненномъ именеми богохульными, съ седьмью головами и десятью рогами.

„И на челѣ ея написано имя: Тайна, Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ".

И такъ же, какъ нѣкогда писавшій эти слова, Джіованни, глядя на Звѣря,—„дивился удивленіемъ великимъ".

Д. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЕЗДОМНЫЕ.

Повѣсть Стефана Жеромскаго.

Переводъ съ польскаго М. Троповской.

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава X.

Признанія.

17-го октября. Сегодня годовщина моего пріѣзда въ Варшаву. Съ тѣхъ поръ, значитъ, прошло ужъ цѣлыхъ шесть лѣтъ! Шесть лѣтъ! Огромная недѣля моей жизни. Тогда мнѣ было всего семнадцать, теперь ужъ двадцать три «весны». Если сравнить тогдашнюю Іоасю съ теперешней — Боже, какой получится дефицитъ! Ахъ, Іоася, Іоася...

Я рѣшила снова вести дневникъ или, вѣрнѣе, прежній воскресить изъ мертвыхъ. Вѣдь насъ всѣхъ учила этому искусству Стаха Бозовская. Она первая въ Кѣльцахъ писала умѣлый дневникъ, то-есть дневникъ искреннихъ чувствъ и правдивыхъ мыслей.

Бѣдная, бѣдная Сташка... Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ она мнѣ писала: «Въ сущности, я въ жизни была лишь талантливымъ авторомъ моего дневника — и больше ничѣмъ. Сейчасъ я вытопила печку въ моей школѣ тринадцатью тетрадями, переплетенными въ толстый картонъ и черное, порыжѣвшее полотно. Прости, дневникъ»...

Напрасно она это сдѣлала! Зачѣмъ уничтожать записки, которыя никому повредить не могутъ, а намъ, одинокимъ, часто замѣняютъ (о, Боже!) возлюбленныхъ, мужей, сестеръ, братьевъ и подругъ? Нѣтъ,— я буду продолжать дневникъ! Меня къ нему такъ неудержимо тянетъ, какъ, напримѣръ, мужчинъ къ табаку. Подъ вліяніемъ насмѣшекъ фразера С. я перестала писать, о чемъ теперь невыразимо жалѣю. Я отказывала себѣ въ этомъ удовольствіи цѣлыхъ шесть лѣтъ—

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

и ради чего? Ради того лишь, что С. вздумалось поострить на эту тему? Впрочемъ, всё равно...

Сколько перемѣнъ произошло за это время! Генрихъ въ Цюрихѣ, Вацлава нѣтъ, Сташка давно ужъ въ могилѣ... А во мнѣ самой! Сколько перемѣнъ!

Такъ ясно помню эту послѣднюю ночь, когда пришла телеграмма отъ госпожи В. Впродолженіи четырехъ часовъ я рѣшилась оставить Кѣльцы, ѣхать въ Варшаву — и поѣхала. Въ телеграммѣ было написано (до сихъ поръ помню наизусть эти слова): «Мѣсто у Предигеровъ есть. Пріѣзжайте немедленно. В.».

Ахъ, какая суматоха была въ этотъ день! Собираешь свои вещи, бѣлье, мелочи разныя быстро, быстро, руки дрожатъ, слезы такъ и льются, хоть и подбадриваешь себя... Добрая пани Фаликовская даетъ мнѣ денегъ на дорогу и я ѣду! Поздняя, темная, осенняя ночь... Какъ стучали тогда колеса по мостовой пустынныхъ кѣлецкихъ улицъ, какими странными отголосками, какимъ шумомъ оглашались стѣны старыхъ домовъ! Сама поѣздка по желѣзной дорогѣ уже составляла цѣлое событіе, что называется. Скажу подъ секретомъ, вѣдь я тогда первый разъ въ жизни ѣхала по желѣзной дорогѣ. Первый разъ — и одна, на чужбину, къ чужимъ людямъ! Всю ночь я не сомкнула глазъ, оперлась головой на скамейку и боязливо мечтала о жизни. Понимала я въ ней ровно столько, сколько человѣкъ, отправляющійся къ врачу подъ давленіемъ несносныхъ, но непонятныхъ ему, физическихъ страданій. Какъ онъ не знаетъ ничего о сущности самой болѣзни, не понимаетъ, что она такое, каковы могутъ быть ея послѣдствія, что можетъ статься съ его тѣломъ, съ мыслями, съ чувствами, и только представляетъ себѣ что-то смутное, на основаніи того, что ему было извѣстно до сихъ поръ, стараясь всё понять, — вотъ такъ и я тогда катила въ жизнь съ капиталомъ, состоявшимъ изъ желѣзнодорожнаго билета, небольшого узелка съ вещами, семидесятипяти копѣекъ «наличности» и телеграммы госпожи В. За собою я покидала двухъ братьевъ, тетку Людвику, которая (за неимѣніемъ кого-либо болѣе подходящаго) замѣняла мнѣ мать, когда я «посѣщала» гимназію, которая дѣлилась со мною маленькимъ кусочкомъ своего хлѣба, и больше, кажется, ничего... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, нельзя сказать, что больше ничего! Я любила Кѣльцы, нѣкоторыхъ людей тамъ, братьевъ, Вацка и Генриха, Домбровскихъ, Мультановичей, Карчувку, Кадзельвю, и всѣхъ вообще. Въ эти годы человѣкъ такъ легко умѣетъ любить всѣхъ и вся! А еще Кѣльцы! Мнѣ такъ грустно было въ эту ночь въ вагонѣ! Колеса, стучавшія по рельсамъ, взывали ко мнѣ страшными словами. Ихъ скрежетъ сокрушалъ мою волю и силу, превращая ихъ въ смутную тревогу. Помню эти минуты страха, когда, охваченная имъ, какъ огнемъ, я рѣшала сойти на первой станціи и вернуться. Вернуться, вернуться! Но вагонъ мчался въ осенней ночи по какимъ-то

мрачнымъ мѣстностямъ и желѣзною, дикою силой своей уносилъ меня отъ всего, что такъ нѣжно любила. Да и могла ли я это сдѣлать? Вернуться къ бѣдной теткѣ, содержательницѣ ученической квартиры? Жить опять въ бѣдной, тѣсной и темной комнаткѣ? Спать на старомъ диванѣ, среди несноснаго запаха разныхъ соусовъ, среди вѣчнаго дефицита у тетки, вѣчныхъ заботъ о маслѣ и жалобъ на дороговизну картофеля, ахъ, и среди влюбленныхъ восьми-классниковъ, испорченныхъ, глупыхъ и разбалованныхъ мальчишекъ? Я не могла, ни за что не могла... Да и, наконецъ, должна же была я, въ силу обѣта, такъ торжественно произнесеннаго у св. Троицы, позаботиться о средствахъ для Вацлава, который былъ тогда въ седьмомъ классѣ, помогать Генриху. Дѣла давно минувшихъ дней...

Было раннее утро въ исходѣ осени, утро больное и точно заплаканное, когда, вся дрожа отъ холода и (признаюсь откровенно, чего тамъ скрывать!)... и отъ страха, я тряслась на извощикѣ къ госпожѣ В. Пріѣзжаю, попадаю на эту Беднарскую улицу, что, какъ нѣкая фигура или чудовище, витала въ моемъ представленіи и вскорѣ вдвоемъ съ панею Целиною отправляемся къ Предигерамъ. Я прохожу улицы одну за другой,—въ первый разъ и въ такой день (и притомъ для ослабѣвшихъ отъ робости глазъ), онѣ кажутся такими холодными, мокрыми, неприглядными, словно та «раковина», въ которой «копошится гадъ какой-то»... Входимъ. Окинутыя высокомѣрнымъ взглядомъ лакея, ждемъ въ роскошномъ кабинетѣ. Послѣ долгаго, томительнаго ожиданія, слышу, наконецъ, шелестъ шелковыхъ юбокъ. Ахъ, этотъ шелестъ шелковыхъ юбокъ!

Входитъ госпожа Предигеръ. Носъ у нея, правда, жидовскій, зато осанка аристократическая, вполнѣ въ сарматскомъ вкусѣ. Мы говоримъ съ ней обо мнѣ, о моемъ аттестатѣ, о томъ, что мнѣ предстоитъ преподавать Вандѣ, будущей моей ученицѣ, наконецъ, какъ-то невзначай переходимъ съ польскаго языка на французскій. Въ концѣ-концовъ, вопросъ, сколько я желаю получать въ мѣсяцъ? Минута колебанія, и я, робкая кѣльчанка, набираюсь смѣлости и, не вѣря собственнымъ ушамъ, произношу максимальную цифру, какая когда-либо возникала въ моемъ воображеніи, пятнадцать рублей.

Отдѣльная комната, полное содержаніе и пятнадцать рублей въ мѣсяцъ! Слышите ли вы, вы, что просвѣщаете глупыхъ ребятъ въ предѣлахъ епископской столицы?

M-me Предигеръ не только соглашается, но даже «охотно»... Въ ту же ночь я уже спала въ тихой комнаткѣ на Долгой улицѣ. Да будетъ благословенъ годъ, который я тамъ прожила! Не зная Варшавы настолько, что въ этомъ отношеніи я могла образцово играть роль теленка, я примѣрно просиживала по цѣлымъ днямъ дома, работала надъ Вандой и читала. Библіотека господина Предигера была вся къ моимъ услугамъ... Никогда въ жизни, ни до того, ни послѣ, я не

проглотила столько книжекъ. Чего-чего только не было у меня тогда въ рукахъ! Да что тамъ! Я тогда была такая хорошая, какъ леденецъ... «Въ томъ-то и штука!»—какъ говаривалъ достопочтенный панъ Мультановичъ. Я любила Ванду, мою ученицу, любила ее вполнѣ искренно, какъ родную младшую сестренку. Я любила даже m-me Предигеръ, хотя она всегда держала себя гордо, свысока, ослѣпляя своимъ величіемъ, точно газовый фонарь. Въ моемъ любвеобильномъ сердцѣ нашлось бы, пожалуй, мѣсто и для господина Предигера, если бы только не то, что это былъ богатый, непонятный какой-то, отвратительно толстый мужчина, въ глазахъ котораго я за весь годъ видала только два выраженія: или хитрости, или торжества. Мало-по-малу пылъ моихъ увлеченій погасъ. Между мною и этими людьми не завязалось ни дружественныхъ, ни сколько-нибудь благосклонныхъ отношеній. Нынче я знаю, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго... Ибо можетъ ли даже самый жалкій, самый ничтожный изъ всѣхъ цвѣточковъ распуститься въ ледникѣ?

Помню, какъ я первый разъ была въ театрѣ, на концертѣ Лютни, на лекціяхъ. Трудно мнѣ теперь возобновить въ памяти тѣ дивныя, чуть ли не мистическія ощущенія, когда я увидала на сценѣ... «Мазепу», когда я услышала замѣчательныхъ актеровъ, декламирующихъ чудные стихи Словацкаго, которые я знала наизусть, «мои» стихи... Тогда же судьба послала мнѣ возможность «лицезрѣнія» нѣкоторыхъ литераторовъ, которыхъ, въ простотѣ душевной, привезенной съ собою изъ города Кѣльцъ, я считала ведущими родъ свой непосредственно отъ Аполлона. Впослѣдствіи, только впослѣдствіи, я убѣдилась, что гораздо чаще можно бы ихъ производить отъ Вакха и Меркурія. Теперь я уже знаю, что талантъ — это, въ большинствѣ случаевъ, торба, порою наполненная драгоцѣнностями, которую случайно носитъ на плечахъ любой «хлыщъ», а иногда и просто мошенникъ. А тогда! Какимъ благоговѣйнымъ ужасомъ была я объята, входя въ комнату, гдѣ, приглашенный г-номъ Предигеромъ на обѣдъ, сидѣлъ онъ, самъ онъ...

А все-таки, своимъ чередомъ... И теперь мнѣ бы хотѣлось хоть однимъ глазкомъ взглянуть на Толстого, Ибсена, Золя, Гауптманна. Не прочь бы я и послушать какъ-нибудь Пржебышевскаго, Сѣрошевскаго, Тетмайера и одного только *ича* (разумѣется, Виткевича).

Всѣмъ этимъ великимъ міра сего я предпочитаю теперь тотъ міръ, съ которымъ мнѣ здѣсь привелось столкнуться—міръ, разочаровавшій меня менѣе всего, среду, умѣющую жить и чувствовать искренно, непосредственно, безъ аффектаціи, міръ нашихъ «дѣвушекъ-матерей», кроткихъ сердцемъ, въ кривыхъ башмакахъ и порыжѣлыхъ мантильяхъ. И казалось мнѣ иногда, что весь свѣтъ состоитъ изъ нихъ. Остальные, думала я, это только временно извращенные люди, которые, уразумѣвъ истину, немедленно обратятся къ ней и начнутъ новую жизнь.

Поддерживали меня въ этихъ наивныхъ мечтахъ письма Сташки

Бозовской, писанныя изъ злополучнаго угла, куда она поѣхала. Эти письма были ни что иное, какъ одинъ возвышенный обманъ, общеніе легковѣрныхъ душъ. Теперь Сташки уже нѣтъ въ живыхъ, у меня полны слезъ сердце и глаза...

18-го октября. Разъ я начала писать, хотѣлось бы припомнить и то, и другое. Столько лѣзетъ въ голову подробностей, столько лицъ, событій и впечатлѣній. Все это не дается охватить и связать, разбѣгается, какъ шарики ртути, и улетаетъ въ разныя стороны. Такова наша жизнь, кипучая, быстротечная, безъ руля...

Сегодня ночью я думала о Вацлавѣ, и снова во мнѣ сжимается сердце. Дѣйствительно, есть въ этомъ ужасная иронія судьбы: Генрихъ, исключенный изъ шестого класса, въ Цюрихѣ, ходитъ на «философію» и живетъ ничего себѣ, а Вацекъ, который окончилъ гимназію съ серебряною медалью, прекрасно работалъ на естественномъ, былъ всѣми уважаемъ—такъ безполезно погибъ. Чудовищна логика этихъ фактовъ. Тетка Людвика, навѣрное, сказала бы: «а все потому, что вы такъ мало набожны»...

Мнѣ часто кажется, что у людей есть какое-то тайное сходство съ животными: выдающихся особей они преслѣдуютъ согласно, безъ предварительнаго сговора, какимъ-то стаднымъ чутьемъ.

24-го октября. Была въ театрѣ. Играли «Учительницу», пьесу, отмѣченную сонмомъ критиковъ. Удивляюсь, зачѣмъ авторъ вывелъ свою героиню, какъ обольщенную, когда, по моему, такіе факты прямо невозможны. Правда, жизнь, безспорно, груба и грязна. Я сама, напримѣръ, знаю, сколько терпѣла Лена Р. или панна Франциска В... Добродѣтельные мужья подъ башмакомъ въ этомъ отношеніи стократъ ловчѣе холостыхъ. Гувернантки бываютъ умны, либо глупы, плохи или хороши, красивы или уроды, но въ этомъ отношеніи всѣ должны быть безупречны. Быть можетъ, иностранки—этого не знаю. На западѣ, тамъ, говорятъ, легче на это смотрятъ. Но мѣстный элементъ...

Гувернантка, какъ человѣкъ чужой, обыкновенно занимающій болѣе низкое общественное положеніе, всегда находится подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ. Пусть только замѣтятъ за ней хоть что-нибудь, ея сейчасъ не будетъ въ домѣ. Надзоръ этотъ, даже при самомъ любезномъ, самомъ благосклонномъ къ гувернанткѣ отношеніи, не прекращается ни на минутку. Притомъ же одно то, что ты занимаешь тяжелое и болѣе низкое положеніе, а въ дѣйствительности часто сознаешь себя гораздо выше, вырабатываетъ и утончаетъ чувство гордости, благородное чувство, которое, какъ палка, служитъ опорою въ минуту слабости и защитой отъ врага. Оно одно уже составляетъ не малый тормазъ, кто знаетъ, можетъ быть, даже вполнѣ достаточный.

26-го октября. Читаю Людвику Аккерманъ. Въ одномъ мѣстѣ она говоритъ, что женщина-поэтъ смѣшна. Мнѣ кажется, она права. Почему?

Поэзія—это искренній голосъ души человѣческой, вспышка извѣстной страсти. Этотъ порывъ духа долженъ быть борьбою за что-нибудь новое, провозглашеніемъ невѣдомыхъ тайнъ.

Женщина пока не имѣетъ еще права считать себя творцомъ. Она смѣшна, если упускаетъ изъ виду всю ту огромную пропасть, которая отдѣляетъ ее отъ искренняго человѣка. Какія новыя истины женской души заключаетъ въ себѣ поэзія женщины?—только любовь (notabene—любовь мужчины). Порою крикъ возмущенія, то-есть чего-то преходящаго, что скорѣе принижаетъ, чѣмъ возвышаетъ...

Довольно часто—возмущеніе во имя права провозглашать то, что ужъ было сказано мужчинами. Но чаще всего притворство или—красиво, интересно, загадочно (для мужчинъ) изображенныя томленія любви. Всѣ истинныя поэтессы обыкновенно свою собственную настоящую личность оставляютъ въ тѣни (напримѣръ, Ада Негри). Если современная Сафо хочетъ говорить ясно и понятно, какъ человѣкъ, она должна говорить, какъ мужчина.

Въ дѣйствительности, всѣ тѣ же чувства имѣются и у нея, быть можетъ, даже у нея въ душѣ найдется ихъ и больше, и гораздо тоньше, но она не можетъ, не рѣшается искренно выразить ихъ. Мысли у нея текутъ по иному руслу, онѣ чище, или, вѣрнѣе говоря, въ нихъ нѣтъ столько грубо-чувственнаго, какъ у мужчины, страсти у нея совершенно иныя, вовсе не таковы, какими ихъ изображаютъ современные писатели и даже писательницы. Мужчины всѣ чувственны и въ самомъ отвратительномъ, напримѣръ, для молодой дѣвушки смыслѣ. Такими они изображаются въ искусствѣ, которое они—мужчины создали. И такъ наивны они въ этой своей животности, что жалѣть бы ихъ надо, какъ маленькихъ дѣтей. Чуть только увидятъ около себя «цацу», сейчасъ же и «чмокъ»! Они ничуть не вмѣняютъ себѣ въ обязанность хоть бы не такъ рѣзко выказывать свою грубость, хотя бы изъ деликатности, изъ уваженія къ тому, что, быть можетъ, «слабый полъ» то же самое чувствуетъ иначе...

Все же, что могла-бы въ высокомъ искусствѣ дать женщина (понятно, равное по силѣ), по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ должно быть сначала сдѣлано на мужской образецъ. Потому-то часто можно встрѣтить произведенія, написанныя женщинами и изображающія якобы женскую душу, а между тѣмъ съ начала и до конца сознательно искаженныя. Это особаго рода кокетничаніе дамъ мужского рода при посредствѣ литературы. Мужчины, между тѣмъ, превосходно защищаютъ свой строй и подавляютъ всякія попытки проявленія особой, рознящейся отъ нихъ души и созданія новаго, еще неизвѣстнаго вида искусства, вмѣстѣ со всей его безграничной сферой таинственныхъ средствъ. Властелинамъ міра пришлось бы подвергнуться совершенно новой, «иной» критикѣ, что было бы имъ не совсѣмъ пріятно. И вотъ сужденія въ этой области не только мужчинъ, но и воспитанной

въ ихъ школѣ массы женщинъ, очень и очень приближаются къ понятіямъ индусовъ, которые считали женщину нечистой, потому что... она такою по временамъ бываетъ. И то, и другое ничуть не зависитъ отъ нея самой, но все же трактуется съ истинно индійской непосредственностью, какъ фактъ, разсматриваемый самъ по себѣ.

Развѣ мужчины съ самыми возвышенными чувствами, поэты, цѣнятъ въ женщинѣ ея человѣческую личность? Мнѣ кажется, нѣтъ. Они обожаютъ въ ней прекрасное существо, насколько оно является сокровищницей тѣхъ прелестныхъ особенностей, которыя доставляютъ имъ столько наслажденія, хотя обладаніе этими достоинствами и не можетъ быть вмѣнено ей въ заслугу. Больше всего прославлялся обыкновенно типъ женщины, производящей какое-то демоническое впечатлѣніе. Нѣсколько, быть можетъ, меньше, но искренно и красиво превозносили чистосердечныя, умѣющія безропотно страдать, кроткія существа, которыя не пытаются ни защищаться, ни мстить, какъ, напримѣръ, Офелія. Женщины, сознающей свои права на личное счастье, пользующейся природными душевными силами и умственными способностями, почти нѣтъ въ литературѣ. Гораздо легче найти въ литературѣ изображеніе благородныхъ стремленій мужчины къ оправданію павшей женщины, чѣмъ признаніе права на уваженіе за женщиной потерпѣвшей Вѣдь въ этомъ послѣднемъ случаѣ нѣтъ ни идилліи, ни трагедіи и, значитъ, это не вызываетъ никакихъ эстетическихъ впечатлѣній. Только Ибсенъ, безсмертный глашатай правды, онъ, что въ образѣ Ядвиги въ «Дикойуткѣ», какъ демонъ, какъ не-человѣкъ, насмѣхается надъ человѣческой культурой, — только онъ началъ проникать въ суть вещей. Но даже и онъ не можетъ удержаться, чтобы не признать руководящаго значенія мужского чувства. Истинная женская поэзія трепетала развѣ въ пѣсни несчастной невольницы, когда на террасѣ римскаго вельможи, передъ толпою раскинувшихся патриціевъ, женщина должна была для ихъ забавы пѣть пѣсню своей родины...

Мы не знаемъ ея. Когда я вдумываюсь въ эту пѣсню и хочу ее разгадать, мнѣ чудится порою, будто я слышу ее гдѣ-то, далеко-далеко за стѣной... Порою эта пѣснь проникаетъ въ мою душу и цѣлый день тогда раздаются во мнѣ звуки этихъ струнъ, страдальчески терзаемыхъ окровавленными пальцами. Тогда поэтесса говорила правду: «вотъ что я чувствую! Вотъ что въ моемъ сердцѣ! Мнѣ все равно, что ты скажешь о моей пѣсни. Я пою лишь для себя, для себя одной»...

Но нынѣ... И нынѣ раздается тотъ же плачъ женщины, обманутой, проданной родными, рабы мужа, которая любитъ другого, женщины павшей и презираемой притворно-добродѣтельнымъ обществомъ. Существуютъ мечты невинно и страстно влюбленной, той, что зачала и носитъ подъ сердцемъ ребенка... Но, Боже! Звуковъ такихъ нельзя извлекать изъ лиры! Это было бы безнравственно распространяло бы развратъ...

27-го октября. Я перечитала, что тутъ написала вчера и что дальше будетъ «стоять» въ назиданіе потомству. Мнѣ хотѣлось бы писать искренно и правдиво, но это неслыханно трудно. Въ головѣ у меня много мыслей не совсѣмъ ясныхъ, какъ будто забревшихъ ко мнѣ изъ какихъ-то чужихъ краевъ, которыя, какъ только я пытаюсь ихъ сформулировать, тотчасъ мѣняются подъ перомъ и уже совсѣмъ не такія... Какъ ихъ записывать? Такъ-ли, какъ онѣ приходятъ въ голову, или такъ, какъ онѣ мѣняются въ словѣ? Послѣднее напоминаетъ мнѣ то мѣсто изъ «Небожественной комедіи» *), гдѣ *мужъ*, выражающій свое отчаяніе надъ страданіями сумасшедшей жены въ красивыхъ фразахъ, вдругъ слышитъ чуждый голосъ: «Ты сочиняешь драму»...

30-го октября. Два дня тому назадъ я писала о высшей чистотѣ женщины. Мнѣ уже не разъ случалось, что когда я искренно и глубоко занята какой-нибудь мыслью, я въ окружающемъ мірѣ наталкиваюсь, если не на дальнѣйшее развитіе этой мысли, то во всякомъ случаѣ на подробности и отрывки, которыя непосредственно къ ней относятся. Вѣроятно, эта сосредоточенная мысль, какъ свѣточъ среди тьмы, улавливаетъ въ окружающемъ все, чего бы она при другихъ условіяхъ и не подмѣтила, хотя бы это, не знаю какъ, лѣзло въ глаза.

Была у Маруси. Я рѣдко встрѣчаюсь съ ней, но люблю ее,—какъ бы это сказать? — какъ-то безсознательно, противъ и даже, можетъ быть, наперекоръ волѣ. Это въ сущности глубоко-невинная, чистая, безупречная, простая натура, а между тѣмъ она всегда любитъ болѣе, чѣмъ одного, болѣе даже, чѣмъ двухъ и трехъ мужчинъ. Эротическій элементъ составляетъ во всемъ этомъ лишь нѣкоторую примѣсь. Не скажу, чтобы онъ не игралъ тутъ никакой роли, но это напоминаетъ скорѣе что-то вродѣ маніи величія. Когда я сдѣлала ей деликатное замѣчаніе на этотъ счетъ, она отвѣтила мнѣ съ истинно золотой наивностью, что не знаетъ, почему бы нельзя быть «занятой» нѣсколькими сразу («невлюбленной—какъ можно!»).

Эти симпатіи совсѣмъ особыя, между собою онѣ связаны, какъ, напримѣръ, отдѣльные слои въ сладкомъ пирогѣ. Каждый слой отличается отъ другого и самъ по себѣ очень вкусенъ, а развѣ изъ этого слѣдуетъ, что взятые вмѣстѣ они должны составить что-нибудь невкусное? И въ то же время, не смотря на всю свободу своихъ взглядовъ, Маруся не была бы способна проявить ни капельки того «безбожія», на которое жалуется въ пѣсенкѣ своей Офелія.

4-го ноября. Сегодня одинъ изъ тѣхъ тяжелыхъ дней, которые напоминаютъ иногда злыхъ и негодныхъ людей. Такой день обыкновенно тянется долго и ни за что не хочетъ удалиться, какъ ростовщикъ, который долженъ въ свой срокъ непремѣнно высосать все. А когда

*) Поэма польскаго поэта Красинскаго. *Прим. пер.*

онъ, наконецъ, проходитъ, за нимъ, какъ черная тѣнь, тянется безсонная ночь, полная слезъ, видѣній и ужаса. Одна изъ моихъ «доброжелательницъ», пани Лаура, у которой я уже три года даю уроки ея дѣвочкамъ, сообщила мнѣ сегодня, съ видомъ якобы соболѣзнованія, печальныя вѣсти. Она почерпнула ихъ у какой-то кумушки, только что вернувшейся «изъ вояжа». Именно—Генрихъ, оказывается, вовсе не учится на «доктора», какъ онъ увѣрялъ меня тысячу разъ, зато дѣлаетъ долги и скандалы. Дрался съ кѣмъ-то на дуэли, участвовалъ въ уличныхъ скандалахъ, сидѣлъ въ участкѣ, былъ избитъ полицейскими. Столько всего, что не перечесть, но хуже всего, это—ложь. Онъ, будто бы, уже два года совсѣмъ не посѣщаетъ лекцій, ему недостаетъ минимальнаго количества семестровъ, необходимыхъ для права держать экзамены,—словомъ, цѣлое болото фактовъ. Я терпѣливо выслушала все, даже улыбалась и говорила ей: «Знаю, знаю, что это за непутевый мальчишка»...

Въ душѣ у меня было совсѣмъ другое.

Во всемъ этомъ, вѣроятно, есть порядочная доля правды, разъ его лишили стипендіи. Все бы это, впрочемъ, ничего, если бы не обманъ, не «надуваніе» глупой сестрицы. Напиши онъ мнѣ все, какъ есть, я бы не стала дѣлать ему упрековъ, даже не считала бы этого особенно преступнымъ. На то и онъ буршъ, чтобы дѣлать скандалы. Но узнавать все это со стороны, отъ чужихъ людей, которые, можетъ быть, даже совершенно невольно, изливаютъ на мнѣ гніющую въ душѣ у каждаго человѣка *Schadenfreude*...

5-го ноября. Мало спала въ эту ночь, на разсвѣтѣ только задремала немного и цѣлый день выгляжу на урокахъ мокрой курицей. Уроки для меня были, точно каторга. Когда на душѣ тяжело, опускаешься, съеживаешься, становишься жалкимъ. Я рѣшила силою вырваться изъ этого гнетущаго состоянія, въ которое, точно въ тѣсную западню, засадили меня невеселыя вѣсти. Нѣтъ, я не оставлю Генриха! Стану вдвое работать, возьму еще нѣсколько новыхъ уроковъ, можетъ, утренніе часы. Пусть хоть какъ-нибудь окончитъ курсы, тогда вѣдь ему легче будетъ здѣсь устроиться. Никогда не перестану жалѣть, что онъ не выдержалъ въ политехнику—но ничего не подѣлаешь. А эти *Freifach*'и, дѣйствительно, слишкомъ долго тянулись.

6-го ноября. Изъ экономическихъ соображеній, беру себѣ въ сожительницы m-ll Гэпъ. Это стѣснитъ меня порядкомъ, но дѣлать нечего. Мой уголъ будетъ моимъ только отчасти, даже дневникъ этотъ придется писать урывками. Зато такимъ путемъ съэкономлю въ мѣсяцъ почти восемь рублей. Нужно дать Вацлаву на теплую шубу, валенки... Егерскій костюмъ. Хорошо бы по двѣ пары. Не забыть, не забыть, что госпожа Ф. ѣдетъ 18, 18, 18!

13-го ноября. Взяла новый урокъ. Я его втиснула между Липецкими и Соней К. Новая моя ученица—Геня Л.; ее нужно подготовить

въ пансіонъ, въ приготовительный классъ. Она еще ничего не знаетъ: ни диктовки, ни таблицы умноженія, ничего. Огромная комната, темная, какъ погребъ, съ однимъ окномъ, которое выходитъ на тѣсный дворъ; солнце еще не заходитъ, а въ ней уже совсѣмъ вечеръ. Сидимъ мы съ Геней другъ противъ друга за столомъ и то одна, то другая, читаемъ странными голосами: *ces enfants ont trouvé leurs mouchoirs, mais ils ont perdu leurs bonnes montres*.

Сначала я произношу это громкимъ голосомъ, потомъ она, силясь извлечь изъ себя звуки такой же силы, думая, вѣрно, что по-французски нужно непремѣнно говорить такимъ гробовымъ тономъ. Въ большой, темной комнатѣ все это звучитъ, какъ какія-то франкмассонскія заклинанія. Порою дѣвочкѣ приходятъ въ голову странныя мысли. Она задаетъ мнѣ вопросы, на которые рѣшительно нельзя дать отвѣта...

Отсидѣвъ тамъ свой часъ, лечу во всю прыть, на резинахъ калошъ, въ глубь привислянскихъ краевъ къ Блюмамъ, съ важнымъ извѣстіемъ, что «изъявительное наклоненіе обозначаетъ такое дѣйствіе, которое, по отношенію къ данному предмету, дѣйствительно происходитъ,—повелительное выражаетъ приказаніе или запрещеніе, сослагательное—дѣйствіе только возможное или предполагаемое»... Тамъ всегда ждетъ нѣжный кузенъ.

Теперь весь день набитъ, буквально набитъ, какъ жидовская торба, уроками. Я такъ привыкла къ систематическому хожденію въ опредѣленное время, что по воскресеньямъ, когда провожу послѣобѣденные часы въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь или за чтеніемъ, меня ежеминутно охватываетъ страхъ, и я вскакиваю, какъ сумасшедшая. Ноги сами скачутъ и выводятъ какія-то логариѳмы курсовъ на Смочую или Добрую.

Кто бы повѣрилъ, что я, жалкое кѣлецкое созданьице, разсѣвая по разнымъ улицамъ Варшавы тайны наукъ, достигну когда-нибудь цѣлыхъ 62 рублей въ мѣсяцъ!

Гэпъ уже переѣхала. У ней кардинальный недостатокъ всѣхъ француженокъ: ужасная болтушка. Правда, для меня это выгодно, по вечерамъ приходится съ ней болтать и я, какъ обезьяна, чисто по женски усваиваю парижскій акцентъ, но зато скверно сплю. Въ двѣнадцать часовъ ночи я еще хохочу надъ ея приключеніями. Часто долго потомъ не могу уснуть. Бьютъ часы...

Подымаюсь усталая, и тогда что-то дребезжитъ во мнѣ, какъ въ нашихъ старыхъ, стѣнныхъ часахъ, только ихъ тронешь, бывало. Удивительно, въ такихъ случаяхъ мнѣ совершенно не хочется спать. Развѣ очень устану, совсѣмъ изъ силъ выбьюсь. Тогда я совсѣмъ какъ въ безпамятствѣ, не знаю, что со мной дѣлается, не слышу, что мнѣ говорятъ, и трещоткѣ Гэпкѣ отвѣчаю съ пятаго на десятое.

15-го ноября. Въ воскресенье я прочла много хорошаго. До сихъ

поръ все это у меня въ головѣ, какъ будто что-то постороннее, не мое, слабо сросшееся съ моимъ духовнымъ существомъ.

Немногія изъ чувствъ могутъ наполнить душу такою жаждой полезной дѣятельности, какъ одно сухое сознаніе того, сколько было выстрадано, сколько перенесено для блага нынѣ живущаго поколѣнія, частицу котораго составляемъ и мы. Есть какое-то удивительное чувство братской любви, питаемое къ прошлому, къ тѣмъ, что уже свершили свое на землѣ. Ни одного изъ живыхъ нельзя окружить мысленно такимъ почтеніемъ, такимъ благоговѣйнымъ почтеніемъ, какъ тѣхъ, что остались за нами во мракѣ былого.

Я пришла къ заключенію, что и очень тяжелыя нравственныя страданія, глубокія, тонкія печали можно если не лѣчить, то, во всякомъ случаѣ, дѣлать менѣе чувствительными извѣстнаго рода давленіемъ. Если иной разъ такая тоска нападетъ, что слезы такъ и льются невольно изъ глазъ,—нужно читать, напримѣръ, какой-нибудь «Отчетъ о седьмомъ періодѣ дѣятельности коммерческаго банка», или—«Одиннадцатое общее собраніе акціонеровъ Варшавско-Тереспольской желѣзной дороги»... Когда въ извѣстныя минуты упорно и сознательно читаешь такія вещи, то онѣ именно тѣмъ, что такъ ужасно далеки намъ и чужды, своимъ безстрастнымъ, холоднымъ эгоизмомъ дѣйствуютъ на тонкія, чувствительныя ощущенія такъ сильно, какъ растворъ Шлейха. Этимъ лѣкарствомъ нервы на нѣкоторое время доводятся до такой степени одеревенѣвія, что тѣ мѣста, на которыхъ проявляется его дѣйствіе, можно безъ боли рѣзать ланцетомъ. Другое дѣло, когда страданіе жестоко. Тогда и «Одиннадцатое засѣданіе» само валится изъ рукъ, какъ непосильное бремя.

17-го ноября. Кажется, дневника моего не смогу вести такъ, какъ задумала. Слишкомъ ужъ мало во мнѣ постоянства. Я никогда не могу ручаться за то, что утромъ спокойная и даже почти веселая—не приду вечеромъ въ самое ужасное отчаяніе, увы! даже безъ всякой важной причины. Нужда въ деньгахъ, молчаніе Вацка, мысли о Генрихѣ, какія-нибудь ничтожныя мелочныя, суетныя заботы житейскія, которыя Красинскій такъ вѣрно назвалъ «презрѣнными»... Но чаще всего думы о какихъ-то невѣдомыхъ несчастьяхъ, совсѣмъ не своихъ, чужихъ, далекихъ, но свершающихся вокругъ тебя... Это ввергаетъ меня въ тоску или, вѣрнѣе, въ какую-то болѣзненную апатію. Это ничуть не состояніе покоя. О, нѣтъ! Спокойствіе—это неоцѣнимо пріятное состояніе. Заботы и печали научаютъ насъ видѣть въ спокойствіи счастье. Эти переходныя состоянія нельзя записать, какъ нельзя смотрѣть въ зеркало, когда сильно волнуешься. Нельзя ихъ передать даже самыми красивыми, подходящими словами, потому что все-таки получится другое. Много ужъ состояній пережито мною и безпрерывно переживаются, а я не только не умѣю передать ихъ, разобрать, но даже указать, какія они. Порою чувствую себя такой усталой, что,

право, кажется, въ состоянiи иной разъ опуститься на край тротуара, по которому бѣжишь съ урока на урокъ, и преспокойно отдыхать себѣ, не обращая вниманiя на насмѣшки прохожихъ.

Какъ я завидую этимъ дамамъ, которыя проходятъ мимо меня; онѣ тихо, медленно гуляютъ и весело, оживленно разговариваютъ съ изящно одѣтыми господами. Кто эти люди? Что они дѣлаютъ, гдѣ живутъ? Я ихъ совсѣмъ не знаю. Мiръ такъ малъ, такъ тѣсенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ великъ! Человѣкъ въ немъ — бѣдный невольникъ, вѣчно спующiй взадъ и впередъ по одной и той же дорожкѣ, вотъ какъ виляновскiй поѣздъ.

Я мысленно переношусь въ тѣ мѣста, гдѣ была когда-то, и припоминаю себя такою, какою была нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Я лучше была тогда. Я бы теперь не могла, какъ тогда, работать до упаду, лишь бы «сдѣлать что-нибудь хорошее».

Что-жъ это будетъ? Неужели я буду все хуже и хуже? Тогда въ Кѣльцахъ, въ нашихъ Глогахъ, въ Менкажицахъ, даже въ первое время тутъ, въ Варшавѣ, я работала надъ собою, чтобы быть хорошимъ человѣкомъ. А теперь я стала такая порывистая, вспыльчивая, столько нехорошихъ мыслей завелось у меня въ головѣ. Какой аскеткой я прежде была въ отношенiи жизненныхъ удобствъ! А теперь каждая мелочь меня раздражаетъ.

Я долго думала, что именно во мнѣ измѣнилось. Прежде у меня было много вѣры въ людей и потому я всегда такъ охотно шла имъ навстрѣчу. Я была одарена способностью вполнѣ, всей душою отдаваться мыслямъ о нематерiальномъ, о дѣлахъ высшаго порядка.

А теперь я такъ холодна, такъ равнодушна ко всему! Прежнiе источники высокихъ наслажденiй уже не существуютъ для меня. Я стала какая-то нечувствительная къ страданiямъ другихъ. И даже, могу сказать, къ своимъ собственнымъ невзгодамъ я отношусь гораздо хладнокровнѣе (или, быть можетъ, только не такъ, какъ тогда).

Правда, во мнѣ и теперь еще много любви къ нѣкоторымъ людямъ, но часто мнѣ кажется, будто ужъ я ни Генриха, ни Вацлава не въ состоянiи любить такъ, какъ прежде. Я еще, пожалуй, сдѣлаю и для нихъ, и для другихъ все, что могу, но уже не буду, какъ прежде, чувствовать себя отъ этого счастливой по одной простой причинѣ, что вотъ и я для чего-нибудь пригодилась. Во мнѣ еще много энтузiазма къ добрымъ, горячимъ натурамъ, ко всѣмъ, что страдаютъ и ненавидятъ ложь и фальшь, но ужъ это что-то другое. Не знаю, не могу искренно сказать, люблю ли я такихъ людей или только хотѣла бы идти съ ними въ одномъ ряду изъ разсчета, что въ этомъ ряду идти наиболѣе безопасно, такъ какъ онъ идетъ къ побѣдѣ. Это тотъ путь, по которому «душа нисходитъ во тьму, въ бездонный мракъ ночи»...

Прежде окружали меня благородные люди, натуры глубокiя, тихiя, скромныя, чувствительныя, часто стойкiя, какъ желѣзо, въ своей

честности и благородствѣ, способныя къ полному самопожертвованію ради другихъ. Ихъ отличало единство стремленій и одинаковое настроеніе. Среди нихъ было такъ хорошо, такъ вѣрилось въ жизнь и такъ легко было на душѣ... Это были мои родители, сосѣди, еще нѣкоторыя лица въ Кѣльцахъ. Душа ли моя была въ ту пору иная или просто, можетъ быть, тогда она только склонна была къ слѣпому легковѣрію? Въ прежнемъ моемъ мірѣ не было ни одного человѣка, къ которому я бы питала антипатію. А теперь сколько такихъ! Хотя бы вотъ этотъ кузенъ какой-то у Блюмовъ, который вѣчно открываетъ мнѣ двери и помогаетъ снять накидку. Я все жду, что въ одинъ прекрасный день онъ вздумаетъ въ этой передней задѣть меня такъ, какъ можно ожидать по его взглядамъ. Видно, ему очень аппетитной кажется эта учительница, приходящая къ его кузинамъ... Не могу же я требовать, чтобы онъ не открывалъ мнѣ дверей и не помогалъ снимать мантилью, но я награждаю его такимъ взглядомъ, какъ будто бы смотрѣла на стоножку или на грязный частый гребень. Удивляюсь, какъ онъ этого не чувствуетъ, вѣдь это, кажется, такъ ярко написано у меня на лицѣ. Впрочемъ, можетъ быть, въ любви того рода, какая у него на умѣ, чувство отвращенія со стороны болѣе слабаго вовсе и не принимается въ разсчетъ... Впрочемъ, какое мнѣ до всего этого дѣло? Я имѣю полную возможность обращать на этого господина ровно столько же вниманія, какъ, напримѣръ, хотя бы на барана или другого представителя фауны, но не могу... Вообще, я, пожалуй, слишкомъ интересуюсь этой исторіей, столько пишу о ней, что это можетъ даже возбудить подозрѣніе. Не кроется ли, пожалуй, въ этой «антипатіи» *крохотная доза* нѣкоего удовлетворенія?

18-го ноября. Съѣздила по конкѣ на Валицовъ. Когда я вошла въ вагонъ и уже заплатила кондуктору, тогда только я замѣтила, что въ углу сидитъ этотъ красивый господинъ въ цилиндрѣ. Ужъ третій разъ я его встрѣчаю. Каждую минуту онъ протиралъ рукою стекло и смотрѣлъ на улицу. Кого онъ ждалъ? Если это была женщина—какая она счастливица! Кто онъ? Что онъ дѣлаетъ? Какъ говоритъ? И что за мысли кроются въ этой прекрасной, въ этой дивной головѣ? Его задумчивое лицо и вся его фигура все стоятъ у меня передъ глазами. Сегодня, на урокѣ у Ф., безсознательно и непроизвольно, сама почти не замѣчая, что дѣлаю, я нарисовала этотъ профиль съ удивительно тонкими чертами, полный гармоніи и какой-то воинственной силы. Какъ хорошо, что онъ сошелъ на углу Теплой, а то, кто знаетъ, я бы еще, пожалуй, совсѣмъ влюбилась. Весь этотъ день, у меня, безъ всякой причины, было такъ тепло, такъ радостно на душѣ, какъ будто вотъ—вотъ должно со мною случиться что-то неизъяснимо пріятное. И когда я силилась понять, что же это со мной такого хорошаго случилось,—изъ темноты выплывало его лицо и эти глаза, чего-то искавшіе за окномъ...

Да ниспошлетъ ему судьба всего хорошаго въ жизни...

19-го ноября. Въ «Соломоновой пѣсни пѣсней» такъ сказано: «Кто это восходитъ отъ пустыни, какъ бы въ столбахъ дыма, окуриваемый міррою и ѳиміамомъ, всякими порошками благовонными»...

Чудныя слова! Это реальное описаніе чувства... Слова безъ смысла часто опредѣляютъ сущность чувства съ алгебраической точностью.

20-го ноября. «На ложѣ моемъ ночью искала я любимаго душою моею, искала я его, но не нашла его. Встану я, пройдусь по городу, по улицамъ и площадямъ, поищу любимаго душою моею. Искала я его, но не нашла его»...

Нескромно, унизительно... Каждое слово краснѣть заставляетъ. Каждая буква горитъ отъ стыда. Что же, когда правда, что же, когда правда...

22-го ноября. Опять этотъ кузенъ съ своей вѣчной улыбкой, точно приклеенной гуммиарабикомъ къ губамъ! Когда онъ, какъ только я позвоню, уже стоитъ предо мною въ дверяхъ, я рѣшительно теряю всякое самообладаніе. Я сейчасъ вся краснѣю, какъ ракъ, и хоть бы не знаю какъ силилась поблѣднѣть — напрасно. Не могу совладать съ этой краской, руки даже у меня дрожатъ. Этотъ франтъ можетъ еще, пожалуй, подумать, что это онъ производитъ на меня такое сильное впечатлѣніе, между тѣмъ онъ мнѣ просто антипатиченъ, его взглядъ оскорбляетъ меня. Почему онъ не тотъ, изъ «Пѣсни пѣсней»? Если случается покраснѣть въ обществѣ хорошихъ и деликатныхъ людей, такъ это вовсе не такъ ужасно непріятно. Тогда это такъ, какъ вотъ, когда не хочется произносить какія-нибудь грубыя слова или чмокать губами, или смотрѣть на что-нибудь неприличное. Но тутъ! Я гдѣ-то читала, что въ Египтѣ продавались талисманы, благодаря которымъ покупатель могъ уберечься отъ «сглаза». Говорили тогда: отъ взглядовъ дѣвушекъ, что острѣе булавки, отъ взглядовъ женщинъ, что острѣе ножа; отъ взглядовъ юношей, что больнѣе удара кнутомъ, отъ взглядовъ мужчинъ, что тяжеле удара топоромъ. Какъ бы я хотѣла уберечься вотъ отъ этихъ послѣднихъ, отъ «такихъ» взглядовъ!..

Сегодня m-me Б. задержала меня у себя, и этотъ «литераторъ» немедленно пробрался къ намъ въ залу неслышными шагами. Я чувствовала его присутствіе, хотя и не подымала глазъ. Онъ тотчасъ началъ говорить какія-то избитыя фразы, которыя слышалъ, навѣрно, отъ кого-нибудь изъ болѣе умныхъ.

Онъ говорилъ о Ницше! Право, сильно подозрѣваю, что онъ имѣетъ претензію считать себя сверхчеловѣкомъ и ученикомъ философа, который извѣстенъ ему развѣ по какимъ-нибудь «статьямъ» варшавскихъ газетъ. Но особенно великолѣпенъ онъ, когда начинаетъ такимъ многообѣщающимъ образомъ:

— Ибо надо вамъ знать...

А то еще такъ:

— Вы, вѣроятно, думаете, что... такъ вотъ...

*

И только вслѣдъ за этимъ онъ провозглашаетъ какую-нибудь давно мнѣ извѣстную и истасканную мысль. Вся цѣль его рѣчи сводилась къ тому, чтобы подчеркнуть въ ней извѣстныя выраженія. Интересно было бы знать, позволилъ ли бы себѣ этотъ сверхфатъ разговаривать подобнымъ образомъ съ какой-нибудь изъ богатыхъ барынь, которая сумѣла бы ему на это смѣло отрѣзать такъ, какъ онъ того заслуживаетъ? Но Богъ съ нимъ совсѣмъ! Что изъ того, что кто-то станетъ выказывать мнѣ свое пренебреженіе, пользуясь тѣмъ, что я простая учительница? Неужели это мнѣ больно? Это совсѣмъ незаслуженно... Мнѣ это крайне непріятно, но я могу же относиться къ этому съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Да и должна, потому что никакого другого отпора противъ подобнаго раздраженія нервовъ я проявить не въ силахъ. Благодаря такимъ случаямъ, я воздерживаюсь отъ встрѣчъ съ новыми людьми и не ищу общества. Въ этомъ тоже сказывается недостатокъ рѣшимости. Знаю, я не покинула бы хорошаго человѣка за то, что другіе не уважаютъ его, а защищать себя самое у меня смѣлости не хватаетъ.

23-го ноября. Нѣтъ, я принуждена буду отказаться отъ урока у Б. Нечего дѣлать! Не могу же я дѣлать скандаловъ въ передней или жаловаться этой госпожѣ. Я должна была защищаться. Сегодня онъ сх. м. в. п. и. х. о. Попомнитъ онъ у меня эту минуту! Но все таки, какъ все это подло!

Прежде я думала, что ненависть—это нехорошее чувство. Сердиться, досадовать на кого-нибудь—это другое дѣло, но ненависть! Вѣдь это желаніе зла другому. Сама я не сдѣлала бы ничего дурного даже этому Адонису, но еслибъ я узнала, что съ нимъ случилось что-нибудь такое, мнѣ бы это не было непріятно. Такимъ образомъ, я, быть можетъ, постепенно дойду и до того, что стану жаждать мести. Почему же нѣтъ? Спускаясь по ступенямъ, непремѣнно сойдешь туда, куда онѣ ведутъ. Я сознаю это, но не испытываю злобы къ себѣ, когда я такъ враждебно настроена. И кто знаетъ, дѣйствительно ли чувство ненависти чувство нехорошее и безнравственное? Такая ненависть... Кто знаетъ? Да только къ чему *я* все это должна узнавать, къ чему *мнѣ* все это разбирать?

26-го ноября. Тихо, тихонько скончалась панна Л. Въ ничьей душѣ не оставила она, навѣрно, по себѣ чувства искренняго, глубокаго сожалѣнія. Ее любили, но любили, если можно такъ выразиться, по долгу. Но, Боже мой, сколько умираетъ людей самыхъ плохихъ, и многіе такъ искренно о нихъ плачутъ и сожалѣютъ. Кого же считать идеаломъ не только человѣка, но идеаломъ ученика Христова, если не ее, эту дѣвушку—мать? Это было существо не только съ чистою душою, но удивительно чистое тѣломъ, одинъ изъ тѣхъ посланниковъ Божіихъ, что, какъ Онъ «трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не угаситъ», какъ говоритъ св. Матѳей. Всю жизнь свою она провела въ

учительствѣ, какъ бы въ монашествѣ. Быть можетъ, и у нея были свои недостатки, быть можетъ, украдкой отъ самаго зоркаго ока, и она совершала какіе-нибудь грѣхи, которыхъ не знаетъ никто, но покупечески взвѣшивая всю ея жизнь, эту жизнь осмѣянной старой учительницы, не нахожу въ ней ничего порочнаго. Трудъ, глухой трудъ, трудъ—инстинктъ, трудъ—страсть, трудъ—идея, расположенный систематически, какъ геометрическая теорема. Жизнь, раздѣленная на учебные годы и четверти, а изъ наслажденій жизни лишь плоды родной культуры. Я не встрѣчала въ жизни никого, кто какъ она, умѣлъ бы радоваться настоящей «великой радостью», когда въ литературѣ появлялись такія прекрасныя произведенія, какъ «Потопъ» *) или «Фараонъ» **). Она, дѣйствительно, чувствовала себя истинно-счастливой, что живетъ въ то самое время, когда творитъ Сенкевичъ, а портретъ этого писателя висѣлъ у ней въ комнаткѣ на стѣнѣ, обвитый плющемъ. Во многихъ взглядахъ я не могла сойтись съ покойницей, или, вѣрнѣе, въ глубинѣ души не сочувствовала ей, когда она говорила это. Ибо подчасъ не могла она понять нѣкоторыхъ новыхъ силъ міра. Она жила вѣрою прежнихъ дней, которую Бисмаркъ своею «*Macht*» попралъ ногами. Какимъ же образомъ она сумѣла приноровить прежніе взгляды и обычаи къ новой жизни? Сдѣлала она это совершенно просто, какъ нельзя проще. Весь жаръ своей души она перелила въ трудъ, вложила его въ свои обязанности. О, несомнѣнно, такое подавленіе молодого пыла, такая побѣда надъ молодыми порывами далась нелегко. Цѣлые долгіе годы приходилось работать надъ созданіемъ системы, и системы желѣзной, непоколебимой. Такъ учить грамотѣ и письму, какъ это дѣлала панна Л., уже не сумѣетъ никто. Въ этомъ-то педантическомъ, почти скучномъ, утомительномъ ученіи и таился энтузіазмъ. У гроба панны Л. я рѣшила стать ея послѣдовательницей. Не просто подражать ей, но именно пойти по ея стопамъ. Ея жизнь была такъ высоко-культурна, что съ нашей стороны было бы просто отчаянной глупостью, если бы мы не хотѣли воспользоваться подобными примѣрами. Берутъ же мужчины примѣръ съ англичанъ, людей совсѣмъ другой страны и другого типа, людей изъ-за моря, почему же намъ не поставить себѣ въ образецъ нашего, родного, своего!.. Итакъ, слѣдуетъ: 1) подавлять въ себѣ слабости, сентиментальности, упадокъ духа, но главное, главное, главное, склонность къ мечтательной грусти; 2) постоянно поддерживать въ себѣ бодрость и терпѣніе и вырабатывать силу воли; 3) обдуманно и критически составить себѣ планъ занятій; 4) точно выполнять все, на что рѣшишься послѣ зрѣлаго размышленія, хоть бы въ результатѣ ожидались палочные удары. Это въ особенности. И потомъ вообще:

*) Генриха Сенкевича.

**) Болеслава Пруса.

беречь чистоту души и не давать къ себѣ доступа никакой гадости, никакой подлости. Прямо не давать доступа и конецъ. Если это принимаетъ на себя какую-нибудь обольстительную форму, какъ нѣчто современное или новое, все-таки не поддаваться и отражать недостойный соблазнъ всѣми силами души.

У гроба панны Л. мнѣ пришла въ голову мысль, что люди справедливые, хорошіе живутъ здѣсь, на землѣ, гораздо дольше, чѣмъ глупцы. Маленькое, сморщенное, улыбающееся мертвое лицо панны Л. подѣйствовало сегодня на меня гораздо сильнѣе, чѣмъ многія разсужденія мудрецовъ. Ея учительство не окончилось вмѣстѣ съ ея смертью. Напротивъ, только теперь особенно понятно стало все, что она дѣлала въ жизни; такъ, прочитавъ послѣднюю страницу, послѣднія слова хорошей книжки, мы лучше, яснѣе понимаемъ ея смыслъ. Вотъ такъ же не только жилъ, но и лѣчилъ по смерти своей докторъ Мюллеръ, умершій отъ чумы, который въ минуту смерти дѣлалъ распоряженія о томъ, какъ должно дезинфецировать его тѣло, чтобы зараза не могла распространиться на другихъ въ теченіе четырехъ дней послѣ его смерти. Это люди, которые достигли на землѣ высшей цѣли: они не боялись сойти въ могилу. И потому ихъ смерть только нѣкая глубокая тайна, полная почтенія и печали. Смерть людей, которые ея боялись, производитъ на насъ отвратительное, ужасающее впечатлѣніе, она наводитъ на насъ гнетущія мысли объ этомъ ужасномъ, омерзительномъ разложеніи тѣла. И тогда она представляется намъ какимъ-то гадкимъ, безсмысленнымъ, но, главное, всемогущимъ чудовищемъ.

Еще одно. Была ли бы жизнь панны Л. такъ же полезна, если бы она была замужемъ и имѣла дѣтей, или, выражаясь яснѣе, было ли бы полезнѣе для общества, если бы, вмѣсто стольких учениць, она хорошо воспитала только своихъ дѣтей? И воспитала ли бы она ихъ такъ же хорошо? Мнѣ кажется, такъ развивать и воспитывать человѣческія души, какъ это дѣлала панна Л.,—тоже материнство и даже материнство высшаго порядка. Наши матери довольно небрежно относятся къ значенію матерей-воспитательницъ. А между тѣмъ, родить ребенка это, правда, великое и чудесное дѣло природы, но все же еще не дипломъ на званіе воспитательницы. На это способна всякая женщина, хотя бы изъ рода кафровъ или папуасовъ. Быть можетъ, я впадаю въ ересь, высказывая тутъ подобное сужденіе, но нахожу его вполнѣ справедливымъ. Мысль моя вотъ какая: на свѣтѣ много женщинъ неумныхъ и недобрыхъ, но зато красивыхъ и здоровыхъ. Это сабинянки, которыя, навѣрное, будутъ похищены. Однако, изъ этого факта похищенія вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы каждая сабинянка, благодаря этому, становилась сокровищницей премудрости. Обязанность (но тогда ужъ, разумѣется, и право) воспитыванія и совершенствованія поколѣній, если важно, чтобы поколѣнія, дѣйстви-

тельно, совершенствовались,—должна быть отнята у неумныхъ и недобрыхъ сабинянокъ и отдана некрасивымъ паннамъ Л.

28-го ноября. Сегодня, въ силу моихъ новыхъ принциповъ, я произвела подсчетъ моимъ доходамъ и расходамъ. Это матеріалистическое пониманіе жизни за послѣдніе три мѣсяца и еще болѣе матеріалистическія усилія предвидѣть будущее обнаружили, что я издерживаю почти вдвое больше, чѣмъ зарабатываю. Правда, я купила бѣлья для В. и послала Г. на два мѣсяца, а самое главное, уплатила стараго долга тетки Людвики 40 рублей Шепсѣ Боженцкому, но зато я набрала въ долгъ у одной Маруси 100 руб. слишкомъ. Я была поражена такою моей расточительностью, вѣрнѣе, бѣдностью, и рѣшила ограничить расходы до минимума. Начала я съ того, что вмѣстѣ съ Марусей купила себѣ билетъ въ театръ. Ставили «Мнимаго больного» Мольера. Мы обѣ съ М. пришли къ одному заключенію... И въ книгахъ, и въ жизни очень часто повторяется изреченіе: «все уже было». И вотъ, въ виду того, что все уже было, разные господа и дамы позволяютъ себѣ такія вещи, которыя, въ дѣйствительности, возможны были только въ прошломъ. Глядя на пьесу Мольера, тутъ только именно видишь, какъ человѣчество ушло впередъ и не только въ области медицины, но, главнымъ образомъ, въ области этики. Такую дичь, какую мы тутъ видимъ на сценѣ, можно еще и теперь, пожалуй, встрѣтить гдѣ-нибудь въ провинціи, но, безъ сомнѣнія, все это относится къ той эпохѣ, которую описываетъ намъ Мольеръ.

Еще одно маленькое и уже исключительно личное замѣчаніе. Я какъ будто удручена смертью панны Л. и другими обстоятельствами, а между тѣмъ я въ состояніи хохотать до упаду отъ малѣйшей шутки. Я всегда держалась того лестнаго о себѣ мнѣнія, что я особа легкомысленная. Теперь сіе мое достоинство, кажется, еще болѣе усилилось. Нѣтъ во мнѣ ничего постояннаго, неизмѣннаго. Я способна самымъ непринужденнымъ образомъ не только повеселиться въ театрѣ, но даже пошалить со всякой дѣвчуркой на урокѣ, не смотря на то, что у меня будто имѣются свои заботы и печали. Ну, и какъ же послѣ этого вѣрить въ себя, разъ въ тебѣ сидитъ какой-то бѣсенокъ, котораго не схватишь за горло. Это, очевидно, сила нашей земной оболочки, животная сила, для которой смѣхъ такъ же необходимъ, какъ, напримѣръ, для растеній колебаніе ихъ вѣтромъ. Слѣдовало бы умерщвлять это обиталище души.

30-го ноября. Его зовутъ: докторъ Юдымъ.

1-го декабря. Я нисколько не суевѣрна, не вѣрю ни въ какія примѣты, но все же, если иногда что-нибудь такое случится, у меня дѣлается какъ-то не хорошо на душѣ. Особенно теперь, послѣ сегодняшней ночи. Мнѣ все чудится, что вотъ-вотъ меня обидятъ какіе-то жестокіе, властные люди. Я уснула поздно, усталая и печальная. И сни-

лось мнѣ, что я въ какой-то большой, темной залѣ, какъ будто въ судѣ, въ Цюрихѣ, гдѣ я никогда въ жизни не была. Ввели меня туда какіе-то люди въ темныхъ, скромныхъ мундирахъ. Особенно одинъ... Откуда такое лицо?.. Оно еще и теперь стоитъ передъ моими глазами. Люди эти объявили мнѣ, что Генрихъ обвиняется въ убійствѣ. Ужасъ объялъ меня, такой ужасъ, какого я еще никогда въ жизни не испытывала. И въ то же время во мнѣ вдругъ возникло твердое, сознательное рѣшеніе: я этого не допущу, не допущу! Я стояла у окна, черезъ которое въ мрачную комнату лились золотые, яркіе лучи солнца. Въ дали виднѣлось темносинее, волнующееся озеро и бѣлыя горы. Въ эту минуту чей-то голосъ произнесъ: ввести подсудимаго!

Генрихъ вошелъ въ залу. На блѣдномъ, худомъ лицѣ его была улыбка, но, Боже, что за улыбка! Она, какъ ножомъ, рѣзнула меня по сердцу. Я хотѣла было подойти къ нему, но въ это время вошелъ какой-то просто одѣтый человѣкъ съ стальными ножницами въ рукахъ! Генрихъ сѣлъ на стулъ, и улыбка на лицѣ его стала еще, еще... подлѣе. Цирюльникъ стригъ волосы, прекрасные свѣтлые волосы дорогого моего брата. Пряди ихъ одна за другою скатывались по его черному костюму и падали на грязную землю. Кто-то взялъ тогда меня за руку... Но кто-жъ это былъ... О, Боже!

Я хотѣла сказать, крикнуть, но ни одинъ звукъ не вырывался изъ моего горла. Даже рыданія застывали въ груди. Въ эту минуту Гэнъ окликнула меня.

Я проснулась и сѣла. Какое-то страшное чувство давило меня. Я не могу этого выразить... Это сонное, гнетущее страданіе во стократъ мучительнѣе испытаннаго когда-либо на яву, это тайное и вмѣстѣ съ тѣмъ сознательное предчувствіе... Быть можетъ,—ахъ, навѣрное, это предвѣщаніе какихъ-то невѣдомыхъ, грозящихъ мнѣ въ будущемъ, страданій, но такихъ глубокихъ, что одна мысль о нихъ наполняетъ душу невыносимой тяжестью... Я не могла пошевельнуть ни рукой, ни ногой. Мало-по-малу тяжелый кошмаръ оставлялъ меня, и въ душу, какъ святой солнечный лучъ, вливалась тихая радость, радость, что это былъ лишь сонъ. Кого бы и кто могъ такъ любить на свѣтѣ, какъ я въ эту ночь моего брата? Кажется, больше всего люди любятъ своихъ родныхъ. Я не люблю этихъ моихъ родственныхъ чувствъ и не цѣню ихъ, а между тѣмъ ничто не имѣетъ надо мною такой могучей, такой непонятной власти, какъ они. Что это такое?

Слѣдуетъ ли такъ горячо любить людей, которые, быть можетъ, этого и не стоятъ?..

Вѣдь на свѣтѣ столько явленій, столько людей, столько дѣлъ... Что это я написала?..

2-го декабря. У Гени—корь, а у меня—свободный часокъ. Пришла домой и сижу у себя въ комнатѣ одна. Боже, какая тоска... Сѣроватая мгла залила провалившійся дворъ. Всего только четыре часа, еще

день, а дальнія крыши, всегда рисующіяся на моемъ горизонтѣ, совсѣмъ ужъ не видны. Только ближайшія трубы, какъ кирпичныя, квадратныя, такъ и узкія, круглыя изъ жести, отражаются въ мокрыхъ, скользкихъ плоскостяхъ крышъ, точно столбы и шесты въ стоячей водѣ. Всегда сѣрыя и желтоватыя стѣны выглядятъ теперь какими-то посинѣлыми, иззябшими. Окна совсѣмъ почти исчезли или маячатъ кой-гдѣ, словно провалившіяся орбиты глазъ на смертельно-больномъ лицѣ. Асфальтовый тротуарчикъ на днѣ двора лоснится отъ жидкой грязи. Гдѣ-то близко за окномъ слышится какой-то однообразный шелестъ. Я нагибаюсь, напрягаю зрѣніе и сквозь запотѣвшія стекла, точно сквозь паутину, что-то смутно вижу во мглѣ: куча желтой глины, а въ ней что-то шевелится, копошится.

Картузъ съ козыркомъ, плотно нахлобученный на безцвѣтную голову какъ чепецъ, грязная куртка съ передникомъ, спускающимся отъ пояса, сапоги, руки, лопата. Это мальчикъ-печникъ «выдѣлываетъ» глину. Онъ то и дѣло доливаетъ воды въ жидкую массу и перебрасываетъ это клейкое болото. Движенія его, какъ у лягушки, быстрыя, прерывистыя. Ноги его топчутся по желтому, грязному илу, быстро отрываются и глубоко погружаются, отрываются и глубоко погружаются... Комья глины липнутъ къ промокшимъ сапогамъ.

Хозяйка приказала сегодня натопить въ моей комнаткѣ, въ ней такъ тепло и уютно, но сквозь оконныя щели проникаетъ дыханіе осени. Все густѣющая мгла уже не падаетъ, но такъ и валитъ отовсюду, льнетъ къ стѣнамъ, ползетъ, разстилается, корчится и грязными клубами плаваетъ въ пространствѣ.

Мгла-ли это? Душу томитъ невѣдомый страхъ. Мнѣ чудится, будто это призракъ какой-то, принявъ на себя форму мглы, бродитъ по землѣ, по домамъ, заглядываетъ въ окна и силится разсмотрѣть оробѣлыя души.

Это смерть.

Въ воротахъ мелькаетъ какая-то фигура, какая-то глыба человѣческой формы. Зажгли первый фонарь, и желтый свѣтъ его расползается въ рыжеватомъ сумракѣ, тянется къ глиняной кучѣ и преломляется на фигурѣ маленькаго печника.

Я тоже спѣшу поскорѣй зажечь свѣчу и пробую читать. Напрасно. Шлепаніе лопаты и лязгъ жестяного ведра отдаются во мнѣ, словно эхо въ каменной впадинѣ. Слышу каждый шагъ этого ребенка, вижу каждое движеніе въ мокрыхъ лохмотьяхъ. Мнѣ кажется, будто давно, давно я уже видала такой день, даже переживала эти самыя чувства. Такъ думаю я, глядя въ унылое, мрачное, точно заплаканное, пространство, и сама не замѣчаю, какъ мысли мои переливаются въ гармоническія слова, въ великіе звуки, и говорятъ они вотъ что:

Не будите ихъ, покуда не разсѣетъ
Мрака ночи яркій свѣтъ дневной,

Не будите ихъ, пока дыханье вѣетъ
Осени туманной и больной,
Все, что добыто и потомъ, и трудами,
Ужъ поглощено конторами, дѣльцами...
Не будите ихъ, ни пѣсней, ни молитвой..

Откуда я знаю эти слова? Чьи это слова?

И вотъ тамъ, въ мглистомъ пространствѣ, мелькаетъ и исчезаетъ маленькая, оборванная, сгорбившаяся фигурка моего стараго, моего любимаго учителя Маріана Богуша. Рветъ ее вѣтеръ во всѣ стороны, окружаетъ отовсюду пронырливый холодъ, послѣдній посланецъ земли, прибѣжища убійцъ. Мысли мои несутся за нимъ по глухому бездорожью, по мѣстамъ, пустыннымъ, опустошеннымъ, гдѣ смерть терпѣливо поджидаетъ несчастныхъ людей; я ищу его и выслѣживаю по берегамъ рѣкъ, въ волнахъ и глубинахъ воднаго ила, среди высохшаго тростника, въ омутахъ и ярахъ водяныхъ. Ищу ту долину смерти, въ которой навѣки уснуло это сердце столь нѣжное, сердце невиданнаго и неслыханнаго размѣра, сгорѣвшее отъ вѣчныхъ желаній?

Страдальческая тѣнь...

И вотъ изъ мрака, объявшаго міръ, въ слезахъ, что заливаютъ мнѣ глаза, встаетъ обликъ. Полуослѣпшіе глаза всматриваются въ меня, смѣлые, безумные глаза мудреца. Струи слезъ плывутъ изъ нихъ, катятся по впалымъ щекамъ и прорѣзываютъ на лицѣ длинныя, кровавыя борозды.

Вѣчная память...

4-го декабря. Вчера, послѣ довольно долгаго отсутствія, я, наконецъ, посѣтила панну Елену. У нея теперь уже не прежній *five o'clock*, а просто вечерніе собранія. Къ милѣйшей паннѣ Еленѣ я питаю глубокую признательность еще съ тѣхъ временъ, когда меня здѣсь еще ровно никто не зналъ. Она помогла мнѣ получить не одинъ урокъ и сдѣлала она это (чего, разумѣется, забывать нельзя) безъ всякихъ корыстныхъ разсчетовъ. Понятно, на этихъ пріемахъ, я не чувствую себя въ своей тарелкѣ. Быть можетъ, потому, что въ вѣчной бѣготнѣ по урокамъ, я какъ-то отвыкла отъ салоновъ, а можетъ быть, и потому, что тамъ собирается слишкомъ избранное общество литераторовъ, художниковъ etc.

Главный контингентъ составляютъ молодые «безсмертные» текущаго сезона. Надо признаться, не люблю ни модныхъ сезонныхъ книжекъ, ни людей этого покроя.

Вчера, подымаясь по лѣстницѣ въ квартиру панны Елены, я буквально испытывала робость. Въ ту минуту, когда я уже собиралась войти въ залу, гдѣ собралось порядочное количество гостей,—*notabene* мужчинъ, — я почувствовала, какъ я не подготовлена къ этому. Столько забыто мелочей, служащихъ для того, чтобъ хорошо выгля-

дѣть. Ну, а вѣдь отъ этого всегда какъ-то не по себѣ... Отсюда слѣдуетъ заключить, что общество мужчинъ для насъ весьма привлекательно. Я, признаюсь откровенно, очень люблю его, но обязательно общество мужчинъ умныхъ, хорошо-воспитанныхъ и притомъ не педантовъ, которые относились бы пренебрежительно къ моимъ словамъ и мыслямъ. Всѣ мужчины интересуются барышнями, и было бы неправдой отрицать, что вызывать интересъ къ себѣ пріятно, ахъ, еще и какъ пріятно! И всегда, когда я вхожу куда-нибудь съ цѣлью (разумѣется, безсознательной) вызвать этотъ самый интересъ къ своей особѣ, я нахожу въ своей внѣшности столько недостатковъ и пробѣловъ, что рѣшительно готова обратиться въ позорное бѣгство.

Салонъ панны Елены таковъ же, какъ и былъ: прелестныя, большія пальмы, софы и кресла въ китайско-японскомъ стилѣ. Какъ и прежде, царитъ полумракъ. На софахъ уже торчали разныя «величины». Все это — наши «знаменитости». Мое появленіе не было замѣчено и не нарушило оживленнаго разговора. Опять этотъ несчастный женскій вопросъ. Разбиралъ его (главнымъ образомъ, при помощи побѣдоносныхъ афоризмовъ) поэтъ Б. Для него вопросъ этотъ вовсе «не существуетъ». Кто запрещаетъ женщинѣ дѣлать, что ей только заблагоразсудится? Хочетъ учиться — она и учится, хочетъ быть дѣятельной, какъ мужчина,—можетъ и это... Съ своей стороны, поэтъ Б. «осмѣливался утверждать», что женщина должна пользоваться присущими ей правами, но преимущественно, въ области... этики. Совершенствовать свою душу, дѣлать ее неуловимой, недосягаемой для грубой, тяжелой силы мужчины—вотъ ея задача. Что изъ того, что женщина будетъ адвокатомъ, докторомъ медицины или профессоромъ математики, когда отъ этихъ занятій (для нея именно только *занятій*) ее оторветъ тоска по чемъ-то недостижимомъ... (Софья Ковалевская). По его мнѣнію, женщины, стремящіяся къ такъ называемой эмансипаціи, лишаютъ себя одной изъ своихъ фактическихъ силъ—обаянія женственности, когда онѣ хотятъ уничтожить въ себѣ прелестное невѣдѣніе многаго, что дѣется на бѣломъ свѣтѣ. Поэтъ Б. видитъ что-то грубое въ томъ, если женщинѣ не о чемъ болѣе спрашивать мужчину. Въ заключеніе онъ задалъ бабью, дѣйствительно, трудный вопросъ: можно ли утверждать навѣрное, что женщины, достигнувъ абсолютной свободы, не злоупотребятъ ею точно такъ же, какъ теперь это дѣлаютъ мужчины? Вѣдь есть масса нехорошихъ женщинъ и даже, какъ подтверждаетъ психіатрія, элементовъ зла обнаруживается гораздо больше въ поведеніи сумасшедшихъ женщинъ. Поэтъ соглашался, когда его прижали къ стѣнѣ, съ тѣмъ, что это является именно результатомъ настоящаго положенія вещей, но все же «не вѣрилъ», чтобы на перемѣну подобныхъ условій можно было повліять мѣрами, которыя предпримутъ женщины.

Изъ моего уголка подъ пальмой я осмѣлилась (разумѣется, слабымъ,

какимъ-то не своимъ, дрожащимъ голосомъ, что да будетъ отнесено мнѣ на счетъ вполнѣ понятнаго трепета, въ присутствіи столькихъ лириковъ, драматурговъ, беллетристовъ и «эстетовъ») неумѣло произнести нѣсколько возраженій. Ухватившись за послѣднее сомнѣніе поэта, я сказала, что съ нимъ никоимъ образомъ нельзя согласиться, если мы вѣримъ въ силу благотворнаго вліянія культуры на душу человѣка. Дѣвушка, окончившая университетъ, можетъ быть такою же нехорошей, какъ простая крестьянка, но нравственность первой, уже по самой силѣ вещей, будетъ выше нравственности крестьянки, отъ чего окружающая среда безусловно будетъ въ выигрышѣ. По мѣрѣ возростанія высшей культуры, стушевываются различія, вызванныя болѣе низкимъ уровнемъ женскаго ума и недостаточной работой надъ его развитіемъ. Если въ душѣ женщины есть пустота, которая могла бы быть заполнена стремленіемъ къ чему-нибудь хорошему, свѣтлому, то въ этой пустотѣ, по естественному порядку вещей, растутъ плоды злости, глупости, сквернаго, неправильнаго воспитанія. Потому-то мы находимъ въ больницахъ такую роковую для женщинъ статистику...

Что касается того, что эмансипированная женщина, которой не о чемъ спросить мужчину, представляетъ собою явленіе грубое, то я заявила, что такой женщины въ настоящее время вовсе еще и нѣтъ. Вполнѣ равной быть мужчинѣ она не можетъ, хотя бы просто по причинѣ меньшаго запаса физическихъ силъ (еслибъ даже на пути ея не было никакихъ препятствій и... ловушекъ). Если, значитъ, «невѣдѣніе» не только «не представляетъ грѣха», но еще даже придаетъ «обаяніе», то, несмотря ни на какія усилія, женщина еще долго будетъ «обаятельно» глупѣе мужчины. Да и вообще, въ настоящее время, забота вовсе не въ томъ, чтобы стать равной во всемъ мужчинѣ, но въ томъ, чтобы все меньше и меньше отставать во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ психіатрическихъ больницахъ. Въ заключеніе, я осмѣлилась запустить маленькую шпильку, какъ бы въ доказательство того, что гувернантки, въ самомъ дѣлѣ, хуже поэтовъ мужского пола. Я замѣтила, что, пожалуй, очень «обаятельно» нуждаться въ опекѣ, но зато лишь тогда, когда ея лишишься, когда нѣтъ ея для тебя на всемъ бѣломъ свѣтѣ,—тогда лишь чувствуешь, что нѣтъ въ этомъ ни малѣйшей прелести.

Такъ разглагольствовала я среди этого собранія.

Возвращаясь къ себѣ домой, я еще передумывала все это и испытывала нѣкоторое безпокойство. И даже не нѣкоторое, но сильное безпокойство! Не злоупотребятъ ли освобожденныя женщины своею свободой, такъ же, какъ сдѣлали мужчины? Настоящее положеніе прекраснаго пола, несомнѣнно, является слѣдствіемъ его моральнаго состоянія. Если бы задача была только въ какой-то борьбѣ и въ самомъ стремленіи къ побѣдѣ, тогда достаточно было бы только заявить: разъ мужчины имѣютъ право быть свободными и дѣлать все, что имъ за-

хочется, то точно такимъ же правомъ должны пользоваться и женщины. Но вѣдь тутъ дѣло, главнымъ образомъ, не въ борьбѣ, а въ благѣ общества. Впрочемъ, когда я задумываюсь о такихъ вещахъ, меня всегда дрожь такъ и пронимаетъ—отчего? Это, очевидно, сила предразсудка, унаслѣдованнаго отъ цѣлаго ряда прабабокъ. Я жизни не знаю. Мнѣ случалось иногда въ книжкахъ вычитать такія вещи, отъ которыхъ волосы встаютъ дыбомъ и морозъ по кожѣ подираетъ (Гюи де-Мопассанъ, Овидій). На улицахъ я часто наталкиваюсь на такія зрѣлища, которыя меня не только поражаютъ, но прямо въ тупикъ ставятъ. Между тѣмъ, сотни людей проходятъ мимо того же съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, точно мимо фонаря или вывѣски. На свѣтѣ происходитъ столько какихъ-то невѣдомыхъ мнѣ злодѣяній, столько позорныхъ, ужасныхъ преступленій, въ которыхъ принимаютъ участіе и женщины. Кто же научилъ ихъ такимъ чудовищнымъ вещамъ? А если онѣ сами непосредственно оказываются способными на все это? И вотъ почему я боюсь предположенія поэта Б., что женщины могли бы злоупотребить свободой.

Такъ неужели же послѣ этого придти къ тому, что нужно опустить руки? О, никогда! Кто бы ни былъ виновникомъ ужасныхъ грѣховъ человѣчества, надо вырваться изъ грязи! И на это великое дѣло мужчины и женщины должны идти рука объ руку.

5-го декабря. Вчера я упомянула объ Овидіи. Не знаю почему, мнѣ пришла охота прочитать его еще разъ.

У Гэпъ, среди кучи ея романовъ, есть двѣ прелестныя старыя книжечки, еще въ прошломъ вѣкѣ изданныя въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: «Les oeuvres amoureuses d'Ovide».

Во второмъ томикѣ есть его остроумныя, полныя замѣчательной красоты и... безнравственности «Elegies amoureuses»; одна изъ нихъ мнѣ особенно нравится, она начинается словами: *L'oiseau le plus charmant qu'on pût voir dans le monde, mon fameux perroquet...*

Въ моемъ неуклюжемъ переводѣ это выходитъ такъ: «Попугай, нашъ говорливый гость изъ Индіи — умеръ! Собирайтесь, благочестивыя птицы, на похороны. Печальною толпой идите за тѣломъ его, ударяйте себя крыльями въ грудь. Терзайте себя когтями своими, рвите, за неимѣніемъ волосъ, перышки на головкахъ. Пусть, вмѣсто погребальной трубы, раздадутся ваши прелестныя пѣсни. Забудь, Филомела, о преступномъ дѣяніи Терея, отрѣзавшаго тебѣ языкъ. Долгіе годы должны были утишить твою печаль. Судьба Итиса—фазана, несомнѣнно, очень печальна, но вѣдь это было такъ давно. Плачьте, всѣ пернатыя творенія, что крылами своими разсѣкаете прозрачный воздухъ, но больше всѣхъ плачь, безутѣшно плачь и горюй ты, индійская горлица, подружка покойника. Да, о, попугай! Чѣмъ Пиладъ былъ для Ореста, тѣмъ была для тебя горлица. Но на что тебѣ вѣрность и красивый цвѣтъ твоихъ крыльевъ? Что изъ того, что ты такъ

скоро понравился прелестной женщинѣ, которой я подарилъ тебя въ въ знакъ любви»...

Чѣмъ-то вольнымъ вѣетъ отъ этого, тутъ рисуется одна лишь праздная, созерцательная, но ровная и ясная жизнь. Овидій самъ жалуется на себя, что онъ «поэтъ своего собственнаго легкомыслія». Изъ другихъ его произведеній видно, что ему знакомы минуты ужасныхъ страданій, но онъ убѣгаетъ отъ нихъ къ своимъ прекраснымъ, пустымъ, развращеннымъ женщинамъ, съ чудными глазами и волосами цвѣта «кедра съ влажныхъ долинъ покатой Иды». На лирѣ своей онъ любитъ одну струну, которая звучитъ въ теченіе столькихъ вѣковъ и для столькихъ поколѣній... Въ этомъ есть своя чарующая и странная прелесть... Рядомъ съ чудесными изліяніями глубокой печали, изображенной съ такою силой, что, кажется, сама ее переживаешь, встрѣчаются непонятныя, ужасныя въ своемъ нечеловѣческомъ цинизмѣ, страницы, какъ, напр., чудовищная тридцать восьмая элегія. Духъ захватываетъ въ груди, когда читаешь это. И, между тѣмъ, и въ этомъ безобразіи есть столько дивной поэзіи! Съ этихъ старыхъ страницъ вѣетъ какъ бы ароматомъ сильныхъ благоуханій или тысячу лѣтъ тому назадъ сорванныхъ розъ, что вѣнчали чело поэта...

7-го декабря. Усталость, усталость... Ужъ поздній вечеръ. Снѣгъ съ дождемъ пополамъ плачетъ за окнами, стонетъ въ трубахъ, какъ жалоба нищаго, и сверкаетъ, какъ стекло, на камняхъ мощенаго двора, освѣщенныхъ мерцающимъ свѣтомъ фонаря. Глаза невольно приковываются къ блестящимъ лужицамъ, вздрагивающимъ при паденіи дождевыхъ капель.

По секрету должна признаться, что за послѣднее время я стала еще болѣе непостоянной, чѣмъ прежде. Вѣроятно, это какое-нибудь нервное раздраженіе. «Нервы», въ силу которыхъ я когда-то вѣрила такъ крѣпко, какъ въ силу ременныхъ гужей, везущихъ бричку, когда, бывало, съѣзжаешь съ горы къ Глогамъ..

Теперь, чуть только какое-нибудь волненіе — сейчасъ сердцебіеніе, послѣ усиленной работы—головная боль, усталость, автоматичность. Такъ скверно сплю! Послѣ безсонной ночи у меня всегда неровное біеніе сердца, глаза точно пескомъ засыпаны, въ ушахъ шумъ, горло болитъ, а въ душѣ это отвратительное безпокойство. Будь у меня въ этотъ день совсѣмъ чистая совѣсть, употребляй я всѣ усилія, чтобы ничѣмъ не запятнать себя — не могу чувствовать себя ни спокойной, ни веселой. На уроки бѣгу, какъ автоматъ, занимаюсь съ дѣтьми, какъ идіотка. Когда я, напримѣръ, объясняю Анютѣ ариѳметическую задачу, первыя слова каждой мысли я еще понимаю ясно, но дальше говорю, какъ заведенная шарманка. Только произнеся предложеніе, я *слышу* въ головѣ его смыслъ, точно чьи-то чужія слова, которыя прежде мнѣ мѣшали хорошенько понять разговоръ съ кѣмъ-то постороннимъ. Истощилась у меня нервная сила. Бѣдные, натруженные, отупѣлые нервы

работаютъ безъ отдыха. Всякій пустякъ раздражаетъ, плакать хочется, иной разъ выпадаетъ случай развлечься, а у тебя и къ этому нѣтъ охоты. Но хуже всего возвращеніе съ уроковъ. Отяжелѣвшія, точно опухшія, ноги еле движутся. Промокшіе, какъ, напр., сегодня, ботинки мучатъ и раздражаютъ, забрызганная грязью юбка совсѣмъ похожа не на платье, а на какую-то тряпку. Ахъ, эти несчастныя, длинныя юбки! Я согласна, онѣ очень пріятны, милы и красивы, но развѣ для тѣхъ барынь, которыя никогда не ходятъ по грязнымъ улицамъ, а ѣздятъ въ каретахъ. Для насъ же, постоянно шныряющихъ по грязи, эти юбки — сущая пытка. Поднять юбку выше — некрасиво (да и невозможно, сейчасъ десятокъ мужчинъ станетъ всматриваться), ухаживать за ней, держать въ рукахъ — руки прямо коченѣютъ, или же оставить ее на произволъ и таскать на себѣ кучу грязи. Въ одной рукѣ у меня зонтикъ, книжки, тетради, другой я вѣчно должна держать мой хвостъ и въ такомъ видѣ бѣгать по тротуарамъ. Скромность позволяетъ намъ декольтироваться, обнажать плечи и грудь, и въ то же время воспрещаетъ показывать свѣту ногу выше ладыжки въ толстомъ чулкѣ и высокомъ ботинкѣ. Интересно, право, если мода вдругъ предпишетъ намъ прицѣпить себѣ хвостъ кенгуру, станемъ ли мы слѣдовать въ этомъ случаѣ ея предписаніямъ съ такимъ же піететомъ, какъ теперь, когда тащимъ хвосты платьевъ?

Сегодня, промокшая, запыхавшаяся, какъ почтовая лошадь, взбѣгая на третій этажъ къ Липецкимъ, посрединѣ крутой каменной лѣстницы я вдругъ услыхала звуки музыки. Гдѣ-то, за третьими дверями кто-то очень хорошо игралъ на роялѣ. Я остановилась на минутку, чтобы только послушать, что играютъ, а потомъ мнѣ было все равно. Гармоничные звуки стали волнами окружать меня, слышался какъ бы горестный вопросъ чей-то; они стали всматриваться въ меня, какъ бы огромные, полные слезъ голубые глаза. Они жалѣли меня, какъ бы добрые, любимые братья, они узрѣли во мнѣ нѣчто достойное жалости, какую-то, должно быть, нежелательную перемѣну, потому что рыдали отъ горя.

Но вдругъ они стали улыбаться въ моемъ сердцѣ, — звать меня ласковыми именами, и такими дивными, неземными, какихъ никогда не слыхать мнѣ на свѣтѣ. Всю меня обвѣяло дыханіемъ весны, и вспомнилась мнѣ одна весна, давно, давно проведенная въ Глогахъ, когда еще жили мать и отецъ. Я видѣла закрытыми глазами тропинку къ источнику подъ большой грушей, вокругъ лютики у ручья, длинные ряды калины, ежевики и дикаго хмелю. Видѣла воду, сверкающую за шлюзомъ, зеленые прутья камыша. Серебристыя плотички грѣлись на солнышкѣ подъ самой поверхностью и окуни съ темными полосами высовывали изъ холодной глубины свои острыя спины. Вырѣзанная изъ дерева фигура св. Яна стояла на плотинѣ надъ прудомъ, и черныя ольхи съ кривыми стволами...

Не могу описать...

9-го декабря. Когда долгіе годы мыкаешься такъ по бѣлу свѣту, непрерывно встрѣчая все новыхъ и новыхъ людей, пріобрѣтаешь удивительное умѣніе распознавать ихъ. Это не то, что способность постигать характеры, это, такъ сказать, умѣнье судить съ перваго взгляда. Мнѣ удается гораздо лучше и съ большей вѣрностью, при знакомствѣ съ кѣмъ-нибудь, сразу «почуять», что это за человѣкъ, чѣмъ если бы я принялась долго, систематически изучать его, сознательно наблюдать (хотя опять-таки своимъ чередомъ, я и этого не прерываю). Порой меня можетъ еще ввести въ заблужденіе свѣтскій лоскъ, напускная любезность, поддѣлываемая часто съ такимъ искусствомъ, но моя ошибка продолжается очень недолго, такъ какъ внутреннее непріятное чувство сейчасъ меня предостерегаетъ. Тогда я терпѣливо жду, и голубушка жизнь, въ концѣ концовъ, всегда приноситъ подтвержденіе того, что мнѣ подшепнулъ инстинктъ. Сколько ужъ разъ такъ было!

Кромѣ этого «чутья», у меня имѣются въ запасѣ еще нѣкоторыя средства угадать правду: я не удовлетворяю любопытства и не отвѣчаю на колкости. Я просто не «соизволяю» чувствовать извѣстныхъ словъ, улыбокъ, намековъ.

Благородные обыватели вскорѣ приходятъ къ заключенію, что я просто колода какая-то, особенно тупое существо, которое не въ состояніи вовсе чувствовать уколовъ. Тогда-то я и вывожу ихъ на чистую воду...

Были ли у меня когда-либо склонности къ подобнаго рода изслѣдованіямъ? Кажется, нѣтъ. Жизнь всему научитъ.

И нѣтъ въ этомъ моего прежняго, такого наивнаго смиренія—охъ, ни чуточки! Скорѣй всего, это какое-то нехорошее высокомѣріе. Часто думаю, что я все больше удаляюсь сердцемъ отъ людей. Ухожу куда-то далеко, въ міръ какихъ-то сонныхъ видѣній, героическихъ, чистыхъ тѣней. Съ ними мнѣ хорошо...

Свѣтъ, окружающій насъ, — полуинтеллигентный, полуварварскій, а главное — лицемѣрный... Хитрость служитъ въ немъ злоязычію, а злоязычіе практикуется ради себя самого. Вѣчно эти старанія унизить другого, очернить и тѣмъ усиленнѣе, чѣмъ труднѣе сдѣлать это. И съ какимъ мастерствомъ занимаются преимущественно этимъ искусствомъ наши женщины, эти ангелы-хранители семейнаго очага!

Всѣ мы такъ зарекомендовали себя въ этомъ искусствѣ молоть языкомъ во вредъ ближнимъ, что когда мужчина впервые знакомится съ кѣмъ-нибудь изъ насъ — навѣрное сейчасъ ставитъ себѣ вопросъ: посмотримъ, что это за экземпляръ животнаго? Въ этой пустой жизни всевластно царитъ лицемѣріе.

Ложь у насъ не только не искореняется, но даже не возбуждаетъ инстинктивнаго отвращенія. Всякое зло терпится съ глубочайшимъ объективизмомъ, а въ настоятельныхъ случаяхъ вещамъ, при помощи

софизмовъ, придается искаженный видъ, а то такъ просто притворяются, что не понимаютъ самыхъ обыденныхъ фактовъ. Въ такой-то атмосферѣ суждено распускаться цвѣтку домашняго воспитанія невинныхъ дѣтей. Если бы даже въ насъ было врожденное чувство пристрастія ко лжи, то и тогда необходимо было бы искоренять его, въ виду того неисчислимаго вреда, который оно приноситъ. Но всѣ наши благія нравственныя стремленія побиваетъ постоянное сознаніе, что рядомъ съ нами живутъ люди, для которыхъ вовсе не существуетъ нравственныхъ потребностей, которые ничуть не страдаютъ при видѣ злоупотребленій. Нравственныя муки единичныхъ личностей начинаютъ казаться чѣмъ-то случайнымъ, ни для чего непригоднымъ, безъ всякой связи съ существующимъ ходомъ вещей, точно какая-то исключительная особенность, или уже устарѣлая, или преждевременная. А развѣ такія чувства могутъ быть одиноки? Да вѣдь заглохнутъ они, какъ сѣмена, упавшія въ терніе!

Сколько разъ я старалась создать въ душѣ той или другой ученицы очагъ любви къ правдѣ, раздуть тлѣющую искорку той чудной силы, которая даетъ человѣку столько счастья въ жизни! И сколько разъ я встрѣчала отпоръ, скрѣпленный ядомъ ироніи... Моя миссія порождала насмѣшку. Такой одинокой, покинутой чувствую я себя тогда! И сегодня опять тоже...

Маничка Липецкая—это одна изъ такъ называемыхъ «скороспѣлокъ». У нея, безспорно, очень хорошія способности, но разовьются онѣ, вѣроятно, очень односторонне. Выдумала она вотъ что. Когда приходитъ къ нимъ дѣдушка Іеронимъ, Маничка тихонько проситъ у него двугривенный на «картинки». Заходитъ ли дядя Зигмунтъ—и съ нимъ та же исторія; съ тетей Теклей—то же. Между тѣмъ, маленькая проказница и не думаетъ покупать себѣ картинокъ. Она собираетъ эти деньги и бросаетъ ихъ въ копилку. Когда я попыталась было противодѣйствовать такому развитію таланта къ накопленію денегъ въ восьмилѣтней дѣвочкѣ, матушка ея вытаращила глаза и горячо запротестовала. По ея разумѣнію, это самый лучшій признакъ смѣтливости и бережливости въ будущемъ.

Чувства наши не могутъ дремать, они непремѣнно должны найти себѣ выраженіе въ дѣйствіяхъ. Во мнѣ пробуждается глубокое отвращеніе ко всему, что въ мѣщанскомъ мірѣ считается нравственнымъ. Ярлыкъ, нацѣпленный на людей матадорами, для нихъ значитъ все. Каждый изъ нихъ задрожалъ бы при одной мысли, что можетъ получить плохой ярлыкъ. Да и я сама развѣ могу похвастаться, что меня ничуть не интересуетъ, что говоритъ г-жа Липецкая, m-me Блюмъ или другая «мать», занятая систематическимъ извращеніемъ души своего ребенка подъ предлогомъ воспитанія его? Нисколько! Со всѣмъ этимъ я считаюсь. И какъ еще! Только я-то васъ знаю, милыя барыньки! И если мнѣ больно и тяжело встрѣчать отпоръ со стороны вашихъ

дѣтей, то знайте, что не потому, чтобы, вы, какъ члены общества, были умны и добры.

10-го декабря. Письмо отъ Вацлава! Вотъ что онъ пишетъ:

«Дорога утомила меня и измучила, вдобавокъ ко всему у меня еще разболѣлся зубъ и въ теченіе девяти дней не давалъ мнѣ ни минутки покоя. Утомляетъ, собственно, не столько самая дорога, сколько эти ночлеги въ поварняхъ. Рѣшительно не знаешь тогда, что дѣлать съ своей особой. Выйти на долго нельзя: пятидесятиградусный морозъ—не шутка, читать трудно, а тутъ еще эти постоянныя остановки, томительное выжиданіе, боязнь, что вотъ-вотъ олени разбѣгутся и волей-неволей придется нѣсколько дней проторчать въ такой глуши—все это, вмѣстѣ взятое, заставляло насъ торопиться. Олени нѣсколько разъ разбѣгались, но намъ съ Ясемъ удавалось довольно скоро согнать ихъ въ кучу. За все время путешествія я не потерялъ ни одного дня. *Nulla dies sine linea.* Видишь, какъ хорошо знать латынь! Такая *linea* въ этихъ краяхъ означаетъ нѣсколько десятковъ верстъ. Олени всюду попадались хорошіе, дорога, за малыми исключеніями, сносная—и мчались мы съ быстротою десяти-двѣнадцати верстъ въ часъ. Но эти поварни—порой ужасъ что такое! Столько, кажется, читалъ о нихъ, столько наслышался, а между тѣмъ дѣйствительность превосходитъ всякое понятіе. Это огромныя, низкія лачуги безъ пола, безъ наръ, съ дымящей трубой, съ щелями въ стѣнахъ—словомъ, совершенно похожи на меня: со всевозможными недостатками, но зато безъ всякихъ достоинствъ. Съ перваго взгляда онѣ даже довольно поэтичны, особенно когда стѣны, покрытыя бѣлымъ инеемъ, ледяными сосульками, освѣтятся огнемъ и засверкаютъ, словно тысячей алмазовъ. Но эстетическое наслажденіе вскорѣ смѣняется разочарованіемъ, когда вся эта фантастичность начинаетъ капать тебѣ на носъ и на одежду. Я въ этихъ поварняхъ никогда не раздѣвался на ночь и даже, наоборотъ, одѣвался еще теплѣе, чего опять-таки нельзя назвать большимъ удовольствіемъ. Притомъ, пока горитъ огонь, такъ тутъ такое «горячо», какъ говорятъ твои литвинки, что не знаешь, куда дѣться, а въ то же время ноги и спина ужасно мерзнутъ. Иногда, вмѣсто поварни, намъ удавалось переночевать въ юртѣ, но и эти *chambres garnies* не безъ «но». Человѣкъ пятнадцать-шестнадцать мужского, женскаго и средняго рода тѣснятся въ маленькой юртѣ вмѣстѣ съ собаками, телятами и т. п. въ непосредственной съ ними близости. Прибавь еще къ этому запахъ гнилой рыбы и ты поймешь, какъ здѣсь легко дышется. Утромъ—опять въ дорогу. Выносливость оленей просто поразительна. Надо ихъ видѣть (хотя и не совѣтую...), когда, таща за собою тяжело нагруженныя нарты, они взбираются чуть не на отвѣсные обрывы или когда они мчатся по болотамъ тундръ, чуть-чуть покрытыхъ снѣгомъ. Вотъ такъ ѣзда по этимъ болотамъ! Нарты скачутъ, качаются по тундрѣ, точно лодка на водѣ во время вѣтра. Ночь

темная-темная, вокругъ ничего не видать, кромѣ необъятной бѣлой равнины. Ямщики крикомъ подгоняютъ животныхъ, чтобы ускорить бѣгъ. За тобою все слышится что-то въ родѣ пыхтѣнія локомотива, и то и дѣло, то справа, то слѣва появляется славная, рогатая морда оленя, покрытая инеемъ, пышущая паромъ, съ вывѣшеннымъ, какъ у собаки, языкомъ. Съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ, олени перестали пыхтѣть и замкнули рты. Во время ѣзды надо постоянно перегибаться то въ одну, то въ другую сторону для сохраненія равновѣсія, а то для возвращенія его, ударять ногою объ землю. Наконецъ, въѣзжаешь въ лѣсъ, прорѣзываешь возвышенности и съ бѣшеной быстротой слетаешь вновь въ долину. Олени мчатся, какъ стрѣла, и нарты скачутъ такъ, что духъ захватываетъ. Внизу переднія нарты замедляютъ ходъ, потомъ всѣ остальныя съ трескомъ ударяются одна о другую и разлетаются во всѣ стороны. Въ долинѣ опять тундры, опять качка, словно по бурнымъ волнамъ моря. При подобныхъ безпрерывныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, разумѣется, становится тепло, только ноги ужасно мерзнутъ, а при такой бѣшеной скачкѣ по тундрамъ, въ темнотѣ, и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь согрѣться. Наконецъ, гдѣ-то вдали цѣлый снопъ искръ. Это юрта! Мы радостно привѣтствуемъ ее, какъ моряки маякъ. Черезъ минуту мы наслаждаемся теплотой, ѣдимъ, пьемъ, какъ герои Гомера, а затѣмъ спать, спать, спать! Ну, и вотъ такъ-то изо дня въ день— въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ и двухъ дней. Мой аппаратъ, стекла, всѣ приборы я довезъ въ цѣлости, чему самъ удивляюсь чрезвычайно. Мнѣ еще изъ Якутска должны прислать клише, бумагу и вообще все нужное. Что-то тамъ у тебя слыхать, моя кроткая голубка, моя милая, дорогая сестренка».

15-го декабря. Съ нѣкоторыхъ поръ я жажду видѣть что-нибудь веселое, свѣтлое. Все ищу веселыхъ книжекъ. Мнѣ такъ пріятно было бы смотрѣть на чью-нибудь жизнь, полную счастья. Вокругъ себя я все вижу или жалкую, больную, сѣренькую жизнь, или непосильную борьбу съ различными препятствіями. На каждомъ шагу можно встрѣтить людей довольныхъ (собою), но веселыхъ, счастливыхъ не видать нигдѣ. Удовлетвореніе можетъ быть у всякаго, у кого потребности невелики, но счастья, полнаго счастья, такъ и дышущаго весельемъ, радостью, какъ будто нигдѣ и не бывало. А вѣдь человѣкъ созданъ для счастья! Со страданіями нужно бороться и искоренять ихъ, какъ тифъ и оспу.

25-го декабря. Вернулась отъ всенощной. Были мы всѣ, т.-е. панна Елена, Иза и мои пузыри. Морозно. Сыпучій снѣгъ искрится и хруститъ подъ ногами. Изъ моего окна вижу лишь крыши изъ серебра. Ряды заколдованныхъ замковъ встали въ бѣдномъ околодкѣ.

Свѣтитъ мѣсяцъ.

Телефонныя проволоки заиндевѣли. Онѣ бѣлы, какъ нити грубаго

хлопка, которыя гдѣ-то далеко сматываетъ въ клубокъ какая-то старая, престарая бабушка. Есть что-то чудесное въ этой свѣтлой ночи, въ этой чистой ночи. Неизъяснимая прелесть лежитъ на стѣнахъ, облитыхъ луннымъ свѣтомъ.

Въ эту тихую ночь на землѣ, кажется, прекратилась отъ усталости всякая борьба и желѣзный кулакъ насилія ослабѣлъ отъ печали.

Еслибъ въ эту минуту убійца захотѣлъ вонзить кинжалъ въ грудь своей жертвы—его рука онѣмѣла бы. Ибо теперь ангелы спускаются съ неба на землю и пріемлютъ въ свои чистыя души вздохи всѣхъ обиженныхъ.

Кто будетъ молиться теперь...

Въ ясляхъ, хуже младенца самаго бѣднаго батрака, лежитъ тотъ, о которомъ сказалъ Исаія, что «Онъ поразитъ землю жезломъ устъ своихъ». Быть можетъ, Царствіе Его уже наступило, быть можетъ, идетъ уже «лѣто Господне благопріятное». Да укрѣпится духъ страждущихъ ради блага многихъ, да отдохнутъ они, Господи...

26-го декабря. Праздники! Сплю, ничего не дѣлаю и хожу съ визитами. Натаскала себѣ цѣлую кучу книжекъ и съ завтрашняго дня серьезно примусь за чтеніе. Гэпъ уѣхала на цѣлую недѣлю.

Въ нашъ аппартаментъ, за неимѣніемъ другого мѣста, хозяева поставили свою елку, и ночью я наслаждаюсь пріятнымъ запахомъ хвои. Ахъ, въ такой зимній вечеръ, когда отъ мороза на крышахъ стрехи трещатъ, прокатиться бы въ санкахъ по лѣсу, засыпанному снѣгомъ, сверкающему, какъ алмазами, ледяными сосульками! Каково-то тамъ теперь?

Пусто въ полѣ. Ни шопота, ни шороха. Мѣсяцъ ходитъ надъ широкой равниной. Кой-гдѣ, среди снѣговъ, одиноко торчитъ обнаженная полевая груша и кидаетъ синеватую тѣнь...

7-го января. Вацлавъ умеръ.

Узнала это отъ той госпожи на прошлой недѣ . . . .

. . . .

23-го марта. Перебирая разный хламъ въ ящикѣ моего столика, я нашла этотъ дневникъ. Я открыла его, и взглядъ мой упалъ на слова, написанныя два мѣсяца тому назадъ. Мнѣ они вдругъ почему-то показались чѣмъ-то новымъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ—тотъ же холодъ, то же равнодушіе. Неужели въ этомъ для меня должно быть несчастіе? Гдѣ же оно? Я его не чувствую. Слова эти пусты, это лишь одна форма, оболочка того ужаснаго страданія, которое испытываютъ люди.

Давно, когда я была еще дома, покойный отецъ показывалъ мнѣ однажды въ Глогахъ пшеницу, попорченную головней. Шли мы рано утромъ мимо нивы подъ горою, около Каменнаго источника. Папаша срывалъ колосъ, вынималъ изъ него зерно и показывалъ мнѣ. Снаружи оно было совсѣмъ похоже на обыкновенное, хорошее зерно, но какъ только дотронешься до него пальцемъ, изъ середины этой золотистой

оболочки сыпался какой-то черный, мелкій порошокъ. Такъ и я... Нѣтъ во мнѣ чистаго зерна сестринскихъ чувствъ, только гнилой прахъ...

25-го марта. Я хотѣла бы здѣсь описать...

Начинаю чувствовать потребность излить свою душу, проанализировать себя. Чувствую себя такой убитой: ни чувствъ, ни мыслей, ни желаній!

Я похожа на купель Силоамскую, когда отъ нея отлеталъ ангелъ. Чувствую, какъ будто въ моей душѣ что-то оборвалось, перестало существовать, а то, что осталось, *мнѣ* уже ни къ чему. Это—трусость и равнодушіе. Ничего новаго въ жизни я съ этимъ не сдѣлаю. Есть еще добрые люди, которые цѣнятъ во мнѣ и эти жалкіе остатки, но сама я развѣ могу примириться съ мыслью—придавать еще какую-нибудь цѣну чему-то такому, что напоминаетъ жалкій лоскутъ, оставшійся отъ прежней одежды. Было время, когда я думала, что жизнь моя уже разбита окончательно. Теперь вижу, что это не такъ.

Разбито только мое личное счастье.

Хочу пробудить въ себѣ силу жизни, бичую себя воспоминаніями о паннѣ Л., принуждаю себя къ самому тяжелому труду. Но все это, все это...

Меня не покидаетъ какое-то странное ощущеніе, какъ будто мнѣ кто-то подсказываетъ, что̀ нужно дѣлать, учитъ меня, какъ нужно дѣлать, вкладываетъ въ это всю свою душу, а я все-таки, по мужицки какъ-то, не довѣряю ему. Часто забѣгаетъ ко мнѣ то одна, то другая знакомая и повѣряетъ свои огорченія. Меня это, правда, «занимаетъ», но въ моемъ отношеніи къ этому, я чувствую, есть что-то равнодушное и презрительное. Глядя на чужія слезы, я думаю, какъ счастливы тѣ, которыя только такія слезы проливаютъ.

Я молчу.

Знаю одно мудрое словечко, о которомъ Вацекъ не имѣлъ понятія. Слово это—*Hart sei!*

Онъ убилъ бы меня взглядомъ, скажи я ему, что жизнь надо любить больше всего.

26-го марта. Теперь часто совсѣмъ не могу отличить, что хорошо, что дурно. Кажется, я не дѣлаю ничего «дурного», а между тѣмъ не могу быть увѣрена, что въ подобномъ поведеніи есть что нибудь хорошее. Порою мнѣ кажется, что «хорошимъ» было бы именно что-то совершенно другое. Понимать я понимаю все такъ же, какъ и прежде, только нѣтъ во мнѣ ничего твердаго, увѣреннаго.

27-го марта. Что за цѣль въ страданіи?

Можно ли вѣрить, что такая мука является обычной, простой необходимостью? Для кого? Когда она длится долго, долго, непрерывно, она становится для нашего ума непостижимой загадкой, мучительной тайной, смыслъ которой, непонятный, великій и властный, какъ мистическая птица, кружитъ надъ головой.

Черный, зловѣщій воронъ несчастья.

29-го марта. Въ воображеніи моемъ долго стояла какая-то картина. Болотистыя тундры, чуть-чуть покрытыя снѣгомъ. Мнѣ такъ нехорошо...

2-го апрѣля. Сама не знаю, что со мной. Душу томитъ самое мучительное, наводящее безконечную грусть, чувство. Тоска... Грусть невыносимая, безъ причины, безъ цѣли, безъ мысли. Ахъ, нѣтъ, — въ головѣ гдѣ-то еще смутно мелькаетъ клочекъ мысли, жалкій, слабый клочекъ: въ немъ таится одно лишь сознаніе, что то, что вызываетъ мою грусть, есть самое важное, самое цѣнное, единственно еще чего-нибудь стоющее въ жизни. Странное дѣло: съ помощью этого крохотнаго атома, угадываешь настоящій смыслъ жизни, охватываешь такіе горизонты, такіе необъятные міры, о которыхъ и знать не знаетъ обыденный, здоровый умъ.

Тоска, тоска... Чувство самое неопредѣленное, состояніе, не поддающееся никакому облегченію, давящее грудь однообразной, ноющей болью.

А между тѣмъ, оно само по себѣ желательно, ибо возбуждаетъ тревожную жажду снова взглянуть на то же горе. Холодное равнодушіе, пережитое зимою, было нехорошее состояніе. Теперь тогдашнія мертвенно-холодныя ощущенія встаютъ въ моей памяти, словно какія-то желѣзныя острія, раздирающія душу.

Давно, лѣтъ восемь тому назадъ, шли мы, помню, однажды съ Генрихомъ черезъ нашу березовую рощу. У него въ карманѣ былъ револьверъ. И вотъ, вздумавъ вдругъ похвастаться предо мной, онъ вынулъ его, прицѣлился и выстрѣлилъ. Пуля попала въ молодую березку и пробила ее насквозь. Изъ этого мѣста брызнула струя соку и текла такъ долго, такъ долго... я не могла смотрѣть и убѣжала изъ рощи. Когда я уже была на краю ея и обернулась назадъ, еще видно было, какъ сочилась тонкая струйка по бѣлой корѣ. Лучи солнца отражались въ ней и искрились точно такъ же, какъ отражаются они и въ грязной лужѣ на дорогѣ, по которой бродятъ телята.

3-го апрѣля. Я и сама не знаю, чего хочу. Тоскую страшно, вѣрнѣе даже, чахну съ тоски. Хотѣлось бы уйти куда-нибудь, убѣжать... Я какъ тяжело больной, который самъ не знаетъ, что у него сильнѣе болитъ. Ему плохо, скверно, а пошевельнуться силъ нѣтъ. Да если бы онъ и могъ, то и перемѣна положенія можетъ вредно отразиться на немъ.

5-го апрѣля. Мнѣ кажется, еслибъ послушать хоть немного хорошей музыки, мнѣ, можетъ быть, немного легче бы стало, хотя несчастье мое не уменьшилось бы отъ этого. Слезы сильнѣе воли. Потому я и страдаю и ничего въ себѣ измѣнить не могу. Все остается по прежнему, тѣ же цѣли, тѣ же обязанности. Я отлично понимаю все это и остаюсь безъ силъ. На недостатокъ рѣшеній не могу пожаловаться... Ихъ у меня столько въ головѣ! Недостаетъ только одной маленькой, крохотной вещицы...

6-го апрѣля. Хожу на уроки, дѣлаю все, какъ слѣдуетъ — а сама смѣюсь надъ всѣмъ этимъ. Въ этомъ столько же смысла, что переливать изъ пустого въ порожнее. Ни къ чему у меня нѣтъ охоты. Я сама себя спрашиваю, чего же, наконецъ, могу желать, и постоянно, какъ-то даже безсознательно для себя самой, прихожу къ тому, что мнѣ хотѣлось бы только одного: не быть.

Эта мысль непосредственно вытекаетъ изъ всего моего настроенія, и слезы брызжутъ изъ глазъ, и въ нихъ это желаніе...

7-го апрѣля. Съ Антосей Л. я прохожу теперь... греческую литературу. Сама-то я знаю изъ нея всего лишь то, что слыхала отъ Вацка. Но все-таки въ тѣ времена я читала все, что онъ проходилъ, и даже порядкомъ набралась тогда самаго «греческаго духу». Теперь мы читаемъ съ Антосей трагедіи Эсхила, Софокла, Эврипида въ переводѣ З. Венцлевскаго и К. Кашевскаго.

Кто бы могъ подумать, что на этихъ страницахъ можно встрѣтить отраженіе своихъ страданій, что и въ тѣ далекія времена уже были сестры, которымъ нельзя было хоронить своихъ братьевъ...

Моя ученица читала однообразнымъ тономъ «Семеро противъ Ѳивъ» Эсхила. И вотъ что говоритъ тамъ Антигона:

Могучи узы крови, которая соединяетъ меня
По бѣдной матери и несчастномъ отцѣ.
Поэтому, сердце мое, терпѣливо сноси обиду, на которую
Онъ роптал, и посвяти жизнь умершему
Изъ сестриной любви! Тѣла его волки
Хищные не растерзаютъ. Этого не увидятъ.
Ибо могилу вырою собственными руками
И послѣднюю услугу, хотя я женщина, окажу ему сама.
Вынесу его въ полотняномъ широкомъ плащѣ
И сама похороню его. Никто меня не удержитъ!
Кто смѣлъ, всегда найдетъ дѣйствительный способъ...

Безумная дѣвушка! Нѣтъ, нѣтъ! Я не стану брать съ нея примѣра! Я человѣкъ разсудительный, мой идеалъ — скорѣе покорная Исмена, повинующаяся повелѣніямъ Креона. Я не пойду рыть могилы для Полиника!

11-го апрѣля. Праздникъ. Не пойду сегодня никуда. Чувствую себя такой разбитой и такъ нехорошо мнѣ, точно сижу въ мрачной, душной темницѣ. Послѣдніе дни я часто плачу. А такъ какъ на урокахъ ревѣть не приходится, подавляю въ себѣ слезы и брожу съ ними съ мѣста на мѣсто.

Зато, въ воскресенье, когда Гэпъ уходитъ и меня никто не видитъ, даю волю слезамъ и по цѣлымъ часамъ позволяю себѣ это недорогое развлеченіе.

20-го апрѣля. Я сегодня пошла съ урока не обычнымъ путемъ: по Іерусалимской аллеѣ. Было тепло, и воздухъ былъ какъ-то особенно ясенъ. Далеко, далеко, за Вислой тянулись синія очертанія лѣсовъ. И

вдругъ опять, безъ всякаго основанія, сердце мое, глупое, бѣдное сердце дрогнуло во мнѣ, всполохнулось и я едва сдержала слезы. Всѣми силами стараюсь не плакать, потому что, стоитъ мнѣ только днемъ разревѣться, и прощай тогда сонъ на всю ночь: страшные кошмары, одинъ за другимъ, давятъ грудь и глазъ сомкнуть не даютъ. О, эти ночныя видѣнія! Мнѣ не слѣдовало такъ долго смотрѣть туда, за Вислу, но я не могла оторвать глазъ, не могла, ни за что не могла!

Нужно уйти отсюда, изъ этого душнаго города! Не могу я больше, не хочу! Я должна уйти отъ самой себя, отъ моихъ мыслей, отъ моихъ занятій, отъ всѣхъ моихъ дѣлъ, отъ всего, отъ всего!

О ты, земля, на которой рука человѣческая еще ничего не посѣяла!

Открытыя, пустыя, безплодныя поля!

Вы, высокія, шумящія на свободѣ деревья лѣсовъ!

Оттуда тянется въ наши края Привислянская желѣзная дорога. Сколько радости, сколько безумнаго порыва счастья кроется въ одномъ этомъ глупомъ сознаніи! Только-бы дотянуть душу свою до іюня...

Тамъ омою ее въ свѣжихъ водахъ моей родины.

13-го мая. Теплый, ясный вечеръ. На камняхъ моего дворика луна-чародѣйка выводитъ причудливыя, серебристо-сѣрыя фигуры. Старый, грязный переулокъ выглядитъ какъ-то иначе, совсѣмъ на себя не походитъ, словно и онъ грезитъ... Въ эту ночь даже несчастные бѣдняки подымаютъ усталыя очи вверхъ къ небу, къ чуднымъ, яснымъ звѣздамъ, напоминающимъ имъ давно погасшія чувства.

Сколько силы должны вливать такія ночи въ наши души, въ души юныя, чистыя, на которыхъ не лежитъ тяжелый гнетъ пережитыхъ несчастій, въ души тѣхъ, что умѣютъ выше всего цѣнить свою душу, умѣютъ любить глубоко и искренно, что не продали еще ни своего чистаго сердца, ни силы—смѣло кинуть перчатку всякой подлости!..

4-го іюня. Пишу эти строки заржавѣлымъ перомъ въ гостинницѣ, въ Кѣльцахъ. (Съ тѣхъ поръ, какъ запомнятъ старожилы, въ кѣлецкихъ гостинницахъ всегда для удобства проѣзжающихъ водились заржавѣлыя перья).

Что за катастрофа!.. Я снова тутъ, въ моемъ славномъ городишкѣ. Вчера бросила всѣ уроки, отказалась отъ двухъ кондицій, у Липецкихъ и у этой госпожи Невадзкой изъ Цисъ, пожитки свои оставила на попеченіе Гэпкѣ, которая на лѣто остается въ Варшавѣ, а сама съ тремя десятками рублей и небольшимъ саквояжемъ, кинулась оттуда, очертя голову. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла, что станется съ моей драгоцѣнной особой. Знаю одно,—буду въ Кравчискахъ на могилѣ отца и мамы, въ Глогахъ... До остальнаго мнѣ рѣшительно все равно! Вѣроятно, заѣду въ Менкаржицы, къ дядѣ Крживинскому. Можетъ пробуду у нихъ все лѣто, а, можетъ, всего нѣсколько часовъ. Мнѣ все равно... (Смотри выше!..)

Теперь не я управляю собой,—управляютъ порывы, *Lelum-Polelum*...

Какъ буйные кони, они несутъ меня, куда хотятъ. Долго держала я ихъ взаперти, въ желѣзной конюшнѣ, что ни день, крѣпко-на́-крѣпко захлопывала ворота,—теперь вырвались, голубчики, неситесь, какъ хотите! Я бы сейчасъ поѣхала дальше, да только дождь льетъ, какъ изъ ведра!

Нехорошія, противныя Кѣльцы! Глянешь въ окошко: вмѣсто чистаго неба, все тучи и тучи и безконечный ливень. Пусть его! Вѣдь прояснится же, наконецъ.

Пріѣхала я сюда ночью, чуть ли не въ четыре часа и съ немалымъ трудомъ отыскала себѣ этотъ номерокъ.

Такъ то въ Кѣльцахъ у панны Іоаси уже нѣтъ ни души...

Да, скоро гаснетъ домашній очагъ, и буйный вѣтеръ далеко разноситъ благовонный дымъ родного шалаша. Гнѣзда человѣческія не прочнѣе гнѣздъ пауковъ. Мысленно перебираю всѣхъ здѣшнихъ, которые, навѣрно, все еще живутъ себѣ да поживаютъ между Карчовкой и Потѣшкой, но среди нихъ не нахожу никого, кто бы могъ съ братскимъ сочувствіемъ пожать мою руку, съ кѣмъ бы я могла подѣлиться пережитыми страданіями, кто понялъ бы мою ужасную тоску, отъ которой вѣетъ холоднымъ дыханіемъ смерти. Никого, никого не могу придумать—какъ бы это сказать?—ну, съ видящими глазами. Все это добрые, простые люди, тупыя сердца которыхъ не въ состояніи пробить стѣны собственнаго дома. Богъ съ ними! Я умѣю уже ходить между холодными людьми, какъ между памятниками на кладбищѣ. Это не такъ важно!

О, моя аллея къ Карчевкѣ, мои взлелѣянныя въ мечтахъ въ Варшавѣ далекія горы!

На часахъ каѳедральнаго костела пробило шесть. Привѣтъ вамъ, дорогіе, знакомые звуки! Какъ я васъ боялась когда-то, съ какой глубокой тревогой прислушивалась къ вамъ въ первый разъ, когда изъ Глоговъ пріѣхала сюда учиться! А вотъ еще... Но нѣтъ, прочь всѣ воспоминанія! Нельзя задумываться о быломъ, а то сейчасъ опять начнутся эти глупыя слезы...

Тихо вокругъ, только дождь стучитъ въ трубахъ, да отъ времени до времени съ грохотомъ прокатятся по улицѣ кѣлецкія дрожки.

Въ тотъ же день въ Менкаржицахъ. Я уже здѣсь, у дяди. Очень поздно... Вокругъ благодатная тишина. Ночую одна, на «другой сторонѣ», въ этой старой «гостиной». Какъ я счастлива, ахъ, какъ я счастлива! Тихонько, на цыпочкахъ хожу по пустой комнатѣ, гдѣ стоитъ еще старая мебель, знавшая дорогихъ мнѣ покойниковъ — и наслаждаюсь сознаніемъ, что это не сонъ. Я опять тутъ, въ Менкаржицахъ! Сколько разъ я бывала въ этихъ низкихъ комнаткахъ съ покойной мамой, когда мнѣ было три, четыре года... Немного покривившійся потолокъ, съ двумя балками посрединѣ, стѣны, выбѣленныя известкой, которая ужъ во многихъ мѣстахъ отпадаетъ, обнажая

сухія и твердыя доски. Окно застилаютъ кусты георгинъ, мальвъ и сирени. Съ рамъ его дождь давно смылъ лакъ. Задвижки, старыя задвижки какой-то причудливой формы, искусно кованныя рукою какого-нибудь ученика Тубалъ-Каина, покрылись такимъ толстымъ слоемъ ржавчины, что, дѣйствительно, выглядятъ, какъ какія-то красивыя вещицы. Вотъ, какъ сквозь сонъ, я вижу того, кто прибивалъ къ дверямъ эти задвижки. Это былъ молодой кузнецъ... Мнѣ тогда было года четыре. На всемъ, на выцвѣтшихъ окнахъ, на дверяхъ, на стѣнахъ, на всей мебели, на этихъ старыхъ литографіяхъ лежитъ особенный отпечатокъ. Проходятъ годы, десятки лѣтъ—они неизмѣнно продолжаютъ существовать все на тѣхъ же самыхъ, на постоянныхъ своихъ мѣстахъ, выносятъ на себѣ дѣйствіе всѣхъ временъ года и становятся необходимыми частицами всей данной обстановки. Каждый изъ этихъ предметовъ имѣетъ свою исторію и составляетъ неотъемлемую принадлежность семьи. Старая усадьба чернѣетъ, кривится на бокъ, но, въ сущности, остается такою же, какъ была, и, каковъ бы онъ ни былъ, всегда дорогъ сердцу этотъ старый, родной домъ, сросшійся съ полемъ, съ садомъ, съ деревьями и цвѣтами. Быть можетъ, когда-нибудь и онъ разсыплется въ прахъ и исчезнетъ съ лица земли точно такъ, какъ человѣкъ умираетъ...

Слышится лай собакъ. Привлеченныя свѣтомъ въ окнахъ обыкновенно темной комнаты, онѣ усѣлись у меня подъ самымъ окномъ и воютъ на разные лады.

Но къ дѣлу, къ дѣлу. Всякое *extemporale* нужно писать по пунктамъ: прежде всего вступленіе... Итакъ, выѣхала я сегодня изъ Кѣльцъ еще утромъ. Дождь хоть и не пересталъ совсѣмъ, но сталъ немного меньше. Онъ моросилъ мелкими капельками, отъ времени до времени лишь отпуская капли покрупнѣе. Наняла я бричку за четыре рубля (слушайте, слушайте!)—и покатила! Возница подвязалъ своимъ кляченкамъ хвосты, закуталъ хорошенько свои ноги и съ небывалымъ грохотомъ выѣхалъ изъ города. Выѣхали мы на шоссе, на наше старое, исщербленное выбоинами, дорогое, славное шоссе—и тутъ какъ пошло валять со всѣхъ сторонъ изъ-подъ колесъ брызгами жидкой грязи... Не въ силахъ были защитить меня отъ нея даже крылья брички, звенѣвшіе совсѣмъ какъ янычары, только изорванный фартукъ, какъ могъ, голубчикъ, закрывалъ меня. Вскорѣ на этомъ голубчикѣ образовалось цѣлое озеро, переливавшееся съ мѣста на мѣсто.

Я чувствовала себя усталой и сонной и вмѣстѣ съ тѣмъ на душѣ у меня было еще лучше, чѣмъ теперь. Мое вниманіе или, вѣрнѣе говоря, улыбку мою, блуждавшую въ пространствѣ, то и дѣло привлекали къ себѣ два фонаря, которые, какъ я полагаю, предназначались для украшенія экипажа. Въ самомъ дѣлѣ, разбитые стекла и отвалившіеся верхи ничего имъ другого не оставили, кромѣ развѣ этой чести. Одинъ изъ этихъ рудиментарныхъ органовъ экипажа былъ привязанъ

къ желѣзной полоскѣ размокшей веревочкой. Торчавшая прямо передо мною спина моего автомедона въ синей ливреѣ, носившей на себѣ слѣды непогоды, заслоняла мнѣ свѣтъ, а одинокая желтая пуговица на поясѣ съ изображеніемъ какого-то герба—невольно притягивала взоры. Доступное глазамъ моимъ пространство заполнялъ мелкій дождикъ. Далеко, въ туманномъ воздухѣ виднѣлись смутныя очертанія горъ. То выплывая, то исчезая въ туманѣ, онѣ вызывали въ душѣ глубокую скорбь. Чуть только я различала ихъ яснѣе, я чувствовала, какъ мнѣ становится больно.

Такъ сжималось больно когда-то давно сердце у маленькой дѣвочки ѣхавшей учиться въ гимназію, когда она кидала на эти дорогіе холмы послѣдній взглядъ...

А бричка скачетъ по буграмъ и выбоинамъ, то и дѣло переваливается во всѣ стороны, точно больной, страдающій сухоткой, который, однако, тщательно скрываетъ свою болѣзнь, изъ опасенія лишиться должности,—скользитъ по изгибамъ дороги, какъ будто вотъ-вотъ, въ минуты отчаянія, рѣшится покончить самоубійствомъ и провалится въ канаву. Вотъ показалась деревня съ почернѣвшими избами.

Вотъ толстыя вербы, съ молодыми, свѣтлыми, густолиственными вѣтвями; а тамъ, на поляхъ, виднѣются дикія груши, такія же дикія, какъ въ былыя времена. Тамъ, гдѣ дорога спускается подъ гору, внизу течетъ рѣчка: это рѣчка изъ моей деревни, изъ Глоговъ. Мы съѣзжаемъ внизъ и ѣдемъ по длинному мосту. Спотѣвшія лошадки идутъ медленно, шагъ за шагомъ, паръ такъ и валитъ у нихъ изо рта. Я высовываюсь изъ брички, и взоры мои съ наслажденіемъ ловятъ чистую поверхность рѣки, бѣгущей по камнямъ и крупному песку, рѣки, которая сейчасъ проплывала мимо дома моихъ родителей. Шлагбаумъ. Бричка останавливается. Надо заплатить нѣсколько копѣекъ. Я торопливо ищу ихъ у себя въ карманѣ, нѣтъ, это не ихъ я ищу, это ищу я всѣми чувствами моими звуковъ этой рѣки, что внизу тамъ будто лепечетъ мнѣ что-то.

И трогаемся снова медленнымъ шагомъ, подъ гору. Мимо проходятъ люди, забрызганные грязью, съ сгорбленными спинами, съ лохматыми волосами. Они о чемъ-то говорятъ, такъ скверно ругаются, спорятъ. Вотъ одно знакомое лицо. Это нашъ мужикъ, Вицекъ Михцикъ. Точно такимъ же помню я его во времена моего дѣтства, только постарѣлъ немного. Лошади трогаются, и въ лязгѣ желѣза, въ стукѣ колесъ мнѣ почему-то слышатся недавно вычитанныя изъ библіи слова. Они, видно, все время гдѣ-то таились въ моемъ мозгу, точно вырѣзанныя стальнымъ рѣзцомъ на оловянной дощечкѣ: «Потому что мудрому не будетъ памяти вѣчно, какъ и невѣждѣ, въ будущіе дни все совершенно будетъ забыто, и увы! умираетъ мудрый наравнѣ съ невѣждой»...

Это циническое изреченіе, смѣло брошенное міру премудрымъ ца-

ремъ, которому извѣстно «все подъ солнцемъ», не было мнѣ непріятно. Наоборотъ, оно звучало, какъ глубокая истина, гармонирующая со всѣмъ, оно было, какъ жидкость, заполняющая каждую щелочку, жаждущую насыщенія. Все во мнѣ притихло какъ-то, смирилось и словно заснуло сладкимъ сномъ. Я усѣлась поглубже въ уголъ брички, и въ памяти проходили эти суровыя слова, которыя, невѣдомо почему, лѣзли въ голову.

Съ горы открылся видъ на широкую равнину. Далеко, далеко я различила деревья Менкарижцъ. И снова въ душѣ моей загорѣлась тихая радость, которой я полна до сихъ поръ. Я знала, что не найду тамъ того, чего ищу, но, при видѣ сонныхъ лѣсовъ, обширныхъ, пустыхъ полянъ, заросшихъ низкими кустиками можжевельника, какая-то дивная, пріятная теплота разливалась по моимъ жиламъ. Вонъ тамъ чей-то чужой, огромный лѣсъ, въ которомъ я никогда не бывала и который и не вызывалъ во мнѣ никакихъ пріятныхъ ощущеній и воспоминаній, но за то, съ другой стороны—менкаржицкія аллеи, прячущіяся въ туманѣ и сами словно изъ туманной дымки сотканныя...

И тутъ только я подумала о томъ, что вѣдь я никого не предупредила о моемъ пріѣздѣ, что, въ сущности, даже не знаю навѣрное, живутъ ли они еще тутъ. А вдругъ они переѣхали отсюда, можетъ быть, умерли? Вѣдь я имъ столько времени ничего не писала! Я стала считать... цѣлыхъ десять лѣтъ слишкомъ, какъ я здѣсь не была!

Къ вечеру бричка моя свернула съ шоссе и въѣхала въ тополевую аллею. Какія то старыя постройки, развалившійся плетень, покосившаяся усадьба...

Я вошла въ знакомыя сѣни — ни души... Открыла первую дверь и—запрыгала отъ радости, какъ ребенокъ: передо-мной стояла милая старая рояль, надъ ней портретъ князя Іосифа... Долой всѣ сомнѣнія!

А теперь, когда пишу эти строки, чувствую, что я здѣсь одинока, всѣмъ чужая. Такъ что же? Зато этотъ шумъ старыхъ тополей, который такъ пугалъ меня всегда, когда мы, бывало, съ мамой уѣзжали отсюда позднею ночью... Вѣдь я къ нему прилетѣла. Неужели есть на землѣ что-нибудь лучше, нѣжнѣе, пріятнѣе этого шума?

5-го іюня. Прошелъ ужъ день и короткій вечеръ. Я уже побывала сегодня въ конюшнѣ, въ хлѣву, въ полѣ, на лугу. Не знаю, дѣйствительно ли я успокоилась, или это самообманъ, но только я чувствую себя очень хорошо. Пропала прежняя склонность къ слезамъ, и даже вообще всякія волненія стали мнѣ какъ-то противны. Когда иной разъ приходится разсказывать о Вацлавѣ и невольно вспоминать все, что я пережила, это для меня буквально пытка. Вацлавъ въ день своей смерти какъ будто завѣщалъ мнѣ наслѣдство. Своимъ суровымъ завѣщаніемъ, котораго нарушить никоимъ образомъ нельзя, онъ навязалъ мнѣ эти долгіе зимніе мѣсяцы, полные тоски и пустоты, эти дни, полные слезъ и безсонныхъ ночей, набитые такой безплодной духовной

работой, какъ исканіе первопричинъ, работой, такой-же неустанной, обязательной и неизбѣжной для жизни, какъ дыханіе. Я теперь едва-едва понимаю, что со мной происходило тогда. Все прошло, пронеслось, какъ проносится наводненіе въ горахъ, и только раскиданные камни и илъ, оставшійся на кустахъ, еще показываютъ, куда донесла разбушевавшаяся стихія свои бурныя воды.

Да, безъ сомнѣнія, это такъ: деревню создалъ самъ Богъ, а города—дьяволъ, да и то дьяволъ *bourgeois*. Люди, живущіе въ деревнѣ, дышутъ такой свѣжестью, такимъ здоровьемъ, что мнѣ, при видѣ ихъ, это кажется рѣшительно чѣмъ-то невѣроятнымъ. И отъ такихъ-то людей происхожу я сама!

Когда сегодня раннимъ утромъ, часовъ въ пять или шесть, мой дяденька на кого-то раскричался съ крыльца, я сорвалась съ постели и выскочила, какъ сумасшедшая, въ одной рубашкѣ, думая, что у насъ горитъ или рѣжутъ кого-нибудь. Оказалось, дяденька просто-на-просто «отдѣлывалъ» кого-то у конюшни—и больше ничего.

Быть можетъ, это нехорошо и неблагородно критиковать людей, у которыхъ гостишь (да притомъ еще родныхъ), но не могу воздержаться и не выразить своего изумленія. Неужели дѣйствительно это та самая тетка Валерія, тотъ самый дядюшка Ипполитъ и та же дочка ихъ, моя кузина, Теця? Я знала этихъ людей, но это были совсѣмъ не тѣ, что теперь. Нѣтъ! Это я была не та. Я смотрѣла на нихъ тогда другими, прежними глазами. А теперь отъ прежней Іоаси—не осталось ни слѣда! Они-то, навѣрное, остались такими же, какъ были. Вѣдь тутъ все такъ мало измѣняется. Люди старѣются, горбятся, сѣдѣютъ, домъ уходитъ въ землю, а такъ все остается по старому. Если бы дѣдушка Іосифъ вдругъ возсталъ изъ гроба, онъ нашелъ бы здѣсь очень, очень мало незнакомаго.

Но со мною-то, со мною что сталось! Изъ деревенской дѣвченки, помѣщичьей дочки я превратилась въ скорохода какого-то, только и знающаго, что бѣгать по урокамъ, точно мотылекъ, вылетѣвшій изъ куколки (если можно употребить такую изысканную метафору). Сегодня, проведя почти цѣлый день въ разговорахъ съ тетей Валеріей и Теціей, я какъ будто самой себѣ производила экзаменъ изъ прожитой жизни. Я ясно вспомнила не только обѣихъ моихъ родственницъ, какими онѣ были, но, какъ живую, вспомнила и себя самое, какою я была когда-то.

Но еще гораздо больше матеріала для изумленія представляетъ для нихъ, надо полагать, моя персона. Такъ, по крайней мѣрѣ, я объясняю себѣ то равнодушіе, которое я замѣчаю съ ихъ стороны по отношенію ко мнѣ. Это не то, что внѣшняя холодность обращенія. Наоборотъ, мы съ ними очень часто цѣлуемся и плачемъ, но нѣтъ въ этомъ ни малѣйшей искренности, ни даже жалости. Тетенька, цѣлуя меня, проливаетъ слезы оттого, что думаетъ въ это время о своей второй, младшей, дочери, которая замужемъ за техникомъ и живетъ далеко,

близъ самаго Урала. Теця думаетъ о самой себѣ, сопоставляетъ мою свободную жизнь съ своимъ тяжелымъ семейнымъ плѣномъ и плачетъ надъ долей своею. Дядя плакать и не думаетъ, такъ какъ это не въ его характерѣ («ревѣть — это дѣло бабье»), но зато онъ все раздумываетъ надъ тѣмъ, отчего бы это я вдругъ вздумала заглянуть именно въ эти края, и вѣчно посвящаетъ меня въ то, какъ скверно идутъ у него дѣла, жалуется на неудавшуюся озимь, на проценты, на засуху, на тлю, на разныя болѣзни скота... Бѣдняжка! онъ боится, что вотъ-вотъ я вдругъ возьму да и выпалю ему рѣчь на тему о нуждѣ въ деньгахъ. Какъ свободно вздохнулъ бы онъ, узнавъ, что я—только къ воздуху, къ водѣ и къ землѣ родной.

Да, это совершенно чуждый мнѣ міръ. Эти люди не видятъ и не знаютъ ничего на свѣтѣ, кромѣ своихъ Менкаржицъ, ни о чемъ не думаютъ, только о своихъ денежныхъ дѣлахъ и затрудненіяхъ. Старики заняты исключительно тѣмъ лишь, что не выходитъ за предѣлы ихъ имѣнія. Свѣтлый лучъ въ ихъ жизни—это Феля, нынѣ Балвинская, темная сторона—это Текля, которая еще «не вышла» и (дай Богъ, чтобъ мое предсказаніе не оправдалось), вѣроятно, останется старой дѣвой. И этотъ узкій семейный кругъ до того плотно замкнутъ, что для меня тамъ совершенно нѣтъ мѣста, даже теперь, когда я съ ними. Вообще, вся моя жизнь была бы для нихъ весьма и весьма подозрительна, еслибъ только не то, что она ихъ ни крошечки не интересуетъ. Я ясно читаю это въ ихъ глазахъ, когда обо всемъ откровенно разсказываю имъ, а они, якобы съ сочувственными улыбками, слушаютъ меня.

Исторія Вацлава!

Въ сущности мы чужіе другъ другу.

Мнѣ приходится выслушивать ихъ безконечныя, подробныя эпическія сказанія про то, какъ Фельця «понравилась» своему инженеру на одномъ изъ баловъ въ Кѣльцахъ, про его «ухаживанье», предложеніе, свадьбу, отъѣздъ, рожденіе ребенка. Въ этихъ фамильныхъ сагахъ Феля играетъ роль какой-то героини. Все это ужъ выпало на ея долю. Она сдѣлала все, что отъ нея зависѣло и чего можно было отъ нея требовать.

Зато Теця—горе семьи. Она еще... никому не понравилась и если и была когда-либо предметомъ чьего-нибудь ухаживанья, то объ этомъ даже и говорить не стоитъ, такъ какъ, все равно, ничего изъ этого не вышло.

Со словомъ и съ понятіемъ «Теця» связана еще одна постоянная забота: «эти нѣсколько тысячъ» и еще это «приданое». Милѣйшая тетушка интервьюируетъ меня, какъ я думаю: дать-ли лучше больше наличными, или лучше больше «вложить въ приданое». Какъ я насчетъ этого думаю? «Вѣдь у васъ тамъ, въ большихъ городахъ, легче видѣть, какъ все это дѣлается, чѣмъ у насъ въ деревнѣ. У насъ тутъ одни

такъ дѣлаютъ, другіе иначе. По сосѣдямъ идетъ такой обычай, что въ приданое не даютъ того-то и того-то...» Тетушка полагаетъ, что лучше вложить столько-то въ серебро, потому что «серебро на всю жизнь остается»... Нужно послушать, съ какимъ чувствомъ она провозглашаетъ эту непреложную истину! Я высказываюсь рѣшительно за серебро.

Бѣдная Теця сидитъ себѣ въ Менкаржицахъ и ждетъ-дожидается. Все ея существо напоминаетъ мнѣ ножку китаянки, которой съ дѣтства искусственнымъ путемъ придаютъ извѣстную форму. Теця смѣется, говоритъ, шутитъ, плачетъ точь-въ-точь, какъ ея батюшка и матушка. Дяденька имѣетъ обыкновеніе опредѣлять нѣкоторыя вещи, чуждыя его пониманію, словомъ «глупости!», или въ болѣе мягкой формѣ: «вѣрно, глупость какая-нибудь!» а то еще (ужъ въ самомъ лучшемъ случаѣ) такъ: «да этого никогда еще не бывало», изъ деликатности, быть можетъ, избѣгая самого выраженія: «да этой глупости еще никогда...»

Ну, такъ вотъ и Теця всегда употребляетъ эти самые обороты. Иногда, если я скажу что-нибудь, для Менкаржицъ чудное, Теця быстро взглядываетъ на лица родителей и немедленно перенимаетъ на свое лицо ихъ улыбку. О мысляхъ и взглядахъ и говорить нечего. Эти взгляды ничуть не отличаются отъ тѣхъ, какіе было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ у тетки Валеріи, когда она была еще дѣвушкой и училась въ Ибрамовицахъ. Теця, собственно говоря, это типъ барышни, живьемъ вынутый изъ сочиненій Клементины Гофманъ, урожденной Танской *)... Жизнь съ тѣхъ поръ сто миль ушла со своимъ добромъ и зломъ, но ея не коснулась. Въ комнатѣ Теци, которая находится рядомъ съ спальней дяди и тети, подъ ихъ зоркой охраной, есть небольшая библіотека. Все это—библіографическія древности, такъ называемыя, «хорошія книжки». Тутъ-же, несомнѣнно, и эта самая Клементина Гофманъ, куча переводовъ съ англійскаго... И среди всего этого добра лежатъ, о ужасъ! *Стихотворенія* самого Казимира Тетмайера!

Какъ онъ попалъ сюда? Вѣроятно, случайно, взятый у сосѣдей, чтобъ «что-нибудь почитать», былъ прочитанъ и, разумѣется (льщу себя надеждой!), немедленно и безапелляціонно осужденъ семейнымъ совѣтомъ.

А все же удѣлъ Теклы не лучше-ль моего? Охъ, навѣрно, лучше!

У нея—родной домъ, опека, тишина, та спокойная, ровная жизнь, по которой я такъ вздыхала въ Варшавѣ! Сюда, сквозь непроницаемую стѣну скуки, не проникаютъ волненія внѣшняго міра, но зато вмѣстѣ съ ними не приходятъ и мучительныя страданія. Тутъ въ руки не попадетъ Овидій, тутъ не услышишь словъ цинизма и злобы, души не тронетъ ни ядъ коварства, ни видъ жизни во всей ея неприглядной

---

*) Клементина Гофманъ-Танская—польская писательница нравственныхъ романовъ, писавшая въ 20—30-хъ годахъ. *Прим. пер.*

наготѣ. Тутъ такъ тихо... Если сюда и долетитъ порой голосъ изъ живого міра, такъ и то онъ кажется эхомъ далекаго, далекаго разговора.

И все-таки, милая Теця, еслибъ мнѣ пришлось выбирать между твоею жизнью (даже подъ опекой такихъ родителей, какими были мои) и моей настоящею—повѣрь, я не помѣнялась бы съ тобою. О, никогда! Я уже—человѣкъ.

Лучше сухой кусокъ хлѣба, но мой собственный, лучше не богатая будущность, но зато созданная моими собственными руками. По обѣ стороны моей одинокой тернистой дорожки, которую я выбрала себѣ, раскинулись горизонты новаго времени, какъ зрѣющіе колосья необъятныхъ полей. Мой умъ, моя душа питаются культурой живого, современнаго міра, въ который со дня на день прибавляется элемента добра.

Я радуюсь этому росту добрыхъ силъ въ мірѣ, я имъ живу. Какъ «кровь въ своихъ глубокихъ, невидимыхъ жилахъ», такъ добро течетъ гдѣ-то глубоко въ жилахъ человѣчества.

6-го іюня. Сегодня я ѣздила на могилу мамы и отца въ Кравчиски. Недалеко отъ кладбища я сошла съ телѣги и пошла вдоль по широкой межѣ. На этой дорогѣ нѣтъ колеи, видны на ней только частые, частые слѣды человѣческихъ ногъ. Справа и слѣва колышутся темные, еще бурые, колосья ржи, недавно лишь выглянувшіе на свѣтъ Божій. Вдали, въ низинѣ виднѣются высокія, большія деревья и бѣлая стѣна. Тамъ кладбище.

Старое кладбище уже заполнилось могилами, и пришлось расширить его предѣлы, но прежнихъ стѣнъ не разрушили, только заняли еще кусочекъ пустыря у входа, обнесли его чуть отесанными жердями, и вотъ рядкомъ зажелтѣлись крестьянскія могилки подъ свѣжимъ еловымъ плетнемъ.

Входъ на старое кладбище закрытъ совсѣмъ: туда не идутъ уже ни живые, ни мертвые. Это мѣсто посвящено тѣмъ, что давно, много лѣтъ назадъ почили въ Бозѣ. Стрехи кровельки, покрывавшей нѣкогда старыя стѣны, погнили и выпали. Только сгнившіе, обнаженные брусья стропилъ, какъ нагія кости глядятъ вверхъ къ небу. Кое-гдѣ блеститъ желѣзной головкой осиротѣвшій, совершенно ненужный гвоздь.

Я толкнула ворота, замкнутыя на пожелтѣвшій отъ ржавчины желѣзный засовъ. Они тихо, покорно распахнулись предо мною. Быть можетъ, такъ открываются предъ душами врата рая... Я вошла на это святое поле. Густая, почти черная, трава еще сверкаетъ капельками росы, прелестные красные маки, цвѣтки дятлины подымаютъ головки... Я безжалостно топчу ихъ ногами. Могилъ совсѣмъ различить нельзя—ни одной! Мѣстами провалилась земля. Мнѣ въ душу закралось впечатлѣніе, будто въ такихъ могилахъ похоронены какіе-то несчастные люди. Въ одномъ мѣстѣ большой деревянный крестъ упалъ на землю, давно весь разсыпался въ прахъ и только кровавый слѣдъ,

въ видѣ креста, лежитъ средь густой, сочной травы, точно выжженный раскаленнымъ трутомъ.

На могилахъ моихъ родителей не было поставлено никакихъ знаковъ. Я не знаю, гдѣ онѣ. Я сначала думала отыскать ихъ, потомъ обошла все кладбище. Ихъ нѣтъ и слѣда!

Я искала кустъ, который запечатлѣлся у меня въ памяти съ тѣхъ поръ, какъ, помню, около него хоронили маму. Напрасно!

Свѣтлыя березки, которыя такъ любилъ отецъ, широко разрослись, раскинули свои вѣтви и образовали цѣлую чащу. Быть можетъ, гдѣ-нибудь надъ его изголовьемъ клонятъ онѣ свои прелестныя, благоухающія вѣточки...

И спятъ здѣсь спокойнымъ сномъ земледѣльцы, другъ подлѣ друга, что пахали эту самую землю, и нынѣ сами они, какъ луга, усѣяны цвѣточками. Тихіе, скромные труженики по праву заняли свое мѣсто на тихомъ, сельскомъ кладбищѣ.

Сверху и снизу, отовсюду доносилось щебетаніе птицъ. Порою теплый вѣтерокъ принесетъ на крыльяхъ своихъ отзвукъ шелеста молодыхъ нивъ, пошуршитъ листочками и тихо стелется по свѣжей несмятой травѣ, словно ангелъ, бдительный стражъ святой тишины, легкими неслышными стопами проходитъ по ней. Стройная акація, со своимъ высокимъ, прямымъ стволомъ и тонкими, черными вѣточками, кажется, такъ и тянется къ нему, о чемъ-то тревожно шумитъ, качая подъ яркимъ солнышкомъ прозрачными листочками. Мнѣ чудилось, будто она что-то шепчетъ мнѣ, и чудилось мнѣ, будто вотъ-вотъ я услышу ея мелодическія рѣчи. И если задуматься, то узнаешь, что это святое дерево лишь вѣчно, вѣчно вздыхаетъ.

И я спрашивала въ душѣ, встрѣчу ли я когда-либо...

7-го іюня. Завтра уѣзжаю. Такъ, по крайней мѣрѣ, я рѣшила. Ничего не могу подѣлать! Вмѣсто спокойствія, котораго я искала и которое дѣйствительно вначалѣ испытывала, мое дальнѣйшее здѣсь пребываніе вызывало бы или постоянное внутреннее раздраженіе, или споры, а этого я не желаю ни за какія сокровища въ мірѣ. Что за отношенія къ крестьянамъ, къ прислугѣ, ко всѣмъ работникамъ! Быть можетъ, это назовутъ смѣшными идеями городской барышни, очень можетъ быть, но я не выношу дикости. Не могу дышать въ такой атмосферѣ.

— Да, попробовала бы ты пожить съ этими негодяями,—говоритъ дядя,—а то у васъ тамъ, небось, легко хозяйничать за столикомъ, съ книжечкой въ рукѣ...

Такъ я не стану жить съ «негодяями» и удираю отсюда. Это моя единственная привилегія, могу ѣхать, куда хочу и когда мнѣ вздумается.

Такое состояніе эмансипаціи переживали крестьяне моего дѣда Іосифа во времена Варшавскаго княжества, когда у нихъ сняли съ

ногъ цѣпи, но ужъ вмѣстѣ съ сапогами. Я тоже сняла съ ногъ цѣпи, и вмѣстѣ съ ботинками, это историческій фактъ, но все же я могу свободно переходить съ мѣста на мѣсто, какъ тѣ крестьяне. Такъ куда же я пойду завтра? Плачь, душа моя, плачь отъ счастья... Я пойду—въ Глоги.

10-го іюня. И снова я въ Кѣльцахъ, въ гостинницѣ. Конецъ моимъ странствіямъ, потому что и капиталамъ конецъ. «Вернусь я на Ливанъ, въ домъ мой...» Глоги, Кравчиски, Менкаржицы — все это я оставила за собой... Я уже вполнѣ здорова и спокойна.

Остается еще только разсказать все по порядку, какъ было. Удрала я изъ Менкаржицъ девятаго, раннимъ утромъ, на крестьянской телѣгѣ. Наканунѣ я сходила въ деревню и заказала себѣ на утро телѣжку и пару лошадокъ. Сдѣлала я этотъ «аффронтъ» дядѣ и тетѣ, правда, съ умысломъ, но совсѣмъ не для того, чтобы разозлить ихъ или обидѣть, а просто потому, чтобы, не будучи имъ ничѣмъ обязанной, я могла съ собою сдѣлать все, что мнѣ вздумается. Когда я какъ-то въ разговорѣ намекнула, что хочу побывать въ Глогахъ, всѣ они такъ вытаращили на меня глаза, какъ будто бы я нанесла, Богъ вѣсть, какое оскорбленіе ихъ чувствамъ.

— Зачѣмъ?! — воскликнули всѣ трое въ одинъ голосъ. — Да вѣдь тамъ теперь живетъ жидъ, Лейба Корибутъ.

Съѣздить на кладбище въ Кравчискахъ—это еще они могли допустить, но отправиться въ Глоги, гдѣ живетъ какой то Корибутъ, казалось имъ, очевидно, прямо глупостью и даже съ помѣщичье-конюшенно-менкаржицкой точки зрѣнія дѣломъ невозможнымъ, оттого, что какія-то тамъ упряжныя сивки... Теця, вызвавъ на свою рожицу семейную улыбку, спрашивала меня, что я тамъ стану дѣлать.

— Ну, хорошо,—говорила она,—пріѣдешь ты въ Глоги, и что ты тамъ будешь дѣлать? Куда ты зайдешь? Вѣдь въ усадьбѣ живутъ жиды...

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ я пріѣхала туда на бричкѣ и лошадяхъ изъ Менкаржицъ, я, навѣрно, обратила бы на себя всеобщее вниманіе. И потому я рѣшилась на хитрость. Когда телѣга подъѣхала къ крыльцу, тутъ только я заявила, что ѣду въ Кѣльцы и непремѣнно сейчасъ же. За такой, съ моей стороны, фортель я извинилась, какъ умѣла, отдала и приняла извѣстную порцію родственныхъ поцѣлуевъ, которые обыкновенно употребляются такъ себѣ, безъ всякой надобности, какъ, напримѣръ, титулы въ письмахъ, и поѣхала.

Проѣхавъ деревню, когда мы уже приближались къ кѣлецкому шоссе, я обратилась къ моему возницѣ съ вопросомъ, сколько онъ возьметъ за дорогу.

— Свези, сначала въ Глоги, а потомъ поѣдемъ въ городъ.

Сталъ мой мужикъ думать да надумываться, даже лошадей посреди дороги остановилъ. Почесывая затылокъ, онъ что-то бормоталъ о сѣнѣ,

объ оброкѣ, о потерянномъ днѣ, о четырехъ миляхъ дороги, которыя придется сдѣлать лишнихъ, и, наконецъ, выпалилъ, что я должна буду добавить ему пять рублей. Разумѣется, я тотчасъ согласилась. Глупый! да попроси онъ у меня въ эту минуту не пять—десять рублей, да еще накидку мою и чемоданчикъ—я бы и на то согласилась.

Свернули мы въ сторону и лугами, минуя Стружовъ, потянули въ гору. Было часовъ шесть утра. День былъ теплый, словно самъ Богъ мнѣ его послалъ, только ночные туманы, свѣтлые и тонкіе, какъ паутина, еще не покинули ложа въ лѣсныхъ низинахъ. На меня напало какое-то странное оцѣпенѣніе. Сердце было чутко, какъ никогда, но на него повѣяло нашей горной и лѣсной тишью и порывы его смягчились. Телѣга медленно подкатилась къ холмамъ и поѣхала по колеямъ старой, заросшей травой, дороги, извѣстной у насъ подъ названіемъ «въ гору». Орѣшники и березы разрослись тутъ чуть ли не въ цѣлый лѣсъ. Мужичекъ хлестнулъ лошадокъ, мы быстро проѣхали глинистый проходъ между двумя вершинами—и вотъ далеко, внизу передъ глазами открылись — Глоги. Съ луговъ, съ рѣки, съ озера подымались испаренія и исчезали гдѣ-то вверху. Вотъ нашъ домъ забѣлѣлся среди зелени сада...

Молодыя лошадки, непривычныя къ этой дорогѣ, едва сдерживали повозку. Дышловые вальки колотили ихъ по ногамъ, и во весь духъ мчались онѣ съ крутого склона, мимо кустовъ. Наконецъ, мы доскакали до источника. Тутъ только бѣдныя лошадки остановились и стали высвобождать свои маленькія головы изъ хомутовъ, сдвинувшихся имъ чуть ли не за уши. Я сошла на землю, объяснила возницѣ, по какой дорогѣ ему проѣхать на другую сторону Глоговъ, до корчмы при кѣлецкомъ шоссе, и сказала, что «приду туда къ полудню».

Мужикъ-было недовѣрчиво на меня покосился, но оставшійся у него на телѣгѣ чемоданчикъ нѣсколько успокоилъ его, и онъ поѣхалъ по указанному пути. Я пошла по тропинкѣ. Трава еще не была скошена. Родные цвѣты, кусты окружили меня. Полная неземного блаженства, я шла среди нихъ. Вонъ цвѣточки, которые я по запаху узнаю прежде, чѣмъ вижу глазами, пестрѣютъ на лугу. Милыя блѣдно-фіолетовыя «ласточки», родныя сестренки мои, дорогія! Я не срывала ихъ и только останавливалась надъ ними, цѣлуя ихъ взглядомъ. И онѣ ластились ко мнѣ и лепетали упреки, зачѣмъ я ушла отсюда, зачѣмъ не живу въ родной сторонѣ... Но вотъ вдругъ у самой тропинки я увидѣла что-то незнакомое: большой ивовый кустъ. Онъ росъ тутъ одиноко...

— Я не знаю тебя...—прошептала я ему. Но въ то же мгновеніе въ головѣ мелькнуло яркое воспоминаніе. Да вѣдь это онъ!

Въ день, когда я родилась, въ кухню къ намъ забрела какая-то жалкая собаченка. Никто не зналъ, ни откуда она, ни ея клички. Разумѣется, въ такой торжественный день, ее приняли, какъ

гостя, и дали ей поѣсть на славу. Съ той поры она у насъ такъ и осталась. Назвали мы ее Разбоемъ. Это была добрая, славная и вѣрная собака. И мама, и братья, и я—всѣ мы очень любили ее. Когда, бывало, мы возвращались домой на каникулы, ея лай всегда былъ слышенъ первымъ, еще издали. Когда мы уѣзжали, она съ такой жалостью глядѣла намъ въ глаза...

Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, она уже стала такъ стара, что не могла даже съ мѣста двигаться, посѣдѣла вся, оглохла и лаять перестала. Лежитъ, бывало, на солнышкѣ и старческимъ, грустнымъ, соннымъ взглядомъ озирается вокругъ. А если подойдешь къ ней, она еще слабо завиляетъ хвостомъ, подыметъ морду и, точно человѣкъ, улыбается.

Однажды рано утромъ мы вдругъ услыхали ея жалобный вой. Я кинулась къ окну и увидала на лугу лѣсника Гонзву, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него Разбоя, привязаннаго къ камню. Онъ отчаянно метался. Вотъ блеснуло ружье, синеватый дымокъ... Прогремѣлъ выстрѣлъ...

Разбой завизжалъ разъ, другой...

Когда мы съ Вацкомъ и Генрисемъ, горько плача, подбѣжали къ нему, Гонзвы уже не было, а Разбой былъ мертвъ. Только передняя лапа его еще судорожно подергивалась, но и та скоро остыла у меня въ рукахъ.

Мы выкопали ему на этомъ мѣстѣ яму и на могилѣ нашей старой, любимой собаки посадили вѣтку ивы.

Такъ это его могила. Въ этихъ вѣтвяхъ его теплая кровь... Я подошла ближе и дотронулась до нихъ рукою. Вся облитая бѣлой росою, ива сверкала, словно въ ризѣ. Быть можетъ, черный стволъ издастъ радостный лай, быть можетъ, пошевельнутся неподвижные листочки. Но нѣтъ—однѣ лишь холодныя, безмолвныя, крупныя капли упали мнѣ на руки.

Я пошла лугами къ источнику. Старая груша подъ обрывомъ и подъ нею источникъ—все тѣ-же. Даже камни, по которымъ идутъ...

Какъ и прежде, выскакиваютъ на поверхность водяные кувшинчики, расцвѣтая, словно вѣчныя розы, не умирая ни зимою, ни лѣтомъ. Я сѣла надъ ключемъ и—забыла все на свѣтѣ.

Птицы весело щебетали въ кустахъ, изъ за густой листвы которыхъ сверкали ручейки, въ разныя стороны разбѣгавшіеся отъ источника. Неподалеку перерѣзываютъ имъ дорогу пески.

Надъ родникомъ повсюду краснѣетъ златоцвѣтъ, который мы всегда съ мамой ходили сюда рвать. Отваръ этой травы помогалъ ей отъ головной боли. Я протянула руку и машинально сорвала нѣсколько цвѣточковъ, но въ ту же минуту, точно въ наказаніе за ихъ смерть, я во рту какъ будто почувствовала ихъ горькій вкусъ, и капли горечи просочились мнѣ въ душу.

Я пошла дальше. Передо мною была плотина, ведущая къ усадьбѣ. Какъ тутъ все измѣнилось... Деревья новыя... Только искорки, что зажигаются на волнахъ озера и на скользкихъ стебляхъ камыша, только запахъ аира и влажный ароматъ ивы — все тѣ же. Блѣдно-желтыя водяныя лиліи улыбались мнѣ съ своихъ широкихъ листьевъ и наполняли душу сладкою радостью.

Большія ольхи надъ озеромъ срублены и нѣтъ ужъ фигуры св. Яна. Плотину, видно, снесло водою и на ея мѣстѣ устроили шлюзъ, черезъ который стекаетъ избытокъ воды. Теперь его нѣтъ, и озеро стоитъ тихо, ровно, спокойно, и не слышно мелодическаго шума воды, который я такъ любила въ дѣтствѣ... Онъ смолкъ, промелькнулъ, какъ промелькнуло мое дѣтское счастье...

И нѣтъ ужъ всего этого, какъ нѣтъ той воды, что текла тогда, и ужъ не вернуть ничего, какъ не вернуть тѣхъ капель, что упали въ море и въ немъ потонули.

Старая почернѣвшая мельница за плотиной еще стоитъ на томъ же мѣстѣ, утопая въ зелени. Лиственница на дорогѣ разрослась еще гуще. Двѣ ивы, росшія подлѣ рабочихъ домиковъ совсѣмъ уже сгнили, и только нѣсколько зеленыхъ стеблей еще подымаются вверхъ надъ ихъ умирающими стволами.

Вотъ и нашъ домъ.

Боже, что за разореніе! Изгороди, клумбы, аллеи—все исчезло безъ слѣда, истреблено безжалостной рукою. Даже плющъ, обвивавшій крыльцо, сорванъ, само крыльцо развалилось, со стѣнъ обвалилась штукатурка, окна разбиты...

Я вошла въ сѣни, пріотворила дверь первой, большой комнаты, въ которой умерли мои родители. Тамъ было полно всякой еврейской рухляди. Въ *этомъ* углу стояла большая кровать со множествомъ перинъ.

Я убѣжала.

Никто изъ взрослыхъ не замѣтилъ меня, только маленькій, лѣтъ шести, мальчишка выползъ откуда то и сталъ мнѣ на дорогѣ. Когда я вышла на дворъ, человѣкъ десять обступило меня со всѣхъ сторонъ. Они лѣзли ко мнѣ съ вопросами, кто я, чего мнѣ нужно. Я, сама не понимая, что говорю, отвѣчала имъ что-то. Какой-то старикъ еврей шелъ рядомъ со мной и, пытливо глядя на меня, разспрашивалъ о чемъ-то. Я прошла уже дворъ, минула липовую аллею и направилась къ Буковой, а старый еврей въ атласномъ халатѣ все не отставалъ отъ меня и не переставалъ говорить. Я молчала. Я еле тащилась... Наконецъ, онъ оставилъ меня, но издали еще смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, слѣдя за каждымъ моимъ шагомъ, межъ тѣмъ какъ изъ-за кустовъ выглядывали его ребятишки.

На душѣ у меня было мрачно, тоскливо, сердце словно застыло, ни одного чувства не было въ немъ. Только тяжелыя, мучительныя мысли, какъ молнія, пронизывали мозгъ. Все, что когда-то жило и

дышало на этомъ мѣстѣ, все исчезло въ безднѣ времени, все протекло. Одна лишь равнодушная земля осталась та же и, какъ и прежде, зеленѣетъ на солнцѣ. Не осталось никакихъ слѣдовъ ни отца, ни матери, ни меня, ни братьевъ. Все это пространство, пропитанное нашей работой, нашими мыслями, нашими чувствами, взялъ другой.

На томъ мѣстѣ, гдѣ они испустили послѣдній вздохъ, гдѣ для меня—святая святыхъ,—раздается теперь говоръ и смѣхъ чужихъ. Деревья, что долгіе тоскливые годы жили въ душѣ моей, какъ святые, таинственные символы недоступнаго простымъ смертнымъ, дорожныя колеи на желтомъ пескѣ, что, словно золотыя веревки, среди тяжелыхъ, зимнихъ ночей, полныхъ слезъ и тоски, влекли все существо мое въ эти края, мои луга и поля, блескъ воды въ изгибахъ рѣки межъ ольхами — все досталось въ руки пришельцу! И все, что хранилось въ душѣ моей, какъ самыя дорогія сокровища, у него пошло въ дѣло и стало лишь предметомъ наживы.

И онъ, какъ и мы, отживетъ и съ своимъ мелкимъ торгашескимъ мозгомъ низойдетъ въ эту землю, которая пожираетъ все и вся! Я узнала тогда ея истинный видъ! Ея улыбку вѣчному солнцу, въ которой было какъ бы издѣвательство надъ моей любовью къ ней. Какъ бы циничное признаніе, будто она меня никогда не видала и знать не знаетъ, кто я. Она не такая, какою я такъ страстно любила ее!

Она равнодушна къ любви человѣка. И когда рвешься къ ней всею душою, всѣмъ существомъ своимъ, она пріоткроетъ тебѣ въ сонномъ видѣніи какую-то цѣль неземную, достичь которой не по силамъ тебѣ.

Неподалеку отъ оврага, въ этомъ тихомъ уголкѣ межъ полями, я вдругъ остановилась. Меня удержала непонятная сила.

Я вдругъ почувствовала такъ близко около себя моихъ родителей, что, кажется, слышала ихъ голоса, могла бы коснуться ихъ руками. Мнѣ почудилось, что они за моею спиною, что если я вернусь и войду въ ворота усадьбы, я увижу ихъ подъ липами. Такого ощущенія близости я не испытывала даже въ Кравчискахъ.

Кругомъ было тихо. Иллюзія длилась одно мгновеніе.

Мгновеніе — и въ душу мою ярко проникло сознаніе всего ужаса смерти.

Гдѣ же они? Во что они обратились? Куда ушли отъ земли? Все существо мое содрогалось до глубины души.

Я въ прахъ разсыпалась передъ смертью—съ мольбой открыть мнѣ непонятную тайну.

Гдѣ мой отецъ, гдѣ мать, гдѣ Вацлавъ?..

И тогда въ ушахъ моихъ, какъ по дорогѣ въ Менкаржицы, опять прозвучали слова:

«Потому что участь сыновъ человѣческихъ и участь скотовъ одинаковая участь: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одинъ

духъ у всѣхъ, и преимущества у человѣка передъ скотомъ нѣтъ, потому что все суета».

А за ними еще, сами собою, срывались съ дрожавшихъ устъ слова псалмопѣвца Господняго:

«Кто знаетъ, духъ сыновъ человѣческихъ восходитъ ли кверху и духъ скотовъ сходитъ ли внизъ, въ землю. Все идетъ въ одно мѣсто: все произошло изъ праха».

Обезсиленная, съ глухимъ отчаяніемъ, дотащилась я до холма. Я взошла на него и, ничего не видя, не слыша, блуждала между березами. Не помню, какъ и гдѣ я упала на землю. Мнѣ страстно захотѣлось умереть. Смерть одна витала надо мною, ее одну я чувствовала въ послѣднемъ біеніи моего сердца.

Долго, долго такъ лежала я...

И вотъ, съ кладбища въ Кравчискахъ пришла тогда ко мнѣ моя мать. Сквозь илъ, сквозь песокъ, сквозь камни прошла она подъ землею. Не безмолвное, мертвое поле было подо мною: я лежала на груди матери, слышала біеніе ея сердца. Глубоко изъ подъ земли передавались мнѣ ея тревожныя волненія. Напрасно пыталась бы я выразить словами, что происходило со мною. Смерть испугалась и удалилась, утихла скорбь и слезы.

О, ясные цвѣты моей долины...

Конецъ первой части.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Проф. А. Ѳ. Брандта.

(*Продолженіе* *).

Глава IV.

Черепъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1780 г., скончался въ Парижѣ голландскій врачъ и анатомъ *Петръ Камперъ*, не дождавшись напечатанія приготовленной имъ рукописи «Объ естественномъ различіи въ чертахъ человѣческаго лица», скромнаго труда, написаннаго, главнымъ образомъ, для художниковъ. Автору, едва ли снилось, что его труду было суждено дать первый толчекъ къ научному обоснованію ученія о черепѣ, да и антропологіи вообще. Въ сочиненіи трактуется впервые о «лицевомъ углѣ», которымъ дается первый образчикъ точнаго, цифрового опредѣленія едва ли не самой основной черты въ складѣ человѣческой головы, а именно, ея профиля. Но для того, чтобы научное открытіе не заглохло безплодно, оно требуетъ пропаганды и разработки. Открытіе *Кампера* встрѣтило и то, и другое сразу со стороны нѣмецкихъ ученыхъ. Одинъ изъ нихъ, знаменитый анатомъ *Земмерингъ*, перевелъ трактатъ *Кампера* на нѣмецкій языкъ, другой ученый, *Блуменбахъ*, заинтересованный методомъ *Кампера*, вступилъ на путь спеціальныхъ краніологическихъ работъ и тѣмъ самымъ сдѣлался отцомъ научной антропологіи. Онъ же основалъ при Геттингенскомъ университетѣ первую по времени коллекцію черепов̆ъ.

Вскорѣ краніологія, череповѣдѣніе, поглотила вниманіе ученыхъ настолько, что заслонила антропологическія изысканія въ другихъ областяхъ; вѣрнѣе, вся антропологія стала сводиться къ краніологіи, какъ бы съ нею отождествлялась. Такъ было, примѣрно, до середины нашего столѣтія. При этомъ, надо замѣтить, краніологія разрабатывалась, главнымъ образомъ, примѣнительно къ изслѣдованію народностей, въ этническомъ направленіи, т. е. съ цѣлью установленія характерныхъ при-

*) См. «Міръ Божій», № 7. Іюль.

знаковъ расъ и народовъ. Въ концѣ концовъ, антропологія измельчала, исхудала на безчисленныхъ краніологическихъ работахъ съ длинными таблицами измѣреній череповъ. Цифръ накоплялось великое множество, но достовѣрныхъ обобщеній и выводовъ не было почти никакихъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не выступили на поприщѣ антропологіи и не вдохнули въ нее свѣжую струю такіе корифеи, какъ въ Германіи *Рудольфъ Вагнеръ*, *Вирховъ*, *Карлъ Фохтъ*, въ Россіи академикъ *Бэръ*, въ Швеціи *Рециусъ*, во Франціи *Брока*. Трудами этихъ и многихъ другихъ ученыхъ антропологія перестала толчись на одномъ мѣстѣ, расширилась и углубилась. Подоспѣла, наконецъ, и великая эпоха преобразованія всѣхъ отраслей біологіи подъ вліяніемъ торжества идеи единства органическаго міра, кровнаго сродства всѣхъ представителей животнаго царства съ человѣкомъ во главѣ. Отсюда примѣненіе сравнительно-анатомическихъ принциповъ къ антропологіи вообще и къ ученію о черепѣ въ частности.

При осмотрѣ и описаніи, особенно сравнительномъ, какихъ-либо предметовъ, разумѣется далеко не безразлично откуда, съ какой точки ихъ разсматривать. Предметы небольшіе мы, поэтому, поворачиваемъ и ставимъ противъ себя такъ, чтобы особенно назидательно и рѣзко выступали ихъ характерныя черты. При сравнительномъ изученіи череповъ въ натурѣ и на рисункахъ, понятно, особенно желательна однообразная ихъ постановка. Еще *Камперъ* не могъ не сознавать этого и озабочивался указаніемъ пріемовъ постановки череповъ, ради осмотра и изученія ихъ сверху, спереди, сзади, сбоку и снизу, или, выражаясь языкомъ антропологовъ, въ *пяти нормахъ*: вертикальной, лицевой, затылочной, боковой и основной. Ради этого, прежде всего. необходимо ставить или вѣшать черепа правильно по горизонту. Но, спрашивается, чѣмъ при этомъ руководствоваться? Какія линіи или плоскости раціональнѣе или удобнѣе всего считать горизонтальными? *Камперъ* принялъ за горизонтальную—линію отъ нижняго конца носа до слухового прохода, т. е. линію, идущую, главнымъ образомъ, вдоль скуловой дуги. Скуловыми костями же руководствовался при горизонтальной установкѣ череповъ и *Блуменбахъ*. Оба ученыхъ еще не гнались за особенной точностью въ дѣлѣ постановки череповъ, а потому не смущались кривизною скуловыхъ дугъ и неопредѣленностью точекъ, черезъ которыя проходила ихъ горизонталь. Новѣйшіе антропологи относятся къ этому дѣлу съ щепетильною аккуратностью. На одномъ изъ германскихъ антропологическихъ съѣздовъ постановлено впредь руководствоваться, какъ горизонталью, линіей, соединяющей верхній край слухового прохода съ нижнимъ краемъ глазницы (рис. 17). Въ сущности, эта *германская* горизонталь мало отличается отъ *камперовой*, но имѣетъ передъ нею то преимущество, что ея концевыя точки вполнѣ опредѣленны. Разъ помѣстивъ черепъ строго горизонтально, его уже удобно вращать столь же строго какъ около вертикальной, такъ и горизонтальной осей.

Полезными пособіями для укрѣпленія череповъ въ желательномъ положеніи являются такъ называемые *краніофоры*, черепоносцы, изъ числа которыхъ наиболѣе удобные даютъ возможность поворачивать черепъ къ наблюдателю поочередно любой изъ пяти нормъ. Къ лучшимъ станкамъ такого рода относится ушной *краніофоръ Брока*, изображенный на (рис. 18). Въ краніофорѣ *Брока* черепъ можетъ быть осматриваемъ не только спереди, сбоку и сзади, но и сверху и снизу.

Рисованіе находитъ широкое примѣненіе въ краніологіи, такъ какъ никакое описаніе, какъ бы оно ни было точно и обстоятельно, никогда не даетъ яснаго представленія о данномъ черепѣ. Вообще, какъ извѣстно, естествоиспытатели разнообразнѣйшихъ спеціальностей рисуютъ описываемые

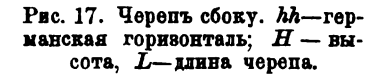


Рис. 17. Черепъ сбоку. *hh*—германская горизонталь; *H* — высота, *L*—длина черепа.

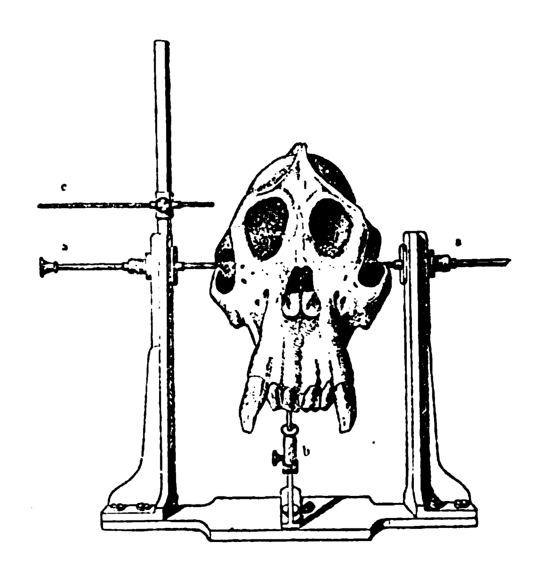


Рис. 18. Краніофоръ *Брока*, съ установленнымъ въ немъ черепомъ гориллы.

ими предметы перспективно (въ конической проекціи), т.-е. такъ, какъ мы ихъ видимъ, какъ ихъ изображаютъ живописцы и фотографы. Техниками, напротивъ того, практикуется, и притомъ предпочтительно, еще другой способъ начертанія, въ ортогональной проекціи. При этомъ способѣ точка зрѣнія рисовальщика мѣняетъ свое положеніе и имъ фиксируются на бумагѣ не сходящіеся, а параллельные свѣтовые лучи, какъ еслибъ рисовальщикъ находился на безконечномъ разстояніи отъ предмета. Этотъ способъ рисованія, даетъ условныя, искаженныя изображенія. Но зато эти изображенія въ высшей степени полезны, прямо необходимы для техника, строителя, который помощью циркуля, по приложенному масштабу, опредѣляетъ безошибочно всѣ размѣры изображеннаго предмета.

Дорожа возможностью производить измѣренія на рисункахъ въ ортогональной проекціи, *Луце* усиленно пропагандировалъ иллюстрированіе краніологическихъ работъ именно этого рода рисунками. Въ на-

чалѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ привелось видѣть у этого ученаго, вмѣстѣ со снимками череповъ въ разныхъ нормахъ, и его собственный, снятый по его способу, портретъ—нѣчто до каррикатуры искаженное. Въ Россіи способъ *Луце* нашелъ ревностнаго поборника въ лицѣ проф. *Ландцерта*. Полемика, возгорѣвшаяся въ ту пору между приверженцами и противниками франкфуртскаго анатома, рѣшается безпристрастными судьями достаточно просто. Правильное, неискаженное представленіе о черепѣ дается лишь обычнымъ перспективнымъ рисункомъ. Безъ таковаго обойтись нельзя. Въ тѣхъ, однако, случаяхъ, когда желательно дать читателю возможность провѣрки сообщаемыхъ авторомъ измѣреній или же пополненія ихъ дальнѣйшими, то рисунки въ ортогональной проекціи являются очень цѣнными, но только не иначе, какъ на придачу къ перспективнымъ рисункамъ или фотографическимъ снимкамъ.

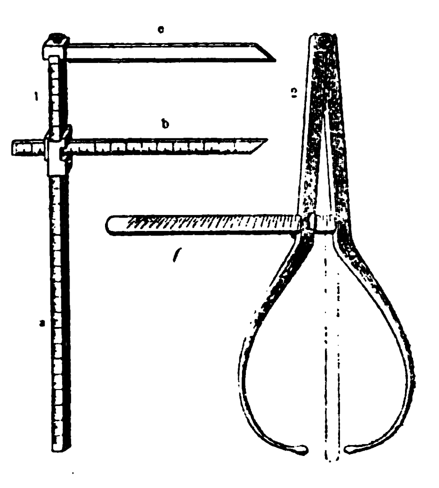


Рис. 19. Краніометры, 1 съ раздвижными, 2 съ кривыми ножками.

Первенствующее значеніе въ краніологической методикѣ, безспорно присвоено измѣреніямъ. Измѣренію же подлежать характерные, рѣшающіе размѣры: прямолинейные и обхваты, далѣе извѣстные углы и, наконецъ, емкость черепной полости. О послѣдней рѣчь впереди, въ связи съ вопросомъ о количествѣ мозга.

Кратчайшихъ разстояній между противоположными точками такого округлаго тѣла, какъ черепъ, нельзя опредѣлить ни простымъ приложеніемъ прямого масштаба, ни обыкновеннымъ циркулемъ, концы котораго не могутъ доставать этихъ точекъ. Поэтому, прибѣгаютъ къ циркулямъ съ кривыми или же съ раздвигающимися вдоль линейки ножками (рис. 19). Такимъ циркулямъ присвоено нѣсколько притязательное наименованіе *краніометровъ* со специальнымъ обозначеніемъ еще имени ученаго, предложившаго то или другое ихъ видоизмѣненіе. По существу это ничто иное, какъ издавна употребляющіеся скульпторами, механиками, а иногда даже и столярами, тѣлесные циркуля. Для того, чтобы не надо было всякій разъ прикладывать такой циркуль къ масштабу, прямой или дугообразный, масштабъ прилаживается къ самому циркулю.

Изъ голыхъ абсолютныхъ цифръ, получаемыхъ при непосредственномъ измѣреніи череповъ съ одной стороны, выводятся среднія числа для многихъ череповъ; а съ другой—опредѣляется соотношеніе между различными размѣрами черепа. При этомъ за основной размѣръ бе-

рется обыкновенно длинникъ сверху, считая отъ черепа площадки надъ переносьемъ (Glabella) до затылочнаго бугра (рис. 20). Всѣ остальные размѣры выражаются въ доляхъ или процентахъ длинника. Соотношеніе наибольшаго поперечника къ длиннику, выраженное въ процентахъ, носитъ спеціальный терминъ *черепного показателя* (Index). Послѣдній играетъ особенно существенную роль въ дѣлѣ опредѣленія конфигураціи черепа. Пособіемъ къ вычисленію пропорцій, кромѣ дѣлительныхъ циркулей, повидимому, рѣдко кѣмъ изъ антропологовъ употребляемыхъ, можетъ служить разграфленная на сто частей резиновая ленточка. Растянувъ ее до длины даннаго черепа, мы автоматически раздѣлимъ эту длину на сто равныхъ частей; всякій другой, меньшій размѣръ черепа, будучи отложенъ циркулемъ (краніометромъ) на ленточкѣ, сразу, безъ вычисленія пропорціи, получается въ процентахъ длины. Предложенный мною на этомъ незатѣйливомъ принципѣ *процентометръ* удостоенный награды на чикагской выставкѣ, начинаетъ примѣняться краніологами.

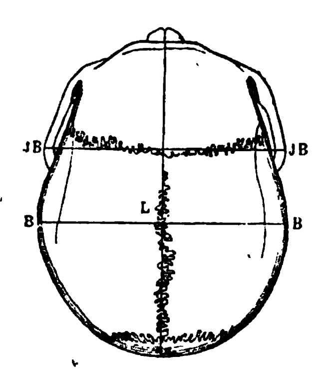


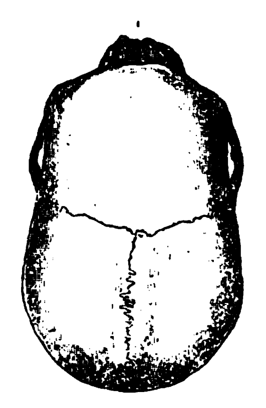
Рис. 20. Черепъ въ вертикальной нормѣ. L—длина; BB—ширина; JB,JB—ширина скулъ.

Достаточно одного взгляда на любую, случайно собранную краніологическую коллекцію, чтобы убѣдиться въ измѣнчивости черепного показателя. Она нерѣдко бросается въ глаза и на живыхъ людяхъ. Въ настоящее время, въ силу международнаго соглашенія, принято классифицировать черепа на *среднеголовыхъ (мезокефалическихъ)*, *длинноголовыхъ* (рис. 21) *(долихокефалическихъ)* и *короткоголовыхъ* (*брахикефалическихъ*) и притомъ считать за черепа мезокефалическіе (рис. 20) тѣ, у которыхъ ширина составляетъ отъ $^3/_4$ до (отъ 75,0 до 79,9%) длины. Черепа, на которыхъ ширина спускается ниже 75%, признаются долихокефалическими. Среди нихъ, какъ крайнія формы (рис. 21), встрѣчаются единичные черепа съ показателемъ въ 55, т.-е., у которыхъ длина безъ малаго вдвое превосходитъ максимальную ширину. Въ противоположность долихокефалическимъ, брахикефалическіе обладаютъ показателемъ выше предѣловъ показателей мезокефалическихъ, т.-е. начиная отъ 80 и до 100, т.-е. вплоть до равенства поперечника и длинника, или, что то же самое, до правильной круговой формы черепа, разсматриваемаго въ вертикальной нормѣ.

На конфигурацію черепа сильно вліяетъ его относительная высота. Изъ различныхъ методовъ ея опредѣленія вирховскій можетъ считаться особенно простымъ и цѣлесообразнымъ. Черепъ устанавливается въ условленной (германской) горизонтальной плоскости и затѣмъ, помощью циркуля-краніометра, берется разстояніе отъ передняго края большого затылочнаго отверстія до высшей точки черепа. При этомъ обѣ ножки

циркуля слѣдуетъ держать въ общей отвѣсной плоскости. Найденная такимъ способомъ абсолютная высота, будучи выражена въ процентахъ длины черепа, даетъ его *высотный показатель*. Разумѣется, могутъ быть различаемы, по высотѣ, черепа: средніе, ниже и выше среднихъ. Разграниченіе этихъ категорій условное. Средними, *ортокефалическими*, принято называть тѣ, у которыхъ показатель высоты лежитъ въ предѣлахъ между 70 и 75%. Показатели въ 70 и ниже обусловливаютъ такъ называемые низкіе или приземистые, *хамеокефалическіе*, а свыше 75 высокіе, *гипсокефалическіе* *) черепа.

Подобно мозговому вмѣстилищу, подлежитъ измѣренію и лицевая часть черепа. Соотношеніемъ между длиною и шириною лица опредѣляется *коротколицость (брахипрозопія)* и *длиннолицость (долихопрозо-*



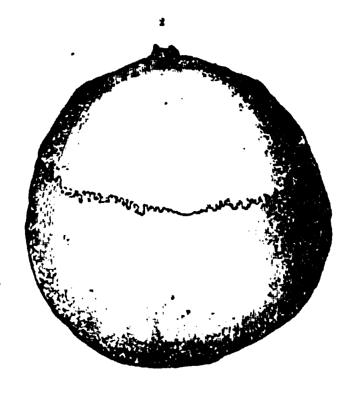


Рис. 21. Черепа: 1 длинноголовый; 2 короткоголовый.

пія) **), при чемъ было бы недурно установить и промежуточную категорію, мезопрозопію. Длина лица берется, разумѣется, анатомическая, т.-е. выключая лобъ, стало быть, отъ переносья до нижней точки подбородка, шириною же считается разстояніе между двумя наиболѣе выступающими точками скуловыхъ дугъ. Вычисляется и лицевой показатель, т.-е. процентное содержаніе длины въ широтѣ. Лица съ показателями до 9°, у которыхъ длина не свыше $^{9}/_{10}$ ширины, антропологи условились называть низкими, широкими, а у которыхъ длина превосходитъ эти $^{9}/_{10}$,—длинными или узкими.

Теперь вернемся къ лицевому углу, который налагаетъ особенно рѣзкую печать на профиль черепа, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и на всю физіономію. Укороченная, сплюснутая форма человѣческаго лица, въ противоположность вытянутой животной мордѣ, и проистекающее отсюда рѣзкое различіе въ профиляхъ, вотъ то, что впервые привлекло вни-

*) Отъ греческихъ словъ: kephale—голова, orthos—правильно, chamae—низко, приземисто, hypsos—возвышенность, высота.

**) Отъ prosopon—лицо, brachys—короткій, dolichos—длинный.

маніе *Кампера* и побудило его сосредоточиться на аналогичныхъ, лишь менѣе бросающихся въ глаза различіяхъ въ человѣческихъ профиляхъ. Что эти различія замѣчались и до *Кампера*, и притомъ тысячами ученыхъ, художниковъ и профановъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но одному лишь *Камперу* пришла счастливая и столь плодотворная идея обратиться къ ихъ измѣренію.

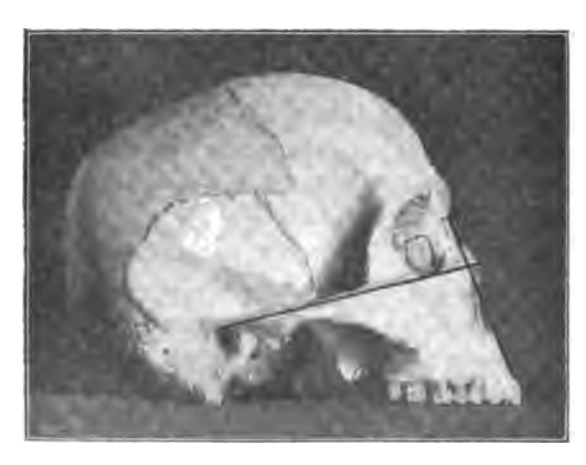


Рис. 22. Лицевые углы. 1 Кампера, 2 Клоке, 3 германскій.

За основную сторону своего столь прославившагося лицевого угла *Камперъ* избралъ линію, принятую имъ за горизонтальную всего черепа, а именно, линію, проводимую отъ нижней части носа до слухового прохода. Другую сторону угла онъ проводилъ отъ передняго конца этой горизонтали къ наиболѣе выступающей точкѣ лба (рис. 22). Самъ *Камперъ* опредѣлилъ размѣры этого угла на черепѣ обезьяны изъ семейства мартышекъ всего въ 42°, на черепѣ очень молодого орангутанга въ 58°, на черепѣ одного негра и одного калмыка въ 70° и у разныхъ взрослыхъ европейцевъ въ 80°.

На нашемъ рисункѣ съ угломъ *Кампера* со-

поставлены еще лишь углы *Клоке* и такъ-наз. германскій, хотя подобныхъ угловъ было предложено еще нѣсколько.

По причинѣ кривизны черепа, углы въ родѣ камперова и Клоке легко опредѣляются лишь на рисункахъ или фотографическихъ снимкахъ въ профиль; для непосредственнаго же измѣренія ихъ на черепѣ требуются болѣе или менѣе сложныя приспособленія въ видѣ линеекъ или рамокъ, обхватывающихъ черепъ. Всего этого не требуетъ уголъ германскій. Нижней стороной его служитъ германская горизонталь, т. е. линія, проводимая черезъ верхнюю точку слухового прохода и нижнюю точку глазницы; боковой стороной угла является линія, идущая отъ переносья къ передней точкѣ верхнечелюстнаго края или, что

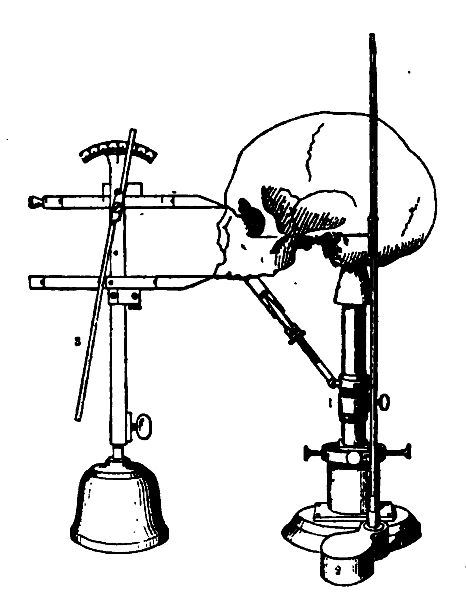


Рис. 23. Гоніометръ Ранке (3). Черепъ установленъ въ краніофоръ Шпенгеля (1); подлѣ него шестъ для измѣренія высоты.

то же самое, къ основанію передняго рѣзца. Вершина угла приходится въ области носа, при чемъ лежитъ иногда и впереди, уже внѣ области очертаній лица. Но верхушка германскаго угла можетъ быть перенесена и на конецъ верхней челюсти, къ основанію средняго рѣзца, если провести тутъ мысленно линію, параллельную нормальной горизонтали: ибо изъ геометріи извѣстно о равенствѣ угловъ, образуемыхъ пересѣченіемъ параллельныхъ линій какой-либо другой линіей и обращенныхъ вершинами въ одну и ту же сторону.

Казалось бы, что для измѣренія германскаго угла требуются рисунки или сложные приборы *гоніометры*; но, благодаря геніально-простой, свѣтлой мысли *Ранке*, тутъ достаточно приборчика до нельзя простого. Глядя на него, невольно восклицаешь: «да, стоитъ только

догадаться, за дѣло просто взяться». На самомъ дѣлѣ, весь приборъ въ сущности состоитъ изъ двухъ горизонтальныхъ, взаимно параллельныхъ шпилекъ одинаковой длины. Одна изъ нихъ прикрѣплена къ отвѣсному соединительному шесту неподвижно, а другая можетъ двигаться въ немъ впередъ и назадъ. Степень выдвиганія подвижной шпильки противъ конца неподвижной показывается стрѣлкой на дугѣ, разграфленной на градусы. Достаточно внимательнаго взгляда на прилагаемый рисунокъ (рис. 24), для того, чтобы понять всю простоту устройства и пользованія аппаратомъ. Конецъ неподвижной шпильки упираютъ въ передпюю, среднюю точку верхнечелюстного края, конецъ подвижной—въ переносье, въ лобно-носовой шовъ. При этомъ стрѣлка, толкаемая особымъ штифтикомъ, устанавливается на соотвѣтственный градусъ дуги. Такъ какъ высота лица величина измѣнчивая, то нижняя изъ двухъ шпилекъ прибора можетъ быть приподымаема и опускаема. Гоніометръ *Ранке*, какъ видите, касается черепа лишь двумя точками, совершенно доступными спереди, незаслоняемыми никакими выступами.

Величина лицевого угла служитъ мѣриломъ для разныхъ степеней такъ-называемыхъ *ортогнатіи* и *прогнатіи* *). Ортогнатичными или прямозубыми принято называть черепа, у которыхъ верхнія челюсти, при горизонтальной установкѣ черепа, мало или вовсе не выступаютъ впередъ противъ лба (въ частности лобныхъ бугровъ или переносья), на которыхъ края челюстей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зубы, сохраняютъ отвѣсное положеніе. Значительное выступаніе челюстей и косина зубовъ, напротивъ того,—признакъ прогнатіи. Впрочемъ, прогнатія бываетъ разная. Если выдвинуты впередъ верхнечелюстныя кости вмѣстѣ съ нёбомъ, т. е. отодвинуты отъ затылка, то мы имѣемъ предъ собою случай *истинной прогнатіи*. Въ противоположность этой формѣ признается еще прогнатія *ложная* или *альвеолярная*, при которой небо и челюсти сами по себѣ вовсе не выдвинуты, и выступаетъ впередъ и поставленъ косо лишь зубной отростокъ челюстей вмѣстѣ съ зубами и ихъ лунками, альвеолами. Само собою понятно, что съ различными профилями и различными степенями орто-и прогнатіи могутъ сочетаться различныя соотношенія между длиною и шириною лица и собственно черепа.

Присматриваясь къ черепамъ, расположеннымъ на полкахъ музея, мы убѣждаемся въ томъ, что каждому изъ нихъ присвоены не только различія въ формѣ, но какъ бы и въ физіономіи. Одинъ смотритъ на насъ спокойно своими запустѣвшими орбитами, другой точно улыбается, третій словно злится или хмурится. Это признается и самыми серьезными учеными, да и представляетъ собою совершенно естественную иллюзію. На самомъ дѣлѣ, складкамъ, морщинкамъ, придающимъ выра-

*) Отъ gnathos—челюсть, orthos—прямо и pro—впередъ.

женіе человѣческой физіономіи аналогичны выступы. гребешки, ложбинки черепа, точно также въ различной степени выраженные и сочетанные. Бугорки, гребешки, шероховатости вырабатываются на черепѣ игрою мимическихъ и жевательныхъ мускуловъ, которые прикрѣпляются на соотвѣтственныхъ мѣстахъ и, раздражая при своемъ сокращеніи подлежащую кость, заставляютъ ее усиленно разростаться. Отсюда заключеніе, что костные выступы должны быть лучше выработаны у людей энергичныхъ, съ выразительными чертами, съ напряженною и подвижною мускулатурою. Однако, степень выработки костныхъ выступовъ отчасти могла бы быть отнесена и на счетъ большей или меньшей податливости, пластичности костной ткани. На этомъ предположеніи основано признаніе антропологами череповъ *мягкихъ* и *жесткихъ*. Первымъ свой-

Рис. 24. Черепъ негра съ лоневой прогнатіей.

ственны рѣзко выраженные гребешки, бугорки, вторымъ—расплывчатые, слабо отмѣченные.

На общую конфигурацію черепа въ значительной мѣрѣ вліяетъ сращеніе костныхъ швовъ и ихъ послѣдовательность. Вѣдь, кости черепа растутъ по краямъ. Поэтому болѣе раннее сращеніе продольныхъ швовъ препятствуетъ дальнѣйшему наростанію костей справа и слѣва, стало быть, расширенію черепа, и, наоборотъ, болѣе раннее сращеніе швовъ поперечныхъ препятствуютъ наростанію костей спереди и сзади и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удлиненію черепа. При общей связи частей черепа, мѣстная причина, скажемъ, для примѣра, раннее сращеніе костей на основаніи черепа, можетъ повліять рѣшающимъ образомъ на всю совокупность костей и на пропорціи черепа.

На интересный путь изслѣдованія вступилъ въ недавнее время извѣстный базельскій анатомъ *Юл. Коллъманъ*. Лѣтомъ 1898 г., на съѣздѣ антропологовъ въ Брауншвейгѣ, онъ прочелъ докладъ о воспроизведеніи по черепу образа его бывшаго обладателя. Для этого воспроизведенія онъ пользовался трупами взрослыхъ мужчинъ и жен-

щинъ умѣренной упитанности, помощью иглы втыкаемой вплоть до костей, опредѣлилъ, на многихъ характерныхъ точкахъ, среднюю толщину кожи и, вообще, мягкихъ частей головы. Затѣмъ *Колльманъ*, при содѣйствіи скульптора, налѣплялъ на соотвѣтственныхъ точкахъ черепа, натуральнаго или его гипсоваго слѣпка, комки глины соотвѣтственно толщинѣ мягкихъ частей, а промежутокъ выполнялъ глиною же. Было бы интересно проконтролировать пріемъ *Колльмана* сличеніемъ его воспроизведеній съ масками, бюстами и фотографіями, снятыми съ дав-

Рис. 25. Реставрированный по черепу обликъ женщины каменнаго вѣка.

ныхъ людей при жизни или тотчасъ послѣ смерти. На съѣздѣ антропологовъ *Колльманъ* демонстрировалъ реставрированный имъ бюстъ женщины Каменнаго вѣка (рис. 25). Къ слову о физіономіи людей временъ до-историческихъ. Въ богатѣйшемъ копенгагенскомъ до-историческомъ музеѣ выставлены мумифицированные трупы людей бронзоваго вѣка извлеченные изъ торфянниковъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, тѣла сохраняются тысячелѣтіями, благодаря дезинфецирующимъ свойствамъ торфа. Быть можетъ, современемъ удастся различить ихъ физіономіи.

Отъ этихъ замѣчаній, касающихся общихъ и индивидуальныхъ варіацій черепа, обратимся къ его измѣненіямъ по возрастамъ, полу и племенамъ.

Рис. 26 даетъ сопоставленіе череповъ взрослаго и новорожденнаго. Ради наибольшей назидательности, обѣ фигуры приведены къ одинаковой высотѣ и соотвѣтственныя точки лицевой области соединены пунктирными линіями. Тутъ, прежде всего, бросается въ глаза большая округлость дѣтской головки, на которой поперечникъ не уступаетъ длиннику, далѣе колоссальное преобладаніе мозговой части передъ лицевой; какъ разъ обратное тому, что видимъ на взросломъ черепѣ. Съ полною ясностью въ этомъ сказывается основной законъ роста головы всякаго не только млекопитающаго, но и позвоночнаго животнаго вообще. Мозгъ—органъ, далеко опережающій въ своемъ развитіи остальные органы. Сообразно этому и мозговая костяная коробка весьма объемиста. Челюстной аппаратъ, на который, главнымъ обра-

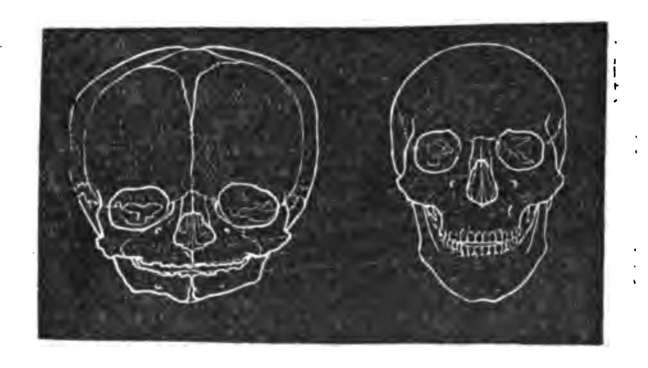


Рис. 26. Пропорціональность частей черепа у взрослаго и новорожденнаго.

зомъ, сводится лицо, составляетъ, по объему лишь маленькій ея придатокъ. Ростъ мозговой коробки въ ширь увлекъ и лицевую часть, которая относительно тоже шире, нежели у взрослаго. Отсюда и сравнительно большая ширина по преимуществу пограничныхъ частей: переносья и глазницъ. Чѣмъ дальше книзу, тѣмъ значительнѣе части дѣтскаго личика отстали въ ростѣ по отношенію къ общей высотѣ черепа, и тѣмъ сильнѣе долженъ быть ихъ послѣдующій ростъ. Беззубый старческій черепъ представляетъ нѣкоторую аналогію съ черепомъ новорожденнаго. Послѣдствіемъ выпаденія зубовъ является всасываніе зубныхъ лунокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всего зубного отростка верхней и нижней челюсти, и такимъ образомъ челюсти какъ бы возвращаются къ своему первобытному состоянію, когда зубныя лунки еще не успѣли сформироваться.

Возможно ли различать черепа мужскіе и женскіе? *Вирховъ* находитъ, что половыя различія прямо колоссальны на черепахъ первобытныхъ жителей Новой Британіи. У европейскихъ народовъ они, во вся-

комъ случаѣ, не настолько рѣзки, чтобы опредѣленіе могло быть сдѣлано всегда съ полной увѣренностью: тѣмъ не менѣе опытный глазъ анатома рискуетъ не особенно часто попадать въ просакъ. Мы отмѣчаемъ въ типичномъ женскомъ черепѣ нѣкоторое сродство съ юношескимъ, что сказывается въ абсолютно меньшихъ его размѣрахъ, въ сравнительно большемъ объемѣ черепной коробки и меньшемъ развитіи челюстного аппарата, который у мужчинъ намекаетъ на животный типъ. Въ общемъ же, различія гармонируютъ съ меньшимъ ростомъ женщины.

Многіе десятки лѣтъ описывались и измѣрялись массы череповъ въ увѣренности, или хоть въ надеждѣ, установить расовыя различія. Въ настоящее время по прежнему нельзя не признавать существованія извѣстныхъ черепныхъ типовъ, присвоенныхъ племенамъ: монгольскому негрскому и другимъ; но, съ другой стороны, нѣтъ возможности указать ни на одно племя—за исключеніемъ развѣ очень немногихъ изолированныхъ народцевъ,—у котораго данный черепной типъ былъ бы присвоенъ поголовно всѣмъ индивидамъ. Даже у негровъ, которые обязательно изображаются въ болѣе элементарныхъ сочиненіяхъ съ сильной прогнатіей, de facto встрѣчаются всевозможныя черепныя формы. А какъ разнообразны черепа и головы европейцевъ! Въ любомъ большомъ европейскомъ городѣ, среди коренного населенія съ годами, при должномъ вниманіи и настойчивости, можно бы набрать краніологическую коллекцію изъ экземпляровъ вполнѣ типичныхъ для негровъ, папуасовъ, монголовъ, краснокожихъ и т. д. По поводу такихъ выводовъ расовой краніологіи знаменитый академикъ *Бэръ* пишетъ: «Быть можетъ, воскликнутъ: слишкомъ много работы для такихъ малыхъ результатовъ! Но что дѣлать? Вообще, это большой предразсудокъ публики, будто все дѣло науки только въ томъ, чтобы созидать, строить; зачастую ей приходится больше ломать, нежели она въ состояніи поставить на мѣсто сломаннаго. Это особенно примѣнимо къ сравнительной антропологіи потому, что въ ней большею частью подвизались изслѣдователи, которые не располагали достаточнымъ запасомъ наблюденій и не затрачивали достаточно усидчиваго труда».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖОРЖЪ ЗАНДЪ И ЕЯ ВРЕМЯ.

(*Продолженіе* *).

Въ сотрудничествѣ съ Ж. Сандо, Аврора написала романъ «Rose et Blanche», исторію актрисы и монахини, который имѣлъ успѣхъ. По темѣ онъ вызываетъ въ памяти пѣсню Беранже «Les deux soeurs de charité», а по содержанію это бытовой романъ (roman de moeurs), въ который Аврора внесла свое знаніе монастырской жизни и нѣкоторыя другія наблюденія изъ провинціальныхъ нравовъ. Во время своихъ наѣздовъ въ Ноганъ для свиданія съ сыномъ, Аврора не прекращала своей литературной работы. Чтобы по возможности не видѣть того, что дѣлается вокругъ, она проводила время, «уткнувъ носъ въ свое старое письменное бюро». Тутъ за два мѣсяца осенью того же 1831 г., она написала свою «Индіану», разсчитывая, что Ж. Сандо и этотъ романъ измѣнитъ и увеличитъ главами собственнаго сочиненія. Онъ, однако, на это не согласился, отчего романъ врядъ ли что-нибудь потерялъ, и книга пошла къ издателю въ томъ видѣ, какъ она вылилась изъ подъ пера Авроры. Но издателю было рѣшительно все равно, кто былъ дѣйствительно авторъ, лишь бы на книжкѣ стояло знакомое читателямъ имя. «Rose et Blanche» было подписано J. Sand (сокращеніе Sandeau), и издатель хотѣлъ сохранить его. Чтобы выйти изъ этого конфликта, Делатушъ придумалъ компромиссъ, обозначивъ перемѣну автора только подстановкой Жоржа вмѣсто Жюля. Такимъ образомъ родилось прославленное имя Жоржъ Зандъ, которое съ теченіемъ времени такъ укрѣпилось за писательницей, что ея настоящее имя почти забылось и даже въ интимномъ, дружескомъ кругу ее называли не иначе какъ Жоржъ, да и она сама подписывалась такъ въ своей частной перепискѣ.

Когда Делатушъ сталъ перелистывать только что отпечатанный романъ, онъ, не стѣсняясь нисколько присутствіемъ автора, по своему обыкновенію въ каждой строчкѣ, въ каждомъ выраженіи находилъ поводъ для придирокъ. «Конечно, это подделка; школа Бальзака! Ну, еще бы не подделка! Еще бы не Бальзакъ!» — восклицалъ онъ при

*) См. «Міръ божій», № 7, іюль.

каждой страницѣ. Однако онъ взялъ книгу съ собой, чтобы на досугѣ «перелистать ее до конца». На слѣдующее утро Ж. Зандъ получила слѣдующую записку отъ своего строгаго учителя и судьи: «Жоржъ, я несу вамъ свою повинную; я у вашихъ ногъ. Забудьте жесткія слова, которыя я говорилъ вчера вечеромъ, забудьте всѣ жесткости, которыя я вамъ говорилъ въ теченіе полугода. Я провелъ ночь за вашей книгой. О, дитя мое, какъ я доволенъ вами!» Приговоръ такого критика что-нибудь да значилъ. Очень быстро вся журнальная критика въ унисонъ стала восторгаться произведеніемъ дебютирующаго автора г-на Ж. Занда, тонко подмѣчая, что тамъ и сямъ чувствуется участіе женской руки. Очевидно предполагалось, что «Индіана», какъ и прежній романъ написанъ Жюлемъ Сандо въ сотрудничествѣ съ его подругой. Издатель явился за новымъ романомъ и получилъ рукопись «Валентины»; «Revue des deux mondes», который только что купилъ знаменитый Бюлозъ, просилъ также сотрудничества, словомъ, карьера Ж. Зандъ была завоевана. Что же вызвало такой всеобщій энтузіазмъ? Какія стороны въ первыхъ романахъ ея были такъ привлекательны для современниковъ?

Въ настоящее время трудно перенестись воображеніемъ къ такому времени, когда картина неравнаго брака, въ которомъ слабѣйшая сторона, — жена вынуждена общественными условіями переносить деспотизмъ повелителя — мужа, не казалась избитой. Но такое время дѣйствительно существовало. Еще Руссо поднялъ вопросъ о роли «чувства» въ брачномъ союзѣ, но его голосъ надолго остался одинокимъ. Впрочемъ, семья въ XVIII столѣтіи въ тѣхъ классахъ, которые интересовали литературу, мало давала поводовъ для жалобъ на гнетъ мужей. Ревнивые тираны были персонажами комическихъ оперъ, и угнетаемыя жены всегда находили средство ихъ околпачить. Объ удовлетвореніи нравственныхъ запросовъ въ бракѣ не было рѣчи. Нравы давали фактическую возможность обѣимъ сторонамъ искать внѣ супружества исходъ для потребностей сердца. Несчастный бракъ, претензіи одной изъ сторонъ на свободу другой считались признакомъ дурного тона и мѣщанства. Правда, извѣстныя теченія въ литературѣ уже не чуждались изображенія буржуазной среды, но завоеваніе новой области для искусства происходило лишь постепенно. Конфликтъ буржуазныхъ драмъ заключался, главнымъ образомъ, въ деспотизмѣ родителей, которые ставили препятствія счастію любящихъ сердецъ, но разъ препятствія эти такъ или иначе устранялись, разъ дѣло доходило до вѣнца, то драма считалась оконченной и за предѣлами пятаго акта предполагалась полная идиллія. Позднѣе, психологія страсти захватила громадное мѣсто въ литературѣ. Шатобріанъ, M-me Сталь, Сенанкуръ, а также и романтики школы В. Гюго уже не удовлетворялись прелиминаріями бракосочетанія; одни изображали роковые характеры, любовь которыхъ приноситъ неизбѣжное несчастіе и имъ самимъ, и тѣмъ, кого они любятъ;

другихъ занималъ конфликтъ между свободой чувства и стѣснительными нормами, которое налагаетъ на него общество. И тѣмъ, и другимъ, однако, обыденная драма у домашняго очага казалась слишкомъ прозаической. Но что иное могла изобразить Ж. Зандъ, если она хотѣла произвести впечатлѣніе правдой своего разсказа, какъ не семейную драму? Всѣ остальныя области жизни были для нея невѣдомыми странами, о которыхъ она знала только по наслышкѣ или изъ книгъ, но несчастіе имѣть грубаго и ничтожнаго мужа было ею изучено основательно. Ж. Зандъ всегда энергично протестовала противъ обвиненія, что въ «Индіанѣ» она описала свою собственную исторію, наивно указывая, что ея мужъ не отставной полковникъ, какъ Дельмаръ въ романѣ. Мы охотно вѣримъ ей, что она вовсе не хотѣла писать портретовъ, иначе Дельмаръ долженъ былъ бы выйти гораздо болѣе глупымъ и менѣе честнымъ. При своей скромности, она также не могла считать себя такимъ идеальнымъ, ангельскимъ существомъ, какимъ является героиня ея произведенія. Какъ во всю свою позднѣйшую дѣятельность, она и въ этотъ первый разъ старалась идеализировать данное положеніе и данные характеры, опуская тѣ черты и событія, которыя казались ей случайными, но сохраняя основу, взятую изъ наблюденій дѣйствительной жизни. Ж. Зандъ протестовала также противъ тенденціи, которую ей навязывала одинаково доброжелательная, какъ и враждебная критика: въ своихъ первыхъ произведеніяхъ она не думала нападать на бракъ вообще, а показала только одну изъ случайностей брака. Въ этомъ отношеніи, какъ часто случалось и съ другими писателями, читатели оказались дальновиднѣе автора и дѣлали правильные выводы изъ данныхъ имъ положеній. Но Ж. Зандъ права была въ томъ смыслѣ, что такое обобщенное пониманіе ея произведеній не входило въ ея замыслы и намѣренія. Она была еще слишкомъ бѣдна опытомъ, скажемъ прямо, еще недостаточно развита, чтобы возвыситься до критическаго отношенія къ такимъ сложнымъ явленіямъ гражданской жизни, какъ институція брака. «Я писала («Индіану») однимъ духомъ,—говоритъ Ж. Зандъ,—безъ плана, какъ я уже сказала, и буквально не зная, куда я дойду, не отдавая себѣ даже отчета въ томъ, какую соціальную проблему я затронула».

«Индіана» и «Валентина», въ которой также изображенъ несчастный бракъ, заключаютъ уже почти всѣ элементы, изъ которыхъ состоятъ главнѣйшіе романы Ж. Зандъ. Отношеніе каждой черты къ тому, что пережила и передумала писательница, пока до очевидности элементарно. На первый взглядъ, напр., можно было бы удивиться, откуда ей пришла мысль заставить свою первую героиню родиться на островѣ Бурбонѣ, а впослѣдствіи пережить тамъ величайшее несчастіе и счастіе. Едва ли здѣсь играла какую-нибудь роль модная тогда любовь ко всему экзотическому; по крайней мѣрѣ, въ слѣдующихъ романахъ эта мода не играетъ никакой роли. Дѣло объясняется проще.

Одинъ изъ ея молодыхъ друзей, спасаясь отъ своей несвоевременной любви къ ней, уѣхалъ на довольно долгое время на Мадагаскаръ и о. Бурбонъ заниматься естественной исторіей и привезъ ей оттуда цѣлыя тетради описаній, впечатлѣній и наблюденій. Замѣтки эти произвели такое дѣйствіе на воображеніе молодой мечтательницы, что она не преминула воспользоваться ими при первомъ представившемся случаѣ. Что касается дѣйствующихъ въ «Индіанѣ» характеровъ, то генезисъ ихъ также вполнѣ ясенъ. Хотя Дюдеванъ не былъ полковникомъ, но зато онъ былъ также, какъ Дельмаръ, тѣмъ, что въ провинціи считается «порядочнымъ человѣкомъ». Дельмаръ, какъ и его прототипъ, смотрѣлъ на все съ точки зрѣнія своихъ выгодъ, имѣлъ такую же страсть къ спекуляціямъ и аферамъ, также презиралъ за непрактичность женщинъ вообще, а жену особенно, также деспотично и грубо обращался съ нею, не стѣсняясь читать ея дневника, а подъ конецъ также пересталъ даже сдерживать свои руки. Если же Дельмаръ не былъ ни пьяницей, ни развратникомъ и по своему даже любилъ жену, то этимъ отступленіемъ отъ натуры Ж. Зандъ хотѣла сохранить своему персонажу нѣкоторую симпатію читателей, какъ и позднѣе она добросовѣстно отмѣчала смягчающія обстоятельства въ пользу своихъ «отрицательныхъ типовъ». Сама Индіана—это та идеальная возвышенная женская душа, которою не была, но хотѣла бы быть Ж. Зандъ. Она соединяетъ голубиную кротость и нѣжное сердце, жаждущее любви, съ дѣтски чистымъ воображеніемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ. Правда, она сердцемъ измѣняетъ своему мужу, полюбивъ блестящаго и легкомысленнаго юношу Рамона де-Рамьера, но стойко противустоитъ всѣмъ его попыткамъ склонить ее къ фактической невѣрности. Когда же тиранство и насиліе со стороны мужа заставляютъ ее, наконецъ, бѣжать изъ дому и искать пріюта у своего платоническаго поклонника, то тутъ уже авторъ самъ позаботился о сохраненіи ея женской добродѣтели, считая, повидимому, что «паденіе» не соединимо съ идеальностью: поклонникъ уже охладѣлъ и вовсе не желаетъ навязывать себѣ на шею непріятную исторію. Типъ этого молодого человѣка наиболѣе живой во всемъ романѣ и интересенъ тѣмъ, что былъ первымъ въ безконечномъ ряду подобныхъ персонажей въ романахъ Ж. Зандъ. Это молодой человѣкъ, обладающій всѣми внѣшними качествами привлекательности и созданный для роли соблазнителя. Онъ красивъ, воспитанъ, не глупъ, прекрасно говоритъ (на современный вкусъ даже слишкомъ краснорѣчиво), умѣетъ обходиться съ женщинами и внушить имъ, что онъ для нихъ на все готовъ, но при этомъ онъ глубоко эгоистиченъ, влюбленъ только въ себя, въ самый пылкій моментъ страсти хорошо разсчитываетъ свои ходы и громкими фразами прикрываетъ отсутствіе убѣжденій и безпощадный карьеризмъ. Не менѣе рѣдко выводила Ж. Зандъ и другой характеръ, который мы впервые встрѣчаемъ тоже въ «Индіанѣ». Это вѣрный

другъ героини и ея добрый геній, который имѣетъ способность появляться во время во всѣ опасные моменты. Онъ терпѣливо и въ стоическомъ молчаніи переноситъ свою второстепенную роль, слѣдитъ за развитіемъ и перипетіями неудачной любви своего друга и затѣмъ, когда все рушится для нея, онъ возвращаетъ ей смыслъ и охоту жизни своею любовью.

Фабула «Индіаны» такъ проста, что ее нечего и разсказывать. Здѣсь Ж. Зандъ еще воздерживается отъ безконечныхъ компликацій, которыя въ позднѣйшихъ ея произведеніяхъ дѣйствуютъ такъ утомительно на современнаго читателя. Но манера Ж. Зандъ, ея пресловутый стиль, доступная для нея степень художественности опредѣлились уже въ первыхъ ея романахъ почти въ окончательной формѣ. Языкъ Ж. Зандъ съ самаго начала отличался тою трезвою правильностью и сдержаннымъ изяществомъ, которыя составляли полную противоположность громогласной напыщенности современныхъ ей романтиковъ. Брандесъ совершенно вѣрно указываетъ, что въ этомъ отношеніи она имѣетъ болѣе родства съ лучшими прозаиками «классическаго» періода, также какъ Шатобріанъ и m-me Сталь, новаторы въ области идей и настроеній, по способу выраженія ихъ оставались вѣрны традиціи XVIII в. У Ж. Зандъ это не было чѣмъ-либо преднамѣреннымъ выработаннымъ извѣстными тенденціями и вкусами, но вполнѣ естественною способностью выражаться безъ напряженія, писать одну страницу за другой, не отрываясь отъ бумаги для обдумыванія формы, и даже почти безъ помарокъ. Едва ли существовалъ когда-нибудь писатель, который въ меньшей степени страдалъ бы «муками слова» *). Она не искала словъ для выраженія уже существующихъ въ ея мозгу мыслей или образовъ, а, наоборотъ, мысли и образы являлись ей вмѣстѣ со словами. Объ этомъ она говоритъ сама совершенно чистосердечно: «я увидѣла (на первыхъ же опытахъ), что пишу скоро, легко, долго безъ усталости; что мои мысли, безсвязныя въ моемъ мозгу, приходили въ ясность и цѣпью слѣдовали одна за другой, по дедукціи, по мѣрѣ писанія» (mes idées, engourdies dans mon cerveau, s'éveillaient et s'enchaînaient, par la déduction, au courant de la plume). Какая разница, напр., съ Флоберомъ, который выдѣлывалъ свою прозу, какъ мозаику, и мучился надъ тѣмъ, чтобы не только содержаніе словъ, но и звукосочетаніе ихъ соотвѣтствовали тому, что онъ хочетъ выразить. Эта легкость пера представляетъ всѣмъ понятное преимущество, но ведетъ также и къ отрицательнымъ качествамъ стиля. Пріятная ровность въ данномъ случаѣ обратно пропорціальна характерности, колоритности, звучности и вообще выразительной силѣ языка. Этихъ качествъ, въ свою

*) О нихъ недавно было довольно много говорено въ русской литературѣ. См. интересные этюды г. Горнфельда «Муки слова» («Сборникъ Русск. Богатства» 1899) и г. Батюшкова «Въ борьбѣ со словомъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1900, № 2).

очередь, черезчуръ усиленно домогались романтики, какъ и многіе новѣйшіе писатели во Франціи, и поэтому часто достигали только вычурности, утрировки и неясности, но зато нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно обладающіе даромъ художественной рѣчи, способны вызывать впечатлѣніе.

Первые же романы опредѣляютъ весь характеръ сочинительства Ж. Зандъ, какъ и ея языкъ. На той же страницѣ, гдѣ она говоритъ о своемъ стилѣ, она совершенно вѣрно опредѣляетъ тѣ качества, которыя составляютъ сильную сторону ея романовъ: «въ періодъ моей замкнутой жизни (до разрыва съ мужемъ) я много наблюдала и довольно хорошо понимала характеры, съ которыми случай меня сталкивалъ, слѣдовательно, я достаточно знала человѣческую природу, чтобы ее описывать». Здѣсь справедливо каждое слово. Она дѣйствительно была отъ природы наблюдательна, каждый человѣкъ интересовалъ ее, и она запоминала массу характерныхъ чертъ, что особенно ясно въ «Исторіи моей жизни». Здѣсь не упоминается почти ни одного имени безъ вполнѣ ясной и конкретной характеристики даннаго лица. Она «довольно хорошо» понимала психологію людей, т.-е. умѣла подмѣтить преобладающую черту каждой индивидуальности, но все-таки недостаточно хорошо, чтобы охватить всю психологическую полноту наблюдаемой личности: ея персонажамъ недостаетъ той сложности душевной жизни, какую умѣютъ подмѣтить и изобразить только такого калибра художники, какъ Л. Н. Толстой, они всегда слишкомъ послѣдовательно и исключительно сохраняютъ тѣ двѣ-три особенности, которыми надѣлилъ ихъ авторъ. Наконецъ, Ж. Зандъ дѣйствительно умѣетъ съ большею или меньшею правдою «описывать человѣческую природу», но не умѣетъ ее художественно воспроизвести. Ибо,—надо, наконецъ, сказать истину, которую одни не видятъ, а другіе почему-то стараются обойти,— Ж. Зандъ не была *художникомъ*; она обладала многими талантами, необходимыми писателю, кромѣ одного—*дара творчества*. Роль ея въ литературѣ отчасти напоминаетъ роль другого великаго французскаго писателя—Вольтера. Онъ также не былъ художникомъ, хотя обладалъ и тонкимъ умомъ, и безспорною наблюдательностью, и воображеніемъ, и геніальнымъ діалектическимъ талантомъ. И одинъ, и другая умѣли воодушевиться извѣстной идеей и передать это воодушевленіе безчисленнымъ читателямъ, эти идеи при ихъ посредствѣ стали достояніемъ всего культурнаго человѣчества, но форма, въ которую они облекали провозвѣщаемыя истины, не выдержала испытанія времени: «Генріада» и «Заира», также какъ «Консюэло» и «Лукреція Флоріани» могутъ теперь вызывать только историческій интересъ. Этимъ мы, впрочемъ, не хотимъ сказать, чтобы ни у Вольтера, ни у Ж. Зандъ не нашлось, вовсе произведеній, которыя бы и въ наше время могли доставить удовольствіе; не трагедіи Вольтера и не крупные романы Ж. Зандъ, которые особенно нравились современникамъ обоихъ писателей, но «Кандидъ»,

«Фадетта» и нѣкоторыя другія изъ второстепенныхъ сочиненій этихъ великихъ писателей, а также отдѣльныя эпизодическія сцены въ крупныхъ произведеніяхъ и нынѣ читаются легко (хочется сказать, «какъ романъ»), но производимое ими впечатлѣніе совсѣмъ не похоже на то какое производятъ дѣйствительно классическія художественныя произведенія. Ни на минуту авторъ не захватываетъ васъ своимъ собственнымъ увлеченіемъ; всюду чувствуются бѣлыя нитки придуманности, и вы съ недоумѣніемъ спрашиваете себя: неужели наши дѣдушки и особенно бабушки, которыя съ такимъ восторгомъ пересказывали намъ романы Ж. Зандъ, не замѣчали этихъ нитокъ? А если они замѣчали бѣдность ея искусства, то что ихъ собственно увлекало? На это лучше всего можетъ отвѣтить Бѣлинскій. Такой тонкій цѣнитель всего художественнаго не могъ обмануться насчетъ характера писательской дѣятельности Ж. Зандъ. И дѣйствительно, въ первый періодъ своей дѣятельности относясь къ ней весьма строго, а затѣмъ, радикально перемѣнивъ свое сужденіе, онъ въ самый переходный моментъ, въ 1842 г., въ нѣсколькихъ словахъ прекрасно выясняетъ ея значеніе, нисколько не забывая условности ея «поэтической славы». «Жоржъ Зандъ,— говоритъ онъ,—это безспорно первая поэтическая слава современнаго міра. Каковы бы ни были начала ея, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными, но ея самой нельзя не уважать, какъ человѣка, для котораго *убѣжденіе* есть *вѣрованіе* души и сердца».

Въ тотъ моментъ, на которомъ мы остановились, т.-е. время «Индіаны» и «Валентины», вѣрованія Ж. Зандъ еще не сложились въ нѣчто опредѣленное. Мы видѣли, что она не рѣшалась дѣлать выводовъ изъ собственныхъ посылокъ. Она ставила свой идеалъ женщины въ тѣ условія, которыя кругомъ нея признавались нормальными, указывала весь ужасъ этого положенія и какъ бы спрашивала: неужели такъ должно быть? Пока оставалась вѣра въ любящаго друга, который въ концѣ-концовъ все устроитъ къ лучшему, до тѣхъ поръ вопросъ не получалъ особенной остроты. Но вотъ личный опытъ ставитъ передъ ней другой вопросъ: есть-ли вообще настоящая любовь? Не есть-ли это просто преходящій порывъ физическаго влеченія или въ лучшемъ случаѣ вспышка воображенія? Жалкій конецъ ея отношеній къ Ж. Сандо повергъ ее въ безграничное отчаяніе и спуталъ всѣ ея представленія объ истинномъ и нравственномъ. «Мною овладѣли то романическое безпокойство, та усталость, которая кружитъ голову и приводитъ къ тому, что послѣ отрицательнаго отношенія ко всему все вновь пересматриваешь и допускаешь заблужденія гораздо болѣе крупныя, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ только-что отрекся. Итакъ, послѣ того, что я полагала, будто цѣлые годы взаимной близости не могутъ внушить мнѣ привязанности къ другому существу, я вообра-

зила, что очарованіе немногихъ дней способно измѣнить мою жизнь». Она поддалась тому легкому отношенію къ жизни, которое господствовало вокругъ нея среди литературной братіи, несмотря на романтическій пессимизмъ:

Il s'agit de n'être point
Mélancolique et morose.
La vie est elle une chose
Grave et réelle à ce point? *).

Эту философію, формулированную, впрочемъ, однимъ изъ позднѣйшихъ поэтовъ, преподалъ ей знаменитый Проспeръ Мериме, глубокій скептикъ въ душѣ, взиравшій на міръ съ точки зрѣнія посторонняго зрителя и цѣнившій только ея красивую сторону. «Въ одинъ изъ дней тоски и отчаянія, — пишетъ Ж. Зандъ въ томъ же письмѣ, которое мы только-что цитировали, — я встрѣтила человѣка, который ни въ чемъ не отчаявался, человѣка спокойнаго и сильнаго, который ничего не понималъ въ моей натурѣ и смѣялся надъ моими огорченіями. Сила его ума меня совершенно очаровала; цѣлую недѣлю я вѣрила, что онъ знаетъ, въ чемъ счастье, что онъ мнѣ это откроетъ, что его презрительная безпечность излѣчитъ меня отъ моей ребяческой чувствительности. Я думала, что онъ страдалъ, какъ я, и что онъ побѣдилъ внѣшнія проявленія своей чувствительности». Словомъ, она по первому впечатлѣнію опять создала себѣ мечту о человѣкѣ, которая весьма быстро разсѣялась. «Опытъ совершенно не удался. Я плакала отъ страданія, отъ отвращенія, отъ безнадежности. Вмѣсто того, чтобы найти близкаго человѣка, который бы могъ пожалѣть и утѣшить меня, я нашла лишь ѣдкую и пустую насмѣшку». Какая-то роковая судьба заставляла Ж. Зандъ, въ теченіе всей жизни, сближаться съ людьми, которые по существу своему были совершенно чужды ея натурѣ. Если бы Мериме вложилъ сколько-нибудь своей души въ отношенія съ Ж. Зандъ, они не вышли бы такими нелѣпыми и, быть можетъ, дали бы ей возможность придти въ себя, найти то душевное равновѣсіе, котораго она жаждала. Такъ, какъ сложились отношенія эти въ дѣйствительности, они прибавили только чувство стыда ко всѣмъ страданіямъ молодой женщины.

Въ этомъ настроеніи отчаянія и подавленности Жоржъ Зандъ написала «Лелію», романъ прославившій ее болѣе, чѣмъ какой-либо другой. Это, кажется единственное произведеніе ея, которое можетъ быть цѣликомъ причислено романтизму. Уже во внѣшней обстановкѣ тамъ нѣтъ ничего реальнаго, дѣйствительно наблюденнаго, какъ обыкновенно бываетъ у Ж. Зандъ На этотъ разъ дѣйствіе происходитъ гдѣ-то въ

---

*) Прежде всего не надо быть меланхоличнымъ и угрюмымъ. Неужели жизнь вещь настолько серьезная и реальная?

горахъ Италіи. Сама героиня романа близкая родня непонятымъ и разочарованнымъ героямъ начала вѣка—Рене, Манфреду и отчасти «Ролла» (который былъ написанъ одновременно съ «Леліей»). Наконецъ, форма романа—безконечные діалоги, прерываемые такими же безконечными описаніями, есть неудачная попытка воспроизвести лирическій стиль того времени.

Приведемъ первыя строчки романа, которыя прямо вводятъ читателя въ тонъ всей книги. «Кто ты и почему твоя любовь дѣлаетъ столько зла? Въ тебѣ должна таиться ужасная тайна, неизвѣстная людямъ. Несомнѣнно, ты создана не изъ той же матеріи, какъ мы, и одухотворена не одинаковой съ нами жизнью. Ты ангелъ или демонъ, но не человѣческое существо. Зачѣмъ скрывать отъ насъ твое происхожденіе, твое естество? Зачѣмъ жить среди насъ, когда мы не можемъ ни удовлетворить, ни понять тебя? Если ты исходишь отъ Бога, то скажи и мы будемъ обожать тебя. Если ты пришла изъ ада... Ты, изъ ада! Ты, столь прекрасная и чистая! Могутъ ли имѣть злые духи этотъ небесный взглядъ, этотъ гармоническій голосъ, эти рѣчи, которыя возвышаютъ душу, возносятъ ее до самаго престола Божія!»

Такъ говоритъ молодой поэтъ Стеніо еще на протяженіи нѣсколькихъ страницъ. На это Лелія отвѣчаетъ нѣсколько короче, но въ томъ же тонѣ. Далѣе говоритъ опять Стеніо и опять Лелія и т. д. Затѣмъ начинаются такого же характера разговоры Стеніо и таинственнаго Тренмора, Тренмора и Леліи, и такъ идетъ до послѣдней страницы. Для сравненія возьмемъ первый попавшійся отрывокъ изъ «Рене» Шатобріана: «Я захотѣлъ броситься на нѣкоторое время въ свѣтъ, который мнѣ ничего не говорилъ и который не понималъ меня. Моя душа, которую не истощила еще ни одна страсть, искала предметъ, къ которому она могла бы привязаться; но я увидѣлъ, что я давалъ болѣе, чѣмъ получалъ»...

Мы привели эти отрывки не для того, чтобы критиковать ихъ съ современной точки зрѣнія, но чтобы показать образчикъ того, что въ то время считалось поэтическимъ стилемъ: міръ, жизнь, душа, Богъ, небо, адъ должны были участвовать во всякомъ разговорѣ, чего бы онъ ни касался. Постоянное измѣненіе этихъ грандіозныхъ масштабовъ, которое на насъ не производитъ уже совершенно никакого дѣйствія, тогда еще было необходимо для того, чтобы вызвать въ читателяхъ восторженное настроеніе. Несправедливо было бы думать, однако, что «Лелія» принадлежала къ числу сознательныхъ подражаній моднымъ авторамъ. Напротивъ, никогда Ж. Зандъ не старалась вложить въ свой романъ столько собственныхъ впечатлѣній, мыслей и чувствъ. Но желая довести выраженіе ихъ до мыслимой степени интенсивности, она не умѣла найти болѣе простую и естественную форму, какъ ту которая ей самой болѣе всего нравилась.

Какую же истину скрываетъ Лелія? И о чемъ они такъ продолжи-

тельно разговариваютъ съ Стеніо? Молодой поэтъ любитъ Лелію, и она также чувствуетъ къ нему симпатію, но все отсрочиваетъ рѣшительный отвѣтъ на его домогательства и мучитъ его снисходительнымъ отношеніемъ старшей сестры. Она уже не вѣритъ въ истинную любовь и считаетъ для себя счастіе невозможнымъ. Самое сильное чувство, которое она еще способна въ своемъ разочарованіи испытывать, это—благоговѣйная дружба къ Тренмору, самому несчастному и самому прекрасному человѣку, какого она знаетъ. Онъ когда-то въ молодости велъ разгульную жизнь, затѣмъ провелъ много лѣтъ въ тюрьмѣ и здѣсь одумался, искупилъ свою прежнюю жизнь долголѣтними страданіями и теперь дѣлаетъ всѣмъ одно добро, на что ему даютъ возможность его необыкновенный умъ, твердая воля и богатство. Впрочемъ, какъ глава тайнаго общества, имѣющаго цѣлью облагодѣтельствовать всю страну, онъ и теперь подвергается преслѣдованіямъ и ведетъ таинственную скитальческую жизнь. Только онъ знаетъ «тайну» Леліи, да еще ея сестра, жрица чувственной любви, Пульхерія, которой она однажды исповѣдуется. Тайна эта, оказывается, не представляетъ ничего необыкновеннаго, но все-таки въ ней все содержаніе романа: Лелія когда-то любила (впрочемъ, никого другого, какъ своего мужа), но не нашла въ любви той взаимности, которой искала. Она отдавалась любимому человѣку вся, душою и тѣломъ, а онъ внѣ моментовъ чувственной страсти относился къ ней довольно холодно: «въ обыденной, повседневной жизни это былъ нѣжный и заботливый другъ, но его мысли блуждали далеко отъ меня, его поступки увлекали его туда, гдѣ меня не было». Этотъ разладъ понемногу усиливался, пока не произошло окончательнаго разрыва. Такъ какъ при этомъ онъ былъ лучшій изъ мужчинъ, то Лелія заключила, что мужчины вообще неспособны выдержать страшнаго испытанія удовлетворенной любви,—вотъ почему она томитъ Стеніо и не желаетъ испортить чистыя отношенія, существующія между ею и имъ. Это было именно то состояніе души, которое переживала въ то время сама Ж. Зандъ. Она была убѣждена, что для ея сердца уже нѣтъ будущаго послѣ испытанныхъ ею разочарованій и что если для нея и можетъ еще существовать смыслъ въ жизни, то искать его нужно въ томъ направленіи, какимъ пошелъ Тренморъ, т. е. въ самоотверженномъ служеніи человѣчеству. Впослѣдствіи Ж. Зандъ говорила, что она никогда не изображала себя въ своихъ женскихъ героиняхъ. Мы увидимъ ниже, что факты не разъ опровергаютъ это утвержденіе, въ данномъ же случаѣ письма, современныя «Леліи», не оставляютъ въ этомъ сомнѣнія. Такъ, она пишетъ одному изъ своихъ друзей, которому она даетъ роль Тренмора: «Я тебѣ пришлю вскорѣ длинное письмо, т.-е. книгу, которую написала со времени нашей разлуки. Это вѣчный разговоръ между нами двумя. Мы самыя главныя лица въ этой книгѣ... Посредствомъ этой книги ты проникнешь до самой глубины моей и твоей души»... Въ томъ же письмѣ

она описываетъ свое душевное состоянiе такими словами, какъ будто цитируетъ страницу изъ «Лелiи»: «Мое сердце постарѣло на 20 лѣтъ и ничто въ жизни мнѣ болѣе не улыбается. Для меня не существуетъ болѣе страсти, глубокiя радости. Я въ гавани, но не какъ тѣ славные набобы, которые отдыхаютъ въ шелковыхъ гамакахъ и подъ кедровыми потолками своихъ дворцовъ, а какъ блѣдные пловцы, которые, сломленные усталостью и сожженные солнцемъ, бросили якорь и не могутъ болѣе пускаться въ путь на своихъ челнокахъ. Имъ нечѣмъ жить на сушѣ, да и суша надоѣдаетъ имъ. У нихъ была прекрасная жизнь, приключенiя, битвы, любовь, богатства. Они хотѣли бы начать все вновь, но судно ихъ лишилось мачтъ, грузъ потерянъ, приходится выброситься на песокъ и тутъ остаться»...

На современниковъ «Лелiя» произвела глубокое впечатлѣнiе. Отнынѣ имя героини надолго стало прозвищемъ автора. Старый Шатобрiанъ, желая высказать Ж. Зандъ самое горячее одобренiе, ставилъ своего Рене между Чайльдъ-Гарольдомъ и Лелiей. Близкiе ей люди, которые все-таки недостаточно пристально наблюдали ее въ этотъ мрачный перiодъ ея жизни, удивлялись, откуда у нея явились всѣ эти мысли. Тотъ другъ, который привезъ ей свои замѣтки о Мадагаскарѣ, пишетъ ей: «Что за чортъ? Гдѣ вы все это взяли? Зачѣмъ вы написали эту книгу? Откуда она произошла, куда идетъ? Я зналъ васъ мечтательницей, я думалъ, что вы въ глубинѣ души вѣрующая... Здѣсь смѣются надо мною, потому что я люблю эту книгу. Можетъ быть, я напрасно это дѣлаю, но она завладѣла мною и мѣшаетъ мнѣ спать. Да благословитъ васъ Богъ за то, что вы такъ встряхнули и взволновали меня! Но кто же авторъ «Лелiи?» Вы? Нѣтъ. Этотъ типъ фантастиченъ. Это не похоже на васъ: вы веселы, вы танцуете бурре (мѣстный танецъ въ Берри), вы разбираетесь въ трансформацiяхъ насѣкомыхъ, вы не презираете каламбура, недурно шьете и прекрасно варите варенье! Но, въ концѣ концовъ, очень можетъ быть, что мы васъ не знали и что вы коварно скрывали отъ насъ свои мечты. Возможно ли, однако, чтобы вы размышляли о столькихъ предметахъ, разбирали столько вопросовъ, испытали столько психологическихъ скорпiоновъ, и никто объ этомъ ничего не подозрѣвалъ?»

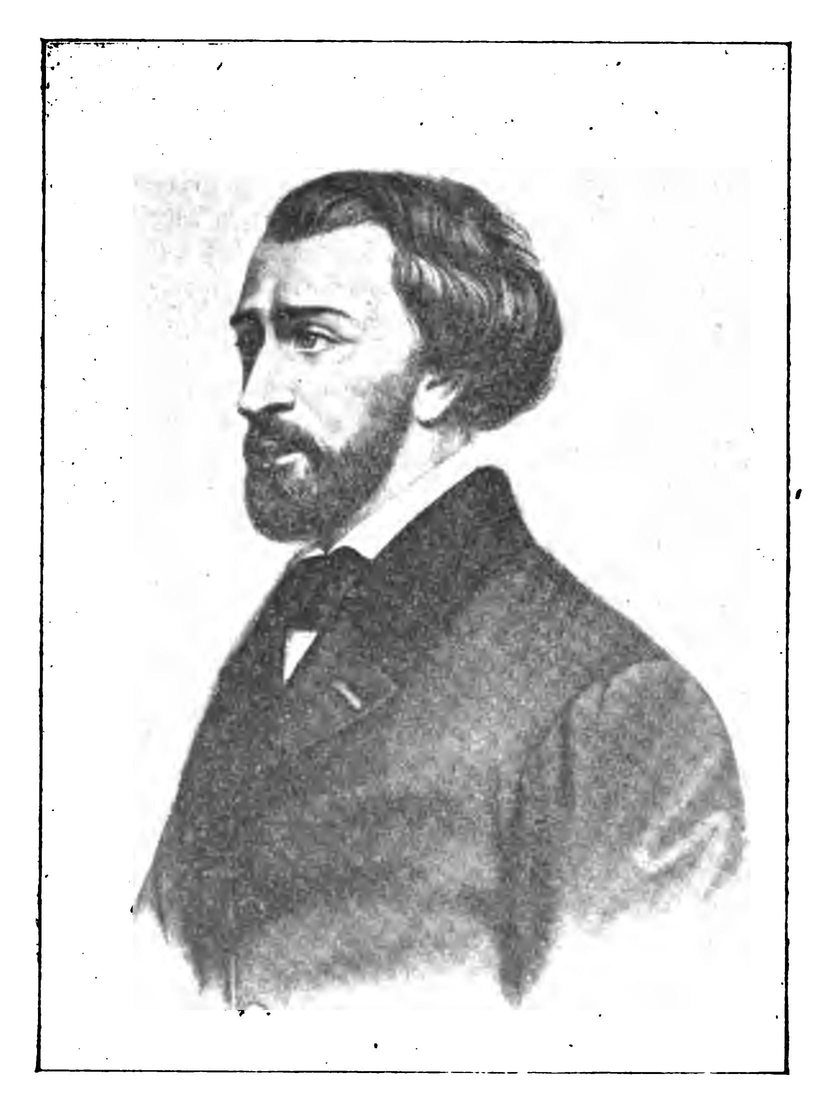
Сентъ-Бёвъ, который какъ разъ въ это время сталъ особенно интересоваться Ж. Зандъ и сдѣлался однимъ изъ ея лучшихъ друзей, писалъ по поводу «Лелiи» почти то же самое: «Не говоря здѣсь о—«Лелiи» со стороны композицiи и литературныхъ качествъ, и обсуждая ее только по содержанiю, по тому, какое понятiе она даетъ о той, которая могла ее задумать и такъ выразить, я не смогу вамъ достаточно высказать, какъ меня поразила такая твердость, послѣдовательность и богатство, въ такихъ общихъ, глубокихъ сферахъ идей, гдѣ на каждомъ шагу охватываетъ головокружительный ужасъ. Быть женщиной, не дожить еще до тридцати лѣтъ, и чтобъ это нисколько не

проявлялось, когда вы изслѣдуете эти бездны; носить эти познанія, которыя намъ, навѣрное, обнажили бы виски и убѣлили бы волосы,— носить ихъ такъ легко, естественно, съ такою сдержанностью въ разговорахъ,—вотъ чему я, прежде всего, удивляюсь...»

Мы умышленно не касаемся здѣсь пессимистическаго отношенія Ж. Зандъ къ общественнымъ вопросамъ, чтобы въ своемъ мѣстѣ представить общую картину развитія ея общественныхъ идей. Скажемъ пока, что въ моментъ зарожденія «Леліи», личные впечатлѣнія значительно преобладали надъ всѣми остальными и окрашивали въ черный цвѣтъ все міросозерцаніе молодой женщины. Насколько второстепенную роль играло для нея пока все, что не касалось жизни ея сердца, доказываетъ та быстрота и легкость, съ которою она снова бросается въ приключенія новаго союза и на время отказывается отъ роли Тренмора. Едва «Лелія» успѣла появиться въ книжной торговлѣ, едва читатели стали проникаться мрачнымъ отчаяніемъ интересной героини, какъ Ж. Зандъ писала уже Сентъ-Бёву: «Я кощунствовала противъ природы и, можетъ быть, противъ Бога въ «Леліи»; Богъ, который не знаетъ злобы и который не трудится мстить намъ, закрылъ мнѣ уста, возвративъ мнѣ юность сердца и принудивъ меня признать, что онъ далъ намъ неземныя радости...» Это былъ первый актъ новой драмы, въ которой роль jeune premier'а игралъ Альфредъ де-Мюссе. Она безъ обиняковъ объявляетъ Сентъ-Бёву, что она стала «любовницей» Мюссе, прибавляя, что онъ можетъ сообщить объ этомъ всему свѣту,—она не проситъ у него тайны. Мы опять указываемъ, что Ж. Зандъ не смѣшивала свободный союзъ двухъ любящихъ сердецъ съ бракомъ и семьей,—это было въ ея глазахъ какъ бы особымъ гражданскимъ состояніемъ. Все пережитое стерлось изъ памяти, жизнь начинается сначала. «Я счастлива, очень счастлива...»—восклицаетъ Ж. Зандъ, какъ и въ первый разъ.—Это нѣчто, о чемъ я не имѣла понятія, что я не разсчитывала встрѣтить нигдѣ, особенно здѣсь (Ж. Зандъ въ началѣ знакомства относилась къ Мюссе съ большимъ предубѣжденіемъ). Я отрицала эту любовь, я отталкивала ее, я отрекалась отъ нея сначала, а затѣмъ я сдалась, и я счастлива, что поступила такъ. Я сдалась болѣе изъ дружбы, чѣмъ по любви...»

Мы не будемъ разсказывать общеизвѣстныхъ подробностей этого романа, который, какъ и предъидущіе, не могъ не кончиться плачевнымъ образомъ для обоихъ знаменитыхъ дѣйствующихъ лицъ. Не будемъ слѣдить за ихъ путешествіемъ въ Италію, разсказывать безконечныя и отчасти неразъясненныя перипетіи развязки. Для насъ важно культурное значеніе этой печальной исторіи, начавшейся и протекшей подъ вѣяніемъ литературныхъ впечатлѣній, и оставившей послѣ себя безконечный чернильный слѣдъ. Съ этой стороны отношенія Жоржъ Зандъ и Мюссе прекрасно оцѣнены лучшимъ біографомъ послѣдняго, извѣстнымъ псевдонимомъ Арведъ Баринъ, «какъ единственный въ

своемъ родѣ и не обыкновенный примѣръ того, до чего духъ романтизма могъ довести своихъ жертвъ». Мы наблюдаемъ здѣсь, какъ «геніальный мужчина и геніальная женщина безумно, мучительно усиливаются жить чувствами, взятыми изъ литературы, герои которой



Альфредъ де Мюссе.

стояли внѣ всякой реальности, и стараются быть выше и внѣ природы такъ же, какъ Лелія и Эрнани... Каждый изъ нихъ желалъ и требовалъ невозможнаго. Мюссе, страстно влюбленный первый разъ въ жизни, имѣлъ за собою разгульное прошлое, которое влачилось за нимъ... и подбивало его умъ терзать его сердце. Какъ рыбакъ въ «Порціи», «онъ не *вѣрилъ*», а онъ чувствовалъ отчаянную потребность вѣрить.

Онъ грезилъ о любви выше какой бы то ни было любви, о любви, которая бы была одновременно бѣшенымъ порывомъ и культомъ. Онъ хорошо понималъ, что оба они уже далеки отъ этого, но не могъ съ этимъ примириться, проводилъ время въ попыткахъ вскарабкаться на небо, падалъ въ грязь и обвинялъ Жоржъ Зандъ въ своемъ паденіи... Жоржъ Зандъ, въ свою очередь, металась между химерой и дѣйствительностью. Она смастерила себѣ по отношенію къ Мюссе, бывшему моложе ея на шесть лѣтъ, идеалъ полуматеринской привязанности, который она считала очень возвышеннымъ тогда какъ онъ былъ просто фальшивымъ. Она черпала изъ него гордое состраданіе къ своему «бѣдному дитяти», такому слабому, неразумному, и заставляла его немного слишкомъ чувствовать свое превосходство, въ качествѣ ангела-хранителя. Она бранила его съ безконечною кротостью и благоразуміемъ (въ ихъ перепискѣ она всегда права), но этотъ непогрѣшимый голосъ въ концѣ концовъ раздражалъ Мюссе. Онъ не могъ подавить иронической улыбки, саркастическаго намека, и гроза начиналась снова».

Самое характерное въ отношеніяхъ этихъ двухъ писателей заключается въ томъ, что они оба стремились какъ можно полнѣе закрѣпить на бумагѣ всѣ эпизоды, всѣ фазисы своей любви, разъяснить міру всѣ оттѣнки своихъ чувствъ и вызвать къ нимъ сочувствіе и интересъ. Едва успѣлъ произойти между ними первый разрывъ (ихъ было нѣсколько) какъ Мюссе уже сообщаетъ своей подругѣ: «Я собираюсь сдѣлать изъ этого романъ. Мнѣ очень хочется написать нашу исторію. Мнѣ кажется, что это излѣчило бы меня и возвысило бы мое сердце. Я хотѣлъ бы воздвигнуть тебѣ алтарь, хотя бы изъ своихъ костей». Этотъ проектъ былъ осуществленъ въ «Исповѣди сына вѣка». А Ж. Зандъ уже раньше начала свои «Письма путешественника» гдѣ эксплуатировалась та же благодарная тема, а впослѣдствіи еще разъ обработала ее въ романѣ «Она и онъ», вызвавшемъ такой недобросовѣстный протестъ со стороны брата Альфреда де-Мюссе. Еще любопытнѣе богатая переписка обѣихъ сторонъ, особенно Ж. Зандъ, съ друзьями. Каждый этапъ своихъ отношеній она считаетъ нужнымъ какъ бы опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Изъ Венеціи, послѣ отъѣзда Мюссе, она пишетъ одному изъ беррійскихъ друзей: «Я сомнѣваюсь, чтобы мы сдѣлались опять любовниками. Мы ничего не обѣщали другъ другу въ этомъ смыслѣ, но мы будемъ всегда любить другъ друга»... Позднѣе она возвѣщаетъ Сентъ-Бёву: «Альфредъ опять сталъ моимъ любовникомъ». Ей кажется, что любовь это какая-то свыше ниспосланная миссія, созданное природою художественное произведеніе, которое даже грѣшно прятать про себя. «Мнѣ часто приходитъ въ голову,—пишетъ она,—что дѣло, за которое страстныя души терпятъ свое мученичество, есть благородное и святое дѣло. Любить—это то, что есть самаго широкаго и облагораживающаго изъ всего, что мы знаемъ». Что здѣсь надо видѣть черту времени, ясно изъ того, что

такое же отношеніе къ любви,—быть можетъ, не безъ вліянія романовъ Ж. Зандъ,—существовало немного позднѣе и у насъ. Вспомнимъ необъятную переписку Герцена съ его невѣстой, вспомнимъ, какъ весь этотъ кружокъ молодыхъ литераторовъ любилъ копаться въ своихъ чувствахъ, закрѣплять ихъ въ болѣе или менѣе красивой формѣ на бумагѣ и повѣрять друзьямъ свои страданія. Теперь эти изліянія могутъ казаться нѣсколько напыщенными и во всякомъ случаѣ излишними, тогда они были несомнѣнно искренни и казались естественными.

Ж. Зандъ и Мюссе жили идеями и образами, почерпнутыми въ книгахъ. Имъ казалось невѣроятнымъ, чтобы послѣ того, какъ литература столько разъ поэтизировала «страсть», ея нелогичности и ошибки, «свѣтъ» могъ отнестись къ нимъ съ точки зрѣнія банальной морали, и не стѣснялись афишировать всѣ экстравагантности своихъ отношеній. Они ошиблись, конечно: знакомые и незнакомые видѣли въ этомъ неисчерпаемый источникъ анекдотовъ, насмѣшекъ и злословія, и ко всѣмъ дѣйствительнымъ безумствамъ съумѣли присочинить еще болѣе невѣроятныя подробности. Даже близкіе друзья не всегда оказывались на высотѣ предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Особеннымъ довѣріемъ обѣихъ сторонъ пользовался Сентъ-Бёвъ, который долженъ былъ служить иногда посредникомъ, но чаще просто повѣреннымъ. Ему сообщались всѣ повороты отношеній, всѣ фазисы настроеній, то бурное отчаяніе, то глубокая меланхолія, то раскаяніе въ своихъ винахъ, то философскія разсужденія о любви и жизни. Онъ долженъ былъ выслушивать, взвѣшивать, судить, утѣшать, уговаривать. Наконецъ, когда эти отношенія грозили никогда не окончиться, когда послѣ разрыва слѣдовало сближеніе, а потомъ опять разрывъ и опять сближеніе, его спокойная натура не выдержала: онъ далъ понять, что ему все это надоѣло; разумѣется, это очень оскорбило Ж. Зандъ. Но послѣ кратковременнаго охлажденія дружба ея къ знаменитому критику возобновилась, и по окончательной ликвидаціи несчастной страсти (она продолжалась вмѣстѣ съ перерывами гораздо менѣе двухъ лѣтъ) Ж. Зандъ къ нему же обращается въ поискахъ разумнаго принципа жизни. Переживъ этотъ тяжелый кошмаръ, она очутилась, какъ ненасытная старуха въ сказкѣ, опять передъ тѣмъ разбитымъ корытомъ, которое лежало передъ ней въ эпоху «Леліи». Безотрадность въ личной жизни, невыясненность смысла своей писательской дѣятельности и потребность приложить свои силы куда-нибудь, гдѣ онѣ могутъ оказаться полезными. Эта потребность, заглушаемая по временамъ порывами бури, никогда не умирала въ душѣ Ж. Зандъ, а теперь возродилась съ новою силой, ибо совершенно правильно понялъ ее Сентъ-Бёвъ, писавшій по поводу «Леліи». «Вы обладаете очень рѣдкою и сильною натурою. Какою бы ѣдкою ни была жидкость въ чашѣ, металлъ чаши остался нетронутымъ и неизмѣненнымъ. Пусть Лелія продолжаетъ или нѣтъ предаваться отчаянію, для васъ жизнь представляетъ еще много утѣ-

*

шеній, и вашей энергіи, если она уравновѣсится, предстоятъ еще прекрасные года торжества и серьезнаго удовлетворенія». Быть можеть, эти ободряющія слова пришли теперь на умъ Ж. Зандъ; она хотѣла вѣрить, что Сентъ-Бёвъ можетъ и указать ей, куда направить эту энергію. Во всякомъ случаѣ, отъ него больше, чѣмъ кого бы то ни было, надѣется она услышать живое слово.

Мы увидимъ, что ей пришлось искать его въ иномъ направленіи. Но сначала необходимо опредѣлить тѣ впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ складывались общественныя идеи Ж. Зандъ, начиная съ пріѣзда въ Парижъ. Теперь мы стоимъ передъ новымъ періодомъ ея жизни, когда эти впечатлѣнія получаютъ преобладающее значеніе.

III.

Со времени своихъ занятій философіей, еще до смерти бабушки, Ж. Зандъ была слишкомъ поглощена своими семейными несчастіями, чтобы серьезно интересоваться вопросами общественной жизни, съ которыми она не приходила въ непосредственное столкновеніе. Правда, фактически она участвовала даже одно время въ избирательной агитаціи своего округа, устраивая въ Лашатрѣ, ближайшемъ къ Ногану городкѣ, оживленные вечера съ цѣлью объединенія мѣстнаго общества для поддержки оппозиціоннаго депутата, но, повидимому, политика интересовала ее въ то время чисто внѣшнимъ образомъ и она была только помощницей мужа, который, въ свою очередь, въ политикѣ, какъ и во всемъ видѣлъ исключительно свои имущественные интересы. Перипетіи переживаемой ею сердечной драмы дѣлали ее равнодушной къ раскатамъ общенародной грозы, гулъ которыхъ не могъ не достигать ея слуха. Ордонансы министерства Полиньяка, нарушавшіе законные права палаты депутатовъ, іюльскій переворотъ, плачевно закончившійся смѣной династій и воцареніемъ буржуазіи, интриги оппозиціонныхъ партій, изъ которыхъ каждая стремилась завладѣть въ свою пользу не остывшимъ еще боевымъ пыломъ парижскаго народа, процессъ бывшихъ министровъ Карла X и вызванные имъ новые кровавые безпорядки, — всѣ эти грозныя или печальныя явленія второй половины 1830 года, которыя привели въ волненіе всю Европу, не играютъ пока никакой роли въ глазахъ молодой революціонерки противъ семейнаго деспотизма. Когда же, наконецъ, черезъ нѣсколько дней послѣ декабрскихъ безпорядковъ она очутилась въ самомъ водоворотѣ парижскихъ событій, опьяненіе свободой, недостатокъ образованія и новыя романическія компликаціи нѣкоторое время мѣшали ей оріентироваться въ окружавшихъ ее теченіяхъ, но впечатлѣнія, которыя она получила въ это время, въ будущемъ повліяли рѣшающимъ образомъ на ея убѣжденія, поэтому намъ необходимо съ возможною краткостью охаракте-

рисовать важнѣйшіе элементы французскаго общества и отмѣтить главные историческіе моменты той эпохи *).

До іюля 1830 года на 33 милліона жителей во Франціи, благодаря избирательному цензу, приходилось около 90.000 избирателей, принадлежавшихъ преимущественно къ классу крупныхъ земельныхъ собственниковъ и финансистовъ. Когда и эта система стала давать слишкомъ самостоятельную палату, то были изданы знаменитые указы Полиньяка измѣнявшіе избирательный законъ и законы о печати, и вводившіе такимъ образомъ абсолютивный произволъ на мѣсто конституціоннаго порядка, гарантированнаго хартіей 1815 г. Верхніе слои общества, въ сущности единственно затронутые беззаконіемъ Карла X и его министровъ, сумѣли внушить парижскимъ рабочимъ, что дѣло идетъ объ общенародномъ благѣ, и послѣ трехдневнаго сраженія блузниковъ и студентовъ съ войсками власть оказалась въ рукахъ народа, который не зналъ, что съ нею дѣлать. За него, впрочемъ, позаботились другіе, и въ то время какъ трудовой людъ вернулся къ своей обычной жизни, не получивъ за свое геройство въ чужихъ интересахъ ни одного реальнаго блага, но зато много комплиментовъ, провозглашена была новая конституція. Единственный уважаемый въ народѣ человѣкъ, старый республиканскій идеалистъ, герой американской войны за свободу, Лафайетъ, говорилъ: «намъ нуженъ популярный королевскій тронъ, окруженный чисто республиканскими учрежденіями». Никого болѣе популярнаго, однако, не удалось найти, кромѣ «короля буржуа», который принялъ корону изъ рукъ революціонеровъ, заявивъ при этомъ Лафайету, что и онъ такой же горячій поклонникъ американскихъ государственныхъ формъ. Введеніе «чисто республиканскихъ учрежденій» покуда было отсрочено; новое избирательное право, сохранявшее имущественный цензъ, но въ пониженномъ размѣрѣ, расширялъ кругъ избирателей до 200.000 человѣкъ. Характеръ представительства значительно измѣняется: оно становится выразителемъ интересовъ средней буржуазіи. Одинъ фрондеръ называетъ новую палату «собраніемъ лавочниковъ, а короля наибольшимъ лавочникомъ изъ всѣхъ». Люди, которые были недовольны прежнимъ режимомъ, теперь стремятся поживиться побѣдой. Легитимисты должны очистить поле приверженцамъ новой династіи. «Знаете, что такое карлистъ? — говоритъ одинъ изъ

*) Чтобы не прерывать дальнѣйшаго изложенія ссылками, укажемъ тутъ же главныя пособія, которыми мы пользовались въ исторической части нашего этюда: *Thuveau-Dangin*, «Histoire de la monarchie de juillet». Paris, 1884—1892; *Georges Weill*, «Histoire du parti républicain en France de 1814 à 1870», P. 1900; *Louis Blanc*, «Histoire de dix ans», Bruxelles 1846; *Alfr. Rambaud*, «Hist. de la civilisation contemporaine en France». P. 1888; *Vermorel*, «Les hommes de 1848» P. 1869 (русск. перев.); *Lucien de la Hodde*, «Hist. des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848», P. 1850; *Georges Weill*, «L'école saint-simonienne», P. 1896; *Roussel*, «Lamennais d'aprés des documents inédits» P. 1892; *его же*, «Lamennais intime», P. 1897.

оппозиціонныхъ ораторовъ палаты.—Карлистъ это человѣкъ, занимающій должность, которую хочетъ занять другой человѣкъ». Начинается неслыханное «нашествіе карьеристовъ». Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ іюльскаго возстанія одинъ публицистъ пишетъ: «Нынѣ у насъ возстаніе совсѣмъ другого рода; это нашествіе просителей: это массовое движеніе искателей мѣстъ; они бѣгутъ въ передпія съ тѣмъ же пыломъ, какъ народъ бѣжалъ въ огонь. Съ семи часовъ утра баталіоны черныхъ фраковъ устремляются со всѣхъ концовъ столицы, толпа растетъ изъ улицы въ улицу... Жертвы падаютъ въ изобиліи...

Лафайетъ.

герои также кишатъ»... Извѣстный поэтъ Барбье въ первомъ же изъ своихъ энергичныхъ ямбовъ «*La curée*» («*Добыча*») отличаетъ то же явленіе.

Un taudis regorgeant de faquins sans courage,
D'éffrontés coureurs de salons,
Qui vont de porte en porte, et d'étage en étage,
Gueusant quelques bouts de galons,
Une halle cynique, aux clameurs insolentes,
Où chacun cherche à déchirer
Un misérable coin des guenilles sanglantes
Du pouvoir qui vient d'expirer *).

*) Куча дрянныхъ людишекъ безъ мужества, наглыхъ, салонныхъ шаркуновъ которые ходятъ изъ двери въ дверь, изъ этажа въ этажъ, выпрашивая, какъ нищіе, какой-нибудь кусокъ галуна; циничный базаръ, оглашаемый нахальными криками, гдѣ каждый стремится оторвать жалкій кусокъ кровавыхъ лохмотьевъ, оставленныхъ правительствомъ, только что испустившимъ послѣднее дыханіе.

Министръ и самъ король не въ силахъ противиться этому напору просителей и по мѣрѣ возможности стараются утолить разыгравшіеся аппетиты. Правительство заигрываетъ съ этими людьми, которые всѣ приписываютъ себѣ роль въ установленіи новаго порядка; все это «герои іюльскихъ дней», которымъ Людовикъ-Филиппъ обязанъ короной, а министры своими портфелями.

Народное и государственное хозяйство было въ самомъ плачевномъ состояніи. Промышленность и торговля не могли оправиться отъ потрясенія. Производство упало, и рабочіе не находили работы, крахи слѣдовали одинъ за другимъ. Государственное казначейство было въ весьма незавидномъ положеніи. Ближайшій бюджетъ на 1831 годъ возросъ болѣе чѣмъ на 300 милліоновъ франковъ, а минувшій годъ былъ сведенъ съ дефицитомъ въ 100-милліоновъ. Государственные расходы ложились, главнымъ образомъ, на низшіе классы населенія, такъ какъ, благодаря постоянному стремленію «облегчить бремя земельной собственности», косвенные налоги на предметы первой необходимости возрастали, а благодаря упорно проводимой покровительственной системы дороговизна продуктовъ промышленности еще ухудшала матеріальное положеніе трудящихся.

Народное образованіе до 30-хъ годовъ было ниже всего, что себѣ можно представить. Бюджетъ элементарныхъ школъ не превышалъ 50 тысячъ франковъ. Изслѣдованіе, предпринятое Гизо въ 1832—1834 годахъ, дало поразительную картину. Въ одномъ округѣ (arrondissement) оказалось, что четыре мера не умѣютъ подписать своего имени, находятъ, что обученіе дѣтей безполезно и что лучше бы имъ копать канавы, чѣмъ ходить въ школы. Въ одномъ мѣстѣ учитель предлагаетъ даровое обученіе,— родители отказываются; въ другомъ—священникъ предлагаетъ даже деньги родителямъ, если они будутъ пускать дѣтей учиться,—не принимаютъ. Большинство учителей глубоко невѣжественное; нѣкоторые изъ нихъ не умѣютъ писать; въ Ландахъ они, въ большинствѣ случаевъ, не умѣютъ даже читать; ихъ роль ограничивается тѣмъ, чтобы *смотрѣть* за дѣтьми. Грамотность городского пролетаріата была немногимъ выше.

Благодаря своей темнотѣ четвертое сословіе совершенно не сознавало своихъ общихъ интересовъ. Но и образованные классы населенія еще далеки отъ предчувствія всей силы соціальнаго вопроса. До іюльской революціи рабочій классъ не принимался вовсе въ разсчетъ въ политикѣ. Теоретикъ либерализма Бенжаменъ Констанъ утверждалъ (въ 1814 г.), что нельзя давать политическихъ правъ «несобственникамъ» (имя, которымъ тогда обозначали пролетаріевъ). Самая широкая демократія, говоритъ онъ, всегда исключала изъ политики иностранцевъ и дѣтей: «Тѣ, которыхъ бѣдность принуждаетъ къ постоянной зависимости и обрекаетъ на поденную работу, освѣдомлены относительно общественныхъ дѣлъ не болѣе, чѣмъ дѣти, и не болѣе, чѣмъ иностранцы,

заинтересованы въ національномъ благосостояніи, элементовъ котораго они не знаютъ и выгодъ котораго непосредственно не испытываютъ». Здѣсь высказывается, по крайней мѣрѣ, ясное пониманіе раздѣльности интересовъ собственниковъ и «несобственниковъ». Любопытно сопоставить это противоположеніе съ «Общественнымъ договоромъ» Руссо; «Законы всегда въ пользу тѣхъ, у кого что-нибудь есть, и во вредъ тѣмъ, у кого нѣтъ ничего». Но къ этому старый идеалистъ добавлялъ, что общество должно быть такъ устроено, чтобы у всѣхъ что-нибудь было; доктринеры либерализма такъ далеко не шли. Вся парламентская оппозиція не имѣла другой программы, кромѣ чисто политической. Можно указать только двухъ людей въ палатѣ, которыхъ поражала картина экономическихъ контрастовъ. Одинъ богатый аристократъ, Вуайе Даржансонъ, предсказывалъ торжество новой экономической науки, отличной отъ теоріи либеральныхъ банкировъ,—«науки соціальной справедливости, назначеніе которой будетъ научить со временемъ весь родъ человѣческій, безъ различія странъ и національности, какъ онъ долженъ накоплять, пріобрѣтать и распредѣлять дары природы»; онъ же удивлялся, почему учреждаются торговыя биржи, а о биржахъ труда никто не помышляетъ; по поводу рѣчи Гизо о сберегательныхъ кассахъ, онъ насмѣхался надъ филантропами, которые не хотятъ измѣнять распредѣленія богатствъ; наконецъ, онъ же во время дебатовъ о хлѣбной торговлѣ указывалъ съ трибуны, что «во Франціи больше людей, имѣющихъ избытокъ зерна». Ему вторилъ только одинъ голосъ,—депутатъ Босежуръ, утверждавшій, что Франція дѣлится на двѣ части: 500 тысячъ человѣкъ, *которые* ѣдятъ, и 30 милліоновъ, *которыхъ* ѣдятъ. Внѣ палаты, оппозиціонная молодежь, будущіе дѣятели 30-хъ и 40-хъ годовъ, между ними Ипполитъ Карно, Годфруа Кавеньякъ, Гинаръ и др., также видѣли корень зла только въ политической реакціи. Они были противниками «божественнаго права» бурбонской династіи и стараго режима; послѣдовательные изъ нихъ доходили до идеи республики, подъ именемъ которой они понимали довольно туманный идеалъ справедливаго, честнаго, гордаго по отношенію къ другимъ государствамъ правительства, чуждаго всякой сословной и религіозной партійности, т.-е. почти то же, что представляла себѣ подъ именемъ республики Аврора Дюпенъ, когда читала бабушкѣ газеты о греческомъ возстаніи и заговорахъ въ Италіи. Названія «республиканецъ», «демократъ» и «патріотъ» были синонимами, такъ какъ считалось, что вся масса народа одинаково заинтересована въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ династіи, навязанной вражеской силою, — въ этомъ заключался «патріотизмъ», — и возстановить верховную власть равноправнаго народа въ формѣ республики. Такихъ республиканцевъ, впрочемъ, было очень немного; поэтому, хотя они и принимали дѣятельное участіе въ іюльскомъ возстаніи наравнѣ съ блузниками, но на дальнѣйшій ходъ событій не могли оказать достаточно рѣшительнаго вліянія.

На іюльскихъ баррикадахъ французская буржуазія, можно сказать, впервые познакомилась съ тѣми слоями населенія, которые поэтъ называлъ «la sainte populace et la sainte canaille». Восторжествовавшая часть буржуазіи приняла, какъ должное, наивное самоотверженіе народа и, завладѣвъ властью въ лицѣ банкира Казиміра Перье или доктринера Гизо, заботилась только о томъ, чтобы такія вспышки болѣе не повторялись. Болѣе прогрессивные элементы, оставшіеся и при новомъ режимѣ оппозиціей, считали, что революція, сдѣланная рабочими классами, должна принести для нихъ осязательные плоды. Вскорѣ послѣ того, какъ истинный характеръ новаго порядка вещей обнаружился, республиканское, почти исключительно студенческое общество *Друзей народа* издало воззваніе, въ которомъ выражалось возмущеніе противъ эгоизма «аристократической буржуазіи» и объявлялось, что задача общества—улучшить матеріальное и умственное состояніе низшихъ классовъ. Между молодыми республиканцами являются не мало людей, искренно преданныхъ интересамъ трудящихся темныхъ массъ. Между ними особенно характерна фигура Распайля, который нѣсколько напоминаетъ нашихъ поклонниковъ естественныхъ наукъ 60-хъ годовъ. Человѣкъ неподкупной честности, котораго не могли задобрить никакія предложенія со стороны правительства, химикъ, полемизировавшій съ Кювье и не признававшій авторитета Араго, онъ утилизировалъ свои свѣдѣнія въ пользу темной массы: онъ пользовался извѣстностью среди бѣдняковъ, какъ даровой врачъ; онъ ежегодно издавалъ популярное руководство по гигіенѣ, изобрѣлъ свою систему дешеваго лѣченія и стремился удвоить продуктивность почвы химическими средствами. Но задачи общественныхъ реформъ онъ понималъ такъ же односторонне, какъ и другіе. На одномъ изъ многочисленныхъ своихъ процессовъ онъ такъ формулировалъ свои идеи: «Намъ нужна такая *политическая система*, при осуществленіи которой во Франціи не стало бы ни одного несчастнаго, за исключеніемъ тѣхъ, которые страдаютъ по собственной винѣ или вслѣдствіе органическихъ пороковъ». Другой видный дѣятель республиканской партіи, Гарнье-Пажесъ, также передъ своими судьями, выражалъ столь же наивные по искренности и по неясности взгляды: «Я утверждаю,—говорилъ онъ,—что всякое правительство, хотя бы оно существовало только двѣ недѣли, должно было бы найти время заняться обездоленными классами»; пусть тѣ, которые боятся, республики помнятъ, что «единственное средство помѣшать ея пришествію — заняться людьми, которые *не имѣютъ правъ*, т.-е. удовлетворить нужды массъ».

Уже задолго до іюльской революціи были люди, стоявшіе, правда, почти одиноко, которые ставили соціальный вопросъ въ центръ своихъ интересовъ и придумывали фантастическія, но по ихъ мнѣнію весьма практичныя и близкія къ осуществленію системы общественнаго устройства дававшія всѣмъ равную долю въ распредѣленіи земныхъ благъ. Мы

не будемъ говорить здѣсь о фаланстерахъ Фурье, потому что теоріи его не имѣли замѣтнаго вліянія на Ж. Зандъ, и ни съ нимъ самимъ, ни съ его учениками она не входила въ непосредственныя отношенія. Но необходимо сказать нѣсколько словъ о Сенъ-Симонѣ и подробнѣе остановиться на его послѣдователяхъ, которымъ Ж. Зандъ многимъ обязана. Сенъ-Симонъ считалъ себя призваннымъ внести поправку въ христіанское ученіе, уничтоживъ дуализмъ царствія не отъ міра сего и юдоли земного горя. Заповѣдь: братія, любите другъ друга, должна была, по его мнѣнію, тутъ, на этой землѣ еще привести къ всеобщему счастью. Онъ не видѣлъ необходимости искать его только въ страданіи и отказываться отъ благъ, данныхъ человѣчеству природой. Церковь, на которой первоначально лежала задача осуществить этотъ идеалъ, давно уже была не на высотѣ времени. Управлять человѣчествомъ можетъ только такая сила, въ рукахъ которой находится увеличеніе матеріальныхъ богатствъ, которая съумѣетъ дѣйствовать на разумъ и на чувства людей. Поэтому власть въ будущемъ государствѣ, которое должно опять слиться съ церковью, должна принадлежать представителямъ трехъ классовъ: промышленниковъ, подъ которыми подразумѣвались простые рабочіе, также какъ техники, инженеры и т. д., ученыхъ и художниковъ. Представители эти должны соединять въ своихъ рукахъ и духовныя, и законодательныя, и административныя функціи. Намѣченное Сенъ-Симономъ общественное устройство такъ безконечно далеко было отъ всякихъ существовавшихъ или мыслимыхъ государственныхъ формъ, что ближайшіе политическіе вопросы не могли его интересовать. Его послѣдователи, образовавшіе послѣ его смерти (въ 1825 г) сначала школу, а потомъ церковь, съ безконечнымъ пренебреженіемъ относились ко всѣмъ одинаково политическимъ программамъ своего времени, но при этомъ, основывая свои надежды на доброй волѣ людей, постигшихъ святость ихъ доктрины, никогда не отчаивались, что лица, стоящія у власти, захотятъ провести въ жизнь ихъ идеи. Такъ, тотчасъ послѣ торжества іюльской революціи, Базаръ и Анфантенъ, олицетворявшіе вдвоемъ папскую власть въ маленькой «Церкви», обратились съ манифестомъ «къ французамъ», увѣщевая воздвигнуть на развалинахъ прошлаго новый государственный строй, основанный на принципѣ Сенъ-Симона: каждому сообразно его способностямъ и дѣламъ, а затѣмъ имѣли наивность письменно предложить Людовику-Филиппу уступить имъ свое мѣсто. Впослѣдствіи Анфантенъ, оставшійся единственнымъ главой, «отцомъ» уже распавшагося сенъ-симонизма, возлагалъ такія же упованія сначала на революціонное правительство 1848 г., а потомъ видѣлъ въ Наполеонѣ III ниспосланнаго Провидѣніемъ исполнителя предначертаній Сенъ-Симона. Какъ цѣльная доктрина, сенъ-симонизмъ имѣлъ только весьма кратковременный успѣхъ въ самомъ началѣ іюльской монархіи, но вліяніе его на умственную жизнь французскаго общества было значительно. Доста-

точно сказать, что Огюстъ Контъ былъ непосредственнымъ ученикомъ, хотя и не послѣдователемъ Сенъ-Симона; Огюстенъ Тьерри былъ его личнымъ секретаремъ; Сентъ-Бёвъ одно время, еще до 1830 г., былъ близокъ къ его ближайшимъ послѣдователямъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ ихъ журнала; Пьеръ Леру, авторъ своеобразнаго мистическаго соціализма, былъ когда-то виднымъ членомъ сенъ-симонистской «церкви» самъ Анфантенъ былъ талантливымъ экономистомъ, который ранѣе Маркса указалъ слабыя стороны классической школы политической экономіи; у Ренана указываютъ мѣста, которыя кажутся написанными Анфантеномъ. Наконецъ, изящная литература 30-хъ и 40-хъ годовъ въ лицѣ Ж. Зандъ, Эжена Сю, Дюма-сына, даже В. Гюго (въ его «Miserables») обнаруживаетъ ясное, хотя и не всегда непосредственное вліяніе идей сенъ-симонизма.

Значеніе сенъ-симонизма въ началѣ 30-хъ годовъ опредѣляется тѣмъ, что онъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ отвѣчалъ назрѣвшимъ запросамъ общества. Прежде всего онъ шелъ на встрѣчу возрождавшейся потребности обновить религіозное чувство,—потребности, представляющей одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ того изобилующаго контрастами времени. Оффиціальная религія, католическая церковь во время реставраціи была союзникомъ легитимизма и королевской власти, поэтому она раздѣляла съ нею и ненависть всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ буржуазнаго общества. Либеральная и республиканская пресса не находитъ достаточно злой сатиры, достаточно презрительныхъ эпитетовъ для интриганства, лицемѣрія и мракобѣсія духовенства, и іюльское правительство въ этомъ вопросѣ представляетъ своимъ противникамъ свободу. Но эта вражда къ католической церкви, какъ къ политическому фактору, прекрасно уживается съ реакціей противъ самоувѣреннаго раціонализма XVIII вѣка. Самое яркое выраженіе этого чувства заключается, конечно, въ извѣстной филиппикѣ А. де-Мюссе противъ Вольтера въ «Rolla»:

Et que nous reste-t-il, à nous, les déicides?
Pour qui travailliez-vous, démolisseurs stupides,
Lorsque vous dissecuiez le Christ sur son autel?
. . . .
. . . .
Vous vouliez pétrir l'homme à votre fantaisie;
Vous vouliez faire un monde.—Eh bien, vous l'avez fait;
Votre monde est superbe, et votre homme est parfait!
Les monts sont nivellés, la plaine est éclaircie;
Vous avez sagement taillé l'arbre de vie;
Tout est bien balayé sur vos chemins de fer,
Tout est grand, tout est beau, mais on meurt dans votre air... *).

---

*) И что намъ остается, намъ, которые убили Бога? Для кого вы работали безсмысленные разрушители, когда вы разсѣкали на части Христа на его алтарѣ?. Вы хотѣли изваять человѣка по своему вкусу; вы хотѣли создать міръ. Да, вы его создали; вашъ міръ великолѣпенъ и вашъ человѣкъ совершенъ! Горы срѣзаны,

«Религіозное чувство,—писалъ одинъ наблюдательный публицистъ того времени (Жирарденъ),—въ наше время похоже на изгнанника, который бродитъ въ обществѣ, стуча то въ ту, то въ другую дверь. Философія XVIII вѣка изгнала его изъ церквей; но она не могла его уничтожить, и вотъ оно на нашихъ глазахъ ищетъ теперь, куда бы кинуться, гдѣ бы пріютиться, чѣмъ бы насытиться». «Человѣчество ждетъ,—пишетъ Сентъ-Бевъ,—оно чувствуетъ себя больнымъ»; самою яркою чертою умственнаго состоянія Франціи онъ считаетъ «необыкновенное количество общихъ системъ и плановъ всемірныхъ реформъ, которые появляются отовсюду и обѣщаютъ каждый свое средство противъ болѣзней общества».

Даже смѣшныя стороны религіи сенъ-симонистовъ, ихъ символическій ритуалъ, іерархія, безусловное подчиненіе «отцу», театральная одежда, не мѣшали имъ пріобрѣтать самыхъ убѣжденныхъ прозелитовъ. Въ ихъ рядахъ не мало богатыхъ банкировъ, талантливыхъ адвокатовъ, публицистовъ, артистовъ. Весь Парижъ устремляется на ихъ публичныя засѣданія и вечера; многіе, конечно, смотрятъ на это, какъ на оригинальный спектакль, но нерѣдко любопытные обращаются въ новую вѣру. Не меньшее значеніе, чѣмъ эта сектантская сторона сенъ-симонистской пропаганды, имѣли ихъ теоріи освобожденія труда. Были люди, хотя и не особенно многочисленные, которые жаждали соціальной справедливости, и только у сенъ-симонистовъ находили положительную программу дѣйствій. Разница между сенъ-симонистами и республиканцами, которые считали себя также искренними демократами, заключалась въ томъ, что послѣдніе видѣли все несчастіе народа въ недостаткахъ политическаго строя, тогда какъ первые выдвигали соціальныя реформы. Въ то время, какъ имъ ставили въ упрекъ, что они запутываются въ мистическихъ утопіяхъ, они, въ свою очередь, утверждали, что настоящіе мистики и утописты тѣ люди, которые думаютъ все исцѣлить парламентарной фармакопеей, для которыхъ слова «конституція», «раздѣленіе властей», «отвѣтственность министровъ», «свобода печати» представляютъ нѣчто реальное, конечную цѣль, а не средство. Главный органъ сенъ-симонизма «Le Globe» никогда не велъ систематическую оппозицію: онъ всегда готовъ былъ поддержать правительство, когда министры предпринимаютъ прогрессивныя въ ихъ смыслѣ мѣры. Но равнымъ образомъ журналъ этотъ не считаетъ нужнымъ воздерживаться отъ рѣзкой критики правительства, особенно когда оно отказывалось пользоваться своею силою на пользу низшихъ классовъ. «Людовикъ-Филиппъ,—писали они,—неспособенъ къ мужественной иниціативѣ; онъ не отправляется въ мастерскія изучать бытъ рабочихъ. Когда фабричные рабочіе изъ Эльзаса изложили ему свое печальное положеніе, онъ отвѣтилъ: «я могу

равнина расчищена; вы мудро обтесали древо жизни; все чисто выметено на вашихъ желѣзныхъ дорагахъ. Все велико, все прекрасно, но въ вашемъ воздухѣ умираешь...

только стонать». Если бы нашествіе грозило границамъ государства и застигло бы дезорганизованную армію, онъ не посмѣлъ бы повторить этотъ отвѣтъ, а сталъ бы дѣйствовать. Также мало внушало имъ симпатіи торжество «самодержавнаго народа», о которомъ мечтали республиканцы. «Самодержавіе народа несовмѣстимо ни съ какой гармоніей, ни съ какимъ направленіемъ, ни съ какимъ обдуманнымъ распредѣленіемъ и сочетаніемъ труда, ни съ какимъ правительствомъ; оно совмѣстимо только съ анархіей». Но особенно они протестовали противъ насильственныхъ дѣйствій, какъ пріемовъ борьбы. Одинъ изъ поэтовъ сенъ-симонизма,—таковыхъ было довольно много,—слѣдующимъ образомъ выражаетъ отношеніе своей школы къ революціоннымъ теоріямъ республиканцевъ:

Ne croyez pas, amis, à ces gens qui toujours
Boursonflent leurs écrits de furibonds discours:
Rien de grand ne jaillit de leur cerveau malade;
Non, l'avenir n'est plus sur une barricade! *).

Въ чемъ же, по ихъ мнѣнію, заключалось это будущее? Въ виду новизны идеи положительной соціальной политики, нельзя было ждать отъ новаго ученія чего-нибудь цѣльнаго и законченнаго, и, дѣйствительно, программы, изложенныя въ разное время различными писателями сенъ-симонистской школы, весьма разнообразны. Но, во всякомъ случаѣ, у нихъ первыхъ можно встрѣтить идею о національзаціи промышленности, торговли и путей сообщенія. Имъ грезилась вся Европа, покрытая сѣтью желѣзныхъ дорогъ, расходящихся радіусами отъ гаваней Средиземнаго моря; государственные банки должны сдѣлать возможнымъ самое широкое развитіе производства; если увеличеніе машинной индустріи не принесло пока пользы рабочему классу, то только потому, что промышленный прогрессъ не стоялъ въ связи съ прогрессомъ морали, установить же равновѣсіе между ними не можетъ никто, кромѣ правительственной власти. Благодаря тому, что въ числѣ руководителей школы было нѣсколько богатыхъ банкировъ, можно было даже приступить къ опытамъ приложенія этихъ политико-экономическихъ теорій: устроено было нѣсколько сенъ-симонистскихъ мастерскихъ, которыя, однако, очень быстро потерпѣли финансовый крахъ. Нѣсколько французскихъ желѣзныхъ дорогъ, нѣсколько крупныхъ финансовыхъ предпріятій также обязаны своимъ возникновеніемъ инженерамъ и финансистамъ, принадлежавшимъ къ школѣ, но нечего и прибавлять, что въ распредѣленіи прибыли эти организаціи ничѣмъ не отличались отъ обычныхъ коммерческихъ операцій.

Наконецъ, третій вопросъ, въ которомъ сенъ-симонисты шли навстрѣчу потребностямъ общества, былъ вопросъ объ отношеніи половъ.

*) Друзья, не вѣрьте этимъ людямъ, писанія которыхъ всегда напичканы яростными рѣчами: ничего великаго не рождается въ ихъ больномъ мозгу; нѣтъ, будущее уже находится не на баррикадѣ.

Устное преданіе гласило, что Сенъ-Симонъ еще высказалъ принципъ: «соціальный индивидъ—это мужчина и женщина». Анфантенъ развилъ этотъ тезисъ въ обширную теорію, которая больше всего возбудила разногласій среди членовъ школы и вызвала отпаденіе наиболѣе цѣнныхъ послѣдователей съ Базаромъ во главѣ. Первое слѣдствіе основного положенія, которое всѣмъ казалось безспорнымъ, заключалось въ полномъ равенствѣ мужчинъ и женщинъ передъ закономъ гражданскимъ и нравственнымъ. Освобожденіе женщины объявлялось такою же насущною задачею, какъ освобожденіе пролетаріата. Въ будущемъ обществѣ всѣ функціи должны были исполняться парами. Такимъ образомъ, самъ собою возникалъ вопросъ о бракѣ. Старая форма брака, какъ одинъ изъ видовъ рабства, подлежала уничтоженію. Союзъ мужчины и женщины долженъ былъ быть вполнѣ свободнымъ: люди, обладающіе устойчивыми чувствами, могли бы продолжать свой союзъ произвольное время, хотя бы всю жизнь, но люди со страстною и измѣнчивою натурою имѣютъ право на полную свободу своихъ чувствъ. Уже и этотъ пунктъ о свободѣ развода и о повторяемости брачнаго союза возбуждалъ сильную оппозицію со стороны Базара, а особенно его жены, которые находили, что въ будущемъ обществѣ, гдѣ молодые люди будутъ имѣть полную возможность узнавать другъ друга и сдѣлать разумный выборъ, брачный союзъ долженъ быть еще болѣе священнымъ и неприкосновеннымъ, чѣмъ въ настоящее время. Но Анфантенъ не останавливался на этомъ. Онъ требовалъ, чтобы священническія пары, которыя будутъ стоятъ во главѣ будущаго общества, были свободны даже отъ временнаго единобрачія и могли вступать въ произвольное половое общеніе со своими духовными дѣтьми въ цѣляхъ моральнаго воздѣйствія на нихъ. Послѣ долгихъ и страстныхъ дебатовъ теоріи Анфантена объ «освобожденіи плоти» произвели расколъ въ семьѣ сенъ-симонистовъ, послѣ котораго она уже никогда не могла оправиться. Впрочемъ, Анфантенъ признавалъ, что окончательное слово въ этомъ вопросѣ должно было принадлежать самой женщинѣ, и онъ—«отецъ»—не могъ одинъ дать непогрѣшимый догматъ, пока рядомъ съ нимъ не будетъ женщины — «матери»,но такой верховной жрицы сенъ-симонизма такъ и не было найдено. Вообще, нужно замѣтить, что столь радикальные взгляды на отношенія между полами оставались вполнѣ отвлеченной теоріей и никогда не проводились въ жизнь, по крайней мѣрѣ, руководителями секты.

Любопытно посмотрѣть, какое положеніе въ данномъ вопросѣ заняли женщины—послѣдовательницы сенъ-симонизма. Вовсе не всѣ онѣ раздѣляли ригористическіе взгляды m-me Базаръ. Образовалась цѣлая женская группа, которая поставила себѣ задачей эмансипацію своего пола. Онѣ издавали свой журналъ («La Femme libre,» впослѣдствіи «La Tribune des femmes»), гдѣ высказывались взгляды, подчасъ еще болѣе крайніе, чѣмъ взгляды Анфантена. «Слава тѣмъ женщинамъ,—провоз-

глашалось тамъ,—которыя всегда сохраняли достоинство и серьезность! Но также слава и тѣмъ женщинамъ, которыя, слѣдуя присущему имъ инстинкту свободы, уровняли путь для нашей эмансипаціи! До какой бы безпорядочности не довела ихъ слабость, если даже онѣ погрузились въ грязь, ихъ имя будетъ со временемъ благословенно». Со свойственнымъ сенъ-симонистамъ пристрастіемъ къ костюмировкѣ, журналъ женской эмансипаціи предлагалъ даже установить опредѣленные цвѣта лентъ, одинъ для тѣхъ женщинъ, которыя желаютъ остаться вѣрными обычной морали, другой для тѣхъ, которыя отъ нея освободились.

Мы отмѣтили главные элементы, изъ которыхъ состояла общественная среда въ Парижѣ, въ моментъ, когда въ нее вступала Жоржъ Зандъ, и въ ближайшіе годы послѣ этого. Въ пылу жажды все видѣть, все знать и все испытать, подъ вліяніемъ радостнаго чувства свободы, она первое время относилась къ всему чисто по-дилетантски, вродѣ того, какъ путешествующія по всему свѣту англичанки находятъ и театральныя представленія, и изверженіе Везувія, и картинныя галлереи, и народныя волненія—одинаково «очень интересными». Мы уже цитировали ея довольно легкомысленное мнѣніе о сенъ-симонистахъ черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Парижъ. Еще черезъ мѣсяцъ она писала по поводу уличныхъ безпорядковъ, которые не прекращали волновать Парижъ со времени іюльской революціи: «Это, въ самомъ дѣлѣ, очень смѣшно: революція стала постояннымъ учрежденіемъ, какъ палата; и среди штыковъ, бунтовъ и разрушеній живешь также весело, какъ будто кругомъ царитъ полный миръ». Менторъ Ж. Зандъ Делатушъ и его газета «Figaro» принадлежали къ республиканской оппозиціи. Всѣ молодые товарищи и земляки ея, Феликсъ Піа, Ж. Сандо и др., считали одинаково дѣломъ чести аплодировать въ театрѣ драмамъ В. Гюго и издѣваться надъ политикой «лавочниковъ». Романтическія, какъ и республиканскія идеи или, лучше сказать, настроенія носились въ воздухѣ, а потому убѣжденія юнаго кружка беррійцевъ нельзя считать особенно продуманными. Правда, уже въ «Индіанѣ» въ лицѣ Раймона де-Рамьера Ж. Зандъ очень вѣрно изображаетъ ту «аристократическую буржуазію», которая при реставраціи исповѣдовала строгій легитимизмъ, а послѣ іюльскаго переворота быстро сумѣла видоизмѣнить profession de foi такъ, чтобы не потерять своего господствующаго положенія, но это показываетъ только наблюдательность автора, а не характеризуетъ еще его политическихъ взглядовъ.

Однако, событія, свидѣтельницей которыхъ вскорѣ пришлось быть Ж. Зандъ, не могли не подѣйствовать на ея чувства, всегда открытыя страданіямъ ближнихъ. Весною 1832 г. до Парижа добралась холера, тогда еще болѣе страшная, потому что Европа ее видѣла впервые. Среди взаимной ненависти высшихъ и низшихъ классовъ населенія этотъ стихійный бичъ еще обострилъ дурныя чувства съ той и другой стороны. Бѣдняки въ своихъ зачумленныхъ кварталахъ и до-

махъ умирали въ такомъ количествѣ, что не хватало обычныхъ средствъ перевозки умершихъ на кладбища, а богатые массами уѣзжали изъ Парижа, отнимая такимъ образомъ у бѣднѣйшихъ жителей массу источниковъ заработковъ. Правительство приняло кое-какія мѣры для борьбы съ общественной бѣдой, но недостаточныя и запоздалыя. Какъ всегда бываетъ, въ невѣжественной массѣ распространялись подозрѣнія въ отравленіи, и правительство поддержало эти нелѣпые слухи, сваливая, конечно, вину на «вѣчныхъ враговъ порядка», т. е. на своихъ политическихъ противниковъ. Но республиканцы и сенъ-симонисты также не пропустили случая воспользоваться тяжелыми обстоятельствами. Въ своихъ журналахъ, а также на улицахъ надъ трупами умершихъ передъ толпами, наэлектризованными страхомъ, они яркими чертами рисовали горькую истину, что причина распространенія эпидеміи заключалась въ нищетѣ народа. Ж. Зандъ съ волненіемъ прислушивалась къ голосамъ вожаковъ общественнаго мнѣнія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она своими глазами видѣла новое потрясающее зрѣлище. 5-го іюня должны были происходить похороны генерала Ламарка, съ именемъ котораго въ глазахъ народа были связаны воспоминанія о послѣднихъ дняхъ Наполеоновской эпопеи; это былъ одинъ изъ немногихъ, которые и въ эпоху реставраціи умѣли сохранить достоинство и не поддались соблазнамъ новаго режима. Парижъ былъ такъ полонъ недовольными всѣхъ оттѣнковъ, настроеніе толпы все еще было такое революціонное, что не надо было никакой спеціальной безтактности со стороны властей, никакого новаго бѣдственнаго случая, чтобы привести въ движеніе всѣ безпокойные элементы. Всѣ оппозиціонныя партіи, всѣ тайныя общества сочли похороны Ламарка достаточнымъ поводомъ, чтобы «дѣйствовать». Легитимисты, бонапартисты и республиканцы пустили въ ходъ уже столько разъ испытанныя средства, чтобы поднять темную массу. И ихъ усилія имѣли болѣе блестящій результатъ, чѣмъ они сами могли ожидать. Былъ моментъ, когда правительство уже отчаялось подавить возстаніе, хотя въ столицѣ было 24.000 солдатъ подъ ружьемъ. Но ни одна изъ революціонныхъ партій не имѣла ни достаточной организаціи, ни достаточнаго авторитета, чтобы стать во главѣ инсуррекціоннаго движенія. На слѣдующій день правительственныя войска уже были господами города, и только въ одномъ пунктѣ нѣсколько десятковъ рабочихъ съ храбростью отчаянія держались вплоть до вечера, отражая непрерывныя атаки регулярныхъ войскъ. Ж. Зандъ жила недалеко отъ этого злополучнаго мѣста и съ высоты своего пятаго этажа съ тревожнымъ напряженіемъ считала атаки, залпы и пушечные выстрѣлы и наблюдала, какъ на фургонахъ отвозили мертвыхъ послѣ каждаго приступа. Впослѣдствіи Ж. Зандъ воспользовалась своими воспоминаніями объ этомъ времени въ «Орасѣ».

Такія впечатлѣнія поневолѣ наталкивали мысль Ж. Зандъ на сложные

общественные вопросы, и такъ какъ ея собственной скудной философіи было далеко недостаточно для разрѣшенія ихъ, то приходилось прислушиваться къ мнѣніямъ другихъ. Та литературная среда, въ которую попала молодая писательница, сама по себѣ не могла удовлетворить ея запросы, но тутъ легко было столкнуться съ людьми всѣхъ направленій, и Ж. Зандъ, повидимому, не упускала случаевъ знакомства съ различными общественными системами. Крупныя соціальныя проблемы впервые затронуты Ж. Зандъ въ «Леліи», гдѣ идеальный карбонарій Тренморъ занятъ водвореніемъ счастія на земномъ шарѣ. Не смотря на совершенную безплотность этого персонажа, въ немъ, кажется, можно видѣть идеализованный портретъ дѣйствительной исторической личности *). Въ Парижѣ въ то время жилъ въ качествѣ учителя музыки и политическаго эмигранта патріархъ италіанскаго карбонаризма Буонаротти (изъ рода великаго автора «Моисея» и «Сикстинскаго плафона»). Вотъ какъ его характеризуетъ Луи Бланъ: «Серьезность его манеръ, авторитетность его рѣчи, всегда проникновенной, хотя строгой, его лицо, носящее благородные слѣды привычныхъ размышленій и долгаго жизненнаго опыта, его обширный лобъ, его взглядъ, полный мысли, гордая линія его губъ, привыкшихъ къ осторожности,—все дѣлало его похожимъ на мудрецовъ древней Греціи. У него была такая же, какъ у нихъ, добродѣтель, проникновеніе и доброта. Даже его замкнутость была безконечно кроткою... Смерть проходила мимо него, не вызывая въ немъ волненія... Но въ немъ была нѣкоторая доля той царственной меланхоліи, которую внушаетъ истинному философу зрѣлище человѣческихъ дѣлъ. Что касается его убѣжденій, то они были небеснаго происхожденія, такъ какъ они стремились возвратить людямъ культъ евангельскаго братства... Буонаротти любилъ народъ, онъ не переставалъ конспирировать ради его блага, но съ подозрительностью опытнаго наблюдателя и спокойствіемъ философа... Его вліяніе было далеко не слабое. Бѣднякъ, принужденный давать уроки музыки, чтобы жить, онъ изъ глубины своей безвѣстности управлялъ благородными умами, двигалъ не мало скрытыхъ пружинъ, поддерживалъ съ заграничной демократіей постоянныя отношенія... и держалъ въ рукахъ бразды пропаганды, приходилось ли ускорять движеніе, или замедлять его...» За исключеніемъ бѣдности, всѣ остальныя приведенныя здѣсь черты и качества можно найти и въ Тренморѣ, только, конечно, въ усиленной степени. Наружность его даже напоминаетъ Буонаротти: Тренморъ былъ «спокойный, блѣдный, но прекрасный, какъ Божіе созданіе, какъ лучъ, которымъ запечатлѣваетъ божество чело очистившагося человѣка», у него былъ высокій лобъ и чудный взглядъ; въ его манерахъ и го-

*) Мы нигдѣ не встрѣчали сближенія, на которое здѣсь указываемъ, и не знаемъ, существуютъ ли какія-нибудь фактическія данныя, опровергающія наше предположеніе.

лосѣ было что-то такое благородное и сильное, что смущало собесѣдниковъ. Онъ также велъ «жизнь, полную героизма, преданности и милосердія», «его жизнь течетъ исключительно для другихъ и полна героической самоотверженности». Онъ тоже заговорщикъ на благо людей и глава тайнаго общества, поэтому также замкнутъ и остороженъ. Онъ также меланхолично, но не пессимистически смотритъ на людей и вѣритъ въ торжество евангельскаго братства и также гонимъ, какъ политическій преступникъ.

Но не карбонаризмъ могъ покорить Ж. Зандъ; заговорщицкая дѣятельность противорѣчила ея натурѣ. Съ какимъ бы уваженіемъ ни относилась она къ отдѣльнымъ личностямъ старой революціонной системы, трудно было видѣть будущее Франціи въ таинственныхъ конспираціяхъ, когда была полная возможность явной, если и не вполнѣ легальной дѣятельности. Ближе всего ей въ то время долженъ былъ быть сенъ-симонизмъ. Во-первыхъ, она всегда сохраняла религіозность, такъ что эта сторона ихъ ученія не могла смущать ее. Затѣмъ она раздѣляла съ ними отвращеніе къ политикѣ, т.-е. къ той партійной и личной борьбѣ, которая тогда называлась этимъ именемъ, и принимала къ сердцу только страданія обездоленныхъ. Долго она считала исполненнымъ свой нравственный долгъ передъ ними, отдавая значительную долю своихъ средствъ на благотворительныя цѣли, но какъ разъ около этого времени подъ живыми впечатлѣніями бѣдствій нищеты она стала понимать ничтожество филантропіи и искать болѣе широкихъ системъ борьбы съ явленіями массовыхъ несчастій, тревожившихъ ея воображеніе. Но, конечно, живѣе всего должны были интересовать Ж. Зандъ дебаты сенъ-симонистовъ о положеніи женщины, о семьѣ и бракѣ. Это былъ пока единственный вопросъ, о которомъ она имѣла ясное понятіе, пріобрѣтенное горькимъ опытомъ и продолжительными размышленіями. Горячо сочувствуя соціальному освобожденію своего пола, Ж. Зандъ, однако, никогда не признавала правильности взглядовъ Анфантена объ «эмансипаціи плоти» и въ теоріи, по крайней мѣрѣ, была скорѣе на сторонѣ супруговъ Базаръ. Съ другой стороны, сенъ-симонисты возлагали на нее большія надежды, основываясь на содержаніи ея первыхъ романовъ, а также, вѣроятно, на свѣдѣніяхъ о ея частной жизни. Когда-то Сенъ-Симонъ предлагалъ m-me Сталь, какъ самой необыкновенной изъ женщинъ, вступить въ союзъ съ нимъ, какъ самымъ необыкновеннымъ изъ мужчинъ, съ цѣлью произвести на свѣтъ еще болѣе необыкновеннаго ребенка. Теперь Анфантенъ, въ поискахъ за «матерью», которая должна была вмѣстѣ съ нимъ быть «живымъ закономъ» для человѣчества, обратилъ свое вниманіе на Ж. Зандъ, какъ на самую замѣчательную представительницу своего пола, и предлагалъ ей занять рядомъ съ собою пустовавшее кресло главы церкви. Само собою разумѣется, что Ж. Зандъ, какъ нѣкогда m-me Сталь, отклонила эту необыкновенную честь. Тѣмъ не менѣе, уваженіе къ ней

сенъ-симонистской семьи оставалось неизмѣннымъ, и не только отдѣльные члены ея, какъ, напр., Геру и диссидентъ Пьеръ Леру, поддерживали съ писательницей дружескія отношенія, но и вся «семья» in corpore, даже когда послѣ всевозможныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ потрясеній она состояла почти исключительно изъ мало интеллигентныхъ элементовъ, продолжала выказывать ей знаки любви и вниманія.

Однако, до поры до времени ея вниманіе было черезчуръ поглощено собственными сердечными радостями и огорченіями, и общественное ея развитіе не могло подвигаться успѣшно. Особенно любовь къ Мюссе надолго отрываетъ ее отъ всякихъ умственныхъ интересовъ. Это происходило столько же отъ бурнаго теченія, которое принялъ ихъ романъ, сколько отъ аристократическаго презрѣнія Мюссе ко всему, что волновало современное ему общество.

Je ne me suis pas fait écrivain politique,
N'étant pas amoureux de la place publique.
D'ailleurs, il n'entre pas dans mes prétentions
D'être l'homme du siècle et de ses passions *).

Любопытно, что эти высокомѣрныя слова принадлежатъ тому же писателю, который въ другомъ мѣстѣ такъ удачно изображаетъ себя «сыномъ вѣка» (enfant du siècle) и жертвой его «страстей». Но страсти къ женщинамъ, къ вину, вообще къ дебошу, считались поэтическими, тогда какъ страсти, собирающія людей на площади, въ глазахъ такихъ романтиковъ, какъ А. де Мюссе, были прозой и признакомъ дурного тона. Поглощенная осложненіями своего перваго разрыва съ Мюссе и началомъ кратковременной любви къ итальянскому доктору Паджелло, Ж. Зандъ совершенно пропускаетъ безъ вниманія новую кровавую драму (весьма прозаическую съ точки зрѣнія Мюссе), разыгравшуюся въ апрѣлѣ 1834 г. во многихъ большихъ городахъ Франціи: грандіозное рабочее возстаніе на этотъ разъ съ весьма опредѣленнымъ политическимъ характеромъ, начатое въ Ліонѣ и кончившееся страшной бойней инсургентовъ, не вызываетъ со стороны Ж. Зандъ никакого участія; зато въ будущемъ году, подъ вліяніемъ увлеченія Мишелемъ де-Буржъ, она со всѣмъ пыломъ неофита будетъ интересоваться знаменитымъ судомъ (такъ называемый procès monstre) надъ зачинщиками этого же возстанія.

Но вотъ послѣдній порывъ этой безразсудной любви пережитъ, Ж. Зандъ обращается въ бѣгство въ свой постылый Ноганъ, и поиски за разумнымъ принципомъ жизни начинаются сначала. Первый, на котораго упалъ ея взоръ, еще затуманенный только-что пережитымъ изступленіемъ, былъ Сентъ-Бевъ. Какъ всегда, и прежде, и послѣ, она не надѣется на работу собственной мысли, а требуетъ, чтобы

*) Я не сдѣлался политическимъ писателемъ, не будучи влюбленнымъ въ улицу. Впрочемъ, я не думаю претендовать на званіе человѣка своего вѣка и его страстей.

кто-нибудь подчинилъ ее своему умственному вліянію, доказалъ ей, что хорошо и что дурно, и за нее опредѣлялъ ея миссію въ жизни. «Что вы теперь пишете? — спрашиваетъ она Сентъ-Бева въ цитированномъ уже нами письмѣ.—Напишите же такую книгу, которая бы съ полною очевидностью доказала мнѣ что-нибудь возможное и хорошее для меня, и я даю вамъ слово, что если это будетъ хотя бы завоеваніе Китая, я сдѣлаю это. Но, Боже мой, куда дѣвать нашу силу? Куда ее направить? Какое употребленіе вы нашли для своей силы? Скажите же, скажите скорѣе! Вы не изъ тѣхъ, которые могутъ отвѣтить: «у меня таковой нѣтъ; у меня нѣтъ охоты бѣгать, потому что у меня нѣтъ ногъ.» Вы вложили куда-нибудь, въ какую-нибудь священную скинію вашу молодость, ваши сомнѣнія, ваши страданія. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, въ эту христіанскую религію? Но какимъ путемъ войти въ этотъ храмъ?...» Черезъ нѣсколько дней она возобновляетъ разговоръ на ту же тему: «Хотя все мое время проходитъ въ томъ, чтобы просить у васъ помощи, а ваше—въ томъ, чтобы отвѣчать, будто вы ее не можете мнѣ дать, но ваша манера отказывать мнѣ въ такой степени даетъ мнѣ то, о чемъ я васъ прошу, что я не перестану прибѣгать къ этому способу. Ваши смиренныя возвращенія къ собственному примѣру, къ тому прекрасному и благородному существованію, которое вы сумѣли себѣ создать, даютъ мнѣ охоту болѣе чѣмъ все на свѣтѣ искать ту тропинку, которая ведетъ васъ къ покою... Не говорите мнѣ, что ваше счастіе и ваша добродѣтель внушили бы мнѣ жалость, если бы я увидѣла основу этихъ великихъ тайнъ. Скажите мнѣ какъ разъ противоположное, даже если бы вамъ надо было немножко преувеличить. Живя (до сихъ поръ) только для себя, рискуя только собою, я подвергала себя опасностямъ и жертвовала собою, какъ предметомъ свободнымъ, одинокимъ, безполезнымъ для другихъ, располагающимъ собою до того, что я могла бы убить себя изъ блажи и отъ скуки ко всему остальному. Да будутъ прокляты люди и книги, которые поддерживали меня въ этомъ своими софизмами!»

Но тщетно искала она руководства у Сентъ-Бева: онъ говорилъ полную правду, увѣряя, что не можетъ ей дать удовлетворительнаго отвѣта на ея большіе запросы. Сентъ-Бевъ принадлежалъ къ тѣмъ спокойнымъ уравновѣшеннымъ натурамъ, которыя удовлетворяются взглядомъ на жизнь, какъ на интересное зрѣлище и готовы держаться въ сторонѣ, тонко оцѣнивая слабыя и сильныя стороны происходящаго передъ ними зрѣлища, лишь бы имъ можно было сохранить свое удобное мѣсто въ зрительной залѣ. Онъ цѣнилъ только эстетическую сторону существованія, но при этомъ былъ настолько уменъ, что хорошо понималъ точку зрѣнія своей корреспондентки и не кичился своимъ индифферентизмомъ. Его скромныя увѣренія, что достигнутое имъ душевное спокойствіе и сравнительное счастіе имѣютъ

весьма мизерную основу и не стоютъ зависти, были поэтому вполнѣ искренни.

Въ то время, какъ Ж. Зандъ требовала отъ Сентъ-Бева указать ей путь жизни, она уже завязала знакомство съ лицами, которыя оказались болѣе способными и расположенными взять на себя руководительство ея совѣстью. Болѣе явное и, такъ сказать, бурное вліяніе на нее имѣлъ извѣстный дѣятель республиканской партіи, адвокатъ Мишель де-Буржъ, болѣе глубокое, болѣе соотвѣтствовавшее ея природнымъ задаткамъ, хотя и менѣе очевидное имѣлъ Ламенне. Первый изъ нихъ представлялъ типичнѣйшую фигуру революціонера того времени. Непосредственный замѣститель Мюссе въ симпатіяхъ Ж. Зандъ, онъ былъ настоящимъ антиподомъ этого аристократическаго прожигателя жизни, разочарованнаго въ себѣ и во всѣмъ на свѣтѣ, настоящаго «парнасца» по аффектированному презрѣнію къ «улицѣ» и по культу своихъ личныхъ ощущеній, но обладавшаго при этомъ тонко развитымъ художественнымъ чувствомъ. Мишель былъ демократъ по убѣжденіямъ и по происхожденію. Сынъ республиканца первой революціи, онъ собственными силами пробилъ себѣ дорогу въ жизни: онъ былъ приказчикомъ, солдатомъ и учителемъ, прежде чѣмъ стать адвокатомъ. Онъ былъ совершенный профанъ въ искусствѣ и считалъ его забавой праздныхъ людей, если оно не идетъ сознательно на службу опредѣленнымъ прогрессивнымъ идеямъ. По своей фанатической прямолинейности и честолюбивой энергіи онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ очень цѣнятъ въ партіяхъ борьбы, но которые вводятъ всегда въ свою дѣятельность элементъ личнаго соперничества и властолюбія. Въ предвидѣніи торжества своихъ республиканскихъ убѣжденій, онъ мечталъ о воскрешеніи Робеспьеровскаго террора и собирался гильотинировать всѣхъ, чьи мнѣнія не совпадали съ его собственными. Какъ адвокатъ, онъ оказалъ значительныя услуги своей партіи во время безчисленныхъ политическихъ процессовъ, которые служили для всѣхъ оппозиціонныхъ группъ прекраснымъ средствомъ исповѣдованія и пропагандированія своихъ идей. Онъ обладалъ энергичнымъ краснорѣчіемъ и повелительной жестикуляціей народныхъ трибуновъ; онъ умѣлъ овладѣть слушателями мощнымъ паѳосомъ своей рѣчи, заражалъ ихъ своимъ гражданскимъ гнѣвомъ, но умѣлъ также убѣждать простыми и ясными доводами. Этотъ сильный духъ заключался въ самомъ невзрачномъ тѣлѣ. Также, въ противоположность байронически интересному Мюссе, Мишель былъ малъ ростомъ, болѣзненъ и старообразенъ. Въ тридцать семь лѣтъ, когда онъ познакомился съ Ж. Зандъ, онъ былъ уже плѣшивъ, такъ что она могла на немъ упражнять свои френологическія теоріи, и имѣлъ видъ 60-ти-лѣтняго старика. Не смотря на это, онъ овладѣлъ не только умомъ, но и сердцемъ этой удивительной женщины. Съ своей стороны и онъ приложилъ всѣ силы, чтобы завлечь въ свой лагерь такую выдающуюся писательскую силу. Сначала

Ж. Зандъ пыталась сохранить свою умственную независимость. Весной 1835 г. она пишетъ своему пріятелю, сенъ-симонисту Геру, что не любитъ фанатизмъ и находитъ это чувство мелкимъ, принижающимъ и глупымъ. «Я его часто испытываю,—прибавляетъ она,—нѣтъ еще 24 часовъ, какъ я должна была выдержать сильную борьбу сама съ собой, чтобы оборониться отъ него въ присутствіи очень виднаго политическаго дѣятеля (Мишеля). Я не состою подъ знаменемъ никакого вожака и, сохраняя уваженіе, почтеніе и удивленіе ко всѣмъ, кто благородно исповѣдуетъ какую-нибудь религію, я все-таки убѣждена, что подъ небомъ нѣтъ человѣка, который заслуживаетъ, чтобы предъ нимъ преклоняли колѣна». Она говоритъ далѣе, что она бесѣдовала вчера «съ воплощеннымъ Робеспьеромъ», что его идеи ей наиболѣе ненавистны, хотя она наиболѣе восхищается его личностью. Въ одномъ изъ «Писемъ путешественника», обращенномъ къ Мишелю (подъ именемъ Эверара, которымъ Ж. Зандъ обозначаетъ его и въ «Hist. de ma vie»), она все еще пытается извинить себя въ томъ, что не убѣждается аргументами своего собесѣдника. «Я слишкомъ правдивъ, чтобы пытаться лицемѣріемъ усмирить тѣ строгости, (со стороны Мишеля), которыя моя нерѣшительность (смѣю сказать, смѣлая и честная) навлекаетъ на меня. Я перенесу всю тяжесть этихъ строгостей какъ бы трудно это мнѣ ни было, пока я не приду къ тому внутреннему убѣжденію, котораго жду. Порицаешь ты меня?.. Развѣ ты хотѣлъ бы, чтобы пріобрѣсти популярность и славу, притвориться, что исповѣдуешь мнѣнія, навязанныя тебѣ, и предъявляешь въ видѣ догмата вѣры то, что является пока еще въ видѣ зародыша въ глубинѣ твоего сознанія?» Но далѣе, въ томъ же письмѣ, выражается уже готовность жертвовать собою еще не дойдя до полнаго убѣжденія. «Нужна ли кому-нибудь моя настоящая или будущая жизнь, лишь бы ее отдали на служеніе какой-нибудь идеѣ, не страсти, на служеніе истинѣ, а не какому-нибудь человѣку, и я готовъ подчиниться законамъ. Но, увы! я предупреждаю васъ, что способенъ лишь смѣло и точно исполнять приказанія. Я могу дѣйствовать, а не разглагольствовать, ибо я ничего не знаю и ни въ чемъ не убѣжденъ. Я могу слушаться, лишь закрывъ глаза и заткнувъ уши, дабы ничего не видѣть и не слышать, что бы меня разубѣждало... Поскольку человѣкъ можетъ похитить у Божества лучъ свѣта, который свыше освѣщаетъ міръ,—вы украли его, сыны Прометея, любовники суровой истины и непоколебимой богини правосудія. Впередъ! Каковъ бы ни былъ оттѣнокъ вашего знамени, лишь бы ваши полчища были всегда на дорогѣ республиканскаго будущаго; во имя Іисуса, у котораго на землѣ есть лишь настоящій апостолъ (Ламенне), во имя Вашингтона и Франклина, которые не могли сдѣлать многаго и оставили намъ окончаніе своего подвига, во имя Сенъ-Симона, сыны котораго сразу

идутъ къ высокой и страшной задачѣ... лишь бы добро восторжествовало, лишь бы тѣ, кто вѣритъ, доказали это».

Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала знакомства съ Мишелемъ Ж. Зандъ окончательно причисляетъ себя къ членамъ партіи. Въ письмѣ къ тому же Геру, въ ноябрѣ 1835 г., она пишетъ: «Вы не можете отрицать, что у меня больше терпимости, чѣмъ у васъ. Вы съ головы до ногъ уничтожаете *нашихъ* республиканцевъ, а я не перестаю любить вашихъ сенъ-симонистовъ и ставить ихъ превыше всего... Я смѣюсь надъ насмѣшками, которыя вы направляете по адресу моего новоиспеченнаго воодушевленія». Мишель покорилъ свою строптивую послѣдовательницу не только убѣжденіями, но и своимъ поведеніемъ. Это лѣто какъ разъ происходилъ грандіозный процессъ противъ зачинщиковъ прошлогодняго возстанія, и всѣ болѣе видные члены республиканской и другихъ оппозиціонныхъ партій взяли на себя защиту обвиняемыхъ передъ судомъ верхней палаты. Здѣсь соединились всѣ лучшія имена: старики— Вуайе Даржансонъ, Буонаротти, затѣмъ такіе независимые люди, какъ О. Контъ, Ламенне, наконецъ, всѣ лучшія силы республиканцевъ,—Карно, Арманъ Каррель, Распайль, Ледрю-Ролленъ, Бланки, Гарнье-Пажесъ, Этьенъ Араго и мн. др. Между ними Мишель былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся. Это должно было быть настоящее генеральное сраженіе между правительствомъ и всѣми партіями прогресса, — сраженіе на этотъ разъ не на баррикадахъ и не изъ-за фактической побѣды: никто и не помышлялъ о смягченіи участи подсудимыхъ, никто не вѣрилъ въ безпристрастіе судей, которые были въ то же время политическими противниками обвиняемыхъ; дѣло шло о завоеваніи общественнаго мнѣнія, о подсчетѣ и пробѣ своихъ нравственныхъ силъ. Но и здѣсь опять, какъ на іюльскихъ баррикадахъ, какъ во всѣхъ революціонныхъ попыткахъ за эти четыре года, оппозиціонныя группы обнаружили много личныхъ качествъ отдѣльныхъ членовъ, много темперамента, таланта, благородства и самоотверженности, но также ясно обнаружили и свою незрѣлость и дезорганизованность. Въ концѣ этого процесса, тянувшагося много мѣсяцевъ, республиканская партія не только не стала сильнѣе, но потерпѣла сильное пораженіе не столько вслѣдствіе внѣшнихъ ударовъ, сколько вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и взаимнаго недовѣрія. Мы должны остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ процесса, во-первыхъ, потому, что онѣ характеризуютъ важный моментъ исторической жизни французскаго общества, во-вторыхъ, потому, что въ нихъ принимала значительное участіе Ж. Зандъ.

Палата пэровъ отказалась допустить тѣхъ изъ добровольныхъ защитниковъ, которые не принадлежали къ адвокатской корпораціи. Этого было достаточно, чтобы разстроить ряды оппозиціи. Большинство обвиняемыхъ отказались совершенно отъ участія въ судебномъ разбирательствѣ, но ліонцы не согласились молчать и желали публично

заклеймить образъ дѣйствій властей, сначала умышленно вызвавшихъ черезъ провокаторовъ волненія, а затѣмъ съ неслыханною жестокостью подавившихъ эти безпорядки. Среди защитниковъ возникли тѣ же препирательства. Многіе считали все-таки необходимымъ, не взирая ни на что, оказать своимъ кліентамъ возможную при данныхъ обстоятельствахъ поддержку, но, по настоянію Мишеля де-Буржъ, послѣ продолжительныхъ споровъ рѣшено было протестовать абсентеизмомъ. Только ліонскіе адвокаты и одинъ изъ парижскихъ (Жюль Фавръ) не подчинились этой тактикѣ и произнесли необыкновенно сильныя рѣчи. Прочіе же ограничивались газетными статьями, которыя, конечно, не могли оказать никакого вліянія на судьбу подсудимыхъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, менѣе одушевленные своей оппозиціонной миссіей, истомленные предварительнымъ заключеніемъ, продолжавшимся болѣе года, готовы уже были деморализоваться и искать смягченія своей участи независимо отъ интересовъ общаго дѣла. Надо было подбодрить ихъ и поддержать ихъ храбрость. Мишель поручилъ Ж. Зандъ составить въ этомъ смыслѣ письмо. Другимъ защитникамъ тоже мелькала эта мысль, но Мишель не далъ никому одуматься. Онъ нашелъ редакцію Ж. Зандъ «слишкомъ сентиментальной». «Дѣло не въ томъ, чтобы поученіями на тексты священнаго писанія поддержать колеблющуюся вѣру,—говорилъ онъ, — мужчины не придаютъ такого значенія идеаламъ. Ихъ можно воодушевить лишь негодованіемъ и гнѣвомъ. Я хочу рѣзко напасть на палату пэровъ, чтобы возвысить духъ обвиняемыхъ; кромѣ того, я хочу привлечь къ этому дѣлу всю республиканскую адвокатуру». Ж. Зандъ выразила мнѣніе, что республиканская адвокатура подписала бы ея редакцію и отступитъ передъ редакціей Мишеля. «Всѣ принуждены будутъ подписать,—отвѣтилъ онъ,—а если нѣтъ, то обойдется и безъ нихъ». Такъ и случилось: письмо Мишеля не встрѣтило одобренія, тѣмъ не менѣе оно было опубликовано за всѣми подписями. Многіе были возмущены такими диктаторскими пріемами, но раздоры оставались внутри партіи, пока верхняя палата не привлекла къ своему суду авторовъ письма за содержавшіяся въ немъ оскорбительныя выраженія, вродѣ слѣдующаго: «низость судей составляетъ славу обвиняемаго», и т. п. «сильныя» словечки въ стилѣ монтаньяровъ первой революціи. Тогда никто не захотѣлъ принимать на себя отвѣтственность за свою фиктивную подпись, и Мишель призналъ себя одного авторомъ письма, да еще Трела взялъ на себя вину въ опубликованіи инкриминируемаго документа. Трела произнесъ достойную и блестящую рѣчь, въ которой объявлялъ, что не желаетъ защищаться и видитъ въ своихъ судьяхъ не судей, а враговъ. А Мишель, сбитый съ позиціи критикой своихъ единомышленниковъ и даже Ж. Зандъ, неожиданно для всѣхъ выразилъ готовность поступиться формой своихъ мыслей и настаивалъ только на своей правотѣ по существу. Судъ оцѣнилъ повинную такого заклятаго врага и осудилъ Мишеля къ мѣсячному, а Трела къ трех-

лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. Мишель слишкомъ поздно увидѣлъ ошибочность и непослѣдовательность своей тактики, когда его стали обвинять чуть не въ измѣнѣ партіи, и съ завистью смотрѣлъ на Трала, который такъ блестяще подтвердилъ свою репутацію рыцаря своихъ убѣжденій. Такимъ образомъ, Мишель былъ главнымъ виновникомъ въ томъ, что республиканская партія надолго потеряла активную силу, но Ж. Зандъ уже такъ была увлечена личностью своего учителя, что даже его ошибки, которыхъ она не отрицала, не разрушали ея благоговѣйнаго поклоненія. Во время его мѣсячнаго заключенія, она съ самоотверженною преданностью заботилась о своемъ другѣ.

Также быстро, какъ совершилось обращеніе Ж. Зандъ къ республиканству, прогрессировали и ея личныя отношенія къ Мишелю де-Буржъ. Въ апрѣлѣ еще въ письмахъ къ Сентъ-Беву она выражаетъ увѣренность, что для нея все въ жизни кончено, что ей остается только жить ради другихъ. Въ маѣ она пишетъ Геру: «Я претендую, нынѣ и навсегда, на гордую и безграничную независимость, которою вы одни (мужчины) считаете себя вправѣ пользоваться. Я это не всякому бы посовѣтовала; но поскольку это касается меня, никакая любовная связь не должна ограничивать этой независимости ни на волосъ. Я намѣрена поставить свои условія такъ твердо и ясно, что ни одинъ мужчина не будетъ такъ смѣлъ или низокъ, чтобы ихъ принять». Лѣтомъ однако Мишель де-Буржъ оказался этимъ смѣльчакомъ; впрочемъ, намъ неизвѣстно, помнила ли она въ это время о томъ, какія условія она собиралась ставить. Несомнѣнно только одно, что никогда еще со времени своего бѣгства изъ-подъ супружескаго крова, она не подпадала большему деспотизму, чѣмъ въ своихъ отношеніяхъ къ Мишелю. Въ вопросахъ отвлеченныхъ онъ былъ также исключителенъ и непререкаемъ, какъ Делатушъ, въ личной жизни онъ былъ также требователенъ и эгоистиченъ, какъ Дюдеванъ. Три года близости къ Мишелю были для Ж. Зандъ новымъ періодомъ постоянныхъ страданій. Мы не будемъ излагать ихъ исторію, такъ какъ она представляетъ еще менѣе общаго интереса, чѣмъ мучительный романъ съ Мюссе: тамъ была романтическая мелодрама, возможная только въ тѣ времена, здѣсь была самая обыкновенная мѣщанская драма, которую можно наблюдать очень часто. Долго пришпоривала Ж. Зандъ свою женскую гордость, чтобы освободиться отъ произвольно взятаго на себя ига и наконецъ, преодолѣла и это испытаніе, оставшись съ тѣмъ же отчаяніемъ, съ тѣми же мрачными мыслями, какъ и послѣ предыдущихъ разрывовъ. Но мы не можемъ разстаться съ Мишелемъ, не изложивъ его роли въ бракоразводномъ процессѣ Ж. Зандъ. Для этого намъ нужно вернуться къ Дюдевану.

Мы уже цитировали весьма миролюбивыя письма Ж. Зандъ къ мужу и его къ ней вскорѣ по пріѣздѣ ея въ Парижъ. Это не было что-нибудь исключительное. Напротивъ, если бы для біографіи Ж. Зандъ

не было другихъ матеріаловъ, кромѣ переписки съ мужемъ, то не могло бы возникнуть сомнѣнія, что они представляютъ собою образцовое супружество, которое должно жить врозь въ силу какихъ-то внѣшнихъ условій. Ж. Зандъ разсказываетъ мужу свои впечатлѣнія, сообщаетъ новости, называетъ его фамильярно mon ami или mon vieux. Послѣ пріѣзда мужа въ Парижъ она ему пишетъ между прочимъ: Я опять возвратилась къ своему мужу, который составляетъ мой скромный обыденный столъ, и къ путешествіямъ пѣшкомъ въ слякоти. Не каждый день праздникъ. Я теперь привыкла къ простой жизни, такъ что твое пребываніе здѣсь было для меня временемъ настоящаго объяденія и кутежа. Спасибо тебѣ за это, а также за мое прекрасное платье, которое мнѣ сегодня принесутъ». Во время холеры она очень безпокоится объ его здоровьи. Объ обстотельствахъ, которыя могли бы произвести непріятное впечатлѣніе, вовсе не упоминается. Если же о чемъ либо нельзя умолчать, то событіямъ даются самыя безобидныя объясненія. Такъ передъ отъѣздомъ въ Италію Ж. Зандъ пишетъ: «Мой другъ, я увижу тебя черезъ нѣсколько дней. Я ѣду въ Италію и проведу тамъ зиму, чтобы попробовать излѣчить ревматизмъ, который меня изводитъ въ этомъ году. Я бы боялась вести Соланжъ такъ далеко и сдамъ ее тебѣ въ Ноганѣ, гдѣ она лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, проведетъ нѣсколько мѣсяцевъ». Изъ Венеціи она сообщаетъ: «Я много гуляю и время отъ времени хожу въ театръ, который очень хорошъ. У насъ Паста и Донзелли. Такъ какъ мнѣ очень нравится здѣсь, такъ какъ Венеція самый красивый городъ во всемъ мірѣ, и жить здѣсь прелестно и дешево, то я рѣшилась не продолжать дальше своего путешествія и останусь здѣсь еще этотъ мѣсяцъ». Все это, конечно самая невинная ложь. Дюдеванъ прекрасно зналъ образъ жизни жены и причину ея отъѣзда въ Венецію, и если Ж. Зандъ накидываетъ на обстоятельства легкій флеръ, то вовсе не изъ желанія обмануть, а исключительно изъ нежеланія затрагивать больныя струны; она считала нужнымъ сохранять внѣшнимъ образомъ безукоризненную вѣжливость и любезность. Съ своей стороны и Дюдеванъ, по свидѣтельству Ж. Зандъ, старался быть очень любезнымъ (affable), но только находилъ обременительнымъ излишекъ расходовъ, который вызывали пріѣзды въ Ноганъ.

Мы упоминали уже, что по договору она имѣла право жить въ Ноганѣ три мѣсяца въ каждые полгода, и довольно аккуратно пользовалась этимъ правомъ. При этихъ свиданіяхъ происходили постоянно новыя непріятныя столкновенія и грубыя выходки со стороны мужа, такъ что Ж. Зандъ рѣшилась, въ концѣ концовъ, начать процессъ о разводѣ. Дюдеванъ всѣми силами старался не допустить до этого, такъ какъ вмѣстѣ съ женою онъ долженъ былъ лишиться права распоряжаться имѣніемъ жены и доходовъ отъ него. Впрочемъ, на судѣ онъ, конечно, изображалъ оскорбленнаго супруга и обвинялъ жену во все-

возможныхъ дѣйствительныхъ и фантастическихъ проступкахъ противъ законной нравственности. Это былъ плохой доводъ противъ разлученія, и Мишель де-Буржъ, бывшій адвокатомъ со стороны Ж. Зандъ очень умѣло воспользовался неполитичной злобой Дюдевана, доказавъ, что обвиненія послѣдняго служатъ только лишнимъ доказательствомъ невозможности примиренія супруговъ. Два раза выступалъ Мишель на судѣ по этому дѣлу и каждый разъ развертывалъ свой блестящій адвокатскій талантъ, испытанный и закаленный въ болѣе серьезныхъ процессахъ. Рѣчи его не только вызывали благопріятныя для его кліентки рѣшенія суда, но, что было гораздо труднѣе, располагали къ ней общественное мнѣніе. Весь провинціальный beau monde собирался въ судебную залу въ дни разбирательства столь пикантнаго дѣла. Мнѣніе этого общества заранѣе было расположено въ пользу почтеннаго мѣстнаго дѣятеля Дюдевана и противъ его жены, грѣхи которой были полностью подсчитаны въ лѣтописяхъ мѣстныхъ сплетенъ. Ей не прощалось, что она третировала «общественное мнѣніе, какъ проститутку», которую можно проучить только «пинкомъ ноги» (qu'il faut mener à coups de pied). Мишель умѣлъ растолковать и этимъ предубѣжденнымъ судьямъ, какой дрянной человѣкъ этотъ требовательный супругъ и какая неизмѣримая разница нравственной физіономіи между нимъ и его женою, которая, несмотря на нарушенія обычныхъ нормъ поведенія, всегда оставалась высоко честной по существу.

Такимъ образомъ, съ 1836 г. Ж. Зандъ становится вполнѣ независимой, она вступаетъ опять полной хозяйкой во владѣніе своимъ имѣніемъ и лишь по своей доброй волѣ выплачиваетъ Дюдевану пенсію, гораздо болѣе крупную, чѣмъ онъ давалъ ей. Дочь отдана по суду ей, а сынъ отцу, но вскорѣ Дюдеванъ самъ отдалъ ей и сына, и съ тѣхъ поръ она уже не разставалась со своими дѣтьми. Отнынѣ Ж. Зандъ не принадлежитъ болѣе къ парижской богемѣ, не подвергается болѣе невзгодамъ пролетаріатскаго существованія и получаетъ опять возможность въ извѣстныхъ предѣлахъ слѣдовать влеченіямъ своего добраго сердца. До сихъ поръ она сходилась со своими пріятелями въ дешевыхъ студенческихъ ресторанчикахъ или принимала ихъ въ своей неизмѣнной мансардѣ. Теперь вокругъ нея мало-по-малу образуется кружокъ интеллигентныхъ и талантливыхъ людей всѣхъ родовъ оружія, политическихъ дѣятелей, писателей, художниковъ, музыкантовъ, которымъ она оказываетъ широкое гостепріимство или въ своемъ Ноганѣ, или въ своемъ парижскомъ «салонѣ».

Евг. Дегенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ МАНДЖУРІИ.

(военное устройство и населеніе).

Съ проведеніемъ Манджурской желѣзной дороги Манджурія входитъ въ ближайшую связь съ Сибирью. Волненія, охватившія теперь эту область, усиливаютъ еще тотъ естественный интересъ, какой эта огромная область имѣетъ теперь, вообще, для Россіи. Поэтому, мы думаемъ, не безполезны для знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Манджуріи тѣ наблюденія, какія удалось лично собрать автору предлагаемыхъ замѣтокъ, во время его службы на изысканіяхъ Восточно-Китайской дороги въ партіи Н. А. Тиханова въ 1897 и 1898 гг., въ Нингутинской области Гиринской провинціи.

I.

Коренные жители Манджуріи въ настоящее время уже до значительной степени утратили воинственныя черты своихъ предковъ, нѣкогда покорившихъ Срединное царство. Несмотря на цѣлый рядъ богдыхановъ чистой манджурской крови, преемственно занимающихъ престолъ громадной имперіи, несмотря на политическія привилегіи которыми манджуры продолжаютъ пользоваться и нынѣ, громадная трудовая и мирная масса побѣжденныхъ китайцевъ съ неуклоннымъ постоянствомъ ассимилируетъ ихъ, претворяя на китайскій ладъ. Въ силу политическихъ разсчетовъ и отчасти по стародавней традиціи, усердно поддерживаемой изъ Пекина, Манджурія для центральныхъ властей Китая все еще остается постояннымъ военнымъ лагеремъ, а ея природное населеніе безсмѣннымъ гарнизономъ этого лагеря, такъ сказать, ядромъ, вокругъ котораго формируются всѣ кадры китайскихъ военныхъ силъ. Манджурія до нынѣ сохраняетъ свою военную организацію, старательно поддерживаемую также изъ Пекина, быть можетъ, и не безъ разсчета на черный день въ виду множества тайныхъ антидинастическихъ обществъ внутренняго Китая.

По существу Манджурія является почти полной аналогіей нашихъ казачьихъ земель. Какъ тамъ, такъ и тутъ все мужское населеніе края несетъ воинскую повинность по преимуществу. Нѣкоторая, сравнительно

небольшая, часть манджуровъ занята и другимъ болѣе мирнымъ трудомъ, напр., въ качествѣ гонцовъ для пересылки всякаго рода распоряженій мѣстныхъ властей и указовъ, исходящихъ изъ Пекина, въ качествѣ полицейской стражи въ городахъ и при ямыняхъ, т. е. въ разнаго рода присутственныхъ мѣстахъ. Но военное дѣло составляетъ главное занятіе манджура: въ глазахъ пекинскихъ мандариновъ имъ исчерпывается назначеніе туземныхъ жителей и роль ихъ въ государствѣ.

Въ виду этого, административное дѣленіе населенія приспособлено къ потребностямъ военной организаціи, и основной единицей является знамя (чи, дивизія), которое распадается на четыре меньшія группы (фань-ю) по 1116 человѣкъ, аналогичныя нашему полку, а фань-ю, въ свою очередь, содержитъ въ себѣ по восьми линцуй, или ротъ изъ 24 взводовъ, или тя-пывъ, наименьшихъ единицъ, всего по 5—6 солдатъ въ каждой. Мужское населеніе Манджуріи является всегда готовой сформированной арміей, гдѣ каждому рядовому заранѣе отведено точно опредѣленное мѣсто. Но армія эта неизбѣжно растетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія, и число знаменъ въ странѣ, конечно, увеличивается, притомъ довольно быстро. Такъ, напримѣръ, въ Нингутинскомъ округѣ, гдѣ лѣтъ двадцать тому назадъ было 8 знаменъ, теперь ихъ насчитывается 12. Дѣйствительную службу подъ знаменами несутъ не всѣ взрослые манджуры; отъ нея освобождаются въ каждой семьѣ по одному, обыкновенно старшему сыну, обязанному содержать родителей, вести ихъ хозяйство и участвовать въ культѣ предковъ. Семьи, гдѣ есть только одинъ сынъ, по той же причинѣ совсѣмъ не посылаютъ никого на службу.

Манджурскія войска комплектуются путемъ набора, но не ежегодно, а черезъ неравные и часто значительные промежутки времени, лѣтъ въ 5—6, въ зависимости отъ усердія, а отчасти состоянія финансовъ у мѣстныхъ властей. Эта неправильность наборовъ создаетъ неопредѣленность и въ срокѣ службы, относительно котораго не существуетъ никакихъ точныхъ установленій. Усмотрѣніе начальства въ этомъ случаѣ является единственнымъ рѣшающимъ обстоятельствомъ. Въ Европѣ хорошій солдатъ пользуется нѣкоторыми преимуществами и при возможности сокращенія службы уходитъ домой раньше, въ Манджуріи дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: тамъ скорѣе освобождаютъ плохого солдата и удерживаютъ какъ можно дольше хорошаго. Это цѣлесообразно въ интересахъ войска, но едва ли можетъ быть оправдано въ смыслѣ справедливости; впрочемъ, къ этой послѣдней сторонѣ дѣла манджурскіе начальники весьма равнодушны. Десять лѣтъ и для плохого солдата является наименьшимъ срокомъ службы, окончательный же отпускъ, чистую отставку манджуръ получаетъ обыкновенно лѣтъ шестидесяти, когда въ силу старческой немощи она естественнымъ образомъ сама по себѣ наступаетъ. Въ разсчетѣ на особую милость

начальства многіе просятъ себѣ отпуска и до наступленія столь преклоннаго возраста, но никто объ такой просьбѣ и не заикается до истеченія полныхъ пятидесяти лѣтъ, такъ какъ ни законъ, ни обычай этого не допускаютъ.

Ни организація строевыхъ занятій манджурской арміи, ни военная техническая подготовка, ни самый складъ военнаго быта здѣсь не могутъ быть поставлены въ параллель съ европейскими. Однимъ изъ важныхъ пунктовъ обученія солдата является стрѣльба въ цѣль изъ лука на скаку и за неумѣлость въ этомъ скиѳскомъ упражненіи злополучнаго стрѣлка, какъ провинившагося мальчугана, ставятъ на колѣни, а ловкому наѣзднику за каждые пять удачныхъ выстрѣловъ выдаютъ денежныя награды. Манджурскимъ войскамъ извѣстно и огнестрѣльное оружіе. Его не можетъ не быть и въ послѣднее время манджурскія войска располагаютъ отчасти весьма недурными ружьями, но въ рукахъ манджурскаго солдата самые разрушительные фабрикаты европейскихъ оружейниковъ въ весьма значительной степени теряютъ грозное назначеніе. Хотя, надо замѣтить, съ 1885 г. въ Манджуріи была начата реформа войска: во всѣхъ провинціяхъ заведены отряды, вооруженные оружіемъ новаго образца (лянь-бинь), обучаемые на европейскій ладъ. Въ Пекинѣ основаны пороховой и оружейный заводы.

Надо быть военнымъ спеціалистомъ, чтобы оцѣнить природныя боевыя качества манджуровъ, мы же не считаемъ себя въ правѣ касаться этой стороны дѣла, но при существующихъ въ краѣ условіяхъ манджурскія войска не могутъ представить внушительной силы. Для военнаго, какъ и для всякаго дѣла, нужно постоянное упражненіе, между тѣмъ манджурская армія, цвѣтъ военныхъ силъ Поднебесной имперіи, весьма беззаботна. Всѣ ея военныя эволюціи исчерпываются двумя сборами въ году: въ январѣ и въ іюлѣ, когда бываетъ нѣчто похожее на наши маневры, устраиваемые съ цѣлью усовершенствовать воиновъ по преимуществу въ упомянутой выше стрѣльбѣ изъ лука; теперь, впрочемъ, части, вооруженныя ружьями, упражняются и въ стрѣльбѣ изъ ружей. Но даже и эти наивные маневры существуютъ болѣе для поддержанія иллюзіи, что въ Манджуріи есть войска, чѣмъ для дѣйствительнаго ихъ усовершенствованія. Въ обычное время каждое знамя (чи) высылаетъ на маневры по 50 человѣкъ, которые остаются въ строю лишь 2—3 дня, затѣмъ смѣняются новою партіей, такъ что каждому солдату приходится участвовать въ нихъ не болѣе одного раза въ полтора—два года, сообразно очереди, довольно строго соблюдаемой администраціей знамени (чи). Однако, отряжаемые знаменемъ солдаты если и являются на маневры въ полномъ комплектѣ, то лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда ожидается пріѣздъ какого-либо важнаго сановника. Мѣстныя власти проявляютъ тутъ безпокойную робость и тщательно провѣряютъ свои финансовые балансы, твердо памятуя по стародавнему преданію, что на золотыхъ колесахъ

всякое начальство возвращается во свояси въ примиренномъ и даже благодушномъ настроеніи. Нижніе чины не имѣютъ особыхъ причинъ заботиться о впечатлѣніи, какое можетъ унести съ собою пріѣзжій мандаринъ, и потому зачастую остаются въ «нѣтѣхъ». Въ строю, поэтому, изъ каждой полусотни человѣкъ 5—10 не досчитывается. Впрочемъ, военныя власти мало стѣсняются недочетомъ и попросту пополняютъ комплектъ путемъ найма охотниковъ изъ бѣдноты.

Дѣйствительная служба войскъ заключается въ содержаніи караула по присутственнымъ мѣстамъ, тюрьмамъ и крѣпостямъ, причемъ въ каждомъ случаѣ срокъ караула бываетъ очень различенъ смотря по мѣсту его назначенія; въ тюрьмѣ служатъ до полугода, а гарнизонъ при батареѣ въ Нингутѣ не смѣняется года полтора, чтобы солдаты успѣли освоиться съ артиллерійскимъ оружіемъ. При ямыняхъ же (присутственныхъ мѣстахъ) солдаты остаются не болѣе десяти дней; но этимъ дѣятельность знаменныхъ войскъ не ограничивается: они призваны еще охранять порядокъ и безопасность внутри страны.

Одну изъ достопримѣчательностей Манджуріи составляютъ разбойничьи шайки, хунхузы, фактическіе властелины сельскаго населенія, которымъ оно выплачиваетъ посильныя контрибуціи. Преслѣдованіе и истребленіе этихъ грабителей составляетъ одну изъ прямыхъ задачъ знаменныхъ войскъ. Но военныя власти выступаютъ въ экспедиціи противъ хунхузовъ лишь по жалобѣ какого-нибудь селенія слишкомъ уже раздраженнаго алчностью разбойниковъ. Наученные горькимъ опытомъ, поселяне рѣдко обращаются къ подобной защитѣ, которая обходится еще дороже разбойничьяго набѣга, а результатовъ, кромѣ истребленія всякой деревенской живности и фуража за нѣсколько дней военнаго постоя, обыкновенно никакихъ не даетъ. Знаменные отряды, какъ опереточные жандармы, появляются на мѣстѣ дѣйствія всегда слишкомъ поздно, когда грабителей уже и слѣдъ простылъ. Тѣмъ не менѣе, отрядъ располагается въ злополучномъ поселеніи и въ разныя стороны отправляетъ военные разъѣзды для поимки хунхузовъ. Тѣ, какъ болѣе подвижные, лучше знакомые съ мѣстностью, часто лучше вооруженные, только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ попадаютъ въ руки этихъ разъѣздовъ. Гораздо чаще они незамѣтно слѣдятъ за безуспѣшными поисками враговъ и, какъ только тѣ рѣшаются, наконецъ, вернуться во свояси, они вновь появляются въ деревнѣ и мстятъ своимъ жертвамъ за строптивость. Въ общемъ итогѣ, такого рода военныя экспедиціи выгодны бываютъ только начальству знаменныхъ войскъ и самимъ солдатамъ, которые при этихъ случаяхъ получаютъ возможность пожить на счетъ наивныхъ жителей деревни, не затрачивая ничего изъ своего жалованья и пользуясь обычными вольностями всякаго военнаго постоя.

Манджурскіе солдаты не пользуются отъ казны ни содержаніемъ,

ни одежды и не получаютъ казенной лошади, если служатъ въ кавалеріи. Все это они должны имѣть свое, и жалованье конному солдату выдается большее, чѣмъ пѣхотинцу, хотя оно не повсемѣстно одинаково, и нѣкоторыя части знаменныхъ войскъ, въ особенности состоящія въ качествѣ личной охраны при особенно важныхъ сановникахъ, напр., при Дзянь-дзюнѣ (генералъ-губернаторѣ), получаютъ вознагражденіе почти вдвое больше. Обыкновенный же размѣръ мѣсячнаго жалованья пѣхотинцу—отъ 3 до 6 рублей на наши деньги (2—4 лянъ), конному, обязанному имѣть собственную лошадь, отъ 6 до 12 рублей (4—7 лянъ). Начальникъ лянзы, или ротный командиръ, получаетъ въ годъ до 70 лянъ (нѣсколько больше ста рублей). Вознагражденіе довольно скромное, но недостатокъ его начальники пополняютъ обычными на Востокѣ способами—взятками. Повышенія по службѣ, что въ Китаѣ обходится не дешево, происходитъ такимъ порядкомъ. Напр., полковникъ (неуроджан), т.-е. начальникъ одного знамени, желающій вступить на высшій постъ начальника нѣсколькихъ (обыкновенно шести) знаменъ, причемъ онъ становится также и помощникомъ губернатора (фудутуна), долженъ для этого подвергнуться предварительному испытанію у генералъ-губернатора въ Гиринѣ (Дзянь-Дзюня). Испытаніе имѣетъ въ виду удостовѣрить искусство претендента въ стрѣльбѣ изъ винтовки и опять изъ того же живучаго неизбѣжнаго лука. Китайская стратегія большаго не требуетъ, но самъ Дзянь-Дзюнь предъявляетъ къ испытуемому претензіи несравненно болѣе серьезныя, и для успѣха своего дѣла честолюбивый искатель не долженъ быть скупъ на серебряныя стрѣлы и золотыя пули. Только при такомъ условіи онъ получаетъ разрѣшеніе ѣхать въ Пекинъ за утвержденіемъ въ должности, а тамъ, по общимъ отзывамъ, ему предстоитъ удовлетворить аппетиты несравненно болѣе требовательные. Безъ взятокъ ни одинъ начальникъ ничего не добьется, и берутъ начальники, берутъ спокойно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, соблюдая лишь правило — брать по чину, не болѣе того. Пройдя всѣ инстанціи, каждый вновь утверждаемый начальникъ возвращается къ мѣсту службы довольно общипаннымъ и тотчасъ же начинаетъ оперяться вновь, общипывая, въ свою очередь, всѣхъ, доступныхъ его загребистой и цѣпкой пятернѣ.

Какъ яркую характеристику общаго облика манджурскаго войска, можно привести любопытный отвѣтъ фудутуна (губернатора) одному европейцу, просившему военной охраны для цѣннаго багажа на пути изъ Нингуты въ Гиринъ. Губернаторъ, человѣкъ весьма обходительный и любезный, заявилъ, что онъ не желаетъ быть причиной непріятности для иноземнаго путешественника, а потому и не беретъ на себя отвѣтственности за цѣлость багажа, если его будутъ конвоировать солдаты.

II.

Количество населенія въ Манджуріи, сравнительно съ пространствомъ, не велико, приблизительно до 8 милліоновъ, изъ нихъ на долю чистыхъ манджуровъ приходится не болѣе 5% (Поздѣевъ), т.-е. отъ 400 до 500 тысячъ. Остальное китайцы, главнымъ образомъ, даже—монголы, корейцы, тунгузы и пр.

Собственно китайскій элементъ въ Манджуріи составляетъ пришлое населеніе. Внутренній Китай, при всей продуктивности земледѣлія, усовершенствованнаго до виртуозности, вслѣдствіе избытка населенія разсылаетъ во всѣ стороны цѣлыя арміи голодныхъ выходцевъ, которые, кромѣ платья на плечахъ, ничего не уносятъ изъ своей родины. Все ихъ богатство исчерпывается воловьимъ трудолюбіемъ и ни съ чѣмъ не сравнимой способностью потреблять до крайности мало, производить очень много. Такая сравнительно пустынная страна, какъ Манджурія, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о малоземельи, должна привлекать безпріютныхъ изъ переполненныхъ народомъ чисто китайскихъ провинцій имперіи. Они-то собственно и составляютъ промышленную массу этой окраины.

Одни переселяются сюда съ семьями, прочно осѣдаютъ на новыхъ мѣстахъ, занявъ опредѣленные участки земли, и занимаются ея обработкой. Другіе, по преимуществу, одинокіе или оставившіе семьи дома за великою стѣной, представляютъ крайне подвижной, оборотливый и неутомимый, «бродячій Китай». Все это ремесленный или просто рабочій людъ, одушевленный одной только цѣлью, одною завѣтною мечтой—сколотить копѣйку. Они охотно становятся мастерами на всѣ руки и, не задумываясь, бросаютъ любое насиженное мѣсто, узнавъ, что гдѣ-нибудь можно зашибить, какимъ бы то ни было тяжелымъ трудомъ, нѣсколько лишнихъ грошей. Это не пролетаріатъ въ нашемъ европейскомъ смыслѣ, прикованный къ городскимъ мостовымъ и не знающій труда внѣ найма на чью-нибудь чужую работу, это скорѣе какой-то цыганствующій мелкій предприниматель, нѣчто въ родѣ торгашей и ремесленниковъ еврейскихъ мѣстечекъ Привислянскаго края. Съ тремя копѣйками основного и оборотнаго капитала онъ не затруднится затѣять какое-нибудь микроскопическое дѣло или завести какую нибудь игрушечную торговлю, и если въ результатѣ неустанной хлопотни, бѣготни и нелегкой работы въ концѣ дня онъ найдетъ какой-нибудь чохъ или два (0,1—0,2 коп.) прибыли, то сочтетъ свое предпріятіе вполнѣ удачнымъ и будетъ рьяно продолжать его, пока не нападетъ на затѣю еще болѣе въ его глазахъ доходную.

Въ Нингутѣ я зналъ одного типичнаго представителя этого бродячаго Китая. Пріятель мой, Янь-ден-линъ, человѣкъ лѣтъ 45, былъ совершенно одинокъ и на своемъ вѣку успѣлъ перебывать уже въ нѣсколькихъ городахъ, искусился во многихъ профессіяхъ и отвѣдалъ

трудового хлѣба на разныхъ поприщахъ. Побывалъ поденщикомъ, поваромъ, каменщикомъ, огородникомъ, попалъ, наконецъ, въ своихъ скитаніяхъ въ Нингуту, и тамъ мы застали его компаніономъ скромнаго предпріятія въ сообществѣ съ другимъ, такимъ же, какъ и онъ самъ, бездомнымъ скитальцемъ. Янь-денъ-линъ пекъ и продавалъ пельмени въ крошечной убогой фанзѣ (хатѣ), куда покупатели заходили перекусить дорогой. Промышленный духъ никогда не замиралъ въ этомъ человѣкѣ. Имѣя буквально нѣсколько грошей въ карманѣ, онъ сумѣлъ создать цѣлую коммерцію съ полной обстановкой и, трудясь отъ зари до зари, жилъ ради своихъ пельменей, пока они давали ему возможность съ грѣхомъ пополамъ прокармливать свою тщедушную особу и собирать скудную прибыль на затраченныя гроши. Компаніоны, фанатически преданные своему ремеслу, добровольно отказывались отъ всѣхъ радостей скромнаго существованія. Чтобы не искуситься живительной сулеей (китайской водкой), они даже не держали въ лавочкѣ этого популярнаго напитка, обычнаго у каждаго нингутинскаго пельменщика, потому что «мало купить сулеи—самъ выпьешь»,—одинъ убытокъ, какъ говорилъ Янь-денъ-линъ, а на большое количество у нихъ не хватало средствъ. При мнѣ еще оборотливый мой пріятель рѣшилъ промѣнять свое занятіе на ремесло лепешечника, для чего вошелъ въ компанію съ другимъ странствующимъ пріобрѣтателемъ грошей, которому это дѣло было уже ранѣе знакомо. Лепешки прельстили Янь-денъ-лина тѣмъ, что ихъ можно запасать въ большомъ количествѣ и распродавать по мѣрѣ требованія, тогда какъ пельмени надо изготовлять каждый день и они не всегда расходятся. Притомъ же послѣ новаго года, по установившемуся обычаю, довольно долго никто не ѣстъ ихъ, потому, будто бы, что капуста, которой ихъ начиняютъ, въ это теплое сравнительно время оттаиваетъ въ боченкахъ и вызываетъ дурной запахъ изо рта.

Компаніи для совмѣстныхъ предпріятій, вообще говоря, довольно распространены среди китайскаго населенія Манджуріи. Въ этомъ отношеніи китайская масса обнаруживаетъ необыкновенную склонность къ коллективной работѣ, устраивая артели въ родѣ нашихъ. У насъ членами артели по большей части бываютъ земляки. Китайское промышленное товарищество относится къ дѣлу проще. Въ его глазахъ компаніонъ является просто парою рабочихъ рукъ, кому бы онѣ не принадлежали, которымъ въ данный моментъ и данномъ дѣлѣ выгодно работать сообща, но которымъ ничто не мѣшаетъ раздѣлиться, чтобы образовать новыя сообщества ради другого дѣла и изъ иныхъ совершенно элементовъ.

Манджуры, сами по себѣ, въ смыслѣ промышленной энергіи инертны и весьма охотно предоставляютъ пришлымъ китайцамъ всѣ хлопоты, заботы, безпокойства и труды въ области ремесла и торговли. Даже огородное хозяйство, занимающее, между прочимъ, вокругъ Нин-

гуты и въ самомъ городѣ, обширныя площади земли, почти цѣликомъ эксплоатируется китайскими руками. Рабочимъ къ хозяину манджуру на опредѣленное жалованіе китаецъ становится неохотно. Если у него нѣтъ необходимыхъ средствъ на арендную плату или хотя часть ея, онъ нанимается работникомъ къ своему брату, къ группѣ китайцевъ компаніоновъ, снявшихъ въ аренду огородъ. Этотъ заработокъ при готовыхъ харчахъ, можетъ дать ему около 3 руб. въ мѣсяцъ, но онъ весьма непостояненъ и обезпечиваетъ не болѣе, какъ на три первыхъ лѣтнихъ мѣсяца, почему обыкновенно китайцы только въ крайности прибѣгаютъ къ этому способу пропитанія. Гораздо чаще нѣсколько человѣкъ сообща, въ складчину, снимаютъ огородъ въ аренду и тогда, съ чисто воловьей выносливостью и муравьинымъ прилежаніемъ, не покладая рукъ, трудятся на равнѣ со своими наемными рабочими; при тщательности китайской обработки, уходъ за огородомъ является очень нелегкимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, компаніи нищихъ-арендаторовъ снабжаютъ всю Нингуту и почти всю Манджурію овощами и всякимъ огороднымъ продуктомъ. Это возможно только при необычайной дешевизнѣ земли въ Манджуріи, гдѣ даже огороды — наиболѣе цѣнныя угодья — сдаются на годъ по 1 руб. 25 коп. съ десятины на нашъ счетъ (мѣстная единица мѣры земли — танъ = $^1/_2$ дес.).

Разумѣется, не одни только огороды привлекаютъ къ себѣ алчущія работы китайскія руки. Онѣ съ готовностью и усердіемъ берутъ на себя всякій доступный имъ трудъ, даже если онъ будетъ каторжно тяжелъ и невѣренъ въ смыслѣ ожидаемаго вознагражденія. Какъ ни мало взыскателенъ китаецъ въ этомъ отношеніи, онъ все-таки не чуждъ нѣкотораго азарта наживы и въ заманчивой надеждѣ на быстрое обогащеніе часто пускается въ рискованное странствіе по безлюдной и бездорожной странѣ, гдѣ каждое ущелье, каждый кустъ грозитъ ему не шуточной опасностью. Съ котомкой на спинѣ, съ парою обѣденныхъ палочекъ, замѣняющихъ ему ложку и вилку, съ грубою мѣдной трубочкой за поясомъ для табака или опія, вооруженный топоромъ, китаецъ безбоязненно или, вѣрнѣе сказать, совершенно равнодушно уходитъ въ глубь пустынныхъ и лѣсистыхъ горъ на поиски драгоцѣннаго жень-шеня, которому здѣшняя медицына приписываетъ столько чудодѣйственныхъ свойствъ. На этотъ неблагодарный промыселъ отправляются опять-таки компаніи, чтобы сообща устроиться на постоянной стоянкѣ гдѣ-нибудь въ недоступной глуши и оттуда выходить на поиски за корнемъ. Очень часто компаніоны не возвращаются болѣе изъ дикихъ дебрей, да ихъ никто, обыкновенно, и не ждетъ и судьбой ихъ никто не интересуется. Никому нѣтъ дѣла, голодъ ли навѣки сковалъ ихъ трудолюбивыя руки, тигръ ли (ламаза) пожралъ беззащитныхъ скитальцевъ, или хунхузы вмѣстѣ съ тяжело доставшейся добычей отняли у нихъ и жизнь.

Привычная нищета вездѣ равнодушна къ будущему, но нигдѣ, ка-

жется, это равнодушіе, этотъ холодный и вялый фатализмъ не проявляется въ такомъ апатичномъ спокойствіи, какъ среди бродячей китайской бѣдноты. Знатоки здѣшняго народа говорятъ, что китаецъ въ стремленіи къ цѣли проявляетъ невозмутимость и упрямство или, пожалуй, своего рода психическую инерцію, превосходящія всякое сравненіе. По узкимъ, чисто звѣринымъ тропамъ бредутъ обыкновенно искатели жень-шеня, или высоко цѣнимыхъ въ медицинѣ древесныхъ грибовъ, золотоискатели и разный людъ. Здѣсь ихъ частенько подстерегаетъ тигръ. Идти по такимъ тропамъ можно только другъ за другомъ. Звѣрь пропускаетъ мимо всю вереницу странниковъ и бросается обыкновенно на послѣдняго, поотставшаго отъ товарищей. Уцѣлѣвшіе спасаются поспѣшнымъ бѣгствомъ и все-таки продолжаютъ брести къ облюбованнымъ мѣстамъ, прекрасно сознавая, что каждый изъ нихъ можетъ во всякую минуту раздѣлить участь растерзаннаго товарища. По глухимъ дебрямъ Манджуріи наберется не мало обглоданныхъ скелетовъ, никому не вѣдомыхъ или всѣми позабытыхъ жертвъ бродячей нищеты. Такъ много въ свое время нашумѣвшая республика бродягъ-золотоискателей на богатѣйшихъ розсыпяхъ рѣки Желтуги, близь русской границы, на половину, если не на три четверти состояла изъ подобныхъ же бездомниковъ, привлеченныхъ туда темными слухами о сказочныхъ богатствахъ.

Распространенное представленіе о нетерпимости китайцевъ, о фанатической ихъ преданности вѣковымъ обычаямъ старины, объ ихъ исключительности ко всему иноземному можетъ относиться только къ тому большинству населенія страны, которое тѣснится внутри чисто китайскихъ провинцій, и къ привелигированнымъ ученымъ людямъ, міросозерцаніе которыхъ покоится на полномъ невѣжествѣ во всемъ некитайскомъ. Они, будучи кадромъ для комплектованія чиновничьей арміи, опасаются всего враждебнаго воспитавшей и возвеличившей ихъ рутинѣ. Нищета и рабочій людъ, вообще, мало заняты вопросами національнаго самолюбія и охотно отдаютъ свои привязанности тому, кто обезпечиваетъ имъ болѣе сытный и болѣе вѣрный хлѣбъ. Китайская масса въ этомъ отношеніи является, быть можетъ, наиболѣе равнодушной. По крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ китаецъ встрѣчается съ представителями иной національности, какъ это было на Желтугѣ, онъ охотно съ нимъ братается и добровольно съ полнымъ сознаніемъ дѣла принимаетъ всякое разумное общее постановленіе, всякое условіе, вытекающее изъ самой сущности такихъ пестрыхъ общежитій, какъ республика желтугинцевъ, гдѣ бокъ о бокъ промывали драгоцѣнные пески и русскій бѣглецъ изъ каторжной тюрьмы, и киргизъ и тщедушный китайскій манза, и пропившійся иркутскій столоначальникъ.

Сравнительно болѣе счастливые китайскіе выходцы, сумѣвшіе создать себѣ осѣдлость или пристроившіеся къ какой-нибудь опредѣленной и постоянной профессіи, проявляютъ такое же равнодушіе къ

вопросамъ международной политики. Напримѣръ, одинъ изъ нашихъ пріятелей въ Нингутѣ, Ни-жанъ-Куй, приказчикъ въ лавкѣ шелковыхъ матерій, на шутливыя замѣчанія, что вотъ того и гляди придутъ русскіе и возмутъ всѣхъ китайцевъ подъ свою державу,—съ непритворнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ, что это мало его трогаетъ, потому что «придетъ русскій—мы русскій человѣкъ будемъ, придетъ нѣмецъ—нѣмецкій человѣкъ будемъ». Очевидно, все дѣло, по мнѣнію Ни-женъ-Куя, лишь въ названіи, а сущность его, по убѣжденію нашего практичнаго друга, настолько прочно сложилась и такъ вѣковѣчна, неизмѣнна, что перемѣна политическаго флага не можетъ измѣнить ее.

Такого рода бродячій или пришлый случайный элементъ составляетъ въ Манджуріи большинство китайскаго населенія. Численностью своею онъ разъ въ десять превосходитъ осѣдлую массу китайскихъ земледѣльцевъ-старожиловъ и вновь прибывающихъ колонистовъ. Впрочемъ, точно учесть тѣхъ и другихъ трудно, за отсутствіемъ какой бы то ни было регистраціи населенія. Еще относительно осѣдлыхъ китайцевъ можно сдѣлать приблизительный подсчетъ по количеству посемейныхъ и поземельныхъ сборовъ, уплачиваемыхъ каждымъ домомъ. Но бродячій Китай, понимая подъ этимъ терминомъ всѣхъ, не имѣющихъ земли, даже и приблизительному учету не поддается. Ямыни (присутственныя мѣста) Манджуріи ради цѣлей фиска ведутъ тщательныя посемейные списки осѣдлымъ китайцамъ въ каждомъ округѣ, и по этимъ спискамъ въ бытность нашу въ Нингутѣ по округу этого города считалось внѣ городской черты шесть тысячъ семействъ да 500 семействъ въ самомъ городѣ.

Вся эта масса организуется сообразно собственнымъ желаніямъ и за исключеніемъ времени сбора податей почти не входитъ ни въ какія отношенія съ органами правительственной власти. Ямыни ограничиваются только назначеніемъ на это время спеціальнаго чиновника, обыкновенно изъ манджуръ, вѣдающаго всю операцію и отчетность по сбору въ округѣ. Фактическими же сборщиками являются выборные люди отъ самаго населенія, старшины, стоящіе во главѣ каждыхъ пятидесяти семействъ, (то-ша-хоу), на которыя въ административномъ отношеніи дѣлится вообще все сельское населеніе Китая. Должность такого старшины, сянь-ю, считается весьма почетной и замѣщается обыкновенно людьми изъ богатыхъ и многолюдныхъ семействъ. Но каждый китаецъ считаетъ сущимъ несчастіемъ удостоиться такой чести, потому что едва ли можно представить себѣ что-либо болѣе хлопотливое и даже рискованное, чѣмъ такое почетное избраніе. Служебный путь сянь-ю тернистъ, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ для нашихъ сельскихъ и волостныхъ старшинъ, которые, по крайней мѣрѣ, служатъ гораздо меньшіе сроки, сянь-ю остается на своемъ посту никакъ не меньше десяти—пятнадцати лѣтъ. Въ должности онъ утверждается мѣстными властями и отъ нихъ же, въ случаѣ его смерти, зависитъ

избраніе ему преемника. Сянь-ю за свои труды не получаетъ никакого вознагражденія, но, въ случаѣ неуспѣшнаго сбора податей, слѣдующихъ съ его пятидесятства, ямынь, ни мало не стѣсняясь, подвергаетъ его тюремному заключенію до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, всѣ непріятности китайскаго ареста не вынудятъ его пополнить недоимку своихъ избирателей изъ собственныхъ средствъ. Подать посемейная (хао-фэ—расходъ), въ полтора дяо (81 копѣйка) съ каждаго дома, на манджуръ не распространяется и это вызываетъ нѣкоторую затаенную враждебность пришлыхъ китайцевъ къ оборигенамъ края. Освобожденіе манджуръ отъ этой подати китайцы объясняютъ тѣмъ, что престолъ имперіи занимаетъ манджурскій богдыханъ, а будь дѣло наоборотъ, пришлось бы эту подать вносить манджурамъ, а китайцы бы ее не платили. Размѣръ семьи, то-есть число членовъ дома, на размѣръ подати не вліяетъ: и малолюдныя, и многолюдныя семьи платятъ одинаково тѣ же полтора дяо.

Китайская система сбора податей имѣетъ для населенія то удобство въ сравненіи, напримѣръ, съ нашей, что она представляетъ для этого довольно продолжительный срокъ, отъ октября до апрѣля, въ теченіе котораго недоимщикъ еще имѣетъ достаточно возможности такъ или иначе возмѣстить неуплаченную подать, но зато по окончаніи этого срока никакіе взносы болѣе не принимаются, и запоздавшимъ на будущій годъ предстоитъ выплатить уже двухгодичный взносъ, такъ какъ назначаемые на время сбора податей чиновники (ченъ-ленъ-чуй) въ апрѣлѣ заканчиваютъ свою миссію и вся податная операція текущаго года, вмѣстѣ съ этимъ прекращается.

Податное обложеніе, въ сущности, не велико и отъ него многіе ускользаютъ благодаря тому, что при полной свободѣ захвата пустующихъ земель нѣкоторыя семьи, случается, цѣлыми годами остаются неизвѣстными властямъ и не попадаютъ въ списокъ плательщиковъ. Разумѣется, это возможно только при условіи поселенія въ глухой мѣстности, слѣдовательно вдали отъ рынковъ сбыта продуктовъ хозяйства, и потому возможностью такого безпошлиннаго пользованія землей обыкновенно не злоупотребляютъ. При отсутствіи рынка невозможна и денежная реализація продуктовъ хозяйства, а накопленіе денегъ для каждаго приходящаго сюда китайца является альфой и омегой его дѣятельности. Каждый изъ нихъ, нерѣдко даже всѣмъ домомъ переселившійся колонистъ, мечтаетъ съ благопріобрѣтенными сбереженіями вернуться на родину къ свято чтимымъ могиламъ своихъ предковъ и тамъ зажить на средства, добытыя на чужой сторонѣ. Если не суждено ему вернуться къ роднымъ мѣстамъ живымъ, онъ не отказывается отъ надежды переселиться туда мертвымъ и завѣщаетъ похоронить себя непремѣнно на своемъ семейномъ кладбищѣ. Въ виду этого, многихъ умершихъ въ Нингутѣ китайцевъ не предаютъ тамъ землѣ, а тѣла ихъ въ деревянныхъ ящикахъ-гробахъ, часто пестро раскрашен-

ныхъ и покрытыхъ рѣзьбою, вывозятъ въ такъ называемыя усыпальницы, гдѣ терпѣливые покойники ожидаютъ пока родные соберутся переправить ихъ на семейное кладбище, въ мѣсто успокоенія отцовъ и дѣдовъ. Но ждать приходится многимъ изъ нихъ довольно долго; иные покойники стоятъ нѣсколько лѣтъ, и можно себѣ представить, какая атмосфера окружаетъ это ужасное мѣсто, гдѣ разлагаются сотни незарытыхъ труповъ. Нечего и говорить о санитарныхъ условіяхъ города, вблизи котораго расположено такое воздушное кладбище; требованія санитарнаго благоустройства еще совершенно неизвѣстны Востоку и едва ли были бы ему понятны, тѣмъ болѣе, что въ основѣ этого обычая лежитъ нераздѣльно властвующій надъ китайскимъ умомъ культъ предковъ, а культъ этотъ обнимаетъ всю психику народа, подчиняетъ всѣ области жизни его и желѣзными тисками удерживаетъ громаднѣйшую и многолюднѣйшую страну въ узкихъ и точно опредѣленныхъ рамкахъ наслѣдственной рутины.

Сравнительно немногіе китайцы переселяются въ Нингутинскую область, чтобы прочно и навсегда основать свою осѣдлость; это, какъ мы уже упоминали, въ большинствѣ случаевъ семейные люди, но, кромѣ нихъ, Манджурія располагаетъ еще другимъ, въ смыслѣ колонизаціи, болѣе надежнымъ элементомъ въ лицѣ корейцевъ. Ихъ особенно много въ пограничныхъ съ Россіей мѣстностяхъ, такъ какъ въ нашемъ Уссурійскомъ краѣ они давно уже составляютъ постоянную часть населенія; они арендуютъ тамъ землю у нашихъ казаковъ и переселенцевъ, но приливающая изъ европейскихъ губерній волна переселенцевъ выжимаетъ ихъ изъ Южно-Уссурійскаго края и они постепенно удаляются въ китайскіе предѣлы.

Кореецъ, несмотря на племенное родство, во многихъ отношеніяхъ прямая противоположность китайцевъ. Насколько китаецъ дѣловитъ, разсчетливъ, настойчивъ и уменъ въ дѣлѣ пріобрѣтеній, настолько же кореецъ вялъ, беззаботенъ относительно будущаго, лишенъ промышленной сметки и равнодушно-терпѣливъ во всякихъ напастяхъ и нищетѣ, которая почти сопутствуетъ ему въ его какъ бы умышленно засаленной, пыльной и грязной обстановкѣ, кишащей миріадами насѣкомыхъ, для сожительства съ которыми надо обладать поистиннѣ корейской невозмутительностью и полнѣйшимъ презрѣніемъ къ чистотѣ. Благодаря инертности своего темперамента, кореецъ садится на землю прочно; онъ любитъ землю, это прирожденный пахарь, но въ умѣніи холить ее, форсировать ея урожайность за китайцемъ ему угнаться трудно, да и едва ли у него стало бы охоты на такую щепетильную, педантическую обработку, безъ которой китайское земледѣліе и представить себѣ невозможно. Если кореецъ получилъ со своей пашни тотъ minimum, какой даетъ ему возможность продлить свое существованіе до слѣдующей жатвы, онъ уже не печется о дальнѣйшемъ, и мы не можемъ даже сказать: «онъ уже чувствуетъ себя счастливымъ», потому

что для счастія нуженъ нѣкоторый подъемъ духа, нѣкоторое просвѣтленіе, нужны улыбки на лицѣ, а все это трудно себѣ представить въ аппатичной, безучастной фигурѣ корейца.

При такой психической организаціи корейцы не способны, конечно, создавать богатства, и людей достаточныхъ между ними очень мало, громадное же большинство влачитъ нищенское существованіе; даже сельскохозяйственный инвентарь оказывается недостаточнымъ для обработки цѣлинныхъ земель, такъ что корейцы выбираютъ себѣ земли, уже бывшія подъ плугомъ, и чаще всего за половину или иную долю урожая обрабатываютъ китайскіе или манджурскіе участки. Только очень немногіе располагаютъ достаточной хозяйственной силой, чтобы за свой страхъ поднять новь и устроиться на ней самостоятельнымъ хуторяниномъ. Городская жизнь слишкомъ шумна и безпокойна для корейца, требуетъ отъ него слишкомъ много движенія и потому по городамъ встрѣтить его можно только въ видѣ исключенія; въ Нингутѣ, напримѣръ, въ нашу бытность тамъ, не жило ни одной корейской семьи, хотя въ окрестностяхъ кое-гдѣ уединенныхъ фанзахъ, точно боязливо ото всѣхъ сторонящихся, проживало нѣсколько корейскихъ семействъ, но въ Нингутинскомъ округѣ ихъ вообще немного, какъ говорятъ, не болѣе двухсотъ семей. Больше всего ихъ въ пограничныхъ съ Россіей областяхъ, куда, какъ замѣчено, они отступаютъ передъ надвигающейся волной нашихъ переселенцевъ. Въ этихъ краяхъ, гдѣ, между прочимъ, хунхузы особенно смѣлы и предпріимчивы, корейцы, случается, селятся значительными деревнями, хотя зачастую и терпятъ жестоко отъ безнаказанныхъ хунхузскихъ шаекъ. Такъ, напримѣръ, на широкой долинѣ Суй-фуна, при впаденіи въ него рѣкъ Ламчухе и Ше-до-хе (верстъ 40 повыше устья Сяо-Суй-фуна также притока Суй-фуна), видны остатки четырехъугольнаго вала, обхватывающаго площадь нѣсколько больше десятины, постройку которой, сопровождавшіе насъ китайцы приписывали корейскимъ выходцамъ. За такими замкнутыми насыпями корейцы, по ихъ словамъ, укрываютъ свой скотъ во время періодическихъ наводненій Суй-фуна и сносятъ туда свои пожитки. Дѣйствительно, подобнаго рода сооруженія встрѣчаются исключительно по берегамъ рѣкъ; незначительная же высота валовъ, обыкновенно не превосходящая $1^1/_2$—2 сажени, исключаетъ возможность какого-либо оборонительнаго или боеваго назначенія ихъ. Въ Уссурійскомъ краѣ и Манджуріи земляные окопы такого рода не рѣдкость. То заброшенное сооруженіе, о которомъ идетъ рѣчь, создано было руками корейцевъ, прослышавшихъ объ удобствахъ Суй-фунской долины и переселившихся сюда съ насиженныхъ мѣстъ въ нашей приморской области, но бѣдняги разсчитали плохо. Долина Суй-фуна, дѣйствительно, по природѣ своей сулитъ многое колонисту-земледѣльцу, но обиліе хунхузскихъ шаекъ дѣлаетъ этотъ край необитаемымъ для мирнаго населенія. Всѣ двадцать пять корейскихъ семей, осѣвшихъ здѣсь и уже

успѣвшихъ наладить весь свой хозяйственный обиходъ, сдѣлались жертвами разбойниковъ и отчасти разбѣжались, кто куда могъ, отчасти были перебиты.

Въ настоящее время долина Суй-фуна, благодаря такимъ, далеко не рѣдкимъ, кровавымъ происшествіямъ, почти вовсе лишена населенія, а было время, когда эти мѣста кипѣли жизнью и во всѣ стороны разбѣгались по нимъ широкія арбяныя дороги, правда, далеко не благоустроенныя, какими онѣ и донынѣ остаются повсюду въ Китаѣ, но тѣ времена прошли вотъ уже болѣе двухъ столѣтій тому назадъ. Корейское населеніе господствовало тогда въ странѣ не только количественно, но и политически, такъ какъ значительная часть теперешней Манджуріи входила въ составъ корейскаго царства. Съ переходомъ власти къ манджурамъ, край запустѣлъ. Только лѣтъ 25 назадъ, на короткое время, пробудилась въ немъ прежняя бойкая жизнь, благодаря случайно открытымъ здѣсь богатѣйшимъ золотоноснымъ пескамъ въ верховьяхъ Суй-фуна и по теченію впадающихъ въ него мелкихъ рѣченокъ.

При первыхъ же слухахъ о драгоцѣнной находкѣ, какъ это бываетъ, впрочемъ, повсюду, сотни и тысячи бродячаго люда устремились въ пустынную дотолѣ окраину; въ верховьяхъ Хашасгоу, напримѣръ, работало до 10.000 человѣкъ и заброшенная сторона снова проснулась къ лихорадочной, спѣшной дѣятельности, конечно, совершенно безпорядочной и мало производительной, съ точки зрѣнія европейскаго горнаго искусства, потому что розсыпи, дѣйствительно, очень богатыя, скоро были выработаны, то-есть были сняты тѣ жирныя сливки съ нихъ, выбраны были тѣ сравнительно крупныя частицы золота, которыя только по силамъ китайской техникѣ и остальная масса его, зарытая неумѣлыми искателями въ отработанные пески, была заброшена. Лихорадочная жизнь также быстро заглохла въ этой злополучной сторонѣ, какъ быстро въ ней и проснулась. Проложенныя вновь и возобновленныя золотоискателями старыя дороги опять понемногу стали зарастать травой и, разумѣется, не осталось бы отъ нихъ скоро никакого слѣда, если бы время отъ времени хунхузскія шайки не утаптывали ихъ при своихъ переѣздахъ отъ города къ городу; одна изъ такихъ дорогъ и слыветъ у народа подъ именемъ большого хунхузскаго тракта, такъ какъ разбойничьи шайки изъ Нингуты неизмѣнно перекочевываютъ по ней въ Сан-чи-коу, пограничный съ нами городокъ. Переѣзды эти столь обычны и часты и въ представленіи населенія такъ окончательно утвердилась опасная репутація этой дороги, что можно, пожалуй, подумать, будто за хунхузами всѣми признано какое-то юридическое право чуть не на исключительное пользованіе этой дорогой и этимъ краемъ. Только, говорятъ, въ какой-то одинокой фанзѣ близь нея, подъ защитой своей несомнѣнной нищеты и убогой старости, проживаетъ жалкій кореецъ, не имѣвшій силы ни бѣжать

вмѣстѣ съ односельцами при погромѣ хунхузами его деревни, ни защитить своихъ молоденькихъ внучекъ, на его глазахъ подвергнувшихся насилію разбойниковъ. Хунхузы предоставили ему возможность переселиться къ праотцамъ безъ ихъ на то содѣйствія; но всякій смѣльчакъ, не сопровождаемый достаточной охраной рискуетъ, на этомъ пути вмѣсто земныхъ поселеній попасть въ горнія обители.

Быть можетъ, благодаря именно такимъ небезопаснымъ путямъ сообщенія, въ общемъ ходѣ экономической жизни Манджуріи торговля не играетъ такой крупной роли, какая выпадаетъ на ея долю во всякой, болѣе благоустроенной странѣ, и хотя торгашество свойственно вообще натурѣ восточныхъ людей, но крупныхъ торговцевъ, ведущихъ широкое дѣло здѣсь очень немного, кромѣ китайцевъ, спекулянтовъ уже прирожденныхъ; торговлей, какъ профессіей, занимаются тутъ еще масульмане-дунгане, которыхъ, впрочемъ, въ Нингутинскомъ округѣ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ ямыней насчитывается всего два тошахоу (сто семей); по словамъ же главнаго муллы въ Нингутѣ, число это на самомъ дѣлѣ вдвое больше, то-есть 200 семей или душъ до 1.000. Дунгане — это прасолы Манджуріи, и большая часть операцій по торговлѣ скотомъ сосредоточена въ ихъ рукахъ, они поставляютъ гурты и въ наши пограничные города: Никольское и Владивостокъ и въ Нингуту и въ Гиринъ и въ Санъ-ча-чоу, словомъ всюду, гдѣ скотъ можетъ имѣть сбытъ; сама Манджурія большихъ требованій не предъявляетъ на ихъ товаръ, такъ какъ населеніе, какъ вездѣ, придерживается по преимуществу растительной пищи и главный доходъ въ этой торговлѣ представляетъ сбытъ скота за границу, однако онъ все-таки не великъ, благодаря тѣмъ же хунхузамъ; гуртовщикъ, если онъ не желаетъ отказаться отъ своего промысла и барышей, какіе изъ него можно извлечь, долженъ обязательно уплачивать иногда весьма солидныя контрибуціи этимъ рыцарямъ китайскихъ дорогъ. Такимъ образомъ, крупныя состоянія сколотить этой торговлей довольно трудно, да между дунганами и на самомъ дѣлѣ нѣтъ выдающихся богачей, но всѣ они достаточно и почти въ одинаковой степени состоятельны, а изолированность среди массы окружающаго населенія, создаваемая ихъ мусульманствомъ, породила сплоченность и солидарность между ними, благодаря чему очень развита среди нихъ взаимопомощь. Любопытно, что въ Нингутѣ лучшими ресторанами, если только можно ихъ назвать ресторанами, считаются дунганскіе.

Дунгане и корейцы, уже благодаря малочисленности своей, въ общей этнографической картинѣ края не могутъ, конечно, занять видное положеніе, но китайцы, число которыхъ значительно превышаетъ число манджуръ, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ отношеніи представляютъ здѣсь подчиненную группу населенія. Во всей администраціи области нѣтъ ни одного китайца даже на низшихъ ступеняхъ чиновничьей іерархіи. При извѣстной же простотѣ и откровенности

административныхъ обычаевъ Востока, это, разумѣется, тѣмъ болѣе обостряетъ взаимныя отношенія перечисленныхъ народностей, что всю тяжесть такихъ обычаевъ приходится выносить на своихъ плечахъ китайцамъ, татарамъ и корейцамъ; на ихъ исключительно счетъ манджурскіе судьи и чиновники удовлетворяютъ свои административные аппетиты. Въ понятіи китайца взятка и чиновникъ одно отъ другого неотдѣлимы, въ его глазахъ это почти законъ природы; такъ было и всегда и на памяти его дѣдовъ, такъ оно идетъ и нынѣ повсюду въ Китаѣ. Такъ что взятка сама по себѣ не возмущаетъ его сознанія, но здѣсь въ Манджуріи китаецъ втихомолку негодуетъ, — не на продажность чиновниковъ, конечно, а на ихъ національную исключительность, ибо всякое дѣло, гдѣ замѣшанъ манджуръ съ дунганомъ, корейцемъ или китайцемъ, неизмѣнно, даже вопреки очевидности, рѣшается въ пользу манджура, причемъ за это рѣшеніе платится обиженная сторона, а манджуръ, будь онъ бѣднякъ или богачъ, всегда остается свободенъ отъ всякихъ поборовъ. Самолюбіе китайца въ такихъ случаяхъ возмущается тѣмъ сильнѣй, что разница въ культурѣ и образованіи между нимъ и манджуромъ всегда бываетъ не въ пользу послѣдняго, и въ разговорной рѣчи своей китайцы даже не называютъ манджуровъ этимъ именемъ, а говорятъ о нихъ у-гуанъ (безграмотный).

П. Ѳ. Лобза.

ИЗЪ КОНОПНИЦКОЙ.

Ахъ, ночка, ночка,
Ты соколъ черный!
Крыломъ закрыла
Ты лѣсъ нагорный,
И лугъ, и поле,
И путь-дорогу...
Зачѣмъ не скроешь
Мою тревогу?

Иль обронила
Ты перья въ море?
Или, пылая,
Сожгли ихъ зори?
Или не можешь
Ты тьмой разлиться,—
Чтобъ мнѣ съ слезами
Ужъ не таиться?..

А. Колтоновскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Воскресшая книга—«Знаменіе времени» г. Мордовцева.—Какое впечатлѣніе она производитъ теперь.—Ея прошлое значеніе.—«Народные заступники» г. Меньшикова.—Удачная характеристика народничества.—Интересная легенда объ одномъ праведникѣ, разрушаемая г. Меньшиковымъ.—Г. Бальмонтъ, просвѣщающій англійскую публику въ русской литературѣ.

Habent sua fata libelli.

Эта старинная пословица невольно вспомнилась намъ, когда мы получили «для отзыва» романъ г. Мордовцева—«Знаменіе времени». Странное чувство не то смущенія, не то удивленія охватило насъ, нѣчто въ родѣ того, что испытываешь, встрѣтивъ совершенно неожиданно стараго знакомаго, съ которымъ давно разстался и давно позабылъ о его существованіи. Книга, гонимая нѣкогда, осѣненная ореоломъ «запрещенной», книга тѣхъ временъ, когда «еще намъ были новы всѣ впечатлѣнія бытія», и теперь выходитъ въ свѣтъ, какъ и всякая другая, и цѣна ей всего два рубля. По истинѣ, воскресеніе изъ мертвыхъ. Только къ новому ли бытію? Не скорѣе ли къ вторичной смерти, и на этотъ разъ уже навсегда? И думается намъ,—скорѣе второе, такъ какъ книги еще могутъ воскресать, но настроеніе, когда-то вызвавшее ихъ къ жизни, не повторяется никогда.

Есть особый сортъ книгъ, которыя въ свое время имѣютъ значеніе вовсе не потому, что онѣ выдаются высокими литературными достоинствами, глубокимъ содержаніемъ, силою чувства, вложеннаго въ нихъ авторомъ. Вовсе нѣтъ,—во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онѣ ниже посредственности. Но въ нихъ есть то, что думали и говорили въ это время многіе, что было для многихъ дорого и свято. Читатели того времени встрѣчали въ такой книгѣ живой отголосокъ своихъ чувствъ и мыслей и увлекались книгой, не обращая вниманія на всѣ ея литературныя несовершенства. Даже напротивъ,—именно эти несовершенства въ огромной степени усиливали популярность книги. Грубость изложенія, недостатокъ художественности, рѣжущая прямолинейность книги упрощали ея пониманіе, дѣлая ее доступнѣе для большинства, которое въ книгѣ, такой аляповатой по формѣ, яснѣе и проще разбиралось, чѣмъ въ тонкомъ художественномъ произведеніи, гдѣ, какъ и въ жизни, вовсе нѣтъ подчеркиваній, поясненій отъ автора, что «се левъ, а не собака», какъ писалось подъ аракчеевскими печатями. Никакихъ своихъ мыслей авторъ не преподноситъ читателю въ такой книгѣ. Какъ фонографъ, онъ повторяетъ ходячую въ данную минуту идею именно въ той формѣ, въ которой читатель слышитъ ее, что дѣлаетъ книгу еще любезнѣе для него. Никакихъ новыхъ чувствъ авторъ не выражаетъ,—онъ выражаетъ лишь то, что чувствуютъ если и не всѣ, такъ по крайней мѣрѣ опредѣленная группа. Авторъ ничего не выдумываетъ, онъ только рабски повторяетъ и въ своемъ изложеніи упрощаетъ извѣстное общественное направленіе, иллюстрируя его грубыми примѣрами. По формѣ

его произведеніе напоминаетъ издѣліе суздальскаго богомаза, но оно рѣзкими чертами запечатлѣваетъ волнующія въ данную минуту мысли и чувства, что и привлекаетъ къ нему читателя.

Литература освободительной эпохи шестидесятыхъ годовъ была очень богата такими произведеніями. Стоитъ вспомнить романы Шеллера, Омулевскаго, Бажина и многихъ другихъ, теперь основательнѣйшимъ образомъ забытыхъ, писателей, это все—богомазы. Тутъ лица человѣческаго нѣтъ, а тогда все это читалось, поглощалось жадно и страстно и имѣло несомнѣнное вліяніе, потому что отражало въ себѣ настроеніе передовой части тогдашняго общества. Въ противовѣсъ этимъ писателямъ выступали богомазы и изъ противоположнаго лагеря—Клюшниковъ, Маркевичъ и т. п. Настоящая литература стояла въ сторонѣ отъ борющихся теченій и творила въ произведеніяхъ Тургенева, Достоевскаго и Толстого вѣчные, не умирающіе образы, а не иллюстраціи къ излюбленнымъ теоріямъ того или иного направленія. Достоевскій разъ только сдѣлалъ уклоненіе въ сторону злободневности, въ «Бѣсахъ», самомъ неудачномъ изъ своихъ романовъ, хотя и тутъ его громадный талантъ спасъ его если не отъ пошлости, то отъ суздальской живописи.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ образцовъ этой литературы является «Знаменіе времени». Даже для шестидесятыхъ годовъ, въ концѣ которыхъ оно появилось, это произведеніе было выдающимся по грубости формы, прямолинейности и рѣзкости, съ которой подчеркиваются ходячія идеи того времени. Современнымъ читателямъ, людямъ 90-хъ годовъ, даже въ 80-ые годы уже, трудно проникнуться настроеніемъ этого романа, тѣмъ, что собственно и составляло главную притягательную силу для читателя шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Съ самаго начала выводится какой-то сумасшедшій, бредъ котораго, повидимому, долженъ заключать въ себѣ нѣчто поразительно глубокое и важное. Вѣроятно, тогдашніе читатели и находили это, но для нынѣшнихъ читателей единственно интересное представляетъ описаніе казни, видѣнной больнымъ, хотя само описаніе сдѣлано чисто по-суздальски, растянуто, съ массой повтореній, въ высокомъ «штилѣ», такъ что даже и эта единственная трагическая сцена въ романѣ не производитъ теперь ни малѣйшаго впечатлѣнія. Этимъ бредомъ романъ начинается и тотъ же бредъ сумасшедшаго, нѣкоего Канадѣева, снова и снова повторяется въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но дальше въ немъ ничего нельзя понять. Тутъ есть все: и рѣчи о страданіяхъ человѣчества, и народъ, который мучается въ безсильныхъ порывахъ къ свободѣ, и славяне, терзаемые турками, и много настоящаго безсмысленнаго вздора, который, вѣроятно, и для современниковъ былъ непонятенъ, какъ и для насъ. Но чѣмъ оно было непонятнѣе тогда, тѣмъ лучше, и загипнотизированный читатель видѣлъ въ этихъ сугубо темныхъ мѣстахъ глубину глубинъ и бездну премудрости. Бредъ больного служитъ припѣвомъ къ высокимъ и тягучимъ рѣчамъ, которыми главные герои «романа» разражаются на каждомъ шагу и кстати, и не кстати, лишь бы еще и еще подчеркнуть разницу между «львами» и «собаками».

Героевъ этихъ немного—Стожаровъ, Бармитинова и, наконецъ, изъ героевъ герой—Карамановъ, который, подобно державинскому богатырю—

«Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на бездны—воды кипятъ,
Граду коснется - градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ».

Или еще лучше—подобенъ тому анекдотическому мужику, который въ мечтаніяхъ говорилъ про себя: «Кабы я былъ царемъ, сѣлъ бы у воротъ, и какъ кто мимо—того въ зубы, какъ кто мимо—того въ зубы». Онъ рѣшилъ,—Карамановъ всегда и все рѣшаетъ категорически и безповоротно, — что все не-

счастіе людей происходитъ отъ лжи, а потому, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми, надо вездѣ и всегда говорить имъ правду. Согласно этому правилу онъ и дѣйствуетъ, и «какъ кто мимо—того въ зубы». Ибо правда всегда на его сторонѣ, а всѣ остальные—мерзавцы. Одинъ Стожаровъ еще ничего, да и тотъ, какъ гоголевскій прокуроръ, если правду сказать—«свинья».

Стожаровъ, однако, тоже не лыкомъ шитъ. Еще въ гимназіи «многосторонностью знаній и оригинальностью мнѣній онъ приводилъ въ изумленіе всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось высказываться». Въ университетѣ онъ всѣ науки «превзошелъ», но не удовлетворился и рѣшилъ, что все это—не то. Написалъ онъ такую забористую диссертацію, что профессоръ, ее читавшій, испугался за автора. «Въ прежнее время,—сказалъ онъ,—сжигали на кострахъ авторовъ подобныхъ сочиненій, а въ наше время автора посадили бы въ крѣпость». Влюбился онъ, между прочимъ, въ одну дѣвушку, которая тоже ему отвѣчала. Но побоялся что «эти отношенія установятся на общепринятыхъ рутинныхъ началахъ», и поспѣшилъ разстаться съ нею. Онъ уѣзжаетъ, конечно, въ западную Европу, чтобы тамъ поискать разрѣшенія мучающихъ его вопросовъ, но не находитъ этого разрѣшенія, ибо вездѣ тоже, «что и у насъ въ Кинешмѣ: городничій деретъ носъ передъ обручникомъ а обручникъ для него же дѣлаетъ кадки къ огурцамъ и унижается, чтобы городничій позволилъ ему набить на кадку обручъ». Въ Россіи онъ «перегорѣлъ» въ литературномъ огнѣ и понялъ, что дѣло современныхъ «великихъ людей состоитъ не въ томъ, въ чемъ состояло дѣло тѣхъ великихъ людей, которымъ исторія приписывала величіе иногда по ошибкѣ, иногда же въ силу того, почему для мелкаго воришки закоренѣлый убійца и негодяй кажется великимъ человѣкомъ. Переходя изъ дѣтства въ возмужалость, онъ на дорогѣ столкнулъ съ пьедестала многихъ великихъ людей, которыхъ прежде считалъ таковыми, и въ своей памяти отвелъ имъ самое нужное мѣсто, тотъ бросовый уголокъ, въ которомъ помѣщался старостинъ племянникъ Ларька, угодившій въ Сибирь за конокрадство и убійство. Зато на этой же дорогѣ онъ встрѣтилъ дѣйствительно великихъ людей и понялъ, что величіе ихъ слѣдуетъ мѣрить не всегда тѣмъ аршиномъ, которымъ мѣрилъ Плутархъ». Тутъ читатели шестидесятыхъ годовъ съ жаднымъ нетерпѣніемъ ждали, каковъ же аршинъ для современнаго важнаго человѣка, и читали, затаивъ дыханіе: «Исходной точкой жизни Стожарова съ той поры стала—*польза*, если и не въ широкихъ размѣрахъ, не въ общечеловѣческихъ видахъ, то хоть самая узенькая, хотя бы такая, которая принесла бы счастіе и спасеніе Ларькѣ, укравшему у его отца пѣгаго иноходца». Въ поискахъ за этой пользой мы и застаемъ Стожарова на первыхъ страницахъ романа.

Въ сопровожденіи молодого человѣка, еще студента, но уже тоже перегорѣвшаго огнемъ и не нашедшаго въ наукѣ отвѣта на вопросы о счастьи, Стожаровъ ѣдетъ по Волгѣ, собирая статистическія данныя о народномъ житьѣ-бытьѣ. Волею судебъ его заноситъ въ приволжскую деревню, гдѣ онъ снова сталкивается съ любимой нѣкогда дѣвушкой, нынѣ сельской учительницей въ земской школѣ, и его «точеная голова»,—этотъ эпитетъ, долженствующій характеризовать преобладаніе умственности надъ сердцемъ Стожарова, повторяется безчисленное количество разъ въ романѣ,—просіяла. Его избранница «порвала узы рутины» и изъ ничтожной куколки-дѣвицы превратилась въ сознательнаго человѣка-женщину, которая на практикѣ осуществила его принципъ—приносить пользу хотя бы и узенькую, хотя бы только Ларькѣ. Школа ея процвѣтаетъ яко кринъ сельный, ея ученики ведутъ войну съ отсталыми учениками министерскаго двукласснаго училища, гдѣ больше обучаютъ всякимъ «исторіямъ», только не естественной исторіи. Тогда какъ ея ученики превосходно изучаютъ именно послѣднюю. И «точеная голова» склоняется передъ учительницей Бармитиновой, которая такъ просто и геройски разрѣшила за-

дачу жизни, что для права на личное счастье надо прежде поработать для другихъ, отдавъ себя на служеніе этимъ другимъ во имя его афоризма, «что двумъ подло пользоваться счастьемъ, когда другіе двадцать несчастливы». Старое чувство даетъ себя знать, но теперь Стожаровъ подходитъ къ ней, какъ равный къ равному, и между ними происходитъ окончательное объясненіе, выясняющее, что нынѣ оба они имѣютъ право принадлежать другъ другу: такъ какъ онъ «все время тесалъ камни для зданія будущаго», она—подготовляла тоже камни для этого будущаго. Ибо камень этотъ—народъ, на немъ созиждутъ они это зданіе, гдѣ для всѣхъ будетъ равное счастье, всѣмъ будетъ «тепло въ немъ и свѣтло». Именно какъ разъ теперь идетъ Стожаровъ дѣлать первую закладку фундамента. Въ чемъ состоитъ этотъ фундаментъ, мы сейчасъ узнаемъ. Тутъ-то и явится неотразимый въ своей побѣдительности Карамановъ, который и наложитъ на него «необорныя руки» и докажетъ, что хотя онъ, «точеная голова», и ничего себѣ, а въ сущности—онъ ничто.

У Стожарова есть отецъ, обладатель недурного имѣнія. Туда-то и направляется нашъ герой, чтобы заложить свой фундаментъ. Туда же направилъ свои стопы и Карамановъ. Лицо у него, какъ «смоленая дратва», «улыбка собачья», «глаза стоячіе», голова, хотя и стриженая нагладко, но до нея «не касалась ни гребенка, ни щетка». Старикъ Стожаровъ, освѣдомившись о его имени и званіи, спрашиваетъ, не родственникъ ли онъ сосѣдняго богатаго помѣщика. «Да, къ несчастью, я сынъ этого негодяя», спокойно выпаливаетъ Карамановъ, и чтобы ошарашить бѣднаго старичка въ конецъ, продолжаетъ: «Мнѣ говорили, что вы честный человѣкъ. Это такое рѣдкое явленіе, что я пришелъ посмотрѣть на васъ»... И дальше весь разговоръ ведется въ такомъ же тонѣ. Изъ него узнаемъ, что Карамановъ ищетъ «честной работы», почему нигдѣ ужиться не можетъ, и проситъ, чтобы старикъ принялъ его къ себѣ въ рабочіе. Пока живъ его богатый отецъ, Карамановъ не хочетъ съ нимъ связываться, но отъ своей доли въ имѣніи, перешедшей къ нему отъ матери, онъ не отказывается и ждетъ, пока умретъ отецъ, чтобы затѣмъ осуществить свой особый планъ осчастливить «подлое человѣчество». Здѣсь и застаетъ его Стожаровъ, пріѣхавшій для закладки фундамента. Когда Стожаровъ, десять лѣтъ не бывшій дома и не писавшій ничего о своемъ пріѣздѣ родителямъ, является неожиданно въ домъ свой, на порогѣ его встрѣчаетъ смерть: старуха нянька, все сторожившая его пріѣздъ изъ слухового окна, падаетъ съ лѣстницы и убивается на смерть. Эта неожиданность наводитъ Стожарова на слѣдующее философское размышленіе: «Какая странная, роковая встрѣча... Неужели отъ одного нашего приближенія должны вымирать старые люди, какъ вымираютъ дикія индѣйскія племена отъ соприкосновенія съ европейской цивилизаціей?»

Въ романѣ нѣтъ поясненій, какіе предварительные шаги дѣлаютъ оба героя для осуществленія своихъ плановъ, пока ихъ отцы живы. Одинъ, повидимому, все обдумываетъ свою «узенькую пользу», другой пока работаетъ у него же въ батракахъ и между дѣломъ сокрушаетъ «зубы» неправдѣ. Но отцы смертны, и наши герои, получивъ въ наслѣдство большія состоянія, приступаютъ къ дѣлу... «обновленія общества», ни больше, ни меньше, о чемъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго разговора Караманова съ сумасшедшимъ Канадѣевымъ (по мѣрѣ надобности авторъ излѣчиваетъ его на время).

«— Я хочу попробовать сдѣлать тотъ послѣдній шагъ, который люди боятся и не умѣютъ сдѣлать, чтобы быть счастливыми,—процѣдилъ Карамановъ сквозь зубы.—Мы рѣшились съ Стожаровымъ начать дѣло обновленія общества на новыхъ началахъ,—сказалъ онъ съ разстановкой, какъ бы стараясь гвоздемъ вбить свои слова въ мозгъ Канадѣева.—Ты, вѣроятно, находишь, что начальныя мои слова слишкомъ громки?—вдругъ спросилъ онъ, замѣтивъ, что зеленые глаза Канадѣева выразили не то сомнѣніе, не то насмѣшку.—Они и

должны быть громки. Тамъ, гдѣ словами не прошибешъ деревяннаго черепа, надо вбивать это слово обухомъ. Тамъ, гдѣ словъ не слышатъ, надо кричать... Надо обновить общество, перевоспитать, создать, хоть изъ земли выкопать... Мы уже начали это дѣло. Стожаровъ отдалъ даромъ все свое имѣніе бывшимъ своимъ крестьянамъ—отдалъ землю, усадьбу, всѣ заведенія. «Все это вы обрабатывали,—говорилъ онъ имъ,—вы и должны этимъ распоряжаться». Онъ отдалъ имъ свое имѣніе съ тѣмъ, чтобы они пользовались имъ на правахъ общиннаго владѣнія, на правахъ абсолютной общинности... Отдавъ свое имѣніе и свои деньги, крестьянамъ, онъ самъ вошелъ въ ихъ общину такимъ же членомъ, какъ они всѣ, на равныхъ началахъ. Общинное пользованіе землей, деньгами и всѣмъ имуществомъ, общинный трудъ, общіе заработки, мірской судъ, все общее, мірское, съ *передѣлами* земли...

«— Такъ ты не останешься въ обществѣ Стожарова?—спросилъ Канадѣевъ.

«— Нѣтъ. Я предвижу и предсказывалъ ему большія трудности въ исполненіи задуманнаго имъ плана; онъ хочетъ передѣлать старый крестьянскій міръ въ новую общину. Это значитъ заставить вербу родить груши, заставить старое дерево рости не такъ, какъ оно росло. Крестьянскій міръ давно сложился на извѣстныхъ началахъ. Онъ носитъ въ себѣ историческую порчу, онъ глубоко деморализованъ тѣми понятіями, въ какихъ его воспитала исторія. Мы объ этомъ долго спорили съ Стожаровымъ и разошлись, но только затѣмъ, чтобы произвести отдѣльные самостоятельные опыты надъ созданіемъ новыхъ гражданскихъ общинъ. Онъ хочетъ перевоспитать старую крестьянскую общину, я хочу создать новую. Вотъ почему я ищу пустыню, никѣмъ не заселенную, куплю эту пустыню и заселю ее. Здѣсь въ заволжскихъ степяхъ, по сосѣдству съ Азіей, всего удобнѣе будетъ осуществить мою завѣтную мысль—сдѣлать тотъ великій, послѣдній шагъ... Я куплю здѣсь свободныя земли и заселю ихъ охотниками,—говорилъ Карамановъ,—земли свои я отдамъ даромъ моимъ колонистамъ съ условіемъ, чтобы они разорвали всякую связь съ старыми крестьянскими порядками... У насъ будетъ собственность...

«— Значитъ, ты признаешь принципъ вознагражденія, принципъ платы, заработка, а слѣдовательно принципъ богатства и бѣдности,—замѣтилъ Канадѣевъ.—Это скользко...

«— Для неподкованнаго ума скользко... А мой умъ подкованъ прочно,—отвѣчалъ Карамановъ...»

Вотъ и все. Стожаровъ пріѣзжаетъ за Бармитиновой, чтобы увезти ее въ свою общину, но Бармитинова не вынесла непосильныхъ трудовъ по школѣ, заболѣла чахоткой и умираетъ, а наши герои уходятъ съ послѣднихъ страницъ романа исполнять свои планы. Есть тутъ, правда, еще вводныя лица, но особаго значенія не имѣющія. Напри., дѣвица Марина, относительно которой Карамановъ съ перваго абцуга заявляетъ ея брату Канадѣеву, что «она должна быть глупа и мелка», отъ того, что «слишкомъ хороша», а при первой встрѣчѣ съ нею выпаливаетъ: «я думалъ, что вы все-таки умнѣе». Такими упрощенными пріемами, хорошо изученными еще писаремъ у Гл. Успенскаго («она одно, а ты ей—совсѣмъ напротивъ»), Карамановъ убѣждаетъ дѣвицу, что онъ и есть соль земли. Дѣвица бросается къ нему на шею «прыжкомъ кошки», но онъ остается твердъ и непоколебимъ, и повторяетъ урокъ Стожарова Бармитиновой. «За моимъ великимъ дѣломъ я буду думать не о дѣлѣ, а о васъ», и потому «дѣлаетъ послѣднее усиліе, отталкиваетъ отъ себя обѣими руками грудь дѣвушки, и она падаетъ на землю». Карамановъ уѣзжаетъ одинъ, а дѣвица готовится стать «человѣкомъ», чтобы быть достойной этого великаго мужа съ лицомъ цвѣта «смоленой дратвы» и съ хорошо «подкованнымъ умомъ»,

Что же это за настроеніе, которое привлекало читателей шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ къ этому роману, несмотря на всю неестественность ге-

роевъ и общую нехудожественность всего произведенія? Эти отрицательныя стороны и тогда кидались въ глаза всѣмъ, но они стушевывались и исчезали передъ основной тенденціей романа, которая преобладала тогда въ настроеніи прогрессивныхъ кружковъ общества. Тенденція эта—вѣра въ себя, въ силу личности, которая можетъ перестроить міръ на разумныхъ основаніяхъ. Необходимо только сдѣлаться критически мыслящей личностью, чтобы выработать ясный, толковый планъ разумной жизни, согласно которому и остается передѣлать общество. Сама по себѣ эта перестройка дѣло нетрудное, разъ окажется достаточно сильныхъ личностей, такихъ Стожаровыхъ, Карамановыхъ, Бармитиновыхъ и Маринъ. Въ нихъ-то и заключается вся сила вещей, они-то и суть творцы новой жизни. И всякій, кто мнилъ себя критически мыслящей личностью, съ жадностью хватался за «знаменіе времени», увлекался героями романа и посильно подражалъ имъ. Ихъ рѣчи, мысли, чувства находили себѣ отголосокъ въ читателѣ, который, приблизительно, такъ же говорилъ, мыслилъ, чувствовалъ. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, романъ «Знаменіе времени» получаетъ несомнѣнный историческій интересъ. Для пониманія бурной эпохи 70-хъ годовъ онъ даетъ очень много. Въ рѣчахъ, если не въ поступкахъ,—хотя и поступковъ такихъ было въ то время довольно,—его героевъ сохранились задушевныя мысли передовыхъ людей того времени, и, слушая ихъ, мы какъ бы присутствуемъ при страстныхъ дебатахъ, какіе велись тогда за или противъ переустройства общества на тѣхъ или иныхъ новыхъ началахъ. Теперь мы ясно видимъ всю наивность этихъ проектовъ, проявляющуюся хотя бы въ этой «абсолютной общинности труда, денегъ, заработка, всего имущества», и «съ передѣлами земли». Этотъ передѣлъ земли, которая находится въ абсолютной общности, а слѣдовательно и передѣлять ее нѣтъ никакой надобности,—какъ кончикъ ослинаго уха, выдаетъ съ головой Стожарова. То же и въ карамановской новой общинѣ, гдѣ все общее, но тѣмъ не менѣе существуетъ заработная плата и проч. Не въ этомъ сила, это мелочь, деталь,—важна вѣра въ силу личности, которая въ одинъ прекрасный моментъ можетъ перевернуть міръ. И читатель упивался этой вѣрой. а мы, отделенные отъ него тридцатилѣтіемъ, полнымъ такихъ глубокихъ разочарованій, можемъ отнестись къ этой вѣрѣ лишь съ «горькой насмѣшкой сына надъ промотавшимся отцомъ». Сколько бы ни увѣряли насъ современныя намъ «точеныя головы» и «хорошо подкованные мозги», что сила въ личности, въ субъективномъ отношеніи къ дѣйствительности», — имъ не увлечь за собой никого. Сколько бы ни практиковали они карамановскаго рецепта—«кто мимо, того въ зубы»,—время ихъ прошло.

Потому-то и думается намъ, что воскрешеніе такихъ произведеній, какъ «Знаменіе времени», является для нихъ не воскресеніемъ, а скорѣе—вторичными похоронами. Люди переживаютъ нерѣдко свое время и настроеніе, выдвинувшее ихъ когда-то, но время не повторяется. Довлѣетъ бо дневи злоба его, и у каждаго дня своя печаль, у каждаго времени—свое знаменіе. «Что прошло, того не будетъ вновь»,—сказалъ поэтъ.

Requiescat in pace.

И еще въ одномъ отношеніи романъ г. Мордовцева былъ для своего времени знаменіемъ: въ немъ совершенно опредѣленно отмѣчалось то направленіе, которое извѣстно подъ именемъ «хожденія въ народъ». Карамановъ, превращающійся въ батрака, чтобы лучше изучить народъ, и затѣмъ товарищъ его Стожаровъ, отдающій народу свою землю, чтобы совмѣстно съ народомъ работать, помогая ему и учась вмѣстѣ съ нимъ, явились первыми ласточками, знаменовавшими упомянутое цѣлое движеніе. Завершеніемъ его явилась особая доктрина, получившая свою окончательную обработку подъ перомъ Юзова-

Коблица и г. В. В. О первомъ изъ этихъ доктринеровъ народничества напоминаетъ теперь г. Меньшиковъ въ недавно вышедшей своей книгѣ «Народные заступники».

Въ статьѣ «Народные заступники» авторъ сопоставляетъ Юзова съ Григоровичемъ, видя въ обоихъ людей, которые проявили—Григоровичъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, Юзовъ всею своею жизнью—одно стремленіе—послужить народу, заставить всѣхъ проникнуться мыслью о его нуждахъ и необходимостью «заступничества» за этотъ народъ. Самъ Юзовъ прошелъ всѣ стадіи народничества, начавъ его подобно Караманову съ «хожденія въ народъ». Этотъ періодъ въ его жизни былъ, въ сущности, очень короткимъ, и Юзовъ успѣлъ побывать и заграницей, и отречься потомъ отъ всякихъ «затѣй», превратившись въ мирнаго чиновника контроля, получившаго прощеніе за свои увлеченія юности. Въ результатѣ всѣхъ его мытарствъ у него сложилась цѣлая теорія, съ одной стороны вытекающая изъ карамановскихъ порывовъ, съ другой—логически примкнувшая къ туманному и мистическому представленію о народѣ, какое сложилось у славянофиловъ. Интересно, между прочимъ, что народническая теорія окончательно сложилась именно къ тому времени, когда само народничество, какъ живое и дѣятельное направленіе, затихло. Книга Юзова появилась во второй половинѣ 80-хъ годовъ, когда всякое хожденіе въ народъ прекратилось.

Теперь все это уже «старина и преданіе», но такія маленькія экскурсіи въ прошлое не лишены интереса и для настоящаго, оттѣняя разницу въ настроеніяхъ и тѣмъ уясняя и самыя настроенія. «Народничество Юзова,—говоритъ г. Меньшиковъ,—явилось настоящимъ расколомъ въ либеральной партіи, причемъ хула и клятвы на либераловъ сыпались имъ иногда за своего рода двуперстіе». Нѣчто въ этомъ родѣ происходитъ и теперь въ прогрессивныхъ направленіяхъ, только роль «двуперстія» играютъ иныя понятія и иныя слова. Тѣмъ любопытнѣе припомнить, за что преслѣдовались народничествомъ прежде всѣ «несогласно мыслящіе» и въ чемъ заключалось народническое правовѣріе, какъ оно выражено у Юзова.

Основа всѣхъ основъ народничества лежала въ его представленіи о деревенскомъ «мірѣ», какъ о цѣльной и стройной системѣ, нравственной и экономической, незыблемой и вѣковѣчной, которая если и уклоняется подчасъ отъ нормы и шатается, то лишь вслѣдствіе посторонняго вмѣшательства. «Даже тамъ, — говоритъ г. Меньшиковъ, — гдѣ либералы являлись несомнѣнными, искренними друзьями народа, Юзовъ возставалъ противъ нихъ только потому, что они—«интеллигенція» и какъ бы уже въ силу этого представляютъ нѣчто не народное, не чистое «мірское». Въ этомъ народничество явилось однимъ изъ видовъ реакціи противъ могучаго либеральнаго настроенія середины этого вѣка, и какъ всякая реакція, скоро дошла до отрицанія вмѣстѣ съ темными сторонами—и свѣтлыхъ его сторонъ. Народничество, какъ теорія, представляетъ какъ бы отдыхъ послѣ страстныхъ порывовъ русской мысли найти ключъ къ уразумѣнію русской жизни, къ ея обновленію и счастью. Эти страстные и по природѣ своей добрые порывы имѣли, такъ сказать, два предѣла: отрицаніе и идеализмъ, причемъ въ отрицаніи русскій человѣкъ дошелъ до нигилизма, а въ идеализмѣ—до фанатической вѣры въ знаніе, въ человѣческій разумъ и всѣ его логическія настроенія. Но очень скоро и въ «отрицаніи», и въ «идеализмѣ» русская мягкая душа устала и нашла себѣ отдыхъ въ народничествѣ. Послѣ мрачныхъ и горькихъ мукъ пессимизма, въ бездны котораго завело отрицаніе, послѣ того, какъ русское общество извѣрилось въ наукѣ, въ самомъ просвѣщеніи, въ самомъ народѣ и, наконецъ, въ самомъ себѣ, народники вдругъ провозгласили, что унывать нечего, что ничего не погибло, что все полно жизни и надежды. До того времени въ сознаніи общества народная жизнь представля-

лась глубоко несчастной. Страшная бѣдность, вѣчный тяжелый трудъ, тьма невѣжества, порабощенность—все это рисовало народную жизнь, какъ юдоль печали и безпросвѣтныхъ сумерекъ. Ныло и болѣло сердце сострадательнаго либерала, благороднѣйшими муками томилось оно о народномъ горѣ, ища и не находя исхода, и вдругъ... вдругъ объявляется, что все это вздоръ, что народъ въ сущности довольно счастливъ и былъ бы, можетъ быть, совсѣмъ счастливъ, если бы не «заскорузлый и немощный либерализмъ». Таково было главное открытіе народничества, породившее глубокій раздоръ въ либеральномъ лагерѣ. Мысль крайне старая въ устахъ консерваторовъ, когда была высказана либералами же и даже радикалами либерализма—показалась страшно новой, дерзкой, безумной... Народники провозгласили, что ни бѣдность, ни невѣжество, ни тяжелый трудъ, ни несовершенство общественныхъ формъ еще не исключаютъ счастія, и что народъ въ сущности живетъ такъ, какъ ему нравится и какъ только можетъ жить. Всѣ идеалы и мечтанія о совершенномъ строѣ жизни были объявлены «бреднями соціальныхъ дѣлъ мастеровъ», которые народники, по словамъ Юзова, встрѣчали «насмѣшливымъ хохотомъ». Объявлено было, что факторомъ прогресса служитъ вовсе не умъ, не знаніе, а чувства и страсти, что «народъ обладаетъ извѣстнымъ строемъ чувствъ и страстей, который и опредѣляетъ возможную для народа общественную форму». Совершенно въ унисонъ съ консерваторами, народники заговорили, что «дѣло совсѣмъ не въ томъ, справедливѣйшая ли это форма общественной жизни, а годна ли она для современнаго общества или нѣтъ», причемъ доказывалось, что всѣ желаемыя либералами формы негодны, иначе онѣ уже были бы осуществлены... Признавъ дѣйствительность, народники возвели ее чуть не въ идеалъ. Я говорю: «чуть не въ идеалъ»; они, пожалуй, провозгласили бы существующее идеаломъ, но тогда не о чемъ было бы спорить, и народничество, въ числѣ другихъ теорій, оказалось бы ненужнымъ. Какъ бы въ сознаніи этой опасности, народники (не замѣчая своей непослѣдовательности) признали, что существующее не совсѣмъ ладно, но оно неладно потому, что народной жизни мѣшаетъ интеллигенція, бюрократія и вообще привилегированные классы, подчинившіе себѣ народъ безъ всякаго права. Нужно поэтому стараться о томъ, чтобы дать національной жизни народный характеръ, положить въ основы этой жизни «коллективныя желанія русскаго народа въ томъ видѣ, въ какомъ они успѣли уже формулироваться помимо всякаго вліянія интеллигенціи». «Намъ нечего мудрствовать лукаво,—говорятъ народники,—возьмемъ то, что предлагаетъ намъ жизнь. Не забывайте, что только идя рука-объ-руку съ народомъ, мы сильны, внѣ его—мы нуль, покрайней мѣрѣ въ вопросѣ объ осуществленіи его благосостоянія. Итакъ, да будутъ нашимъ знаменемъ коллективныя желанія русскаго народа». Эта красивая, мечтательная формула, заимствованная, можетъ быть, у Достоевскаго, крайне растяжима, и въ нее народники вкладываютъ самое разнообразное содержаніе. Отрицая насильственное вмѣшательство интеллигенціи въ народную жизнь, Юзовъ допускаетъ независимое существованіе образованнаго слоя, какъ и другихъ группъ—промышленныхъ и торговыхъ и т. п. Предостерегая отъ національнаго хищничества, Юзовъ, однако, отстаиваетъ національзмъ и протекціонизмъ; сочувствуя этнографической независимости (въ отношеніи, напр., малороссовъ, сибиряковъ), Юзовъ защищаетъ стѣсненіе евреевъ, черту осѣдлости и пр., и пр.».

Къ этой удачной характеристикѣ народничества намъ нечего прибавить. Второй обоснователь народничества, г. В. В., подвелъ экономическое обоснованіе, признавъ незыблемость устоевъ міра—общину и артель. Въ его книгѣ «Наши направленія» положенія Юзова получили окончательную отдѣлку, и съ тѣхъ поръ народничество окаменѣло, порвавъ всякую живую связь съ текущей жизнью. Г. Меньшиковъ указываетъ, какъ на огромную заслугу народничества, на

заступничество за народъ, что составляетъ, по его мнѣнію, нравственную цѣль этой доктрины. Но тутъ же онъ самъ ослабляетъ это положеніе, «вспомнивъ», что въ русской литературѣ и до, и послѣ народниковъ никогда не умолкалъ голосъ народныхъ заступниковъ, такъ какъ вся лучшая, самая талантливая часть этой литературы всегда была посвящена народу и защитѣ его интересовъ. Совершенно невѣрно, намъ кажется, дальнѣйшее его утвержденіе, будто съ паденіемъ народничества въ наше время понизился интересъ къ народу и въ литературѣ, и въ обществѣ. Сами народники, дѣйствительно, считаютъ любовь къ народу какъ бы своей монополіей и постоянно любятъ попрекать всѣхъ не согласно съ ними мыслящихъ — въ равнодушіи къ народу. Для нихъ такое простодушное самомнѣніе вполнѣ простительно, но факты говорятъ совершенно обратное. Въ девяностыхъ годахъ произошелъ окончательный крахъ народничества, и въ тѣ же годы, во время двухъ большихъ голодовъ, общество проявило рѣдкое единодушіе въ борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ. То же можно указать и въ литературѣ, гдѣ вопросъ о народѣ не сходитъ со сцены, но только постановка самаго вопроса, дѣйствительно, совершенно иная.

Жизнь внесла огромныя поправки въ тѣ взгляды на народъ, которые складывались подъ вліяніемъ народничества, и мѣсто преклоненія предъ народомъ заняло изученіе его. Исчезъ мистическій оттѣнокъ въ отношеніи къ народу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и красивая формула о «коллективномъ желаніи народа», и, право, никто ничего не потерялъ отъ этого. Правда, нѣтъ теперь «умиленія и восторга», которые, — говоритъ г. Меньшиковъ,—удалось вызвать полвѣка назадъ Тургеневу и Григоровичу, и мы не думаемъ, чтобы они когда-либо снова повторились въ прежней мѣрѣ. Но въ этомъ умиленіи и восторгѣ много было дѣтскаго невѣдѣнія, просто грубаго невѣжества, которое постепенно исчезаетъ, по мѣрѣ знакомства съ народомъ. Вмѣсто того, чтобы восторгатся и умиляться предъ нимъ, какъ однородной массой, мы начинаемъ уважать въ немъ *личность*, требуя для нея тѣхъ же правъ, какъ и для себя. Мы видимъ въ литературѣ огромный шагъ впередъ въ этомъ *расчлененіи* народа, который уже никому теперь не рисуется въ видѣ огромной однолитой единицы, противопоставляемой интеллигенціи, какъ нѣчто ей противоположное. Едва ли мыслимъ теперь писатель, который заставилъ бы насъ проливать слезы надъ современнымъ Антономъ-Горемыкой, олицетворивъ въ немъ *весь* народъ и его страданія. Какъ бы ни былъ великъ талантъ этого писателя, нелѣпость такого олицетворенія была бы слишкомъ бьющей въ глаза и разсѣяла бы всякую иллюзію. Впрочемъ, талантъ и не можетъ сдѣлать подобной ошибки. Но когда явился въ лицѣ г. Горькаго писатель, давшій рядъ талантливо нарисованныхъ типовъ изъ народной среды, читатели и литература единогласно привѣтствовали его, какъ давшаго нѣчто новое, оригинальное и заслуживающее огромнаго вниманія. Это очень яркій примѣръ того, не ослабѣвающаго интереса къ народу, который составляетъ отличительную черту русской литературы. Но, повторяемъ, эта литература иначе относится теперь къ самому понятію «народъ», иначе понимаетъ интересы «народа» и по иному ихъ изображаетъ.

Г. Меньшиковъ говоритъ въ той же статьѣ объ «отчужденіи образованнаго сословія» отъ народа. Мы думаемъ, что это давно уже устарѣлыя рѣчи. За послѣдніе годы установился сильный потокъ изъ деревни въ города, на что указываетъ огромный ростъ городовъ, отмѣченный послѣдней общей переписью. Съ другой стороны идетъ такой же потокъ образованныхъ людей въ деревню, въ видѣ массы учителей, докторовъ, техниковъ, находящихся въ постоянныхъ отношеніяхъ съ деревенскимъ людомъ и въ деревняхъ, и въ городахъ, что ведетъ къ несомнѣнному сближенію и взаимному пониманію. Это сближеніе происходитъ не на платонической почвѣ «хожденія въ народъ», а на почвѣ грубыхъ, подчасъ матеріальныхъ интересовъ, но въ этомъ и заклю-

чается его сила. Благодаря этому, оно получило массовый характеръ и ростъ его не ограниченъ тѣми или иными взглядами или теоріями, потому что онъ вызывается требованіями жизни. Прежній Стожаровъ, во имя «узенькой пользы Ларьки, укравшему пѣгаго иноходца у его отца», приносилъ въ жертву самого себя и все свое состояніе. Это было очень возвышенно, но непрактично и вело въ большинствѣ случаевъ къ великому и горькому разочарованію. Современные Стожаровы, буде они объявились бы въ нашъ сухой вѣкъ, врядъ ли поступили бы такъ. И не одинъ только опытъ прошлаго удержалъ бы ихъ отъ этого, но и сознаніе, что путь филантропіи рѣдко приводитъ къ желанной цѣли, какъ ведущій почти всегда къ самообману, а не къ удовлетворенію тѣхъ, кого имѣется въ виду облагодѣтельствовать. Впрочемъ, надо правду сказать, трудно даже представить въ современной обстановкѣ какого-либо Стожарова. Его замѣнилъ заурядный интеллигентный работникъ, ищущій въ деревнѣ заработка и на этой почвѣ сливающійся съ народомъ, который гораздо лучше понимаетъ его въ такомъ видѣ и много больше отъ него получаетъ при этомъ.

«Народозаступничество», въ которомъ г. Меньшиковъ вполнѣ справедливо видитъ большую заслугу народничества, уступило теперь мѣсто *справедливости* по отношенію къ народу. Юзовскія мечтанія объ особенностяхъ «мірского» уклада были плодомъ горячаго сердца и полнаго невѣжества относительно этого уклада. Литература послѣднихъ двухъ десятилѣтій развѣяла туманъ, заволакивавшій деревню въ глазахъ интеллигенціи, и правда о народѣ разрушила народническую легенду, отчего обѣ стороны—и народъ, и интеллигенція—только выиграли.

«Миѳологія,—говоритъ г. Меньшиковъ въ статьѣ «Серпуховскій циникъ», вошедшей въ тотъ же сборникъ «Народные заступники»,—сопутствуетъ исторіи даже нашихъ дней, измѣнившихся лишь въ содержаніи. Волшебное, казавшееся въ древности возможнымъ, замѣнилось тѣмъ, что считается возможнымъ теперь и что, быть можетъ, сочтутъ невѣроятнымъ потомъ. Не только въ общенародной исторіи, но въ жизни какого хотите замкнутаго кружка, на глазахъ внимательныхъ наблюдателей, возникаютъ и вѣтвятся легенды, которыя, не будучи въ свое время опровергнуты, остаются какъ историческій матеріалъ. Иногда эти легенды носятъ мрачный характеръ; иногда, напротивъ, торжественный, иногда сентиментальный, комическій и т. д. Похвала и хула одинаково не чужды искаженія, панегиристы прибѣгаютъ ко лжи не рѣже, чѣмъ клеветники. Въ обоихъ случаяхъ, мнѣ кажется, страдаетъ то, что всего дороже въ жизни—*правда*. Поэтому, долгъ всѣхъ людей бороться съ миѳами своей эпохи и разрушать легенды при ихъ возникновеніи», и затѣмъ авторъ разрушаетъ одну удивительно комичную легенду о нѣкоемъ великомъ подвижникѣ, который жилъ на нашихъ глазахъ въ сердцѣ Россіи, подъ Москвою, и котораго, будто бы, проморгали черствые и безсердечные современники.

Эта легенда о какомъ-то князѣ Вяземскомъ очень характерна для недавняго настроенія, когда идея личнаго самоусовершенствованія затемнила на время вопросъ о важности общественныхъ реформъ и общественныхъ условій. Первый пустилъ въ оборотъ легенду какой-то г. М—фель, сообщившій въ «Русск. Вѣд.», что въ Серпуховѣ, на простой больничной койкѣ, скончался князь В. В. Вяземскій, жизнь котораго была сплошнымъ подвигомъ самоотверженной любви къ людямъ. «Еще въ 1856 г.,—по словамъ некролога,—князь поселился на живописныхъ берегахъ Нары, одинъ-одинешенекъ, въ дремучемъ лѣсу, въ уютномъ деревянномъ домикѣ и прожилъ здѣсь 30 лѣтъ, занимаясь чтеніемъ и работами, внося всюду свѣтъ, добро и живое человѣческое чувство. Князь былъ глубоко-гуманный человѣкъ съ самой нѣжной, отзывчивой душой, которая неотразимо вліяла на всѣхъ и привлекала къ себѣ

каждаго. Уважая выше всего человѣческую личность, ненавидя произволъ, хотя бы и легальный, князь еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ крестьянъ Бронницкаго и Серпуховскаго уѣздовъ, взявъ съ нихъ небольшой посильный выкупъ, который немедленно роздалъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ, входя во всѣ ихъ нужды. Зато и крестьяне боготворили своего батюшку-князя, они за счастье почитали поработать на него, дать ему пріютъ, накормить его въ хатѣ. Когда у князя не было пищи, онъ спускался къ берегамъ Нары и громко кричалъ: «хлѣба нѣтъ!» И всѣ наперерывъ спѣшили къ нему, такъ что князь шутя сравнивалъ себя съ пророкомъ Иліей, котораго кормили вороны, и считалъ это высшей своей гордостью. Онъ былъ геніальныхъ способностей какъ ко всякому мастерству, такъ и къ наукамъ. При феноменальной памяти обладалъ огромными познаніями въ естественныхъ наукахъ, ревностно слѣдилъ за всѣми успѣхами въ области химіи, физики, анатоміи и проч., удивляя своими познаніями спеціалистовъ и профессоровъ. Либиха, Менделѣева, Функе зналъ наизусть... До конца жизни жилъ съ простымъ народомъ душа въ душу. Чистый и дѣвственный во всѣхъ помыслахъ и дѣйствіяхъ, онъ не понималъ прелести богатства и собственности, и все раздавалъ друзьямъ и нуждающимся. Когда онъ умеръ, на похороны явилось духовенство, земцы и думцы, огромная толпа народа, даже маленькія дѣти проливали слезы о праведникѣ».

За первымъ извѣстіемъ вскорѣ появилась статья небезъизвѣстнаго г. Обнинскаго, которую,—по словамъ г. Меньшикова,—утомительно читать, до того въ ней великолѣпно расписанъ идеальный князь. Прошелъ годъ послѣ этой статьи, но извѣстій и новыхъ сообщеній о замѣчательномъ праведникѣ не появлялось, и лишь въ 1894 г. явилась цѣлая біографія князя въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», написанная г. Корсаковымъ—торжественная и не менѣе высокопарная, чѣмъ статья г. Обнинскаго. О князѣ заговорили, перепечатывали выдержки, стали сравнивать съ графомъ Л. Н. Толстымъ, даже превозносить его, какъ предвосхитившаго на практикѣ теоріи графа. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» то же не безъизвѣстный публицистъ г. Сементковскій воспарилъ по этому поводу духомъ и посвятилъ цѣлую статью, въ которой доказывалъ, что «графъ Толстой списалъ точка въ точку все свое ученіе» съ Вяземскаго.

Такъ обстояло дѣло до тѣхъ поръ, пока г. Меньшиковъ, заинтересованный всѣмъ тѣмъ шумомъ, не рѣшилъ произвести разслѣдованія на мѣстѣ жизни и дѣйствія праведнаго князя и то, что собралъ, не опубликовалъ къ великому удивленію однихъ и горькому разочарованію другихъ. Дѣйствительность превзошла всѣ подозрѣнія автора—до того она рѣзко расходилась съ некрологомъ г. М-феля, статьями гг. Обнинскаго, Корсакова, Сементковскаго и другихъ легковѣрныхъ распространителей свѣже созданной легенды. Слѣдить за подробнымъ и мелочнымъ разслѣдованіемъ автора утомительно, но нельзя не привести нѣкоторые отзывы бывшихъ крестьянъ князя, его современниковъ и очевидцевъ его подвижнической жизни. Г. Меньшиковъ оговаривается, что нѣкоторыхъ разсказовъ онъ не могъ привести, въ виду ихъ совершенно невозможнаго для печати содержанія.

«— Правда ли,—спрашиваю одного бывшаго крѣпостного,—будто князь жилъ какъ святой?

— Святой? Съ рогами, вотъ какой святой. Чортъ былъ, одно слово.

— Говорятъ, онъ любилъ своихъ крестьянъ, отпустилъ ихъ на волю...

— Любилъ! Хуже собакъ мы были у него... Я князя помню, когда мнѣ было 9 лѣтъ и до 23-хъ все при нихъ состоялъ. Меня, правда, онъ не билъ— разъ только отодралъ, да зубъ вышибъ, когда я еще совсѣмъ маленькимъ былъ. А другихъ и дня не было, чтобы не билъ...

— Кажинный день дралъ,—говорила бабка Анна.—Тутъ же передъ домомъ,

на травѣ, и самъ смотритъ, какъ дерутъ. Ѳедора, отца Прокопьева, засѣкъ до смерти. Драли такъ, что на рогожахъ уносили. И дѣвокъ драли, которыя ему не сдавались. Бѣгали отъ него, дѣвки то... Озорникъ былъ, хуже пьянаго... Мучитель былъ... Вотъ какъ измывался надъ нами... Дѣвокъ всѣхъ портилъ, ни одна не миновала, постоянно мѣнялъ... Малолѣтнихъ...»

Словомъ, картина, нарисованная бывшими крѣпостными, оказалась даже для того времени выдающеюся по безобразію и дикости. Послѣ освобожденія князь одичалъ окончательно, спился, промоталъ все, что получилъ при выкупѣ, и превратился въ бродягу, шляясь по округѣ, нищенствуя и прокармливаясь то у сосѣднихъ помѣщиковъ, то у бывшихъ своихъ крѣпостныхъ. Все поведеніе его вплоть до смерти,—умеръ онъ 82 лѣтъ,—было проникнуто открытымъ и наглымъ цинизмомъ, не щадившимъ ничего святого. Изъ массы собранныхъ свидѣтельствъ и показаній совершенно ясно, что это былъ выродившійся субъектъ, ненормальный во всѣхъ отношеніяхъ, задорливый, развратный, необыкновенно высокаго о себѣ мнѣнія, готовый всегда на любой скандалъ. Отсутствіе «задерживающихъ» центровъ довело-бы его до каторги, если бы не спасала вначалѣ безгласность крѣпостного времени, а потомъ добродушіе и распущенность русской провинціи, гдѣ многое сходитъ съ рукъ, въ особенности, когда бездѣльникъ осѣненъ столь громкимъ титуломъ, невольно импонирующимъ окружающимъ.

Какъ же, тѣмъ не менѣе, могла возникнуть легенда? Оказывается, что исключительно благодаря легковѣрію однихъ и недобросовѣстности другихъ. Одинъ изъ авторовъ легенды г. Корсаковъ, еще въ концѣ 70-хъ годовъ пустилъ статейку въ «Недѣлѣ» о нѣкоемъ добродѣтельномъ князѣ-крестьянинѣ, котораго онъ называетъ Пряниковымъ. По словамъ самого г. Корсакова (въ «Сѣв. Вѣстникѣ»), онъ имѣлъ намѣреніе этою статьей о князѣ Пряниковѣ вызвать большой шумъ въ печати и ослабить тогдашнее революціонное броженіе. Шума, однако, не вышло, и черезъ 18 лѣтъ г. Корсаковъ и К°. поднимаютъ старую затѣю, на этотъ разъ болѣе удачно, — почва была подготовлена, и ихъ сочиненная легенда о князѣ-праведникѣ совпала съ извѣстнымъ настроеніемъ.

Такое объясненіе успѣха легенды намъ кажется вполнѣ правильнымъ, что отчасти подтверждается курьезнымъ результатомъ разоблаченій г. Меньшикова. Противъ него возстали любители «насъ возвышающаго обмана», и одинъ изъ нихъ послалъ ему отчаянное письмо. «Зачѣмъ это разслѣдованіе? Для чего? Чтобы искать правду? Но кому нужна эта правда? И что пользы отъ этой правды? Одна правда, бѣдная, всѣми заѣзженная, всевыносящая правда! Знаете ли вы, какое впечатлѣніе произвели на насъ статьи Мантейфеля, Корсакова, Обнинскаго? Вѣдь они ободрили, подняли насъ духомъ, привели въ умиленіе, оживили нашу вѣру въ человѣка, окрылили надеждами на лучшее будущее, открыли предъ омраченнымъ, затосковавшимъ взоромъ такія чудныя перспективы... И вдругъ... вдругъ все разсыпалось въ прахъ передъ нами! Только ложь, значитъ, осталась, наглая, вопіющая ложь, возведенная на пьедесталъ чуть ли не святого подвижничества! Тяжко, тоскливо, обидно!.. Это называется спасительнымъ отрезвленіемъ, молъ, правда прежде всего, а не иллюзія! Правда житейская, пошлая, реальная правда, правда ограниченнаго пошлаго разсудка даже тамъ, гдѣ все неуловимо, иллюзіи, мечты и чудные сны, подвластные совершенно инымъ законамъ, чѣмъ наша мизерная, ограниченная, жалкая жизнь! Ахъ, эта правда, правда Писаревская, правда Базарова, правда, вся проникнутая бездушіемъ, желчью и злобою!.. Чѣмъ мѣшала вамъ эта хорошая, чудная иллюзія въ жизни? Что бы и мы, и оберегаемая вами госпожа Истина потеряли бы, если бы этотъ «насъ возвышающій обманъ» и остался бы обманомъ?»..

Этотъ вопль удрученнаго правдой сердца лучше всего доказываетъ, насколько лживая и сознательная выдержка сочинителей легенды о князѣ-праведникѣ совпала съ опредѣленнымъ настроеніемъ, которое по существу не выноситъ истины.

разъ она разбиваетъ его, мѣшаетъ предаваться духовному квіэтизму. Правда требуетъ борьбы во имя свое со всѣмъ тѣмъ, что противорѣчитъ ей, легенда умиротворяетъ, баюкаетъ, какъ сказка, позволяетъ смотрѣть на окружающую гнусность сквозь розовые очки вымысла. Значитъ, думаетъ очарованное легендой обывательское сердце, не все такъ плохо, если возможны такіе очаровательные мужи, какъ князь Пряниковъ, и радуется обывательское сердце, что ему можно пребывать въ покоѣ, не терзаясь мучительными думами о разныхъ текущихъ злобахъ.

Отповѣдь, данная г. Меньшиковымъ, подчеркиваетъ одну особенность русской жизни, сближающую насъ съ китайцами, именно «лживость русскихъ людей». Онъ приводитъ любопытные отзывы по этому поводу Лѣскова, Достоевскаго, Аксакова, Тургенева и другихъ видныхъ писателей. Самъ онъ не рѣшается дать объясненіе этому факту, указывая только на долголѣтнее рабство, въ которомъ пребывалъ весь народъ. Пожалуй, правъ г. Меньшиковъ, и боязнь правды, какъ продуктъ нашей общественности, долго еще будетъ мѣшать всякаго рода «дознанію», и много еще разныхъ легендъ будутъ жить долго въ нашемъ сознаніи, огражденныя страхомъ—разсѣять возвышающую душу иллюзію. Китайщина вообще сидитъ прочно и вышибить ее дѣло не легкое. Г. Меньшиковъ считаетъ «дознаніе» величайшимъ дѣломъ литературы, и онъ тысячу разъ правъ, но именно въ этомъ дѣлѣ ей и приходится преодолѣвать величайшія трудности. Какъ на образчики такихъ дознаній, онъ указываетъ на двѣ превосходныя книги—«Голодный годъ» г. Короленки и «Островъ Сахалинъ» г. Чехова. Книги, дѣйствительно, удручающія своею правдой, но, смѣемъ думать, въ нихъ далеко не вся правда, которую эти писатели хотѣли и могли бы сказать.

Въ іюльскомъ нумерѣ англійскаго «Атенеумъ» находимъ снова отчетъ г. Бальмонта о русской литературѣ за годъ. По обыкновенію, г. Бальмонтъ преподноситъ англичанамъ рядъ откровеній, весьма оригинальныхъ для русскаго читателя, хотя, надо замѣтить, на этотъ разъ г. Бальмонтъ много скромнѣе.

Свой отчетъ авторъ начинаетъ съ вылазки противъ русской критики, слишкомъ «филистерской», чтобы достойно оцѣнить новыя теченія въ литературѣ. Коснувшись небрежно пушкинскихъ празднествъ прошлаго года и съ снисходительной похвалой отозвавшись о «Воскресеніи» Толстого, г. Бальмонтъ останавливается на «Ѳомѣ Гордѣевѣ» г. Горькаго, къ которому относится съ нѣкоторымъ даже почтеніемъ, сравнивая его съ Чеховымъ. Но едва ли польститъ г. Горькому сопоставленіе его съ г. Ясинскимъ, котораго г. Бальмонтъ вообще превозноситъ неоднократно и многообразно. По его отзыву, г. Ясинскій, это авторъ, обладающій «богатыми красками и поэтическимъ чувствомъ». Столь же лестно выражается онъ и о г. Минскомъ, «талантливомъ авторѣ философскаго произведенія «Въ свѣтѣ совѣсти», написавшемъ драму «Альма», интересную по содержанію, но вызвавшую нападки «либеральной» критики, которая никогда не упускаетъ случая щипнуть этого высоко образованнаго и интереснаго писателя, идущаго всегда своей собственной дорогой». Что г. Минскому досталось за его «Альму», это правда. Но при чемъ тутъ «либерализмъ»? Ни одинъ критикъ не разсматривалъ этого удивительнаго произведенія съ либеральной или реакціонной точки зрѣнія, а исключительно съ художественной стороны. Что послѣдняя не удовлетворительна, косвенно подтверждаетъ и самъ г. Бальмонтъ, ограничившись отзывомъ объ «Альмѣ»—«интересная», хотя для «своихъ» онъ не щадитъ красокъ вообще.

Далѣе мы узнаемъ, что «въ жизни современныхъ русскихъ поэтовъ замѣтна нѣкоторая перемѣна, выразившаяся въ томъ, что въ Петербургѣ возникъ поэтическій клубъ, основанный К. К. Случевскимъ, лучшимъ изъ современныхъ русскихъ поэтовъ. Въ Москвѣ возникло общество для изданія книгъ, называемое «Скорпіонъ», вокругъ котораго сгруппировались молодые поэты. Клубъ г. Случевскаго рѣшилъ, по его мысли, издавать каждый годъ литературный альманахъ, составляемый изъ произведеній членовъ клуба. Въ прошломъ году былъ

выпущенъ сборникъ подъ названіемъ «Денница». Къ сожалѣнію, содержаніе по большей части слабо. Единственно, что заслуживаетъ нашего вниманія, это поэмы Соллогуба и Ясинскаго, разсказъ послѣдняго и нѣкоторыя страницы повѣсти въ стихахъ М. Лохвицкой... Вокругъ «Скорпіона», стремящагося къ новому теченію въ литературѣ, группируются слѣдующіе молодые поэты и переводчики: Валерій Брюсовъ, Балтрушайтисъ, Поляковъ и другіе. Они посвятили себя созданію оригинальныхъ и переводу иностранныхъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ символизму и импрессіонизму, которые русская публика находитъ интересными, не смотря на нападки журналистовъ». Самое интересное для насъ здѣсь—это извѣщеніе о «Скорпіонѣ». Къ великому стыду своему, мы должны признаться, что нарожденіе «Скорпіона» прозѣвали, и имена знаменитыхъ молодыхъ поэтовъ Балтрушайтисъ и Поляковъ ничего не говорятъ нашему сердцу. Г. Брюсова мы помнимъ: кажется, это ему принадлежитъ безсмертное произведеніе, заключающееся всего въ одномъ, но по выразительности несравненномъ стихѣ: «О, закрой твои блѣдныя ноги». Писалъ ли что потомъ этотъ авторъ, или, создавъ это, никѣмъ еще не превзойденное твореніе, онъ изнемогъ и ослабѣлъ,—не знаемъ. Изъ этого признанія г. Бальмонтъ можетъ усмотрѣть, что далеко не вся журналистика повинна въ нападкахъ на «Скорпіона», которому да сулятъ боги долгіе дни и всяческое процвѣтаніе, не смотря на ядовитое имя его.

Затѣмъ г. Бальмонтъ сообщаетъ, что «привлекалъ вниманіе также новый журналъ «Ежемѣсячныя сочиненія», издаваемый г. Ясинскимъ. Онъ посвященъ литературнымъ вопросамъ, и одинъ тотъ фактъ,—увѣряетъ англичанъ г. Бальмонтъ,—что руководитъ имъ такой прекрасный художникъ слова, какъ г. Ясинскій, служитъ его лучшей рекомендаціей». И опять приходится констатировать наше литературное невѣжество: ни одна книга «Ежемѣсячныхъ сочиненій» г. Ясинскаго не попала намъ въ руки. Жалѣемъ, поэтому, что г. Бальмонтъ не даетъ болѣе подробной характеристики этого журнала. Можетъ быть, мы бы и соблазнились тогда. Для англичанъ, простодушно вѣрящихъ каждому слову г. Бальмонта, его отзыва о журналѣ, пожалуй, достаточно, но русскіе читатели не разъ имѣли случай подивиться «богатству красокъ» и «поэтическому чувству» г. Ясинскаго и потому такая сжатая характеристика можетъ имѣть какъ разъ обратное значеніе.

Перечисливъ къ концѣ разныя научныя и публицистическія сочиненія, вышедшія въ теченіе года, г. Бальмонтъ заключаетъ отчетъ радостнымъ возгласомъ: «Вообще говоря, я нахожу, что закончившійся сезонъ проявилъ больше жизни, чѣмъ предъидущій. Неизбѣжная рознь между «отцами» и «дѣтьми» повышала температуру журнальной жизни. Къ несчастью, противники всего новаго въ литературѣ, видящіе смертный грѣхъ въ созданіи новыхъ формъ поэтическаго творчества, продолжаютъ быть умственно убогими и встрѣчаютъ вѣчную борьбу идей градомъ нападокъ. Но молодость должна быть молода, и никакіе крики не помѣшаютъ намъ праздновать нашъ поэтическій май».

Отчеты г. Бальмонта хороши въ одномъ отношеніи: изъ нихъ всегда узнаешь что-либо новенькое по части русскаго литературнаго міра. Мы бы такъ и прозѣвали «поэтическій май», наступившій въ истекшемъ году на русскомъ Парнасѣ,—событіе немаловажное и обѣщающее столь много въ будущемъ. Но еще болѣе надеждъ возбуждаетъ «Скорпіонъ», руководимый столь именитыми и достославными поэтами, какъ гг. Балтрушайтисъ и Поляковъ. Русскіе журналисты, занятые вѣчными спорами о своихъ «матеріяхъ важныхъ», ни однимъ словомъ не обмолвились о нарожденіи этого новаго созвѣздія на нашемъ небосклонѣ, и не будь г. Бальмонта, мы такъ и не знали бы ничего, что творится въ предѣлахъ русской музы.

Большое спасибо г. Бальмонту за эти открытія, за «Скорпіона» въ особенности.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ. Въ текущемъ году въ сентябрѣ открываются высшіе женскіе курсы, объ устройствѣ которыхъ «Русск. Вѣд.» сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія.

На высшіе женскіе курсы въ Москвѣ принимаются слушательницами лица, окончившія курсъ въ восьмиклассной женской гимназіи министерства народнаго просвѣщенія или въ женской гимназіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи или въ институтѣ, а также въ равномъ съ оными по правамъ женскомъ учебномъ заведеніи. Слушательницы, не имѣющія возможности жить въ своей семьѣ, должны жить въ общежитіи. На курсахъ два отдѣленія: историко-филологическое и физико-математическое. Курсъ четырехлѣтній. Плата 100 р. въ годъ, а годовая плата въ общежитіи 300 р. Лица, желающія поступить на курсы, должны прислать по почтѣ заявленіе объ этомъ на имя директора курсовъ не позднѣе 1-го августа, съ указаніемъ: 1) въ какомъ учебномъ заведеніи онѣ получили образованіе; 2) въ какомъ году окончили курсъ, 3) какое получили свидѣтельство или аттестатъ; 4) на какое отдѣленіе курсовъ желаютъ поступить и 5) точное обозначеніе своего адреса. Заявленія должны быть адресованы въ канцелярію попечителя учебнаго округа съ надписью «На высшіе женскіе курсы» и съ приложеніемъ почтовой марки для отвѣта.

Лица, которыя на основаніи этихъ заявленій будутъ приняты на курсы, получатъ объ этомъ извѣщеніе къ 20-му августа, съ указаніемъ, какія бумаги и куда онѣ должны представить. Число ежегодно вновь принимаемыхъ опредѣляется въ 150 человѣкъ.

Помѣщеніе для курсовъ нанято въ домѣ Гиршъ, въ Мерзляковскомъ пер., гдѣ была прежде 4-я женская гимназія. Тамъ же будетъ и общежитіе для лицъ, не имѣющихъ возможности жить въ семьѣ. По положенію, плата въ общежитіи установлена въ 300 р. за учебный годъ, но въ дѣйствительности ежемѣсячная плата можетъ быть понижена до 22 руб.,—что въ 9 учебныхъ мѣсяцевъ составитъ 200 р.,—благодаря попеченіямъ особаго общества, которое взялось за это дѣло.

Что касается до программы чтеній, то полныя свѣдѣнія о ней могутъ быть сообщены лишь по утвержденіи ея. Какъ мы слышали, при составленіи ея были приняты въ руководство слѣдующія три педагогическихъ соображенія: соразмѣрность ея съ силами слушательницъ, строгая послѣдовательность въ расположеніи предметовъ чтеній и концентрація ихъ для того, чтобы всѣ части общаго плана были въ тѣсной связи и взаимно помогали пониманію ихъ. Въ первомъ отношеніи нормальнымъ числомъ признаны три лекціи въ день, 18 въ недѣлю. Лекціи будутъ читаться отъ 10 до 1 часа. Но слушательницамъ

придется тратить, кромѣ того, не мало времени на изученіе языковъ и на домашнія занятія, для руководства которыми имѣются въ виду въ послѣобѣденное и вечернее время особыя практическія занятія (семинаріи) по исторіи и литературѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ директора. Что касается до послѣдовательнаго расположенія преподаванія, то на историческомъ отдѣленіи оно обусловливается хронологическимъ отношеніемъ частей програмы: три главныя эпохи въ исторіи человѣчества — древность, средніе вѣка и новое время—будутъ составлять предметъ изученія на трехъ первыхъ курсахъ, четвертый—будетъ предоставленъ изученію спеціальностей. Такимъ образомъ занятія на первомъ курсѣ будутъ сосредоточены на изученіи древняго міра, что въ педагогическомъ отношеніи признается удобнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одна сторона жизни древняго міра не будетъ упущена изъ вниманія. Такъ какъ жизнь народовъ, кромѣ ихъ политической исторіи, выражается въ ихъ духовномъ творчествѣ, то исторія грековъ и римлянъ будетъ обставлена исторіей ихъ религіи, философіи, искусства и литературы; каждому изъ этихъ предметовъ отводится по два часа (миѳологіи 1, итого 11 лекцій). Къ этому присоединяется еще на первомъ курсѣ изученіе русской исторіи и литературы— 4 часа. Всего съ богословіемъ и логикой—18 часовъ. На физико-математическомъ отдѣленіи преподаваніе (за исключеніемъ языковъ) займетъ 21—22 часа. Но въ это число войдетъ нѣсколько часовъ практическихъ занятій. Въ первомъ полугодіи будетъ обращено особенное вниманіе на то, чтобы укрѣпить познанія въ элементарныхъ свѣдѣніяхъ и подравнять въ этомъ отношеніи слушательницъ—необходимое условіе дальнѣйшаго научнаго преподаванія. На первомъ курсѣ будутъ преподаваться слѣдующіе университетскіе предметы: введеніе въ анализъ, физика и неорганическая химія. О преподаваніи естественныхъ наукъ на дальнѣйшихъ курсахъ состоится особое обсужденіе и ходатайство. Мы слышали, что преподаваніе на курсахъ предложено профессорамъ московскаго университета и что никто изъ нихъ отъ него не отказался.

Дѣти рабочихъ и городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. Подъ такимъ заглавіемъ русское техническое общество издало брошюру И. Ѳ. Горностаева, въ которой собраны весьма поучительныя данныя о положеніи дѣтей рабочихъ въ Москвѣ. Заимствуемъ изъ этой брошюры нѣкоторыя свѣдѣнія, имѣющія несомнѣнно общій интересъ, такъ какъ рисуемое г. Горностаевымъ положеніе вовсе не представляетъ чего-либо исключительнаго, присущаго только Москвѣ.

Дѣти рабочихъ живутъ и воспитываются при крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Наиболѣе пагубными для дѣтей являются *жилища*, въ коихъ протекаетъ ихъ жизнь, находящіяся въ самомъ ужасномъ состояніи; это, поистинѣ, *трущобы*, какъ мѣтко характеризуетъ ихъ Басманное попечительство.

Въ отчетахъ едва ли не всѣхъ попечительствъ изъ года въ годъ констатируется мрачная картина этихъ трущобъ. «Весь этотъ бѣдный людъ ютится по смраднымъ, сырымъ, большею частью подвальнымъ помѣщеніямъ, не удовлетворяющимъ самымъ примитивнымъ санитарнымъ и гигіеническимъ требованіямъ». «Наибольшая часть (48,1%) бѣдныхъ жила на койкахъ и въ углахъ сырыхъ и холодныхъ подваловъ, платя отъ 1 до 4 р. за койку и отъ 2 до 5 р. въ мѣсяцъ за уголъ. Многіе изъ бѣдныхъ, вслѣдствіе высокихъ для нихъ цѣнъ за такія помѣщенія, вынуждены бываютъ ютиться съ цѣлой семьей въ какомъ-нибудь темномъ и зловонномъ углу или довольствоваться одной койкой на нѣсколько человѣкъ». «Жизнь всѣхъ ихъ (бѣдняковъ) обставлена особенно плохо, благодаря отсутствію сносныхъ квартиръ; углы и каморки въ домахъ, въ которыхъ они ютятся по берегу рѣки Москвы, разстраиваютъ ихъ здоровье, демора-

лизуютъ нерѣдко нравственно, особенно дѣтей». «Живутъ такія семьи въ тѣсныхъ, темныхъ и грязныхъ, часто сырыхъ углахъ, съ малымъ количествомъ воздуха и дневного свѣта, внѣ всякихъ санитарныхъ условій; оборванныя, голодныя, больныя дѣти представляютъ собой самое печальное зрѣлище». «Дѣтямъ приходится расти въ до-крайности дурныхъ условіяхъ какъ въ гигіеническомъ, такъ и нравственномъ отношеніяхъ». «На долю бѣдняковъ во 2-мъ и 3-мъ уч. Сущевской части приходится «совершенно неустроенныя заокраины города, въ которыя не проникалъ еще свѣтъ керосиноваго фонаря (Ямское поле и Слободка), гдѣ нѣтъ ни мостовыхъ, ни тротуаровъ и постовъ городовыхъ».

Нельзя обойти молчаніемъ удручающую картину жизни на Хитровомъ рынкѣ; она уже много разъ воспроизводилась въ повременной печати по даннымъ извѣстнаго изслѣдованія Хитрова рынка 1897 г.; поэтому, ограничимся конечнымъ выводомъ изслѣдованія, что «Хитровъ рынокъ представляетъ самую ужасную язву всего города. Все хитровское населеніе переполняетъ мѣстные ночлежные дома до невѣроятной степени и находится въ бѣдственномъ состояніи, претерпѣвая лишенія вслѣдствіе крайней недостаточности воздуха и антисанитарныхъ условій жилищныхъ помѣщеній, питаясь недоброкачественными продуктами и проживая при условіяхъ, вызывающихъ порчу нравовъ, потерю работоспособности и пониженіе качества труда».

Питаніе бѣдныхъ дѣтей, какъ и ихъ родителей, крайне неудовлетворительное. Больно отзывается на сердцѣ такая, къ несчастью, заурядная картина: «дѣти оборванныя, голодныя, въ квартирѣ не топлено, ѣсть нечего»... Въ особенности плохо питаніе хитровскихъ дѣтей («огольцовъ»). «Обѣдать имъ приходится въ рѣдкихъ случаяхъ, когда благотворители заказываютъ обѣды въ харчевняхъ. Большею частью огольцы ѣдятъ то, что другими выбрасывается, и зачастую отнимаютъ у пьяныхъ нищихъ собранные ими куски хлѣба; вообще же они бываютъ вѣчно голодными».

Въ особенности горька участь дѣтей, брошенныхъ родителями на произволъ судьбы. Вотъ характерная исторія мальчика-скитальца. «Днемъ, по выраженію сосѣдей, онъ живетъ на Москвѣ рѣкѣ, ночью же скитается по квартирамъ бѣдняковъ; бывали случаи, что его не пускалъ къ себѣ никто, и тогда ему оставалось ночевать въ холодныхъ корридорахъ... Одинъ разъ его нашли утромъ почти совсѣмъ закоченѣвшимъ». На время его пріютила въ корыстныхъ цѣляхъ одна женщина, которая посылала его работать въ театръ Омона, «но когда онъ одинъ разъ не принесъ ей пятиалтыннаго, она выгнала его на улицу». Надо замѣтить, что изъ Проточнаго и смежнаго съ нимъ переулковъ много мальчиковъ набирается въ театръ Омона въ статисты. Мальчики должны являться въ театръ въ опредѣленномъ числѣ и взамѣнъ кого-либо отказавшагося должны найти другого; въ вечеръ имъ платятъ по 15 к.

Никто не повѣритъ, какъ велико число матерей съ незаконнорожденными дѣтьми, брошенными на произволъ судьбы отцомъ, который проживаетъ иногда невдалекѣ съ хорошимъ заработкомъ или даже въ довольствѣ. Такихъ дѣтей, напр., въ Басманномъ попечительствѣ въ 1898 г. было 101 изъ 803, т.-е. 12% общаго числа дѣтей просителей.

По-истинѣ, «горькую скорбь и ужасъ» вызываетъ участь дѣтей, погибающихъ въ мрачныхъ трущобахъ Хитрова рынка. Невыразимо тяжелое впечатлѣніе остается послѣ посѣщенія хитровскихъ берлогъ, когда видишь несчастныхъ дѣтей затерянными въ развращающей толпѣ ночлежнаго люда, среди самой удручающей обстановки.

Въ ночлежныхъ домахъ Хитрова рынка было зарегистрировано около 220 дѣтей. Легко представить, что при постоянномъ притокѣ новыхъ лицъ цифра всѣхъ дѣтей, которыя перебываютъ въ этой средѣ въ теченіе цѣлаго года, получится огромная, внушительная. По причинамъ появленія дѣтей можно сгруп-

пировать въ 3 категоріи. «Одни изъ нихъ родились на Хитровкѣ и, не будучи отданы въ Воспитательный домъ, остались при своихъ родителяхъ и продолжаютъ жить здѣсь вмѣстѣ съ ними или съ родственниками, а иногда и съ чужими людьми, принявшими ихъ на свое попеченіе, по большей части изъ корыстныхъ видовъ, напримѣръ, ради удобнѣйшаго сбора подаяній «на ребеночка». Другія убѣжали отъ родителей, изъ мастерскихъ и изъ прислуги, «чаще всего вслѣдствіе жестокаго и дурного обращенія съ ними». Третьи появились здѣсь «какъ-то случайно: они даже не помнятъ, откуда пришли, или не хотятъ о томъ сказать, или же, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ не знаютъ, кто ихъ родители». Къ одной изъ указанныхъ категорій слѣдуетъ отнести и мальчика N, убѣжавшаго изъ музыкантской команды, по его словамъ, въ виду суроваго режима. Какъ видно изъ текста условія (отгектографированнаго), заключаемаго родителями дѣтей съ полкомъ, учащіяся въ музыкантской командѣ дѣти до 17 лѣтъ могутъ быть наказываемы розгами до 15 ударовъ *).

Прослѣдимъ, чему учитъ ребенка хитровская жизнь. «Утромъ онъ видитъ пьянство, въ полдень и вечеромъ то же, и даже ночью отъ пьяныхъ нѣтъ покоя. Передъ нимъ постоянно происходятъ сцены самаго разнузданнаго разврата, самаго безшабашнаго распутства. Никто изъ живущихъ не обращаетъ на то никакого вниманія, какъ будто все это такъ и нужно, такъ и должно быть. Воры называютъ кражи «покупками», краденое—«товаромъ». Совершенно понятно, что ребенокъ, воспитанный «такой матерью»—окружающей его хитровской средой, получаетъ свойственное ей представленіе о жизни и понятія, не сходящіяся съ обычной этикой, не различаетъ добра отъ зла, а если онъ раньше умѣлъ это дѣлать, то сбивается съ толку и перестаетъ отличать хорошее отъ дурного, дозволенное отъ недозволеннаго. Для такого воспитанника удачная кража—это только ловкое и легкое пріобрѣтеніе». Обыкновенно, «старый воръ дружится съ какимъ-нибудь мальчикомъ, потомъ беретъ его съ собой... Ребенокъ, подчиняясь своему руководителю, совершаетъ кражу и все похищенное передаетъ въ руки учителя. Такъ вырабатывается изъ ребенка настоящій воръ, которыхъ такъ много на Хитровкѣ».

Еще быстрѣе совершается паденіе дѣвочекъ. «Минотавровъ слишкомъ много на Хитровкѣ, какъ и внѣ ея. Конечно, все совершается въ пьяномъ видѣ, но

---

*) Приводимъ это весьма характерное условіе полностью. «189 года дня, я, нижеподписавш заключил сіе условіе съ (такимъ-то) полкомъ въ томъ, что отдаю моего въ (такой-то) полкъ для обученія его въ музыкантской командѣ игрѣ на одномъ изъ инструментовъ, срокомъ на лѣтъ, безъ всякой платы отъ полка, но съ тѣмъ, чтобы въ теченіе всего времени продовольствіе и одежда его были бы отъ полка, я же съ своей стороны не имѣю права взять своего изъ полка ранѣе истеченія полныхъ лѣтъ. При переводѣ полка на другія квартиры (кромѣ военнаго похода) онъ мой обязанъ слѣдовать за полкомъ всюду. Въ случаѣ желанія моего взять изъ полка ранѣе окончанія лѣтъ, я обязан заплатить полку неустойку по разсчету девяносто рублей за каждый годъ, проведенный моимъ въ полку, и не имѣю права взять его изъ полка, пока не внесу всѣхъ денегъ. мой обязанъ жить въ казармѣ музыкантской команды и отлучаться изъ команды можетъ только съ разрѣшенія своего начальства. Всѣ правила военной дисциплины и всѣхъ военныхъ порядковъ обязательны для моего наравнѣ съ находящимися на дѣйствительной службѣ. За всякое нарушеніе этихъ правилъ Полковой Адъютантъ можетъ наложить на моего взысканіе, которому послѣдній обязанъ подчиниться безропотно. Полкъ же, найдя почему-либо неудобнымъ содержать моего , имѣетъ право во всякое время вернуть его ко мнѣ и контрактъ нарушить безъ всякой отвѣтственности съ своей стороны. При неисправно-дурномъ поведеніи моего, или при его поступкѣ, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ, мой можетъ быть подвергнутъ ударамъ розогъ до 17-лѣтняго возраста, но не болѣе, какъ до 15 ударовъ, каждый разъ властью Командира полка; въ случаѣ самовольной отлучки изъ команды моего я обязуюсь добровольно доставить его обратно, въ противномъ случаѣ издержки полка я обязуюсь заплатить».

главнымъ виновникомъ является та подготовка къ разврату, которую волей-неволей приходится получать питомцамъ Хитровки. Ежедневныя сцены разнузданнаго распутства мало-по-малу убиваютъ чувство отвращенія къ нему, если таковое и было у ребенка. А тутъ еще спѣшатъ на погибель ребенку разныя «благодѣтельницы», въ родѣ квартирныхъ хозяевъ или старыхъ проститутокъ, которыя наглядными примѣрами докажутъ ему, что развратъ вовсе не порокъ, а самое обычное житейское явленіе, что послѣднее необходимо и неизбѣжно, что иначе и жить нельзя. И только впослѣдствіи, по понятіямъ внѣ-хитровскимъ, это дѣтище узнаетъ, что нѣкоторыя вещи считаются безнравственными, дурными, хотя на самой Хитровкѣ дурными ихъ не признаютъ».

Статистическія данныя о дѣтяхъ неимущихъ классовъ въ Москвѣ крайне не полны; цифры переписи 1882 г. совершенно устарѣли, а за 1897 г. ихъ еще нѣтъ. Имѣются лишь данныя о дѣтскомъ населеніи коечно-каморочныхъ квартиръ по городскому обслѣдованію въ 1898—1899 г.: изъ 181.000 всѣхъ жителей этихъ квартиръ дѣтей моложе 14 лѣтъ 39.700 чел., т.-е. почти 22%. Но эта цифра еще не даетъ представленія о численности всего интересующаго насъ контингента, такъ какъ изслѣдованіе не коснулось ни фабричныхъ, живущихъ на фабрикахъ и заводахъ, ни ремесленниковъ и ихъ рабочихъ, живущихъ при ремесленныхъ заведеніяхъ.

Большой интересъ представляютъ *результаты спеціальнаго изслѣдованія Пречистенскаго попечительства о положеніи народнаго образованія* среди бѣдныхъ жителей Пречистенской части въ 1896 г., такъ какъ полученныя данныя могутъ быть признаны до нѣкоторой степени типичными и для другихъ частей Москвы. Всѣхъ *получившихъ образованіе*—1.095 чел. Большинство училось внѣ Москвы—57,8%, въ Москвѣ же остальные 42,2%. Сравненіе отдѣльныхъ категорій учившихся показываетъ, что «городскія и земскія школы, наиболѣе хорошо поставленныя и наиболѣе правильно функціонирующія, далеко не удовлетворяютъ всего спроса населенія на начальное образованіе». Въ первыхъ обучалось лишь 29,1% и во вторыхъ 33,9%. «Цѣлые 37% должны были ограничиваться обученіемъ въ школахъ большею частью низшаго типа (церковно-приходскихъ 18,5%, пріютскихъ и благотворительныхъ 4.3%), или же принуждены были отдавать своихъ дѣтей въ частныя школы (3,4%) или обучать ихъ дома и у частныхъ лицъ (9,4%). Очевидно, что качество образованія, полученнаго этими 37%, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, очень не велико».

Время обученія, въ среднемъ, составляетъ около $2^1/_2$ л., что для сельскихъ школъ, при ихъ краткосрочномъ учебномъ періодѣ, въ сущности, сводится къ одному году съ небольшимъ. «Легко можно себѣ представить, какъ ничтожны тѣ знанія, которыя могутъ быть пріобрѣтены въ такой краткій періодъ времени».

Съ цѣлью выяснить условія труда и быта *учениковъ ремесленныхъ заведеній* и тѣмъ самымъ опредѣлить, насколько они нуждаются въ помощи попечительства, Пречистенское попечительство въ концѣ 1897 года произвело въ своемъ районѣ изслѣдованіе въ 241 заведеніи съ 692 ремесленными учениками. Огромная часть заведеній оказалась въ антисанитарномъ состояніи: сырость, мало свѣта, спертый воздухъ; притомъ многія помѣщаются въ подвалахъ—24,6%. Въ 46% случаевъ ученики ѣдятъ въ самыхъ мастерскихъ, а въ 56,2% и спятъ въ мастерскихъ: на столахъ, верстакахъ и т. п. Здѣсь они подвергаются вредному вліянію удушливыхъ испареній, угару и металлической пыли отъ работы. Въ 43,8% заведеній ученики спятъ въ особыхъ спальняхъ или въ случайныхъ помѣщеніяхъ (въ кухнѣ, корридорѣ, подъ лѣстницей и т. п.), конечно, безусловно негигіеничныхъ, съ крайне недостаточ-

нымъ количествомъ воздуха, спускающимся до поразительно ничтожныхъ цифръ, какъ 3,4 куб. метра (у полотеровъ) и 2,6 (у прачекъ).

Рабочій день учениковъ длится вообще 13,4 ч., а за вычетомъ всѣхъ паузъ—11,7 часа; это среднее число колеблется по роду работы отъ 9,8 ч. (у полотеровъ) до 15 ч. (у бондарей, рамочниковъ и токарей). Въ булочныхъ констатируются наиболѣе тяжелыя условія труда: 17-ти-час. рабочій день, а за вычетомъ паузъ 14 час., отягчаемыхъ ночной работой. 16-ти-час. рабочій день (14—14,5 час. чистой работы) встрѣчается весьма нерѣдко, чаще всего въ сапожныхъ и прачечныхъ заведеніяхъ. Въ 22,2% заведеній работа бываетъ и по праздникамъ. Кромѣ того, передъ праздниками Рождества и Пасхи и въ началѣ сезона происходитъ усиленная работа (въ 44,4% заведеній, преимущественно модныхъ и портновскихъ). Тѣмъ ученикамъ, у которыхъ родители живутъ внѣ Москвы или умерли (а такихъ 56,2%), «поневолѣ приходится и въ праздники оставаться въ заведенія».

Принимаются ремесленные ученики въ заведенія обыкновенно по словесному условію, на 4—5 лѣтъ и обучаются безплатно; по окончаніи ученія нерѣдко дается «на выходъ» 15—25 руб. «Это доказываетъ, что, несмотря на частыя увѣренія хозяевъ въ противномъ, трудъ учениковъ является для нихъ во всякомъ случаѣ выгоднымъ, какъ даровая рабочая сила».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести интересныхъ данныхъ о дѣятельности попечительствъ по охранѣ несчастныхъ дѣтей. Отсылаемъ, поэтому, читателей къ самой брошюрѣ, высоко интересной во многихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что цѣль изданія благотворительная и весь доходъ идетъ на тѣхъ же дѣтей. Цѣна 35 к.

Посемейное призрѣніе душевнобольныхъ въ г. Балахнѣ. Вопросъ о посемейномъ призрѣніи душевнобольныхъ былъ возбужденъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ нижегородскомъ губернскомъ земствѣ. Какъ дѣло новое и въ Россіи еще не практиковавшееся, это возбуждало много опасеній. Въ концѣ концовъ рѣшено было въ видѣ опыта устроить колонію душевнобольныхъ въ городѣ Балахнѣ. Въ «Ниж. Листкѣ» помѣщено описаніе этого опыта, имѣющаго огромное значеніе для губернскихъ земскихъ домовъ для душевнобольныхъ. Дома эти переполнены и содержаніе больныхъ просто ужасно, вслѣдствіе невозможности содержать хорошо огромное количество больныхъ, за тѣснотою и плохимъ вообще устройствомъ помѣщеній, старыхъ, перешедшихъ еще отъ бывшихъ приказовъ призрѣнія. Выселеніе значительной части больныхъ въ колонію представляется во всѣхъ отношеніяхъ выгоднымъ. Весь вопросъ въ томъ, насколько поселеніе такихъ больныхъ на свободѣ окажется безопаснымъ и для нихъ, и для мѣстнаго населенія.

Пріемный покой балахнинской колоніи устроенъ въ городѣ Балахнѣ и служитъ центромъ, откуда идутъ распоряженія врача и ведется наблюденіе за больными, прежде чѣмъ отдать ихъ на руки. Больные размѣщаются въ пригородѣ, с. Кубинцевѣ. Лѣтъ 15-ть назадъ Балахна была оживленнымъ и промышленнымъ городомъ, благодаря заводу минеральныхъ маслъ товарищества Рагозинъ и К°. Съ прекращеніемъ дѣятельности завода Балахна пришла въ упадокъ, и теперь только останки завода—красныя трубы среди заросшей зеленою порослью площади завода—напоминаютъ о минувшемъ оживленіи. Отъ времени его въ низшихъ слояхъ населенія уцѣлѣли кое какія привычки зажиточной жизни, захватившія и пригородъ Балахны село Кубинцево. Живутъ здѣсь довольно чисто, хотя и бѣдно. Мужское населеніе Балахны работаетъ лѣтомъ на Волгѣ, а изъ Кубинцева расходятся на плотничныя работы въ разныя стороны, между прочимъ и въ Сибирь. Женское населеніе и въ Балахнѣ и въ Кубинцевѣ занято стариннымъ, но теперь совершенно упавшимъ

кустарнымъ промысломъ плетенья кружевъ. Пашутъ землю здѣсь немногіе. Тихая, однообразная жизнь, вслѣдствіе экономическаго упадка этой мѣстности просторные пустующіе дома; согласіе самихъ жителей, близость къ Нижнему и удобство сообщенія (2 часа ѣзды на пароходѣ)—заставили признать Балахну подходящимъ мѣстомъ для опыта посемейнаго призрѣнія.

Въ наше посѣщеніе въ пріемномъ покоѣ оказалось пять человѣкъ больныхъ: 4 женщины, одинъ мужчина. Одна изъ нихъ молодая женщина, спокойная и покорная слабоумная, очень располнѣвшая, усердно шила во дворѣ подушки. Въ качествѣ особенно кроткой и безобидной особы, она предназначена для призрѣнія въ самой Балахнѣ. Для города вообще выбираются особенно смирные и тихіе больные. Пока въ Балахнѣ помѣщены двое мужчинъ и двѣ женщины въ двухъ семьяхъ. Остальные больные переведены въ покой временно, вслѣдствіе ухудшенія ихъ состоянія.

Въ Кубинцевѣ въ нашъ пріѣздъ находилось всего тридцать два человѣка больныхъ: пять женщинъ въ 4 домахъ и 27 мужчинъ въ 13 домахъ. Будь эти больные—главнымъ образомъ врожденные и вторичные слабоумные — собраны вмѣстѣ въ больницѣ или богадѣльнѣ, они производили бы своими душевными и физическими немощами (идіоты, старики, одинъ слѣпой и глухой), крайне тяжелое впечатлѣніе. Будучи разъединены, находясь подъ присмотромъ, болѣе или менѣе тщательнымъ и участливымъ, хозяекъ дома, они кажутся счастливцами въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается въ корпусахъ больницъ.

Плата за каждаго больного 6 руб. въ мѣсяцъ и на стирку ½ ф. мыла. Одежда казенная. Больнымъ полагается отъ хозяина два раза чай, обѣдъ и ужинъ Въ среднемъ стоимость содержанія больного въ годъ опредѣлилась около 74 р., что гораздо дешевле содержанія тѣхъ же больныхъ въ больницѣ.

Удачный выборъ «кормильцевъ» является, конечно, самою существенною стороною дѣла призрѣнія. Обстановка помѣщенія, столъ, развитіе и характеръ хозяина—все должно быть принято во вниманіе и взвѣшено, сообразно больному, его психическому состоянію и привычкамъ до болѣзни. Какъ въ больницѣ больной находится главнымъ образомъ подъ надзоромъ сидѣлокъ и служителей, такъ въ колоніяхъ онъ находится на попеченіи своихъ кормильцевъ. Крестьянинъ или крестьянка лучше услѣдитъ за однимъ-двумя больными, чѣмъ служитель или сидѣлка, выгнанные нуждой изъ деревни въ городъ, слѣдятъ за ввѣреннымъ имъ десяткомъ и болѣе больныхъ.

При внимательномъ отношеніи къ дѣлу, выборъ кормильцевъ и подборъ больныхъ другъ по другу могутъ быть сдѣланы, конечно, вполнѣ удовлетворительно. Поверхностное впечатлѣніе отъ теперешнихъ «кормильцевъ» безспорно въ ихъ пользу. Въ обстановкѣ больныхъ видно болѣе или менѣе участливое отношеніе къ нимъ со стороны хозяевъ. Въ случаѣ надобности хозяева, по указанію врача, дѣлаютъ необходимыя перестройки въ помѣщеніи для больныхъ. Обѣ стороны привыкаютъ другъ къ другу и хорошо ладятъ между собою. Въ одной изъ избъ содержащіеся въ ней двое идіотовъ и третій больной со вторичнымъ слабоуміемъ оставляютъ по себѣ впечатлѣніе вполнѣ благодушествующихъ субъсктовъ, которые дружатъ и ссорятся какъ дѣти.

День больные проводятъ различно. Встаютъ—по крестьянски поздно—часовъ въ семь, ложатся рано—въ восьмомъ часу. Кто можетъ—работаетъ, но работы пока еще не вполнѣ организованы. Нѣкоторыя изъ женщинъ шьютъ бѣлье для больницы. Мужчины, кто можетъ, исполняютъ кое-какія надворныя работы, колютъ дрова, роются въ огородахъ и т. д. Нѣкоторые немного читаютъ: библіотечка для нихъ была бы не лишнею. Одинъ, прежде сельскій учитель, ведетъ дневникъ пребыванія въ колоніи, тщательно записывая всѣ внѣшніе факты жизни въ селѣ: когда встали, какъ обѣдали, пріѣздъ врача или надзирательницы и проч.

По праздникамъ многіе изъ больныхъ ходятъ въ церковь, нѣкоторые съ хозяйками или ихъ дѣтьми, другіе безъ провожатыхъ.

Намъ приходится говорить теперь объ отношеніи населенія къ поселеннымъ среди него душевнобольнымъ. Первое время больные, конечно, возбуждали чувство любопытства, смѣшаннаго со страхомъ. Суевѣрный порою взглядъ на душевнобольныхъ вѣдь вообще среди народа носитъ характеръ нѣкотораго добродушія: о слабоумныхъ, которыхъ нѣсколько среди кубинцевскихъ больныхъ, говорятъ вообще, какъ о блаженныхъ, обидѣть которыхъ грѣхъ... Теперь въ Кубинцевѣ къ больнымъ пригляделись и видятъ, что вреда отъ нихъ нѣтъ. Имъ охотно приносятъ подаяніе, особенно если гдѣ-нибудь есть поминъ, и натурой, и деньгами, по нѣскольку копѣекъ. Дѣти кормильцевъ иногда провожаютъ больныхъ въ церковь. Случаевъ дурного обращенія съ больными со стороны дѣтей не наблюдалось. Видя, что взрослые ухаживаютъ и дорожатъ больными, и дѣти привыкаютъ относиться къ нимъ ласково.

При обѣднѣніи Кубинцева и дешевизнѣ части естественныхъ продуктовъ (у кормильцевъ свои огороды), содержаніе двухъ-трехъ больныхъ составляетъ для кормильцевъ не малое подспорье. Теперь охотниковъ взять къ себѣ больныхъ найти не трудно.

Опасность отъ душевнобольныхъ въ отношеніи возможности пожара въ Кубинцевѣ нисколько не больше, если не гораздо меньше, чѣмъ опасность въ любой деревнѣ отъ пьяныхъ. За тѣми, вѣдь, нѣтъ уже никакого присмотра.

Если добавить, что колонія постоянно посѣщается врачомъ и надзирателемъ, то, кажется, будутъ исчерпаны всѣ болѣе существенныя стороны жизни ея. Укажемъ еще, что, на нашъ взглядъ, желательно было бы установленіе между врачебнымъ персоналомъ колоніи и населеніемъ Кубинцева болѣе простыхъ, близкихъ отношеній, при которыхъ были бы случаи хотя бы для бесѣдъ съ крестьянами объ отношеніи къ душевнобольнымъ.

Въ общемъ обстановка колоніи производитъ пріятное впечатлѣніе внимательно налаживаемаго дѣла, окончательная судьба котораго пока въ будущемъ. Отчаяваться въ успѣхѣ пока нѣтъ никакихъ основаній, а можно думать, что опытъ заграницы, говорящій въ пользу этой формы призрѣнія душевнобольныхъ, не разойдется съ опытомъ на русской почвѣ.

Библіотека-читальня въ фабричномъ селѣ. Въ «Сѣверномъ Краѣ» г. Бѣловъ, корреспонденція котораго о бытѣ кустарей въ с. Черкизовѣ была напечатана у насъ недавно, даетъ живое описаніе библіотеки-читальни въ фабричномъ с. Тейковѣ, Владимірской губ., и объ отношеніи къ ней населенія.

«Вечеръ. Пронзительно гудитъ фабричный свистокъ. Рабочая смѣна кончаетъ работу. Одни изъ «блузниковъ» усталые, измученные спѣшатъ домой, другіе— прямо изъ корпуса, грязные и неумытые направляются въ безплатную библіотеку-читальню, которая пріютилась въ фабричномъ дворѣ, недалеко отъ фабричныхъ воротъ, въ двухэтажномъ зданіи, гдѣ обрѣтается и публичная библіотека...

«Тейковская безплатная библіотека-читальня помѣщается въ небольшой комнаткѣ: вправо отъ входа помѣщаются книжные шкафы, слѣва—столы, на которыхъ лежатъ журналы и газеты, разрѣшенные для безплатныхъ библіотекъ: тутъ и «Русскій садъ и огородъ», рядомъ съ «Паломникомъ» и «Свѣтомъ»; тутъ и синяя обложка «Нови», тутъ и «Нива» и «Вокругъ свѣта»... За столами сидятъ рабочіе, подростки-ученики фабричной и земской школъ. Одни просматриваютъ телеграммы «Свѣта», но самой газетой мало интересуются. Другіе изъ сидящихъ за столомъ перелистываютъ иллюстрированные журналы: картинки нравятся, особенно дѣтворѣ. Какой-нибудь мальчуганъ, блестя глазенками, впивается въ картинку и толкаетъ въ бокъ товарища, спѣша съ нимъ подѣлиться впечатлѣніемъ.

«Около книжныхъ шкафовъ толчется толпа: тутъ и одинъ изъ тейковскихъ патріарховъ, убѣленный сѣдинами, пришедшій за «душеспасительной» книжкой, здѣсь и молодой фабричный лѣтъ 20—25-ти, окончившій полный курсъ наукъ въ фабричной школѣ и предъявляющій къ книгѣ серьезные запросы, зачастую выходящіе за предѣлы жалкаго каталога книгъ. Въ толпѣ же вы видите и оживленныя лица, искрящіеся глазки подростка-мальчика или дѣвочки, которые уже давно, еще до библіотекаря, пришли сюда, и ждутъ не дождутся, когда имъ перемѣнятъ книгу!..

«— Сергѣй Иванычъ, перемѣните мнѣ, я давно пришелъ,—обращается къ библіотекарю двѣнадцатилѣтній мальчуганъ.

«— Ладно!.. Давай!.. Тебѣ что?—спрашиваетъ библіотекарь.

«— Я «Князя Серебрянаго» хочу взять!.. Сенька!—кричитъ онъ въ толпу,— давай-ка книжку-то... У него, Сергѣй Иванычъ, «Князь Серебряный»-то, онъ прочиталъ... сдавать принесъ...

«— Ладно, бери.

«Сергѣй Иванычъ обращается къ Сенькѣ:

«— Ну, а тебѣ что?

«— Изъ «Майнъ-Рида» что-нибудь, Сергѣй Иванычъ... Братишка мой читалъ, такъ очень хвалитъ... Нѣтъ ли у васъ «Всадника безъ головы»?

«Библіотекарь начинаетъ рыться въ шкафу.

«Къ Сергѣю Ивановичу протягивается рука фабричнаго, которому можно дать лѣтъ тридцать; въ рукѣ—томъ «Анны Карениной».

«— Продолженіе-то есть, Сергѣй Иванычъ?—спрашиваетъ онъ.

«— Нѣтъ ли господина Салтыкова, Сергѣй Иванычъ?—слышится изъ толпы.

«— Нѣтъ... Коли хотите, можете достать въ публичной библіотекѣ.

«— Ну, а Некрасовъ—имѣется?

«— Тоже нѣтъ...

«Рабочій разочарованно смотритъ на Сергѣя Ивановича, вглядывается въ книги, стоящія на полкахъ книжныхъ шкафовъ, вглядывается долго, пристально, что-то обдумываетъ и, наконецъ, говоритъ, но говоритъ какъ-то неувѣренно, смущенно:

«— Можетъ, есть сочиненія Короленко?

«— Нн-нѣ-ѣтъ!..

«— Э-э-эхъ!. Что же есть?—Сергѣй Ивановичъ начинаетъ предлагать Гончарова, Тургенева, Л. Н. Толстого, Достоевскаго.

«— Читалъ все, Сергѣй Ивановичъ!—съ какимъ-то огорченіемъ въ голосѣ восклицаетъ рабочій,—Ну, да ужъ ладно!.. Дайте мнѣ «Преступленіе и наказаніе»... Прочту еще разъ...

«Въ средѣ этихъ «блузниковъ», работающихъ за ткацкимъ станкомъ или прядильной машиной девять часовъ, вы встрѣтите истинную интеллигенцію, встрѣтите тѣхъ, въ головѣ у которыхъ горитъ мысль, а въ молодой, чуткой и отзывчивой душѣ рождаются стремленія и запросы—серьезные и важные; духовные голодъ и жажда растутъ и требуютъ духовной пищи, свѣжей, доброкачественной, хорошей пищи.—Къ сожалѣнію, ея-то въ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ пока еще очень мало».

Лѣсной сплавъ по рѣкамъ Ветлугѣ и Волгѣ. «Костромской Листокъ» сообщаетъ интересныя данныя объ одномъ изъ самыхъ старыхъ русскихъ промысловъ, лѣсномъ сплавѣ по Ветлугѣ и Волгѣ. Ветлужскій край до сихъ поръ представляетъ великій глухой уголъ, гдѣ главный или, лучше, сказать единственный заработокъ мѣстному крестьянину даетъ лѣсъ: вырубка его, вывозъ, нагрузка, сплавъ. Нанимается, обыкновенно, къ извѣстному промышленнику партія мужиковъ, снимаетъ у него подрядъ вырубить, очистить, подвести къ

сплавной рѣкѣ и сплотить лѣсъ. Чистый барышъ отъ всего этого дѣла и составляетъ обыкновенно единственный заработокъ мужика во весь годъ. Если лѣсъ не сплавной, а мелкій для бѣлянъ—дѣло нѣсколько усложняется. Выбранный для вырубки лѣсъ этотъ долженъ быть подвезенъ на большую рѣку—Ветлугу или Усту, къ пристани, гдѣ обыкновенно выстраивается бѣляна или двѣ для перевозки его до мѣста назначенія, преимущественно въ Дубовку. Снявшіе на отрядъ все дѣло мужики должны, прежде всего, выбирать на извѣстномъ участкѣ соотвѣтствующій требованію хозяина лѣсъ (дручекъ, подтоварникъ и прочее), причемъ необходимо смотрѣть, чтобы дерево не было съ изъяномъ: криво, напр., или съ гнилью, чтобы оно было извѣстнаго размѣра въ длину и въ толщину. Выбранный лѣсъ очищается, скоблится и послѣ этого уже везется къ мѣсту нагрузки, къ бѣлянѣ. Здѣсь его осматриваютъ особые браковщики, наблюдающіе за доброкачественностью вывозимаго лѣса, причемъ за каждое вывезенное дерево съ изъяномъ на мужика налагается штрафъ. Эти штрафы бываютъ далеко не рѣдки, хотя мужикъ уже и привыкъ къ своему дѣлу и достаточно оснаровился, чтобы по одному взгляду на дерево, видѣть его недостатки, а также и мѣру. Произволъ и притѣсненія находятъ себѣ здѣсь достаточно мѣста.

Въ выработкѣ лѣса для бѣляны участвуетъ иногда до 200 конныхъ рабочихъ. Плату они получаютъ сдѣльно причемъ высшій заработокъ мужика за время работы съ осени до весны (до сплава) простирается до 60—70 руб. Но тутъ и весь заработокъ мужика за зиму, больше никакихъ промысловъ нѣтъ у него, а слѣдовательно нѣтъ и дохода. Лѣтомъ къ зимнему заработку присоединяется еще плата за сгонъ лѣса или бѣлянъ на Волгу, т. е. руб. 10, 20, 25.

Тронулся ледъ на Ветлугѣ, и вслѣдъ за половодьемъ начинается сплавъ бѣлянъ и плотовъ. Картина сплава плотовъ представляетъ, особенно для человѣка новаго, довольно интересное зрѣлище: плоты разныхъ владѣльцевъ длинною вереницею, въ теченіе двухъ недѣль, медленно двигаются по водѣ. На каждомъ плоту имѣется свой штатъ рабочихъ сгонщиковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ; для послѣднихъ процедура сгона заманчива, такъ какъ даетъ имъ возможность каждое лѣто выбраться, хотя на время, изъ лѣсной глуши, какъ бы на волю, побывать по дорогѣ въ попутныхъ селеніяхъ и въ Козмодемьянскѣ, гдѣ предъ ними широко растворяются двери заведеній съ хмельными напитками, а въ Козмодемьянскѣ пріурочивается ярмарка съ новыми увеселеніями. Вообще путешествіе сгонщиковъ сопровождается обильнымъ угощеніемъ виномъ, какъ со стороны хозяевъ, такъ и на артельныхъ началахъ. Вино обыкновенно закупается на всѣхъ пристаняхъ; попойки на самыхъ плотахъ иногда принимаютъ солидные размѣры и оканчиваются ссорами и драками между собою сгонщиковъ, во время которыхъ слабѣйшій сталкивается съ плота въ воду и, конечно, отправляется преждевременно къ праотцамъ. Такъ какъ подобные случаи бываютъ въ то время, когда вся артель перепивается, то исчезнувшаго человѣка хватаются только на другой или на третій день, когда плотъ успѣетъ отплыть отъ мѣста катастрофы на далекое разстояніе. Впрочемъ, о пропавшемъ стараются молчать и такія преступленія открываются впослѣдствіи, по всплывшему гдѣ-нибудь трупу утонувшаго и то только, когда будетъ установлена его личность. Несмотря на веселое времяпровожденіе, трудъ сгонщиковъ нельзя отнести къ легкимъ, если принять во вниманіе тѣ гигіеническія условія, при которыхъ приходится жить. Находясь цѣлыя сутки на водѣ, подъ открытымъ небомъ, подвергаясь всѣмъ невзгодамъ непогоды, они постоянно рискуютъ потерять свое здоровье. Многіе изъ сгонщиковъ возвращаются домой безъ копѣйки, оставивъ свой скудный денежный заработокъ въ придорожныхъ кабакахъ.

Одна изъ особенностей сплава бѣлянъ, это—обиліе несчастныхъ случаевъ при

неудачномъ управленіи воротомъ. Дѣло въ томъ, что движеніе бѣляны регулируется огромнымъ лотомъ, который, гдѣ слѣдуетъ, волочится по дну рѣки и задерживаетъ ходъ бѣляны. Лотъ то опускается, то снова подымается живою силою десятковъ «рабочихъ рукъ», мужчинъ, женщинъ и подростковъ, которые «ходомъ, ходомъ, всѣмъ народомъ» вертятъ ручки ворота. Попалъ лотъ неожиданно на глубокое мѣсто, и воротъ—онъ самаго первобытнаго устройства—начинаетъ вертѣться въ обратную сторону съ бѣшеною быстротою. Кто зазѣвался и во-время, по командѣ, не легъ—ручки ворота бьютъ того на смерть. Такой несчастный случай имѣлъ, напримѣръ, мѣсто 2-го мая противъ деревни Хозиково. Съ верховьевъ Ветлуги спускалась бѣляна, принадлежащая удѣльному вѣдомству. Во время подъема лота, вслѣдствіе недружной работы, бурлаки не совладали съ ручкой, и послѣдняя очень быстро завертѣлась. Всѣ тотчасъ же легли; не успѣли только лечь — крестьянка дер. Высоковки, Богородской волости, Анна Артемьева Баранова, 24 лѣтъ, и крестьянская дѣвица дер. Мошлей, Моисѣевской волости, Варнавинскаго уѣзда, Костромской губ., Александра Иванова Глухова, 18 лѣтъ. Ручкой убило ихъ наповалъ. Кромѣ того, одному крестьянину Костромской губерніи оторвало руку. Убитые похоронены въ селѣ Богородскомъ.

Много несчастій бываетъ и при грузкѣ бѣлянъ. По разсказу «Костромского Листка», напр., на пристани лѣсопромышленника Т. нагружали бѣляну. Къ бѣлянѣ были подстроены двое мостковъ: по однимъ входили, по другимъ сходили. Случилось такъ, что тѣ и другіе одновременно подломились, а всѣ бывшіе на нихъ полетѣли внизъ. Нѣкоторые отдѣлались только испугомъ, другіе ушибами и болѣе или менѣе серьезными поврежденіями членовъ, вслѣдствіе чего должны были лечь въ больницу; а двое, мать съ дочерью, упали въ воду и утонули; къ спасенію ихъ мѣръ не было принято. Всѣхъ такъ или иначе пострадавшихъ при этомъ несчастіи было болѣе десятка и большинство изъ нихъ—женщины.

Но все это молчаливо проходитъ, какъ бы въ порядкѣ вещей: никто особенно не возмущается. До суда дѣло рѣдко доходитъ, какъ будто такъ и нужно, чтобы ежегодно гибло въ жертву рѣкѣ и лѣсной промышленности опредѣленное количество «рабочихъ рукъ»...

О страхованіи рабочихъ на этомъ опасномъ промыслѣ никто, конечно, изъ лѣсопромышленниковъ не думаетъ; идутъ ветлугари на сплавъ—значитъ сами за себя отвѣчаютъ. Вышепереданный случай на бѣлянѣ удѣльнаго вѣдомства послужилъ, однако, поводомъ къ доброму почину. Въ «Ниж. Листкѣ» было уже сообщено, что удѣльное вѣдомство, дабы избѣжать разныхъ недоразумѣній и претензій со стороны рабочихъ, застраховало всю постоянную команду на бѣлянахъ, на волжскую путину—до Астрахани, отъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти не по винѣ рабочихъ. Какъ оказывается, такое страхованіе обходится вовсе не Богъ знаетъ, какъ дорого. Страховое общество беретъ по коллективному страхованію судорабочихъ 26 руб. 35 к. съ тысячи руб. изъ заработка. За эту цѣну, въ случаѣ смерти пострадавшаго, выдается его семьѣ единовременное пособіе въ размѣрѣ тысячекратнаго суточнаго заработка покойнаго, а при инвалидности—пенсія. Но врядъ ли можно разсчитывать, чтобы наши лѣсопромышленники по собственному почину послѣдовали благому примѣру удѣльнаго вѣдомства. Со страхованіемъ неизбѣжно связано соблюденіе нѣкоторыхъ условій, которыя, конечно, будутъ поставлены со стороны страховыхъ обществъ: улучшенія въ устройствѣ судовъ, подача медицинской помощи и т. п. Все это потребуетъ расходовъ, а лѣсопромышленники, привыкшіе, чтобы все у нихъ было дешево и сердито, едва ли добровольно пожелаютъ принять на себя новые расходы. Страхованіе сплавщиковъ лѣса и бѣлянъ, подобно страхованію рабочихъ вообще, должно быть сдѣлано обязатель-

нымъ, и ближе всего за возбужденіе вопроса объ этой важной мѣрѣ взяться земству, по примѣру владимірскаго губернскаго земства.

Санаторіи на южномъ берегу Крыма. Въ «Русск. Вѣдомостяхъ» г. Савей-Могилевичъ даетъ описаніе санаторій для чахоточныхъ на южномъ берегу Крыма. Санаторіи для этихъ больныхъ признаны теперь единственно дѣйствительнымъ средствомъ противъ этой ужасной болѣзни. Между тѣмъ, ихъ пока такъ мало, что уже по этому одному каждая изъ нихъ заслуживаетъ возможно широкой извѣстности. Вотъ что пишетъ упомянутый авторъ о двухъ санаторіяхъ въ Гастріи и Массандрѣ.

Санаторія въ Гастріи занимаетъ въ $1^1/_2$ верст. отъ Ялты и моря, на высотѣ 450 фут. надъ уровнемъ моря, юго западный склонъ плоскогорія, защищаемый съ востока и сѣвера отрогомъ Яйлы, высотой 1.600 фут. надъ уровнемъ моря. Такое положеніе Гастріи охраняетъ ее отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ, а расположеніе среди садовъ, виноградниковъ и табачныхъ плантацій избавляетъ ее отъ шума и пыли города, давая при этомъ все, что свойственно приморской горной мѣстности и прикрывая въ знойные дни отъ палящихъ лучей солнца. Санаторія представляетъ собою небольшую, скромную барскую усадьбу, хорошо приспособленную для зимняго жилья. Устроитель только заново отдѣлалъ ее, устроилъ правильно отопленіе и вентиляцію, окрасилъ всѣ помѣщенія внутри и обратилъ, согласно новому назначенію дачи, самое тщательное вниманіе на устройство всего того, что необходимо для ея спеціальнаго назначенія, устранивъ то, что можетъ загрязнить ее. Ковры онъ почти выбросилъ, драпировки и мягкую мебель оставилъ въ очень ограниченномъ количествѣ, обивъ ее клеенкой, полы покрылъ линолеумомъ, который ежедневно протирается. Онъ завелъ ажурныя тумбочки для кроватей, а чтобы не загрязнять помѣщеній и почвы, устроилъ на высотѣ $1^1/_2$ арш. отъ земли цѣлую систему маскированныхъ плевательницъ по Кнопфу и не только въ комнатахъ, но въ садахъ и по дорожкамъ, въ стѣнахъ, въ цвѣточныхъ корзинахъ и на массивныхъ подставкахъ. Эти плевательницы, съ карболовымъ растворомъ, опорожняются ежедневно въ особо устроенную яму. Для болѣе широкаго пользованія воздухомъ во всякую погоду въ санаторіи устроены галлереи, закрытыя и открытыя террасы съ кушетками, гдѣ могутъ проводить время какъ болѣе чувствительные, такъ и слабые больные. При этомъ на глазахъ у больныхъ какъ въ помѣщеніяхъ, такъ и на террасахъ стоятъ термометры, а также размѣщены и другіе инструменты, указывающіе направленіе и силу вѣтра и влажность воздуха,—слѣдовательно, дано то, что такъ необходимо для больныхъ слабогрудыхъ, такъ чуткихъ ко всевозможнымъ атмосферическимъ перемѣнамъ, и чѣмъ необходимо имъ руководиться при прогулкахъ. Нечего и говорить о больныхъ, которые въ этомъ крайне нуждаются именно при остромъ теченіи болѣзни, когда ихъ лихорадитъ, при кровохарканіи и проч., когда невольная ихъ неосторожность можетъ стоить имъ жизни. Для больныхъ, которымъ запрещается говорить, устроены поодаль парусинные павильоны. Для больныхъ слабыхъ, при выздоровленіи, чтобы постепенно пріучить ихъ къ ходьбѣ, разбиты среди виноградника, съ живописнымъ видомъ на море и горы, восходящія дорожки съ однимъ и тѣмъ же уклономъ (1 саж. на 15 саж.), со скамейками для отдыха на каждыя 10 саженъ. Для развлеченія больныхъ имѣется библіотека, піанино, площадки для игръ и проч.

Но чему я придаю особенное значеніе и чего недостаетъ въ нашихъ курортахъ, это—что въ санаторіи Гастріи пять разъ въ день, для поддержанія душевной энергіи, собираются больные по звонку въ общую столовую, гдѣ подъ руководствомъ врачей въ семейной обстановкѣ за чаемъ и общей трапезой имѣется въ виду занять ихъ общей бесѣдой, чтобы тѣснѣе сблизить ихъ между собою и такимъ образомъ насколько возможно извлечь ихъ изъ состоянія одиночества.

которое, за рѣдкими исключеніями, такъ склонно у каждаго поддерживать угнетенное настроеніе и фиксировать тѣ или другія печальныя идеи. А это имѣетъ преимущественное значеніе у такихъ больныхъ, которые, какъ и грудные больные, вынуждены на долгое время оставить свою родину, семью и изъ которыхъ многіе отдаютъ слишкомъ много вниманія своей болѣзни.

При помѣщеніи больныхъ въ Гастріи имъ даются особые печатные бланки, въ которые, смотря по индивидуальности больного и ходу болѣзни, вносится все то, чего долженъ больной держаться, а именно: когда больному слѣдуетъ вставать и ложиться, какъ проводить время, какую температуру держать въ комнатѣ, когда выходить на воздухъ, какъ пользоваться прогулками, какъ питаться, сколько пить молока и проч.

При санаторіи, само собою разумѣется, имѣются необходимые аппараты для изслѣдованія и лѣченія. Имѣется постоянный врачъ. Гастрія устроена въ скромныхъ размѣрахъ, всего на 20 человѣкъ, и потому въ настоящее время, по ограниченности помѣщеній, она можетъ принимать только болѣе острыхъ, вообще же такихъ больныхъ, которые нуждаются въ немедленной и своевременной помощи.

Въ Массандрѣ тоже проектирована санаторія на 19-ти десятинахъ, но пока только на 30 человѣкъ. А развѣ этого достаточно для всего южнаго берега Крыма, этого чуднаго уголка, какъ будто свыше отведеннаго для страждущаго человѣчества? Конечно, нѣтъ. Чѣмъ доступнѣе сталъ Крымъ для небогатаго люда, тѣмъ все бо́льшая и бо́льшая масса стала стекаться сюда и грудныхъ больныхъ для исцѣленія ихъ отъ тяжкаго недуга. И дѣйствительно, по свойственнымъ Крыму климатическимъ особенностямъ, по его гористой природѣ и близости моря, здѣсь даны чуть ли не всѣ выгодныя условія для облегченія и исцѣленія этихъ больныхъ. А между тѣмъ, не находя санаторій, цѣлая масса особенно недостаточныхъ изъ нихъ вынуждена искать для себя пріюта по гостинницамъ, меблированнымъ комнатамъ и пансіонамъ; здѣсь, за исключеніемъ какого-нибудь десятка хорошихъ пансіоновъ, больные не могутъ найти удобствъ, необходимыхъ санитарныхъ условій, душевнаго и физическаго покоя; нерѣдко они попадаютъ въ загрязненныя помѣщенія шумныхъ и пыльныхъ улицъ и тамъ обречены бываютъ не безъ лишеній и душевныхъ тревогъ влачить длинные и монотонные дни».

Вмѣстѣ съ авторомъ остается пожелать, чтобы развитіе санаторій на этомъ благословенномъ южномъ берегу Крыма шло возможно успѣшнѣе и скорѣе, чтобы за это дѣло взялись не только частныя лица, но главнымъ образомъ государство и общественныя учрежденія, думы, земства и различныя благотворительныя общества.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Вѣстникъ Европы», іюль. *Г. Сукенниковъ*, пользуясь новѣйшими статистическими изслѣдованіями промысловаго труда дѣтей въ Германіи, произведенными школьными учителями путемъ опроса учениковъ, рисуетъ довольно неприглядную картину. Несмотря на цѣлый рядъ законовъ, запрещающихъ дѣтей школьнаго возраста употреблять на работы при фабрикахъ и заводахъ, статистика обнаруживаетъ, что до 50 проц. дѣтей этого возраста, поднимаясь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до 90 проц., занимались промысловымъ трудомъ. Есть область примѣненія рабочей дѣтской силы, на которую не простирается дѣйствіе ограничительныхъ законовъ и куда не имѣетъ доступа глазъ фабричной инспекціи, — это область домашняго труда и работы въ мелкихъ мастерскихъ. Нашъ ремесленный съѣздъ вскрылъ уголокъ этого темнаго царства

произвола и эксплуатаціи дѣтей, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнаружилъ неприступность этой позиціи и то, какъ цѣпко держатся за нее хозяйскіе инстинкты ремесленниковъ. А между тѣмъ въ этой промежуточной полосѣ между домашнимъ и фабричнымъ трудомъ ютится масса видовъ тяжкаго, утомительнаго труда, подтачивающаго неокрѣпшій дѣтскій организмъ. Въ Германіи, при дѣйствіи обязательнаго школьнаго закона, удерживающаго ребенка въ школѣ отъ 6 до 14 лѣтъ, родители и хозяева ухитряются широко пользоваться дѣтскимъ трудомъ и въ школьный періодъ: именно, они поднимаютъ маленькихъ ребятишекъ ночью и въ 4 часа, иногда даже и раньше, отправляютъ уже ихъ на работу—на разноску газетъ и булокъ, такъ что до начала школьныхъ занятій эти малыши успѣваютъ пробѣгать отъ 2 до 4 часовъ; при этомъ надо принять во вниманіе высоту жилыхъ домовъ, ту массу ступенекъ, по которымъ они должны взобраться: нѣкоторымъ, напримѣръ, приходится продѣлать восхожденіе на 120 лѣстницъ, отъ 20 до 24 ступеней каждая. Удивительно-ли, что, придя въ школу послѣ этакой бѣготни, ребенокъ не можетъ слѣдить за урокомъ и сплошь и рядомъ засыпаетъ отъ усталости. По произведенному въ Ганноверѣ изслѣдованію успѣшности въ занятіяхъ, оказалось, что успѣхи половины тѣхъ школьниковъ, которые занимались промысловымъ трудомъ, ниже нормальныхъ. Но утренними часами не ограничивается трудъ школьниковъ: по возвращеніи изъ школы, для многихъ изъ нихъ начинается новая работа: въ кегельбанѣ, въ пекарнѣ, одни склеиваютъ коробки, бумажные мѣшки, другіе пришиваютъ пуговицы, приготовляютъ искусственные цвѣты и т. п. Есть особаго рода трудъ: ребятишки, которыхъ окрестили характерной кличкой «Rollmops», по цѣлымъ днямъ лежатъ на ящикахъ и тюкахъ, которыми нагружены фургоны,--въ качествѣ сторожей. Особенно тяжела и вредна въ нравственномъ отношеніи служба дѣтей въ кегельбанахъ, продолжающаяся иногда до 12 час. ночи. Школьный возрастъ начинается въ Германіи съ 6 лѣтъ, но рабочій—раньше: иногда съ 4 лѣтъ и часто съ 5 лѣтъ дѣти уже нанимаются разносить булки. Вознагражденіе за дѣтскій трудъ самое ничтожное—въ среднемъ отъ 20 пфениинговъ до 1 марки въ недѣлю; иногда вмѣсто денегъ они получаютъ пищу, платье или подарки,—по усмотрѣнію работодателя. И любопытно, что далеко не всѣ родители нуждаются въ дѣтскомъ заработкѣ: многіе изъ нихъ вполнѣ обезпечиваютъ себя собственнымъ трудомъ. Въ сельскохозяйственной области къ корыстной эксплуатаціи дѣтей родителями присоединяется алчность юнкеровъ. Извѣстны прошлогодніе дебаты въ прусской палатѣ по поводу предложенія юнкеровъ о томъ, чтобы при назначеніи школьныхъ занятій сообразовались съ мѣстными условіями сельскаго хозяйства,—иными словами, чтобы школа сократила учебное время и освободила побольше дешевыхъ дѣтскихъ силъ для юнкерскаго хозяйства, причемъ предложенія эти замаскированы были разумными или даже филантропическими мотивами: «полуграмотность вреднѣе безграмотности», «сельскій трудъ требуетъ выносливости и физическихъ силъ, а не выносимыхъ изъ школы познаній и смѣтливости» и т. п. Имперское правительство еще ничего не предпринимало для устраненія этихъ злоупотребленій дѣтскимъ трудомъ; но зато по отдѣльнымъ городамъ кое-что было сдѣлано городскими общественными управленіями при содѣйствіи полиціи; напримѣръ, въ Шпандау запрещенъ всякій промысловый трудъ дѣтей школьнаго возраста отъ 7 час. вечера до 7 час. утра, подъ угрозой штрафа; въ Бромбергѣ запрещена вечерняя работа дѣтей въ ресторанахъ и кабакахъ и т. п. Кромѣ того, разнаго рода спеціальныя общества занялись выработкой положеній по отношенію къ дѣтскому труду, завершившихся на цюрихскомъ конгрессѣ по охранѣ труда рабочихъ въ 1897 г. радикальнымъ постановленіемъ, чтобы дѣтямъ моложе 15-ти лѣтъ воспрещенъ былъ всякаго рода трудъ за вознагражденіе.

«Русская Мысль», **іюнь.** *Проф. Мензбиръ* на этотъ разъ посвящаетъ свой очеркъ Гэккелю, какъ представителю дарвинизма. Въ Германіи вообще и въ рукахъ Гэккеля въ частности дарвинизмъ принялъ особую форму. Научная работа въ Германіи въ эпоху появленія дарвинизма находилась еще подъ сильнымъ вліяніемъ натурфилософіи, выражавшимся въ пренебреженіи къ опыту и наблюденію и выставлявшимъ чистое мышленіе единственнымъ правильнымъ путемъ для познанія природы. Поэтому, среди натуралистовъ господствовало стремленіе не *изучать* природу, а *строить* ее помощью произвольныхъ и отвлеченныхъ комбинацій. Такое направленіе грозило убить науку, если бы, съ одной стороны, не было истинныхъ тружениковъ, которые, наперекоръ своимъ философскимъ взглядамъ, все-таки изучали природу, и, съ другой стороны, если бы противъ крайностей натурфилософіи не возникла реакція. Но, несмотря на это, традиціи натурфилософіи не вполнѣ были подавлены въ нѣмецкой наукѣ, и хотя Гэккель воспитался подъ вліяніемъ убѣжденнаго противника натурфилософіи и строгаго послѣдователя экспериментальнаго метода, І. Мюллера, тѣмъ не менѣе на его общихъ трудахъ, несомнѣнно, отражается размашистая манера натурфилософскаго конструированія природы. Осторожный, опирающійся на факты и исходящій отъ фактовъ дарвинизмъ въ рукахъ Гэккеля обратился въ цѣлый рядъ широкихъ и смѣлыхъ обобщеній, произвольныхъ теорій, пренебрегающихъ фактами; въ увлеченіи созданной имъ соблазнительной и цѣльной картиной эволюціи органическаго міра, Гэккель доходитъ даже до произвольнаго измѣненія рисунковъ, изданныхъ другими зоологами, затрудняется выдавать догадки за несомнѣнные факты *). Открытые Гэккелемъ законы и теоріи (важнѣйшій изъ нихъ біогенетическій законъ состоитъ въ утвержденіи, что индивидуальное, или онтогенетическое развитіе повторяетъ въ сокращенномъ видѣ весь процессъ развитія типа, или филогенетическое развитіе) давно отвергнуты наукой, но, несмотря на это, имя Гэккеля остается однимъ изъ блестящихъ именъ въ развитіи естествознанія. Его заслуга заключается въ томъ удивительномъ подъемѣ, который онъ сообщилъ научному движенію въ области естествознанія въ Германіи. Энтузіастъ-ученый, искренно вѣровавшій во всѣ свои научныя фантазіи (надо сказать, нерѣдко оправдывавшіяся по частямъ дальнѣйшими учеными изысканіями), обладавшій, притомъ, крупнымъ, прямо художественнымъ талантомъ изложенія, гораздо больше сдѣлалъ для насажденія дарвинизма въ Германіи, чѣмъ могли сдѣлать десятки кропотливыхъ и осторожныхъ изслѣдователей. Увлеченія и крайности, конечно, были скоро замѣчены серьезными изслѣдователями, но импульсъ, сообщенный имъ вдохновеннымъ словомъ учителя, не пропалъ безслѣдно, да и гипотезы его, какъ методологическое средство, съиграли свою роль въ ученой работѣ. Изъ его общихъ сочиненій наибольшей популярностью пользуется «Естественная исторія міроздаиія», выдержавшая девять изданій. Кромѣ того, онъ далъ нѣсколько цѣнныхъ монографій въ области спеціальныхъ изслѣдованій.

Г. *М. Протопоповъ* въ статьѣ, озаглавленной «Не отъ міра сего», подвергаетъ разбору «Воскресеніе» Толстого. Онъ констатируетъ огромный внѣшній успѣхъ романа, но отказывается признать за нимъ внутренній успѣхъ, глубокое и прочное вліяніе. Объясняется это тѣмъ, что «въ своемъ романѣ Толстой такъ далеко отошелъ отъ *міра сего*, смотритъ на нашу жизнь съ такой головокружительной высоты, что намъ, людямъ по землѣ ходящимъ и на землѣ живущимъ, очень трудно войти съ нимъ въ непосредственное общеніе. Съ большой высоты люди кажутся какими-то крошечными букашками, но это не значитъ,

---

*) Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что о какой-нибудь сознательной фальсификаціи при этомъ не можетъ-быть и рѣчи: Гэккель руководился глубокимъ убѣжденіемъ, что это непремѣнно такъ должно быть, но пока еще неизвѣстно наукѣ.

что люди и въ самомъ дѣлѣ букашки и что человѣкъ, наблюдающій ихъ съ высоты, имѣетъ право презирать изъ за ихъ малость и слабость. Никакого такого права онъ не имѣетъ, потому что ростъ его не больше или чуть-чуть больше нашего роста... Онъ коритъ насъ и презираетъ насъ за то именно, что мы куда ниже ростомъ, нежели величественный Монбланъ, на который онъ взобрался..., но влѣзть на Монбланъ не значитъ уподобиться Монблану, не значитъ сравняться съ нимъ ростомъ и величиною». Далѣе слѣдуютъ изліянія возмущеннаго чувства, критика «анархическихъ» идей Толстого съ точки зрѣнія буржуазной морали. Г. Протопопова возмущаетъ особенно абсолютность нравственныхъ догматовъ Толстого и радикализмъ его разрушительныхъ идей, отрицающихъ всю нашу культуру, всѣ учрежденія. Въ противовѣсъ нѣсколько разъ приводятся слова Христа, указывающія на то, что Онъ снисходилъ къ человѣческимъ слабостямъ, допускалъ компромиссы и признавалъ государственныя учрежденія. Насъ крайне изумляетъ вся эта постановка вопроса. Сражаться съ субверсивными идеями Толстого съ помощью общихъ мѣстъ представляется намъ довольно наивною и безплодною задачею, и уже менѣе всего умѣстно оскорбляться ими, какъ дѣлаетъ г. Протопоповъ; можно даже признать за ними извѣстную заслугу въ возбужденіи художественнаго творчества Толстого, въ той силѣ, которую онѣ сообщаютъ его обличительнымъ изображеніямъ жизни; съ другой стороны, онѣ никогда не насилуютъ его художественнаго творчества и не вынуждаютъ жертвовать ради нихъ художественной правдой. Далѣе, переходя къ частностямъ, г. Птроопоповъ до крайности раздражается нападками на судъ, приводитъ банальные аргументы въ защиту нашего суда, хотя тутъ же замѣчаетъ, что Толстой, какъ индивидуалистъ-моралистъ, нападаетъ не на *организацію* суда, а на *дѣятелей* суда, какъ на слабыхъ, несовершенныхъ людей. Приводя характеристику предсѣдателя суда, съ его адюльтерными помыслами, г. Протопоповъ укоризненно восклицаетъ: «Не намъ судить, графъ!» «Судьею можетъ быть только Тотъ, Кто преподалъ намъ заповѣди». Приводя другую характеристику члена суда, поссорившагося съ женой изъ-за денегъ на хозяйственные расходы, г. критикъ восклицаетъ по адресу Толстого: «Вѣдь послѣ *такихъ* сатирическихъ изобличеній остается отъ васъ ожидать упрековъ судьямъ за то, что у нихъ желудокъ не въ порядкѣ».

Итакъ, наполнивъ всю статью полемикой съ Толстымъ и усовѣщиваніемъ его помощью ходячихъ истинъ, притомъ часто въ довольно недостойномъ тонѣ, на послѣдней страницѣ г. Протопоповъ замѣчаетъ: «Читатель замѣтилъ, конечно, что я ничего не говорю о психологической сторонѣ романа. Но дѣло въ томъ, что никакой психологіи въ романѣ нѣтъ, да нѣтъ и никакого вообще романа, а есть страстный, соціально-моральный памфлетъ, направленный противъ нашихъ культурно-общественныхъ идеаловъ и стремленій. Нехлюдовъ и Маслова отнюдь не характеры, не типы,—это не болѣе, какъ маріонетки, изготовленныя авторомъ для произнесенія нужныхъ *ему* словъ, для совершенія нужныхъ *ему* поступковъ». Вотъ какого приговора удостоиваетъ критикъ это глубокое произведеніе, потрясающее душу и близостью, и трагизмомъ своего содержанія. Въ концѣ этого мутнаго потока жалобъ, ругательствъ, поученій г. Протопоповъ не можетъ отказать себѣ въ патріотическомъ самохвальствѣ, совершенно не вяжущемся со всѣмъ предъидущимъ: «Во всякомъ случаѣ, русская литература можетъ гордиться тѣмъ, что изъ всѣхъ міровыхъ литературъ именно на ея долю выпала честь имѣть въ своихъ нѣдрахъ пророка, къ голосу котораго прислушиваются всѣ цивилизованные люди».

«Русское Богатство», іюнь. *Г. Л. Шейнисъ* вскрываетъ любопытную подкладку столь прогремѣвшей въ послѣднее время педагогической системы Демолэна, особенно у насъ, гдѣ она выставлялась «лучомъ свѣта въ педагогическомъ мракѣ». Для оцѣнки общественныхъ и педагогическихъ идеаловъ Де-

молэна, г. Шейнисъ пользуется не только его «Новымъ воспитаніемъ», но и другими книгами и брошюрами. Прежде всего, непріятно выступаетъ рекламный характеръ реформаторской дѣятельности Демолэна. Два года тому назадъ онъ выпустилъ книжку подъ заглавіемъ: «Отъ чего зависитъ превосходство англосаксовъ?» Понятно, какъ это пикантное заглавіе, разсчитанное на то, чтобы и уколоть національное самомнѣніе французовъ, и подзадорить ихъ любопытство,—составило успѣхъ книгѣ: она читалась на расхватъ. Указывая на превосходство англосаксонской расы, Демолэнъ тутъ же сообщалъ своимъ соотечественникамъ наиважнѣйшее средство для достиженія этого превосходства: «послѣднее не монополія, и если мы захотимъ, міръ вынужденъ будетъ въ одинъ прекрасный день признать и провозгласить превосходство французовъ». Въ чемъ же заключается это превосходство? На этотъ вопросъ весьма краснорѣчиво отвѣчаетъ помѣщенная на обложкѣ книги карта, гдѣ красной краской отмѣчены области, занятыя англичанами, и розовой—тѣ, которымъ, какъ, напр., Египту или Аргентинской республикѣ, пока только *угрожаетъ* эта перспектива! Итакъ, превосходство націи, по мнѣнію этого идеолога, опредѣляется не высотой культуры, а размѣрами владѣній, какими бы средствами они ни были пріобрѣтены. Нужно ли говорить о моральной цѣнности такого превосходства, да и потаканіе завоевательнымъ инстинктамъ соотечественниковъ очень плохо рекомендуетъ провозвѣстника новыхъ педагогическихъ идеаловъ. Соціальный вопросъ рѣшается просто; по его мнѣнію, онъ въ сущности сводится къ вопросу о воспитаніи: «все дѣло въ томъ, чтобы приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, требующимъ, чтобы человѣкъ умѣлъ самостоятельно пробить себѣ дорогу». Бѣдная обстановка русскаго крестьянскаго хозяйства очень просто объясняется тѣмъ, что русскіе крестьяне *не дорожатъ* хорошимъ устройствомъ своего очага. Если нѣкоторые видятъ главную помѣху къ улучшенію домашней обстановки въ недостаточности ресурсовъ, то «это мнѣніе вовсе не оправдывается фактами», и въ качествѣ «фактовъ» фигурируетъ одна знакомая ему рабочая семья, которая несмотря на хорошій заработокъ, продолжала жить въ самой жалкой обстановкѣ. Преклоненіе передъ англійской школьной системой мѣшаетъ Демолэну видѣть ея недостатки: неограниченную власть директоровъ въ ущербъ независимости учителей, безразборчивый выборъ учителей, чрезмѣрное увлеченіе всякаго рода спортомъ и др. Демолэнъ цѣнитъ англійскую школу главнымъ образомъ, за развитіе индивидуализма; главная цѣль воспитанія у него сводится къ подготовкѣ людей, способныхъ собственными силами завоевать себѣ мѣсто на жизненномъ пиру. Во Франціи педагогическими реформами Демолэна заинтересовались, какъ реакціей противъ бюрократическихъ тенденцій буржуазіи, мечтавшей для своихъ сынковъ только о доходныхъ мѣстахъ на государственной службѣ. Между тѣмъ, самостоятельное пробиваніе дороги есть тотъ же карьеризмъ. Какъ поклонникъ индивидуализма, Демолэнъ вооружается противъ нравственной солидарности и коллективизма, такъ какъ, по его мнѣнію, «идея солидарности своимъ успѣхомъ обязана свойственному людямъ желанію жить на счетъ другихъ. Идеей солидарности увлекаются только въ разсчетѣ извлечь изъ нея выгоду для себя, но никакъ не въ надеждѣ быть полезнымъ для другихъ. Словомъ, солидарность есть одна изъ формъ эгоизма, постыдный эгоизмъ!» Единственно, что есть здороваго во всей этой фанфаронадѣ,—это критика недостатковъ теперешней школьной системы, все прочее—претенціозное домогательство на роль «учителя жизни».

«Жизнь», іюнь. Воспользуемся письмомъ изъ Англіи «Индія и ея горе», чтобы обрисовать современное положеніе Индіи; добавимъ также сюда тѣ данныя, которыя въ «Русскомъ Богатствѣ» сообщаетъ Діонео въ своемъ письмѣ изъ Англіи. Индія занимаетъ особое положеніе среди британскихъ владѣній: она не колонія, а завоеванная страна, и притомъ завоеванная почти исключительно при

помощи дипломатіи, сѣявшей раздоры между индійскими принцами. Англичане не колонизовали Индію; они пріѣзжаютъ туда только въ качествѣ чиновниковъ, банкировъ, фабрикантовъ и купцовъ и, наживъ милліоны и выслуживъ большія пенсіи, уѣзжаютъ обратно. Широковѣщательныя заявленія англійскаго правительства, повторяющіяся изъ года въ годъ, о заботахъ на благо индійскихъ подданныхъ очень плохо гармонируютъ съ тою картиною, которую представляетъ страна. Особенности ея составляютъ періодическія голодовки, въ зависимости отъ дождей, приносимыхъ муссонами; отъ этихъ голодовокъ люди мрутъ въ ужасающемъ количествѣ, опредѣляемомъ не тысячами, а милліонами жертвъ. Но, помимо періодовъ интенсивнаго голода, по оффиціальнымъ вычисленіямъ постоянно двѣ пятыхъ населенія живутъ на «недостаточной пищѣ». Чѣмъ далѣе, тѣмъ голодъ поражаетъ все большее количество душъ, и въ настоящемъ году сила бѣдствія дошла до исключительныхъ размѣровъ, выражаясь оффиціально 85 милліонами голодающихъ и по неоффиціальному подсчету даже суммой въ 93.500.000 голодающихъ. Къ неурожаю присоединилась засуха, къ страданіямъ отъ голода—страданія отъ жажды. «Деканъ представляетъ теперь выжженную пустыню,—пишетъ очевидецъ.—Земля высохла и растрескалась. Каждый порывъ вѣтра поднимаетъ тучи ѣдкой пыли. Колодцы и рѣки пересохли». «Очень часто—пишетъ другой очевидецъ,—на улицахъ деревень и на большой дорогѣ можно видѣть собакъ, грызущихъ трупы умершихъ отъ голода крестьянъ. Разъ, въ теченіе часа, я насчиталъ 40 такихъ труповъ. Въ поляхъ всюду валяются обглоданные человѣческіе костяки». «Никогда Индія не переживала еще такого кризиса, какъ теперь. Болѣе четверти всего населенія имперіи голодаетъ. Крестьяне потеряли свой скотъ. Около 800 тысячъ рабочей скотины пало уже». Къ голоду присоединилась чума; всюду учреждены карантины, которые мѣшаютъ передвиженію нуждающихся въ менѣе пострадавшія мѣстности для заработковъ. Англійскія власти приписываютъ эти страшныя бѣдствія недостатку дождей, между тѣмъ просвѣщенные индусы даютъ иное объясненіе. «Недостатокъ дождей есть только поводъ къ голоду, но не причина его. У насъ раньше были запасы хлѣба про черный день, но мало-по-малу мы распродали эти запасы, чтобы добыть деньги на уплату становящейся все тяжелѣе поземельной и подушной подати и соляного налога»... Прежде въ Индіи была развита кустарная промышленность; но англійское правительство сдѣлало изъ Индіи рынокъ для англійскихъ фабрикантовъ, и мѣстная промышленность была быстро подавлена. Вслѣдствіе этого, единственнымъ источникомъ существованія осталось земледѣліе съ его невѣрнымъ урожаемъ. Далѣе индусы жалуются, что громадныя суммы, составляющіяся отъ непомѣрно обременительнаго обложенія населенія, расходуются произвольно имперскимъ правительствомъ на далекія и чуждыя индійскимъ интересамъ цѣли. Такъ, на средства Индіи содержится армія въ Китаѣ и Занзибарѣ, также въ Афганистанѣ, Персіи, Сіамѣ и Малайскомъ полуостровѣ, поддерживается африканскій телеграфъ; кромѣ того, изъ этихъ же средствъ выдаются высокіе оклады жалованья и пенсій англійскимъ чиновникамъ въ Индіи, устраиваются желѣзныя дороги и т. п. Какія же мѣры принимаетъ англійское правительство для борьбы съ голодомъ? Въ этомъ отношеніи любопытна судьба такъ называемаго «Голоднаго фонда», или спеціальныхъ средствъ для помощи голодающимъ. Съ 1880 г. по 1895 г. въ Индіи не было голода, и въ кассѣ «Голоднаго фонда» должны были скопиться солидныя суммы—220 мил. рублей, не считая процентовъ на капиталъ; но когда въ 1896 году наступилъ снова голодъ, эти суммы оказались постыдно растраченными — на экспедицію противъ ашантіевъ, на кампанію въ Читралѣ, на занятіе Египта и войну съ дервишами! Въ прошломъ году англійское правительство организовало въ Индіи общественныя работы, состоящія въ раздробленіи щебня, съ очень низкой сдѣльной платой. Но испугавшись наплыва на эти работы, оно предпи-

сало администраціи «затруднять доступъ на работы лицамъ, привлекаемымъ легкимъ трудомъ и высокимъ заработкомъ!» Въ виду этого, заработная плата была понижена до 5—8 к. въ день для мужчинъ и до 4—6 к. для женщинъ. На этихъ работахъ заняты въ настоящее время шесть милліоновъ, т.-е. 7—8% всего голодающаго населенія. Не смотря на безпримѣрно бѣдственное положеніе населенія, правительство все-таки «рѣшило собрать во что бы то ни стало земельный налогъ, и въ настоящій моментъ (въ мартѣ 1900 г.) вся податная машина пущена съ этой цѣлью въ ходъ»: лордъ Керзонъ, вице-король Индіи, предписалъ взыскивать подати со всею строгостью закона.

За границей.

Щедрость американцевъ. Ни въ одной странѣ, повидимому, университеты не пользуются такою популярностью, какъ въ сѣверной Америкѣ. Во многихъ европейскихъ государствахъ, напримѣръ во Франціи, университетамъ часто приходится испытывать финансовыя затрудненія. Такъ, напримѣръ, первымъ актомъ парижскаго университета, превращеннаго въ самостоятельное учрежденіе, былъ заемъ. Ничего подобнаго въ Америкѣ не бываетъ и президентамъ американскихъ университетовъ чаще всего приходится заботиться не о томъ, гдѣ бы достать денегъ, а о томъ, чтобы придумать, куда употребить доллары, которые сыпятся на нихъ «золотымъ дождемъ». Дабы наши читатели не подумали, что мы преувеличиваемъ, мы приведемъ нѣсколько цифръ. Только одинъ гарвардскій университетъ получилъ за истекшій годъ 6.184.927 франковъ различныхъ пожертвованій. Къ этому университету примыкаетъ коллегія молодыхъ дѣвушекъ, называемая «Коллегіею Ратклифъ». Связь между этими двумя воспитательными учрежденіями носитъ совершенно особый характеръ. Студентки коллегіи посѣщаютъ университетскіе курсы, принимаютъ участіе въ университетской жизни, но живутъ внѣ стѣнъ университета и не могутъ получить степень доктора. Въ этомъ отношеніи еще не произведено реформы въ духѣ женскаго движенія, но, по слухамъ, она уже готовится, и въ этомъ году былъ такой случай: одна изъ студентокъ коллегіи Ратклифъ, миссъ Пуфферъ, представила ученую работу въ совѣтъ университета. Университетское жюри пришло въ сильное волненіе, такъ какъ изъ всѣхъ работъ кандидатовъ, представленныхъ на соисканіе докторской степени, работа миссъ Пуфферъ оказалась наилучшей. Долго совѣщались профессора университета, какъ имъ поступить. По всей справедливости, слѣдовало бы удостоить кандидатку ученой степени, которой она вполнѣ заслуживала, но университетскій совѣтъ не рѣшился идти наперекоръ традиціямъ и создавать прецедентъ. Такъ, миссъ Пуфферъ и не получила ученой степени, но этотъ фактъ возбудилъ много толковъ въ обществѣ и печати и заявленій о необходимости реформировать университетскій уставъ въ болѣе либеральномъ и современномъ духѣ, и, конечно, это будетъ сдѣлано въ самомъ скоромъ времени.

Коллегія Ратклифъ въ финансовомъ отношеніи независима отъ своего патрона, гарвардскаго университета, и обладаетъ собственными средствами, которыя также составляются пожертвованіями. Въ этомъ году на эти пожертвованія выстроено при коллегіи—гимнастическое заведеніе со всѣми современными приспособленіями, заломъ для дѣтей и бассейномъ для плаванія. Кромѣ того, на такія же пожертвованія выстроенъ прекрасный отель для студентокъ. Отдѣльныя денежныя пожертвованія, полученныя колоніей въ прошломъ году, достигаютъ также довольно почтенной суммы—574.000 фр.

Возьмемъ теперь другой университетъ—Колумбія, въ Нью-Іоркѣ. Замѣчательно, что во главѣ этого университета, т.-е. президентомъ его, состоитъ чело-

вѣкъ, не имѣющій никакого отношенія къ міру науки, но избранный на этотъ высокій постъ благодаря своей репутаціи безукоризненной честности и прямоты и своему практическому уму. Это нѣкто Сидней Лоу, избранный кандидатомъ на должность нью-іоркскаго мэра и горячо возстававшій противъ всякихъ злоупотребленій. Подъ его управленіемъ университетъ Колумбія достигъ высокаго процвѣтанія и развитія. Благодаря ему, университетъ переведенъ за городъ, гдѣ для него выстроены комфортабельныя зданія на возвышенностяхъ Морнингсайда, откуда открывается прелестный видъ на всѣ окрестности Нью-Іорка, на Гудзонъ и его берега и на самый городъ.

Университетъ переведенъ въ новое помѣщеніе недавно и это обстоятельство словно усилило рвеніе жертвователей. Дары такъ и посыпались на него, и въ теченіе года онъ получилъ не меньше 1.772.000 фр. Очень много жертвуется на стипендіи и научныя пособія. На улучшеніе обсерваторіи пожертвовано 25.000 фр. На организацію научной геологической экспедиціи въ Африку пожертвовано 625.000 фр. Бывшіе ученики университета Колумбія также находятся въ числѣ жертвователей. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ скульпторъ Френчъ, жертвуютъ свои произведенія, статуи, картины, бронзу. Одинъ изъ жертвователей подарилъ университету подъемную машину, а другой—локомотивъ, оцѣненный въ 50.000 фр. Что касается научныхъ коллекцій, то ихъ всегда получается множество. Къ чести американцевъ слѣдуетъ сказать, что они считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ и обязанностью поддерживать всякое воспитательное и общественное учрежденіе, и между ними въ этомъ отношеніи существуетъ чрезвычайно благородное соревнованіе. Если какая-нибудь коллегія или университетъ нуждается въ деньгахъ для расширенія своей дѣятельности или постройки новыхъ зданій, то стоитъ только объявить объ этомъ въ газетахъ— «кличъ кликнуть»—чтобы немедленно нашлись жертвователи и внесли необходимую сумму; каждый изъ американскихъ милліардёровъ непремѣнно считаетъ своимъ долгомъ связать свое имя съ какимъ-нибудь общественнымъ учрежденіемъ и преимущественно университетомъ. Извѣстный американскій милліардёръ Корнеджи—«желѣзный король», какъ его называютъ, опять сдѣлалъ въ этомъ году огромныя пожертвованія тремъ университетамъ—Чикаго, Филадельфіи и Берклея. Большія суммы жертвуются также на выдачу всякаго рода премій за лучшія литературныя произведенія, стихи и т. п. Пожертвованія эти вносятся обыкновенно въ редакціи наиболѣе распространенныхъ газетъ.

Конференція Анатоля Франса объ армянахъ. Въ парижскомъ театрѣ «Водевиль» извѣстный французскій писатель Анатоль Франсъ, членъ французской академіи, прочелъ лекцію въ пользу армянскихъ сиротъ, привлекшую многочисленную и избранную публику.

Колесо жизни вертится быстро и объ армянахъ уже успѣли позабыть. Тѣни несчастныхъ жертвъ сасунскихъ убійствъ поблекли, такъ какъ новыя событія выдвинули на сцену европейской жизни новые интересы и новыя жертвы. Анатоль Франсъ захотѣлъ проявить своею конференціей интересъ французской публики къ армянамъ и напомнить, что армянскій вопросъ все еще ждетъ своего разрѣшенія, а тысячи армянскихъ сиротъ нуждаются въ помощи.

— Вамъ извѣстно,—сказалъ Анатоль Франсъ,—какимъ образомъ кровавое намѣреніе, зародившееся во дворцѣ на берегахъ Босфора, было приведено въ исполненіе въ горахъ Арарата арміей разбойниковъ, подъ благосклонными взорами вали и пашей и было произведено методическое избіеніе цѣлой человѣческой расы. Я приведу вамъ одинъ маленькій фактъ, который можетъ освѣтить всю картину. Я разскажу вамъ исторію одного курдскаго убійцы.

Спустя нѣсколько времени послѣ избіенія армянъ, докторъ Диллонъ, находясь въ Эрзерумѣ, узналъ, что одинъ курдъ, по имени Мостиго, убійца очень

многихъ христіанъ, приговоренъ къ повѣшенію. Это извѣстіе чрезвычайно удивило доктора Диллона, такъ какъ онъ зналъ, что, по турецкому обычаю, убійцы христіанъ обыкновенно осыпаются различными гражданскими и военными почестями и ужъ ни въ какомъ случаѣ не приговариваются къ повѣшенію. Ему захотѣлось повидать человѣка, который составлялъ такое исключеніе изъ общаго правила. Сдѣлать это было не трудно. Онъ заплатилъ хорошій «бакшишъ» (взятку) и его впустили въ тюрьму, гдѣ сидѣлъ Мостиго.

Курдъ, повидимому, нисколько не былъ подавленъ своею участью и съ величайшею гордостью говорилъ доктору о своихъ подвигахъ: «Мы грабили дома и уносили деньги, ковры, уводили скотъ и женщинъ,—говорилъ онъ.—Мы грабили путешественниковъ. Молва о нашихъ смѣлыхъ и великихъ подвигахъ распространялась далеко. Мы совершали такія дѣла, которыя изумили бы всѣ двѣнадцать державъ, если бы онѣ услышали о нихъ!»

Онъ похвалялся, такимъ образомъ, выражая надежду, что его имя будетъ увѣковѣчено и что вся Европа знаетъ о немъ. «Мы нападали на армянскія деревни,—прибавилъ онъ,—и убивали людей, которые, иначе, убили бы насъ!»

— Значитъ, армяне вамъ сопротивлялись, когда вы уводили у нихъ скотъ и женщинъ?—спросилъ докторъ Диллонъ.

Мостиго отвѣчалъ съ полною искренностью.

— Большею частью они намъ не оказывали никакого сопротивленія. У этихъ христіанскихъ народовъ не было оружія; имъ запрещено было имѣть его. Притомъ же они отлично знали, что если бы даже у нихъ и было оружіе, то это не составило бы разницы. Если бы они убили кого-нибудь изъ насъ, то явились бы турки и отплатили бы имъ, потому что турки ихъ ненавидятъ, а не мы; курды хотятъ только денегъ и добычи, а турки хотятъ отнять у нихъ и землю, и жизнь.

— Хорошо,—возразилъ докторъ, — но вы-то, значитъ, совершили черезъ чуръ много преступленій, ограбили и разорили слишкомъ много деревень, слишкомъ много убивали и насиловали. И вотъ теперь вы сами поплатились за это; не правда-ли?

Мостиго презрительно улыбнулся и пожалъ плечами.

— Какое это имѣетъ отношеніе къ моему приговору!—сказалъ онъ.—Я наказанъ вовсе не за то, что грабилъ и убивалъ армянъ. Вѣдь это всѣ мы дѣлаемъ, притомъ же я убивалъ рѣдко, только тогда, когда мнѣ оказывали сопротивленіе.

— Такъ армяне не причемъ въ вашей судьбѣ!—воскликнулъ докторъ съ удивленіемъ. — Вы, значитъ, не за убійства армянъ приговорены теперь къ повѣшенію?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ спокойно курдъ. — Армяне только выдали меня. Если я буду повѣшенъ, то лишь за то, что я ограбилъ турецкій постъ и изнасиловалъ жену турецкаго полковника, который находился тутъ въ Эрзерумѣ. Не за армянъ же я стану страдать!

Въ этихъ словахъ Мостиго заключается все. Если бы онъ ограничился армянами, то его, разумѣется, не тронули бы турецкія власти и онъ даже получилъ бы награду за «священное убійство». Исторія Мостиго поучительна и выясняетъ то, что произошло въ 1895 году, когда были убиты 300.000 армянъ. Но не всѣ армяне выказывали покорность курдамъ и были перебиты жесточайшимъ образомъ. Нѣкоторые изъ армянъ, напримѣръ, армянское горное племя въ Зейтунѣ, побѣдоносно выдержало нападеніе цѣлой турецкой арміи, снабженной артиллеріей. Правда, ихъ городокъ на вершинѣ горы представлялъ настоящую неприступную крѣпость и они долго выдерживали осаду, согласившись капитулировать лишь тогда, когда послы шести великихъ державъ гарантировали имъ безопасность. Въ большинствѣ же армянскихъ деревень жи-

тели были безжалостно перебиты словно скотъ. Иностранныя державы отправили по этому поводу коллективную ноту Блистательной Портѣ и въ этой нотѣ указывали на ужасныя преступленія, жертвою которыхъ были несчастные армяне.

Тѣмъ не менѣе преступленія эти остались безнаказанными и въ настоящее время положеніе армянъ въ Турціи крайне бѣдственное; 60.000 сиротъ буквально умираютъ съ голоду. Пріютовъ недостаточно, да и тѣ, которые есть, очень бѣдны. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, докторъ Барнумъ изъ Харпута: «Два маленькихъ мальчика пришли изъ Беги въ Харпутъ и просили меня помѣстить ихъ въ пріютъ. У нихъ нѣтъ ни отца, ни матери. Они съ тревогою смотрѣли мнѣ въ глаза и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «Возьми меня въ свой пріютъ, хоть только на годъ, чтобы я могъ выучиться читать и могъ бы сдѣлаться человѣкомъ. Я знаю, что никогда не сдѣлаюсь человѣкомъ, если не выучусь читать и писать. Я бы могъ вмѣстѣ съ этимъ выучиться также чинить башмаки и тогда я всегда могу найти себѣ кусокъ хлѣба.»

«Въ пріютѣ у насъ совершенно нѣтъ мѣста,—прибавляетъ докторъ.—Но развѣ можно отказать этимъ бѣднымъ созданіямъ и бросить ихъ на произволъ судьбы?»

Другой, американскій миссіонеръ пишетъ: «Эти малютки словно взрослые люди. У насъ есть мальчуганы 8—9 лѣтъ, у которыхъ уже въ эти годы развито чувство отвѣтственности. Одинъ мальчуганъ, чувствовавшій себя прекрасно въ нашемъ пріютѣ, объявилъ мнѣ, что онъ не долженъ больше оставаться въ немъ, такъ какъ у него есть бабушка и ему надо работать, чтобы кормить ее. Этому мальчику было всего только 8 лѣтъ.

«Дѣти въ пріютѣ нѣсколько разъ отказывались отъ пищи, прося, чтобы то, что имъ предназначалось, было отдано голодающимъ. Имъ случалось въ теченіе цѣлой недѣли питаться только разъ въ день рисомъ и хлѣбомъ, отдавая все остальное тѣмъ, кого они считали несчастнѣе себя.»

Докторъ Рейнольдсъ разсказываетъ слѣдующій трогательный фактъ: «Получивъ извѣщеніе, что въ одной деревнѣ армяне погибаютъ отъ голода и, не имѣя никакихъ средствъ помочь имъ, я призвалъ 300 сиротъ изъ своего пріюта и спросилъ ихъ: согласны-ли они поголодать одинъ день для того, чтобы предназначенную для нихъ пищу можно было бы отправить въ деревню, гдѣ народъ умираетъ съ голоду. Тотчасъ же 300 маленькихъ ручекъ поднялись вверхъ, въ знакъ согласія!...»

«Въ настоящее время,—закончилъ свою рѣчь Анатоль Франсъ, — триста тысячъ жертвъ взываютъ къ намъ съ вершины Арарата: «Вы не пришли къ намъ на помощь. Мы погибли и теперь погибаютъ наши дѣти. Для того, чтобы мы могли покоиться съ миромъ, дайте хлѣба нашимъ сиротамъ!»

Взрывъ аплодисментовъ былъ отвѣтомъ на эти заключительныя слова.

Пекинъ и Тянь-Цзинь. Въ данный моментъ взоры всего цивилизованнаго міра обращены на два китайскихъ города: столицу Пекинъ и гавань Пекина Тянь-Цзинь, гдѣ разыгрывается кровавая драма, давно уже подготовляемая китайцами, но явившаяся все-таки неожиданностью для неподготовленныхъ къ ней европейцевъ.

Тайное общество «Большіе кулаки», «боксеры» или «лига патріотовъ»—какъ бы ни называли его—проникнутое ненавистью къ иностранцамъ и втайнѣ поощряемое китайскимъ правительствомъ и властями, достигло громаднаго могущества въ Китаѣ и вступило въ борьбу съ цивилизованными государствами. Волненіе началось какъ разъ въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ европейцы рѣзче всего проявляли свою дѣятельность, понастроили желѣзныхъ дорогъ или же только задумали настроить, пооткрывали фабрики и начали эксплуатацію копей. Без-

порядки начались въ Шантунгѣ, гдѣ нѣмцы завладѣли кускомъ территоріи— Кіабтау и оттуда начали пробираться вглубь страны, затѣмъ они перешли въ сосѣднюю провинцію Чжили, гдѣ находится столица и ея гавань Тянь-Цзинь, и въ провинціи Хуней и Хоннанъ, гдѣ бельгійскіе инженеры, павшіе жертвами возстанія, прокладывали желѣзную дорогу изъ гавани Ханькоу на Янгтсекіангѣ къ Пекину. Постройка желѣзныхъ дорогъ, повидимому всего больше волновала китайцевъ, всячески старавшихся препятствовать этому и съ ненавистью взиравшихъ на «парового коня», появленіе котораго должно было совершенно измѣнить экономическое положеніе страны. Европейцы, ослѣпленные взаимнымъ соперничествомъ и стремленіемъ обогнать другъ друга, не замѣчали или не обращали вниманія на глухую вражду, которая все возрастала въ китайскомъ народѣ, съ ненавистью взиравшемъ на то, какъ распоряжались «бѣлые варвары» въ его отечествѣ. Наконецъ эта вражда вспыхнула яркимъ пламенемъ и, подстрекаемыя тайнымъ обществомъ патріотовъ, китайцы ринулись на европейцевъ.

Пекинъ, гдѣ произошли страшныя, кровавыя событія, одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Китая. Онъ лежитъ въ очень плодородной равнинѣ, между двумя большими рѣками: Пейхо и Хунхо. Если смотрѣть на городъ съ горъ, окружающихъ его полукругомъ, то Пекинъ кажется потонувшимъ въ зелени. Это происходитъ отъ массы садовъ и рощъ на кладбищахъ и прилегающихъ къ столицѣ деревень и монастырей. Въ самомъ же городѣ прежде всего поражаютъ громадныя стѣны, которыя его окружаютъ со всѣхъ сторонъ. Городъ раздѣляется на манчжурскій или татарскій городъ и на китайскій городъ. И тотъ, и другой окружены стѣнами. Стѣны, окружающія манчжурскій городъ, очень высоки и широки и у вершины имѣютъ 36 футовъ ширины, такъ что наверху стѣны могли бы свободно проѣхать въ рядъ нѣсколько экипажей. Это излюбленное мѣсто прогулки высшаго китайскаго общества—оттуда открывается прелестный видъ на весь городъ и на императорскіе дворцы съ ихъ разноцвѣтными глазированными крышами, на причудливые павильоны, храмы и пагоды. Дорога на верху стѣны удобная, потому что она вымощена. Въ стѣнахъ, окружающихъ Пекинъ, находится шестнадцать воротъ; семь въ китайскомъ городѣ, шесть въ манчжурскомъ и три въ стѣнѣ, отдѣляющей оба эти города другъ отъ друга. Китайцамъ до послѣдняго времени не позволялось селиться въ манчжурскомъ городѣ, такъ какъ манчжурское племя считалось господствующимъ и большинство китайскихъ придворныхъ и сановниковъ—манчжуры, смотрящіе на китайцевъ свысока. Внутри манджурскаго города находится заповѣдный «желтый» или императорскій городъ, также окруженный высокими стѣнами, за которыми находятся сады и дворцы императора. Лишь очень немногимъ европейцамъ, да и то преимущественно принадлежащимъ къ дипломатическому корпусу, удавалось переступать порогъ заповѣднаго города. Только въ 1873 году въ первый разъ китайскій императоръ принялъ въ торжественной аудіенціи иностранныхъ посланниковъ. До этого времени всѣ попытки устроить такую аудіенцію разбивались о требованіе китайцевъ, считающихъ, что всѣ народы подвластны Китаю, чтобы иностранные посланники становились на колѣни передъ императоромъ и кланялись ему въ землю. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ китайскій дворъ согласился отступить отъ этого требованія придворнаго этикета и посланники были приняты императоромъ безъ такихъ церемоній. Но тѣмъ не менѣе, «Пекинская газета» (оффиціальный отдѣлъ правительства) возвѣстила на другой день населенію, что аудіенція состоялась въ павильонѣ «вассальныхъ народовъ» и что посланники были такъ ослѣплены видомъ сына неба, что пали ницъ, дрожа отъ ужаса и страха, какъ только онъ показался. Послѣ этого аудіенціи посланниковъ стали болѣе обыкновеннымъ дѣломъ и вдовствующая китайская императрица принимала даже европейскихъ дамъ въ своемъ дворцѣ. Тѣмъ не менѣе, китайцы всегда стараются подчеркнуть, во всѣхъ такихъ случаяхъ, свое

презрительное отношеніе къ иностранцамъ, которыхъ называютъ «варварами» и поэтому аудіенція посланниковъ происходитъ въ одной изъ самыхъ простыхъ залъ дворца и не обставлена никакою особенною пышностью. Въ 1861 году, послѣ англо-французско-китайской войны, была учреждена особая иностранная колонія—Цзунгъ-Ли-Ямѣнъ для сношеній съ представителями иностранныхъ державъ. Цзунъ-Ли-Ямѣнъ представляетъ нѣчто вродѣ китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и вѣдаетъ все, что касается внѣшнихъ сношеній Китая.

Къ числу достопримѣчательностей Пекина принадлежитъ императорская обсерваторія и библіотека, въ которой собраны всѣ лучшія произведенія китайской литературы. Тамъ же хранится знаменитая китайская энциклопедія, состоящая изъ 78.308 томовъ, начатая въ 1773 году и продолжающаяся до сихъ поръ. Эта энциклопедія можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ прилежанія китайцевъ. Рядомъ съ библіотекой находится экзаменаціонный корпусъ, заключающій въ себѣ 12.000 камеръ для кандидатовъ, являющихся держать экзаменъ. Китай—это классическая страна экзаменовъ, такъ какъ только посредствомъ экзамена китаецъ достигаетъ высшихъ степеней и получаетъ ученое званіе. Чтобы получить какой-нибудь высшій служебный постъ, китаецъ долженъ сдать высшій экзаменъ и такимъ только образомъ онъ можетъ сдѣлать служебную карьеру. Литературный титулъ, получаемый кандидатами послѣ экзамена, замѣняетъ въ Китаѣ наслѣдственные дворянскіе титулы, существующіе въ другихъ странахъ и каждый китаецъ настолько гордится этимъ титуломъ, что обыкновенно прибиваетъ надъ воротами своего дома доску, гдѣ написанъ этотъ титулъ, служащій ему вмѣсто герба. Что бы мы ни думали о китайской системѣ экзаменовъ, но во всякомъ случаѣ результатомъ ея было то, что такъ стараются вводить у себя всѣ современныя культурныя государства, а именно: всеобщее народное образованіе. Въ Китаѣ образованіе является такимъ необходимымъ условіемъ жизненной карьеры каждаго человѣка, что родители волей-неволей заботятся о томъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ образованіе, такъ какъ иначе для нихъ будутъ закрыты всѣ пути.

На экзамены, происходящіе въ Пекинѣ, иногда являются до 14.000 кандидатовъ, которые считаются гостями императора и получаютъ отъ него содержаніе, только путевыя издержки они уплачиваютъ сами. Въ Пекинѣ экзамены труднѣе, чѣмъ въ провинціи, и продолжаются три дня. Высшіе экзамены, которые сдаютъ только избранные кандидаты, происходятъ въ «заповѣдномъ городѣ» на глазахъ самого императора и кандидаты сдавшіе ихъ, получаютъ званіе «поэта и историка императорскаго двора» и получаютъ высшія государственныя должности. Имена такихъ счастливцевъ, сдавшихъ благополучно трудные экзамены, возвѣщаются особенными гонцами во всѣхъ провинціяхъ Китая.

Въ китайской части Пекина интереснѣйшимъ мѣстомъ является такъ называемый «Мостъ нищихъ», прозванный такъ европейцами, не смотря на его красоту и богатство, такъ какъ онъ весь сдѣланъ изъ мрамора. Названіе это мостъ получилъ не безъ основанія; тамъ происходятъ собранія и совѣщанія нищихъ, сплотившихся въ союзъ, основанный на коммунистическихъ началахъ и представляющій могущественную организацію, члены которой разсѣяны по всѣмъ окрестностямъ Пекина. Эта «армія нищихъ» несомнѣнно примкнула теперь къ арміи боксеровъ или большихъ кулаковъ и принимала не послѣднее участіе въ пекинскихъ событіяхъ.

Другой китайскій городъ, привлекающій теперь взоры всего цивилизованнаго міра, съ тревогою взирающаго на развитіе китайской драмы—это Тянь-Цзинь, одинъ изъ важнѣйшихъ портовыхъ городовъ Китая. Всякія нашествія съ моря и походы европейцевъ на Пекинъ направлялись изъ Тянь-Цзиня, такъ что городъ этотъ можно смѣло назвать ключомъ къ Пекину. Въ новѣйшей исторіи Китая Тянь-Цзинь играетъ большую роль. Въ 1853 году онъ чуть не

былъ взятъ тайпингами и только благодаря непомѣрнымъ усиліямъ китайскимъ войскамъ удалось отбить городъ отъ тайпинговъ, уже стоявшихъ подъ его стѣнами. Спустя пять лѣтъ послѣ этого подъ стѣнами Тянь-Цзиня стояли союзныя войска англичанъ и французовъ. Послѣ того, какъ адмиралы англо-французской эскадры, стоявшей у устья Пейхо, въ маѣ 1858 года, получили въ отвѣтъ на свой ультиматумъ слѣдующее категорическое заявленіе: «Никогда сынъ Неба не потерпитъ, чтобы европейскіе посланники проживали въ Пекинѣ! Также точно и большія рѣки страны никогда не могутъ быть открыты для европейской торговли!»—соединенные отряды тотчасъ же произвели нападеніе на форты Таку и англійскія и французскія канонерки отправились вверхъ по неизвѣстной имъ рѣкѣ до Тянь-Цзиня. Китайцы считали совершенно неприступными свои форты у устья Пейхо и поэтому не думали о нападеніи на Тянь-Цзинь, который былъ совсѣмъ не защищенъ. Когда у Тянь-Цзиня появились европейскія военныя суда, то китайцы пошли на уступки и начались переговоры, завершившіеся заключеніемъ тянъ цзинскаго мира, послѣ чего, въ іюлѣ 1858 г. союзные отряды оставили городъ. Но затрудненія этимъ не кончились; китайцы не хотѣли исполнять договора и европейцы возобновили свои враждебныя дѣйствія. Только послѣ вступленія союзныхъ отрядовъ въ Пекинъ, въ 1860 году, былъ заключенъ уже настоящій миръ и Тянь-Цзинь былъ открытъ для торговыхъ сношеній съ европейцами.

Прошло десять лѣтъ послѣ этого, но никакого сближенія между китайцами и европейцами не произошло. И тѣ и другіе оставались другъ другу чужими, если не прямо врагами. Однако до открытыхъ враждебныхъ дѣйствій пока еще дѣло не доходило. Въ 1870 г. начали распространяться въ народѣ разные тревожные слухи; европейцевъ обвиняли въ томъ, что они похищаютъ маленькихъ дѣтей, умерщвляютъ ихъ и монахини приготовляютъ изъ ихъ крови разныя волшебныя снадобья. Народъ началъ волноваться и открыто выказывать враждебность миссіонерамъ, которые нѣсколько разъ обращали вниманіе французскаго консула на грозившую опасность, но консулъ не слушалъ предостереженій и даже запретилъ доносить себѣ объ этомъ. Консулы другихъ націй хотя и замѣчали опасность, но не считали ее настолько грозной и поэтому никакихъ мѣръ не было принято, что и привело въ концѣ концовъ къ избіенію христіанъ въ Тянь-Цзинѣ, извѣстному подъ названіемъ «тянь-цзинской кровавой бани».

21-го іюня 1870 г., въ 9-ть часовъ утра несмѣтныя толпы народа собрались у зданій французской миссіи и французскаго консульства. Толпа бросала каменья въ окна и хотѣла пробиться во внутрь зданія. Китайскія власти, какъ всегда, держались въ сторонѣ и не приняли никакихъ мѣръ къ защитѣ иностранцевъ. Бушующая толпа, разломавъ ворота миссіи, кинулась въ церковь, все уничтожая на пути, къ ризницѣ, куда спрятались два священника. Между тѣмъ французскій консулъ, наканунѣ еще написавшій французскому посланнику слѣдующее донесеніе: «Нашъ маленькій, всегда спокойный городокъ, пришелъ въ волненіе. Толпы народа шумятъ и производятъ безпорядки, но губернаторъ обѣщалъ мнѣ, что онъ издастъ прокламацію для успокоенія умовъ»,—убѣдившись теперь, что дѣло принимаетъ болѣе серьезный оборотъ, чѣмъ онъ думалъ раньше, отправился въ сопровожденіи своего секретаря къ главному мандарину, съ которымъ у него произошла бурная сцена, и на обратномъ пути его закололи китайцы, также какъ и его секретаря. Смертельно раненые, они дотащились все-таки до воротъ консульства, но тутъ упали, истекая кровью. Тогда началось настоящее избіеніе иностранцевъ и спаслись только дѣти сиротскаго пріюта, которыя успѣли спрятаться. Къ шести часамъ вечера уже ни одного иностранца не оставалось въ Тянь-Цзинѣ.

Такое избіеніе иностранцевъ, происшедшее тридцать лѣтъ тому назадъ, представляетъ типичный случай, иллюстрирующій взаимныя отношенія китай-

цевъ и иностранцевъ и ту ненависть, которая то вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, то какъ будто стихаетъ, но, тѣмъ не менѣе, всегда живетъ въ душѣ китайца, не могущаго видѣть въ европейцахъ никого кромѣ враговъ. Съ другой стороны, этотъ фактъ указываетъ, до какой степени иностранные дипломаты плохо знаютъ и понимаютъ китайскую жизнь и какъ мало они въ состояніи угадать окружающія ихъ опасности. Теперь, по прошествіи 30-ти лѣтъ, мы видимъ повтореніе того же самаго въ Пекинѣ.

Замѣчательно, что ненависть къ европейцамъ всего сильнѣе выражается въ большихъ торговыхъ городахъ, гдѣ европейцевъ всего больше и гдѣ сношенія съ ними существуютъ уже давно. Внутри страны, въ земледѣльческихъ провинціяхъ, гдѣ европейцы представляютъ рѣдкое явленіе, они возбуждаютъ большею частью только любопытство, которое порою бываетъ имъ въ тягость, но лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ наталкиваются на прямо враждебныя отношенія.

Самый городъ Тянь-Цзинь раздѣляется рѣкою Пейхо и вливающимся въ нее большимъ императорскимъ каналомъ на три части. Собственно китайскій городъ отличается своею нечистоплотностью. Единственное представляющее интересъ мѣсто въ этой части города — храмъ «наказаній господнихъ», гдѣ изображены различныя кары, постигающія преступниковъ. Тутъ китайская фантазія разъигралась во всей своей ужасающей свирѣпости и одинъ видъ этихъ картинъ и пластическихъ изображеній всевозможныхъ казней и пытокъ приводитъ въ содроганіе и указываетъ, чего можно ожидать отъ китайцевъ, когда чувство ненависти и жестокости разрушитъ всѣ преграды и овладѣетъ народомъ. Неудивительно, что мысль о тѣхъ сценахъ, которыя должны были происходить въ Пекинѣ, заставляетъ насъ содрогаться отъ ужаса.

Нынѣшнія китайскія событія, застигшія европейцевъ врасплохъ, подготовлялись, впрочемъ, давно и только еще разъ подтвердили полную несостоятельность близорукой и эгоистической политики европейцевъ, ревниво подстерегающихъ другъ друга и алчно набрасывающихся на Китай, какъ на лакомую добычу. Китай по прежнему остался «неизвѣстной величиной» для европейцевъ и они не нашли ключа къ китайскому характеру. Любопытно, что, 14 лѣтъ лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ китайскій военный аташе Ченгъ-Ки-Тонгъ, высказалъ предостереженіе европейцамъ, которое теперь получаетъ пророческій характеръ. Ченгъ-Ки-Тонгъ былъ однимъ изъ блестящихъ представителей молодого Китая и получилъ европейское образованіе. Онъ прочелъ публичную лекцію въ аристократическомъ парижскомъ клубѣ «St.-Simon» и произвелъ огромную сенсацію въ высшемъ свѣтѣ, гдѣ говорили, что его лекція звучала словно вызовъ, брошенный желтою расой бѣлой. Это было 14-го іюня 1886 г. Ченгъ Ки-Тонгъ началъ съ того, что извинился передъ блестящимъ собраніемъ, которое почтило его лекцію своимъ присутствіемъ, за свой «неизящный китайскій видъ», тонко подсмѣиваясь надъ своею китайскою наружностью, своею косой и т. д.». Затѣмъ онъ разсыпался въ похвалахъ,—въ которыхъ также звучала тонкая иронія,—парижскому изящному вкусу, парижскимъ портнымъ, поварамъ, театрамъ и парижскимъ красавицамъ. Каждый мандаринъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ броситься къ ногамъ прекрасной парижанки, хотя ножки ея не такъ малы, какъ ножки китаянки. Развивая далѣе свою мысль, китаецъ, все подъ видомъ похвалы, началъ высказывать горькія истины французамъ. Онъ далъ имъ понять, что ихъ, такъ называемая, блестящая цивилизація прикрываетъ тщеславіе, легкомысліе и глубокую испорченность націи. Продолжая любезно извиняться передъ своею аудиторіей въ своей «китайской неловкости» и неумѣньи выражаться, онъ наговорилъ ей много непріятныхъ вещей и въ концѣ концовъ, коснувшись отношеній европейцевъ къ Китаю, сказалъ: «Вы не знаете Китай! Онъ слишкомъ великъ. Мы сами, ки-

тайцы, не вполнѣ знаемъ его. Европа, вообще не отличающаяся познаніями другихъ, въ особенности она плохо знаетъ китайцевъ и дѣлаетъ большую ошибку, рѣшаясь такъ легкомысленно разсуждать о Китаѣ, который ей издали представляется какою-то крохотною вещью. Но Китай—это громадный резервуаръ скрытыхъ и еще дремлющихъ силъ, китайцы — консервативный, мирный, земледѣльческій народъ. Европейцы обращаются съ ними, какъ будто они отстали въ умственномъ развитіи, а между тѣмъ, китайцы все-таки «выдумали порохъ» и сами считаютъ европейцевъ варварами и непрошенными пришельцами. Уже въ теченіе многихъ столѣтій китайцы не помышляютъ о войнѣ, они не одержимы воинственнымъ духомъ и неохотно станутъ воевать. Но кто знаетъ? Быть можетъ, въ ближайшемъ будущемъ произойдутъ удивительныя вещи. Желтая раса еще не сказала своего послѣдняго слова. Въ тотъ день, когда китайцы нѣсколько позабудутъ о своемъ Конфуціи и подобно вамъ начнутъ изучать теорію войны, въ тотъ день, когда у нихъ появятся европейскіе инструкторы и они пріобрѣтутъ—средства имъ позволяютъ это!—за свой опіумъ и чай крупповскія пушки, броненосцы и миноноски, и вооружатъ всѣ свои боевыя силы, въ тотъ день Европѣ придется считаться съ ними и, пожалуй, не легко будетъ свести эти счеты!»

Возможно, что этотъ день, предсказанный китайцемъ 14 лѣтъ тому назадъ, наступилъ теперь.

Профессоръ Мазарыкъ и чехи. Извѣстный пражскій профессоръ Мазарыкъ, навлекшій на себя столько непріятностей и преслѣдованій со стороны антисемитовъ, своимъ вмѣшательствомъ въ пресловутый полненскій процессъ, надѣлавшій въ прошломъ году столько шума, недавно былъ проѣздомъ въ одномъ маленькомъ чешскомъ городкѣ и по просьбѣ обывателей прочелъ тамъ лекцію о школѣ и ея значеніи для народа. По окончаніи лекціи, въ которой профессоръ говорилъ о великомъ значеніи образованія для народа, начались пренія по поводу важнѣйшихъ вопросовъ дня. Профессора обступили его слушатели, среди которыхъ было много рабочихъ и крестьянъ, и начали задавать ему вопросы. Прежде всего рѣчь зашла о религіи, профессоръ высказался въ пользу самой абсолютной и широкой религіозной терпимости. «Религія не должна служить ни для политическихъ цѣлей, ни для гегемоніи,—сказалъ онъ,—иначе она будетъ не проповѣдью слова Господа, а проповѣдью ненависти и стремленія къ власти. Каждый можетъ молиться Богу такъ, какъ онъ хочетъ, лишь бы молитва его была искренняя. Религія должна удерживать отъ человѣконенавистничества и учить быть снисходительными и справедливыми».

Отъ религіи профессоръ перешелъ къ вопросу о языкѣ, который является источникомъ такихъ затрудненій въ Австріи и въ особенности среди чеховъ вызываетъ столько волненій и смутъ. Одинъ изъ присутствующихъ обратился къ профессору съ вопросомъ, что онъ думаетъ объ изгнаніи нѣмецкаго языка изъ обращенія въ Чехіи.—«Я думалъ,—воскликнулъ профессоръ,—что съ этимъ вопросомъ о языкахъ связано величайшее недоразумѣніе! Позвольте мнѣ, въ свою очередь, задать вамъ вопросъ: кто изъ васъ можетъ сказать, положа руку на сердце, что онъ можетъ совершенно обойтись безъ нѣмецкаго языка? Скажите откровенно, нуженъ намъ нѣмецкій языкъ или нѣтъ?»—обратился профессоръ къ присутствующимъ.

Въ залѣ произошло какъ бы минутное замѣшательство, но затѣмъ раздались голоса: «Ну да, конечно, намъ нуженъ нѣмецкій языкъ. Безъ него трудно обойтись. Мы должны обучать своихъ дѣтей нѣмецкому языку!»

— Когда такъ,—сказалъ профессоръ Мазарыкъ,—то развѣ мы повредимъ себѣ, если сознаемся открыто, что намъ дѣйствительно нуженъ нѣмецкій языкъ, что безъ него мы не можемъ обойтись, но пользоваться имъ мы должны въ извѣст-

ныхъ границахъ. Эти границы надо установить посредствомъ публичнаго обсужденія этого вопроса. Во всякомъ случаѣ этотъ споръ о языкахъ наноситъ ущербъ странѣ и тормозитъ ея дальнѣйшее развитіе. Обѣ стороны должны постараться найти исходъ, который прекратилъ бы такое невыносимое положеніе дѣлъ».

Коснувшись затѣмъ полненскаго процесса, профессоръ Мазарыкъ сказалъ, что ему дѣйствительно пришлось вынести много непріятностей только вслѣдствіе того, что онъ выступилъ въ защиту справедливости и хотѣлъ предостеречь христіанъ отъ опаснаго суевѣрія. «Вѣру въ ритуальныя убійства я считаю опаснымъ суевѣріемъ,—прибавилъ онъ,—и не разъ въ своихъ брошюрахъ предостерегалъ христіанъ отъ этого. Клерикальные и радикальные антисемиты теперь выходятъ изъ себя, потому что чешскій медицинскій совѣтъ подтвердилъ мой взглядъ на полненское убійство и отвергнулъ его ритуальный характеръ. Но я писалъ свои брошюры не противъ юристовъ и врачей, а противъ юридическихъ и медицинскихъ суевѣрій, которыя приносятъ такой вредъ обществу».

По окончаніи собранія профессору Мазарыку была устроена восторженная овація и въ числѣ привѣтствовавшихъ его замѣчены были многіе изъ тѣхъ, которыхъ считали до сихъ поръ антисемитами. Ярые противники нѣмецкаго языка точно также не возражали профессору на его заявленіе, что «безъ нѣмецкаго языка обойтись невозможно!» Спокойная и преисполненная достоинства рѣчь профессора, не побоявшагося высказать прямо свой взглядъ, произвела впечатлѣніе на его многочисленную аудиторію, состоявшую изъ 400 человѣкъ, такъ что полицейскія мѣры, принятыя мѣстными властями, оказались совершенно лишними.

Изъ области женскаго движенія. Австрія, отставшая отъ другихъ европейскихъ странъ, въ области женскаго движенія, которое выражалось въ ней гораздо слабѣе, нежели въ сосѣдней Германіи, сдѣлала теперь большой шагъ впередъ въ этомъ отношеніи. Министерство просвѣщенія, собирающееся произвести реформы высшаго женскаго образованія, пригласило на совѣщаніе объ этихъ реформахъ нѣсколькихъ женщинъ, начальницъ школъ, предсѣдательницу женскаго промышленнаго союза и др. На обсужденіе собранія были представлены нѣсколько пунктовъ, касающихся организаціи высшихъ женскихъ школъ. единства программы, обязательныхъ и необязательныхъ предметовъ и цѣли учрежденія женскихъ лицеевъ (Mädchen Lyceum). Въ Австріи высшими женскими школами называются собственно гимназіи и программа этихъ школъ соотвѣтствуетъ гимназической программѣ. Австрійское министерство просвѣщенія имѣло въ виду произвести нѣкоторое измѣненіе въ существующей программѣ, расширить ее и увеличить число женскихъ лицеевъ или гимназій, которыхъ до сихъ поръ было очень мало. Важнымъ является въ данномъ случаѣ офиціальное приглашеніе женщинъ къ участію въ совѣщаніяхъ, что произошло въ первый разъ. Въ своей заключительной рѣчи министръ просвѣщенія благодарилъ присутствующихъ и «въ особенности дамъ», причемъ, какъ водится, выразилъ надежду, что работы коммиссіи приведутъ къ хорошимъ результатамъ и вопросъ объ организаціи высшихъ женскихъ школъ въ Австріи получитъ удовлетворительное рѣшеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ Вѣнѣ образовался союзъ съ цѣлью организаціи свободныхъ университетскихъ курсовъ для женщинъ. Союзъ этотъ называется «Athaeneum» и стоитъ въ непосредственной связи съ народными университетами (университетскимъ движеніемъ) и самимъ университетомъ и при этомъ, какъ говорятъ, пользуется негласнымъ покровительствомъ министерства просвѣщенія. Организаторы курсовъ имѣютъ въ виду приспособить ихъ программу къ программѣ преобразованныхъ казенныхъ женскихъ гимназій или лицеевъ. Кромѣ того, союзъ имѣетъ въ виду дать возможность желающимъ приготовиться къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣ-

лости и разсчитываетъ оказать большую помощь учительницамъ, нуждающимся въ пополненіи и расширеніи своихъ свѣдѣній. Открытіе курсовъ произойдетъ въ октябрѣ, но желающіе получить какія-либо свѣдѣнія или записаться могутъ адресовать свои требованія въ «Athaeneum» (Wien. Bezirk, Hessgasse, № 7. Dr. I. Landsherger). Австрійскія женщины, видимо, желаютъ наверстать потерянное время и догнать женщинъ Германіи въ своемъ движеніи впередъ.

Въ Германіи женщины мало-по-малу получаютъ доступъ во многія учрежденія, которыя были закрыты для нихъ. Въ Гамбургѣ новооткрытый «Гетевскій союзъ» рѣшилъ принимать членами женщинъ на такомъ же основаніи, какъ и мужчинъ, хотя первоначально организаціонный комитетъ союза высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ женщинъ. Но самую большую сенсацію въ Берлинѣ вызвало вступленіе г-жи Маріи Рашке, доктора правъ, въ число членовъ юридическаго общества. Правда, президентъ общества, объявляя объ избраніи г-жи Рашке, прибавилъ, что этотъ исключительный случай не долженъ представлять изъ себя прецедента, на основаніи котораго женщинамъ долженъ быть открытъ свободный доступъ въ юридическое общество. Каждый такой случай подлежитъ отдѣльному обсужденію комитета, который можетъ высказаться за или противъ вступленія женщины въ число членовъ. Какъ бы тамъ ни было, но такая уступка юридическаго общества разсматривается, какъ знаменіе времени, и получаетъ особенное значеніе, если принять во вниманіе, что германскія коллегіи и ученыя общества отличаются чрезвычайнымъ консерватизмомъ и неохотно отказываются отъ своихъ традицій. Медицинское общество, напримѣръ, ни за что не хочетъ принимать въ число своихъ членовъ женщинъ-врачей и, вообще, гдѣ только можно, старается воздвигнуть препятствія медицинской дѣятельности женщинъ.

Новый членъ германскаго юридическаго общества, г-жа Марія Рашке собирается издавать популярный юридическій журналъ («Zeitschrift für populäre Rechtskunde») для мужчинъ и женщинъ всѣхъ классовъ общества съ цѣлью, распространить въ публикѣ юридическія познанія, столь необходимыя въ частной и общественной жизни. Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ и первый номеръ его выйдетъ въ октябрѣ.

Стремленія къ высшему образованію и самостоятельности обнаруживаются уже и у восточныхъ женщинъ. Въ Индіи, напримѣръ, число женщинъ, добивающихся высшаго образованія, постоянно возрастаетъ. Въ женской медицинской коллегіи въ Іовѣ (Соединные Штаты) кончаетъ теперь курсъ корейка, г-жа Кимъ-Пакъ, пріѣхавшая въ Америку вмѣстѣ съ мужемъ съ цѣлью изучать медицину. Но мужъ ея умеръ и теперь г-жа Кимъ-Пакъ одна возвращается въ Корею, гдѣ будетъ заниматься медицинскою практикой и, вѣроятно, явится піонеркой женскаго движенія въ Кореѣ.

Женскій митингъ въ Іоганнесбургѣ. Одинъ изъ нѣмецкихъ журналистовъ, пріѣхавшій въ южную Африку какъ только началась война и находившійся въ Іоганнесбургѣ до занятія его англійскими войсками, описываетъ очень любопытный женскій митингъ, который состоялся въ этомъ городѣ въ концѣ мая.

«Въ большой залѣ, гдѣ по торжественнымъ днямъ происходило обыкновенно голландское богослуженіе, должно было состояться на этотъ разъ собраніе африкандерскихъ женщинъ, которыя хотѣли обсудить вопросы, касающіеся войны, и постановить резолюціи. «Зала была еще пуста, когда я пришелъ туда,—разсказываетъ журналистъ,—и только священникъ, который обыкновенно совершаетъ здѣсь богослуженіе, задумчиво прогуливался между скамьями. Наконецъ, появились «бурскія амазонки». Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на нихъ. Съ рѣшительнымъ видомъ занимали онѣ мѣста на скамьяхъ. Тутъ были совсѣмъ молодыя дѣвушки, высокія и тонкія, въ жилахъ которыхъ текла смѣсь гол-

ландской и англійской крови, и матери многочисленныхъ семействъ, уже отяжелѣвшія, но сохранившія энергичное выраженіе лица и, видимо, твердо рѣшившіяся высказать на этомъ митингѣ правду въ лицо «малодушнымъ мужчинамъ». Тутъ были и старухи, помнящія еще то время, когда онѣ вмѣстѣ со своими мужьями участвовали въ сраженіяхъ съ непріятелемъ и которыя вынесли на своихъ плечахъ много невзгодъ кочевой жизни. Большинство женщинъ было въ трауръ по своимъ близкимъ, павшимъ на войнѣ, однако, какъ въ отношеніи наряда, такъ и въ отношеніи наружности, женщины, собравшіяся на митингъ, представляли чрезвычайно рознообразное зрѣлище. Рядомъ съ изящно одѣтыми женщинами, носящими на себѣ явный отпечатокъ лондонскаго или парижскаго воспитанія, сидѣли толстыя матроны, фермерши, одѣтыя безвкусно въ платье изъ грубой, но прочной матеріи домашняго издѣлія. На лицахъ у всѣхъ было серьезное и сосредоточенное выраженіе. Когда всѣ размѣстились, то священникъ взошелъ на каѳедру, произнесъ благословеніе собранію и привѣтствовалъ женщинъ, которыя, подобно «женамъ израиля», хотятъ оставаться вѣрными своему отечеству и рядомъ со своими мужьями защищать его. Послѣ священника къ собранію обратился городской фильдкорнетъ съ просьбою не давать слишкомъ большой воли своему краснорѣчію и не затягивать собранія, извинившись тѣмъ, что у него нѣтъ времени, и просилъ ораторшъ говорить по возможности кратко и не болѣе двухъ разъ. Затѣмъ онъ уступилъ мѣсто ораторшамъ. Первою говорила молодая женщина, извинившаяся передъ собраніемъ въ томъ, что она лучше владѣетъ англійскимъ языкомъ, нежели голландскимъ, и начавшая по-англійски метать громы противъ англичанъ. Но она много высказала вѣныхъ и правильныхъ мыслей и заслужила горячее одобреніе слушательницъ. Между прочимъ, она указала на то, что очень много должностей, въ различныхъ коммиссіяхъ, канцеляріяхъ, на почтѣ, телеграфѣ и т. д., занимаютъ въ настоящее время молодые и годные къ военной службѣ мужчины. Не лучше ли было бы замѣнить ихъ стариками и женщинами, которые могли бы справиться съ ихъ служебными обязанностями, а ихъ отправить на войну, гдѣ они такъ нужны? Затѣмъ, ораторша сказала, что женщины должны стараться поддерживать мужество своихъ родственниковъ и мужей на войнѣ и требовать, чтобы они вели себя, какъ подобаетъ мужчинамъ, иначе они будутъ недостойны ихъ любви, заботъ и вниманія. Ораторша напомнила о прежнихъ временахъ, когда бурамъ приходилось завоевывать каждую пядь земли. Въ борьбѣ съ врагами закалялись энергія и мужество и женщины были храбрыми помощницами, мужественно перенося вмѣстѣ съ мужчинами всѣ лишенія и опасности странствованія по африканской степи въ поискахъ за новою родиной. Какъ часто жена, придерживая одною рукою ребенка у груди, подавала другою рукой заряженое ружье своему мужу! Но теперь недостаточно обладать физическою силой и мѣткостью удара, чтобы имѣть успѣхъ на войнѣ. Война сдѣлалась болѣе сложной и требуетъ большого искусства; кромѣ того, городская жизнь не можетъ приготовить хорошихъ воиновъ и, поэтому, очень многіе изъ горожанъ, вполнѣ способныхъ къ военной службѣ, оказываются въ дѣйствительности мало къ ней пригодными. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что среди женщинъ возникла мысль объ учрежденіи корпуса амазонокъ, для того, чтобы пополнить недостатокъ въ мужчинахъ воинахъ. Ораторша, впрочемъ, только вскользь коснулась вопроса объ амазонкахъ и не высказывалась ни за, ни противъ нихъ, зато другая ораторша, вдова одного бурскаго командира, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалась въ пользу этой идеи. Она говорила по-голландски и въ сильныхъ выраженіяхъ разсказала присутствующимъ, какъ погибъ ея мужъ, пожертвовавшій жизнью за свою страну. Теперь на войнѣ у нея находится братъ, который раненъ, но остался въ строю, и сынъ, который, вѣроятно, погибнетъ также, какъ его отецъ. «Что же я буду дѣлать одна, безъ моихъ близ-

кихъ,— воскликнула она,—и безъ моего отечества! И развѣ мало найдется такихъ женщинъ какъ я, у которыхъ война отняла все? Зачѣмъ же мы будемъ сидѣть, сложа руки! Женщины могутъ и должны сражаться съ врагомъ своей родины, должны защищать свою родину, также, какъ и мужчины. Мое ружье и патроны готовы! Развѣ женщинамъ не нужно оружіе, чтобъ защищаться отъ кафровъ? Правительство должно снабдить женщинъ оружіемъ, сформировать женскій корпусъ. Женщины могутъ отправлять административную и полицейскую службу, имъ не хватаетъ только организаціи. Выберите меня своимъ командиромъ и я поведу васъ къ славѣ и побѣдѣ!»

Эти заключительныя слова ораторши были покрыты оглушительными аплодисментами, долго не умолкавшими.

Всѣ остальныя рѣчи ораторшъ проникнуты были такою же энергіею и пылкимъ стремленіемъ поддержать слабѣющія силы мужчинъ-воиновъ. «Съ какою бы насмѣшкой ни относились въ Европѣ къ этой идеѣ организаціи корпуса амазонокъ,—говоритъ журналистъ,—но тутъ она получаетъ серьезное значеніе. Въ этой залѣ смѣхъ застываетъ на устахъ. Чувствуется, что эти женщины, и старыя и молодыя, не ради шутки собрались сюда; онѣ не играютъ роли и въ душѣ ихъ созрѣло твердое рѣшеніе. При взглядѣ на нихъ становится ясно, что о покорности не можетъ быть и рѣчи. Быть можетъ, дѣйствительно, послѣднія неудачи, занятіе Оранжеваго государства, потеря стольких воиновъ лишили буровъ мужества и это обстоятельство заставило женщинъ такъ энергично выступить на сцену и объявить о своемъ рѣшеніи взяться за оружіе. Это должно подѣйствовать и удержать ихъ бѣгство съ поля битвы. Такъ или иначе, но несомнѣнно, что бурскія женщины совершенно серьезно относятся къ этой идеѣ. Бурскія женщины и дѣвушки не уступаютъ въ храбрости мужчинамъ и, вообще, обнаруживаютъ такую самостоятельность, которой могли бы позавидовать европейскія передовыя женщины—борцы за равноправность женщины!»

Въ заключеніе митинга вотирована была резолюція, предлагающая правительству роздать оружіе женщинамъ, назначить ихъ на различныя полицейскія и другія должности и образовать корпусъ амазонокъ. Тутъ же составленъ былъ списокъ женщинъ и дѣвушекъ, изъявившихъ желаніе поступить на военную службу. Записались болѣе ста женщинъ и митингъ объявленъ былъ закрытымъ. Женщины разошлись по своимъ домамъ, къ своимъ домашнимъ обязанностямъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и хотя правительство, быть можетъ, опасаясь насмѣшекъ, не сочло возможнымъ удовлетворить требованіе женщинъ, но несомнѣнно, что этотъ женскій митингъ оказалъ-таки свое дѣйствіе и поднялъ упавшее мужество мужчинъ.

Проэктъ народнаго дворца въ Парижѣ. Неутомимый Дегермъ, учредитель народныхъ университетовъ въ Парижѣ, задумалъ новый грандіозный планъ и уже пропагандируетъ свою идею всѣми способами. Онъ хочетъ устроить народный дворецъ во французской столицѣ, по образцу тѣхъ, которые существуютъ въ Бельгіи. Успѣхъ его созданія народныхъ университетовъ, конечно, долженъ былъ подѣйствовать на него поощряющимъ образомъ и побудить его расширить свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Одному изъ французскихъ журналистовъ, который бесѣдовалъ съ нимъ объ этомъ, Дегермъ въ слѣдующихъ словахъ изложилъ свой планъ: «Что будетъ представлять изъ себя народный дворецъ? Огромный домъ, который будетъ совмѣщать въ себѣ всѣ элементы физической и нравственной гигіены высшаго разряда. Въ этомъ домѣ будетъ всего понемногу: ванныя, кафе и ресторанъ общества трезвости, гимнастическое заведеніе, рекреаціонный залъ для дѣтей, фехтовальный залъ, затѣмъ театръ и садъ, въ которомъ лѣтомъ будетъ играть музыка, конечно будутъ устроены

залы для чтенія, библіотека, мастерскія, гдѣ желающіе могутъ получать профессіональное образованіе, лабораторіи, при которыхъ будутъ устроены техническіе курсы, музей и залы для выставки. Кромѣ того, въ верхнемъ этажѣ будутъ устроены комнаты для рабочихъ».

На замѣчаніе журналиста, что у него планы очень широкіе, Дегермъ сказалъ, что «не слѣдуетъ ставить въ рамки свои честолюбивыя стремленія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлать добро. Надо дѣлать какъ можно больше и какъ можно лучше!»

— Эта идея народнаго дворца многимъ кажется нѣсколько смѣлой и, пожалуй, даже опасной,—замѣтилъ журналистъ.

— Ничуть не бывало! — воскликнулъ Дегермъ.—У свѣтскихъ людей есть свои клубы, гдѣ они получаютъ тѣ же удовольствія и развлеченія, часть которыхъ мы хотѣли бы доставить парижскимъ рабочимъ. Дѣлая болѣе или менѣе большой взносъ, свѣтскіе люди обезпечиваютъ себѣ извѣстныя удобства и удовольствія, которыя стоили бы имъ гораздо дороже, если бы они не образовали ассоціаціи, которая доставляетъ имъ все это съ меньшими издержками. Почему бы и народу не имѣть своихъ клубовъ Онъ будетъ также платить, конечно, какіе-нибудь пустяки, такъ какъ учредители должны взять на себя часть расходовъ, но за это онъ получитъ то, чего не въ состояніи имѣть въ своей домашней обстановкѣ. Въ Парижѣ есть католическіе клубы рабочихъ, почему бы не быть тамъ клубамъ безъ такой спеціальной окраски? Но, приравнивая народный дворецъ къ обыкновеннымъ клубамъ, мы умаляемъ его значеніе,—прибавилъ Дегермъ.—Цѣли этого учрежденія болѣе широкія. Народный дворецъ будетъ доставлять нетолько удовольствіе и комфортъ своимъ членамъ, но также средства къ пополненію и расширенію своихъ познаній; онъ пріобщитъ своихъ членовъ къ умственной жизни и научитъ ихъ понимать искусство и красоту, но рядомъ съ этимъ онъ дастъ имъ возможность пріобрѣсти нужныя имъ профессіональныя свѣдѣнія и усовершенствоваться въ своемъ мастерствѣ. Было такое время въ нашей исторіи, когда находили опаснымъ пробуждать къ умственной жизни народныя массы, но теперь оно прошло и я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ моихъ соотечественниковъ рѣшился теперь высказать подобныя мысли, тѣмъ болѣе, что исторія показала намъ, что вся эта осторожность далеко не была безкорыстной. Если народный дворецъ будетъ тѣмъ, чѣмъ мы желали бы, чтобы онъ былъ, то онъ не будетъ помогать какой нибудь партіи, но будетъ содѣйствовать прогрессу человѣчества».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Дегерму удастся привести въ исполненіе свою идею, такъ какъ онъ умѣетъ хотѣть и умѣетъ добиваться желаемаго.

Недавно состоялось торжественное открытіе памятника другому дѣятелю на поприщѣ народнаго образованія во Франціи, Жану Масе. Это торжество совпало съ обычнымъ ежегоднымъ конгрессомъ «Лиги просвѣщенія», обязанной своимъ существованіемъ почтенному дѣятелю, автору многочисленныхъ популярно-научныхъ произведеній для юношества и дѣтскаго возраста. Кому неизвѣстны, напримѣръ, «Исторія кусочка хлѣба», «Слуги желудка» и т. д. Но Масе стяжалъ себѣ вѣчную благодарность французскаго народа своими стараніями сдѣлать образованіе общедоступнымъ. Казалось такая простая мысль, что «каждый французскій гражданинъ долженъ умѣть читать и писать», не должна бы встрѣчать возраженія—нигдѣ, но на самомъ дѣлѣ Масе пришлось выдержать упорную борьбу. Противъ него возстали клерикалы; однако, никакія интриги и гоненія и никакая оппозиція не могли заставить Масе отказаться отъ своей идеи и созданная имъ лига не только насадила просвѣщеніе во Франціи, но содѣйствовала развитію въ народѣ сознанія своихъ политическихъ правъ и обязанностей.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«Revue des Revues».—«The Humanitarian».

Французскій консулъ Франсуа въ Юннанъ-Сенѣ, подвергавшійся, вмѣстѣ съ прочими иностранцами, серьезной опасности, когда вспыхнуло возстаніе въ южномъ Китаѣ, но успѣвшій во время добраться до Тонкина, прибылъ на свой постъ только въ октябрѣ прошлаго года, пропутешествовавъ 11 мѣсяцевъ по Китаю, изъ Кантона, черезъ Ліаочефу, въ Юннанъ-Сенъ. Этотъ трудный и долгій путь онъ описалъ въ письмахъ къ другу, напечатанныхъ теперь въ «Revue de Paris». Изъ этихъ писемъ можно вывести заключеніе, что Франсуа умѣлъ обращаться съ китайцами, которымъ онъ внушалъ уваженіе своею военною наружностью и своимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ. Китайцы вездѣ встрѣчали его радушно. Въ Кантонѣ Франсуа пригласилъ своимъ спутникомъ одного ученаго манджура, спеціальность котораго была находить лучшія мѣста для устройства могилъ. Китайцы, какъ извѣстно, придаютъ громадное значеніе выбору мѣста для погребенія своихъ умершихъ. Если предки будутъ погребены ни въ надлежащемъ мѣстѣ, то потомки ихъ не могутъ разсчитывать ни на какія удачи въ жизни. Вполнѣ естественно поэтому, что китаецъ старательно выбираетъ мѣсто для могилы своихъ ближайшихъ родственниковъ. Къ спутнику Франсуа, ученому манджуру, очень часто обращались за совѣтомъ разныя лица и онъ указывалъ имъ благопріятныя мѣста для устройства могилы. «Если я обращалъ его вниманіе на какой-нибудь красивый пейзажъ, говоритъ Франсуа,—то онъ, непремѣнно, дѣлалъ замѣчаніе, годится или нѣтъ это мѣсто для погребенія. Однажды онъ пришелъ въ такое сильное возбужденіе, что я опасался, какъ бы онъ не оторвалъ себѣ свою собственную косу. На мой вопросъ онъ отвѣчалъ мнѣ, что открылъ необыкновенно благопріятное мѣсто для могилы и еслибъ на этомъ мѣстѣ онъ похоронилъ своего отца, то кто-нибудь изъ его потомковъ былъ бы имераторомъ. Но увы! Онъ уже похоронилъ своего отца въ другомъ мѣстѣ, и слѣдовательно, не могъ извлечь пользу изъ своего открытія»!

Этотъ разсказъ Франсуа указываетъ, какое громадное значеніе придаютъ китайцы могиламъ своихъ предковъ и какъ неправильно поступали европейцы, не обращая вниманія на эти чувства китайцевъ и присвоивая себѣ землю, на которой находились китайскія могилы. Нарушеніе покоя умершихъ считается у китайцевъ величайшимъ преступленіемъ и пренебрежительное отношеніе европейцевъ къ тому, что китаецъ считаетъ святыней, могло содѣйствовать укрѣпленію ненависти ихъ къ европейцамъ.

Какъ всѣ европейскіе путешественники Франсуа съ ужасомъ отзывается о нечистоплотности китайцевъ и грязи, среди которой они живутъ. По словамъ Франсуа европеецъ можетъ рискнуть провести ночь во дворцѣ даже какого-нибудь высокопоставленнаго мандарина лишь въ такомъ случаѣ, если онъ захватилъ съ собою свою собственную кровать и можетъ вполнѣ изолировать себя отъ окружающихъ. Франсуа, конечно, позаботился объ этомъ, но описывая своему пріятелю ночлеги въ китайскихъ гостинницахъ, онъ не могъ, повидимому, вспоминать о нихъ безъ содроганія. Такое же чувство содроганія и отвращенія онъ вызываетъ и у читателя своими описаніями китайской гостинницы со всѣми ея атрибутами, грязью, насѣкомыми и невыносимымъ запахомъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить европейца въ такой обстановкѣ.

Китайскіе кули, которыхъ Франсуа долженъ былъ нанять для доставки своего багажа, поразили его своею удивительною способностью переносить, несмотря на свой крайне истощенный видъ, всѣ трудности пути и лишенія. Эти несчастные почти ничего не ѣдятъ и только опіумъ, медленно убивающій ихъ,

даетъ имъ временно силы для исполненія ихъ тяжелой работы. Во время каждой остановки они бросаются на цыновки, постланныя на полу китайской гостинницы, и закуриваютъ свои трубочки съ опіумомъ. Двѣ-три затяжки поднимаютъ ихъ упавшую энергію. Опіумъ замѣняетъ имъ пищу и они тратятъ на него все, что получаютъ. Кули—настоящій вьючный скотъ, но только положеніе ихъ еще хуже, такъ какъ никто не заботится о нихъ. Это бродяги, вѣчно странствующіе изъ одной провинціи въ другую въ ожиданіи работы, одѣтые въ самыя разнообразныя лохмотья и не имѣющіе никакихъ другихъ ресурсовъ, кромѣ ношенія тяжестей, никакого постояннаго заработка и часто понуждаемые голодомъ просить милостыню или превращаться въ грабителей. У кули нѣтъ постояннаго мѣстожительства и все его имущество составляетъ трубка для опіума и стеклянная ламиочка. Если онъ падаетъ на дорогѣ вслѣдствіе истощенія силъ или болѣзни, дизентеріи или лихорадки, то ему не отъ кого ожидать состраданія. Ни его хозяинъ, ни его товарищи не обратятъ на него вниманія; его грузъ возьметъ кто-нибудь изъ свободныхъ кули, всегда сопровождающихъ караванъ въ ожиданіи работы, и его бросятъ умирать на дорогѣ безъ малѣйшаго чувства состраданія и жалости.

Франсуа пришлось познакомиться съ китайскими пиратами и притомъ довольно курьезнымъ образомъ. Онъ просилъ китайскаго префекта въ Кингъ-Юангѣ дать ему конвой, такъ какъ надо было проходить черезъ ущелья и онъ могъ опасаться нападенія разбойниковъ. Каково же было его удивленіе, когда, миновавъ опасное мѣсто и собираясь отпустить конвой, Франсуа узналъ, что это и были разбойники, которые служили ему тѣлохранителями. Предводитель конвоя нашелъ сумму, которую ему заплатилъ Франсуа, слишкомъ ничтожной и сказалъ ему: «Великій господинъ не думалъ о томъ, какъ я объясню своимъ людямъ такую невыгодную сдѣлку? Великій господинъ, самъ хорошо видѣлъ внизу, у входа въ ущелье, что тамъ были 60 человѣкъ, которые занимали высоты, кромѣ тѣхъ, которые были его проводниками. Ну, я имъ сдѣлалъ знакъ, чтобы они не трогали великаго господина и не причиняли ему вреда. Вы видѣли узкій проходъ? У великаго господина страшныя ружья; онъ цѣлится такъ, какъ китаецъ не умѣетъ цѣлиться. Послѣ каждаго выстрѣла одинъ человѣкъ былъ бы мертвъ. Но все-таки, что могъ бы сдѣлать великій господинъ противъ 60 въ такомъ мѣстѣ? Я не могу принять такого маленькаго вознагражденія; мои люди стали бы упрекать меня за то, что я не позволилъ имъ разграбить ящики, которые мы охраняли».

— А я-то воображалъ, что меня конвоировали люди префекта! — восклицаетъ Франсуа. — Мой другъ, сказалъ я предводителю, — это твое дѣло. Жалуйся губернатору, который тебя заставилъ сопровождать меня, но я предупреждаю тебя, что теперь, если ты захочешь произвести на меня нападеніе, то старайся не промахнуться. Ты вѣдь хорошо знаешь мое ружье.

— О нѣтъ,—возразилъ разбойникъ.—Теперь мѣстность неудобна для нападенія, да и люди мои остались въ ущельи. Мнѣ ничего больше не остается, какъ вознаградить себя другими способами, чтобы не даромъ потратить время. Я слышалъ, что черезъ два дня пройдетъ здѣсь караванъ съ опіумомъ. Придется его ограбить!

— Желаю тебѣ удачи, мой милый разбойникъ,—сказалъ ему Франсуа.— Но такъ какъ ты мнѣ доставилъ большое удовольствіе своимъ обществомъ, то я тебѣ удваиваю плату.

Такимъ образомъ мы разстались вполнѣ довольные другъ другомъ —говоритъ Франсуа. Точно также поступилъ и префектъ Туюнфу, но тутъ атаманъ разбойниковъ, взявшій нашъ караванъ подъ свое покровительство, дѣйствовалъ еще откровеннѣе. Передъ отправленіемъ въ путь онъ произносилъ на всѣхъ площадяхъ и публичныхъ мѣстахъ города рѣчи, напоминавшія поэтическую

декламацію, и въ этихъ рѣчахъ обращался ко всѣмъ своимъ друзьямъ, ворамъ китайскаго государства, съ просьбою не трогать людей, находящихся подъ его покровительствомъ и не похищать у нихъ ничего. Самъ онъ былъ воплощенная честность, прибавляетъ Франсуа, и даже не выпилъ у меня ни одной чашки чая.

Опасенія, что женщина потеряетъ свою женственность, лишится своихъ спеціальныхъ привлекательныхъ качествъ лишь только она начнетъ заниматься наукой и сдѣлается равноправной, больше всего тревожитъ французовъ и немедленно выплываютъ наружу, какъ только заходитъ рѣчь о женскомъ вопросѣ. Но не одно только увлеченіе наукой и идеями равноправія французы считаютъ вредными для женщины, съ точки зрѣнія женственности и красоты; въ настоящее время возникаютъ даже опасенія, что увлеченіе различными видами современнаго спорта также окажетъ дурное вліяніе на женщину и лишитъ ее прелести въ глазахъ мужчины. Вопросъ этотъ представляется имъ настолько серьезнымъ и важнымъ, что журналъ «Revue des Revues» рѣшилъ даже организовать «enquête» по этому поводу и запросить разныхъ знаменитостей обоего пола, что они думаютъ о занятіи женщины спортомъ различнаго рода. Вопросы, которые почтенный журналъ предложилъ на всеобщее обсужденіе, были слѣдующаго рода: 1) Перестаетъ ли женщина *быть женщиной*, если она начинаетъ предаваться физическимъ упражненіямъ, извѣстнымъ подъ общимъ именемъ спорта? 2) Можно ли считать занятіе спортомъ полезнымъ развлеченіемъ для современной женщины, или же увлеченіе спортомъ подвергаетъ опасности ея будущность?

На кличъ редакціи откликнулись не одни только поэты и беллетристы и дамы (Карменъ Сильва, М-me Альфонсъ Додэ, Клемансъ Ройе, баронесса Зуттнеръ, герцогиня д'Юзесъ и др.), но также почтенные ученые, очевидно находящіе вопросъ о вліяніи спорта на женственность подлежащимъ серьезному обсужденію. Однако, изъ присланныхъ отвѣтовъ трудно сдѣлать какой-нибудь окончательный выводъ, до такой степени расходятся взгляды авторовъ. Большинство женщинъ высказывается въ пользу спорта, за исключеніемъ г-жи Додэ, которая, вообще, не въ первый уже разъ выступаетъ противницей равноправія женщинъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. «Пусть молодыя дѣвушки занимаются спортомъ и посредствомъ физическихъ упражненій подготовляютъ себя къ радостнымъ испытаніямъ, которыя готовитъ имъ материнство, — говоритъ она,—но у женщины есть другія занятія. Я опасаюсь всего, что отрываетъ женщину отъ ея очага и т. д.» Отвѣты многихъ мужчинъ также выражаютъ подобныя же опасенія. Любопытно, что мнѣнія врачей также расходятся. Одинъ изъ нихъ говоритъ: «Пусть женщина занимается спортомъ, только бы она дѣлала это красиво, изящно и какъ можно менѣе походила бы на мужчину». Другой, докторъ, Герикуръ, самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ спорта съ физіологической, эстетической и соціальной точки зрѣнія. «Идеальное общество,—говоритъ докторъ,—это такое, гдѣ женщина не будетъ работать, такъ какъ у нея будетъ достаточно дѣла у своего очага, среди своихъ дѣтей. Мы, правда, очень далеки отъ такого идеала. Мы встрѣчаемъ женщинъ повсюду. въ мастерскихъ, въ администраціи, на поприщѣ либеральныхъ профессій. Намъ говорятъ, что для нея тутъ дѣло идетъ о жизни и смерти и, слѣдовательно, не время теперь заниматься обсужденіемъ этого вопроса». Далѣе докторъ доказываетъ, что физическія упражненія, составляющія обычную принадлежность дѣятельности мужчины, не только вредны для женщины, но даже безнравственны. Онъ заканчиваетъ свое письмо воззваніемъ къ молодымъ дѣвушкамъ и женщинамъ; первыя должны помнить, что они ничего не выиграютъ, предаваясь такимъ занятіямъ, которыя могутъ нанести имъ ущербъ,

какъ будущимъ женамъ и матерямъ, а вторыя не должны забывать, что вся ихъ сила заключается въ томъ очарованіи, которыя онѣ имѣютъ, какъ жены и матери, и только въ этомъ.

Извѣстный французскій писатель Марсель Прево прислалъ коротенькій отвѣтъ. Онъ воздержался отъ разсужденій насчетъ «великаго очарованія женственности» и только сказалъ: «Я все больше прихожу къ заключенію, что женщина будетъ дѣлать то же самое, что и мужчина, во всемъ, въ наукахъ, въ искусствахъ, въ сферѣ физическихъ и умственныхъ упражненій. И я думаю, что міръ приспособится къ этому, какъ ко всякой необходимой эволюціи».

Профессоръ Роменъ Дуттъ, занимающій каѳедру по исторіи Индіи въ Лондонскомъ университетѣ, печатаетъ въ журналѣ «Humanitarian» статью о религіяхъ древней Индіи. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что только въ Индіи вѣра и традиціи отдаленнаго прошлаго продолжаютъ существовать и проникнуты жизненною силой. Древнія религіи Египта теперь уже составляютъ достояніе прошлаго, а религія древнихъ грековъ и римлянъ сохранилась только въ поэзіи и искусствѣ. Доктрины древнихъ мидянъ и персовъ сохранились только среди индусовъ, проживающихъ въ Индіи, но только у индусовъ звенья цѣпи, соединяющія прошлое съ настоящимъ, сохранились въ цѣлости и хотя формы и обряды религіознаго культа претерпѣли нѣкоторыя измѣненія, но основная доктрина осталась та же, которую мы находимъ въ древнихъ Ведахъ.

Религіи Индіи давно уже служатъ предметомъ изученія, но изслѣдователи преимущественно обращали вниманіе на внѣшнія стороны индусской религіи, упуская изъ вида заложенныя въ ея основу идеи и философію, объединяющія населеніе обширной индійской территоріи и давшія ему возможность противостоять всякому вліянію извнѣ, греческому или персидскому, мусульманскому или христіанскому. Когда индусы потеряли свою національную независимость въ концѣ XV вѣка и подчинились мусульманскимъ завоевателямъ, то все же это не имѣло никакого вліянія на ихъ вѣру, и она пережила это завоеваніе, продолжая горѣть такъ же ярко какъ прежде въ сердцахъ индусовъ. Начиная съ XI-го до XIX-го столѣтія, въ Индіи былъ цѣлый рядъ религіозныхъ реформаторовъ, повторявшихъ милліонамъ благоговѣйныхъ слушателей великія уроки прошлаго и поучавшихъ ихъ истинной вѣрѣ. Во главѣ этой славной серіи индусскихъ реформаторовъ стоитъ Романуя, жившій въ южной Индіи въ XI-мъ вѣкѣ. Онъ проповѣдывалъ единство Бога въ лицѣ Вишну и любовь къ Богу, какъ путь къ спасенію. Однако, противодѣйствіе, которое онъ встрѣтилъ въ странѣ, вынудило его бѣжать изъ нея, но внѣ своей страны онъ нашелъ массу приверженцевъ и устроилъ около семисотъ монастырей, посвященныхъ культу, который онъ проповѣдывалъ. Послѣ него великій Рамананда также проповѣдывалъ монотеизмъ въ сѣверной Индіи. Его главною резиденціей былъ Бенаресъ, но онъ странствовалъ по всѣмъ мѣстамъ и проповѣдывалъ религію Вишну. Предшественникъ его, Романуя, писалъ свои религіозныя сочиненія на санкритскомъ языкѣ, а Рамананда проповѣдывалъ народу и писалъ свои сочиненія на народномъ языкѣ, доступномъ для всѣхъ, и благодаря его проповѣди въ сѣверной Индіи возникало большое религіозное движеніе.

Но самымъ блестящимъ представителемъ индійскихъ религіозныхъ реформаторовъ былъ Кабиръ, ученикъ Рамананды. Онъ лелѣялъ смѣлую идею объединить индусовъ и мусульманъ въ религіозномъ культѣ, такъ какъ и тѣ и другіе поклоняются только единому Богу. «Храмъ индусскаго Бога находится въ Бенаресѣ, а храмъ мусульманскаго Бога въ Меккѣ,—говорилъ онъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ,—но поищите въ своихъ сердцахъ и вы найдете тамъ единаго Бога для индусовъ и мусульманъ».

То, что Кабиръ пробовалъ добиться въ центральной Индіи, то Нанакъ пы-

тался достигнуть въ Пэнджабѣ. Онъ приглашалъ индусовъ и мусульманъ соединиться вмѣстѣ и прославлять единаго Бога. Онъ основалъ великое братство сикковъ, которое въ теченіе многихъ лѣтъ оставалось мирною религіозною общиной и только неразумныя преслѣдованія мусульманскихъ императоровъ превратили сикковъ въ самую воинственную расу современной Индіи.

Религіозный реформаторъ въ Бэнгалѣ также хотѣлъ объединить мусульманъ и индусовъ. Но всѣ эти попытки были неуспѣшны; мусульмане и индусы остаются до нѣкоторой степени врагами, но мусульманамъ, несмотря на ихъ старанія, не удалось подчинить себѣ индусовъ. Индусъ остается вѣренъ прошлому. Всѣ мыслители въ Индіи, всѣ реформаторы всегда обращаютъ взоры къ прошлому и въ немъ ищутъ указаній какъ для религіозныхъ, такъ и для соціальныхъ реформъ. Эта вѣрность Индіи своему прошлому, своей древней философіи и религіи, сохранившихъ жизненныя силы по сіе время, составляютъ загадку, которую до сихъ поръ не могутъ удовлетворительно разрѣшить современные изслѣдователи и мыслители.

Съ парижской выставки.

Конгрессъ французской лиги просвѣщенія и народное просвѣщеніе на выставкѣ.

Французская лига просвѣщенія представляетъ полуоффиціальное учрежденіе. Она получаетъ субсидіи отъ государства, и президентъ республики — ея почетный предсѣдатель, въ комитетъ ея входятъ высшіе государственные чиновники, а конгрессы ея заключаются торжественными рѣчами министра народнаго просвѣщенія. Частная иниціатива является, въ данномъ случаѣ, продолжательницей и помощницей правительства республики въ дѣлѣ образованія французской молодежи. Такое близкое сотрудничество приводитъ къ тому, что лига находится подъ вліяніемъ преобладающихъ въ правительственныхъ кругахъ вѣяній. Если въ правительственныхъ кругахъ преобладаетъ уступчивость по отношенію къ клерикаламъ, лига также дѣлается уступчивой; если нужды момента выводятъ правительство изъ его пассивнаго положенія и вынуждаютъ его къ воинственной антиклерикальной политикѣ, то и лига начинаетъ вспоминать, что ея задача—бороться противъ вліянія конгрегацій. Несмотря на все это, дѣятельность лиги представляетъ все-таки живой интересъ, такъ какъ является самой сильной во Франціи частной организацiей, ставящей себѣ цѣлью демократическое воспитаніе французской молодежи. По докладамъ ея коммиссій и по преніямъ на ея засѣданіяхъ читатель можетъ составить себѣ довольно полное понятіе о состояніи народнаго просвѣщенія во Франціи.

Засѣданія лиги происходили въ маломъ амфитеатрѣ Ришелье. Въ залѣ этой мы находимся подъ тройнымъ покровительствомъ Греціи, Рима и средневѣковой Франціи: Платона, Виргилія и Ришелье. Въ серединѣ полукруглой стѣны помѣщается статуя знаменитаго кардинала; онъ одѣтъ въ костюмъ рыцаря и сидитъ въ креслѣ въ непринужденной позѣ. Справа помѣщается фигура Платона, въ простомъ греческомъ костюмѣ и въ сандаліяхъ. Лобъ философа, на который небрежно спадаютъ волосы, изборожденъ морщинами старости и постояннаго напряженія мысли; его выразительные глаза смотрятъ пытливо, стремясь проникнуть въ тайну мірозданія. Глаза зрителя съ удовольствіемъ переходятъ къ красивой нѣсколько женственной фигурѣ Виргилія, также сидящей, но устремившей глаза къ небу. Благородное, дышащее радостью лицо принимаетъ особенный, почти божественный характеръ отъ лавроваго вѣнка, лежащаго на этой головѣ.

Комитетъ лиги собрался на эстрадѣ. Здѣсь вы найдете людей всѣхъ возрастовъ: старыхъ, сѣдыхъ республиканцевъ, еще носящихъ въ себѣ остатки вѣры въ будущее, вдохновлявшей республиканцевъ подъ имперіей, и молодыхъ энтузіастовъ, стремящихся спасти то, что осталось отъ разныхъ крушеній республиканской партіи: дѣло народнаго образованія.

Предсѣдатель лиги Жакенъ—человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, тихій и скромный; онъ прочелъ коротенькую рѣчь, состоявшую изъ словъ привѣтстія и краткаго очерка развитія лиги и ея парижскаго кружка, предсѣдателемъ котораго является онъ же, Жакенъ. Этотъ парижскій кружокъ игралъ важную роль въ развитіи лиги. Его вдохновлялъ Гамбетта; изъ него въ 1881 году и вышла инипіатива созданія самой лиги, то-есть соединенія разныхъ обществъ для распространенія свѣтскаго воспитанія французской молодежи. Лига постоянно расширяла кругъ своихъ задачъ. Идеалъ лиги — наставлять французскихъ гражданъ не только въ школѣ, но и до поступленія ихъ въ школу и послѣ выхода ихъ оттуда, на торномъ жизненномъ пути.

Рѣчь предсѣдателя особенно получила характеръ современности, когда онъ заговорилъ о борьбѣ лиги противъ клерикализма. Послѣ дѣла Дрейфуса въ республиканскихъ кругахъ Франціи снова началъ повторяться старый пароль: «Клерикализмъ—вотъ врагъ!»

Въ этой новой борьбѣ противъ стараго врага лига занимаетъ почетное мѣсто.

Послѣ предсѣдателя слово взялъ секретарь Робленъ, необыкновенно мелодраматическимъ голосомъ прочитавшій намъ докладъ о настоящемъ положеніи лиги. И секретарь имѣлъ причины плакать. Прежде всего, онъ прочиталъ списокъ умершихъ членовъ, проливъ слезы скорби. Потомъ со слезами радости онъ прочелъ списокъ пожертвованій. Потомъ явилось на сцену неизбѣжное воспоминаніе о Жанѣ Масе и его предсмертныхъ словахъ. Потомъ нѣсколько стереотипныхъ фразъ были посвящены выставкѣ, и все это, какъ говорятъ французы, въ «Style pompier».

Можетъ быть, то, отсутстіе чего поразило меня—явилось бы лишнимъ, такъ какъ исторія движется въ рамкахъ посредственности и пользуется обыкновенными средствами, но я все-таки отмѣчу, что въ группѣ людей, выступавшихъ въ качествѣ докладчиковъ или дѣятелей лиги, я не замѣтилъ ни одного энергичнаго и преданнаго человѣка, который составлялъ бы то, что называютъ обыкновенно душою дѣла, который сообщалъ бы свою вѣру и свой энтузіазмъ во всѣ концы Франціи, какъ сердце, заставляющее биться всѣ артеріи въ тѣлѣ.

Жанъ Масе представлялъ именно такую личность; съ вѣрой и воодушевленіемъ онъ соединялъ терпѣніе и настойчивость настоящаго крестьянина. Но, повидимому, за послѣднія десять лѣтъ своей жизни Жанъ Масе слабо интересовался лигой и довольствовался сенатскимъ мандатомъ.

Жанъ Масе остался безъ преемниковъ, и зритель выноситъ изъ засѣданій конгресса впечатлѣніе, что у его центральной администраціи имѣется въ запасѣ много трогательныхъ словъ и трогательныхъ слезъ, которыя, можетъ быть, и свидѣтельствуютъ о преданности дѣлу, но что преданность эта въ данномъ случаѣ совершенно неактивна. То, что было сдѣлано до сихъ поръ, достигнуто исключительно усиліями анонимной массы сельскихъ и городскихъ учителей и учительницъ и отдѣльныхъ сочувствующихъ людей.

Изъ доклада секретаря Робелена мы узнаемъ, что въ 1882 г. лига насчитывала 1.248 обществъ въ разныхъ концахъ Франціи; теперь ихъ 2.242. Въ прошломъ году, въ ноябрѣ, во время Тулузскаго конгресса число ихъ было 2.012. Съ тѣхъ поръ, за 8 мѣсяцевъ, къ лигѣ присоединилось еще 230 новыхъ обществъ, причемъ въ одномъ только іюнѣ мѣсяцѣ ихъ было 59. Въ настоящую минуту лига не имѣетъ отдѣленія только въ одномъ департаментѣ «Les

hautes Alpes». Еще недавно былъ и другой департаментъ «Mayenne» безъ отдѣленія лиги, но теперь пропаганда туда проникла.

Нужно замѣтить, что мы считаемъ здѣсь только центральныя и руководящія общества, члены которыхъ—взрослые, а существуютъ еще тысячи другихъ обществъ, среди школьниковъ, ставящія себѣ самыя разнообразныя цѣли.

Но большое число обществъ еще не служитъ гарантіей ихъ активности. Изъ доклада кассира Левилье мы видимъ, что членскіе взносы парижскаго кружка уменьшились на 400—500 франковъ. Общій балансъ лиги заключается съ активомъ въ 414.603 франка въ деньгахъ и цѣнныхъ бумагахъ. Сюда входятъ бюджеты отдѣльныхъ обществъ. Но, какъ ни велика эта сумма, она—капля, въ сравненіи съ *миллiардами*, которыми располагаютъ конгрегаціи.

Послѣ доклада кассира слово взялъ г. Дессуа. Онъ прочиталъ докладъ о судьбѣ очень важной резолюціи, принятой на прошлогоднемъ конгрессѣ въ Тулузѣ и направленной противъ конгрегацій. Текстъ этой резолюціи слѣдующій: «Конгрессъ обращается къ пропагандистской дѣятельности соединенныхъ обществъ, чтобы противодѣйствовать вреду, наносимому нравственному и общественному единенію Франціи, развитіемъ конгрегаціонныхъ среднихъ учебныхъ заведеній и обращаетъ вниманіе правительства на опасность назначенія чиновниками молодыхъ людей, получившихъ образованіе не въ государственныхъ учрежденіяхъ».

Нужно замѣтить, что число учениковъ, посѣщающихъ гимназіи конгрегаціи, растетъ въ ужасающихъ пропорціяхъ. Въ 1865 году среднія учебныя заведенія конгрегацій посѣщались 35.000 учениковъ; черезъ 35 лѣтъ число учениковъ удвоилось, а въ 1898 году ихъ насчитывалось 67.643 ученика. Сюда не входятъ ученики такъ называемыхъ «petits séminaires». Въ то же время свободныя, т.-е. частныя свѣтскія среднія учебныя заведенія теряютъ учениковъ. Въ 1865 году такихъ учебныхъ заведеній было 657 и они насчитывали 43.009 учениковъ, въ 1876 г. ихъ только 494—съ 31.249 учениками, а въ 1898 г. число ихъ падаетъ до 202, съ 9.725 учениками *).

Сами конгрегаціи не могутъ скрыть торжества отъ своего успѣха. Вотъ какъ высказывается отецъ Борнишонъ въ іезуитскомъ журналѣ: «Процвѣтаніе нашихъ заведеній возрастаетъ. Мы воспитываемъ въ нашихъ домахъ половину молодыхъ людей, принадлежащихъ къ такъ называемымъ правящимъ классамъ; они выходятъ изъ зажиточныхъ и часто даже богатыхъ семей и занимаютъ высокое, иногда даже очень вліятельное общественное положеніе».

Воспитаніе, получаемое въ школахъ конгрегацій, вполнѣ отвѣчаетъ духу и нравамъ аристократіи; поэтому не удивительно, что послѣдняя посылаетъ туда своихъ дѣтей, а буржуазія предпочитаетъ туда же посылать своихъ дѣтей, потому что, въ этихъ заведеніяхъ, дѣти избавлены отъ «дурного сосѣдства» дѣтей бѣдныхъ классовъ. Отвращеніе къ народу даже сильнѣе у этихъ вчерашнихъ разночинцевъ, чѣмъ у аристократіи. Кромѣ того, благодаря большимъ связямъ и широкому вліянію, которыми пользуется католическое духовенство, воспитанники конгрегацій гораздо легче пробиваютъ себѣ дорогу во всевозможныхъ карьерахъ, а особенно въ военной. А эта карьера и до сихъ поръ больше всего льститъ тщеславію тысячъ французскихъ юношей.

Резолюція Тулузскаго конгресса на пути къ тому, чтобы стать закономъ. Еще въ прошломъ году, 14-го ноября, черезъ нѣсколько дней послѣ конгресса лиги въ Тулузѣ, кабинетъ Вальдека-Руссо внесъ въ палату законопроектъ,

*) L'enseignement secondaire et la République. Communication de M. Dessogye. Въ 1897 г., въ государственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ воспитывалось 84.839 учениковъ, а въ конгрегаціонныхъ, (включая и семинаріи) 84.865 («Revue parlementaire» 1898, p. 135).

по которому отъ кандидатовъ на государственную службу, или въ высшія государственныя учебныя заведенія, требовалось по меньшей мѣрѣ трехгодичное пребываніе въ государственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но парламентская коммиссія по народному просвѣщенію, избранная раньше, и въ большей своей части оппортюнистско-клерикальная, во главѣ съ своимъ предсѣдателемъ, однимъ изъ вождей оппортюнистской партіи, Рибо, слабымъ большинствомъ отбросила правительственное предложеніе. Ея докладчикъ, богатый ліонскій фабрикантъ Эйнаръ, заявилъ, что правительственное предложеніе есть нарушеніе личной свободы и сигналъ къ гражданской войнѣ.

Республиканское демократическое большинство палаты было недовольно докладомъ Эйнара и выразило свое недовольство, принявъ 323 голосами противъ 133, предложеніе радикальнаго депутата Рабле, чтобы недозволенныя оффиціально конгрегаціи были лишены права открывать учебныя заведенія. Коммиссія, занимающаяся закономъ объ ассоціаціяхъ, который долженъ урегулировать отношенія государства къ конгрегаціямъ, обѣщала внести въ свой проектъ новое голосованіе относительно этого вопроса. Предложеніе Рабле было голосовано 14-го іюня, такъ что будущей осенью законопроектъ объ ассоціаціяхъ поступитъ на очередь въ палатѣ.

Какъ санкцію всѣхъ этихъ голосованій, конгрессъ выразилъ слѣдующія пожеланія:

1. Чтобы предложеніе г. Рабле, сдѣланное 14 го іюня и принятое коммиссіей ассоціацій, запрещающее членамъ неразрѣшенныхъ конгрегацій принимать участіе въ преподаваніи, было принято обѣими палатами.

2. Чтобы была учреждена настоящая инспекція надъ свободнымъ образованіемъ и чтобы были приняты мѣры, гарантирующія дѣйствіе закона.

3. Чтобы государственныя стипендіи въ правительственныхъ высшихъ заведеніяхъ выдавались только кандидатамъ, получившимъ образованіе въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Слѣдующее засѣданіе было полно интересныхъ сообщеній. Работы конгресса были формулированы въ пяти докладахъ, представляющихъ заключенія пяти коммиссій. Коммиссіи эти слѣдующія: 1) patronage militaire, докладчикъ г. Дюванъ; 2) роль частной иниціативы въ дѣлѣ послѣ школьнаго образованія, докладчикъ Дессуа; 3) общественное воспитаніе и его методъ (развитіе духа солидарности), докладчикъ Таламасъ; 4) народное образованіе, докладчикъ Бризеръ; 5) средства обезпечить ненормальнымъ дѣтямъ обязательное обученіе, докладчикъ г. Камелакъ.

Первая коммиссія о patronage militaires доложила, что еще на прошлогоднемъ конгрессѣ въ Тулузѣ было принято рѣшеніе потребовать содѣйствія военнаго министра для продолженія среди солдатъ той антиклерикальной пропаганды, которую лига ведетъ внѣ школъ. Съ этою цѣлью лига добивалась отъ министра разрѣшенія солдатамъ присутствовать на вечернихъ курсахъ и на конференціяхъ, организуемыхъ лигой, участвовать въ «petites A» и, наконецъ, разрѣшенія организовать полковыя библіотеки. Эти требованія были формулированы въ письмѣ отъ 4-го декабря 1899 г.; въ своемъ отвѣтѣ отъ 12-го января 1900 г. военный министръ сообщаетъ, что разрѣшеніе по этимъ пунктамъ входитъ въ компетенцію начальниковъ гарнизоновъ разныхъ городовъ. Г. Дюванъ, докладчикъ коммиссіи, и совѣтуетъ разнымъ обществамъ обращаться къ военнымъ начальникамъ своихъ городовъ. Кромѣ того онъ выражаетъ и пожеланіе, чтобы отдѣленія лиги обращали большее вниманіе на физическое воспитаніе молодежи, гимнастику и стрѣльбу, которыя будутъ подготовлять эту молодежь къ военной службѣ. Это заключеніе единодушно принимается. Заключеніямъ этимъ предшествовали нѣсколько прекрасныхъ ввод-

выхъ словъ, которыя мы позволяемъ себѣ привести, считая ихъ заслуживающими вниманія:

«Армія, въ большой демократической странѣ, у народа свободнаго, и иниціатора цивилизаціи, какъ нашъ, стоитъ на стражѣ не только національной независимости, но и на такой же священной стражѣ свободы. Тѣ, кто составляетъ эту армію, завтрашніе граждане, должны имѣть полное сознаніе великой миссіи, которая имъ ввѣрена, и высокаго долга, который они выполняютъ. Тѣсная дисциплина, возлагаемая на нихъ и дѣйствительно необходимая, будетъ тѣмъ легче переноситься и соблюдаться, чѣмъ больше они поймутъ важныя причины, дѣлающія ее необходимой и законной. Говорятъ, что армія—это школа отреченія и самопожертвованія; она можетъ и должна быть также школой гражданскаго чувства. Пусть будетъ принята программа лиги, и скоро армія взамѣнъ сильныхъ и образованныхъ молодыхъ людей, которыхъ мы будемъ ей давать, будетъ возвращать намъ людей, вполнѣ сознающихъ свои общественныя обязанности. Въ эпохи завоеваній и угнетенія практика военной жизни легко соединяется съ самыми худшими привычками. Теперь добродѣтели солдата уже не могутъ быть въ противорѣчіи съ добродѣтелями человѣка. Онѣ не только не исключаютъ другъ друга, но должны, наоборотъ, дополнять другъ друга».

Докладчикъ второй коммиссіи Дессуа представилъ докладъ о «роли частной иниціативы въ внѣшкольной пропагандѣ». Это была скорѣе короткая диссертація о демократической и антиклерикальной задачѣ лиги, чѣмъ докладъ. Дессуа высказалъ похвалу преданности учителей и учительницъ своему дѣлу и предложилъ резолюцію въ этомъ смыслѣ, которая и была принята среди всеобщихъ одобрительныхъ возгласовъ.

Г. Таламасъ, отъ имени третьей коммиссіи, предложилъ резолюцію въ томъ смыслѣ, что въ вечернихъ лекціяхъ и вообще въ пропагандѣ лиги должно обращаться вниманіе на гражданское и политическое воспитаніе дѣтей. На засѣданіяхъ коммиссіи г. Таламасъ настаивалъ на томъ, что программы французскихъ народныхъ школъ не стоятъ на высотѣ нуждъ демократической республики, что онѣ проникнуты націоналистическимъ духомъ.

Отъ имени четвертой коммиссіи г. Бизене предложилъ слѣдующія мѣры для поощренія народнаго образованія внѣ школъ: должно быть установлено закономъ, чтобы при каждой народной школѣ были и курсы для взрослыхъ; руководителямъ этихъ курсовъ должно платиться особое жалованье, въ размѣрѣ 100 франковъ учителю и 60 франковъ—учительницѣ. Это—минимумъ учебнаго года; тѣмъ, кто будетъ правильно посѣщать курсы, должно выдаваться свидѣтельство; свидѣтельство это должно давать своему обладателю извѣстныя преимущества, или при поступленіи въ арміи, или въ разныхъ государственныхъ администраціяхъ.

Шумныя пренія вызвало предложеніе, сдѣланное Бизене отъ имени коммиссіи и состоявшее въ томъ, чтобы на посѣтителей вечернихъ курсовъ была наложена извѣстная небольшая плата. Эта плата должна идти, съ одной стороны, на вознагражденіе учителей, а съ другой—она должна тѣснѣе привязать слушателей къ курсамъ. «Если слушатели будутъ платить, то они будутъ аккуратнѣе и прилежнѣе».

Пятая коммиссія приглашаетъ государство приняться болѣе энергично за воспитаніе глухонѣмыхъ.

Послѣ закрытія конгресса, на площади Арманъ Карель, при большомъ стеченіи публики состоялось освященіе памятника Жану Масе. На пьедесталѣ поднимается фигура женщины, которая лѣвой рукой какъ будто отбрасываетъ отъ себя окутывавшую ее пелену невѣжества, а въ правой рукѣ, высоко-высоко держитъ раскрытую книгу. Въ камнѣ, гдѣ вырѣзанъ медальонъ, изображающій Жана Масе, направо отъ него стоитъ Франція, опирающаяся лѣвой рукой на вѣнокъ, обвивающій

медальонъ Масе, а лѣвой—указывающая дорогу двумъ дѣтямъ, которые стоятъ на пьедесталѣ, подъ самымъ медальономъ Масе; эти дѣти застыли въ позѣ смѣлаго и энергическаго движенія впередъ, головы ихъ слегка обернуты къ раскрытой книгѣ. Лучи знанія, падающіе съ нея, освѣщаютъ имъ путь къ будущему.

Русская публика имѣла, конечно, много разъ случай узнать, кто былъ Жанъ Масе. Мнѣ даже кажется, что Жанъ Масе пользуется въ Россіи особаго рода культомъ, и имя его связано со всякимъ добрымъ начинаніемъ во Франціи. Недавно одна русская, осматривавшая бельгійскій отдѣлъ по народному образованію, спросила у пишущаго эти строки, не былъ ли Жанъ Масе основателемъ открывшихся въ этомъ году народныхъ университетовъ? Увы, со дня его смерти прошло уже 6 лѣтъ. Съ нимъ умиралъ послѣдній представитель того доблестнаго поколѣнія народныхъ учителей, которые при второй имперіи испустили боевой призывъ противъ родившагося 2-го декабря, въ ночь оргіи и насилія, режима.

Къ этому поколѣнію принадлежалъ и учитель Рожаръ, знаменитые «Propos de Labienus» котораго дали сигналъ къ пробужденію. Масе посвятилъ себя болѣе спеціальнымъ образомъ дѣлу народнаго образованія, которому остался вѣренъ до конца своей жизни.

«Les humbles, les petit, pisqu'à ta dernière heure
«Tu les a confondus dans un commun amour
«Toi, sui, voulant pour eux une existence meilleure
«Aimais à répétér: Le Peuple aura son tour

«Et pour réaliser le rêne magnifique:
«La revanche du droit sur l'égoisme humain,
«O, Peuple, il te forgea cette arme pacifique
«Redoutable pourtant: un livre dans ta main!»

(До своего послѣдняго часа ты любилъ слабыхъ и малыхъ. Ты, желая для нихъ лучшаго существованія, любилъ повторять: чередъ народа настанетъ. И чтобы осуществить эту великолѣпную мечту: побѣду права надъ человѣческимъ эгоизмомъ, о, народъ, онъ выковалъ тебѣ это мирное оружіе, мирное и страшное—книгу въ твоей рукѣ!).

Но вернемся снова къ народному образованію. На этотъ разъ мы пройдемъ съ читателемъ выставку по народному образованію, расположенную въ одномъ изъ дворцовъ Марсова поля. Дѣлать обзоръ народнаго просвѣщенія всѣхъ странъ мы, конечно, не станемъ и ограничимся лишь главнѣйшими государствами: Франціей, Соединенными Штатами и Россіей.

Французскій отдѣлъ представленъ лучше всѣхъ въ смыслѣ матеріала, но очень бѣденъ въ смыслѣ таблицъ и статистическихъ данныхъ. Въ выставкѣ принимали участіе какъ частныя конгрегаціонистскія и другія, такъ и государственныя учебныя зеведенія. Спеціальныя школы земледѣлія, архитектуры и изящныхъ искусствъ выставили множество рисунковъ, плановъ, картинъ и статуй. Университеты представлены своей литературой, издаваемыми ими научными журналами, замѣчательными библіографическими рѣдкостями, находящимися въ ихъ библіотекахъ, богатыми коллекціями по археологіи, естественнымъ наукамъ, медицинѣ и т. д. Въ нѣсколькихъ картограммахъ, выставленныхъ въ отдѣльной комнатѣ, мы находимъ слѣдующія статистическія данныя относительно высшаго образованія во Франціи.

15-го января 1900 г. во французскихъ государственныхъ университетахъ было 29.377 студентовъ, изъ которыхъ 9.709 на юридическомъ факультетѣ и 8.781—на медицинскомъ. Въ общей цифрѣ университетскаго населенія женскій элементъ представленъ 965 студентками. Чтобы читатель видѣлъ, какъ

растетъ университетское населеніе во Франціи, мы приводимъ цифру студентовъ отъ 1-го января 1899 г.—28.254 человѣка; черезъ годъ эта цифра увеличилась еще на 1.133 человѣка. 1-го января 1900 г. во Франціи было 1.779 студентовъ-иностранцевъ. Большая часть изъ нихъ (около 800) записана на медицинскомъ факультетѣ, около 400 изучаютъ право, а остальные учатся на другихъ факультетахъ. Всего больше иностранныхъ студентовъ въ Парижѣ (1.118), затѣмъ въ Монпелье (231), Лиллѣ (96), Нанси (92) и т. д. По національностямъ: 397 изъ этихъ иностранныхъ студентовъ — русскіе подданные, 252 — румынскіе, 216 — болгарскіе, 184 — турецкіе (это — болгаре, греки и армяне изъ Турціи), а остальное число распредѣляется между всѣми государствами міра, но всѣ эти страны представлены сравнительно небольшимъ числомъ студентовъ; ни на одну не приходится даже и сотни.

Другой замѣчательный отдѣлъ на французской выставкѣ по народному просвѣщенію, это — выставка разныхъ научныхъ миссій въ Греціи, Египтѣ, Индо-Китаѣ, Восточной Азіи и т. д. На широкихъ полотнахъ, покрывающихъ всю стѣну, видны снимки съ раскопаннаго въ Дельфахъ храма Аполлона. Во французскомъ же отдѣлѣ нужно еще упомянуть выставку разныхъ частныхъ институтовъ и богатыхъ парижскихъ книжныхъ магазиновъ.

Несомнѣнно, самая систематическая литература по народному образованію находится въ отдѣлѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ, кромѣ того, представлены всѣ университеты съ своими прекрасными и богатыми коллекціями по всѣмъ наукамъ. Каталогъ Соединенныхъ Штатовъ состоитъ изъ девятнадцати монографій, обнимающихъ всѣ отрасли народнаго просвѣщенія въ Америкѣ, какъ общественнаго, такъ и частнаго. Каждая изъ этихъ монографій составлена спеціалистомъ и сопровождается необходимыми цифрами и дополненіями.

Изъ второй монографіи: «Kindergarten Education» (Воспитаніе въ дѣтскихъ садахъ) мы узнаемъ слѣдующее: больше всего дѣтскихъ садовъ въ штатѣ Филадельфіи (201 заведеніе), потомъ въ Сенъ-Луи (115), Нью-Іоркѣ (100), Бостонѣ (67), Чикаго (63). А если сосчитаемъ и общественные, и частные дѣтскіе сады, то первое мѣсто будетъ принадлежать Нью-Іорку (600 садовъ), потомъ идутъ штаты Массачузетъ, Мичиганъ, Иллинойсъ, Калифорнія и т. д.

Статистика дѣтскихъ садовъ начинается съ 1873 года. Въ этомъ году было всего 42 дѣтскихъ сада съ 73 учителями и учительницами и 1.252 дѣтьми, въ 1882 году—348 садовъ съ 814 учителями и учительницами, посѣщаемыхъ 16.916 дѣтьми; въ 1892—1.311 садовъ, 2.535 учителей и учительницъ и 65.296 дѣтей, и наконецъ въ 1898 г.—4.363 сада, учительскій персоналъ которыхъ выражался цифрой 8.937 и которые посѣщались 189.604 дѣтьми. Изъ всего этого числа садовъ 1.365 заведеній съ учебнымъ персоналомъ въ 2.532 человѣка и 95.867 дѣтей, поддерживаются штатами или городами; остальные содержатся на частныя средства. Для подготовки необходимаго персонала существуютъ 36 нормальныхъ училищъ (7 въ Нью-Іоркѣ, 5 въ Мичиганѣ, 4 въ Пенсильваніи, 4 въ Калифорніи и т. д.) первоначальное образованіе. Изъ монографій № 3 (Elementary Education), № 4 (Secondary Education—среднее образованіе), № 5 (The American College) и № 6 (The American University) мы извлекаемъ слѣдующія данныя.

Число учащихся въ 1897—1898 г. достигало 16.687.643 и распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: на народныя начальныя школы приходилось 15.838.701 человѣкъ (изъ нихъ 14.589.036 посѣщали общественныя школы, а 1.249.665 дѣтей—частныя) На среднее образованіе приходилось 626.115 человѣкъ; сюда же входятъ и разныя подготовительныя для вступленія въ университетъ заведенія. Изъ этихъ учащихся 459.813 посѣщаютъ общественныя гимназіи, а 166.302—частныя. На высшее, спеціальное, нормальное и университетское образованіе приходилось 222.827 учащихся. Изъ нихъ

84.069 человѣкъ посѣщали общественныя высшія школы, а 138.758 человѣкъ—частныя. По категоріямъ занятій эти учащіеся распредѣляются такъ: 101.058 человѣкъ учатся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ агрономическихъ и инженерныхъ высшихъ училищахъ; 54.231 изучаютъ право, медицину и теологію, и наконецъ 67.583 человѣка учатся въ нормальныхъ школахъ. Извѣстно, что въ срединѣ учебнаго года число учениковъ бываетъ меньше, чѣмъ въ началѣ учебнаго года. Такъ, въ концѣ 1897—1898 учебнаго года цифра училищнаго населенія была, приблизительно, въ 15.038.636 человѣкъ, что составляетъ 20,68% всего населенія штатовъ (72.737.000 жителей) и 70,08% и всего населенія въ возрастѣ отъ 5 до 18 лѣтъ (21.488.294).

Въ отдѣлѣ Financial Statistics мы находимъ, что за 1897—1898 г. на школы израсходовано 194.020.470 долларовъ; на одну душу населенія приходится по 2,67, а на ученика по 18,86 долларовъ.

Какъ извѣстно, въ Америкѣ придается большое значеніе физическому воспитанію молодежи. Въ программахъ начальныхъ училищъ опредѣляется по меньшей мѣрѣ полдня въ недѣлю на «manuel training»—ручную работу.

Тѣлесное наказаніе дѣтей запрещено въ большей части штатовъ. Для учителей, нарушающихъ этотъ законъ, полагаются тяжкія наказанія. Только въ штатѣ Аризона учителямъ предоставляется право прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ для поддержанія школьной дисциплины. Но фактически тѣлесное наказаніе примѣняется еще во многихъ городахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ учительскій персоналъ насчитываетъ гораздо больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ — такъ же, какъ и въ Швеціи, и это не удивительно, такъ какъ высшее женское образованіе тамъ поставлено на надлежащую высоту. Увеличеніе женскаго элемента въ университетахъ идетъ пропорціонально быстрѣе увеличенія мужского элемента. Въ монографіи № 7, «Edukation of women», мы находимъ, что за періодъ 1890—1898 г. число студентовъ, изучающихъ медицину, увеличилось на 51,1%, тогда какъ число женщинъ, занимающихся той же наукой, возросло на 64,2% за то же время.

То же самое явленіе замѣчается и въ другихъ прикладныхъ наукахъ. Число студентовъ, изучающихъ зубоврачебное искусство, увеличилось, за тотъ же періодъ, на 180,2%, а число студентокъ въ этой же области увеличилось на 205,7%; число студентовъ фармацевтовъ возросло на 25,9%, а число женщинъ, изучающихъ фармацевтику, увеличилось, за то же время, на 194,7%. Въ штатахъ есть исключительно мужскіе университеты и на ряду съ ними—смѣшанные. Въ 1890 г. женщинъ не принимали въ учебныхъ заведенія, гдѣ изучаются теологія и право; въ 1899 г. было еще 97 учебныхъ заведеній, гдѣ старое запрещеніе было въ силѣ, но есть уже 68 смѣшанныхъ заведеній, куда принимаются женщины; въ 1899 г. на 69 мужскихъ медицинскихъ заведеній существуетъ уже 80 смѣшанныхъ. Въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ есть высшее юридическое училище только для женщинъ, основанное г-жей Кемпенъ, окончившей Цюрихскій университетъ. За 1897—1898 годъ женскій элементъ въ смѣшанныхъ учебныхъ заведеніямъ достигалъ 17.338 учащихся, а въ спеціально женскихъ учебныхъ заведеніяхъ училось 4.959 женщинъ.

Русскій отдѣлъ выставки по народному просвѣщенію занимаетъ много мѣста и отличается тщательностью, съ которой отдѣльныя общественныя и частныя учрежденія представляютъ свое дѣло, по возможности наглядно, множествомъ статистическихъ сборниковъ, картограммъ, фотографій; выставлены письменныя работы учениковъ, ихъ чертежи, рисунки; и несмотря на все это, когда посѣтитель выходитъ изъ русскаго отдѣла, ему хочется сказать: «все это хорошо, но нѣтъ порядка». Напримѣръ, въ отношеніи литературы и документовъ русскій отдѣлъ самый богатый. Но чтобы извлечь изъ этого матеріала самое существенное, нужно было бы страшно много времени. Мы думали, что все

это сдѣлают сами оффиціальные представители, которые въ краткой брошюркѣ могли бы дать всѣ необходимыя свѣдѣнія и помочь разобраться въ матеріалѣ. Одна такая брошюрка, подъ названіемъ «Народное образованіе въ Россіи», дѣйствительно существуетъ. Она занимаетъ всего 22 страницы, и, однако, въ ея составленіи принимало участіе шесть научныхъ силъ. Во главѣ ихъ стоитъ профессоръ Деру, потомъ идутъ Е. П. Ковалевскій, А. Н. Бенуа, С. С. Григорьевъ, Б. П. Овсянниковъ и В. Галецкій. Каждый изъ этихъ сотрудниковъ долженъ *былъ* написать ровно по $3^1/_2$ страницы.

Въ этой брошюркѣ не указывается на отношеніе числа учениковъ народныхъ школъ къ другимъ даннымъ; въ ней не говорится, сколько учениковъ посѣщаютъ среднія учебныя заведенія, въ ней выпущены также цифровыя данныя бюджета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вообще, эта ничтожная брошюрка крайне бѣдна данными.

1-го января 1899 г. во всѣхъ девяти университетахъ Россійской Имперіи было 16.497 студентовъ и 1.109 вольнослушателей, на населеніе въ 130 милліоновъ. Всего больше студентовъ въ Московскомъ университетѣ (4.407), затѣмъ идутъ Петербургскій (3.788), Кіевскій (2.604), Харьковскій (1.387), Юрьевскій (1.218) и Варшавскій (1.114). Какъ читатель видитъ, свѣдѣній о трехъ другихъ университетахъ нѣтъ совсѣмъ. По отдѣльнымъ факультетамъ 7.109 студентовъ изучали право. Это относится ко всѣмъ девяти университетамъ. По медицинѣ (въ 7 университетахъ) занималось 4.638 студентовъ; на физико-математическомъ факультетѣ (въ 8 университетахъ) было 3.772 студента; на историко-филологическомъ (въ 8 университетахъ)—648 студентовъ. На факультетѣ восточныхъ языковъ, при С.-Петербургскомъ университетѣ, 182 студента, и богословіе изучали (при Юрьевскомъ университетѣ) 148 студентовъ. Объ успѣхахъ университетскаго образованія можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

Въ 1873 г. во всѣхъ университетахъ было 6.145 студентовъ; въ 1880 г.— 8.193; въ 1885 г.—12.939 и въ 1894 г.—13.944.

Къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ нужно причислить еще основанный въ 1811 году Императорскій лицей въ Царскомъ Селѣ, съ 242 воспитанниками (1898); Императорское училище правовѣдѣнія, относительно котораго брошюра не сообщаетъ никакихъ данныхъ; Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ, съ 281 студентомъ (9-го января 1899 г.). Точно также не сообщено никакихъ цифръ относительно Петербургскаго историко-филологическаго института, Московскаго Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Петербургскаго археологическаго института. Въ четырехъ духовныхъ академіяхъ (Кіевъ, Москва, Петербургъ и Казань) учится около 800 студентовъ, въ 10 учительскихъ институтахъ около 700 студентовъ, въ 62 учительскихъ семинаріяхъ и школахъ—4.500 студентовъ и, наконецъ, въ 14 церковно-учительскихъ школахъ съ двухгодичнымъ курсомъ—1.100 учащихся.

Изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній: Петербургская военно-медицинская академія имѣла 1-го января 1899 г. 750 студентовъ и 18 вольнослушателей; ветеринарный институтъ: въ Варшавѣ—151 студентъ, въ Харьковѣ—297, въ Казани—436 и въ Юрьевѣ—262 студента. Цифры эти относятся ко времени до 1899 г. Не упомянуто въ брошюрѣ и число учениковъ въ 8-ми акушерскихъ и 6-ти фельдшерскихъ училищахъ. На женскихъ курсахъ въ Петербургѣ 1-го января 1898 г. было 916 слушательницъ и 44 вольнослушательницы. Изъ нихъ 719 были на историко-филологическомъ и 214 на физико-математическомъ отдѣленіяхъ. Въ женскомъ медицинскомъ институтѣ было 1-го января 1899 г. 386 слушательницъ. Въ брошюрѣ упоминается, что закрытые въ 1882 г. женскіе врачебно-акушерскіе курсы дали медицинское образованіе 1.309 женщинамъ.

Относительно техническихъ и ремесленныхъ заведеній мы находимъ слѣдующія данныя. С. Петербургскій практическій технологическій институтъ Николая I, съ пятилѣтнимъ курсомъ, насчитывалъ 1-го января 1899 г. 1.011 студентовъ и 5 вольнослушателей (изъ нихъ на общемъ курсѣ было 280 человѣкъ, на механическомъ отдѣленіи—605 и на химическомъ 131 человѣкъ). Въ Харьковскомъ практическомъ техническомъ институтѣ Александра III 1-го января 1899 г. было 290 студентовъ, на механическомъ отдѣленіи, 84—на химическомъ и 437 на общемъ курсѣ. Императорское Московское техническое училище насчитывало въ томъ же году 865 студентовъ (механическое отдѣленіе—738 и химическое—127). Рижскій политехническій институтъ имѣлъ въ томъ же 1899 г. 1.446 студентовъ, изъ которыхъ 83—на строительномъ отдѣленіи, 229—на инженерномъ, 352—на механическомъ, 348—на химическомъ, 180—на сельскохозяйственномъ, 294—на коммерческомъ. Кіевскій политехническій институтъ Александра II, открытый въ 1898 г. для техниковъ-инженеровъ по разнымъ спеціальностямъ, насчитываетъ теперь 598 студентовъ. Варшавскій политехническій институтъ Николая II, основанный также съ 1898 г., насчитываетъ теперь 431 студента. Горный институтъ Екатерины II насчитывалъ 1-го января 1899 г. 480 студентовъ. Въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія Александра I въ настоящемъ учебномъ году насчитывается 883 студента, въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ Николая I—353 студента, въ электро-техническомъ институтѣ Александра III—300 студентовъ. По агрономіи существуютъ четыре высшихъ учебныхъ заведенія: 1) Московскій сельскохозяйственный институтъ съ 198 студентами, 2) Лѣсной институтъ имѣетъ 501 учащагося, 3) институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи—260 студентовъ, 4) высшіе курсы винодѣлія въ Крыму.

Относительно высшей художественной школы при С.-Петербургской Императорской академіи художествъ, относительно Московской школы живописи и ваянія, Строгановскаго училища техническаго рисованія отсутствуютъ всякія статистическія свѣдѣнія, также какъ и для высшихъ военныхъ и морскихъ учебныхъ заведеній

Состояніе средняго образованія въ Россіи представляется слѣдующимъ образомъ: 1-го января 1899 г. была 191 гимназія, 53 прогимназіи и 115 реальныхъ училищъ на населеніе въ 130 милліоновъ. Число учащихся неизвѣстно. Къ среднимъ общеобразовательнымъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ нужно прибавить еще четырехклассныя духовныя училища, которыхъ 185, съ 31.000 учениками, и 55 духовныхъ семинарій съ 18.000 учениками. Это все для мужскихъ учебныхъ заведеній, подъ рубрикой. Женскія учебныя заведенія, мы находимъ, что въ Россіи подъ вѣдомствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія есть 346 женскихъ гимназій и прогимназій съ 94.078 учащимися; Маріинскихъ женскихъ гимназій 30 и женскихъ институтовъ 32. Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ есть 20.246 учащихся, а считая и женскія епархіальныя школы съ 15.138 учащимися, въ Россіи всего 477 среднихъ учебныхъ заведенія съ 129.462 учащимися. Для спеціальнаго средняго образованія существуютъ среднія техническія учебныя заведенія, которыхъ 18. Съ прогимназіями могутъ быть ассимилированы лучшія техническія учебныя заведенія, которыхъ 20; ремесленныя училища нормальнаго типа, числомъ 22, 75 училищъ ремесленныхъ учениковъ, 66 промышленныхъ школъ, 35 низшихъ ремесленныхъ школъ, 158 техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ, 44 мореходныхъ класса для подготовки штурмановъ и шкиперовъ каботажнаго и дальняго плаванія; 6 горныхъ школъ и, наконецъ, деревенскія ремесленныя учебныя мастерскія (15), находящіяся въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ. Нужно упомянуть еще Петербургскую школу пивоваренія и Мо-

сковское прядильнотвацкое училище. Среднихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній 11—съ 1.449 учащимися; а низшихъ—101 (1898). Изъ нихъ:

1) общихъ сельскохозяйственныхъ училищъ 68, съ 2.491 учениками;

2) школъ садоводства и огородничества—19, съ 611 учащимися;

3) 10 школъ по молочному хозяйству;

4) четыре женскія школы сельскаго хозяйства и домоводства, съ 148 учащимися;

5) 8 практическихъ школъ для обученія рабочихъ и одна школа овцеводства.

Кромѣ того, существуетъ 28 низшихъ лѣсныхъ школъ.

Относительно первоначальнаго народнаго образованія мы находимъ слѣдующія цифры изъ статистическихъ свѣдѣній по народному образованію въ Россійской Имперіи (1898 г.). Изданіе М. Н. П. Текстъ русскій и французскій.

1-го января 1899 г. подъ вѣдомствомъ разныхъ министерствъ и главнаго управленія въ Россіи было 78.699 первоначальныхъ народныхъ училищъ съ 154.652 преподавателями и 4.203.246 учениками на 130 милліоновъ населенія и 18.704.785 квадратныхъ верстъ пространства.

Въ этотъ подсчетъ не входятъ 30.000 еврейскихъ, магометанскихъ и другихъ училищъ. По вычисленію министерства выходитъ, что одна школа приходится на 237 квадратныхъ верстъ и на 1.652 человѣка населенія. Но въ то время, какъ въ Тульской губерніи одна школа приходится на 14 кв. верстъ, въ Подольской 1—на 17, Московской 1—на 18, Кіевской 1—на 21, въ Эриванской губерніи одна школа приходится на 10.059 квадр. метровъ, въ Семирѣченской, 1—на 23.023, Самаркандской, 1—на 40.849, Ферганской, 1—на 70.927 кв. метровъ. Изъ общей цифры школъ 78.669 нужно вычесть 1.378, т.-е. 2,3% школъ для взрослыхъ. Такъ что для малолѣтнихъ остается 76.914 школъ.

10% всѣхъ этихъ школъ, т. е. 7.736 школы, приходится на города, и 69.147, т. е. 90%—на деревни, но такъ какъ въ Россіи городское населеніе составляетъ 12,5% общей цифры населенія, то выходитъ, что въ городахъ школъ пропорціонально меньше, чѣмъ въ деревняхъ. Но учениковъ въ городахъ пропорціонально больше, чѣмъ въ деревняхъ (15% къ 85%). Во всѣхъ 78.699 первоначальныхъ школахъ Россійской Имперіи обучаются 4.203.246 учениковъ, изъ которыхъ 3.136.163 мальчиковъ и 1.057.431 дѣвочекъ. По отношенію къ всей цифрѣ населенія всѣ учащіеся составляютъ 3,2%, а въ частности мальчики—4,8% всего мужского населенія, а учащіяся дѣвочки—1,6% всего женскаго населенія. Учащихся взрослыхъ только 89.045 человѣкъ.

Преподавателей въ начальныхъ школахъ 154.652 человѣка. Численное отношеніе учителей къ учительницамъ извѣстно только для школъ, находящихся подъ вѣдомствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ въ 1898 г. женщины составляли 29,8% общей цифры преподавателей (25.075 на 84.121). Въ городскихъ школахъ число ихъ превышаетъ половину. Въ городскихъ одноклассныхъ школахъ они составляютъ 62,8% всего контингента преподавателей (5.616 на 8.937), въ двухклассныхъ—54,1% (916 на 1.692), а въ воскресныхъ школахъ—67,7% (1.512 на 2.235). Въ 1898 г. было израсходовано на поддержаніе начальныхъ училищъ всего 40.616.149 рублей. Государственное казначейство участвовало въ этой суммѣ только 8.665.274 рублями или 21,3%; земскій сборъ далъ 8.940.200 рублей, т. е. 21,8%, а остальныя суммы были даны сельскими обществами (18%), городскими обществами (13,5%) частными пожертвованіями (12,5%) платой учениковъ (6,8%) и 6.1% изъ разныхъ другихъ источниковъ.

«При Садовѣ побѣдилъ нѣмецкій учитель». Эти слова невольно приходятъ на память, когда переходишь изъ русскаго отдѣла въ японскій, гдѣ неимовѣрные успѣхи, сдѣланные этой страной въ области народнаго просвѣщенія, поражаютъ

посѣтителя. Изъ прекрасныхъ картограммъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ японскаго отдѣла, мы узнаемъ, что страна эта, съ населеніемъ въ $3^1/_2$ раза меньшимъ, чѣмъ въ Россіи (38 милліоновъ), насчитываетъ приблизительно такое же число учащихся въ народныхъ школахъ (4.062.418—въ Японіи и 4.203.246—въ Россіи). Число ея начальныхъ школъ достигаетъ 26.824, съ учительскимъ персоналомъ въ 83.566 человѣкъ. Но сдѣланный прогрессъ всего яснѣе виденъ изъ сравненія цифръ за прошлые года. Въ 1873 году число учениковъ начальныхъ школъ было 1.320.000 (1.000.000 мальчиковъ и 320.000 дѣвочекъ); въ 1880 г.—2.360 000 (1.760.000 мальчиковъ и 6.000.000 дѣвочекъ); въ 1890 г.—3.120.000 (2.200.000 мальчиковъ и 920.000 дѣвочекъ) и, наконецъ, въ 1898 г.—4.062.418 (2.580.018 мальчиковъ и 1.482.400 дѣвочекъ). Изъ всѣхъ дѣвочекъ школьнаго возраста посѣщаютъ школы 53,73%, а 46,27% не посѣщаютъ; изъ всѣхъ мальчиковъ школьнаго возраста 82,42% посѣщаютъ школу и только 17,58% не посѣщаютъ. Расходы по первоначальному образованію возрасли въ 1897 г. съ 8.018.000 японскихъ іенъ на 18.068.000 іенъ. Я не говорю уже объ образцовыхъ университетахъ, высшихъ нормальныхъ и техническихъ школахъ.

За недостаткомъ, мѣста я не могу говорить о состояніи народнаго образованія въ мелкихъ Балканскихъ государствахъ, которыя, правда въ различной степени, но всѣ дѣлаютъ самыя похвальныя усилія, чтобы поднять дѣло народнаго образованія; они уже ввели у себя принципъ обязательнаго всеобщаго обученія. Отовсюду, со всѣхъ материковъ и островозъ свѣта, изъ устъ народовъ всѣхъ расъ и всѣхъ вѣроисповѣданій, вырывается одинъ и тотъ же могучій крикъ: «Licht! Mehr Licht!» Свѣта! Больше свѣта!

Хр. Георгіевичъ.

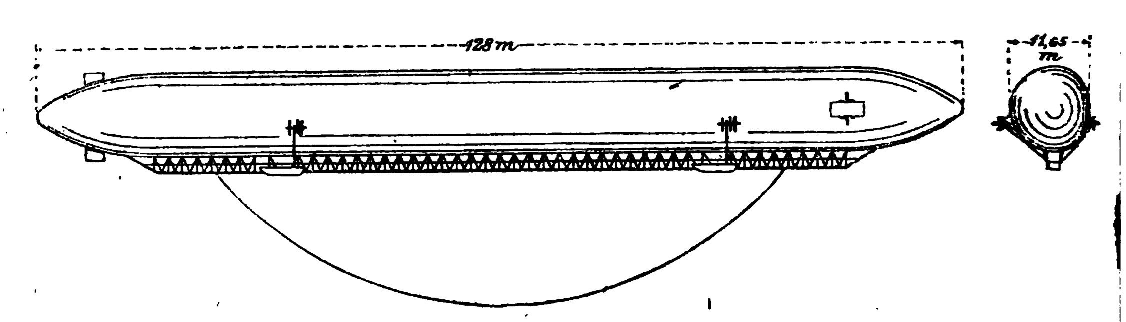
НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Техника. 1) Управляемый воздушный шаръ графа Цеппелина. 2) Телеграфонъ.—**Метеорологія.** О зеленомъ лучѣ.—**Ботаника.** О зернахъ пшеницы и ячменя, найденныхъ въ египетскихъ могилахъ.—**Физіологія.** 1) Распредѣленіе областей воспріятія вкусовыхъ ощущеній въ ротовой полости. 2) Объ усвоеніи бѣлковъ.—**Медицина.** 1) Объ отравленіи аэронавтовъ газомъ. 2) Новый способъ дезинфекціи ранъ.—**Біологія.** О подражательной окраскѣ одного ракообразнаго. **Д. Н.**—**Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго.**

Техника. I. *Управляемый воздушный шаръ графа Цеппелина.* «Рос. Телегр. Агентство» разослало въ газеты телеграммы изъ Фридрихсгафена (на Боденскомъ озерѣ), отъ 19-го и 20-го іюня, въ которыхъ сообщалось, «что воздушный корабль Цеппелина вечеромъ былъ пущенъ черезъ Боденское озеро и присталъ прямо у Иммерстада», и далѣе, что онъ «прошелъ на высотѣ 400 метровъ въ $17^1/_2$ минутъ 6 километровъ; управленіе имъ удалось въ совершенствѣ». Нѣсколько времени спустя въ «Прав Вѣстн.» была помѣщена замѣтка объ этомъ аэростатѣ. въ которой сказано, что «при пробной поѣздкѣ воздушный корабль маневрировалъ одинаково легко и проворно, подвигаясь то взадъ, то впередъ; онъ въ бурю плаваетъ въ воздухѣ такъ же спокойно и свободно, какъ рыба въ водѣ; при быстромъ опусканіи аэростатъ падалъ со скоростью 3 метровъ въ секунду и садился на воду съ ловкостью, напоминавшею утку; оффиціальная экспертиза подтвердила, что полетъ состоялся при неблагопріятныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе онъ совершился вполнѣ удачно». Судя по этимъ извѣстіямъ, можно думать, что корабль Цеппелина вполнѣ разрѣшаетъ задачу полета въ воздухѣ по любому направленію при всякомъ состояніи атмосферы, — задачу, теоретически далеко еще не рѣшенную — что дальше въ этомъ направленіи нечего искать и остается только изучить движеніе новаго аэростата; что же касается возможнаго улучшенія устройства его, то, повидимому, усилія должны быть направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы уменьшить его стоимость. Для полученія средствъ на постройку этого воздушнаго корабля были выпущены акціи на сумму въ 1.250.000 франковъ, большая часть которыхъ была пріобрѣтена вюртембергскимъ королемъ. Корабль строился въ громадномъ плавучемъ сараѣ на Боденскомъ озерѣ. Зимою бурей сорвало съ привязей этотъ сарай и строившійся воздушный корабль сильно пострадалъ, компанія понесла большіе убытки, пришлось выпустить новыя облигаціи, и постройка была закончена. 19-го іюня графъ Цеппелинъ въ сопровожденіи 4 лицъ совершилъ пробный полетъ отъ Манцеля, около котораго строился воздушный корабль, до Иммерстада, на пути успѣшно были выполнены различныя эволюціи, но все же аэростатъ потерпѣлъ небольшую аварію: канатъ съ передвижною тяжестью (о назначеніи этого приспособленія далѣе будетъ сказано) запуталась вокругъ руля, которымъ производятся повороты вправо и влѣво, такъ что онъ пересталъ дѣйствовать; къ тому же наступилъ вечеръ, испытаніе пришлось прекратить, воздушный корабль опустился вполнѣ

благополучно у Иммерстада, былъ привязанъ и остался плавать, какъ корабль на якорѣ; издали онъ и производитъ впечатлѣніе громаднаго броненосца. Небольшая аварія, случившаяся съ воздушнымъ кораблемъ, на будущее время можетъ быть предвидена и заранѣе устранена. По описаніямъ пробнаго полета аэростатъ Цеппелина выдержалъ испытаніе съ честью, и такимъ образомъ съ постройкой его мы получили, повидимому, возможность передвигаться въ воздухѣ по любому направленію, не считаясь съ вѣтромъ. Поэтому подробности устройства этого воздушнаго корабля представляютъ большой интересъ. Довольно подробно онъ описанъ въ статьѣ Медебека, помѣщенной въ №№ 548 и 549 журнала «Prometheus»; этими свѣдѣніями я главнымъ образомъ и буду пользоватьса при дальнѣйшемъ изложеніи.

По идеѣ, воздушный корабль Цеппелина представляетъ собой аэростатъ, снабженный двигателемъ и рулями. Чтобы аэростатъ, снабженный двигателемъ, могъ успѣшно бороться съ сопротивленіемъ воздуха, онъ долженъ имѣть форму сигары; такіе аэростаты устраивались и раньше, такова форма и воздушнаго корабля Цеппелина, но онъ имѣетъ одну весьма важную особенность: благодаря твердому остову, форма его не мѣняется, такъ что своими острыми концами онъ легко разсѣкаетъ воздухъ. Остовъ его, сдѣланный изъ алюминія, рѣшетчатый, на подобіе желѣзно-дорожныхъ мостовъ новой конструкціи, и пред-



Схематическое изображеніе аэростата Цеппелина.

ставляетъ собой 24-гранную призму съ заостренными концами. Промежутки между тонкими алюминіевыми балками, образующими остовъ, затянуты рѣдкой сѣтью изъ стальной проволоки. Поперечными перегородками, также рѣшетчатыми, остовъ раздѣленъ на 17 камеръ. Снутри камеры выстланы сѣтью изъ веревокъ (приготовленныхъ изъ волоконъ рами, т. е. лубяныхъ волоконъ растенія, называемаго китайской травой, Boehmeria nivea). Назначеніе этой сѣти—предохранить отъ поврежденій воздушные шары, заключенные въ камерахъ по одному въ каждой, совершенно соотвѣтствующіе по формѣ этимъ камерамъ; воздушные шары не сообщаются между собою. Раздѣленіе остова поперечными перегородками имѣетъ слѣдующее значеніе: во первыхъ, оно увеличиваетъ крѣпость его во-вторыхъ, даетъ возможность сохранить равномѣрное и постоянное распредѣленіе газа въ аэростатѣ; при отсутствіи перегородокъ, если почему-нибудь одинъ конецъ аэростата поднимется, весь почти газъ перейдетъ въ него, и противоположный конецъ спадется, такъ что условія равновѣсія совершенно измѣнятся (аэростатъ же, не имѣющій твердаго остова, приметъ и форму совершенно иную), что должно отразиться весьма неблагопріятно и на управленіи имъ. Снаружи остовъ цеппелиновскаго аэростата также обтянутъ сѣтью изъ волоконъ рами и, кромѣ того, особой оболочкой, которая состоитъ вверху изъ пегамоида, внизу изъ шелковой матеріи. Эта оболочка, дѣлая поверхность аэростата гладкою, уменьшаетъ треніе при движеніи его въ

воздухѣ, а также служитъ и для того, чтобы форма отдѣльныхъ воздушныхъ шаровъ, заключенныхъ въ камерахъ, не мѣнялась подъ вліяніемъ вѣтра, который, разумѣется, сквозь рѣшетчатыя стѣнки остова могъ бы легко проникнуть. Размѣры аэростата слѣдующіе: длина 128 метровъ (нѣсколько меньше 60 саж.), діаметръ поперечнаго сѣченія—11,6 метровъ (около $5^1/_2$ саж.), площадь поперечнаго сѣченія—103,56 кв. метр., а вся поверхность сопротивленія, т.-е. кромѣ площади и поперечнаго сѣченія аэростата еще и площадь сопротивленія гондолъ и продольной ажурной галлереи подъ нимъ—110,45 кв. метр. Снизу почти по всей длинѣ шара проходитъ также какъ остовъ построенная изъ рѣшетокъ галлерея въ 2 метра высотою и 92 метра длиною; къ ней прикрѣплены двѣ алюминіевыя гондолы, имѣющія форму плоскихъ ящиковъ, черезъ вышеописанную галлерею можно переходить изъ одной гондолы въ другую. Подъ аэростатомъ свѣшивается канатъ, прикрѣпленный концами почти къ концамъ галлереи; на этомъ канатѣ имѣется подвижная тяжесть, при помощи которой можно регулировать положеніе аэростата относительно горизонтальной плоскости. По сторонамъ аэростата надъ гондолами на высотѣ центра поверхности сопротивленія находятся по 2 пропеллера, имѣющихъ форму четырехлопастнаго пароходнаго винта, діаметръ пропеллеровъ 1,15 метр. (немного больше $1^1/_2$ арш.). Пропеллеры приводятся въ движеніе двумя бензиновыми двигателями, по 16 лошадиныхъ силъ каждый, находящимися въ гондолахъ. Такимъ образомъ корабль Цеппелина для передвиженія имѣетъ 32 лош. силы. Его машины и абсолютно, и относительно размѣровъ аэростата далеко превосходятъ всѣ примѣнявшіяся раньше для той же цѣли, но слѣдуетъ замѣтить, что по вычисленію на основаніи данныхъ, полученныхъ ранѣе при помощи аэростатовъ, снабженныхъ пропеллерами, для Цеппелиновскаго корабля, чтобы онъ могъ бороться съ вѣтрами средней силы, нужна машина въ 37 лош. силъ, хотя, правда, такая цифра получается, если не принимать въ разсчетъ формы конца аэростата (т.-е. считать конецъ плоскимъ). Результаты испытанія какъ будто показываютъ, что выгодная форма восполняетъ недостатокъ силы. Моторы Цеппелиновскаго воздушнаго корабля сжигаютъ въ часъ по 6 килогр. (около 15 ф.) бензина. Сосуды для бензина въ каждой гондолѣ вмѣщаютъ по 60 килогр., т. е. корабль имѣетъ съ собой запасъ бензина на 10 часовъ пути, или считая скорость движенія корабля по 8 метровъ въ секунду, какъ это было вычислено и какъ оказалось при испытаніи, на 288 километровъ (около 262 верстъ). На одномъ концѣ аэростата находятся два вертикальныхъ руля, на другомъ—два горизонтальныхъ. Подъемная сила аэростата Цеппелина равняется, приблизительно, 11.300 килогр., а вѣсъ его съ машинами, запасомъ бензина и пятью пассажирами—около 10.000 килогр. (т. е. 625 пудовъ), такъ что онъ можетъ еще взять балласта отъ 1.200 до 1.300 килогр.; въ качествѣ балласта служитъ вода, впрочемъ только часть ея имѣетъ это назначеніе; вода необходима бензиновымъ двигателямъ для охлажденія, такъ что все указанное количество воды не можетъ быть удалено съ аэростата безъ того, чтобы машины не остановились.

Пробный полетъ аэростата Цеппелина, совершившійся при неблагопріятныхъ условіяхъ, далъ блестящіе результаты. Тѣмъ не менѣе, ознакомившись съ его устройствомъ и качествами, можно придти къ заключенію, что далеко не при всѣхъ обстоятельствахъ онъ будетъ двигаться также успѣшно по любому направленію и ужъ, конечно, никакъ нельзя думать, чтобы «въ бурю онъ плавалъ въ воздухѣ такъ же спокойно и свободно, какъ рыба въ водѣ». Мы видѣли, что скорость движенія аэростата Цеппелина равна 8 метрамъ въ секунду или 28,8 километр. въ часъ, между тѣмъ какъ наблюденія надъ скоростью вѣтра въ высотѣ (напр., на вершинѣ Эйфелевой башни) показали, что управляемый аэростатъ, чтобы бороться съ обыкновенными вѣтрами, не говоря объ

ураганахъ, долженъ имѣть возможность двигаться со скоростью 12—15 метр. въ секунду или около 50 килом. въ часъ; скорость же вѣтра во время бури (какъ сообщаетъ «Monthly Meteorog. Magaz.») достигаетъ 120, 134 и даже 290 километр. въ часъ. Далѣе—и это обстоятельство особенно важно—свѣдѣнія о вліяніи формы поверхности сопротивленія при движеніи въ воздухѣ весьма недостаточны, поэтому разсчетъ формы воздушнаго корабля, повидимому, производится въ предположеніи, что онъ движется въ спокойной атмосферѣ, всѣ полученныя такимъ путемъ соображенія и выводы сохраняютъ свою силу, если аэростатъ будетъ двигаться по одному направленію съ вѣтромъ, хотя бы и на встрѣчу ему; въ послѣднемъ случаѣ лишь скорость вѣтра уменьшаетъ соотвѣтствующимъ образомъ скорость аэростата; но если онъ направится подъ угломъ къ направленію достаточно сильнаго вѣтра, то врядъ ли мы въ состояніи предсказать, какой получится эффектъ, такъ какъ при поворотѣ поверхность сопротивленія будетъ все время измѣняться, а вліяніе этихъ измѣненій еще не изучены. Насколько недостаточны въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, можетъ показать слѣдующій примѣръ. На основаніи данныхъ, полученныхъ при наблюденіи надъ полетомъ управляемаго аэростата Кребса и Ренара *), предполагаемая скорость Цеппелиновскаго аэростата должна равняться, по вычисленію Общества для содѣйствія воздухоплаванію—8,33 метра, а по вычисленію майора Баденъ-Пауэля — 11,5 метра въ секунду; разница происходитъ, разумѣется, не отъ ошибки, а отъ того, что вліяніе поверхности было различно оцѣнено.

Все же самый фактъ остается: аэростатъ Цеппелина леталъ и управленіе имъ вполнѣ удалось. Это показываетъ, что задача, хотя и въ извѣстныхъ предѣлахъ, рѣшена; новой идеи для устройства управляемаго аэростата не нужно, если не гнаться за возможностью справиться съ сильнымъ вѣтромъ: вѣдь предугадать за нѣсколькъ часовъ сильный вѣтеръ на основаніи метеорологическихъ данныхъ можно, слѣдовательно, можно избѣжать и опаснаго полета. Самое важное въ управляемомъ аэростатѣ того же типа, какъ цеппелиновскій, это сильный и легкій двигатель; съ развитіемъ производства автомобилей техника въ этомъ направленіи сдѣлала большіе успѣхи; можно надѣятся, что Демлеровскій двигатель, примѣненный Цеппелиномъ, не представляетъ собой предѣла совершенства, такъ что, во всякомъ случаѣ, теперь можно съ увѣренностью сказать, что мы будемъ летать въ любомъ направленіи, отправляясь и останавливаясь по желанію, хотя пока еще съ большой осторожностью и не во всякую погоду.

2) *Телеграфонъ*. Этотъ новый аппаратъ, изобрѣтенный датскимъ электротехникомъ Паульсеномъ и демонстрируемый на парижской выставкѣ, представляетъ собою соединеніе телефона и фонографа. Паульсенъ поставилъ себѣ задачей устроить такой аппаратъ, который бы могъ записывать звуки, чтобы затѣмъ воспроизводить ихъ, подобно фонографу, но на всякомъ разстояніи. Подобный аппаратъ былъ изобрѣтенъ еще въ 1889 году Геммеромъ, но телеграфонъ Паульсена гораздо совершеннѣе этого перваго аппарата и притомъ основанъ на новомъ, ранѣе не примѣнявшемся принципѣ, что и придаетъ ему особенный интересъ; въ телеграфонѣ звуки записываются и воспроизводятся безъ посредства иглы и соотвѣтствующихъ вибраціямъ воздуха углубленій на дискѣ или валикѣ. Паульсену удалось фиксировать измѣненія тока въ телефонѣ во время передачи звука. Въ общихъ чертахъ устройство телеграфона слѣдующее. Въ токъ отъ сухой батареи изъ двухъ или трехъ элементовъ введенъ микрофонъ (какъ въ воспринимающемъ аппаратѣ телефона) и миніатюрный электро-

*) Этотъ аэростатъ имѣлъ почти такую же форму и устройство, какъ и Цеппелиновскій, но безъ твердаго остова; при первомъ испытаніи онъ леталъ со скоростью 6,5 м. въ секунду, при второмъ потерпѣлъ аварію.

магнитъ. Какъ извѣстно, въ микрофонѣ вибраціи воздуха, вызываемыя звуками, соотвѣтствующимъ образомъ увеличиваютъ и уменьшаютъ сопротивленіе току. Этимъ увеличеніемъ и уменьшеніемъ сопротивленія вызывается измѣненіе въ токѣ отъ батареи, а слѣдовательно, также измѣненія въ электромагнитѣ: онъ намагничивается то сильнѣе, то слабѣе. Если передъ этимъ электромагнитомъ помѣстить кусокъ мягкаго желѣза (какъ это сдѣлано въ телефонѣ), то онъ поочередно будетъ также намагничиваться и размагничиваться, но эти измѣненія также быстро исчезаютъ, какъ и вызывающія ихъ звуковыя вибраціи. Если мягкое желѣзо замѣнить сталью, то она будетъ намагничиваться гораздо труднѣе, но зато гораздо дольше будетъ сохранять въ себѣ пріобрѣтенный магнетизмъ. Поэтому-то до сихъ поръ въ подобныхъ аппаратахъ сталь избѣгалась, ея свойства, очевидно, неудобны. Паульсену пришла геніальная идея воспользоваться сталью, чтобы фиксировать измѣненія электромагнита. Въ его аппаратѣ вышеописанный миніатюрный электромагнитъ двигается вдоль цилиндра, на которомъ намотана стальная проволока. Электромагнитъ установленъ такъ, что оба конца его прикасаются съ двухъ сторонъ къ поверхности проволоки. Во время дѣйствія аппарата цилиндръ вращается, а электромагнитъ передвигается съ одного конца цилиндра до другаго, такимъ образомъ концы его пробѣгаютъ по всей проволокѣ. Соотвѣтственно измѣненіямъ въ электромагнитѣ, которыя вызываются звуковыми вибраціями, воспринимаемыми микрофономъ, отдѣльные участки стальной проволоки различно намагничиваются, т. е. проволока какъ будто превращается въ цѣпь безконечнаго количества магнитиковъ, расположенныхъ поперекъ проволоки. Такая магнитная запись сохраняется почти безъ измѣненій въ проволокѣ очень долго.

Если затѣмъ, вмѣсто микрофона, соединить электромагнитъ съ воспроизводящимъ звуки аппаратомъ телефона и снова провести его по длинѣ всей проволоки, то онъ послѣдовательно встрѣтитъ неодинаково намагниченныя мѣста въ томъ порядкѣ, какъ они имъ самимъ были произведены. При всякомъ измѣненіи степени намагничиванія напряженія тока въ обмоткѣ электромагнита будутъ измѣняться и вызовутъ соотвѣтствующія звуковыя вибраціи въ телефонѣ, т. е. будутъ воспроизводиться звуки, вызвавшіе ранѣе измѣненія магнетизма. Несмотря на весьма неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится аппаратъ на выставкѣ—въ галлереѣ машинъ среди всевозможнаго шума—телеграфонъ дѣйствуетъ прекрасно, если электрическій моторъ, приводящій въ движеніе цилиндръ съ проволокой, идетъ правильно. Фразы разговора и аріи телеграфонъ воспроизводитъ безъ непріятнаго шипѣнія обыкновеннаго фонографа, главнымъ образомъ потому, что онъ дѣйствуетъ безъ помощи иглы, треніе которой о пластинку или валикъ и вызываетъ это шипѣніе.

По желанію, закрѣпленныя въ стальной проволокѣ магнитныя измѣненія могутъ быть уничтожены, для этого черезъ обмотку электромагнита пропускаютъ постоянный токъ, но въ обратномъ направленіи, чѣмъ тотъ, которымъ эти измѣненія были вызваны, при чемъ, разумѣется, электромагнитъ проводится по всей проволокѣ. Кромѣ того, нѣсколько измѣненнымъ телеграфонъ можетъ служить вмѣсто телефона, причемъ передаваемые звуки, по желанію могутъ быть сохранены. Измѣненія эти состоятъ въ слѣдующемъ. Описанный выше телеграфонъ дѣйствуетъ въ теченіе 50-ти секундъ, слѣдовательно, для продолжительнаго разговора нужно или постоянно уничтожать записанное, или возобновлять цилиндры. Чтобы избѣжать этого, Паульсенъ придумалъ замѣнить проволоку стальной лентой, навернутой спиралью, какъ бумажная лента въ обыкновенномъ телеграфѣ, на которой одинъ электромагнитъ записываетъ слова, а другой, помѣщенный на нѣкоторомъ разстояніи послѣ него, такъ сказать, читаетъ ихъ и передаетъ обыкновенному телефону. По окончаніи разговора, по желанію, эту ленту можно сохранить съ записью. Какъ было выше упо-

мянуто, магнитныя измѣненія въ проволокѣ и въ лентѣ сохраняются очень долго: по истеченіи года звуки воспроизводились ими также вполнѣ отчетливо, несмотря на то, что за это время онѣ употреблялись по 500, 600 и даже 1.200 разъ. Телеграфонъ можетъ быть примѣненъ еще и къ тому, чтобы одновременно передавать звуки большому числу воспроизводящихъ аппаратовъ. Для этого нужно только на вышеописанной лентѣ помѣстить желаемое количество «читающихъ» электромагнитовъ и соединить ихъ съ телефонами. Если при этомъ ленту сдѣлать въ видѣ безконечнаго ремня и за «читающими» электромагнитами помѣстить электромагнитъ съ постояннымъ токомъ, который бы уничтожалъ записанное, то такая лента можетъ служить неопредѣленно долгое время для передачи звуковъ отъ одного источника большому числу воспроизводящихъ звуки аппаратовъ («La Nature»).

Метеорологія. *О зеленомъ лучѣ.* Послѣдній лучъ заходящаго солнца, опускающагося за горизонтъ довольно быстро, долженъ преломляться, проходя черезъ земную атмосферу, и образовать спектръ, расположенный на касательной къ поверхности земли. Этотъ спектръ быстро проходитъ передъ глазами наблюдателя и поэтому изъ семи его цвѣтовъ обыкновенно воспринимается только зеленый, какъ наиболѣе рѣзко отличающійся и достаточно интенсивный, а иногда и синій, по яркости слѣдующій за зеленымъ. Зеленый лучъ солнца наблюдался неоднократно. Нужно думать, что и другія свѣтила при захожденіи также образуютъ зеленый лучъ, и дѣйствительно въ январѣ нынѣшняго года пассажиры парохода «Saint Laurent» наблюдали прекрасный зеленый лучъ при захожденіи планеты Венеры. Они прислали въ редакцію «Revue Scientifique» за подписью семи лицъ письмо слѣдующаго содержанія. «Позвольте сдѣлать вамъ слѣдующее заявленіе относительно зеленаго луча, часто наблюдавшагося при закатѣ солнца, но появленіе котораго при захожденіи другихъ свѣтилъ оспаривается. Сегодня, 7-го января 1900 года, въ 7½ час. вечера, на пути отъ Сантандера на Мартинику, находясь на 20° сѣв. шир. и 57° вост. долг., мы наблюдали захожденіе планеты Венеры при совершенно чистомъ небѣ, и мы утверждаемъ, что въ тотъ самый моментъ, когда планета скрылась за горизонтомъ воды, она послала намъ великолѣпный зеленый лучъ. Наше утвержденіе подкрѣпляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что нижеподписавшіеся находились не вмѣстѣ, а двумя группами, изъ которыхъ одна была на носу корабля, другая на кормѣ, причемъ до того мы ни разу не имѣли разговора о зеленомъ лучѣ».

Ботаника. *О зернахъ пшеницы и ячменя, найденныхъ въ египетскихъ могилахъ.* Въ журналахъ неоднократно появлялись и опровергались извѣстія о томъ, что зерна хлѣбныхъ злаковъ, найденныя въ египетскихъ могилахъ, способны проростать. На основаніи имѣющихся свѣдѣній относительно того состоянія покоя, въ которомъ находятся зрѣлыя сухія сѣмена, трудно предположить, чтобы они могли сохранить всхожесть въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій; дѣйствительно, опыты показали, что зерна изъ египетскихъ могилъ не проростаютъ, но, разумѣется, испробованы были не всѣ найденныя сѣмена, такъ что все же можетъ еще оставаться нѣкоторое сомнѣніе: вѣдь, отрицательные результаты не убѣдительны; можетъ быть, неудача была случайной. Поэтому большой интересъ представляетъ анатомическое изслѣдованіе этихъ сѣмянъ, произведенное Эдмондомъ Геномъ, результаты котораго онъ сообщаетъ въ «Comptes rendus» Парижской академіи. Матеріаломъ ему послужили многочисленные образцы этихъ сѣмянъ, присланные ему Масперо, который самъ собралъ ихъ по большей части, такъ что въ подлинности сѣмянъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ настоящее время эти коллекціи находятся въ музеѣ Булака. Изслѣдовано было 12 образцовъ пшеницы и ячменя. Зерна были найдены при раскопкахъ въ Джебелейнѣ, Гурна, Саккара, Дендера и Ѳивахъ.

Онѣ относятся къ различнымъ эпохамъ, а именно къ пятой, девятой, восемнадцатой, двадцатой и двадцать первой династіи. Отсюда видно, что образцы, наиболѣе древніе, относятся ко времени, отстоящему, приблизительно, на 41 вѣкъ отъ начала нашего лѣтоисчисленія. Зерна, имѣющіяся въ продажѣ, такъ называемаго blé de momie (пшеницы изъ мумій) совершенно не могутъ считаться подлинными. Поэтому никто не придаетъ значенія опытамъ Штернберга, у котораго два изъ такихъ зеренъ проросли. Впрочемъ, Альфонсъ Де-Кандоль не считаетъ невозможнымъ, чтобы какое-нибудь зерно въ теченіе 40 или 50 вѣковъ сохранило способность проростать. При этомъ, само собою разумѣется, онъ полагаетъ, что зерна изъ египетскихъ могилъ не были предварительно подвергнуты какой-либо обработкѣ, которая могла бы уничтожить ихъ всхожесть. Генъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать при помощи микроскопа на большомъ числѣ образцовъ, сохранилось ли въ такихъ зернахъ ихъ внутреннее строеніе настолько, чтобы можно было предполагать, что онѣ сохранили способность проростанія. Слѣдуетъ замѣтить, что по наружному виду эти зерна превосходно сохранились. Единственно, что бросается въ глаза, это—красновато-коричневый цвѣтъ ихъ. Это было замѣчено всѣми изслѣдователями, тѣмъ не менѣе оказалось, что въ египетскихъ могилахъ во многихъ растеніяхъ нѣкоторыя вещества сохранили вполнѣ свои химическія свойства; такъ, напримѣръ, крахмалъ остался неизмѣненнымъ, судя по его реакціи на іодъ. Это было замѣчено еще Бонастромъ въ 1828 году. Генъ нашелъ, кромѣ того, что крахмалъ сохранилъ способность образовать клейстеръ и превращаться въ декстринъ, и что какъ самыя зерна крахмала, такъ и содержащія ихъ клѣтки въ бѣлкѣ сѣмени вполнѣ сохранили свою форму. Вообще организація бѣлка осталась такою, что питательныя запасныя вещества его вполнѣ могли бы быть утилизированными способнымъ къ жизни зародышамъ. Впрочемъ, еще фанъ-Тигемъ показалъ, что сохраненіе организаціи бѣлка не является необходимымъ для проростанія: въ его опытахъ зародыши прекрасно питались тѣстомъ, приготовленнымъ изъ крахмала. Вещество (энзимъ), при помощи котораго зародышъ растворяетъ предоставленныя ему питательныя вещества (крахмалъ), образуется въ клѣткахъ его самого и распространяется по поверхности прикосновенія его съ бѣлкомъ. Такимъ образомъ, чтобы зерно могло прорости, необходимы слѣдующія условія: во-первыхъ, конечно, чтобы самъ зародышъ былъ способенъ къ жизни, т. е. чтобы онъ сохранилъ свою организацію и могъ бы вырабатывать энзимъ, необходимый для растворенія (переваривания) предоставленныхъ ему запасовъ; во-вторыхъ, чтобы запасныя вещества остались химически неизмѣненными (какъ это и есть въ данномъ случаѣ) и, въ-третьихъ, чтобы зародышъ находился въ соприкосновеніи съ бѣлкомъ. На продольныхъ и поперечныхъ разрѣзахъ сѣмянъ, предварительно размоченныхъ въ водѣ, оказалось вполнѣ ясно, что зародышъ отстаетъ отъ бѣлка. Зародышъ цѣликомъ отдѣляется отъ бѣлка такъ легко, что въ образцахъ у нѣкоторыхъ сѣмянъ онъ отпалъ еще во время перевозки. Зародышъ сохранилъ свое клѣточное строеніе, но всѣ его клѣтки подверглись весьма ясному химическому измѣненію, которое свидѣтельствуетъ, что у всѣхъ изслѣдованныхъ сѣмянъ зародыши давно уже отмерли. И щитокъ, и зародышъ имѣютъ густую красновато-коричневую окраску. Многочисленныя химическія реакціи, испробованныя надъ этими зародышами, дали совершенно иные результаты, чѣмъ получаемые съ зародышами современныхъ сѣмянъ, хотя бы и пролежавшихъ 50 лѣтъ. Всѣ зародыши необычайно хрупки даже послѣ пропитыванія глицериномъ. Кромѣ указаній, полученныхъ при помощи микрохимическихъ реакцій, еще одно обстоятельство обнаруживаетъ неспособность къ жизни этихъ зародышей: клѣтки ихъ весьма часто бываютъ отдѣлены другъ отъ друга. Такъ, напримѣръ, въ продольномъ направленіи цѣлые ряды клѣтокъ корешка всегда бываютъ раз-

дѣлены. Нерѣдко и въ этихъ рядахъ клѣтки отдѣляются другъ отъ друга вслѣдствіе измѣненія срединной пластинки между оболочками клѣтокъ. Такимъ образомъ цѣлость органовъ зародыша всегда оказывается нарушенной. Заключеніе относительно жизнеспособности зародышей въ зернахъ, по крайней мѣрѣ, у ржи и ячменя, изслѣдованныхъ Геномъ, должно быть противоположнымъ тому, которое было принято Альфонсомъ Де-Кандолемъ, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторыми классическими курсами ботаники: зерна хлѣбныхъ злаковъ изъ египетскихъ могилъ, несмотря на то, что по внѣшнему виду они хорошо сохранились, по внутреннему строенію оказываются неспособными къ проростанію. Запасныя вещества въ нихъ химически не измѣнены и могли бы оказаться пригодными для жизнеспособнаго зародыша, но зародыши подверглись глубокимъ химическимъ измѣненіямъ и къ жизни болѣе не способны. Эти измѣненія показываютъ, что и та пониженная жизнодѣятельность, которая обнаруживается въ покоящемся зернѣ, давно уже прекратилась. Итакъ, зерна изъ египетскихъ могилъ безъ всякаго сомнѣнія къ проростанію неспособны и мертвы.

Физіологія. 1. *Распредѣленіе областей воспріятія вкусовыхъ ощущеній въ ротовой полости.* Относительно размѣровъ той области, въ которой происходятъ вкусовыя ощущенія, существуетъ еще большое разнорѣчіе въ зависимости отъ того, что вкусовыя волокна приписываются различнымъ нервамъ. Различаютъ четыре рода вкусовыхъ ощущеній: ощущеніе сладкаго, горькаго, кислаго и соленаго; физіологи полагаютъ, что для каждаго рода вкусовыхъ ощущеній существуютъ особыя волокна, которыя только данное ощущеніе и могутъ воспринимать. Кромѣ того, нѣкоторые полагаютъ, что эти волокна локализированы въ различныхъ областяхъ ротовой полости. Въ виду разнорѣчій изслѣдованія Тулуза и Вашиде, которые давно уже занимаются изученіемъ органовъ чувствъ, всегда примѣняя вновь изобрѣтенные ими весьма точныя методы, представляютъ большой интересъ. Результаты своихъ изслѣдованій они сообщаютъ, какъ всегда, въ «Comptes rendus» Парижской академіи. Результаты изслѣдованія, произведенные надъ четырьмя мужчинами и семью женщинами въ возрастѣ 23—30 лѣтъ, получились слѣдующіе:

1) Всѣ части слизистой оболочки рта способны къ воспріятію вкусовыхъ ощущеній. Однако губы, десна, внутренняя сторона щекъ, зубы, дно полости рта и нёбо участвуютъ только въ воспріятіи ощущенія кислаго. Ощущенія соленаго, сладкаго и горькаго воспринимаются остальными частями слизистой оболочки и въ особенности корнемъ языка и краями глотки. Край и верхняя поверхность языка болѣе воспріимчивы, чѣмъ нижняя поверхность и уздечка. На верхней поверхности языка средняя часть менѣе воспріимчива, чѣмъ боковыя. Язычекъ менѣе воспріимчивъ, чѣмъ языкъ, но даже и миндалинамъ доступно воспріятіе всѣхъ четырехъ вкусовыхъ ощущеній.

2) Если по этимъ новымъ наблюденіямъ, въ противоположность мнѣнію большинства авторовъ, весь языкъ и каждый изъ его сосочковъ, такъ же, какъ край нёба, повидимому, могутъ воспринимать всѣ вкусовыя ощущенія, то тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что отдѣльныя части ихъ лучше воспринимаютъ одни вкусовыя ощущенія, чѣмъ другія. Такъ, передняя треть языка яснѣе всего чувствуетъ сладкій, кислый и соленый вкусъ, корень же языка—горькое, равнымъ образомъ край мягкаго нёба лучше всего ощущаетъ вкусъ соленаго и горькаго.

3) Кончикъ языка иннервируется волокнами язычнаго нерва, тогда какъ корень языка и глотка—волокнами языкоглоточнаго, но качественнаго различія въ воспріятіи вкусовыхъ ощущеній на всемъ протяженіи языка нѣтъ, слѣдовательно—языкоглоточный нервъ можетъ служить для воспріятія всѣхъ вкусовыхъ ощущеній. Это обстоятельство говоритъ въ пользу мнѣнія Урбанчича и Дюваля (раздѣляемаго и извѣстнымъ физіологомъ Ландуа), что кончикъ языка также снабженъ волокнами языкоглоточнаго нерва, которыя (черезъ посредство

chorda tympani) присоединяются къ вѣтвямъ язычнаго нерва, такъ что вкусовымъ нервомъ является одинъ только языкоглоточный.

2. *Объ усвоеніи бѣлковъ.* До сихъ поръ все еще нельзя считать законченными изслѣдованія надъ перевариваніемъ бѣлковыхъ веществъ, что однако врядъ ли покажется удивительнымъ, если мы вспомнимъ чрезвычайную сложность химическаго состава бѣлковъ и тѣ трудности въ методѣ изслѣдованія, которыя приходится преодолѣть, чтобы прослѣдить ходъ перевариванія бѣлковъ въ животномъ организмѣ; трудности эти такъ велики, что часто приходится довольствоваться выводами, полученными при изученіи про-дуктовъ искусственнаго перевариванія. Все же казалось, что важнѣйшія стороны этого процесса извѣстны и разъяснены. А именно раньше принималось, что усвоенію бѣлковыхъ веществъ должна предшествовать ихъ пептонизація въ кишечномъ каналѣ, другими словами: это значитъ, что сущность перевариванія бѣлковъ состоитъ въ слѣдующемъ: бѣлковыя вещества, не способныя диффундировать черезъ животную перепонку (что необходимо, чтобы проникнуть изъ кишечника въ кровь) подъ вліяніемъ выдѣляемыхъ въ желудкѣ и кишкахъ энзимовъ (неорганизованныхъ ферментовъ) превращаются въ новыя вещества, такъ называемые пептоны. Пептоны отличаются по химическому составу отъ бѣлковъ—въ чемъ именно состоитъ существенное отличіе, выяснено — и легко диффундируютъ, путемъ осмоза они проникаютъ черезъ стѣну кишечника и вступаютъ въ кровеносные сосуды. Поэтому больнымъ, у которыхъ кишечникъ очень ослабленъ, и даютъ въ видѣ питательнаго вещества прямо пептоны, полученные искусственно. Однако цѣлый рядъ болѣе тщательныхъ изслѣдованій показалъ, что на ряду съ этимъ очень многіе бѣлки (вѣдь существуетъ много бѣлковыхъ веществъ, различающихся по химическимъ свойствамъ) могутъ усваиваться и безъ предварительнаго превращенія въ пептоны, и даже что за извѣстными исключеніями растворы бѣлковъ въ значительныхъ количествахъ могутъ быть введены прямо въ кровеносные сосуды безъ того, чтобы за этимъ послѣдовало выдѣленіе ихъ къ мочѣ, что, безъ сомнѣнія, произошло бы, если бы они представляли въ крови инородное тѣло, потому что почки, какъ извѣстно, являются превосходнымъ регуляторомъ состава крови. Эти наблюденія впрочемъ не уничтожаютъ существующихъ представленій о роли энзимовъ. Вѣдь, въ кишечникъ въ видѣ пищи попадаютъ обыкновенно нерастворенныя и даже свернувшіеся бѣлки, которые нужно перевести въ растворъ или, еще лучше, въ способные быстро диффундировать пептоны; далѣе плазма клѣтокъ состоитъ не изъ пептоновъ, а (преимущественно) изъ бѣлковъ, такъ что если растворы бѣлковъ, введенные въ кровеносные сосуды, переходятъ въ ткани, которыя въ бѣлкахъ нуждаются, потому что въ нихъ постоянно происходитъ распаденіе бѣлковъ,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но вотъ что оказывается совершенно неожиданнымъ и на первый взглядъ непонятнымъ. Если ввести непосредственно въ кровеносные сосуды не бѣлки, а вырабатываемые изъ нихъ въ кишечномъ каналѣ, слѣдовательно, казалось бы, болѣе удобные для организма, пептоны, то они, точно инородное вещество, цѣликомъ выдѣляются черезъ почки, а въ большомъ количествѣ дѣйствуютъ даже вредно. Повидимому это абсурдъ: въ кишечникѣ пептоны вырабатываются и оттуда неизбѣжно путемъ осмоза проникаютъ въ кровь, если кишечникъ не вырабатываетъ необходимыхъ для это превращенія энзимовъ (пепсина и трипсина), то пищевареніе нарушается, приходится давать больному эти энзимы, полученные отъ животныхъ,—а введенные прямо въ кровь пептоны не усваиваются и даже оказываются ядовитыми. Но вспомнимъ, что вѣдь тканямъ-то организма нужны бѣлки, а не пептоны, слѣдовательно, гдѣ-нибудь на пути до своего вступленія въ живое вещество плазмы въ видѣ составной его части пептоны должны обратно превратиться въ бѣлки; стѣнки кишечнаго канала имѣютъ весьма

сложное строеніе; сообщенныя изслѣдованія и приводятъ къ естественному выводу, что обратное превращеніе пептоновъ въ бѣлки совершается въ стѣнкахъ кишечника передъ вступленіемъ въ кругъ кровообращенія. Изслѣдованія К. Людвига и Гаэтано Сальвіоли, а также Франца Гофмейстера показали, что это дѣйствительно такъ и есть, что пептоны на пути изъ кишечника въ кровеносные сосуды претерпѣваютъ какое-то превращеніе, такъ что въ крови пептоновъ уже совершенно не оказывается. Чѣмъ же вызывается это измѣненіе пептоновъ? Какъ смотрѣли до послѣдняго времени на это физіологи, можно видѣть изъ слѣдующихъ цитатъ. Въ весьма цѣнимомъ учебникѣ физіологической химіи Неймейстера (изд. 1897 г.) сказано: «Измѣненіе пептоновъ въ этихъ изслѣдованіяхъ (т. е. Людвига и Сальвіоли), вѣроятно, сводится къ проявленію неизвѣстныхъ жизненныхъ силъ, которыя присущи клѣтками эпителія слизистой оболочки». «Относительно природы превращенія пептоновъ эпителіемъ слизистой оболочки ничего вѣрнаго не извѣстно. Слѣдуетъ думать, что оно состоитъ въ обратномъ превращеніи пептоновъ въ бѣлки, однако прямыхъ доказательствъ тому не имѣется». Работа д-ра Окунева, опубликованная еще въ 1895 г., доказала, что растворъ пептона подъ вліяніемъ сычужнаго фермента (Labferment) даетъ бѣлокъ. Извѣстно, что желудочный, а вѣроятно и кишечный сокъ содержитъ сычужный ферментъ; поэтому надо думать, что въ дѣйствительности обратное превращеніе пептоновъ въ бѣлки и совершается подъ вліяніемъ этого фермента, а не особыхъ жизненныхъ силъ въ клѣткахъ эпителія. Изслѣдованіе В. В. Завьялова надъ ходомъ этого превращенія и свойствами получаемаго продукта (бѣлка), весьма обстоятельное, показываетъ, въ чемъ именно заключается значеніе этого процесса для организма.

Сычужный ферментъ всѣ пептоны, вырабатываемые въ кишечникѣ, превращаетъ въ бѣлки, а пептонизаціи подвергаются, вѣроятно, почти всѣ бѣлки, принимаемые въ видѣ пищи, казалось бы производится совершенно безцѣльная работа. Но есть два обстоятельства, которыя значеніе этого превращенія вполнѣ выясняютъ. Во-первыхъ, извѣстно, что не всѣ бѣлки, введенные прямо въ кровь, могутъ усваиваться организмомъ, что, напр., бѣлокъ куринаго яйца, казеинъ, даже гемоглобинъ (красный пигментъ крови), искусственно введенные, выдѣляются безъ измѣненія черезъ почки. Слѣдовательно, указанныя бѣлковыя вещества являются для организма инородными тѣлами и въ неизмѣненномъ видѣ для цѣлей питанія служить не могутъ. Измѣненія, которымъ они подвергаются, чтобы сдѣлаться доступными тканямъ организма, состоятъ въ слѣдующемъ: бѣлокъ распадается, превращаясь сначала въ альбумозу, затѣмъ въ пептонъ, изъ пептона же вновь образуется бѣлокъ, но уже совершенно иныхъ химическихъ свойствъ, чѣмъ исходное бѣлковое вещество; этотъ новый бѣлокъ по своимъ свойствамъ уже вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣлямъ питанія и новообразованія живого вещества. Во-вторыхъ, какъ показываютъ опыты Завьялова, какой бы бѣлокъ ни взять для превращенія его въ пептонъ и затѣмъ обратно въ бѣлокъ, получается продуктъ всегда одинъ и тотъ же. Въ его опытахъ яичный бѣлокъ, міозинъ (бѣлковое вещество мышцъ), казеинъ и фибринъ были пептонизированы при помощи желудочнаго сока, полученная смѣсь альбумозъ и пептоновъ была подвергнута дѣйствію сычужнаго фермента. Изслѣдованіе химическихъ свойствъ полученныхъ продуктовъ показало, что изъ всѣхъ этихъ различныхъ бѣлковыхъ веществъ образовались совершенно тожественныя между собою бѣлковыя же вещества. Это новое вещество ближе всего къ глобулинамъ. По своимъ физическимъ свойствамъ (прозрачность, студенистая или полужидкая консистенція) оно напоминаетъ бѣлокъ протоплазмы. Оно весьма легко переходитъ изъ растворимаго состоянія въ нерастворимое и обратно, что представляетъ весьма важное свойство для пластическихъ процессовъ организма. Поэтому Завьяловъ не безъ основанія предлагаетъ назвать его пластиномъ; но уже одно изъ бѣл-

ковыхъ веществъ, полученныхъ изъ плазмы, носитъ это названіе, такъ что его можно будетъ удержать за новымъ соединеніемъ только въ томъ случаѣ, если оно окажется тожественнымъ съ тѣмъ, прежде открытымъ.

Итакъ, для переваривавія бѣлковъ на основаніи изслѣдованій Завьялова устанавливается такая схема: бѣлки—альбумозы и пептоны—пластинъ. («Naturwiss. Wochenschrift»).

Медицина. 1) *Объ отравленіи аэронавтовъ газомъ.* Въ маѣ и іюнѣ прошлаго года докторъ Мальжанъ имѣлъ случай наблюдать въ воздухоплавательномъ паркѣ у служащихъ появленіе желтухи, сопровождавшейся необычными симптомами. Страданія больныхъ не подходили подъ извѣстные типы болѣзни (головная боль, слабость, обмороки, рвота и поносъ), подъ конецъ въ мочѣ появлялся гемоглобинъ и на другой день желтуха. Гемоглобинурія и желтуха продолжались въ теченіе 4-хъ или 5 ти дней и затѣмъ исчезали. Несмотря на то, что видимое выздоровленіе наступало довольно быстро, больные нѣкоторое время оставались блѣдными и подвергались сильному исхуданію. У нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣзнь ограничивалась простымъ недомоганіемъ безъ измѣненія окраски кожи или мочи. Болѣзнь характеризуется еще однимъ важнымъ признакомъ, а именно тѣмъ, что она появлялась внезапно у людей совершенно здоровыхъ и не подверженныхъ разстройству пищеваренія.

Истинная природа заболѣванія въ первыхъ двухъ случаяхъ ускользнула отъ Мальжана, но позднѣе не трудно было установить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отравленіемъ мышьяковистымъ водородомъ. Этотъ газъ, весьма ядовитый, постоянно присутствуетъ въ водородѣ, который служитъ для наполненія воздушныхъ шаровъ и для приготовленія котораго употребляются, разумѣется, не чистые реактивы. Непосредственныя изслѣдованія показали, что въ данномъ случаѣ было отравленіе мышьякомъ. Мышьякъ былъ найденъ въ мочѣ больныхъ. Большое количество мышьяковистаго водорода въ газѣ, служившемъ для наполненія шаровъ, было обнаружено слѣдующими опытами: кусокъ фильтровальной бумаги, намоченной крѣпкимъ растворомъ ляписа, приведенный въ соприкосновеніе съ этимъ газомъ, по истеченіи часа покрылся пятнами кирпичнокраснаго цвѣта, т.-е. на нихъ образовался осадокъ мышьяковистаго серебра. Далѣе оказалось, что оболочка шара, при наполненіи котораго заболѣли нѣкоторые служащіе, по всей поверхности снутри была покрыта мелкимъ темнобурымъ порошкомъ. Небольшой кусокъ тряпки, которой была вытерта эта оболочка, а также и малое количество этого порошка дали въ аппаратѣ Марша широкія кольца мышьяка. Чтобы избѣжать этихъ отравленій, слѣдовало бы примѣнить способы очищенія водорода болѣе дѣйствительные, чѣмъ тѣ, которые примѣняются въ настоящее время. Но даже и при существующихъ условіяхъ, по мнѣнію Мальжана, можно избѣжать отравленія, обращая вниманіе лицъ, производящихъ наполненіе шара, на ту опасность, которой они подвергаются и о которой ихъ предупреждаетъ непріятный чесночный запахъ газа. Мальжанъ замѣтилъ, что заболѣванія произошли при слѣдующихъ обстоятельствахъ: три раза у тѣхъ лицъ, которыя вдыхали газъ у отверстія шара; одинъ разъ во время наполненія и одинъ разъ во время выпусканія газа изъ шара. Опредѣлять присутствіе газа по его запаху, какъ это вошло въ привычку, крайне неблагоразумно. Во время наполненія весьма труднымъ пріемомъ является соединеніе рукава шара съ трубой, приводящей газъ, и въ этотъ именно моментъ газъ обыкновенно вырывается и можетъ причинить отравленіе рабочихъ. Выпусканіе газа по окончаніи полета производится обыкновенно при помощи случайно находящихся вблизи лицъ. Аэронавты, конечно, должны позаботиться о томъ, чтобы эти лица, по доброй волѣ оказывающія имъ помощь, не пострадали. Они не должны буквально понимать слѣдующее указаніе оффиціальной инструкціи: «аэронавтъ помѣщаетъ у отверстія шара трехъ или четырехъ помощниковъ и

настоятельно проситъ ихъ не обращать вниманія на запахъ газа (чесночный запахъ, свойственный мышьяковистому водороду), когда онъ будетъ выходить изъ аэростата и не покидать своего поста; такое же наставленіе онъ дѣлаетъ лицамъ, находящимся у рукава».

Во время полета запахъ мышьяковистаго водорода постоянно чувствуется въ гондолѣ, такъ какъ по мѣрѣ восхожденія шаръ теряетъ часть газа, выходящаго черезъ постоянно открытый рукавъ, что происходитъ вслѣдствіе расширенія газа, который при наполненіи находился подъ атмосфернымъ давленіемъ, а по мѣрѣ поднятія подвергается все меньшему и меньшему давленію со стороны окружающаго воздуха. Этотъ запахъ, въ большинствѣ случаевъ, не особенно безпокоитъ аэронавтовъ, хотя у нѣкоторыхъ лицъ онъ вызываетъ легкую степень недомоганія, чего легко было бы избѣжать, укорачивая рукавъ шара. («Revue gén. des sciences»).

2) *Новый способъ дезинфекціи ранъ.* Де-Парвилль въ своемъ журналѣ «La Nature» сообщаетъ о новомъ способѣ дезинфекціи ранъ, который, впрочемъ, выдержалъ испытаніе въ клиникахъ въ теченіе уже двухъ лѣтъ. Способъ состоитъ въ томъ, что дезинфицирующія вещества, въ видѣ мельчайшей пыли, сильной струей газа направляются въ рану. Аппаратъ представляетъ собою прочный цилиндръ съ краномъ, заключенный въ ящикъ, непроницаемый для воды. Въ цилиндръ наливается хлористый этилъ, къ которому прибавлено желаемое дезинфецирующее вещество. Хлористый этилъ называютъ также «ипсилосъ», поэтому докторъ Гильметъ, изобрѣтатель аппарата, назвалъ его ипсилёзой (ipsileuse). Въ помѣщеніе вокругъ трубки съ хлористымъ этиломъ, который кипитъ при 10° (слѣдовательно, только при болѣе низкой температурѣ можно и прибавлять къ нему дезинфицирующія вещества и наливать его въ аппаратъ), вливаютъ теплую воду, хлористый этилъ превращается (хотя не весь) въ газъ, который собирается подъ большимъ давленіемъ въ трубкѣ; если открыть кранъ, то онъ вырывается сильной струей, ее направляютъ на рану, въ которой такимъ образомъ вся поверхность со всѣми ея неровностями покрывается слоемъ распыленнаго дезинфицирующаго вещества (обыкновенно іодоформа, къ которому прибавляется эвкалиптовое масло, чтобы уничтожить непріятный запахъ). Особенно пригоденъ этотъ аппаратъ для глубокихъ ранъ. Хлористый этилъ примѣнялся и раньше зубными врачами для мѣстной анестезіи: направляя пульверизаторомъ струю хлористаго этила, вызываютъ такое пониженіе температуры (вслѣдствіе быстраго испаренія его), что чувствительность почти утрачивается. Для этой пульверизаціи его нагрѣваютъ до 50°—55°, но оказывается, что при дезинфекціи ранъ слишкомъ сильная струя газа, вызываемая большимъ давленіемъ, причиняетъ болевыя ощущенія, поэтому для нагрѣванія хлористаго этила употребляется вода не теплѣе 25°—30°. Струя газа механически очищаетъ рану и вмѣстѣ съ тѣмъ отлагаетъ на ней равномѣрный слой дезинфицирующаго вещества, которое плотно прилегаетъ къ поверхности раны. Опытъ показалъ, что этотъ способъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ промываніе антисептическими растворами.

Новый аппаратъ нашелъ себѣ еще одно весьма интересное примѣненіе, а именно для возстановленія костной ткани. Докторъ Кудре пульверизировалъ хлористымъ этиленомъ, къ которому былъ прибавленъ порошокъ фосфорнокислаго и углекислаго кальція, глубокую рану въ нижнемъ концѣ бедряной кости. Рана вскорѣ была залѣчена, при чемъ недостатокъ кости восполнился; впрочемъ, Кудре замѣчаетъ, что онъ не сдѣлалъ искусственную костную ткань, а лишь возбудилъ возстановляющую дѣятельность сосѣднихъ, здоровыхъ частей кости. Это примѣненіе новаго аппарата особенно обращаетъ на себя вниманіе и, хотя нельзя сомнѣваться въ сообщеніи доктора Кудре, все же было бы очень интересно

произвести цѣлый рядъ опытовъ надъ животными, чтобы выяснить, какъ именно и почему при этомъ происходитъ регенерація костной ткани.

Біологія. *О подражательной окраскѣ одного ракообразнаго.* Извѣстно, что многія водяныя животныя, рыбы и ракообразныя, обнаруживаютъ способность измѣнять окраску и принимать цвѣтъ окружающей среды или предметовъ, вблизи которыхъ они находятся. На подводныхъ скалахъ или среди зеленыхъ, бурыхъ и красныхъ водорослей они принимаютъ окраску и рисунокъ, которые дѣлаютъ ихъ незамѣтными по сходству съ окружающими предметами. Маленькій ракъ, живущій въ европейскихъ моряхъ, Hippolytes varians, повидимому, превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣхъ другихъ морскихъ животныхъ и даже рака, прозваннаго хамелеономъ (Mysis Chamaeleo). Hippolytes var. можетъ сдѣлаться ярко-краснымъ, зеленымъ, синимъ, чернымъ и безцвѣтнымъ, прозрачнымъ, какъ стекло; нерѣдко случается видѣть его въ водѣ окрашеннымъ въ прекрасный синій цвѣтъ, а поймавъ и принеся домой, найти краснымъ или безцвѣтнымъ. Этотъ рачекъ былъ обстоятельно изслѣдованъ англійскими учеными, Киблемъ и Гэмблемъ, въ теченіе двухъ лѣтъ на берегахъ Нормандіи, причемъ они вполнѣ разъяснили механизмъ измѣненія окраски.

Эти ученые нашли у Hippolytes var. трояк аго рода измѣненія цвѣтовъ. Во-первыхъ, періодическое измѣненіе—соотвѣтственно смѣнѣ дня и ночи. Вечеромъ появляется красная окраска, за нею слѣдуетъ зеленая, которая распространяется, начиная съ середины тѣла, впередъ и назадъ. Зеленый цвѣтъ переходитъ въ синій, который представляетъ собою характерную ночную окраску и сопровождается увеличеніемъ прозрачности тѣла животнаго: въ такомъ видѣ рачекъ остается до утра, когда онъ вновь становится темнымъ. Замѣчательно, что эта періодичность строго сохраняется, если даже держать рачковъ въ совершенной темнотѣ. Хотя свѣтъ чрезвычайно быстро вызываетъ смѣну ночной окраски на дневную, но нарушить послѣдовательность измѣненій онъ не можетъ. Второй родъ измѣненій окраски вызывается измѣненіемъ яркости свѣта. Если помѣстить Hippolytes въ бѣлый фарфоровый сосудъ, то темная окраска въ нѣсколько минутъ исчезаетъ и рачекъ становится прозрачнымъ и безцвѣтнымъ. Вообще днемъ ослабленіе свѣта вызываетъ красную окраску, усиленіе и особенно разсѣяннаго свѣта — голубую. Третьяго рода измѣненія окраски, происходящія гораздо медленнѣе, совершаются въ зависимости отъ мѣстообитанія животнаго. Слѣдуетъ замѣтить, что различные индивидуумы вида Hippolytes var. при одинаковыхъ условіяхъ (днемъ) отличаются цвѣтомъ и соотвѣтственно ему живутъ на тѣхъ или другихъ видахъ водорослей, зеленыхъ, бурыхъ, синеватыхъ. Каждая разновидность упорно держится даже ночью водорослей, подходяще окрашенныхъ, и если нѣсколько разновидностей помѣстить вмѣстѣ въ сосудъ, въ которомъ находятся различнаго цвѣта водоросли, то рачки очень скоро распредѣляются по тѣмъ самымъ растеніямъ, на которыхъ они живутъ въ естественныхъ условіяхъ. Вообще они предпочитаютъ тѣнь свѣту, но разновидность, живущая на зеленыхъ водорасляхъ, легче переноситъ его, чѣмъ темные рачки, которые держатся въ расщелинахъ скалъ. Самцы меньшихъ размѣровъ и менѣе ярко окрашены, чѣмъ самки, которыя и по рисунку обнаруживаютъ гораздо большую степень приспособленія, что вполнѣ понятно, такъ какъ самки менѣе подвижны и поэтому больше нуждаются въ охранительной окраскѣ. Если разновидность, живущую на зеленыхъ водорасляхъ, помѣстить въ акваріумъ съ бурыми водорослями, то она лишь очень медленно, иногда въ теченіе нѣсколькихъ недѣль измѣняетъ свою окраску, тогда какъ, будучи затѣмъ вновь помѣщена съ зелеными водорослями, возвращается къ прежней зеленой окраскѣ очень быстро. Взаимодѣйствіемъ этихъ трехъ различныхъ причинъ измѣненія окраски и объясняются всѣ наблюдавшіяся до того явленія.

Свѣтъ, какъ было выше упомянуто, вызываетъ измѣненіе окраски, но качество свѣта не оказываетъ вліянія, важна только яркость его, потому что помѣщенные за различными цвѣтными стеклами рачки измѣняли свою окраску совершенно также, какъ и при бѣломъ свѣтѣ.

Непосредственною причиною измѣненія окраски является измѣненіе въ распредѣленіи пигментовъ въ тѣлѣ животнаго. Hippolytes имѣетъ особыя клѣтки, содержащія различные пигменты. Первая серія этихъ клѣтокъ (хроматофоръ) находится подъ эпидермой (слѣдовательно, наиболѣе близко къ поверхности), вторая между мышечными волокнами и третья вокругъ кишечника, нервной системы и другихъ внутреннихъ органовъ. Въ хроматофорахъ содержится три пигмента: красный, желтый и синій. Иногда всѣ три пигмента могутъ содержаться въ одной и той же клѣткѣ, въ такомъ случаѣ при измѣненіи окраски пигменты внутри клѣтки размѣщаются иначе, чѣмъ до того: одинъ изъ нихъ занимаетъ середину хроматофора, тогда какъ остальные собираются въ его отросткахъ. Вообще измѣненіе цвѣта достигается сокращеніемъ однихъ пигментовъ и болѣе диффузнымъ распредѣленіемъ другихъ; само тѣло животнаго прозрачно. Повидимому, эти явленія находятся въ связи съ нервной системой и органомъ зрѣнія, хотя не всецѣло зависятъ отъ нихъ. Въ темнотѣ, а также и у экземпляровъ, лишенныхъ глазъ, смѣна окраски все-таки совершается, хотя въ послѣднемъ случаѣ не такъ скоро и менѣе правильно. Замѣчательно, что отрѣзанная часть животнаго нѣкоторое время сохраняетъ способность измѣнять окраску.

Хроматофоры, притомъ уже способные своимъ сокращеніемъ и расширеніемъ вызывать измѣненіе окраски, появляются у Hippolytes очень рано, еще когда онъ находится въ стадіи личиночнаго развитія (Zoëa). Иногда ихъ можно замѣтить у личинокъ тотчасъ по выходѣ изъ яйца и уже въ это время, помѣщая ихъ попеременно въ сосудъ темный или съ бѣлыми стѣнками, можно вызвать желто-зеленую или красную окраску. Въ это время синяя, ночная окраска у нихъ еще не появляется, и пока не удалось опредѣлить, на какой стадіи развитія образуется этотъ пигментъ. **Д. Н.**

Астрономическія извѣстія.

Сжатіе Нептуна. Послѣдняя планета въ нашей солнечной системѣ — Нептунъ, вслѣдствіе громаднаго разстоянія, на которое она удалена отъ солнца, является для насъ звѣздочкой восьмой величины, ее не только не видно невооруженнымъ глазомъ, но даже и съ трубой не легко отыщешь, если нѣтъ подъ руками подробной карты соотвѣтствующей части неба. Въ большія трубы замѣтенъ, конечно, дискъ, но неравномѣрность діаметровъ послѣдняго констатировать трудно, тѣмъ не менѣе она существуетъ. Это фактъ. Въ 1886 году астрономъ *Marth* указалъ на медленное смѣщеніе плоскости орбиты спутника Нептуна. Это могло быть непосредственнымъ слѣдствіемъ сжатія планеты, какъ учитъ «Небесная механика». Теперь не такъ давно *Stimson J. Brown* обработалъ послѣднія наблюденія Барнарда, произведенныя послѣднимъ съ помощью 40-дюймоваго гиганта рефрактора Іеркской обсерваторіи (близь Чикаго) надъ спутникомъ, и могъ съ достаточной степенью вѣроятности вычислить сжатіе Нептуна, которое оказалось равнымъ $^1/_{40}$. Этому результату соотвѣтствуетъ время вращенія приблизительно четырнадцать часовъ. Интересно, что бывшій пулковскій астрономъ Германъ Струве изъ непосредственныхъ измѣреній на 30-ти-дюймовомъ рефракторѣ замѣтилъ трудно поддающуюся воображенію раз-

ницу въ діаметрахъ диска Нептуна. Для полярнаго діаметра онъ даетъ въ среднемъ 2,183″, а для экваторіальнаго 2,238″, т. е. разница равняется 0,055″, это такой малый уголъ, подъ которымъ мы должны бы были видѣть 1 миллиметръ съ разстоянія приблизительно въ 40 верстъ. И какъ разъ эта разность соотвѣтствуетъ сжатію 1/40. Результатъ Brown'a свидѣтельствуетъ, насколько велико искусство г. Струве въ микрометрическихъ измѣреніяхъ.

Спектръ сѣвернаго сіянія. Астроному Сикорѣ—одному изъ участниковъ нашей геодезической экспедиціи на Шпицбергенъ, во время зимовки на станціи «Константиновка» въ Горнзундѣ удалось получить интересный снимокъ спектра сѣвернаго сіянія. Какъ оказалось, спектръ состоитъ изъ трехъ характерныхъ свѣтлыхъ линій, интенсивность которыхъ почти одинакова. Одна изъ этихъ линій, зеленая, другая голубая, лежитъ приблизительно около линіи G солнечнаго спектра, третья находится за кальціевыми линіями H и K въ ультрафіолетовой части спектра.

Затѣмъ, видна слабая линія между первой и второй изъ указанныхъ, двѣ слабыя между второй и третьей и двѣ сзади третьей. Эти пять линій также приблизительно одинаковы по интенсивности, но очень слабы.

Наконецъ, между первой слабой и второй характерной линіей есть еще цѣлый рядъ слабѣйшихъ.

За неимѣніемъ въ экспедиціи точнаго прибора для измѣреній фотограммъ, положеніе всѣхъ этихъ линій еще не опредѣлено. Это будетъ сдѣлано по возвращеніи Сикоры въ Россію. Возможно, что при тщательномъ изслѣдованіи снимка будутъ замѣчены и другія интересныя подробности спектра.

Кромѣ фотографій спектра, Сикора получилъ нѣсколько снимковъ самого явленія сѣвернаго сіянія, причемъ на нѣкоторыхъ замѣтна интересная структура.

Фотографированіе туманностей и звѣздныхъ скопленій на обсерваторіи Лике. Фотографія особенно пригодна для изученія звѣздныхъ кучъ и туманностей. Можно даже сказать, что ихъ систематическія изслѣдованія, собственно, и начались только съ примѣненіемъ этого метода. Видѣть звѣздное скопленіе на небѣ для астронома мало, для него интересно подмѣтить измѣненія въ этомъ скопленіи, перемѣщенія звѣздъ, входящихъ въ составъ его. Для этого надо точно измѣрить взаимныя положенія всѣхъ звѣздъ для даннаго момента. Въ нѣкоторыхъ скопленіяхъ звѣздъ цѣлыя тысячи. Если измѣрять ихъ микрометромъ непосредственно на трубѣ, то придется потратить массу ночей, измѣренія будутъ неравноточны, потому что произведены при различныхъ атмосферныхъ условіяхъ, различномъ положеніи объекта надъ горизонтомъ. Другое дѣло фотографическій снимокъ. Онъ запечатлѣваетъ навѣкъ то относительное положеніе всѣхъ звѣздъ, которое было во время съемки, его измѣренія могутъ быть сдѣланы послѣ, когда угодно, въ теплой комнатѣ, при удобномъ положеніи наблюдателя.

Вотъ почему за послѣдніе годы появляются работа за работой по измѣренію различныхъ звѣздныхъ скопленій, тогда какъ до примѣненія фотографіи измѣренія были случайными, одиночными и касались только небольшого числа главнѣйшихъ звѣздъ въ скопленіи.

По отношенію къ туманностямъ фотографія необычайно выгодна, главнымъ образомъ, въ силу основнаго свойства фотографической пластинки суммировать дѣйствія свѣтовыхъ лучей. Сколько бы ни смотрѣлъ нашъ глазъ на слабый предметъ, онъ не увидитъ его болѣе свѣтлымъ. Наоборотъ, на фотографической пластинкѣ свѣтовые лучи, падая на одно и то же мѣсто, производятъ все большее и большее дѣйствіе, подобно тому, какъ въ камнѣ капля воды, падая за каплей, выбиваетъ ямку, такъ что при достаточно долгой экспозиціи можно фотографировать и очень слабый предметъ, яркость котораго даже не достигла

такой степени, чтобы быть воспринятой глазомъ. Съ помощью фотографіи было открыто нѣсколько туманностей, которыхъ не видно даже въ самые могучіе телескопы. Самое строеніе извѣстныхъ туманностей выступило съ поразительной ясностью, съ интересными подробностями. Въ свое время большое впечатлѣніе произвели наблюденія лорда Росса съ помощью его гигантскаго 6-ти футоваго рефлектора такъ называемыхъ спиральныхъ туманностей. Открытіе туманностей такого строенія имѣло громадное значеніе для космогоніи, для построенія гипотезъ о созданіи міровъ. Но наблюденія лорда Росса остались почти единичными. Съ другими трубами тонкихъ интересныхъ подробностей не видѣли. Только фотографія опять засвидѣтельствовала ихъ несомнѣнное существованіе. Работы англійскаго любителя Робертса производятъ сенсацію въ ученомъ мірѣ. На его фотографіяхъ необычайно отчетливо выступаютъ спирали и не только въ тѣхъ туманностяхъ, которыя были указаны лордомъ Россомъ, но и во многихъ другихъ. Особенно интересенъ оказался снимокъ извѣстной большой туманности въ созвѣздіи Андромеды. Благодаря тому, что спектръ этой туманности непрерывный, мы знали, что она представляетъ звѣздное скопленіе, лишь удаленное отъ насъ на громадное разстояніе, такъ что отдѣльныхъ звѣздъ различить нельзя. На снимкѣ Робертса вмѣсто обычнаго своего вида сплошной чечевицы съ уплотненіемъ блеска въ центрѣ, она явилась состоящей изъ цѣлаго ряда концентрическихъ колецъ. Многія и другія болѣе мелкія туманности оказались такого же строенія. Здѣсь мы имѣемъ подобіе нашей звѣздной системы, разсматриваемой съ громаднаго разстоянія. Возможно, что и она состоитъ изъ ряда колецъ, которыя въ перспективѣ обусловливаютъ эту странную, прерывную форму Млечнаго пути.

На обсерваторіи Лика съ самаго ея основанія начали фотографировать туманности. Астрономъ Барнардъ вскорѣ послѣ Робертса также получилъ снимокъ туманности Андромеды, на которомъ ея кольца выступили чрезвычайно отчетливо, было открыто много и другихъ спиральныхъ и винтообразныхъ объектовъ. Позднѣе астрономъ *Keeler*, нынѣшній директоръ обсерваторіи, ставитъ себѣ спеціальной задачей сфотографировать при помощи превосходнаго рефлектора Crossley, съ 3 хъ-футовымъ зеркаломъ, всѣ тѣ туманности, въ которыхъ лордъ Россъ открылъ или заподозрилъ спиральную форму. Описанія Росса нашли себѣ почти безъ исключенія полное подтвержденіе и, кромѣ того, было найдено такъ много другихъ подобныхъ туманностей, что иная форма является исключеніемъ. Въ большинствѣ случаевъ матерія въ центральныхъ частяхъ такихъ туманностей выступаетъ изъ плоскости такъ, что со стороны онѣ имѣютъ форму веретена, а иногда и просто тонкой ниточки.

Давно извѣстна интересная кольцевая туманность въ созвѣздіи «Лира». Но, кромѣ общей формы, многочисленные рисунки ничего почти не даютъ. Въ 36-ти-дюймовый рефракторъ обсерваторіи Лика внутри туманности видно 12 звѣздъ, изъ которыхъ раньше была извѣстна только одна. Въ 1893 г. Барнардъ указалъ вблизи еще маленькую туманность. Границы кольца никогда не казались рѣзкими, но всегда размытыми, мѣстами съ небольшими отростками, какъ замѣтилъ лордъ Россъ. Хорошіе фотографическіе снимки получены были съ помощью прекрасныхъ трубъ, имѣющихъ большое фокусное разстояніе, но при этомъ время экспозиціи было чрезвычайно длинно. Такъ, нашъ астрономъ Стратоновъ въ Ташкентѣ фотографировалъ туманность одинъ разъ впродолженіи 10, а другой разъ впродолженіи 20 часовъ. Но новыя попытки Keeler'а съ рефлекторомъ Crossley показали, что уже при двухчасовой экспозиціи и даже получасовой получаются передержки. Его свѣтосильный инструментъ далъ прекрасное изображеніе всего въ 10 минутъ, но, конечно, очень малаго размѣра (2 миллиметра). Благодаря, впрочемъ, своему качеству оно могло быть доста-

точно увеличено. Границы кольца туманности являются скорѣе овальной формы, а не эллиптической, съ неправильными слабыми придатками въ родѣ бахромы на обѣихъ концахъ большой оси. Самое кольцо имѣетъ очень путанное строеніе. Оно, повидамому, состоитъ изъ нѣсколькихъ болѣе узкихъ свѣтлыхъ колецъ, которыя переплетены нѣсколько неправильно, въ то время какъ промежутки наполнены менѣе плотной матеріей. Одно изъ этихъ колецъ составляетъ внѣшнюю границу на западѣ, загибаясь къ сѣверному концу малой оси; оно дѣлается очень свѣтлымъ, вѣроятно, потому, что проектируется здѣсь на болѣе широкое главное кольцо туманности. Пересѣкши послѣднее наискось, оно выдѣляется, какъ внутренняя граница, на восточномъ концѣ. Остальную часть кольца прослѣдить труднѣе потому, что въ южной половинѣ туманности пересѣкаются еще нѣсколько другихъ колецъ. Внутреннее пространство, какъ замѣтилъ еще лордъ Россъ, пронизывается цѣлымъ рядомъ темныхъ и свѣтлыхъ полосъ приблизительно по направленію большой оси. Въ 36-ти-дюймовый рефракторъ при непосредственномъ наблюденіи эти полосы замѣтны только по временамъ благодаря меньшему контрасту между ихъ яркостью.

Центральная звѣздочка также на фотографической пластинкѣ ярче, чѣмъ при непосредственномъ наблюденіи. Keeler получилъ уже при минутной экспозиціи вполнѣ ясное ея изображеніе. Она слабо видна даже при экспозиціи въ 30 секундъ. Она является на пластинкѣ такъ же, какъ и въ трубѣ, совершенно рѣзко очерченной безъ туманной оболочки. При двухъ-минутной экспозиціи появляется еще вторая звѣздочка, являющаяся для силы 36-ти-дюймоваго рефрактора предѣльной. Вѣроятно, она даетъ изображеніе на пластинкѣ благодаря обилію фіолетовыхъ лучей. Много и другихъ подробностей обнаруживаетъ снимокъ Keeler'а. Даже въ маленькой туманности Барнарда оказалось возможнымъ разглядѣть налѣво двойную закрученную спираль.

Другая кольцевая туманность въ созвѣздіи Лебедя приблизительно вдвое меньше туманности Лиры, но она очень слаба. Для того, чтобы получить хорошее изображеніе, нужна экспозиція въ два часа даже для рефлектора Crossley. Кольцо эллиптично, почти круговое, наружу довольно рѣзко очерчено, внутри постепенно ослабѣваетъ, въ центрѣ звѣзда на пластинкѣ достаточно яркая, но для непосредственнаго наблюденія всего 16 величины. Она является какъ разъ предѣльной для 36-ти-дюймоваго рефрактора. Повидимому, раньше, во времена Росса, звѣзда эта была ярче. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ кольца тянутся къ центру свѣтлыя полосы, подобно спицамъ въ колесѣ.

Съ тѣмъ же рефлекторомъ Crossley астрономъ Palmer сфотографировалъ извѣстное звѣздное скопленіе въ Геркулесѣ. На его снимкѣ вышло всего 5.482 звѣзды, изъ нихъ 1.016 отнесены къ свѣтлымъ, 4.466 къ слабымъ. Свѣтлыя звѣзды преобладаютъ въ центральной области скопленія, ихъ здѣсь такъ же много, какъ и слабыхъ, между тѣмъ какъ въ поясѣ на половинѣ радіуса одна яркая звѣзда приходится на 17 свѣтлыхъ. Туманныя мѣста въ центрѣ указываютъ ясно, что и здѣсь слабыя звѣзды очень тѣсны. Въ 36-ти дюймовый рефракторъ линія изъ этихъ пунктовъ разложено на отдѣльныя звѣздочки. Palmer. вообще, думаетъ, что въ скопленіи Геркулеса нѣтъ никакого повода подозрѣвать присутствія туманныхъ массъ, вопреки мнѣнію Шейнера, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сфотографировавшаго эти скопленія съ помощью потсдамскаго астрографа и утверждавшаго, что въ немъ встрѣчаются всѣ стадіи развитія небесныхъ свѣтилъ отъ простого тумана до вполнѣ сформировавшейся звѣзды и что оно еще богато относительно плотнымъ туманомъ. Интересно, что Keeler'у почти всегда удавалось при тщательномъ изученіи снимка той или другой туманности открыть вблизи еще нѣсколько другихъ. Иногда на одну извѣстную приходилось 12—15 неизвѣстныхъ, новыхъ. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣли спи-

ральную форму. Другія же, которыя оказывались или очень малыми, или очень слабыми для точнаго изслѣдованія, имѣли видъ спиральныхъ туманностей, разсматриваемыхъ или съ малымъ увеличеніемъ, или при неблагопріятныхъ атмосферныхъ условіяхъ. Онѣ, очевидно, также принадлежатъ къ тому классу небесныхъ тѣлъ. Въ настоящее время въ каталогахъ туманностей и звѣздныхъ скопленій такихъ объектовъ занесено до 12.000.

Удивительную картину представляетъ одна изъ послѣднихъ работъ Keeler'a снимокъ такъ называемой «Тройной» туманности въ созвѣздіи Стрѣльца, полученной при трехчасовой экспозиціи; какъ будто видишь предъ собой блестящую туманность Оріона, съ какими подробностями, съ какой рѣзкостью выступаютъ отдѣльныя части, какъ далеко раскинулось чудное образованіе.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Августъ. 1900 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Публицистика.—Политическая экономія.—Философія.—Антропологія.—Географія и путешествія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. Бальмонтъ. «Горящія зданія».—*Максимъ Горькій.* «Полное собраніе сочиненій», т. I—IV.

К. Бальмонтъ. «Горящія зданія». Лирика современной души. Спб. 1900. Ц. 1 р. Если бы на Парнасѣ поэты оцѣнивались по плодовитости, то, несомнѣнно, г. Бальмонтъ получилъ бы первую премію. Шутка сказать, что ни годъ, то новый томикъ стихотвореній, не считая переводовъ, въ стихахъ и прозѣ, которые такъ и летятъ изъ-подъ пера неутомимаго труженика. «Подъ сѣвернымъ небомъ», «Въ безбрежности», «Тишина», «Горящія зданія», шесть томовъ Шелли, весь Гауптманъ — по истинѣ, если все это и не есть плодъ неутолимаго вдохновенія, то, во всякомъ случаѣ, воловьяго терпѣнія и той усидчивости, которую Щедринъ такъ мѣтко окрестилъ «желѣзнымъ днищемъ». Въ примѣненіи къ творчеству г. Бальмонта эта характеристика получаетъ прямой смыслъ, чуждый всякой иносказательности, ибо только желѣзное днище можетъ выдержать этотъ безконечный трескучій потокъ словъ, подъ бременемъ которыхъ любой поэтъ обычной организаціи давно бы разсыпался въ прахъ. Господинъ же Бальмонтъ «костью дебелой стоитъ на крѣпкозданной землѣ» и, крѣпко уповая на изреченіе Мефистофеля, что гдѣ не хватаетъ понятій, тамъ выручатъ слова, источаетъ потоки словъ, трескучихъ и гремящихъ, какъ «мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій».

«Горящія зданія,—лирика современной души», одно заглавіе уже прямо по рецепту Мефистофеля. Трудно было бы подобрать болѣе таинственное и непонятное сочетаніе словъ. Смысла, повидимому, нѣтъ, но г. Бальмонтъ меньше всего гонится за смысломъ, какъ за вещью для его поэзіи давно устарѣлой и сданной въ архивъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ первое же стихотвореніе, служащее введеніемъ, предисловіемъ и всѣмъ, чѣмъ угодно. Оно—«Крикъ часового», въ лицѣ котораго поэтъ несомнѣнно изображаетъ самого себя, если только онъ что-нибудь имѣлъ въ виду изобразить, въ чемъ мы сильно сомнѣваемся.

Пройдя луга, лѣса, болота, горы,
Завоевавъ чужіе города,
Солдаты спятъ. Потухнувшіе взоры—
Въ предѣлахъ думъ. Снуетъ ихъ череда.

Таковъ первый куплетъ, и если кто—«рыцарь-ли знатный, иль латникъ простой»—проникнетъ въ сокровенный смыслъ этихъ строфъ, то, навѣрное, и самъ г. Бальмонтъ сильно изумится. Какъ можетъ «череда» сновать? «Снуетъ челнокъ», «снуютъ люди»—но череда, очередь, сновать не можетъ. «Пройдутъ

года своею чередою»,—говорилъ старый поэтъ, еще наивный и не искусившійся въ прелести безсмыслицы, которая уже тѣмъ однимъ очаровательна, что надъ нею всякій судъ безсмысленъ. Безсмыслица сама себѣ довлѣетъ, она неуязвима, и съ какой стороны къ ней ни подойди — она есть безсмыслица и только. Какое отношеніе имѣютъ солдаты къ потухнувшимъ взорамъ, и обратно, о какихъ чужихъ городахъ и о какихъ солдатахъ рѣчь идетъ,—все это покрываетъ безсмыслица своимъ таинственнымъ покровомъ, объединяя съ слѣдующими куплетами, столь же ясными, какъ и первый:

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытыхъ словъ созвучные узоры,
Невинность чувствъ, погибшихъ навсегда,—
Солдаты спятъ, какъ нищіе, какъ воры.

На завтра бой. Поспѣшенъ бѣгъ минутъ.
Всѣ спятъ. Все спитъ. И пусть. Я—вѣрный—тутъ.
До завтра сномъ безпечно усладитесь.

Но чу! Во тьмѣ—чуть слышные шаги.
Ихъ тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

Наша гипотеза, что здѣсь заключается аллегорическое изображеніе г. Бальмонта, который крикомъ своимъ будитъ декадентскую рать,—не знаемъ только, гдѣ и кто враги, — подтверждается дальнѣйшимъ разборомъ «Горящихъ зданій». Вездѣ г. Бальмонтъ выступаетъ въ страшно воинственномъ настроеніи. Въ слѣдующемъ, напр., стихотвореніи онъ вопитъ: «Я хочу кинжальныхъ словъ и предсмертныхъ восклицаній!» Далѣе взываетъ къ сердцу: «Мчитесь ко мнѣ буря и громъ! Сердце мое, гибни въ огнѣ!» Къ человѣку обращается съ мрачнымъ совѣтомъ: «О человѣкъ, живи, какъ звѣрь, безъ колебаній!» Онъ кокетничаетъ своею лютостью, увѣряетъ, что его предокъ былъ «честнымъ палачомъ», а въ другомъ мѣстѣ, что онъ—испанецъ, жаждущій «мѣди, золота, брилліантовъ и рубиновъ, крови, брызнувшей изъ груди побѣжденныхъ властелиновъ»,—словомъ, не знаетъ, какъ стать «еще чуднѣй, еще страшнѣй», лишь бы превзойти всѣ безсмыслицы, какія до сихъ поръ были сочинены. И стремленія его не безъ успѣха.

Странная и жалкая въ сущности судьба г. Бальмонта, какъ писателя. Его погубила логоррея,—особая болѣзнь, заключающаяся въ какомъ то странномъ дефектѣ задерживающихъ центровъ: одержимый этою болѣзнью не можетъ удержать словъ, которыя льются непрерывной струей, безъ логической связи и всякаго смысла. Попавъ въ струю декадентскаго увлеченія странными сочетаніями словъ, г. Бальмонтъ, благодаря своему деффекту, занялъ въ лагерѣ декадентовъ видное мѣсто, не могъ выбиться изъ этой струи и потопилъ въ ней ту каплю таланта, которая чувствовалась въ его раннихъ стихотвореніяхъ. Будучи по темпераменту несомнѣннымъ флегматикомъ, что подтверждается водянистостью его переводовъ и обиліемъ ненужныхъ словъ, столь имъ излюбленныхъ, которыя онъ словно цѣдитъ сквозь зубы, онъ во что бы то ни стало силится изобразить себя пламеннымъ, какъ Байронъ, воздушнымъ, какъ Шелли, мрачнымъ какъ Эдгаръ Поэ, и терпитъ всякій разъ жалкое фіаско. Вѣчно рисующійся, вѣчно неискренній, всегда равнодушный и холодный, г. Бальмонтъ не въ силахъ написать ни одного стиха, вырвавшагося изъ сердца.

Жалкая это поэзія, если дозволено такъ профанировать это слово,—и кому она нужна?

М. Горькій. «Полное собраніе сочиненій», т. I — IV. Ц. каждаго тома 1 р. Спб. 1900 г. Изд. товарищ. «Знаніе». Полное собраніе сочиненій г. Горькаго, издаваемое товариществомъ «Знаніе», подвигается очень быстро, и съ

выходомъ нѣсколько запоздавшаго второго тома оно, въ сущности, закончено. Правда, вышло пока четыре тома, а предполагается ихъ издать, какъ читаемъ въ объявленіи, пять.

Но и вышедшіе четыре тома даютъ достаточно для оцѣнки таланта г. Горькаго и полной обрисовки его литературной физіономіи. Читатели найдутъ въ этихъ четырехъ томикахъ свѣжій и бодрый талантъ, нѣсколько узкій въ сферѣ своихъ наблюденій, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ романтизма, подчасъ хватающій, какъ говорится, черезъ край, но всегда яркій и смѣлый въ описаніяхъ, иногда удивительно сильныхъ и блестящихъ по формѣ. Попадаются тутъ вещи и претенціозныя, какъ, напр., «Пѣсня о соколѣ», и прямо неудачныя, каковы двѣ публицистическаго характера замѣтки «О чортѣ» и «Еще о чортѣ», которыя убѣдительно говорятъ, что автору не слѣдуетъ пускаться въ публицистику и «вѣщать» разныя «откровенія». Ни къ чему всѣ эти вѣщанія, одинъ самообманъ, пустая игра словъ. Для этого и безъ него есть достаточно охотниковъ. Роль автора въ литературѣ вполнѣ выяснилась. Онъ — превосходный художникъ-бытописатель той среды, которую знаетъ, какъ никто. Его лучшія произведенія — это разсказы изъ міра пролетаріата, его «Челкашъ», «Супруги Орловы», «Коноваловъ», «Бывшіе люди», «Озорникъ» и другіе той же категоріи. Самое большое его произведеніе, повѣсть «Ѳома Гордѣевъ», показываетъ, какъ сразу измѣняетъ талантъ автору, когда онъ берется описывать то, что знаетъ поверхностно, по наслышкѣ, словомъ, когда пускается сочинять. Въ этой повѣсти на-ряду съ великолѣпными описаніями Волги, рабочихъ сценъ, жизни на пароходахъ, въ судовомъ караванѣ, на плотахъ — есть десятки страницъ томительной скуки, предлинныхъ разговоровъ, яко-бы заключающихъ бездну премудрости, а въ сущности просто вялыхъ и скучныхъ, какъ все придуманное, не настоящее, присочиненное. Оживляетъ эти разговоры одна фигура Маякина, дѣйствительно выхваченная изъ жизни и настолько яркая, что ее можно сопоставить съ купеческими персонажами Островскаго.

Есть у г. Горькаго одно только произведеніе не изъ міра пролетаріата, которое, тѣмъ не менѣе, не уступаетъ его лучшимъ произведеніямъ. Это столь обруганная нѣкоторыми не въ мѣру цѣломудренными критиками повѣсть «Варенька Олесова». Читая ее, невольно поражаешься, до чего можетъ доходить предвзятость мнѣнія, такъ какъ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить такое презрительное отношеніе къ этому превосходному во всѣхъ отношеніяхъ произведенію, выдержанному, сжатому, свѣжему. Фигура Вареньки выписана изумительно, она производитъ впечатлѣніе античной статуи — своей гармоніей, сіяніемъ мощности и жизни, которое окружаетъ ее на всемъ протяженіи повѣсти. Не менѣе хороша, хотя и въ совершенно другомъ смыслѣ, личность приватъ-доцента, несчастнаго книжнаго червя, въ которомъ книга вытравила всякую жизнь, изсушила его, какъ вяленую волжскую воблу, превративъ его въ какую-то пародію на человѣка. Столкновеніе этого гомункула съ сверкающей жизнью, ослѣпительной въ своей простотѣ и естественности Варенькой ведетъ, конечно, къ самому постыдному для доцента пораженію, и заключительная сцена повѣсти великолѣпна, хотя она-то и вызвала противъ автора злобное и злорадствующее шипѣніе своимъ яко бы сверхнатурализмъ. Кстати отмѣтимъ, что въ новомъ изданіи авторъ значительно отдѣлалъ ее, и въ своемъ настоящемъ видѣ эта сцена не возмутитъ больше болѣзненной щекотливости такихъ проповѣдниковъ чистоты, какъ г.г. Буренины, Ольдджентльмэны и прочая нововременская клика.

Новое изданіе, — бо́льшая часть разсказовъ и повѣстей г. Горькаго уже была издана гг. Чарушниковымъ и Дороватовскимъ и редакціей журнала «Жизнь», — служитъ лучшимъ доказательствомъ той симпатіи, съ какою читатели встрѣтили молодого талантливаго автора. И мы вполнѣ понимаемъ, что, помимо та-

ланта, привлекаетъ нашего читателя къ г. Горькому. Прежде всего и главнымъ образомъ—бодрый и жизнерадостный тонъ его разсказовъ, тотъ всепроникающій духъ свободы, которымъ вѣетъ отъ каждой строчки его произведеній. Какъ бы ни были мрачны и темны порой описанныя авторомъ стороны жизни, а въ жизни пролетаріата такихъ сторонъ достаточно,— но авторъ съумѣлъ выразить ту силу, которою дышитъ, не смотря ни на что, его «босякъ», которая подымаетъ его надъ этою жизнью и влечетъ въ невѣдомую, но тѣмъ не менѣе достижимую страну лучшаго будущаго, гдѣ найдутъ себѣ удовлетвореніе и его справедливыя требованія. Вотъ почему *никогда* его герои не производятъ впечатлѣнія чего-то жалостнаго, жалкаго, требующаго опеки или «жалѣнія»; напротивъ, они сами какъ бы съ сожалѣніемъ относятся къ читателю, удивляются, какъ это онъ не можетъ понять, что они, босяки, избрали въ сущности лучшую участь, потому что они—свободны. И это чувство свободы заражаетъ въ концѣ концовъ и читателя, какъ будто его подняли на вершину горы, откуда открывается видъ на широкіе горизонты, гдѣ такая масса воздуха и свѣта, гдѣ необъятная ширь и раздолье. Герои г. Горькаго, его Челкашъ, Макаръ Чудра, старуха Изергиль, Мальва, Коноваловъ, озорникъ и даже пьяный и злобствующій Орловъ—сильные и смѣлые люди, которые не могутъ, если бы даже того хотѣли, заплѣсневѣть въ стоячей сытой жизни. Они не продали за чечевичную похлебку своего первенства и сохранили потому лучшую часть своего человѣческаго существа—стремленіе къ свободѣ, безъ чего жизнь теряетъ свѣтъ и тепло, смыслъ и значеніе, превращаясь въ жалкое и томительное прозябаніе, въ вѣчныя сѣрыя будни. Жизнь по существу есть вѣчный праздникъ, сіяющій и роскошный, но лишь для того, кто, какъ Макаръ Чудра, понялъ, что для этого жизнь должна быть свободна, свободна отъ тысячи мелкихъ условностей, жалкихъ будничныхъ интересовъ, мелочныхъ страстишекъ и униженій, которыми люди себя опутали и бьются въ нихъ, какъ рыба въ сѣтяхъ, не видя выхода и даже отказываясь отъ него, когда имъ указываютъ на возможность выхода. Читая г. Горькаго, мы проникаемся этимъ жизнерадостнымъ и смѣлымъ настроеніемъ автора, что и объясняетъ освѣжающее впечатлѣніе его произведеній. Г. Горькій великій оптимистъ, онъ любитъ жизнь, вѣритъ въ людей, вѣритъ въ себя, и эту бодрую вѣру внушаетъ и читателю. Въ этомъ его талантъ, его сила и значеніе. *А. Б.*

Ек. Лѣткова. Мертвая зыбь. Повѣсти и разсказы. I. Отдыхъ. Повѣсти и разсказы. II. Спб. 1900 г. 2 тома. Стр. 311+314 in 8°. «Ни одна твоя радость, ни одно твое горе, ни одна твоя мысль не минуютъ меня»... говоритъ Дмитрій Александровичъ Львовъ любимой женщинѣ, когда она объявляетъ ему, что свободна, и слова его глубоко западаютъ ей въ душу: «Тутъ только я поняла, какъ меня любитъ этотъ человѣкъ», говоритъ она въ дневникѣ. Конечно, она чувствовала такъ и раньше, потому что въ тотъ же дневникъ уже занесены тѣ же мысли: «я видѣла, какъ онъ жилъ моею жизнью, точно у насъ была одна душа съ нимъ». Но въ эту рѣшающую минуту ея жизни она почувствовала съ полной силой и яркостью эту сторону его отношенія къ ней,—сторону, которая всегда привлекала ее. Здѣсь было то, что до тѣхъ поръ она такъ мало видѣла и чего вообще въ жизни немного: вниманіе одного человѣка къ другому.

«Невниманіе» проходитъ красною нитью черезъ всѣ разсказы г-жи Ек. Лѣтковой, начиная съ самаго большого—повѣсти «Мертвая зыбь», откуда взяты приведенныя выше слова Львова, и кончая самымъ маленькимъ—картинкой изъ деревенской жизни «Лушка». Та жизнь, которую рисуетъ большинство разсказовъ, самая обыденная, будничная жизнь, безъ яркихъ красокъ, безъ силы, со всей щемящей тоской безконечныхъ, ненужныхъ, но все же въ этой жизни, въ сущности, неизбѣжныхъ, мелочей, съ горемъ и даже съ несчастіями. И во

всѣхъ отношеніяхъ въ этой жизни у людей чувствуешь все одно и то же — невниманіе: люди живутъ рядомъ, одинъ *возлѣ* другого, но *не вмѣстѣ*. Кое-гдѣ есть проблески вниманія, но они только еще ярче, еще рѣзче оттѣняютъ общее невниманіе. Въ этой основной чертѣ несомнѣнная особенность и большое достоинство разсказовъ, хотя не всѣ они, конечно, одинаково выдержаны и жизненны. Съ высказанной нами точки зрѣнія «вниманія и невниманія» мы и постараемся разобраться въ разсказахъ г-жи Ек. Лѣтковой и расмотрѣть, какъ складываются мірскія отношенія, затронутыя ими.

Прежде всего, конечно, рѣчь о тѣхъ отношеніяхъ, гдѣ яснѣе всего должно сказываться «вниманіе и невниманіе», объ отношеніяхъ двухъ людей, сошедшихся по любви, по свободному выбору. У г-жи Лѣтковой о нихъ говорится въ нѣсколькихъ разсказахъ. Въ «Мертвой зыби» это Бармины, мужъ и жена, и Львовъ, въ «Лишней» Ловцовы и Софроновъ, въ «Счастіи» художникъ Трубчинскій и жена его, Меричка. Эти фигуры очерчены опредѣленно и подробно; въ другихъ разсказахъ тѣ же темы затронуты вскользь, но такъ, что отношеніе автора тоже вполнѣ ясно. Въ общемъ картина отрицательная, за исключеніемъ короткаго періода въ отношеніяхъ Елены Борисовны Барминой и Львова, и отношеній Софіи Николаевны Ловцовой и Софронова—всюду невниманіе и отчужденность. Прежде всего это сказывается въ отношеніяхъ между мужемъ и женою, хотя два, выведенныхъ въ разсказахъ, мужа, Барминъ и Ловцовъ, и одна жена, Меричка Трубчинская, въ сущности, добрые и въ общемъ вполнѣ порядочные люди и даже по своимъ понятіямъ любятъ.

Бармины женились по любви, оба были молоды, оба хотѣли жить, не раздумывая, не задумываясь. Сначала имъ жилось хорошо и весело, но очень скоро, незамѣтно для нихъ самихъ, жизнь пошла врозь. У Бармина было свое дѣло, которымъ онъ увлекался, были товарищи, съ которыми онъ любилъ видѣться, и во всей этой жизни жена не занимала какъ-то никакого мѣста; жена была собственностью, драгоцѣнной, правда, и *за которую* онъ и жизнь былъ готовъ отдать, но не человѣкомъ, *которому* онъ бы отдалъ эту жизнь. Назначеніе жены, по мнѣнію Бармина, принести счастіе мужу. Онъ счастливъ, вѣренъ женѣ, чего же больше? Когда жена говоритъ ему о значеніи любви въ жизни, о томъ, «какъ любовь пронизала и освѣтила всѣ великія произведенія человѣческаго генія», онъ ее не понимаетъ; для него любовь—это «романы да свиданія», которые только потеря времени. «Жена и любовь къ женѣ совсѣмъ другое дѣло»; для жены онъ беретъ опредѣленіе— «ноша, привязанная къ спинѣ: и нести можно, и руки развязаны». И жизнь его идетъ, по этимъ взглядамъ, простая и ясная; а жена его въ это время заноситъ въ свой дневникъ: «Да, я счастлива, конечно, очень счастлива. Почему же мнѣ такъ грустно и тяжело жить?» Про мужа она пишетъ: «я искренно люблю его, только... мнѣ скучно съ нимъ». Часто чувствуетъ она потребность выйти изъ своего одиночества, съ кѣмъ-нибудь разобраться въ тѣхъ чувствахъ недовольства жизнью, которыя ей не даютъ покоя и противъ которыхъ она не можетъ найти сама средствъ. Но всѣ ея попытки, правда, слабыя, ни къ чему не приводятъ. По мнѣнію мужа, это блажь отъ ничего недѣланія; одинъ разъ онъ, впрочемъ, какъ будто пытается указать на дѣло—копать клумбы и сажать цвѣты. Часто онъ отдѣлывается просто шуткой—въ его ясной, довольной, рабочей жизни нѣтъ мѣста сомнѣніямъ, не можетъ, значитъ, быть сомнѣній и у жены; онъ и не думаетъ поэтому обратить вниманіе на то, что дѣлается въ ея душѣ. Когда она была дѣвушкой, мать воспитывала ее по своимъ взглядамъ, не считаясь ни съ ея наклонностями, ни съ ея желаніями; при первомъ же появленіи человѣка другихъ взглядовъ, другого настроенія—Бармина, Еленѣ Борисовнѣ стало легче—она нашла отвѣтъ своему молодому желанію веселья, личнаго счастья. Теперь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ личнаго счастья ей прихо-

дится убѣждаться, что она ошиблась, что, какъ тогда мать проглядѣла то, что происходило въ ней, такъ теперь мужъ проглядываетъ ея душу. Сперва она сама не можетъ отдать себѣ вполнѣ отчета въ томъ, чего ей собственно недостаетъ и только появленіе другого человѣка, совсѣмъ другого, чѣмъ тѣ, кого она привыкла видѣть вокругъ себя, открываетъ ей глаза. Ее тянетъ къ нему, потому что его тянетъ къ ней, потому что съ первой же поры ихъ знакомства она чувствуетъ, что она много, очень много въ его жизни, потому что она увидѣла, что есть жизнь, гдѣ люди заняты не своимъ только дѣломъ или самими собой, а и другими, что чувство, мысль, поступокъ другого человѣка имѣютъ для нихъ не меньшее, а часто и большее значеніе, чѣмъ ихъ собственные чувства, мысли и поступки. И вотъ это ее и увлекаетъ—жизнь стала не пустой и одинокой, явилась возможность жить одной, общей жизнью съ другимъ человѣкомъ, а не только рядомъ съ другимъ человѣкомъ вести свою жизнь. Но и тутъ ее скоро должно было постичь разочарованіе: Львовъ, съ которымъ она сошлась, хотѣлъ, конечно, вполнѣ соединить ея жизнь и свою, но такъ, чтобы общее было такимъ, какъ ему хотѣлось; онъ былъ всегда готовъ ввести Елену во все, что его волновало и интересовало, съ тѣмъ, чтобы и она увлекалась тѣмъ же, чѣмъ увлекался и онъ, но ему и въ голову не приходило, что можно было Еленѣ увлекаться и другимъ, и что, какъ онъ вводилъ ее въ свою жизнь, такъ и она должна была его вводить въ свою; онъ былъ полонъ любви и вниманія, пока чувства, желанія и мысли Елены были тѣ же, что и его, но какъ только въ ней заговорили ея собственныя чувства и мысли, онъ тотчасъ отходитъ, недовольный и скучающій. И Еленѣ опять пришлось убѣдиться, что она не нашла того, что искала: общей жизни съ другимъ человѣкомъ; однимъ непосредственнымъ чувствомъ, которое не раздумываетъ и находитъ удовлетвореніе въ самомъ себѣ, жить она не могла, и она уходитъ отъ Львова туда, куда-то на работу, на дѣло, которое, какъ часто думаютъ истерзанные жизнью люди, можетъ служить хотя бы нѣкоторой замѣною личной жизни.

Можно, конечно, сказать, что требованія Елены Борисовны Барминой отъ жизни очень велики и что она потерпѣла крушеніе оттого, что хотѣла невозможнаго. Но неужели невозможна настоящая жизнь вмѣстѣ двухъ людей, неужели невозможно вниманіе одного человѣка къ другому достаточно полное для того, чтобы одинъ человѣкъ думалъ о другомъ не менѣе, чѣмъ о самомъ себѣ? Г-жа Лѣткова на этотъ вопросъ въ другомъ разсказѣ отвѣчаетъ утвердительно.

Когда оставившая мужа, выгнанная имъ изъ дома, Софія Николаевна Ловцова («Лишняя») нашла себѣ домъ у Сергѣя Николаевича Софронова, то она нашла не только пріютъ, тепло, ласку, участіе,—она нашла любовь и вниманіе. Раньше въ жизни она и не помнила «ни одного разу, чтобы мужъ пожелалъ войти въ ея душу, узнать, о чемъ она думаетъ, чего ей не достаетъ, отчего она грустная. Тогда, въ сущности, и Софья Николаевна не сознавала этого и только позже поняла, какъ мужъ просмотрѣлъ ея душевную жизнь». Здѣсь все стало иначе. Когда она тосковала по дѣтямъ, Софроновъ понималъ это, хотя и страдалъ, оттого что не могъ всею своею любовью замѣнить ей дѣтей. Видя его страданія, она старалась скрывать свои, но не выдержала и заболѣла. Во время болѣзни она поняла, что Софронову все понятно и что скрываться отъ него нехорошо.

«Разъ, когда уже Софьѣ Николаевнѣ стало лучше, она, увидя, какъ измѣнился Софроновъ за время ея болѣзни, прошептала:

«— Сережа, прости!.. Не могла я...

«— Полно... за что прощать?

«— Измучила я тебя... Незачѣмъ мнѣ было врываться въ твою жизнь.

«— Оставь, Софьюшка... Себя измучила, правда... Вотъ поправишься, все устроимъ вмѣстѣ... Ему оставимъ Соню, а Лильку—намъ».

Она увидала, что онъ прочелъ въ ея душѣ всю правду, и скрывать больше не могла. Къ сожалѣнію, г-жа Лѣткова не остановилась дольше на положительной сторонѣ затронутаго ею большого вопроса о вниманіи во взаимныхъ отношеніяхъ людей; можетъ быть, впрочемъ, сама жизнь дала ей въ этомъ отношеніи слишкомъ ничтожный матеріалъ? На это какъ будто указываютъ и другіе ея разсказы.

Въ «Чудачкѣ», разсказѣ, немного растянутомъ и съ нѣсколько искусственнымъ концомъ, съ той же точки зрѣнія нарисованы отношенія матери къ дочери—тутъ тоже невниманіе къ жизни и взглядамъ другого человѣка, желаніе кроить жизнь какъ самому кажется лучше, не считаясь съ желаніями, мыслями, чувствами другого человѣка, хотя бы и близкаго.

Во всѣхъ разсказахъ ярко выступаетъ это основное наблюденіе автора, и въ маленькомъ очеркѣ «Лушка», съ совершенной простотой и естественностью, пересказанъ случай, самый съ виду обыденный, гдѣ небрежность, отсутствіе вниманія были толчкомъ, поведшимъ къ трагической развязкѣ.

Конечно, не одинъ вопросъ о вниманіи и невниманіи затронутъ г-жею Лѣтковой, но намъ онъ показался самымъ характернымъ для ея разсказовъ и наиболѣе полно освѣщеннымъ: такъ и чувствуется всюду, что сѣрая жизнь изображенныхъ здѣсь людей могла бы стать совсѣмъ другой, если бы у этихъ людей было другъ къ другу немного больше—вниманія. *Сергѣй Ольденбургъ.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

С. Проппер «Казенная продажа питей и общественное мнѣніе».—*А. Уоллесъ.* «Чудесный вѣкъ».

«Казенная продажа питей и общественное мнѣніе». Изслѣдованіе С. М. Проппера. Спб., 1900 г. Изданіе редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей». Цѣна не обозначена. Изслѣдованіе г. Проппера представляетъ сводъ мнѣній 3.764 корреспондентовъ, отвѣчавшихъ на различные вопросы, связанные съ питейной реформой. Хотя предложенные корреспондентамъ вопросы были однородны и, такимъ образомъ, разслѣдованіе намѣченнаго вопроса совершалось повсюду по однородной программѣ, тѣмъ не менѣе произведенная г. Проппepомъ enquête могла бы получить значеніе и представляла бы цѣнность лишь въ томъ случаѣ, если бы нельзя было усумниться въ «цѣнности» самихъ корреспондентовъ. Между тѣмъ, изъ приложенной къ книгѣ таблицы распредѣленія корреспондентовъ по профессіямъ видно слѣдующее: изъ 3.764 корреспондентовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ чиновники, которыхъ было 438, затѣмъ идутъ купцы — 415, крестьяне — 314, безъ обозначенія профессій—299, учителя — 265, землевладѣльцы — 261, духовныя лица—260, врачи, фельдшера и аптекаря— 187, офицеры—119 и т. д. Здѣсь мы не можемъ не обратить вниманія на то, что таблица эта во многихъ пунктахъ представляется довольно туманной. Таблица, напр., говоритъ, что чиновниковъ среди корреспондентовъ было 438. Но мы не знаемъ, какіе это чиновники, даже не знаемъ ихъ отношенія къ табели о рангахъ. Далѣе, относительно 299 лицъ мы ровно ничего не знаемъ, такъ какъ профессія ихъ вовсе не обозначена. Въ рубрикѣ «врачи, фельдшера и аптекаря» показано общее число—187, но сколько среди нихъ было врачей, сколько фельдшеровъ и сколько аптекарей въ отдѣльности, мы объ этомъ ничего не знаемъ.

При такомъ положеніи дѣла, трудно судить о достоинствахъ собранныхъ г. Проппepомъ свѣдѣній. Между тѣмъ вопросы, предложенные для разрѣшенія

гг. корреспондентамъ, очень интересны и важны. На слѣдующіе вопросы большинство корреспондентовъ дало утвердительные отвѣты: отдаетъ ли населеніе предпочтеніе новой системѣ, довольно ли населеніе казенной продажей, вліяетъ ли казенная продажа на уменьшеніе пьянства, уменьшилось ли дѣтское пьянство, есть ли переносъ пьянства на улицы, уменьшилось ли количество преступленій, улучшилась ли семейная жизнь вообще и т. д. На слѣдующіе вопросы большинство отвѣтило отрицательно: есть ли переносъ пьянства въ семьи и вліяютъ ли сидѣльцы на уменьшеніе пьянства. Такой утвердительный и отрицательный отвѣтъ ничего не рѣшаетъ по существу, и вопросъ о монополіи попрежнему остается открытымъ.

Не можемъ пройти молчаніемъ нѣкоторыя положенія, высказанныя авторомъ во введеніи къ его книгѣ. На стр. XXVIII авторъ говоритъ: «Реформа введена уже въ 35 губерніяхъ, каждый годъ почти расширяется ея районъ и вскорѣ во всей Россіи акцизная система отойдетъ въ область преданія». Напрасно авторъ думаетъ, что казенная продажа отмѣнила акцизную систему взиманія питейнаго налога. Казенная монополія сохраняетъ въ основѣ своей тотъ же акцизъ, установленіе размѣра котораго попрежнему всецѣло зависитъ отъ правительства, а все то новое, что даетъ реформа, сводится къ тому, что казна оставляетъ за собою исключительное право на выдѣлку и продажу спирта, водки и водочныхъ издѣлій.

Далѣе, на стр. XXVI введенія встрѣчается неточность. Казенную продажу вина, говоритъ авторъ, положено ввести съ 1-го января 1895 г. въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, въ видѣ опыта, въ силу Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 8-го іюня 1893 г. Но изъ указаній, находящихся въ докладѣ министра финансовъ о росписи на 1895 г., видно что проектъ казенной продажи вина получилъ движеніе не въ обычномъ, установленномъ для такихъ проектовъ порядкѣ, а по непосредственному докладу министра финансовъ покойному Государю (см. «Вѣстникъ Европы», 1895 года февраль, стр. 854). Э. М—исъ.

Проф. А. Р. Уоллесъ. «Чудесный вѣкъ». Перев. Л. Лакіера. Съ приложеніемъ ст. проф. В. Зомбарта. Соціализмъ и соціальное движеніе въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Перев. Х. Раппопорта. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к. Знаменитый англійскій ученый на порогѣ новаго столѣтія поставилъ цѣлью дать оцѣнку тому вѣку, въ теченіе большей части котораго прошла его собственная, богатая наблюденіями и плодотворная жизнь, подвести итоги успѣхамъ, достигнутымъ человѣчествомъ за этотъ періодъ времени, какъ въ области научнаго познанія, такъ и въ области практическихъ изобрѣтеній и усовершенствованій. Выводъ, къ которому онъ приходитъ въ результатѣ своего труда, тотъ, что и въ томъ, и въ другомъ отношеніи девятнадцатый вѣкъ можетъ быть признанъ исключительнымъ, «чудеснымъ», удивительнымъ столѣтіемъ. «Наше столѣтіе нетолько выше любого изъ ему предшествующихъ, но его можно смѣло противупоставить даже всей предъидущей исторической эпохѣ». Успѣхи, достигнутые въ знаніи міровыхъ силъ, доставили человѣчеству такую власть надъ природой, что практическое примѣненіе этой власти отчасти уже измѣнило, отчасти обѣщаетъ глубоко измѣнить весь характеръ повседневной жизни. Такихъ изобрѣтеній и практическихъ приложеній науки, которыя, открывъ людямъ совершенно новые горизонты, развивались такъ быстро, что оказали глубокое вліяніе на наши обычаи, на наши мысли, даже на нашъ языкъ, авторъ насчитываетъ тринадцать: желѣзныя дороги, пароходство, электрическій телеграфъ, телефонъ, спички, газовое освѣщеніе, электрическое освѣщеніе, фотографія, фонографъ, рёнтгеновскіе лучи, употребленіе анестезирующихъ средствъ въ медицинѣ, употребленіе антисептическихъ средствъ при хирургическихъ операціяхъ, и спектральный анализъ, который, по нашему

мнѣнію, съ бо́льшимъ основаніемъ можетъ быть отнесенъ къ числу теоретическихъ открытій нашего времени, чѣмъ къ практическимъ приложеніямъ науки. Этимъ 13 или 12 первоклассным изобрѣтеніямъ нашего вѣка въ прошломъ могутъ быть противупоставлены только пять такихъ же первоклассныхъ изобрѣтеній: телескопъ, печатный станокъ, морской компасъ, арабскія цифры и письменная азбука, или самое большее—семь, если прибавить къ этому перечню паровую машину и барометръ. Такимъ же образомъ авторъ перечисляетъ главнѣйшія научныя теоріи или принципы, расширившія наши познанія или представленія о вселенной и приходитъ къ выводу, что одинъ девятнадцатый вѣкъ далъ болѣе, чѣмъ всѣ предъидущіе. Авторъ не скрываетъ, что въ оцѣнкѣ роли и значенія того или другого открытія или научной теоріи онъ допускаетъ нѣкоторый произволъ, но полагаетъ, что даже при всѣхъ частичныхъ измѣненіяхъ разница въ сопоставляемыхъ имъ итогахъ такъ велика, что ихъ никакъ нельзя привести къ равенству.

Однако, никакія оговорки не могутъ устранить въ сужденіяхъ автора большой доли субъективизма. Органическій ростъ научнаго знанія и стоящей отъ него въ тѣсной зависимости изобрѣтательности не позволяетъ придавать такую исключительную заслугу въ ходѣ прогресса именно девятнадцатому столѣтію, и утвержденіе Уоллеса, что «наиболѣе важныя изъ существующихъ наукъ и искусствъ явились не просто дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ наукъ и искусствъ прежняго времени, но положительно народились впервые, благодаря накопившемуся знанію міровыхъ силъ и умѣнью господствовать надъ ними», требуетъ провѣрки. Что наше столѣтіе, въ особенности вторая половина его, ознаменовалась особенно ускореннымъ темпомъ въ дѣлѣ открытій и изобрѣтеній, это не подлежитъ сомнѣнію, но указанное явленіе есть результатъ процесса накопленія знаній, который нельзя включить въ узкіе предѣлы одного столѣтія. Автору удается, однако, оставить внушительное впечатлѣніе въ умѣ читателя той сводкой научныхъ и техническихъ успѣховъ девятнадцатаго вѣка, которую онъ даетъ въ рядѣ краткихъ описательныхъ очерковъ, и они-то и составляетъ главную цѣнность его книги.

Не ограничиваясь перечисленіемъ однихъ положительныхъ итоговъ конца вѣка, А. Уоллесъ раскрываетъ и оборотную сторону медали. Во второй части книги онъ останавливается на такихъ явленіяхъ въ сферѣ научнаго движенія и въ развитіи современнаго общества, которыя являются глубокимъ противорѣчіемъ указаннымъ раннѣе успѣхамъ. Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемъ болѣе чѣмъ странное для такого точнаго и осторожнаго ученаго, какъ Уоллесъ, увлеченіе френологіей. Какъ это увлеченіе, такъ и самые пріемы защиты важности и значенія френологіи, какъ науки, употребляемые Уоллесомъ, отзываются чѣмъ-то старческимъ. Въ настоящее время, когда даже болѣе развитая теорія локализаціи функцій головного мозга не вполнѣ выдерживаетъ нападки опытной критики, возвращеніе къ грубымъ представленіямъ френологіи было бы очевиднымъ регрессомъ *).

Гораздо большую цѣну представляютъ указанія автора на такія отрицательныя стороны современнаго общества, какъ продолжающійся и даже возрастающій гнетъ милитаризма, какъ существованіе на-ряду съ неимовѣрнымъ возрастаніемъ богатствъ нищеты, физическаго и моральнаго упадка низшихъ слоевъ общества, возрастаніе числа умопомѣшательствъ, самоубійствъ и преступленій, этихъ показателей глубоко ненормальныхъ условій жизни. Эти страницы хотя и не заключаютъ въ себѣ чего-либо новаго, но дышутъ искренностью и энергіею мысли, не останавливающейся передъ внѣшними препятствіями. Авторъ

*) См. «М. Б.» 1899 г., сентябрь, октябрь, проф. Челпанова. «Ученіе о локализаціи умственныхъ способностей».

развиваетъ даже свой планъ борьбы съ бѣдностью, планъ, набросанный въ общихъ чертахъ и заключающійся въ организаціи труда для производства продуктовъ, потребляемыхъ самими рабочими. Въ заключеніи авторъ является тѣмъ же оптимистомъ, какимъ заявляетъ себя неоднократно въ теченіе изложенія. «Если это столѣтіе представило столь много примѣровъ нашей несостоятельности, оно же дало намъ и надежду на лучшее будущее. Истинная гуманность, твердое намѣреніе уничтожить вопіющее соціальное зло нашего времени, твердая увѣренность, что это зло можетъ быть уничтожено, и наконецъ—непоколебимая вѣра въ человѣческую природу, все это никогда не чувствовалось такъ сильно, такъ бодро и не возрастало такъ быстро, какъ въ настоящее время» (стр. 254). Авторъ указываетъ на то движеніе, которое за послѣднія десять лѣтъ захватываетъ молодое поколѣніе какъ въ высшемъ и наиболѣе развитомъ слоѣ средняго класса, такъ и въ рядахъ рабочихъ. «Народъ начинаетъ понимать дѣйствительныя причины соціальныхъ золъ, которыя теперь вредятъ всѣмъ классамъ одинаково, превращая многіе дары науки изъ благословеній въ проклятія».

Съ ходомъ и принципами этого быстраго воспитательнаго прогресса массъ знакомитъ насъ статья Вернера Зомбарта, приложенная къ книгѣ Уоллеса въ русскомъ изданіи. Ея изложеніе такъ сжато и такъ содержательно, что по отношенію къ ней мы ограничимся лишь тѣмъ, что предложимъ ее особому вниманію читателей. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми положеніями или оцѣнками, даваемыми авторомъ, но слѣдуетъ признать, что, обѣщая оставаться въ теченіи изложенія «въ роли объясняющаго и разъясняющаго явленіе теоретика, который не стремится вліять на направленіе вашей воли, а заботится лишь объ увеличеніи вашего знанія и пониманія, который является къ вамъ не съ факеломъ агитаціи, а со свѣтильникомъ знанія въ рукахъ», авторъ строго выполняетъ свое обѣщаніе. Причисливъ себя къ буржуазнымъ критикамъ Маркса, проф. В. Зомбартъ даетъ примѣръ чисто научнаго отношенія къ тѣмъ тенденціямъ, которыхъ не раздѣляетъ. **М. П—въ.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Б. Брандтъ. «Иностранные капиталы».—*А. Гинкманъ и А. Марксъ.* «Всеобщій атласъ».—*Э. Дюркгеймъ.* «Методъ соціологіи».

Б. Ф. Брандтъ. «Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны». Часть вторая. Иностранные капиталы въ Россіи. Металлургическая и каменноугольная промышленность. Спб. 1899. Цѣна 2 р. 50 к. Неоднократно на страницахъ различныхъ органовъ нашей періодической печати обсуждался вопросъ о томъ значеніи, какое можетъ имѣть у насъ приложеніе иностранныхъ капиталовъ, какъ для экономическаго, такъ и для общественнаго развитія. И рѣшался онъ, въ положительную или отрицательную сторону, не на основаніи строго-провѣренныхъ и достаточно-изобильныхъ фактическихъ данныхъ, а въ зависимости отъ общаго міросозерцанія и симпатій того или иного автора. Если и приводились кое-какія данныя, то они служили скорѣе иллюстраціей апріорно составленныхъ положеній, чѣмъ ихъ доказательствомъ. Заслуга г. Брандта и состоитъ въ томъ, что, въ своей работѣ, рѣшеніе этого важнаго для экономической политики вопроса онъ переноситъ изъ сферы болѣе или менѣе общихъ соображеній на строго-фактическую почву.

Еще въ 1898 г. авторъ выпустилъ въ свѣтъ I часть разбираемаго нами сочиненія, гдѣ онъ выясняетъ теоретическія основанія вопроса и приводитъ данныя объ опытахъ въ этомъ отношеніи иностранныхъ государствъ.

Свое изслѣдованіе авторъ начинаетъ краткимъ историческимъ очеркомъ желѣзнаго производства въ Россіи. Всѣ попытки правительства насадить у насъ эту важную для хозяйственнаго быта страны отрасль производства очень долгое время не приводили къ положительнымъ результатамъ: хотя Петръ Великій и велъ, при помощи иностранцевъ, заграничную торговлю русскимъ желѣзомъ, но о крупномъ значеніи и о расцвѣтѣ желѣзодѣлательной промышленности у насъ можно говорить лишь начиная съ 1880 г., когда, благодаря необычайнымъ усиліямъ и энергіи екатеринославскаго помѣщика, А. Н. Поля, возникло на югѣ «Французское общество криворогскихъ рудъ». Съ этого времени начинаетъ быстро расти производство чугуна, желѣза, стали. До восьмидесятыхъ годовъ производство чугуна въ Россіи прогрессировало очень медленно, между тѣмъ какъ за послѣднія 15 лѣтъ оно увеличилось болѣе, чѣмъ въ четыре раза, поднявшись съ 32,48 мил. пуд. въ 1886 г. до 133,13 м. п. въ 1898 г. Благодаря этому, Россія, по производству чугуна, занимаетъ въ настоящее время пятое мѣсто среди другихъ государствъ, приближаясь по своей производительности къ Франціи.

Этимъ гигантскимъ ростомъ своей чугуноплавильной промышленности Россія обязана, главнымъ образомъ, производительности юга и Царства Польскаго, т.-е. именно тѣхъ двухъ районовъ, въ которыхъ, главнымъ образомъ, и участвуютъ иностранные капиталы, и которые все болѣе и болѣе оттѣсняютъ на задній планъ Уралъ, когда-то безраздѣльно царившій въ этомъ отношеніи. То же самое имѣетъ мѣсто и въ прозводствѣ желѣза и стали. Но этотъ громадный ростъ производства чугуна, желѣза и стали далеко еще недостаточенъ, чтобы вполнѣ удовлетворить имѣющуюся въ нихъ потребность: это съ очевидностью доказывается какъ еще значительнымъ ввозомъ къ намъ этихъ продуктовъ изъ-за границы, такъ и сравнительно высокой цѣной на нихъ и ничтожнымъ процентомъ потребленія чугуна на одного жителя (1,31 пуда). Въ этомъ отношеніи Россія занимаетъ послѣднее мѣсто среди другихъ европейскихъ государствъ, уступая даже Испаніи.

Столь же крупное значеніе имѣлъ приливъ иностранныхъ капиталовъ и для развитія каменноугольной промышленности. И въ этомъ отношеніи сферой приложенія для нихъ явились югъ и Царство Польское. Добыча угля въ Россіи въ 1860 г. не превышала 20 мил. пуд., а въ 1896 г. она достигла уже крупной цифры въ 569 м. пуд., увеличившись, такимъ образомъ, за 36-лѣтній періодъ въ 28 разъ. Несмотря, однако, на этотъ громадный ростъ добычи угля, Россія до сихъ поръ занимаетъ послѣднее мѣсто среди другихъ государствъ какъ по абсолютной производительности минеральнаго топлива, такъ и по количеству потребленія послѣдняго на одного жителя.

Основаніе иностранцами крупныхъ предпріятій, часто въ совершенно пустынныхъ до того мѣстахъ, само собою разумѣется, не можетъ не отражаться на интересахъ различныхъ группъ населенія, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нимъ. Авторъ очень подробно останавливается на выясненіи этого пункта, стараясь учесть приблизительно доходъ землевладѣльцевъ, желѣзныхъ дорогъ, рабочихъ, государства и самихъ предпринимателей. Подробно анализируя собранныя ими данныя, онъ приходитъ къ тому заключенію, «что, въ среднемъ, иностранныя предпріятія даютъ прибыль, меньшую той, какая обычна у насъ въ другихъ предпріятіяхъ». Совершенно невѣрно также ходячее мнѣніе, что затраченные въ Россіи иностранцами капиталы успѣваютъ вернуться на родину въ теченіе 3—4 лѣтъ.

Особенно подробно останавливается г. Брандтъ на выясненіи вліянія иностранныхъ капиталовъ на интересъ рабочаго класса: онъ приводитъ детальныя данныя о заработной платѣ, жилищахъ рабочихъ, о различныхъ учрежденіяхъ, создаваемыхъ предпринимателями для рабочихъ, какъ-то: церквахъ, школахъ, клубахъ, би-

бліотекахъ, столовыхъ, баняхъ, потребительныхъ обществахъ и т. п. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ иностранныя предпріятія стоятъ далеко впереди крупныхъ русскихъ предпріятій, не говоря уже о мелкихъ. «На югѣ и въ Царствѣ Польскомъ,—говоритъ авторъ,—рабочая плата довольно высока, и едва ли найдется въ Россіи еще какой-нибудь промышленный центръ, гдѣ бы существовали такія же высокія рабочія платы». Автору, въ данномъ случаѣ, можно сдѣлать упрекъ: почему онъ, констатируя, за извѣстный промежутокъ времени, ростъ заработной платы на различныхъ заводахъ, не выяснилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и, несомнѣнно, произошедшаго за то же время вздорожанія жизни.

Въ то же время слѣдуетъ отмѣтить, что и въ техническомъ отношеніи иностранныя предпріятія стоятъ очень высоко, нисколько не уступая аналогичнымъ предпріятіямъ за-границей. Такимъ образомъ, и здѣсь вновь подтверждается установленная Шульце Геверницемъ зависимость экономическаго и соціальнаго прогресса отъ прогресса техническаго.

Въ заключительной главѣ своей книги авторъ показываетъ, какъ, подъ вліяніемъ и въ связи съ крупными иностранными предпріятіями, возникъ у насъ цѣлый рядъ новыхъ вспомогательныхъ и побочныхъ отраслей дѣятельности, возникли новыя поселенія, мѣстечки и даже города, и какъ благотворно было ихъ вліяніе на ростъ и благосостояніе многихъ уже существовавшихъ ранѣе городовъ.

Вообще, книга г. Брандта служитъ хорошимъ отвѣтомъ на рѣчи тѣхъ «истинно-русскихъ» публицистовъ, которые, въ своемъ чрезмѣрномъ рвеніи оградить Россію отъ «нашествія иностранцевъ», не стѣсняются смѣшивать воедино Wahrheit und Dichtung, создавая, такимъ образомъ, въ умахъ широкой публики крайне превратное представленіе о той роли, какую могутъ играть и въ дѣйствительности играютъ иностранныя предпріятія, въ дѣлѣ экономическаго и культурнаго преобразованія Россіи въ европейскую страну.

І. Давидовъ.

Проф. А. Л. Гикманъ и А. Ф. Марксъ. «Всеобщій географическій карманный атласъ». Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1900. Цѣна 2 р. Этотъ небольшой, красиво изданный томикъ содержитъ въ себѣ рядъ географическихъ картъ и статистическихъ діаграммъ, изображающихъ въ наглядной, а иногда и остроумной формѣ нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ сторонъ общественной жизни различныхъ европейскихъ и нѣкоторыхъ внѣ-европейскихъ странъ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ наиболѣе интересныхъ данныхъ. Вооруженный міръ обходится Европѣ не дешево: всѣ государства Европы затрачиваютъ въ общемъ итогѣ крупную сумму въ 61.855,9 мил. р., пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ Россіи (361,1 м. р.); за ней слѣдуетъ Франція (340,3), Великобританія (328,7) и Германія (293,1). Если отнести эти затраты на душу населенія, то первое мѣсто займетъ Франція (8,9 рубл.); за ней слѣдуетъ Великобританія (8,3), Нидерланды (6), Германія (5,6), а Россія занимаетъ лишь девятое мѣсто (3,4). Само собою разумѣется, что приведенныя цифры далеко еще не выражаютъ истинной тяжести милитаризма для европейскихъ государствъ, такъ сказать, его удѣльнаго вѣса: для этого необходимо было бы опредѣлить платежную способность жителей различныхъ государствъ.

Съ милитаризмомъ тѣсно связаны государственные долги европейскихъ государствъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ Франція (11.660 мил. р.), за ней слѣдуетъ Россія (6.133 мил. р.), Великобританія (6.037 мил. р), Германія (5.843 мил. р.) и т. д. На душу населенія больше всего приходится въ Португаліи (311 р.); во Франціи—303, въ Россіи—58 р. Ежегодныхъ процентовъ Россія уплачиваетъ 272 мил. р., уступая въ этомъ отношеніи только Франціи.

Отъ отрицательныхъ сторонъ современной культуры перейдемъ къ положительнымъ. По числу учениковъ народныхъ школъ на 1.000 жителей первое мѣсто занимаетъ Великобританія (176), за ней слѣдуетъ Норвегія (174), Швеція (164), а Россія занимаетъ послѣднее мѣсто (26), уступая даже Сербіи. На 1.000 принятыхъ на службу новобранцевъ не умѣли читать и писать: въ Швеціи—1, Германіи—1,1, Даніи—4, Швейцаріи—22, Россіи—617. Ниже ея въ этомъ отношеніи стоитъ Сербія—793. Такъ же невыгодно положеніе Россіи и въ дѣлѣ средняго и университетскаго образованія: одно среднее учебное заведеніе приходится слишкомъ на 100 тыс. жит., одинъ университетъ—слишкомъ на $10^1/_2$ милліоновъ.

По количеству почтовыхъ отправленій на одного жителя первое мѣсто занимаетъ Швейцарія — 110, Россія же (4,8) занимаетъ четвертое отъ конца мѣсто, превосходя въ этомъ отношеніи только Бразилію, Британскую Индію и Турцію.

Мы ограничимся этими немногими извлеченіями изъ «Атласа». Жаль, что составители не помѣстили діаграммъ о потребленіи, напр., мяса въ различныхъ государствахъ, о распредѣленіи богатства.

На отдѣльныхъ картахъ помѣщены прекрасно выполненные разноцвѣтными красками флаги главнѣйшихъ государствъ на земномъ шарѣ, оттиски монетъ, гербовъ. Атласъ снабженъ краткимъ объясненіемъ содержанія помѣщенныхъ въ немъ картъ и діаграммъ.

Цѣна 2 р. не низкая, и издателю можно поставить въ упрекъ, что онъ снабдилъ «Атласъ» очень непрочнымъ переплетомъ. *I. Давыдовъ.*

Эмиль Дюркгеймъ. Методъ соціологіи. Переводъ съ французскаго. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ-Харьковъ. 1899. Цѣна 60 коп. Много усилій затратилъ пытливый человѣческій умъ, чтобы положить основы науки объ обществѣ, науки, которая должна завершить собой и объединить въ одномъ непротиворѣчивомъ гармоническомъ цѣломъ всю совокупность такъ называемыхъ общественныхъ дисциплинъ, изучающихъ различныя стороны одной и той же цѣлостной общественной жизни человѣка. Но до сихъ поръ попытки эти далеко не увѣнчались желательнымъ успѣхомъ: мы не только не имѣемъ какихъ-либо соціологическихъ законовъ, выражающихъ собой необходимую послѣдовательность въ развитіи и сосуществованіи общественныхъ явленій, но до сихъ поръ даже нѣтъ строго установленнаго и общепризнаннаго опредѣленія понятія «общества», т. е. не выясненъ даже въ точности и самый объектъ науки. Не меньше разногласій вызываетъ и методъ изученія.

Мы не думаемъ, чтобы работѣ Дюркгейма суждено было внести ясность и опредѣленность въ это безбрежное и туманное море соціологіи, гдѣ лишь коегдѣ, съ большими усиліями, можно разсмотрѣть слабо мерцающіе огоньки одиноко разбросанныхъ маяковъ. Уже самая исходная точка автора далеко не удовлетворительна: трудно, да и невозможно обойтись въ настоящее время безъ того или иного теоретико-познавательнаго анализа основъ трактуемой области знанія: наощупь, эмпирическимъ путемъ, невозможно придти къ ясному, отчетливому и непротиворѣчивому представленію о задачахъ и характерѣ науки. Это отсутствіе гносеологическаго анализа особенно даетъ себя чувствовать у Дюркгейма въ неясной разграниченности областей соціологіи и психологіи. *Соціальнымъ фактомъ* авторъ считаетъ «всякій образъ дѣйствія, рѣзко опредѣленный или нѣтъ, но способный оказывать на индивида внѣшнее принужденіе»; или иначе: «распространенный на всемъ протяженіи даннаго общества, но имѣющій въ то же время свое собственное существованіе, независимое отъ его индивидуальныхъ опредѣленій».

Отъ этихъ строкъ невольно получаешь впечатлѣніе, словно соціальное явленіе существуетъ какъ-то само собой, независимо отъ живой психологіи че-

ловѣка; тогда какъ въ дѣйствительности единственнымъ носителемъ «соціальнаго» можетъ являться и является лишь эта игнорируемая Дюркгеймомъ индивидуальная психологія человѣка.

Въ дальнѣйшихъ главахъ своей книги Дюркгеймъ преподаетъ рядъ практическихъ правилъ, какими долженъ руководствоваться соціологъ, анализируя общественныя явленія. Онъ вполнѣ правильно указываетъ на то, что «соціальные факты нужно разсматривать, какъ предметъ (des choses)», т. е., какъ нѣчто объективно данное; что необходимо избѣгать всякихъ напередъ составленныхъ представленій о характерѣ и сущности изучаемыхъ явленій.

Такой же характеръ носятъ и его сужденія о правилахъ, которыми необходимо руководствоваться при составленіи соціальныхъ типовъ, о правилахъ относительно доказательствъ и объясненія соціальныхъ явленій.

Въ третьей главѣ, трактующей о «правилахъ, относящихся къ различенію нормальнаго и патологическаго», авторъ высказываетъ нѣсколько рискованное положеніе, что преступленіе не только есть явленіе нормальной соціологіи,—что едва ли можетъ подлежать сомнѣнію,—но что оно въ то же время «*есть факторъ общественнаго здоровья*», составная часть всякаго здороваго общества» (курсивъ нашъ).

Хотя характеръ и содержаніе *преступнаго* и измѣняется, въ зависимости отъ условій мѣста и времени, но едва ли можно считать «факторомъ общественнаго здоровья» *всякій* видъ преступленія. Очень жаль, что авторъ не проанализировалъ, вмѣсто наказуемаго, а слѣдовательно, и преступнаго, при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, свободомыслія, напримѣръ, кражи. Быть можетъ, тогда онъ пришелъ бы къ нѣсколько инымъ выводамъ.

Что касается перевода книги, то, какъ вообще переводы въ изданіи г. Іогансона, онъ не отличается положительными качествами Мѣстами трудно бываетъ даже понять мысль автора. *І. Давыдовъ*.

ФИЛОСОФІЯ.

Эрнестъ Геккель. «Міровыя загадки».

E. Gaeckel «Die Welträthsel». (I) «Міровыя загадки» 1899 г. «Возростающее стремленіе къ познанію истины характеризуетъ наше столѣтіе,—говоритъ авторъ въ предисловіи.—Оно объясняется большими успѣхами которые сдѣлало познаніе природы, и противорѣчіями между данными точной науки и многими старыми представленіями, перешедшими къ намъ по традиціи». Но прогрессу точной науки далеко не соотвѣтствуетъ содержаніе и характеръ нашего міросозерцанія, такъ какъ до самаго послѣдняго времени точная наука и чистая философія почти совершенно игнорировали другъ друга. Банкротство такъ называемой «натурфилософіи» начала нашего столѣтія, построенной на чисто спекулятивномъ методѣ, надолго отбило у философовъ и естествоиспытателей охоту къ соединенной работѣ для рѣшенія великихъ «міровыхъ загадокъ».

Но въ послѣднее время наступилъ поворотъ къ лучшему и на нашихъ глазахъ выдающимися представителями обоихъ до сихъ поръ враждебныхъ лагерей дѣлаются попытки соединенія эмпирическаго и спекулятивнаго методовъ для выработки цѣльной, стройной картины міра, для разрѣшенія послѣднихъ, основныхъ вопросовъ бытія. Къ числу такихъ попытокъ принадлежитъ и названная книга Геккеля. Имя Геккеля, какъ апостола дарвинизма и монистической философіи, какъ выдающагося зоолога и блестящаго популяризатора естествознанія, извѣстно и у насъ въ Россіи. Въ этой книгѣ авторъ, 66-ти-лѣтній старикъ, подводитъ

какъ бы итоги свой полувѣковой неустанной работы, итоги честныхъ порывовъ къ познанію міра, къ познанію самого себя. И появленіе этой книги не случайно совпадаетъ съ наступленіемъ новаго столѣтія; будучи и оставаясь сыномъ XIX вѣка, однимъ изъ лучшихъ носителей его научно-философскихъ идеаловъ, авторъ хочетъ дать наступающему новому вѣку отчетъ за всю свою жизнь, хочетъ дать въ этой книгѣ свое литературное завѣщаніе. Онъ пытается отвѣтить на вопросы: какой ступени въ познаніи истины достигли мы въ концѣ XIX столѣтія? И насколько приблизила насъ напряженная работа нашего столѣтія къ этой отдаленной цѣли—къ рѣшенію «міровыхъ загадокъ»?

Бросивъ взглядъ па культурную жизнь нашего вѣка, какъ среду, въ которой совершается развитіе научной мысли, Геккель приходитъ прежде всего къ неутѣшительному заключенію: познаніе единства всей природы, эволюціонная точка зрѣнія еще слишкомъ мало распространена даже среди образованной публики, среди представителей тѣхъ свободныхъ профессій, которыя задаютъ тонъ нашей общественной жизни—юристовъ, теологовъ, педагоговъ и т. д. А между тѣмъ правильное представленіе о единствѣ природы и мѣстѣ человѣка въ ней, полная эмансипація отъ «маніи величія» антропоцентрическаго взгляда, является необходимымъ условіемъ для правильнаго опредѣленія самихъ «міровыхъ загадокъ». Въ одной изъ своихъ знаменитыхъ академическихъ рѣчей Дюбуа Реймонъ помѣчаетъ семь такихъ міровыхъ загадокъ, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: I. Сущность матеріи и силы; II. Возникновеніе движенія; III. Возникновеніе жизни; IV. Цѣлесообразность въ природѣ; V. Возникновеніе ощущеній и сознанія; VI. Разумное мышленіе и возникновеніе языка, и VII. Вопросъ о свободѣ воли.

Нашъ авторъ кореннымъ образомъ расходится съ Дюбуа Реймономъ въ формулировкѣ «міровыхъ загадокъ», для него какъ мы увидимъ ниже, существуетъ лишь одна загадка—это универсальный всеобъемлющій «законъ вещества» (Substanz Gesetz).

Итакъ, прежде всего необходимо избавиться отъ «антропистическихъ» предразсудковъ, необходимо уяснить себѣ мѣсто человѣка въ природѣ. Этому посвящена первая часть книги, носящая заголовокъ: «Der Mensch». Здѣсь въ четырехъ главахъ производится бѣглый обзоръ данныхъ сравнительной анатоміи и физіологіи, эмбріологіи и палеонтологіи, добытыхъ изслѣдованіемъ за послѣднія нѣсколько десятилѣтій и отводящихъ человѣческому роду—Homo sapiens—скромное мѣсто въ системѣ животнаго міра. Но какое же положеніе отводится въ этой системѣ человѣческой душѣ, человѣческому разуму, являющемуся, по мнѣнію многихъ исключительнымъ достояніемъ и отличительной чертой человѣка? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ во второй части — «Die Seele». Указавъ на положеніе психологіи въ ряду другихъ наукъ, авторъ посвящаетъ цѣлый рядъ главъ выясненію своего взгляда на сущность и ходъ развитія психической жизни въ органическомъ мірѣ. Душевная жизнь, какъ одна изъ формъ проявленія жизни вообще состоитъ изъ ряда измѣненій, протекающихъ въ матеріальномъ субстратѣ жизни—въ протоплазмѣ. Сущность психическихъ процессовъ во всемъ органическомъ мірѣ одна и та же, разница—только количественная—въ степени сложности этихъ процессовъ, зависитъ отъ различной степени дифферцировки ихъ носителей. На низшей ступени жизни, въ мірѣ простѣйшихъ, носителемъ душевной жизни является вся протоплазма—по Геккелю—психоплазма. Поднимаясь выше по лѣстницѣ живыхъ существъ, мы находимъ, что одна изъ разновидностей протоплазмы — «нейроплазма» становится преобладающимъ и подъ конецъ исключительнымъ субстратомъ душевной жизни. Итакъ уже протоплазматическіе простѣйшіе обладаютъ психикой—психика не возникаетъ, а только развивается. Но на этомъ нельзя остановиться: «живое» вещество возникло изъ «мертваго»—не тутъ ли началась

психическая жизнь? На это Геккель отвѣчаетъ: нѣтъ; психика свойственна уже атомамъ первичной матеріи—она составляетъ основу всѣхъ космическихъ процессовъ. Безконечное міровое пространство наполнено первичной матеріей, состоящей изъ атомовъ; атомы эти обладаютъ «ощущеніемъ и волей», въ простѣйшемъ видѣ, конечно. Взаимное сближеніе этихъ атомовъ связано для нихъ съ «чувствомъ пріятнаго» — «Lustgefühl»—вотъ почему въ первобытной матеріи возникаютъ центры сгущенія, являющіеся зародышами будущихъ міровыхъ тѣлъ. Премежутки между этими скопленіями матеріи заняты эфиромъ, являющимся продуктомъ разрѣженія первичной матеріи и представителемъ четвертаго состоянія матеріи—«эфирнаго» состоянія. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ дериватовъ первичной матеріи—массы (вѣсомой) и эфира (невѣсомаго) представляетъ собою основу всѣхъ процессовъ космоса. Благодаря такому опредѣленію психики, цѣлый рядъ «міровыхъ загадокъ», передъ которыми Дюбуа-Реймонъ склонился со своимъ покорнымъ «Ignorabimus», для Геккеля давно рѣшенъ. Остается лишь одна загадка, это—сущность матеріи и энергіи; то, что Геккель называетъ единымъ всеобъемлющимъ, всемогущимъ «закономъ вещества», есть только точная формулировка этой «загадки»—не больше.

Не можетъ-быть и рѣчи о томъ, чтобы передать въ короткой рецензіи содержаніе книги, трактующей столь разнообразные предметы. Мы хотѣли только указать основную концепцію и точку зрѣнія автора. Невозможно также, говоря о такомъ общемъ сочиненіи, указывать на мелкіе пробѣлы и погрѣшности. Здѣсь можно говорить только объ общемъ впечатлѣніи. Общее же впечатлѣніе, вынесенное изъ основательнаго ознакомленія съ этой книгой, надѣлавшей большого шума и пережившей въ полгода 5 изданій, слѣдующее: поскольку авторъ даетъ смѣло набросанную общую картину результатовъ космологическихъ и антропологическихъ наукъ и нѣкоторыхъ непосредственныхъ выводовъ изъ накопившагося матеріала точныхъ наукъ,—цѣль автора достигнута вполнѣ. Но построеніе на этихъ данныхъ цѣлой философской системы не удалось автору: изъ за его «реалистическаго монизма» повсюду между строками проглядываетъ плохо загримированный матеріализмъ; кое гдѣ авторъ самъ сознается въ этомъ; такъ, напримѣръ, во взглядѣ своемъ на сущность психической жизни онъ чистый матеріалистъ, но оправдываетъ это необходимостью противодѣйствія идеалистической школѣ. Мѣстами давно забытыя тѣни Фохта и Бюхнера возстаютъ предъ читателемъ. Монизмъ Геккеля въ основѣ своей догматиченъ—онъ не проводитъ границы между чистымъ опытомъ и метафизикой и кладетъ въ основу свего построенія недоказанную гипотезу—матеріализмъ. Да, правду говоритъ Геккель въ своемъ послѣсловіи: послѣдовательное мышленіе есть рѣдкое явленіе природы! При этомъ авторъ «украдкою киваетъ на Петра»—на критическую философію.

Для будущаго историка эта книга представитъ большой интересъ: читая ее, онъ убѣдится въ томъ, что научный матеріализмъ, пользовавшійся въ серединѣ нашего вѣка такимъ престижемъ, къ концу вѣка настолько пошатнулся что даже предъ самой широкой публикой его приходится наряжать въ новую терминологическую одежду, чтобы имѣть успѣхъ. Законъ приспособленія сказывается и здѣсь, и глубокомысленный историкъ скажетъ: «sic transit gloria mundi»!

С. Ч—хъ.

АНТРОПОЛОГIЯ.

Л. Крживицкiй. «Физическая антропологiя».

Л. Крживицкiй. «Физическая антропологiя. Съ 70-ю рисунками въ текстѣ. Переводъ съ польскаго (при содѣйствiи автора) С. Д. Романько-Романовскаго. Изд. О. Н. Поповой. («Образовательная библiотека». Серiя третья. № 6). Спб. 1900 г. (16° VI+168 стр.). Цѣна 80 к. Г. Крживицкiй уже извѣстенъ русской читающей публикѣ, какъ авторъ «Антропологiи», появившейся въ русскомъ переводѣ въ 1896 году и представляющей одинъ изъ томовъ Павленковской «Популярно-научной библiотеки». Появившаяся теперь «Физическая антропологiя», какъ показываетъ уже самое заглавiе, не преслѣдуетъ тѣхъ широкихъ цѣлей, которыя ставилъ себѣ авторъ въ «Антропологiи», и это обстоятельство, на нашъ взглядъ, благопрiятно отразилось на его новой книжкѣ. Поставивъ себѣ болѣе скромную задачу, авторъ смогъ гораздо обстоятельнѣе выяснить вопросы физической антропологiи. Конечно, при небольшомъ объемѣ книжки онъ не имѣлъ возможности познакомить читателя со всѣми подробностями сравнительно новой науки (да этой задачи онъ и не преслѣдовалъ), но онъ наглядно показалъ, какъ ставятся и разрѣшаются вопросы физической антропологiи и въ какомъ положенiи находится эта наука въ настоящее время. Въ предисловiи (I—VI) авторъ выясняетъ значенiе термина «антропологiя», даетъ краткiя характеристики различныхъ частей этой науки и краткiй историческiй очеркъ ея развитiя. Первая глава книжки занимается методами антропологiи; вторая глава—современнымъ положенiемъ антропологiи; третья глава даетъ обзоръ расовыхъ типовъ, существующихъ въ настоящее время; четвертая трактуетъ о расовыхъ типахъ въ прошломъ; пятая—о классификацiи расъ и, наконецъ, шестая говоритъ о будущемъ расъ. Рисунки, карты и дiаграммы иллюстрируютъ текстъ, а довольно многочисленныя указанiя литературы даютъ возможность желающимъ подробнѣе познакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Таковъ общiй планъ этой книжки, выполненiе котораго можно признать въ общемъ довольно успѣшнымъ, но нельзя не пожалѣть, что книжка въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ носитъ слѣды спѣшной, небрежной обработки.

Отмѣтимъ замѣченные нами недостатки въ этой сторонѣ дѣла. Во-первыхъ, стараясь быть краткимъ, авторъ часто неясно формулируетъ свою мысль; такъ, указывая способы измѣренiя прогнатизма, авторъ говоритъ (стр. 27 сл.): «Плоскость зубномыщелковая (?) служитъ основанiемъ, затѣмъ проводятъ линiю, смотря по системѣ, къ различнымъ точкамъ, лежащимъ посрединѣ лица, напр., носовой, подглазной и т. д., и отмѣчаютъ градусы угла между этой линiей и названной плоскостью» (см. рис. 9 и 10). Какъ извѣстно, изъ одной точки къ плоскости можно провести сколько угодно линiй подъ весьма различными углами, слѣдовательно описанiе автора неясно. Могъ бы помочь этому дѣлу рисунокъ, но, къ сожалѣнiю, и на немъ никакихъ линiй не проведено, такъ что читателю предоставляется догадываться самому. На стр. 113 мы читаемъ: «Пространство между Варшавою и Вислою (?) изрѣзано полосами, идущими съ сѣвера. Онѣ являются результатомъ вторженiя бѣлокурыхъ германскихъ элементовъ, вслѣдствiе чего на прилагаемой антропологической картѣ эти полосы свѣтлѣе остального пространства, болѣе темнаго, населеннаго поляками». На указанной картѣ мы, при всемъ старанiи, не нашли никакихъ полосъ въ «пространствѣ между Варшавою и Вислою». Далѣе читаемъ: «Вообще, гдѣ живутъ въ большомъ числѣ славяне и бокъ-о-бокъ съ ними нѣмцы, мы это можемъ сейчасъ же констатировать на антропологическихъ картахъ. Съ помощью послѣднихъ мы въ состоянiи прослѣдить ростъ славянскихъ элементовъ въ Австрiи. (Вирховъ)». Я не думаю,

чтобы Вирховъ вѣрилъ въ такое таинственное значеніе антропологическихъ картъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы указать, какія это должны быть карты, а то читателю опять приходится догадываться самому.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неясность обусловлена отсутствіемъ объясненій къ рисункамъ и картамъ. Такъ, на стр. 95 говорится о распредѣленіи короткоголовыхъ и длинноголовыхъ въ центральной Европѣ и указывается на то, что оно «совпадаетъ (?) съ великими переселеніями германцевъ, происходившими въ IV—VIII столѣтіяхъ, и съ разселеніемъ древнихъ кельтовъ. Иллюстраціей этому могутъ послужить приведенныя карты». Эти двѣ карты даютъ свѣдѣнія о разселеніяхъ германцевъ и кельтовъ, но ничего не говорятъ объ антропологическихъ типахъ. На стр. 162 читаемъ: «Изъ новѣйшихъ классификацій расъ заслуживаетъ особеннаго вниманія классификація I. Деникера. Фиг. 70 представляетъ его схему взаимнаго родства расъ». Эта фигура представляетъ глазамъ читателя различной, неправильной формы большие и малые кружки, овалы и другія фигуры съ римскими цифрами внутри. Внизу объясненіе, какую расу обозначаетъ каждая изъ 13-ти римскихъ цифръ. Почему эта классификація заслуживаетъ особеннаго вниманія и какъ этотъ рисунокъ выражаетъ родство расъ, читателю такъ и остается неяснымъ.

На стр. 19 (табл. 5) и стр. 100 (фиг. 48) мы замѣтили несоотвѣтствіе между текстомъ и діаграммами. На 92 стр. въ объясненіи знаковъ на картѣ цѣлыхъ три опечатки въ цифрахъ, которыя, однако, возможно исправить по догадкѣ. Нерѣдко авторъ приводитъ въ ковычкахъ слова, очевидно чужія, но не указываетъ, кому они принадлежатъ (стр. 76, 77, 97).

Кромѣ того, мы отмѣтили слѣдующія неточности. На стр. 96 и 97 поляки причисляются къ восточнымъ славянамъ. При всей относительности дѣленія славянъ на группы по странамъ свѣта, мнѣ кажется, невозможно отнести поляковъ къ восточнымъ славянамъ. Кто же тогда западные славяне?

На стр. 151, говоря о значеніи различныхъ способовъ погребенія у различныхъ народовъ для антропологіи, авторъ замѣчаетъ: «...не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы у одного и того же «народа», т. е. племени, имѣющаго своеобразную политическую организацію, существовали въ одно и то же время различные погребальные обряды». На стр. 152 читаемъ: «Львовскій районъ представляетъ смѣшанный характеръ: слѣды обряда трупосожженія существуютъ здѣсь на-ряду съ могилами, въ которыхъ покоится весь скелетъ». Наконецъ на стр. 154: «...если окажется, что обрядъ трупосожженія существовалъ наряду съ обрядомъ погребенія умершихъ (какъ это въ дѣйствительности происходило во многихъ мѣстностяхъ)...» Какъ же, спрашивается, соединить всѣ эти заявленія автора? Если трупосожженіе «во многихъ мѣстностяхъ» существовало на-ряду съ погребеніемъ, то на какомъ основаніи можно утверждать, что одновременное существованіе различныхъ погребальныхъ обрядовъ у одного народа невозможно? Или авторъ полагаетъ, что существующія рядомъ могилы различныхъ формъ погребенія должны принадлежать непремѣнно различнымъ народамъ? Намъ кажется это невозможнымъ въ виду того, что международныя границы въ первобытныя времена очерчиваются рѣзче, чѣмъ въ историческія, и допустить совмѣстную жизнь двухъ народовъ для этихъ временъ врядъ ли возможно. Во всякомъ случаѣ, мы знаемъ, напр., что у индусовъ въ древнѣйшія времена уже существовало и трупосожженіе, и погребеніе. при чемъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы утверждать, что эти виды погребенія были въ употребленіи у различныхъ народовъ, даже въ смыслѣ «племенъ, имѣющихъ своеобразную политическую организацію». Во всякомъ случаѣ и здѣсь мысль автора выражена не вполнѣ ясно.

Всѣ эти недочеты, какъ мы уже сказали, представляютъ на нашъ взглядъ результатъ какой-то поспѣшной небрежности и наводятъ иногда даже на мысль,

что книжка возникла какъ будто изъ разбросанныхъ замѣтокъ, то болѣе полныхъ, то представляющихъ намеки, вполнѣ ясные только для самого автора. Тѣмъ болѣе досадно это обстоятельство, что немного нужно было бы труда, чтобы устранить эти недочеты и сдѣлать книжку очень хорошей. И въ теперешнемъ своемъ видѣ, она можетъ быть очень полезной для первоначальнаго знакомства съ антропологіей. Она требуетъ отъ читателя нѣкотораго вниманія, а при этомъ условіи онъ, конечно, самъ сможетъ разгадать нѣкоторые намеки автора, подробно не развитые. Впрочемъ, за многое въ этихъ недомолвкахъ, быть можетъ, авторъ и не долженъ, и не можетъ быть отвѣтственнымъ...

Д. Кудрявскій.

ГЕОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Л. Василевскій. «Современная Галиція».—*А. Булатовичъ.* «Съ войсками Менелика».—*К. Богдановичъ.* «Геологическое описаніе южной оконечности Ляо-Дунскаго полуострова».

Л. Василевскій «Современная Галиція». Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 80 к. Спб. 1900 г. Съ содержательными и живыми очерками г. Василевскаго читатели нашего журнала уже знакомы. Такъ, у насъ въ разное время были напечатаны его очерки «Изъ жизни мелкихъ культурныхъ народовъ», о чешской матицѣ, о народномъ образованіи въ Чехіи и Галиціи, а также одинъ изъ самыхъ интересныхъ очерковъ, вошедшихъ въ его книгу «Современная Галиція»,—«Земледѣльческіе кружки». Помимо талантливой литературной формы, дѣлающей очерки г. Василевскаго доступными для самой широкой публики, авторъ обладаетъ рѣдкой наблюдательностью и умѣньемъ освѣтить каждое явленіе въ жизни чуждаго намъ народа съ надлежащей точки зрѣнія, наиболѣе важной для русскаго читателя. Въ «Современной Галиціи» эта точка зрѣнія проведена очень ярко, освѣщая огромное значеніе, какое въ развитіи любого народа получаетъ свободная инициатива, не стѣсняемая попечительностью хотя бы самой благожелательной бюрократіи. Исторія Галиціи въ этомъ отношеніи представляетъ примѣръ особо доказательный и наглядный. Съ начала текущаго столѣтія и до второй половины 60-хъ годовъ Галиція была всецѣло во власти нѣмецкой, и притомъ самой худшей — австрійской бюрократіи, которая подавляла не только всякую попытку со стороны кореннаго населенія къ политической жизни, но и къ жизни вообще. «Все, что только имѣло національно-польскій характеръ, подвергалось гоненію. Польскій языкъ былъ устраненъ изъ школъ, судопроизводства и администраціи. Австрійское правительство ничего не дѣлало, чтобы содѣйствовать развитію Галиціи въ хозяйственномъ или культурномъ отношеніи. Совершенно напротивъ, оно прямо тормазило ея развитіе и искусственнымъ образомъ убивало въ зародышѣ всѣ благія начинанія ея жителей». Страна была доведена до глубочайшаго упадка, какъ экономическаго, такъ и духовнаго. Невѣжество народа было сплошное, поголовное. Высшее и среднее образованіе подавлено, прессы не существовало, экономической свободы — никакой. Малѣйшее предпріятіе требовало столькихъ разрѣшеній и эти разрѣшенія были такъ обставлены, что не являлось возможности ничего дѣлать. Страна превратилась въ сплошной разсадникъ нищеты и невѣжества. Такъ было до 1866 года, когда австрійская бюрократія, послѣ цѣлаго ряда пораженій, дипломатическихъ и военныхъ, завершившихся разгромомъ при Садовой, была вынуждена признать свою полную несостоятельность управлять огромной разноплеменной имперіей путемъ предписаній и отношеній. Благодаря энергіи венгровъ, подавленной, но не сломленной русскими штыками,

у австрійскаго чиновничества была вырвана свобода самоуправленія и для несчастной Галиціи. Результаты свободы сказались сразу, и злополучная Галиція воспрянула отъ вѣкового гнета съ необычайной силой и рѣдкой энергіей. Онѣмеченіе, къ которому такъ усиленно стремились нѣмцы въ теченіе почти ста лѣтъ, было сметено и уничтожено въ нѣсколько лѣтъ. Страна покрылась сѣтью школъ, безчисленнымъ количествомъ разнообразнѣйшихъ обществъ самодѣятельности и самопомощи, поднявшихъ культуру страны на общеевропейскій уровень. Въ общеимперскомъ сеймѣ поляки заняли выдающееся мѣсто, и очень часто во главѣ общеимперской политики стоятъ представители того самаго племени, одна принадлежность къ которому была лѣтъ тридцать назадъ уже преступленіемъ въ глазахъ слѣпой реакціонной бюрократіи.

Интереснѣйшія страницы книги г. Василевскаго посвящены дѣятельности многочисленныхъ обществъ и кружковъ самодѣятельности. Въ нихъ интеллигенція и представители сѣрой народной массы дружно работаютъ надъ общимъ просвѣщеніемъ и экономическимъ подъемомъ страны. Работы этой, высококультурной въ истинномъ значеніи, масса, такъ какъ страшная разрушительная дѣятельность бюрократіи оставила послѣ себя такія силы, надъ уничтоженіемъ которыхъ придется поработать еще цѣлымъ поколѣніямъ. Довольно указать хотя бы на польско-русинскія отношенія, надъ обостреніемъ которыхъ бюрократія поработала не мало, стараясь возстановить обѣ народности другъ противъ друга елико возможно. Теперь уже обѣ народности открыли глаза и поняли, что ихъ соединяетъ не только ненависть къ нѣмецкой бюрократіи, но и масса общихъ интересовъ, и плоды этого пониманія съ каждымъ днемъ ощутительнѣе. Конецъ популярности разныхъ ложныхъ благодѣтелей народа, въ родѣ пресловутыхъ отцовъ Наумовичей, лучше всего доказываетъ, что русины и поляки стоятъ на вѣрномъ пути къ взаимному сближенію и пониманію. Борьба, какая ведется лучшими представителями обѣихъ народностей противъ клерикаловъ, говоритъ о томъ же, и равноправность, какою пользуются и русины, и поляки теперь, поможетъ довершить освобожденіе массы народа отъ гибельныхъ послѣдствій клерикально-бюрократическаго режима, сто лѣтъ угнетавшаго Галицію.

А. К. Булатовичъ. «Съ войсками Менелика. Дневникъ похода изъ Эѳіопіи къ озеру Рудольфа». Спб. 1900 г. Ц. 3 р. Вотъ книга, которая не мало порадовала бы бѣднаго «вольнаго казака» Ашинова, если бы этотъ злополучный представитель «вольнаго казачества» могъ ее прочитать. Къ сожалѣнію для автора ея, г. Булатовича, его собратъ по оружію и предшественникъ въ странствіяхъ по Эѳіопіи обрѣтается нынѣ въ домѣ для сумасшедшихъ и не въ силахъ оцѣнить плодовъ своей дальновидной предпріимчивости. Вмѣсто Ашинова, честь оцѣнить подвиги поручика г. Булатовича, его «политическую» программу и ученость, выпала на нашу долю. Заранѣе оговариваемся, что въ нашихъ ничтожныхъ замѣчаніяхъ нами руководитъ одно лишь почтительное уваженіе къ автору, удостоившему насъ своимъ вниманіемъ, и, быть можетъ, безсознательное стремленіе погрѣться въ лучахъ великой славы, добытой г. Булатовичемъ при поголовномъ истребленіи разныхъ негритянскихъ селеній совмѣстно съ «арміей» негуса-негусти Менелика II, который да здравствуетъ вѣчно.

Авторъ, пылая воинственнымъ жаромъ, присоединился къ одной изъ армій этого достославнаго владыки, которыя отъ времени до времени высылаются имъ «на кормленіе» въ смежныя области. Такъ, по крайней мѣрѣ, самъ г. Булатовичъ характеризуетъ цѣль такихъ походовъ воинственныхъ эѳіоповъ, этихъ, по словамъ Гомера, любимыхъ дѣтей солнца. «Въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ,— говоритъ г. Булатовичъ,—вожди эти придерживались одинаковой тактики: каждый изъ нихъ, придя въ новую землю, выбиралъ наиболѣе удобный стратегическій пунктъ и строилъ крѣпость или, вѣрнѣе, лагерь, а затѣмъ начиналъ

производить набѣги на окружающія области... Покорявшимся оставляли ихъ самоуправленіе и царька... области же распредѣляли на *«кормленіе»* (курсивъ и ковычки г. Булатовича) между частями войскъ, причемъ желающимъ изъ солдатъ отводили земельные участки и давали изъ покоренныхъ жителей по нѣскольку крѣпостныхъ. Ради популярности у войска, военачальники, въ свободное отъ военныхъ дѣйствій время, устраивали при своемъ дворѣ нескончаемыя пиршества, отбитые у непріятеля быки закалывались ежедневно десятками, медъ лился рѣкой,—слава вождей росла съ каждымъ днемъ, а съ нею вмѣстѣ увеличивалась и численность ихъ войскъ... средства же завоеваннаго края, разумѣется, истощались» (стр. 54—55). Такую упрощенную политику г. Булатовичъ не только одобряетъ, но и противопоставляетъ ее «растлѣвающей» политикѣ англичанъ и другихъ цивилизованныхъ народовъ. Мало того, во введеніи онъ приглашаетъ и насъ, русскихъ, сочувствовать работѣ Менелика по истребленію окружающихъ Абиссинію народностей, «не только вслѣдствіе политическихъ соображеній, но и изъ чисто человѣческихъ побужденій» («Введеніе»). Политическихъ соображеній поручика г. Булатовича мы не осмѣливаемся касаться,—они намъ, что называется, не по чину. Да и онъ самъ не считаетъ нужнымъ раскрыть читателю свою поручичью политику. Вѣримъ ему на слово, что она высока и плодотворна. Но относительно человѣческихъ побужденій мы не согласны съ г. Булатовичемъ. По крайней мѣрѣ, далеко не «человѣческое» впечатлѣніе выносишь изъ описаній того «цивилизаторскаго» похода, въ которомъ принималъ участіе авторъ. Надо замѣтить, что абиссинскіе солдаты вооружены теперь, благодаря политическимъ соображеніямъ послѣдователей Ашинова, скорострѣльными дальнобойными ружьями и ихъ шайки снабжены крупповскими орудіями, тогда какъ племена, къ которымъ они ходятъ на кормленіе, ничего не имѣютъ, кромѣ луковъ и плохихъ копій доисторическаго производства. И вотъ армія, въ нѣсколько тысячъ (та, въ походѣ которой участвовалъ и нашъ авторъ, имѣла 16.000 регулярныхъ войскъ, вооруженныхъ превосходнымъ европейскимъ оружіемъ), врывается въ первое попавшееся на пути поселеніе негровъ, и здѣсь разыгрываются слѣдующія сцены. Послѣ «аттаки» негры бѣгутъ, абиссинцы ихъ преслѣдуютъ. «Очень часто за однимъ шуро (негрское племя, уничтоженное въ началѣ похода) гналось нѣсколько абиссинцевъ, ни одному не хотѣлось отдать приза сопернику, и они спѣшили другъ передъ другомъ пристрѣлить бѣгущаго. Чтобы укрыться отъ абиссинскихъ пуль шуро влѣзали на высокія деревья, но пули находили ихъ и тамъ, и негры, какъ подстрѣленныя птицы, летѣли оттуда на землю, а побѣдители пронзительными радостными кликами извѣщали товарищей о побѣдѣ. Одинъ старикъ шуро тоже влѣзъ на дерево, но, увидѣвъ, что его замѣтили, быстро спустился на землю и пустился бѣжать. Нѣсколько абиссинцевъ бросились за нимъ въ погоню, но старикъ замѣчательно ловко пробирался сквозь густые колючіе кустарники, перепрыгивая черезъ поваленные стволы деревьевъ... Мы кричали солдатамъ, чтобы они его не убивали, а взяли въ плѣнъ, но вопросъ, кто именно убьетъ или возьметъ въ плѣнъ старика, былъ такъ важенъ для абиссинцевъ, что они, не взирая на наши крики, посылали въ догонку бѣгущему выстрѣлы, къ счастью для него не вѣрные. Наконецъ, старикъ зацѣпился за ліану, упалъ и на него насѣлъ абиссинецъ... Преслѣдовать было больше некого, такъ какъ враги, какъ говорится обыкновенно въ абиссинскихъ реляціяхъ: «кто убитъ былъ—убитъ, а кто бѣжалъ—бѣжалъ», и къ намъ стали возвращаться побѣдители. Въ геройскомъ речитативѣ приходили они повѣствовать начальнику о своей побѣдѣ и, выражая ему свою преданность, кланялись до земли, на что начальникъ отвѣчалъ обычной поздравительной формулой: наконецъ тебѣ повезло»... (стр. 126).

Описаніе такихъ подвиговъ составляетъ все содержаніе книги. Перебивъ

народа «смѣты нѣту», храбрая армія вернулась назадъ, уведя массу плѣнныхъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, которыя во время обратнаго «геройскаго» похода гибли сотнями отъ изнуренія, такъ что казакъ, бывшій деньщикомъ у г. Булатовича, не зараженный «политическими соображеніями» своего начальника и, повидимому, чуждый его «человѣческихъ побужденій», не выдержалъ и заявилъ автору: «страсть какъ жалко смотрѣть на шанкалихъ (шанкала—негръ по абиссински), ваше высокоблагородіе,—идетъ себѣ, качается, потомъ упадетъ и лежитъ. Хозяинъ поднимаетъ, бьетъ, да ужъ силы въ ней, видно, нѣтъ: подняться не можетъ—броситъ онъ и пойдетъ» (стр. 238—239).

Повторяемъ, мы недостаточно свѣдущи въ политикѣ поручика Булатовича и потому не въ силахъ достойно оцѣнить политическое значеніе такихъ «завоевательныхъ дѣйствій» Менелика и его присныхъ. Но, признавая и за собой право судить о человѣческихъ побужденіяхъ вообще, не можемъ не выразить сочувствія деньщику автора, ибо и намъ «страсть жалко шанкалихъ». И намъ стыдно не за негуса-негусти Менелика II,—да царствуетъ вѣчно,—а за насъ, русскихъ читателей, которыхъ авторъ, бывъ свидѣтелемъ всего имъ описаннаго, тѣмъ не менѣе, не краснѣя, приглашаетъ «сочувствовать» намѣреніямъ абиссинской политики, «не только вслѣдствіе политическихъ соображеній, но и изъ чисто человѣческихъ побужденій» («Введеніе»). Спрашивается, какого же мнѣнія г. Булатовичъ о своихъ русскихъ читателяхъ? Истребленіе тысячъ негровъ съ помощью усовершенствованнаго оружія, охота за людьми, какъ за дикими звѣрями, сотни плѣнныхъ «шанкалихъ», падающихъ жертвами этихъ походовъ,—развѣ все это не имѣетъ никакого отношенія къ нашимъ человѣческимъ чувствамъ? Можетъ быть, къ чувствамъ г. Булатовича и не имѣетъ,—это его дѣло. Но «насъ, русскихъ», право, не дурно бы оставить въ покоѣ гг. Булатовичамъ, Леонтьевымъ и прочимъ послѣдователямъ злополучнаго Ашинова.

К. И. Богдановичъ. «Геологическое описаніе южной конечности Ляо-Дунскаго полуострова въ предѣлахъ Квантунгской области и ея мѣсторожденія золота». Спб. 1900 г. Буря на Дальнемъ Востокѣ, такъ неожиданно для всѣхъ разыгравшаяся, привлекаетъ общее вниманіе къ нашимъ владѣніямъ на берегу Великаго Океана. Поэтому особое значеніе получаетъ каждое свидѣтельство, каждое изслѣдованіе, безпристрастно и научно знакомящее насъ съ характеромъ этой отдаленной мѣстности, ея населеніемъ, съ разными сторонами жизни и проч. Къ числу такихъ изслѣдованій безспорно принадлежитъ работа горнаго инженера К. И. Богдановича, обслѣдовавшаго Квантунгскую область, вблизи Портъ-Артура, въ цѣляхъ изысканій мѣсторожденій золота. Работы велись имъ въ концѣ 1898 г. и захватили всю южную оконечность Ляо-Дунскаго полуострова, самую южную часть котораго составляетъ Квантунгъ съ городомъ Портъ-Артуромъ. Г. Богдановичъ, не смотря на спеціальный характеръ своей задачи, даетъ на-ряду съ чисто-геологическими описаніями, которыхъ мы, конечно, не станемъ касаться, и очень интересные очерки мѣстной жизни. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ прошелъ экспедиціоннымъ порядкомъ всю южную оконечность Ляо-Дуна, въ сопровожденіи нанятаго имъ китайскаго переводчика и двухъ казаковъ съ вьючными лошадьми, находясь все время среди китайскаго населенія, заглядывая по ходу работъ въ мѣста, вполнѣ уединенныя и далекія отъ русскихъ военныхъ постовъ.

Какъ можно судить по его многочисленнымъ отзывамъ, все время онъ встрѣчалъ наилучшее отношеніе со стороны мѣстныхъ жителей, оказывавшихъ ему очень цѣнныя услуги при развѣдкахъ своими указаніями и охотнымъ предложеніемъ работать при шурфовкѣ и промывкѣ песковъ. Онъ пишетъ, напр., что «китайцы деревни Тхань-дя-тунь, заинтересовавшись моею работой (промывалъ я самъ въ ковшѣ), разговорились, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ что по этой рѣчкѣ теперь трудно найти золото, что они сами ищутъ здѣсь только лѣтомъ,

когда обильными дождями намываетъ по косамъ немного золота; этотъ же китаецъ предложилъ свои услуги для промывки бортовыхъ пробъ въ китайскомъ лоткѣ, который онъ находилъ болѣе практичнымъ, чѣмъ мой ковшъ; немедленно былъ принесенъ китайскій лотокъ; оказалось, что у многихъ крестьянъ этой деревни имѣются лотки. Одна изъ пробъ дала ничтожную золотинку, чрезвычайно обрадовавшую китайцевъ... Эти же китайцы первые указали мнѣ, чтобы я ѣхалъ искать золото въ деревню Пао-лян-дза, гдѣ мѣстные жители давно уже добываютъ золото много успѣшнѣе, чѣмъ они. Дружески простившись съ чрезвычайно привѣтливыми ко мнѣ крестьянами, я направился къ вечеру мимо западнаго склона Та-ку-шаня» (стр. 25). Всѣ сношенія г. Богдановича съ мѣстнымъ населеніемъ, по большей части *никогда* или очень мало не видавшимъ европейца, были для обѣихъ сторонъ, повидимому, очень пріятны. Присутствіе казаковъ, необходимыхъ для маленькаго каравана ученаго изслѣдователя въ качествѣ работниковъ при лошадяхъ и вьюкахъ, изрѣдка, и то лишь временно, вызывало смущеніе. «Въ Синг-пинь-дао,—пишетъ г. Богдановичъ,—мнѣ хотѣлось остановиться именно въ селеніи Бей-ко-коу, гдѣ постоялаго двора не было. Такъ какъ самъ хозяинъ дома былъ въ отсутствіи на базарѣ въ Синг-пинь-дао, то мужчины китайцы стѣснялись пустить насъ въ домъ, видя со мною двухъ казаковъ, которые уже къ этому времени не пользовались особой симпатіей населенія; когда же женщины увидали, что со мною ѣдетъ также женщина, моя жена; онѣ стали упрашивать остановиться именно у нихъ въ домѣ; женщины проявили столько гостепріимства, что когда вечеромъ вернулся хозяинъ, то онъ, кажется, не сразу узналъ обстановку своего дома,—такъ гостепріимныя хозяйки, отъ древней старухи, матери хозяина, до послѣдней дѣвочки подняли все вверхъ ногами изъ желанія угодить намъ» (стр. 66).

Заканчивая свой отчетъ, г. Богдановичъ дѣлаетъ общее замѣчаніе, очень любопытное и характерное. Слѣдуетъ помнить, что его работы велись всего за годъ съ небольшимъ до начала общаго движенія китайцевъ противъ европейцевъ. «Вообще, знакомство съ китайцемъ на мѣстѣ въ различныхъ случаяхъ его жизни не оправдываетъ представленія о немъ, какъ о сухомъ эгоистѣ, какое составляется по описаніямъ многихъ путешественниковъ. Не могу не упомянуть, что ни разу на Ляо-Дунѣ я не слышалъ по своему адресу даже извѣстнаго ругательства «заморскимъ чортомъ», хотя часто китайцы принимали меня не за русскаго чиновника, а за миссіонера. Послѣднему обстоятельству надо, по всей вѣроятности, приписать и то, что почти въ каждомъ селеніи къ намъ обращались больные за лѣкарствами. Вѣра въ европейскія лѣкарства здѣсь настолько уже сильна, что раза два невозможность помочь прямо приписывалась больными моему нежеланію, что съ грустью и высказывалось ими» (стр. 228).

Какъ все это далеко отъ категорическихъ заявленій нашихъ доморощенныхъ «китайцевъ» изъ «Новаго Времени», «Свѣта» и прочихъ патріотическихъ газетъ, будто современное движеніе направлено противъ европейской цивилизаціи именно за ея *цивилизацію!* Мы склонны думать, что въ настоящемъ движеніи проявляется скорѣе то самое чувство, которое г. Богдановичъ осторожно отмѣчаетъ относительно казаковъ, не пользовавшихся «особыми симпатіями» китайцевъ, и надо полагать—не безъ основанія. Дружескія отношенія автора къ рабочимъ-китайцамъ, между прочимъ, тоже имѣли весьма реальную подкладку,—онъ «счелъ необходимымъ повысить имъ поденную плату до 40 к., а также повысить плату за одинъ *чень* (78 долей) золота до 4 р.» Такой путь всегда и вездѣ ведетъ къ миру и сближенію, и современныя событія только напоминаютъ эту старую истину тѣмъ, кто ее забылъ.

А. Б.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го іюня по 15-е іюля 1900 года).

Сборникъ статистич. свѣд. по Уф. губ. Т. VII. Ч. I. Изд. Уф. губ. зем. упр. Уфа. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.

П. Богдановичъ. Изъ уроковъ по русской словесности. Кіевъ. 1900 г. Ц. 2 руб.

А. А. Русовъ. Описаніе Черниговской губ. Т. I и II. Изд. ред. «Земск. сборника Черниг. губ.». Черниговъ. 1898 г.

Арсеній Яриловъ. Въ защиту науки и приговоренныхъ къ смерти. Юрьевъ. 1900 г. Ц. 1 руб.

И. И. П—скій. Трагедія чувства. Критическій этюдъ. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

Проф. А. В. Пель. Теорія спермина. Спб. 1899 г. Изд. журн. Медецинской химіи и органотерапіи.

Проф. Е. Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Т. I. Казань. 1900 г. Ц. 1 руб.

Матеріалы къ выясненію вопроса объ обезпеченіи горнорабочаго населенія Перм. губ. въ продовольственномъ отношеніи. Пермь. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.

П. Лафаргъ. Умственный трудъ и машина. Перев. съ франц. Изд. А. Ю. Маноцковой М. 1900 г. Ц. 45 коп.

В. Г. Бажаевъ. Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европ. Россіи. Изд. К. Тихомирова. М. 1900 г. Ц. 1 р. 35 к.

В. Кв. Новое русское правописаніе. I. Введеніе. Орелъ. 1900 г. Ц. 15 коп.

Ѳ. В. Езерскій. Какъ легче изучить счетоводство. Изд. Об—ва счетоводовъ. Спб. 1900 г.

Н. И. Тезяковъ. I. Заболѣваемость населенія Ворон. губ. въ 1898 г. II. Частный обзоръ главнѣйшихъ заразныхъ заболѣваній. Сост. Тезяковымъ, Успенскимъ и Сергіевскимъ. Изд. Ворон. губ. земства. Воронежъ. 1900 г.

Н. И. Тезяковъ. Объ основаніяхъ и формахъ участія губернскихъ земствъ въ борьбѣ съ эпидеміями. Изд. Медецинск. департамента мин. внут. дѣлъ. Спб. 1900 г.

I. Клаузнера. Ново-еврейская литература XIX вѣка. Изд. «Тушія». Варшава. 1900 г. 50 коп.

Н. А. Полетаевъ. Шекспиръ и Ierингъ или что такое борьба за право? Спб. 1900 г. Ц. 40 коп.

Отчетъ Нижегородской городской общ. библ. за 1899 г. Нижній-Новгородъ. 1900 г.

В. Заболотный. Опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса что такое война? Варшава. 1900 г. Ц. 70 коп.

В. С. Шевича. О повѣренныхъ. Статья. Спб. 1900 г.

Описаніе двухкласснаго училища при ст. Екатеринославъ. Екатеринославъ. 1899 г.

Отчетъ о дѣятельности правленія Ставропольскаго Общ—ва помощи бѣднымъ за 1898 г. Ставрополь. 1900 г.

Проф. Е. Бобровъ. Философія въ Россіи. Вып. IV. Казань. 1900 г. Ц. 1 р. 70 к.

Д-ръ Бубисъ. Очеркъ составлен. къ юбилею 50-ти-лѣт. дѣятельности лабораторіи проф. докт. химіи А. В. Пеля, бывш. В. В. Пеля. Спб. 1900 г.

Дугласъ Арчибальдъ. Атмосфера. Перев. съ англ. подъ ред. В. А. Герда. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 80 коп.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностран. городовъ. Вып. XI. М. 1900 г.

Н. Іорданскій. Краткій очеркъ развитія начальн. образ. въ Н.-Новгородѣ. Н.-Новгородъ. 1900 г.

Ѳ. Курти. Исторія народн. законодательства и демократіи въ Швейцаріи. Перев. съ нѣм. Г. Ѳ. Львовича. Спб. Изд. т—ва «Знаніе». 1900 г. 1 руб.

Ф. О. Гертцъ. Аграрные вопросы. Съ предисловіемъ Э. Бернштейна. Перев. А. Ильинскаго. Ред. Д. Протопопова. Спб. Изд. т—ва «Знаніе». 1900 г. Ц. 80 коп.

Сборникъ статистич. свѣдѣній по Уфимской губ. Т. VI. Златоустовскій уѣздъ. Изд. Уфим. губ. зем. управы, подъ ред. Ве-

лецкаго. Ц. 2 р. 50 коп. съ перес. Самара. 1900 г.

Сборникъ статистич. свѣдѣній по Уф. губ. Прилож. къ III-му тому. Мензелинскій уѣздъ. Изд. губ. зем. упр. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкой. Самара. 1900 г.

Обзоръ Уфим. губ. въ сельскохозяйств. отнош. за 1898 и 1899 г. Вып. Изд. Уфимск. губ. зем. упр. Ц. 1 руб. Уфа. 1900 г.

Отчетъ Рязанскаго Об—ва устройства народныхъ развлеченій 1899—1900 г. Рязань. 1900 г.

Густавъ Карпелесъ. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣм. С. Гринберга. Вып. 1-ый. 1900 г. Ц. 30 к.

Казенная продажа вина. Изд. Главн. управл. неокладн. сборовъ и казен. продажи питей. Спб. 1900 г.

Художн. Верещагинъ. Въ Севастополѣ. Разсказъ. М. 1900 г. Ц. 40 коп.

Эмиль Фагэ. Политическіе мыслители и моралисты XIX вѣка. Перев. съ франц. Л. И. Коганъ и П. А. Рождественскаго. М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Гербертъ Спенсеръ. Цѣломудріе, бракъ и и родительство. Перев. и изд. Л. А. Золотарева. М. 1900 г. Ц. 30 коп.

Л. А. Золотаревъ. Этика брака. М. 1900 г. Ц. 30 коп.

Бьернстьерне - Бьернсонъ. Единобрачіе и многобрачіе. Изд. Л. А. Золотарева. М. 1900 г.

Воспоминанія о Карлѣ Брюлловѣ. Князя Гагарина. Спб. 1900 г. Ц. 40 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Travels through the Alps». By the late James D. Forbes. New edition, revised and annotated by W. A. Coolidge. London. (*A and C. Black*). (*Странствованія по Альпамъ*). Автора этой книги называютъ «отцомъ англійскихъ горныхъ туристовъ», такъ какъ онъ былъ первымъ англичаниномъ, совершившимъ восхожденіе на нихъ въ 10.000 футъ высоты. Онъ ежегодно отправлялся на Альпы, изслѣдовалъ и изучалъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Его книга объ Альпахъ не только заключаетъ въ себѣ интересныя описанія его восхожденій и приключеній, но также много научныхъ наблюденій, касающихся движенія ледниковъ, атмосферныхъ явленій и т. д.

(Daily News).

«Social and political pioneers» by Ramsden Balmforth. London. (*Sonnenschein and C⁰*). (*Соціальные и политическіе піонеры*). Въ своемъ предисловіи авторъ выражаетъ надежду, что его книга будетъ полезна всѣмъ, интересующимся соціальными вопросами и въ особенности тѣмъ, кто спеціально занимается соціальными и промышленными движеніями XIX вѣка. «Руководствуясь этою точкою зрѣнія, авторъ помѣщаетъ въ своей книгѣ одиннадцать краткихъ біографій такъ подобранныхъ, что онѣ всѣ вмѣстѣ представляютъ историческій очеркъ важнѣйшихъ соціальныхъ реформъ нашего столѣтія и развитія тѣхъ идей, которыя дали толчокъ къ этимъ реформамъ. Книга раздѣлена на двѣ части, первая—чисто біографическая, вторая заключаетъ въ себѣ обзоръ дѣятельности человѣка въ области соціальныхъ вопросовъ. Историческій очеркъ чартистскаго движенія и трэдъ-юніонизма занимаетъ добрую половину второй части. Надо отдать справедливость автору, что онъ составилъ очень интересную и полезную книгу во всѣхъ отношеніяхъ.

(Daily News).

«Sociale Rundschau», herausgegeben vom arbeitsstatistischen Amte im österreichischen Handelsministerium. Jährlich 12 Hefte. Wien. (*Соціальное обозрѣніе*). Подъ этимъ заглавіемъ статистическое отдѣленіе министерства торговли въ Вѣнѣ издаетъ ежемѣсячное обозрѣніе съ очень широкою программой, такъ какъ въ нее входитъ изслѣдованіе соціальнаго движенія не только въ Австро-Венгріи, но и въ другихъ странахъ.

(Frankfurter Zeitung).

«Schopenhauer, Hamlet. Mephistopheles» Von Friedrich Faulsen, prof. der Philosophie und Pädagogik an der Berlines Universität (*Herts*). (*Шопенгауэръ, Гамлетъ, Мефистофель*). Извѣстный профессоръ Берлинскаго университета Паульсенъ издалъ три очерка, посвященные исторіи пессимистическаго движенія, воплотившагося въ двухъ литературныхъ образахъ: Гамлетѣ и Мефистофелѣ и наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго Паульсенъ считаетъ Шопенгауэра.

(Frankfurter Zeitung).

«Dokumente der Frauen» Halbmonatschrift. Herausgegeben Wien von Auguste Fickert, Marié Lang und Rosa Mayreder. (*Документы женщинъ*). Въ этомъ журналѣ, выходящемъ тетрадками два раза въ мѣсяцъ, заключаются не только всѣ данныя и свѣдѣнія, касающіяся женскаго движенія, но и статьи по разнымъ соціальнымъ вопросамъ. (Frankfurter Zeitung).

«Les chinois chez eux» par. E. Bard. Paris. (*Armand Colin*). (*Китайцы у себя дома*). Авторъ дѣлится съ читателями своими личными наблюденіями и впечатлѣніями во время поѣздки по Китаю. Побывавъ въ Шанхаѣ, Пекинѣ, Нингпо, Кантонѣ и Тянь-Цзинѣ, авторъ вынесъ оттуда довольно основательное знакомство съ китайскимъ бытомъ, который чрезвычайно заинтересовалъ его. Очерки Китая написаны очень живо и читаются съ большимъ интересомъ. (Temps).

«Superstition, crime et misère en Chine» (*Souvenir de biologie Sociale*) *par le docteur I. I. Matignon. Paris.* (*Masson*). (*Суевѣріе, преступленіе и нищета въ Китаѣ*). Въ этой книгѣ авторъ, состоявшій врачомъ при французскомъ посольствѣ въ Пекинѣ, изображаетъ тотъ Китай, который обыкновенно ускользаетъ отъ взгляда путешественниковъ и европейцевъ, живущихъ въ Ки-

таѣ. До сихъ поръ еще Китай представляетъ закрытую книгу для европейца и авторъ отчасти раскрываетъ ее передъ читателемъ, рисуя ему картины соціальной жизни Китая, суевѣрій и преступленій.

(Temps).

«*Government or Human Evolution*» *by Edmond Kelly. London.* (*Longmans, Greenand C*°). (*Правительство или человѣческая эволюція*). Авторъ дѣлаетъ попытку установить научныя основы соціологіи на различіи между сознательною жизнью человѣка и жизнью остальной вселенной, которую онъ именуетъ «природой» (Nature). Въ одной изъ главъ, озаглавленной «Is Society an Organism?» (представляетъ ли общество организмъ?) авторъ разбираетъ органическую теорію, заимствуя у Спенсера его основныя положенія. Аргументація автора очень искусна, но во многихъ случаяхъ недостаточно убѣдительна.

(Daily News).

«*La vie sociale de notre temps*» *notes, opinions et revêries d'un positiviste, par Antonie Baumann.* (*Соціальная жизнь нашего времени*). Авторъ,—явный послѣдователь Тэна, и идеи этого французскаго писателя отражаются въ его соціологическихъ очеркахъ, въ которыхъ онъ изображаетъ французскую провинціальную жизнь.

(Temps).

«*An Itroduction to Englisch Politics*» *by John Robertson. London.* (*Grant Rihards*). (*Введеніе въ англійскую политику*). Въ цѣломъ рядѣ бѣглыхъ, но мастерски написанныхъ историческихъ очерковъ авторъ даетъ картину соціальной и политической эволюціи націи. Многое вызываетъ осужденіе автора, который въ особенности возстаетъ противъ «мегаломаніи въ политикѣ» и злоупотребленія «священнымъ правомъ раціональности», которое является источникомъ войны, а не братства народовъ. (Daily News).

«*Philosophie der Fahrrades*» *von Eduard Betz. Leipzig* (*Reissues*). (*Философія велосипедной ѣзды*). Подъ такимъ вычурнымъ и не совсѣмъ удачнымъ названіемъ авторъ издалъ весьма интересную книгу, представляющую какъ бы естественную исторію велосипеда и исторію развитія этого спорта въ наше время. Авторъ говоритъ о тѣхъ важныхъ открытіяхъ, которыя связаны были съ изобрѣтеніемъ велосипеда и затѣмъ пускается въ весьма пространныя, но въ то же время осторожныя разсужденія о вліяніи велосипеда на теченіе современной жизни, политику, общественные вопросы и т. д. (Frankfurter Zeitung).

«*Politics and Administration*» *A study in government. By Frank I. Goodwon, Professor of administrative Law in Columbia University. New York.* (*MacmillanCompany*). (*Политика и администрація*). Книга американскаго професора представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію политическихъ системъ и администрацій. Профессоръ подвергаетъ критическому разбору господствующую политическую и административную систему въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Manchester Guardian).

«*More Colonial Homestead's and their Stories*» *by Marion Harland. New York.* (*Putnam's Sons*). (*Колоніальныя поселенія и ихъ исторія*). Это очень замѣчательная книга. Авторъ сообщаетъ свои личныя воспоминанія и приводитъ разсказы и свѣдѣнія, заимствованныя изъ достовѣрнаго источника, касающіяся первоначальнаго устройства и возникновенія многихъ колоніальныхъ поселеній въ Америкѣ. Книга прекрасно иллюстрирована.

(Manchester Guardian).

«*The School and Society*» *Being three Lectures by John Dewey Professor of Pedagogy in the University of Chicago. London.* (*King and son*). (*Школа и общество*). Въ книгѣ заключаются три лекціи выдающагося американскаго писателя по философскимъ вопросамъ и профессора педагогики въ Чикагскомъ университетѣ. При университетѣ Чикаго три года тому назадъ была открыта элементарная школа со спеціальною цѣлью дать возможность профессору примѣнять на практикѣ свои педагогическія теоріи, основанныя на результатахъ психологической и этической науки. Эта школа является какъ бы лабораторіей для демонстраціи и опытовъ и профессоръ въ своихъ лекціяхъ излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій и свои взгляды на проблему школьной жизни.

(Manchester Guardian).

«*Village Life in China*» *a Stydy in Sociology by Arthur Smith. London.* (*Oliphant*). (*Деревенская жизнь въ Китаѣ; соціологическій очеркъ*). «Никогда еще такъ много не говорили о Китаѣ, какъ теперь,—замѣчаетъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, и интересъ къ этой странѣ вѣроятно продлится долго. Все, что можетъ способствовать лучшему пониманію китайскаго народа, должно въ то же время помочь разрѣшенію китайскаго вопроса». Съ этою именно цѣлью авторъ предлагаетъ читателямъ свою характеристику китайцевъ. Авторъ долго жилъ въ Китаѣ и изучилъ его. По его словамъ, деревня—это микрокозмъ китайскаго государства. Въ деревнѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся жизнь этой громадной страны, но только въ миніатюрѣ. Авторъ чрезвычайно живо рисуетъ жизнь сельскаго населенія и хотя онъ ловко подмѣчаетъ комическія стороны и порою заставляетъ смѣяться читателя, но общій тонъ картины, которую онъ изображаетъ въ своихъ очеркахъ, производитъ грустное впечатлѣніе. Въ ряду сочиненій о Китаѣ,

появившихся въ послѣднее время, книга эта по своей занимательности должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ.

(Literary World).

«Thomas Paine (1737 — 1809) et la Révolution dans les deux Mondes» par Daniel Conway. (Томасъ Пэнъ и революція въ двухъ мірахъ). Чрезвычайно интересная личность героя этой книги, энергичнаго борца за независимость сѣверо-американской республики, обрисована очень живо и мѣтко авторомъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи большой историческій матеріалъ. (Journal des Débats).

«In European Settlements in the Far East» (Sampson Low). (Въ европейскихъ поселеніяхъ на дальнемъ востокѣ). Анонимный авторъ этой книги описываетъ въ ней поселенія европейцевъ на берегахъ и островахъ дальняго востока. Онъ начинаетъ съ Владивостока и Николаевска, затѣмъ переходитъ къ Японіи и Формозѣ, корейскимъ портамъ и Китаю. Далѣе идутъ Сіамъ, Малакка, голландскія поселенія въ Малайскомъ архипелагѣ, Борнео и Филиппины. Къ книгѣ приложены прекрасныя иллюстраціи изображающія разныя характерныя сцены въ главныхъ центрахъ европейскихъ торговыхъ сношеній. (Manchester Guardian).

«Les Curiosités de la Médécine» par Le docteur Cabanès (Maloine). (Курьезы медицины). Авторъ собралъ въ своей книгѣ всѣ диковинные факты, относящіеся къ области медицинскаго искусства. Свой трудъ авторъ раздѣлилъ на три части: въ первой сгруппированы всѣ факты, относящіеся къ происхожденію медицины и ея различныхъ отдѣловъ, вторая часть посвящена различнымъ органамъ человѣческаго тѣла, всевозможнымъ извращеніямъ вкуса и особенностямъ строенія, а въ третьей авторъ описываетъ разныя уклоненія и особенности нервной системы, болѣзненныя эмоціи, ложныя ощущенія и т. д.

(Journal des Débats).

Издательница А. Давыдова. **Редакторъ Викторъ Острогорскій.**

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) *Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи*. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.